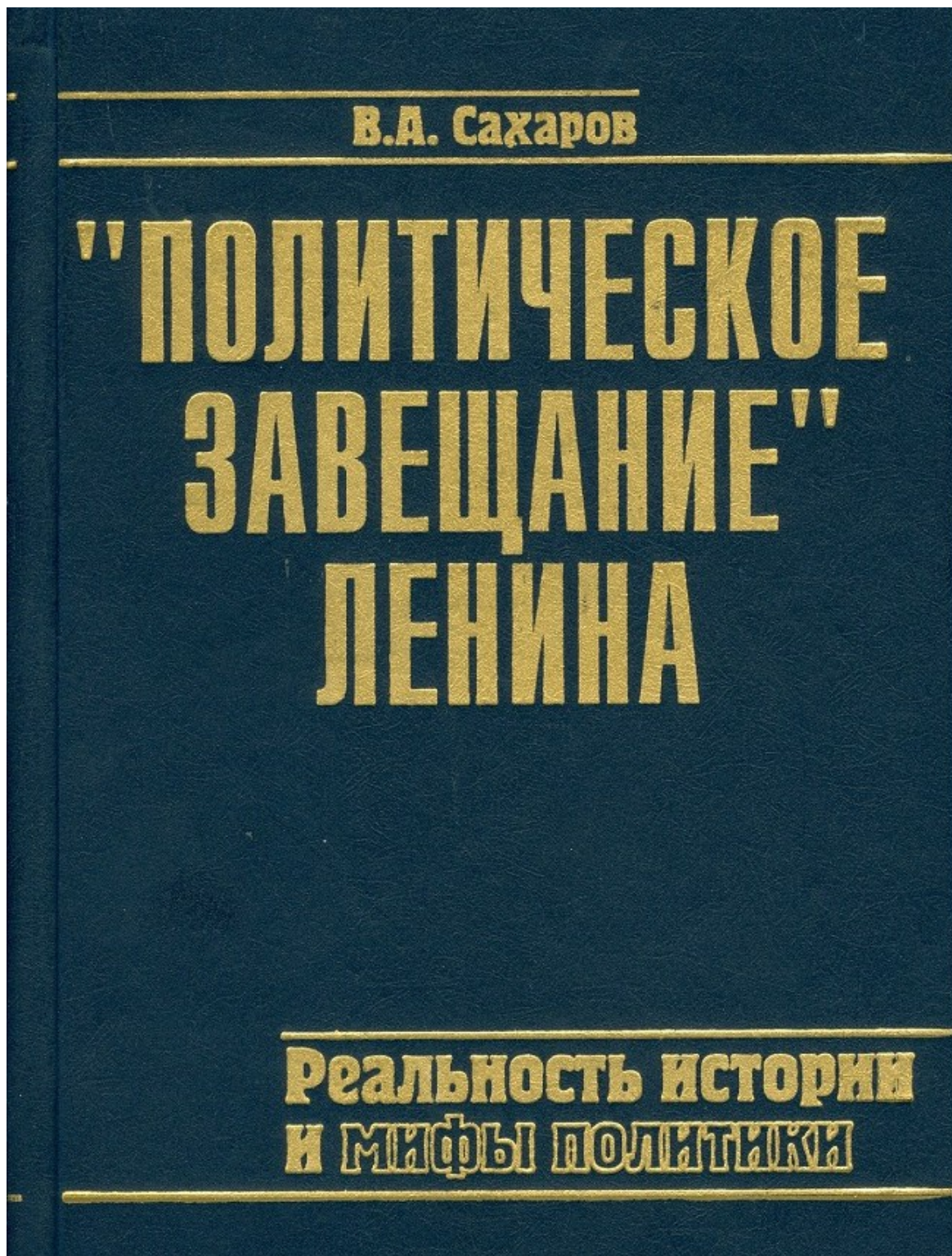

Валентин Александрович Сахаров
Политическое завещание Ленина: реальность истории и
мифы политики.

Сахаров Валентин Александрович
«Политическое завещание» Ленина
Реальность истории и мифы политики
Издательство Московского университета, 2003.

Издание осуществлено при поддержке Исполкома
Народно-Патриотического Союза России

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Владимир Тихонович Ермаков; академик РАН, доктор исторических наук, профессор Юрий Степанович Кукушкин; доктор исторических наук, профессор Семен Спиридонович Хромов.

В монографии использованы кинофотодокументы Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Подбор киноиллюстраций осуществлен Е.В. Раменским. Фотографии изготовлены В.Г. Дорофеевым.

Автор выражает благодарность научному редактору профессору В.И. Тропину за то, что он первым оценил и поддержал выдвинутую автором концепцию, критическими замечаниями и ценными советами в ходе длительной работы способствовал превращению рукописи в книгу, которая выносится на суд читателя.

Со словами признательности автор обращается также к жене своей — Елене Николаевне Сахаровой за проявленное ею многотерпение, понимание и поддержку в течение многих лет работы над этой книгой.

Монография посвящена последним статьям, письмам и запискам В.И. Ленина, известным как его «Политическое завещание», которое оказало значительное влияние на политическое развитие советского общества. Анализ доступных источников приводит автора к выводу, что не все тексты, входящие в состав «Завещания», принадлежат Ленину (в частности, «Письмо к съезду» и записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»). В основе работы — источниковедческий анализ, проведенный в органической связи с изучением внутривнутрипартийной борьбы тех лет.

Для специалистов-историков, а также широкого круга политически активных и интересующихся историей читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Среди вопросов советской истории особое место занимают те, что были поставлены в статьях, письмах и заметках В.И. Ленина, продиктованных им в последний период деятельности — с 23 декабря 1922 г. по начало марта 1923 г.

Последние, предсмертные, ленинские статьи и письма, в которых он продолжил разработку концепции построения социалистического общества в советской стране, получили в дальнейшем название «Политическое завещание» («Завещание») Ленина. В их состав входят как опубликованные, так и не опубликованные при его жизни работы. К числу последних — и наиболее часто цитируемых — относятся диктовки от 24 и 25 декабря 1922 г. (так называемые «характеристики») и 4 января 1923 г. («добавление» к ним). Именно эти материалы, не опубликованные при жизни Владимира Ильича по причине официального партийного запрета, называют «Письмом к съезду». Впервые вышеуказанное «Письмо», а также текст статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» были напечатаны для всеобщего ознакомления в журнале «Коммунист» в 1956 г.

Пожалуй, никакой другой вопрос советской истории не подвергался таким искажениям и фальсификации, создав вокруг себя целую систему мифов, как вопрос о так называемом ленинском политическом завещании. Он и сегодня, имея важное значение в политической и идеологической борьбе по вопросу о путях развития социалистической революции в России,

продолжает быть объектом толкований со стороны историков, политологов, публицистов как у нас в стране, так и за рубежом.

Судьба историографии, посвященной «Завещанию» В.И. Ленина, симптоматична и поучительна. Поскольку ленинское «Завещание» активно использовалось (и используется) в политической борьбе, то достижения и недостатки в его изучении определялись не столько усилиями историков, сколько влиянием политики, ставящей себе на службу историческую науку. Интересами противоборствующих сторон были продиктованы и основные политические концепции и их историографические версии. Первыми, в ходе внутривнутрипартийной борьбы середины 20-х годов, возникли троцкистская и противостоящая ей сталинская политические концепции. Каждая из них рассматривала проблематику ленинского «Завещания» через призму острой политической борьбы по вопросам строительства социализма в 20—30-е годы в Советском Союзе.

В конце 50-х и 60-е годы появляется новая версия, новое толкование ленинского «Завещания», которое по существу заимствовало важнейшие положения как из сталинской, так и троцкистской концепций. Начало этой версии было положено докладом Н.С. Хрущева на XX съезде Коммунистической партии «О культе личности и его последствиях». В начавшейся кампании «критики культа личности Сталина» все внимание было сосредоточено не на решении партией насущных проблем социалистического строительства, поставленных В.И. Лениным, а на его так называемом «Письме к съезду» с предложением, во избежание раскола партии, «обдумать способ перемещения Сталина» с поста генерального секретаря ЦК партии «на другое место».

«Хрущевская» трактовка ленинского «Завещания» прочно вошла в политическую жизнь советского общества, оказала сильное морально-психологическое и идейное влияние не только на массу населения, но и на исторические оценки и развитие теории социализма. Все это не могло не вести к серьезным искажениям ленинского наследия, подрыву авторитета социализма.

Критика основных положений теории и практики строительства социализма в СССР была продолжена в период горбачевской «перестройки».

Эта кампания, развернутая под лозунгами «гласности» и построения социализма «с человеческим лицом», плавно переросла в огульную критику советской истории, в антикоммунизм, что явилось одной из причин разрушения первого в мире социалистического государства — СССР и ликвидации КПСС. Все это делалось под флагом разоблачения культа личности Сталина и «верного» понимания идей Ленина, его линии строительства социализма, которую он изложил в своих последних, предсмертных работах. Причем, это была по утверждению М.С. Горбачева, не только тактика, а и «хитрость» в борьбе за проведение либеральных реформ. «Даже тогда, когда на повестку дня стал вопрос о выходе за рамки сложившихся представлений о социализме, мы ссылались на Ленина, который призывал к "перемене всей точки зрения на социализм", — признавал главный прораб "перестройки". — Ленин и только Ленин был вне подозрения» (см.: Михаил Горбачев, Дайсаку Икеда. Моральные уроки XX века. Диалоги. М., 2000. С. 49-50).

Следовательно, имя В.И. Ленина, как это ни парадоксально, использовалось перестройщиками для борьбы с ленинизмом. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что доступ историков к части архивных фондов, необходимых для изучения деятельности В.И. Ленина и Центрального Комитета РКП(б), был закрыт, а авторитет официальных публикаций обеспечивал нужное освещение процесса развития теории социализма, истории внутривнутрипартийной борьбы и социалистического строительства.

Параллельно все эти годы за пределами Советского Союза развивалась буржуазно-либеральная, антикоммунистическая версия троцкистской концепции ленинского «Завещания», которая активно использовала материал, наработанный троцкистской историографией.

При этом важно отметить, что советская историография ни в одной из работ, несмотря на имеющиеся разночтения и оценки, не подвергла комплексному источниковедческому

анализу последние ленинские статьи и письма и не дала ответ на вопрос, что они представляют из себя как документальный источник, подтверждающий ленинское авторство их. На протяжении многих лет ленинские работы принимались на веру, содержание их считалось аксиоматическим, а сомнения в чем бы то ни было являлись по меньшей мере еретическими.

Ситуация стала меняться в конце 80-х — 90-е годы, когда историкам стала доступна определенная часть архивных партийных фондов и многочисленные публикации документов и работ, изданных у нас, а также за рубежом.

Это позволило глубже понять и исторические, и политические аспекты последних ленинских писем и статей. Стали очевидны ограниченность прежних знаний о многих обстоятельствах, связанных с «Политическим завещанием» В.И. Ленина, ошибочность и односторонность ряда представлений, поспешность и недостаточная аргументированность выводов. И самое главное, учитывая своеобразие архивных текстов «Завещания» — это машинописные тексты, не подписанные Лениным, не всегда прошедшие регистрацию в ленинском секретариате и пр., — а также противоречия в показаниях немногих свидетелей — возникла необходимость в первую очередь подтвердить ленинское авторство их. Только после этого можно исследовать содержание текстов «Завещания» на предмет изучения ленинских взглядов, личных и политических отношений В.И. Ленина с другими руководителями партии и государства.

Монография доцента кафедры политической истории Московского государственного университета В.А. Сахарова является первой, и, на наш взгляд, успешной попыткой осуществления комплексного анализа исторических и политических, источниковедческих и историографических проблем, связанных с «Политическим завещанием» В.И. Ленина, на базе всех доступных на сегодняшний день исторических материалов. И, что является очень важным, автор монографии анализирует «Завещание» Ленина в общеисторическом контексте, увязывая логику текстов с раскрытием узловых вопросов советской политической истории 20-х годов. Это позволяет ему представлять проблематику ленинского «Завещания» не только как порождение внутрипартийных разногласий, а как этап в разработке стратегии и тактики русской революции вообще и в обеспечении ее будущего, связанного с построением социализма в одной стране, в особенности.

Автор всесторонне исследует все аспекты, можно сказать, «рождения» «Завещания» Ленина как комплекса политических текстов и документов, впервые проводя источниковедческий анализ входящих в него статей и писем на предмет установления ленинского авторства каждого из них. Анализируется не только процесс их создания, но и обстоятельства их обнародования (первого предъявления) и использования в ходе внутрипартийной борьбы. Автор монографии раскрывает имевшие место в прошлом различные фальсификации и манипуляции с некоторыми из текстов, принадлежащих (или приписываемых) Ленину. Главы, посвященные этим вопросам, являются центральными в книге.

В результате проведенного исследования В.А. Сахаров приходит к следующим, на наш взгляд, вполне обоснованным выводам.

Работа В.А. Сахарова убедительно опровергает заявление Троцкого о бесспорной истинности его писаний по проблеме ленинского «Завещания», на которые «никто, решительно никто не ответил, ничто не было ни разобрано, ни опровергнуто. Нечего было опровергать и некому» (*Троцкий Л.Д. Завещание Ленина // Портреты революционеров. М., 1991. С. 267*). Данная книга — это аргументированный ответ Троцкому.

В 1921—1922 гг. нарастало политическое противостояние между Лениным, которого поддерживало большинство Политбюро и ЦК РКП(б), и Троцким. Троцкий противопоставил ленинской концепции новой экономической политики свою и активно вел борьбу за ее принятие, наращивая критику Ленина и проводимой им политики. Разногласия, разделявшие их во многих отдельных вопросах, переросли в прямое противостояние не только в вопросах политики, но и теории. Ленин в условиях усиливающейся борьбы и в ходе проводимого

совершенствования системы политического руководства осуществил реорганизацию высшего звена партийно-государственной власти, в которой Сталин получил фактически высшую партийную должность — стал генеральным секретарем ЦК РКП(б).

Анализ личных и политических отношений Ленина и Сталина в последний период деятельности Ленина приводит автора к выводу, что их отношения до самого конца 1922 г. характеризовались политической близостью, доверительностью, были товарищескими. Не изменили их и противоречия в связи с дискуссией об образовании СССР и о монополии внешней торговли. Нет никаких убедительных данных о том, что Ленин разочаровался в Сталине как в генеральном секретаре ЦК РКП(б) или начал усматривать в нем какие-либо опасности для партии и революции. Ничто не указывает и на то, что Ленин стал опасаться рецидива «октябрьского эпизода» со стороны Зиновьева и Каменева, что он утвердился во мнении о теоретическом и политическом невежестве Бухарина или пришел к выводу о непригодности Пятакова к серьезной политической работе.

В результате исследования было установлено, что на основании известного сегодня историкам материала невозможно доказать ленинское авторство ряда текстов «Завещания», более того, существуют аргументы, которые исключают их принадлежность Ленину. Речь идет о «характеристиках» и «дополнении» к ним, предназначавшихся для усиления критики деятельности Сталина как генерального секретаря ЦК РКП(б) и перемещения его на другую работу, о «статье» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также ряде других материалов.

Анализ политического содержания текстов «Завещания» приводит к тому же выводу. В нем выделяются два противоположных блока текстов, которые имеют различную политическую направленность, а именно: антитроцкистскую и антисталинскую. При этом антитроцкистские тексты в содержательном отношении органично связаны как между собой, так и с работами Ленина предшествующего периода, ленинское авторство которых не вызывает сомнения; тексты же, имеющие антисталинскую политическую направленность, в своих важнейших положениях находятся не только в очевидном противоречии с антитроцкистскими текстами, но и с политической позицией, которую Ленин занимал в борьбе, происходившей в руководстве РКП(б) в 1921 — 1922 гг.

Дополнительный свет на вопрос об авторстве проливают и обстоятельства обнаружения текстов «Политического завещания». Все, что Ленин хотел обнародовать, было опубликовано в январе и марте 1923 г. Все дальнейшие публикации делались без его распоряжения по решению Политбюро по текстам, работа над которыми не была завершена или вообще не предназначавшимся им для печати. История их обнародования напрямую не связана с политической борьбой за власть в партии. Иное дело — тексты, принадлежность которых Ленину нельзя считать доказанной: обнародованию каждого из них сопутствовала политическая интрига.

Первым таким текстом стала представленная в ЦК РКП(б) в середине апреля 1923 г., перед началом работы XII съезда партии, «статья» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Ленинское авторство ее засвидетельствовано лишь во многом противоречивыми рассказами работников ленинского секретариата (Л.А. Фотиевой, М.А. Володичевой) и Л.Д. Троцкого. Видимо, не случайно это произошло уже после резкого ухудшения состояния здоровья Владимира Ильича в результате перенесенного третьего инсульта в первой декаде марта 1923 г., когда он окончательно утратил дар речи и способность к интеллектуальной работе.

Следующим текстом, поступившим в ЦК РКП(б), стали «диктовки» от 24—25 декабря 1922 г. («характеристики»), которые передала Н.К. Крупская в конце мая 1923 г. (т.е. годом раньше, чем принято считать, при этом не рассматривая представленный текст как «секретное» «Письмо к съезду»). Это относится и к обнародованию летом 1923 г. «письма Ильича о секретаре» («диктовка» от 4 января 1923 г.), которое тогда не рассматривалось как «добавление» к «характеристикам» и, следовательно, как составная часть «Письма к съезду». В качестве ленинского «Завещания» эти «диктовки» стали фигурировать позднее — в дни

похорон Ленина, в конце января 1924 г., и непосредственно на XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.), когда они по решению ЦК РКП(б) были представлены для «оглашения» в делегациях съезда.

В последующие годы «Письмо к съезду» в качестве «Политического завещания» Ленина, требовавшего снять Сталина с должности генерального секретаря ЦК РКП(б), активно использовалось его противниками в борьбе с ним, а Крупская несколько раз меняла «волю Ленина» относительно назначения этого документа. Как орудие борьбы против Сталина «Письмо к съезду» оказалось неэффективным. Не помогла и попытка Зиновьева использовать против генерального секретаря его конфликт с Крупской, а также письмо-ультиматум Ленина от 5 марта 1923 г., содержащее угрозу разрыва личных отношений со Сталиным. Защищаясь, Сталин оспорил некоторые положения, содержащиеся в «Письме к съезду» и в «статье» «К вопросу о национальностях...», а также отрицал факт разрыва отношений Ленина с ним. В то же время, атакуя, он с большим успехом использовал критику Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова из того же «Письма к съезду».

Таким образом, проведенный комплексный анализ доступных на сегодня архивных источников и документальных материалов приводит В.А. Сахарова к заключению, что принятая в историографии версия создания, состава и содержания «Завещания», а также его использования в политической борьбе представляет реальность в искаженном виде. Факты в ней перемешаны с мифами и легендами, одни из которых возникли в результате добросовестных заблуждений, а другие были созданы преднамеренно, ради обеспечения интересов политической борьбы.

Автором исследования устанавливается перечень статей и писем В. И. Ленина, которые вошли в состав «Политического завещания», явившихся важным этапом в разработке им *новой концепции социалистической революции* в России (СССР), участия в ней крестьянства и усиления руководящей роли Коммунистической партии в политическом и социально-экономическом развитии социалистического общества.

Необходимо остановиться еще на одном весьма важном вопросе, связанном с работой Ленина в это время, — состоянии его здоровья. Этому вопросу в монографии уделено необходимое внимание для уяснения того, как Владимир Ильич работал над последними статьями и письмами. Заключение высокоавторитетных отечественных и зарубежных врачей, лечивших В.И. Ленина, свидетельствует о том, что он, несмотря на потерю значительной части работоспособности, в период диктовки последних писем, статей, записок, сохранял ясность ума и адекватность восприятия политических событий. В свете фактов, которые стали широко известны в последние годы, выглядит по меньшей мере странным появление мифологической кинопопеи Сокурова «Телец». «Художественный вымысел», предельно далекий от реального хода событий, невозможно не воспринимать как кощунство по отношению к Ленину-человеку, к тому делу, которому он посвятил свою жизнь.

Как бы ни оценивать советское прошлое, историю социалистического строительства, совершенно очевидно, оно требует к себе честного и правдивого отношения как история великой страны, история великого народа, говоря словами русского писателя М.А. Шолохова при вручении ему Нобелевской премии, «народа первооткрывателя, народа — труженика, народа — строителя, народа — героя». Споры о противоречиях советской истории были и будут продолжаться, но они должны быть честными, ибо без объективного изучения советской цивилизации невозможно научное познание отечественной и всемирной истории XX столетия. Выявление и развенчание мифов, связанных с ленинским «Завещанием», не самоцель, а средство восстановления исторической правды. Только знание истории, очищенной от мифов и легенд, преодоление опасного синдрома исторического беспамятства общества, освобождает политически активного гражданина от груза заблуждений, иллюзий и создает предпосылки для действительного учета исторического опыта, а значит, и для его использования.

Предмет исследования В.А. Сахарова — «Политическое завещание» В.И. Ленина —

находится на стыке истории и политики, истории и теории социалистической революции. Это обстоятельство делает его книгу интересной не только для профессиональных историков, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей России, русской революции, политических учений.

Профессиональным историкам монография В.А. Сахарова будет интересна теми наблюдениями, которые делает автор, изучая широкий круг источников, теми выводами, к которым он приходит, а также новой историографической концепцией ленинского «Завещания», которую он развивает, стремясь познать историческую правду. Материал книги позволяет заглянуть в творческую лабораторию ученого-историка, ознакомиться не только с результатами его работы, но и самим ходом ее, увидеть, как исследователь идет от первой постановки вопроса, обозначающего пробел в знаниях, через изучение и анализ достоверных фактов к предварительным выводам, новым вопросам и итоговому выводу. Книга дает пищу для новых размышлений и возвращает в центр внимания исторической науки тему, которая, казалось, уже утратила для нее свой интерес. Полученные В.А. Сахаровым результаты говорят о том, что исследование проблемы «Политическое завещание» В.И. Ленина и его места в советской истории необходимо продолжить с учетом вновь открывшихся обстоятельств и с использованием недоступных ныне архивных материалов.

Профессор В.И. Тропин

Первая задача истории —
воздерживаться ото лжи,
вторая — не утаивать правды,
третья — не давать никакого
повода заподозрить себя в
пристрастии и предвзятости.
Марк Туллий Цицерон

Заблуждение подобно
фальшивой монете:
изготавливают их преступники,
но распространяют и самые честные люди.

ВВЕДЕНИЕ

Закончился XX век. Век, прошедший для России под знаком крупных реформ и грандиозных революций, в которых страна искала решение стоящих перед ней проблем. Важным поворотным пунктом в этом процессе стала Великая Октябрьская социалистическая революция, неразрывно связанная с именем и деятельностью В.И. Ленина и созданной им сто лет назад, в 1903 г., организации революционеров — большевистской партии. 1917 год стал годом триумфа В.И. Ленина. Предложенная им тактика позволила большевикам, чей авторитет и влияние еще летом 1917 г. не шли ни в какое сравнение с политической силой их противников, в сентябре—октябре повести за собой подымающуюся народную революцию и придать ей социалистический характер.

В ходе борьбы за удержание власти и реализацию программы социалистического переустройства общества большевиками был накоплен огромный политический и социальный опыт, который позволил Ленину существенно уточнить и развить концепцию строительства социализма. Важное место в этом процессе занимают последние работы В.И. Ленина, известные как его «Политическое завещание».

Прошли десятилетия. В СССР сформировалось социалистическое общество, оказавшее огромное влияние на мировое развитие в XX в. Однако, не сумев отстоять завоеванные

политические, социальные и морально-психологические позиции в борьбе с современным капитализмом, советский социализм сам стал достоянием истории. Завершился цикл исторического развития страны.

Отгремели политические и идеологические бои времен «перестройки», в ходе которой авторитет В.И. Ленина и его «Политического завещания» использовались в качестве орудия сокрушения социализма. В обществе угас прежний интерес к истории Октябрьской революции, большевистской партии и к ее главным деятелям. Проблематика «Завещания» В.И. Ленина, будоражившая умы, утратила былую политическую актуальность. Теперь иные проблемы волнуют общество. Политический интерес новой власти заставил ее приоткрыть архивы поверженного противника — КПСС и советского государства и открыть доступ к прежде недоступным документам. Появилась возможность исследовать не только архивные тексты «Завещания», но и те проблемы, которые прежде освещались лишь источниками мемуарного характера. И сразу стало ясно, что с этими документами не все так просто и однозначно, как представлялось прежде, что «Завещание» Ленина, обладавшее большими потенциальными возможностями для идеологического и психологического воздействия на советских людей, в течение длительного времени рассматривалось руководством КПСС как средство для достижения политических целей, не имевших ничего общего с объективным анализом исторического опыта.

К сожалению, вновь открывшиеся документы используются историками в основном для аргументации давно принятых в историографии положений, поэтому изученность проблемы, несмотря на обилие литературы и достигнутые успехи в уточнении отдельных вопросов, следует признать недостаточной. Недостаточной как с точки зрения возможностей, которые предоставляют доступные ныне источники, так и круга проблем, которые предстоит исследовать, а также аргументации многих выводов и оценок.

Самой главной проблемой, оставшейся без должного внимания историков и являющейся ключевой для всей проблематики «Завещания», является установление ленинского авторства каждого из входящих в него текстов.

Основания для постановки этого вопроса появились уже в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда достоянием широких кругов историков стали новые документы, из которых вырисовывалась картина, существенно отличающаяся от той, которая была принята в историографии. Очевидной стала необходимость изучения «Завещания» в контексте той политической борьбы, которая происходила в руководстве РКП(б) и которая во многом оставалась все еще неизученной. В исторической науке возникла потребность и появилась возможность осуществления комплексного анализа последних ленинских работ.

Попытка автора данной книги привлечь внимание исследователей к этим проблемам, предпринятая на международной конференции «Россия в XX веке», вызвала резко негативную реакцию. Авторы книги «Противостояние: Крупская — Сталин» В.А. Куманев и И.С. Куликова писали: «Совершенно беспочвенным и несуразным выглядит заявление одного "исследователя" на Международной конференции "Россия в XX веке" (1993 г.), будто "Крупская подделала некоторые положения в "Завещании"»[1]. Приписываемые мне слова не имеют ничего общего с тем, что я говорил на этой конференции, но они достаточно точно передают реакцию большей части ее участников на постановку вопроса о сомнительности ленинского авторства некоторых текстов «Завещания»[2].

Осознание необходимости установления ленинского авторства отдельных текстов «Завещания» в корне меняет общий подход к изучению как каждого из входящих в него текстов, так и всего комплекса их в целом. Тексты «Завещания» с их оценками и предложениями должны превратиться из исходной точки всех рассуждений о взглядах и намерениях Ленина, из непререкаемого «приговора», как это было в традиционной историографии, в объект всестороннего источниковедческого исследования. В первую очередь. И только после этого появится возможность исследовать их содержание на предмет изучения ленинских взглядов, отношений, настроений и т.д.

Научная актуальность и значимость избранной автором темы определяются, во-первых,

тем, что в ней, как в фокусе, собирается много важнейших вопросов истории и теории социалистической революции, и, во-вторых, тем, что сама она органично входит в широкий круг проблем отечественной истории. Политическая значимость темы определяется важностью того интеллектуального процесса, в который оказывается вписанным ленинское «Завещание» — процесса осмысления грандиозного социально-экономического, политического и духовного опыта русской революции.

Предлагаемая читателю книга является попыткой системного анализа истории создания «Политического завещания», его содержания и использования в политической борьбе 1920-х годов.

* * *

Мы не ставим изначально под сомнение ленинское авторство ни одного из текстов «Завещания» и поэтому не намерены доказывать, что они не принадлежат В.И. Ленину. *Научная постановка задачи, на наш взгляд, состоит в необходимости доказательства того, что тот или иной документ принадлежит В. И. Ленину. Иначе говоря, ленинским может считаться только тот документ, ленинское авторство которого доказано.*

Доступная историкам источниковая база, несмотря на определенные недостатки, позволяет провести исследование на предмет установления ленинского авторства каждого из текстов «Завещания». Главным условием успеха автор считает выявление реальной связи содержания текстов «Завещания» с происходившей внутри ЦК РКП (б) политической борьбой, а также комплексный анализ всех доступных источников.

Непосредственные задачи исследования — это изучение политических условий, в которых появилось «Политическое завещание» В.И. Ленина; изучение истории создания каждого из его текстов; анализ политического содержания их; выяснение обстоятельств обнародования текстов «Завещания» и их использования в ходе внутрипартийной борьбы.

Методологической базой исследования является диалектический материализм в органическом сочетании с так называемым «цивилизационным подходом», который, как полагает автор, не противостоит диалектическому материализму, а органично сочетается с ним[3].

Историку в ходе своего исследования невозможно абстрагироваться от взглядов, чувств, пристрастий, присущих ему, как и любому другому гражданину. В мировоззренческом, идеологическом и политическом отношении автор тоже не индифферентен. Однако, на наш взгляд, осознанное и по возможности четкое разграничение политических и научных интересов позволяет увеличить независимость научных выводов от политических пристрастий. Это важно, поскольку обман в исторической науке ради политических выгод может дать только тактические преимущества, но предопределяет стратегический проигрыш. Для достижения стратегических целей в политической борьбе необходимо возможно более точное знание исторического прошлого и понимания закономерностей развития общества.

Специфические особенности изучаемого комплекса документов ставят перед нами непростую задачу установления понятийного аппарата. В политическом обиходе и в историографии не выработалось единого мнения относительно наименования последних работ Ленина. В историческую науку комплекс последних документов Ленина, продиктованных им в период с 23 декабря 1922 г. по начало марта 1923 г., вошел под разными названиями: «Последние письма и статьи», «Политическое завещание» (или «Завещание»). В его составе различают тексты, опубликованные в 1923 г. и называемые статьями независимо от того, готовил ли их Ленин для публикации или нет. К ним относятся опубликованные в январе—марте 1923 г. в соответствии с его волей статьи «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» и «Лучше меньше, да лучше», а также тексты, представленные Н.К. Крупской в мае 1923 г. в Политбюро и опубликованные в газете «Правда» с названиями, данными публикаторами: «О кооперации», «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)».

Называя эти тексты «статьями», мы будем использовать это слово в кавычках, чтобы

оттенить условность и названия, не принадлежащего Ленину, и предназначения, и характера данных материалов.

Другая часть текстов — не публиковавшиеся по разным причинам: либо в виду официального запрета, либо потому, что вопрос об их публикации вообще не ставился. К первым относятся диктовки 24—25 декабря 1922 г. (так называемые «характеристики») и 4 января 1923 г. («добавление» к ним), а также текст, известный как записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» (в историографии используются и другие названия этих записок: письмо, статья). Ко вторым — диктовки 26—29 декабря 1922 г., посвященные вопросам реформирования Центрального Комитета РКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), а также записки о Госплане, известные под названием «О придании законодательных функций Госплану». Эти, не публиковавшиеся в качестве статей в 1923 г. тексты, обычно называют «Письмом к съезду». Набор текстов, включаемых в это «письмо», изменяется от автора к автору. Часто под «Письмом к съезду» имеются в виду только диктовки 24—25 декабря и 4 января. Иногда в него включаются все диктовки с 23 по 31 декабря 1922 г. (в том числе записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»). Иногда записки по национальному вопросу в него не включают. Таким образом, никакой устоявшейся системы в использовании этих терминов нет.

Поскольку ряд документов, изданных как статьи, таковыми не являлись, не были они и письмами, а представляют собой первичные проработки отдельных проблем, то весь этот комплекс документов, учитывая принятую в историографии и устоявшуюся терминологию, правильнее было бы назвать последними ленинскими письмами, заметками и статьями. При этом под «Письмом к съезду» мы будем иметь в виду только так называемые «характеристики» и «добавление» к ним — тексты, датированные 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. Используя же термин «Политическое завещание» («Завещание») и помня об условности этого названия, мы будем иметь в виду все тексты, традиционно считающиеся ленинскими, вне зависимости от того, действительно ли они принадлежали Ленину. Это оправданно, поскольку именно под этим названием они вошли в политическую жизнь страны и в таком качестве оказывали воздействие на позицию членов Коммунистической партии, общественное сознание советских людей и мировое общественное мнение.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ

Историографически тема данной работы входит в более широкую проблему — политическое завещание В.И. Ленина и его место в советской истории, а следовательно, имеет не только научное, но и политическое содержание. Больше того, с момента появления ленинского «Завещания» вплоть до запрета КПСС в 1991 г. эта проблема стояла в центре внутривластной борьбы по вопросам выработки и осуществления плана строительства социализма в СССР. Последнее обстоятельство в течение длительного времени затрудняло объективное исследование этой темы и наложило сильный отпечаток на историографию, политически запрограммировав решение основных концептуальных вопросов. Историческая наука оказывалась страдающей стороной, которой политика диктовала свои условия и которую использовала в качестве средства достижения нужных ей целей. Главным средством подчинения науки стал режим использования исторических источников. В итоге развитие историографии интересующей нас темы определялось не столько результатами научных поисков, сколько политическими изменениями, происходившими в нашей стране и в мире.

Существующие в литературе историографические версии ленинского «Завещания» восходят к нескольким политическим концепциям-родоначальницам, в рамках которых были предложены и схемы развития событий, и системы аргументации. Поэтому внимание исследователя в первую очередь должно быть обращено на эти истоки. Отсюда необходимость различать в историографии две стороны: политическую и научную.

Первыми возникли сталинская и противостоящая ей троцкистская концепции. Каждая из них рассматривала проблематику ленинского «Завещания» через призму острой политической борьбы по вопросам строительства социализма. В конце 50-х годов появляется новая версия, политическим заказчиком и вдохновителем которой был Н.С. Хрущев. В ней оказались механически увязаны антитроцкизм сталинской (большевистской) концепции и антисталинизм троцкистской (антибольшевистской). При этом заимствование у Троцкого не афишировалось и было прикрыто антитроцкистской риторикой. В период «перестройки социализма» ей на смену пришла новая — «горбачевская» версия, более откровенно связанная с их общей «прародительницей» — троцкистской концепцией. За пределами СССР развивалась буржуазно-либеральная антикоммунистическая версия троцкистской концепции, которая активно использует материал, наработанный троцкистской историографией, осмысливая его с позиций политического либерализма. В настоящее время она занимает доминирующее положение в отечественной исторической науке. (Используемые нами термины «сталинская», «троцкистская», «хрущевская», «горбачевская» и т.д. концепции, версии лишь фиксируют их истоки и не покушаются на определение политической принадлежности того или иного историка. Кроме того, причисление какого-либо автора или работы к определенной историографической концепции не означает их полного соответствия. Как правило, речь идет лишь о совпадении в главных, концептуальных вопросах)

СТАЛИНСКАЯ (БОЛЬШЕВИСТСКАЯ) КОНЦЕПЦИЯ

Сталинская политическая концепция начала формироваться в выступлении И.В. Сталина на секции съезда РКП(б) по национальному вопросу и получила развитие в ряде других документов и выступлений 1923—1927 гг., в которых были затронуты принципиальные вопросы ленинского «Завещания», а также некоторые вопросы личных взаимоотношений В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и др.[4] Основные положения ее сводятся к тому, что «Завещание» — условное наименование комплекса документов, продиктованных В.И. Лениным между концом декабря 1922 г. и началом марта 1923 г., в которых он продолжил разработку ряда актуальных вопросов политики партии[5]. Признавалась критика Лениным Сталина, но при этом подчеркивались, с одной стороны, отсутствие принципиальных разногласий между ними, а с другой — факт выражения Лениным политического недоверия Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и Пятакову. Фактически отрицалась справедливость упреков, относящихся к личным качествам Сталина.

Сталинская концепция не получила серьезной научной разработки ни в советской историографии, ни в зарубежной. Для представляющей ее литературы было характерно наличие многих недоговоренностей, умолчаний даже по сравнению с тем, что имелось в выступлениях и документах самого И.В. Сталина о фактах, бывших в свое время широко известными не только партийному активу, но и более широким кругам общественности (о состоянии здоровья Ленина и его работоспособности, а также о некоторых фактах внутрипартийной борьбы в ЦК партии в период с середины 1921 до начала 1923 г., об отношении Сталина к замечаниям в свой адрес и др.). Недоступность для историков необходимых документов не позволяла серьезно разрабатывать эту концепцию, хотя возможности для этого имелись. Научный потенциал сталинской концепции не был востребован ввиду изменившейся после смерти И.В. Сталина политической конъюнктуры: она сошла со сцены не потому, что была доказана ее несостоятельность, а в результате того, что Н.С. Хрущев в ходе кампании критики «культа личности» Сталина навязал исторической науке другую версию. Защищать сталинскую концепцию оказалось и некому по причинам конъюнктурно-политическим, и невозможно как из-за присущей ей декларативности,

неразвитости аргументации, так и по причине отсутствия доступа к необходимым документам.

ТРОЦКИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Троцкистская концепция, антисталинская, по своей персональной заостренности, по существу, была антиленинской, антибольшевистской. Она начала формироваться и пропагандироваться немного ранее сталинской — в письменных выступлениях Л.Д. Троцкого накануне XII съезда РКП(б)[6], получила развитие в выступлениях Троцкого во время внутрипартийной дискуссии в 1923—1927 гг.[7] Благодаря книге М. Истмена «После смерти Ленина»[8] троцкистская концепция получила международную известность и была позднее детализирована и широко распропагандирована самим Троцким в работах «Моя жизнь», «Сталинская школа фальсификаций» и других многочисленных публикациях, над которыми он работал вплоть до своей смерти[9].

Данная концепция возникла в ходе внутрипартийной борьбы, обслуживала ее интересы, а поэтому охотно использовалась всеми участниками ее — Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и др. Троцкий умело воспользовался условиями крайнего «голода» на архивные материалы и документы, связанные с историей создания и обнародования текстов «Завещания» В.И. Ленина. Насытив свои сочинения собственными воспоминаниями, он сделал их желанными и фактически обязательными во всех исторических исследованиях этой проблемы за рубежом, а начиная с периода «перестройки социализма» в СССР — и для отечественной историографии. В результате чисто публицистические выступления Троцкого приобрели характер одного из важнейших источников по теме. Источника весьма тенденциозного, поскольку Троцкий вспоминал, как будет показано ниже, только то, что ему было нужно для достижения политической цели. В наибольшей степени это относится к «Письму в Истпарт ЦК ВКП(б). (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии)» (21 октября 1927 г.), опубликованному Троцким за границей в составе сборника «Сталинская школа фальсификаций», а также к автобиографической книге «Моя жизнь». Прав Н.А. Васецкий, считающий, что «Троцкий из всего виденного и слышанного им про Сталина отобрал только то, что работало на реализацию его центральной установки — низложить Сталина как политического деятеля»[10].

Поскольку основное внимание Троцкий сосредоточивает на использовании проблематики «Завещания» для критики Сталина, слабую проработку получили сюжеты, которые не давали для этого материала. Кроме того, содержание его воспоминаний менялось со временем довольно сильно, что превращает их в такой исторический источник, в котором историку трудно или невозможно обрести надежную опору. К тому же Троцкий вольно обращался с текстами «Завещания», то давая расширительные трактовки тем или иным положениям, то, наоборот, сужая их, искажая смысл с помощью аналогий, синонимов и пр.[11] В отличие от сталинской концепции троцкистская не обезличена, представляющие ее работы «населены» политическими деятелями, что привлекает к ней внимание. Другое дело, что как сами личности, так и отношения между ними чаще всего представляются в искаженном свете. Это касается в первую очередь отношений Ленина, Сталина и Троцкого. Поскольку критический анализ информации, сообщаемой Троцким, был невозможен, многих историков его работы направили по ложному следу. Созданное им историографическое направление с полным правом может быть названо «троцкистской школой фальсификации».

Основные положения троцкистской концепции можно свести к следующему. Выдвижение Сталина на почти техническую, не имевшую самостоятельного политического значения должность генерального секретаря ЦК РКП (б) произошло вопреки воле Ленина, который, однако, не выступил против достаточно решительно и уступил домогательствам Зиновьева и некоторых других членов Политбюро. Усиление политической власти Сталина в результате политических интриг произошло в период обострения болезни Ленина летом 1922 г. и неожиданно для Ленина. Несмотря на то что у Ленина и Троцкого бывали разногласия и острые споры по отдельным важным вопросам социалистической революции, Ленин видел в нем политически наиболее близкого себе человека, которого к тому же выделял среди других

членов ЦК РКП(б) как наиболее способного. В решающих вопросах социалистического строительства Ленин всегда либо был вынужден признать правоту Троцкого и идти навстречу ему (например, в вопросах реорганизации Госплана, Рабоче-крестьянской инспекции), либо видел в нем единственную надежду и опору (например, в вопросе о монополии внешней торговли, национально-государственного строительства, борьбы с бюрократизмом, «секретарским режимом» в партии, борьбы со Сталиным и т.д.). Не доверяя Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, все более разочаровываясь в Сталине как генеральном секретаре ЦК РКП(б) и желая снять его с этой должности, Ленин в то же время стремился обеспечить Троцкому руководящее положение в партии и государстве. Именно в этом состоял сокровенный смысл его «Политического завещания». Показательно, что для троцкистской историографической концепции характерно отсутствие интереса к позитивной программе развития социалистической революции, изложенной Лениным в последних письмах и статьях. Оно использовалось почти исключительно, как набор фактов и оценок, годных для борьбы против Сталина. Это обстоятельство делало троцкистскую концепцию желанной гостьей всюду, где была потребность в критике теории и практики социалистической революции. Обеспечив прочные позиции в зарубежной историографии, троцкистская концепция ленинского «Завещания» до настоящего времени оказывает заметное влияние на зарубежную и отечественную историографию, хотя уже редко встречается в своем первоизданном виде, уступая место неотроцкистской историографии, для которой характерны опора на более широкую источниковую базу и сближение, смыкание с антикоммунистической историографической концепцией.

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ («буржуазная») ИСТОРИОГРАФИЯ

Троцкистская концепция оказала сильное влияние на антикоммунистическую («буржуазную») историографию в качестве поставщика информации, аргументов, оценок, гипотез, которые были приспособлены ею к собственным идеологическим и политическим потребностям. У истоков ее стояли историки-эмигранты. Прежде всего, среди них надо назвать Н.В. Валентинова, человека, обладавшего значительным политическим опытом и знаниями истории партии[12], а также другого «невозвращенца» — советника дипломатической миссии СССР в Стокгольме С. Дмитриевского[13].

После победы СССР в Великой Отечественной войне в условиях «холодной войны», когда интересы противостояния Советскому Союзу, влиянию идей коммунизма превратили историю Великой Октябрьской социалистической революции и СССР в одно из главных полей борьбы на идеологическом фронте, антикоммунистическая историография востребовала наработки троцкистской концепции ленинского «Завещания». Широкую известность в СССР и в Российской Федерации получили работы Н. Верта, Я. Грея, М. Джиласа, С. Козна, М. Куна, Р. Такера, Л.Фишера и др.[14] Наибольшее влияние на отечественную историографию нашей проблемы оказала книга Р. Такера «Сталин: путь к власти». Правда, автора интересует не столько ленинское «Завещание», сколько сам И.В. Сталин, личность и деятельность которого он пытается анализировать с позиций фрейдизма. Источниковая база книги очень узка (традиционные для советской литературы источники плюс работы Л.Д. Троцкого, воспоминания Б. Бажанова). Автор пренебрегает элементарным источниковедческим анализом, поскольку уверен, что фальсификация «противоречит характеру Троцкого»[15]. Неудивительно, что в основных вопросах Р. Такер, следуя за Троцким, допускает грубые ошибки в оценке расстановки политических сил в руководстве партии. Всю проблематику «Завещания» Р. Такер вписывает в искаженную картину развития отношений Ленина и Сталина (охотно подхваченную многими отечественными историками), которые, по его мнению, с 1921 г. все более и более ухудшались. Р. Такер пошел на поводу у Троцкого и в другом важнейшем вопросе — относительно власти Сталина: то он утверждает, что у генсека была «необъятная власть», то — что никакой власти не было[16].

«ХРУЩЕВСКАЯ» (АНТИСТАЛИНСКАЯ) ВЕРСИЯ

Основы «хрущевской» версии (антисталинской по форме и протроцкистской по сути) оформились в процессе подготовки «секретного» доклада XX съезду партии «О культе

личности и его последствиях». Слово «хрущевская» мы берем в кавычки, так как сам Н.С. Хрущев ничего концептуального, конечно, не создал. Он был лишь своего рода «заказчиком» и вдохновителем создания тех установочных работ, которым вынуждена была следовать советская историческая наука. В части, касающейся ленинского «Завещания», доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был подготовлен группой под руководством секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова[17]. В докладе говорилось, что Ленин «своевременно подметил в Сталине именно те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям». Он «дал совершенно правильную характеристику Сталина, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности генерального секретаря». Как документы, «дополняющие ленинскую характеристику Сталина», были приведены письмо Крупской Каменеву (23 декабря 1922 г.) и письмо Ленина Сталину от 5 марта 1923 г.[18]

Н.С. Хрущев в своем докладе придал «Завещанию» характер политического предупреждения о том, что сосредоточение власти в руках Сталина грозит партии и стране тиранией. Связав «Завещание» Ленина с болевыми точками советской истории 30—50-х годов, он поставил его на службу собственным политическим интересам. В это же время, при публикации в 1956 г. в журнале «Коммунист» (№ 9. С. 16—26), комплекс ленинских документов (диктовки 23—31 декабря 1922 г.) получил официальное название «Письмо к съезду». Отныне комплекс разнохарактерных документов стал трактоваться и осмысливаться историками именно как письмо Ленина, адресованное делегатам съезда РКП(б). Политический смысл смены названий — в переносе акцента: в варианте «Завещания» (принятом в троцкистской историографии) Ленин противостоял Сталину, ленинский курс — сталинскому и т.д. В комплексе документов, трактуемом как «Письмо к съезду», Сталин противостоял партии, а партия — Сталину. Эта установка стала тем «геном», который определил содержание и судьбу «хрущевской» историографической версии.

Соответственно был проведен ряд установочных совещаний[19], подготовлены второе и последующие (по восьмое включительно) издания «Истории КПСС» (под ред. Б.Н. Пономарева). В деле утверждения историографических новаций Хрущева, их популяризации и продвижения в общественное сознание важную роль сыграли писатели и публицисты, оказавшие сильное психологическое давление на историков. Они начали разрабатывать проблематику «культа личности» до того, как в эту работу включилась масса профессиональных историков, и призваны были служить им образцом гражданственности. Один из «прорабов» той «перестройки» исторической науки Э.Н. Бурджалов на совещании в Ленинграде (19—20 июня 1956 г.), упрекая историков в приверженности старым схемам и в сохранении ими выжидательной позиции, ставил им в пример литераторов, быстро реагирующих на инициативы руководителей КПСС. Он настраивал историков на большую активность и смелость, призывал не бояться ошибок в деле выполнения «общих указаний». Замечания по частным вопросам превращались в установки: «Этот пересмотр (прежних исторических концепций. — В.С.) нельзя делать только руками тех людей, которые над этими темами сидят (! — В.С.). Им трудно отказаться от того, что они писали в течение многих лет. Поэтому... мы должны помещать "поверхностные статьи"... если мы допустим неспециалиста в наш журнал, не совсем посвященного в частности человека... с меньшим знанием источников... то мы поступим правильно... Нужна известная осмотрительность во всяком деле, но не нужно нас призывать к тому, чтобы запереться в архив на много лет и не заниматься пересмотром»[20].

«Хрущевская» версия ленинского «Завещания» не оригинальна. Эклектическая по существу своему, она заимствовала из сталинской концепции важнейшие положения и оценки, относящиеся к истории социалистической революции и внутрипартийной борьбы, скорректировав их присущими троцкистской концепции оценками Сталина, его отношений с Лениным, а также политических отношений Ленина и Троцкого в 1921—1922 гг. Официальная советская историография, начиная с доклада Хрущева на XX съезде КПСС (1956) и вплоть до доклада Горбачева о 70-летию Великой Октябрьской социалистической

революции (1987), официально предавая Троцкого анафеме, заимствовала без должной критики сообщаемые им факты, принимала его оценки.

От своей «крестной» историографической «матери» — троцкистской историографии — «хрущевская» историографическая версия отличается, по сути, двумя главными тезисами. Во-первых, стремлением проигнорировать (именно проигнорировать, а не доказать несостоятельность) главную для Троцкого связь — его и Ленина. «Хрущевская» версия не поддерживала тезис Троцкого о том, что Ленин видел в нем своего наследника. Во-вторых, она замалчивала (опять же не аргументировала против) утверждение Троцкого, что «Завещание» Ленина (имелось в виду «Письмо к съезду») способствовало не смягчению внутривнутрипартийной борьбы, а наоборот, ее обострению. В-третьих, они различаются оценками содержащихся в «Завещании» предложений, призванных обеспечить развитие революции. В отличие от троцкистской в хрущевской схеме критика Сталина занимала уже более скромное место, входя в «обойму» центральных проблем наряду с вопросами индустриализации, кооперации, культурной революции, партийного и государственного строительства. Тем не менее, в политическом отношении она оставалась «ударной темой». Правда, к «Письму к съезду» такая расширительная трактовка не имеет никакого отношения, поскольку в нем вопрос о генсеке стоит в совершенно иной плоскости. Но Хрущева в 1956 г. в ленинском «Завещании» интересовала лишь его способность обслуживать актуальные политические потребности.

Ряд положений (оценка последних статей В.И. Ленина как вершины ленинского творчества) был заимствован Хрущевым у Бухарина, который развил эту тему в докладе, посвященном 5-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина (январь 1929 г.) [21]. Именно от Бухарина идет трактовка «Завещания» как цельного и завершенного комплекса документов, в котором он подвел итог всей своей политической деятельности, а также пришел к переоценке ряда прежних представлений.

Все это позволило «хрущевской» историографии акцентировать тезис о политической и личной антисталинской направленности последних ленинских статей и писем в интересах создания идеологической и политической базы для развертывания критики «культ личности Сталина».

Основные положения этой историографической версии можно свести к следующему. Ленин перед лицом наступающей болезни решил подытожить свои взгляды по вопросам развития социалистической революции и строительства социализма в СССР. В последних своих письмах и статьях он завершил разработку планов индустриализации, кооперации и культурной революции, дал принципиальные установки по вопросам национально-государственного строительства, совершенствования политической системы диктатуры пролетариата. Попутно он указал на личные качества ряда руководителей партии, которые могли сыграть отрицательную роль факторов в деле развития революции. Особой критике был подвергнут Сталин, в отношении которого Ленин предложил съезду партии «переместить» его с должности генерального секретаря. От сталинской историографии сохранялась общая интерпретация истории внутрипартийной борьбы в начале 20-х годов.

После XX съезда КПСС доступ историков к архивным материалам был облегчен, но оставался выборочным в отношении и проблематики, и круга исследователей, и документов, которые позволяли аргументировать официальную концепцию и не позволяли провести обстоятельный анализ ее. Объективно это способствовало усилению влияния троцкистской историографии на советскую историческую науку. В результате вся советская историография начиная с 1956 г. и до конца 1980-х годов лишь «озвучивала» заданные ей схемы и оценки, тиражировала их, обходясь при этом предельно ограниченным количеством без конца повторяющихся фактов и аргументов. Работы этого времени, написанные как «под копирку», не представляют научной ценности и не дают ничего нового по сравнению со своими прототипами — докладом Хрущева на XX съезде и постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Кроме того, «хрущевская» историография ленинского «Завещания» была почти абсолютно обезличена. В Ленине с трудом стал

угадываться живой человек, политик с присущими ему сильными и слабыми сторонами, страстями, личными симпатиями и антипатиями. Его место прочно занял абстрактный образ гения революции, безошибочно указующего единственно верный путь в неведомое будущее и прорицающего его так, будто оно им уже заранее было предначертано не только в главном, но и в деталях.

Характеризуя политическую ситуацию, в которой протекала работа Ленина в последний период его деятельности, «хрущевская» историография тщательно обходила все факты, показывающие нарастание политического противостояния Ленина и Троцкого, глубокого конфликта внутри партийного и государственного руководства, конфликта, порожденного принципиальными разногласиями и осложненного личными отношениями. Между тем без изучения этой борьбы многое невозможно понять в проблемах, связанных с ленинским «Завещанием». Мысли, планы, поступки оказываются в этом случае оторванными от характеров, страстей, взглядов и устремлений их носителей, а следовательно, предельно искаженными. Этот пласт сложных проблем был в науке подменен бесконечным пережевыванием «характеристик» Сталина и сетованиями по поводу того, что XIII съезд не прислушался к совету Ленина. Выпячивание на первый план личных отношений Ленина и Сталина при забвении принципиальных разногласий и политической борьбы Ленина с Троцким до неузнаваемости искажало картину личных и политических взаимоотношений в руководстве партии. В части, касающейся ленинских «характеристик», все считалось абсолютно ясным. Между тем они порождают множество вопросов, мимо которых проходили шеренги историков, не утруждавшие себя ни критическим подходом, ни аргументацией сформулированных в них положений. В результате последние письма и статьи В.И. Ленина отрывались от политической борьбы, которая велась в это время в руководстве партии. Но было бы несправедливо ставить это всем историкам в упрек, поскольку в данном вопросе политика держала историю на «коротком поводке» и на «голодном пайке».

Будучи компилятивной, эклектичной, «хрущевская» историографическая версия оказалась абсолютно бесплодной в научном плане. Научно «голым» оказался не только «король», научно «голой» (несмотря на массу написанного) оказалась и вся его историографическая «свита» прямых и тайных, вольных и невольных последователей. Исключение составляют работы, посвященные анализу «Завещания» Ленина с точки зрения разработки плана построения социализма в СССР, а также отдельных проблем социалистического строительства[22]. Внутренняя противоречивость и слабая документированность сделали ее уязвимой для критики со стороны троцкистской историографии, которой она в период «перестройки» сдалась без боя.

«ГОРБАЧЕВСКАЯ» ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

Начатая М.С. Горбачевым «перестройка» социализма повела к открытой ревизии сложившихся в исторической науке после 1956 г. историографических концепций. Под видом «нового прочтения» Ленина началась «модернизация» «хрущевской» версии с помощью заимствований из багажа, наработанного в рамках троцкистской историографической концепции, и ее антикоммунистической версии. Возник «продукт», эволюционировавший столь быстро, что его невозможно назвать концепцией. Это была историографическая версия, «научной» основой которой служила троцкистская концепция, а идеологической — антикоммунизм.

Внешне капитуляция «хрущевской» историографической версии ленинского «Завещания» перед троцкистской концепцией выглядела как внезапный крах, произошедший под давлением введенных в научный оборот «новых» фактов. Однако это не так. Процесс внедрения троцкистских схем был политически давно подготовлен и, судя по всему, хорошо организован. На это указывает характер прошедшей эволюции: в короткий срок дружная сплоченная группа публицистов, писателей, историков, увлекаемая за собой других, выплеснула на страницы газет, журналов и книг готовые к публикации тексты, в которых якобы

реализовывались «новые» идеи, оказывавшиеся на удивление похожими на то, что прежде писал Троцкий. Судя по признанию Д. Волкогонова и Р. Медведева — видных представителей историографии времен «перестройки», — их «новаторские» для советской историографии работы велись в течение длительного времени. Первый имел доступ к архивным материалам, закрытым для других ученых, а второй — имея «благословение» председателя КГБ Ю.В. Андропова[23].

Появившись в качестве дополнения и уточнения в рамках официальной советской историографии, троцкистская концепция вскоре уничтожила ее. Сначала произошел отказ от того, что в хрущевской историографии оставалось от сталинской, в результате чего ее вторая составляющая часть — троцкистская схема — осталась единственной. Если в 50-е годы прививка ряда троцкистских схем была проведена скрытно от основной массы историков и от широких слоев общественности, то в 80-е — совершенно открыто, поскольку сопровождалась фактической политической реабилитацией Троцкого. Не афишировался лишь сам факт плагиата, хотя он был очевиден. Н.А. Васецкий справедливо отмечал, что «кое-кто принялся буквально обворовывать Троцкого, заимствуя у него не просто аргументы и факты, но и целые их блоки. Причем заимствовать некритически»[24]. В результате Троцкий оказался «научным руководителем» и соавтором многих работ, посвященных теме ленинского «Завещания». Вскоре начался процесс дополнения троцкистской схемы оценками, заимствованными у антикоммунистической историографии.

Историографический смысл этого поворота заключался не в обеспечении прироста научных знаний (наука в литературе времен «перестройки» было не больше, чем в троцкистской или в «хрущевской»), а в создании морально-психологических предпосылок для политической и мировоззренческой переориентации советских историков. Поскольку именно М.С. Горбачев стал инициатором и главным организатором этой «перестройки», снова превратившей тему ленинского «Завещания» в мощный фактор политической борьбы, то и саму историографию этого периода с полным правом можно назвать «горбачевской».

Механизм смены концепций был задействован тот же, что и Хрущевым после XX съезда КПСС. Концептуальная перестройка была осуществлена с помощью историко-политической публицистики[25] и художественной литературы[26], которые, энергично заимствуя старые троцкистские схемы, навязали их под видом последнего слова науки беспомощным пропагандистам «хрущевской» историографической версии. Публицистика еще раз с триумфом проявила себя мощным средством управления не только сознанием людей, но и исторической наукой. Историкам-специалистам опять ставили в пример «прорабов перестройки» от пера и корили за научную косность. И они в массе своей согласились с этим, некритически приняли залежалые схемы Троцкого за новое слово в исторической науке. Такой способ организации «перестройки» исторической науки, тем более повторенный дважды, должен привлечь к себе внимание всякого, кто изучает отечественную историографию середины 50—80-х годов.

В этом отношении показательна конференция историков и писателей (27—28 апреля 1988 г.), посвященная задачам перестройки исторической науки, исторического образования и просвещения. Многие ее участники, перечеркивая собственную научную работу, обесценивая свои труды, говорили о непрофессионализме отечественных историков, в пример ставили иностранных коллег, методы работы и труды которых охотно принимались в качестве образцов, часто — без должных на то оснований. Значительная масса советских историков проявила себя просто-напросто как политические наемники от науки. В начале от имени революции и во имя социализма они профессионально топтали царизм и капитализм, потом стали топтать революцию и социализм. То именем Ленина и Сталина они побивали Троцкого, Бухарина и др., то во имя честного имени этих последних громили Сталина, а потом и Ленина. Впрочем, себя они легко оправдывали «последствиями» «культ личности Сталина», условиями тоталитаризма.

Эволюция взглядов и даже радикальный пересмотр оценок — норма. Норма, если она происходит по мере накопления нового материала, выработки новых концепций, появления

новых методов и т.д. Но в данном случае ничего этого не было. Расширение доступа к новым архивным материалам было еще впереди, а их изучение и осмысление — дело еще более отдаленного будущего. Например, один из «прорабов» — В.И. Касьяненко признавал: «У историков еще мало документов, новых концепций, идей и оценок периодов и событий, чтобы правдиво и в полном объеме показать состояние общества и партии»[27]. С этим надо согласиться. Но приговор-то уже вынесен! В выступлениях многих историков звучала та же странная мысль: новые исследования истории социалистической революции еще впереди, но истину мы уже знаем[28]. Статьи и книги, вышедшие в конце 80-х — начале 90-х годов, свидетельствуют, что использованные в них архивные документы практически не оказали на развитие концепций никакого влияния. Они привлекались, как правило, для подкрепления и иллюстрации старых схем троцкистской и антикоммунистической историографии.

Таким образом, смена историографических концепций произошла ДО того, как для историков были открыты архивы и они успели ознакомиться с новым массивом документов, изучить и осмыслить полученную информацию. Достаточным основанием для этого поворота почиталась идеология «перестройки». Например, П.Н. Федосеев, вице-президент АН СССР и член ЦК КПСС утверждал, что «ценнейшим приобретением теории и практики последних лет является новое, подлинно диалектическое мышление, составляющее революционный метод и душу перестройки»[29]. С этим комплиментом невозможно согласиться. О методологической и теоретической ценности идей «перестройки» говорить не приходится хотя бы потому, что главный «прораб» ее — М.С. Горбачев, — несмотря на все усилия, так и не смог объяснить сущность своего политического детища, более того, окончательно запутал вопрос: то объявлялось, что перестройка — процесс революционный по сути своей, то она объявлялась революцией, затем революцией в революции. Наконец, было сообщено, что перестройка революционизируется.

Чтобы ускорить восприятие историками предложенных им «новых» идеологических и исторических концепций, в ход был пущен лозунг: «Историки, не отставайте от литераторов!». За последними признавались право и способность вести за собой историческую науку. Второй раз за тридцать лет наши ученые-историки согласились с этой участью[30].

Между тем в среде деятелей литературы их способность вести за собой историческую науку подвергалась большому сомнению. Так, член-корреспондент АН СССР П.А. Николаев на конференции историков и писателей от имени литераторов откровенно заявил: «Мы не располагаем должным знанием истории нашего общества... по причинам, так сказать, цеховым: у нас есть трудности, связанные с различиями научного и художественного мышления... *мы не всегда осознаем... специфику научного мышления...* » Деятелям литературы «*не хватает понимания сложности... категории "историзм"*» (курсив наш. — В.С.)[31].

В этих условиях формировалась новая историографическая версия ленинского «Завещания». Она, как видно, была вызвана к жизни не прогрессом науки, а заказом политических сил, начавших разрушение социализма под видом его «перестройки». Результат ее победы свелся главным образом к усвоению информации, содержащейся в воспоминаниях Л.Д. Троцкого, и, следовательно, ее научное значение было ничтожно. Однако историографический смысл этой эволюции был велик. Он состоял в открытом заявлении профессиональных историков о смене своих идейно-политических позиций в соответствии с меняющейся политической конъюнктурой[32].

«Классиком» этой «перестройки» стал Д.А. Волкогонов, книга которого «Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина», написанная еще до 1985 г., была высоко оценена[33]. Поднятые в ней проблемы получили дальнейшую разработку в историческом триптихе «Вожди». Заметным событием стала статья В.И. Старцева «Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года», в которой он выходил на проблематику ленинского «Завещания» от анализа вопроса о «стабильности политического руководства страны» и воспроизводил традиционную для «хрущевской» историографии

версию «Письма к съезду» со значительными включениями положений, заимствованных у троцкистской историографической школы[34]. Понимая ограниченность источниковой базы своего исследования, Старцев все-таки соблазнился делать очень далеко идущие, поспешные, необоснованные и политически конъюнктурные выводы по многим важным вопросам. Брошюра Е.Г. Плимака «Политическое завещание В.И. Ленина»[35] — единственная крупная работа, специально посвященная нашей теме. В концептуальном отношении она является типичным продуктом поздней «горбачевской» историографии, когда антисталинизм, изначально присутствовавший в смягченном виде в «хрущевской» историографии, раскрылся в полной мере, сделав решительный шаг навстречу троцкистской концепции. Влияние троцкистской историографии просматривается не только в использованном материале и оценках, но и в подходе к проблеме: примерно три четверти ее текста посвящены критике Сталина, которая ведется в традиционном для Троцкого ракурсе. Тем не менее проблематика отношений Ленина и Сталина не получила серьезной разработки. В брошюре очень ярко проявилась и другая характерная для отечественной историографии этого времени черта — отсутствие интереса к содержательной стороне ленинского плана построения социализма.

Прививка троцкизма советской историографии осуществлялась столь массированно и энергично, что период «мирного сосуществования» «хрущевской» и троцкистской концепций был сжат до предела. По мере успехов «перестройки» позиции «хрущевской» версии быстро ослабли, и вскоре она ушла в небытие, освободив место для троцкистской концепции. Стремительность политической эволюции, вызвавшая калейдоскопическую смену мировоззренческих, методологических, теоретических и исторических концепций, не позволила новообращенным сторонникам ее насладиться успехом. Он оказался для них «пирровой» победой. Повинуясь меняющейся политической конъюнктуре, масса историков, бросив вновь обретенные «истины», продрейфовала дальше, переходя на позиции той или иной разновидности антикоммунистической историографии. В итоге реальный вклад троцкистской концепции в развитие отечественной историографии свелся к расчистке дороги и подготовке почвы для утверждения и развития откровенно антикоммунистической концепции. То же случилось и с «горбачевской» историографической версией, которая, полностью исчерпав свой политический потенциал и не оставив ничего ценного в научном отношении, сошла со сцены. «Мавр сделал свое дело» и обрек себя на умирание.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Распад СССР, смена социально-политического строя привели к серьезным переменам в исторической науке и, в частности, в историографии ленинского «Завещания». Поле битв на почве истории осталось за антикоммунистической историографией, которая не проявляет интереса к разработке проблематики ленинского «Завещания» и представлена немногими работами, в которых само оно не изучается, а лишь используется в интересах обоснования той или иной политико-исторической схемы[36]. Концептуальные различия наиболее заметны в политических оценках Ленина и других руководителей большевистской партии, социалистической революции, в оценках предложений, содержащихся в «Завещании». Поскольку у авторов, представляющих ее, в отличие от троцкистской историографии нет политического интереса подчеркивать близость Ленина и Троцкого, то в их работах этот важный вопрос получает иногда более правильное освещение.

Теряет свои позиции и эволюционирует троцкистская историография. Прежняя информационная зависимость от нее господствующей ныне антикоммунистической историографии исчезла с открытием архивов КПСС. Ознакомление историков с архивными материалами ведет троцкистскую концепцию к внутреннему кризису, поскольку многие важные положения ее не только не находят подтверждения в документах, но и прямо опровергаются ими. Авторы, придерживающиеся троцкистской концепции, вынуждены встать на путь отбора материалов, которые бы вписывались в историографическую схему Троцкого. Эта эволюция привела к возникновению неотроцкистской версии троцкистской

историографической концепции. В ней произошло некоторое изменение системы аргументации, выводов, оценок, которые в совокупности ведут к разрушению краеугольных догм своей предшественницы. Например, Троцкий уверял, что члены Политбюро, и Сталин в том числе, до мая 1924 г. не знали о ленинских характеристиках. Неотроцкистская историография исходит из того, что Фотиева, «работавшая» на Сталина, известила его о «Письме к съезду» вскоре после его создания. Ясно, что в этом случае не только многое меняется во всей этой истории, но и фактически признается лжесвидетельство Троцкого. Судя по всему, неотроцкизм стал для троцкистской концепции «лебединой песней». Это направление в современной отечественной историографии представлено работами В.З. Роговина, В.А. Куманева и И.С. Куликовой, Г.Л. Олеха, А.В. Антонова-Овсеенко. С определенной степенью условности к ней можно отнести статьи Ю.А. Буранова и ряда других[37].

Коммунистическое (марксистское) направление в отечественной историографии, занимавшее прежде господствующее положение, утратило его и значительно ослабло, но не исчезло. В рамках его сохраняется верность той схеме, которой следовала советская историография после XX съезда КПСС, даже в том случае, если она подвергается резкой критике в других вопросах, как, например, в работах Р.И. Косолапова, Ю.В. Емельянова и В. Карпова[38].

Работы, изданные после 1991 г. (т.е. те, которые можно назвать современной историографией), выгодно отличаются от литературы предшествующего времени тем, что опираются на гораздо более широкую источниковую базу, позволяющую если и не полностью исследовать весь круг проблем, связанных с ленинским «Завещанием», то, по крайней мере, подойти к решению основных. Но эта возможность реализуется крайне слабо, в итоге сложилась парадоксальная ситуация: открывшиеся новые возможности для исследования проблематики ленинского «Завещания» не вызвали активизации исследований ее. Наоборот, интерес к ней стал угасать, так как она стала политически неактуальной, а в научном плане считается полностью выясненной. Появляющиеся изредка работы, в которых затрагиваются отдельные грани этой проблемы, не могут изменить ситуацию.

Наибольшее общественное звучание в это время приобрели книги Д.А. Волкогонова, посвященные Ленину, Сталину и Троцкому, в которых тема ленинского «Завещания» занимает одно из центральных мест. Волкогонов проделал головокружительную эволюцию от «хрущевской» к антикоммунистической версии. В своем антикоммунизме он не оригинален и не интересен, однако он привлек значительный по объему документальный материал, извлеченный из архивов и частично остающийся недоступным массе историков. Его работы интересны, прежде всего, этим. Правда, материал часто подобран тенденциозно, что сильно снижает их научную ценность. Поэтому правильнее будет определить его работы, как хорошо документированную политическую публицистику. Для достижения необходимого эффекта там, где исторические источники не позволяют сделать нужные выводы, Волкогонов часто прибегает к собственным размышлениям за Ленина, за Сталина, за Троцкого, используя их в качестве аргументов в пользу собственных выводов. В книге «Сталин» внимание автора сосредоточено почти исключительно на «характеристиках», которые Ленин дал членам ЦК партии[39]. Анализ проблемы «Завещания» был продолжен Волкогоновым в книге «Ленин», в центре внимания которой оказываются взаимоотношения Ленина и других членов Политбюро[40]. Цель «Завещания» автор усматривает в стремлении В.И. Ленина «ослабить бюрократическую хватку в обществе... бюрократическими методами»[41]. В книге «Троцкий» он лишь кратко и эпизодически затрагивает отдельные аспекты обнародования ленинского «Завещания» и отношений Троцкого с Лениным и Сталиным[42]. Освещение этих проблем дается в рамках схем и оценок, предложенных еще Троцким.

Активно разрабатывал тему «Завещания» А.В. Антонов-Овсеенко. Смысл своей работы этот автор видит в том, чтобы «в образе Сталина... показать преступника... выявить уголовную сущность»[43]. Логические схемы попеременно с тенденциозно подобранными

документами и неподдающимися проверке рассказами людей, не являющихся очевидцами, заменяют научно обоснованную аргументацию и лежат в основе авторских рассуждений, а эмоции занимают место анализа. Антонов-Овсеенко не желает понять, что его ненависть к Сталину, являющаяся фактом его биографии, не может быть принята вместо исторического факта и аргумента. Сам автор в книге «Портрет тирана»[44] признает, что его работа не имеет под собой никакой документальной основы и являет собой «издание литературно-художественное». Это верно, но поскольку эта книга и в концептуальном, и в конкретно-историческом отношении представляет собой слепок серии его статей, опубликованных в журнале «Вопросы истории», то, следовательно, эта оценка в полной мере относится и к статьям. Однако все усилия обосновать антисталинские настроения Ленина принесли более чем скромные результаты, что фактически он и признает: «Лишь в эпизодах, таких, как доверительные беседы с М.В. Фофановой или с секретарями в Горках, возникает зловещая фигура Сталина»[45].

Заметный след в современной историографии проблемы оставила книга Ф.Д. Волкова «Взлет и падение Сталина». Характер книги определяет антисталинизм автора, который программирует и концепцию, и работу с материалом. Как и Антонов-Овсеенко, он не пытается встать над страстями и объективно оценить происходившие события. Концептуально его взгляды на проблему ленинского «Завещания» занимают промежуточное положение между «хрущевской» и неотроцкистской историографическими версиями. В книге достаточно широко используются архивные материалы, чем она выгодно отличается от работ Антонова-Овсеенко, однако круг использованных источников указывает на тенденциозный их отбор. К тому же используются они без должной критики, а эмоции по поводу того или иного документа или факта часто подменяют их анализ. Не останавливается Ф.Д. Волков и перед искажением смысла ленинских документов с помощью преднамеренных сокращений их текста[46].

В.А. Куманев и И.С. Куликова, авторы книги «Противостояние: Крупская — Сталин», все внимание сосредоточивают на выяснении личных отношений Ленина и Сталина, Сталина и Крупской. Источниковая база их работы достаточно широка, включает архивные материалы, ставшие доступными в начале 1990-х годов. Они считают, что «единственная цель историка во все времена состояла в глубоком и осмысленном переосмыслении минувшего на основе более полных и достоверных источников, новых подходов и ракурсов изучения, более современных методов исследования, неудержимо стремясь при этом только к одному — к истине»[47].

Однако сами авторы игнорировали не только документы, разрушающие их схему, но и пренебрегали обязанностями историка критически относиться к источнику. Концептуально они следуют троцкистской схеме ленинского «Завещания».

Троцкистской историографической концепции и ее неотроцкистской версии определенно и последовательно противостоит Н.А. Васецкий[48], для научного почерка которого свойственно критическое отношение к источникам. Недостаточное (для начала 90-х годов вполне понятное) использование архивных документов вполне может объяснить определенную ограниченность критики троцкистской концепции и источников.

Среди специальных исследований ленинского «Завещания» выделяются статьи Ю.А. Буранова, в основе которых лежала не историографическая схема Троцкого, а анализ новых источников. Особенно интересна статья «К истории ленинского "политического завещания"», посвященная исследованию не только ряда текстов, но и истории их создания[49].

Книга Э.С. Радзинского «Сталин» представляет упрощенный вариант версии, развивавшейся еще Волкогоновым с заменой философских обобщений, имеющих у последнего, «свободным» разговором о сложных исторических и политических проблемах. В ней нет анализа текста «Завещания» и политической борьбы, отсутствует критический подход к источникам. Автор из массы материала отбирает лишь то, что обеспечивает ему достижение желаемого психологического и политического эффекта. Основные исторические

оценки вполне соответствуют схеме Троцкого, а политические — антикоммунистической историографии[50].

Проблематика «Завещания» получила отражение в книге Е.А. Котеленец, посвященной «лениниане» времен «перестройки» и современной литературе по проблеме. В ней представлен обзор новых версий истории создания и содержания «Завещания», а также политических отношений Ленина с другими членами Политбюро[51].

Появляются работы, позицию авторов которых трудно соотнести с каким-либо направлением. Примером может служить книга Н.Н. Яковлева «Сталин: путь наверх»[52], являющаяся поверхностным повествованием при вольном отношении к фактам и отсутствии намека на критическое отношение к используемым источникам. Воспринимая «Завещание» вполне в духе «хрущевской» историографической концепции, автор демонстрирует свойственное антикоммунистической историографии отрицательное отношение к Ленину и Троцкому, но в отличие от нее с определенным сочувствием относится к Сталину, противопоставляя его Ленину как русофобу. В результате получается упрощенная и искаженная картина взглядов Ленина и Сталина по ряду важнейших политических вопросов, а также их личных и политических отношений.

Автор данной книги концептуально противостоит традиционной историографической концепции, под которой мы понимаем все историографические концепции и их версии, кроме сталинской, поскольку она не получила достаточно широкого распространения, давно «сошла со сцены» и последние полвека практически не оказывала влияние на развитие историографии проблемы. Вместе с тем автор считает, что доступные сегодня источники приводят к выводу, что общая схема истории создания ленинского «Завещания», использованная сталинской историографией, в большей мере, чем другие историографические концепции и их версии, отражает реалии того времени. Автор солидарен с ней в этом вопросе. Существенное отличие авторской концепции от сталинской состоит в утверждении, что ленинское авторство ряда текстов «Завещания» нельзя считать доказанным.

2. ИЗУЧЕННОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Обращение к ленинскому «Завещанию» было традиционным при изучении самых разных вопросов марксистско-ленинской теории, истории социалистической революции, большевистской партии и истории социалистического строительства. Естественно, что проблематика «Завещания» затрагивается в огромном количестве научных изданий, присутствуя в них чаще всего не как объект исследований, а в качестве важной, но побочной проблемы, что мало способствовало изучению самого этого комплекса документов. Работ, посвященных непосредственно «Завещанию» или смежных с ним проблемам, в которых накапливалась и анализировалась информация по теме, было много меньше, они исчисляются единицами.

Поскольку изучение ленинского «Завещания» всегда было подчинено интересам решения тех или иных политических задач, то естественно, что и внимание исторической науки привлекалось лишь к тем проблемам, которые были политически актуальными в данный момент, поэтому наряду с проблемами, изученными более или менее основательно, многие вопросы остаются рассмотренными поверхностно или даже не поставленными как следует. Множество легенд, созданных как участниками и современниками событий, так и историками воспринимаются историками как реальные факты, а порожденные ими заблуждения — как надежные знания. В результате в историографии сложился устойчивый комплекс представлений, в котором историческая правда органично переплелась с преднамеренными фальсификациями.

СОДЕРЖАНИЕ «ЗАВЕЩАНИЯ»

В исследование ленинского «Завещания» как важного этапа разработки плана построения социализма наибольший вклад внесли работы советских историков конца 50-х — середины 80-х годов, посвященных В.И. Ленину, истории социалистического строительства в СССР[53]. Наиболее серьезным недостатком этих исследований является подход к последним ленинским работам именно как к комплексу работ, в которых Ленин завершил разработку плана построения социализма. Отсюда стремление представить их как высшее достижение ленинской мысли и, естественно, абсолютизация буквально всех сформулированных в них положений. Это затрудняло критический анализ текстов «Завещания», понимание их подлинного характера и предназначения, а также развития ленинской мысли.

На рубеже 80—90-х годов стали появляться работы, в которых наметился критический подход к ленинскому «Завещанию» как плану построения социализма в СССР. Прежние оценки переосмысливались, как правило, с позиций взглядов, развивавшихся Троцким или Бухариным[54]. Заявление Ленина об изменении «точки зрения на социализм» стало трактоваться как отказ от прежних взглядов, как признание социализма строем, основанным на товарно-денежных отношениях. Стали расширительно (в духе либерализма, формального демократизма) трактоваться его предложения о реформировании государственного аппарата, подвергаться сомнению эффективность его предложений относительно совершенствования государственного аппарата и борьбы с бюрократизмом с помощью Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Изучение системы взглядов Ленина по вопросам национально-государственного строительства свелось к использованию статьи «К вопросу о национальностях...» для обоснования критики не только Сталина, но и Ленина за недостаточное противодействие ему, и предложенных им принципов строительства Советского Союза. Вместе с тем была высказана верная мысль об эволюции взглядов Ленина на проблемы построения социализма в России в направлении идей, которые развивались К. Марксом относительно наличия у крестьянства России определенного социалистического потенциала[55].

В современной отечественной историографии политическое отношение к ленинскому наследию изменилось радикально. Троцкий никогда не разделял ленинских взглядов на перспективы социалистической революции в России, очевидно, этим объясняется почти полное равнодушие троцкистской и неотроцкистской историографии к этой стороне ленинского «Завещания». Например, в работах В.З. Роговина, В.А. Куманева и И.С. Куликовой, Ф.Д. Волкова, В.А. Антонова-Овсеенко практически не нашлось места для анализа социально-экономических предложений, а политические сведены к проблеме борьбы со Сталиным[56]. Для антикоммунистической историографии, рассматривающей всю проблематику социалистических преобразований как утопию, эти проблемы представляют еще меньший интерес. Все внимание в них концентрируется главным образом на личностном аспекте внутрипартийной борьбы. Связанная с изменением господствующих в обществе политических и идеологических установок потеря интереса к истории социалистической революции привела к тому, что открывшиеся новые возможности для изучения ленинского наследия современной историографии практически не реализуются.

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ «ЗАВЕЩАНИЯ»

Вопрос о причинах появления «Завещания» вызывает разногласия. В советской официальной историографии середины 50—80-х годов причину видели в стремлении Ленина завершить разработку своего плана построения социализма и предупредить партию об угрозе раскола, которая якобы исходит от группы руководителей партии, поименованных в так называемых «характеристиках». В биографии Ленина, например, говорилось: «Чувствуя, что он может в ближайшее время совсем выйти из строя, Ленин решил продиктовать ряд записей... хотел в своих письмах и статьях подвести итоги великих завоеваний... рассмотреть перспективы дальнейшей борьбы»[57]. Троцкий и следующая за ним историография исходят из того, что цель «Завещания» состояла в стремлении изменить баланс сил в партии в его,

Троцкого, пользу и обеспечить его победу во внутривнутрипартийной борьбе. И даже более того — в том, что Ленин подталкивал Троцкого на обострение борьбы со Сталиным: «Ленин, боявшийся в дальнейшем раскола партии по линии Сталина и Троцкого, для данного момента требовал от меня более энергичной борьбы против Сталина»[58]. Получается, что В.И. Ленин хотел ввергнуть партию в борьбу ради ее единения вокруг Троцкого. Если поверить последнему, то встает еще один неприятный для традиционной историографии вопрос: что беспокоило Ленина? Раскол партии или устранение Сталина как противника Троцкого? Троцкистская историография уверяет: Ленин заботился о Троцком, а «хрущевская» — Ленина беспокоила угроза раскола партии по вине Сталина. Большинство зарубежных и современных отечественных историков приняли версию Троцкого.

Свою версию предложил Д.А. Волкогонов: причину появления «Завещания» он усматривал в попытках Ленина «по-особенному взглянуть на своих соратников», которые он предпринимал с конца 1921 г., «все время думая о грядущем». Само «Завещание» оценивается как философское предупреждение об опасности, рожденной большевизмом, которая заключалась в бюрократизме и его главном проводнике — Сталине[59]. Оригинально, но не аргументировано.

ОТНОШЕНИЕ В.И. ЛЕНИНА К СВОИМ СОРАТНИКАМ

Проблема отношения Ленина к другим членам Политбюро является одной из центральных в историографии. Закрепившиеся в традиционной литературе взгляды на эту проблему имеют мало общего с тем, что было в действительности. В сталинской историографии, с одной стороны, акцентировалась близость политических и человеческих отношений Ленина и Сталина, а с другой — непримиримое противостояние Сталина и Ленина, с одной стороны, и Троцкого — с другой. В целом это верная, хотя и несколько упрощенная интерпретация их политических и личных взаимоотношений. В троцкистской историографии отношения между членами Политбюро были вписаны в политическую борьбу в руководстве партии, которая представлялась в искаженном виде как политическая интрига Сталина, Зиновьева и Каменева, направленная против Ленина, которой противостояло крепнущее взаимопонимание и взаимодействие Ленина и Троцкого. Отношения Ленина и Троцкого рисовались лишенными серьезных разногласий, наполненными взаимным личным уважением. Отношения Ленина и Сталина, напротив, изображались как постоянно обостряющиеся[60]. Эта расстановка политических сил якобы нашла свое отражение в «Завещании» Ленина. Постоянно повторяя и варьируя эти утверждения, Троцкий не приводил в подтверждение их каких-либо доказательств. Тем не менее, они стали важной составной частью не только троцкистской, но и зарубежной и современной отечественной историографии ленинского «Завещания»[61].

Антикоммунистическая историография в этом вопросе демонстрировала независимость от Троцкого. Так, например, Н.В. Валентинов на первое место в качестве наиболее близкого к Ленину политика и наиболее значимого деятеля в руководстве партии в последний период деятельности Ленина выдвигал Сталина, ставя Каменева на второе, а Зиновьева на третье место[62].

«Хрущевская» историография в отличие от сталинской и троцкистской, наоборот, игнорировала связь между «Завещанием» и той политической борьбой, которая происходила в руководстве партии в 1922 — начале 1923 г. Вернее, она представлялась в искаженном виде — сводилась к борьбе по вопросам монополии внешней торговли, образования СССР и конфликту в КП Грузии, т.е. к тем вопросам, которые можно было использовать для обоснования тезиса об обострении политических и личных отношений Ленина со Сталиным в тот период. Упор делался на угрозе раскола партии из-за отношений Сталина и Троцкого, а Ленин изображался стоящим «над схваткой» и осуждающим их. Вместе с тем использовался важнейший тезис троцкистской историографической концепции о нарастающей остроте в политических и личных отношениях между Лениным и Сталиным. Установленный для историков жесткий режим использования архивных и даже многих опубликованных

документов (спецхран), не позволял установить реальную картину политических отношений, существовавших между Лениным, Сталиным, Троцким, Зиновьевым, Каменевым и Бухариным, и той борьбы, в которую они были вpletены. Объективно этот режим способствовал сохранению мифов, сработанных Троцким.

В последнее время положение существенно изменилось. Доступные историкам документы позволяют увидеть ту дискуссию по принципиальным вопросам, которая имела место в руководстве партии, лучше понять подлинную глубину и остроту разногласий, ее конкретные проявления и динамику политической борьбы. В современной историографии, опирающейся уже не только или не столько на старые историографические схемы, сколько на документы, расстановка сил в этой «тройке» начинает меняться. Д.А. Волкогонов отмечал и охлаждение отношений Ленина к Зиновьеву, и близость Сталина к Ленину[63]. На их близость до осени 1922 г. указывает С.В. Кулешов, считающий, что Троцкий был ближе к Ленину, а Зиновьев и Каменев — к Сталину[64]. Э. Радзинский считает Сталина одним из ближайших к Ленину политических деятелей[65]. Оригинальной точки зрения придерживается Н.Н. Яковлев, противопоставляющий их, но иначе, чем это делается в троцкистской концепции, — для того чтобы оттенить критику Ленина как коммуниста и русофоба[66].

Иногда предпринимались попытки объявить наиболее близкими людьми к Ленину Зиновьева и Каменева, а Сталина представить в качестве младшего партнера[67]. Тем не менее, в центре внимания историков остаются отношения Ленина со Сталиным и Троцким.

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ

Основным аргументом в пользу того, что Ленин желал, чтобы именно Троцкий стал его политическим преемником, служит предложение Ленина Троцкому (сентябрь 1922 г.) занять должность одного из заместителей председателя СНК[68]. В.И. Старцев считает, что «мотивы самого Ленина» в этом случае ясны и они состояли в том, чтобы «дать Троцкому лишний шанс для противостояния Сталину, уравновесить его внутрипартийное положение одним из самых важных советских постов. Ленин опасался возможного обострения конфликта между Троцким и Сталиным, чем и был продиктован этот ход»[69]. Иначе говоря, по В.И. Старцеву получается, что Ленин, чтобы смягчить накал борьбы, желал усилить одну из сторон, именно политически более слабую, следовательно, создать предпосылки для продолжения и обострения борьбы. Не все так доверчивы, чтобы верить Троцкому на слово. Например, Н.В. Валентинов, в целом сочувственно и с доверием относящийся к рассказам Троцкого, это утверждение подвергает сомнению[70]. Д.А. Волкогонов не верит, что Ленин желал политического блока с Троцким, аргументируя свой скепсис резонным соображением о том, что для смещения Сталина Ленину помощь Троцкого не была нужна[71], и указанием на то, что когда Ленин хотел позитивного решения, он всегда настаивал на своем предложении[72]. В данном же случае он спокойно принял отказ, значит, он и не желал, чтобы Троцкий согласился.

Н.А. Васецкий политические взгляды Троцкого оценивает как антиленинские и догматические и на этой базе решает вопрос о политических взаимоотношениях Ленина и Троцкого. Такой подход обоснован. Ю.В. Емельянов считает, что Ленин питал надежды на «умиротворение» Троцкого и ошибся[73].

ЛЕНИН И СТАЛИН

Наибольшее внимание в историографии уделяется Сталину. Поскольку одним из центральных положений «Завещания» было требование переместить Сталина с должности генсека как не оправдавшего оказанного ему доверия, то в центре внимания историков оказываются причины назначения Сталина генеральным секретарем ЦК РКП (б), причастность Ленина к его назначению, причины и время разочарования Ленина в Сталине.

Сталинская историография исходила из того, что Сталин был ближайшим к Ленину деятелем партии, а поэтому и стал его естественным преемником, должность генерального

секретаря стала как бы организационно-правовым оформлением этого политического факта. В краткой биографии Сталина и в примечании к 5-му тому собрания сочинений Сталина подчеркивалось, что апрельский (1922) Пленум ЦК РКП (б) избрал Сталина генеральным секретарем ЦК по предложению Ленина[74]. В биографии В.И. Ленина, написанной Ем. Ярославским, дополнительно указывалось, что «Ленин, знавший как никто, кадры нашей партии, считал, что именно Сталин должен стоять во главе руководящего штаба большевистской партии, как крупнейший организатор, теоретик, как человек, пользующийся огромным доверием партии»[75]. В лекциях по истории ВКП(б) Ем. Ярославский писал, что должность генерального секретаря была «нововведением», а избрание на нее Сталина — «признаком огромного доверия со стороны партии» к нему «как к испытанному в боях трех революций и в огне гражданской войны, верному и опытному вождю, ближайшему соратнику товарища Ленина»[76].

От Троцкого идет прочно укоренившийся в историографии «номенклатурный вариант» этой истории: сначала была придумана должность генерального секретаря (при этом часто утверждается, что она была в то время чисто технической)[77], а потом на нее начали искать подходящего кандидата. Д.А. Волкогонов причину появления этой должности усматривал в необходимости обеспечить «повышение статуса ответственного секретаря до уровня генерального» и при этом объявлял этот пост политически малозначимым[78]. В.И. Старцев тезис о малой значимости поста генсека пытался обосновать логически: если бы этот пост был политическим, ключевым, то «первым генсеком был бы, видимо, Ленин»[79]. Мнение расхожее, но никем не обоснованное и убедительное только на первый взгляд.

Троцкий является также родоначальником версии о непричастности Ленина к избранию Сталина генеральным секретарем. В книге «Сталин» он, делая особый упор на роли Зиновьева, предложившего кандидатуру Сталина, писал, что Ленин не возражал («не принял боя», «не довел сопротивления кандидатуре Сталина до конца»), потому что этот пост «имел в тех условиях совершенно подчиненное значение» и «пока оставалось у власти старое Политбюро, Генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой»[80]. У Троцкого не сказано прямо, но логически следует, что Ленин не доверял Сталину именно как политику[81].

В историографии (исключая сталинскую) обыгрывалась каждая грань предложенной Троцким схемы. «Независимость» от нее проявлялась исключительно в деталях: одни отрицали факт выдвижения Лениным Сталина на должность генсека, другие ограничивали его участие одобрением этого предложения[82], третьи, признавая его участие, утверждали, что из-за болезни он не придал значения обсуждавшемуся вопросу или не понял опасности этого решения[83], четвертые считали, что Ленин все понимал и видел опасность, но хотел проверить Сталина[84].

Официальная советская историография второй половины 50—80-х годов не пролила дополнительный свет на вопрос об отношениях Ленина и Сталина, на причины и историю избрания Сталина генеральным секретарем. Более того, она внесла в эти вопросы дополнительную неопределенность. Так, в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» говорится лишь, что Пленум ЦК принял «решение учредить должность Генерального секретаря ЦК РКП(б); им был избран И.В. Сталин»[85].

Зарубежная («буржуазная», «антикоммунистическая»), «горбачевская» и современная отечественная историографии, взяв за основу версию Троцкого, еще более запутали вопрос. Так, В.А. Куманев и И.С. Куликова пытаются доказать, что Сталин именно «сделался» генеральным секретарем[86]. Р. Такер считал, что Сталин сам прорвался к этой должности, а роль Ленина сводилась к «согласию» «в знак признания старшинства в новом секретариате»[87]. Д.А. Волкогонов, Д.Ф. Волков предприняли попытку изучить историю избрания Сталина с использованием новых материалов[88], но ее нельзя признать удачной. В предложенных ими вариантах старые схемы соединяются с разрушающей их информацией, что ведет в логические тупики. Так, Волкогонов, с одной стороны, поддерживает старую, идущую от Троцкого легенду о слабых позициях Сталина по причинам его политической,

моральной и личной ущербности и навязывает мысль, что он «думал лишь о том, чтобы не выпасть из... когорты» соратников Ленина. А с другой — утверждает, что он присвоил себе «право представлять, толковать, комментировать идеи Ленина»[89]. Вот так: думал, как бы не «выпасть» из числа соратников, но вдруг взял и «присвоил» себе право толковать Ленина...

Д.А. Волкогонов уделял много внимания обоснованию тезиса о том, что Сталин уступал другим в интеллектуальном и нравственном отношении, а успех в политической борьбе объяснял его целеустремленностью, политической волей, хитростью и коварством, умением использовать партийный аппарат в своих целях. Волкогонов акцентировал роль Зиновьева и Каменева («ленинская гвардия»), которые рассчитывали использовать его в борьбе с Троцким в собственных интересах как подручного[90]. Но с течением времени этот автор менял свое мнение. Сначала он утверждал, что Сталина на должность генерального секретаря рекомендовал Каменев при «одобрении» Ленина[91], в дальнейшем он понижал степень участия Ленина: «одобрение» исчезает, его заменяет тезис о том, что Ленин только «знал об этом предстоящем нововведении», а в качестве инициатора наряду с Каменевым появляется Сталин. Далее Волкогонов «уточняет»: «пожелание» исходило не только от Каменева, но и от Зиновьева и, негласно, от Сталина[92]. Никаких материалов, подкрепляющих свои выводы, автор не приводит.

Версия интриги Сталина с целью получения поста генсека иногда сочетается с признанием активной роли Ленина в решении этого вопроса. Н. Штейнбергер (со ссылкой на рассказы В.И. Невского и Н.А. Скрыпника) пишет, что «Сталин перехитрил Ленина, нарисовав ему преувеличенную картину грозящей опасности раскола партии», запугал Ленина тем, что у него нет твердого большинства в руководящем органе партии и выдавал себя за единственного человека, способного обеспечить Ленину стабильное большинство в ЦК. Поэтому «расширение полномочий Оргбюро и связанное с ним переименование сталинских функций произошло с одобрения Ленина»[93]. А.В. Антонов-Овсеенко не мог миновать версии об интриге, соединив в ней, кажется, все встречающиеся в литературе взаимоисключающие положения. Именно с интригами Сталина, стремившегося к удовлетворению маниакального стремления к власти, связывает он решение Пленума ЦК об избрании Сталина генсеком. Мотив этого стремления для автора ясен, а потому не аргументируется: «пост генсека... единственный ход к неограниченной власти»[94]. Отвергнув как «домысел» то, что предположение о назначении Сталина исходило от Ленина, Антонов-Овсеенко, побивая свою первую версию, предлагает вторую: обманутый Ленин сам предложил Сталину пост генерального секретаря[95]. Впрочем, есть и третья версия, согласно которой главными героями выступают не Сталин и Ленин, а Зиновьев и Каменев, которые (вместе с Бухариным) «наметили на место руководителя Центральным аппаратом Сталина» и вручили «туповатому» Сталину «ключ от Секретариата ЦК», считая, что он «будет плясать под их дудку». По мнению Антонова-Овсеенко, произошло это так: Каменев «на очередном заседании ЦК... внес предложение поставить во главе Секретариата Сталина, заменив должность «отсека» должностью «генсека». Кто-то с места... поддержал идею, и вот уже вопрос поставлен на голосование...»[96].

Повышенное внимание в этой истории приковано к Каменеву (иногда в компании с Зиновьевым). Об особой роли Каменева говорят Д.А. Волкогонов, Н.А. Васецкий, В.И. Старцев[97]. Итак, Каменев и Зиновьев в роли «делателей королей». Но с этим утверждением согласиться нельзя. Тезис о подобной их активности покоится только на рассказах Троцкого и логических выкладках. Документы показывают иное: в истории избрания Сталина генеральным секретарем политические интересы Зиновьева и Каменева сколь-либо существенного значения не имели, во всяком случае, они практически не просматриваются, зато политические интересы Ленина прослеживаются вполне определенно. Молчат документы и о какой-либо инициативе в деле выдвижения Сталина, исходящей от Каменева и Зиновьева.

Как правило, тезис о том, что Зиновьев и Каменев сделали Сталина генсеком,

некритично сочетается с признанием содержащегося в «Письме к съезду» утверждения, что Сталин «сделался» генсеком. Сторонники признания активного участия Ленина, как и сторонники версии, что Сталина генсеком «сделали» Зиновьев и Каменев, не замечают, что между этим фактом и тезисом «характеристик» о том, что Сталин «сделался генсеком», имеется вопиющее противоречие. Или он сделался, или его сделали. На первый взгляд, ответ может состоять в том, что Сталин занял пост исключительно в результате собственных усилий. Но это мнение находится в противоречии с тем, что известно о личных и политических отношениях Ленина и Сталина, о настроениях Ленина, о положении Сталина в Политбюро и ЦК партии, наконец, о процессе избрания генерального секретаря на XI съезде партии. Об этом мы будем говорить ниже. А пока отметим, что признание за Лениным активного участия в избрании Сталина ставит под вопрос его авторство «Письма к съезду».

Д.А. Волкогонов был вынужден констатировать, что «до сих пор никто не может дать удовлетворительного ответа, почему это произошло, почему Сталин неожиданно для всех оказался на вершине пирамиды власти»[98]. К этому мы добавим, что не удалось дать удовлетворительного ответа и самому Волкогонову, он ограничился пересказом схемы, предложенной Троцким.

Таким образом, современная историография, как правило, сохраняет верность версии Троцкого и стоит в растерянности перед этой исторической загадкой — почему Сталин стал генеральным секретарем, повторяя в разных вариантах прежние схемы.

Мнения, выходящие за рамки традиционных представлений, встречаются редко. Например, Д. Лекович считал, что Ленин не только одобрил кандидатуру Сталина, но и «подготовил для пленума письменную рекомендацию»[99] (имеется в виду предложение Ленина об организации работы Сталина в качестве генерального секретаря). Э. Радзинский идет дальше, в создании поста генсека и избрании Сталина он усматривает стремление усилить систему контроля ЦК за партией и обеспечить смену поколений руководителей партии[100]. Это верно и вполне укладывается в традиционный взгляд на проблему установления должности генсека. Отрицая чисто административное значение этого поста, он расценивает его учреждение как продолжение и акт внутривнутрипартийной борьбы, которая имела антитроцкистскую направленность. Это верное наблюдение и показатель того, что современная историография начинает сбрасывать с себя путы исторических легенд Троцкого.

В историографии прочно укоренилось мнение о том, что Ленин, разочаровавшись в Сталине и как в политике, и как в человеке, методично вел подготовку смещения его с должности генерального секретаря (здесь главную роль должно было сыграть «Письмо к съезду»). Тезис о разочаровании Ленина широко использовался Троцким и следующими за ним историками. В своей последней статье, написанной за 10 дней до смерти, он утверждал, что «последний период жизни Ленина был наполнен острым конфликтом между ним и Сталиным, кульминацией которого был полный разрыв между ними»[101]. Самому В. И. Ленину Троцкий приписывает такое признание: «Нет худа без добра, я засиделся и полгода смотрел "со стороны"», комментирует его: «Ленин *хочет сказать* (курсив наш. — В.С.): я раньше слишком долго засиделся на своем посту и многого не замечал; длительный перерыв позволит мне теперь на многое взглянуть свежими глазами... больше всего потряс его, несомненно, чудовищный рост бюрократического могущества, сосредоточением которого стало Организационное Бюро ЦК». «К этому периоду относится "заговорщическая" беседа Ленина со мной о совместной борьбе против советского и партийного бюрократизма и его предложения "блока" с ним против Организационного бюро, т.е. основной в то время крепости Сталина». Чтобы ни у кого не оставалось сомнения в достоверности этих слов, он присовокупляет: «Факт беседы и содержание ее нашли вскоре свое отражение в документах», они «составляют неоспоримый и никем не оспоренный эпизод истории партии». Надо, однако, заметить, что нам неизвестен ни один документ, который мог бы подтвердить сообщаемый Троцким факт обеспокоенности Ленина ростом могущества Оргбюро и исходящего от него бюрократизма. Молчат об этом и тексты ленинского

«Завещания». Остается необоснованным и утверждение Троцкого, что «необходимость смены Сталина с поста генерального секретаря» «встает перед Лениным сразу после его возвращения к работе. Но этот персональный вопрос успел значительно осложниться... Генеральный секретарь опирался теперь на многочисленную фракцию... Обновление верхушки аппарата стало уже невозможно без подготовки серьезного политического наступления». Ну а факты, факты? Троцкий предложил то, что смог найти: недовольство Ленина было вызвано, оказывается, тем, что Сталин как генеральный секретарь был ответствен за «постановку вопросов на пленумах Центрального Комитета»[102]. В это трудно поверить, так как повестка дня пленума ЦК определялась не генеральным секретарем, а Политбюро, оно же и отвечало за свои решения. Вопросы для Пленумов ЦК готовились не секретариатом, а специально создаваемыми комиссиями.

С тех пор много написано по этому вопросу, но историки так и не смогли добавить ничего существенно нового, ограничиваясь вариациями на темы рассказов Троцкого. Р. Такер, не утруждая себя аргументами, пишет, что Сталин, став генсеком, «надежно завладел столь необходимой ему базой», что после XI съезда партии у Ленина в отношении Сталина «дурные предчувствия не исчезли. По-видимому, в какой-то момент Ленин начал понимать, что личные качества могут представлять политическую проблему, и видеть в Сталине не только человека, с которым коллегам трудно работать, но также и политического деятеля, чьи недостатки могут повредить делу большевиков. Должно быть, по мере ухудшения состояния здоровья тревога Ленина росла». «В течение 1922 г., — утверждает Такер, — кризис в отношениях между В.И. Лениным и И.В. Сталиным быстро нарастал». Его причины — в том, что Сталин «уверовал в свои силы, чтобы излагать собственные взгляды и настаивать на них», что проявилось в дискуссии по проблеме монополии внешней торговли и в вопросе образования СССР, в политической ревности к Сталину и в возмущении проявлениями его грубости в словах и поступках[103]. Р. Такер представляет дело так, будто бы только на закате своей политической карьеры Ленин понял, что личные качества могут обернуться политической проблемой.

В советскую историографию тезис о разочаровании Ленина в Сталине был внедрен «секретным» докладом Н.С. Хрущева на XX съезде партии[104] и постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»[105]. В.И. Старцев признает, что Ленин «весьма высоко ставил Сталина как авторитетного политического деятеля вплоть до избрания последнего генеральным секретарем ЦК ВКП(б)», но уже летом, «именно в июле—сентябре 1922 г. ... у В.И. Ленина сложилось в целом неблагоприятное впечатление о его личности» и вызвал беспокойство «объем власти, которой Сталин уже пользовался, превратив технический пост в Секретариате ЦК в главный политический пост в партии». Автор вступает в противоречие с самим собой, поскольку несколько выше он уверял читателей, что XII съезд создал Секретариат ЦК именно «для руководящей партийной работы»[106]. Неаргументированным является его утверждение, что Ленин уже после второй беседы со Сталиным (30 июля) пришел к выводу, что «он ошибся в этом человеке, согласившись с предложением Л.Б. Каменева выдвинуть его на пост генерального секретаря ЦК РКП(б)». Впрочем, чуть ниже Старцев заявляет, что на это осознание Ленину потребовалось значительно больше времени: «Проявив редкий дар наблюдательности и умения разбираться в людях, Владимир Ильич всего за несколько месяцев тесного общения со Сталиным во время своего последнего летне-осеннего пребывания в Горках (т.е. за 12 встреч! — В.С.) сделал правильные выводы относительно отрицательных черт характера и личности Сталина, проявившихся в стремлении к необъятной власти, склонности к злоупотреблению ею, администрированию, озлоблению, грубости к товарищам». Причины такого поразительного прозрения надо как-то объяснить, и Старцев, следуя за Троцким, говорит о вынужденной отстраненности Ленина от текущих дел, о возможности взглянуть со стороны, о болезненном состоянии. Это объяснение ничего не объясняет, так как подобная отстраненность имеет и обратную сторону: она могла не только помогать «взглянуть со стороны», но и помешать разобраться в вопросах по существу. Но, самое главное, автор не

приводит никаких аргументов в пользу своего предположения, лишь ссылается на проблемы, которые возникли не ранее конца сентября—октября 1922 г. (образование СССР, монополия внешней торговли, конфликт в КППГ)[107].

Д.А. Волкогонов также, повторяя троцкистскую версию, путается в определении характера и динамики отношений Ленина: то он утверждает, что никакой близости в их отношениях не было вообще, была лишь иллюзия близости, созданная Сталиным. То, наоборот, считает, что Сталин «был весьма близок» к Ленину, а 1922 год оценивает как «время наибольшей близости Сталина к больному вождю». Эту близость Волкогонов связывал, в первую очередь, с должностью генерального секретаря, благодаря которой Сталин «был обязан установить с Лениным еще более тесные контакты», поэтому «часто бывает у Ленина, информирует его о положении в руководстве, спрашивает советы, регулирует доступ к Ленину наркомов и партийных деятелей». При этом Волкогонов отмечает, что во многих вопросах Сталин шел навстречу ленинским пожеланиям[108]. Ленин из этих наблюдений, по мнению Волкогонова, сделал выводы, представлявшие собой «результат глубокого анализа и размышлений», которые легли в основу «Письма к съезду»[109]. В отношении времени осознания Лениным своей ошибки он пишет неопределенно: Ленину «хватило нескольких месяцев (летом—зимой 1922 г. — В.С.), чтобы разглядеть человека в качестве генсека и увидеть в нем такое, что могло бы стать опасным в будущем»[110]. Фактов, кроме текстов «Завещания», подтверждающих этот вывод, у Волкогонова нет. Зато есть ценное признание, разрушающее эти построения: «У меня нет конкретных данных о намерении Ленина "разгромить" генсека»[111]. Это признание многого стоит!

Отмеченные нами противоречия у разных авторов важны не сами по себе (подобную ошибку может допустить любой), а как показатель того, что под этими оценками нет серьезной источниковой базы, нет объективных показателей изменения Лениным его отношения к Сталину. Волкогонов знает это, возможно, поэтому он не может принять троцкистскую версию в ее чистом виде, пытаясь совместить ее с известной ему информацией об отношениях Ленина и Сталина, он предлагает свою версию: Сталин верен идее, к нему «нет пока крупных политических претензий», его «политическое реноме пока не запятнано», наконец, к нему «нет личной неприязни». Ленина-де, заботили морально-нравственные качества Сталина. Да и то не в настоящем: он якобы увидел «нечто такое, что в будущем может вылиться в источник многих бед»[112]. Пытаясь спасти версию Троцкого, Волкогонов побивает ее, а заодно и свою, в той ее части, в которой следует за Троцким.

Здесь надо выбрать: либо Ленин в июле—сентябре 1922 г. «увидел» и «распознал» Сталина, либо у него даже в начале января 1923 г. не было против Сталина ничего, кроме «предчувствий», наличие которых только предполагается. Следовательно, тезис о недовольстве Ленина Сталиным держится лишь на «Письме к съезду» (диктовки 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.), принадлежность которого Ленину еще надо доказать. Волкогонов не смог разобраться в этой проблеме, тем не менее, в современной историографии он на основе изучения документов ближе других подошел к верной оценке динамики отношений Ленина и Сталина в 1922 году.

В.А. Куманев и И.С. Куликова пытаются обосновать свою версию ответа на вопрос о причинах разочарования Ленина в Сталине. Они уверяют, что Ленин обнаружил у Сталина страсть к администрированию, озлобленность, нетерпимость, злопамятность, беспощадность и «остро почувствовал, какую ошибку сделал Пленум ЦК в апреле», избрав Сталина генсеком[113]. Конкретно, но не аргументировано. Определяя время разочарования Ленина, они, по примеру своих предшественников, запутались в вариантах. По одной версии, это произошло в начале апреля 1922 г. и проявилось в отказе Ленина (7 апреля) от поездки на Кавказ, «не в последнюю очередь» в виду «сомнений относительно фигуры Генерального, который после Пленума стал действовать очень круто по части прибирания рычагов власти к своим рукам». Авторы не смущает, что после Пленума, на котором Сталин был избран генеральным секретарем, прошло всего три дня! Впрочем, это сказано, кажется, только для

того, чтобы тут же дезавуировать свое заявление: «Пока, видимо, это были предчувствия, еще не переросшие в тревогу»[114]. Опять знакомая картина: факт провозглашается и тут же за неимением доказательств низводится до уровня «предчувствия» или «подозрения», но при этом закрепляется в работе и сознании читателя. А вместо аргумента — свое мнение: «не может быть, чтобы в глубине души у него не появилось чувство недоверия к тому, кто оказался свидетелем его минутной слабости»[115]. Может быть или не может быть — об этом сказать мог бы только Ленин. Дальше — больше. Оказывается, что все рассуждения о раннем (начало апреля, задолго до первого инсульта) «прозрении» Ленина ровным счетом ничего не стоят, так как пришло оно к Ленину, оказывается, гораздо позднее — до второго, декабрьского, инсульта (очень неопределенно, но никак не ранее конца июля 1922 г.), когда он ощутил (!) и понял (!), что находится под надзором Сталина, распознал его сущность и «проник раньше всех в тайные помыслы последнего, утвердившись в мнении о его властолюбии и тщеславии»[116]. Опору для этих выводов авторы находят только в воспоминаниях «работника Совнаркома Якова Шатуновского», которому Ленин якобы жаловался, что Сталин плохо разбирается в людях и «ни с кем не советуется»[117]. В этих условиях и появляются «ленинские письма и заметки» («Завещание»), которые «как бы готовили почву для смещения Сталина путем развертывания политической критики в адрес генсека, за которой организационные меры выглядели бы в глазах общественности как естественный шаг»[118].

А.В. Антонов-Овсеенко заявляет, что «Ленин явно не доверял Сталину, таился от него». Прозреть Ленину помогло, оказывается, то, что Сталин «сумел вдохнуть весомое содержание» в канцелярское словечко «генсек», и «расширение функции генерального секретаря и своего влияния в партии, благодаря тому, что он вел работу с кадрами, занимался их подбором и расстановкой»[119]. Остается неясным, что именно могло вызвать недовольство Ленина, ведь именно эта работа ставилась перед секретариатом как одна из главных, а кроме того, все важнейшие кадровые вопросы проходили не только через Секретариат, но и через Оргбюро или Политбюро. Антонов-Овсеенко утверждает, что Ленин «слишком поздно увидел злобную мстительность и нетерпимость Сталина». Что значит «слишком поздно»? Ответ заслуживает внимания: даже в октябре—ноябре 1922 г. Ленин еще не знал, что для Сталина решение Пленума ЦК «не помеха», «что Секретариат ЦК постепенно превращается в личный Секретариат Сталина»[120]. Ценное признание, говорящее о том, что у Антонова-Овсеенко нет никаких свидетельств тому, что до декабря у В.И. Ленина были какие-либо основания думать, что от Сталина исходит какая-то опасность для партии. Что нового в этом отношении принес декабрь, не поясняется. В книге «Портрет тирана» Антонов-Овсеенко отказывается даже от попыток установить время «прозрения» Ленина и ограничивается невнятным замечанием о том, что Ленин скоро понял свою ошибку[121].

Проблемы, которые, как считается, серьезно осложняли отношения Ленина и Сталина, — национально-государственное строительство, монополия внешней торговли, конфликт в КП Грузии — остаются малоизученными именно как факторы, влиявшие на их отношения. Принимается на веру тезис о том, что они позволили Ленину увидеть негибкость Сталина как политика, оценить его чрезмерную грубость и озлобленность как характерные для него черты в работе с людьми, увлечение администрированием при решении политических вопросов и т.д. Наибольшее внимание современными авторами уделяется разногласиям по вопросам образования СССР, которые возводятся в ранг принципиальных, непримиримых. Сама история разногласий и борьбы по этим вопросам не анализируется под углом зрения развития отношений Ленина и Сталина, а лишь используется для аргументации тезиса об их принципиальном противостоянии[122]. Время от времени предпринимаются попытки расширить перечень разделявших их вопросов. Например, Э.Е. Писаренко пытался разработать тезис о недовольстве Ленина Сталиным в связи с его работой в РКИ и утверждает, что «по предложению Владимира Ильича» Сталин «был освобожден с этого поста»[123]. Данное утверждение не только не находит подтверждение в источниках, но и

прямо опровергается ими.

Характерной для коммунистической историографии является позиция Ю.В. Емельянова: причины изменения отношения Ленина к Сталину он видит в последствиях болезни и в реакции на конфликт генсека с Крупской. Вместе с тем, он аргументирует вывод о том, что упреки со стороны Ленина были несправедливы, а сами его взгляды по вопросам национально-государственного строительства — противоречивыми[124].

Путаница в определении причин и времени разочарования Ленина в Сталине указывает на то, что вопрос о характере и динамике их отношений — важнейший для понимания всей проблематики ленинского «Завещания» — остается в историографии непроясненным.

ИСТОКИ И ГРАНИЦЫ ВЛАСТИ СТАЛИНА

Следующий принципиально важный вопрос о размерах и характере власти генерального секретаря. Историки уже давно наталкивались на фундаментальные противоречия между утверждением автора «характеристик» и политическими реалиями того времени. В рамках традиционной историографической концепции решение не находится. Например, Р. Такер заблудился в двух своих же собственных оценках. С одной стороны, он уверен, что в руках генсека сосредоточена необъятная власть, а с другой — уверяет читателя, возбужденного первым заявлением, что никакой власти у Сталина нет: «Изображать победу Сталина во внутрипартийных сражениях как логический итог закулисной борьбы за власть — значит, упускать из виду некоторые более глубокие и сложные моменты политического процесса. В период нэпа советское общество... не представляло собой... жестко контролируемой системы. Структура партийного государства пока еще оставалась довольно рыхлой как в организационном плане, так и с точки зрения функционирования. В этих условиях ни Сталин, ни любой другой человек не мог подняться на высшую руководящую ступень в государстве лишь с помощью умелого манипулирования силовыми рычагами организации, сочетая свои действия с искусной фракционной стратегией»[125]. «Ни Сталин и никто иной не мог претендовать на высшую политическую власть со ссылкой на занимаемый пост Генерального секретаря»[126]. Правильно, вот только с тезисом о необъятности его власти удовлетворительно согласовать данное заявление невозможно. Здесь надо выбирать. Р. Такер это понимает и пытается совместить несовместимое (как и большинство историков, придерживающихся троцкистской историографической схемы), он пускается в рассуждения о том, как Сталин укреплял свою необъятную власть[127]. В подобной же ситуации оказался и Д.А. Волкогонов. С одной стороны, он утверждает, что накануне XII съезда РКП(б) «его [Сталина] положение внешне не выделялось» (его критиковали, например, за тезисы по национальному вопросу), а с другой — автор вполне солидарен с тезисом о необъятности власти генсека и охотно рассуждает о ее причинах и проявлениях, связывая ее с «решением всех текущих вопросов» (с последним утверждением согласиться невозможно), «в подборе и выдвижении партийных кадров в центре и на местах»[128].

Однако бесконечные повторения тезиса о необъятной власти генсека и подобные объяснения убеждают не всех читателей. Желая просветить и убедить их, В.В. Журавлев и А.Н. Ненароков решили специально рассмотреть вопрос о «сосредоточении в руках Сталина необъятной власти». Вот что они обнаружили: «Владимир Ильич опирался на ряд точных фактов и наблюдений. Во-первых, он имел в виду ту роль, которую стал играть Секретариат и лично Сталин в решении кадровых вопросов: назначение секретарей губкомов, подбор состава комиссий, перемещения по принципу выдвижения преданных ему людей. Во-вторых, все большее утверждение директивного тона в решении Оргбюро и Секретариата. В-третьих, использование авторитета ЦК для навязывания и формирования проведения нужных генсеку решений. Да и в личном плане В.И. Ленин имел все основания на подобное утверждение. Сталин по ряду вопросов торопился утвердить собственные подходы и мнения, не советуясь с Владимиром Ильичом, не из-за болезни, а из желания сделать по-своему, поставив Ленина перед свершившимся фактом»[129]. Вот и весь «улов». Просто повторено

то, о чем писали многие до них. А ведь это самая обстоятельная попытка объяснить дело с материалами в руках. Вместо фактов в очередной раз предложена порция старых голословных утверждений. Работа с кадрами, конечно, давала многое для расширения влияния в партии, но не расширяла права. Директивный тон решений Оргбюро и Секретариата определялся не характером Сталина, а их местом в политической системе диктатуры пролетариата. Может быть, таких документов стало необоснованно много? Положим, но это надо доказать, чего авторы не делают. Без аргументации остается и упрек в использовании авторитета ЦК. Если ЦК в чем-то поддерживал И.В. Сталина, то, естественно, авторитет ЦК начинал «работать» на него. Впрочем, точно так же он «работал» и на любого другого члена ЦК, если ЦК поддерживал его предложения или оценки.

Путаница, в казалось бы, простых вопросах — как и почему Сталин стал генеральным секретарем, когда и почему Ленин разочаровался в нем — указывает на то, что эти ключевые для понимания «Письма к съезду» вопросы остаются неразгаданной тайной, несмотря на обилие посвященной им литературы.

РАБОТА В.И. ЛЕНИНА НАД «ЗАВЕЩАНИЕМ»

Традиционная историография рассматривает работу Ленина над текстами «Завещания» в отрыве от происходившей в ЦК партии политической борьбы, чем упрощает и искажает ее историю. С другой стороны, приукрашивается состояние здоровья Ленина в конце февраля — начале марта 1923 г., когда, как считается, он продиктовал свои последние письма, имеющие антисталинскую направленность. Работа Ленина над «Завещанием» освещалась в основном по «Дневнику дежурных секретарей», а также по отрывочным воспоминаниям секретарей Ленина и М.И. Ульяновой без должного критического анализа этих источников информации. Влияние болезни на работу Ленина в период работы его над «Завещанием» сколь-либо обстоятельно не изучалось. Внимание исследователей приковано к истории болезни после прекращения им политической деятельности (с марта 1923 по январь 1924 г.)[130].

В центре внимания историков оказывается другая проблема — надуманный вопрос о «режиме изоляции» Ленина, якобы установленным Сталиным.

По известному вопросу о режиме лечения и работы Ленина в период его болезни в историографии утвердилось мнение, идущее от Троцкого: Сталин, боявшийся Ленина, установил режим изоляции его, заставив врачей сделать соответствующие предписания. Это нужно было ему, чтобы предотвратить ленинскую критику в свой адрес и таким образом обеспечить сохранение за собой поста генерального секретаря ЦК РКП(б), с которым были связаны его планы на установление единовластия в партии и государстве. Однако режим изоляции Ленина был прорван только благодаря смелости Крупской и секретарей Ленина. Так считают В.И. Старцев, Д.А. Волкогонов, А.В. Антонов-Овсеенко и др.[131]

Вопрос о том, как и почему Сталин мог установить режим политической изоляции Ленина, историки предпочитают обходить. И понятно, ведь режим, который действительно был установлен для Ленина, определял не Сталин, а ЦК и Политбюро при активном участии Каменева, Бухарина в соответствии с требованиями врачей и при их непосредственном участии. Этот факт трудно обойти. В.А. Куманев и И.С. Куликова предложили такой вариант решения проблемы. Они считают, что Каменева и Бухарина ставить на одну доску со Сталиным нельзя, поскольку мотивы у них были разные. У Бухарина и Каменева, естественно, благородные, а у Сталина, разумеется, низменные. Если первые «действительно преследовали... цель уберечь Ленина от контактов и информации, которые могут его взволновать, то встревоженный Сталин желал одного — изолировать вождя от мира»[132]. Доказательства? Это и так всем известно. Во всяком случае, Куманев и Куликова уверены в этом. Однако чуть далее, будто забыв о том, как они пугали читателей «сталинским режимом», Куманев и Куликова вдруг заявляют, что, несмотря на все ухищрения Сталина, режим изоляции установлен не был, так как бдительная Крупская сама установила Ленину «правильный больничный режим»[133]. Вот как! Сначала утверждают одно, а затем,

сохранив за Сталиным все полагающиеся ему упрёки, признают, что все зависело от Крупской, и делала она то, что положено.

ЛИЧНЫЙ КОНФЛИКТ

От Троцкого в историографии идет устойчивый интерес к истории конфликта Сталина и Крупской, Ленина и Сталина. В центре внимания оказывается политическая подоплека, с которой был связан инцидент между Сталиным и Крупской, содержание и характер их телефонного разговора, который, как считается, состоялся вечером 22 декабря 1922 г., а также письмо-ультиматум Ленина Сталину от 5 марта 1923 г. о разрыве личных отношений, наконец, связь личных и политических аспектов этого конфликта. Право Крупской говорить Ленину о политических вопросах, несмотря на запрет врачей и ЦК, не подвергается сомнению. Виновным всецело оказывается Сталин. Эта история играет роль косвенного подтверждения справедливости характеристики Сталина в «Письме к съезду».

Трудность в историографии иногда вызывает простой вопрос о времени, когда о разговоре Сталина и Крупской стало известно Ленину. Долгое время в литературе господствовало убеждение, что это произошло 5 марта. Есть и другая точка зрения. Например, Р. Такер утверждал, что Ленин узнал о конфликте вскоре после него[134]. В этом случае возникает проблема: почему Ленин не реагировал сразу, почему решил объясниться со Сталиным лишь 5 марта. Большинство историков этот временной разрыв объясняют подготовкой Лениным «бомбы для Сталина», а решение потребовать извинения связывают с получением им информации о том, что о характере разговора Сталина с Крупской стало известно Зиновьеву и Каменеву. В.А. Куманев и И.С. Куликова исключают такой образ действий Ленина в случае оскорбления жены[135]. Они являются сторонниками «мартовской» версии. Но против нее свидетельствует М.И. Ульянова, которая уверяет, что Ленин узнал о телефонном разговоре вскоре после него. Против этой версии говорит и Сталин, относивший свой конфликт с Крупской к концу января — началу февраля 1923 г. Попытки выяснить этот вопрос в рамках традиционной схемы пока что удовлетворительного результата не дали, и в итоге в литературе по этому вопросу сохраняется вынужденная неопределенность. Например, Н. Петренко приходит к выводу, что в начале февраля 1923 г. Ленину все еще не было известно о конфликте, но он не сомневается, что 5 марта он уже знал о нем[136].

Подобная же разногласия существует и в вопросе об обстоятельствах ознакомления Ленина с фактом и характером разговора. Согласно старой и наиболее распространенной версии, произошло одно из двух: либо Ленин 5 марта 1923 г. обратил внимание на плохое настроение Крупской и, вынудив ее рассказать о причинах, «докопался» до истины. Либо Крупская после разговора со Сталиным по телефону на вопрос Ленина, кто звонил, ответила, что звонил Сталин, с которым она помирилась. Проговорившись таким образом, Крупская была вынуждена рассказать и о самом конфликте, и о том, что о нем знают Зиновьев и Каменев[137]. В.А. Куманев и И.С. Куликова справедливо считают, что имеющаяся информация противоречива и не позволяет надежно реконструировать эти события, и предлагают свой вариант объяснения. Они полагают, что Ленина «информировали Зиновьев или Каменев, а возможно, и оба». Свое предположение они основывают на убеждении, что Крупская берегла Ленина и не могла ничем беспокоить его, а также на факте отправления копии письма-ультиматума Зиновьеву и Каменеву[138]. Однако это предположение противоречит информации М.И. Ульяновой, которая прямо указывает, что распоряжение о письме исходило от Крупской и делалось втайне от Ленина[139]. А главное, версии об информировании Ленина 5 марта не учитывают реального состояния здоровья Ленина в тот день.

Нет определенности и в оценке характера письма-ультиматума. Троцкий трактовал его не просто как ультиматум, а как «полный разрыв» «всяких личных отношений» и как политическую «бомбу для Сталина»[140]. Эта оценка поддерживается В.А. Куманевым и И.С. Куликовой[141]. Другие в его оценке проявляют больше осторожности. Так, например,

Р. Такер писал, что «не столь понятно место в плане действий Ленина короткого послания Сталину. Вопреки распространенному мнению в нем не говорилось о разрыве отношений со Сталиным, а лишь содержалась угроза такого разрыва, если Сталин не извинится и не возьмет назад грубые слова, сказанные Крупской 22 декабря»[142].

ИСТОРИЯ С ЯДОМ

Важное место в современной историографии ленинского «Завещания» занимает история обращения Ленина к Сталину за ядом для самоубийства. Троцкий сформулировал два важнейших тезиса, которые с тех пор прочно укрепились в зарубежной историографии, а со второй половины 80-х годов и в отечественной. Первый — сама эта просьба свидетельствует о том, что Ленин очень низко ставил человеческие качества Сталина. Развивая эту тему, Троцкий «выжимает» из нее не только тезис о злом умысле Сталина, но и основания для крайне негативной оценки моральных качеств Сталина. «Почему же он [Ленин] обратился именно к Сталину с такой трагической просьбой? Ответ прост: он видел в Сталине единственного человека, который мог дать ему яд, поскольку Сталин был в этом непосредственно заинтересован. Возможно, он хотел проверить Сталина: с какой готовностью Сталин захочет воспользоваться такой возможностью»[143]. Второй тезис, сформулированный позднее первого, содержал обвинение Сталина в отравлении Ленина Сталиным, чтобы не допустить возвращения его к политической деятельности, грозящей положить конец политической карьере Сталина[144]. Впрочем, Троцкий сам разрушал эту схему заявлением, что в то время, когда создавалось ленинское «Завещание», в действии были факторы, гораздо более могущественные, чем советы Ленина»[145]. Убивает же эту версию Троцкого и тот факт, что ленинское «Письмо к съезду», содержащее критику Сталина и требование снять его с должности генсека, стало известно руководству РКП(б) уже в середине 1923 г., т.е. задолго до смерти Ленина, которая в этом случае Сталину в политическом отношении ровным счетом ничего не давала. Остается вариант мести, но за него не хватает даже Троцкий. Тезис об отравлении Ленина Сталиным остается недоказанным.

Молчание на этот счет М.И. Ульяновой и Н.К. Крупской также говорит против этой версии Троцкого. Против нее выступают и специалисты — врачи. Академик Б.В. Петровский, изучавший историю болезни Ленина как врач, писал: «Не могу понять, как можно печатать эти домыслы, когда сама история болезни В.И. Ленина, подлинные протоколы вскрытия его тела и микроскопических исследований абсолютно точно определяют диагноз заболевания... Все клинические симптомы этой трагедии, наблюдаемые и советскими и зарубежными учеными-медиками у постели больного это подтверждают. Ни о каком отравлении не может идти речи»[146]. Академик Ю.М. Лопухин, изучавший историю болезни и причины смерти Ленина, даже не упоминает о версии отравления: судя по логике его изложения, он не рассматривает ее как серьезную[147]. Версию Троцкого оспаривают и историки. Например, Л. Фишер посвятил опровержению этой версии специальное приложение к своей книге[148]. Не склонен верить Троцкому и Э.С. Радзинский, его рассуждениям он противопоставляет свидетельства врачей В. Осипова и С. Доброгаева, определенно указывавших как на причину смерти Ленина на сильный склероз сосудов головного мозга, которые «настолько известковались, что при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по каменным»[149]. Тем не менее, тезис об отравлении Ленина активно используется в современной историографии, которая, повторяя его вслед за Троцким, ничего не смогла сделать для его обоснования.

Таким образом, вопросы отношений Ленина и Сталина — одни из важнейших в проблематике ленинского «Завещания» — никак нельзя отнести к числу хорошо изученных и достаточно проясненных.

КТО ВМЕСТО СТАЛИНА?

Вопрос, кого Ленин намечал в преемники Сталину, не дает историкам покоя. И они

ищут, ищут...

Некоторые пытались «додумать за Ленина» и дать ответ за него. В период «перестройки» в качестве кандидатур назывались Я.Э. Рудзутак и, реже, Ф.Э. Дзержинский, однако эти попытки вызвали критику и не получили поддержки[150]. Не найдя подходящей кандидатуры, историки снова, как и прежде, либо обходят этот вопрос молчанием, либо пытаются объяснить, почему Ленин не назвал никакой кандидатуры. Например, Ю. Буранов писал: «Иногда возникает вопрос: а почему Ленин не назвал конкретного преемника? Изучая жизнь Владимира Ильича, его труды, понимаешь, что такой шаг был бы противен самой натуре Ленина»[151]. Д.А. Волкогонов тоже ушел от ответа, заявив, что «"Письмо к съезду" интересно анализом ленинского окружения, возможных преемников, хотя Ленин не решался прямо назвать своего наследника. Однако назвал того и тех, кто, по его мнению, не могли быть им»[152]. А в другой книге — «Сталин» — в отказе назвать кандидатуры на пост генерального секретаря он усматривает «тактичность» и веру Ленина «в мудрость партии, ее ЦК». И, кроме того, этим-де, Ленин «дал понять, что ни одному из них (из охарактеризованных им. — В.С.) не подходит роль лидера партии... Ясно также и то, что он не предлагает искать этого лидера и среди других руководителей... Наиболее вероятно, что... тончайший слой "старой гвардии" должен, обязан, способен выступить коллективным вождем»[153]. Коллективный вождь — это о тех, кому в «Письме к съезду» выписаны «волчьи билеты»? Или о тех, с кем годами вел политическую борьбу? И главное, коллективный вождь — это, конечно, забавная мысль, но нет никаких оснований связывать эту благоглупость с именем Ленина. Объяснение тем, что Ленин-де не хотел «давить» своим авторитетом на съезд партии — самое распространенное, но и его нельзя принять всерьез, так как оно очень далеко от реалий той борьбы, которую Ленин вел всегда и везде за принятие того решения, которое он считал правильным, не останавливаясь, если было необходимо, перед использованием как своего авторитета, так и своего положения в органах власти. Достаточно указать на истории с обсуждением Гражданского кодекса РСФСР (февраль 1922 г.), вопроса о монополии внешней торговли (октябрь—декабрь 1922 г.) и др.[154] Поэтому нет никаких оснований брать на веру утверждение, что Ленин постеснялся бы перед съездом партии высказать свое мнение относительно новой кандидатуры на главный пост в партии. Таким образом, и этот вопрос остается без ответа.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ПИСЬМА К СЪЕЗДУ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Вопрос об использовании «Письма к съезду» во внутрипартийной борьбе середины 1920-х годов не стал предметом специального исследования. В литературе этот вопрос необоснованно сведен к истории оглашения «Письма к съезду» на XIII съезде РКП(б). Но и в таком виде он не получил удовлетворительного решения. Утвердилось мнение, что этот документ в полном соответствии с волей Ленина Крупская передала XIII съезду, который проигнорировал ленинский совет «переместить» Сталина с должности генерального секретаря[155]. Начало разработки этой проблемы положил Троцкий, он же позаботился и о «документировании» этой истории собственными воспоминаниями, которые в течение десятилетий являлись наиболее информативным источником о том, как решался вопрос о способе оглашения ленинского письма на съезде, каким образом происходило ознакомление делегатов съезда с ним, о роли Зиновьева и Каменева в «спасении» Сталина[156]. Троцкий говорит неправду и поймать его «за руку» на этой лжи нетрудно: в его архиве хранилась копия документа, свидетельствующего о том, что передача Крупской диктовок от 24—25 декабря 1922 г. (часть «Письма к съезду») состоялась не в конце мая 1924 г., а годом раньше — в конце мая — начале июня 1923 г.[157] «Хрущевская» историография не могла открыто базироваться на воспоминаниях Троцкого, хотя фактически делала это. Возможно, поэтому для «документирования» троцкистской версии, но независимо от Троцкого, «отцы» хрущевской историографии пошли на откровенную фальсификацию, введя в научный оборот так называемый «Протокол» передачи Крупской «ленинского Завещания», который на проверку является письмом, а не актом первой передачи текстов ленинского «Письма к

съезду». В секрете держались протоколы заседаний делегаций XIII съезда партии, зафиксировавших обсуждение «Письма к съезду» и его результаты. Их содержание почти дословно пересказывалось в виде авторского текста. Объективно это служило поддержкой троцкистского тезиса о том, что обсуждение на съезде этого ленинского документа не состоялось. Вместе с тем акцентировалось внимание на обещании Сталина исправить свои недостатки[158], что не получает опоры в документах съезда. Правда, иногда этот тезис смягчался и говорилось только о надежде делегатов съезда («полагали» и «надеялись»), что Сталин учтет сделанные ему Лениным замечания, и поэтому решили оставить его генеральным секретарем ЦК РКП(б)[159].

В историографии периода «перестройки» появилась новая трактовка — «Письмо к съезду» секретарями Ленина сообщено Сталину и другим членам Политбюро вскоре после того, как оно было продиктовано[160]. Имевшие место расхождения относительно времени и обстоятельств информирования касались более или менее несущественных деталей (информирован только Сталин или также другие члены Политбюро; информированы сразу после диктовки Лениным или несколько позднее; информировала Фотиева или Володичева и т.д.)[161].

Трудным остается вопрос о причинах принятия съездом решения в пользу Сталина. Традиционно считается, что Сталина спасло заступничество Зиновьева и Каменева. Путаница начинается с вопроса о том, перед кем и когда они выступали с «успокоительными» речами. В историографии принята версия Троцкого о том, что «спасательная» операция была ими проведена во время чтения текстов «Завещания» в делегациях с помощью соответствующих комментариев и обещаний, что Сталин учтет указанные недостатки. В делегациях обсуждения письма Ленина якобы не было, вносилось заранее подготовленное предложение выразить Сталину политическое доверие. Съезд внял им[162]. Сохранившиеся протоколы обсуждения «Письма» в делегациях съезда рисуют совершенно иную картину, в которой места Зиновьеву и Каменеву не находится. В.А. Куманев и И.С. Куликова придерживаются иной версии, идущей от Б. Бажанова, утверждавшего, что Зиновьев и Каменев выступали не на съезде, а на заседании ЦК РКП (б) прежнего созыва и еще до съезда обеспечили решение вопроса о генсеке в пользу Сталина[163]. В более широком плане вопрос об использовании «Завещания» в политической борьбе ставится редко. Р. Такер — один из немногих, кто рассматривает (но не изучает) вопрос об использовании «Завещания» Ленина Троцким против Сталина в политической борьбе и вопрос о защите Сталина от этих атак[164].

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО «ЗАВЕЩАНИЯ»

В советской историографии вопросы источниковедческого анализа текстов ленинского «Завещания» не были ни поставлены, ни, следовательно, разрешены[165]. Хотя произошло это не по вине историков. Б.Г. Литвак на одной конференции («круглый стол»), посвященной проблемам источниковедения, говорил о предпринимавшихся историками в свое время («в бытность существования журнала "Исторический архив"») попытках поставить вопрос об источниковедческом исследовании текстов ленинского «Завещания», но Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «решительно выступал против того, чтобы публиковались статьи, атрибутирующие ленинские тексты, т.е. такие, которые доказывают, что это ленинские, а не зиновьевские и не каменевские тексты. Сотрудники института говорили, что у них полны сейфы с материалами по каждой ленинской статье, по каждому выступлению, доказывающие то, что вы доказываете. Мы отвечали: давайте, публикуйте то, что в сейфах. Нам отвечали, что это материалы для служебного пользования. Мы посылаем в ЦК и там дают резолюцию, что это ленинский текст. Это очень серьезная проблема — ленинская текстология»[166].

В советской исторической науке была наработана методика установления ленинского авторства текстов, не имеющих подписи, которые требовали атрибуции (обоснования ленинского авторства)[167]. Ко времени подготовки к изданию Полного собрания сочинений

Ленина и даже позднее, к 100-летию юбилею В.И. Ленина, эта методика, по признанию В.В. Горбунова, была «разработана пока слабо»[168]. Вопрос о ленинском авторстве решался на основании комплексного подхода к документам, использования прямых и косвенных доказательств, сопоставления всех известных фактов и, главное, глубокого анализа текста самого документа (изучение документа в целом и его отдельных частей, конструкций фраз, словаря), политической направленности, языка, стиля, сопоставления данного текста с другими ленинскими документами, прежде всего близкими по времени создания. Это позволяло сделать первое предположение о ленинском авторстве, выяснить круг вопросов, которые в это время интересовали Ленина, установить, в какой мере данный документ вписывается в этот круг и насколько он соответствует общему направлению развития ленинских взглядов, оценок. Важным считалось повторение каких-то мыслей, фраз, использование устойчивых и характерных для Ленина в то время терминов и т.д.[169]

Являясь обязательными для любого исследователя ленинского «Завещания», так как оно представлено **текстами, которых Ленин не писал и не подписывал**, эти методические приемы, к сожалению, не были востребованы теми, кто писал о ленинском «Завещании». Эта методика лежит в основе проведенного нами анализа с учетом специфических особенностей «Завещания»: анализ не только текстов «Завещания», но и их комплекса в целом.

Понятно, что серьезно поставить и решать проблему источниковедения текстов «Завещания» без доступа к архивным материалам было невозможно. Стремление понять историю создания, структуру «Завещания», его место в ленинском наследии, опираясь только на анализ содержания опубликованных текстов — без знания о том, что представляют собой подлинники, без использования массы сопутствующей этим текстам политической и делопроизводственной документации, без попытки поставить вопрос об элементарной аргументации ленинского авторства их, — не могло не привести как к возникновению множества добросовестных заблуждений, так и к ряду ошибочных выводов, которые, в свою очередь, ложились в основу других исторических и политических построений. Хотя они не могут быть поставлены в упрек лично историкам, тем не менее, надо признать, что их усилия не могли дать удовлетворительного результата.

Тем не менее, такие попытки источниковедческого анализа предпринимались и позволили поставить и решить некоторые вопросы. Первым на проблемы, связанные с «Дневником дежурных секретарей», являющимся основным источником информации о работе Ленина в тот период, обратил внимание В.И. Старцев[170]. Прежде историки относились к «Дневнику» с полным доверием[171]. Наблюдения Старцева получили положительный отклик в историографии. Гораздо шире проблема поставлена в выступлении С.В. Воронковой на конференции «Некоторые проблемы источниковедения отечественной истории XIX—XX веков», в котором содержится интересный анализ ленинской статьи «Странички из дневника» и статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Опираясь на опубликованные тексты, она приходит к интересным выводам, касающимся непосредственно истории работы Ленина над этими текстами. В статье «Странички из дневника» ею были выявлены, с одной стороны, части текста, принадлежащие Ленину, а с другой — вставки, сделанные секретарями. С.В. Воронкова высказывает обоснованное предположение, что текст этой статьи представляет собой соединение двух текстов, «написанных на различные темы». В записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» она отмечает наличие текстов двух совершенно разных «типов». С.В. Воронкова ставит также ряд более общих вопросов, касающихся «Завещания» в целом: «о первичной элементарной единице данного комплекса материала», о необходимости «установления общего числа сделанных диктовок и их датировки», о надежности информации «Дневника дежурных секретарей»[172]. То обстоятельство, что эти вопросы решаются в рамках традиционной историографии, исходящей из признания ленинского авторства всех текстов «Завещания», приводит ее к ошибочным, на наш взгляд, выводам. Однако этот факт не может принизить историографического и источниковедческого значения предпринятой ею попытки исследовать тексты «Завещания» в источниковедческом

плане. Реакция на эту попытку была показательной. Большинство участников «круглого стола» просто проигнорировали эту проблему, А.К. Соколов оценил ее как попытку «поставить под сомнение цикл последних работ Ленина»[173]. В ответ на эту критику С.В. Воронкова заявила, что она не ставит под сомнение ленинское авторство текстов «Завещания»[174]. Действительно, на основе анализа только опубликованных текстов сделать это нельзя или крайне затруднительно.

Ситуация изменилась в начале 90-х годов, когда для историков стали открываться архивы ЦК КПСС. В это время появились статья Ю.А. Буранова, посвященная источниковедческому анализу текстов «Завещания». Он пришел к выводу, что тексты, продиктованные Лениным с 23 декабря 1922 г. по начало 1923 г., в том числе и статья «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», представляют собой не «политическое завещание», а «разделы доклада для... XII съезда партии», которые были частично фальсифицированы И.В. Сталиным[175]. Автор привел также важные доказательства того, что эти тексты, в том числе и «характеристики», уже летом 1923 г. находились в ЦКК и ЦК РКП(б). Не уточняя обстоятельств и времени их передачи, он определенно связывает эту передачу с действиями Фотиевой, якобы информировавшей Сталина о содержании диктовок Ленина[176]. Буранов также поставил вопрос об искажении текста статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», из которой, как он считает, при публикации в газете было снято упоминание о генсеке, чей авторитет не должен мешать работе членов ЦКК[177]. Сталин как виновник этого искажения ленинского текста не назван, но все содержание статьи естественно подводит к такому заключению.

Хотя проблема источниковедческого анализа этих текстов была поставлена Бурановым ограниченно, а источниковедческие аспекты изучения других частей «Завещания» он вообще не затрагивал, для историографии интересующей нас темы значение этой статьи велико, так как в ней впервые на архивном материале была поставлена и начала решаться задача источниковедческого анализа последних ленинских документов и продемонстрирована ее сложность. Вдруг выяснилось, что трудная проблема находится там, где десятилетиями все считалось яснее ясного.

Исследованию источниковедческих проблем «политического завещания» В.И. Ленина посвящен ряд статей автора данной книги, в которых обосновывается вывод о том, что ленинское авторство «характеристик» и «добавлений» к ним (диктовки 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.), а также статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» нельзя считать доказанным и, следовательно, вопрос о действительных авторах этих текстов остается открытым. Были также отмечены серьезные искажения ленинских текстов при их публикации в Полном собрании сочинений В.И. Ленина, показана непричастность к ним Сталина, связь этих искажений с политическим интересом тех сил, которые проводили кампанию критики «культа личности» Сталина и нуждались в опоре на морально-политический авторитет Ленина. Также было обращено внимание на сокрытие ленинского мнения относительно текста «О кооперации», не удовлетворившего самого Ленина[178].

Из сказанного следует, что, несмотря на обилие литературы, весь круг проблем ленинского «Завещания» нуждается в дальнейшем исследовании.

ИСТОЧНИКИ

Источниковедческие аспекты ленинского «Завещания» на данном этапе разработки проблемы нам представляются гораздо более важными, чем историографические. В этой главе будет дана общая характеристика основных комплексов их, а также представлен анализ отдельных источников, имеющих важное значение для исследования самых разных проблем нашей темы.

Основой источниковой базы помимо самих текстов последних писем и статей Ленина являются сопутствующие им делопроизводственные документы ленинского секретариата, а

также документы и материалы ЦК партии и членов Политбюро ЦК РКП(б). До начала 1990-х годов масса историков не имела не только доступа к ним, но и сколь-либо определенного представления о большинстве из них, а без этого, естественно, не могло быть и речи о серьезном источниковедческом исследовании ленинского «Завещания». В результате возникла (вернее, была искусственно создана) странная ситуация, когда, несмотря на большое внимание, которое в советской исторической науке уделялось источниковедению ленинского наследия[179], одна из важнейших частей его — «Политическое завещание» — в источниковедческом отношении оставалась нетронутой целиной. К такому выводу пришел А.А. Овсянников, специально изучавший источниковедческие аспекты ленинского наследия 1917—1923 гг.[180] С этим выводом приходится согласиться.

ТЕКСТЫ «ЗАВЕЩАНИЯ»

В оригинале все части «Завещания» Ленина[181] представляют собой машинописные тексты. Исключение составляет лишь письмо «К съезду» от 23 декабря 1922 г., которое имеется не только в виде машинописного текста, но и в виде рукописи, сделанной Н.С. Аллилуевой, которая в тот день дежурила у Ленина. Ни один текст не только не был подписан В.И. Лениным, но и не имеет заверительной надписи, способной устранить сомнение в его принадлежности Ленину. Датировка работы Ленина над текстами либо не поддается надежной документальной проверке, либо дает отрицательные результаты. Исключение опять же составляет письмо «К съезду», продиктованное 23 декабря и в тот же день зарегистрированное в журнале исходящих документов секретариата Ленина, как направленное И.В. Сталину.

Ситуация осложняется тем, что отдельные тексты «Завещания» при публикации подверглись редактированию, сильно искажавшему не только первоначальный смысл отдельных фраз, но и смысл всего документа. Это относится к письму от 23 декабря 1922 г., к «характеристикам» (диктовки 24—25 декабря 1922 г.), а также к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин».

Важное значение имеют документы, сопутствующие текстам «Завещания». В ряде случаев они либо дают дополнительную аргументацию в пользу ленинского авторства того или иного документа, либо свидетельствуют против него. Например, записки и пометы, сопутствующих «статье» «О кооперации», говорят о том, что перед нами два варианта диктовки по одной проблеме, причем обеими Ленин остался недоволен. Поэтому для выяснения действительного ленинского замысла, ленинской воли необходимо составить возможно более верное представление о работе Ленина над текстами «Завещания» и устранить все позднейшие искажения.

РЕГИСТРАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛЕНИНСКОГО СЕКРЕТАРИАТА

Документы ленинского секретариата дают богатый материал для изучения работы Ленина и его политических и личных контактов с другими членами ЦК партии в интересующий нас период. В Российском государственном архиве социально-политической информации (далее: РГАСПИ) хранятся «Журналы» регистрации входящей и исходящей корреспонденции, а также книги регистрации документов, хранившихся в тематических досье, и комплекс «Журналов», фиксирующих поступление документов в Архив Ленина[182]. Система, функционировавшая без изменений до конца декабря 1922 г., позволяет установить принадлежность того или иного документа Ленину даже в том случае, если он был продиктован секретарям и Лениным не подписан. С января 1923 г. ситуация меняется: регистрация теперь осуществлялась от случая к случаю, поэтому она уже не позволяет с прежней точностью установить время создания, поступления в секретариат или отправления из него того или иного документа. Поэтому они мало чем могут помочь в деле изучения работы Ленина над «Завещанием», в установлении ленинского авторства того или иного текста. Положение не спасают и регистрационные документы Архива В.И. Ленина, в которых фиксируются документы, незарегистрированные в секретариате, поскольку и здесь

записи в это время производились уже нерегулярно.

Единственным документом, зарегистрированным в день его создания (в режиме реального времени) в исходящем журнале секретариата, является продиктованное В.И. Лениным 23 декабря письмо. Оно зарегистрировано в «Журнале регистрации исходящей почты В.И. Ленина. 7 сентября 1920 — 16 января 1924 гг.» так: «Сталину (письмо В.И. к съезду)», исходящий номер 8628, от 23 декабря 1922 г.[183] Тексты статей («Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше»), отправлявшиеся для публикации, не регистрировались как исходящие. Регистрацию они прошли только при поступлении в Архив В.И. Ленина уже после публикации[184]. Записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», письма Троцкому от 5 марта и Мдивани, Махарадзе и др. (далее: письмо Мдивани) от 6 марта 1923 г. были впервые зарегистрированы лишь 15 июня 1923 г. (№ 1612) в составе комплекса документов («Материал для сведения членам ЦК по национальному вопросу (ст. т. Ленина "национ. вопрос")»), поступившего из ЦК РКП(б).

Конечно, отсутствие регистрации документов не может служить поводом к отрицанию ленинского авторства того или иного текста «Завещания», не ставит автоматически его авторство под сомнение. Но если таких доказательств нет вообще или если имеющиеся свидетельства оставляют сомнения, то факт наличия регистрации подтверждает авторство, а ее отсутствие — еще больше осложняет вопрос, вынуждает оставить его открытым.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Важными источниками для изучения всего круга проблем, связанных с ленинским «Завещанием», являются документы самого В.И. Ленина, а также других членов Политбюро и некоторых других деятелей РКП(б) и Советского государства. Они дают в руки исследователей своеобразный «камертон», с которым может быть сверено или соотнесено содержание текстов «Завещания». В последние годы по данной проблеме было опубликовано значительное число прежде секретных документов, однако без привлечения архивных материалов нельзя рассчитывать на успех, поскольку они содержат массу дополнительной информации, имеющей огромное значение для решения некоторых важных вопросов: делопроизводственные пометы, отметки о регистрации, образцы почерков, следы работы с документами. Важно знание комплекса документов, в составе которого отложился тот или иной текст. Эта информация незаменима при проведении источниковедческого анализа текстов «Завещания» и ряда других документов. Кроме того, она позволяет изучить ход ленинской мысли, динамику личных и политических отношений Ленина и других членов Политбюро, историю использования текстов «Завещания» в политической борьбе.

Сведения о работе Ленина над «Завещанием» имеются в переписке, которая относится к более позднему времени и фиксирует ленинское авторство не в режиме реального времени, как делопроизводственный документ, а как мемуарный источник — через призму времени. Это, например, относится к переписке 16—18 апреля 1923 г., которая возникла между Л.А. Фотиевой и членами Политбюро по поводу хранящихся у нее записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», к обмену мнениями членов Политбюро и секретариата ЦК в связи с передачей Н.К. Крупской некоторых текстов «Завещания» (июнь 1923 г.), к переписке Г.Е. Зиновьева и Н.И. Бухарина с И.В. Сталиным, в которой они информировали его о существовании ленинской «записки о секретаре» (диктовка от 4 января 1923 г.), к так называемому «протоколу передачи» текстов «Завещания» В.И. Ленина (май 1924 г.), к письму М.И. Гляссер Н.И. Бухарину (11 января 1924 г.).

Установление авторства текстов «Завещания» — только одна сторона проблемы. Выяснение конкретных обстоятельств их возникновения — задача не менее трудная и важная. От ее решения зависит верное понимание побудительных мотивов и конкретного хода ленинской мысли, а значит, и оценки как каждого документа в отдельности, так и всего их комплекса. К сожалению, документов, являющихся носителями надежной информации о работе Ленина над текстами «Завещания» гораздо меньше, чем принято считать. К ним

относятся «Дневник дежурных секретарей» Ленина, «Дневник дежурных врачей», отдельные документы ленинского секретариата и источники мемуарного характера.

«ДНЕВНИК ДЕЖУРНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ»

«Дневник дежурных секретарей» Председателя СНК РСФСР В.И. Ленина принято считать важнейшим источником информации о работе В.И. Ленина над текстами «Завещания», о его политических настроениях в последний период деятельности. Широким кругам историков подлинник «Дневника» не был известен, и они пользовались его версией, опубликованной в Полном собрании сочинений В.И. Ленина[185], что делало практически невозможным полноценный источниковедческий анализ этого документа. В то же время политический авторитет издателей Полного собрания сочинений В.И. Ленина, казалось, снимал для советских историков всякую актуальность такого исследования. Однако даже опубликованный вариант дневника давал некоторые основания В.И. Старцеву и С.В. Воронковой для критического отношения к нему именно как к дневнику в связи с тем, что ряд его записей носят не дневниковый характер[186]. Историки, писавшие позднее и имевшие возможность изучить подлинник «Дневника», например Д.А. Волкогонов, В.А. Куманев и И.С. Куликова[187], не ставили вопрос об источниковедческих проблемах «Дневника». Доверительное отношение к этому документу — причина многих серьезных ошибок, поэтому мы намерены поближе ознакомить читателя с его архивным вариантом[188].

Дневник был заведен в секретариате В.И. Ленина 21 ноября 1922 г. Как исторический источник он распадается на две части, гранью между которыми служит запись от 18 декабря 1922 г. Вплоть до этой даты подлинность «Дневника» как документа не вызывает никаких сомнений: записи носят деловой, делопроизводственный характер — конкретные поручения, пометы об их исполнении. Никаких «перепрыгиваний» через даты, никаких «лирических отступлений». Все пишется для организации информационного потока, а не для Истории.

Записи за 19—21 декабря отсутствуют, однако на листах книги имеются даты, проставленные рукой Н.С. Аллилуевой с небольшим интервалом (в 4—5 строк): «19/XII», «20/XII», «21/XII», «23/XII». Возможно, это объясняется тем, что Н.С. Аллилуева, приходя на дежурство, проставляла очередную дату, но ввиду запрета на передачу Ленину политической информации и отсутствия исходящих от него распоряжений записей не делала. Возможно, что дежурство отменялось. Последняя рабочая помета в дневнике, сделанная в режиме реального времени, запись даты: «23/XII». Все последующие записи сделаны позднее указанных в дневнике дат. Дежурство секретарей Ленина продолжалось, но, судя по документам, теперь их деятельность сводилась к обеспечению работы над его «Дневником» (запись диктовок, внесение правки, перепечатка текста) и к управлению потоком корреспонденции, который продолжал поступать на его имя: что-то пересылалось в другие инстанции для исполнения, что-то передавалось на хранение в ленинский архив. Показательно, что записи в книгах регистрации поступающей и исходящей документации стали производиться нерегулярно, по мере накопления документов.

Первая после 18 декабря запись относится к 23 декабря: после даты, проставленной Н.С. Аллилуевой, М.В. Володичева вписала свой рассказ о том, как Ленин вызвал ее и продиктовал письмо. Однако об этом она рассказывает как о событиях прошедшего дня, следовательно, он записан не 23-го[189]. Эта запись фактически открывает новый документ, не имеющий ничего общего с прежним «Дневником».

С этого момента заметно меняется характер записей. Если прежде они были сугубо делопроизводственными, то теперь многие из них приобретают откровенно «мемуарный» характер, фиксируя события «задним числом». К ним относятся и важные для нашей темы записи за 23, 24 декабря 1922 г., а также за 24—30 января и за 5—6 марта 1923 г. Некоторые приписки сделаны на полях другим почерком, что выдает более позднюю обработку готового текста. Появляются «лирические» вставки, не касающиеся существа дела, а фиксирующие внимание читателя либо на заботе, которую В.И. Ленин проявлял в

отношении Л.А. Фотиевой и М.В. Володичевой, либо на состоянии здоровья Ленина, либо смягчающие негативное впечатление от признания факта ослабления у Ленина памяти. По содержанию они прямо или косвенно связаны с характеристикой отношений между Лениным и Сталиным и всегда высвечивают их в негативном плане. Эти записи заставляют предположить, что они предназначались не для «памяти», не для отчета о работе, не для сменщика по дежурству, а для постороннего читателя. Для Истории.

Перемены в «Дневнике» совпадают с изменением персонального состава секретарей, заполнявших его. После 23 декабря больше не появляются записи, сделанные Н.С. Аллилуевой, хотя она продолжала работать в секретариате Ленина и была причастна к работе над его диктовками. Об этом говорит, например, записка М.В. Володичевой, хранящаяся в деле, в котором сосредоточены материалы работы над статьей «Лучше меньше, да лучше»[190].

На позднюю фабрику дневниковых записей после 23 декабря указывает ряд пропусков в записях и следы более поздних попыток восполнить их. На оставленном чистом листе имеются чьи-то записи, сделанные карандашом: «В. 26/ХІІ, «Л.Ф. 28/ХІІ», «Л.Ф. 4/1», «Л.Ф. 9—10/1», «Л.Ф. 24/1». Учитывая все известное нам об этом «Дневнике», мы вправе предположить, что эти карандашные пометы означают указание, за какие дни М.В. Володичевой и Л.А. Фотиевой необходимо внести записи[191]. При публикации «Дневника» эти пометы не были воспроизведены, наличие их даже не оговорено в примечаниях.

Спрятаны и другие следы, указывающие на позднейшую работу над «Дневником». В опубликованном его варианте месяцы в записях даты обозначены словами, а в оригинале — римскими цифрами. Сам по себе этот факт — мелочь, но он перестает быть таковой, когда оказывается, что эта «мелочь» связана с преднамеренным искажением датировки важнейшей записи — 24 декабря. В опубликованном варианте запись, которую обычно относят к работе Ленина над «характеристиками», датирована декабрем («24 декабря»), в подлиннике так называемого «Дневника» на самом деле она датирована ноябрем и выглядит так: «24/ХІ!» За ней следует текст: «На следующий день...» Можно предположить, что это описка. Но нельзя исключить и того, что появление этой даты как-то связано со временем внесения Володичевой этой записи: она явно не дневникового, а скорее мемуарного характера. Во всяком случае, исправление этой «ошибки» без оговорок «добросовестными» и бдительными публикаторами говорит о том, что они старались убрать из «Дневника» все, что могло бы навести на сомнения в отношении его подлинности и предъявить научной общественности безукоризненный источник, способный стать одним из основных устоев «хрущевской версии» ленинского «Завещания».

Возникшее подозрение в том, что записи «Дневника» после 18 декабря являются фальсификацией, усиливается и превращается в уверенность при ознакомлении с самими «дневниковыми» записями. Запись за 23 декабря произведена М.В. Володичевой, в ней она сообщает о вызове к Ленину и диктовке, а также о проявленном к ней внимании Ленина. И сразу же архивный вариант «Дневника» выдает первую из множества «маленьких» тайн его, замаскированных в опубликованном варианте. Текст: «почему такая бледная, почему не на съезде, пожалел, что отнимает время, которое я могла бы пробыть там» — является вставкой на полях[192]. Конечно, проявление внимания само по себе не может вызывать удивления или недоверия. Возможно, Ленин не раз проявлял подобную заботу, но прежде ее не фиксировали в «Дневнике дежурных секретарей». И понятно: этот факт не имеет никакой ценности для делопроизводства. Возможно, смысл этой вставки состоял в том, чтобы акцентировать особые доверительные отношения Ленина со своими секретарями. Возможно, она была призвана смягчить негативное впечатление от предыдущего предложения, в котором говорилось о плохой памяти Ленина.

В этот день Ленин продиктовал письмо «К съезду», которое было зарегистрировано в журнале исходящей корреспонденции и которое М.В. Володичева, как считается, отправила Сталину. Но почему-то об этом ничего в «Дневник» не записала, хотя прежде выполнение распоряжений Ленина всегда фиксировалось. Если учесть рассказ самой Володичевой о том,

что распоряжение Ленина она не совсем поняла и поэтому консультировалась с Фотиевой относительно того, как поступить[193], то тем более есть основания ожидать какой-либо записи об отправлении письма по распоряжению Фотиевой. И вот вместо этих реальных делопроизводственных проблем, связанных с важными политическими вопросами, отражение которых мы вправе ожидать в «Дневнике дежурных секретарей», в нем оказывается рассказ о забывчивости Ленина и его заботливом отношении к Володичевой.

Запись от 24 декабря заслуживает особого внимания, поскольку в этот день, согласно традиционной версии, Ленин начал диктовать «характеристики». По содержанию архивный вариант ничем не отличается от опубликованного. В архивном варианте она начинается словами: «На следующий день (24/XII) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23/XII) и сегодня (24/XII) является абсолютно секретным»[194]. Получается, что в «дневниковой» записи 24 декабря фигурирует как бы в разном времени: то как «сегодня», то как «следующий день», что в контексте означает прошедший день. В любом случае перед нами не дневниковая запись дежурного секретаря, сделанная в режиме реального времени. Следовательно, она лишена специфической ценности «Дневника» как исторического источника. Получается, что диктовка Лениным «Письма к съезду» 24 декабря остается без надежного свидетельства со стороны его секретарей — единственного источника, повествующего о работе Ленина над этим текстом.

На проверку выходит, что в «дневниковых» записях секретарей за 23 и 24 декабря нет никакого делопроизводственного смысла, зато есть политический, вернее, историко-политический смысл — доведение до сведения общественности, что Ленин диктовал в эти дни нечто сверх-сверх секретное, что может быть раскрыто только секретарями, которые в этом случае будут иметь возможность рассказать всё, что им угодно. Оспаривать их «свидетельства» невозможно или крайне трудно.

За 24 декабря (точнее, ноября) без каких-либо пропусков, буквально «вплотную» следует запись Володичевой, датированная 29 декабря[195]. На дни молчания «Дневника», согласно историографической традиции, приходится очень высокая активность работы В.И. Ленина: 25-го завершена диктовка «характеристик», 26-го — продиктован текст «об увеличении числа членов ЦК», 27 и 28-го — диктовка трех текстов о Госплане[196]. 29 декабря секретарь фиксирует лишь чтение и рабочие разговоры[197], хотя имеются тексты ленинских диктовок, датированные этим днем[198]. В течение всех этих дней ленинский секретариат продолжает функционировать, обрабатывается информационный поток, идущий к Ленину, но почему-то эта работа не фиксируется в «Дневнике». Таким образом, секретари ставят исследователя перед вопросом: можно ли им верить и в чем именно им следует верить? После записи от 29 декабря 1922 г. вплотную следует запись от 5 января 1923 г., полностью соответствующая опубликованному варианту. Пропущенные дни, согласно традиционной схеме, также загружены напряженной работой — диктовкой записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», «статьи» «Странички из дневника», а также добавлений к «характеристикам».

Получается, что «Дневник» «прикрывает» начало диктовки «Письма к съезду» (24 декабря) записью, сфабрикованной под дневниковую, а завершение работы над ним (25 декабря) и работу над «добавления» к нему (4 января) вообще не фиксирует. Без «прикрытия» свидетельств остаются и записки по национальному вопросу (30—31 декабря). Это делает невозможным обоснование ленинского авторства указанных документов с помощью «Дневника дежурных секретарей».

За записью от 5 января следует чистый лист с карандашными пометами, о которых говорилось выше и которые можно понять, как следы планирования работ по фабрикации «дневниковых» записей. На следующем листе имеется запись за 17 января, выполненная Володичевой. В архивном варианте «Дневника» видно то, что скрыто в опубликованном: к тексту Володичевой, фиксирующей плохую память у Ленина, на полях имеется вставка слова «шутливо» — это свидетельствует о том, что кто-то редактировал текст. Записи за 18—23

января ничем не примечательны, публикация точно воспроизводит подлинник, зато следующая неделя заслуживает особого внимания.

Дни с 24 по 30 января в «Дневнике» представлены записями Л.А. Фотиевой, опять же произведенными «задним числом», как бы с позиции 30 января[199]. Очевидно, они внесены в соответствии с установкой, данной неизвестным руководителем работ по созданию «литературного памятника» в виде «Дневника дежурных секретарей». Интересна их последовательность: 24 января, 25-го, 27-го («суббота»), 29-го, затем 30-го («сегодня») и опять 24-го, за ним — 26-го и снова 30 января («сегодня»). Эти записи, явно не имеющие делопроизводственного характера, напоминают, скорее, черновик воспоминаний. На это указывает, например, то, что Фотиева, которая, как считается, сделала их, упоминается в третьем лице[200]. Почерк похож на почерк Фотиевой, но начертанием отдельных букв отличается от ее записей, сделанных в середине декабря 1922 г. Добавим, что и эти тексты кем-то редактировались. В записи от 29 января часть приписываемых Ленину слов («Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства») вставлены в основной текст позднее почерком, несколько отличным от почерка основной записи[201]. В записи за 1 февраля имеется еще одна редакционная правка — вставка на полях. И какая! Текст: «В.И. сказал: если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы был на свободе), то я легко бы все это сделал сам»[202]. Следовательно, под сомнением оказывается история о «тюремном режиме», якобы установленным Сталиным для Ленина, имеющая важнейшее значение для традиционной историографии.

Через несколько дней, в записях за 7—12 февраля, сбой в хронологии опять повторяется. По сравнению с январским февральский «сбой» календаря гораздо нагляднее свидетельствует о том, что «Дневник дежурных секретарей» на самом деле является более поздней подделкой. Возможно, именно поэтому публикаторам пришлось взять на себя роль редакторов и исправить оставленный его авторами «брак», скрыв не только путаницу календарных дат, но и сам факт позднейшего историко-политического творчества. В архивном варианте «дневниковые» записи следуют таким порядком: 10 февраля, утро 7 февраля, утро 9-го, за ним второй раз появляется 10 февраля. Вслед за ним снова возвращается 7 февраля (вечер), потом следует «второе пришествие» 9 февраля (утро, вечер). За 9-м февраля следует 12-е, и второй сбой в календаре благополучно преодолевается[203]. Объем записей за эти дни значителен, в публикации они занимают более двух страниц (из 13-ти)[204]. Сумятицу календарных дат дополняют противоречивые свидетельства самих секретарей[205].

После 12-го следует запись за 14 февраля, а за ней лист до конца оставлен незаполненным. На следующем листе находятся две последние записи «Дневника» — за 5 и 6 марта 1923 г., рассказывающие об истории создания и отправления адресатам писем Троцкому, Мдивани и др., а также письма-ультиматума Сталину[206]. В записи за 6 марта большая часть текста, начиная со слов «Надежда Константиновна просила» и до конца, была исполнена Володичевой шифром. Ее расшифровку она произвела 14 июня 1956 г.[207] — как раз тогда, когда в этом возникла политическая потребность. Интересно, что авторы примечаний в Полном собрании сочинений В.И. Ленина изменили дату расшифровки Володичевой с 14 июня на 14 июля, т.е. отнес ее ко времени после принятия постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»[208].

Подведем итог. Ясно, что «Дневник дежурных секретарей» в записях после 18 декабря 1922 г. уже не является делопроизводственным документом, который отражает происходящие события в режиме реального времени, и потому несвободен от влияний последующей политической конъюнктуры. Текст, вписанный с нарушением хронологии или имеющий мемуарный характер (запись, внесенная позднее указанной даты), составляет примерно 4,7 страниц из 12,7 страниц записей, т.е. 33%. Все это позволяет утверждать, что его создатели преследовали определенные политические цели, следовательно, «Дневник» является документом политической борьбы, созданным для получения возможности

использовать авторитет Ленина в собственных интересах. Никакой серьезной информации о работе Ленина над текстами «Завещания» он не дает.

Могут сказать: пусть не настоящий дневник, пусть информация о работе Ленина восстановлена по памяти, воспоминания тоже источник. Это, конечно, так. Но даже если этот документ воспринимать как мемуарный источник, то, прежде чем использовать его, придется установить время и причины появления этих «мемуаров», причину придания им формы «дневниковых записей». Но и в этом случае придется признать, что эти «мемуары» не содержат в себе определенных указаний на диктовку Лениным ряда важнейших текстов «Завещания» — «Письма к съезду», записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» и др. Они лишь поддерживают тезис о ленинском авторстве писем от 5 и 6 марта 1923 г.

Таким образом, все, что нам известно о записях «Дневника» начиная с 23 декабря 1922 г., говорит против признания этого документа ценным источником по истории работы Ленина над последними письмами и статьями. Он ценен и важен как источник по истории фальсификации ленинского «Завещания».

В этом выводе нас утверждает сравнение записей «Дневника дежурных секретарей» и «Дневника дежурных врачей».

«ДНЕВНИК ДЕЖУРНЫХ ВРАЧЕЙ»

Подлинные дневниковые записи врачей, в котором медицинские работники, постоянно дежурившие и при Ленине, фиксировали не только состояние здоровья Ленина и процесс его лечения, но и его работу, историкам недоступны. Поэтому приходится довольствоваться вариантом текста, готовившемся к изданию в середине 1920-х годов, но увидевшем свет лишь в 1991 г.[209] Содержащаяся в нем информация о работе очень скупа, она не раскрывает содержания диктовок и разговоров и поэтому не позволяет отождествить факт той или иной диктовки с работой над конкретным текстом «Завещания». Кроме того, издание «Дневника дежурных врачей» содержит в себе следы позднейшей правки, касающейся вопросов контактов Ленина с Володичевой и Фотиевой. Это затрудняет анализ содержащейся в нем информации и в ряде случаев не позволяет делать надежные заключения. И все же «Дневник дежурных врачей» — единственный на сегодняшний день доступный историкам источник, дающий в руки исследователей хотя и скудную, но систематическую информацию о работе и работоспособности Ленина после 18 декабря 1922 г.

Ряд записей врачей ставит непростые вопросы перед традиционной историографией, поскольку под сомнением оказывается установившийся взгляд относительно времени работы Ленина над отдельными текстами «Завещания». Так, врачи отрицают работу Ленина 6 января, к которому традиция относит диктовку второй части «статьи» «О кооперации». Отрицается и работа 9 января, когда, как считается, Ленин начал работу над первым вариантом статьи о Рабкрине («Что нам делать с Рабкрином»). Сообщаемая информация о состоянии здоровья Ленина 5 и 6 марта 1923 г. ставит под сомнение традиционную версию о его работе в эти дни. Но наиболее ценен «Дневник дежурных врачей» тем, что дает возможность определить надежность других источников, прежде всего «Дневника дежурных секретарей». Сравнение информации о работе Ленина, содержащейся в «Дневнике врачей» с «Дневником секретарей», дает поразительные результаты. Совпадения блокируются в четыре группы: 24 декабря 1922 г.; третья неделя января (17—19, 22 и 23); первая неделя февраля (3, 4, 6, 7) и 5, 6 марта 1923 г.[210] Вот и все совпадения за два с половиной месяца — один день в декабре, пять в январе, четыре в феврале и два в марте. На 73 дневниковые записи врачей (24 декабря — 6 марта) и 30 записей секретарей только тринадцать совпадений! Это не может не удивить в том случае, если «Дневник секретарей» действительно является дневником.

Противоречий гораздо больше. «Дневник секретарей» молчит о работе с Лениным (в том числе по причине отсутствия записей), в то время как «Дневник врачей» сообщает о ней:

25, 29—31 декабря, 1—4, 10, 13, 16, 19 января, 18—20, 25—27 февраля, 2, 3 марта. 20 дней! Молчание секретарей объяснить непросто, ведь секретариат функционировал, секретари работали с Лениным, но почему-то не вели дневниковых записей, если же вносили их, то почему-то умалчивали о своей работе с Лениным.

дней разногласия на 73 календарных дня! Немало. Но и это не все. К этим противоречиям надо добавить еще 6 дней, когда, наоборот, по свидетельству врачей Ленин не работал с секретарями, а последние рассказывают о своей работе с ним: 24—26 января, 9, 10, 12 февраля. Итак, в 26 случаях из 73 отмечается несогласованность, а согласованные записи отмечаются только по 13 дням. Но и эти совпадения для «Дневника секретарей» оказываются не лучше, чем противоречия. Более трех четвертей из них (10 из 13 дневниковых записей) насыщены большими и малыми противоречиями, о которых речь пойдет ниже.

«ДНЕВНИК» М.И. УЛЬЯНОВОЙ

К «Дневнику дежурных секретарей» как бы примыкает составленная М.И. Ульяновой сводка информации о работе Ленина над «Завещанием», систематизированной по дням[211], которую поэтому можно условно называть «дневником» Ульяновой. Он не имеет самостоятельного значения как источник информации о работе В.И. Ленина, но важен для понимания истории появления «дневниковых» записей секретарей после 18 декабря.

Информация в этот дневник поступала, судя по всему, из самих текстов последних писем и статей Ленина, содержавших указание на то, когда, кому и что именно он диктовал, а также из «Дневника дежурных врачей», который ей был известен (она часто цитировала его в своих воспоминаниях). Наличие многих разночтений с «Дневником секретарей», а также отсутствие в ее «Дневнике» специфической информации, которую бы она могла почерпнуть только из него, позволяет предположить, что он ей в это время не был известен. Это странно, так как М.И. Ульянова наблюдала работу секретарей и не могла не знать о его существовании. «Дневник» Ульяновой свидетельствует о том, что через несколько лет после смерти Ленина она практически ничего не помнила о его работе в этот период, хотя, по ее словам, постоянно находилась около Ленина. А записей, по ее собственному признанию, она не вела[212].

Таким образом, историки не располагают прямыми и надежными свидетельствами работы Ленина над текстами «Завещания», с оставленными в режиме реального времени ни теми, кто вел с ним работу, ни теми, кто мог наблюдать ее со стороны.

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Мемуарные источники по теме представлены воспоминаниями ряда членов семьи Ленина (Н.К. Крупская, М.И. Ульянова), политических деятелей (Л.Д. Троцкий, В.М. Молотов, А.И. Микоян, Ем. Ярославский, Л.М. Каганович) и технических работников секретариатов СНК РСФСР и ЦК РКП(б) (Фотиева, Володичева, Гляссер, Бажанов). Иногда это специально написанные воспоминания, иногда — соответствующие фрагменты политических документов, выступлений или записи рассказов, содержащих скупую, но проверяемую другими источниками, а поэтому ценную информацию. Они сильно различаются политической направленностью, кругом освещаемых проблем, степенью их раскрытия. Как правило, они дают фрагментарную информацию и могут служить для исследования нашей проблемы лишь в качестве вспомогательного источника. Между тем в историографии на почерпнутой из них информации покоится множество суждений и оценок относительно политических и личных отношений Ленина и других членов Политбюро. Наибольшим авторитетом и «спросом» пользуются мемуары Л.Д. Троцкого, Л.А. Фотиевой, М.Д. Володичевой, Б. Бажанова. В меньшей степени востребованы воспоминания М.И. Ульяновой и А.И. Микояна. Мемуары Ем. Ярославского, Л.М. Кагановича обойдены вниманием, как и рассказы В.М. Молотова, записанные Ф. Чуевым.

Троцкий в своих воспоминаниях много внимания уделил разным проблемам

ленинского «Завещания»[213], политическим характеристикам членов Политбюро, а также отношениям между ними. Отношения Ленина и Сталина представляются исключительно в негативном плане, как все более и более ухудшающиеся и доходящие до разрыва. Свои отношения с Лениным он, наоборот, изображал как уважительные, доверительные, постоянно улучшающиеся вплоть до заключения политического блока, направленного против ЦК партии. «Завещание» Ленина представляется им как логическое завершение этих отношений: удаление от власти одних и расчищение пути к лидерству для Троцкого. Под этим углом зрения он рассматривает социально-экономические, политические и организационно-партийные предложения В.И. Ленина, содержащиеся в его «Завещании», которые сами по себе мало интересуют Троцкого. Большинство сообщаемых им важных для его концепции фактов, а также их интерпретация, как правило, не получают опоры в документах. Тем не менее, в них имеется интересная информация, подтверждаемая другими источниками, ценность которой трудно переоценить: о политической интриге, которая велась домашним окружением Ленина и к которой Троцкий имел непосредственное отношение. Именно в нее вписывает он свои контакты с секретарями 5 и 6 марта 1923 г. Информацию о работе Ленина над «Завещанием» он получал из «вторых рук» — от Фотиевой, Володичевой и Гляссер, так что в этом отношении воспоминания Троцкого не имеют ценности свидетельства очевидца.

Очень информативны записи воспоминаний Молотова, сделанные Ф. Чуевым о личных и политических отношениях Ленина, Сталина, Троцкого, Каменева, Зиновьева и Бухарина, об истории избрания И.В. Сталина генеральным секретарем, о практике работы Политбюро, о тактических приемах, которые Ленин использовал в борьбе с Троцким, и пр. Как правило, они подтверждаются документами ЦК РКП (б). Значительный интерес представляет его рассказ, касающийся одного из самых сложных для нашей темы вопроса, — о конфликте Сталина с Крупской и реакции на него Ленина. Во-первых, Молотов — единственный, кто описывает эту историю «со стороны» Сталина, а, во-вторых, сам конфликт он связывает не с нарушением Крупской режима информирования Ленина о решениях декабрьского (1922) Пленума ЦК, как традиционно считается, а с ее вмешательством в *режим посещений* Ленина, установленный ЦК РКП(б)[214].

Интересны воспоминания М.И. Ульяновой, посвященные истории болезни Ленина, его работы в это время[215], а также отношениям Ленина со Сталиным и конфликту Сталина и Крупской. Последние представлены двумя вариантами. Ранний («краткий») — заявление, направленное в адрес июльского (1926) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), и поздний («пространный»). Второй вариант отличается от первого не только важными деталями, но и общей политической направленностью (не только антитроцкистской, как первый, но и антисталинской)[216]. Он предположительно был создан в конце 20-х — начале 30-х годов, когда она, активно выступая в защиту Н.И. Бухарина и его сторонников, использовала «Завещание» Ленина, например, в письме в адрес апрельского (1929) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), чтобы оказать политическую поддержку лидерам «правого уклона»[217]. Если допустить, что в первом варианте М.И. Ульянова о чем-то умолчала, то, надо признать, во втором варианте она дополнительно сообщила лишь несколько малозначительных фактов проявления недовольства Ленина Сталиным, которые к тому же вызывают сомнения в их достоверности. Существенные дополнения касались только обстоятельств разговора Сталина с Крупской и реакции Крупской на этот разговор, а также истории ознакомления Ленина с произошедшим конфликтом.

Информация о самой работе Ленина над «Завещанием», имеющаяся в воспоминаниях Фотиевой и Володичевой, на редкость скудна, схематична и порой в искаженном виде представляет работоспособность Ленина[218]. В воспоминаниях Володичевой наибольший интерес представляет информация, касающаяся организации хранения текстов «Завещания»[219]. В ряде существенных моментов секретари противоречат друг другу и самим себе, что обесценивает их воспоминания. К тому же их информация не находит опоры в документах того времени, происхождение которых не вызывает сомнений. Поэтому даже в

качестве вспомогательного источника они дают мало нового по сравнению с тем, что известно из работ Ленина и других документов.

Мемуары Крупской посвящены в основном состоянию здоровья Ленина и фактически обходят важнейшие для нас вопросы — работу Ленина над «Завещанием», его личные и политические отношения со Сталиным и Троцким в этот период[220].

Короткие, но интересные воспоминания о своей последней беседе с Лениным, об отношении Ленина к Троцкому и об установлении режима информирования Ленина 18 декабря 1922 г. оставил Ем. Ярославский[221]. Воспоминания Кагановича ценны главным образом богатой информацией об организации работы аппарата ЦК, о деятельности Сталина как генерального секретаря ЦК РКП(б) и политической борьбе в руководстве партии[222].

Воспоминания Б. Бажанова в отношении интересующей нас проблемы малоинформативны, так как о ленинском «Завещании», о конфликте Сталина и Крупской, о личных отношениях Ленина и Сталина он знает и рассказывает с чужих слов. Наибольший интерес представляет информация о том, что конфликт Сталина и Крупской, который, как считается, очень взволновал Ленина, произошел не в связи с дискуссией о монополии внешней торговли, а с конфликтом в КП Грузии и относится к январю 1923 г., а не к декабрю 1922 г.[223]

* * *

Таков тот набор источников, на базе которого приходится исследовать работу В.И. Ленина над последними письмами, записками и статьями. Недоступность исследователям ряда документов Ленина, документов, касающихся состояния его здоровья и работоспособности, а также рабочих контактов во время работы над «Завещанием», ограничивает возможности исследования данной проблемы в настоящее время. Для нашей темы эта недоступная еще информация может иметь первостепенное, иногда решающее, значение. В ряде случаев ее отсутствие не позволяет сейчас сделать окончательный выбор в пользу той или иной версии или же затрудняет такой выбор.

По большинству вопросов, поставленных перед собой автором этой книги, можно получить вполне аргументированные выводы, по другим — наметить возможные варианты развития событий. Остаются еще вопросы, по которым удастся только уточнить постановку проблемы и конкретизировать пути и способы дальнейшего их изучения. По отдельным вопросам можно лишь определить границы более или менее надежных знаний и сформулировать проблемы, подлежащие исследованию.

Поскольку ряд наблюдений и выводов, сформулированных в книге, вынужденно носят предварительный характер, автор оставляет за собой право на уточнение некоторых положений, оценок, выводов по мере введения в научный оборот новых источников.

Л.Д. Троцкий в своей статье «Завещание Ленина» заявил, что на его выступления ему «никто, решительно никто, не ответил, ничто не было ни разобрано, ни отвергнуто», «нечего было опровергать и некому, оказалось, написать книгу, для которой нашлись бы читатели». Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда. Мы попробуем сделать это... Это необходимо сделать уже потому, что его работы наложили сильнейший отпечаток на изучение «Политического завещания» В.И. Ленина и Троцкий поэтому является центральной фигурой историографии данной проблемы. Мы попробуем в этой книге ответить ему и будем надеяться, что читатели найдутся.

ЧАСТЬ 1

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921-1922)

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НЭПа И ВОЗМОЖНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленинское «Завещание» является органической частью процесса разработки теоретических и политических проблем развития социалистической революции, вставших в связи с переходом к новой экономической политике (НЭП). По этим вопросам в Российской Коммунистической партии (большевиков) шла напряженная дискуссия. В центре ее стояла проблема перспектив социалистической революции в сложившихся внешне- и внутривнутриполитических условиях, способности новой экономической политики обеспечить развитие и победу революции. Основной фронт борьбы проходил между Лениным и Троцким. В исторической литературе этот этап их взаимоотношений разработан недостаточно.

Троцкий выступал с особой позицией практически по всему спектру важнейших политических и теоретических вопросов и предложил свою, отличную от ленинской, новую экономическую политику и альтернативную программу действий. Со своими оценками и предложениями выступали также представители других политических сил и партийные деятели («рабочая оппозиция», Н.И. Бухарин и др.), однако их влияние было недостаточно сильным, чтобы представлять опасность для принятой Коммунистической партией ленинской концепции НЭПа. Большинство членов Политбюро — Сталин, Каменев и Зиновьев — в этой борьбе поддерживали Ленина.

В этой главе мы рассмотрим те аспекты идейно-политической борьбы, которые имеют важное значение для анализа интересующей нас проблемы, поскольку в последних письмах, записках и статьях В.И. Ленина эта борьба нашла свое проявление и продолжение.

§ 1. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Преодоление кризиса, последовавшего за гражданской войной, сначала мыслилось большевистским руководством в рамках прежней политики — так называемого «военного коммунизма» — и уже принятой тактики восстановления народного хозяйства. Предполагалось с помощью изъятия средств из деревни поднять крупную промышленность, затем начать преобразовывать сельское хозяйство с помощью и на базе техники, поставляемой промышленностью. Изменения должны были претерпеть лишь методы хозяйствования и система управления народным хозяйством. Такие взгляды развивал В.И. Ленин, например, в докладе ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г.[224] Однако попытки стимулировать работу крестьян, предпринимаемые на базе политики «военного коммунизма», не создавали хозяйственного стимула для развития крестьянского хозяйства. Недовольство в деревне продолжало усиливаться. Советская власть оказалась перед лицом крестьянских выступлений, объективно превращавшихся в контрреволюцию по отношению к пролетарской социалистической революции.

Ленин, оценивая создавшееся положение, говорил о «крестьянской (мелкобуржуазной) контрреволюции»: *«Такая контрреволюция стоит уже против нас»*, и судьбу социалистической революции в России «решит борьба, которая будет происходить по принципу "Кто кого?"»[225]. Чтобы предотвратить нежелательное развитие событий, В.И. Ленин предложил совершить глубокий тактический манёвр. 8 февраля 1921 г. он внес в Политбюро предложение пойти навстречу трудящемуся крестьянству, для чего, во-первых, заменить изъятие хлеба по разверстке натуральным налогом; во-вторых, уменьшить размер

налога по сравнению с разверсткой; в-третьих, ввести стимулирование работы крестьянина понижением процента налога; в-четвертых, «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога»[226]. Это должно было сбить волну контрреволюции, вернуть политическое взаимопонимание с крестьянством, наладить с ним взаимодействие в области экономической и создать политические условия для продолжения социалистической революции. Вот тот минимум задач, которые решались этим предложением. X съезд РКП (б) принял предложения Ленина.

Право на авторство НЭПа у Ленина оспаривал Троцкий[227]. Вопрос об этих претензиях Троцкого очень важен для понимания всей глубины разногласий Ленина и Троцкого по вопросу НЭПа. На XI съезде Троцкий, например, говорил, что именно он предложил «в феврале 1920 г., накануне IX съезда, перейти к продовольственному налогу от разверстки и к договорным отношениям в промышленности»[228]. Троцкий действительно в начале 1920 г. выступил с предложениями, которые во многом перекликались с предложениями Ленина февраля 1921 г., но не были тождественны им, как он утверждал.

Что же предлагал Троцкий? В начале 1920 г., когда мирная передышка в ходе гражданской войны позволила выдвинуть на первый план вопросы хозяйственного строительства, Троцкий предложил внести коррективы в отношения с крестьянством. Выступая на заседании Московского комитета РКП(б) 6 января 1920 г. с докладом «Основные задачи и трудности хозяйственного строительства», он заявил: «Пока у нас недостаток хлеба, крестьянин должен будет давать советскому хозяйству *натуральный налог* в виде хлеба *под страхом беспощадной расправы*. Крестьянин через год привыкнет к этому и будет давать хлеб. Мы выделим пролетарские части, сотню-две тысячи для создания продовольственных базисов. И тогда, создав... возможность *общей трудовой повинности*, как принудительной, при огромном значении воспитательного фактора, мы сумеем наладить наше хозяйство» (курсив наш. — В.С.)[229]. Как видно, в предложении Троцкого налог вписан в прежнюю систему экономических отношений и не играет той экономической и политической роли, которую он имел в предложениях Ленина.

В феврале 1920 г. Троцкий направил в ЦК РКП(б) тезисы «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», в которых развил свои предложения: «Нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». «Продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Борьба против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами: 1. Заменяя изъятие излишков известным процентным отчислением (своего *рода* *подходно-прогрессивный натуральный налог*) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка земли представляли все же выгоду; 2. Установив большее *соотношение между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам*» (курсив наш. — В.С.)[230].

«Ленин выступил решительно против этого предложения, — пишет Троцкий. — Оно было отвергнуто в центральном комитете одиннадцатью голосами против четырех. Как показал дальнейший ход вещей, решение ЦК было ошибочно», «переход на рыночные отношения был отвергнут», «хозяйство еще целый год после того билось в тупике»[231]. Последнее утверждение, конечно, верно. Но Троцкий затушевывает принципиальное различие своих и ленинских предложений. Предложения Троцкого и Ленина объединяет только одно — налог вместо продразверстки. Но в НЭПе важен не только налог, но и то, как он вмонтирован в хозяйственную систему: в допущение торговли. У Троцкого нет и намек на рынок, а у Ленина в его допущении состоит суть новой экономической политики. В предложении Троцкого речь идет о «выдаче» крестьянам продуктов промышленности и нет

никаких намеков на «рыночные отношения». «Новшество» Троцкого сводится к использованию налога для экономического стимулирования в первую очередь кулака, хозяйство которого скорее и в большей мере могло удовлетворять условиям, предложенным Троцким, и не только получить возможность платить более низкий налог, но и поощряться большим количеством промышленных товаров. Хозяйства середняков и бедняков не могли составить серьезной конкуренции кулаку. Предложения Троцкого вели, таким образом, к стимулированию кулака — врага советской власти — за счет бедняцких и середняцких слоев крестьянства, что не могло не осложнить их отношения с диктатурой пролетариата. Таким образом, если ленинский НЭП вел к расширению социальной базы социалистической революции, то предложения Троцкого — к ее сужению.

Для позиции Троцкого показательным является письмо, которое он направил в ЦК РКП(б) по прошествии года, в феврале 1921 г.[232], в то самое время, когда Ленин внес свои предложения по новой экономической политике. Констатируя кризис и плохую работу хозяйственного аппарата, Троцкий выход из создавшейся ситуации видел в реорганизации системы управления и в усилении плановых начал в народном хозяйстве, как и год назад, он не видел проблему межклассовых отношений, не считал, что в них следует что-то кардинально менять. У Ленина же это главное, а администрирование лишь обеспечивает успех новой политики.

Эти различия в полной мере дали о себе знать в ходе развития общей идеи и создания под нее соответствующего хозяйственного механизма, а также в оценке возможностей НЭПа обеспечить успешное развитие социалистической революции.

Советская историография уклонялась от их сопоставления, и в результате от ее внимания ускользал вопрос о существовании различных моделей НЭПа, которые предлагались Лениным и его политическими оппонентами в партии, прежде всего, Троцким. В итоге сильно обеднялась и искажалась внутрипартийная борьба начала 1920-х годов.

Н.А. Васецкий, указывая на существование серьезных разногласий во взглядах Ленина и Троцкого на НЭП, вместе с тем считает, что «в принципе Ленин был согласен с Троцким»[233]. Это утверждение принять нельзя. Ситуация сложнее: ряд принципиальных вопросов НЭПа ими трактовались одинаково, а ряд других — различно, поэтому нельзя подвести под их взгляды общий знаменатель.

Троцкий предложения Ленина о переходе к продналогу принял и голосовал на X съезде РКП(б) за них. Это понятно: предложения Ленина, хотя и не были идентичны его собственным, шли в том же направлении и преследовали одну цель — укрепление экономических и политических позиций советской власти, преодоление политического противостояния власти диктатуры пролетариата и крестьянства. В этот период в их взглядах на НЭП было еще немало общего.

НЭП, как он виделся Ленину весной 1921 г., включал в себя некоторые принципиальные идеи, сформулированные им весной 1918 г. (отсюда неоднократные указания его на преемственность НЭПа и политики 1918 г.), скорректированные так, чтобы сделать его приемлемым для крестьянства и нацелить на первоочередное восстановление сельского хозяйства. В троцкистской интерпретации НЭП — в значительной мере ленинская программа весны 1918 г.[234], скорректированная собственными предложениями (февраль 1920 г., февраль 1921 г.) в целях обеспечения первоочередного и быстрого восстановления крупной промышленности, не останавливаясь перед силовым противостоянием с крестьянством. Отсюда и совпадения взглядов и оценок Троцкого с ленинскими в трактовке многих важных проблем НЭПа.

Однако поскольку Ленин и Троцкий расходились в вопросах, касающихся сущности НЭПа, то со временем разногласия между ними нарастали. Показательно, что в замечаниях по поводу тезисов Ленина о роли и задачах профсоюзов в условиях НЭПа, написанных год спустя после принятия НЭПа (8 января 1922 г.), Троцкий утверждал, что «новая экономическая политика состоит, с одной стороны, в восстановлении рынка как основы чисто капиталистических форм хозяйства. С другой стороны, в использовании рыночных

форм обмена, калькуляции и учета для развития и самопроверки социалистического хозяйства». Он подчеркивает, что речь идет о «формах и нормах взаимоотношений, созданных капитализмом»[235]. Таким образом, говоря о содержании НЭПа, Троцкий никак не обозначил проблемы крестьянства ни в социальном, ни в политическом, ни в экономическом аспектах. Ленин на XI съезде (март 1921 г.), фактически возражая Троцкому, дал иную интерпретацию НЭПа: «Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и *только* в этом: *найти смычку той новой экономики*, которую мы с громадными усилиями создаем, *с экономикой крестьянской*» (курсив наш. — В. С.)[236]. Между взглядами Ленина и Троцкого о существовании НЭПа практически нет ничего общего.

С разным пониманием существа НЭПа связано и различное понимание его назначения. У Ленина НЭП — это классовый манёвр, стремление изменить движение революции так, чтобы учесть и новые условия, и накопленный политический опыт, чтобы лучше опереться на реальные возможности, попытка вовлечь в русло социалистической революции крестьянство, постепенно преобразуя его социально-экономическую природу. Поскольку диктатуре пролетариата не удалось приспособить к своим требованиям крестьянскую экономику, то теперь именно она как сторона более способная к маневрированию и приспособлению должна взять на себя инициативу и приспособить государственный сектор экономики к крестьянской экономике, чтобы позднее получить возможность для постепенного преобразования мелкобуржуазной крестьянской экономики в социалистическую[237]. Троцкий же настаивал на сохранении прежней тактики, предполагавшей приспособление крестьянской экономики к потребностям крупной промышленности[238]. Фактически он видел в НЭПе более эффективную форму эксплуатации социалистическим сектором мелкобуржуазной деревни и капиталистического сектора.

Если у Ленина четко выраженная «крестьянская» направленность НЭПа, то у Троцкого (и «рабочей оппозиции») — «городская». Поэтому НЭП как отступление в системе взглядов Ленина и Троцкого тоже прочитывается совершенно различно. У Ленина отступление — это тактический манёвр в сторону стратегического союзника. А у Троцкого — отступление от методов хозяйствования, свойственных социализму, соответствующее усиление буржуазных элементов и отношений в обществе, грозящее перерождением революции.

Различная интерпретация НЭПа Лениным и Троцким хорошо просматривается в вопросе о тактике восстановления народного хозяйства.

До перехода к НЭПу серьезных разногласий относительно тактики восстановления народного хозяйства не было. Считалось само собой разумеющимся, что в первую очередь должна быть восстановлена крупная промышленность как основа социалистической экономики и уже потом осуществлена техническая реконструкция сельского хозяйства. Но уже в первом предложении Ленина (8 февраля 1921 г.) фактически содержалось признание необходимости и неизбежности изменения тактики — первоочередного восстановления сельского хозяйства как задачи совершенно неотложной, в решении которой крупная промышленность сразу помочь не могла. Назрела необходимость принять новую тактику восстановления народного хозяйства, при которой восстановление промышленности следовало за восстановлением сельского хозяйства, а не предшествовало ему. Ленин призывал отказаться от прежнего плана восстановления народного хозяйства, верного в принципе, но неосуществимого в реальных условиях начала 1920-х годов[239]. В проекте декрета ВЦИК «Наказ СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям» (май 1921 г.) Ленин так определяет приоритеты в деле восстановления народного хозяйства: «Первоочередной задачей Советской республики является восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта»[240]. Как видно, среди основных задач на первое место он ставит восстановление сельского хозяйства. Соответственно определялось и «мерило хозяйственного успеха», прежде всего успех сбора сельхозналога, затем успех товарооборота и продуктообмена, оборота между

сельским хозяйством и промышленностью. Здесь Ленин фактически оспаривает оценки и предложения, с которыми выступил Троцкий[241].

Троцкий настаивал на сохранении прежней тактики: сначала крестьянство должно оплатить восстановление крупной промышленности, которая потом вернет этот долг крестьянству, обеспечив его своей продукцией. 7 августа 1921 г. он предложил Пленуму ЦК РКП(б) «Тезисы о проведении в жизнь начал новой экономической политики», в которых, в частности, писал: «При новом курсе, как и при старом, главной задачей является восстановление и укрепление крупной национализированной промышленности»[242] (см. Приложение № 3). Пленум не поддержал предложений Троцкого. У Ленина интересы немедленной нормализации отношений с крестьянством определяли смысл и реальное наполнение НЭПа, являлись причиной перехода к ней и ее оправданием как средства спасения революции от гибели и обеспечения ей возможности развиваться дальше с надеждой на успех. А у Троцкого нормализация отношений с крестьянством, удовлетворение его экономического интереса должно было стать *следствием длительного процесса восстановления крупной промышленности*.

Ленин фактически вступил в полемику с Троцким. В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (ноябрь 1921 г.), имевшей программное значение, он писал: «Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским землевладением, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот такой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом». Переход к НЭПу означал, что «мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим... совершенно иной... **не ломать** старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а *оживлять* торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность их государственного регулирования *лишь в меру* их оживления». А уже на этой основе поднять промышленность. «Совершенно иной подход к задаче»[243].

Из разного понимания сущности и предназначения НЭПа, из разных представлений о тактике восстановления народного хозяйства проистекали разногласия Ленина и Троцкого в вопросах роли и места плана и рынка, о соответствующей перестройке хозяйственного механизма. Если в первую очередь восстанавливать сельское хозяйство, то, естественно, планирование теряло прежнее значение, сокращалась его сфера, изменялись задачи. Роль рыночных рычагов в экономике, наоборот, возрастала в той мере, в которой это требовалось для оживления сельскохозяйственного производства и установления экономической смычки между городом и деревней. Если же в первую очередь восстанавливалась крупная национализированная промышленность, то методы директивного планирования сохраняли свое значение, и не только потому, что этого требовала задача распределения сырья (в том числе и сельскохозяйственного), но и (главным образом) задача подчинения работы всех секторов народного хозяйства интересам работы крупной промышленности. Проблема сочетания плановых и рыночных методов управления народным хозяйством поставила в центр дискуссии Госплан, его задачи, методы работы и организации.

Известно, что Ленин высоко оценивал план ГОЭЛРО — перспективный план развития страны, называя его второй программой партии[244]. В отношении оперативного планирования он считал, что в условиях предоставления хозяйственной самостоятельности промышленным предприятиям и использования ими рыночных, капиталистических методов роль плановых рычагов управления неизбежно сократится. Соответственно новым условиям хозяйствования он предлагал перестраивать и Госплан. Из органа оперативного планирования, каким он задумывался первоначально, после перехода к НЭПу он при активном участии Ленина[245] стал превращаться в экспертную комиссию при Совете Труда

и Обороны (СТО), являвшейся специальной комиссией Совета Народных Комиссаров РСФСР, которой отводилось центральное место в управлении народным хозяйством[246]. Ленин требует, планируя «основы общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период, год или два», брать «за исходный пункт» «продовольствие», лимитирующее развитие других отраслей, и «особое внимание обратить на промышленность, дающую предметы годные для обмена на хлеб»[247]. Троцкий требовал строить план иначе — так, чтобы он обеспечивал приоритетное развитие крупной промышленности. План ГОЭЛРО Троцкий оценивал очень низко, отрицая его именно как план. Вскоре после принятия VIII съездом Советов РСФСР плана ГОЭЛРО, в феврале 1921 г., он писал в ЦК РКП (б): «Делегаты всей России получают в Московском центре в виде основательного хозяйственного плана "идею" электрификации на 10 лет, а затем, когда они разъезжаются по домам, им приходится убедиться, что нам не хватает топлива не только на ближайшие 10 месяцев, но и на ближайшие 10 дней, причем центр никого об этом не предупредил»[248]. Троцкий был против превращения Госплана из органа оперативного планирования в орган консультативный, не имеющий права принимать окончательные решения, в комиссию экспертов, работающих по заданиям правительства. Троцкий, таким образом, настаивал на перестройке существующего хозяйственного механизма в соответствии с его представлениями о НЭПе. Он повел атаку на всю систему управления, предлагая устранить ЦК партии от участия в решении экономических вопросов, а решение текущих вопросов изъять из ведения СТО, в котором председательствовал Ленин, и сконцентрировать как перспективные, так и текущие вопросы развития народным хозяйством в Госплане.

До введения НЭПа Троцкий признавал, что СТО должен обеспечить «систематическое, правильное бдительное согласование хозяйственной работы в ее основных факторах»[249]. Теперь в тезисах о проведении в жизнь начал новой экономической политики (7 августа 1921 г.) он предложил вариант реорганизации хозяйственного механизма, в котором роль «действительного хозяйственного политического центра» должен был играть уже не СТО, а Госплан, который должен вырабатывать государственный план и обеспечивать его выполнение «под углом зрения крупной государственной промышленности». Троцкий писал, что Госплан «подлежит полной реконструкции в смысле состава и методов работ хозяйственный план должен строиться вокруг крупной промышленности, как стержня... Кто практически руководит промышленной жизнью, тот должен идейно, организационно руководить выработкой, проверкой, регулировкой осуществления хозяйственного плана изо дня в день, из часа в час»[250] (см. Приложение № 3). Такую постановку вопроса вполне можно расценить как заявку на то, чтобы эта работа была доверена ему, Троцкому, как автору этого проекта. 9 августа 1921 г. члены Политбюро именно так и оценили действия Троцкого: «Тов. Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что... партия должна предоставить тов. Троцкому фактическую диктатуру в области хозяйства»[251]. Пленум ЦК РКП(б) отклонил предложения Троцкого и принял проект «Тезисов о проведении в жизнь начал новой экономической политики», подготовленный в июне—июле 1921 г. в ВСНХ, СНК и ЦК РКП(б) под руководством и при активном участии Ленина[252]. В тот же день тезисы были утверждены СНК РСФСР как «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики»[253].

Приверженность этим взглядам Троцкий сохранил и позднее. Это проявилось в очень резком столкновении его весной 1922 г. при обсуждении предложения Ленина о совершенствовании работы СТО РСФСР. В это время Лениным уже была создана система управления, вполне отвечавшая новой экономической политике. На требования сторонников дальнейших перестроек (среди них был и Троцкий) Ленин отвечал критикой перестроечного зуда и разъяснял, что существующий механизм нуждается не в перестройке, а в совершенствовании[254]. Последнее он связывал с Рабоче-крестьянской инспекцией (РКИ), чем и определял ее особое положение в системе органов государственной власти. НЭП заставил во многом по-новому подойти к вопросу о работе РКИ и задуматься над ее

реорганизацией. Ленин предложил провести реорганизацию РКИ «в направлении борьбы с бюрократизмом и волокитой, улучшения положения рабочих и крестьян и привлечения беспартийных к советской работе»[255]. Троцкий выступил против. Фронт борьбы по вопросам реорганизации системы управления еще более расширился.

Сразу после XI съезда РКП (б), в начале апреля 1922 г., Ленин внес в Политбюро «Проект постановления о работе Замов Пред СНК и СТО», содержащего предложения по перераспределению работы между Председателем СТО и его заместителями, что, по мнению Ленина, должно было улучшить работу СТО и обеспечить ему выполнение стоящих перед ним задач[256]. Троцкий 18 апреля ответил письмом с резкой критикой существующей системы управления и предлагаемых Лениным мер. «Поставленные задачи столь универсальны, что это равносильно тому, как если бы не было поставлено никаких задач. Замы должны стремиться, чтобы во всех областях и во всех отношениях все было хорошо — вот к чему сводится проект постановления. Пункты дают как бы некоторую *видимость* указаний на счет того, как достигнуть того, чтобы все и везде было хорошо». «В качестве аппарата для осуществления этих универсальных задач указывается Рабкрин. Между тем по существу своему Рабкрин для этого не пригоден и не может стать пригодным... А главное — не вижу по-прежнему того органа, который фактически изо дня в день руководит хозяйственной работой... Должно быть учреждение, на стене которого висит хозяйственный календарь на год вперед, учреждение, которое предвидит и в порядке предвидения согласует. Таким учреждением должен быть Госплан»[257]. 19 апреля Троцкий направил дополнение к этому письму, в котором, оценив ленинские планы налаживания работы госаппарата как утопические, бросил обвинение в адрес самого Ленина: «Нужна система в работе. Между тем *пример бессистемности* — и это самое важное и самое опасное — *идет сверху*. Все хозяйственно-организационные вопросы решаются наспех и всегда позже, чем нужно»[258].

5 мая 1922 г. Ленин ответил таким резким выпадом против Троцкого, каких он давно не делал в его адрес или в адрес кого-либо из членов Политбюро: «Замечания т. Троцкого частью тоже неопределенны... и не требуют ответа, частью возобновляют старые наши разногласия с т. Троцким, многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро. На них я коротко отвечу по двум главным пунктам: а) Рабкрин и б) Госплан.

а) На счет Рабкрин т. Троцкий в корне не прав. При нашей отчаянной "ведомственности" даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интригантстве внутриведомственном (хуже всякого Рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрин сейчас. Над ним можно и должно поработать систематически и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет...

б) На счет Госплана т. Троцкий не только в корне не прав, но и поразительно не осведомлен о том, о чем судит. Госплан не только не страдает академизмом, а, совсем наоборот, страдает перегруженностью от чересчур мелкой, злободневной "вермишели"». Этот упрек Ленин подтверждал статистикой, характеризующей работу Госплана[259].

О втором письме Троцкого Ленин отозвался так: «Вторая бумага т. Троцкого... содержит в себе, во-первых, чрезвычайно возбужденную, но глубоко неправильную "критику"... во-2-х, эта бумага содержит те же, в корне неправильные и диаметрально противоположные истине обвинения Госплана в академизме, обвинения, доходящие до следующего, прямо-таки невероятного по неосведомленности, заявления т. Троцкого о том, что Госплан "не имеет никакого отношения" к распределению денежных средств между ведомствами. В Госплане есть финансово-экономическая секция, работающая именно над указанными вопросами»[260].

Ленин не надеялся переубедить Троцкого и, судя по всему, не был обеспокоен его возражениями. Он продолжал работать над своим проектом, о чем свидетельствуют многочисленные документы второй половины 1922 г. 2 ноября 1922 г. В.И. Ленин обсуждал проблемы реорганизации РКИ с И.В. Сталиным и Л.Б. Каменевым; по результатам этой беседы он сформулировал свои предложения в директиве А.Д. Цюрупе, которому как

заместителю председателя СТО было поручено заниматься проработкой конкретных вопросов в рамках общей установки: «Сделать его (т.е. НК РКИ. — В.С.) сильным и независимым при сохранении прежних функций плюс нормализация» (т.е. проблемы нормирования труда. — В. С.)[261]. В соответствии с этой установкой Цюрупа начал готовить практические предложения, о которых информировал письмом Рыкова (копия Ленину, Сталину, Каменеву).

Троцкий гнул свою линию: в письме от 13 декабря, направленном Ленину, Каменеву, Рыкову, Цюрупе, Пятакову, Сталину, он писал: «В условиях рыночного хозяйства "рабоче-крестьянская инспекция" есть абсолютнейшая и безусловнейшая чепуха, а бухгалтерия — все.

Сейчас рабоче-крестьянской инспекцией является рабочий и крестьянский рынок. Это инспекция твердая, деловая, не обманная. Нужно только уметь записать выводы этой инспекции, то есть подсчитать расход и приход и вывести убыток или прибыль»[262].

Конечно, РКИ не могла проконтролировать движения всех средств и товаров на рынке и таким образом воздействовать на работу аппарата, торговых и производственных предприятий. Но также верно, что не может «рабоче-крестьянский рынок» проверить работу бухгалтеров или чиновников на их рабочих местах и таким образом повысить эффективность работы аппарата в целом и в отдельных его частях. Это звонкая, но пустая фраза.

В письме в ЦК от 20 января 1923 г. Троцкий соглашался «придать серьезное значение Рабкрину», «разумеется, не как универсальному воспитателю всего народонаселения, а как советскому госконтролю»[263]. В эти самые дни Ленин завершал работу над своей статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин» — о реорганизации РКИ и слиянии ее с ЦКК в целях совершенствования государственного аппарата и его работы, выявления способных кадров, их подбора и расстановки, которая и концептуально, и в отдельных своих положениях противостояла Троцкому.

Разногласия Ленина и Троцкого по вопросам Госплана и РКИ были тесно связаны с более глубокими противоречиями — по вопросам места и роли компартии в системе управления.

После перехода к НЭПу в центре внимания оказалась проблема разделения функций партии и хозяйственных органов в управлении народным хозяйством. Подмена партией советских органов вела не только к ослаблению государства, но и ставила ее перед задачами, которые из-за своего характера и гигантского объема силами партии не могли быть решены. Это было ясно. С другой стороны, четкое разделение функций и сфер деятельности партии и государства неизбежно привело бы к ограничению партии вопросами идеологии и ослабило бы ее позиции в политической системе, а следовательно, и способность эффективно влиять на положение дел в стране, сделало бы невозможным реализацию программы социалистических преобразований.

Сначала партийное руководство мыслилось осуществлять через коммунистические фракции в советах, через коммунистов, работающих на ответственных должностях, через партийные организации. К концу гражданской войны в связи с кризисом прежней системы управления и выдвиганием на первый план вопросов восстановления народного хозяйства разногласия Ленина и Троцкого в этих вопросах приняли острую форму в ходе дискуссии о профсоюзах. Одни считали, что партия должна ограничиться вопросами выработки политической линии и идеологической работой. К ним принадлежал и Троцкий. Другие считали, что партия, кроме того, должна иметь руководящее положение во всех сферах государственной и общественной жизни страны, в том числе и в экономике. На этой точке зрения стоял Ленин и его сторонники. На X съезде партии, который подвел итоги этой дискуссии, победила ленинская точка зрения. Опыт показал, что этими мерами проблема не решалась.

Очевидно, поэтому Ленин после X съезда РКП(б) стал вынашивать мысль о том, что разграничение функций партии и государства должно быть сбалансировано определенным соединением, слиянием партийного и государственного аппарата, партийных и

государственных функций. Дело в том, что задача повышения качества принимаемых решений требовала все большего сосредоточения реальной власти в руках хозяйственных органов, находившихся под сильным влиянием специалистов, большинство которых не разделяли идеи социалистической революции и могли использовать это влияние во вред диктатуре пролетариата. Ленин говорил, что в НЭПе главное политика, а не экономика, которая была призвана обеспечить достижение нужного политического результата. Естественно, что в этом случае за политическим руководством должно было быть сохранено и упрочено руководящее положение в решении всех проблем в управлении хозяйством страны. Следовательно, РКП(б) должна была принадлежать важнейшая роль не только в выработке, но и в осуществлении экономической политики.

Троцкий придерживался иной точки зрения. Он продолжал выступать за возможно более четкое и определенное разграничение функций партийных и государственных органов, за передачу всех функций управления в руки специалистов, в значительной части своей враждебно относившихся к советской власти и не разделявших ее политические планы. Свою атаку на роль партии он начал с критики работы Политбюро, на котором, по его утверждению, «решалось в одно заседание десять—двенадцать огромной важности практических хозяйственных вопросов, без малейшей подготовки, после десятиминутного обсуждения, на слух, на глаз»[264] (см. Приложение № 9). Проблемы в работе Политбюро действительно были большие, и организация его работы оставляла желать лучшего. Но решать их можно было по-разному — в корне перестраивая всю систему, как настаивал Троцкий, или в рамках ее сохранения.

Сторонники разных взглядов готовились к борьбе по вопросу о разграничении функций партии и государства на предстоящем XI съезде РКП(б). Политбюро поручило подготовить проект тезисов «Об укреплении партии» Зиновьеву. Ленин 9 марта одобрил их, а Сталин и Каменев в письме от 10 марта 1922 г. предложили «с тезисами Зиновьева подождать», так как «они по нашему мнению недостаточны и нуждаются в дополнении». В частности, они считали необходимым «установить возможно точно разницу между партийными и советскими учреждениями, определить область работы первых и вторых, обязав партучреждения воздерживаться от административных распоряжений в области советской работы», а также «признать целесообразным распределение функций между отдельными отраслями партийно-советско-профсоюзной работы, сводя до минимума частые переброшки партработников»[265].

В тот же день в ЦК поступило письмо Троцкого, в котором он отметил, что вопрос о разграничении функций партии и государства, являющийся одним из важнейших, в тезисах Зиновьева обойден, а его постановка в связи с хозяйственной работой и предлагаемое решение «толкает на неправильный путь». «Без освобождения партии как партии, от функций непосредственного управления и заведывания нельзя очистить партию от бюрократизма, а хозяйство — от распушенности. Такая "политика", когда на заседаниях губкома мимоходом решаются вопросы о посевной кампании, о сдаче или не сдаче в аренду завода, является пагубной». Троцкий предложил лишить партийные органы права вмешиваться в хозяйственную работу так же, как этого права были лишены профсоюзы. НЭП требует, чтобы «профсоюзы были профсоюзами», а «партия была партией». Партия должна обеспечивать «устойчивое руководство» хозяйственными органами и давать им «возможность подбирать работников, воспитывать их без случайных и некомпетентных вторжений со стороны». Она «выясняет рабочим массам важность и значение торговых операций, как метода социалистического строительства... борется против предрассудков, мешающих правильному развитию хозяйственной деятельности... борется против попыток использовать новую экономическую политику для насаждения буржуазных нравов в самой коммунистической партии... твердо устанавливает, что можно и чего нельзя. Но партия не руководит коммерческими операциями. Партия не воспитывает для хозяйственной деятельности, и в частности для коммерческой, ибо неспособна на это... Вместе с тем партия сосредотачивает в гораздо большей степени, чем ранее, свое внимание на теоретическом

воспитании партийной молодежи»[266]. Резюмируем предложения Троцкого: надо жестко провести разделение труда на функциональной основе. Партия, как и профсоюзы, должна полностью отстраниться от руководства экономикой и подбора кадров. Ее функции — идеология и воспитание. Вся экономика, включая и вопрос кадровых назначений, передается беспартийным специалистам. По сути дела, признается, что партия не может выдвинуть из своей среды кадры, способные вести экономику, а также интегрировать в свои ряды часть специалистов. За ней остается контроль, фактически превращенный в фикцию.

21 марта Ленин письмом уведомил Сталина и Каменева о своем намерении написать письмо Пленуму ЦК и изложить в нем план своего доклада на предстоящем съезде. В частности, он сообщал о том, как намерен отреагировать на предложения Троцкого. «Сошлюсь на письмо Троцкого: в основе-де, я за»[267]. В этом «де» все дело. Оно говорит об истинном отношении Ленина к предложению Троцкого. Свое намерение он выполнил 24 марта в письме Молотову для Пленума ЦК, в котором он столь обще сформулировал свою позицию, которая по видимости не противоречила Троцкому: «необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства»[268].

На XI съезде партии Троцкий, Преображенский, Осинский выступили с критикой Ленина, против существующей системы управления[269]. Троцкий заявил: «Партия правящая не значит вовсе партия и непосредственно управляющая всеми деталями дела»[270]. В этих словах — явная передержка: никогда РКП(б) не управляла «всеми деталями дела» хотя бы потому, что это было практически невозможно. Главное направление («гвоздь») всей партийной работы, считал Троцкий, — воспитание молодого поколения. Эту работу он оценивал как вопрос жизни и смерти советской власти, так как молодежь не имеет социального опыта старшего поколения, и этот недостаток, по его мнению, мог быть восполнен только теоретической работой. Следовательно, по Троцкому, задача обеспечения завтрашнего дня революции должна была решаться партией педагогическими методами, что сомнительно, поскольку жизненный опыт не может быть заменен теоретической учебой. Заняв эту позицию, Троцкий отступает и от известного тезиса марксизма о том, что бытие определяет сознание.

В выступлениях на съезде Ленин свел дело к тому, что совмещение функций партийных и государственных шло через него, а имевшие место сбои и недостатки он связал со своей болезнью, оторвавшей его от повседневной работы, а также с недостаточно налаженной работой его заместителей, загруженностью Сталина[271]. О главном Ленин сказал как бы между делом, но вполне определенно. Признавая, что со всякими вопросами, которые следовало бы рассматривать в СНК и СТО, идут в Политбюро, он заметил, что формально этого запретить нельзя, поскольку партия правящая и в ЦК может быть обжаловано любое решение. Ленин не предлагал ломать этот порядок, он лишь предлагал освободить Политбюро и ЦК от мелочей, для чего повысить ответственность советских работников, прежде всего наркомов, сократить число комиссий СНК и СТО, соответственно расширить деятельность областных экономических совещаний (ЭКОСО), а также и увеличить срок сессий ВЦИКа, чтобы его работа стала более систематической[272]. С конкретными организационными предложениями, направленными на изъятие у Политбюро экономических вопросов, выступил Преображенский. Он предложил наряду с Политбюро и Оргбюро создать Экономбюро ЦК РКП(б)[273]. Ленин отклонил это предложение на том основании, что невозможно разделить политические и экономические вопросы, а заодно подверг критике стремление к бесконечным перестройкам аппарата, что вполне могло адресоваться Троцкому[274].

Ленин иначе подходил к этой проблеме. Главную задачу он видел в подборе и расстановке кадров. Что касается классового воспитания молодого поколения, то оно происходит в процессе социалистического строительства. Позиция Троцкого понятна: если

революция еще не социалистическая, а только движется в направлении к социалистической, то, естественно, в ходе ее социализму не научишься. Понятна и оценка Ленина: строительство социализма уже идет, в практике этого строительства люди не могут не учиться социализму. Отсюда и тезис о профсоюзах как «школе коммунизма», отсюда и разница в постановке вопроса об учебе. Ленин призывает учиться в процессе работы и без отрыва от нее, а Троцкий считал совмещение работы и учебы невозможным и требовал разделить их — либо работать, либо учиться[275]. В этом частном вопросе проявляются принципиально разные взгляды Ленина и Троцкого на российскую революцию.

XI съезд РКП(б) поддержал Ленина и принял решения, позволявшие упрочить позиции партии во всех сферах деятельности государства, в том числе и в управлении экономикой. Предложенный Лениным принцип разделения труда между партией и государством, не умалявший руководящей роли партии, получил закрепление в резолюциях «По докладу Центрального Комитета» и «Об укреплении и новых задачах партии»[276].

* Оценка НЭПа как уступки крестьянину. Оценка НЭПа не как возврата к капитализму, а как специфического метода использования методов капитализма в интересах социалистической революции. Признание решающего значения командных высот для определения меры уступок антисоциалистическим силам. Признание возможности отказаться от НЭПа и вернуться к продуктообмену в случае начала революций в других странах и необходимости отказа от нее в случае войны. В признании факта, что НЭП не отменяет партийной программы, а только вносит серьезные изменения в методы работы. Признание международного значения НЭПа как политики, необходимой в качестве переходной на пути к социалистической организации производства. Признание НЭПа тактическим маневром и т.п. (см.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. Стенограф. отчет. С. 130, 133, 135—136; *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. С. 168-170, 186).

§ 2. ПЕРВЫЙ КРИЗИС НЭПа

Первоначальный вариант НЭПа исходил из того, что отступление в экономике в целом будет ограниченным: от использования методов, свойственных социалистической экономике (план, отсутствие товарно-денежных отношений и т.д.) советская власть перейдет к широкому использованию госкапитализма[277].

Госкапитализм в буржуазном обществе представлен предприятиями, принадлежащими государству, которое выступает в виде совокупного капиталиста, а сами предприятия являются *органической частью капиталистической экономики, сектором ее*. В условиях диктатуры пролетариата ситуация меняется. Госкапитализм представляют предприятия, находящиеся в собственности государства, но сданные в аренду отечественным (нэпманы) или иностранным (концессия) капиталистам, кооперация мелких товаропроизводителей, а также те, посредством которых государству приходится вступать в экономические отношения с мировым капиталистическим рынком, например, для осуществления монополии внешней торговли[278]. Все остальные предприятия, остававшиеся в управлении Советского государства, Ленин считал социалистическими. То есть государственный капитализм в условиях диктатуры пролетариата является *социально-экономическим укладом*.

Но этим характеристика госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата не исчерпывалась. Опираясь на идеи, высказывавшиеся еще К. Марксом и Ф. Энгельсом, В.И. Ленин развивал взгляд на госкапитализм как на «своеобразный выкуп» пролетариатом, взявшим в свои руки политическую власть, экономики у тех капиталистов, которые готовы к сотрудничеству с диктатурой пролетариата на условиях превращения их в специалистов. Это позволяло «перехватить» у капиталистов предприятия *на ходу*, не останавливая и не разрушая производства[279]. Госкапитализму отводилась важная роль в деле социального преобразования мелкобуржуазных слоев (ремесленники, торговцы, крестьяне), которые в

отличие от пролетариата, способного непосредственно перейти от капитализма к социализму, переходят от капитализма к социализму через госкапитализм[280], который выступает в качестве средства, способа обуздания мелкобуржуазной стихии (хлебная монополия, кооперация, подконтрольный частный капитал)[281].

Таким образом, по мысли Ленина, государственный капитализм — это такой *социально-экономический уклад общества, начавшего социалистические преобразования*, который способен преобразовывать частнокапиталистический, мелкобуржуазный и патриархальный уклады в социалистический. Благодаря этой способности госкапитализм выступает *также в качестве метода*, к которому прибегает диктатура пролетариата для осуществления социалистических преобразований экономики и общества.

Вынужденная условиями гражданской войны национализация промышленности, железнодорожного и водного транспорта сделала госкапитализм и как *социально-экономический уклад*, и как *специфический метод социалистического строительства* ненужным. Но с переходом к НЭПу госкапитализм снова приобрел актуальность. В это время Ленина интересует, во-первых, его природа, позволяющая обеспечить эту социально-экономическую эволюцию непролетарских слоев населения, во-вторых, практические вопросы развития государственно-капиталистических предприятий (монополия внешней торговли, кооперация, концессии, аренда и т.п.) и, наконец, в-третьих, — проблема преобразования их в социалистические[282]. Ленинская концепция госкапитализма позволяла увидеть перспективу роста социалистического сектора в условиях НЭПа и наращивать социалистический сектор экономики.

Осенью 1921 г. стало ясно, что произведенная уступка недостаточна, что стихию капиталистических отношений в рамках госкапитализма удержать не удастся, хозяйственная жизнь перехлестывает через установленные для нее рамки. Приходилось признавать то, что получилось, — свободу торговли, возможность допущения которой категорически отрицалась весной 1921 г.

Предстояло сделать выбор: отступить еще или дать бой на ранее занятых позициях. Поскольку Ленин спасение революции связывал с отношениями диктатуры пролетариата с крестьянством[283], это определило его отношение к дальнейшим событиям: он предложил еще отступить. Однако перспектива новых уступок усилила в партии скепсис в отношении возможности новой экономической политики служить победе социалистической революции. Настало время более глубокого осмысления всего опыта революции, представлений о путях и методах строительства социализма.

Обоснованию необходимости нового отступления, объяснению его политического смысла и выявлению экономических возможностей Ленин посвятил свои важнейшие публичные выступления конца 1921 — начала 1922 г. В них он произвел переоценку всего опыта социалистического строительства. При этом он акцентировал внимание уже не столько на вынужденном разрухой характере НЭПа, а на том, что в нем проявилось фактическое признание ошибочности прежних представлений о процессе развития социалистической революции.

17 октября 1921 г., выступая с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на II Всероссийском съезде политпросветов, Ленин признал, что капитализм восстановлен в значительной мере, что ради выживания Республики надо дать возможность развиваться капитализму, придется допустить усиление его, что пределы отступления еще неизвестны. Это ставит революцию перед новыми задачами, к решению которых коммунисты не готовы, так как не умеют хозяйствовать, что этому нужно учиться у капиталистов и, научившись у них, победить их же оружием[284]. Хотя Ленин выражал полную уверенность в победе революции, в достаточности у государства политических и экономических рычагов, будущее рисуется отнюдь не в радужных тонах. В этих условиях, признавал Ленин, «ученье не может не быть суровым — под страхом гибели». «Мы должны помнить, что у нас должно быть либо величайшее напряжение сил в ежедневном труде, либо нас ждет неминуемая гибель»[285]. Только закончилась тяжелейшая война, в которой,

казалось, вопрос «быть или не быть» был уже снят, в ходе которой была найдена и опробована политика, вполне отвечавшая марксистской теории. А теперь, оказывается, все надо начинать сначала. Ленин отмечал, что в этих условиях «неизбежно... часть людей... впадает в состояние весьма кислое, почти паническое, а по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению»[286].

Выступление Ленина на съезде политпросветов произвело на многих членов партии тягостное впечатление. Ведь еще недавно на X Всероссийской партийной конференции (май 1921 г.), на III конгрессе Коминтерна (июнь—июль 1921 г.) он высказал мысль, что НЭП нужен только на период до нового подъема мировой революции, который ожидался в ближайшие годы[287]. 27 октября Г.И. Петровский по прямому проводу из Харькова сообщил Сталину: «В Харькове... выступление В.И. Ленина вызвало чувство уныния среди рабочих, как выступление, которое сдает позиции», и просил «разъяснения Вл[адимира] Ильича, иначе ЦК КПУ[краины] находится в растерянном состоянии». Пересылая Ленину этот текст, Сталин сообщил свое мнение: «Г. Ленин. Читал и думаю, что нужно немножко смягчить форму (имею в виду будущее выступление на московской] конференции)»[288].

Выступая на VII московской губернской партконференции 29 октября 1921 г., Ленин признавал: «Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарооборота получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»[289]. Он предложил еще раз отступить, на этот раз *от государственного капитализма к государственному регулированию купли-продажи и денежного обращения*. Этот путь Ленин считал «более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным» и, несмотря ни на что, вполне приемлемым, поскольку он мог обеспечить возможность восстановления крупной промышленности[290].

Вместе с тем Ленин, судя по всему, учел реакцию на свое предыдущее выступление и прислушался к совету Сталина. Откровенное признание прошлых и новых ошибок Ленин компенсировал более развернутым обоснованием возможности преодоления возникших трудностей. Ленин подробно остановился на эволюции взглядов на процесс строительства социализма, настраивая на спокойное, деловое отношение к новым поворотам политики, на критическое отношение к опыту[291]. В начале 1918 г. «у нас было... представление о том, что развитие революции... может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым». Но о худшем варианте тогда не думали: «при оценке возможного развития мы исходили... из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству... *мы уже противопоставляли методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы, преимущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов*». Тогда «*предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической* (курсив наш. — В.С.). Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорили, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины». Тогда «мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле». Вопрос о государственном капитализме тогда ставился не как в период НЭПа, когда он означал шаг назад, а как шаг вперед в деле становления социалистических отношений. Уже тогда, признавал Ленин, «*по целому ряду пунктов нам нужно было идти назад*», уже тогда мы были «должны сделать шаг назад и признать известный "компромисс"». Ленин считал эти обстоятельства важными «для понимания того, в чем состояла перемена нашей экономической политики и как эту

перемену надо оценить»[292].

С такими представлениями об историческом опыте революции и стоящих перед большевиками задачах Ленин подошел к тому времени, когда глубокий смысл замены старой экономической политики на новую стал ясен в полной мере, гораздо лучше, чем в начале 1921 г., когда была осознана необходимость прибегнуть к гораздо более трудному и длительному манёвру ради установления экономической смычки города и деревни, пролетариата и крестьянства. Если в первое время после перехода к НЭПу Ленин больше говорил об отступлении, об уступке крестьянству и т.п., хотя выражал уверенность, что НЭП обеспечит «успех всего нашего социалистического строительства», то теперь, полгода спустя, он выражал твердую уверенность не просто в успехе, а в том, что после проведенного маневра «прочнее, быстрее и шире будет... наше победоносное движение вперед»[293].

Не все разделяли надежды и расчеты Ленина, на что указывают выступления некоторых делегатов XI съезда РКП (б) и поданные Ленину записки. Главным оппонентом Ленина продолжал оставаться Троцкий. Он был согласен с Лениным в отношении использования госкапитализма, как в 1918 г., так и в условиях НЭПа[294], но «свободная торговля»! Для него это означало возврат к капитализму. И он как мог, боролся с этой перспективой. Фронт разногласий между Лениным и Троцким значительно расширился: к указанным выше тактическим по характеру разногласиям прибавились новые — по принципиально важным политическим и теоретическим проблемам. В результате борьба между ними на почве НЭПа стала приобретать еще более острый характер, а политическая дистанция между ними увеличивалась.

Троцкий не разделял оценок и надежд Ленина. Его собственный прогноз был другим.

25 августа 1921 г. на заседании Политбюро[295] Троцкий заявил, что «дни Советской власти сочтены», что «кукушка уже прокуковала» (см. Приложения № 8, 9), что гибель советской власти неизбежна, если не будет принят предложенный им, Троцким, курс экономической политики и в соответствии с ним перестроено управление народным хозяйством[296]. Вопрос, почему именно в это время Троцкий решился дать такой прогноз, специально не изучался. Сам он прямого ответа на него тоже не дал. Судя по известному нам материалу, причина состоит, во-первых, во внутренних трудностях, которые переживала страна (голод, восстания крестьян, паралич промышленности и т.д.), во-вторых, в осознании факта, что в ближайшее время на пролетарскую революцию в Европе рассчитывать не приходится. Это стало ясно к середине 1921 г.[297] К тому же Троцкий считал, что существует реальная угроза новой интервенции, о чем он не устал предупреждать Политбюро[298]. В его прогнозе отчетливо просматриваются характерные черты теории «перманентной революции», что означало воскрешение ее Троцким в качестве теоретической базы выработки в новых условиях развития революции политики, альтернативной ленинскому НЭПу. Новые уступки принципу свободной торговли в рамках НЭПа, видимо, еще более укрепляли его веру в правильность теории «перманентной революции». На все рассуждения Ленина Троцкий на XI съезде ответил так: смычка с крестьянством необходима, «пока нет возможности опереться на победоносный рабочий класс Европы»[299]. Следовательно, потом от смычки, от политического и экономического союза с крестьянством можно будет отказаться и строить социализм без участия крестьянства, *игнорируя волю большинства населения страны и подавляя ее*?

В начале 1922 г. Троцкий приступил к переизданию своих старых работ, в которых российская социалистическая революция анализируется с позиций теории «перманентной революции». Так, разногласия по вопросам НЭПа дали жизнь новой дискуссии — по принципиальным вопросам теории социалистической революции.

Первым в марте 1922 г., накануне XII съезда РКП(б), появился сборник, посвященный революции 1905 г. Троцкий предпослал ему написанное в январе 1922 г. предисловие, в котором подтверждал справедливость всех основных ее оценок, противостоящих ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Поясняя

смысл теории «перманентной революции», он писал: «Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции... для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии... но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране (с подавляющим большинством крестьянского населения) смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». Далее Троцкий писал, что «хотя и с перерывом в 12 лет (т.е. не в 1905, а в 1917 г. — В.С.), эта оценка подтвердилась целиком»[300]. Выводы напрашивались сами собой: в ходе буржуазно-демократической революции 1917 г. в России к власти пришел рабочий класс. Октябрьская революция — политическая, пролетарская, но не социальная, не социалистическая по своему характеру, а власть рабочего класса в крестьянской России может удержаться только в случае победы мировой пролетарской революции.

В том же 1922 г. Троцкий переиздал свою брошюру 1917 г. «Программа мира», предпослав ей специально написанное предисловие, в котором, опять же с позиций 1922 г., открыто оспорил ленинский вывод о возможности успешно строить и построить социализм в России в условиях капиталистического окружения: «Отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены — в борьбе с экономической изолированностью — искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения в лучшем случае могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы»[301]. Итак, социалистическое строительство как таковое может начаться в Советской России только после решающих побед мировой пролетарской революции.

Сформулированные им положения указывали на сохраняющиеся у него с Лениным разногласия по важнейшему для марксизма положению — о диктатуре пролетариата. Ленинскому тезису о том, что сущность диктатуры пролетариата состоит в союзе пролетариата и крестьянства при руководящей роли пролетариата, Троцкий противопоставил свой: диктатура пролетариата — это власть рабочего класса, направленная против всех непролетарских слоев общества. Видно также, что в отличие от Ленина Троцкий в 1922 г., как и в 1905 г., и в 1917 г. отдавал первенство внешним факторам развития социалистической революции в России перед внутренними. Ясно, что разногласия Ленина и Троцкого по вопросу о социалистической революции за прошедшие годы усилились, что они предложили партии две совершенно разные концепции российской социалистической революции.

Возвращение в политический обиход теории «перманентной революции» — хорошо известный факт. Но в исторической литературе не обращалось должного внимания на то, что политическая направленность ее теперь была совершенно иной, чем в 1905—1917 гг. Термин «возрождение» теории «перманентной революции» верно передает внешнюю сторону дела, но не фиксирует внутренней политической эволюции, которую претерпела эта теория в ходе социалистической революции благодаря установлению диктатуры пролетариата, поэтому не передает политического смысла этого «возрождения». *Прежде в ней содержался призыв двигать революцию вперед, несмотря на возможную опасность ее поражения. Теперь она служила для оценки пройденного революцией пути и для обоснования прогноза о ее неизбежной гибели вне рамок победоносной мировой пролетарской революции. А вместе с этим Троцкий из «несуразно левого» (по определению Ленина) превращается в заурядного социал-демократа.*

В качестве приложения к сборнику Троцкий поместил свою статью «Наши разногласия», содержащую полемику с Лениным по вопросам места и роли крестьянства в социалистической революции, о революционно-демократической диктатуре. В комментариях к ней, написанных с позиций 1922 г., он писал: «Антиреволюционные черты большевизма[302] грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». Поскольку 1917 год принес победу большевикам, то, согласно логике Троцкого, наступило то время, когда Ленин и его сторонники становятся опасными для революции. Прямо сказать это нельзя, но намек более чем прозрачен. Факты победы большевиков в 1917 г., победы в гражданской войне и связанное с этим развитие революции надо было «примирить» со своим тезисом о «антиреволюционной сущности большевизма». Это противоречие между своим прогнозом и фактом истории Троцкий «снимает» с помощью утверждения, что «под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение весной 1917 г., то есть до завоевания власти»[303]. Иначе говоря, он заявил, что власть в октябре 1917 г. брали уже и не большевики собственно, а новоявленные троцкисты, еще не осознавшие себя в этом качестве и по инерции сохранявшие свое прежнее название и верность прежним теоретическим и политическим схемам. Отсюда уже недалеко до утверждения, что брали они власть при участии Ленина, но под идейным (и организационным) руководством Троцкого, который якобы был действительным вождем Октябрьской революции. Здесь это прямо еще не сказано (сказано это будет позднее — в статье «Уроки Октября», в октябре 1924 г.), но вполне определенная заявка на эту роль уже сделана.

Эти выступления знаменовали начало Троцким политической атаки на историческом фронте. Ему нужно было показать, что он, Троцкий, как теоретик и политик выше Ленина, что он был подлинным лидером «разбольшевиченного» большевизма — партии, бравшей власть в октябре 1917 г., поэтому именно ему революция обязана всеми лучшими своими достижениями и победами. Политический подтекст этой атаки таков: большевизм пришел к власти в 1917 г. только потому, что он «разбольшевичился», и, следовательно, нет смысла цепляться за него в 1922 г. Направленная лично против Ленина атака была слегка прикрыта тезисом о том, что Ленин возглавил процесс «разбольшевичивания».

Троцкий поставил «историю» борьбы с Лениным на службу интересам современной своей борьбы против него. Читатель подвигался к актуальному политическому выводу: хотя Троцкий пришел в партию большевиков, фактически Ленин в главных вопросах социалистической революции в России перешел на позиции Троцкого. Если большевистская партия победила благодаря тому, что перешла на позиции Троцкого, то он, Троцкий, является ее подлинным вдохновителем и организатором этой победы.

Тактический прием в борьбе против Ленина и большевизма, который избрал Троцкий — публикацию своих старых статей с соответствующими комментариями, — имел преимущество перед публикацией новой статьи с изложением старых разногласий. Это позволяло полнее показать истоки и глубину разногласий, дать развернутую аргументацию антиленинской позиции, критиковать Ленина и при этом не вызывать критики своих прежних взглядов. Историю-де, не переписешь! Что написано, то написано. Эта тактика позволяла ему соединить критику новой экономической политики, Ленина и большевизма, указать на их прежние ошибки как на причину нынешних ошибок и обосновать тезис об опасности для судеб революции ленинского курса и большевизма в целом. Троцкий получал возможность ненавязчиво подвести партию к мысли, что он в борьбе против Ленина всегда был прав, а Ленин, соответственно, всегда ошибался. Так, Троцкий утверждал себя в качестве главного теоретика партии и естественного, но недооцененного лидера партии.

Хотя в это время Троцкий избегал открытого противопоставления своих взглядов ленинским как *целостной системы*, он во всеуслышание заявил о сохранении приверженности своим прежним теоретическим и политическим взглядам. Вместе с ними «воскрешался» и троцкизм как политическое течение, открыто противостоящее Ленину и большевизму. Позднее Троцкий утверждал, что термин «троцкизм» придуман позднее, в

1924 г.[304] Это не так. Термин «троцкизм» был в ходу у большевиков и до вступления Л.Д. Троцкого в большевистскую партию, и после вступления в нее[305]. На XI съезде РКП (б) представитель «рабочей оппозиции» Кутузов прямо говорил, что после X съезда партии и на XI съезде были, есть и ведут борьбу «и рабочая оппозиция, и троцкисты, и ленинцы, и десятки, и все что угодно»[306]. И никто не удивился — что такое троцкизм и что такое троцкисты не спросили, сам Л.Д. Троцкий не возразил. Ленин прекрасно понимал, что он имеет дело не с отдельными взглядами и оценками Троцкого, а с *троцкизмом* как системой политических и теоретических взглядов и политическим течением в партии. Он воспринимал троцкизм как существующее политическое течение. Так, конспектируя выступление В. В. Косиора на XI съезде РКП (б), который жаловался, что бывших сторонников Троцкого обходят при кадровых назначениях, «затирают», Ленин написал для себя: «верхушка на Урале была троцкистская»[307].

Уже на этой фазе разногласий Ленина и Троцкого разводила оценка характера Великой Октябрьской социалистической революции. Для Ленина она являлась социалистической. Иначе оценивал ее Троцкий. На XI съезде он заявил, что НЭП — это манёвр «класса (пролетариата. — В.С.), который *идет к* (курсив наш. — В.С.) социалистической революции»[308]. По Троцкому получается, что спустя четыре года после начала Октябрьской революции большевики не делают социалистическую революцию (т.е. не осуществляют свою программу), а только идут к тому рубежу, с которой начнется строительство социалистического общества. Конечно, у Троцкого можно найти много заявлений о социалистической революции. Но и это заявление не случайно. Может быть, помимо своей воли он здесь сказал то, о чем прежде предпочитал помалкивать. Эта оценка Октябрьской революции перекликается с его давней позицией относительно вопроса о природе диктатуры пролетариата как рабочем правительстве при буржуазном строе: «Социальная революция (имеется в виду социалистическая. — В.С.) предполагает такое состояние капиталистического общества, когда у власти стоит пролетариат» (1916 г.)[309]. Этот тезис является лишь развитием давних представлений Троцкого о том, что диктатура пролетариата может установиться в ходе буржуазно-демократической революции («без царя, а правительство рабочее»)[310]. Следовательно, в это время политически актуализировались противоречия Ленина и Троцкого в вопросе о диктатуре пролетариата, являющемся главным в марксизме[311]. Никакие совпадения взглядов, оценок, позиций в других вопросах не могли перекрыть эти разногласия, которые определяли и состояние, и динамику их отношений.

Эти публичные выступления Троцкого не только обострили дискуссию между ним и Лениным, но и придали ей характер принципиальной борьбы троцкизма против большевизма (ленинизма). Троцкий позднее утверждал, что Ленин не выступил против его книги «1905» и, следовательно, согласился с ним[312]. Это не так. Выступления В.И. Ленина на XI съезде партии, на IV конгрессе Коминтерна, на заседании Моссовета, а также ряд текстов его «Завещания» содержали критику этих взглядов и оценок Троцкого. Ленин уделил ей то место, которого она заслуживала, — она велась параллельно обоснованию Лениным новой концепции социалистической революции в России.

Необходимость новой уступки принципу свободной торговли в рамках НЭПа ставила ряд трудных не только политических, но и теоретических вопросов. Надо было найти решения проблем там, где прежде их не искали, учесть их в новых теоретических концепциях и политических выводах. Таким образом, НЭП стимулировал новый поиск и привел к созданию новой концепции социалистической революции в России, опирающейся на накопленный опыт и более полный, чем прежде, учет специфических условий России. Новизна задачи в данном случае не означала ее абсолютную политическую неожиданность и теоретическую неподготовленность. Не случайно, говоря о сложности положения и стоящих задач, Ленин не был склонен драматизировать ситуацию. Политическую и теоретическую неожиданность НЭПа нельзя переоценивать хотя бы потому, что в нем фактически реализовалась принципиальная схема, заложенная в ленинской теории перерастания

буржуазно-демократической революции в социалистическую. В ней принципиально допускалась ситуация, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства переросла в диктатуру пролетариата, а экономика остается на время прежней — капиталистической. Так было в самом начале революции, при установлении советской власти. Так было и в период перехода к НЭПу. Следовательно, эта ситуация сама по себе не является свидетельством катастрофы и непреодолимой преградой для новой попытки[313].

Неожиданность НЭПа — это неожиданность частичного решения задачи, в то время как были надежды на полное ее решение. Такой исход не планируют, но его вероятность подразумевается.

Частичная победа — это не то, на что надеялись, но и абсолютизировать эту неудачу, если причина ошибки понята и имеется возможность ее исправления, нет никаких оснований[314].

Затруднено или облегчено по сравнению с 1917—1918 гг. было дело социалистической революции? Оно было затруднено в том смысле, что вынуждало использовать обходные пути и чуждые социализму методы рыночной экономики, по необходимости, допуская усиление экономических и, следовательно, политических позиций буржуазных и мелкобуржуазных слоев города и деревни. Но вместе с тем оно было облегчено, поскольку часть важных и трудных проблем была решена полностью (взятие власти, ее удержание) или частично (создание механизмов, выработка методов управления, формирование новых кадров управленцев и т.д.). Решение стоящих проблем происходило на базе несравненно большего опыта, знаний и в более благоприятных внешнеполитических условиях — военное выступление контрреволюции и интервентов отбито, мир на ряд лет обеспечен. Уже поэтому исходная позиция для новой попытки лучше, чем была во время первой, а надежды на успех, основанный на собственных силах, — большими, чем прежде. Трудности большие, но нет оснований для паники.

В свете сказанного совершенно иначе начинает вырисовываться проблема «термидора», которая в рассуждениях Троцкого относительно судьбы российской революции занимала одно из центральных мест. То, что Троцкому представлялось проявлением «термидора», в системе взглядов, развиваемых Лениным, являлось нормальной политикой диктатуры пролетариата в переходный от капитализма к социализму период. Может быть, потому Троцкий и не принял ленинский НЭП, что отрицал ленинскую теорию социалистической революции. Ведь в ее рамках частичная победа все равно являлась шагом вперед и потому победой, а для Троцкого в рамках его собственной теории «перманентной революции» частичная победа была равна поражению. Очевидно, не случайным было воскрешение им после перехода к НЭПу этой теории и формирование на ее базе собственной концепции новой экономической политики, противостоящей ленинской[315].

Новые взгляды и предложения Ленина нашли отражение в решениях XI Конференции РКП(б)[316] и IX съезда Советов РСФСР. Произведенное отступление и осмысление новой ситуации и политики с точки зрения перспектив развития социалистической революции позволило Ленину сделать вывод о том, что предел отступления уже обозначился и он не грозит революции неизбежными гибелью или перерождением. В это время Ленин высказал мысль, что *только теперь новая экономическая политика «является достаточно и ясно установленной»* [317]. Вскоре Ленин выступил с важным политическим заявлением о прекращении отступления.

НЭП вывел Ленина на проблему создания новой концепции социалистической революции в России, поставил партию перед решением таких задач, о которых прежде никто серьезно не думал. Троцкий этот вариант НЭПа так и не принял. Оценка Троцким смысла и предназначения НЭПа, его места в социалистической революции была иной. Он оценивал НЭП как шаг назад «по сравнению с идеей всепланового всесоциалистического хозяйства». Шаг вперед он усматривал только в умиротворении страны[318]. Ясно, что Ленин и Троцкий по-разному смотрели на НЭП.

§ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Осмысление Лениным опыта социалистической революции велось постоянно. Ряд важных новых положений был сформулирован им еще до перехода к новой экономической политике. НЭП по-новому высветил их значение, придал большую актуальность. Вместе с тем он заставил искать новые решения тех проблем, которые, казалось, уже были удовлетворительно решены.

Прежде российскими социал-демократами победа социалистической революции мыслилась, во-первых, в рамках мировой революции, которая, хотя и не представлялась единовременным актом, но виделась процессом динамичным, не растягивающимся на десятилетия. А сами социалистические преобразования представлялись в виде быстрого наступления социалистического уклада на несоциалистические. Империалистическая война, мешавшая консолидации международной буржуазии против победившей социалистической революции, создавала благоприятные условия для закрепления власти и оказания помощи поднимающейся революции в других странах, в том числе и вооруженным способом. Именно из таких представлений исходил В.И. Ленин в 1915—1916 гг., формулируя свой вывод о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране[319]. В соответствии с этими представлениями в октябре 1917 г. ЦК РСДРП(б) принимал решение о взятии власти: в расчет принималась революция в Германии, которая, как казалось, начнется в ближайшем обозримом будущем, а после взятия власти предпринимались различные меры для ее приближения[320]. Возможность длительного развития социалистической республики в условиях капиталистического окружения, как и политическое отступление для удержания власти в практическом плане, не рассматривалась и не прорабатывалась даже теоретически. В этом сказалась недооценка трудностей развития социалистической революции.

Опыт гражданской войны, иностранной военной интервенции, войны с Польшей, развития революционного процесса в других странах позволял и заставлял на многое взглянуть иначе, чем прежде, многое оценить по-новому. В ряде выступлений конца 1920 г. Ленин начинает развивать новые мысли относительно перспектив социалистической революции в России. Хотя новые оценки неразрывно связаны с прежними представлениями о мировой революции, но в них уже просматривается *стремление уточнить прежние оценки* возможностей российской революции, *не только ожидающей помощи и поддержки от мировой революции, но и способной самой оказывать ей такую помощь*. Ленин говорил (15 октября), что советские республики оказались в состоянии не только защищаться от внутренней и внешней контрреволюции, но и, будучи ударным отрядом мировой пролетарской революции, в интересах ее развития могут переходить в наступление с решительными целями[321]. Эти мысли были развиты в речи 6 ноября 1920 г.: «Мы побеждаем в течение трех лет. Это является гигантской победой, в которую раньше никто бы из нас не поверил». Идя на восстание, мы *«знали»*, что наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир», поэтому *«мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию... Теперь, после трех лет, оказывается, что мы неизмеримо сильнее, чем были до этого, но всемирная буржуазия тоже еще очень сильна, и, несмотря на то, что она неизмеримо сильнее нас, все же можно сказать, что мы победили, но при всем этом опасность не исчезла, она существует и будет существовать, пока не победит революция в одной или некоторых из передовых стран»* (курсив наш. — В.С.)[322].

Сформулированное здесь положение о победе мировой революции как условии *прочной победы, а не победы вообще, было новым*. Оно не было случайной оговоркой, так как вскоре в речи на Московской губернской конференции РКП (б) 21 ноября 1920 г. В.И. Ленин снова сформулировал это положение: «Для того чтобы... *победить прочно*» (курсив наш. — В.С.), мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней

мере, в нескольких главных капиталистических странах». «После трех лет ожесточенной упорной войны мы видим, в каком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались. Они не оправдались в том отношении, что быстрого и прочного решения этого вопроса не получилось... Оказалось, что ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская республика, ни весь капиталистический мир для себя не получили и в то же время оказалось, что если *наши предсказания* не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились *постольку, поскольку* дали нам *главное*, ибо главное было то, чтобы *сохранить возможность существования* пролетарской власти и Советской республики, *даже в случае затяжки социалистической революции во всем мире мы имеем теперь не только передышку*, а нечто гораздо более серьезное... *мы имеем новую полосу, когда наше... международное существование в сети капиталистических государств отвоевано. Теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на более долгое время*». Относительно помощи со стороны международного рабочего движения Ленин сказал: оно поддержало нас «наполовину», ибо ослабило «руку, поднимающуюся против нас», но и этим оно «оказало нам помощь» (курсив наш. — В.С.)[323]. Отныне В.И. Ленин связывает перспективу социалистической революции в России с решением внутренних проблем страны и состоянием партии. «*Нас никто не сломит, ни внешняя, ни внутренняя сила, если мы не доведем до раскола*», — говорил он 24 января 1921 г.[324]

Переход к НЭПу не изменил этих оценок. На X съезде РКП(б) (март 1921 г.) Ленин, отметив нарастание мировой революции, заявил, что «*ставка на международную революцию не значит—расчет на определенный срок... поэтому мы должны уметь так сообразовать свою деятельность с классовыми отношениями внутри нашей страны и других стран, чтобы мы длительное время были в состоянии диктатуру пролетариата удержать* и, хотя бы постепенно, излечить те беды и кризисы, которые на нас обрушиваются»[325]. В последующие два года мысль о том, что судьба российской социалистической революции решается не в классовых битвах пролетариата развитых капиталистических стран, а рабочими и крестьянами Советских республик, советской властью и РКП(б), высказывалась и аргументировалась постоянно. Так, закрывая X Всероссийскую конференцию РКП(б) (май 1921 г.), Ленин говорил, что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем *своей хозяйственной политикой* ... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и *тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно*» (курсив наш. — В. С.)[326].

Эту победу на внутреннем фронте Ленин связывал с выполнением плана электрификации страны и 10—20 годами «*правильных отношений с крестьянством*», строящихся на базе НЭПа[327]. Ленин рассчитывал, что при благоприятных условиях, даже при задержке мировой революции, российская революция за 10—20 лет уйдет далеко вперед в деле укрепления своих позиций, социально-экономического преобразования страны, культурного развития[328]. За это время, надеялся Ленин, даже если не произойдет пролетарской революции в других странах, Советские республики подготовятся к тому, чтобы социалистическая революция смогла сделать следующий шаг — перейти от торговли к товарообмену, а от него, как считалось, до социализма (продуктообмен) оставался один шаг[329]. Успех электрификации позволял блокировать опасности, исходящие от индивидуализма мелкого земледельца и свободной торговли, а срыв означал бы неизбежный «возврат к капитализму». Поэтому электрификация вместе с НЭПом, по мнению Ленина, обеспечивали победу российской социалистической революции во «*всемирном масштабе, даже при затяжке пролетарских революций*» [330]. Появлялась возможность спокойно отнестись к перспективе замедления темпов развития революции, сосредоточиться на решении внутренних задач и завершить «*величайший переворот политический... медленной, тяжелой, трудной экономической работой*», требующей «*целых десятилетий*»[331]. Это должно было привести к еще большему ослаблению зависимости социалистических республик от успехов мировой революции (что в итоге и получилось). Возможную победу

пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка, Ленин теперь рассматривал лишь как фактор сокращения срока выполнения планов социально-экономического развития России[332].

В этих условиях по-новому встал вопрос об отношениях Советских республик с капиталистическими странами. Они уже не сводились к войнам и «передышкам» между ними. Появлялись потребность и возможность использовать отношения с ними во благо революции. 23 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов Ленин говорил об этих новых возможностях: «Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну а связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно богатой группой капиталистических держав, — это возможно? Нас не признавали, нас отвергали, отношения с нами объявлялись несуществующими... но они все-таки существуют»[333]. Приглашение Советских республик на международную Генуэзскую конференцию[334], заключение во время ее работы договора с Германией вскоре подтвердили это предположение Ленина. В этом приглашении В.И. Ленин увидел дополнительные возможности для длительного и успешного маневрирования на международной арене и предотвращения крупномасштабной войны с коалицией буржуазных государств[335].

Возможно, Ленин переоценил степень заинтересованности капиталистических стран в экономическом сотрудничестве с Советскими республиками, и это способствовало пересмотру прежних представлений о зависимости социалистической революции в России от победы пролетарских революций в развитых капиталистических странах. Так или иначе, но примерно с этого времени он все меньше склонен говорить о зависимости российской революции от мировой. В.И. Ленин приходил к фундаментальному выводу о большей, чем полагалось прежде, автономности социалистической революции в России (как и в других крупных, богатых природными, материальными и людскими ресурсами странах) от мировой революции. В системе его взглядов и оценок значимость международных и внутренних факторов российской революции претерпела серьезные изменения.

Революция в развитых капиталистических странах превратилась *из условия победы российской революции в условие ускорения этой победы и облегчения тягот, связанных с революцией*. Новые планы развития российской социалистической революции он строит на основе высвобождения ее внутреннего потенциала, способного, по его мнению, и упрочить положение диктатуры пролетариата внутри страны, и ускорить процесс вызревания революции в мире.

Не абстрагируясь от внешнеполитических условий развития, опираясь на анализ внутренних проблем строительства социализма в России на базе НЭПа, Ленин дает положительный ответ о возможности построения социализма в условиях сохраняющегося капиталистического окружения. Классическое выражение новые взгляды нашли в известном положении о том, что из России нэповской будет Россия социалистическая. Ясно, что это был разрыв с прежними представлениями о жесткой зависимости российской социалистической революции от мировой пролетарской революции.

Итак, с переходом к мирному строительству в условиях изменения прежних представлений о зависимости российской социалистической революции от мировой в центре внимания оказались вопросы обеспечения укрепления и роста социалистического сектора экономики. Само решение о переходе от политики «военного коммунизма» к НЭПу не ставило перед РКП (б) новых теоретических вопросов. Речь шла о политическом маневре в рамках существовавших теоретических представлений о социалистической революции. Предстояло вернуться к прежнему плану использования государственного капитализма. Продналог рассматривался Лениным как «одна из форм перехода от своеобразного "военного коммунизма", вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к

правильному социалистическому продуктообмену. А последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму». Он считал, что НЭП означал не отступление от задач построения социализма, не удаление от социализма, а *шаг вперед к социализму, по сравнению с тем, что было в период так называемого «военного коммунизма»* [336] .

Важной вехой в осмыслении накопленного революцией опыта и развитии теории социалистической революции стал политический доклад Ленина на XI съезде РКП (б). В нем Ленин представил партии *новую концепцию развития социалистической революции в России в условиях капиталистического окружения с использованием рыночных механизмов для преодоления буржуазных отношений внутри страны, способную в ожидании мировой пролетарской революции наращивать базу своего успеха.*

Открывая съезд, Ленин дал оптимистическую оценку перспективам развития российской социалистической революции при условии сохранения и укрепления единства партии и преодоления трудностей развития, создаваемых капиталистическим окружением, и способности партии сконцентрировать все силы на решении важнейших задач. Он отметил, что самые большие трудности развития революции связаны с НЭПом[337], но в нем же находится и ключ к решению задач социалистической революции, так как НЭП позволяет найти меру уступки крестьянам, выработать практические формы взаимодействия в интересах дальнейшего осуществления программы социалистических преобразований и установить новый баланс сил между социалистической пролетарской революцией, крестьянским демократическим движением и буржуазной контрреволюцией.

В докладе Ленина была представлена внутренне логичная картина переживаемых проблем и система мер, способных их решить в интересах социалистической революции. Переход к НЭПу Ленин связал уже не только с необходимостью осуществления политического маневра и исправлением допущенных ошибок, *но и с известными особенностями российской революции. Он подчеркнул, что НЭП — это политика, направленная на построение социализма в условиях сохранения крестьянской экономики, которую социалистическая революция пока что преобразовать не смогла.* Ленин напомнил, что большевики получили власть в стране, начали проводить социалистическую программу, но их мероприятия сначала шли «до известной степени в сторонку» от тех процессов, которые происходили в деревне, в крестьянстве. Крестьянство, как мелкий товаропроизводитель, политически приняло советскую власть, но оно не могло принять предложенных ею экономических реформ, так как могло существовать только подчиняясь законам своей социальной природы — законам рынка, с помощью которого крестьяне имели возможность получить от общества необходимый им продукт в обмен на то, что они могли произвести в своем хозяйстве. Поэтому «смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской не было». Ее и сейчас еще нет, считал Ленин, мы только подходим к ней.

В установлении этой смычки он и усматривал все значение НЭПа[338] как тактического маневра, призванного обеспечить экономический союз пролетариата со стратегическим союзником — крестьянством[339]. Эти оценки уже высказывались прежде. Вместе с тем В.И. Ленин теперь шел дальше: он не просто говорил о необходимости сообразовывать политику диктатуры пролетариата с интересами и возможностями крестьянства, но и пересматривал прежние представления о месте крестьянства в социалистической революции.

Политика прочного союза с середняком, принятая VIII съездом РКП(б) (март 1919 г.) означала установление военно-политического союза, который не выходил за рамки буржуазно-демократической революции и не устанавливал взаимодействия их в борьбе за социализм. Экономического союза пролетариата и среднего крестьянства тогда не было и создание его не ставилось в повестку дня. Он мыслился в будущем, *но не за счет уступок крестьянству как мелкому собственнику, а за счет его движения навстречу пролетариату на базе улучшения его жизненного положения* по мере развития социалистической

революции, успехов крупной промышленности и т.п.[340] ***НЭП означал радикальное изменение самой постановки вопроса о союзе — он достигался за счет первоначальной уступки крестьянству со стороны пролетариата, а не за счет его приспособления к требованиям пролетариата.*** Это означало, что НЭП, задуманный как тактический маневр к стратегическому союзнику, предполагал *определенное* изменение взглядов на положение трудящегося крестьянства в социалистической революции. Это изменение проявилось в докладе Ленина в виде тезиса о том, что крестьянство в конечном счете будет оценщиком и «судьей» им. «Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь: "ну, если вы не умеете, мы подождем, может быть, вы и научитесь". Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.

Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. Повторяю, отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски, — векселя, но сроки на этих векселях не написаны, и, когда они будут предъявлены ко взысканию, этого справкой с текстом векселя не узнаешь»[341].

Накануне Октябрьской революции и в годы гражданской войны (в рамках политики «нейтрализации середняка» и даже политики «союза с середняком») не могло быть и речи о том, что крестьянство является той силой, которая будет выносить приговор социалистической революции, а большевики вынуждены будут принять его. Во время принятия решения о переходе к НЭПу на X съезде Ленин говорил о том, что крестьянская контрреволюция стоит перед нами и о том, что борьба с ней идет по принципу «кто — кого». Тезис о «векселях» говорит о понимании необходимости обрести точку опоры для проведения социалистических преобразований в мелкобуржуазном крестьянстве, а также о совершенно новой постановке вопроса о классовой борьбе в ходе социалистической революции. В связи с тезисом о векселях В.И. Ленин говорит о «последнем и решительном бое» с отечественной буржуазией, вырастающей из крестьянства, принять который мы вынуждены в ближайшее время и выиграть который можем[342]. Это совсем не тот бой, о котором он говорил на X съезде РКП(б): это уже не бой с крестьянской контрреволюцией, а бой за крестьянство, за то, чтобы оно признало, что выданные большевикам векселя ими оплачены улучшением их, крестьян, жизни в ходе и в результате социалистических преобразований. Этот бой за крестьянство надо вести с новой буржуазией, которая тоже стремится найти в нем опору для борьбы с растущим социализмом. Соответственно меняются и формы, методы, приемы классовой борьбы с буржуазией. Прежде эта борьба была направлена на политическое подавление буржуазии, что было делом нетрудным, но малоэффективным из-за наличия огромной массы мелкобуржуазного крестьянства. Теперь эта борьба была направлена на обеспечение согласия крестьян на дальнейшее осуществление большевиками социалистической программы.

Новая борьба принимает форму соревнования с буржуазией на хозяйственном поприще. Диктатура пролетариата ведет ее, стремясь доказать крестьянству, что советская власть может организовать хозяйственную жизнь страны и удовлетворить интересы и потребности крестьянства не хуже, а лучше, чем буржуазия. Отсюда требование учиться у буржуазии капиталистическим методам хозяйствования, учиться хозяйствовать. Доказать умение хозяйствовать надо быстро, за год, ждать долго крестьянство не станет. Либо советская власть докажет крестьянину, что умеет помочь ему, «либо он нас пошлет к чертям. Это совершенно неминуемо»[343]. Поскольку результатами этого соревнования с буржуазией будут проверяться успехи советской власти, то оно — не просто состязание, а «отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом», «еще одна форма борьбы между буржуазией и пролетариатом»[344], [345]. И это понятно, ведь хозяйственное соревнование — лишь способ одержать экономическую, а значит, и политическую победу над буржуазией и уничтожить ее как класс.

Победа в этой борьбе за крестьянство, парализовав на время его антисоциалистический

потенциал, позволила бы задействовать на стороне социалистической революции демократический потенциал крестьянского движения и благодаря этому изолировать и победить силы внутренней контрреволюции. Ленин видит возможность выиграть этот бой за крестьянство и благодаря этому реализовать мирный вариант развития социалистической революции. Проводить такую политику — задача сложная, но не безнадежная, так как опыт гражданской войны научил и пролетариат, и крестьянство соизмерять и согласовывать свои интересы.

Ленин считал, что большевики могут выдержать этот экзамен, что успех борьбы зависит только от них самих. «Политической власти» и «экономической силы» в руках диктатуры пролетариата «совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму»[346]. Более того, вопрос о победе революции Ленин не связывает с оценкой степени отсталости или развитости страны. Для Ленина этот вопрос давно решен положительно — минимум необходимых условий для этого в России есть. Все другие условия для победы имеются. О мировой революции как условии победы или успешного решения внутренних проблем российской социалистической революции — ни слова. Более того, Ленин считает, что с мировой буржуазией «еще много будет "последних и решительных боев"»[347]. И он не предрекает трагического исхода этих боев для российской социалистической революции. Наоборот, выражает уверенность в победе, следовательно, Ленин положительно решает вопрос о победе социализма в условиях капиталистического окружения.

Ленин допускал, что в ходе «последнего и решительного боя» может быть не только победа, но и поражение в результате открытой борьбы, и, кроме того, возможно перерождение революции[348]. Главные опасности для революции Ленин видел не во внешних условиях ее существования, а во внутренних проблемах ее развития. Новая экономическая политика, сняв или притупив некоторые из этих опасностей, обострила другие. В советской исторической литературе существовала определенная эйфория по поводу НЭПа, выражавшаяся в акцентировании внимания на открываемых им возможностях и оставлении без должного внимания связанных с ним трудностей. Ленин поступал иначе, он указывал не только на новые возможности развития социалистической революции в России, но и на опасности для нее, которые несла с собой новая экономическая политика. Много внимания он уделил этой проблеме на XI съезде РКП(б)[349].

Ленин говорит об угрозе перерождения революции. О ней (угрозе «термидора») часто говорил Троцкий, при этом радикально расходясь с Лениным в вопросе о возможных причинах его. В полном соответствии с теорией «перманентной революции» Троцкий усматривал причины в отсутствии мировой пролетарской революции и, кроме того, в личностных качествах вождя[350]. Ленин развивал прямо противоположные взгляды на этот счет. Он не только не ставил угрозу возможного перерождения революции в зависимость от успехов или неудач мировой революции, но и, возможно, возражая Троцкому, говорил, что опасность перерождения исходит не от личных качеств революционеров, а от «гигантских масс». Эта опасность возникает в том случае, если эти массы считают, что проводимая политика не отвечает их интересам[351]. Последнее обстоятельство в условиях НЭПа практически всецело зависело от умения большевиков хозяйствовать. Его явно не хватает по причине недостатка «культурности тому слою коммунистов, который управляет». Ленин обращал внимание на опыт истории, который свидетельствовал, что «термидор» неизбежен, если уровень культуры победителей ниже, чем у побежденных[352]. Для российской социалистической революции это была реальная угроза: как бы ни низка была культура новой буржуазии, а культура пролетариата и крестьянства была гораздо ниже. Пока не выучились, коммунисты-администраторы лишь номинально будут являться руководителями, реальная же власть будет принадлежать тем, кто действительно умеет управлять, — тем «спецам», отнюдь не разделявшим идеи социалистической революции, к помощи которых большевикам приходилось обращаться. Эта проблема решалась созданием собственных квалифицированных кадров. Задача, хотя и трудная, но решаемая. Если с этих позиций

оценить предложения Троцкого о реорганизации системы управления народным хозяйством, то придется признать, что они как раз и несли в себе угрозу «термидора».

Ни на XI съезде, ни позднее оппоненты Ленина не смогли противопоставить разработанной им концепции ничего равноценно по значимости выводов и уровню их обоснования. Главный из них — Троцкий — продолжал повторять свои прежние оценки и прогнозы. Это показало последнее сопоставление Лениным и Троцким своих взглядов и оценок, произошедшее в конце 1922 г. Выступая на V съезде Российского коммунистического союза молодежи (11—19 октября 1922 г.), Троцкий определил свое видение перспективы развития революции и существования советских республик. Он заявил, что если капитализм в течение 10 лет устоит перед угрозой революции, то это будет означать, что мировой капитализм «достаточно силен, чтобы *раз навсегда* (курсив наш. — В.С.) подавить пролетарскую революцию во всем мире, конечно, подавить и Советскую Россию»[353]. Как видно, Троцкий вполне определенно противопоставляет свои оценки ленинским. У Ленина проведение НЭПа в течение 10—20 лет открывает возможность для перехода к социализму, а у Троцкого 10 лет НЭПа равносильны гибели советской власти и революции. Но и это не все. По Троцкому получается следующая перспектива мировой революции: либо она начнется и одержит решающие победы в ближайшие 10 лет, либо она снимается с повестки дня истории развития человечества. Или все и сразу, или ничего и никогда.

Как бы принимая вызов Троцкого и включаясь в полемику с ним, Ленин в приветствии IV конгрессу Коминтерна рисовал совершенно иную перспективу: «Советская власть... более прочна, чем когда бы то ни было... Победа будет за нами»[354]. Свой доклад на конгрессе (13 ноября) он фактически посвятил обоснованию этой оценки. Он, в частности, говорил: «Я полагаю, что все мы со спокойной совестью можем утвердительно ответить на этот вопрос (о пользе правильного отступления. — В.С.), а именно в том смысле, что прошедшие полтора года положительно и абсолютно доказывают, что мы этот экзамен выдержали». Это был своего рода ответ на вопрос о способности большевиков показать крестьянству свое умение хозяйствовать. Ленин выражал уверенность, что стоящие проблемы (накопление финансовых средств, прежде всего) будут решены, уже начали решаться. «Самое главное, — считал Ленин, — Крестьянство довольно своим положением. Это мы спокойно можем утверждать... *Крестьянство* является у нас *решающим фактором* ... нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения» (курсив наш. — В.С.). Отметив успехи советской власти, достигнутые на базе НЭПа, и ошибки, допущенные международной буржуазией, Ленин констатирует, что «перспективы мировой революции... благоприятны» и они могут снова стать «превосходными»[355]. Анти- троцкистская по сути своей направленность этих оценок Ленина очевидна.

Ленинскому анализу возможностей развития революции в условиях НЭПа Троцкий на этом конгрессе Коминтерна смог противопоставить лишь общие рассуждения, которые свидетельствуют о том, что он сохранял верность своим прежним взглядам и неспособен был вести аргументированную дискуссию с Лениным по существу проблемы. Они стоят того, чтобы воспроизвести их: «После завоевания власти задача строительства социализма, прежде всего хозяйственного, встает, как центральная и вместе с тем труднейшая. Разрешение этой задачи зависит от причин разного порядка и разной глубины: во-первых, от уровня производительных сил и, в частности, от соотношения между индустрией и крестьянским хозяйством; во-вторых, от культурного и организационного уровня рабочего класса, завоевавшего государственную власть; в-третьих, от политической ситуации международной и внутренней: побеждена ли буржуазия окончательно или еще сопротивляется, — имеет ли место иностранная военная интервенция, — саботирует ли техническая интеллигенция и пр. и пр.

По относительной важности эти условия социалистического строительства должны быть расположены в таком порядке, в каком мы их привели. Самое основное условие — это

уровень производительных сил; потом следует культурный уровень пролетариата; и, наконец — политическая и военно-политическая ситуация, в которую попадает пролетариат, овладев властью. Но это последовательность логическая. А практически — рабочий класс, взявший власть, прежде всего, сталкивается с политическими затруднениями... во вторую очередь пролетарский авангард сталкивается с затруднениями, вытекающими из недостаточности культурного развития этих рабочих масс. И только в третью очередь его хозяйственное строительство упирается в пределы, поставленные наличным уровнем производительных сил». В НЭПе Троцкий видел всего лишь «систему мероприятий, которая обеспечивала бы постепенный *подъем производительных сил страны* даже и без содействия социалистической Европы»[356], т.е. политику, в принципе позволяющую нарабатывать «материал» для будущей социалистической революции, но не более того. Показательно, что и в этом, программном по своему характеру выступлении у Троцкого не нашлось места для анализа проблемы участия крестьянства в социалистической революции. Очевидно, потому, что Троцкому нечего было сказать по этому поводу, так как для него эта проблема сводилась к борьбе с контрреволюционными устремлениями крестьянства.

Заботило его поражение революции в странах Европы, создавшее «для Советской Республики и ее хозяйственного развития наименее благоприятные условия» «в кольце экономических блокад». «Главные козыри, — говорил Троцкий, — явно на нашей стороне — за исключением одного, очень существенного: за спиной частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал. Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли наш зарождающийся социализм, хозяйничающий еще капиталистическими средствами, загублен мировым капитализмом?» И отвечает: «Если допустить, в самом деле, что капитализм будет существовать в Европе еще столетие или полстолетия и что Советская Россия должна будет к нему приспосабливаться в своей хозяйственной политике, то тогда вопрос решается сам собой, ибо этим допущением мы заранее предполагаем крушение пролетарской революции в Европе и наступление новой эпохи капиталистического возрождения»[357], [358].

В оценке перспектив российской социалистической революции Троцкий смыкался с меньшевиками (социал-демократами): если социалистическая революция в Европе задержится (по Троцкому, это маловероятно, а для социал-демократов — нечто само собой разумеющееся), то *НЭП приведет к крушению социалистической революции в России*. Обе стороны согласны в том, что это произойдет через внутреннее перерождение («термидор»). Не спасает положения и то, что Троцкий устанавливал большие сроки — 50—100 лет. Месяца назад он определял этот срок в 10 лет. «Прогресс» очевиден, однако он свидетельствует не об эволюции взглядов Троцкого, а о маскировке им одиозных и непопулярных в большевистской партии выводов, а также о том, что эти прогнозы носят эмоциональный и догматический характер. Полная «безнадежность», стопроцентный «пессимизм», от которого Троцкий всегда пытался отговориться, но который постоянно проявлялся как бы независимо от его воли.

В этом выступлении на IV конгрессе Коминтерна Троцкий впервые после 1917 г. противопоставил ленинской концепции социалистической революции в России свою систему взглядов и оценок, правда, еще не проработанную в деталях, но вполне сформировавшуюся в своих основных положениях, подходах[359].

Н.А. Васецкий оценивает доклад Троцкого о НЭПе на IV конгрессе Коминтерна как «вершину в его политической карьере в послевоенный период. Выше, с точки зрения теоретического осмысления НЭПа, он больше не поднялся»[360]. Думается, Васецкий прав. Но к этой оценке надо добавить, что выступление Троцкого стало также кульминационной точкой в его расхождении с Лениным в принципиальных вопросах социалистической революции.

Известно, что Троцкий позднее (например, на XV конференции[361]) возражал против противопоставления его взглядов, изложенных на конгрессе Коминтерна, ленинским. При этом он ссылаясь на ленинскую записку, направленную ему 25 ноября 1922 г.: «Прочел

Ваши тезисы относительно НЭПа и нахожу их, в общем, очень хорошими, а отдельные формулировки чрезвычайно удачными, но небольшая часть пунктов мне показалась спорной». Однако в ленинском тексте нет ничего, что позволило бы расшифровать ее в духе Троцкого, поскольку Ленин не уточняет ни тех позиций, которые удовлетворили его, ни тех, которые показались ему спорными. Зато в этой записке есть указание на ценную сторону этих тезисов: «они будут удачны для ознакомления иностранной публики с нашей новой экономической политикой»[362]. Вот и все. Но если «удачную» и «полезную» часть тезисов Троцкого Ленин свел к пропаганде, то, следовательно, теоретические оценки и политические прогнозы Ленин не относит к ним и, очевидно, числит среди «спорных» пунктов. Таким образом, эту попытку Троцкого найти в Ленине свидетеля совпадения их взглядов в основных теоретических и политических вопросах нельзя признать удовлетворительной.

Троцкий выступал на конгрессе 13 ноября 1922 г. сразу же за Лениным, поэтому Ленин ответить ему здесь же на Конгрессе не мог, но он использовал для этого первое же публичное выступление — 20 ноября 1922 г. на заседании Моссовета, которое стало его последним выступлением. В.И. Ленин говорил, что «у нас не было сомнения в том, что мы должны... добиться успеха в одиночку... Мы должны рассчитать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим; как мы получим выгоду от наших противников»[363]. Шанс на успех давала конкуренция между капиталистическими государствами, открывавшая возможность для манёвра между ними, поэтому задача состоит в том, чтобы перед лицом капиталистического мира стать «сильным, самостоятельным» государством[364]. А дальше Ленин прямо формулирует свой, пожалуй, самый главный антитроцкий тезис: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут надо разобраться»[365]. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова... все мы, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»[366].

Так Ленин, выявляя новые возможности российской революции, в 1921—1922 гг. все больше уходил от старых оценок, демонстрируя творческое отношение к марксизму как к методу познания и руководству к действию. Уже тем, что он начал поиск путей решения вставших перед революцией новых задач и получил первые положительные результаты, Ленин сделал шаг вперед в области теории социалистической революции. Он двигался в сторону признания больших возможностей развития российской социалистической революции в неблагоприятных внешних условиях, большей автономности ее развития за счет выявления дополнительных внутренних возможностей и возможностей использования межимпериалистических противоречий. Ленин обосновал новое видение мировой социалистической революции и места российской революции в ней: впереди мировой революции, обогащая ее не только новым опытом, но и новыми теоретическими выводами.

Чем дальше уходил Ленин в своих воззрениях на пути развития социалистической революции в России и чем больше Троцкий уверовал в правильность своей теоретической схемы, тем больше он политически расходился с Лениным, тем больше проявлялась его политическая близость к русским меньшевикам и европейским социал-демократам и догматическое отношение к марксизму, неумение творчески подойти к нему.

К концу 1922 г. Ленин и Троцкий подошли с четко сформулированными, совершенно разными политическими концепциями, противостоя друг другу в важнейших вопросах теории, стратегии и тактики революции.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И КАДРОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РУКОВОДСТВЕ РКП (б)

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЛЕНИНА И ТРОЦКОГО

Поскольку значительное место в ленинском «Завещании» занимает оценка политических и личных качеств Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова, необходимо рассмотреть вопрос о политических и личных отношениях внутри Политбюро в 1921 — начале 1923 г.

Распространенное в традиционной историографии мнение о том, что Ленин стремился и умел использовать способности всех своих политических оппонентов и противников для коллективной работы, не вполне соответствует действительности. Вернее будет сказать, что он был вынужден работать со своими оппонентами и противниками. Ленин выстраивал свои деловые отношения с другими членами ЦК, учитывая не только их деловые и личные качества, но и близость политических позиций. И это естественно для политика. Этим определялись отношения Ленина к Троцкому.

Время их тесных рабочих контактов, относящихся к периоду гражданской войны, ушло с ее окончанием и уже никогда не возвращалось. В 1921—1922 гг. нарастающее противостояние по все более широкому кругу теоретических и принципиальных политических вопросов, так и вопросам организации текущей политики, были налицо. На этой почве летом 1921 г. между Лениным и Троцким резко обострились политические и личные отношения, началась открытая борьба за обладание реальными рычагами власти. Ленин отстаивал свое право оставаться политическим лидером партии и революции. Троцкий открыто бросил ему вызов, фактически заявив о своих правах на это лидерство. Для стороннего наблюдателя это могло представляться как борьба за власть (так она оценивается иногда в литературе), но это было борьбой за возможность проведения того политического курса, который каждый из них считал единственно верным. Борьба за власть служила лишь средством достижения этой цели. Вопрос о власти упирался в вопрос о лидерстве в партии, которое позволяло определяющим образом влиять на формирование и проведение политического курса. Эта борьба определила поиск Лениным такой политической комбинации, которая бы позволила ему и его сторонникам одержать победу. В это время и в этих условиях в Политбюро (и в ЦК партии) произошла определенная перегруппировка политических сил. Сложилось ленинское ядро, противостоящее Троцкому и его немногочисленным сторонникам. Опираясь на эту политическую силу, Ленин повел наступление против Троцкого.

Представления о деловых отношениях Ленина с другими членами Политбюро в 1921—1922 гг. можно составить на основе информации, содержащейся в книгах регистрации входящей и исходящей документации секретариата В.И. Ленина[367].

Контакты Ленина со Сталиным, Троцким, Каменевым и Зиновьевым

Общее кол-во контактов	
Парт.-госуд. строит-во*	
Экономическая политика	
Внутренняя политика	
Внешняя политика	
Коминтерн	
Идеология	
Прочие	
Сталин	
115 (38,7%)	
35 (53,0%)	
36 (45,6%)	
3 (13,6%)	
20 (60,6%)	
2 (4,9%)	

4 (33,3%)
 11 (30,6%)
 Троцкий
 70 (23,5%)
 18 (27,3%)
 17 (21,5%)
 7 (31,8%)
 7 (21,2%)
 7 (17,1%)
 7 (58,3%)
 5 (13,9%)
 Каменев
 59 (19,8%)
 9 (13,6%)
 20 (25,3%)
 12 (54,5%)
 5 (15,2%)
 3 (7,3%)
 1 (8,3%)
 7 (19,4%)
 Зиновьев
 53 (18,0%)
 4 (6,1%)
 6 (7,6%)
 0
 1 (3,0%)
 29 (70,7%)
 0
 13 (36,1%)
 Всего
 297 (100%)
 66 (100%)
 79 (100%)
 22 (100%)
 33 (100%)
 41 (100%)
 12 (100%)
 36 (100%)

* Включая вопросы национально-государственного, военного строительства и кадровые вопросы.

Хорошо видно, что Сталин далеко опережает других членов Политбюро по общей численности зарегистрированной корреспонденции, заметно уступая Троцкому только в количестве контактов по вопросам внутренней политики, Коминтерна и идеологии, Каменеву — по вопросам внутренней политики, а Зиновьеву — в вопросах Коминтерна. За ним следуют Троцкий и Каменев, замыкает список Зиновьев.

О многом говорит статистика контактов (по группе дел, хранящих переписку В.И. Ленина за 1922 г.)[368], инициатором которых был Ленин.

Контакты, осуществленные по инициативе Ленина
 Корреспондент/адресат

Общее число корреспонденции	
В т.ч. направленная В.И. Лениным	
Кол-во	
%	
Сталин	
47	
33	
70,2%	
Троцкий	
59	
10	
16,9%	
Каменев	
32	
20	
62,5%	
Зиновьев	
33	
14	
42,4%	

Обращает на себя внимание факт, что наибольшая по объему корреспонденция относится к контактам Ленина и Троцкого, но Ленин по собственной инициативе обращался к Троцкому много реже, чем к другим. Эти цифры придется скорректировать в сторону понижения, если учесть, что в числе этих писем был велик удельный вес тех, которые направлялись по списку всем членам ЦК или Политбюро. В это время Троцкий стал вводить в систему новую форму общения с членами ЦК — рассылку писем, что, естественно, увеличивало общий объем корреспонденции, которую Ленин получал от него. Надо учесть и то, что значительная часть ее была посвящена вопросам, по которым между ним и Лениным велась острая дискуссия, поэтому высокая численность их говорит не столько о близости их политических взглядов, позиций и отношений, сколько о существовавших здесь проблемах. Члены Политбюро ЦК свидетельствовали: «Сотрудничество между тов. Троцким и большинством Политбюро уже не один год происходит преимущественно в форме рассылки тов. Троцким писем и деклараций, в которых он неизменно подвергает критике чуть ли не всю деятельность ЦК. Большей частью большинство Политбюро воздерживалось от письменного ответа на эти документы. Лишь изредка, в отдельных случаях, тов. Ленин отвечал письменными объяснениями на то или другое из особенно неверных заявлений тов. Троцкого»[369]. В отношении частоты контактов по инициативе Ленина выделяется Сталин.

Показательна также частота упоминаний Троцкого, Сталина, Зиновьева и Каменева в отдельных документах (текст, название, адресат), опубликованных в 45-м и 54-м томах Полного собрания сочинений В.И. Ленина: Троцкий упоминается на 61 странице, Зиновьев на 62-х, Каменев на 112-ти, Сталин на 116-ти. Не забывая об известной условности этого подсчета, отметим, что его результаты вполне корреспондируются с приведенными выше данными.

Конечно, приведенная статистика не дает абсолютно точной картины реальных контактов Ленина с другими членами Политбюро. Регистрировалась на бумаге в том или ином виде лишь малая часть их. Значительно большее число контактов проходило без регистрации — в ходе личных бесед, телефонных разговоров, разговоров во время заседаний Политбюро, пленумов ЦК РКП (б) и т.д., однако если говорить о политически важных контактах, то многие из них были связаны с теми проблемами, которые нашли свое отражение в письменных контактах. Кроме того, есть основания полагать, что такие оперативные и поэтому не фиксировавшиеся контакты Сталина и Каменева с Лениным были

более или менее одинаковыми и значительно более частыми, чем у Троцкого. Из других источников известно, что многие вопросы в это время Ленин решал вместе с ними. У Зиновьева, значительную часть времени проводившего в Петрограде, контакты по необходимости были значительно более скромными, чем у Сталина и Каменева. И, возможно, даже менее частыми, чем у Троцкого. Если учесть это, то появляются основания считать, что приведенные выше цифры, несмотря на их неполноту, достаточно точно передают общий характер контактов Ленина с другими членами Политбюро.

О формировании в Политбюро новой расстановки политических сил, о понижении политического веса Троцкого, об усилении позиций Сталина в ЦК может свидетельствовать практика рассылки информационных сводок ОГПУ о положении в стране. Они рассылались через день по 31—33 адресам. В списке адресатов просматривается четкая система, позволяющая увидеть «кто есть кто» в тогдашнем политическом руководстве партии и страны и подтверждающая сделанные нами наблюдения. С мая (именно с этого времени хранятся сводки) по 26 сентября 1921 г. фамилии в списке идут таким чередом: 1) Ленин и Сталин, 2) Троцкий и Склянский, 3) Молотов и Михайлов (секретари ЦК РКП(б); к ним иногда добавлялся третий секретарь — Ем. Ярославский). Ни Каменев, ни Зиновьев среди первых лиц списка не числятся. Показательно и то, что Ленину и Сталину направлялся один и тот же экземпляр. Ясно, что не по причине экономии бумаги. По одному экземпляру направлялись сводки Троцкому и Склянскому, а также Молотову и Михайлову. Положение Троцкого в этом смысле оттенено его блокированием со Склянским, указывающим на то, что сводка направлялась Троцкому не как члену партийного руководства и лидеру № 2 в партии, а как Председателю Реввоенсовета республики. Это положение Троцкого не менялось и позднее (списки имеются до середины июля 1922 г.)[370].

Расширение фронта борьбы между Лениным и Троцким по принципиальным вопросам развития социалистической революции и проведения НЭПа отразилось на их деловых и личных отношениях. Вне рамок заседаний Политбюро и других коллегиальных органов, в которых они контактировали по необходимости, эти отношения были незначительны, активизировались лишь временами и, как правило, ограничивались вопросами, по которым они вели дискуссию, т.е. были по своему характеру в основном негативными. Контакты, не отмеченные разногласиями, все более ограничиваются политической текучкой. Ленин лишь изредка делал позитивные «кивки» в адрес Троцкого[371]. Их переписка говорит о том, что сужался круг обсуждаемых ими вопросов внутренней и внешней политики. Ленин старается избегать личных контактов с Троцким даже по телефону, предпочитая вести их через посредников[372]. Конечно, из этого нельзя сделать вывод, что Троцкий как политик Лениным игнорировался. Но все, что можно было решить без прямого контакта с Троцким, решалось Лениным именно так. Ем. Ярославский, бывший в 1921 г. секретарем ЦК РКП(б), вспоминал, что «Ленин неоднократно выражал крайнее недовольство Троцким, говорил, что он "смертельно устал" от истерики Троцкого»[373].

Контакты Ленина и Троцкого на заседаниях Политбюро в этот период, особенно с середины 1921 г., нередко принимали конфликтный характер. Молотов вспоминал, что в первое время после X съезда партии на заседаниях Политбюро «мы сидели почти рядом с Троцким в Политбюро. Верней так: я возле Ленина, а Троцкий — напротив, наискосок. Троцкий был первым и постоянным противником Ленина, а в этот период он приспособился и шел в общей упряжке, поэтому Ленин его ценил все-таки», правда, уже летом 1921 г. ситуация изменилась и «с Троцким невозможно уже стало работать»[374]. М.И. Ульянова вспоминала: «На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича "хулиганом". В.И. побледнел, как мел, но сдержался. "Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают", что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним»[375].

Яркая картина отношений Ленина и Троцкого, исключавших совместную не только товарищескую, но и просто затруднявших более или менее продуктивную работу

Политбюро, дает письмо 9 членов и кандидатов Политбюро от 31 декабря 1923 г. Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рудзутак, Рыков, Сталин и Томский писали: «До заболевания тов. Ленина, в те времена, когда т. Ленин непосредственно руководил работой Политбюро», оно «не могло работать спокойно именно потому, что т. Троцкий вносил и тогда же те элементы фракционности и обособленности, *какие еще в большей мере стал вносить с тех пор, как тов. Ленин заболел* (курсив наш. — В.С.).

Тов. Троцкий и тогда, и теперь жалуется на то, что в работе Политбюро отсутствует плановый элемент. Но если кто несет вину за то, что работы Политбюро протекали и отчасти протекают еще и теперь в чрезвычайно напряженной и нервной обстановке, то это т. Троцкий. В течение месяцев и месяцев т. Троцкий является на заседания Политбюро (и это в те времена, когда председательствовал в Политбюро тов. Ленин) с толстым английским словарем и в течение почти всего заседания демонстративно изучал английский язык, время от времени отвлекаясь от этого занятия лишь для того, чтобы подать желчную реплику о плохой системе работы в Политбюро. Дело не раз доходило до острых столкновений и тяжелых конфликтов между т. Троцким, с одной стороны, и председательствовавшим в Политбюро т. Лениным и другими членами Политбюро — с другой. В виду крайней нервности обстановки, т. Ленин все чаще обращался к нижеподписавшимся с предложением разрешить тот или другой вопрос голосованием по телефону, дабы только избегнуть лишних сцен, конфликтов и т.п.»[376].

На Пленуме ЦК ВКП(б) 1 января 1926 г. во время полемики Троцкого со Сталиным по вопросам организации работы Политбюро и участия в ней Троцкого Петровский заявил: «А между прочим, я должен сказать, что в свое время Владимир Ильич жаловался на заседаниях Политбюро, что мало кто работает. Вот т. Троцкий, — говорил Ильич, — сидит и английские книжки читает — мало работает». Петровского поддержал Ярославский, бывший в 1921 г. секретарем ЦК РКП(б). Никто из присутствующих членов Политбюро не опротестовал этого заявления. Троцкий отвечал, не опровергая сказанного по существу[377].

Неудивительно, что Ленин начал принимать меры, которые могли как-то снять или смягчить возникшую проблему. Молотов рассказывал о приемах, к которым Ленин прибегал во время заседаний Политбюро для ведения политической борьбы против Троцкого. В частности, он говорил, что в 1921 г. «участвовал в сговоре Ленина против Троцкого»: «Ленин предложил собираться на заседания Политбюро без Троцкого. Мы сговорились против него»[378]. Интересные документы, подтверждающие свидетельства Молотова, привел Д.А. Волкогонов[379]. Так, например, когда Каменев внес предложение о финансировании армии, Ленин написал на письме: «Вполне присоединяюсь»; Сталин, Зиновьев и Молотов также написали о своем согласии, а Троцкий воздержался. Тогда Ленин написал: «Предлагаю сойтись сегодня же у меня... вместе со Сталиным (Зиновьевым и Молотовым) и условиться о созыве Политбюро, думаю сегодня же»[380].

Назревавший между Лениным и Троцким политический конфликт уже летом 1921 г. обострился настолько, что Ленин предпринял попытку отправить Троцкого на работу куда-нибудь из Москвы. Обсуждались разные варианты, остановились на Украине, где работа по заготовке хлеба шла с трудом и нуждалась в организационном усилении. Формальный повод был найден. Подлинная причина была иная: Ленин хотел убрать Троцкого из Москвы, чтобы развязать себе руки для проведения избранного курса, отделаться от назойливого критика и избавиться от дезорганизатора работы Политбюро. Кроме того, отсутствие Троцкого в Москве в течение длительного времени позволило бы со временем поставить вопрос о необходимости его замены как руководителя военного ведомства, так как трудно совместить напряженную работу по заготовке хлеба Наркомпрода Украины и руководство армией вне Москвы. О наличии такого намерения у Ленина рассказывал Молотов: «Ленин понимал, что с точки зрения осложнения дел в партии и государстве очень разлагающе действовал Троцкий. Опасная фигура. Чувствовалось, что Ленин рад был бы от него избавиться, да не может. А у Троцкого хватало сильных, прямых сторонников, были также и ни то, ни се, но признающие его большой авторитет... Ленин не хуже Сталина понимал, что такое Троцкий, и

считал, что придет время снять Троцкого, избавиться от него Ленин решил: "Давайте поедem к Зиновьеву сговориться, как быть?" Мы трое — Ленин, Каменев и я... поехали к Зиновьеву договариваться, как быть с Троцким. Его надо было снять с поста наркомвоенмора»[381].

Стараясь смягчить негативное впечатление от этой истории, Троцкий в письме в ЦК РКП(б) от 23 октября 1923 г. пытался создать впечатление, что речь шла о рядовой командировке, каких у него и других членов Политбюро было много и которые «не имели никакого отношения ко внутренним разногласиям в Политбюро, а вызывались неотложными деловыми потребностями». Эту историю Троцкий охарактеризовал как «десятистепенный эпизод»[382]. Многие его объяснение воспринимали охотно. Волкогонов поддержал эту версию тем, что, рассказывая об этой истории, проигнорировал архивные материалы, к которым он имел доступ и не мог их не знать. Величая Троцкого «палочкой-выручалочкой» Ленина, все время сидевшего в Кремле, он уверял читателя, что на этот раз Троцкий отказался от поездки из-за своей перегруженности делами и сумел убедить Ленина «в правильности своей позиции»[383]. Эту версию поддерживают и публикаторы письма Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП(б) от 23 октября 1923 г., которые предприняли попытку сгладить конфликт Ленина и Троцкого и представить эту историю если и не с пользой для политического авторитета Троцкого, то во всяком случае без ущерба для него. Это достигается ссылкой на согласие Политбюро «не приводить в исполнение этого решения до созыва Пленума ЦК РКП(б)»[384]. В Биохронике Ленина факт конфликта не скрывается, но его история представлена в искаженном виде, сокрытие остроты конфликта лакирует истинные отношения Ленина и Троцкого и поддерживает, таким образом, легенду о стремлении Ленина спланировать вокруг себя всех своих политических оппонентов и противников[385].

Что же произошло на самом деле? Члены Политбюро ЦК РКП(б) в письме от 19 октября 1923 г. рассказывали: «Никто другой, как тов. Ленин, к концу 1921 г. (дата указана ошибочно. — В.С.) провел в Политбюро решение о назначении тов. Троцкого на Украину уполномоченным Наркомпрода»; это решение, позднее отмененное, «вызвано было именно тем нестерпимым положением, которое создалось постоянными декларациями тов. Троцкого против большинства ЦК»[386].

В решении этой проблемы Ленин никаких особых надежд лично с Троцким не связывал. Непосредственно вопросами борьбы с голодом занимался так называемый «Помгол», в состав которого входил и Троцкий. Вся работа шла под контролем Политбюро, в котором эти вопросы шли в основном через Ленина и Каменева. На Украине ожидался хороший урожай, на него возлагались большие надежды в борьбе с голодом. Обсуждались вопросы о том, как организовать сбор урожая и продналога, размер возможного изъятия хлеба[387]. 16 июля 1921 г. Ленин внес в Политбюро предложение «о назначении тов. Троцкого НКПродом Украины». Троцкий протестовал. Чем он аргументировал свой отказ, нам неизвестно; протест, видимо, был достаточно энергичным, но неубедительным для Политбюро, ибо принятое решение гласило: «а) Назначить т. Троцкого НКПродом Украины.

б) В виду протеста т. Троцкого не приводить в исполнение этого решения до созыва Пленума.

Поручить Оргбюро созвать Пленум в возможно более короткий срок»[388].

Троцкий и следующая за ним историография не случайно пытаются смягчить остроту возникшей проблемы. Налицо «ЧП»: член Политбюро отказывается выполнить постановление Политбюро, и для решения возникшей проблемы решено ускорить созыв Пленума ЦК партии. Это не рядовой случай. Чем бы он ни аргументировал свой поступок (он не был болен), этот отказ Троцкого подчиниться означал грубое нарушение партийной дисциплины. Из постановления ясно, что Троцкий не убедил Политбюро в своей правоте. Были даже приняты меры, чтобы скорее вынести вопрос на обсуждение Пленума ЦК партии и решить его там положительным образом. Это решение говорит, следовательно, что Ленин тоже не отказался от своего намерения «направить» Троцкого на Украину.

Но и Троцкий не так прост. Уж если ему не хочется добывать хлеб на Украине для

голодающей России (иные у него планы!), то он найдет нужные аргументы. Что именно произошло, не совсем ясно. Позднее Троцкий так описал произошедшее: «Я снесся по телефону с тов. Раковским, который заявил, что все необходимые меры для обеспечения хлебом рабочих центров приняты и без того[389]. Владимир Ильич сперва настаивал на моей поездке, но потом отказался от этой мысли[390]. Вот такая благостная картина. Впрочем, позднее он предлагал и другую версию событий: «Тов. Ленин опасался осенью (ошибка в определении времени. — В. С), что украинцы не проявят достаточной энергии в деле сбора продналога (а в этот период этот вопрос имел очень большое значение) и предлагал отправить меня (не от наркомпрода, а от ЦК (это — прямая ложь. — В.С.)) для соответственного "нажима"... так как я из предшествовавшего посещения Украины вынес впечатление, что украинские товарищи сделают сами, что нужно, то свою поездку считал не нужной. Разногласие имело чисто практический характер. Предложение т. Ленина было принято. Тогда я предложил во избежание путаницы взаимоотношений назначить меня временно (дело шло о 4—6 неделях) наркомпродом Украины. Это и было принято (без освобождения, разумеется, от других обязанностей)[391]. На другой день сам Ленин, получивший более успокоительные сведения из Харькова, приехал ко мне в военный комиссариат и предложил отменить вчерашнее решение, что я встретил, разумеется, с сочувствием, так как считал принятое решение нецелесообразным»[392]. Троцкий запутался в своих версиях. У него то сам Ленин предлагает назначить его наркомпродом, то эту мысль ему подсказал Троцкий. То Ленин вносит это предложение, то сам же признает его нецелесообразным. То Троцкий согласен ехать в качестве наркомпрода, то выражает решительный протест. То он связывается с Раковским после принятия решения Политбюро и получает от него заверения, что и без него справятся, то, оказывается, он в своих возражениях опирался на собственные впечатления от предыдущей поездки на Украину. Пойми, кто может... То же можно сказать и об утверждении Троцкого, что Ленин навещал его в военном ведомстве, не находит подтверждения данный факт в других документах, молчит о нем и Биохроника Ленина. В ней фиксируется беседа Ленина с Троцким 27 июля 1921 г. о направлении его на Украину и о предстоящем Пленуме ЦК РКП (б), но ничего не говорится о том, что для этого Ленин ездил к Троцкому[393].

Постоянный элемент в рассказах Троцкого только тот, что Ленин признает свою неосведомленность, неправильность своих оценок, нерациональность своих предложений и превосходство Троцкого над собой. Причем считает необходимым зафиксировать это не просто устно перед Троцким, но и письменно перед Политбюро, а свое почтение к Троцкому засвидетельствовать личным посещением его в военном ведомстве.

Впечатляющая картина! Но верить Троцкому нельзя! Документы, которые в эти дни поступали к Ленину с Украины, говорили о том, что проблема сбора продналога оставалась очень сложной и острой, требующей полного напряжения сил. Имеющиеся документы говорят о том, что Ленин сам общался с руководителями Украины, был в курсе всех дел и не нуждался в посредничестве Троцкого[394]. Обращение 2 августа Ленина к международному пролетариату с просьбой оказать помощь Советской России[395], говорит о том, что он оценивал сложность ситуации совсем не так, как Троцкий.

Троцкий нашел какие-то иные аргументы, чтобы добиться отказа Ленина от своего первоначального замысла. Возможно, что убедить Ленина пойти на уступку Троцкому могла угроза представить отправление его на Украину как проявление политической борьбы, проявление фракционности и пр. и на этой основе начать новый тур внутрипартийной борьбы. Ленин считал, что время открытой схватки еще не пришло, условия для нее еще не созрели. Для такого предположения есть основания. Известно, что дело решалось в ходе беседы Ленина и Троцкого с глазу на глаз в период между 16 и 23 июля. Об этом Ленин писал 23 июля 1921 г. в записке Молотову: «Я Вам уже говорил о своей беседе с ним». И все. О ее содержании Ленин умалчивает. Молотов о ней тоже не вспоминал. О намерениях Ленина говорит другая его записка Молотову, в которой он сообщал о той же беседе: «Я думаю, что на этой попытке "Мира и уступок" (хотя бы на время — мир все же лучше ссоры,

огласки на Пленуме и т.п.) — мы бы все могли сойтись». «Попытаем», — заключал Ленин. Он также информировал Молотова, что Каменев и Зиновьев согласны, Троцкий «тоже как я понял, согласен»[396].

28 июля 1921 г. Ленин написал проект постановления Политбюро, который направил Троцкому и другим членам Политбюро. Ленин предложил интересный и небывалый прежде в истории партии документ: **«Проект единогласного постановления Политбюро»** (выделено нами. — В.С). Он гласил: «1. Отменяется решение Политбюро о назначении т. Троцкого на парторботу в Украине.

2. Постановляется, что т. Троцкий, в связи с обострением международного положения (признаки агрессивной политики Франции; нечто вроде "опыта" интервенции в Мурманске и т.д.) уделяет больше сил военной работе (усилению боевой подготовки армии)[397].

3. Постановляется, что т. Троцкий вправе взять (в расстоянии не слишком далеко от Москвы, чтобы не отрываться от работы в центре) один или несколько находящихся в ведении военного ведомства совхозов; к этим совхозам в виде опыта применяется закон о расширении финансовой и материальной самостоятельности крупных предприятий; эти совхозы берут в аренду окрестные промышленные предприятия в целях соединения земледелия с промышленностью и создания хозяйственного целого с особой задачей проверки снизу правильности и целесообразности наших декретов, анализа условий найма и применения невоенной рабочей силы и т.д. Опыт этот должен быть произведен в условиях, исключая в целях чистого проведения этого опыта, какое бы то ни было привилегированное положение для этих предприятий и совхозов. Не исключая взятие в аренду в тех же целях совхозов других ведомств, если имеется на то добровольное согласие соответствующих учреждений.

Особым постановлением:

Признается необходимость поставить на очередь вопрос о более усиленном переводе армии на хозяйственную работу и поручается РВСРесп[ублики] в ряде заседаний специально обсудить и поставить это»[398].

Вдумаемся в название, оно заслуживает особого внимания: проект единогласного постановления. О чем может говорить это более чем странное название, придуманное Лениным? О том, что «единогласное решение» Политбюро 9 августа 1921 г., на которое ссылается Троцкий, было не результатом обсуждения и признания членами Политбюро ошибочным собственным решением о направлении Троцкого наркомпродом на Украину (16 июля 1921 г.), а результатом какой-то договоренности, достигнутой Лениным и Троцким, компромисса между ними. Требование единогласия было адресовано Лениным как своим сторонникам, так и Троцкому. Первых надо было подтолкнуть к изменению своего решения, а Троцкого — к компромиссу.

Для понимания истинных причин, побуждающих Ленина и его сторонников отправить Троцкого на работу на Украину (вернее — удалить его из Москвы), неоценимое значение имеют два письма Молотова Ленину, из которых становится ясно, что действительная причина вопроса о работе Троцкого заключалась в стремлении удалить его из Москвы. Куда угодно! Под любым приемлемым предлогом! А вся эта история предстает в истинном свете как проявление одной из острейших фаз политической борьбы Ленина против Троцкого.

30 июля 1921 г. Молотов сообщил Ленину ответ Троцкого на ленинский проект «единогласного постановления», который обсуждался в Политбюро. Из письма Молотова становится ясно, что Троцкий имел возражения. Он считал, что «пункт третий сформулирован... неправильно. Что значит: "Троцкий вправе взять один или несколько находящихся в ведении военного ведомства совхозов". Поскольку совхозы находятся в военном ведомстве, нет необходимости в каком бы то ни было постановлении Политбюро ЦК. Речь идет о совхозах и предприятиях, не находящихся в руках военного ведомства. Я полагаю, что пункт третий должен бы был сформулирован так: Политбюро предлагает ВСНХ, Наркомзему, Наркомпроду (или их Московским органам) договориться с военным ведомством в лице т. Троцкого о передаче на тех или других договорных основаниях в

эксплуатацию военного ведомства нескольких совхозов и пром[ышленны]х предприятий в пределах московской губернии, которые в своей совокупности могли бы создать комбинированное предприятие, на основе которого возможно было бы изучение и применение новых декретов, правильности и целесообразности различных хозяйственных методов и пр. и пр. При установлении договорных отношений руководствоваться существующим на этот счет и имеющим последовать декретам о сдаче в аренду и пр. и в то же время оказывать всемерное содействие указанному хозяйственному опыту»[399].

В тот же день Молотов пишет Ленину еще одно письмо: «Сообщу свое мнение:

Я считаю, что В[аше] предложение ("проект единогласного] постановления]") не дал выхода сколько-нибудь желательного из создавшегося положения, а главное, может создать ореол "гонимого" т. Троцкому. "Опыты", подобные предлагаемому Вами и т. Троцким помимо сомнительной их ценности, по существу дела вряд ли будут *понятны для* большинства членов партии[400].

Мне кажется, было бы лучшим выходом одно из следующих решений:

Первое (*лучшее*). Троцкий — председатель Петроградского Совета с директивой ему обратить внимание на хозяйственную] работу. Или Тр[оцкий] формально *заместитель*] председателя *Петр[оградского]* Совета (временно, на 1/2 года в виду необходимости т. Зиновьева после конгресса заняться Коминтерном, а потому временно остаться в Москве). Или другая комбинация в этом роде (напр[имер], Тр[оцкий] председатель экономического] совещания] Сев[ерной] обл[асти], оставаясь *в РВСР*).

Второе. Троцкий занимается и армией и наркомтруда в виду связи армий с хозяйственной] работой и специальных заданий в области сохранения пролетариата, предохранения основного кадра от распыления и т.д. Здесь 2 неудобства (главных): 1) связанное с его участием в СТО при теперешнем его настроении, 2) возможность острых конфликтов в ВЦСПС.

Третье. Тр[оцкий] председатель эконом[ическонго] совещания] на Урале или Украине. Но это опять возможно, что будет принято, как высылка и т.п.

Все подобные комбинации были бы, мне кажется, более прочными, чем другие»[401].

Во время подготовки Пленума ЦК Ленин собственноручно дополнил повестку дня пунктом о Троцком: «15. Реш[ение] Пб о тов. Троцк[ом]»[402]. Значит, он хотел довести решение о Троцком до конца. 9 августа 1921 Пленум ЦК РКП(б) отменил решение Политбюро о посылке Троцкого наркомпродом на Украину, принял подготовленный Лениным (28 июля 1921 г.) проект «единогласного постановления».

Попытка убрать Троцкого не удалась. Приходилось не только продолжать работать с ним в Москве, но и предпринимать меры противодействия его попыткам пройти к рычагам управления экономикой, что в сочетании с его положением в армии превратило бы его в экономического и, следовательно, политического диктатора.

Разрешая Троцкому начать «хозяйственный эксперимент», Ленин, судя по всему, преследовал политические цели. Молотов вспоминал о реакции Ленина на решение Пленума: «Ленин пожимал руки! Говорил: "Попробуй в сельском хозяйстве что-нибудь за один год сделать! Ничего нельзя!"»[403]. Кое-кто из нынешних критиков Ленина может сказать: вот, подбросил человеку безнадежное дело и радуется неизбежной неудаче. Это не по-товарищески. Ответим: не спешите! У Ленина были основания так ставить вопрос. Троцкий считал, что Ленин медлит, плохо организует дело, поэтому революция теряет темпы и т.д. Ленин же считал, что в вопросах экономики невозможно идти так быстро и получать такие скорые результаты, о которых говорил Троцкий.

Об этом рассказывали члены Политбюро: «Уже в самом начале "хозяйственных" выступлений тов. Троцкого против большинства ЦК, два-три года тому назад, не кто иной, как тов. Ленин, десятки раз разъяснял тов. Троцкому, что хозяйственные вопросы принадлежат к числу тех, где быстрые успехи невозможны, где требуются годы и годы терпеливой и настойчивой работы, дабы достигнуть серьезных результатов. Не раз и не два тов. Ленин разъяснял, что в области поднятия нашего хозяйства ничего серьезного

достигнуть нельзя нахрапом, наскоком, крепкими словцами, а тем более, паническими преувеличениями"»[404]. С учетом этих дискуссий смысл слов Ленина, передаваемых Молотовым, будет таков: попробуй сам на деле показать, как надо делать. Опыт тебе пойдет на пользу, может быть.

Во второй половине 1921 — 1922 гг. процесс выключения Троцкого из партийно-государственной работы проходил без лишнего шума, но неуклонно. Шаг за шагом продвигался Ленин в этом направлении. Это отметил еще Д.А. Волкогонов, который привел обширный материал, характеризующий этот процесс. Отклонялись его попытки навязать свою схему реорганизации управления, блокировалось стремление Троцкого получить ключевые рычаги власти в экономике (стать «экономическим диктатором»). Вне рамок Политбюро и военного ведомства (где его самостоятельность стала сильно ограничиваться) «лидеру № 2» не отводилось никакой серьезной роли, он загружался важной, но политически второстепенной работой: возглавлял работу по изъятию церковных ценностей, участвовал в работе по реализации ценностей Гохрана, вел работу по линии Помгола и АРА, принимал участие в обсуждении отдельных вопросов развития промышленности[405]. Со временем в его переписке с Лениным увеличивается поток *относительно* второстепенных и даже мелких вопросов, относящихся в Коминтерну, вопросам внешней и внутренней политики, отдельным вопросам кадровых назначений, которые он либо поднимает перед Лениным, либо участвует в их решении[406]. Сферой, где он продолжал поддерживать более или менее регулярный контакт с Лениным, были идеология и пропаганда, Коминтерн, внешняя политика, в частности вопросы организации и проведения Генуэзской конференции[407].

Стремление Ленина отеснить Троцкого от управления экономикой, загрузить его политической текучкой проявляется особенно отчетливо, если учесть, что в это же самое время идет процесс расширения власти у Сталина и Каменева.

§ 2. ЛЕНИНСКОЕ ЯДРО ПОЛИТБЮРО

В течение 1921 г. параллельно с обострением политического противостояния Ленина и Троцкого шел процесс укрепления позиций «ленинского ядра» в Политбюро и ЦК РКП (б). Оно начало формироваться накануне X съезда партии в ходе «дискуссии о профсоюзах». В состав ленинского ядра или, как иногда его называли, «ленинской группы»* входили, кроме Ленина, Сталин, Каменев, Зиновьев, а также Молотов, бывший тогда секретарем ЦК и первым кандидатом в члены Политбюро. В литературе утвердилось не совсем точное, на наш взгляд, мнение о характере политических отношений внутри ленинской группы. Обычно считается, что Сталин, Каменев, Зиновьев были полностью зависимы от Ленина, а если и проявляли самостоятельность, то не иначе как в виде политической интриги. Это, конечно, не так. Сталин, Каменев и Зиновьев были сложившимися и авторитетными партийными деятелями. Считается также, что наиболее близкими людьми к Ленину были Зиновьев и Каменев[408]. Приведенная в предыдущем параграфе статистика контактов Ленина говорит о другом: наиболее тесные политические контакты у Ленина были со Сталиным, а любимец традиционной историографии — Зиновьев, оказывается, был менее других связан с Лениным постоянной политической работой. О том же говорит и список рассылки информационных сводок ОГПУ, о котором также речь шла выше. Лишь в течение короткого времени (с 26 июля по 26 сентября) Зиновьев в этом списке числится третьим, а затем исчезает из него[409]. С 27 сентября 1921 г. начало списка приобретает такой вид: 1) Ленин, 2) Сталин, 3) Троцкий и Склянский, 4) Молотов и Михайлов[410]. Каменев появляется в нем лишь 9 марта 1922 г. под номером пять[411], вскоре переместившись на четвертое место, сразу вслед за Троцким[412]. Конечно, не стоит абсолютизировать эту иерархию, но и недооценивать ее как носителя важной политической информации тоже не следует.

ЛЕНИН И ЗИНОВЬЕВ

Сказанное свидетельствует о том, что Зиновьев в составе ядра ленинской группы имел самые слабые позиции. Волкогонов фиксирует охлаждение отношений Ленина к Зиновьеву после октября 1917 г., но причин этого он не знает[413]. Действительно, причины в исторической литературе не прояснены. Даже М.И. Ульянова высказывалась на этот счет очень неопределенно: «Думаю, что по ряду личных причин... к Зиновьеву] отношение Владимира] [Ильича] было не из хороших. Но и тут он опять-таки сдерживал себя ради интересов дела»[414]. По свидетельству Молотова, «Ленин ценил его как журналиста... потому, что не было часто у него под рукой подходящего человека, который бы быстро написал, уловив его мысли... Ленин Зиновьеву не доверял... По переписке Ленина с Зиновьевым видно, что Ленин то и дело был недоволен Зиновьевым, потому, что тот качался, хотя и изображал из себя ленинца»[415]. Судя по всему, это верно. Причины прохладных отношений Ленина к Зиновьеву своими корнями уходят, видимо, еще в период эмиграции, в разочарование, связанное с позицией, занятой им в октябре 1917 г., а также в ходе гражданской войны (в ходе которой Зиновьев снова показал себя как человек, подверженный паническим настроениям). Недаром Зиновьев стал членом Политбюро только в 1921 г., на X съезде РКП (б), после того как активно поддержал Ленина против Троцкого в ходе дискуссии о профсоюзах. Возможно, что сказывалась оторванность Зиновьева от Москвы, а также большая загруженность делами Коминтерна, которые в 1921—1922 гг. по мере повышения значения вопросов внутренней политики и экономических вопросов постепенно теряли свое значение. А вместе с тем теряли прежнее значение контакты Ленина и Зиновьева по этим вопросам. Возможно, сказывались вождистские замашки честолюбивого Зиновьева, связанные с его должностью в Коминтерне.

Осенью 1921 г. большие тревоги и неприятности Ленину доставил конфликт, разразившийся в Петроградской партийной организации, которому способствовали политические претензии Зиновьева. Зиновьев обвинял секретариат Петрогубкома РКП (б) в несостоятельности, а секретаря Петроградского губкома РКП (б) Н.А. Угланова в нарушении сроков созыва губернской партийной конференции. Угланов и его сторонники обвиняли Зиновьева в неправильных методах работы, в нарушении принципа коллективного руководства[416]. Партийный актив поддержал Угланова[417]. 20 сентября 1921 г. Зиновьев сообщил в ЦК партии о том, что в Петрограде разразился «тяжелый партийный конфликт», попросил вызова в Москву для его улаживания[418]. Политбюро вызвало руководителей петроградской организации «для товарищеских переговоров» и создало комиссию для решения конфликта в составе Ленина, Сталина и Молотова. Как вспоминает Угланов, неофициальное обсуждение этой проблемы по настоянию Ленина было проведено без Зиновьева и втайне от него на квартире у Сталина[419]. 22 сентября Ленин написал «Постановление комиссии политбюро по вопросу о Петр[оградской] организации», Сталин и Молотов подписали его. Комиссия фактически поддержала «молодых» против Зиновьева[420]. 23 сентября Политбюро заслушало подготовленное комиссией постановление по вопросу о петроградской партийной организации и с одним дополнением утвердило его[421].

Этот конфликт имел еще одну грань, на которую указывает письмо Зиновьева, направленное 29 сентября 1921 г. из Петрограда Ленину. Пытаясь вывести конфликт, в основе которого лежали разногласия в вопросах организационно-партийной работы, на уровень принципиальных политических разногласий, Зиновьев сообщал о плохих настроениях в Петрограде, усматривая причину их в деятельности своих оппонентов. Зиновьев считал, что настроения в Питере, являющиеся «барометром», «предвещают что-то новое и крайне опасное *внутри* партии». Если он часто будет уезжать из Питера в Москву, то влияние этой группы в городе усилится. Читатель должен был сделать вывод, что возрастет и опасность для партии и революции. А дальше следовал еще один, может быть, главный поворот темы. «Пугнув» Ленина перспективой угрозы для революции, Зиновьев предлагает на выбор: «Либо перенести Коминтерн в Питер, либо мне оставить Петроград и переехать в Москву». Далее он привел слабые аргументы против перевода Исполкома

Коминтерна в Петроград и сформулировал главный тезис письма: «Я не представляю себе, кто бы мог в Питере заменить меня сейчас в такую трудную полосу.

С замещительством выходит плохо. Не любят этого рабочие. Не знаю, как быть. Надо будет поставить вопрос на Пленуме и решить принципиально»[422].

Желание Зиновьева прочитывается достаточно легко — перевести аппарат Коминтерна из Москвы в Петроград и получить большую свободу рук в коминтерновских вопросах, укрепить свои позиции и в Коминтерне, и в Петрограде, и, следовательно, в Политбюро. 29 сентября Ленин от имени комиссии Политбюро написал письмо Зиновьеву (оно подписано также Сталиным и Молотовым), которое свидетельствует, что сокровенный замысел Зиновьева был ему ясен и тот не может рассчитывать на поддержку Политбюро: «Мы втроем (Молотов, Сталин и я) обсудили, как комиссия, выбранная ЦК, Ваше письмо.

По-прежнему не можем согласиться с Вами... В Питере нет никаких принципиальных разногласий, нет даже уклона к уклону. Нет этого ни у Комарова, ни у Угланова, кои на X-ом съезде РКП были надежнейшими, тоже на съезде металлистов. Не могли эти товарищи так внезапно впасть в уклон. Ни тени фактов мы не видели, доказывающих это. Есть законное желание большинства быть большинством и заменить ту группу, через которую Вы "управляли", другою. Люди выросли и уже поэтому желание их законно. Не надо их толкать в уклон, говоря о "принципиальных разногласиях". Надо осторожно осуществлять идейное руководство, вполне давая новому большинству быть большинством и управлять»[423].

Предложение Зиновьева о переносе ИККИ в Петроград было отклонено, но конфликт продолжался и был улажен не скоро[424]. Эта история говорит о том, что Ленин «не ставил» на Зиновьева и, следовательно, ценил его не так высоко, как других своих соратников.

О том, насколько Ленин был недоволен Зиновьевым в это время, говорит тот факт, что 16 ноября Ленин, готовя к изданию сборник своих статей, решил вспомнить старую историю о том, как Зиновьев и «питерцы» его «провели» с изданием его брошюры: «питерцы чрезвычайно любят показывать свою самостоятельность и независимость во что бы то ни стало, — вплоть до неисполнения обязательной для всех прочих людей, товарищей и граждан, во всех странах и во всех республиках, даже советских (за исключением независимого Питера), просьбы автора... к "независимости" прибавилась еще хитрость, и я был окончательно оставлен в дураках»[425]. Ленин готовил публичный упрек, но по какой-то причине решил не печатать это предисловие и, видимо, вскоре пожалел об этом. Во всяком случае, 22 ноября 1921 г. Сталин направил записку: «Г. Ленин Документ этот лишний раз показывает, что не надо было отказываться от печатания известного предисловия к последней брошюре Ленина "О новой экономической политике". И. Сталин»[426].

Конечно, Зиновьев занимал видное положение в руководстве партии. Об этом говорит хотя бы тот факт, что на XI съезде он делает два доклада (об укреплении партии и о Коминтерне). Вместе с тем на съезде он подвергался достаточно жесткой критике как противниками, так и сторонниками Ленина[427]. Ленин ни слова не сказал в защиту Зиновьева.

На то, что в личных и политических отношениях между Лениным и Зиновьевым существовала определенная дистанция, указывает практика посещений Ленина. В фонде секретариата Ленина есть группа дел, в которых хранятся записки Ленину с просьбами принять их авторов. С такими просьбами обращалась масса людей, среди них Луначарский, Пятаков, Ногин, Межлаук, Менжинский, В. Оболенский, Преображенский, Серебровский, Семашко и др. Нет записок только от Сталина, Троцкого и Каменева. А вот записки от Зиновьева имеются[428]. Очевидно, что Зиновьев принадлежал к группе просящих встречи, а не приходящих к Ленину, когда потребуется. Например, запиской 9 октября 1922 г. Зиновьев просит сообщить, когда Ленин сможет принять его для обсуждения вопросов о концессии Уркварта, о комиссии Сталина, о Пленуме ЦК и др.[429] Об отсутствии между ними тесных отношений говорит также то, что летом 1922 г. во время болезни Ленина и его пребывания в Горках Зиновьев был у Ленина всего два раза (1 августа и 2 сентября)** , т.е. много меньше,

чем Сталин и даже Каменев[430].

ЛЕНИН И КАМЕНЕВ

Политические и властные позиции Каменева были значительно прочнее, чем у Зиновьева, что определялось, прежде всего, его политической близостью к Ленину как одного из основных разработчиков НЭПа и активного участника создания нового хозяйственного механизма. Об этом говорит сравнение статистики контактов с Лениным, характер их переписки, практика рассылки сводок ОГПУ. Будучи одним из разработчиков НЭПа, Каменев вместе с Лениным противостоял Троцкому. И.П. Донков констатирует: «Спектр проблем, по которым Владимир Ильич общался с Каменевым, был исключительно разнообразным. Только в 1922 г. Ленин обстоятельно беседует с ним о работе аппарата СНК и СТО, о работе ЦК РКП (б), обсуждает проблемы учреждения прокурорского надзора, состоянии финансов и виды на урожай, работу Финансового комитета, вопросы тарифной политики, положения в Наркомате путей сообщения, денежной реформы, развитие экономических связей с деловыми кругами Америки, предоставление концессий Л. Уркварту, смету Наркомвоена, создании Союза Социалистических Республик, укрепление монополии внешней торговли»[431]. Этот перечень можно расширить, но в общем в нем верно передан спектр и характер постоянных контактов Ленина с Каменевым. Из документов ясно, что они были не только доверительными и уважительными, но и теплыми, товарищескими. По свидетельству Молотова, Ленин Каменева «больше любил», чем Зиновьева, и высоко ценил его деловые качества[432]. Об этом он сказал в своем последнем выступлении на заседании Моссовета 20 ноября 1922 г.[433] Вместе с тем обращает на себя внимание то, что Ленин отметил не политические, а именно деловые качества Каменева. Очевидно, это не случайно, во всяком случае, в их повседневных контактах хозяйственные вопросы доминируют над партийными и общеполитическими. Доступные документы говорят, что текущая хозяйственная работа все более захлестывала Каменева, все меньше оставалось времени для участия в решении других вопросов, возможно, поэтому его участие в делах управления партией едва просматривается, а участие в решении вопросов, выходящих за рамки чисто экономических (кроме тех, что обсуждались коллегиально в Политбюро), можно, не боясь ошибиться, охарактеризовать как эпизодические.

Д.А. Волкогонов считал, что «Каменев мог влиять на Ленина исподволь, незаметно»[434]. Это верное наблюдение, с ним надо согласиться. Во всяком случае, ряд его писем по вопросу о принципах объединения советских республик позволяет допустить мысль о попытке разыграть карту противоречий между Лениным и Сталиным: Ленину он писал о своей принципиальной солидарности с ним, а Сталину так, будто бы у них со Сталиным не было разногласий.

ЛЕНИН И СТАЛИН

Доступные историкам документы позволяют говорить, что Сталин не случайно занял в ленинской группе особое место. Исключая Ленина, у Сталина по сравнению с другими членами Политбюро были гораздо более прочные, надежные, устойчивые связи с партийными организациями, что было хорошим подспорьем Ленину, усиливая его позиции перед лицом атак Троцкого. Они давали Ленину в распоряжение дополнительные знания местных условий, работников, их сильных и слабых качеств, отношений между ними. Конечно, эти знания Ленин мог получить не только от Сталина, но в лице Сталина он получал и знания, и одного из виднейших членов руководства партии, чьи политические позиции всегда были близки к ленинским по всем основным вопросам, союзника, способного с успехом вести борьбу против Троцкого. Такой комбинации политических качеств в ЦК РКП(б) никто, кроме Сталина, Ленину предоставить не мог, поэтому в этой ситуации для Ленина Сталин был незаменим в деле руководства партией и в борьбе с Троцким. Опыт политической борьбы в годы гражданской войны (особенно предыстория и ход обсуждения военного вопроса на VIII съезде партии) говорил, что Сталин способен не только «держаться

удар» Троцкого, но и «брат» его «мертвой хваткой».

В ходе дискуссии о профсоюзах Сталин еще раз показал способность вести против Троцкого успешную борьбу. В историографии участие Сталина в профсоюзной дискуссии обычно обходится молчанием, отмечается лишь, что он поддерживал Ленина и подписал «платформу 10-ти». Это так, но, кроме того, Сталин не только активно выступал в ходе дискуссии (статья «Наши разногласия», 5 января 1921 г.)[435], но был одним из организаторов борьбы с Троцким и другими антиленинскими группами в Москве. Троцкист Р. Б. Рафаил, зная об этом не понаслышке, на X съезде партии говорил, что в Питере кампания против Троцкого (дискуссия) велась под руководством Зиновьева, а в Москве — под руководством Сталина[436].

То, что политически разводило Ленина с Троцким, разводило и Троцкого со Сталиным. В частности, Сталин не только понял и принял НЭП (что иногда отрицается), но и был активным проводником его. Хороший союзник в борьбе с серьезным противником никогда не помешает, а в условиях наступления болезни, сокращавшей работоспособность Ленина, Сталин превращался для Ленина из важного союзника в главную опору. Неудивительно, что политические позиции Сталина в течение 1921 г., особенно с середины — второй половины 1921 г., быстро укреплялись.

По свидетельству Молотова, «у Ленина не было друзей в Политбюро... Со Сталиным у Ленина отношения были более тесные, но больше на деловой основе. Сталина он... не просто поднял — сделал своей опорой в ЦК. И доверял ему. В последний период Ленин был *очень близок* со Сталиным, и на квартире Ленин бывал, пожалуй, только у него»[437]. Наиболее показательна для характеристики личных отношений Ленина к Сталину в это время является та человеческая забота, которую Ленин проявлял о нем — его здоровье, отдыхе, организации работы, о быте и семье.

В историографии подобная забота расценивается как важный показатель теплого товарищеского отношения к тому или иному человеку. Это верно. Известны многочисленные проявления заботы Ленина в отношении Бухарина, Рыкова, Цюрупы, Дзержинского и др.[438] Об этих случаях отечественная историография, за редким исключением, говорила охотно. Только о Сталине историки дружно молчали. Между тем документы свидетельствуют, что, во-первых, в последние годы жизни Ленина, пожалуй, никто[439] не удостоился такого внимательного и заботливого отношения Ленина, как Сталин, и, во-вторых, проявление этой заботы нарастает начиная с 1921 г.

В конце 1920 г. Сталин заболел, Ленин пишет: «Тов. Обух! Очень прошу послать Сталину 4 бутылки лучшего портвейна. Сталина надо подкрепить перед операцией». А вслед за тем пишет Фотиевой, чтобы она проследила за выполнением его просьбы[440]. В апреле 1921 г. во время болезни Сталина Ленин выражал желание посетить его и получил приглашение[441]. В мае 1921 г. Сталин уехал в отпуск на Кавказ. Сохранился ряд телеграмм, которыми в мае—июле 1921 г. обменивались Ленин и Г.К. Орджоникидзе, бывший тогда председателем Кавказского бюро ЦК РКП (б), по поводу отдыха и лечения Сталина. Они свидетельствуют о пристальном внимании Ленина к вопросам организации отдыха и лечения Сталина[442]. Подобную заботу Ленин проявлял и позже, интересуясь его здоровьем, беседуя с лечащим врачом. 28 декабря 1921 г., будучи уже сам тяжело больным, Ленин писал Фотиевой: «Я должен видаться со Сталиным и перед этим по телефону соедините меня с *Обухом* (доктором) о Сталине»[443].

Интересно сравнить проявления заботы Ленина о Сталине и о Троцком. Документальных свидетельств заботы Ленина о Троцком мало, но самое главное — они сухи, формальны, похожи на необходимые отписки[444]. 14 мая 1921 г. Ленин получает от наркома здравоохранения Семашко записку об ухудшении состояния здоровья Троцкого (колит из-за переутомления и несоблюдения диеты) с просьбой принять нужные меры. Ленин в ответ на это письмо и на заявление Молотова о том, что проблемы в снабжении Троцкого продуктами возникли в виду того, что не было ответственного за его снабжение, написал Молотову: «Разве не было ответственных»? Непременно надо их всегда назначать,

чтобы точно знать, кому выговор, кого арестовать. Только так можно работать»[445]. Как видно, Ленина интересуют не столько проблемы Троцкого, сколько организация снабжения вообще.

Иное отношение к Зиновьеву. 15 мая 1921 г. у того из-за переутомления произошел очередной «сердечный припадок», продлившийся около суток. Информация об этом пришла к Ленину из кремлевской больницы. Ленин отозвался запиской Молотову, предложив Политбюро предоставить Зиновьеву отдых[446].

Забываясь об улучшении жилищных условий Сталина, Ленин как минимум дважды (в ноябре 1921 г. и в феврале 1922 г.) пишет письма в соответствующие органы с просьбой подыскать для семьи Сталина более подходящее (потеплее и потише имеющегося) жилище[447]. Заведующая Кремлевскими музеями Н. Седова-Троцкая (жена Троцкого) по поводу этой просьбы направила Ленину письмо: «Дорогой Владимир Ильич, я не гневаюсь, а Вы проявляете, простите меня, ничем не оправданную мягкость. Конечно, тов. Сталину надо предоставить спокойную квартиру и мы обязаны это сделать. Но т. Сталин живой человек, не музейная редкость и не хочет сам жить в музее, отказывается от помещения, которое ему навязывают, как в прошлом году отказался т. Зиновьев от этого же помещения.

Тов. Сталин хотел бы занять квартиру, в к[ото]рой сейчас помещаются Флаксерман и Мальков: Флаксермана (молодежь) можно было бы перевести в квартиру т. Сталина, а т. Малькова во 2-ой дом Советов, где освобождается 60 комнат...

Если Вы, Владимир Ильич, со всем этим не согласны и даже с протестом самого т. Сталина, то прошу Вас дать распоряжение о сдаче 4-х (четыре) комнат с оставлением за Главмузеем других четырех комнат, куда мы все перенесем...»[448]. Подчеркивание в тексте, принадлежащее Ленину, говорит о том, что он не согласился с ее аргументами и продолжал настаивать на своем. Поскольку выполнение его просьбы затягивалось, Ленин снова пишет, напоминает, сердится, требует срочно решить жилищный вопрос[449]. В конце концов, Сталин получил новую квартиру***.

И еще одно маленькое, но показательное проявление ленинской заботы о семье Сталина, а возможно, и о его политическом престиже, который мог пострадать из-за исключения его жены Н.С. Аллилуевой из партии во время чистки по причине недостаточно активного участия ее в партийной работе. При этом был проигнорирован тот факт, что в это время у нее родился первенец — Василий. Ленин посчитал это обстоятельство уважительной причиной и ходатайствовал о восстановлении ее в партии[450].

Если это и не единственный, то, во всяком случае, крайне редкий случай подобного ходатайства.

Конечно, в отношениях Ленина и Сталина не было какой-то идиллии. Сталин не утрачивал собственного политического лица, а его политический темперамент, почерк во многом отличался от ленинских. У Сталина была самостоятельная политическая позиция, собственный взгляд на все проблемы. Отсюда и разногласия с Лениным, которые возникали от случая к случаю, но не касались принципиальных вопросов. Сохранились документы, говорящие о том, что в ряде вопросов они занимали несколько различные позиции и не скрывая указывали друг другу на свое несогласие.

Так, осенью 1921 г. возникли разногласия по вопросам политики, которую вел в Туркестане Г.И. Сафаров. Ленин считал: «по-моему, Сафаров вполне прав», а Сталин возражал: «по-моему, Сафаров *не прав, а его политика вредна*»[451]. В ноябре 1921 г. возник один конфликт, чреватый осложнениями, но, судя по всему, благополучно улаженный. Он был связан с Крупской, которая политическую проблему чуть было не превратила в проблему личных отношений. Сталин, возглавляя с августа 1921 г. Агитпропотдел ЦК РКП (б), начал реорганизацию и сокращение его аппарата за счет совмещения обязанностей его работников[452]. Предполагалось, что Агитпроп поставит Главполитпросвет (структура наркомата просвещения, которую возглавляла Крупская как заместитель наркома) под свой контроль. Руководство наркомпроса соглашалось только на посылку в их ведомство члена ЦК и усмотрело в действиях Сталина угрозу для прежней

самостоятельности Главполитпросвета. Крупская резко выступила против, прибегнув при этом к доступному для неё средству — прямому воздействию на Ленина, представив ему предстоящую реорганизацию как создание нового наркомата. Ленин, судя по всему, поверил ей и хотел поставить этот вопрос на Оргбюро, не объяснившись предварительно со Сталиным. Сталин, узнав об этом, направил Ленину письмо (ноябрь 1921 г.), которое является весьма показательным и важным для выявления существовавших между ними политических и личных отношений. «Т. Ленин, — писал Сталин. — Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием. Тов. Крупская читала *проект* т. Соловьева, мною не просмотренный и Оргбюро не утвержденный, и решила, что создают новый комиссариат Тов. Крупская поторопилась Она *опять* (курсив наш. — В.С.) поторопилась». Сталин писал, что Агитпроп собираются сокращать, а не расширять, доказывал это на конкретном материале и пояснил функции реорганизованного Агитпропа. И главное: «Сегодняшнюю записку Вашу на мое имя (она пока исследователям не доступна. — В.С.) я понял так, что Вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне *навязали* (я сам не стремился к ней). Из этого следует, что я не должен возражать против ухода. Но если Вы поставите вопрос *именно теперь*, в связи с очерченными выше недоразумениями, то Вы поставите в неловкое положение и себя, и меня (Троцкий и др. подумают, что Вы делаете это "из-за Крупской", что я согласен быть "жертвой" и пр.), что нежелательно». Сталин предложил создать комиссию (Сталин, Крупская, Луначарский) и в ней в рабочем порядке снять возникшее недоразумение, а не выносить без этого вопрос в Оргбюро[453].

Для нашей темы важно отметить определенный характер взаимоотношений между Лениным и Сталиным, между ними и Троцким, между Сталиным и Крупской. Непростые отношения между Сталиным и Крупской имели, видимо, уже свою историю, в которой «торопливость» Крупской уже приводила к возникновению проблем между ними. Ленин прекрасно знал об этом, и поэтому Сталин не считает нужным раскрыть свое замечание («опять»). Судя по письму, Сталин знал, что к отношениям между ним и Крупской присматривался Троцкий, который был не прочь использовать их для обострения личных отношений между Лениным и Сталиным. Знал об этом и Ленин.

Так или иначе, но эта история не имела видимых для отношений Ленина и Сталина последствий. Сталин остался до XI съезда РКП(б) руководителем Агитпропа и провел начатую им реформу, а на самом съезде он стал генеральным секретарем ЦК партии при активном участии Ленина.

* Здесь и далее, употребляя выражения «ленинское ядро» или «ленинская группа», автор не имеет в виду фракционную группу, поскольку сторонники Ленина составляли абсолютное большинство, определяли политический курс и поэтому в соответствии с принципами демократического централизма имели полное право выступать от имени целого — Политбюро и ЦК. Фракция же, как известно, — противостоящая целому часть его.

** В это время он был в Москве и участвовал в работе XII конференции РКП(б).

*** Позднее Троцкий утверждал, что Сталин покушался на часть царского дворца в Кремле, желая устроиться в нем на жительство и только благодаря бдительности и принципиальности Н. Седовой-Троцкой эти намерения были сорваны (Троцкий Л.Д. Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Портреты революционеров. С. 54—55). В 1935 г. А. Барбюс описал квартиру Сталина: «Тут, в Кремле... стоит маленький трехэтажный домик. Домик этот... был раньше служебным помещением при дворце; в нем жил какой-нибудь царский слуга.

Поднимаемся по лестнице. На окнах белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка. Три комнаты и столовая. Обставлены просто, — как в приличной, но скромной гостинице. Столовая имеет овальную форму... В капиталистической стране ни такой квартирой, ни такой мебелью не удовлетворился бы средний служащий...» (Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1936. С. 5—6).

§ 3. СТАЛИН - ВОСХОЖДЕНИЕ К «НЕОБЪЯТНОЙ ВЛАСТИ»

Чтобы обеспечить проведение курса новой экономической политики, требовалось соответствующим образом реорганизовать механизм политической власти. «Гибкость нужна теперь максимальная и для этого гибкого маневрирования наибольшая твердость аппарата»[454]. Требовалось создать систему управления, которая за пологом текущих дел позволила бы не упустить перспективу развития[455]. На пути этой реформы стоял Троцкий. Он настаивал на своем варианте реорганизации системы управления, реализация которого фактически означала изъятие у Ленина и ЦК партии реальной экономической, а следовательно, политической власти. Было ясно, что разработка и проведение в жизнь новой экономической политики будет происходить в обстановке острой политической борьбы с Троцким, поэтому Ленин, проводя реорганизацию системы управления, одновременно стремился укрепить политические позиции своих сторонников во властных структурах партии и государства.

Новая система должна была также учесть реалии того времени. Во-первых, усиливающуюся болезнь Ленина, который фактически возглавлял всю систему власти, а во-вторых — политическую борьбу на попрание НЭПа с Троцким, который предлагал и свой вариант НЭПа, и соответствующий ему вариант организации управления.

Состояние здоровья Ленина начало заметно ухудшаться с конца 1920 г., все более сковывая его политическую активность. Уже во время дискуссии о профсоюзах он вынужден был значительную часть времени проводить за городом. Ограниченной оставалась работоспособность в феврале—марте 1921 г.[456] Плохо он себя чувствовал и в дни работы X съезда РКП(б). Новое и более сильное обострение болезни началось у Ленина в середине 1921 г. С этого времени ему стал устанавливаться особый режим работы, отдыха и лечения, который рассматривался не как проблема, касающаяся только лично Ленина, но как важный политический вопрос, затрагивающий интересы всей партии. В июне — середине августа Политбюро предоставило Ленину отпуск и ограничило его работу[457]. Эти меры, видимо, помогли мало. В августе 1921 г. ввиду обострения болезни Ленина врачи, не понимая еще ни ее причин, ни характера, вновь рекомендовали предоставить ему отпуск для отдыха[458]. 9 августа в присутствии Ленина Пленум ЦК РКП(б) постановил: «Обязать т. Ленина продолжать отпуск точно на то время и тех условиях, как будет указано врачами (проф. Гетье), с привлечением т. Ленина на заседания (советские и партийные), а равно и на ту работу, на которую будет предварительное формальное согласие Секретариата ЦК»[459]. Ленин сам хорошо понимал свое состояние, необходимость отдохнуть и переложить часть работы, которую он прежде делал сам, на помощников. Он писал А.М. Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу»[460]. Вернувшись к работе, Ленин вскоре снова почувствовал приступы болезни, проявлявшиеся в сильных головных болях, постоянной бессоннице, снижении работоспособности. Так прошли сентябрь и половина октября. В середине октября болезнь начала заявлять о себе новыми угрожающими проявлениями (потеря сознания)[461].

В начале декабря стала совершенно невозможной даже ограниченная работа. Отныне болезнь Ленина превращалась в важный политический фактор жизни партии и государства. 5 декабря Ленин по совету врачей обратился в Политбюро с просьбой об отпуске для лечения. 3 декабря Политбюро предоставило ему отпуск между 2 и 17 декабря сроком на 10 дней, одновременно возложив председательствование в СНК во время отсутствия Ленина на его заместителя по СТО А.Д. Цюрупу[462]. 6 декабря Ленин уехал в Горки, а 8 декабря 1921 г. Политбюро приняло постановление:

«Признать необходимым соблюдение абсолютного покоя для т. Ленина и запретить его секретариату посылку ему каких бы то ни было бумаг с тем, чтобы т. Ленин смог выступить с короткой (хотя бы получасовой) речью на съезде Советов»[463]. Ленин находился в Горках до 13 января 1922 г. (16 декабря он снова был вынужден просить о продлении отпуска на

срок до двух недель)[464]. Но и дополнительный отдых не принес улучшения. Невозможность принять активное участие в работе IX съезда Советов и в текущей работе Политбюро и СНК сильно его угнетали. 31 декабря 1921 г. Политбюро предоставляет ему «6-ти недельный отпуск с 1/1—22 г. с запрещением приезжать в Москву для работы без разрешения Секретариата ЦК» и ограничивает время рабочих контактов по телефону «по наиболее важным вопросам» часом в день. По свидетельству М.И. Ульяновой, Ленин в это время был «мрачный, утомленный... так плохо чувствовал себя, что было страшно за него»[465]. Работоспособность падала, улучшение не наступало, более того, начались обмороки. В Москву он приезжал только на заседания Политбюро и некоторые другие важнейшие заседания. 31 января он уже не смог приехать на заседание Политбюро[466]. Не принес облегчения и февраль. Состояние было непредсказуемо. В письме Каменеву и Сталину 21 февраля он писал: «Сегодня после прекрасной ночи совсем болен»[467]. В этих условиях 23 февраля 1922 г. Политбюро продлило отпуск Ленину до съезда партии[468].

Съезд приближался, предстояло решить ряд сложнейших политических и организационных проблем, а болезнь все сильнее и сильнее ограничивала возможности Ленина систематически участвовать в делах управления. Ему приходилось отказывать во встречах с ответственными работниками партии и государства даже для обсуждения важнейших вопросов: он с трудом переносил разговоры и заседания. Сокращалась способность к контактам. Все чаще их приходилось поддерживать с помощью кратких записок[469]. По собственному признанию Ленина, главное, что тяготило его в последнее время, — это невозможность читать так, как он читал раньше. Это делало невозможным следить за информацией и «постоянно делать из нее все нужные выводы». «В прежнее время это было для него легким делом, не вызывающим у него никакого душевного волнения и никогда не требовало у него такого количества времени, которого не хватало бы на все остальные дела». Теперь иное: «тот час же, как он переработает сколько-нибудь лишнее время, у него начинаются сильные головные боли». Положение усугубляла бессонница: «Сон у него вообще плох, но за последнее время, когда ему приходится много работать, он совершенно иногда лишается сна. Ночь, обреченная на бессонницу, вещь поистине ужасная, когда утром надо быть готовым к работе»[470]. 6 марта, выступая на комфракции Всероссийского съезда металлистов с докладом о международном и внутреннем положении советской республики, Ленин публично признавался: «Моя болезнь... несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен»[471]. О значительном снижении его работоспособности говорит и статистика его участия в работе СНК и СТО[472].

«С 2 марта 1922 г., — пишет профессор Осипов, — начались такие явления, которые привлекли внимание окружающих»: кратковременные потери сознания с онемением правой стороны тела и руки, сопровождавшиеся расстройством речи, в результате чего он на несколько минут утрачивал способность «свободно выражать свои мысли»[473]. В это время Ленин писал Е.С. Варге: «Я болен. Совершенно не *в состоянии* взять на себя какую-либо работу»[474].

Тогда врачи объясняли это по-прежнему — переутомлением. Отсюда и их рекомендации: отдохнуть, еще отдохнуть, снова — отдохнуть... И ограничить объем работы и т.д. С таким диагнозом Ленин уехал в деревню Костино, что близ села Троице-Лыково. Здесь он прожил с 6 по 25 марта 1922 г., готовясь к XI съезду партии[475]. Ленин уже не тешил себя надеждами на выздоровление, был уверен, что врачи ничем не могут помочь ему, и, теряя веру во врачей, считал, что они «скрывают от него истинную сущность его заболевания», что он «не поправится... был уверен, что с ним случится паралич»[476].

Неудивительно, что Ленин стал задумываться о своем политическом будущем. Его мысль шла в двух направлениях: о том, как «перехитрить» болезнь и как обеспечить будущее революции — дела, которому отдана вся жизнь. В обоих планах он связывал свои расчеты со Сталиным. «Не знаю, — пишет М.И. Ульянова, — как... Владимир Ильич пришел к мысли,

что у него будет паралич, но он задолго до 25 мая [1922 г.], когда у него появились первые наглядные признаки мозговой болезни, говорил об этом со Сталиным, прося в этом случае дать ему яда, так как существование его будет тогда бесцельно. Сталин обещал Владимиру Ильичу исполнить его просьбу, если это будет нужно, отнесшись, кажется, довольно скептически к тому, что это может когда-либо произойти и, удивившись, откуда у Владимира Ильича могут быть такие мысли»[477]. Интересное свидетельство о настроениях и мыслях Ленина в это время оставил профессор Л.О. Даркшевич. Он писал, что 4 марта Ленин признался ему, что «за последние месяцы он переживает очень тяжелое состояние до полной утраты способности работать интеллектуально в том направлении, в каком он работал всегда до последнего времени. Сам с собой он решил положительно, что его потеря способности к труду вещь непоправимая», что «продолжать работу по-прежнему он больше уже не сможет; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного, отвечать за свое дело ему становится не под силу». «Я совсем стал не работник», — заключил Ленин. «Он, — записал Даркшевич, — близок к мысли о том, что больше ему уже не работать так, как он работал прежде... его песня уже спета, роль сыграна, *свое дело он должен будет кому-то передать* » (выделено нами. — В. С). О том, что он «склонен думать, что его песня спета», Ленин говорил и другим врачам[478].

Вот условия, в которых у Ленина появилась мысль о преемнике. Но эту проблему нельзя понимать упрощенно. В рамках существовавшей политической системы, происходившей в ней политической борьбы, а также политических традиций большевиков Ленин не мог прямо указать на своего преемника. Единственное, что он мог реально сделать, — это обеспечить этому потенциальному преемнику прочные политические позиции, которые позволили бы тому проводить линию, которую Ленин считал необходимой для революции.

Приближался съезд партии, состояние здоровья Ленина не улучшалось, и это обстоятельство могло лишь укреплять его в этих мыслях. 22 марта он пишет Молотову для Пленума ЦК письмо, в котором излагает свой план политотчета ЦК на XI съезде и просит освободить его «от участия в пленуме по болезни (и заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю)», хотя и изъявляет полную готовность прибыть на Пленум для пояснений по поводу доклада. Заключает он свое письмо просьбой: «Прошу Пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное — от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал»[479]. По состоянию здоровья Ленин не смог присутствовать даже на последнем перед съездом Пленуме ЦК.

Относительно возвращения к работе в это время он высказывался крайне неопределенно[480].

В этих условиях Ленин начал формировать такую систему политического управления, в которой он, несмотря на ограничение работоспособности, сохранил бы ключевые позиции, позволяющие как минимум обеспечить общее руководство текущей работой и возможность решающим образом влиять на формирование политики.

ЭКОНОМИКА

Нарастающий вал хозяйственных и социальных проблем требовал безотлагательного совершенствования работы государственных и хозяйственных органов. 28 ноября 1921 г. Ленин предложил план реорганизации высших органов государственного управления: «В дополнение к должности зампредСТО Рыкова (с правом решающего голоса в СНК) учреждается на равных правах должность второго зампредСТО» — Цюрупы. Права замов: решающий голос в СНК и СТО, председательствование в отсутствие председателя (т.е. самого Ленина). Им предоставлялись «все права Председателя в отношении работы в коллегиях и учреждениях по вопросам объединения и направления работы экономических наркоматов». Смысл этой реформы состоял в том, чтобы «объединить на деле, подтянуть и улучшить экономическую работу в ЦЕЛОМ, особенно в связи и через Госбанк (торговля) и

Госплан. «Освободить СНК от мелочей; точнее разграничить его функции от функций СТО и малого СНК, поднять авторитет СНК привлечением к участию в нем руководящих товарищей, наркомов, а не только их замов»[481]. Перед замами ставилась задача лично изучить работу крупных работников в центре и на местах и лично участвовать в решении различных хозяйственных вопросов, осуществлять контроль за работой. Свою работу замы должны вести через аппарат наркоматов. Цюрупа ответил согласием, и Ленин поставил этот вопрос на заседании Политбюро 1 декабря 1921 г., которое приняло его предложение[482].

Тогда же Политбюро по докладу Л.Б. Каменева приняло решение о создании Высшей экономической комиссии «для объединения всех экономических и финансовых вопросов в составе т.т. Каменева, Цюрупы, Курского, Преображенского и Шмидта...» Председателем ВЭК был назначен Каменев[483]. 23 марта 1922 г. Политбюро утвердило руководящую тройку Госплана: Кржижановский, Пятаков, Осадчий[484], в которой персонифицировался ленинский подход к Госплану как к комиссии экспертов. Совершенствованием этой системы Ленин занимался в течение всего 1922 г., согласовывая работу замов с работой РКИ и используя аппарат этого наркомата для обеспечения работы замов, совершенствуя разделение труда между замами, увеличивая их количество[485].

Так формировалась система органов управления экономикой, которая не только разгрузила Ленина от текущей работы, но и фактически стала заменять его в повседневной хозяйственной деятельности. Ленинские документы, а также документы делопроизводства его секретариата показывают, что в это время он осуществлял общий надзор за ходом этих работ и, если считал необходимым, брал под свой контроль решение того или иного вопроса или непосредственно включался в его решение. Занимая в системе центральное положение как лидер партии и Председатель СНК и СТО РСФСР, он, несмотря на сокращение работоспособности, сохранял всю полноту власти в сфере экономики. Наиболее значимую роль в этой системе занял Каменев, который как председатель Высшей экономической комиссии превратился в ближайшего помощника Ленина в решении текущих экономических вопросов. В политическом плане это означало укрепление позиций ленинской группы в Политбюро и ЦК партии и ее способности осуществлять разработанную под руководством Ленина новую экономическую политику.

ПАРТИЯ

Одновременно Ленин предпринимает шаги по укреплению политических позиций своих сторонников в ЦК партии, к повышению способности Центрального комитета РКП(б) руководить партией, направлять деятельность государственных и хозяйственных органов. Ключевые позиции здесь принадлежали Секретариату ЦК РКП(б), который направлял текущую организационно-партийную работу местных партийных организаций и организовывал работу Центрального комитета партии. В его состав после X съезда РКП(б) входили Молотов, Ярославский и Михайлов. Молотов был старшим среди них и считался ответственным секретарем. Ленин хотел, чтобы Секретариат ЦК был политическим органом. Молотов вспоминал, что Ленин советовал ему как секретарю ЦК «заниматься политической работой», переложив «всю техническую работу — на замов и помощников». «Вот, — говорил Ленин, — был у нас до сих пор секретарем ЦК Крестинский, так он был управделами, а не секретарь ЦК! Всякой ерундой занимался, а не политикой!»[486]. Однако поставить эту задачу было легче, чем выполнить ее. По свидетельству Молотова, и в середине 1921 г. Секретариат, заваленный текущей организационно-партийной работой, недостаточно внимания уделял политической работе, а ведь именно он в контактах с государственными органами, хозяйственными и другими организациями представлял ЦК партии. Он осуществлял подбор и расстановку кадров.

Кадровые вопросы, относящиеся к высшим эшелонам власти, порой связанные с конфликтами и интересами разных политических сил, требовали для своего решения значительного политического опыта и авторитета, которых у Молотова не хватало. Он был хорошим помощником Ленину, но этого было мало, поскольку Ленин уже не мог, как

прежде, входить во все эти вопросы. Вот та ситуация, которая привела к персональным изменениям в составе Секретариата, имевшим для интересующей нас темы первостепенное значение. Свет на эту историю проливают воспоминания В.М. Молотова.

Секретариат ЦК был завален мелкими хозяйственными вопросами. Молотов попросил Ленина принять секретарей ЦК, чтобы решить некоторые из них. Ленин «согласился, назначил день». Пришли. Сначала решили мелкие текущие вопросы. «Я говорю: "Невозможно работать, Владимир Ильич, время уходит на ерунду". Ленин помолчал, ничего определенного мне не сказал... И вот в августе, на пленуме, после доклада Ярославского, когда пленум кончился, Ленин говорит: "У меня есть еще один вопрос. — И вдруг заявляет: — Я насчет товарища Ярославского. Я предлагаю его послать в Сибирь. Здесь мы найдем вместо него человека, члена ЦК, а в Сибири — там не хватает людей, надо подсобить. Кто против? Никого нет. Значит, решение принято"»[487].

Поскольку, по мнению Молотова, Ленин считал его «недостаточным политиком», чтобы превратить Секретариат в орган политического руководства, в его состав был введен вместо Ярославского Сталин[488], который фактически возглавил работу Секретариата. Его политического опыта и авторитета, по мысли Ленина, должно было хватить, чтобы превратить Секретариат ЦК в полноценный политический орган.

Точное время и обстоятельства назначения И. В. Сталина секретарем ЦК РКП(б) в литературе не указываются. Нам также не удалось найти документ, фиксирующий решение ЦК партии о его назначении. Секретариат работал в тесном контакте с Оргбюро ЦК, а в нем Сталин занимал прочные позиции: он был единственным членом Политбюро в составе Оргбюро, что определяло его главенствующее положение[489]. 22 августа 1921 г., вскоре после возвращения из отпуска, Оргбюро поручило Сталину (несмотря на возражения с его стороны) осуществлять общее руководство Агитпропотделом ЦК партии, который руководил всей идеологической работой. Через день это решение было утверждено Политбюро с уточнением (по требованию Сталина) о временном характере этого назначения[490]. Это не только расширяло сферу деятельности Сталина, но и значительно укрепляло его политические позиции. Центр тяжести его деятельности переносился на партийную работу. 13 сентября 1921 г. Политбюро специально заслушало вопрос «О работе т. Сталина» и постановило: «Обязать т. Сталина около трех четвертей своего времени уделять партийной работе, причем не менее 1 1/2 часа Агитпропотделу; из остального времени большую часть посвящать Рабкрину». Его работа на должностях наркомов НК РКИ и наркомнаца все больше сводилась к осуществлению общего руководства ими. Одновременно его освобождают от работы в комиссии, занятой выяснением наличности золотого фонда[491].

26 сентября 1921 г. создается секретариат Сталина. К сожалению, в доступных историкам документах нам не удалось обнаружить решений ЦК партии о создании секретариата, о его задачах и функциях. О них можно судить только по отдельным документам, характеризующим его работу. Например, по письмам Сталина в адрес руководителей ВЦИК РСФСР, СНК РСФСР, наркомата по военным и морским делам (Л.Д. Троцкому), ВСНХ, наркомата продовольствия, НК РКИ, содержащим просьбу отдать «распоряжения подведомственным Вам лицам, ведающим корреспонденцией, о том, чтобы корреспонденция на мое имя как "лично", "секретно", так и общая направлялась по адресу: Секретариат тов. Сталина, Трубниковский пер., д. № 19, 2-й этаж, тел. № 3—08—56»[492]. С этого времени появляются документы (в том числе и направленные Ленину), на которых Сталин подписывается как «Секретарь ЦК РКП(б)»[493].

ПОЧЕМУ СТАЛИН СТАЛ СЕКРЕТАРЕМ ЦК РКП(б)?

Этот вопрос давно интересует историков, чаще всего ответ на него связывают с хорошими организаторскими способностями Сталина, подчеркивают при этом его политическую малозначимость и весьма критическое отношение к нему Ленина.

На наш взгляд, это произошло потому, что Сталин больше других подходил для

решения тех задач, которые ставились Лениным перед секретарями ЦК. Сталин был ближе к партии, ее организациям и активу, чем другие члены Политбюро, входившие в круг ближайшего ленинского окружения[494]. Годы подпольной работы, тюрем и ссылок, черновая партийная работа давали ему знание организации и кадров партии. А они, в свою очередь, знали Сталина[495]. Они составили костяк партийных руководителей, с которыми предстояло работать секретарю ЦК РКП(б). В период подготовки Октябрьской революции Сталин был известен партии как член ЦК, Бюро ЦК, представитель ЦК в ЦИК, один из редакторов «Правды» и др. газет. От имени ЦК он сделал два важнейших доклада на VI съезде партии и сделал больше других делегатов для принятия съездом курса на вооруженное восстание. При голосовании в состав ЦК партии на VII съезде РКП (б) Сталин (наряду с Зиновьевым и Свердловым) получил один голос «против» (только Ленин и Троцкий получили все голоса «за»)[496]. Его деятельность на фронтах не только познакомила с ним значительно более широкий, чем прежде, круг партийных и советских работников, но и ему дала знание местных условий и кадров, массы новых людей. Царицынский фронт и Царицын, Восточный фронт и Вятка, Западный фронт и Петроград, Южный и Юго-Западный фронты, Центральная Россия, Донбасс, Украина, наконец, Кавказ — вот география деятельности Сталина во время гражданской войны. Авторитет Сталина использовался при решении всякого рода конфликтных политических ситуаций в партии[497], что, в свою очередь, приносило ему новые знания условий работы, кадров, увеличивало его авторитет.

Показательно письмо В.В. Осинского (Оболенского) В.И. Ленину (16 октября 1919 г.), в котором он писал: «У нас есть великий политический вождь, которому принадлежит бесспорное руководство партией и революцией, — т. Ленин. Это великий и тактический политик и несравненный создатель политико-организационных линий и лозунгов — политический алгебраик. Но в то же время он не организатор-техник по индивидуальным способностям — не знаток организационной арифметики. Это всегда признавалось им самим». Прежде эти функции на себя брал Я.М. Свердлов, после смерти которого организационно-партийная работа разладилась. Для исправления дела Осинский предлагал создать тройку, которую «можно образовать только из Сталина, Серебрякова и Крестинского (с заменой одного Дзержинским)»[498]. Высок был авторитет Сталина в вопросах национальной политики, поэтому практически все эти вопросы шли «через него», а это позволяло ему знакомиться с людьми и проблемами других областей РСФСР. Так, в письме Ленину представителей коммунистической организации народов Востока (20 января 1920 г.) отмечалось умение Сталина работать с людьми, внимательность, доступность и высокий авторитет, знание им проблем национальной жизни народов Востока и предлагалось «отозвать с фронта и поручить ему руководство всей внутренней и внешней политикой Советской власти на Востоке, назначить его комиссаром иностранных дел на Востоке и соответствующим образом реорганизовать Наркоминдел»[499]. На XI съезде партии В.И. Ленин фактически поддержал все основные характеристики, данные И.В. Сталину в этих письмах, обратив внимание на способность Сталина не погрязнуть в мелких интригах, а ставить и решать все вопросы как политические[500].

Характеризуя политическую культуру и почерк Сталина, часто указывают на то, что он не жил долго за границей и не приобщился к европейской культуре, как многие другие руководители партии того времени. Длительное пребывание партийного работника за границей в литературе рассматривается исключительно как положительный фактор, а люди, которые не имели этого опыта, фактически оценивались как относительно второсортные партийные кадры, интеллектуально, политически уступавшие первым. Ленин придерживался иного мнения. В неумении вести партийную работу он усматривал большой недостаток партийного руководителя. Так, он писал, что Свердлову «не приходилось... бывать за границей, это ему давало возможность не терять связи с практической стороной движения»[501].

Эти качества Сталина в данной ситуации имели для Ленина принципиальное значение,

поскольку основной бой с Троцким должен был произойти в партии и за влияние на нее.

Поэтому назначение Сталина секретарем ЦК РКП (б) нельзя отнести к простым кадровым перемещениям. Оно означало не только меру, направленную на повышение авторитета и эффективности работы Секретариата ЦК, но и крупную политическую передвижку внутри ЦК, Политбюро и внутри ленинской группы. Для Троцкого и других противников Ленина назначение Сталина секретарем ЦК РКП (б) означало расширение властных полномочий того политика, который более других был способен вести с ними принципиальную и непримиримую борьбу с большими, чем у других, шансами на успех.

Новая сфера деятельности — организационно-партийная работа — обеспечивала рост его политического влияния. Он получил контроль над важнейшими структурами ЦК партии, которые ведали вопросам повседневной жизни партии, текущей работой центрального аппарата, подбором и расстановкой кадров — не только партийных, но и советских, профсоюзных, военных, комсомольских и пр.[502], [503], а также финансами партии. Сталин стал единственным из членов ЦК, который входил в состав всех его руководящих органов: он был и членом Политбюро, и членом Оргбюро (фактически возглавляя его как единственный член Политбюро, входящий в его состав), и секретарем ЦК, занявшим первенствующее положение по отношению к другим секретарям. На него был переключен ряд важнейших дел, которые прежде находились в ведении Молотова, в том числе значительная часть контактов между Лениным и Политбюро.

В качестве секретаря ЦК РКП(б) Сталин все больше втягивался в решение различных вопросов внешней и внутренней политики, государственного строительства.

Ленин целенаправленно и систематически приобщал Сталина к решению конкретных экономических вопросов. Так, 18 августа 1921 г. он писал В.А. Стомонякову: «Прошу Вас оказать содействие тов. Сталину в ознакомлении со всеми экономическими материалами Совета и Госплана, в особенности золотопромышленности, бакинской нефтяной промышленности и т.д.»[504]. Ленин согласовывал с ним вопросы конституирования и организации работы финансового комитета — важнейшего органа, координирующего и регулирующего деятельность основных отраслей народного хозяйства, привлекал его к решению вопросов пополнения и расходования золотого запаса России. Сталин участвует в обсуждении вопросов монополии внешней торговли и концессионной политики, аренды, восстановления каменно-угольной промышленности Донбасса, вопросов организации сельского хозяйства и коневодства, организации заготовок продовольствия, принимает участие в работе Помгола, в подготовке декрета о соли[505]. Причем ряд документов, посвященных обсуждению хозяйственных и социальных вопросов, говорят о том, что деловые отношения, сложившиеся в это время между Лениным и Сталиным, имели не формальный, а доверительный товарищеский характер[506].

Сталин традиционно активно участвовал в решении вопросов военного строительства, докладывал по ним в Политбюро в отсутствие Троцкого[507]. Но с осени 1921 г. он становится докладчиком на Политбюро по военным вопросам наряду с Троцким и даже в тех случаях, когда Троцкий присутствовал на заседании. Тот факт, что Сталин стал докладчиком по ведомству Троцкого, — показатель того, как изменилось положение обоих в Политбюро. Прежде Троцкий резко реагировал на любые попытки «вторжения» в сферу его деятельности, теперь же он не только был вынужден допускать такие «вторжения», но и считаться с мнением Сталина, мириться с теми решениями, которые принимались по настоянию последнего. 14 сентября 1921 г. Политбюро приняло решение о сокращении военно-морского флота и создало комиссию для наблюдения за ускорением решения этого вопроса и внесения предложений в Политбюро. Созыв комиссии поручался Сталину (председатель), в ее состав вошли Гусев, Судаков и представитель РВСР[508]. 22 сентября 1921 г. Политбюро отвергло предложение Троцкого о приостановлении демобилизации армии и постановило: «Соглашаясь с доводами т. Сталина, а также т. Чичерина (в сегодняшнем письме о парадах) высказаться против предложения т. Троцкого по вопросу о приостановлении демобилизации»[509]. Под его контроль попадает и текущая деятельность

военного ведомства. Так, например, заместитель Троцкого по РВСР Склянский обращается в СТО с просьбой об отпуске 500 тыс. руб. золотом «для экстренных специальных расходов Наркомвоен». Письмо «проходит» через Сталина, который накладывает резолюцию: «Не возражаю»[510]. Еще пример. Военное ведомство хотело разместить в Германии заказ на закупку винтовок и пулеметов. Красин 10 октября 1921 г. написал из Лондона письмо, в котором всесторонне (с политической, экономической, военно-технической точки зрения) опротестовывал это намерение. Сталин, ознакомившись с мнением Красина, пишет Троцкому письмо (копия Ленину):

«1. — Соображения т. Красина... кажутся мне серьезными;

2. — Пункт 3-й Вашего проекта телеграммы о старом двенадцатимиллионном заказе мне не понятен (мне известно только о трех миллионах, отпущенных на авиацию).

Поэтому я затрудняюсь голосовать в телефонном порядке и предлагаю рассмотреть вопрос на Политбюро, хотя бы завтра утром, причем в виду возбуждения нового вопроса о прежнем 12-ти миллионном заказе (помимо десяти миллионного), желательно было бы иметь на завтрашнем заседании Политбюро (если оно будет назначено) материалы, касающиеся 12-ти миллионного заказа»[511].

Расширилось участие Сталина в решении проблем, связанных с деятельностью Коминтерна, а также в решении вопросов внешней политики[512]. Он был одним из основных (если не основным) помощником Ленина в деле политического руководства советской делегацией на международной конференции в Генуе. Именно ему 17 января 1922 г. Политбюро поручило составить обращение в связи с предстоящей международной конференцией. Вместе с Каменевым он участвует в формировании делегации на Генуэзскую конференцию (эксперты, вспомогательный персонал)[513]. Показательна записка Сталина Ленину от 29 марта 1922 г.: «Согласен на посылку телеграммы (на имя зама Крестинского в Берлине) об Аванесове. Вашей подписи достаточно (можете в этом не сомневаться). И. Сталин»[514]. 27 апреля 1922 г. Сталин направил телеграмму Чичерину в Геную с сообщением своего мнения по поводу переговоров о взаимных финансовых претензиях Советских республик и стран-кредиторов. «Лично я думаю, что можно было бы согласиться с Вами лишь при двух условиях:

Если наименьшая сумма претензий не очень велика, а мораториум достаточно велик.

Если будут выполнены наши условия, изложенные в директиве 25 апреля». Одновременно Сталин просил сообщить минимальную сумму претензий, максимальный срок мораториума, а также срок и сумму займа, на который советские республики могли бы рассчитывать»[515].

В центре его внимания были проблемы совершенствования системы управления. 29 ноября 1921 г. он направил Ленину письмо, в котором информировал его о своих предложениях относительно реорганизаций работы ЦК, которые он намеревался внести в Политбюро. Он писал: «Т. Ленин! Раньше, чем поставить этот вопрос в Пб, я решил обратиться к вам с вопросом: каково ваше мнение на этот счет? Едва ли нужно доказывать, что подготовка и прорабатывание вопросов хозяйственного характера (финансы, денежный, кооперативы всех видов, индустрия, аренда, концессии, торговля), идущих потом на разрешение Политбюро, протекает у нас в условиях более чем ненормальных. Начать с того, что различные комиссии по хозяйственным вопросам (кооперативная при оргбюро, каменевская по кооперативному банку, финансовая при СТО, денежная, тарифная и др.) не связаны между собой, действуют вразброд, с одной стороны, с другой — не всегда связаны прямо с Политбюро, т.е. не все эти комиссии имеют в своем составе того или иного члена Политбюро. Далее, сам ЦК и верхушка его, Политбюро, построены так, что в их составе почти нет вовсе знатоков хозяйственного дела, что также отражается (конечно, отрицательно) на подготовке хозяйственных вопросов. Наконец, члены Политбюро до того перегружены текущей и подчас крайне разнообразной работой, что Политбюро в целом иногда вынуждено решать вопросы на основании доверия или недоверия к той или иной комиссии, не входя в существо дела.

Положить конец такому положению можно было бы, изменив состав ЦК вообще, Политбюро в частности в пользу знатоков хозяйственного дела. Я думаю, что эту операцию следует произвести на XI съезде партии (ибо до съезда, я думаю, нет возможности восполнить этот пробел). А пока можно было бы провести следующие меры, могущие более или менее упорядочить дело подготовки хозяйственных и финансовых вопросов:

Свести все существующие хозяйственные комиссии к 4-м комиссиям (финансово-денежная, промышленная, торговая с потребкооперацией), сельскохозяйственная с соответствующими видами кооперации, определив их по партийной линии при Политбюро, а по советской при СТО;

Расписать четырех членов Политбюро по этим комиссиям, обязав их принять в работах комиссии самое активное участие (пятого члена Политбюро, тов. ЛЕНИНА, не связывать обязательством участия в работах комиссии, предоставив ему возможность увязать в работу всех четырех комиссий через четырех членов Политбюро или в ином порядке);

Максимально разгрузить от всякой прочей работы упомянутых выше четырех членов Политбюро»[516].

Ряд сформулированных здесь предложений был вскоре воплощен в создаваемой Лениным системе управления.

В качестве секретаря ЦК партии Сталин стал чаще исполнять функции официального представителя ЦК на различных непартийных мероприятиях: от участия в работе Президиума IX Всероссийского съезда Советов до присутствия на закладке нового фундамента для сцены Большого театра. Сталин принял активное участие в создании общества старых большевиков. На организационном собрании (28 января 1922 г.) при обсуждении вопроса о целях и задачах общества, методах его работы мнение Сталина оказало решающее влияние на характер принятых решений и многие важные формулировки устава общества[517].

Все сказанное свидетельствует о стремительном росте политического влияния, авторитета и реальной власти Сталина еще до XI съезда, до избрания его генеральным секретарем.

Таким образом, Ленин, отклоняя предлагаемую Троцким схему реорганизации хозяйственного управления и четкого разграничения функций партии и государства в деле управления, шаг за шагом проводил реорганизацию по своей схеме[518], закрепляя в ней за собой и своими ближайшими соратниками (Сталин и Каменев) ключевые позиции и основные рычаги управления. Есть основания говорить о формировании во второй половине 1921 г. внутри Политбюро «тройки» в составе Ленина, Сталина и Каменева, которая стала идейно-политическим и организационным ядром сторонников Ленина в ЦК партии и сосредоточила в своих руках основные рычаги власти в партии и государстве.

В создаваемой системе управления Ленин оставил за собой контроль за основными рычагами власти и возможность вмешиваться в любой момент в решение любого вопроса и контролировать ход выполнения принятого решения. Сталин получал самостоятельный участок работы (партия), в проблемы которого Ленин (как показывают его документы) входил не часто. Каменев, выступая в качестве ближайшего помощника Ленина в вопросах текущего руководства народным хозяйством, в большей мере, чем Сталин, работал под непосредственным руководством Ленина. Следовательно, Сталин по сравнению с Каменевым был более самостоятельной политической фигурой. Более того, к решению многих вопросов, входивших в компетенцию Каменева, Ленин привлекал Сталина или он участвовал в их решении наравне с Каменевым. Об этом говорят делопроизводственные документы ленинского секретариата (книги регистрации входящей и исходящей корреспонденции), а также сами письма Ленина по хозяйственным вопросам, часто направлявшиеся одновременно Каменеву и Сталину. Этого почти никогда не случалось в отношении вопросов партийного строительства и других, относившихся к работе Сталина в ЦК партии. Отсюда можно сделать вывод, что в этой «тройке» Сталин стоял выше Каменева. Поскольку все это происходило при активном участии Ленина и в то время, когда он

осуществлял реорганизацию системы управления и расставлял своих сторонников на ключевые посты в ней, то эти перемены в положении Сталина указывают на то, что именно Ленин отвел ему в этой системе ключевое место.

Если оценить проведенную Лениным во второй половине 1921 г. реорганизацию с точки зрения внутрипартийной борьбы, то надо признать, что Ленин сумел укрепить позиции своих сторонников в ЦК и центральных органах государственного управления, а также укрепил позиции РКП(б) в политической системе диктатуры пролетариата на основе собственных представлений о взаимоотношениях партии и государства.

Троцкому в создававшемся Лениным механизме места вообще не нашлось. В стороне от него оказался и Зиновьев.

Следующий этап борьбы на этом поприще был связан с работой XI съезда РКП (б), на котором Ленин не только закрепил эти результаты, но и добился значительного укрепления создаваемой им системы власти. Это было связано с введением новой высшей должности в партии — генерального секретаря ЦК РКП(б), что следует рассматривать именно в рамках проводившейся Лениным реорганизации механизмов управления партией и государством и в связи с происходившей в руководстве партии политической борьбой.

§ 4. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК РКП(б): СТАЛИН ДЛЯ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ДОЛЖНОСТЬ ДЛЯ СТАЛИНА?

Доступные историкам документы не позволяют выяснить, у кого именно, когда и при каких обстоятельствах возникла идея выделить одного из секретарей ЦК в качестве генерального. Известно, однако, что накануне XI съезда РКП(б) в руководстве партии иерархическая схема организации и функционирования аппарата, увенчанная должностью генерального секретаря, приобрела популярность. Еще 5 декабря 1921 г. Политбюро рассмотрело и приняло «предложение т. Зиновьева назначить т. Куусинена генеральным секретарем Коминтерна»[519]. Возможно, это решение было связано с отклоненными предложениями Зиновьева о переводе аппарата ИККИ в Петроград, где большую часть времени находился Зиновьев. Введение должности генерального секретаря позволяло в этом случае организовать полноценную работу аппарата в Москве, в то время как председатель ИККИ Зиновьев здесь бывал только наездами. 23 февраля 1922 г., за месяц до XI съезда партии, Политбюро рассмотрело заявление Томского и Рудзутака «о генеральном секретаре Профинтерна» и постановило «назначить генеральным секретарем тов. Рудзутака»[520]. В том и другом случаях речь шла об организации текущей работы политического органа. Очевидно, такая мера представлялась целесообразной. На этом фоне учреждение должности генерального секретаря ЦК РКП(б) уже не кажется неожиданным и необъяснимым нововведением.

Вместе с тем надо учесть, что должность генерального секретаря в Коминтерне и Профинтерне была вписана в разные политические конструкции. В Коминтерне генеральный секретарь был включен в схему: коллегиальный орган — генеральный секретарь — председатель. Власть здесь разделена между двумя высшими постами — председателем и генеральным секретарем, который должен был разгрузить председателя от политической текущей, оставив за ним крупные политические вопросы, и возглавить работу аппарата Исполкома Коминтерна. А в варианте Профинтерна должность генерального секретаря была включена в иную схему: коллегиальный орган (Центральный совет красного интернационала профсоюзов) — генеральный секретарь (потом им стал Лозовский), ведающий текущей работой и возглавляющий центральный аппарат. Здесь генеральный секретарь как высшее должностное лицо ни с кем этот «олимп» не делил. В этих схемах генеральный секретарь играет разную роль и имеет разную власть, это обстоятельство позволяет лучше понять причину и предназначение должности генерального секретаря ЦК РКП (б), установленную на XI съезде партии.

В распоряжении историков есть два документа, которые выводят нас на историю подготовки вопроса о Секретариате ЦК на XI съезде РКП (б). 21 февраля 1922 г. Сталин направил Ленину письмо, в котором изложил «программу подготовительных работ к съезду и кампании на съезде». «Сегодня ночью беседовали (я, Каменев, Зиновьев) о делах в связи с подготовкой к съезду и пришли к следующему...» Далее Сталин излагает выработанные предложения по кадровым перемещениям видных членов партии, сопровождая их оценками деловых качеств. Речь шла о Серебрякове, Фрумкине, В. Смирнове, Пятакове, Крестинском, Сокольникове, Богданове, Смилге, Л.Б. Красине и ряде других[521]. Затем Сталин сообщал выработанное мнение относительно нового секретариата ЦК: «7) Секретариат ЦК. Сталин, Молотов, Куйбышев. Заявить об этом на съезде в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть атаки против — Секретариата (нынешнего)»[522]. Сталин также предлагал: «Меня освободить от Инспекции и иметь в виду, может быть, Владимирова[523] (Украина) в качестве наркома РКИ»[524]. В заключение Сталин спрашивал: «Ваше мнение, т. Ленин»[525]. Так за месяц до XI съезда РКП(б) на совещании Сталина, Зиновьева и Каменева был выработан и впервые поставлен перед Лениным вопрос о новом Секретариате ЦК. Вопрос о выделении одного из секретарей в качестве генерального еще не стоит, однако место Сталина в новом секретариате обозначено определенно. Он первый в списке, а по сложившейся в партии традиции если не было специальных оговорок, то первенство в списке членов какой-либо комиссии, коллегии означало поручение собирать ее членов, председательствовать в ней, т.е. фактически возглавлять ее работу. Это и понятно: как член Политбюро Сталин не мог не иметь такого первенства, так сказать, «по факту». Судя по дальнейшему развитию событий, Ленин согласился с предложением о составе Секретариата и о предложении этого состава делегатам съезда.

В письме Сталина и Каменева, направленном 10 марта 1922 г. в Секретариат ЦК РКП(б) Молотову, получила разработку общая идея о характере распределения руководящих партийных кадров. В нем, в частности, предлагалось «признать целесообразным разделение функций между отдельными группами партийных работников и возможное закрепление последних за отдельными отраслями партийно-советско-профессиональной работы, сводя до минимума частые переброски работников»[526]. Принятие этого предложения позволило бы подвести прочную базу под положение, которое Каменев и Сталин занимали в структурах власти на основании отдельных решений Политбюро ЦК РКП (б).

Интересную информацию о подготовке Лениным избрания Сталина генеральным секретарем сообщает Молотов. Именно с Лениным связывает он первое упоминание названия новой должности — генеральный секретарь ЦК РКП(б). «На XI съезде, — вспоминал Молотов, — появился так называемый "список десятки" — фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. Против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: "Генеральный секретарь". Ленин организовал фракционное собрание "десятки". Где-то возле Свердловского зала Кремля комнату нашел, уговорились: фракционное собрание, троцкистов — нельзя, рабочую оппозицию — нельзя, демократический централизм — тоже не приглашать, только одни крепкие сторонники "десятки", то есть ленинцы. Собрал, по-моему, человек двадцать от наиболее крупных организаций перед голосованием. Сталин даже упрекнул Ленина, дескать, у нас секретное или полусекретное совещание во время съезда, как-то фракционно получается, а Ленин говорит: "Товарищ Сталин, вы-то старый, опытный фракционер! Не сомневайтесь, нам сейчас нельзя иначе[527]. Я хочу, чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список "десятки" надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор — и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!.." И голосовали с этим примечанием в скобках. Сталин стал Генеральным. Ленину это больших трудов стоило. Но он, конечно, вопрос достаточно глубоко продумал и дал понять, на кого равняться»[528]. Информация Молотова получает документальное подтверждение в своих главных пунктах.

Для выяснения вопроса о ходе выборов в ЦК на XI съезде партии доступный историкам архивный (машинописный) вариант стенографического отчета практически ничего не дает, поскольку этот вопрос в нем обойден молчанием и лишь содержит список избранных членов и кандидатов ЦК[529]. В архиве сохранились бюллетени для голосования двух видов, в том числе и те, о которых рассказывал Молотов. Бюллетени первого вида (ленинский «Список») представляют собой лист с отпечатанным в типографии заголовком: «Список членов и кандидатов ЦК РКП XI-го созыва». Он имеет помету «проект». В них интересующие нас лица расположены в следующей последовательности: 1. Ленин, 2. Троцкий, 3. Зиновьев, 4. Каменев, 5. Сталин, 6. Молотов... 21. Куйбышев. Рядом с именем Сталина в скобках типографским же способом напечатано: «Генеральный секретарь», а рядом с именами Молотова и Куйбышева соответственно — «Секретарь»[530]. Очевидно, типографскому варианту этого бюллетеня предшествовал другой, с рукописной вставкой Ленина, о которой говорил Молотов. Типографское исполнение означает, что вопрос этот готовился специально, заблаговременно. Следовательно, делегаты съезда не могли внести эти надписи под каким бы то ни было влиянием Каменева, как уверяет А.В. Антонов-Овсеенко[531]. Невозможно, следовательно, принять и версию о том, что Ленин как-то не понял сути обсуждавшегося вопроса и по недоразумению или по ошибке «пропустил» Сталина на эту должность. Бюллетень второго вида представляет собой чистый лист, имеющий в верхней части надпись: «Предлагаю в члены ЦК РКП следующих товарищей» и заполнявшийся делегатами съезда от руки. В голосовании принимали участие бюллетени обеих форм[532], [533]. Уже этот факт говорит о необычном ходе голосования на съезде.

Нет ничего удивительного, что отпечатанный в типографии бюллетень (ленинский «Список») вызвал удивление, вопросы и даже возражения со стороны части делегатов съезда, поскольку формирование Секретариата — прерогатива ЦК партии. Потребовалось разъяснение делегатам съезда во время выборов, что указание на некоторых бюллетенях на должности секретарей является лишь пожеланием известной части делегатов и не может стеснять Пленум ЦК при формировании Секретариата ЦК. С этим заявлением на съезде выступил Каменев[534]. Так или иначе, но голосование нового состава ЦК прошло, и его результаты были приняты съездом. Мы не знаем, сколько бюллетеней первого и второго вида участвовало в голосовании. В материалах съезда хранится 167 бюллетеней первого вида (ленинский «Список»). В них Ленин, Троцкий и Сталин получили «против» по одному голосу, Зиновьев — 3, Каменев — 2, Молотов — 10)[535]. Имеется также 301 бюллетень второго вида (списки членов ЦК, составленные делегатами съезда на чистом бланке, озаглавленном «Предлагаю в члены ЦК РКП следующих товарищей»)[536]. Расположение первых пяти фамилий в них часто соответствует тому, которое было предложено в ленинском «Списке», что, возможно, указывает на его влияние. Ленин и Троцкий были внесены во все без исключения бюллетени[537]. Фамилии Зиновьева не оказалось в 20 бюллетенях, Каменева — 21[538]. Кандидатуру Сталина в члены ЦК не предложили 13 делегатов. Кроме того, один, предложив Сталина в ЦК, оговорил: «Только не секретарем»[539].

Официально подведенные подсчеты итогов выборов в состав ЦК, которые огласила счетная комиссия, показали, что всего было подано 482 бюллетеня, 4 из них было признано недействительными. Таким образом, учитывалось 478 голоса. Из них «за» Ленина и Троцкого проголосовали по 477 делегатов, «за» Бухарина и Калинина — по 476, «за» Дзержинского — 473. Радек и Томский получили поддержку 472 делегатов, Рыков — 470, Раковский — 468, Сталин — 463, Каменев — 454, Зиновьев — 448. Последний из избранных в состав ЦК — Зеленский — получил 345 голосов[540].

Бросается в глаза то, что за Троцкого было подано столько же голосов, сколько и за Ленина, заметно больше, чем за Сталина, Каменева или Зиновьева, хотя большинство съезда, как и на X съезде партии, шло за Лениным и, следовательно, политически стояло на антитроцкистских позициях. Тогда, на X съезде, на выборах в ЦК Троцкий получил 452 голоса из 479, т.е. много меньше Ленина (478), меньше, чем Сталин и Рыков (по 458) и

Молотов (453). Поэтому 477 голосов «за» Троцкого на XI съезде партии, думается, надо рассматривать не как абсолютный показатель уровня его авторитета, а как относительный, обусловленный рядом политических и исторических причин. Возможно, сказалось то, что на этот раз глубокие разногласия между ним и Лениным, скрытые даже от основной массы актива партии, еще не заставляли партию делать выбор между ними, выражая кому-либо свое политическое недоверие посредством голосования. Также обращает на себя внимание существенный отрыв Сталина от Каменева и особенно Зиновьева. Уже одно это обстоятельство заставляет скептически отнестись к укоренившемуся тезису о том, что в партии их авторитет был выше, чем Сталина, и поэтому они могли «использовать» его в своих целях.

Что касается предложения о назначении Сталина генеральным секретарем, то с ним согласились 166 делегатов, голосовавших бюллетенями первого вида («ленинский список»)[541]. К ним надо добавить 27 делегатов, голосовавших бюллетенями второго вида и вписавших Сталина как генерального секретаря (а Молотова и Куйбышева — секретарями)[542]. Получается, что за Сталина как генерального секретаря ЦК партии проголосовали 193 делегата съезда с решающим голосом, т.е. 40,4% от общего их числа. *Против* этого предложения *определенно высказались только 16 делегатов съезда*. Остальные 273 (из 482 проголосовавших) не сформулировали своего отношения к этому вопросу и фактически воздержались при голосовании. Они не сказали «да», но не сказали и «нет». Это были хорошие для Ленина и Сталина результаты, особенно если учесть обстоятельства проведения голосования, а также недостаточную ясность вопроса о причинах введения должности, функции и правах генерального секретаря, отступление от традиций, согласно которым выборы органов ЦК являлись прерогативой Пленума ЦК.

Если Ленин предложил включить в список кандидатов указание на будущих генерального секретаря и секретарей ЦК, *значит, он планировал обсуждение этого вопроса на пленарном заседании съезда до того, как он будет обсуждаться Пленумом ЦК*. Мог ли Ленин предвидеть бурную негативную реакцию своих противников? Очевидно, да. Встает вопрос: зачем Ленину потребовалось обращаться с этим вопросом к делегатам всего съезда, если он входил в компетенцию Пленума ЦК? Если Ленин пошел на такой необычный шаг, значит, он считал его принципиально важным. В чем смысл его? *Если исходить из традиционного представления о том, что сначала создали должность, а потом подбирали на нее кандидатуру, то предпринятый Лениным шаг выглядит бессмысленным или нерасчетливым: нарвался на скандал и был вынужден с помощью Каменева дезавуировать свой неудачный ход*. Но этот шаг приобретает большой смысл, если мы увидим то, что было: *должность генерального секретаря была создана в рамках проводившейся Лениным реорганизации системы управления и создавалась она именно под Сталина*. В этом случае смысл этого шага мог состоять в том, чтобы *заставить высказаться по поводу Сталина всех делегатов съезда*. Цель была достигнута: более 40% делегатов съезда высказалась «за», а это было много больше, чем удельный вес членов ЦК в составе съезда. Объективно это усиливало морально-политические позиции Сталина в партии и в ее руководстве и повышало его шансы в предстоящей политической борьбе за лидерство в партии. Следовательно, у нас появляется косвенное и независимое (от рассказа Молотова) свидетельство тому, что Ленин смотрел на Сталина как на человека, который должен прийти ему на смену как лидер партии и революции.

На эту же мысль наводит и тот факт, что на XI съезде партии Ленин выступил в защиту Сталина от критики Преображенского[543], дав Сталину перед лицом съезда превосходную политическую характеристику: «Что мы можем сейчас сделать, чтобы обеспечить существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? (значит, оно В.И. Ленина вполне устраивало! — В.С.). Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо... и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы

назвать другой кандидатуры кроме товарища Сталина.

Тоже относительно Рабкина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах»[544].

На пленарном заседании съезда вопрос о генеральном секретаре был поставлен, но не решен. Однако Ленин обеспечил большинство в ЦК партии за своими сторонниками, и это облегчало ему проведение Сталина в генеральные секретари на Пленуме ЦК. Произошедшее на Пленуме ЦК дает дополнительные аргументы в пользу предположения, что Ленин желал иметь не столько должность генсека, сколько Сталина на этой должности.

Протокол Пленума ЦК РКП(б) от 3 апреля 1922 г., на котором происходило «конституирование ЦК», скупо и сухо передает происходившее.

Первым был рассмотрен вопрос «о председателе» ЦК РКП (б). Для анализа этого предложения важно понять, что речь шла о предложении использовать в РКП (б) ту схему, которая была использована в Коминтерне (коллегиальный орган — председатель — генеральный секретарь). Важно знать, кто вносил предложение, но, к сожалению, ответ на этот вопрос нам неизвестен. С уверенностью можно сказать, пожалуй, только то, что это предложение исходило от противника (или противников) того плана реорганизации системы управления, который проводил Ленин. Если председатель ЦК мыслился как высшая должность в партии вместо генерального секретаря, то можно предположить, что оно исходило от Троцкого и его сторонников. Этот вариант позволял им политически торпедировать план Ленина, поставив работу Секретариата ЦК под постоянный политический контроль председателя ЦК. Нельзя исключить, что инициатива исходила от Зиновьева, который провел подобную схему в ИККИ и политический интерес которого (борьба за лидерство в партии) мог толкать его к преодолению той изоляции, в которой он оказывался в результате проводимой Лениным реорганизации системы управления.

Пленум отклонил предложение о введении поста председателя ЦК партии и постановил: «Подтвердить единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари, председатель же избирается на каждом данном заседании»[545]. «Подтвердить единогласно» — это значит, что Ленин был против учреждения должности председателя ЦК. Против, если даже она предназначалась для него. Почему? Может быть, потому, что он знал, что после его отхода от дел в Политбюро возникнут соперничество и борьба, с опорой на две почти равноценные должности — председателя и генерального секретаря ЦК? Борьба, которая в этих условиях может стать только более тяжелой, острой и больше грозящей расколом партии. Если Ленин был против установления должности председателя ЦК, значит, он выступал за то, чтобы генеральный секретарь не делил с ним своей власти. Но отсюда следует, что *дело не в должности, а в системе, в которую она вписана*. Отклонение Лениным предложения о председателе ЦК партии говорит, что Ленин желал, чтобы во главе партии стоял генеральный секретарь.

Вслед за вопросом о председателе был рассмотрен вопрос «об обязательности для Пленума ЦК отметки на списке членов ЦК, принятым XI съездом, о назначении секретарями т.т. Сталина, Молотова и Куйбышева». С разъяснением, содержание которого нам пока неизвестно, выступил Каменев. Пленум постановил: «Принять к сведению разъяснение т. Каменева, что им во время выборов, при полном одобрении съезда, было заявлено, что указание на некоторых бюллетенях на должности секретарей не должна стеснять Пленум ЦК в выборах, а является лишь пожеланием известной части делегатов»[546]. И делегатам съезда, и членам ЦК было известно, что это за «известная часть» и кто возглавлял ее. Информация Пленумом ЦК была принята «к сведению».

Вслед за тем был рассмотрен вопрос «о секретариате». В литературе придается принципиальное значение тому, что это предложение было внесено Каменевым, из чего делается вывод, что именно он проводил Сталина на эту должность. Однако такое утверждение безосновательно. За избранием Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б)

стоял политический интерес Ленина, а не Каменева. Что касается протокола Пленума, то он не фиксирует этой инициативы Каменева, из него невозможно установить, кто именно внес предложение по секретариату. Да это и не имеет большого значения, поскольку не перечеркивает определенно выраженной воли Ленина относительно кандидатуры Сталина. Вопрос о секретариате рассматривался в блоке с вопросами формирования других органов ЦК. «Слушали: "Конституирование ЦК"». И все. Далее — только тексты постановляющей части протокола. По пунктам. Вопрос о секретариате помечен пунктом «в»: «I. Установить должность Генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями — тт. Молотова и Куйбышева.

II. Принять следующее предложение т. Ленина:

ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его; при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально-руководящей секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим помощникам и техническим секретарям.

Т[овари]щу Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях, с тем, чтобы тов. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-х недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрин[а][547].

Остановимся на этом предложении В.И. Ленина, которое в Полном собрании сочинений опубликовано[548] в отрыве от контекста протокола заседания Пленума. Это приводит к искажению участия Ленина в избрании Сталина генеральным секретарем.

Это предложение Ленина вкупе с отклонением им предложения о введении поста председателя ЦК говорит о том, что *он желал видеть во главе партии в качестве генерального секретаря именно Сталина*. В самом деле, если в РКП(б) принимается схема Коминтерна, то власть и влияние И.В. Сталина как генерального секретаря ЦК сбалансированы должностью председателя ЦК, а сам он обречен играть роль проводника в жизнь решений, принятых коллегиальным органом, работающим под руководством председателя. Эту схему Ленин отклонил. Если принимается схема, принятая для Профинтерна, то генеральный секретарь ЦК неизбежно будет играть значительно более самостоятельную политическую роль. Ленин поддержал схему, препятствующую раздроблению власти в руководстве партии, позволяющую совмещать работу коллегиального органа со значительной концентрацией политической власти в руках генерального секретаря ЦК партии. Предоставлять такую власть можно было только человеку, к которому питаешь абсолютное политическое доверие.

Конечно, задача совершенствования работы аппарата ЦК партии тоже могла стоять и, очевидно, стояла. Нареканий на работу партийного аппарата на XI съезде РКП(б) было очень много[549]. «Ужас развала» — так характеризовал положение в самарской организации З.Я. Литвин-Седой[550]. В этих условиях налаживание работы партийного аппарата никак нельзя назвать «технической» проблемой. Для политической системы диктатуры пролетариата это политическая проблема первостепенной важности. Сталин как никто другой был способен решить и эту задачу.

Пленум ЦК партии также сформировал Политбюро, Оргбюро и представительство РКП в Коминтерне. В Политбюро вошли 7 человек: «тт. Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков». Кандидатами в члены Политбюро стали «тт. Молотов, Калинин, Бухарин». Членами Оргбюро были «назначены» Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Томский, Дзержинский и Андреев, а кандидатами в члены: Рудзутак, Зеленский, Калинин[551]. Порядок перечисления фамилий в списке отражает тот факт, что XI съезд стал временем серьезного упрочения Сталиным своих политических позиций. В перечне членов Политбюро он занял третье место в отличие от пятого в списке членов ЦК, вынесенного на голосование. Среди членов Оргбюро он занимает первое место, что по традициям того

времени означало председательствование в коллективном органе. Представителям РКП (б) в Исполкоме Коминтерне стали Зиновьев, Бухарин и Радек, а кандидатами в представители — Ленин и Троцкий[552]. Отсутствие Ленина среди представителей РКП в ИККИ можно объяснить легко — загруженностью советской работой и болезнью. Что касается Троцкого, то, судя по всему, его позицию в Коминтерне стремились не усиливать.

Теперь читатель может по достоинству оценить версию создания должности генерального секретаря и избрания на нее Сталина, предложенную Троцким и подхваченную традиционной историографией.

Есть достаточно оснований для того, чтобы принять как рабочую гипотезу положение о том, что Ленин проводил Сталина к власти и обеспечил ему главенство в партийной и, значит, всей политической иерархии потому, что, размышляя о преемнике, он останавливал свой взгляд на Сталине. В традиционной историографии этот вопрос либо обходится молчанием, либо на него дается отрицательный ответ[553]. С учетом всего сказанного выше, думается, есть основание с доверием отнестись к следующему мнению Молотова о том, что Ленин вопрос о генеральном секретаре, «конечно», «достаточно глубоко продумал и дал понять, на кого равняться. Ленин... Сталина сделал Генеральным. Он, конечно, готовился, чувствуя болезнь свою. Видел ли он в Сталине своего преемника? Думаю, что и это могло учитываться. А для чего нужен был Генеральный секретарь? Никогда не было»[554]. Действительно, оформив таким образом политическое положение Сталина, Ленин дал своим сторонникам политический ориентир.

Если учесть то положение, которое занимала партия в политической системе государства диктатуры пролетариата, то станет ясным, что должность генерального секретаря, являясь высшей должностью в партии, одновременно становилась высшей должностью в политической системе советского государства. Выше нее был только Ленин, положение которого определялось не должностями, а его ролью вождя партии и революции. Поэтому введение должности генерального секретаря ЦК РКП(б) фактически означало замену Троцкого Сталиным в качестве «лидера № 2» в партии. Возможно, пока еще это не для всех было понятно, но не пройдет и двух лет, как это станет ясным даже для сторонних наблюдателей.

Если оценить установление должности генерального секретаря ЦК РКП(б) с точки зрения стремления Ленина к укреплению позиций своих сторонников в ЦК и партии, способности их обеспечить проведение совместно выработанного курса, то надо признать, что это нововведение было логичным и своевременным политическим шагом, вполне вписывающимся в ту реорганизацию политической системы, которую проводил Ленин.

Тот факт, что Сталин занял эту политическую позицию при активнейшей поддержке Ленина, имело огромное значение для политического будущего Сталина и далеко идущие последствия для расстановки политических сил в руководстве партии, для исхода борьбы большевизма с троцкизмом в РКП(б) и в Коминтерне.

Вместе с тем говорить о «необъятной власти» Сталина, которую он получил благодаря должности генерального секретаря, конечно же, не приходится. Его власть была велика, но имела достаточно четко определенные границы и, самое главное, она не была неподконтрольна. Сама по себе должность генерального секретаря мало что прибавила к той власти, которая уже была сосредоточена в руках Сталина к XI съезду партии. Правильнее будет сказать, что эта должность расширяла его властные возможности и упрочила его политические позиции, поскольку теперь его власть опиралась на авторитет решения Пленума ЦК, утвержденного съездом партии, а сама должность генсека была вписана уже в новую систему управления и являлась вершиной ее. Теперь Сталин мог входить в самые разнообразные вопросы внешней и внутренней политики в качестве высшего должностного лица правящей партии.

ГЛАВА 3. ЛЕНИН, СТАЛИН И ТРОЦКИЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ

ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. ЛЕНИНА (СЕРЕДИНА - ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1922 г.)

§ 1. ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ – ОТЧУЖДЁННОСТЬ НАРАСТАЕТ

Информация о политических и личных отношениях Ленина и Троцкого в середине — второй половине 1922 г. идет в основном от Троцкого. Общий характер этих отношений он оценивает следующим образом: «После нашего кратковременного расхождения по вопросу о профсоюзах, он [Ленин] в течение 1921, 22 и начала 23 годов не упускал ни одного случая, чтобы в открытой форме не подчеркнуть своей солидарности со мной... у него были для этого не личные, а политические мотивы». Троцкий не говорил *о своей близости к* Ленину, а напротив, подчеркивает *заинтересованность Ленина* в установлении близких политических отношений с ним, Троцким: «Ленин искал моей поддержки и находил ее»[555]. Детализируя эту картину, он писал: «Когда Ленин выздоровел от первого приступа болезни и вернулся на работу, бюрократия хорошо окопалась, и Сталин приобрел большое влияние на массы членов [партии]. Ленин настаивал, чтобы я был преемником в СНК и обсуждал со мной мероприятия для изжития сталинской бюрократии. Мы стремились осуществить эту нашу цель, не вызывая слишком много трений»[556]. Троцкий уверяет, что Ленин был готов вести вместе с ним борьбу против своих политических сторонников. После такой «подготовки» уже не покажется невероятным следующее разъяснение Троцким «истинного» смысла ленинского «Завещания»: «Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии. Более того... оно преследовало прямо противоположную цель»[557]. Как правило, это заявление историки принимают без тени критики. Исключения из этого правила редки. Так, например, Васецкий попытку Троцкого обосновать тезис о том, что Ленин видел в нем своего преемника, считает беспредметной[558].

В свете всего, что мы знаем теперь о тяжелых политических отношениях Ленина и Троцкого, о создании Лениным механизма политической власти, в которой Троцкому не нашлось места, подобные откровения не могут приниматься на веру, без самой серьезной проверки, а проверка дает отрицательные результаты.

Как на проявление свой политической близости с Лениным Троцкий указывал на свой доклад, который он делал на IV конгрессе Коминтерна, и отзыв о нем Ленина. Выше говорилось о несостоятельности этого довода. Документы, относящиеся к подготовке конгресса и этого доклада на нем, также не дают оснований для подобных заключений. 7 сентября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), обсуждая вопросы подготовки конгресса Коминтерна, приняло предложение Зиновьева о докладчике на IV конгрессе по вопросу «Пятилетие русской революции и перспективы мировой революции». Характер доклада Политбюро определило как программную речь, разъясняющую НЭП, «вставляющую нэп в рамки международного развития и объясняющую весь переходный этап», так как компартии еще не поняли ее сущности. Выписка из протокола была направлена Ленину[559]. Ленин согласился с этим решением, о чем 28 сентября уведомил Зиновьева: «Насчет докладчика я согласен условно: 1) Троцкий должен быть тоже для замены (и для самостоятельного доклада)». При этом он оговорил свое намерение выступить с докладом[560].

Для доказательства тождества своих и ленинских позиций в вопросах государственного и партийного строительства и готовности Ленина сотрудничать с ним Троцкий активно использовал вопрос об угрозе бюрократизма, представляя Сталина то ли главным бюрократом, то ли насадителем бюрократизма, то ли покровителем и защитником его. Он оставил несколько рассказов о своем разговоре с Лениным на эту тему, каждый раз относя его к разному времени и по-разному его описывая. В письме от 15 января 1923 г. свой отказ от предложения стать заместителем Ленина по СНК Троцкий аргументировал несогласием с практикой решения советских вопросов. Особенно возмущало его то, что по вопросам, находящимся в ведении наркомвоенмора, т.е. его, Троцкого, решения принимались

«фактически помимо заинтересованного ведомства и даже за его спиной», что «совершенно нарушало возможность правильной работы, отбора и воспитания работников и сколько-нибудь правильного расчета и предвидения, сколько-нибудь планового хозяйства». При таком положении Троцкий «не считал возможным брать на себя ответственность еще и за другие учреждения». Ленин, со своей стороны, «указав на то, что руководящий аппарат и подбор работников у нас действительно крайне плохи и что нам нужна особая авторитетная партийная комиссия для рассмотрения вопроса о более правильном подборе, воспитании и продвижении работников и о более правильных организационных взаимоотношениях... предложил мне вступить в таковую, когда он более определенно обдумает ее функции и состав. Я с полной готовностью согласился. Больше, однако, тов. Ленин до своего нового заболевания не поднимал вопроса об этой комиссии» (см. Приложение № 7). Так писал Троцкий, когда Ленин еще сохранял работоспособность и в принципе мог быть ознакомлен с этим письмом, а в случае необходимости опротестовать его.

В самом факте разговора на эту тему сомневаться оснований нет. В нем без труда прочитывается хорошо известный принципиально разный подход Ленина и Троцкого к критике аппарата. Ленин критиковал государственный аппарат за то, что политически он в значительной мере остается все еще чужим, действующим вопреки советским законам, а главную роль в деле его совершенствования отводит партии. Троцкий же главную опасность бюрократизма видит в партийном аппарате, прежде всего в высших органах партии, в Политбюро, в Секретариате ЦК и его аппарате, т.е. в «водителе». Поэтому он требует изъять реальную власть в экономике из рук партии и передать ее в руки хозяйственного аппарата, фактически отодвигая партию от реального управления страной. Различны объекты критики, различны и методы борьбы с бюрократизмом. Если, *по мнению Ленина*, именно **партия должна была организовать и возглавить борьбу с бюрократизмом**, то, *по мысли Троцкого*, **партия должна быть подвергнута удару как главный источник и носитель наиболее опасных форм бюрократизма**. Ленин утверждает, что машина (система органов власти) хороша и водитель (партия) хорош, но низовой аппарат саботирует и делает что хочет, в результате машина порой идет не туда, куда нужно[561]. Именно на устранение этого недостатка направлено острие ленинской критики бюрократизма. А, по Троцкому, и «машина» плоха, и «водитель» никуда не годится. Именно такое понимание проблемы станет позднее базой для критика так называемого «секретарского режима», сопровождаемой требованием разгрома партийного аппарата как основного средства победы над бюрократизмом.

Нам важно учесть не только то, что зафиксировано Троцким, еще важнее увидеть то, чего нет в его рассказе: в нем нет ни слова о бюрократизме вообще, о партийном бюрократизме, в частности, и конкретно об Оргбюро как оплоте бюрократизма, т.е. того, о чем Троцкий будет писать позднее, в октябре 1923 г., когда Ленин уже не мог высказаться по этому поводу. В это время Троцкий в письме в ЦК рисовал иную картину: во время одного из разговоров его с Лениным в конце 1922 г. зашел разговор о бюрократизме: «Да, бюрократизм у нас чудовищный, — подхватил Ленин, — я ужаснулся после возвращения к работе... Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат, — живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение. — Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов (партийного и государственного. — В.С.) и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей. Ленин слушал напряженно и подтверждал мои мысли тем глубоким грудным тоном, который у него появлялся, когда он, уверившись в том, что собеседник понимает его до конца, и, отбросив неизбежные условности беседы, открыто касался самого важного и тревожного. Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: «вы, значит, предлагаете открытую борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?» Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое сосредоточение сталинского аппарата. — Пожалуй, выходит так. — Ну, что ж, продолжал Ленин, явно

довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, — я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против оргбюро в частности. — С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, ответил я. — Мы условились встретиться снова через некоторое время. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократизма, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя совнаркома»[562].

Позиции сторон, как они изображены здесь, не имеют ничего общего с тем, как их характеризовал сам Троцкий в письме от 15 января 1923 г. Реальным проблемам, которые тогда волновали Ленина и ЦК, Троцкий противопоставляет надуманный вариант проблемы борьбы с бюрократизмом, в рамках которого пытался представить Ленина не только своим союзником, но и инициатором этого союза, человеком, рассматривающим Троцкого как свою «надежду и опору» в планируемой им борьбе против ЦК. В первом письме Троцкий даже приблизительно не определяет дату этого разговора, а во втором указывает время его достаточно определенно — в декабре 1922 г. И сразу же выявляется ложь. Документами факт их встречи не подтверждается, о телефонных беседах Ленина с Троцким молчит «Дневник дежурных секретарей», не фиксирует он и посещения Троцким кабинета Ленина. Не могла эта беседа состояться и во время какого-либо заседания, так как с конца ноября Ленин в них уже не участвовал. Сам Троцкий о каких-либо внешних обстоятельствах этой встречи также не сообщает.

Документы говорят о другом. О том, что события последнего года скорее могли и должны были настраивать Ленина на критическое и даже недоверчивое отношение к Троцкому. О некоторых из них речь шла выше, о других — впереди.

Весной 1922 г. вскрылись некоторые подробности и результаты «хозяйственной деятельности» в Московском комбинированном кусте (МКК). Так как эта история полностью обойдена вниманием историков, а учитывать ее совершенно необходимо при изучении проблематики политического «Завещания» Ленина, коснемся кратко ее. Выше говорилось, что идея создания Московского комбинированного куста как своеобразного хозяйственного полигона (или экономического эксперимента) была выдвинута Троцким накануне августовского (1921) Пленума ЦК, который разрешил ему проведение этого эксперимента[563].

Поскольку Ленин понимал истинное назначение этой организации и рассматривал ее в качестве своеобразного компромисса, на который ему пришлось пойти, то естественно, что у него были сильные сомнения в отношении этой затеи. Поэтому он сразу же после создания МКК поставил новое детище Троцкого под специальный контроль. В конце июля — начале августа 1921 г. Ленин писал Каменеву: «Пришлите мне, пожалуйста, точный список заводов, фабрик, совхозов и всех прочих предприятий, взятых в управление Троцким... Не знаете, взял ли он (и мог ли взять) еще что-либо помимо Вас (прямо от наркомов?)». Вдогонку пошла вторая записка: «Пожалуйста, узнайте, и нельзя ли сделать, чтобы Вам он *должен* был сообщать все случаи **при** арендования немедленно»[564]. Записки говорят сами за себя: недоверие, беспокойство из-за невозможности или затруднительности держать Троцкого под контролем в той мере, в какой хотелось бы. Троцкий был достаточно автономен в своих действиях и с течением времени масштабы деятельности МКК стали расширяться. Так, 9 марта 1922 г. Политбюро приняло к сведению заявление Троцкого о том, что его деятельность «распространяется на предприятия, выходящие за пределы московской губернии»[565].

В начале 1922 г. Политбюро приняло решение об инспектировании МКК[566]. Троцкий как мог сопротивлялся его проведению. 18 февраля 1922 г. он направил в Политбюро письмо, в котором аргументировал свои возражения тем, что еще не разработаны положения и инструкции для такого инспектирования[567]. Соглашаясь, что вопрос контроля за

сданными в аренду предприятиями стоит очень остро, он утверждал, что это не относится к его хозяйственной организации: «В отношении к кусту, по самому характеру его, вопрос этот не стоит так остро, как в отношении к частным предпринимателям или менее ответственным государственным органам, кооперативам, артелям и пр.» Особенно Троцкий протестовал против того, чтобы инспекцию проводили силами НК РКИ, во главе которой стоял Сталин. Троцкий соглашался лишь на то, чтобы предоставить ВСНХ или РКИ возможность «наблюдать за соблюдением технических и хозяйственных условий договора арендованными предприятиями». Он настаивал на том, чтобы отложить инспектирование до того времени, когда будет создана необходимая нормативная база (декреты, инструкции и т.п.), утверждая, что потеря времени ничем не грозит. Более того, Троцкий пугал членов Политбюро, что проверка МКК силами РКИ будет означать не что иное, как срыв НЭПа: «Было бы, однако, величайшим бедствием, если бы компетенция Рабкрина, как такового, была распространена на эти предприятия. Это означало бы срыв новой экономической политики», так как при угрозе подобного инспектирования никто не будет вкладывать капиталы. Объективно за этим тезисом кроется стремление вывести из-под контроля советского государства частный капитал, что не могло не ослабить те самые «командные высоты», в сохранении и укреплении которых Ленин видел залог будущей победы социализма над капитализмом. Из аргументации Троцкого ясно, что дело, конечно, было не в принципиальной недопустимости такой инспекции, а в том, что Политбюро намеревалось поставить его, Троцкого, хозяйственную деятельность под контроль, который, как он понимал, не сулил ему ничего хорошего.

Несмотря на протесты Троцкого, проверка была проведена в феврале 1922 г.* В апреле выводы комиссии два раза обсуждались на совещаниях представителей НК РКИ и МКК[568]. Основные выводы, к которым пришли инспекторы НК РКИ РСФСР, были известны и Ленину, и Троцкому еще до начала XI съезда партии. 31 мая Секретариат ЦК во исполнение решения Пленума ЦК РКП(б) от 16 мая 1922 г. разослал для ознакомления всем членам ЦК материала по итогам проверки МКК. Поступили они и в ленинский секретариат[569]. В «Заключении» было показано, что «Положение» о Московском комбинированном кусте, которое не могло пройти мимо Троцкого как его фактического создателя и официального руководителя, было «целиком построено на негативных определениях» и не давало «представления о юридической природе Москуста». Он, оказывается, и «не государственная организация», и не частнокапиталистическая. Он должен был быть при РВСР, но его сделали независимым «от военведа». В результате никто не ведал им и он остается вне государственной системы**. В «Положении» о МКК *не определено*, кем Совет МКК избирается, составляется, из кого состоит, а также *кому принадлежат прибыли* МКК. Вывод инспекторов таков: положение не соответствует условиям и требованиям НЭПа «и подлежит категорическому и окончательному осуждению»[570].

Далее констатировалось, что смысл создания МКК извращен. Замысел состоял в апробировании опыта хозяйствования в небольшом объеме. На деле главная идея — комбинирование — не реализуется, включенные в МКК предприятия оторваны друг от друга. «Идея комбинирования была руководящей тогда, когда куст брал в аренду то или иное предприятие. Все они были набраны без системы и это делалось ради придания универсальности торговой деятельности москуста» (курсив наш. — В.С.)[571].

В аренду были взяты нормально работающие предприятия, теперь же, полгода спустя, в финансовом и техническом отношении они находятся «в жалком состоянии» и требуют для своего восстановления огромных средств. Крупные предприятия МКК, «безусловно, убыточны». Вести прибыльную эксплуатацию их можно «только из-за спекулятивных возможностей рынка». Это принципиально важное обстоятельство было признано председателем Правления МКК, т.е. самим Троцким[572]. А, между тем, средства на ведение операций МКК получил от государства, госбанк открыл ему три счета[573]. «Хозяйственная выгодность всех этих операций для Москуста очевидна и столь же ясна их не

хозяйственность с государственной точки зрения»[574].

Таким образом, была вскрыта паразитическая сущность хозяйственного детища Троцкого. В «Положении» перед МКК ставилась цель — «представить в распоряжение государства все большее количество продуктов». «Задача, — фиксируют инспекторы НК РКИ, — осталась не только не выполненной, но и факты и цифры свидетельствуют о том, что торговые обороты Москуста имели совершенно обратные результаты *перекачивания государственных запасов на вольный рынок* ». И снова констатировалось: «Этого не отрицает и Председатель Правления Москуста» (т.е. Троцкий)[575].

Были вскрыты механизмы злоупотреблений. *«Материальный п/отдел оказался не в лучшем состоянии. Систематизации требований и наблюдения за их использованием не было. Счетоводство было крайне примитивное, причем постановка учета не давала уверенности в том, что все хозяйственные операции, по крайней мере, своевременно фиксируются»*. Большие сомнения вызывала организация бухгалтерского учета. «Положение Центральной Бухгалтерии таково, что критика ее должна свестись к перечислению того, что не делается... В общем и целом бухгалтерия МКК в настоящем своем виде является пустым местом, которое своими неграмотно составленными отчетами способно лишь ввести в заблуждение на счет действительного положения дел предприятия». Аренда поставлена так, что МКК обирает Московский совнархоз, т.е. государство[576]. В ММК использовались противозаконные способы комиссионных награждений. Этот опыт из «производственной» сферы МКК пытается теперь «распространить» на торговую сферу[577].

Результаты проверки позволили инспекторам НК РКИ сделать следующие выводы и предложения. Во-первых, МКК «по своей юридической природе представляется *самым неудачным* хозяйственным новообразованием» (курсив наш. — В.С.)[578]. Поскольку в его работе было нарушено важнейшее условие решения Пленума ЦК РКП(б) от 21 августа 1921 г. — никаких привилегий ради интересов соблюдения «чистоты» опыта, то предлагалось привести его в соответствие с обычной практикой. Во-вторых, с точки зрения государственных интересов выбор предприятий крайне неудачен и подлежит пересмотру. В-третьих, торговая деятельность велась в ущерб государству и в нарушение законов. Предлагалось изменить Устав МКК и состав его предприятий, а также утвердить устав «Внутторга» МКК[579].

Общий вывод таков: ***«Весь опыт ведения промышленных и сельскохозяйственных предприятий... оказался неудавшимся»*** (курсив наш. — В.С.)[580]. Справедливость наблюдений и сделанных выводов были признаны руководящими экономическими и финансовыми работниками Москуста.

На документе нет помет, сделанных Лениным, но это не значит, что Ленин тогда лично незнакомился с ним или не был знаком с сутью содержащихся в нем выводов и предложений. Кроме того, в архиве Ленина имеются другие материалы о нарушениях в работе МКК, связанных с трудоустройством, оплатой труда и пр.[581], которые в своей совокупности говорили о том, что МКК превращен в «кормушку», об истинном хозяине которой нетрудно было догадаться. Этот вопрос оставался в поле зрения Ленина почти до самого конца его активной политической деятельности, о чем свидетельствует направленное ему Троцким письмо (24 ноября 1922 г.), в котором он вновь ставил вопрос относительно инспектирования МКК[582].

История хозяйствования Троцкого в МКК могла лишь послужить Ленину дополнительным аргументом в пользу вывода о неэффективности проводимого Троцким эксперимента и укрепить сомнения в способности самого Троцкого к серьезной хозяйственной работе. Результаты проверки дали в руки Ленина и его сторонников серьезные основания и аргументы для наращивания борьбы против Троцкого, которые были использованы в ходе внутривнутрипартийной дискуссии в конце 1923 г. Члены и кандидаты в члены Политбюро в заявлении, направленном в ЦК РКП(б) 31 декабря 1923 г., писали: «Даже когда дело заходило о попытке тов. Троцкого создать себе суррогат хозяйственной работы в форме известного Москуста, тов. Ленин месяцами боролся даже против этой

небольшой "хозяйственной затей" тов. Троцкого и десятки раз в присутствии т. Троцкого, и в его отсутствии тов. Ленин подробно доказывал, что с тем подходом к хозяйственным вопросам, какой есть у тов. Троцкого, хозяйство можно только погубить»[583].

Так или иначе, но вторая половина 1922 г. отмечена, с одной стороны, почти полным прекращением контактов Ленина с Троцким, а с другой — такими шагами в отношении Троцкого, которые нельзя оценить иначе, как направленные на вытеснение его из сферы руководства экономикой. М.И. Ульянова, вспоминая о первом посещении Ленина Сталиным после первого инсульта 11 июля 1922 г., писала: «В этот и дальнейшие приезды они говорили о Троцком, говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос о том, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатии»[584]. Ленин направил Троцкому приглашение с указанием, как добираться до Горок на машине[585]. Троцкий этим приглашением не воспользовался и летом 1922 г. не посещал Ленина в Горках. Информация Ульяновой подкрепляется документами.

«В июле 1922 года, — пишет Волкогонов, — Ленин, выздоравливая в Горках, пишет записку Сталину с просьбой высказать свое и Каменева мнение в отношении Троцкого. Не ясно, о чем идет речь, но видно, что вырабатывается линия по какому-то вопросу по крайней мере троих: Ленина, Сталина, Каменева в противовес Троцкому или о нем. И вновь о Троцком, за спиной у Троцкого... Вероятно, дело доходило до радикальных предложений, возможно, вплоть до освобождения Троцкого от должности или должностей. Об этом, в частности, свидетельствует ленинская записка Каменеву». Ленин писал: «... Я думаю, преувеличений удастся избежать. "Выкидывает (ЦК) или готов выкинуть здоровую пушку за борт", — Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого — ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим до безнадежности, то, как Вы можете это думать. Мальчишки кровавые в глазах...»[586]. Волкогонов предполагает, что автором неведомого предложения был Сталин, и на этом основании делает вывод, что Каменев в отношении Троцкого занимал более умеренные, чем Сталин, позиции, а Ленин встал на защиту Троцкого. Однако сам Волкогонов не уверен в своем предположении и констатирует: «Но факт остается фактом: Ленин не всегда был открыт и искренен перед Троцким»[587]. Это правда. На войне как на войне. Все известное об отношениях Ленина, Сталина и Троцкого в это время позволяет считать более обоснованным другое предположение: Ленин, увидев, что Каменев возражает против радикальных мер (возможно, внесенных им самим или вместе со Сталиным), попытался успокоить его.

Возможно, тогда же речь шла и о предложении Троцкому стать заместителем Ленина по Совнаркому, которое Ленин сделал в сентябре 1922 г. Троцкий и следующая в его фарватере историография это предложение Ленина расценивает как попытку укрепить политические позиции Троцкого, сделав его своим первым заместителем и тем обеспечить его дальнейшее продвижение к власти и превращения в «преемники» на посту председателя правительства. Однако для подобных утверждений нет никаких оснований.

11 сентября 1922 г. Ленин через Сталина внес в Политбюро предложение об увеличении числа заместителей председателя СНК и СТО. Он предлагал в дополнение к двум заместителям — Рыкову и Цюрупе, назначить еще двух — Каменева и Троцкого. Он писал: «В виду того, что тов. Рыков получил отпуск с приезда Цюрупы... а мне врачи обещают (конечно, лишь на случай, что ничего худого не будет) возвращение на работу (вначале очень умеренную) к 1/X я думаю, что на одного тов. Цюрупу взвалить всю текущую работу невозможно и предлагаю назначить еще двух замов (Зампред СНК и Зампред СТО), именно: т. Троцкого и Каменева. Распределить между ними работу при участии моем и, разумеется, Политбюро, как высшей инстанции»[588]. Из текста видно, что Троцкому (первый в списке) предназначалась первая из должностей — заместитель председателя СНК. Внешне она выглядит более важной, чем та, которая предназначалась Каменеву: СТО — всего лишь комиссия СНК. Но в экономических вопросах все было наоборот: все

хозяйственные вопросы шли не через СНК, а через СТО. Троцкий сам признавал, что ему как заместителю по СНК предлагалось взять под контроль «нехозяйственные наркоматы, прежде всего Наркомпрос» (см. Приложение № 7). Этот документ сокрушает также легенды о том, что Ленин предлагал Троцкому стать первым замом и, таким образом, занять второй пост в правительстве. Должности первого зама в то время еще не было, и Ленин не предлагал ее создать.

Получив ленинское письмо, Сталин по телефону (возможно, в тот же день) информировал о нем Троцкого, который отказался от этого предложения. На следующий день, 12 сентября, Сталин был в Горках у Ленина. М.И. Ульянова, бывшая свидетелем беседы между ними, сообщает, что «предложение, сделанное Троцкому о том, чтобы ему быть заместителем Ленина по Совнаркому», носило «характер дипломатии»[589]. В пользу этого говорят и последующие события. После отказа Троцкого принять предложение Ленина, оно было поставлено на обсуждение ближайшего заседания Политбюро (14 сентября), протокол которого гласит: «а) Предложение тов. Ленина о назначении двух зам. Председ. СНК и СТО — принять.

б) Политбюро ЦК с сожалением констатирует категорический отказ т. Троцкого»[590]. Троцкого на заседании Политбюро не было, но так как копии протоколов рассылались всем членам Политбюро, то он, естественно, был знаком с этим решением, не возражая ни против формулировки, ни против постановления по существу.

Чем был продиктован отказ Троцкого? В письме 15 января 1923 г. он писал в ЦК: «Через несколько недель после своего возвращения к работе тов. Ленин предложил мне занять место зама. Я на это ответил, что если ЦК назначит, то, разумеется, как всегда, подчинюсь ЦК, но что буду смотреть на такое решение, как на глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений».

Причины отказа таковы: «Само существование коллегии замов считаю вредным, так как, отрывая наиболее ответственных товарищей от определенных административных и административно-хозяйственных постов, коллегия замов создает для них неопределенное положение, при котором все они отвечают как бы за все и в тоже время как бы ни за что. Считаю и считаю, что необходимо и достаточно иметь постоянного зама по Совнаркому и, может быть, другого по СТО с правильным их взаимоотношением (СТО — комиссия Совнаркома)... Вторая причина, на которую я указал тов. Ленину, — это политика Секретариата ЦК, Оргбюро и Политбюро в советских вопросах», ведущая к принятию решений, игнорирующих мнение руководителей заинтересованных ведомств, что нарушает возможность правильной и планомерной работы их. Естественно, что при таком положении «я не считал возможным брать на себя ответственность еще и за другие учреждения». Иначе говоря, Троцкий был недоволен тем, что государственные и хозяйственные вопросы рассматриваются и решаются в ЦК партии. Ленин ответил, «что против моего желания он не станет предлагать меня замом» (см. Приложение № 7).

Пять дней спустя, 20 января, в другом письме Троцкий добавил еще один аргумент: «В это время я сам просил о четырехнедельном отпуске (и получил его) — главным образом для подготовки к намеченным для меня докладам на предстоящем тогда международном Конгрессе. Таким образом, совершенно независимо даже от моего принципиально отрицательного отношения к расширению замства, совершенно очевидно, что та практическая задача, которую хотел разрешить т. Ленин в виду отпуска тов. Рыкова, совершенно не разрешалась назначением меня замом, так как на предстоящие недели я сам получил отпуск, а в дальнейшем наступил Конгресс, целиком меня поглотивший» (см. Приложение № 9). Указанные Троцким проблемы действительно могли стать причинами отказа. Но главное, видимо, не в них. Троцкий понимал действительный ход ленинской мысли, его намерение «загрузить» его работой вне экономики и таким образом вытеснить его из этой сферы деятельности.

Допускал ли Ленин такой отказ? Волкогонов считал, что поскольку Троцкий отказался,

а Ленин не настаивает, следовательно, он и не желал, чтобы Троцкий согласился, и в подтверждение своей мысли указывал на факты, говорящие о том, что когда Ленин хотел принятия своего предложения, он всегда настаивал. Волкогонов приводит пример: Троцкому было предложено включиться в работу по проверке Гохрана — он отказался. Ленин по поводу этого отказа писал: «Письмо Троцкого неясно. Если он отказывается, нужно решение Политбюро. Я за неприятие отставки (от этого дела Троцкого)»[591]. Мы также думаем, что Ленин допускал отказ Троцкого, поскольку его нетрудно было предвидеть. Получение добровольного отказа Троцкого избавляло Ленина от упреков в том, что Троцкого «затирают», «обижают» и пр.*** и, кроме того, избавлял Ленина от тягостной для него необходимости иметь с Троцким постоянный рабочий контакт, часто ведущий к острым конфликтам.

Более того, Ленин, видимо, и делал свое предложение именно в расчете на отказ. На это указывает то, что Ленин не переговорил сначала с Троцким, а направил свои предложения прямо в Политбюро, поручив, судя по всему, провести переговоры с ним Сталину. В пользу нашего предположения говорит и реакция Троцкого на то, как было проведено это решение через Политбюро: в письме в ЦК партии от 20 января 1923 г. он выразил свое недовольство: «Если все же хотели решить вопрос сейчас или зафиксировать мнение Политбюро, то нужно было созвать заседание Политбюро. После краткого разговора с тов. Сталиным по телефону, я был убежден, что самый вопрос снимается, по крайней мере, до моего возвращения. Но нет. Голосование (по телефону или письменно с моей отметкой на документе) было все же проведено, и я впервые узнал о результатах его только теперь из письма тов. Сталина****. Оказывается, что Сталин и Рыков голосовали "за", Томский и Каменев "воздержались", Калинин "не возражал".

После этого Политбюро на заседании своем от 14 сентября вынесло постановление, в котором "с сожалением констатируется категорический отказ тов. Троцкого"... Я уже находился в отпуску. Тем не менее, несмотря на практическую неотразимость моих доводов, по крайней мере, в пользу отложения вопроса, Политбюро *в мое отсутствие* "с сожалением констатирует" и проч. Я совершенно не вхожу в оценку всего этого эпизода... Но я еще раз констатирую, что вопрос ни разу не вносился в Политбюро и не обсуждался на нем — по крайней мере, в моем присутствии. А я думаю, что мое присутствие было бы не лишним, так как дело шло о моем назначении» (см. Приложение № 9). Последний упрек необоснован, так как в практике работы Политбюро решение важных политических и кадровых вопросов путем опроса было делом обычным.

Что касается рабочих контактов по текущим вопросам, то с июня по сентябрь 1922 г. контактов между Лениным и Троцким не было совершенно (хотя Ленин в это время встречался и переписывался со многими другими членами Политбюро и ЦК партии и наркома), в октябре—декабре они носили эпизодический характер.

С таким багажом отношений Ленин и Троцкий подошли к концу 1922 г. В середине декабря произошел всплеск деловых контактов по одному, но политически важному вопросу — о монополии внешней торговли. Из этой истории Троцкий пытался выжать все что можно, чтобы представить ее как проявление истинно товарищеского, уважительного отношения Ленина к нему и установления между ними политического союза против ЦК партии. Поскольку эта история органично связана также с отношениями Ленина и Сталина, мы рассмотрим ее в соответствующем параграфе. Отметим лишь, что эта переписка свидетельствует не о политическом заговоре, а только о кратковременной и ограниченной одним вопросом активизации их деловых отношений при сохранении противостояния по всем коренным вопросам экономической политики.

* Окончательно вопрос о правовом статусе МКК Политбюро решило 11 января 1923 г. Решило не так, как хотел Троцкий: «Признать, что Москуст, как частно-правовое предприятие, подлежит ревизии РКИ, в соответствии с предоставленными РКИ законом правами относительно частно-правовых предприятий» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 3).

** Есть основание предположить, что это было сделано не случайно, а преследовало

цель вывести МКК из-под контроля. На это, по-видимому, указывают попытки Троцкого обосновать невозможность проведения инспектирования, заключавшиеся как раз в указании на своеобразное положение МКК, на то, что для его инспектирования у НК РКИ нет разработанных инструкций и пр.

*** А этот момент Лениным принимался в расчет. Об этом говорит письмо Молотова Ленину (30 июля 1921 г.) относительно возможных мест работы Троцкого вне Москвы. Намеки на то, что Троцкого «обижают», слышались на XI съезде партии и обращены они были прежде всего к Ленину.

**** Имеется в виду письмо Сталина от 6 января 1923 г. (см. Приложение № 6). Троцкий говорит неправду, и Сталин уличил его в этом. 24 января 1923 г. он писал в ЦР РКП(б), что «тов. Троцкий имел в руках эти протоколы еще в сентябре прошлого года и, если он находил поведение Политбюро неправильным, он мог, конечно, в продолжении более чем четырех месяцев опротестовать его в Пленуме, или потребовать нового обсуждения, чего он, однако, не сделал почему-то. Сталин здесь очевидно не при чем» (см. Приложение № 10).

§ 2. ЛЕНИН И СТАЛИН: ВРЕМЯ НАИБОЛЬШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ

Взаимоотношения Ленина и Сталина после избрания последнего генеральным секретарем ЦК РКП (б), всегда служившие предметом политических спекуляций, были и остаются в центре внимания историков. Концептуально традиционная историография в освещении этого вопроса идет за Троцким, задавшим общий тон и направление исследования. В статье «Что я думаю о Сталине?» (1 марта 1929 г.) Троцкий писал, что в середине 1922 г. Сталин «развил лихорадочную деятельность, ставя своих друзей на все важные посты партии. Когда Ленин выздоровел от первого приступа болезни и вернулся за работу, бюрократия хорошо окопалась, и Сталин приобрел большое влияние»[592]. От него же идет принятое в традиционной историографии утверждение об обострении политических противоречий между Лениным и Сталиным по поводу работы последнего в РКИ, образования СССР, конфликта в ЦК Компартии Грузии, нарастания бюрократизма в государственном и партийном аппарате.

М.И. Ульянова, будучи активной сторонницей Бухарина и, соответственно, политической противницей Сталина, специально искала подтверждения недовольства Ленина Сталиным. Собранный ею перечень фактов оказался весьма скудным. В качестве дополнительных она смогла указать только на недовольство, связанное с отказом Сталина предоставить денежные средства для лечения О.Ю. Мартову, находящемуся за границей, и на обиду на «молодых» членов ЦК, которые не всегда прислушивались к мнению Ленина[593]. Из документов рисуется совсем иная картина. Начнем с мелких фактов, приведенных М.И. Ульяновой.

Жалоба Ленина, высказанная в письме Г.Л. Шкловскому на «молодых членов ЦК», не может быть отнесена к Сталину*, поскольку его невозможно причислить к «молодым» членам ЦК и, кроме того, документы говорят, что он всегда шел навстречу пожеланиям Ленина в кадровых вопросах, в том числе и в отношении Шкловского, который был удовлетворен решением вопроса о его работе. Ленин знал об этом[594]. Сообщаемый М.И. Ульяновой факт просьбы Лениным денег для Мартова и отказа Сталина, к сожалению, не поддается проверке.

Документы говорят о сохранении хороших личных и нормальных деловых отношений и политической близости между Лениным и Сталиным, об отсутствии каких-либо серьезных проявлений недовольства Ленина генеральным секретарем.

Наиболее ярко их личные отношения в этот период характеризует история с ядом. В конце мая у Ленина произошел первый инсульт, заставивший его обратиться к Сталину с просьбой выполнить данное прежде обещание и дать ему яд, чтобы свести счеты с жизнью

ввиду угрозы паралича и утраты речи[595]. Воспоминания об этом оставила М.И. Ульянова. Они представлены двумя версиями, пространной[596] и краткой[597], разнящимися в деталях, но совпадающими в главном, поэтому мы попытаемся реконструировать произошедшее на основе обоих вариантов.

30 мая В.И. Ленин «решил... что все кончено для него, и потребовал чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст[алина]». «Уговоры Кожевникова отказаться от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели действия». «Владимир Ильич сказал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться, и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину, и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным. Сталин прошел в комнату Владимира Ильича, плотно прикрыв за собой, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно заявил: "Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина". Но о догадке своей он нам на этот раз не рассказал» (видимо, Сталин не делал тайны из этой просьбы Ленина для руководства партии). «Ст[алин] пробыл у В.И. действительно минут 5, не больше». «Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась и Сталин, который показался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они (Бухарин и Сталин) направились мимо Большого дома через садик санатория во двор к автомобилю. Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, но во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: "Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константинове) не надо". И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное ранее, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич. "Теперь момент, о котором я Вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич и мне нужна Ваша помощь". Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал. Поцеловался с Владимиром Ильичом и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил, и надежды на выздоровление больше нет? "Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но, если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?"» «Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано». «Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло». «Сталин пробыл на этот раз еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии со слов врачей Владимира Ильича, видимо, обрадовало». «В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: "Лукавите"? "Когда же Вы видели, чтобы я лукавил", — ответил ему Сталин». «А уверение Сталина, что когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: "Дипломатничаете, мол"». «Они расстались и не виделись до тех пор, пока В.И. не стал поправляться и ему не были разрешены свидания с товарищами».

Факт этого визита и разговора подтверждает в своих записях проф. А.М. Кожевников: «Приезжал Сталин. Беседа о suicidium», т.е. о самоубийстве[598]. Видимо, слова Сталина не рассеяли сомнений Ленина. После его ухода Ленина обследовали врачи, когда он оказался в комнате наедине с профессором М.И. Авербахом, то с волнением схватил его за руку и спросил: "Говорят, Вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?" Но в это время вошла сестра и разговор был прерван»[599].

В исторической литературе смысл этого обращения Ленина представляется свидетельством того, что Ленин видел в Сталине человека, способного убить своего товарища, мешавшего свершению его честолюбивых замыслов. Эта версия также восходит к

Троцкому, но в документах и в воспоминаниях людей, близких к Ленину, она не находит никакой опоры. Против этой версии Троцкого также говорит то, что договоренность о яде и первое обращение к Сталину за ядом относятся ко времени наибольшей политической и личной близости Ленина и Сталина. Это признается практически всеми, кто пытался проанализировать динамику их отношений. Так, М.И. Ульянова в заявлении объединенному (1926) Пленуму ЦК и ЦКК писала: «Вообще за весь период болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе т. Сталина, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина»[600]. Могут сказать, что эта оценка дезавуирована другими воспоминаниями, написанными, видимо, в начале — середине 1930-х годов и содержащими критические оценки Сталина. Это так, но только отчасти. Ульянова позднее писала, что в 1926 г. она не сказала всего, и далее сообщает о нескольких фактах недовольства Ленина Сталиным, об отрицательных чертах характера последнего и т.д., но из этого не следует, что сказанное ею в заявлении Пленуму является неправдой. Наоборот, все написанное в 1926 г. она подтвердила, заявив, что «В.И. ценил Сталина. Это, конечно, верно»[601].

Наступившее вскоре некоторое улучшение и стабилизация состояния здоровья, видимо, вновь позволили Ленину отложить роковой шаг. Сталин был последним, с кем разговаривал Ленин, перед тем как по требованию врачей прекратить всякую политическую деятельность и контакты с товарищами. Он же стал первым, с кем Ленин захотел повидаться после разрешения врачей на свидания. Вспоминая о разговоре, М.И. Ульянова писала: «Ильич встретил его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр.»[602]. Это первое свидание оставило документальные следы. 14 июля 1922 г. Сталин сообщал телеграммой Орджоникидзе свои впечатления: «Вчера (время указано неточно. — В.С.) первый раз после полуторамесячного перерыва врачи разрешили Ильичу посещение друзей. Был я у Ильича и нашел, что он поправился окончательно. Сегодня уже имеем от него письмо с директивами. Врачи думают, что через месяц он сможет войти в работу по-старому»[603]. А профессор А.М. Кожевников записал, что их свидание «было продолжительнее, чем предполагалось, потому, что трудно было прервать его»[604]. На следующий день Ленин направил Каменеву письмо с директивами (Сталин о нем упомянул в телеграмме Орджоникидзе): «12/VII. Т. Каменев В виду чрезвычайно благоприятного факта, сообщенного мне вчера Сталиным из области внутренней] жизни нашего ЦК (о чем конкретно шла речь, установить пока не удалось. — В.С.) предлагаю ЦК сократить до Молотова, Рыкова и Куйбышева, с кандидатами Кам[енев], Зин[овьев] и Томск[ий]**. Всех остальных на отдых, лечиться. Сталину разрешить приехать на августовскую] конференцию. Дела замедлить — выгодно кстати и с дипломатической] точки зрения». Далее следовало приглашение Каменева к себе в Горки[605]. Каменев, как и Сталин, нашел состояние Ленина мало отличающимся от того, каким оно было зимой[606].

С этого времени между Лениным и Сталиным возобновляются постоянные личные и политические контакты. Он бывал у Ленина в Горках гораздо чаще других — 11 раз (11 и 30 июля, 5, 9, 15, 19, 23 и 30 августа, 12, 19 и 26 сентября 1922 г.), Каменев — 4 раза (14 июля, 3, 27 августа, 13 сентября), Бухарин также 4 раза (16 июля, 20, 23, 25 сентября), Зиновьев всего 2 раза (1 августа и 2 сентября)[607]. В первом письме, направленном Сталину 18 июля 1922 г., Ленин писал: «т. Сталин! Очень внимательно обдумал Ваш ответ и не согласен с Вами». И далее: «Поздравьте меня!» Ленин с радостью обращается к человеку, к которому расположен и от которого рад принять поздравления, с сознанием того, что следующее далее известие о разрешении читать газеты порадует Сталина[608].

К сожалению, мы мало знаем о содержании большинства их бесед. 12 августа 1922 г. Сталин в Горках беседовал с Лениным о РКИ[609]. Встреча 15 сентября описана Сталиным в опубликованной 24 сентября статье в «Правде»[610].

Сталин участвует в организации лечения Ленина, который обращается именно к нему с некоторыми «деликатными» вопросами, например, пишет ему письмо с просьбой «избавить от некоторых иностранных врачей, оставить отечественных»[611]. Ленин, в свою очередь,

как и прежде, проявляет заботу о здоровье Сталина, об организации его отдыха, чтобы поддержать его работоспособность. 24 июня 1922 г. после врачебной консультации он передал через Семашко Дзержинскому предложение для Политбюро: «Обязать через Политбюро т. Сталина один день в неделю, кроме воскресенья, целиком проводить на даче за городом»[612]. Вот еще одна записка: «т. Сталин. Вид Ваш мне не нравится. Предлагаю Политбюро постановить: обязать Сталина проводить в Зубалово*** с четверга вечера до вторника утром...»[613]. 13 июля 1922 г. Политбюро рассмотрело вопрос об отдыхе Сталина и обязало его «проводить 3 дня в неделю за городом»[614]. 5 августа 1922 г. наркомздрав НА. Семашко написал М.И. Ульяновой для передачи Ленину: «Передайте пожалуйста] при случае Влад[имиру] Ильичу, что т. Сталин недавно осматривался проф. Ферстером; ему прописано 2 дня в неделю отдыха, что он *в общем* выполняет», а также о том, что, по его внешнему наблюдению состояние всех товарищей лучше. Так что пусть Влад[имир] Ил[ьич] не беспокоится»[615].

В целом круг вопросов, по которым Сталин контактировал с Лениным, оставался прежним, однако из-за болезни Ленина интенсивность всех контактов Ленина, в том числе и со Сталиным, снизилась. Период после возвращения Ленина к работе, октябрь—декабрь, отмечен все той же нормальной деловой работой и хорошими личными отношениями. Этому не помешали разногласия по вопросам национально-государственного строительства и монополии внешней торговли. М.И. Ульянова вспоминала, что «вернувшись к работе осенью 1922 г., Ленин по вечерам устраивал встречи с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным, нарушавшие режим работы, установленный врачами»[616].

В эти месяцы Ленина кроме вопросов образования СССР и монополии внешней торговли, о которых речь пойдет дальше, беспокоил ряд других вопросов, в которых у него со Сталиным отмечается нормальное сотрудничество, взаимопонимание, единство позиций. Это относится к реорганизации РКИ (о чем шла речь выше), а также формированию бюджета 1923 г., в процессе которого встал вопрос о сокращении судостроительной программы и направлении сэкономленных средств на нужды просвещения. В этом вопросе Ленин оказался в противостоянии с Троцким. Сталин поддержал Ленина[617]. В конце сентября 1922 г. заместитель председателя Госплана Пятаков подписал военную смету, превышающую сумму, предложенную наркомом финансов, на 26 триллионов руб. 28 октября СНК под председательством Каменева в отсутствие Ленина утвердил ее, о чем Каменев сообщил Ленину, одновременно указав, что «эта сумма явно непосильна для государства» и предложив отменить решение СНК, а для изучения этого вопроса создать комиссию[618]. 30 октября 1922 г. Ленин пригласил к себе для обсуждения этого вопроса Сталина, Каменева, Зиновьева и Молотова. Примечательно, что наркомвоенмора Троцкого для обсуждения сметы военного ведомства в узком кругу Ленин не пригласил. Это совещание оценило допущенную ошибку как «архиопасный путь» и предложило впредь таких ошибок не допускать[619]. 30 ноября Политбюро приняло решение сократить расходы на судостроительную программу до 8 млн золотых рублей[620].

Осень 1922 г. принесла Сталину расширение если не власти, то своего политического влияния, что не могло произойти без ведома Ленина. Накануне начала работы IV конгресса Коминтерна, 2 ноября 1922 г., Политбюро утвердило принятое накануне «опросом» предложение Зиновьева об увеличении числа представителей РКГТ(б) в Коминтерне за счет включения в их число Сталина, Каменева, Луначарского, Пятакова, Мануильского[621]. А 30 ноября 1922 г. накануне окончания конгресса Коминтерна Политбюро утвердило новый состав представительства РКП(б) в Коминтерне: члены — Бухарин, Радек, Зиновьев («прежняя «тройка») и кандидаты — Ленин, Троцкий и Сталин[622]. А ведь это было уже после известной дискуссии Сталина и Ленина об основах строительства СССР, т.е. по вопросу, принципиально важному для Коминтерна.

С другой стороны, нет никаких оснований считать, что Ленина беспокоило усиление политических позиций Сталина. Нам неизвестны документы, которые бы свидетельствовали о том, что Сталин расширял свою власть дальше установленных (если такие установления

были) пределов или злоупотреблял ею, проявлял грубость, «нелояльность», т.е. то, что ставилось ему в упрек в «Письме к съезду». Наоборот, он держал себя подчеркнуто скромно, что удивляло тех, кто знал истинную расстановку сил в руководстве партии. Любопытные воспоминания об этом оставил Микоян, настроенный к Сталину критически. Рассказывая о работе XII партконференции (4—7 августа 1922 г.), он пишет, что был поражен скромным поведением Сталина, которое у него и других делегатов «вызывало недоумение. «Вначале я подумал, не было ли это проявлением его чрезмерной скромности... Но в данном случае такая скромность уже выходила за пределы необходимого... такое поведение генерального секретаря, как я понимал, не мешало, а скорее содействовало сплочению сложившегося руководящего ядра партии. Оно повышало в глазах делегатов личный престиж Сталина»[623]. Скромное поведение Сталина бросалось в глаза и удивляло несоответствием его авторитету и положению в партии.

Сказанное, конечно, не означает, что в отношениях между Лениным и Сталиным в это время не было никаких проблем. Проблемы были, отрицать или игнорировать их было бы наивно и неправильно. У Сталина были свои сложившиеся политические взгляды, свой политический почерк, свои представления, что и как надо делать. На этой почве возникали разногласия, которые не выходили за рамки обычных трений, возникающих в процессе работы. Показательна, например, телефонограмма Сталина Ленину (6 мая 1922 г.), вызванная недоразумениями в связи с отправлением телеграммы членам советской делегации на Генуэзской международной конференции Чичерину и Красину. «Проект ответа т. Рыкова на телеграмму Чичерина и Красина о топливе послан как ответ т. Рыкова за его подписью. Я не возражал против вашего предложения о посылке телеграммы Чичерину и Красину в советском порядке, хотя ни по существу, ни формально я не согласен с Вами. Поступил я так потому, что ответ требовался немедленный и невозможно было откладывать дело. Я пустил на голосование проект ответа Рыкова после телефонного разговора с Вами, имея Ваше согласие узнать мнение членов Политбюро по интересующему Красина и Чичерина вопросу: я не мог допустить, чтобы ответ был послан в советском порядке, без ведома и контроля Политбюро. Это, во-первых, во-вторых, ясно, что кем бы ни была послана телеграмма, она будет расценена, как ответ, санкционированный Политбюро, и, в-третьих, запрос Чичерина и Красина был направлен в Политбюро, и последнее не могло ответить молчанием. Я не знаю других средств для определения мнения членов Политбюро о телеграмме, посланной, скажем, в советском порядке, кроме опроса последних.

Вы, оказывается, упрекали т. Манучарьянц за опрос членов Политбюро и советовали ей по вопросам советского порядка не опрашивать членов Политбюро. Если есть тут чья-либо вина (я ее не вижу), я принимаю ее целиком на себя, ибо Манучарьянц только исполнительница моих распоряжений. Я думаю, что по вопросам, касающимся направления дел, следует делать замечания или давать советы не исполнительнице распоряжений, а автору последних, т.е. мне. В противном случае мы рискуем разрушить всякую дисциплину в техническом аппарате Политбюро»[624].

Вот еще один подобный документ. 13 ноября 1922 г. Сталин писал Ленину о том, что в связи с одним из его выступлений возникли политические проблемы. «Я получил ряд заявлений от практиков московской парторганизации и от членов Российской фракции конгресса Коминтерна о некотором неудобстве, создаваемом Вашим интервью корреспонденту Обсервера о левых и правых коммунистах»[625]. Заявления говорят о том, что интервью т. Ленина освящает существование левого коммунизма (может быть, рабочей оппозиции), как партийно-законного явления. Практики считают, что теперь, когда левый коммунизм во всех его формах (не исключая рабочей оппозиции) ликвидирован, опасно и нецелесообразно говорить о левом коммунизме, как о законном явлении, могущем конкурировать с коммунизмом официально-партийным, тем более что на XI-м съезде нами констатировано полное единство нашей партии, а период, следующий за XI-м съездом, говорит о дальнейшем укреплении партии в смысле ее единства и сплоченности. Я думаю, что если в дипломатическом отношении подчеркивание существования левого коммунизма

может быть и полезно, то в отношении партийном это подчеркивание ведет к некоторым отрицательным результатам в ущерб партии и в угоду рабочей оппозиции, создает сумбур, неясности. Хорошо бы в дальнейшем исправить этот недочет»[626].

По существу поднятых вопросов Сталин, думается, был прав. Со стороны Ленина не последовало никакой отрицательной реакции, хотя можно допустить, что Ленину эти письма не понравились. Но в любом случае их нельзя расценивать как злоупотребление властью генерального секретаря ЦК РКП (б), проявление грубости и пр. Эти письма остались без видимого последствия, как и проявления других разногласий в текущей политической работе. Более того, в тех мерах, которые Ленин в это время предлагал для совершенствования работы ЦК и его аппарата, нет и намека на то, что он был недоволен Сталиным, ростом его политической активности, общим ходом дел в ЦК партии и его аппарате. Это, например, проявилось в направленных Лениным 8 декабря 1922 г. ЦК партии «Предложениях Пленуму, касающиеся регламента работы Политбюро»[627].

Показательным является также то, что именно Сталину Ленин направил 15 декабря 1922 г. свое последнее деловое письмо с сообщением о том, что он закончил «ликвидацию» своих дел и может уезжать спокойно. «Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, — это невозможность выступить на съезде Советов»[628]. В этом выступлении, насколько можно судить о намерениях Ленина по подготовленным материалам и плану, он не собирался затрагивать ни одного вопроса, по которому прежде имели место какие-то разногласия со Сталиным, в том числе и вопросы национально-государственного строительства и монополии внешней торговли[629]. И самый факт этого письма, и поставленные в нем вопросы, и его тон говорят о том, что доверительные политические и личные отношения между Лениным и Сталиным, несмотря на имевшие место разногласия, продолжали сохраняться.

Д. А. Волкогонов опубликовал очень важное для нашей темы письмо Ленина Сталину, не датировав его. Мы сначала воспроизведем его текст, а затем попробуем определить время, к которому оно относится. «Т. Сталин! Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу и сделали сугубую глупость: пытались запретить "политические" совещания (сами, плохо понимая, что это значит). Я чрезвычайно рассердился и отчитал их. В четверг у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать на случай обострения болезни. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных разговоров. Надеюсь Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К^о отошлете. О пленуме ЦК непременно приезжайте рассказать или присылайте кого-либо из участников...»[630].

Точная привязка событий к дням недели, упоминание о предстоящем Пленуме ЦК РКП(б), факт запрета врачами «политических совещаний», а также состояние здоровья и работоспособности Ленина позволяют уверенно датировать это письмо кануном декабрьского (1922) Пленума. 14 декабря обозначен как четверг. «Дневник дежурных секретарей» в этот день не фиксирует посещение Каменевым Ленина в кабинете[631], но нельзя исключить, что Каменев был у Ленина на квартире. Опубликованный «Дневник дежурных врачей» не содержит записей за 15 декабря 1922 г., однако запись за 16 декабря говорит о том, что накануне, 15-го (т.е. в пятницу), у Ленина действительно был приступ паралича: «Вчера весь день было чувство тяжести в правых конечностях. Мелких движений правой рукой почти не может совершать. Попробовал писать. Но с очень большим трудом написал письмо, которое секретарша разобрать не могла, и Владимиру Ильичу пришлось его продиктовать»[632]. В этой записи имеется еще одно указание на 15 декабря — о тексте, написанном Лениным так плохо, что его пришлось переписывать. Известно, что начиная с 15 декабря Ленин уже не мог писать сам. В этот день он не смог написать письмо Троцкому и вынужден был прибегнуть к помощи Фотиевой, которая записала его под диктовку[633]. Таким образом, письмо было написано не ранее 16 и не позднее 18 декабря 1922 г., так как в

этот день работал Пленум ЦК РКП(б).

Это письмо «на корню» убивает легенду об охлаждении Ленина к Сталину, о недоверии к нему и пр. и пр. На 16 декабря между Лениным и Сталиным сохраняются все те же, знакомые по предыдущему времени тесные, хорошие деловые и близкие, доверительные человеческие отношения.

Был ли Сталин у Ленина, неизвестно****. О чем хотел говорить с ним Ленин «на случай обострения болезни», мы тоже не знаем, но можем сделать аргументированное предположение на основе воспоминаний Л.А. Фотиевой и М.И. Ульяновой. 22 декабря после второго инсульта вновь возникла угроза паралича и утраты речи*****, т.е. то состояние, с которым Ленин связывал самоубийство. Он опять обратился к Сталину за ядом. Фотиева писала: «22 декабря Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: "Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам..." И прибавил при этом: "Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И, я надеюсь, что Вы это исполните". Пропущенную фразу в начале я не могла припомнить. В конце — я не разобрала, т.к. говорил очень тихо. Когда переспросила, не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне»[634]. М.И. Ульянова в заявлении объединенному (1926) Пленуму ЦК и ЦКК писала, что во время второго удара в декабре 1922 г. «**В.И. вызывал** к себе Сталина и **обращался к нему** с самыми интимнейшими поручениями... И при этом Ильич подчеркивал, что **хочет говорить именно** со Сталиным» (выделено нами. — В. С)[635]. «Вызывал» и «обращался» — значит, Сталин был у Ленина в период от 16 до 22 или 23 декабря.

Анализ доступных историкам документов и воспоминаний приводит нас к выводу, что в середине — конце 1922 г. личные и политические отношения Ленина и Сталина носили спокойный, деловой, товарищеский характер. Политические бури последних месяцев 1922 г. не изменили в принципе отношения Ленина к Сталину. Ничто из достоверно известных нам фактов не указывает на какую-либо чрезвычайную политическую напряженность между ними или охлаждение в их личных отношениях. Ничто не говорит о том, что Ленин вдруг стал опасаться своего союзника, ставшего сосредоточивать в своих руках «необъятную власть», в то время как он из-за болезни все больше и больше утрачивал способность влиять на текущие дела. Ничто не указывает на то, что Ленин разочаровался в системе власти, созданной им для проведения его же собственного политического курса, настолько, что решил сломать тот политический баланс в ЦК партии, без которого эта система существовать не могла и политический курс, выработанный им, проводиться не мог бы. Вплоть до 22—23 декабря 1922 г. ничто не указывает на то, что Ленин увидел в деятельности и поведении Сталина что-то такое, что заставило его пожалеть о том, что Сталин стал генеральным секретарем ЦК РКП(б). Имевшиеся разногласия носили не принципиальный, а тактический характер, и не доходили до грани политического или личного конфликта. Они решались в обычном «рабочем» порядке и не могли служить причиной радикального изменения Лениным своих прежних оценок Сталина как политика и человека.

Теперь обратимся к истории наиболее крупных разногласий Ленина и Сталина по вопросам образования СССР и монополии внешней торговли. Начнем с последнего. Предваряя анализ материала по этим проблемам, скажем, что они не повлияли на их отношения так, как обычно представляется, — драматическим образом.

* На несостоятельность отнесения этого упрека к Сталину указывал Волкогонов (Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 36—37).

** Очевидно, речь идет об организации работы Политбюро. Члены Политбюро Каменев, Зиновьев и Томский должны были в это время принимать участие в его работе только для замены Молотова, Рыкова и секретаря ЦК Куйбышева, т.е. в таком режиме, в котором к его работе привлекались кандидаты в члены Политбюро.

*** Летом 1922 г. в Зубалово рядом строили четыре дачи: для Ленина, Сталина,

Каменева и Дзержинского (См.: *Волкогонов Д.А. Ленин...* Кн. 2. С. 34).

**** «Дневник дежурных секретарей» не фиксирует посещение Сталина, но он мог быть на квартире у Ленина. Косвенно эту датировку подтверждает и М.И. Ульянова, которая так же, как и Ленин, в этом письме писала, что инициатива в ограничении Ленина на политинформацию после 16 декабря исходила от врачей (Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198).

***** Предчувствия Ленина не обманули. Несколько часов спустя в ночь на 23 декабря врачи зафиксировали наступление стойкого паралича: утром уже «совершенно не было никаких движений ни в руке, ни в ноге» (Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45).

§ 3. ЛЕНИН, СТАЛИН И ТРОЦКИЙ В ДИСКУССИИ О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

В историографии и общественном сознании с подачи Троцкого прочно утвердилась мысль, что дискуссия по вопросу о сохранении режима монополии внешней торговли способствовала, с одной стороны, усилению политической отчужденности Ленина со Сталиным, Каменевым и Зиновьевым, а с другой — политическому сближению его с Троцким и установлению между ними политического блока, направленного против большинства Политбюро и ЦК. Эта версия передает реальные события в искаженном виде.

Острая дискуссия относительно судьбы монополии внешней торговли и совершенствования механизмов и способов ее осуществления велась в руководстве РКП(б) с конца 1921 г., когда этот режим, установленный 22 апреля 1918 г.[636], стал подвергаться критике как пережиток времен «военного коммунизма». Ленин сразу же выступил за незыблемость этой монополии. 3 марта 1922 г. он писал Каменеву: «Я довольно долго размышлял о нашем разговоре (с Вами, Сталиным и Зиновьевым) насчет Внешторга и линии Красина и Сокольников».

Мой вывод — безусловно прав Красин. Нельзя нам теперь дальше отступать от монополии внешней торговли... Иностранцы иначе скупят и вывезут все ценное»[637]. Как видно, разногласия в ленинской группе по этому вопросу наметились еще до XI съезда. На политических отношениях Ленина и Сталина они не отразились, Сталин стал генеральным секретарем ЦК РКП(б). Эта дискуссия, порождавшая неопределенность в важном политическом вопросе, была известна за границей и отрицательно сказывалась на развитии контактов с Германией — единственным из промышленно развитых капиталистических государств, политически признавшим Советскую Россию и изъявившим готовность к широкому экономическому сотрудничеству с ней (Рапалльский договор от 10 апреля 1922 г.). Это обстоятельство придавало вопросу о монополии новый поворот и дополнительную остроту. Стремясь устранить препятствия на пути развития внешнеэкономических связей с Германией, Ленин 15 мая 1922 г. внес в Политбюро проект постановления, подтверждающего монополию внешней торговли[638], и в тот же день написал Сталину и М.И. Фрумкину: «Я считаю, что надо формально запретить все разговоры и переговоры и комиссии и т.п. об ослаблении монополии внешней торговли»[639]. На письме Ленина Сталин написал: «Против формального запрещения шагов в сторону ослабления монополии внешней торговли на данной стадии не возражаю. Думаю, все же, что ослабление становится неизбежным»[640]. Подобных взглядов придерживалось большинство членов Политбюро, в том числе Каменев, Зиновьев, Троцкий. За упразднение монополии внешней торговли выступали нарком финансов Г.Я. Сокольников и Н.И. Бухарин. Таким образом, в Политбюро оформились три позиции. Дискуссия продолжалась. Сокольников продолжал настаивать на пересмотре режима внешней торговли. К осени 1922 г. этот вопрос обострился еще более в связи с неспособностью государственных органов обеспечить вывоз хлеба, что отрицательно сказалось на поступлении валюты. По настоянию Сокольникова вопрос был вынесен на октябрьский (1922) Пленум ЦК РКП(б), который 6 октября в отсутствие Ленина по докладу

Сокольников (в его подготовке принимали участие М.И. Фрумкин, П.А. Богданов и Л.М. Карахан) рассмотрел вопрос «О режиме внешней торговли». К сожалению, протокол не фиксировал ход дискуссии, известно только постановление, которое соответствовало позиции большинства ЦК:

«а) Не декларируя никаких перемен в отношении монополии внешней торговли, провести ряд отдельных постановлений СТО о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам.

б) Предложить СТО немедленно начать осуществление указанных мер, не откладывая их до выработки общего списка товаров, подлежащих ввозу или вывозу, а также портов и границ, через которые ввоз и вывоз должен производиться». Одновременно был определен состав комиссии для проведения этого решения через СТО (Сокольников, Фрумкин, Пятаков, Богданов, Лежава). Перечень товаров, разрешенных к ввозу и вывозу, решено было обсудить с местными властями[641].

12 октября председатель Центросоюза Л.М. Хинчук направил Ленину письмо с критикой решения Пленума. В тот же день нарком внешней торговли Л.Б. Красин выступил в печати против решения Пленума, аргументируя свои возражения опасением, что из страны начнется вывоз богатств и т.д. Ленин расценил решение Пленума как покушение на сохранение режима монополии внешней торговли. В тот же день он беседовал со Сталиным относительно тех мер, которые должны были быть приняты по реализации постановления Пленума, в частности об открытии Петроградского и Новороссийского портов. Ленин считал, что стремление крестьян продать хлеб за границу подтолкнет их к борьбе с советской властью, а иностранцы вывезут все излишки хлеба, в то время как запас на случай войны еще мал[642]. Очевидно, Сталин не согласился с Лениным. Он, как и большинство членов ЦК, считал, что разрешение торговать не только через Внешторг, но и через другие государственные организации, а также улучшение аппарата Внешторга не разрушают режима монополии внешней торговли. Предложения же сторонников ликвидации монополии — Бухарина и Сокольников — были отклонены*. Между Лениным и большинством ЦК возникла ситуация определенного непонимания друг друга.

В письме Сталину (для Политбюро)*, написанному 12—13 октября 1922 г., Ленин подверг критике аргументацию Сокольников и решение Пленума, которое «устанавливает как будто неважную, частичную реформу... Но на самом деле это есть срыв монополии внешней торговли». Ленин считал, что установить эффективный контроль за действием закупочных контор, которым предоставляется право вывоза, невозможно». Возникнет ситуация несравненно более сложная, чем та, которую может создать контрабанда. Он предлагал совершенствовать имеющуюся систему внешней торговли, а не бросать и не разрушать ее, оставляя на ее месте полный хаос. Ленин выразил недовольство тем, что этот вопрос на Пленуме был внесен «наспех», без внимательного изучения всех последствий и без предварительной серьезной дискуссии. «Где же тут хоть тень правильного отношения к делу? Усталые люди голоснут в несколько минут и баста. Менее сложные политические вопросы мы взвешивали по многу раз и решали нередко по нескольким месяцам»**. Сославшись на свое отсутствие на заседании Пленума по причине болезни, Ленин просил о «некотором исключении из нормы» и предложил «отсрочить решение этого вопроса на два месяца, т.е. до следующего пленума, а до тех пор собрать сведенные вместе и проверенные документы об опыте нашей торговой политики»[643].

12 октября Политбюро, обсудив статью Красина и предложения Ленина, решило поручить Секретариату опросить всех членов ЦК, находящихся в Москве, относительно перенесения окончательного решения вопроса о монополии внешней торговли на следующий Пленум, и в случае если за это предложение не будет большинства опрошенных, передать вопрос на решение очередного заседания Политбюро. Красину поручалось предоставить членам ЦК все материалы в двухдневный срок[644]. Сохранился ряд письменных ответов на запрос Секретариата, говорящих о том, что почти все опрошенные согласились с предложением Ленина отложить окончательное решение вопроса, не изменив,

однако, своего мнения по существу. Противился ленинскому предложению только Зиновьев. 14 октября он писал Сталину: «Я решительно против пересмотра решения... и по формальным соображениям, и по существу. В статье т. Красина (видимо, он считал, что именно она смутила Ленина. — В.С.) ничего, кроме демагогии не вижу. Голосую против всякого пересмотра»[645]. Интересно, что наиболее активные и принципиальные противники Ленина — Сокольников и Бухарин — заняли более гибкую, чем Зиновьев, позицию: они согласились с повторным обсуждением этого вопроса. Сокольников 14 октября в письме Сталину поддержал «предложение т. Ленина об отсрочке решения о монополии внешней торговли»[646]. Бухарин в принципе был против пересмотра принятого решения, но соглашался пойти навстречу Ленину по тактическим соображениям. 17 октября он писал Сталину, что считает опасения Ленина и Красина несостоятельными, так как они игнорируют те убытки, которые терпит страна из-за неумения «мобилизовать крестьянский товарный фонд», в чем повинен плохой аппарата Внешторга. Он считал, что будет лучше, если получат прибыль капиталисты-партнеры, чем продукты сельского хозяйства останутся нереализованными. Соглашаясь на отсрочку окончательного решения еще на два месяца, он отмечал, что это приведет к дополнительным финансовым потерям. Свое согласие ждать Бухарин объяснял тем, что такой важный вопрос нельзя решать при колебаниях ЦК партии[647]. Каменев 14 октября известил Сталина, что он «согласен пересмотреть на первом заседании Пленума ЦК»[648]. Сталин также согласился на повторное рассмотрение вопроса, заявив о сохранении приверженности принятому решению: «Письмо тов. Ленина не разубедило меня в правильности решения пленума Цека от 6/Х о внешней торговле... Тем не менее, в виду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума Цека исполнением, я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсуждение следующего пленума с участием т. Ленина»[649]. 16 октября на основании проведенного опроса Политбюро приняло решение о переносе вопроса о монополии внешней торговли на следующий Пленум ЦК[650]. Ответа Троцкого в распоряжении историков нет. Либо его не запрашивали (он был в отпуске), либо он уклонился от ответа.

Получив согласие членов ЦК вернуться к вопросу на ближайшем пленуме, Ленин начал готовиться к борьбе за пересмотр принятого решения, собирать материал в пользу принятия решения о сохранении режима монополии внешней торговли в неприкосновенности. Наиболее веские аргументы представил торговый уполномоченный РСФСР в Германии Б.С. Стомоняков[651]. До 12 декабря Ленин не испытывал никакой потребности в помощи Троцкого для решения вопроса о сохранении монополии внешней торговли.

12 декабря Ленин направил Троцкому для ознакомления письмо, полученное им от Н.Н. Крестинского, в котором он сообщал, что отмена монополии внешней торговли катастрофически отразится на развитии экономических отношений с Германией. Ленин обратился к Троцкому с вопросом, согласен ли он с Крестинским, и информировал его, что он будет «воевать на пленуме за монополию»[652]. В тот же день Троцкий ответил Ленину, сформулировав свое отношение к этой проблеме: «Сохранение и *укрепление* монополии внешней торговли является делом безусловной необходимости... С другой стороны, видоизменения и усовершенствования методов монополии внешней торговли безусловно необходимы». Последнее заявление достаточно неопределенно и в общем и целом соответствует решениям октябрьского (1922) Пленума ЦК РКП(б). Получается, что Троцкий вроде бы и согласился с Лениным, но тут же оговорил, что он не против перемен. Почему он занял такую позицию? Может быть, ответ находится в следовавшем тут же заявлении, которое можно расценить как попытку посеять недоверие у Ленина к членам ЦК, представить их двурушниками: «Но сейчас и фактические противники [монополии] внешней торговли не ведут против нее лобовых наступлений, а действуют сложными обходными манёврами... Возникает опасность, что под видом усовершенствования методов осуществления монополии могут быть подсунуты меры, по существу подтачивающие монополию»[653]. Заявив, что он затрудняется в выборе между вариантами заместителя наркома РКИ В.А. Аванесова (торгуют крупнейшие хозяйственные организации —

синдикаты, концерны — под контролем Внешторга), с одной стороны, а с другой — Н.Н. Крестинского и Б.С. Стомонякова (торгуют торгпредства как специализированные хозяйственные органы), Троцкий выводил вопрос о монополии на проблему перестройки всего хозяйственного механизма, против которой выступал Ленин. «Важнейшим вопросом, однако, было и остается регулирование нашей внешней торговли из России в связи со всей вообще хозяйственной работой. Нужно, чтобы кто-нибудь знал и решал, что можно ввозить и чего нельзя, что нужно вывозить и что нужно сохранить для себя. Решения тут нужны не в плане законодательной регулировки, неподвижной номенклатуры, а практические, изменяющиеся, всегда приспособленные к хозяйственным потребностям, взятым в их полном объеме. Это, очевидно, должно было бы быть работой Госплана, стоящего, в свою очередь под знаком развития государственной промышленности. Но это — тема особая, о которой я писал не раз»[654].

Как видно, Ленин и Троцкий, рассматривая вопрос о монополии внешней торговли, сходились в общей его постановке, расходясь в том же, в чем Ленин разошелся с Пленумом ЦК, но, что важнее, Троцкий вписывал эту монополию в совершенно иную, чем Ленин, схему хозяйственного механизма. В результате получалось совпадение в подходе к решению частного (хотя и важного) вопроса при сохранении противостояния в главном. Кроме того, если Ленина беспокоило то, *как* вывозить, то Троцкого — *что* вывозить и *кто* это решает.

На следующий день, 13 декабря, Ленин в письме Фрумкину и Стомонякову сообщил о получении письма от Троцкого и о согласии с ним *«во всем существенном, за исключением, может быть, последних строк о Госплане. Я напишу Троцкому о своем несогласии с ним и о своей просьбе взять на себя, ввиду моей болезни, защиту на пленуме моей позиции»* (выделено нами. — В.С.). Согласие во всем существенном означало, что Ленин в принципе приемлет варианты и Аванесова, и Крестинского со Стомоняковым, что между ними можно и нужно выбирать лучший. Следовательно, *Ленин сделал определенный шаг навстречу позиции, занятой Пленумом ЦК*, в том числе Сталиным, Каменевым и Зиновьевым. Здесь же Ленин впервые высказал предположение о возможном вынесении этого вопроса на обсуждение коммунистической фракции съезда Советов и предстоящий съезд партии, в случае, если на Пленуме *«не получится согласия»*[655]. И действительно, одновременно Ленин пишет Троцкому: «Мне думается, что у нас с Вами получается максимальное согласие, и я думаю, что вопрос о Госплане в данной постановке исключает (или отодвигает) спор о том, нужны ли распорядительные права для Госплана»[656]. Обращает на себя внимание то, что спор снимается или отодвигается только при «данной постановке вопроса», а она заключалась в предложении решать его в практическом, а не законодательном плане. Это означает, что вопрос о реорганизации системы управления в данном случае не стоит и в этой ситуации (при «данной постановке вопроса») Ленин мог найти с Троцким общий язык в одном, отдельно взятом вопросе. В письме Троцкому он *повторил* свое предложение перенести вопрос на фракцию съезда Советов и партсъезд в случае поражения на Пленуме. Тот факт, что Ленин лишь *повторил* это предложение, делает невозможным расценивать его как предложение Троцкому союза против ЦК партии.

В тот же день, 13 декабря, Троцкий направил Ленину записку, в которой, со своей стороны, зафиксировал согласие в частном вопросе при сохранении разногласий в главном: *«в пределах вопроса о монополии внешней торговли, думаю, что согласие у нас полное ... По вопросу о Госплане сохраняю свою старую точку зрения, — но этот вопрос не нарушает, мне кажется, единство позиции по вопросу о внешней торговле»* (курсив наш. — В. С.)[657].

В тот же день Ленин получил от Фрумкина письмо, в котором он высказал «опасения, что вопрос о монополии внешней торговли может быть снят с обсуждения на Пленуме из-за невозможности участия в нем Ленина. «Я считал бы совершенно необходимым покончить с этим вопросом. Дальнейшая неопределенность положения срывает всякую работу», — пишет Фрумкин и просит Ленина: «Не найдете ли возможным переговорить по этому вопросу с Сталиным и Каменевым»[658]. Ленин выполнил эту просьбу. 13 декабря он имел длительную беседу (2 часа 5 мин.) со Сталиным, в ходе которой затрагивался и вопрос об

обсуждении этого вопроса на Пленуме ЦК[659]. На следующий день Ленин говорил с Каменевым. Утром 15 декабря Ленин пишет Троцкому: «Я считаю, что мы вполне сговорились. Прошу Вас заявить на пленуме о нашей солидарности. Надеюсь, пройдет наше решение, ибо часть голосовавших против в октябре теперь переходят частью или вполне на нашу сторону»[660]. Есть все основания считать, что Ленин, говоря о членах ЦК, пересмотревших свои позиции, имел в виду и Сталина. Интригу (в духе рассказов Троцкого) в данный текст вносят слова «на нашу сторону». Получается, что Сталин (по утверждению Троцкого, опасаясь его блока с Лениным) перешел на их сторону. Однако оказывается, что слова «на нашу сторону» вписаны в текст ленинской рукописи Фотиевой***. В этом письме Ленин в третий раз предлагает обратиться к фракции съезда Советов и партийному съезду, если на Пленуме не пройдет «наше решение». В контексте письма «наше решение» уже никак не может быть расценено как блок Ленина и Троцкого, направленный против Сталина и ЦК. Продиктовав письмо, Ленин затем просит Фотию внести в это, еще не отправленное Троцкому письмо дополнение, содержащее просьбу протестовать, если возникнет вопрос о переносе обсуждения[661]. А вслед за этим шлет еще одно письмо с настоятельной просьбой выступать против попыток отложить решение этого вопроса по причине отсутствия самого Ленина и снова высказывает мысль о целесообразности постановки вопроса о монополии на партийный съезд[662].

Троцкий, а вслед за ним и литература, идущая у него в фарватере, фиксируют внимание свое и читателей только на той части переписки Ленина и Троцкого, в которой они заявляли о единстве своих позиций в части сохранения монополии внешней торговли. Но, как видно, в ней есть и другая часть, органично связанная с первой, — заявления о сохранении прежних разногласий по вопросу о Госплане. Правда, в переписке она занимает меньшее по объему место, но играет не менее важную роль. Добившись единства позиции в вопросе о монополии внешней торговли, Ленин не предпринимал никаких попыток сблизить свои позиции с Троцким в вопросе о Госплане. И это понятно. Здесь ситуация выбора. Либо изменение «законодательных» возможностей Госплана как комиссии экспертов, либо расширение административных («распорядительных») прав Госплана как органа оперативного планирования. Позиции Ленина и Троцкого по вопросу о монополии внешней торговли сблизились ровно настолько, насколько позволяли их разногласия по принципиальным вопросам НЭПа. Также нельзя не отметить, что Ленин и Троцкий вопрос о монополии внешней торговли вписывают в совершенно разные представления о НЭПе. У Ленина она является эффективным способом защиты социалистической экономики и достаточным условием для ее роста. А у Троцкого — это всего лишь шаг в направлении создания условий для налаживания планового хозяйства и функционирования хозяйственного механизма, построенного по его схеме, но условие недостаточное для обеспечения его развития и победы социализма.

Троцкий пытается представить эти контакты как предложение Лениным ему политического союза, направленного своим острием против Сталина, Каменева и Зиновьева. В историографии чаще всего это утверждение Троцкого принимается как соответствующее истине и не нуждающееся в проверке и доказательстве. Так, Э. Радзинский считает, что этот союз предreshал неизбежное поражение Сталина[663]. Критическое отношение встречается редко. Н.А. Васецкий называет утверждения Троцкого «явным преувеличением благосклонного к нему отношения Ленина»[664], все-таки признавая, таким образом, факт «благосклонности». У Ленина, однако, ясно виден политический расчет. В ленинских письмах невозможно найти следов предложения Троцкому политического союза, направленного против ЦК партии и, в частности, против Сталина[665]. Это — вывод, сделанный на основе анализа текстов ленинских писем. Чтобы установить, прав ли Троцкий, следует выяснить, во-первых, каковы были политические условия в тот момент, когда Ленин обратился к Троцкому за выяснением его позиции. Во-вторых, действительно ли Троцкий разделял ленинские взгляды на монополию внешней торговли. В-третьих, была ли у Ленина необходимость в политическом союзе с ним против Сталина и других членов ЦК.

Из-за обострения болезни Ленин не мог принять участия в работе декабрьского (1922) Пленума ЦК РКП(б) и опять не мог лично повлиять на ход дискуссии, поэтому для него был важен каждый лишний голос «за» сохранение монополии. Важна была и позиция Троцкого. Он тоже не участвовал в работе октябрянского (1922) Пленума ЦК и своего отношения к принятому решению не выразил. Уже поэтому нет никаких оснований представлять письменный вопрос Ленина о позиции Троцкого как предложение ему политического союза. Кроме того, Ленин не мог не знать, что Троцкий не был противником изменения режима монополии внешней торговли. Например, на заседании Политбюро 26 июня 1922 г. он не возражал против предложений Зиновьева, направленных на ее ограничение[666]. По-разному они оценивали эффективность монополии как средства защиты экономических интересов государства. Ленин считал, что она позволяет бороться с контрабандой, о чем писал членам ЦК (через Сталина) 13 октября 1922 г., оспаривая тех, кто утверждал, что «все равно, дескать, и контрабанда против монополии тоже идет вовсю»[667]. Троцкий принадлежал как раз к числу тех, с кем спорил Ленин. Он не скрывал своего скептицизма по поводу возможности монополии внешней торговли стать надежным заслоном на пути контрабанды. Не случайно на XII съезде партии в докладе о работе промышленности Троцкий «пропел» и «во здравие» монополии, и «за упокой» ее: заявив о себе как о принципиальном стороннике монополии[668], он тут же стал утверждать, что «контрабанда... будет разбивать преграды, и никакая монополия торговли, никакая пограничная охрана не оградит нас от давления мирового рынка»[669]. Такое заявление означает, что он фактически занял позицию гораздо более близкую к бухаринской, чем к той, которую занимали Сталин, Каменев и Зиновьев.

Все это свидетельствует о политически конъюнктурном характере позиции и поведения Троцкого. В переписке с Лениным он явно лукавил. Вернее, пытался разыграть в свою пользу противоречия, возникшие между Лениным и большинством ЦК, в том числе и его ближайшими сподвижниками. Однако как бы там ни было, но Троцкий оказался среди тех, на кого Ленин мог опереться в борьбе со своими непримиримыми оппонентами — Бухариным и Сокольниковым. Голос Троцкого здесь, конечно, был полезен, им можно и нужно было воспользоваться. Но — не для политической борьбы со Сталиным, Каменевым и Зиновьевым. 13 декабря, т.е. в то время, когда была вполне выявлена не только близость, но и различие их позиций, Ленин направляет Сталину для Пленума ЦК пространное письмо с развернутой аргументацией своей позиции в пользу сохранения монополии внешней торговли. Его удар направлен против Сокольникова и Бухарина, а не против Сталина, Каменева и Зиновьева. О Троцком, о его позиции, авторитете и важности его поддержки — ни звука[670]. И не потому, что переговоры с Троцким велись втайне. Ленин не скрывал их, и Сталин о них знал.

С другой стороны, ко времени, когда у Ленина с Троцким было достигнуто согласие относительно позиции по вопросу о монополии внешней торговли, изменились настроения и части членов ЦК. Дополнительный материал и беседы с Лениным побудили Сталина, Каменева и Зиновьева изменить свою прежнюю позицию и перед Пленумом ЦК высказаться в поддержку позиции Ленина[671]. Сталин 15 декабря известил членов ЦК партии письмом: «В виду накопившихся за последние два месяца новых материалов по вопросу о внешней торговли (материалы комиссии тт. Ярославского и Аванесова, с одной стороны, и материалы тов. Стомонякова об оживлении переговоров с заинтересованными капиталистами об организации ряда крупных смешанных обществ по внешней торговле — с другой стороны), говорящих в пользу сохранения монополии внешней торговли, снимаю свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщенные мною членам Цекда два месяца назад»[672]. Снятие разногласий со Сталиным означало, что у Ленина с ним нет больше сколь-либо существенных разногласий в вопросах экономической политики.

Троцкий утверждает, что Сталин по вопросу о монополии в декабре 1922 г., «почуввав опасность, отступил без боя»[673]. Все доказательство этого тезиса держится на том, что заявление Сталина об изменении прежней позиции последовало только 15 декабря, т.е. вслед за договоренностью, достигнутой между Лениным и Троцким. Но, во-первых, дата письма не

означает, что Сталин изменил свое мнение именно в означенное число, это могло произойти и несколько ранее. Во-вторых, нет оснований считать, что Сталин был более податлив политическому давлению, чем, например, Бухарин и Сокольников, которые своих взглядов не изменили. В-третьих, вряд ли Сталину надо было опасаться создания политического союза Ленина и Троцкого при сохранении разногласий по более важным вопросам НЭПа и принципам строительства хозяйственного механизма.

Троцкий намекает, что именно его согласие поддержать Ленина позволило последнему настаивать на рассмотрении вопроса о монополии на декабрьском Пленуме и не допустить нового перенесения (неясно, кто выступал с таким предложением) под каким бы то ни было предлогом[674]. Эта точка зрения не имеет под собой достаточных оснований. Из письма Ленина Троцкому от 15 декабря ясно, что не поддержка Троцкого позволила ему так ставить вопрос, а другие обстоятельства: «самое главное: дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу»[675]. К тому же заявление Ленина о недопустимости переноса обсуждения на следующий Пленум из-за его болезни сделано было тогда, когда среди основных сторонников Ленина в Политбюро было достигнуто взаимопонимание по этому вопросу, следовательно, принятие ленинского предложения было обеспечено. Вопрос созрел, условия для победы точки зрения Ленина сложились. Надо было принимать решение. Позиция Троцкого была важна, но не имела определяющего значения.

Переговоры с Троцким отлились в форму переписки только потому, что Ленин избегал личных контактов с ним. А разговоры со Сталиным и Каменевым не оставили письменных следов как раз потому, что велись они в ходе личных встреч. Таким образом, сама переписка говорит не столько о политической близости Ленина с Троцким (даже в этом отдельном вопросе), сколько о дистанцировании Ленина от него даже в той ситуации, когда он был заинтересован в его поддержке.

Об этом же говорит и обращение Ленина 14 декабря 1922 г. к Ем. Ярославскому**** с просьбой записать ход дискуссии на Пленуме ЦК РКП(б)[676]. «Ленин вызывал меня к себе, — вспоминал он, — и беседовал со мной по поводу постановки в Пленуме ЦК вопроса о сохранении монополии внешней торговли. Он тогда очень волновался, что вопрос этот не будет пересмотрен в желательном для Ленина смысле, то есть в смысле отмены предыдущего постановления Пленума, и *особенно волновался он по поводу позиции Зиновьева, Каменева, Бухарина и Соколькова* (курсив наш. — В.С.). Ленин поэтому стремился обеспечить за своим предложением поддержку. Ленин знал, что Сталин высказался уже в письме в Политбюро, что он за сохранение монополии. Он просил меня сговориться с тов. Троцким и вместе защищать вопрос в Пленуме ЦК, а если понадобится, то и перенести на фракцию съезда Советов... Говорить на основании такого соглашения *по данному* вопросу с т. Троцким *о блоке* против Зиновьева и Каменева Ленина с Троцким *вообще* было бы совершенно неправильно. Во время почти часового свидания моего с Лениным, В.И. ни разу мне не намекнул относительно принципиальных своих расхождений с Политбюро по другим вопросам, хотя Ленин, помнится, говорил не только о монополии внешней торговли, я меньше всего могу допустить, что Ленин имел в виду какой-нибудь прочный "блок" с Троцким. Он, по-моему, относился к нему именно как к бывшему меньшевику... и только отстаивал с помощью т. Троцкого определенную линию в вопросе сохранения государственной монополии внешней торговли... я думаю, что Ленин не ограничился бы только советом сговориться с Троцким *по данному* вопросу, если б имел в виду более длительный "блок": ведь я был тогда членом ЦК, и, косвенно хотя, Ленин посвятил бы меня в складывающуюся комбинацию»[677].

16 декабря началось резкое ухудшение состояния здоровья В.И. Ленина, и вечером Н.К. Крупская просила Ярославского на Пленуме ЦК записать для Ленина выступления Пятакова, Бухарина, а, по возможности, и других по вопросу о монополии внешней торговли[678]. Как видно, информацию о дискуссии на Пленуме по этому вопросу Ленин ждал не от Троцкого (прямого обращения с подобной просьбой в переписке с ним нет), а от Ярославского,

являвшегося политическим противником Троцкого. Этот факт дает дополнительные основания для сомнений в интерпретации Троцким его контактов с Лениным по поводу предстоящего обсуждения на Пленуме ЦК.

В этом контексте должны быть восприняты заявления Ленина, что его отсутствие на Пленуме не помеха для обсуждения, а также его слова в письме Сталину для членов ЦК о том, что «Троцкий защитит мои взгляды несколько не хуже, чем я»[679]. Принципиально важно, что об этом он пишет Сталину, не скрывая от него как своего единомышленника достигнутой договоренности с Троцким и знакомя его со своим планом действий. Из письма Ленина ясно, что Сталин для Ленина не противник, против которого должен действовать Троцкий, а союзник, которого Ленин знакомит с введением в бой на своей стороне еще одной крупной политической фигуры. О том, против кого Ленин намеревался вести борьбу на Пленуме, хорошо известно от самого Ленина, — против Бухарина, Сокольников и Пятакова. Никакой антисталинской направленности в этой переписке Ленина и Троцкого не было. Никакого «сговора», никакой тайны, никакого поворота политического фронта и предложения политического блока против большинства ЦК.

18 декабря 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о монополии внешней торговли и принял решения, согласованные с Лениным. В.А. Куманев и И.С. Куликова утверждают, что решения, на которых настаивал Ленин, были приняты благодаря Троцкому, поскольку он сумел доказать «ошибочность предыдущей резолюции» и «добиться ее отмены». Никаких доказательств в подтверждение сформулированного тезиса авторы не приводят, более того, они идут мимо очевидных фактов. Они отбирают у Ленина его победу, обеспеченную его усилиями и его авторитетом и передают ее Троцкому. Получается, что не предварительная работа Ленина обеспечила изменение Пленумом своего прежнего решения, а Троцкий своей аргументацией на Пленуме[680]. Радзинский идет дальше и превращает Троцкого в главного докладчика по вопросу о монополии на декабрьском Пленуме[681]. Для подобных утверждений нет никаких оснований.

Сохранился рукописный проект решения Пленума ЦК по вопросу о монополии внешней торговли, того самого решения, которое некоторые историки связывают с активностью Троцкого. Проект свидетельствует, что подготовка проекта решения шла без участия Троцкого. Черновик написан чернилами, судя по почерку, Сталиным и подписан Сталиным, Зиновьевым и Каменевым. Первым стоит подпись Сталина, она сделана теми же чернилами, каким написан текст, что также свидетельствует в пользу сталинского авторства этого документа. Подписи Зиновьева и Каменева исполнены другими чернилами. В черновик внесены поправки рукой Зиновьева, им же написан пункт «1 а» постановления[682].

Резолюция вносилась от имени Зиновьева, который, как было всем известно, прежде выступал против уступок Ленину в этом вопросе. Этим могла достигаться демонстрация единства всех членов ленинской группы в данном вопросе. Однако подписи под проектом постановления, подготовленным Сталиным, означают, что если не формально, то фактически он был внесен от имени «тройки» — Сталина, Зиновьева и Каменева.

Документ не датирован. Относящаяся к этому же времени переписка Ленина со Сталиным по вопросу о монополии внешней торговли, их переговоры при личных встречах, заявление Сталина о снятии своих возражений, уверенность Ленина, что вопрос готов и откладывать его не следует, а также факт удовлетворенности Ленина принятием этого проекта (а принят был именно он) дают основание для предположения, что этот документ мог быть составлен 13—15 декабря и, возможно, тогда же показан Ленину[683]. Поскольку с Троцким никакие вопросы относительно подготовки проекта решения не обсуждались, то, следовательно, есть основания считать, что согласование проекта шло в обход его. Во всяком случае, ясно, что в этих условиях у Ленина не было никакой политической надобности в заключении политического союза с Троцким для борьбы со своими сторонниками в Политбюро, готовившими проект постановления о монополии внешней торговли, отвечавший требованиям Ленина.

Вопрос этот рассматривался на утреннем заседании Пленума ЦК 18 декабря 1922

г.[684] Протокол заседания не несет информации о ходе обсуждения его, но имеется рассказ Зиновьева на XII съезде партии: «Мы в результате длительных прений пришли к тому выводу, что окончательный контроль, руководство, право "вето", разумеется, должны остаться в руках Внешторга, как такового, но что это не должно мешать крупнейшим областным единицам несколько более самостоятельно вести внешнюю торговлю»[685]. Подготовленный Сталиным, Каменевым и Зиновьевым проект был принят Пленумом единогласно. В нем говорилось: «Принять резолюцию, предложенную тов. Зиновьевым, с некоторыми поправками из резолюции т. Фрумкина». Далее подтверждалась «безусловная необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли» и предлагалось «издать в партийном порядке строгую инструкцию с разъяснением настоящего постановления ЦК и возбранением под страхом строгих кар, выступлений против монополии внешней торговли в переговорах с представителями иностранного капитала в России и за границей и с указанием на тяжкий вред дискуссий по вопросу о монополии, которые вызывают в капиталистическом мире представление о нашей неустойчивости по этому вопросу». От Наркомата внешней торговли требовалось установить жесткий контроль за соблюдением режима монополии, предавать суду трибунала его нарушителей и докладывать ЦК о случаях нарушения монополии внешней торговли. Отменялось решение предыдущего Пленума об ослаблении этого режима, поручалось «установить твердый список» хозорганов, которым предоставлялось право «непосредственной торговли на основе декрета 16/X под контролем НКВТ (с правом вето последнего)»[686]. Как в подготовленном Сталиным проекте, так и в принятом Пленумом постановлении акцент делался на том, что отказ от монополии может сорвать соглашения с западными фирмами, что указывает на влияние тех материалов, которые Ленину присылал В.С. Стомоняков и на которые ссылался Сталин в своем заявлении от 15 декабря[687]. Вопросы, разводившие Ленина с Бухариным, на которые он указывал в своем письме Сталину («они», де, нас могут разорить)[688], ни в проекте, ни в постановлении Пленума не нашли отражения, возможно, потому, что принципиальное решение о сохранении режима монополии внешней торговли делало аргументацию против них ненужной. Поскольку принятое решение соответствовало тому, чего добивался Ленин, у нас есть все основания считать, что он был удовлетворен им. Во всяком случае, на XII съезде партии, когда Зиновьев в политическом отчете ЦК заявил о победе точки зрения, которую отстаивал Ленин[689], никто ему не возразил, не опротестовал этого заявления. В том числе и Троцкий. Некоторую информацию о дискуссии дают воспоминания Ем. Ярославского: «Предложение Ленина было принято Пленумом ЦК, хотя прения и были; и принято было оно, если память мне не изменяет, единогласно. Во всяком случае, в выступлениях Зиновьева и Каменева не было ничего, что указывало бы на их серьезные расхождения с Лениным. Поэтому, записывая коротко ход прений для записки Ленину (о чем он со мною условился накануне, что я перешлю ему секретную такую записку), я старался всячески успокоить Ильича, указывал в записке, что принципиальных расхождений у него нет с Пленумом ЦК. Самую записку, помнится, я писал под впечатлением того взволнованного состояния, в каком я оставил Ильича»[690].

Протоколы заседаний Пленума (и рукопись, и официальный машинописный экземпляр) и другие документы не фиксируют какой-либо активности Троцкого при обсуждении вопроса о монополии внешней торговли[691]. Сам Троцкий нигде в своих многочисленных воспоминаниях также ничего не говорил о том, как именно он отстаивал ленинскую позицию на Пленуме, не утверждал и того, что благодаря его активности было принято решение, так обрадовавшее Ленина. Нет никаких оснований считать, что Троцкий как-то повлиял на принятые решения. Неудивительно поэтому, что ему не предназначалось никакой особой роли и в деле реализации решений Пленума.

Дальше события развивались, судя по информации Ярославского (его письмо Фотиевой и Володичевой от 22 января 1924 г.), так. Ярославский передал свою запись секретарям Ленина. «Володичева дала кому-то переписать мою запись и машинистка, вообразив почему-то, что это рукопись т. Сталина, обратилась к нему за справкой по поводу не ясно

написанного слова»[692]. Здесь и вскрылось, что Ленину, минуя ЦК, направляется еще один документ — «секретная записка» Ярославского. Очевидно, Пленум ЦК РКП(б) на следующем заседании был ознакомлен с просьбой Ленина и принял особое постановление об условиях его информирования о принятых решениях****: «В случае запроса т. Ленина о решении Пленума по вопросу о внешней торговле, по соглашению Сталина с врачами, сообщить ему текст резолюции с добавлением, что как резолюция, так и состав комиссии приняты единогласно». Относительно записей Ярославского было решено: «Отчет т. Ярославского ни в коем случае сейчас *не передавать и сохранить с тем, чтобы передать тогда, когда это разрешат врачи по соглашению с т. Сталиным*» (курсив наш. — В. С.)[693]. Как видно, запрет касался только записей Ярославского, а не решения Пленума. Ясно, что под этим «соглашением» подразумевается не заговор Сталина с врачами против Ленина, а выяснение мнения врачей, получения от них разрешения на передачу документов.

Первая часть постановления, возможно, была подготовлена Сталиным и отпечатана заранее, перед внесением на рассмотрение Пленума. Вторая часть его (последний пункт (абзац)) носит совсем иной характер. Во-первых, он вписан в машинописный текст подлинника от руки Фотиевой: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки»[694]. Здесь же имеется ее помета: «Не записанное решение».

Непонятно, почему это решение не было записано в протокол, почему, кем и когда было решено его вписать. Возможный ответ состоит в том, что после того, как это постановление было отредактировано и отпечатано, оно было оглашено на Пленуме и здесь же было решено возложить персональную ответственность на Сталина. Ем. Ярославский подтверждает эти предположения, сообщая (в письме Фотиевой и Володичевой от 22 января 1923 г.), что сначала была принята первая часть решения (хотя не очень ясно, что считать первой частью, но можно предположить, что речь идет о печатном тексте)[695]. Во-вторых, этот пункт не может быть объяснен, как предыдущие, резким ухудшением состояния здоровья Ленина, так как он относился не к самому Ленину, а к тем, кто мог вступать с ним в политический контакт. Его формулировка указывает на то, что в ЦК опасались нарушения запрета кем-то из ближайшего окружения Ленина. Этого можно было ожидать либо со стороны секретарей (им трудно было противостоять Ленину), либо со стороны Н.К. Крупской, которая благодаря своему положению могла пренебречь обычным запретом или нечаянно нарушить его, поскольку не всегда контролировала себя в разговорах с Лениным. О наличии у Крупской этой «слабости» М.И. Ульянова писала: «Опасаться надо было больше всего того, чтобы В.И. не рассказала чего-либо Н.К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться»[696].

Это постановление не могло иметь целью сокрытие существа принятого решения и результатов голосования, поскольку эти сведения должны были быть ему сообщены сразу же. Из протокола Пленума ЦК было сделано две выписки, одна — для Ленина — была передана Фотиевой (зарегистрирована в ленинском секретариате в декабре 1922 г.), вторая — для Сталина[697]*****.

Считается, что дальше события развивались следующим образом. 21 декабря Крупская рассказала Ленину о решении Пленума и под его диктовку написала Троцкому письмо: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции»[698].

Это письмо воспринимается как ленинское. Однако оно вызывает ряд вопросов источниковедческого характера. Отсутствие рукописи и подписи под ним легко объяснить болезнью, но с другими вопросами сложнее. Во-первых, оно почему-то не зарегистрировано в ленинском секретариате. Кроме того, и, во-вторых, в опубликованной версии этого письма

опущена приписка, сделанная якобы Крупской. Интерес представляет не самый ее текст («В.И. просит также позвонить ему ответ»), а поставленная под ней подпись — «Н.К. Ульянова». Это удивительно, поскольку Крупская подписывалась всегда своей фамилией — «Крупская». Именно так ею подписаны другие документы, написанные в эти дни[699]. В-третьих, нет даже подлинника, написанного ее рукой, имеется только *копия с копии*. Можно ли в этом случае с доверием отнестись к такому письму? Думается, нет! Во всяком случае, его нельзя положить в основу суждений, отдав ему приоритет перед совокупностью других документов, в подлинности которых сомнений нет.

Кроме того, содержание этого письма находится в явном противоречии с известными документами о подготовке обсуждения на Пленуме вопроса о монополии внешней торговли и ходом его обсуждения: неясна озабоченность принятым решением, которую якобы высказал Ленин[700]. В письме содержится предложение о переносе этого вопроса во фракцию съезда Советов и на съезд партии. Эти мысли Ленин высказывал несколько раз в ходе переписки с Троцким, но в ином контексте — в том случае, если предложение о сохранении монополии внешней торговли Пленум не поддержит. Но Пленум поддержал ленинское предложение, и Ленин принятым решением был вполне удовлетворен. Неясно, что теперь стимулирует это предложение. Любопытно, как сам Троцкий интерпретирует это письмо: Ленин-де после ознакомления с решением Пленума предложил ему политический блок против ЦК: «настаивал на том, чтобы я апеллировал против ЦК к партии и съезду»[701]. Зададимся вопросом: зачем Ленину нужно было идти на союз с Троцким против своих сторонников и планировать борьбу с ЦК РКП(б) на съезде партии за сохранение монополии внешней торговли? Зачем «ломиться в открытую дверь»? Может быть, потому, что члены его группы в Политбюро и ЦК не сразу солидаризировались с ним? Ну а Троцкий? Разве он не посчитал нужным зафиксировать отличие своих взглядов от ленинских в том вопросе, который был более общим и важным по отношению к вопросу о монополии?

Эти сомнения, на первый взгляд, снимает письмо Каменева Сталину, в котором он сообщает о получении Троцким от Ленина этого письма. «Сегодня ночью звонил мне Тр[оцкий]. Сказал, что получил от Старика записку, в которой Ст[арик], выражая удовольствие принятой пленумом резолюцией о Внешторге, просит, однако, Тр[оцкого] сделать по этому вопросу доклад на фракции съезда и подготовить тем почву для постановки этого вопроса на партсъезде. Смысл, видимо, в том, чтобы закрепить сию позицию. Своего мнения Тр[оцкий] не выражал, но просил передать этот вопрос в комиссию ЦК по проведению съезда. Я ему обещал передать тебе, что и делаю»[702]. Однако и с этим письмом Каменева не все ясно. Три члена Политбюро знают о письменном предложении Ленина поставить вопрос о монополии внешней торговли в повестку дня фракции и съезда партии, но этот вопрос в практическом плане никогда не обсуждается. Допустим, Сталин и Каменев не хотели ставить его, но почему Троцкий не настаивал? Почему не только не выступил во фракции, но и вообще никак не откликнулся на содержащийся в письме призыв о помощи? Молчат об активности Троцкого не только документы, молчит и сам Троцкий: часто рассказывая об этой истории, он никогда не говорил о каких-либо действиях, предпринятых им в этом направлении. Далее. Документ не датирован, не зарегистрирован (на нем нет следов регистрации) ни в секретариате Каменева, ни в секретариате Сталина). Можно ли быть уверенным, что он относится именно к этому времени? Надежных доказательств нет. Более того, в тексте имеется странная описка — вместо слов «принятой пленумом резолюции» сначала было написано «принятой съездом резолюции». Она странна только в том случае, если письмо писалось сразу после пленума. Если допустить, что эта записка была создана позднее (а это мы вправе сделать), то прошедшим временем легко и естественно объясняется не только странная «описка», но и отсутствие регистрации, и противоречивое сочетание удовлетворенности принятым решением и опасение за его судьбу, и игнорирование Политбюро ленинского предложения об обсуждении доклада на фракции съезда Советов и на XII съезде РКП(б).

Письмо Каменева вроде бы получает подтверждение своей подлинности в записке, которой ответил ему Сталин: «Записку получил. По-моему, следует ограничиться заявлением в твоём докладе, не делая демонстрации на фракции. Как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера»[703]. Из данной записки нельзя заключить, что она является ответом именно на это письмо Каменева. Пока что это только предположение. У Сталина речь идет о *переписке, об организации переписки*. Примем версию, что письмо 21 декабря действительно принадлежало Ленину. Все равно переписки не получается. *Одно письмо — не переписка*. Может быть, речь идет о какой-то еще недоступной исследователям части ленинского наследия? Неясно также, о каком докладе Каменева идет речь. Можно предположить, что имеется в виду доклад в комфракции. К сожалению, этот доклад (если он имел место) историкам пока неизвестен.

Подведем итог. Активизация контактов Ленина с Троцким в декабре 1922 г. — факт. Но факт и то, что эти контакты не шли в ущерб контактам Ленина со Сталиным, Каменевым и Зиновьевым. На заключительном этапе подготовки обсуждения вопроса о монополии внешней торговли на Пленуме ЦК Ленин действовал совместно со Сталиным, Каменевым, Зиновьевым и Троцким. Установившийся контакт Ленина с Троцким не имел характера политического союза и тем более союза, направленного против своих сторонников в ЦК.

* Позднее, на XII съезде партии, Зиновьев так охарактеризовал эти разногласия: «В ЦК не было ни малейших споров насчет незыблемости монополии внешней торговли. В ЦК одно время был спор насчет того, может ли, должен ли, — как выражались в ЦК, — Внешторг торговать за всю Россию, и в том числе за все наши же хозяйственные советские органы» (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. М., 1923. С. 188).

** В.И. Касьяненко считает, что Ленин в этом письме упрекал Сталина за недостаточную подготовку вопроса о монополии (*Касьяненко В.И. Ленин и деловая Америка (Реалии и уроки истории советско-американских отношений)* // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 17). Это не так, поскольку в соответствии с практикой того времени Ленин направил письмо Сталину как генсеку для членов Политбюро. Следовательно, упреки были обращены всем его членам, которые утверждали повестку дня Пленума ЦК РКП(б).

*** Впервые это письмо было опубликовано Троцким в 1927 г. с искажениями. Опущена помета «PS», отмечающая приписку Фотиевой к основному тексту письма, а также указание на ее вставку в ленинский текст (*Троцкий Л. Письмо к Истпарт ЦК ВКП(б). (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии)* // Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин, 1932. С. 74—75).

**** Он был председателем комиссии СНК РСФСР по ревизии торгпредств за границей (Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 188-189).

***** В протоколе перед его текстом написано той же рукой, которой записан черновик протокола: «Не записывать в протокол».

***** Троцкий не был задействован и в деле информирования Ленина о решениях Пленума. Не были направлены эти выписки и Крупской, которая, согласно общепринятой версии, информировала Ленина о принятом решении.

§ 4. ЛЕНИН И СТАЛИН: ТАКТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСАМ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Одной из ключевых проблем ленинского «Политического завещания» является проблема национально-государственного строительства в связи с образованием СССР. Поэтому для нас важно выяснить взгляды Ленина на те проблемы, которые получили отражение в текстах «Завещания», а также изучить характер и динамику его отношений с И.В. Сталиным в связи с возникшей по поводу строительства СССР дискуссией.

Прежде всего выясним взгляды Ленина относительно целей национально-государственного строительства в условиях социалистической революции, в частности, его отношение к унитаризму, федерации и конфедерации, его отношение к тем формам, в которых мыслилось государственное объединение советских республик.

Известно, что большевики изначально ориентировались на унитарное социалистическое государство с предоставлением компактно проживающим народам прав областной (региональной) автономии. Именно эти взгляды легли в основу решений III съезда Советов РСФСР (январь 1918 г.) [704]. Вопрос о реализации права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения решался в каждом отдельном случае с учетом различных обстоятельств и только под углом зрения создания лучших условий для развития начавшейся в России революции [705]. Федерализм Ленин рассматривал лишь как необходимый этап на пути создания унитарного социалистического государства [706]. Таких же взглядов придерживался и Сталин. Исходя из этого представления о судьбах федерализма, он сформулировал «Общие положения Конституции Российской социалистической федеративной советской республики» [707], согласованные с Лениным и им одобренные, которые конституционная комиссия ВЦИК РСФСР положила в основу своей работы [708]. Сформулированные Сталиным «Основные положения» послужили основой принципиальных положений второго раздела Конституции РСФСР, принятой V съездом Советов 10 июля 1918 г. [709]. Эта оценка Федерации позднее была закреплена и в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии [710], а также в решениях II конгресса Коминтерна (1920 г.) [711]. Ленин не признавал конфедерации в качестве приемлемой для Коминтерна формы объединения советских республик [712].

Из этих принципиальных взглядов на цели и способы национально-государственного строительства исходил X съезд РКП(б), указывая на «опыт России» (т.е. на РСФСР) как на образец, который должен быть положен в основу дальнейшего национально-государственного строительства [713]. Такая оценка есть не что иное, как одобрение принципа «автономизации», который позволяет, не ломая сложившихся реальностей (факт существования республик и развития в народах национального самосознания), а используя их, обеспечить эволюцию *союза государств* в рамках федерации в *союз народов* в рамках унитарного государства. Принципиальная установка на объединение республик, данная X съездом РКП(б), сразу же стала переводиться в плоскость практических решений [714].

Однако этот курс встретил сильное противодействие со стороны партийного и советского руководства Грузии. Уже в апреле 1921 г. они начали борьбу против объединения железных дорог, летом — по поводу представительства ВЧК в Тбилиси, а вслед за этим, в августе 1921 г., — хозяйственного объединения Закавказских республик [715]. В решении вопросов национально-государственного строительства на Кавказе Ленин использовал знания, опыт, авторитет Сталина [716], который в практических делах был здесь осторожнее, чем Ленин, полнее учитывал местные особенности. Наиболее ярко это проявилось в истории обсуждения в Политбюро вопроса о создании Экономического бюро для координации хозяйства Закавказских республик, с которым выступило Закавказское бюро ЦК РКП(б). Против этого плана выступила часть руководителей ЦК Компартий Грузии и Азербайджана, усматривавшая в нем угрозу для независимости своих республик. Политбюро при активном участии Ленина поддержало предложение об экономической интеграции Закавказских республик [717]. Ленин предлагал провести в жизнь это решение в форсированном режиме, а Сталин указывал на невозможность этого. Ленин принял замечания Сталина и его предложения [718].

В начале 1922 г. процесс объединения советских республик вступил в новую фазу. Работу в этом направлении стимулировало приглашение советских республик принять участие в международной Генуэзской конференции. И снова Сталин занял позицию, отрицающую какое-либо форсирование объединительного процесса без должной политической подготовки. 12 января 1922 г. И.В. Сталин внес в Политбюро предложение начать подготовку к объединению республик в единое государство: «В связи с вопросом о

составе и полномочиях нашей делегации на европейскую конференцию встает вопрос о наших независимых республиках (как советских, так и о ДВР). На конференции впервые придется столкнуться с вопросом о границах РСФСР и о юридических взаимоотношениях между независимыми республиками и РСФСР. Несомненно, что наши противники постараются вскрыть при этом всю неопределенность и противоречивость в этих взаимоотношениях, найдут щели и попытаются сделать невозможным единство дипломатического фронта между РСФСР и независимыми республиками, обойдут вопрос о ДВР... не считая ее связанной с РСФСР и вообще попытаются использовать всю несообразность в наших отношениях с независимыми республиками с точки зрения юридической для того, чтобы поставить нас в неловкое положение.

Считаясь с обрисованной выше нежелательной перспективой и исходя из необходимости установления единства дипломатического фронта, некоторые товарищи предлагают добиться в кратчайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии.

Вполне разделяя эту точку зрения, считаю, однако, что для проведения ее в жизнь потребуется серьезная подготовительная работа, требующая более или менее длительного срока (я имею в виду особенно ДВР, Хорезм, Бухару, Украину), между тем как нам нужно быть готовыми уже через месяц. Ввиду этого я считаю нужным предложить другой выход:

1) Создать в кратчайший срок конференцию председателей Центральных Исполнительных комитетов независимых республик (от ДВР нужно пригласить председателя правительства) для установления единого дипломатического фронта с РСФСР и окончательного определения состава делегации;

2) Добиться того, чтобы мандаты всех членов делегации были подписаны всеми председателями (Центральных исполнительных комитетов) советских республик, также председателем правительства ДВР.

Этот выход целесообразен в том отношении, что он, создавая единый дипломатический фронт, вместе с тем избавляет нас от постановки щекотливых вопросов о границах РСФСР, взаимоотношениях с республиками, о выводе войск из Грузии и т.п.

Может быть нелишне будет сообщить, что тов. Ленин выразил полное согласие с предложенным планом»[719].

План, предложенный Сталиным и *согласованный с Лениным*, включал в себя не только меры по оформлению дипломатического союза советских республик, но и *подготовку их объединения на началах автономии*. Троцкий отреагировал на письмо Сталина запиской: «Предложение тов. Сталина представляется очень заманчивым с точки зрения простоты». 16 января Политбюро решило: «Принять предложение т. Сталина с дополнением т. Троцкого: "обязать председателей ЦИКов запастись полномочиями своих Центральных Исполкомов для подписания договоров, соглашений и пр."»[720]. Таким образом, в январе 1922 г. никто в руководстве ЦК РКП(б) не считал идею автономизации несостоятельной в принципе и никто не возражал против предложения Сталина — того самого предложения, из-за которого в сентябре разгорелась острая полемика. Против выступил только председатель СНК Украины Х.Г. Раковский[721].

Достигнутое к началу 1922 г. взаимодействие республик в дипломатической сфере не затрагивало их повседневного экономического взаимодействия ни в принципиальном плане, ни в связи с созданием механизма его обеспечения. Между тем в условиях демонтажа старой экономической системы и создания новой на базе НЭПа из-за юридической неурегулированности отношений они начали обостряться, грозя перерасти в сложную политическую проблему, способную ослабить международные позиции советских республик и нанести ущерб развитию их экономики. Наибольшее напряжение наблюдалось в отношениях РСФСР с Грузией и Украиной.

К прежним разногласиям с КП Грузии добавились новые: по вопросу о создании грузинской Красной армии, о проведении денежной реформы в Закавказье, о вхождении грузинских профсоюзов в ВЦСПС и др.[722] В середине 1922 г. ЦК КПГ предпринял шаги,

которые можно было оценить как переориентацию Грузии на экономические отношения с капиталистическими странами. Он разрешил Оттоманскому банку (англо-французский капитал) открыть свое отделение в Тифлисе, что в тех условиях, когда в Батуме и Тифлисе турецкая лира вытесняла с рынка грузинские и советские деньги, неизбежно повело бы к финансовому подчинению Закавказья Турции и через нее развитым капиталистическим странам. Запрещение, принятое ЦК РКП(б) по настоянию Сокольникова, вызвало «бурю возмущения» в руководстве ЦК КП Грузии[723]. Отсутствие формальной урегулированности межгосударственных отношений РСФСР и УССР вынуждало Политбюро выступать в роли третейского судьи, что нельзя было признать нормальным[724].

Необходимость безотлагательного решения вопроса о формальном урегулировании отношений советских республик в той или иной форме стала все более очевидной. В этих условиях в Грузии и на Украине активизировалась работа над схемами объединения советских республик, исключавшими образование одного государства и максимально сохранявшими самостоятельность республик. Члены ЦК КП Грузии П.Г. Мдивани, А.С. Сванидзе обосновывали необходимость объединения республик в союз государств, не имеющий надгосударственных органов власти и управления[725]. Сторонники Мдивани имели достаточно сильные позиции в КП Азербайджана[726]. Часть руководства ЦК КП(б)У, в частности Раковский, выступала за федерацию с максимально слабым центром. Это активизировало сторонников создания сильного централизованного государства в республиках. Л.М. Каганович вспоминал, что «в середине 1922 года представители Закавказского Крайкома РКП(б) выехали в Москву и поставили общий вопрос о необходимости усиления федеративных связей с РСФСР»[727]. Так, в августе 1922 г. на фоне обостряющихся проблем и дискуссий о принципах объединения вопрос об урегулировании отношений между советскими республиками вступил в решающую фазу. 10 августа 1922 г. Политбюро заслушало доклад Х.Г. Раковского и Д.З. Мануильского «О взаимоотношениях между РСФСР и Украиной» и постановило: «Предложить Оргбюро образовать комиссию с поручением к следующему пленуму ЦК подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик, для оформления его потом в советском порядке»[728]. На следующий день, 11 августа, Оргбюро создало такую комиссию в составе И.В. Сталина, В.В. Куйбышева (председатель комиссии), Х.Г. Раковского, Г.К. Орджоникидзе, Г.Я. Сокольникова и представителей республик[729].

Для этой комиссии Сталин написал *первый* документ, в котором аргументировалась необходимость создания федерации советских республик. Об обстоятельствах его появления и оценки его роли в деле образовании СССР рассказал сам Сталин в письме Фотиевой (от 27 февраля 1923 г.) в ответ на ее просьбу прислать текст его первоначальных предложений по образованию СССР: «Посылаю Вам согласно Вашей просьбе мой набросок тезисов по вопросу об объединении республик. Его нельзя назвать тезисами, ибо он не разработан, не отшлифован, да я его и не называл никогда тезисами. Свою разработку и оформление этот набросок получил сначала в известном постановлении Пленума ЦК в октябре 1922 г., а потом в тезисах моих, принятых за основу Пленумом ЦК в феврале (1923 г. — В.С.) и подлежащих (по решению этого Пленума) решающей оценке тов. Ленина. Набросок этот я сделал, кажется, в августе 1922 г. по просьбе тт. Орджоникидзе, Кирова и Мясникова в присутствии этих товарищей. Он известен тов. ЛЕНИНУ и одобрен им в бытность мою у тов. Ленина в "Горках", кажется, в конце августа п/г.»[730]*. **Этот документ не вводился в научный оборот, очевидно потому, что он уничтожает легенду, принятую в традиционной историографии.** Полный текст его помещен в приложении №1, а здесь мы отметим, что в нем Сталин, охарактеризовав этапы развития отношений между советскими республиками, констатировал: крах Генуэзской и Гаагской международных конференций показал, что, «с одной стороны, заграничный капитал привлечь в Россию почти невозможно, а, с другой — не лишена возможность интервенции. Поэтому отстоять внешнюю безопасность и сберечь и умножить материальные богатства советских республик в настоящих условиях возможно только *более тесным военно-хозяйственным союзом* всех

советских республик. Такой союз обеспечит возрождение хозяйства и рациональное использование ресурсов советских республик в общее целое». И делал вывод: *«Необходимо завершить процесс все усиливающегося сближения республик объединением их в одну федерацию, слив военное и хозяйственное дело и внешние сношения (иностранные дела, внешняя торговля) в одно целое, сохраняя за республиками самостоятельность, полную автономию во внутренних делах»* [731] **. Сталин ставил вопрос об образовании СССР в контексте задач, стоящих перед социалистической революцией и с учетом международных отношений. Эти тезисы стали основой дальнейших разработок разных вариантов объединения советских социалистических республик в союзное государство. Идея федерации здесь еще не связывается конкретно с какой-либо организационной формой. Этот вопрос оставлен открытым. Ясно, однако, что федерацию предлагалось создать на базе тех принципов, на которых была создана РСФСР. *Это тот же самый принцип, который лежал в основе предложения Сталина о подготовке объединения советских республик, с которым он в январе 1922 г. обратился к членам Политбюро и которое было согласовано с Лениным и одобрено им. Тот принцип, который лежал в основе политики большевиков в области национально-государственного строительства в 1917—1921 гг. и предполагал сохранение автономии регионов в решении вопросов их внутренней жизни* ***.

Получив одобрение Ленина, Сталин делает следующий шаг — вырабатывает проект документа для обсуждения в Комиссии ЦК РКП(б). Сталин назвал его «Первоначальным проектом» (см. Приложение № 2). Он предлагал: *«В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из союза»* (курсив наш. — В.С.). Он предлагал образовать «соответствующие союзные законодательные и исполнительные органы», «слить» комиссариаты военно-морской, путей сообщения, иностранных дел, внешней торговли, почт и телеграфов; подчинить республиканские наркоматы финансов, продовольствия, труда, рабоче-крестьянской инспекции и ВСНХ «директивам соответствующих комиссариатов Союза». Как принцип объединения было сформулировано следующее положение: «полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся республик». Создание Союза должно было произойти после одобрения «Президиума ВЦИКа» на I съезде Советов Союза советских социалистических республик [732].

Здесь уже более определенно, чем в первоначальном наброске, указан характер федеративного образования — *«одно союзное государство»*, но форма федерирования еще не обозначена. Эволюция ряда важнейших положений в этих первых документах Сталина свидетельствует о том, что он вел поиск наиболее приемлемых решений в условиях противодействия.

В третьем по счету документе**** Сталин делает еще один шаг: предлагает создать уже не просто *одно союзное*, а *единое* государство за счет так называемой «автономизации» республик: «Признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик... в состав РСФСР». Соответственно тезис о федерации как одном союзном государстве, утративший актуальность, исчезает. Утрачивает смысл предложение о вхождении Закавказских республик в СССР в составе Закавказской федерации, которая сильно раздражала руководство КП Грузии. Сталин в полном соответствии с принципом «автономизации» предлагает им вступать в Союз каждой *отдельно*. Вопрос о Дальневосточной республике, демократических республиках Бухара и Хорезм он думал оставить «открытым», «ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее». Он предлагал: «Признать целесообразным формальное распространение компетенции ВЦИКа, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные советские учреждения перечисленных в п. 1-м республик». «Внешние дела (Индел, Внешторг), военные дела, железнодорожные, финансовые и прочие...***** независимых республик объединить с таковыми РСФСР... Наркоматы: продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР». Органы борьбы с контрреволюцией — «подчинить

директивам ГПК РСФСР». Остальные наркоматы (юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, народного здоровья и социального обеспечения) должны были сохранить самостоятельность. Решение об объединении мыслилось «провести в советском порядке через ЦИКи или съезды Советов» республик, а на Всероссийском съезде декларировать создание СССР «как пожелание» республик[733].

Предложенная Сталиным схема объединения советских республик позволяла избежать сложной иерархичной конструкции наций и народов, декларированное равенство которых оборачивалось фактическим неравенством их, закрепленном в Конституции: фактически равными признавались только те республики и их «титутельные» нации и народы, которые входили в Союз Республик непосредственно. Равенство других ограничивалось правами только на ту или иную автономию.

Новый проект Сталина был направлен в ЦК компартий Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана. ЦК КП Азербайджана и Армении высказались в пользу объединения на началах «автономизации». ЦК КП Грузии посчитал государственное объединение «преждевременным» и высказался в пользу хозяйственного объединения. ЦК КП Белоруссии высказался за установление отношений между БССР и РСФСР на началах, аналогичных тем, что будут установлены между РСФСР и УССР[734]. ЦК КП Украины тянул с ответом и просил отложить совещание в ЦК РКП(б) по вопросу о взаимоотношениях с РСФСР, назначенное на 22 сентября, до 15 октября[735].

Накануне начала работы комиссии Оргбюро Сталин письменно изложил Ленину свои аргументы в пользу своего плана. 22 сентября 1922 г. в ответ на записку Ленина, содержание которой историкам еще неизвестно, Сталин ответил обширным письмом, в котором развил аргументацию в пользу предложения о федерировании республик на принципе автономизации как наиболее полно отвечающем задаче создания удобной, а значит, и эффективной системы управления народным хозяйством в интересах социалистического строительства. В письме этом нет ничего, что указывало бы на имеющиеся у них разногласия.

«Мы пришли к такому положению, — писал он, — когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т.е. отсутствие всякого порядка и полный хаос (вряд ли такое заявление могло понравиться Ленину. — В.С.), становится нетерпимым, создает конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т.н. единое федеративное народное хозяйство, тормозит и парализует всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе». «Формально решения СНК, СТО и ВЦИК РСФСР необязательны для независимых республик, причем эти учреждения сплошь и рядом отменяют постановления центральных учреждений независимых республик, что вызывает протесты последних против "незаконных действий" центральных учреждений Москвы... Вмешательство Цема РКП в таких случаях происходит обычно после того, как центральные учреждения окраин уже дали свои декреты, отмененные потом центральными учреждениями Москвы, что создает волокиту и тормоз в хозяйственных делах и вызывает на окраинах недоумение среди беспартийных и раздражение среди коммунистов». Из этого Сталин делал вывод: «Одно из двух: либо действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой НКВД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению... либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т.е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка и культуры, юстиции, владения, земледелия и прочее».

Значительное место в письме занял анализ противодействия объединению республик. «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев,

требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы... Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик». Отсюда Сталин делал вывод в пользу решительной, наступательной тактики: «Если мы теперь же не постараемся приспособить *форму* взаимоотношений между центром и окраинами к *фактическим* взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т.е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик.

Сейчас речь идет о том, как бы не "обидеть" националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо "национальная" стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе». Письмо завершалось кратким изложением сталинского плана[736].

В литературе утвердилось не совсем верное понимание роли «автономизации» в планах Сталина. Она представляется в качестве способа ограничения прав республик, концентрации власти в центре и, следовательно, сосредоточения ее Сталиным в своих руках. Приведенное выше письмо говорит о том, что Сталин руководствовался совсем другими соображениями. Исходя из признания очевидного — отсутствия фактической независимости республик, — он предлагал лишь узаконить существующее положение вещей, оформить его, но при этом четко обозначить сферу независимости республик. Поэтому «автономизация» выступала не в качестве способа ограничения прав республик, а в качестве способа сочетания власти сильного центра с реальной властью, остающейся на местах, а также в качестве способа упрощения управленческих структур. Наконец, в качестве способа обеспечения перехода от федерации к унитарному государству, перехода, осуществляемого не на основе нарушения права наций на самоопределение, а на основе его реализации и при условии, что особенно важно, предоставления им нового для теории и практики социалистической революции права — права свободного выхода из Союза.

Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) с участием всех заинтересованных сторон обсуждала проект Сталина 23 и 24 сентября с рядом изменений и уточнений, не имеющих принципиального значения. Он был принят и оформлен как «Резолюция о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками в окончательной редакции, принятая комиссией Оргбюро ЦК РКП(б)». Резолюция была разослана всем членам и кандидатам ЦК партии.

Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) фактически предложила перейти к реализации той схемы объединения республик, которая была предложена Сталиным в январе 1922 г., и не встретила возражений ни со стороны Ленина, ни со стороны других членов Политбюро. Надо полагать, что Сталин мог ожидать продолжения критики со стороны Раковского, Мдивани и др., но со стороны членов Политбюро он был вправе ожидать поддержки. Однако жизнь внесла серьезные поправки: Ленин, Каменев, Зиновьев, Калинин, Бухарин выступили с критикой плана автономизации. Троцкий молча выжидал.

В литературе иногда утверждается, что на ранней фазе обсуждения предложений Сталина Ленин был изолирован от информации о возникшей дискуссии. При этом подразумевается, если не утверждается прямо, что виновником этой изоляции был Сталин. Это не так. Имеющиеся документы (в том числе регистрационные журналы ленинского секретариата) свидетельствуют, что в августе—сентябре 1922 г. к В.И. Ленину восходил весь поток принципиально важных документов, имеющих отношение к вопросу образования СССР, которые рассылались секретариатом ЦК РКП(б) всем членам ЦК, и, сверх того, он получал информацию, направлявшуюся ему лично, как в письменной, так и в устной

форме[737]. В это время Ленин вел относительно активную деятельность, занимаясь вопросами партийной работы, организации концессий и внешней торговли, проблемами Донбасса, конфликтом в НКПС, по концессии Л. Уркарта и др. Но в важнейшем политическом вопросе — объединения республик — до 26 сентября он не проявлял никакой видимой активности. Это может указывать на то, что до середины 20-х чисел сентября образование СССР на началах автономии не вызывало у него ни беспокойства, ни протеста.

26 сентября 1922 г. Ленин письмом Каменеву сообщает о своем мнении по поводу сталинского проекта: «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже». Далее он пишет, что «одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР — "Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии".

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии"». В соответствии с новой конструкцией Ленин предлагает создать общесоюзный государственный орган — «Общесоюзный ВЦИК Союза Советских Республик Европы и Азии». Ленин также поясняет побудительный мотив, которым он руководствовался: *«Важно, чтобы мы не давали пицци "независимцам" (выделено нами. — В.С.), не уничтожали их независимости, а создали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»*. Другие предложения Ленина — относительно права «центральных учреждений» обжаловать в общесоюзном ЦИКе решения общесоюзных СНК и СТО, не приостанавливая их выполнения, а также в отношении структуры центральных органов управления, механизма создания, функционирования и полномочий их региональных представительств — не меняли предложенной Сталиным принципиальной схемы.

Характер принципиального изменения носило предложение Ленина (предположительное) «слить» наркоматы финансов, продовольствия труда и народного хозяйства республик, т.е. превратить их, как и выше перечисленные, в союзные, общесоюзные ведомства, ликвидировав их в республиках. Сталин же предлагал эти республиканские наркоматы «формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР», т.е. он предлагал создать этаж союзно-республиканских ведомств. Ленин не считал это целесообразным и тем самым предлагал изъять у республик гораздо больше исполнительной власти, чем Сталин. Следовательно, степень централизации исполнительной власти в варианте Ленина была значительно больше, чем в варианте Сталина, и реальной самостоятельности у них оставалось гораздо меньше.

«Это мой предварительный проект, — писал Ленин. — На основании бесед с Мдивани и др. товарищами буду добавлять и изменять. Очень прошу и Вас сделать то же и ответить мне». Он также сообщал, что Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро ЦК до его возвращения, и о своем желании встретиться с Каменевым и Рыковым[738].

Обратим внимание на то, что в этом письме нет никакой критики «автономизации» как *принципа объединения*. Она появляется лишь у интерпретаторов ленинского текста. Речь идет только о тактической целесообразности.

На следующий день, 27 сентября, Сталин направил Ленину, а также Зиновьеву, Калинин, Каменеву, Молотову, Рыкову, Томскому, Троцкому ответ на письмо Ленина. Он соглашался с заменой принципа автономизации, предполагавшего «вхождение» республик в РСФСР, на «формальное объединение советских социалистических республик Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Армении с РСФСР в Союз советских республик Европы и Азии». Сталин возражал против предложения о создании общесоюзного ЦИКа по соображениям политической и организационно-административной нецелесообразности: оно поведет «к обязательному созданию *русского* ЦИКа с исключением отсюда восьми автономных республик... входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве

(русского и федерального), и, вообще, к глубоким перестройкам, что в данный момент не вызывается ни внутренней, ни внешней необходимостью и что, на мой взгляд, при данных условиях нецелесообразно и, во всяком случае, преждевременно». По его мнению, такая реорганизация «ничего кроме конфликтов и трений не даст». Сталин предлагал преобразовать ВЦИК РСФСР в общесоюзный ЦИК. Возразил он и против ликвидации союзно-республиканских наркоматов и превращения их в союзные (общесоюзные), отметив, что «едва ли можно сомневаться в том, что эта "торопливость" даст пищу "независимцам" в ущерб национальному либерализму т. Ленина». О других поправках Ленина он отозвался как «чисто» редакционных или «излишних»[739].

Обычно отмечают, что Сталин легко согласился на уступку. Это верно, но только отчасти. Как видно, Сталин легко пошел на уступку *только* в отношении параграфа 1-го — в части *формального* признания сохранения государственной независимости объединяющихся республик. Причину уступчивости усматривают в авторитете Ленина и нежелании идти с ним на конфликт, что могло повредить его политической карьере. С этим согласиться нельзя, так как в других важных вопросах Сталин не уступил и в жестких выражениях оспорил предложения Ленина. Причина уступки, думается, в том, что он, как было показано выше, в принципе допускал вариант Союза республик, оговаривая только, что этот союз должен быть «одним союзным государством». Равноправие республик у Сталина оговаривалось в «Первоначальном проекте» (конец августа — начало сентября 1922 г.) как принцип. Предложение Ленина по 1-му параграфу не касалось принципиальных разногласий со Сталиным. Отсюда и уступчивость Сталина. Обращает на себя внимание тот факт, что Ленин ничего не ответил Сталину по существу его возражений. Кроме того, в работах октября 1922 — марта 1923 гг. Ленин не критиковал никого из тех, кто выступал за создание эффективно работающего механизма управления. Более того, он всячески акцентировал важность его создания и не предлагал приносить его в жертву «независимцам».

Уступка и упорство Сталина будут понятней, если учесть, что тезис об «автономизации» занимал важное место в его проекте, но все-таки не он был главным. Он указывал на наиболее выгодный, по мнению Сталина, способ решения проблемы. Главное же — мысль о Союзе республик как *одном государстве с сильной центральной властью, способной развиваться в направлении унитарного социалистического государства союза народов*. «Автономизация» в этом случае являлась лишь одним из приемлемых вариантов решения задачи, но не единственным. Можно было идти к ней и через союз равноправных государств, поэтому Сталин, уступив по параграфу 1-му, попытался сохранить схему управления, которую он предложил. Это тоже понятно: формальное признание равноправия республик в Союзе не является непреодолимой проблемой на пути достижения главных целей в области национально-государственного строительства унитарного социалистического государства. Развитие Союза и его будущее будет во многом определяться *системой власти и управления*.

Возникает вопрос: почему Ленин, прежде не возражавший против «автономизации» как формы федерации с сильным центром, в конце сентября вдруг выступил против нее? На доступном историкам материале однозначного удовлетворительного ответа получить не удаётся. Выбирать приходится между двумя основными вариантами: во-первых, он изменил принципиальный подход к вопросам национально-государственного строительства, во-вторых, он отказался от него по тактическим соображениям. В традиционной историографии принимается первый вариант объяснения. Мощным аргументом в пользу него являются записки «О национальностях или об "автономизации"».

В пользу второго варианта свидетельствует письмо Ленина Каменеву от 26 сентября (о котором речь шла выше), а также ряд других фактов. Считается, что письмо Ленин направил всем членам Политбюро[740]. Однако это не так. Делопроизводственные документы ленинского секретариата показывают, что это свое «секретное письмо» «об автономных республиках» Ленин направил только своим сторонникам в Политбюро: Каменеву, Зиновьеву, Сталину, Калинину, Томскому, Рыкову, Молотову. Троцкому оно не

направлялось[741]. Включив Троцкого в число адресатов, публикаторы в ПСС создали искаженную картину отношений Ленина не столько со Сталиным, но и с Троцким. Видимо, Троцкий был обойден не случайно. Правда, 7 сентября Политбюро предоставило ему отпуск с 13 сентября 1922 г.[742], но он находился в Москве, и, кроме того, отпуск не означал устранения из политической жизни, а только освобождение от текущей работы. Каменев, которому было адресовано письмо, с 14 сентября также находился в отпуске[743]. С другой стороны, Сталин, отвечая Ленину, направил свое письмо всем членам Политбюро, в том числе и Троцкому*****. Поэтому есть все основания предположить, что Ленин решил не привлекать его к обсуждению вопроса, по которому наметились разногласия в среде сторонников. В пользу этого предположения говорит и то, что по ходу обсуждения не возникло сколь-либо значительного документного «шлейфа», хотя бы отдаленно напоминавшего тот, что оставил после себя другой острый вопрос того времени — о монополии внешней торговли. Такое предположение вполне отвечает тому, что мы знаем о политическом почерке Ленина и вписывается в ход политической борьбы, которая разворачивалась тогда между Лениным и Троцким. Это может указывать на желание Ленина ограничить обсуждение возникшего разногласия узким кругом ближайшего политического окружения. Не были ознакомлены с этим письмом и лидеры национал-уклонистов, что может свидетельствовать о том, что его поддержка их требований была вызвана не общностью взглядов и не пересмотром Лениным своих принципиальных позиций, а соображениями тактического характера.

Записка Каменева Ленину от 27 сентября также указывает на то, что мы имеем дело с тактическими разногласиями. Каменев писал: «По-моему или не трогать совсем вопроса о "независимости]" (что, видимо, уже невозможно), или провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость, т.е. приблизительно по предложенной схеме»[744]. Опять все «крутится» вокруг того, как погасить активность «независимцев». Именно на тактическое маневрирование Ленина указывают и краткие записки, которыми обменялись Сталин и Каменев 28 сентября*****. Каменев написал: «Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила Мария Ильинична». Сталин ответил: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то спрашивается, причем тут "независимость"?» Каменев делится размышлениями: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет *сопротивляться* ». Сталин определяет свою позицию: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению»[745].

27 сентября Ленин встретился со сторонником автономизации — секретарем Заккрайкома РКП(б) Г. К. Орджоникидзе, а также лидером грузинских национал-уклонистов П. Г. Мдивани. На следующий день — со сторонниками Мдивани членами ЦК КП Грузии М.С. Окуджавой, Л.Е. Думбадзе, К.М. Цинцадзе и со сторонником проекта Сталина председателем СНК Армении А.Ф. Мясниковым[746]. К сожалению, надежной подробной информации об этих беседах в руках историков почти не имеется. Можно предположить, что Ленин решил сманеврировать, чтобы уступкой обеспечить дело объединения республик, не задерживать его, а ускорить, не ввязываясь в политическую борьбу. Он поставил перед ними вопрос так: «Если "автономизация" плохо, а как "Союз"?» Сторонники Мдивани обрадовались: Грузия и Россия на равных в Союзе, и согласились[747]. Правда, согласились, как вскоре выяснилось, неискренне.

Суть тактических разногласий, очевидно, состоит в том, что Сталин был намерен твердо стоять перед напором национал-уклонистов в РКП (б), а Ленин считал более целесообразной тактику маневрирования и поиска компромиссов. Возникает вопрос о причинах избрания ими разных тактик. Можно указать на две главные причины. Первая состояла в разной оценке политической силы и возможностей национал-уклонистов. Сталин не оценивал их как значительные. Ленина, очевидно, беспокоили не сами по себе Мдивани, Раковский и их единомышленники, а то, что они могли выражать (они так и уверяли!)

настроения широких масс. Насколько Ленин был прав, идя на уступку национал-уклонистам? В Грузии все ухищрения Мдивани и его сторонников поднять партийную организацию против курса на создание прочного союза с другими советскими республиками не принесли им успеха — их влияние, как показал очередной съезд КПГ, быстро падало. То же было и на Украине. Раковский позднее, на XII съезде, выражал недовольство тем, что на Украине с трудом «нам удастся заставить их (партийные организации. — В.С.) понимать значение национального вопроса». С неудовольствием, как опасное явление он фиксирует «спокойствие, с которым в особенности русская часть нашей партии относится к спорам, которые, к сожалению, приняли слишком местный колорит»[748]. Итак, на Украине масса партийцев против Раковского, значит — за Сталина.

Вторая причина состояла в разной расстановке приоритетов в вопросе об очередных задачах социалистической революции. Сталин считал, что «в Грузии сделали фетиш из тактики уступок, между тем, так теперь время не политических уступок, а, наоборот, политического наступления, как в России. Классовая борьба заостряется в национальном вопросе, и большая часть партии (имеется в виду КПГ. — В.С.) и ЦК старого состава упорствуют в этом и не хотят этого понять»[749]. Отсюда его внимание к проблемам управления. Задаче создания системы управления, способной обеспечить создание мощного хозяйственного организма как гаранта победы социалистической революции он готов принести в жертву интересы националистически настроенной части населения и их защитников в рядах компартии. Ленин, судя по всему, старался избежать даже незначительного обострения внутрипартийной борьбы и обеспечивать возможности для политического маневра внутри страны и таким образом получить время, необходимое для хозяйственного строительства. Эта позиция вполне вписывалась в общую схему НЭПа. Политический маневр в данном случае он предпочел политическому давлению на противников. Кроме того, очевидно, прежняя схема Соединенных штатов Европы все еще владела умами. Недаром он предложил соответствующим образом изменить название государства. Возможно, на оценках Лениным целесообразности той или иной формы федеративного объединения сказывались надежды на относительно близкую победу мировой революции, на которую и были сориентированы его мысли о «Союзе республик Европы и Азии». «Союз равных» в этих условиях мог казаться ему более предпочтительным с точки зрения его роста за счет новых социалистических государств.

Схема «Союза равных», позволяя усилить пропаганду вовне страны и бороться с пропагандой националистов, требовала в качестве платы за это усложнение процессов управления и удорожание аппарата управления. «Союз равных» также вел к узаконению формального и фактического неравенства разных народов и республик. Одни получали право образовать союзные республики и стать субъектами СССР. Другие получали право на образование только автономных республик и вступали в СССР в составе РСФСР или ЗФСР. Третьи пока не получили и таких прав. Удовлетворив требования одних, эта схема вызвала обострение недовольства у других, посчитавших себя ущемленными в правах. Такое положение сулило в перспективе не прекращение противоречий, а их обострение, замену старых «фронтов» новыми. Отвергнутый план автономизации, при известных своих недостатках, позволял избежать этих противоречий, сделать все народы действительно равноправными и органично слить два разных процесса — объединение государств и народов. А ведь именно последнее и было главной задачей в области национально-государственного строительства с точки зрения интересов социалистической революции.

Сталин прекрасно понимал эту озабоченность и расчеты Ленина, но не разделял их. В рамках «Союза равных» национально-государственные образования, вместо того чтобы эволюционировать в сторону интеграции в рамках единого организма к унитарному государству, получали закрепление своего статуса, что затрудняло процесс преодоления национальных разногласий и придавало им политический характер, вместо того чтобы переводить отношения между народами исключительно в рамки экономических, культурных отношений и пр.

Таким образом, есть достаточные основания говорить о том, что в вопросе объединения советских республик разногласия у Ленина со Сталиным носили не принципиальный, а тактический характер, они не выходили за рамки поисков наиболее целесообразных способов и методов их решения. Естественно, что если в качестве «точки отсчета» выбирать различные позиции или интересы, то целесообразными будут казаться разные решения. Между Лениным и Сталиным шла дискуссия относительно наиболее приемлемого в данных условиях решения проблемы объединения республик. В какой-то момент она приняла напряженный характер. Тактические разногласия, как и любые другие, со временем могли, конечно, разрастись. Но этого не произошло. Дискуссия не переросла в борьбу.

После проведенного обмена мнениями проект комиссии Оргбюро был доработан и уточненный текст его направлен членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б) письмом за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова с предувещанием: «Мы считаем, что резолюция Комиссии ЦК по вопросу об отношениях между РСФСР и независимыми республиками (она роздана членам и кандидатам ЦК) в основе правильная и, безусловно, приемлемая, нуждается в уточнении некоторых пунктов, касающихся главным образом строения общесоюзных центральных органов и отчасти их функций. В этом убедили нас беседы с некоторыми членами ЦК и с рядом националов с мест. Сообразно с этим мы вносим в ЦК следующую, несколько измененную, более точную формулировку решения Комиссии ЦК». Сравнение ленинских предложений с переработанным проектом резолюции показывает, что были приняты не все его предложения. Первый параграф был переработан в духе предложения Ленина: «1. Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в "Союз Советских Социалистических Республик" с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава "Союза"»[750].

Пункт 2-й был скорректирован в связи с созданием федерального уровня власти в соответствии с предложениями Ленина. Но его предложение относительно названия Союза было отклонено и сохранен сталинский вариант — Союз Советских Социалистических Республик. В пункте 3 был учтен новый принцип формирования Союза, но предложения Ленина о ликвидации союзно-республиканского уровня управления и предложенные им редакционные изменения были отклонены. Ленинские предложения в отношении пунктов 4 и 5 также были отклонены*****.

Характер уступок Ленину, сделанных в окончательном варианте проекта тезисов «Об отношениях РСФСР с независимыми Советскими Социалистическими Республиками» также косвенно свидетельствует в пользу версии о тактическом маневрировании Ленина. Своего рода компенсацией за отказ от «автономизации» стало положение о том, что федеральные органы власти формируются из представителей республиканских ЦИКов «пропорционально представляемого ими населения»[751]. Это означало признание необходимости усиления роли РСФСР в деле формирования общесоюзных органов власти. Ленин принял это дополнение. И это естественно, ведь он не был принципиальным противником государства с сильной центральной властью, а в СССР центром притяжения, главной базой социалистического строительства была как раз РСФСР.

Именно этот проект был предложен октябрьскому Пленуму ЦК РКП(б) (5—8 октября 1922 г.). Вопрос об объединении советских республик обсуждался 6 октября. Протоколы его заседаний не опубликованы, поэтому анализ происходившей на нем дискуссии крайне затруднен. Пленум заслушал «Доклад комиссии по вопросу о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками», с которым выступил Сталин. При обсуждении этого вопроса на заседании Пленума присутствовал Мдивани[752], который оставил небольшую зарисовку происходившего: «Я очень жалею, что не могу лично доложить о прениях по этому вопросу, но одно то интересно, что прения продолжались целых 3 часа — это нечто чудовищное на Пленумах, где вопросы решаются с кинематографической быстротой. Прения показали, что известная часть ЦК прямо отрицает существование национального вопроса и целиком заражена великодержавническими тенденциями, но эта

часть получила такую оплеуху, что не скоро решится снова вернуться из норы куда ее загнал ЛЕНИН (о его настроениях узнай из его письма, которое было оглашено в конце заседания после решения вопроса*****), смотри не теряй письма, я его выпросил у Каменева. Да, атмосфера немножко рассеялась, но она может снова сгуститься, если мы не сумеем поставить дело информации хорошо... Надо серьезно готовиться и собирать все силы, как для закавказского съезда, так и для общероссийского». «Сначала (без Ленина) нас били подержимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин, после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... По вопросу о взаимоотношениях принят добровольный союз на началах равноправия и в результате всего этого удушливая атмосфера против нас рассеялась, напротив, в пленуме Цека нападению подверглись великодержавники — так и говорили Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие. Проект принадлежит, конечно, Ленину, но он внесен от имени Сталина, Орджоникидзе и др., которые сразу изменили фронт»[753].

Это письмо, имеющее ряд неточностей и к тому же воспроизводящее точку зрения только одной стороны, не может служить надежным источником информации. Тем не менее, в нем имеются интересные признания, говорящие о том, что Мдивани и его сторонники получили поддержку со стороны Ленина только после того, как пожаловались ему, оказали психологическое давление. Имеющаяся информация о работе Ленина в этот день позволяет сделать вывод, что Ленин не был поглощен вопросом, который обсуждался на Пленуме. Известны четыре записки Ленина Каменеву, датированные 6 октября и относящиеся ко времени работы Пленума ЦК РКП(б), но только одна из них посвящена вопросам национального строительства, две другие — вопросам концессии Уркварта, еще одна — состоянию здоровья и просьбе пригласить к Ленину Чубаря[754]. Возможно, именно на них Каменев и отвечал Ленину, а Мдивани это воспринимал как лихорадочную работу Ленина в поддержку грузинских национал-уклонистов. Записка, посвященная обсуждавшемуся на Пленуме вопросу, хорошо известна: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть». Далее следует предложение о поочередном председательствовании в союзном ЦИКе русского, украинца, грузина и т.д.[755]

Считается, что, говоря о великорусских шовинистах, Ленин имел в виду Сталина и его сторонников. Но Сталин уже уступил в том главном пункте, который, в принципе, мог вызвать такое обвинение. Разногласия, обозначившиеся в вопросах конструирования органов власти и управления, не давали оснований для упрека его в «великорусском шовинизме». Тем более что в отношении концентрации власти в центре за счет ее сокращения на местах Ленин шел значительно дальше, чем Сталин, следовательно, сам с не меньшим основанием мог быть зачислен в «великорусские шовинисты», «великодержавники» и т.п. Кроме того, тезис о великорусском шовинизме в записке органически связан с дискуссией о функционировании высшего органа власти, о том, как организовать работу ЦИК. О разногласиях его со Сталиным по этому вопросу ничего не известно. Ничто не указывает на то, что это обвинение было направлено против Сталина. Вопрос, кого имел в виду Ленин, остается открытым.

Пленум принял проект резолюции, переработанный с учетом предложений Ленина. Было решено создавать СССР как «Союз равных». По причинам, пока что не совсем ясным, в резолюции отсутствовало важное положение о том, что новая федерация является одним союзным государством, что позволяло трактовать Союз как федерацию со слабой центральной властью, мало чем отличающуюся от конфедерации. Это была действительно принципиальная уступка «независимцам». Сталину на этой стадии борьбы пришлось уступить, но, судя по всему, только для того, чтобы подготовить новое наступление и обеспечить победу в борьбе за создание федерации как одного союзного государства — той цели, которая была им сформулирована изначально. Для подготовки проектов документов, которые должны были рассмотреть I съезд Советов СССР («с предварительным внесением на утверждение ЦК»), была создана комиссия ЦК РКП(б) в составе Сталина, Каменева, Пятакова, Рыкова, Чичерина, Калинина и представителей Украины, Грузии, Азербайджана,

Армении и Белоруссии. Председателем ее стал Сталин[756]. Это говорило о том, что Пленум ЦК выражал ему политическое доверие, а он получал возможность активно влиять на дальнейший процесс образования СССР. Ленин в этом не усматривал никакой опасности.

* Сталин посещал Ленина 19 и 30 августа. Очевидно, в один из этих дней Ленин был ознакомлен с предложением Сталина и одобрил его

** В машинописном тексте последняя фраза выглядит так: «в одно целое, сохраняя за республиками автономию во внутренних делах» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 278. Л. 2; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 266-267).

*** Ни в январе 1921 г. (письмо в Политбюро), ни в августе—сентябре 1922 г. Сталин не использовал термин «автономизация». Не использовал его и Ленин во время обсуждения принципов объединения советских республик. Нет этого термина и в официальных документах. Кто является «автором» его, неизвестно. Впервые это понятие вошло в политическую жизнь партии в названии записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», связывать которые с именем Ленина, как будет показано ниже, нет достаточных оснований

**** Публикаторы в «Известиях ЦК КПСС» датируют его «не ранее 11 августа» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192). К сожалению, доступный историкам материал позволяет установить время создания этого варианта проекта резолюции только приблизительно. Если считать, что первый документ Сталина был создан и согласован с Лениным в конце августа (предположительно 30-го), а второй — в первых числах сентября (12 сентября Сталин был у Ленина), то третий вариант, видимо, появился не ранее первых чисел сентября (2—3-го) и не позднее 10—11 сентября, поскольку протокол заседания Пленума ЦК КП Азербайджана от 11 сентября определенно говорит о предложении Сталина провести федерацию на началах автономии (Там же. С. 19, 196).

***** Наркомат почт и телеграфов

***** Включение Троцкого в список адресатов на первый взгляд противоречит сказанному нами о причинах исключения Лениным Троцкого из списка адресатов письма. Однако этот факт скорее подтверждает наше предположение, чем отвергает его. Сталин как фактический руководитель комиссии и автор проекта соглашается внести изменения в проект, который уже разослан как официальный документ членам ЦК, поэтому он, конечно, не мог проигнорировать Троцкого. Письмо же Ленина преследовало иную цель — обозначить перед лицом своих сторонников собственную позицию и аргументировать свои поправки к внесенному проекту резолюции.

***** Записки не датированы и не имеют следов регистрации в секретариатах Сталина или Каменева (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 18. Л. 1—1 об.), поэтому нельзя быть уверенным в том, что они действительно были написаны в это время.

***** По пункту 4 вместо формального подчинения республиканских наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства «директивам соответствующих наркоматов РСФСР» предлагалось их «слить по согласованию ВЦИКов». В пункте 5 Ленин предлагал добавить: «с учреждением имеющих чисто совещательный характер (или только совещательный характер) конференций или съездов (Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 205; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 212).

***** Речь идет о записке Каменеву от 6 октября 1922 г.

§ 5. «ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ» В ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ЛЕНИНА И СТАЛИНА

Вопреки ожиданиям Ленина уступки национал-уклонистам, на которые он пошел сам и вынудил пойти ЦК, не привели ни к окончанию борьбы, ни даже к ее ослаблению. Успех лишь разжигал их аппетит, и они начали борьбу за новые уступки, теперь уже за счет ленинской схемы «Союза равных», используя присущие ей внутренние противоречия.

Политический смысл их новых требований состоял в превращении Союза ССР из инструмента смягчения межнациональных и межгосударственных противоречий в инструмент сохранения и закрепления существующих межнациональных и межгосударственных отношений. Очевидно, не поняв политического смысла ленинской уступки и преувеличивая свою способность воздействовать на него, Мдивани и его сторонники в ЦК КП Грузии пошли на обострение политической ситуации в КП Грузии. Непосредственная цель заключалась в срыве решений октябрьского (1922 г.) Пленума об образовании СССР. Средством служило требование вхождения Грузии в состав СССР непосредственно, а не в составе особого субъекта федерации — Закавказской федеративной советской республики. Смысл создания ЗФСР состоял в обеспечении интеграции на региональном уровне экономических и политических структур, в стремлении приглушить или обойти некоторые острые проблемы, разделявшие Закавказские республики (пограничные, например) и обеспечить усиление интернационалистских настроений над националистическими и сепаратистскими.

В традиционной историографии эту фазу борьбы обычно рассматривают как продолжение борьбы Мдивани и его сторонников против курса, проводимого Сталиным и Орджоникидзе. Однако это не так, поскольку в сталинском варианте создания СССР на принципах автономизации ЗФСР отсутствовала, а Грузия, наравне с другими республиками, входила в состав РСФСР, которая одновременно превращалась в новое государство — СССР. ЗФСР как субъект СССР появилась только потому, что грузинские и украинские национал-уклонисты вынудили Ленина пойти на отказ от плана автономизации. И это понятно: в составе РСФСР, превратившегося в СССР, все республики приобретали одинаковый статус, те проблемы, которые была призвана решать ЗФСР в масштабах региона, решались в рамках новой федерации, поэтому сохранение ЗФСР теряло свой смысл. Теперь Мдивани и его сторонники открыли фронт борьбы именно против Ленина и именно потому, что он сделал им уступку в вопросе о форме федерации. Правда, в письме Ленина от 26 сентября способ вхождения Закавказских республик в СССР никак не оговаривался, Ленин прошел мимо этого вопроса. В письме Сталина от 27 сентября 1922 г., в котором он выразил согласие принять ленинскую схему, прямо говорилось, что каждая из трех Закавказских республик входит в СССР самостоятельно. Следовательно, Сталин не предлагал возвращаться к схеме вхождения Закавказских республик в составе Закавказской советской федеративной республики, против чего восстали Мдивани и его сторонники. Впервые предложение о вхождении Закавказских республик в состав СССР как «Союза равных», в составе ЗФСР появляется в записке Каменева Ленину (не позднее 27 сентября). А сама она стала ответом на предложение Ленина включиться ему в эту работу. Видимо, письмо Каменева предшествовало появлению уточненного варианта решения комиссии Оргбюро, и, возможно, его предложение повлияло на формулировку этого тезиса[757]. ЗФСР в ленинской схеме образования СССР приобретала смысл, поэтому комиссия Оргбюро приняла ее.

Вынудив Ленина отказаться от плана автономизации, грузинские национал-уклонисты обрекли себя на вхождение в СССР в составе ЗФСР. Их единомышленники в ЦК КП(б)У оказались в лучшем положении: Украина вступала в состав СССР самостоятельно, поэтому они ограничились борьбой за относительное уменьшение прав федеративных органов власти и соответствующее усиление республиканских. Возможно, именно этим объясняется то, что в последующие месяцы именно грузинские национал-уклонисты стали главной, наиболее активной и непримиримой силой, выступающей против решения октябрьского Пленума ЦК РКП(б) об образовании СССР, а значит, и против Ленина. Единый фронт национал-уклонистов дал трещину и, следовательно, ослаб. Вести борьбу против них стало легче.

Мдивани «отблагодарил» Ленина за уступчивость, начав проводить свой план в действие, как и планировал, с помощью «хорошо поставленного дела информации». Политический удар от сторонников Мдивани в ЦК КП Грузии Ленин получил неожиданно*, через две недели после окончания работы Пленума ЦК РКП(б). Атаку на решения Пленума РКП(б) они повели через критику Орджоникидзе.

21 октября 1922 г. в 2 часа 55 минут ночи из Тифлиса по прямому проводу к аппарату пригласили Каменева, Бухарина и Енукидзе. В Москве к аппарату подошел Енукидзе**. Аппарат отстучал на ленте: «Просим передать тт. Каменеву и Бухарину следующую записку». Далее следовал текст ее: «Безвыходное положение, создавшееся здесь, в Грузии, заставляет нас беспокоить Вас. Просим передать все нижеследующее т. Ленину: Мы убеждены, что его и Ваше абсолютно авторитетное решение положит конец той анархии и разрухе, которая сейчас принимает катастрофический характер. Самодурству Орджоникидзе нет никакого предела. В связи с вопросом о постановлении ЦК РКП о Союзе Республик начались широкие собрания. 19 октября было собрание ответственных товарищей. Созванное Бюро Тифлисского Комитета, на котором ЦК КПГ приветствовал постановление ЦК РКП, выразил пожелание возбудить ходатайство перед ЦК РКП о пересмотре пункта о вхождении Закавказской федерации в союз в смысле распространения положения об Украине и Белоруссии на Грузию и Азербайджан. Ввиду особых политических условий, это послужило поводом для самых недопустимых выражений Орджоникидзе против ЦК КПГ и старых работников площадной руганью и угрозами беспощадных репрессий. Сегодня, 20 октября, Заккрайком, во главе с Орджоникидзе, приступил уже к разгрому, начиная с ЦК КПГ. Авторитетнейший т. Окуджава снят с поста Секретаря ЦК и изгнан из Президиума его. То же самое грозит всем, согласно громогласному заявлению Орджоникидзе на заседании Заккрайкома, что он разгромит всю партию и создаст новую из молодых. Эти нападки, совершенно незаслуженные, делаются достоянием антисоветских элементов, авторитет советской власти и престиж партии падает, товарищи сбиты с толку, начинается разброд и дезорганизация, что завтра и дальше примет ужасные формы и размеры. Мы поставлены в положение, когда ответственность уже не в состоянии нести. Поэтому, не находя другого выхода, решили — завтра, 21, на Пленуме ЦК КПГ заявить об этом. В совпрофе Грузии такое же положение. Ответственные товарищи, возглавляющие комиссариаты, заявляют о невозможности их дальнейшей работы. Словом, советская власть в Грузии никогда не находилась в таком угрожающем положении, как в данный момент.

Товарищей Каменева и Бухарина настоятельно просим принять самое активное участие в создавшемся положении. Через день-два обо всем станет известно в провинции. Там разруха сможет принять еще более ужасающие формы. Все это создано Орджоникидзе, для которого травля и интриги — главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невозможно жить и работать при его держимордовском режиме. Неужели мы не заслужили лучшего руководителя в смысле марксистском и товарищеском и обречены быть объектом самодурства Орджоникидзе. Просим убедительно уведомить нас ответом». Далее следовали подписи членов ЦК КПГ К. Цинцадзе, С. Тодрия, В. Думбадзе, Элиава, Махарадзе, Кавтарадзе, Сабашвили.

Данный текст дает представления о той форме, в которой грузинские национал-уклонисты под видом «информирования» оказывали психологическое давление на Ленина. Они пугают Ленина угрозой раскола партии, утраты советской власти.

Енукидзе ответил: «Все сообщенное Вами, за поздним временем, я передам завтра утром указанным Вами товарищам, также и Сталину. Надеюсь, что завтра же будет вам сообщен должный ответ. Все, что Вы сообщаете, очень печально и вижу по тону телеграммы, что отношения между верхами работников чрезвычайно обострились. Лично же я думаю, что если у Вас действительно среди наших партийных организаций и среди рабочих масс наблюдается разброд и дезорганизация, то почва для этого подготовлялась усилиями большинства членов ЦК КПГ (т.е. группы Мдивани. — В. С.)»***. Таким образом, Енукидзе, прекрасно знавший всю подоплеку политической борьбы в руководстве КПГ, но не участвовавший в ней лично, заявил, что он не обманывается на счет сказанного авторами переданной для Ленина записки и не разделяет их оценку причин кризиса.

Из Тифлиса последовал ответ: «Если вы лично считаете, что почва для этой дезорганизации подготовлена большинством ЦК КПГ, то Центральному комитету в Грузии здесь не место и просим раз навсегда положить конец той инквизиции, которой мы

подвергаемся в продолжении полутора года со стороны Орджоникидзе. Мы утверждаем, что эта почва, если она и была кем-либо подготовлена, то со стороны Орджоникидзе. До сих пор мы персонально вопрос о ком-либо не ставили. Сейчас наша чаша терпения переполнена и для спасения от окончательного разложения нашей партии и соввласти в Грузии, в этой политически-скандальной стране, мы этот вопрос уже ставим. Если кто-либо усомнится в нашей правоте, то мы просим от высших наших организаций и старых наших товарищей вопрос о наших взаимоотношениях передать высшему партийному расследованию.

Ты, Амель, не можешь представить себе, до каких чудовищных размеров доходит травля старых товарищей в Грузии, и не только в Грузии, но и в России». Енукидзе парировал: «Повторяю, что все, что я Вам передал, это есть мое личное мнение, и за мои слова члены ЦК РКП ни в малейшей степени не ответственны. Как бы я ни уважал старых товарищей, я обязан вам сказать правду, которую я чувствовал и которую я наблюдал, будучи осенью (1922 г. — В. С.) в Грузии. До свидания». Аппарат напоследок отстучал из Тифлиса: «До свидания»[758].

21 октября Ленин шифром направил телеграмму членам ЦК КПГ с таким ответом, которого они не ожидали: «Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью *Цинцадзе* и других, переданной мне почему-то Бухариным, а не одним из секретарей Цека. Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума Цека при моем *косвенном* (курсив наш. — В.С.) участии и при прямом участии *Мдивани*. Поэтому я решительно осуждаю брань против *Орджоникидзе* и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП(б), которому и передаю ваше сообщение по прямому проводу». Копия этой телеграммы была направлена в Заккрайком члену ЦК РКП(б) Орджоникидзе и секретарю Заккрайкома Орахелашвили[759]. Цены нет этому документу. Он показывает, во-первых, что Ленин взял под свою политическую защиту лично Орджоникидзе как политика. Но, главное, эта история еще раз убеждает нас в том, что уступки Ленина национал-уклонистам носили исключительно тактический характер и что Ленин, уже поняв их игру, не желал ей потакать. Указание на необходимость обращаться к нему не иначе как через секретариат ЦК, т.е. через Сталина, курировавшего все кавказские вопросы, показывало им, что установление истины в этом споре Ленин передал на решение секретариата ЦК (опять же Сталину в первую очередь). Можно утверждать, что Ленин показал всем, что Сталин сохраняет в его глазах полное доверие. Следовательно, разногласия, возникшие между ними в конце сентября 1922 г. по вопросу объединения республик, не оказали сколь-либо серьезного влияния на их политические отношения.

Далее Сталин действовал с опорой на мнение и авторитет Ленина. Днем 21 октября он телеграфировал в Тифлис Орджоникидзе и Орахелашвили: «В Цека получена через Енукидзе клером...**** с жалобой и площадной руганью на Орджоникидзе, который будто бы тавыжеит***** Цека Грузии, и обвинением его в склоке, в углублении конфликтов. Цека просит Орджоникидзе и Заккрайком отдельно сообщить свою...***** шифром в двух словах. Ответ срочный»[760]. Вслед за первой Сталин направил Орджоникидзе еще одну телеграмму*****, в которой, в частности, говорилось: «Мы намерены покончить со склокой в Грузии и основательно наказать Груз[инский] Цека. Сообщи, кого мы должны еще перебросить из Грузии кроме отозванных четырех... По моему мнению надо взять решительную линию. Изгнать из Цека все [и] всякие пережитки национализма. Получил ли телеграмму Ленина? *Он взбешен, едини недоволен* ***** *грузинскими националистами* (выделено нами. — В.С.)»[761].

Между тем 21 октября в Тифлисе сторонники Мдивани продолжали форсировать конфликт. Они обнадеживали своих сторонников поддержкой со стороны Ленина и заявляли о готовности продемонстрировать для защиты своей позиции «силу» и использовать методы подпольной работы. До получения ответа Ленина состоялось заседание ЦК КПГ, на котором присутствовали Орджоникидзе и другие члены Заккрайкома РКП(б), а также член Политбюро ЦК РКП(б) А.И. Рыков, бывший в то время в Тифлисе. Пленум большинством

голосов принял решение, идущее вразрез с решениями октябрьского (1922 г.) Пленума ЦК РКП(б) — о самостоятельном вхождении Грузии в СССР, отверг необходимость создания ЗФСР и введения закавказского дензнака[762]. Это решение являлось грубейшим нарушением Устава партии и партийной дисциплины, выразившееся не просто в прямом неподчинении решениям ЦК РКП(б) (что в литературе, как правило, отмечается), но и в открытой конфронтации с ним (о чем в литературе умалчивается). Такой поступок влек за собой исключение из партии. В этих условиях Президиум Заккрайкома предложил Центральному Комитету КПГ сложить свои полномочия. Ленин был информирован о происходящем в Грузии, в том числе и о решении Пленума ЦК КП Грузии: «Пленум (ЦК КПГ. — В.С.) принял предложение Президиума (Заккрайкома РКП (б). — В.С.) о сложении полномочий в виду расхождения [политической] линии его с линией Заккрайкома», «президиум Заккрайкома констатируя небывалый в истории нашей партии случай отставки Цека из-за нежелания проводить решения партии»[763].

Невозможно представить, чтобы действия Мдивани и его единомышленников настраивали Ленина на политическую поддержку их.

Каменев и Бухарин, избегая ввязываться в этот конфликт на стороне Мдивани, которого они в этом конфликте поддерживали, обратились к взбунтовавшемуся ЦК КПГ с большим опозданием — 23 октября. Внешне их ответ был вполне в духе ленинского, но содержал в себе едва скрытый совет, как себя вести дальше, чтобы не поставить себя под удар организационных мер за нарушение партийной дисциплины и сохранить возможность продолжения борьбы: «Вы должны знать, что постановление Пленума о вхождении в Союз Закавказской Федерации должно быть точно выполнено и может быть вновь рассмотрено лишь новым Пленумом, если он того захочет. Тон Вашей открытой записки — грубое нарушение партийных нравов. Советуем прекращение склоки и работу на базисе цекистских решений»[764]. 24 октября 1922 г. Бухарин пишет Ленину записку: «Вы читали, вероятно, "грузинский разговор по прямому проводу". По-моему, нужно запретить или пока деактивировать вопрос. А умягчение нравов или соответствующие] жесты произвести во время конгресса Коминтерна, когда здесь будет налицо авторитетная грузинская делегация. Ждать недолго»[765]. Это предложение Бухарина выдает в нем защитника Мдивани и др. Ленин не принял этого совета. Состав ЦК КП Грузии был изменен.

Уйдя в отставку, Мдивани и его сторонники не прекратили борьбы против решений октябрьского (1922 г.) пленума. Материалы ленинского секретариата свидетельствуют, что Ленин своевременно получал все основные материалы о развитии конфликта и был в курсе всего, что происходило на Кавказе. Документы поступали не только из ЦК, но и от группы Мдивани. Они позволяли составить представление о развитии конфликта и говорили, что национал-уклонисты, несмотря на сложную политическую обстановку в Грузии, взяли курс на еще большее обострение ее, развернув агитацию против решения ЦК РКП(б) в партийных организациях и среди беспартийных масс[766]. Никаких сомнений в нелояльности, более того, двурушнической сущности политической позиции Мдивани и его сторонников у Ленина не могло остаться.

Вот в этих условиях и произошел известный инцидент с пощечиной, которую Орджоникидзе нанес старому (с дореволюционным стажем) члену партии Акакию Кабахидзе. Инцидент, который, как считается в традиционной историографии, стал поводом для создания Лениным записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», главным обвинением Сталину и Орджоникидзе и одной из причин, побудившей Ленина радикально изменить свою оценку Сталина как политика и свое отношение к нему. Излагая историю этого конфликта, обычно допускают два-три случайных или преднамеренных искажения. Во-первых, напрямую связывают его с происходившей политической борьбой по вопросу об образовании СССР, во-вторых, вся вина за него перекладывается на Орджоникидзе, а его рукоприкладство характеризуется как акт политической расправы[767]. Вообще говорят и пишут об этом эпизоде гораздо больше, чем о нем известно в действительности. Неясно даже точное время, когда произошел конфликт. В литературе

вопрос о времени обойден, он даже не ставился. На основании доступных архивных документов установить его удастся только приблизительно — третья неделя ноября 1922 г. 24 ноября Секретариат ЦК рассмотрел вопрос о направлении в Тифлис специальной комиссии.

Информация о конфликте содержится в показаниях двух очевидцев, члена Политбюро ЦК РКП(б) А.И. Рыкова и члена ЦКК КП Грузии Ртвиладзе. Записи их рассказов хранятся в материалах секретариата Ленина. Рыков в записке, датированной 7 февраля 1923 г., писал: «В Тифлисе на квартире т. Орджоникидзе в моем присутствии разыгрался следующий инцидент:

Для свидания со мной на квартиру т. Орджоникидзе пришел член РКП и мой товарищ по ссылке в Сибири Акакий Кабахидзе. Во время общего разговора т. Кабахидзе упрекнул Серго Орджоникидзе в том, что у него есть какая-то лошадь и что товарищи, стоящие наверху, в том числе т. Орджоникидзе, в материальном отношении обеспечены гораздо лучше, чем другие члены партии. В частности, был какой-то разговор о влиянии новой таможенной политики в Батуми на рост дороговизны. Одну из фраз, по-видимому, относительно того, что Серго Орджоникидзе на казенный счет кормит какую-то лошадь, Акакий Кабахидзе сказал Серго на ухо. Вслед за этим между ними разгорелась словесная перебранка, во время которой т. Орджоникидзе ударил Кабахидзе. При вмешательстве моем и моей жены инцидент на этом был прекращен и т. Кабахидзе ушел с квартиры. После этого Серго Орджоникидзе пережил очень сильное нервное потрясение, кончившееся истерикой». «По существу инцидента, — писал Рыков, — я считаю, что т. Орджоникидзе был прав, когда истолковал как жестокое личное оскорбление, те упреки, которые ему сделал т. Кабахидзе». Причину срыва он видел в крайней истощенности нервной системы Орджоникидзе в результате длительного и острого внутрипартийного конфликта[768].

Ртвиладзе подтверждает заключение Рыкова: «Инцидент с пощечиной, данной т. Орджоникидзе т. Кабахидзе, носит характер частный, не связанный с фракционностью (письменного заявления в КК***** Гр[узии] [Кабах]идзе не подавал и в ЦК Грузии этот инцидент не рассматривался)»[769]. Сам Орджоникидзе тоже отрицал политический характер конфликта. Признавая себя виновным в рукоприкладстве, он заявлял, что оно было вызвано не политическим спором, а личным оскорблением[770].

В литературе считается, что Ленин был очень обеспокоен этим инцидентом. Это не факт. Из документов Ленина о его реакции на эту историю ничего не известно. Как на проявление обеспокоенности Ленина и его политического недоверия к Сталину и большинству Политбюро представляют историю создания комиссии, направленной в Тифлис для расследования этого инцидента. Главные аргументы усматривают в том, что Ленин не голосовал за состав комиссии[771], а также в оценках ее работы, содержащихся в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». На XII съезде Енукидзе рассказал об обстоятельствах создания этой комиссии. К сожалению, это свидетельство не было востребовано историками, хотя любой из них мог воспользоваться опубликованной стенограммой съезда. Енукидзе говорил: «ЦК решил послать туда комиссию. Сначала было предложено мне поехать туда в качестве председателя или члена комиссии, но я заявил, что я недавно вернулся из Грузии, знал положение вещей, знал этих товарищей... Я политику т.т. уклонистов считал неправильной. Я тогда отказался от поездки туда и выставил против моей поездки некоторые соображения личного характера. Была выбрана другая комиссия под председательством тов. Дзержинского. Ленин специально тогда меня спрашивал: "По-вашему, эта комиссия подходящая?" Я чистосердечно ответил и сейчас подтверждаю, что комиссия была весьма подходящая и авторитетная»[772]. Слов Енукидзе никто не оспорил, следовательно, нет оснований сомневаться в правильности его рассказа.

А что документы? Они не дают никаких оснований для принятой в традиционной историографии версии истории создания этой комиссии и отношения к ней Ленина. 24 ноября Сталин направил Ленину материал из Тифлиса, а также проект постановления Секретариата ЦК РКП(б) в связи с конфликтом в КПГ, подготовленного «по заявлению

Филиппа Махарадзе и др. членов ЦК Грузии старого состава». Этот материал был доложен В.И. Ленину, о чем говорит соответствующая помета в журнале регистрации входящих документов (помечен значком «Д»), проект постановления Секретариата Ленин смотрел сам (имеется помета «ВМ»)[773]. Возражений не последовало. В «Дневнике дежурных секретарей» Ленина фиксируется поступление вечером 24 ноября протокола Политбюро для голосования опросом, «по телефону» и далее следует запись: «Владимир Ильич не проголосовал»[774]. Публикаторы интерпретируют это так, что Ленин «от голосования воздержался»[775], но это вольная трактовка дневниковой записи. Не проголосовал вечером, не значит — воздержался. Могли быть другие причины. Вопрос для голосования поступил вечером 24-го, заседание Политбюро должно было состояться на следующий день. Видимо, Ленину этот протокол не был передан. День 24 ноября оказался для него тяжелым. Дежурный секретарь свою дневниковую запись начал словами: «Владимир Ильич нездоров, в кабинете был только пять минут, диктовал по телефону три письма, на которые хотел запросить позднее ответы. Мария Ильинична (Ульянова) сказала, чтобы его ничем не беспокоили...»[776]. Лишь вечером 25-го Ленин ознакомился с этим протоколом, присланным для голосования[777]. Вновь он приступил к работе вечером 26-го. Но решение Политбюро к тому времени уже состоялось без его участия. Оно не вызвало у Ленина какой-либо негативной реакции. И понятно, ведь обсуждение вопроса состоялось с его участием, а проголосовать Политбюро могло и без него. Голосовать «за» «вдогонку» не было смысла.

Политбюро 25 ноября приняло предложение Секретариата ЦК РКП(б) о создании комиссии для «срочного рассмотрения заявления» и «намечения мер, необходимых для установления прочного мира в компартии Грузии». В состав ее вошли Ф.Э. Дзержинский (председатель), Д.З. Мануильский, В.С. Мицквичюс-Капсукас. Ленин был в курсе дела и если бы он был против принятого решения, то мог бы и должен был бы определенно заявить свой протест. Время для этого было, поскольку результаты голосования «опросом» по телефону подлежали утверждению на очередном заседании Политбюро, и только после этого оно оформлялось специальным протоколом. Утверждение состоялось на заседании Политбюро 30 ноября в присутствии Бухарина, Зиновьева, Каменева, Калинина, Молотова, Сталина, Троцкого. Если учесть, что 30 ноября Ленин работал, а накануне, 29 ноября, к нему поступил протокол заседания Секретариата ЦК партии от 25 ноября с предложениями относительно целей и состава комиссии[778], то исчезают всякие основания считать, что Ленин был против состава комиссии или что он был обойден при решении этого вопроса.

Утверждения, что комиссия не смогла провести объективного расследования, что она имела соответствующие установки от Сталина, не получают в документах подтверждения. Зато известен документ иного рода: во время работы в Тифлисе комиссии Дзержинского Сталин телеграфировал Орджоникидзе: *«еще раз проверить»* (курсив наш. — В.С.) сообщения об агрессивных действиях грузин и дать официальную справку по этому делу за подписью всех знакомых с делом людей. Будь осторожным и не преувеличивай опасность»[779]. Считается, что оправдательный вывод комиссии вызвал гнев Ленина против ее председателя — Дзержинского. Выводы комиссии историками дружно осуждаются, но ее документы никто не потрудился поднять и изучить. Ничто не указывает на то, что комиссия Дзержинского скрывала какой-то критический материал в отношении Орджоникидзе. В протоколах заседания комиссии (№ 1—6 за 4—7 декабря 1922 г.) содержится немало информации о фактах грубого обращения его с людьми и о том, что это встречало осуждение в среде его политических единомышленников. Ничто не указывает на то, что Ленин с подозрением относился к работе комиссии. Упрек в необъективности ее, таким образом, остается необоснованным.

В литературе утвердилось также мнение, что Ленин с нетерпением ожидал результатов работы комиссии, для того чтобы, используя привезенный материал, нанести политический удар по Сталину и Орджоникидзе. Основным аргументом в пользу этого тезиса обычно усматривают в проявлении им интереса ко времени возвращения в Москву Рыкова и Дзержинского. Для подтверждения используются записи «Дневника дежурных

секретарей» за 2—4 декабря 1922 г.[780] Действительно, записи секретарей фиксируют повышенный интерес в отношении Рыкова, но такого интереса к возвращению Дзержинского они не отмечают. С 2 по 9 декабря (когда состоялся первый разговор Рыкова с Лениным) «Дневник» секретарей фиксирует, что Ленин спрашивал о возвращении Рыкова пять раз, а Дзержинского за период со 2 по 12 декабря (когда Дзержинский посетил Ленина) всего два раза. Ожидание Лениным Рыкова и Дзержинского неправомерно связывать исключительно с грузинским инцидентом. В распоряжении Ленина был прямой провод с Тифлисом. Он мог посылать и получать телеграммы. Он мог получать всю нужную информацию из первых рук в любом объеме, в любое удобное для себя время. Но он не прибег к этому средству. Более того, когда стало известно, что Дзержинский не торопится возвращаться в Москву, и по дороге будет останавливаться, чтобы производить ревизии на железной дороге (он был наркомом путей сообщения), Ленин не беспокоился и не поторопил его[781]. Если придерживаться традиционной точки зрения, то надо признать, что для Ленина ревизия железной дороги была важнее образования СССР. Конечно, нет. Просто в это время проблемой образования СССР Ленин не был обеспокоен в той мере, как это представляется в литературе.

Рыков должен был приехать в Москву, когда Ленин уже был в Горках, поэтому он просил его позвонить туда[782]. Однако разговор не состоялся (Рыков в Горки не звонил или звонил, но не разговаривал из-за плохого самочувствия Ленина). Первый разговор между ними по телефону состоялся только 9 декабря, после возвращения Ленина в Москву. Рыкова Ленин, действительно, ждал с нетерпением, но это может быть объяснено не интересом к грузинским делам, а необходимостью срочно решать хозяйственные вопросы и вопрос об организации работы заместителей председателя СТО. В пользу этого предположения говорит то, что 12 декабря Ленин встречался со своими заместителями — Рыковым, Каменевым и Цюрупой и обсуждал с ними вопрос организации их работы[783]. Возможно, обсуждался и конфликт в КПГ. Что мог сказать Рыков Ленину? Очевидно, то же, что позднее, 7 февраля 1923 г., писал для комиссии, созданной Лениным для изучения конфликта в КП Грузии: «По существу инцидента я считаю, что т. Орджоникидзе был прав», а нервный срыв произошел в результате длительного и острого внутрипартийного конфликта, который развивался не по линии Мдивани — Орджоникидзе, а по линии ЦК КПГ против ЦК РКП(б), в котором Орджоникидзе был виновен не больше, чем сам Ленин[784]. В тот же день, 12 декабря, вечером Ленин разговаривал с Дзержинским в течение 45 минут с глазу на глаз. Вывод, к которому пришла его комиссия, вполне совпадал с мнением Рыкова. Был ли Ленин расстроен в результате переговоров с Рыковым и Дзержинским? Мы этого достоверно не знаем, однако известно, что вечером 13 декабря у Ленина настроение было неплохое, он был весел, шутил, беспокоился только о ликвидации дел перед отдыхом[785].

Что касается материала, компрометирующего Сталина, то комиссия Дзержинского его не обнаружила. Многие видные деятели партии (секретарь ВЦИК А. Енукидзе, секретарь ЦК КП Армении С.Л. Лукашин), знавшие о событиях, происходивших в КП Грузии в связи с объединительными процессами, говорили, что деятельность Сталина направлена на поиск примирения противостоящих сторон на базе принятых общепартийных решений[786]. «Ленин, — говорил Енукидзе, — действительно верил этим товарищам (грузинским национал-уклонистам. — В.С.), поддерживал их, в его таком к ним отношении большая доля (вины, влияния. — В.С.) принадлежит т. Сталину»[787]. Так говорили сторонники Сталина. Но, самое интересное, что им вторили, подтверждая эти свидетельства, сами национал-уклонисты: «Группа ответственных работников во главе с ЦК КПГ старого состава, основываясь на своем знании местных условий и на директивах, полученных от тт. Ленина и Сталина (письма, беседы), считала необходимым проводить линию некоторых уступок национальным устремлениям масс и на этой почве расходилась с Кавбюро (впоследствии Заккрайкомом) во главе с т. Орджоникидзе»[788].

На спокойный лад в отношении развития событий в Грузии могло настраивать Ленина поступившая к нему информационная сводка из Грузинской ЧК от 14 декабря 1922 г.

Ситуация в главных чертах выглядит из этого документа так: «Политнастроение рабочих в Тифлисе — бодрое». В Батуми — «полная индифферентность», причину чего чекисты усматривали в слабой работе КППГ и сильной пропаганде меньшевиков, которых рабочие, однако, не поддерживают. Отношение крестьянства к советской власти сочувственное, хорошее, хотя есть и недовольные[789]. На документе имеются подчеркивания текста, указывающие на то, что Ленин ознакомился с ним.

Вопрос об образовании СССР был решен принципиально на тех условиях, на которых настаивал Ленин. Конечно, он все еще оставался предметом дискуссии и не потерял своей политической актуальности. Но не судьба грузинских национал-уклонистов или неприятный инцидент с пощечиной интересовал Ленина в это время. В период с 12 по 16 декабря 1922 г., когда окончательно прекратилась его политическая работа в прежнем режиме, Ленин не высказывал никакой озабоченности грузинскими проблемами и занимался другими вопросами (монополия внешней торговли, бюджет 1923 г. и др.). Продолжая активно работать и сделав ряд публичных выступлений, он лишь один раз (да и то по поручению Политбюро) коснулся образования СССР. 10 декабря 1922 г. Ленин направил поздравления Всеукраинскому съезду[790]. Не собиравшись он обращаться к проблемам национально-государственного строительства и в своем выступлении на X Всероссийском съезде Советов — нет этой проблемы в планах его выступления[791]. Не нашла она отражения и в материалах, подготовленных по поручению Ленина Н.П. Горбуновым для его выступления на X Всероссийском съезде Советов[792]. Правда, «Дневник дежурных секретарей» в записи за 14 декабря фиксирует намерение Ленина диктовать «Каменеву — о Союзе социалистических республик», но о содержании предполагаемой диктовки ничего не известно[793].

Зато известно другое. В середине ноября началась работа комиссии, созданной решением октябрьского (1922 г.) Пленума ЦК РКП(б), по подготовке документов для I съезда СССР, работой которой руководил И.В. Сталин. Перед началом ее работы, 18 ноября 1922 г., он дал интервью корреспонденту газеты «Правда», в котором, остановившись на причинах объединения республик, повторил основные аргументы своего письма к Ленину от 26 сентября 1922 г.[794] Говоря о будущей федерации, Сталин охарактеризовал ее как одно союзное государство: «Объединение советских республик *в одно союзное государство* (выделено нами. — В.С.), несомненно, создает такую форму всестороннего военно-хозяйственного сотрудничества», которая обеспечит им успех[795].

В связи с необходимостью строить федерацию по предложенной Лениным схеме Сталин поставил вопрос о верхней палате, создаваемой на паритетных началах всеми союзными республиками. Это было ново. РСФСР представлял собой союз, но не республик, а Советов и народов. Вторая палата в рамках прежней системы интернациональной Республики Советов, строившейся на основании соединения всех Советов в единое государство, была не нужна. По той же причине она была не нужна и в случае объединения республик в СССР на принципе автономизации. СССР как союз равноправных республик, представляя собой объединение разновеликих государств, вносящих разный вклад в общий бюджет и предъявлявших к нему разные требования. Раз уж избрали путь создания национальных государств и их федерирования, то возникала необходимость представительства и отстаивания не только социальных интересов интернационального населения отдельных регионов, но и отдельных национальностей, а значит, и в создании соответствующего политического механизма, которого не было прежде. Национальное представительство шло вразрез с прежними представлениями о принципах строительства советского государства. Советы депутатов рабочих, солдат и крестьян — органы, обеспечивающие социальное, а не национальное представительство. Национальное представительство напоминало практику буржуазного парламентаризма (Швейцария) и вызывало недоверие и скептицизм. Возможно, поэтому Сталин в интервью ставил вопрос так, что трудно понять — является он сторонником или противником этой идеи[796]. Похоже на то, что Сталин учел опыт дискуссии об автономизации и решил запустить

«пробный шар».

Так или иначе, но предложение о второй палате — свидетельство тому, что Сталин серьезно принял ленинскую схему образования СССР и добросовестно занялся ее доработкой и реализацией. Сталин, именно он, а не кто-то другой, делал все, чтобы устранить проблемы, связанные с созданием СССР как союза равноправных республик.

Положения о Союзе как одном государстве и о второй палате имели принципиальный характер и выходили за рамки схемы, принятой октябрьским (1922 г.) Пленумом ЦК РКП(б). Они вели к пересмотру прежних взглядов и оценок, сложившихся в партии. Мы не знаем, согласовывал ли Сталин с Лениным эти вопросы до интервью. Учитывая ту осторожность, с которой Сталин поставил вопрос о второй палате, можно предположить, что такое согласование имело место. Во всяком случае, Ленин не мог пройти мимо этих предложений, если бы не разделял их. В запасе у него оставалось еще несколько дней активной работы, в том числе и публичное выступление в Моссовете. А потом еще были три недели до второго инсульта. Ленин не считал нужным возражать. Это обстоятельство дает основание считать, что Ленин со Сталиным был согласен. Это означает, что прежние разногласия были исчерпаны если не полностью, то в главнейших вопросах.

Надо учесть и то, что это интервью в определенном смысле задавало тон всей работе Комиссии ЦК РКП(б), которая начала свою работу 21 ноября. Комиссия решила, что республики «объединяются в одно союзное государство под названием *"Союз Советских Социалистических Республик"*» (курсив наш — В. С.)[797]. Важнейшее предложение Сталина, определившее характер СССР на десятилетия, — о Союзе как одном государстве было принято. Ленин был в курсе работ этой комиссии. Он встречался со Сталиным и другими ее членами, получал от них письма, ему направлялись протоколы комиссии и подкомиссии, проекты подготавливаемых документов[798]. Все основные материалы, связанные с подготовкой образования СССР, продолжали поступать Ленину вплоть до второго инсульта[799]. Возражений с его стороны не было.

30 ноября 1922 г. Политбюро заслушало доклад комиссии ЦК «О Союзе республик», сделанный Сталиным, и постановило: «Основные пункты Конституции Союза Советских Социалистических республик в основном принять, включив в него в начале п. 10-го "к" "утверждение единого госбюджета СССР"». В результате ленинская схема «Союза равных», которая могла трактоваться в широком диапазоне — от федерации с сильной центральной властью до самой «рыхлой» конфедерации — была уточнена, получила необходимую ясность в главном вопросе. На этом заседании присутствовали и голосовали за подготовленный проект образования СССР, кроме Сталина, также Бухарин, Зиновьев, Каменев, Калинин, Молотов и Троцкий[800]. Ленин знал об этом решении и не возражал. Знал он и об итогах голосования на Политбюро проектов резолюций X Всероссийского съезда Советов. Именно на этом заседании Политбюро поручило Ленину направить приветствие Всеукраинскому съезду Советов[801]. В написанном приветствии выражалась поддержка стремления республик к объединению и не содержалось никакой критики того, как и в каком направлении велась подготовка к образованию СССР[802].

Дальнейшая работа по подготовке и проведению съездов Советов республик и СССР проходила уже без прямого участия Ленина.

Подведем итог. После октябрьского (1922 г.) Пленума ЦК РКП(б) Ленин ни разу не поставил под вопрос ту линию, которую Сталин на основе решения этого Пленума проводил в вопросе образования СССР и в конфликте в КП Грузии. Имея всю информацию о подготовке образования СССР, Ленин ни единым словом не высказался ни в пользу позиции национал-уклонистов — членов старого ЦК КП Грузии, ни против тех документов об образовании СССР, которые подготовила комиссия ЦК под председательством Сталина. Не считал нужным. В свете известного нам материала молчание Ленина могло означать только одно — полное согласие! Значит, к моменту второго инсульта между Лениным и Сталиным было установлено взаимопонимание в вопросах образования СССР. Все это лишает те положения, которые сформулированы в записках «К вопросу о национальностях или об

"автономизации"», всякой опоры в событиях предшествующего времени, якобы послуживших причиной их появления.

* Конечно, Ленин получал информацию о развитии ситуации в КП Грузии и до выступления Мдивани. Так, 18 октября 1922 г. он получил письмо от Г.К. Орджоникидзе «о русском шовинизме» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 31).

** Интересно, что в качестве проводников давления на Ленина они избрали Каменева и Бухарина, которые на октябрьском (1922 г.) Пленуме ЦК РКП(б) уже проявляли склонность прислушиваться к ним и идти навстречу их требованиям. Каменев и Бухарин не подошли. Может быть, не захотели ввязываться в кавказские дела, зная позицию Ленина, или понимали, что Мдивани стремится их использовать в собственных интересах? Показательно, что Мдивани и его сторонники не обращались к Троцкому, что, очевидно, не случайно, поскольку он в это время не заявлял о своей политической позиции в этом вопросе. Да и сам он вплоть до начала февраля 1923 г. не поддерживал их. По крайней мере, открыто.

*** На XII съезде Енукидзе рассказывал, что в то время в Грузии много говорили и писали про проводимую Г.К. Орджоникидзе политику как «политику держиморды». «Но на самом деле, была ли эта политика такой? Тов. Орджоникидзе проводил политику ЦК». По утверждению Енукидзе, Орджоникидзе проявлял уступчивость и, чтобы смягчить ситуацию, тормозил проведение многих предписаний (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. 17—25 апреля 1923 г. С. 539).

**** Клером — т.е. открытым текстом, что допускало перехват и утечку политической информации.

***** Так в тексте.

***** В тексте пропуск.

***** На телеграмме дата не проставлена. Ее исходящий номер 5940/ш. Дата 21 октября устанавливается на основе исходящего номера одного из предыдущих документов (№ 5937), зарегистрированного 21 декабря, и упоминания о телеграмме Ленина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2441. Л. 1).

***** Так в тексте. «Екдини недоволен» — по-видимому, «крайне недоволен» (?).

***** КК — Контрольная комиссия.

ЧАСТЬ 2 ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЗАВЕЩАНИЯ» ЛЕНИНА

ГЛАВА 1. УСЛОВИЯ РАБОТЫ В.И. ЛЕНИНА НАД ПОСЛЕДНИМИ ПИСЬМАМИ, ЗАПИСКАМИ И СТАТЬЯМИ

§ 1. ЛЕНИН В ПЕРИОД РАБОТЫ НАД «ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАВЕЩАНИЕМ»

Работе Ленина в последний период его активной политической деятельности, огромной по объему и политической значимости, посвящена обширная литература. Нашли в ней отражение и вопросы, связанные с течением его заболевания. Однако без должного внимания историков осталась динамика работоспособности Ленина в условиях наступления болезни в период между первым и третьим инсультами (конец мая 1922 — начало марта 1923 г.). Между тем изучение этого вопроса позволяет лучше понять, почему, в каких условиях появились его последние письма, записки и статьи и, следовательно, лучше понять их место в ленинском наследии.

Ленин на пределе возможностей принимал участие в работе IX съезда РКП (б). Врачи,

не понимая его болезни, продолжали настаивать на длительном отдыхе и, кроме того, выдвинули предположение об отравлении организма пулей, не извлеченной после ранения Ленина в 1918 г. Проведенная 23 апреля 1922 г. операция по извлечению пули, легкая сама по себе, облегчения не принесла, но, как считают современные медики, могла повести к нежелательным последствиям, ускорившим развитие болезни и приблизившим смерть Ленина[803]. В апреле — мае 1922 г. прорабатывались разные варианты отдыха и лечения Ленина на Кавказе и Урале. Отъезд откладывался. Ленин жил в Горках и «продолжал немного работать». Утром 27 мая у него произошел инсульт[804], положивший конец прежним надеждам на выздоровление. Наступил временный паралич и потеря речи. Врачи предписали Ленину «полный покой», однако он в первые 1—2 дня после удара вставал, ходил. 28 мая доктор, профессор В. Крамер установил, что болезнь связана с заболеванием мозга[805]. Врачи потребовали установить жесткий запрет на поступление к Ленину политической информации и общения с товарищами. В июне — начале июля 1922 г. все контакты с Лениным и передача ему какой-либо политической информации были запрещены. По оценке врачей, летом 1922 г. интеллект Ленина не был затронут[806]. К середине июля состояние его здоровья улучшилось, он начал проявлять политическую активность, а с середины июля возобновил политическую работу. Политбюро разрешило свидания с товарищами по работе, но «лишь с разрешения Политбюро, без всяких исключений»[807].

2 октября 1922 г. Ленин возвратился к работе в Кремле. Документы секретариата В.И. Ленина за вторую половину 1922 г.[808] говорят о том, что на его имя шла вся та документация (и по характеру, и по объему), что и прежде. Материалы, собранные в «Биохронике» Ленина, говорят о том, что объем работы осенью 1922 г. был довольно значителен, а круг вопросов разнообразен. И тем не менее возврата к прежнему распорядку уже не произошло. Октябрь 1922 г. был единственным месяцем в тот период, который вселял какие-то надежды на будущее. На короткое время работа стала повседневной, но систематической была по относительно узкому кругу вопросов. В это время в центре внимания Ленина были вопросы внешней политики, экономики, в частности, заключения концессионных соглашений, монополии внешней торговли и образования СССР. Однако болезнь не отпускала, постоянно напоминая о себе, все заметнее сказываясь не только на самочувствии, но и на характере, поведении, стиле и объеме выполняемой работы. Врачи отмечали ослабление нервной системы, что проявлялось, в частности, в склонности к плачу, которую не всегда удавалось пересилить, очень сильное воздействие стала производить музыка. Заметно ухудшились зрение, память, понизились внимание, способность сосредотачиваться[809].

Врачи, установившие сначала режим — 5 часов работы в день с двухдневным отдыхом в неделю, — с 15 октября ужесточили режим, введя третий день отдыха в неделю[810]. Реально эти ограничения соблюдались только в отношении заседаний. По вечерам у Ленина бывали приемы или, как он говорил «беседы с товарищами», в которых обычно принимали участие Сталин, Каменев и Зиновьев. В октябре 1922 г. Ленину уже трудно было самому просматривать массу бумаг, чтобы быть в курсе дел и участвовать в их решении. Поэтому появилась мысль подыскать ему помощника, который «взял бы на себя часть работы и докладывал бы... по ряду вопросов после ознакомления с материалами». Однако подходящего человека найти не удалось, так как все способные люди были перегружены[811]. С 25 октября в книгах поступающей корреспонденции секретари завели систему специальных значков, которыми стали пометать документы: «МВ» — документы, просмотренные лично Лениным; «Д» — документы, доложенные ему, и «О» — документы, которые Ленину не докладывались[812]. Эта система помет позволяет лучше понять характер деятельности Ленина в конце октября — декабре 1922 г. и воочию увидеть неуклонное падение его работоспособности.

31 октября в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца Ленин произнес речь на заключительном заседании IV сессии ВЦИК IX созыва, которая произвела большой

политический эффект и доставила ему самому большое удовлетворение, усилила веру в возможность преодоления болезни и позволила поставить перед врачами вопрос об ослаблении медицинского контроля[813]. В начале ноября, однако, произошел какой-то перелом в течении болезни: ухудшилось настроение, повысилась нервозность, часто стали повторяться приступы паралича[814]. Это сразу же отразилось на режиме работы Ленина. Все его усилия по активизации текущей деятельности разбивались о методичное наступление болезни.

7 ноября самочувствие у Ленина было «неважным», он не работал целый день, ему пришлось отказаться от выступления на объединенном заседании Коминтерна и Моссовета в Большом театре[815]. В это время Ленин все же участвует в решении вопросов, связанных с составлением бюджета на 1923 г., с работой конгресса Коминтерна и с подготовкой пересмотра принятого октябрьским Пленумом решения об ослаблении монополии внешней торговли и др.

13 ноября Ленин выступил на IV конгрессе Коминтерна с часовой речью на немецком языке. Хотя он «говорил свободно, без запинок, не сбиваясь» и речь имела огромный успех, она, судя по рассказам Бухарина и Г.И. Серебряковой (жены члена ЦК и наркомфина Г. Сокольников), потребовала от оратора большого напряжения. Сам Ленин отметил, что в ней был момент, когда он «забыл, что он уже говорил, что ему еще нужно сказать»[816]. Врачи обнадеживали его относительно выступления на X Всероссийском съезде Советов[817], который намечался на конец декабря и к которому Ленин готовился. 20 ноября после ряда переносов состоялось последнее публичное выступление Ленина — на заседании Моссовета. Б.М. Волин вспоминал: «Он показался мне еще более усталым, чем после выступления на IV конгрессе Коминтерна... Несмотря на недомогание... речь его была исключительно жизнерадостной, воодушевляющей, оптимистичной. Она часто прерывалась одобрительными возгласами и аплодисментами»[818].

После этого выступления болезнь дала кратковременную передышку (неделю не было приступов паралича, головной боли и переутомления), но работоспособность оставалась низкой[819]. С конца ноября Ленин начинает быстро отходить от текущих дел. Его занятия делами все более приобретают аритмичный характер. 30 ноября стал последним днем активной работы Ленина, он работал с двумя письмами Сталина, с письмом Каменева, Зиновьева, Бухарина и др. в связи с тезисами Троцкого о НЭПе и с «Аграрной программой действий», написал письмо Сталину о судостроении[820].

2 декабря врачи с трудом уговорили его временно отказаться от дел и на несколько дней уехать в Горки отдохнуть. По состоянию здоровья поездка откладывалась, и Ленин смог поработать с документами по грузинскому вопросу[821]. 7 декабря он уехал в Горки, где не получилось ни отдыха, ни работы, так как ежедневно бывали приступы паралича. По свидетельству М.И. Ульяновой, настроение у Ленина было «очень подавленное», он часами, закутавшись в шубу, просиживал на террасе, грустный и молчаливый, понимая, какая перспектива ожидает его. Состояние продолжало ухудшаться, и поэтому 12 декабря Ленин вернулся в Москву[822].

Медицинское исследование, проведенное утром 13 декабря, выявило противоречивую картину. Субъективное восприятие своего состояния Лениным показывало, что оно быстро и катастрофически ухудшалось, а объективные исследования говорили, что все в норме![823] Врачам «с большим трудом» удалось уговорить его «не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидацию своих дел», о чем он сообщил своим заместителям по СНК и СТО РСФСР: «Ввиду повторения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск». 13 и 14 декабря Ленин «беспокоился только о ликвидации дел», вел ограниченную работу[824]. То был последний всплеск сил перед вторым инсультом.

15 декабря 1922 г. состояние Ленина резко ухудшилось. Он пытался написать письмо Сталину, но Фотиевой не удалось разобрать написанное, и ей пришлось записывать текст

письма под диктовку[825]. С этого момента В.И. Ленин перестает сам писать письма и переходит к диктовке. В ночь на 16-е у него наступил временный паралич правых конечностей. Следующие несколько дней состояние его здоровья оставалось без существенных изменений. Проф. В. Крамер отмечал, что во время декабрьского обострения болезни (16—17 и 22—23 декабря) проявились заметные симптомы ослабления памяти[826]. Ленин не работал.

Завершился последний этап непосредственного руководства Лениным партией и государством. Начался новый, совсем не похожий на прежние. Главным содержанием его стала работа над так называемым «Политическим завещанием».

Для исследования политической деятельности В.И. Ленина в конце 1922 — начале 1923 г. важнейшее значение имеет точное представление о тех условиях, в которых создавались тексты «Завещания». Это тем более важно установить, что в литературе чаще всего встречаются крайности: с одной стороны, имеет место «облегченная», идеализированная картина этой работы, а с другой — попытка представить Ленина в это время человеком, утратившим всякую способность к интеллектуальной работе. О ходе работы Ленина над «Завещанием» мы знаем совсем немного. «Дневник дежурных секретарей», как было показано выше, не может быть признан надежным источником для изучения этого вопроса. «Дневник дежурных врачей» почти ничего не сообщает о содержании прочитанного, продиктованного и сказанного Лениным. Секретари его, работавшие с ним в это время, предпочли информировать читателя об организационно-технической стороне дела и удивительно мало говорят о ее содержательной и творческой стороне[827].

В ночь на 23 декабря у Ленина наступил стойкий паралич правых руки и ноги. Вечером он добился от врачей «разрешения продиктовать стенографистке в течение 5 минут, так как его волнует один вопрос, и он боится, что не заснет». Продиктовав, успокоился[828]. Принято считать, что к Ленину была вызвана М.В. Володичева, которой он начал диктовать первый фрагмент «Письма к съезду»[829].

24 декабря после совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами Ленину было разрешено «диктовать ежедневно по 5—10 минут»[830]. Секретари говорят о диктовках Ленина 24 декабря, а врачи — 24 и 25 декабря, ничего не сообщая о их содержании[831]. Принято считать, что в эти дни Ленин диктовал наиболее важную часть «Письма к съезду» — так называемые «характеристики».

В следующие дни время диктовок начинает увеличиваться. 26—29 декабря врачи отмечают диктовку[832]. К этим дням относится работа над текстами, посвященными реформе ЦК и РКИ, а также текстам, известным под названием «О придании законодательных функций Госплану».

Следующие два дня — 30 и 31 декабря — очень важны для историков, поскольку именно к этому времени традиционная историография относит диктовку записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». В эти дни врачи фиксируют значительную по продолжительности диктовку Ленина, но не сообщают о ее содержании. «Дневниковые» записи секретарей отсутствуют[833].

Новый год Ленин встретил в достаточно хорошем состоянии и настроении, диктовал и читал продиктованное, считается, что 1 и 2 января 1923 г. он работал над статьей «Странички из дневника». 3 января врачи фиксируют общее состояние без изменений и диктовку (15 минут)[834]. Содержание и судьбу продиктованного им 3 января мы не знаем, поскольку работа над статьей «Странички из дневника» уже завершилась, а работа над следующим за ней текстом «О кооперации» (часть первая) датируется 4 января.

4 января Ленин что-то диктовал и читал. Считается, что в этот день он продиктовал предложение о перемещении И.В. Сталина с должности генерального секретаря ЦК РКП(б) («добавление» к диктовке от 24—25 декабря 1922 г.) и первую часть «статьи» «О кооперации». 5 января и последующие дни отмечены удовлетворительным состоянием здоровья и значительными колебаниями настроения, чтением и диктовкой. Что диктовалось, неизвестно. 6 января работа не фиксируется, хотя считается, что в этот день он продиктовал

вторую часть «статьи» «О кооперации»[835].

После 5 января начался период заметного ухудшения состояния здоровья. Врачи отмечали «колебания настроения», в чем «известную роль играет... сознание, что болезнь наступила в высшей степени в неблагоприятный момент (съезд Советов и съезды союзных республик)»[836]*. 6—15 января произошло обострение болезни, прервавшее систематическую работу. Только 10 января отмечена краткая диктовка, но она была связана с чрезвычайными обстоятельствами. Это был для Ленина очень тяжелый день. В ночь начались сильные боли, судороги, утром ухудшились движения правой ноги. «Стонал и корчился от боли... Лицо озабоченное, беспокойное, настроение очень плохое». Только днем, когда состояние несколько улучшилось, Ленин, несмотря на возражения доктора А.М. Кожевникова, настоял на приглашении на две минуты секретаря для диктовки[837]. О ее содержании ничего неизвестно. 13 января возобновляется диктовка. Считается, что он работал над двумя заключительными частями первоначального варианта статьи о РКИ — «Что нам делать с Рабкрином?»[838].

С 16-го улучшаются состояние и настроение, начался новый период активной работы. 16—17 января Ленин читал и более 30 минут диктовал. Считается, что в эти дни он работал над статьей «О нашей революции». 17 января Ленин просил врачей разрешить ему чтение газет, но получил отказ. 18 января отмечено только чтение, а в следующие дни работа проходила в напряженном режиме: длительные диктовки и продолжительное чтение, за исключением 21 января, когда Ленин ввиду ухудшения самочувствия ограничился чтением. 22 января секретари и врачи сообщают об окончании работы над статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин», а также об удовлетворении окончанием этой работы, которая поначалу «не клеилась»[839]. 23 января 1923 г. заслуживает особого внимания. Секретари уверяют, что Ленин только читал статью о Рабкрине и отдал распоряжение о внесении последних изменений и передаче текста М.И. Ульяновой для газеты «Правда». Врачи же говорят не только о чтении, но и о 45-минутной диктовке. С 24 по 26 января и с 29 января по 1 февраля Ленин не работал с секретарями, только читал 31 января и 1 февраля[840].

Это было время, когда, очевидно, болезнь вступила в новую фазу. С 20-х чисел января сообщения о приступах головной боли после длительного перерыва становятся постоянным элементом в дневниковых записях врачей. В феврале проявления болезни стали еще более заметны. Чаще отмечалось странное сочетание плохого самочувствия и хорошего настроения, сильные колебания настроения, расстройства речи и памяти, снижение работоспособности.

Правда, начало февраля отмечено хорошим настроением и коротким подъемом работоспособности. 2—7 февраля Ленин диктует, читает, разговаривает с секретарем. Считается, что в это время он диктовал и редактировал статью «Лучше меньше, да лучше»[841]. С 8 по 13 февраля врачи фиксируют плохое самочувствие и настроение. Ленину было не до работы, в лучшем случае (11 февраля) он читал. 9 февраля врач записал: «Сам Владимир Ильич находит, что в эту болезнь ему стало труднее находить слова не только немецкие, но даже временами и русские». Этот вывод Ленина был результатом наблюдений над собой, значит, расстройства памяти бывали и прежде, хотя и менее выраженными и менее беспокоящими Ленина. В связи с этой жалобой врач записал: «Быть может, Владимир Ильич до известной степени прав, хотя при исследовании этого отметить не удастся». Но два дня спустя врачи приходят к тому же мнению: «Вообще память у Владимира Ильича стала, по-видимому, несколько хуже. Он обычно не может вспомнить, болела ли у него накануне голова, новые врачебные назначения он тоже забывает». Ослабление памяти, касавшееся только совсем недавних событий, отмечала и медицинская сестра. 11-го числа впервые после декабрьского удара 1922 г. возникло затруднение с речью, которое продолжалось 5 минут. «Я не могу сказать, что хочу, не нахожу слов», — констатировал Ленин. Затруднения с речью имели место и на следующий день[842]. Состояние Ленина становилось все более тяжелым и трагичным.

14 февраля Ленин почувствовал себя на редкость хорошо, что вселило в него надежды

на выздоровление. Он два раза (утром и вечером) читал и беседовал «с секретаршей». Однако надежды были необоснованны, уже на следующий день болезнь снова «правила бал». 15—17 февраля работы не было ввиду плохого состояния здоровья. Головная боль стала постоянным явлением. Чаше расстраивалась речь, хуже стала память, «как будто и критика стала менее совершенной. Отмечается недостаточно серьезная оценка своего положения»[843].

Следующие три недели, очень важные для нашей темы, отмечены чтением, несистематической работой и довольно частыми контактами с секретарями. Из записей врачей содержание диктовок и бесед установить не удастся. 18—25 февраля на фоне некоторого улучшения состояния Ленин смог вести ограниченную работу над каким-то текстом (возможно, над статьей «Лучше меньше, да лучше») и беседы с Л.А. Фотиевой.

20 февраля была сделана, кажется, последняя попытка писать: «Владимир Ильич только с трудом вывел буквы: "Вла", причем они очень неясно написаны и все в зигзагах из-за тремора». 21 февраля произошел сильный, небывалый прежде нервный срыв из-за предложения медицинской сестры принять прописанное врачами лекарство и отказа дать то, которое требовал Ленин. «С начала этой болезни Владимир Ильич ни разу не был в таком состоянии», — записывает врач и констатирует, что наблюдаемое у Ленина раздражение на самого себя за эту болезнь начало оборачиваться неадекватной реакцией на людей, рискнувших возразить ему[844]. Быстро падала работоспособность, нарастала физическая слабость. При этом у него сохранялось хорошее настроение, что отразилось в записях врачей и объяснялось ими не всегда адекватной оценкой своего состояния. 26 февраля — 1 марта при плохом самочувствии, настроении и затруднениях речи он ограничился чтением, а 28 февраля не мог даже читать[845].

Первые числа марта 1923 г., дни, которые традиционная историография представляет как время напряженной работы, характеризовались совсем другой борьбой — безуспешными попытками продолжить интеллектуальную деятельность. 2 марта Ленину стало значительно хуже. «При разговоре... нелегко подыскивает слова». Несмотря на это он «начал заниматься с тов. Фотиевой, но скоро разболелась голова, боль стала крайне интенсивной». Традиционно считается, что именно в этот день Ленин завершил работу над своей последней статьей. На следующий день, 3 марта, состояние и настроение несколько улучшились, но расстройство речи не прошло: при разговоре «иногда не хватало слов, и он старается в таких случаях заменить это слово описанием того предмета, который оно определяет»[846]. «Начал читать корректуру своей новой статьи, но, прочтя 2 страницы, сказал, что устал и больше читать не может. После этого Владимир Ильич стал нервничать». Дальше — хуже. «Он начал путаться в своих мыслях, хотя и говорил связные фразы, но между отдельными фразами связи не было, вследствие чего Надежда Константиновна не могла понять его, что еще больше расстроило Владимира Ильича»[847]. Считается, что в этот день Горбунов, Фотиева и Гляссер ознакомили Ленина с результатами своего изучения (по заданию Ленина) конфликта в КП Грузии, и Ленин наконец получил возможность дать принципиальный бой Сталину по проблемам интернационализма и национально-государственного строительства. На следующий день, 4 марта, Ленин продолжал заговариваться, хотел читать, его убеждали отказаться от своего намерения, и он уступил[848].

Финал разыгрался 5—6 марта 1923 г. Для нас эти дни чрезвычайно важны, поскольку традиционная историография к этим дням привязывает бурную, высокопродуктивную интеллектуальную деятельность Ленина, имевшую важнейшие политические последствия для судеб революции, деятельность, прерванную третьим инсультом, виновником которого объявляют Сталина. Все было иначе, более буднично и трагично. Болезнь проделала подготовительную работу и была готова нанести очередной удар — отнять дар речи. 5 марта дежурный врач записал: «Несмотря на некоторое улучшение его состояния, оно оставалось *хуже* (курсив наш. — В. С), чем в предшествующие дни». А далее дневник врачей сообщает информацию, которая противоречит этой записи и заставляет предположить, что она является позднейшей вставкой в текст дневниковых записей врачей. «Около 12 часов

Владимир Ильич пригласил к себе тов. Володичеву и продиктовал ей два письма в течение 15—20 минут», которые, «по словам Владимира Ильича, его *нисколько не разволновали*», так как они были чисто деловые» (курсив наш. — В.С.). Считается, что в это время Ленин продиктовал письма Троцкому и Сталину. После диктовки у него «появилось чувство озноба», а днем В.И. Ленин «начал читать свою статью»[849]** Надо выбирать между этой активностью и констатацией, что Ленину в этот день было хуже, чем в предшествующие дни, когда он не был в состоянии вести простейшую работу.

Отметим, что именно запись дневника врачей о событиях этого дня завершается необычным указанием на то, что Ленин «вызывал к себе Л.А. Фотиеву»[850]. Использование инициалов нехарактерно ни для самого дневника, ни для практики 20—30-х годов.

6 марта повторяется подобная ситуация. Врачи сообщают о вызове Лениным Володичевой и Фотиевой, о диктовке первой «несколько строк, всего 1 1/2 строчки». Согласно традиционной версии, речь идет о письме П.Г. Мдивани, Ф.Е. Махарадзе и др. Но в этом можно усомниться, поскольку даже в типографском варианте письмо занимает 4—5 строк[851]. Если Ленин действительно что-то диктовал, то не это письмо. Что он диктовал? И когда появилось письмо лидерам грузинских национал-уклонистов? Во всяком случае, известный текст письма не может расцениваться как подтверждение правильности информации «Дневника» врачей. После дневного сна Ленину было уже не до работы: «Когда проснулся, позвал сестру, но почти не мог с ней разговаривать, он хотел попросить сестру позвать Надежду Константиновну, но не мог назвать ее имени... Владимир Ильич лежал с растерянным видом, выражение лица испуганное, глаза грустные, взгляд вопрошающий, из глаз текут слезы. Владимир Ильич волнуется, пытается говорить, но слов ему не хватает и дополняет их словами: «"Ах, черт, ах черт, вот такая болезнь, это возвращение к старой болезни" и т.п.» После принятых мер «речь стала улучшаться», В.И. Ленин успокоился и заснул[852]. По свидетельству В. Камера (документ из АПРФ), к этому «двухчасовому припадку» привели прежние нарушения речи и параличи конечностей, а самый кризис произошел «без всяких видимых причин» и выразился в «полной потере речи и полном параличе правых конечностей»[853].

Это был последний рабочий день В.И. Ленина. 7 марта ознаменовало уже совершенно иной период в жизни В.И. Ленина: он еще был способен общаться с окружающими, но о работе не могло быть и речи[854].

Таков тот фон, без учета которого невозможно исследовать проблему последних писем и статей В.И. Ленина. В свете сказанного естественно встает вопрос о способности Ленина после второго инсульта адекватно оценивать реальную политическую ситуацию и точно формулировать свои мысли. Если иметь в виду достоверно устанавливаемые ленинские тексты, то можно сделать вывод, что у Ленина примерно до конца января 1923 г. не отмечалось неадекватной реакции на политические события. Наверное, можно спорить об эффективности предлагавшихся им политических и организационных решений, но это уже иной вопрос. В конце января появляются первые признаки того, что к предложениям и оценкам Ленина начинают относиться как к исходящим от человека, не совсем адекватно воспринимающего политические события и дающего рекомендации, ценность которых кажется сомнительной. Показательной в этом отношении является реакция членов Политбюро на некоторые положения статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин»[855]. Она свидетельствует о том, что факт тяжелой болезни Ленина уже начал учитываться руководством партии.

Четко обозначившаяся тенденция к снижению интеллектуальных способностей Ленина с середины февраля и особенно в начале марта заставляет проявить повышенное внимание к документам, созданным в это время и прежде всего к письмам 5—6 марта. В это время Ленин уже не обладал хорошим знанием текущей политики, оттенков политической позиции отдельных руководителей партии (а старых знаний явно не хватило бы), для того чтобы давать такие оценки и советы, которые имеются в письмах 5—6 марта 1923 г. Он хорошо помнил давние события и забывал то, что было совсем недавно. Между тем автор этих писем

демонстрирует хорошее знание самых последних нюансов текущей политики. Кроме того, в отношении этого времени уже не может быть уверенности, что информация (даже если она передавалась Ленину без искажения) воспринималась им адекватно, а его слова, предложения, выводы, известные нам к тому же только в передаче третьих лиц, вполне соответствовали тому, что он действительно хотел сказать.

Чтобы вернее судить о действиях Ленина в период работы над «Завещанием», надо постараться кроме состояния здоровья Ленина составить возможно более точное представление о той политической информации, которая в это время поступала к нему. С учетом источниковой базы, которой располагают сейчас историки, эта задача представляется труднорешаемой, но кое-что важное выяснить, оказывается, можно.

* Является ли этот текст органической частью дневниковой записи врача или позднейшей вставкой, сделанной при подготовке текстов к публикации, установить сейчас невозможно, поскольку нет доступа к подлинникам дневниковых записей врачей.

** Вырезка из газеты со статьей «Лучше меньше, да лучше», опубликованной 4 марта, хранится в ленинском архиве.

§ 2. РЕЖИМ РАБОТЫ ЛЕНИНА

Ограничения работы Ленина в связи с развитием болезни, устанавливавшиеся сначала от случая к случаю и бывшие временными и частичными, постепенно превращались в постоянно действующий фактор. В историографии получило распространение мнение, что этот режим преследовал цели «выключения» Ленина из политической жизни, а инициатором его установления был Сталин, якобы опасавшийся, что продолжение политической деятельности Ленина не позволит ему добиться «необъятной власти», как считают одни, или, считают другие, сохранить ее. Точку опоры для таких суждений усматривают в постановлении декабрьского (1922 г.) Пленума ЦК РКП(б) относительно условий информирования Ленина о решении Пленума по вопросу о режиме монополии внешней торговли. Выше была показана несостоятельность такого рода попыток. Другим источником этой легенды служат воспоминания Крупской и секретарей Ленина. Вернее, вырванные из контекста и вольно интерпретированные отдельные слова, фразы. Однако достаточно прочитать тексты, чтобы несостоятельность подобных интерпретаций стала очевидной.

Крупская писала: «Я рассказывала Владимиру Ильичу, как умела, почему я думаю, что он выздоровеет. *И говорили мы о том, что надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь, все равно как на тюремное заключение* (курсив наш. — В.С.). Помню, Екатерина Ивановна, сестра милосердия, возмутилась этим моим сравнением: "Ну, что пустяки говорите, какая это тюрьма?" Я говорила о тюрьме вот почему... болезнь надо рассматривать как тюрьму, когда человек поневоле на время выпадает из работы. И Владимир Ильич переносил свою болезнь так же бодро, как раньше он переносил тюрьму... Как в тюрьме, Владимир Ильич все время заботился о других...»[856]. Что в этом рассказе может служить основанием для утверждений, что Сталин установил «тюремный режим» для Ленина? Ничего. Тем не менее, его используют именно для этого. То же следует сказать и о записи в «Дневнике дежурных секретарей» Ленина за 1 февраля 1923 г., когда в ходе разговора с секретаршей Ленин якобы сказал: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь, если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам»[857]. Видно, что со стороны Ленина имела место оговорка, а не обдуманная оценка. Кроме того, эта фраза относится к той части разговора, в которой Фотиева информировала его о рабочих контактах с А.Д. Цюрупой, А.И. Свидерским и А.В. Аванесовым, следовательно, Ленин не связывал слова о несвободе с будто бы установленным для него «тюремным режимом»*. Запись, сделанная Володичевой 2 февраля, вносит полную ясность: «Просил Лидию Александровну (Фотию. — В.С.) заходить к нему через день. На вопрос "в котором часу" сказал, что ведь он теперь свободный человек»[858].

Если всерьез принять тезис о «несвободе» как признание установленного для Ленина «тюремного режима», то придется признать и то, что за истекшие сутки этот режим радикально изменился. О какой же свободе—несвободе ведет речь Ленин? О несвободе от болезни, приковавшей его к постели.

Нельзя оценивать как установление «тюремного режима» и ограничение на информацию, введенное декабрьским (1922 г.) Пленумом ЦК РКП (б), так как оно касалось одного вопроса — монополии внешней торговли и одного источника информации — «работников», и, следовательно, не распространялось на членов руководства партией и государством.

Надо учесть и то, что инициатива установления этих ограничений исходила от врачей. Они еще до второго инсульта настойчиво предлагали Ленину отдых вне Москвы и устранение от всякой работы. Трудно предположить, чтобы после серьезного обострения болезни врачи вдруг превратились в противников этого режима лечения и работы или стали выступать за его смягчение. Ведь они отвечали за состояние его здоровья. Против установленного врачами режима выступал сам Ленин. Об этом свидетельствует и его письмо Сталину, написанное, очевидно, между 16 и 18 декабря 1922 г.: врачи, утверждал Ленин, «создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения»; они растерялись от сильного припадка в пятницу и сделали сугубую глупость: пытались запретить "политические" совещания... Я чрезвычайно рассердился и отчитал их... Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных разговоров. Надеюсь Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К^о отошлете»[859]. М.И. Ульянова также писала, что инициатива в ограничении Ленина на политинформацию после 16 декабря исходила от врачей[860]. Так же считали и члены Политбюро и Оргбюро, писавшие 27 января 1923 г., что «врачи признали необходимым предписать тов. Ленину на известный период абсолютный покой, даже без чтения газет»[861].

Впрочем, установленный 18 декабря 1922 г. режим просуществовал совсем недолго. 22 декабря В.И. Ленин настоял на приглашении Фотиевой и продиктовал ей: «Не забыть принять все меры достать и доставить...** в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам»[862]. 23 декабря он диктует для Сталина письмо, следовательно, именно врачи должны были дать разрешение на эту диктовку. Возможно, что с этим было связано совещание, которое 24 декабря Сталин, Каменев и Бухарин провели с врачами; на нем были выработаны условия работы Ленина, т.е. фактически был *установлен режим работы, согласованный с режимом лечения*: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»[863].

В общем и целом, удовлетворение получили обе стороны: Ленину разрешено работать, чего он добивался***, а режим изоляции от текущей политической работы, на чем настаивали врачи, ужесточен: специально оговаривалось распространение запрета и на всё ближайшее окружение — на друзей и домашних, а под сам запрет попали не только вопросы монополии внешней торговли и итогов работы Пленума ЦК, а все политические вопросы. Условия режима были выдержаны полностью в духе практики того времени и решений Пленума ЦК РКП (б) от 18 декабря.

Установленный 24 декабря режим соблюдался, судя по всему, недолго. Вскоре время диктовок много превзошло установленные 5—10 минут, а Ленин продолжал получать и отправлять политическую информацию. В это время в секретариат Ленина по-прежнему поступал поток важнейших документов. Если судить по журналу регистрации, начатому 19 декабря, то выясняется, что с 19 по 30 декабря поступил 291 документ (с № 7805 по № 8096), а с 2 по 25 января — 144 документа (с № 8097 по № 8241)[864]. В другом журнале регистрации, начатом 9 января 1923 г.****, с 9 по 31 января зафиксировано поступление 352

документов, с 4 по 24 февраля — 353 документов, с 5 по 10 марта — 177 документов. Конечно, главное не в количестве их, а в качестве, т.е. политической значимости политической информации и своевременности ее получения. Среди «входящих» были документы первостепенной политической важности: материалы декабрьского (1922 г.) Пленума ЦК РКП(б), в том числе о режиме монополии внешней торговли и о реализации принятых Пленумом постановлений, повестки дня, протоколы и текущие материалы Политбюро, Секретариата, переписка Сталина и Троцкого по вопросам Госплана и реорганизации системы управления народным хозяйством, многочисленные материалы, связанные с подготовкой XII съезда партии, документы Сталина по вопросам национально-государственного строительства, в том числе о конфликте в компартии Грузии, проект Конституции СССР, документы об образовании СССР, а также копии писем Сталина, Зиновьева, Троцкого, Каменева третьим лицам, присланные Ленину для сведения, информационные сводки ГПУ, материалы НКВД, Наркомата внешней торговли и Коминтерна, масса документов по хозяйственным вопросам[865]***** Они доставлялись в секретариат сразу же. Например, проект договора об образовании СССР, датированный 28 декабря, был зарегистрирован в Архиве Ленина уже 29 декабря[866].

Если документы поступают в комнату, находящуюся рядом с ленинской квартирой, попадают в руки тех, кто имеет ежедневный доступ к нему и по собственному усмотрению определяет, что из этого материала давать Ленину, а что не давать, то нет оснований считать сложившуюся ситуацию информационной блокадой, установленной для Ленина Сталиным или ЦК партии.

Могут сказать: одно дело поток входящей корреспонденции, другое дело реальные контакты. Их было немало, известные нам факты, видимо, далеко не исчерпывают всех контактов. 27 декабря 1922 г. от Ленина был направлен Сталину запечатанный пакет. Об этом же говорит письмо Фотиевой Каменеву от 29 декабря 1922 г. с предупреждением не проговориться при свиданиях с Лениным[867]. 5 января от Ленина пересылается Троцкому письмо Луизы Бройлен[868]. Переключка отдельных положений диктовок «О придании законодательных функций Госплану» с письмами Троцкого в ЦК от 24 и 26 декабря (о чем речь пойдет далее) говорит в пользу того, что Ленин был знаком с ними. Ряд писем Сталина в ЦК РКП(б) (6, 17, 24 января 1923 г.)[869] позволяют предположить, что он был знаком с диктовками Ленина о Госплане (со всеми или с частью из них). О каких-то политических контактах Ленина, видимо, говорят и некоторые записи в журналах для регистрации документов ленинского секретариата. 25 января: «Записочки Вл. Ил., взятые со стола в 1—[19]23 г.» (всего десять записок: «1) О Горбунове, 2) Переписка с Каменевым о Ломоносове, 3) Переписка с Луначарским о комис[сии] со Свид[ерским] и Каменевым», 4) В круговую о здоровье В.И., 5) О Ходоровском, о его шефстве, 6) О приеме Рексома, 7) об Экибастузе, 8) т. Фотиевой о том, что она якобы интригует Владимира» Ил[ьича], 9) Записочка Вл[адимира] Ил[ьича] с цифрами, 10) Записочка о врачах, о Гляссер, о разговоре со Сталиным». Они зарегистрированы под № 8192—8202[870]. А вот еще одна подобная запись в журнале регистрации Архива Ленина от 22 февраля 1923 г.: «Записочки Вл[адимира] Ил[ьича] к Цюрупе». И еще одна, от 5 марта 1923 г.: «Записочка т. Тучкову от 1/III [19]23 г. — о церковном соборе»[871]. О каком «тюремном режиме» можно говорить? Эти факты свидетельствуют о том, что мы, по существу, еще очень мало знаем о работе В.И. Ленина в этот последний период.

Через своих технических секретарей Ленин вел переговоры с Политбюро и отдельными членами Политбюро (например, по вопросу о предоставлении материалов по «грузинскому вопросу»). Руководил работой своей комиссии, которая общалась со многими людьми и, очевидно, информировала Ленина об этих беседах. Вступал в деловой контакт с Каменевым, Цюрупой, Кржижановским, Свидерским[872], общался со Сталиным (до 5 марта 1923 г.). Имеются также сведения о контактах Ленина с разными лицами через М.И. Ульянову, Н.К. Крупскую, секретарей; они не нашли отражения в доступных нам документах и зафиксированы в воспоминаниях их самих, а также Троцкого. От них же он получал

информацию о некоторых важных политических вопросах, в том числе о позиции Зиновьева и Троцкого по «грузинскому вопросу» и др. О том же говорит история передачи для публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин». Обсуждение статьи «Лучше меньше, да лучше» до ее публикации (это фиксирует «Дневник секретарей») также свидетельствует, что установленный режим был не более чем фикцией. Наконец, есть прямые заявления о массовости таких контактов. М.И. Ульянова вспоминала: «Но и в это время Владимир Ильич был занят, конечно, не только записями, на которые по формулировке врачей, "не должен был ожидать ответа". Он был занят и текущими делами, стараясь влиять на них. Права тов. Фотиева, которая пишет:

"Хитро обходя установленные врачами (врачами! — В.С.) нормы, он занимался делами до последних пределов человеческих возможностей, до того времени, когда болезнь лишила его последнего способа общения с людьми — речи, т.е. до марта 1923 г."»[873].

Все это говорит о том, что установленный 18—24 декабря 1922 г. режим информирования Ленина не носил политического характера. Он был сугубо медицинским, а его установление и поддержание были обусловлены исключительно развитием болезни Ленина и его самочувствием.

И все же режим политической изоляции Ленина был! Изоляции неполной, избирательной и целенаправленной. Установленный не Сталиным и даже не постановлениями Политбюро ЦК партии и осуществлявшийся не ими, а ближайшим домашним ленинским окружением: Крупской, Ульяновой и секретарями ленинского секретариата. Решение вопроса, докладывать Ленину о чем-либо или нет, было в их воле. И они пользовались этим правом для достижения политических целей, устанавливая, таким образом, реальный режим информации, который правильнее будет назвать режимом фильтрации информации.

Главную роль здесь, видимо, играла Крупская, рассматривавшая этот вопрос в качестве семейного, а не политического дела, и имевшая для этого все возможности: получения важной политической информации, повседневного контакта с мужем и фактическое, естественно признаваемое всеми право говорить в этой ситуации от имени Ленина и во имя его человеческих интересов. В отличие от секретарей, также владевших всей важнейшей политической информацией (Фотиева — секретарь Председателя СНК, Гляссер — технический секретарь Политбюро), она не боялась нарушать установленный режим. Свои права на это она вполне определенно заявила по поводу конфликта со Сталиным: «О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет»[874].

Поэтому получилось, что запрет на политические контакты действовал в отношении тех членов ЦК и Политбюро, которые считали для себя обязательным соблюдать решения ЦК, и не действовал для других, пытавшихся разыграть «ленинскую карту» в политической борьбе. До Ленина доводилась та информация, которую Крупская и технические секретари считали полезным довести до него. В то же время определенная часть информации, которая шла от Политбюро и ЦК, задерживалась. Девять членов и кандидатов в члены Политбюро (все, кроме Троцкого) в письме от 31 декабря 1923 г. свидетельствовали, что именно невозможность сначала личных, а потом и письменных контактов с Лениным помешала им завершить обсуждение с Лениным вопросов национально-государственного строительства[875].

Енукидзе «по горячим следам» этих событий на XII съезде РКП(б) говорил, что «т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации... к человеку, по болезни не имеющему возможности следить за повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и таких-то товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и т.д., он, конечно, должен был написать такое резкое письмо»[876]. Ем. Ярославский, намекая на конфликт Сталина с Крупской, говорил на июльском (1926 г.) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б): «В таком громадном политическом вопросе они дошли до того, чтобы позволить себе к больному Ленину придти со своими жалобами на то, что их Сталин обидел. Позор! Личные

отношения примешивать к политике по таким большим вопросам. Я имею право это сказать партии»[877]. Примечательно, что на заявления А. Енукидзе и Ем. Ярославского, сделанные перед обширной аудиторией и в присутствии Крупской, никто не возразил по существу дела. Они говорили правду, и многим это было хорошо известно.

Троцкий тоже признавал, что «Крупская делала, что могла, чтобы оградить больного от соприкосновения с враждебными махинациями секретариата» (т.е. Сталина)[878]. А вот еще одно его свидетельство: «Через Крупскую Ленин вступил с вождями грузинской оппозиции (Мдивани, Махарадзе и др.) в негласную связь против фракции Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского»[879]. Утверждение о «фракции» Сталина — Орджоникидзе — Дзержинского, а также о том, что именно Ленин установил «негласную связь» с грузинскими национал-уклонистами, оставим на совести Троцкого, а факт политической помощи Крупской грузинским национал-уклонистам зафиксируем.

Итак, Крупская в роли адвоката противников образования СССР по схеме, предложенной Лениным. А вот факт, говорящий о том, что она, как могла, мешала поступлению к Ленину материалов от сторонников образования СССР. 21 февраля 1923 г. врач сделал интересную и очень важную для нашей темы запись о том, что 20 февраля Крупская отказалась дать В.И. Ленину «отчет о 10-м съезде Советов». «Владимир Ильич огорчился отказом, стал уверять, что он отчет этот уже читал, что он ему нужен для одного вопроса, который его теперь занимает, но все-таки отчета ему не дали. Это обстоятельство сильно разволновало Владимира Ильича». Но Крупская была неумолима, хотя 18—20 февраля было временем некоторого улучшения состояния здоровья Ленина. Как оценить этот отказ? Отчет съезда, принявшего решение о вхождении РСФСР в СССР, мог дать аргументы в пользу правильности решения об образовании СССР, а не против него. Видимо, Крупская этого не желала.

Интересное признание подобного рода содержит письмо Гляссер Бухарину: к концу января 1923 г. Ленин «имел уже предвзятое мнение, нашей работой буквально руководил и страшно волновался, что мы не сумеем *доказать* в своем докладе *то, что ему надо* и он не успеет до съезда подготовить свое выступление» (курсив наш. — В.С.)[880]. Это признание стоит многого! У Ленина с чьей-то подачи до серьезного ознакомления с документами по «грузинскому делу» уже сложилось твердое убеждение, кто прав, кто виноват, и он требовал от своей собственной комиссии не объективного разбирательства, а лишь предоставления ему необходимых аргументов для укрепления уже имеющихся взглядов и оценок. Так это было или нет в действительности, но она фактически утверждает, что Ленин в это время кем-то управлялся. Гляссер признавала, что именно она информировала Ленина о позиции Зиновьева и Троцкого и в то же время, прикрываясь отсутствием разрешения врачей, отказалась передавать Ленину присланный Сталиным документ ЦК РКП(б) «Краткое изложение письма ЦК РКП губкомам и обкомам о конфликте в компартии Грузии»[881].

На кого работал ограничительный режим фильтрации информации для Ленина? На национал-уклонистов и Троцкого. Против кого? Против Сталина. В отношении передачи Ленину материалов ЦК, содержащих их критику, они как могли, чинили препятствия. Этот режим служил средством политического и психологического давления на Ленина с целью повлиять на него и превратить в орудие борьбы троцкистов против сторонников Ленина в ЦК партии. Что делать, Крупская была не только женой Ленина, но и политически активным человеком, занимая по определенным вопросам, как видно, разные с Лениным политические позиции. В результате Ленин становился жертвой политической интриги, которую необходимо учесть при изучении всего комплекса вопросов, связанных с его так называемым «Завещанием», т.е. текстами, созданными в это время.

Вместе с тем нет оснований думать, что Лениным, даже больным, легко можно было манипулировать в политических целях. Есть основания считать, что он знал о плетущейся интриге. Если не о деталях, то о самом факте ее. На эту мысль наводит одна из записок, зарегистрированных 25 января таким образом: «т. Фотиевой о том, что она якобы интригует Вл[адимира]. Ил[ьича]»[882]. Кто предупрежден, тот вооружен...

* В «Дневнике дежурных секретарей» имеется немало рассказов о внешних контактах Ленина в это время (24, 26, 30 января, 1, 3, 5, 12 и 14 февраля) (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477, 481, 485–486).

** В тексте пропуск.

*** Основанием такого решения, возможно, стала стабилизация и даже некоторое улучшение состояния здоровья Ленина.

**** В нем записи производились с 10 по 13 января, 15, 17, 23, 24, 30 января, 2, 3, 6, 8, 14, 19, 20, 22–24 февраля, 5, 7–10, 13 марта (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 11).

***** Поток документов продолжал поступать в секретариат В.И. Ленина до 21 марта 1923 г., т.е. до того дня, когда Политбюро рассматривало просьбу Ленина дать ему яд (она была отклонена). Видимо, здесь было принято какое-то решение, прекратившее работу ленинского секретариата в прежнем режиме. Отдельные документы продолжали поступать и регистрироваться позднее — в апреле 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 31. Л. 4–14; Д. 34. Л. 5). Только после 21 марта можно говорить о действительной «изоляции», «блокаде» Ленина от текущих материалов ЦК, СНК и СТО, но бессмысленность использования в данном случае этих терминов и тем более упреков за изоляцию и т.п., думается, очевидны, так как Ленин был парализован и лишен дара речи.

ГЛАВА 2. ТЕКСТЫ «ЗАВЕЩАНИЯ»

§ 1. ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА, ЗАПИСКИ И СТАТЬИ В.И. ЛЕНИНА

Выше была охарактеризована политическая борьба в руководстве РКП(б) по вопросам, которые стали центральными для «Политического завещания», а также изучены условия работы Ленина над ним. Настала очередь проанализировать тексты «Завещания» на предмет установления ленинского авторства каждого из них. Вначале будут рассмотрены тексты, ленинское авторство которых устанавливается, во-первых, на основе формальных признаков, во-вторых, информации сопутствующих им делопроизводственных и политических документов, в-третьих, анализа их содержания, не противоречащего другим ленинским документам этого периода. Затем будут рассмотрены тексты, ленинское авторство которых доказать таким образом не удастся.

«ПИСЬМО К СЪЕЗДУ» Диктовка 23 декабря 1922 года

Диктовка 23 декабря никогда не привлекала к себе должного внимания традиционной историографии, возможно, потому, что поставленные в ней вопросы получили более широкую разработку в последующих диктовках, а история ее создания казалась яснее ясного. Традиционно считается, что это первая часть «Письма к съезду»[883]. Ю.А. Буранов высказал мнение, что она является наброском выступления[884]. Однако обе эти точки зрения вызывают возражения.

После очередного обострения болезни (16 декабря) состояние Ленина вплоть до 22 декабря оставалось без изменений. Ленин не работал. В ночь на 23-е у него наступил стойкий паралич правых руки и ноги, вечером он настоял на разрешении продиктовать стенографистке. Врачи уступили требованиям, к Ленину вызвали «секретаршу», которой он диктовал в течение 5 минут[885]. Сомневаться в том, что было продиктовано именно «Письмо к съезду», не приходится, поскольку оно в тот же день было зарегистрировано в журнале исходящих документов ленинского секретариата: «Сталину (письмо В.И. к съезду)» от 23 декабря 1922 г.[886] В данном случае важно отметить, что запись сделана почерком, идентичным или очень похожим на почерк Н.С. Аллилуевой, которая дежурила в тот день (это явствует из записи даты в «Дневнике дежурных секретарей»). Никаких дополнительных помет в книге регистрации нет, порядок номеров исходящих документов не нарушен.

В отличие от остальных текстов «Завещания», письмо имеется в машинописном и

рукописном варианте. На машинописном подпись Ленина и делопроизводственная помета «Записано М.В.» исполнены на печатной машинке[887]. На рукописном собственноручной подписи Ленина тоже нет и он не заверен секретарем. Написан он Н.С. Аллилуевой, которая в этот день дежурила в секретариате Ленина. Оба варианта датированы 23 декабря 1922 г., но не имеют никаких следов регистрации (регистрационная запись имеется только в журнале исходящей корреспонденции). В оформлении этих вариантов письма есть существенные различия. В рукописном имеется название — «Письмо к съезду», а выше и правее его надпись «Строго секретно»[888], в машинописном же пометы о секретности нет. Опущены они и в публикациях этого документа[889]. Рукописный и машинописный варианты имеют различия в тексте, которые существенно меняют не только смысл отдельных фраз, но и характер документа, поэтому вопрос о том, какая из версий письма первична, приобретает принципиальное значение.

Ю.А. Буранов считает, что первичным является машинописный экземпляр, а рукописный — снятой с него копией, в которой ленинский текст был преднамеренно искажен по указанию Сталина[890]. Однако это не очевидно. Дежурство Н.С. Аллилуевой в секретариате Ленина 23 декабря подтверждается ее записью в «Дневнике дежурных секретарей» и в журнале исходящей корреспонденции. Последняя запись указывает также на ее причастность к этому письму в процессе его прохождения через секретариат, а возможно, и к его созданию. Работа М.В. Володичевой не имеет подобного подтверждения. О ее причастности известно из ее рассказа, помещенного в «Дневнике дежурных секретарей», явно более позднего происхождения, и из письма Фотиевой Каменеву от 29 декабря 1922 г. (о его источниковедческих проблемах речь пойдет ниже).

Необходимо учесть и то, что машинописный текст является первой частью «блока текстов», включающего в себя диктовки, датированные 23—29 декабря 1922 г., а также «добавление», датированное 4 января 1923 г. Впервые в виде блока эти тексты были опубликованы в 1956 г. в журнале «Коммунист» (№ 9), а затем в 4-м издании собраний сочинений В.И. Ленина[891] и в Полном собрании его сочинений[892]. Тексты, включенные в этот блок, имеют единую порядковую нумерацию (вверху по центру страницы, римскими цифрами (например, «I.-», «II.-» и т.д.; это хорошо видно в публикациях), а каждый из них имел собственную нумерацию листов (в правом верхнем углу арабскими цифрами. Например: «2.-»)) Исключение составляет «добавление», датированное 4 января 1923 г.: оно не включено в нумерацию текстов и не имеет нумерации листов, так как представляет собой текст, уместающийся на одной странице. На позднее происхождение этого блока текстов указывает то, что в бюллетене (№ 30) XV съезда ВКП(б) тексты «Письма к съезду» (известные также под названием «Завещание») — «характеристики» и добавление к ним — были опубликованы без диктовки 23 декабря, которая, как теперь принято считать, является первой частью «Письма к съезду». Отсутствуют также и другие тексты, ныне включаемые в него. Отсутствует, естественно, и нумерация текстов[893]*. Кроме того, хранящиеся в архиве Троцкого тексты «Завещания» не включают диктовку от 23 декабря и не имеют следов нумерации, принятой в «блоке»[894]. В пользу вывода о позднем происхождении блока текстов говорит и история введения в политический обиход отдельных документов из него, а также имеющиеся между отдельными текстами непримиримые противоречия политического характера, о чем речь пойдет ниже.

Кроме того, если принять версию, что письмо под диктовку Ленина записала Володичева, то возникает вопрос о судьбе черновой (первоначальной) записи. Что она собой представляла и куда делась, неизвестно. Если она сохраняется, то почему публикация производилась не с нее, а с машинописного текста? Вместе с тем, как было показано, есть основания для предположения, что рукописный вариант письма, выполненный Аллилуевой, как раз и представляет самую первую запись (возможно, переписанную «набело») диктовки Ленина. Мы поэтому примем эту гипотезу в качестве рабочей и будем говорить о рукописном варианте как о подлиннике письма. Отсутствие следов регистрации на нем может быть связано с практикой регистрации документов, содержание которых Ленин желал

сохранить в строгом секрете от посторонних. В таких случаях исходящий номер ставился на запечатанном конверте, на нем адресат расписывался в получении документа, а конверт возвращался в секретариат Ленина**. При этом на самом письме на оставалось никаких делопроизводственных помет. В распоряжении исследователей нет зарегистрированного конверта, датированного 23 декабря 1922 г.*** Этот вопрос останется открытым до тех пор, пока исследователи не получат доступ к материалам секретариата Сталина. В историографии утвердилось мнение, опирающееся на запись Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей» и на ее воспоминания, что это письмо не только записала, но и передала Сталину Володичева[895]. Не считая это невозможным, отметим, что самый факт этот нельзя считать доказанным. Не исключено, что его могла передать Сталину и Н.С. Аллилуева.

Кому предназначалось это письмо? Без ответа на этот вопрос невозможно понять место этого письма среди других текстов «Завещания», а значит, нельзя составить верного представления о нем. В традиционной историографии он решается так: диктовка 23 декабря является составной частью «Письма к съезду», адресованного тому съезду партии, который должен был собраться после смерти Ленина. В новейшей литературе былой определенности нет. Одни считают, что письмо было адресовано XII съезду партии, другие признают, что неясно, какому именно съезду оно было адресовано — ближайшему XII или тому, который произойдет после смерти Ленина.

Версия о том, что этот текст предназначался для съезда партии, опирается на запись Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей» за 23 декабря и на письмо Л.А. Фотиевой Л.Б. Каменеву от 29 декабря 1922 г. В свидетельствах Володичевой имеются противоречия. С одной стороны, она в «Дневнике дежурных секретарей» пишет, что Ленин, начиная диктовку, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!»[896], а с другой стороны, она якобы не думала, что записывает письмо для делегатов съезда. В противном случае она не направила бы его Сталину. Получается, что, с одной стороны, она знает, что Ленин обращался к съезду, а с другой — не ведает об этом. Это противоречие в ее рассказе не выражено отчетливо, но просматривается достаточно определенно. В воспоминаниях (в передаче Г. Волкова) она устраняет это противоречие и утверждает, что Ленин не дал распоряжения относительно диктовки, поэтому она «решается позвонить (чтобы посоветоваться) Л.А. Фотиевой; спрашивает, кому надо показать материал». «Ну что ж, — следует ответ, — покажите Сталину»[897].

Не добавляет ясности и письмо Фотиевой Каменеву. Из него не понятно — то ли Володичева допустила ошибку, то ли Ленин не дал распоряжения: «Т. Сталину в субботу 23/XII было передано письмо Владимира Ильича к съезду, записанное Володичевой. Между тем, уже после передачи письма выяснилось, что воля Владимира Ильича была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, может быть распечатано только им или Надеждой Константиновной и должно было быть передано кому бы то ни было лишь после его смерти. Владимир Ильич находится в полной уверенности в том, что он сказал это Володичевой при диктовке письма». Здесь же Фотиева сообщала, что 29 декабря Ленин повторил ей это распоряжение[898]. Версия эта убедительна только на первый взгляд. Во-первых, если исходить из допущения, что Ленин обращался к съезду партии, то неизбежен вывод, что Ленин желал вынести этот вопрос на съезд без всякой подготовки в ходе предсъездовской дискуссии, минуя ЦК партии, не *только лично от себя, но и противопоставляя себя ЦК. Такое предположение противоречит соблюдавшейся традиции подготовки съездов, а также хорошо известным взглядам Ленина на место и роль Центрального Комитета партии — коллегии наиболее опытных и авторитетных членов ее, авторитет которой следует беречь как одно из важнейших условий ее успехов. Во-вторых, неясно, почему Ленин, продиктовавший четкий текст, не смог дать более или менее четкого указания относительно его предназначения.

Кроме того, письмо Фотиевой само вызывает ряд вопросов, на которые чаще всего нет убедительных или однозначных ответов. Прежде всего, если ленинское письмо было направлено Сталину, то почему Фотиева свое письмо адресовала не ему, а Каменеву? На

письме имеется ряд надписей, в том числе и Сталина, который написал, что дал читать это письмо Троцкому, который в свою очередь написал, что никому из членов ЦК его не показывал. Следовательно, текст письма не вышел за пределы узкого круга: Ленин — Володичева — Сталин — Троцкий. В этом случае становится непонятным, как о нем узнал Каменев, а тем более Бухарин и Орджоникидзе, о чем свидетельствуют их надписи на письме. И почему об информировании Бухарина и Орджоникидзе знал Каменев, но не знали Сталин и Троцкий? Непонятно, как оно оказалось у Каменева, если Сталин уверяет, что говорил о нем только Троцкому? Если поверить Володичевой, то Сталин даже Троцкому не мог показать это письмо, так как не взял его у Володичевой, а, прочитав, велел ей сжечь его[899]. Если Каменев действительно получал письмо, то, значит, передать ему текст могла только Володичева. Зачем? И почему она никогда об этом не говорила? Примечательно и то, что письмо Фотиевой Каменеву нигде не зарегистрировано — ни как исходящий, ни как входящий документ. Оригинал письма — автограф. Дата «23/XII» в первой строке вставлена сверху. Необычно выглядит подпись Сталина под сделанной им пометой: начертанием буквы «т» она совсем не похожа на его обычные подписи. Мимо этого можно было бы пройти, если бы не обстоятельства появления письма в материалах секретариата Ленина — оно поступило туда через 19 лет после описанных событий. На обороте его имеется надпись: «В Архив поступил в октябре 1941 г. ...»[900].

Каждая из отмеченных выше «странностей» письма Фотиевой, взятая в отдельности, быть может, значит и немного, но все вместе они заставляют нас проявить осторожность. Свидетельства Фотиевой, Володичевой требуют подтверждения. Не в мелких обстоятельствах диктовки, передачи и т.д., а в главном — в том, что письмо было направлено Сталину ошибочно, что оно предназначалось для съезда, который состоится после смерти Ленина. Обратимся к тексту письма. Оказывается, в нем можно найти ответы на многие вопросы.

И рукописный, и машинописный варианты однозначно свидетельствуют, что письмо было написано не коллективу, а кому-то персонально: «Мне хочется поделиться *с Вами* теми соображениями, которые я считаю наиболее важными» (выделено нами. — В.С.)[901]. «С Вами» — так можно обратиться только лично к кому-либо. Ю.А. Буранов считает, что письмо было адресовано не съезду партии, а членам ЦК партии или Политбюро[902]. Однако замена съезда партии на ЦК в качестве адресата не снимает проблемы — все равно это было бы обращение к коллективу, и, значит, обращение на «Вы» остается необъясненным.

Если учесть, что в письме Ленин обращался к кому-то персонально, а также что оно было направлено Сталину, то можно предположить, что письмо предназначалось именно для него. Все обозначенные в нем вопросы (об увеличении численности ЦК в целях предотвращения «больших опасностей» и о месте Госплана в системе управления народным хозяйством) являются предложениями для обсуждения на XII съезде РКП(б). Кроме того, они сформулированы так, что не могут быть восприняты как задание, которое надо выполнить. Ленин делится со своим адресатом «теми соображениями», которые считает «наиболее важными». Поскольку все такие вопросы сначала проходили через Политбюро, то резонно предположить, что оно могло быть адресовано только кому-то из членов Политбюро или Секретариата ЦК. Текущая работа по подготовке съезда лежала на Секретариате ЦК и на Сталине как генеральном секретаре. Ленин информирует адресата о своем мнении в самом предварительном порядке, до их обсуждения в Политбюро (это следует из протоколов его заседаний), и обращается к нему как к человеку, которому придется заниматься этими вопросами в ходе подготовки съезда.

Повестка дня Политбюро формировалась в ходе обмена мнениями членов Политбюро и Секретариата ЦК. Но Сталин был единственным из членов Политбюро, который, как генеральный секретарь ЦК, принимал в этой работе участие «по должности».

С учетом сказанного естественным представляется решение секретарей Ленина тут же передать ленинское письмо Сталину — именно так делалось и прежде: ленинские указания, советы, записки сразу же уходили по назначению, чтобы немедленно оказать

соответствующее влияние на решение того или иного вопроса.

Троцкий как адресат полностью исключается, поскольку он упомянут в тексте письма в третьем лице. Если учесть существовавшее среди остальных членов Политбюро разделение труда, то думается, с большой степенью вероятности можно исключить из списка возможных адресатов Каменева и Зиновьева. Еще меньше оснований предполагать, что оно адресовалось лично кому-нибудь из других членов и кандидатов Политбюро. Остается один человек — генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин. Направление ему такого письма вполне согласуется с практикой общения Ленина в 1922 г. с членами ЦК по партийным вопросам, когда он чаще всего через Сталина знакомил со своей точкой зрения других членов Политбюро.

Признание факта, что это письмо не было предназначено делегатам какого-то съезда партии, а направлялось одному из руководителей ЦК, скорее всего Сталину, делает неизбежным заключение: «свидетельства» Фотиевой и Володичевой являются ложными со всеми вытекающими последствиями для источниковедения и историографии.

Многое проясняет содержание письма. Все поставленные в нем вопросы имели прямое отношение к важнейшим политическим событиям этого времени. Предложения об увеличении членов ЦК РКП(б) вполне могло быть инициировано в связи с подготовкой к XII съезду партии. Вопрос о Госплане — дискуссией на декабрьском Пленуме ЦК и его решением вынести вопрос о работе промышленности на съезд партии[903]. Поднятые в нем вопросы принадлежали к числу требующих безотлагательного решения и уже поэтому Ленин не мог их адресовать съезду, который соберется *после* его смерти. Поэтому важна разница в постановке этих вопросов в рукописном (первичном) и машинописном (вторичном и искаженном) вариантах, иначе говоря, в письме, адресованном Сталину, и в письме, якобы предназначенном для посмертного съезда.

В рукописном варианте в конце 4-го абзаца нет слов, выделенных нами курсивом: «я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, *до известной степени и на известных условиях*». Ю.А. Буранов считает, что эта часть текста была опущена (т.е. текст фальсифицирован) по воле Сталина[904]. Между тем в самой этой фразе есть серьезный аргумент против развиваемой им концепции, поскольку без выделенных курсивом слов требование уступки Троцкому («идя... навстречу») звучит категоричнее и не ограничено какими-либо условиями. Зачем Сталину так искажать в копии подлинный ленинский текст, чтобы усиливать позиции Троцкого? Итак, в машинописном варианте акцентирована определенная близость Ленина и Троцкого в вопросе о Госплане. Близость, которая достигается не компромиссом, а уступкой Ленина, признающего правоту Троцкого. Однако всего лишь несколькими днями ранее — в переписке с Троцким по вопросу монополии внешней торговли — Ленин заявил о сохранении прежних разногласий, а спустя несколько дней в диктовках 27—29 декабря («О придании законодательных функций Госплану») фактически подтвердил свою прежнюю позицию еще раз. Получается, что кроме этой, имеющейся только в машинописном (более позднем) варианте письма фразы ничто не говорит о желании Ленина идти навстречу Троцкому в вопросе о функциях и задачах Госплана.

Принципиально важные различия имеются и в 5-м абзаце. В машинописном варианте, а также в первой публикации письма в журнале «Коммунист», в 36-м томе 4-го издания собрания сочинений Ленина и в стенограмме XIII съезда РКП(б)[905] и других ее публикациях вплоть до публикации его в Полном собрании сочинений В.И. Ленина один из пунктов аргументации в пользу увеличения количества членов ЦК звучит так: «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех *судеб* партии» (курсив наш. — В.С.). В рукописном варианте часть фразы, выделенная курсивом, звучит иначе: «непомерное значение для всех *«судей»* партии» (курсив наш. — В.С.). Разница, как видно, существенная: *судьбы* партии и «судьи» партии. Буранов решает эту проблему в рамках предложенной им логической схемы: в

рукописном варианте ленинский текст искажен. «Стройная, но фальсифицированная фраза... — пишет он, — отредактированная в духе "завещания" (т.е. переработанном, по мнению Буранова, в соответствии с политическими потребностями Сталина. — В.С.) и в духе "делового документа[906]». И никаких аргументов, поясняющих, что давало Сталину это изменение, лишь намек на то, что под «судьями» партии Ленин мог иметь в виду Сталина и Троцкого. Опорой для данной версии может служить лишь допущение, что Сталин к этому времени уже знал о тексте ленинских «характеристик» (т.е. записи диктовки 24—25 декабря). Но сам Буранов с сомнением относится к такой возможности и не считает ее доказанной[907].

Обратим внимание: Буранов признает, что фраза со словом «судей», заключенным в кавычки, является «стройной». Да, с этим термином она осмысленна и непротиворечива. Со словом же «судеб» она противоречива и для своего объяснения нуждается в искусственных логических построениях, плохо согласующихся с политическими реалиями тех лет. Поскольку слово «судей» употреблено в кавычках, то мы вправе считать, что Ленин использовал его в переносном смысле и не признавал за этими людьми право судить партию. Что же это за «судьи партии»? Это те реальные политические силы, которые «судили» (т.е. осуждали, критиковали) партию и проводимую ей политику. Самым «знаменитым» критиком, доставлявшим больше всего проблем Ленину, был Троцкий. Других, помельче, было множество: «рабочая оппозиция», «децисты», Бухарин, Преображенский и многие другие. Конечно, в отношении этих критиков партии слово «судей» могло быть использовано только в кавычках, т.е. в переносном смысле. Как оно и использовано в тексте письма Сталину.

С такими критиками-«судьями» Ленин вел борьбу постоянно. Poleмика с ними проходит красной нитью через многие тексты последних писем и статей Ленина. Например, в записи от 26 декабря мы встречаем такую отповедь: «Поэтому тем "критикам", которые с усмешкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции»[908]. В текстах о Госплане Ленин возражает критикам существующей системы организации работы Госплана. С такими же «критиками» («судьями партии») — «нашими Сухановыми» — он полемизирует в статье «О нашей революции». В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» он оспаривает тех критиков-судей, которые не верят в возможность и необходимость реорганизации РКИ, а в статье «Лучше меньше, да лучше» спорит с теми, кто не верит в возможность сочетать учебу с работой[909] и пр. и пр. Таким образом, если в варианте текста со «всеми судьбами» партии смысла нет, то в варианте с «судьями» смысл, как говорится, налицо. «Судьи партии» — это ее критики, с которыми Ленин постоянно вел борьбу, в том числе и в последних своих работах.

Предложения Ленина направлены на обеспечение такого усиления ЦК, которое делало бы невозможным никому из оппозиционеров, т.е. критиков-судей, использовать противоречия внутри ЦК в собственных интересах. Поэтому есть все основания считать, что Ленин не мог продиктовать «судеб партии», а только — «судей партии».

Следовательно, во-первых, рукописный вариант письма более верно, чем машинописный, передает взгляды Ленина и, во-вторых, является первичным текстом по сравнению с машинописным вариантом.

В предпоследнем абзаце в рукописном варианте есть такая фраза: «Мне думается, что 50—100 членов ЦК *нашей партии* вправе требовать от рабочего класса» (курсив наш. — В.С.). В машинописном тексте, выделенный курсивом, текст выглядит иначе: «...наша партия вправе...» Смысл изменения очевиден — либо ЦК требует от партии помощи, либо партия (или съезд партии) требует ее от рабочих. Из контекста письма ясно, что под рабочим классом подразумевается не весь рабочий класс, а рабочие-коммунисты. Это очевидно. Не мог же Ленин предлагать нечленов партии вводить в ЦК****. Смысл предложения Ленина, как он изложен в рукописном варианте, ясен: ЦК должен обратиться за помощью к партии, которая может и должна выдвинуть в ЦК представителей ее рабочей части. Этот тезис Ленин

будет развивать и аргументировать в следующих текстах своего «Завещания». Следовательно, трактовка, предложенная в рукописном варианте, верна, а в машинописном — результат чьей-то неудачной переделки ленинского текста. Отсюда следует вывод: это письмо не могло быть обращено к самому съезду. Если бы речь шла о том, чтобы побудить съезд выступить с таким требованием, то ЦК должен был бы остаться в стороне. Тогда правильным был бы машинописный вариант, но это исключено, поскольку в нем также имеется обращение к адресату на «Вы». Очевидное противоречие привнесено в машинописный вариант неизвестным редактором. Рукописный вариант письма такого противоречия не имеет: обращение на «Вы» вполне согласуется с предложением обратиться от имени ЦК к съезду об увеличении численности ЦК за счет коммунистов-рабочих.

По-разному в рукописном и машинописном вариантах выглядит и последнее предложение письма. В рукописном сказано: «благодаря *этой* мере» (курсив наш. — В. С). В машинописном варианте выделенное курсивом слово было заменено словом «такой». Это незначительное изменение позволяет расширительно толковать данную меру, поскольку слово «эта» гораздо определеннее, чем «такая». При желании под термин «такая» можно подвести многое, о чем Ленин и не помышлял. Да и по контексту ленинского письма ясно, что речь у него идет о данном конкретном предложении (увеличение членов ЦК), а не о предложении «такой», т.е. чему-то подобной меры.

Анализ текста и содержания письма приводит к выводам, что, во-первых, рукописный вариант является первичным по сравнению с машинописным, а во-вторых, что это письмо Ленина было адресовано Сталину.

Когда и кем было произведено редактирование письма, установить пока не удастся. Но известно, что искажение ленинского текста было продолжено. Для публикации в Полном собрании сочинений В.И. Ленина из двух вариантов был выбран явно искаженный — машинописный, при этом он подвергся дополнительной обработке: при публикации письма было снято указание на секретность («Строго секретно»), хотя в других случаях (например, при публикации писем 5—6 марта И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, Мдивани, Махарадзе и др.) оно сохранялось. Видимо, это было сделано не случайно, так как позволяло придать личному и секретному письму — внутреннему документу Политбюро — характер письма, адресованного гораздо более широкому кругу лиц — делегатам съезда. Очевидно, с той же целью обращение Ленина «с Вами» было заменено обращением «с вами»[910], что уже радикально меняло смысл и характер всего документа. Увидеть в нем письмо, обращенное к конкретному человеку, становилось практически невозможным, восприятие его как обращения (письма) к съезду было обеспечено. Теперь он мог быть представлен как первая часть «Письма к съезду». Ленинский документ, а с ним и ленинская воля были подвергнуты грубому искажению.

Изменение формулы обращения с «Вы» на «вы» было произведено только при публикации письма в Полном собрании сочинений В.И. Ленина. Прежде, в журнале «Коммунист» (1956, № 9), в 36 томе 4-го собрания сочинений В.И. Ленина[911], а также в стенограмме XIII съезда РКП(б)[912], данный фрагмент текста воспроизводился правильно. Это свидетельствует о том, что «доработка» ленинских текстов производилась в период становления «хрущевской» историографии ленинского «Завещания», когда в историческую науку и общественное сознание внедрялся миф о ленинском «Письме к съезду», которое должно было служить важной составной частью кампании критики «культ личности» Сталина.

Поскольку письмо Ленина к Сталину было посвящено подготовке XII съезда партии, то неудивительно, что в ближайшие дни Ленин вернулся к поставленным в этом письме проблемам и развил их.

* В изданной в 1958 г. стенограмме XIII съезда РКП(б) «Письмо к съезду» было воспроизведено на основе 4-го собрания сочинений Ленина, т.е. в виде блока текстов. (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенограф. отчет. М., 1963. С. 687-695).

** Например, имеется такой конверт, направленный Лениным Сталину, с надписью «т.

Сталину (под расписку на конверте)». На конверте имеется роспись Сталина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4795. Л. 1).

*** Среди массы пустых конвертов, хранящихся в фонде секретариата Ленина, может быть, сохраняется и тот, в который было запечатано это письмо. Установить это трудно или невозможно, т.к. многие из них не датированы.

**** В пользу такой трактовки говорят также другие тексты «Завещания» Ленина: диктовки 26, 29 декабря 1922 г., статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». В последней Ленин писал: «Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347—348, 383—384, 387, 388).

ЗАПИСКИ О ГОСПЛАНЕ «О придании законодательных функций Госплану»

Считается, что 27-29 декабря Ленин продиктовал ряд текстов, позднее объединенных в статью «О придании законодательных функций Госплану», впервые напечатанную в 1956 г. в журнале «Коммунист» (№ 9)[913]. Врачи сообщают, что в эти дни Ленин диктовал и читал. Диктовкой 27 декабря (первая часть текста «О придании законодательных функций Госплану») он «остался неудовлетворенным»[914].

В архивном варианте это машинописные тексты, Лениным не подписанные, заверяющих надписей не имеющие. Под каждым из трех текстов имеются лишь делопроизводственные пометы («Продолжение записок...», дата, «Записано М.В.», «Записано Л.Ф.»)[915]. Тексты включены в блок, считающийся «Письмом к съезду», и содержанием не отличаются от опубликованных.

Ленин продиктовал их сразу после рассылки Троцким своих писем от 24 и 26 декабря 1922 г., в которых предлагалось объединить Госплан и ВСНХ под руководством одного человека. А Ленин в записках о Госплане предлагал придать Госплану законодательные функции и в этом пойти навстречу Троцкому. Уступка, предложенная Лениным, очень интересна — он предложил пойти навстречу Троцкому в том, в чем тот никаких уступок не требовал. Троцкий требовал предоставить Госплану не законодательные функции, а распорядительные, административные права. Не менее интересно и то, что Ленин тут же заявил, что не может быть никакой уступки Троцкому в вопросе о председательствовании в Госплане «либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства и т.п.» И указал на причину: «Мне кажется, что здесь с вопросом принципиальным слишком тесно переплетается в настоящее время вопрос личный»[916]. Поэтому заявленная Лениным готовность сделать уступку Троцкому не должна вводить нас в заблуждение. Воспользоваться какой-то мыслью своего противника для того, чтобы усилить свои позиции в борьбе с ним, а не ослабить их, разве это можно назвать сближением политических позиций? Нет, конечно.

Принятая в традиционной историографии версия, что эти тексты были составной частью «Письма к съезду», не кажется убедительной, поскольку она проходит мимо того факта, что поднятые в этих диктовках вопросы стояли в центре дискуссии, набравшей новую силу накануне XII съезда партии. «Хороша ложка к обеду»! Пройдет съезд, будет принято какое-то решение, изменится ситуация и многие, если не все, эти советы утратят свою политическую актуальность. Игнорируются также реалии той политической борьбы, которая происходила тогда в руководстве партии, и сложившаяся в ней расстановка политических сил.

Выше высказывалась мысль, что первая из этих диктовок (датированная 27 декабря) могла быть письмом. В пользу этого предположения свидетельствует то, что Ленин употребляет в ней следующий оборот: «Мы исходили до сих пор из той точки зрения, что Госплан должен доставлять государству материал критически разработанный, а государственные учреждения должны решать государственные дела»[917]. Это может быть истолковано не только как указание на официальную позицию, но и как обращение к своему единомышленнику (или своим единомышленникам). Последнее вероятнее, так как ни в

партии, ни в ЦК по вопросу о хозяйственном механизме и Госплане не было единства, была дискуссия. Здесь формула «мы исходили» — не к месту. Иное дело, если Ленин обращался к узкому кругу своих единомышленников, которые известны: Сталин, Каменев, Зиновьев. Прежде всего, обращаясь к ним или к кому-нибудь из них (предположительно Сталину, ибо именно ему 27 декабря был направлен от Ленина запечатанный конверт), он с полным основанием мог сказать «мы исходили».

Тема Госплана в дальнейшем не получила разработки в диктовках Ленина. Дискуссию с Троцким по этим вопросам взял на себя Сталин*. Иначе сложилась судьба идеи о реорганизации ЦК, которая прошла красной нитью через все ленинское «Завещание».

* Она нашла отражение в ряде писем, которыми обменялись Троцкий и Сталин, направляя их в ЦК РКП(б).

НАЧАЛО РАЗРАБОТКИ ПЛАНА РЕОРГАНИЗАЦИИ РКИ (29 декабря 1922 г.)

В то же время Ленин начал развивать тему реорганизации ЦК, заявленную в письме от 23 декабря 1922 г., соединив ее с вынашивавшимися прежде идеями реорганизации РКИ. 26 декабря врачи отмечают 15-минутную диктовку. Считается, что в этот день Ленин продиктовал текст об увеличении «числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек»[918]. Разработка этой темы была продолжена в диктовке 29 декабря («К отделу об увеличении числа членов ЦК»). В этот день врачи отмечают значительную работу — 40-минутную диктовку и 20-минутное чтение[919] (эти занятия, очевидно, были в значительной мере посвящены 2—4-й частям диктовки о Госплане[920]). Эти диктовки фиксируют самые первые фазы работы над той проблемой, которая определит главное содержание последних ленинских статей, — «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». Близился XII съезд партии, и это обстоятельство могло стимулировать размышления Ленина над проблемой реорганизации РКИ. Еще 2 ноября 1922 г. он обсуждал эту тему со Сталиным и Каменевым и сформулировал суть своего предложения: «сделать его (т.е. наркомат РКИ. — В.С.) сильным и независимым при сохранении прежних функций»[921]. Впоследствии эта мысль получила развитие в диктовках 23, 26 и 29 декабря и в статьях о РКИ.

Общая идея сформулирована в письме от 23 декабря 1922 г.: «что касается... увеличения числа членов ЦК, то... такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей нашего ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судей партии». В диктовке от 26 декабря Ленин развил эту мысль, предложив расширение состава ЦК произвести за счет нескольких десятков членов партии преимущественно из числа «рядовых рабочих и крестьян», предоставив им право участвовать в работе ЦК и Политбюро, знакомиться со всеми документами ЦК и поручив части их проверку и реорганизацию госаппарата, поскольку прежняя РКИ оказалась не в состоянии решить эту проблему. Благодаря этому, надеялся Ленин, они смогут, во-первых, «придать устойчивость самому ЦК» и приобрести знания и авторитет, необходимый для эффективной работы «над обновлением и улучшением аппарата»[922].

В диктовке 29 декабря Ленин сформулировал практические предложения относительно сочетания работы опытных специалистов-инспекторов РКИ «и этих новых членов ЦК», а также поставил принципиальный вопрос — о необходимости завершения эволюции РКИ «от особого наркомата к особой функции членов ЦК»[923].

Тесная и многоплановая связь диктовок 26 и 29 декабря с документами, ленинское авторство которых не подлежит сомнению, важно, поскольку архивные варианты их представляют собой машинописные тексты, Лениным не подписанные, в ленинском секретариате и архиве не зарегистрированные. Они имеют только делопроизводственные пометы: «Продолжение записок», дата, «Записано Л.Ф.», «Записано М.В.»[924]. Никаких сведений о работе Ленина над ними ни в «Дневнике» секретарей, ни в их воспоминаниях нет. Врачи сообщают лишь о том, что Ленин в эти дни действительно работал.

По причинам, о которых сейчас можно говорить только предположительно,

продолжение работы над этой проблемой было отложено примерно дней на десять. Возможно, требовалось время для ее осмысления. Возможно, Ленин спешил зафиксировать мысли по другой проблеме, работа над которой вылилась в статью «Странички из дневника» и диктовки о кооперации. Снова к проблеме реорганизации ЦК и РКК он вернулся в середине января 1923 г. В это время он развернул намеченные в декабре идеи в целостный план, изложенный им в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше».

СТАТЬЯ «СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА»

История работы Ленина над статьей «Странички из дневника» документирована, пожалуй, лучше других частей «Завещания». Интересные наблюдения над ее текстом и выводы относительно сложной процедуры работы над ней были сделаны С.В. Воронковой[925]. Но вопросы еще остаются. Не очень ясен вопрос о времени работы Ленина над статьей. Если придерживаться традиционной схемы, то Ленин продиктовал, доработал (подбор материала секретарями, диктовка вставок) и отредактировал эту немаленькую статью за два дня. 31 декабря он, как считается, диктовал другую статью, по национальному вопросу, а 2 января уже завершил работу над «Страничками...»[926]. Если так, то, следовательно, весь процесс занял 2—3 часа медленной диктовки и 2—3 часа чтения. Между тем сохранившиеся варианты статьи говорят о значительном объеме работы, сделанной как минимум в два этапа, между которыми секретари по указанию Ленина занимались подбором и первоначальной обработкой фактического материала. Удлинение срока работы могло произойти только за счет 30 и 31 декабря. Но это сразу же ставит под удар версию о диктовке в эти дни «статьи» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Статья «Странички из дневника» представлена рядом машинописных текстов, ни один из которых Лениным не подписан.

Подпись «Ленин», как и помета «Записано В.М.», машинописные. Когда статья направлялась в редакцию газеты «Правда» для публикации, в ленинском секретариате как документ, исходящий от В.И. Ленина, она не была зарегистрирована. Один из текстов ее, а также газетный вариант статьи зарегистрированы как входящий документ[927]. Имеющиеся тексты фиксируют этапы работы Ленина и секретарей над статьей. Наиболее ранний текст статьи, датированный 2 января, состоит из двух фрагментов. Первый из них в конце (лист 3) имеет машинописную подпись «Ленин» и дату, а также заверительную надпись («М.В.»), сделанную рукой М.В. Володичевой. На листах 4—6 снова идет машинописный текст, завершающийся машинописной же подписью «Ленин» и датой. Эти тексты изначально не имели общей нумерации, она была установлена позднее — при формировании из отдельных диктовок текста статьи. Данный вариант статьи еще не имеет названия и помечен как «Продолжение записок». Этим он похож на диктовки, входящие в «блок текстов», однако это не дает оснований считать первоначальные наброски будущей статьи «Странички из дневника» составной частью его, так как они не включены в общую для «блока текстов» нумерацию. Очевидно, эти наброски (черновой вариант статьи) являются подлинным (и единственным из доступных или сохранившихся) фрагментом тех записок («нечто вроде дневника»), которые Ленину было разрешено диктовать после совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами 24 декабря 1922 г. Машинописные тексты других входящих в «блок текстов» (за исключением, возможно, письма от 23 декабря 1922 г.) — копии более позднего происхождения.

Имеется также текст, уже оформленный как статья (он зарегистрирован в ленинском архиве), на котором уже нет пометы «Продолжение записок. 2-го января 23 года», а перед ним рукой написано: «Странички из дневника Статья»[928]. Следовательно, это название появилось на поздней фазе подготовки статьи. Само название ее указывает на то, что она выросла из диктуемых Лениным записок («дневник»). Стадию превращения «записок», посвященных анализу статистики о грамотности населения России*, в статью фиксируют многочисленные следы творческой работы (редакционная правка, запись пожеланий Ленина

относительно дальнейшей работы над текстом)[929].

К сказанному добавим, что хотя статья и не подписана Лениным, но сомневаться в его авторстве нет никаких оснований, так как она была опубликована 4 января — в то время, когда Ленин был работоспособен и о публикации без его согласия какой-нибудь его статьи в газете «Правда» не могло быть и речи.

Статья «Странички из дневника» отметила важный рубеж в работе Ленина: улучшение состояния здоровья позволило ему перейти от беглых диктовок предыдущего периода к относительно систематической работе над проблемами, поставленными в более ранних «записках». Очевидно, Ленин сначала намеревался продолжить разработку поднятых в статье «Странички из дневника» некоторых общих вопросов строительства социализма. На это указывает то, что в заключительной части ее содержатся положения, которые переключаются с проблематикой следующей диктовки Ленина, посвященной вопросам кооперации. Намечая задачи партии в деревне в данный момент, Ленин считал, что начать «следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы». Отметив недостаточность помощи деревне со стороны государства, он ставит задачу поиска действенных форм отношений между городом и деревней[930] и связывает с ее решением успехи в деле социалистического строительства в деревне: «Мы только тогда начнем двигаться вперед... когда подвергнем изучению этот вопрос, будем основывать всевозможные объединения рабочих», нацеленные на установление прочных связей с деревней[931]. Кооперация, как известно, была в это время одной из основных форм экономической смычки города и деревни. Такая постановка вопроса выводила Ленина на проблему следующей диктовки, посвященной кооперации. Через проблематику «культурной революции» эта статья связана не только с диктовками, посвященными кооперации, но и последовавшими за ними, известными как статьи «О нашей революции»[932].

* Известно, что Ленин в 1921—1922 гг. много занимался вопросами статистики. В тот период он интересовался также статистикой переписи госслужащих. (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392–393, 467–469, 556).

«СТАТЬЯ» «О КООПЕРАЦИИ»

Интерес к кооперации у Ленина был давний. После перехода к НЭПу он много работал над ее развитием, рассматривая ее как форму государственного капитализма. В ноябре 1922 г. в процессе работы над бюджетом страны на 1923 г. и подготовкой обсуждения вопроса о финансировании кооперации председатель Правления Центросоюза Л.М. Хинчук посчитал, что интересы кооперации в нем не получили должного отражения и 14 ноября направил Ленину «Заключение» по вопросам кредитования и налогообложения кооперации. В нем указывалось на недостаточное выделение кредитов на 1923 г., а также на необходимость установления для кооперации льготного налогообложения[933]. 18 ноября в Финкомитете* состоялось обсуждение вопроса «О финансировании Центросоюза», результатами которого Хинчук опять остался недоволен. 21 ноября он написал Ленину письмо с просьбой о помощи, поскольку в последнем решении Финкомитета он видел «новое неожиданное» «препятствие» на пути работы кооперации[934]. Ленин был знаком с этими документами Хинчука. Вот та ситуация, в которой Ленин решил поделиться своими соображениями и конкретными предложениями по вопросам развития кооперации. В декабре 1922 г. он планировал затронуть эту проблему в своем выступлении на X Всероссийском съезде Советов («Центросоюз: его особое значение»)[935], но болезнь не позволила сделать это. В январе 1923 г. по просьбе Ленина ему были подобраны и присланы книги по кооперации[936], и он приступил к диктовке «записок», в которых признал основные требования Центросоюза правильными как с точки зрения решения актуальных экономических и политических задач, так и с точки зрения перспектив социалистической революции и предложил пойти им навстречу[937].

Согласно традиционной версии, Ленин работал над проблемами кооперации 4 и 6 января. «Дневник» секретарей записей за 4 января не имеет, а врачи сообщают о диктовке и чтении 4 и 5 января[938]. О работе Ленина 5 января «Дневник» секретарей сообщает только то, что он затребовал список книг и книгу для чтения[939]. Врачи умалчивают о какой бы то ни было работе 6 января[940], а секретарская запись на второй части текста «О кооперации» и две записки Володичевой говорят о том, что Ленин продиктовал этот текст именно 6-го[941]. Это ставит перед историками непростой вопрос о времени диктовки.

Открытым остается и вопрос о том, кто записывал диктовки Ленина о кооперации. Запись 4 января завершается пометой: «записано Л. Фотиевой», однако все делопроизводственные документы, связанные с работой Ленина над статьей, написаны Володичевой.

Записи диктовок представляют собой машинописные тексты, Лениным не подписанные, не имеющие никаких следов работы над ними и не зарегистрированные в ленинском секретариате и архиве[942]. На обоих текстах имеются очень интересные пометы. Текстам диктовок 4 и 6 января предшествуют надписи, говорящие о том, что это 1-й и 2-й варианты записок («статьи»). О том же говорит и записка (сделанная рукой М.В. Володичевой — ?): «2 варианта о кооперации, написанные — один 4-го января, другой — 6-го янв[аря] [19]23 г.»[943]. Следовательно, второй вариант (вторая «часть» «статьи») не является «продолжением» первого, и обе они не являются продолжением прежних диктовок. Хотя по содержанию опубликованный вариант текста «О кооперации» ничем не отличается от архивного варианта[944], из-за того, что при публикации текста эти пометы были опущены, подлинный характер этих диктовок был искажен и читателям навязано неверное представление о них. Никакой статьи «О кооперации» не было, а были две попытки разработать эту проблему, оставившие после себя два не удовлетворивших Ленина текста.

Уже самый факт диктовки второго варианта указывает на неудовлетворенность первым. Очевидно, именно поэтому Ленин начал диктовать второй вариант. Но и им он остался недоволен. Об этом говорит хранящаяся в деле записка. Ее содержание представляет для исследователей ленинского политического и теоретического наследия огромный интерес: «Ни один вариант неудовлетворителен, ибо оба содержат в себе часть неверно сформулированных] положений, неверных теоретически и обе требуют т[аким] обр[азом] переделки. 7/1—23»[945]. Что именно не удовлетворяло Ленина? В одном из следующих параграфов мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

По причинам, о которых можно только догадываться, работа над этими текстами не была доведена до стадии статьи. Точно неизвестно, кто и почему решил представить тексты диктовок о кооперации в качестве статьи. Известно только, что в мае 1923 г. Крупская принесла в ЦК партии текст диктовок (неизвестно, как они выглядели). Неизвестно и то, было ли доведено мнение Ленина о несовершенстве этих вариантов текста до Политбюро или редакции «Правды» при передаче «статьи». 24 мая Политбюро приняло решение: «Признать необходимым быстрее напечатание статей Владимира Ильича, переданных Надеждой Константиновной, с означенной на них датой»[946]. Последнее указание — о дате — позволяет предположить, что вопрос о времени работы Ленина над текстами о кооперации почему-то привлек особое внимание членов Политбюро и, очевидно, специально обсуждался ими. Свое название — «О кооперации» — эти диктовки получили в редакции «Правды» при их публикации 26 и 27 мая 1923 г. В опубликованном тексте два варианта «записки» обозначены римскими цифрами.

В конце статьи «О кооперации» Ленин ставит те проблемы, которые связывают ее с последующими «записками» по поводу воспоминаний Н. Суханова (опубликованы под названием «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)»): реформа госаппарата и культурная революция). «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошибались в том, что мы начали не с того конца по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником... культурному

перевороту»[947]. Таким образом, записки «О кооперации», являющиеся как бы продолжением статьи «Странички из дневника», в свою очередь выступают в качестве связующего звена между этой статьей и записками по поводу воспоминаний Суханова.

* Заместители В.И. Ленина как председателя СТО РСФСР плюс наркомфин.

«СТАТЬЯ» «О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ (по поводу записок Н. Суханова)»

Традиционно считается, что Ленин работал над ней 16 и 17 января. Основанием для этого служат даты самих текстов. Врачи отмечают в эти дни чтение и диктовку, но не сообщают о ее продолжительности и, как обычно, не раскрывают содержания[948]. Секретари не дают никакой информации о работе над текстом «О нашей революции». Таким образом, и в отношении этой диктовки у нас нет надежных свидетельств работы Ленина над ней в эти дни, хотя также нет ничего, что ставило бы эту работу под сомнение.

Архивный вариант «статьи» «О нашей революции» представляет собой машинописный текст, Лениным не подписанный, без заглавия, со следами правки чьей-то рукой (ясно, что не ленинской)*. Правка незначительная и не может быть оценена как серьезная работа над текстом. Подписи секретаря, производившего записи («Записано В.М.»), исполнены на пишущей машинке. В оригинале отсутствуют римские цифры («I» и «II»), разделяющие текст в публикации. Последнее обстоятельство указывает, что «статья» «О нашей революции», как и «статья» «О кооперации», в реальности представляет собой два наброска, связанные одной тематикой не только между собой, но и с диктовками о кооперации. Это дает дополнительные основания для предположения, что тексты, объединенные в статью «О нашей революции», представляют собой продолжение работы над проблемами, на которые Ленин вышел в диктовках, посвященных кооперации.

Наличие внутренней органической связи между «Страничками из дневника» и «статьями» «О кооперации» и «О нашей революции», а также между ними и другими ленинскими работами, отсутствие необъяснимых противоречий с информацией врачей о работе Ленина дают основания считать эти тексты принадлежащими Владимиру Ильичу, несмотря на отсутствие на них подписи Ленина и их регистрации в ленинском секретариате. Тот факт, что Крупская передала ее в Политбюро вместе с текстами о кооперации и тогда же было решено опубликовать их[949], также, возможно, указывает на то, что Крупская и Политбюро воспринимали их как комплекс текстов, возникших в органической связи друг с другом и условно разделенных по формальному признаку (на основании проблем, заявленных Лениным в начале текстов).

В «статье» «О нашей революции» ряд фундаментальных проблем революции, поставленных в диктовках о кооперации, получил дальнейшее развитие, но уже под иным углом зрения. В ней он развивает свою аргументацию о путях, способах, методах строительства социализма в условиях капиталистического окружения и о перспективах социалистической революции в России. Ленин обосновывает закономерность социалистической революции в России как бы от противного: события заставили большевиков взять власть раньше, чем думали. Это обстоятельство затрудняет ход революции и решение стоящих перед советской властью задач. Разработан ряд принципиально важных положений. Тем не менее, сам Ленин не дал распоряжения относительно публикации этих записок. Почему? Может быть, он был чем-то не удовлетворён? Возможно, он не успел завершить работу над этой проблемой, поскольку нашел решение политически более актуальной и более важной практической задачи — реорганизации центральных органов партии и наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), которой он отдал свои последние силы.

* О работе Ленина над текстом могут свидетельствовать отверстия от дырокола над верхней строкой текста, что служит подтверждением рассказа Володичевой о том, что «экземпляры для В.И. Ленина делались на папке, прикреплялись к ней на шнурке для более удобного пользования». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 593).

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ СТАТЬИ "ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С РАБКРИНОМ"

Работу над этими проблемами Ленин не приостанавливал и время от времени возвращался к ней в середине января. 9 января 1923 г.* он продиктовал «План статьи "Что нам делать с Рабкрином»»[950]. В архивном варианте он представляет собой машинописный текст без каких-либо подписей, помет и следов регистрации. В нем нашли отражение идеи, сформулированные в диктовках 26 и 29 декабря 1922 г. Так, в нем закреплено положение о необходимости уменьшить влияние личного момента в работе ЦК. Вместе с тем прослеживается развитие прежних идей. В пункте 13 сформулировано положение о том, что *новые члены ЦК отдаются под опеку Секретариату ЦК* (а не ставятся над Политбюро и ЦК), которому вменяется в обязанность «организация обучения новых членов ЦК всем деталям управления»[951]. Этим же днем датирован первый фрагмент текста статьи, получившей название «Что нам делать с Рабкрином?»[952]. Но «Дневник» врачей молчит о работе. Возможно, дата на тексте фиксирует не время диктовки, а время ее перепечатки.

Последующие дни были тяжелыми для Ленина, и, видимо, поэтому он вынужден был прервать работу над статьей до 13-го, когда, несмотря на плохое самочувствие и настроение, сумел возобновить работу (дважды диктовал и читал)[953]. Можно предположить, что затем Л.А. Фотиева свела три фрагмента в один текст. На это указывают архивные варианты этой статьи, представляющие собой машинописные тексты без подписи, без заверительной записи секретаря. На первой части статьи на пишущей машинке напечатано: «Ленин» и дата «9-го января», а также — «Записано М.В.». Записи двух последующих фрагментов ее текста имеют пометы: «13-го января 23 года» и «Записано Л.Ф.»[954]. Имеется второй вариант статьи «Что нам делать с рабкрином?», в котором все три указанные выше текста объединены в один, датированный 13 января. Листы его склеены, в тексте имеются правка и рабочие пометы, сделанные не Лениным[955], которые фиксируют процесс работы над статьей.

Известно, что этот вариант Ленину не понравился. 14 и 15 января были нерабочими днями, возобновив работу[956], 16 и 17 января Ленин диктовал «записку» по поводу воспоминаний Суханова («О нашей революции»). Возможно, переключение на другую тему было связано с тем, что нужного решения проблемы реорганизации ЦК партии никак найти не удавалось и Ленин был недоволен тем, что получалось. Возможно, именно поэтому в следующие дни он снова обратился к проблематике реорганизации высших партийных органов и РКИ.

* Дата «9 янв», проставленная рукой Крупской (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24055. Л. 1.

СТАТЬЯ «КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН» (19-23 января 1923 г.)

Ничего конкретного о том, как протекала работа над этой статьей, неизвестно. 17 января 1923 г. Ленин просил врачей разрешить ему чтение газет, но получил отказ, а на следующий день он что-то читал. С 19 января наступил период напряженной работы при удовлетворительном состоянии здоровья. 19—21 января врачи фиксируют длительные диктовки и чтение. 22 января секретари и врачи сообщают об окончании работы над «статьей», а также об удовлетворении проделанной работой, которая поначалу «не клеилась»[957]. Отметим, что для врачей фиксация отношения Ленина к продиктованным текстам не характерна. 23 января заслуживает особого внимания. Секретари уверяют, что Ленин читал статью о Рабкрине и отдал распоряжение о внесении последних изменений и передаче текста М.И. Ульяновой для газеты «Правда». Врачи же говорят не только о чтении, но и о 45-минутной диктовке[958]. 24 января Ленин не работал с секретарями, а 25-го статья уже была отправлена для публикации.

Таким образом, время завершения работы Ленина над этой статьей (22 или 23 января) остается недостаточно проясненным. Если учесть, что записи секретарей не являются дневниковыми, то предпочтение следует отдать записям врачей. Кроме того, поскольку

среди текстов статьи имеются датированные 23-м января, можно предположить, что работа над статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин» была завершена 23 января в ходе длительной (45 минут) диктовки. Этот факт имеет важное значение для анализа хранящихся в архиве различных вариантов этой статьи.

Окончательный вариант статьи представлен четырьмя машинописными экземплярами[959]*. Все они датированы 23 января 1923 г.; дата — машинописная, исполнена одновременно с текстом статьи. Один из них зарегистрирован при поступлении в архив Ленина 10 марта 1923 г. (д. № 42, б/№)[960]. На каждом из них перед текстом статьи напечатано: «Опубликовано в "Правде" 25.1.23 г. в № 16». Один из них (второй) имеет в верхнем поле отверстия, сделанные дыроколом, благодаря которым листы с помощью тесьмы крепились к специальной папке, чтобы Ленину было удобнее работать[961]. Это обстоятельство указывает на то, что данный экземпляр был отпечатан до того, как статья была отправлена Лениным для публикации, и что он ознакомился с этим текстом. Об этом же говорит и хранящаяся вместе с этой статьей записка, которую Володичева написала для М.И. Ульяновой: «Просьба предупредить Владимира Ильича, что вся статья прикреплена к одной папке с начала до конца»[962].

Имеются также два экземпляра гранок этой статьи[963]** и два экземпляра вырезок из газеты (Правда, 25 января 1923 г.) со статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин» (полосы газетных листов с текстом наклеены на листы бумаги). Один газетный вариант статьи также имеет на верхнем поле отверстия от дырокола[964], что позволяет предполагать, что Ленин читал их.

Говоря об этой статье, нельзя обойти молчанием предпоследний абзац, в котором содержится тезис о генсеке, имеющий принципиальное значение как для понимания хода ленинской мысли и предмета его озабоченности, так и для исследования всего комплекса последних писем и статей Ленина. Поэтому мы остановимся на нем подробнее. В Полном собрании сочинений В.И. Ленина этот фрагмент выглядит так: «члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «невзирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, *ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК* (выделено нами. — В.С.), не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»[965]. В традиционной историографии тезис о генсеке трактуется как направленный против Сталина, поскольку он хорошо согласуется с критическими замечаниями в его адрес, имеющимися в «Письме к съезду», в «статье» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» и в письмах к Троцкому, а также к Мдивани и др. от 5 и 6 марта 1923 г. Объективно этот тезис играет важную роль в системе аргументации ленинского авторства «Письма к съезду».

Однако ни в одном из текстов статьи, хранящихся в деле 23543, нет тезиса о генсеке, т.е. указания на исходящую от него опасность. Во всех машинописных вариантах текста (датированы 23-м января) данное предложение выглядит так: «...чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос»[966] и далее по тексту. **Слов «ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК» в ленинском тексте нет!**

Точно так же выглядит эта фраза в гранках[967], с которыми работал Ленин. Нет его и в газетном тексте статьи («Правда», 25 января 1923 г.), с которым Ленин тоже был знаком[968]. Неизвестно, чтобы Ленин или кто-нибудь из посвященных, в том числе и Крупская, протестовал против искажения статьи. Н. Осинский прямо заявлял, что текст статьи был опубликован без изменений[969]. Следовательно, от Ленина в редакцию «Правды» и в Политбюро текст поступил без упоминания о генсеке. Не было тезиса о генсеке и в первоначальном варианте статьи — «Что нам делать с Рабкрином»[970]. Отсутствовал он и во 2-м, в 3-м, в 4-м изданиях собраний сочинений В.И. Ленина.

Тезиса о генсеке в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» до конца 1950-х годов не было!!!

Он «вдруг» появился в начале 1960-х годов в Полном собрании сочинений В.И.

Ленина, размножившись вслед за этим в массе других публикаций последующих десятилетий, сделанных на его основе[971].

Историки, обращавшиеся к этой проблеме, приходили к выводу, что ленинское предупреждение об опасности, исходящей от генсека, при публикации статьи было изъято, и в этом усматривают политический интерес Сталина, опасавшегося ленинской критики в свой адрес. Именно он представлялся виноватым в искажении ленинской мысли и нарушении его воли[972]. Такое объяснение игнорирует тот факт, что Ленин знакомился (или, по крайней мере, мог ознакомиться) с гранками и газетным вариантом статьи и не выразил протеста против искажения статьи. Что касается политической заинтересованности в искажении ленинского текста, то она вполне просматривается у организаторов кампании критики «культа личности» Сталина: тезис о генсеке придавал статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» антисталинскую направленность и, следовательно, заставлял авторитет Ленина работать на успех их предприятия.

Имеет ли тезис о генсеке опору в ленинских документах? Мы попробуем ответить на этот вопрос. Кроме архивного дела (№ 23543), в котором хранятся тексты статьи, о которых речь шла выше, оказывается, имеется еще одно (№ 24821), в котором хранятся три текста статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин»[973]. Все они отличаются от вариантов статей, находящихся в деле № 23543 тем, что в них имеется тезис о генсеке. При этом они различаются, во-первых, датировкой и, во-вторых, различным способом включения в текст тезиса о генсеке. Два (л. 1—5, 5—10) датированы 22 января, третий (л. 11—15) — 23 января. Этот последний имеет на первом листе машинописную помету об опубликовании статьи в газете «Правда» 25 января и в основе не отличается от текстов, датированных 23 января, хранящихся в деле № 23543. Поэтому можно говорить о существовании двух вариантах текста статьи, содержащих тезис о генсеке.

В текстах, датированных 22 января, слова о генсеке машинописные, т.е. являются неотъемлемой частью статьи, а в тексте, датированном 23 января, их нет, однако в нем имеется рукописная вставка: после слов «ничей авторитет» над строкой четким почерком мелкими буквами написано: «ни генсека, ни кого-либо», а на левом поле перед началом той же строки расположена надпись, которая, судя по всему, является продолжением предыдущей (первая часть ее прочитывается с трудом) и может понята так: «из др. чл. ЦК». Вся вставка выглядит так: «ни генсека, ни кого-либо из др[угих] чл[енов] ЦК»[974].

Один из текстов, датированных 22 января, в левом верхнем углу на первом листе имеет рукописную помету: «Без поправок, внесенных в две *правд*, (выделенное курсивом слово прочитывается с трудом. — В.С.) копии»[975]. Запись, судя по почерку и характерной подписи, сделана М.В. Володичевой. Второй экземпляр, датированный 22 января, отпечатан на другой пишущей машинке (крупный шрифт) и основным содержанием машинописного текста не отличается от первого. Можно предположить, что тексты, датированные 22 января, представляют собой первоначальный вариант. Но в этом случае придется признать, что Ленин отказался от этого тезиса и снял его на следующий день, не озаботился вернуть его на стадии подготовки статьи к печати. Следовательно, включать его в ленинскую статью нет никаких оснований. Получается так, что кто-то ленинский текст решил подправить и опять вписать в него тезис о генсеке? Возможно. Но с не меньшим основанием можно предположить, что кто-то решил «подправить» Ленина, а потом были отпечатаны тексты, помеченные более ранним числом. Возможно, тогда же появилась запись в «Дневнике дежурных секретарей» об окончании работы над статьей 22 января, находящаяся в определенном противоречии с записями врачей. Поэтому есть основания для сомнений в том, что тексты, датированные 22 января, действительно предшествовали текстам, датированным 23 января, например, тому, в которой неизвестный редактор решил включить тезис о генсеке. И другим, хранящимся в деле 23543.

В текстах статьи, хранящихся в этом деле (№ 24821), имеется еще ряд других разночтений, как малозначимых, так и относящихся к принципиально важным вопросам. Сами по себе они не имеют серьезного значения, так как могут быть отнесены за счет

ошибок машинистки, однако взятые вместе, они усиливают сомнения в том, что тексты, датированные 22 января, были созданы ранее текстов, датированных 23 января и опубликованных в «Правде». В одном из текстов, хранящихся в деле 24821, во фразе: «в нашем социалистическом строе не заложены с необходимостью основания *неизбежности*» (курсив наш. — В.С.) такого раскола», вставлено выделенное курсивом слово «неизбежности»[976]. В вариантах текста, датированных 22 января, слово «неизбежности» имеется, зато пропущено следующее за ним слово «такого»[977], которое есть во всех текстах, хранящихся в деле 23543 и в ранних публикациях. Выделенное курсивом слово «неизбежности» вошло в текст, опубликованный в Полном собрании сочинений В.И. Ленина[978], но его нет в гранках статьи и в первой газетной публикации. И опять перед нами различие текста статьи, хранящегося в деле 23543, с публикацией в Полном собрании сочинений. Времени внесения в текст статьи этих поправок мы не знаем. Во всяком случае, нет достаточных оснований относить их на счет Ленина.

Тексты, хранящихся в деле 24821, заметно отличаются от текстов дела 23543 тем, что в них имеется значительное количество опечаток и пропущенных слов, кем-то исправленных. Их характер таков, что не позволяет видеть в них более ранние по происхождению тексты статьи, исправленные на следующем этапе работы. С большим основанием можно предположить, что они были созданы значительно позднее, а их дефекты являются либо результатом небрежной работы машинисток, либо преднамеренного создания таких текстов, рукописная правка которых могла создать впечатление редакторской работы Ленина над текстом статьи, в которой имеется указание на опасность, исходящую от генсека.

Все это не позволяет тексты статьи, датированные 22 января и содержащие тезис о генсеке, рассматривать в качестве варианта, предшествующего текстам, датированным 23 января, гранкам и газетному варианту статьи.

Этот вывод получает подтверждение в истории появления текстов, содержащих тезис о генсеке, и формирования архивного дела, в котором они хранятся. Как следует из материалов («дело: «Внутренняя переписка». XVII. Л. 234), связанных с комплектованием РГАСПИ (бывший Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС) четыре текста статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», составившие дело 24821, были обнаружены работниками «копийной группы» осенью 1949 г. в ходе обработки копий. 15 октября 1949 г. работники этой группы направили на имя заведующей секцией документов В.И. Ленина докладную записку, в которой, в частности, говорилось: «Среди них находится экземпляр с карандашными правками (сделанными рукой секретаря), с которого перепечатывался экземпляр, хранящийся в сейфе***, и две последующие копии этой же закладки (среди последних экземпляр со штампом "Архив Ленина"). Есть экземпляр со штампом "секретно"**** и с правкой на л. 2 (чья это правка — вопрос, который необходимо исследовать)».

Время и обстоятельства происхождения этих экземпляров, автор правки и время ее внесения в тексты остаются неизвестными, поэтому этим вариантам статьи не может быть отдано первенство перед текстами статьи, хранящимися в деле 23543, с которыми, судя по всему, работал Ленин, и которые лежали в основе всех первых публикаций ее. Издатели Полного собрания сочинений Ленина, видимо, использовали эти обнаруженные в 1949 г. копии неизвестного происхождения для «исправления» ленинского текста вставкой о генсеке.

Материал по истории создания этой статьи фиксирует разные стадии работы над ней, а также органическую связь ее с ленинскими документами предыдущего периода. Эти обстоятельства, а также время ее публикации — в период сохранения Лениным работоспособности — и факт знакомства его с газетным текстом служат достаточным основанием для признания ленинского авторства ее. Того варианта, в котором нет предупреждения об опасности, исходящей для ЦКК от генерального секретаря ЦК РКП(б).

* Первый (л. 1—5) и третий (л. 11 — 15) отпечатаны в один прием (одна закладка бумаги), второй (л. 6—10) и четвертый (л. 16—20) — разные закладки. Судя по имеющимся

пометам, существует еще один экземпляр статьи, пока что не доступный исследователям.

** Возможно, именно они были принесены в Политбюро и на их основе решался вопрос о публикации статьи. На такую возможность указывает Куйбышев, утверждавший, что при обсуждении статьи о РКИ накануне начала заседания Политбюро «оттиск статьи Ильича ходил из рук в руки» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 189). Термин «оттиск» скорее указывает на гранки, а не на машинописный текст.

*** Речь, видимо, идет о варианте, датированном 22 января, имеющим соответствующую надпись, сделанную рукой Володичевой (Д. 24821. Л. 1—5).

**** Речь идет о варианте статьи, ныне хранящемся в деле 24821 (Л. 6—10).

СТАТЬЯ «ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ» (конец января - начало марта 1923 г.)

В истории создания этой последней ленинской статьи много неясного. Показателен уже тот факт, что статья «Лучше меньше, да лучше» является единственным текстом ленинского «Завещания», который не имеет комментария в Полном собрании сочинений В.И. Ленина. Точно неизвестно, ни когда началась работа над ней, ни когда она завершилась. Молчат об этом Крупская и Ульянова, ничего внятного не сообщают и врачи. Лишь «Дневник дежурных секретарей» дает очень скудную информацию. С 24 января по 1 февраля Ленин работал с секретарями, иногда читал, но не диктовал[979]. 2 февраля секретари первый раз фиксируют работу над ней (диктовка и чтение). Упоминания о ней имеются в записях за 4, 6, 7, 9 и 10 февраля[980].

Из них можно сделать вывод, что 9 февраля уже имелся первоначальный текст статьи. Однако никакой информации «со стороны», подтверждающий ее существование в это время, не имеется. Более того, записи врачей часто противоречат рассказам секретарей в вопросе работы Ленина в эти дни, либо отрицая ее, либо описывая совершенно иначе обстоятельства и время работы[981]. После перерыва в работе в середине февраля из-за ухудшения состояния здоровья с 18 февраля Ленин возобновил работу над каким-то текстом (возможно, над статьей «Лучше меньше, да лучше») и провел беседы с Л.А. Фотиевой. Диктовка и чтение отмечены врачами 22—25-го. 26-го при плохом самочувствии, настроении и затруднениях речи он ограничился чтением. 3 марта врачи записали: «Начал читать корректуру своей новой статьи, но, прочтя 2 страницы, сказал, что устал и больше читать не может»[982]. 4 марта статья была уже опубликована.

Оригинал статьи представляет собой машинописный текст. Сохраняются четыре машинописных экземпляра (два из которых отпечатаны в одну закладку, о чем свидетельствуют особенности расположения текста), Лениным не подписанные и не имеющие следов работы над ним. Указание на секретаря, записывавшего текст, отсутствует[983]. Один экземпляр зарегистрирован при поступлении в архив, другой имеет отверстия от дырокола[984] — очевидно, он был подготовлен для работы Ленина с ним, и, возможно, какая-то работа имела место (на это могут указывать записи дежурных врачей)[985]. Имеется также газетный вариант статьи — вырезанные колонки текста, наклеенные на листы бумаги[986].

Работа над статьей зафиксирована в документах делопроизводства маленькой запиской, хранящейся в деле с ее текстами. Записка («для архива») адресована «Наде», подписана одним инициалом «В»[987]. Можно предположить, что ее автор — Володичева. Вряд ли она могла так обращаться к Крупской. Единственная Надя, работавшая в секретариате Ленина, была жена Сталина — Н.С. Аллилуева. Отсюда возможен вывод — Аллилуева работала в ленинском секретариате в период диктовки Лениным текстов «Завещания». Кроме того, неизбежен вопрос: почему после 23 декабря 1922 г. она не вела «Дневник дежурных секретарей»?

Несмотря на ограниченность документальной базы и некоторую противоречивость источников, свидетельствующих о работе Ленина над статьей «Лучше меньше, да лучше», нет оснований для сомнений в ленинском авторстве ее. Очевидна связь изложенных в ней

идей и предложений с прежними ленинскими наработками по этой проблеме. На это обратил внимание еще Сталин, заявивший в организационном отчете ЦК XII съезду партии, что «многим показалась идея, развитая тов. Лениным в двух статьях, совершенно новой. По-моему, та идея, которая развита в этих статьях, сверлила мозг Владимира Ильича еще в прошлом году. Вы помните, должно быть, его политический отчет в прошлом году. Он говорил о том, что политика наша верна, но аппарат фальшивит... Получится то, что хотя мы и у руля, но машина не будет подчиняться. Выйдет крах. Вот те мысли, которые еще в прошлом году тов. Ленин развивал, и которые только в этом году оформил в стройную систему реорганизации ЦКК и РКИ в том смысле, чтобы реорганизованный ревизионный аппарат, превратился в рычаг для перестройки всех составных частей машины... В этом суть предложения тов. Ленина»*. Факт публикации статьи в то время, когда Ленин еще сохранял работоспособность и никто не знал, что до рокового, третьего инсульта, прекратившего всякую деятельность В.И. Ленина, остались считанные дни, по нашему мнению, снимают любые сомнения относительно ленинского авторства.

* Делегат Бумажный также высказывал мнение, что проблемы, поднятые Лениным в статьях о РКИ и «Лучше меньше...», являются продолжением его разработок, которые им велись с 21-го года, в том числе на XI съезде партии, в выступлениях на IV конгрессе Коминтерна, в Моссовете и др. Поэтому нет оснований считать статью о РКИ «чем-то вроде разорвавшейся бомбы», как казалось до появления статьи «Лучше меньше, да лучше» (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. 17—25 апреля 1923 г. М., 1923. С. 96). Это верно.

§ 2. ТЕКСТЫ «ЗАВЕЩАНИЯ», ВЫЗЫВАЮЩИЕ СОМНЕНИЕ В ЛЕНИНСКОМ АВТОРСТВЕ

В данном параграфе речь пойдет о «Письме к съезду» (диктовки 25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.) и записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» (диктовки 30—31 декабря 1922 г.).

Традиционно считается, что «Письмо к съезду» создано раньше записок по национальному вопросу, поэтому, казалось бы, естественно было рассмотреть сначала вопрос о письме, а затем о записках. На самом деле время создания и того, и другого документа достоверно неизвестно. Зато известно, что сначала в политический обиход были введены эти записки, поэтому с них мы и начнем изучение текстов этих документов.

ЗАПИСКИ «К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ ИЛИ ОБ «АВТОНОМИЗАЦИИ»»

Хранящийся в архиве вариант записок представляет собой машинописный текст, Лениным не подписанный; не зарегистрированный в ленинском секретариате и архиве. По содержанию он ничем не отличается от опубликованного в Полном собрании сочинений Ленина[988]. По этим признакам записки практически ничем не отличаются от большинства других текстов последних ленинских работ.

Согласно историографической традиции, Ленин диктовал их 30 и 31 декабря 1922 г. Основой для этого суждения служат даты, проставленные в тексте. «Дневник» секретарей записей за эти дни не имеет*. Дежурный врач 30 декабря фиксирует 40-минутное чтение и 30-минутную диктовку (в два приема). Первой диктовкой Ленин остался доволен, а второй нет, и это расстроило его. 31 декабря у Ленина отмечено небывало скверное настроение днем и улучшение его вечером. Он диктовал и читал надиктованное, результатами работы был удовлетворен[989]. Как было показано выше, можно предположить, что в эти дни диктовалась статья «Странички из дневника». На роль свидетелей работы Ленина именно над этой «статьей» претендуют Фотиева, Володичева и Гляссер, однако сообщаемая ими информация неконкретна и противоречива. Более всего настораживает то, что все они

противоречат и сами себе, и друг другу, и все вместе — традиционной версии создания этого текста.

Первый официальный документ, фиксирующий существование записок «К вопросу о национальностях...» — письмо Л.А. Фотиевой от 16 апреля 1923 г., в котором она информировала ЦК партии о ее существовании. И сразу же противоречие: дважды (следовательно, это не оговорка) повторено утверждение, что этот текст был продиктован Лениным 31 декабря. О работе Ленина над ним 30 декабря ничего не сказано[990]. Ей противоречит Троцкий, который в октябре 1923 г. также писал, что получил текст, датированный именно 30 декабря[991]. Конечно, можно предположить, что это просто ошибка. Но ведь у него была копия статьи, где одна часть датирована 30 декабря, а две другие — 31-м. Всего же в ней дата 30 декабря проставлена 2 раза, а 31 декабря — 4 раза. Если поверить Фотиевой и Троцкому, то получается, что Троцкий получил не тот текст, что направляли ему секретари Ленина. Но и это еще не все. Троцкий в марте 1923 г. якобы снял с этих двух частей копию, а потом — в середине апреля — копию с этой копии направил в ЦК партии. В ЦК РКП(б) от него поступили тексты, датированные уже и 30, и 31 декабря. Можно, конечно, предположить, что эту часть (диктовку 30 декабря) ему передали позднее, но предположение останется необоснованным, так как ни Троцкий, ни секретари Ленина ничего не сообщают об этом.

Дальше — больше. Фотиева в письме Сталину от 16 апреля 1923 г. сообщала, что «статья» (записки) была Лениным *написана* : «Прилагаемая статья Ленина была *написана им* 31/XII — 22 г.» (выделено нами. — В. С.)[992]. А в письме Каменеву, написанному в тот же день, она уверяет, что эта статья была Лениным «*продиктована* »[993]. Как понять забывчивость в отношении времени и способа создания этого текста, который находился у Фотиевой в руках, если на нем трижды помечено: «Записано М.В.»?[994] Неужели Фотиева — секретарь Ленина — забыла, что с 15 декабря Ленин не мог разборчиво писать и стал диктовать ей. Забыла, что с конца декабря у Ленина был паралич правой руки, а левой в это время он с большим трудом мог выводить лишь отдельные буквы. ***Если Фотиева это забыла, то чего стоит вся сообщаемая ею информация?***

Предположения, что дело не в ошибке Фотиевой, а в чем-то другом, находят подкрепление в заявлениях Гляссер и Троцкого, также утверждавших, что Ленин не диктовал, а *писал* эту «статью» (записки). Гляссер 11 января 1924 г. писала Бухарину: «Вл. Ил. свою статью по нацвопросу *написал* (курсив наш. — В.С.) раньше...»**. На этом она не останавливается и идет дальше, заявляя, что письмо Троцкому от 5 марта 1923 г. Ленин *тоже писал* : «Вл. Ил. *написал* ему записку»[995]. Картину общей путаницы дополняет Троцкий, утверждавший: «Я дал ему (Каменеву. — В.С.) прочитать *рукописи Ленина* ». Вот так! *Рукописи* — это о ленинском якобы письме ему от 5 марта и о «статье» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» [996] . Опять — Ленин *писал* ! Мало того, письмо Мдивани и др., датированное 6 марта 1923 г., по утверждению Троцкого, Ленин тоже, оказывается, писал: «Владимир Ильич решил действовать сейчас же и *написал* ... записку Мдивани и Махарадзе с передачей копии ее Каменеву и мне»[997]. Фотиева, таким образом, передает ему не машинописный текст диктовки, а самую якобы рукопись Ленина.

Картину довершают противоречия показаний Володичевой и Фотиевой относительно количества экземпляров, в которых была изготовлена «статья». Володичева говорит, что все тексты изготавливались в пяти экземплярах, а Фотиева 16 апреля 1923 г. в письме в ЦК РКП(б) утверждала, что в архиве Ленина имеется только один экземпляр ее (в письме в ЦК от 18 мая 1924 г. Крупская тоже говорила о том, что единственный экземпляр «записки по национальному вопросу» находится у М.И. Ульяновой)[998].

Странная получается картина: все три «свидетеля» работы Ленина над этими записками запутались в важных вопросах: о времени, способе создания текста, а также о количестве экземпляров этих записок. На этих путанных-перепутанных свидетельствах в историографии возведены грандиозные логические конструкции.

Если сказать, что все эти заявления удивительны, это значит ничего не сказать. Где эти

рукописи? Если они есть, то почему никто, никогда и ничего не сообщал о них? Если Ленин мог писать и 30—31 декабря 1922 г., и 5—6 марта 1923 г., то где рукописи и почему не подписаны имеющиеся тексты «Письма к съезду», писем Сталину, Троцкому, Мдивани и др., остальные тексты «Завещания»? Почему рукопись не была предъявлена в ЦК РКП(б) и в результате ЦК партии вынужден был эту «статью» рассылать членам ЦК в виде копии, снятой не с ленинской рукописи, а с копии, снятой Троцким для себя. Фактически **Секретариат ЦК был вынужден представленный Троцким текст обнародовать как ленинский**. Если есть рукопись, то почему не с нее, а с незаверенной машинописной копии производилась публикация в Полном собрании сочинений Ленина? Если рукопись есть, то почему до сих пор недоступна исследователям?

Могут сказать, что все объясняет Володичева, рассказавшая о том, что она сжигала «черновики копии» диктовок*** по указанию Ленина[999]. Пусть так, но черновики записей диктовок — это не рукописи Ленина. А об их уничтожении она ничего не говорит. Таким образом, вопрос остается без ответа. Либо рукописи Ленина скрывают, следовательно, скрывают истинное состояние Ленина в период между 22 декабря 1922 г. и 5 марта 1923 г., либо секретарям Ленина верить на слово нельзя.

А что документы ленинского секретариата? Они не фиксируют прохождения «статьи» как исходящего документа к Троцкому и как входящего — от него. Конечно, это не аргумент против пересылки ее Троцкому. Но, во всяком случае, делопроизводственные документы ленинского секретариата не подтверждают рассказы ни ленинских секретарей, ни Троцкого. Между тем секретариат работал и экземпляр «статьи» (записки), присланный из ЦК РКП(б), был все-таки зарегистрирован как *копия с копии* «ленинской статьи», которую-де Троцкий снял для себя накануне XII съезда партии, 17 апреля 1923 г., и направил в ЦК РКП(б) для рассылки ее всем членам ЦК. **Получается, что впервые в ленинском архиве эта «ленинская «статья» (записка) появилась как документ, присланный от Троцкого.**

Правда, существует один делопроизводственный документ, в котором история передачи Троцкому ленинской «статьи» фиксируется в режиме реального времени. Так, во всяком случае, может показаться на первый взгляд. Речь идет о «справке», составленной Володичевой и датированной 5 марта: «В ответ на прочитанное т. Троцкому письмо Владимира Ильича о грузинском вопросе т. Троцкий ответил, что он так болен, что не может взять на себя такого обязательства, но так как надеется, что скоро поправится, то просил прислать ему материалы... для ознакомления и, если здоровье ему позволит, он их прочитает... Материалы с письмом Владимира Ильича будут ему сегодня посланы»[1000]. Как видно, вопрос о записках по национальному вопросу в ней обойден молчанием. Речь идет не о предложении Лениным Троцкому записок, а о просьбе Троцкого прислать ему какие-то материалы. Кроме того, документ озаглавлен «Справка». Встает вопрос, для кого она подготовлена? Для Ленина? Вряд ли, так как для этого достаточно устной передачи или тезисного фиксирования разговора. На то, что этот текст готовился не для Ленина, указывает и первая строка этой «Справки»: «В ответ на... письмо Владимира Ильича...» Для сугубо деловой записи, по которой докладывается содержание телефонного разговора, это лишняя фраза, она «не к месту». Она выдает какое-то иное предназначение документа. Если не для Ленина, то для кого, для чего он предназначался? Не для того ли, чтобы задним числом документально подтвердить эти переговоры и факт отправления Троцкому каких-то материалов: были переговоры по письму с просьбой о помощи в борьбе с Сталиным по вопросам национально-государственного строительства, почему бы не быть факту пересылки ему текста статьи с критикой Сталина в этом вопросе?

Поскольку каждый из источников в самом себе содержит противоречия и, кроме того, все они противоречат друг другу, то мы не можем принимать сообщаемую ими информацию на веру. Появятся новые данные — будет основание для новых рассуждений на эту тему. Пока, думается, разумнее будет сказать себе и читателю, что здесь проходит граница знаний, и не переступать ее. Отсюда вывод: в распоряжении историков нет ничего, что убедительно подтверждало бы работу Ленина 30 и 31 декабря над «статьей» «К вопросу о

национальностях...» и, следовательно, факт ленинского авторства ее не только нельзя считать установленным, но этот вопрос требует дополнительного тщательного изучения.

* В «Дневнике» секретарей имеется один документ, косвенно указывающий на дату. Речь идет о вклеенном в «Дневник» листе бумаги с машинописным текстом, озаглавленном «Для памяти» (РГАСПИ. Ф 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 34). Он опубликован в Полном собрании сочинений В.И. Ленина (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592) с незначительными изменениями. Поскольку он имеет большое значение для нашей темы, мы приведем его текст в том виде, как он сохраняется в архиве:

«Для памяти

В письме об увеличении числа членов ЦК пропущено об отношении членов увеличенного ЦК к РКИ.

Намеченные темы.

1. О Центросоюзе и его значении с точки зрения нэпа.
2. О соотношении главпрофобра с общепросветительской работой в народе.
3. О национальном вопросе и интернационализме (в связи с последним конфликтом в грузинской партии).
4. О новой книге [по] статистике народного образования, вышедшей в 1922 г.».

Документ не подписан, не датирован и не имеет никаких помет, что делает невозможным установление какого-либо отношения Ленина к этой записи. Содержание части записки, обозначенной, как «Намеченные темы», не позволяет сказать ничего определенного о ленинском авторстве этого документа. Такая запись могла быть сделана и под диктовку Ленина, и без всякого участия его.

Сам факт появления его в «Дневнике» нуждается в осмыслении. Авторы примечаний к 45-му тому Полного собрания сочинений В.И. Ленина датируют его 27 или 28 декабря 1922 г. Если придерживаться традиционной версии работы Ленина над записками «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» — 30 и 31 декабря 1922 г., — то время возникновения записки «Для памяти» должно быть отнесено к периоду между 26 и 29 декабря. Однако в «Дневнике» она помещена после «дневниковой» записи за 10 февраля 1923 г. Очевидно, это было сделано не случайно, так как позволяло документировать интерес Ленина к вопросам национально-государственного строительства в феврале месяце и подкрепить записи фальсифицированного «Дневника», относящиеся к работе так называемой «ленинской комиссии» над материалами конфликта в КП Грузии. Фальсифицированная часть «Дневника» получает возможным косвенным образом засвидетельствовать ленинское авторство «статьи» по национальному вопросу, а записки, в свою очередь, превращаются в свидетеля подлинности «Дневника».

Если принять версию, что эта записка — план работы Ленина, то резонно предположить, что он должен был бы находиться среди документов делопроизводства, связанных с планированием и организацией работы Ленина, но поскольку данная часть «Дневника» является фабрикатом, то возникают сомнения и в отношении времени создания и действительного предназначения записки «Для памяти».

** Не в том ли смысл письма Гляссер, чтобы подкрепить дату создания письма и разорвать очевидную связь между ее содержанием и наработками так называемой «ленинской комиссии», начавшей работать в конце января?

*** По смыслу можно понять, что речь идет о ее рукописях и (или) машинописных текстах, подвергшихся правке.

«ПИСЬМО К СЪЕЗДУ»

Тексты диктовок 24—25 декабря («характеристики») и 4 января («добавление» к «характеристикам»)* машинописные, без каких-либо следов редактирования их, Лениным не подписаны. Делопроизводственные пометы («Записано В.М.», «Записано Л.Ф.») исполнены на пишущей машинке. Регистрация в текущем делопроизводстве ленинского секретариата и в архиве В.И. Ленина отсутствует. Абсолютно ничто не указывает на то, что автором этих

текстов был Ленин. Имеющиеся тексты являются составной частью «блока текстов», который, как показано выше, был создан значительно позднее декабря 1922 г.

В историографии ленинское авторство «Письма к съезду» принимается на веру, как аксиома. Однако ясности в истории создания эти текстов гораздо меньше, чем принято считать. И Володичева, и Фотиева, понимая, что их информация о работе Ленина над «характеристиками» является политически очень важной, не сообщают никаких подробностей о ней. Но и в том малом, что они рассказывают, они противоречат друг другу, а также другим документам и даже самим текстам диктовок. Крупская, имевшая возможность свободно говорить об этой диктовке в период острой политической борьбы троцкистов и зиновьевцев против ЦК и Сталина, упорно молчала о работе Ленина над «характеристиками», ограничившись противоречивыми и меняющимися со временем сообщениями о «воле» В.И. Ленина относительно характера и предназначения этих текстов**. М.И. Ульянова, бывшая рядом с братом, и, в отличие от секретарш и Крупской, оставившая в своих воспоминаниях систематическое изложение истории работы Ленина в период болезни, тоже ничего не говорит о его работе над «Письмом к съезду». Врачи также ничего не сообщают о содержании и характере диктовки в эти дни.

Единственное документальное свидетельство принадлежности «характеристик» Ленину — запись в сфабрикованной части «Дневника дежурных секретарей». О работе Ленина 24 декабря Володичева сообщает, что между 6 и 8 часами он ей диктовал текст секретного характера. Следовательно, она говорит о длительной диктовке. А врачи говорят только о 10-минутной диктовке вечером[1001]. За 25 декабря «Дневник» секретарей записи не имеет, врачи же фиксируют 10-минутную диктовку, ничего не говоря о содержании продиктованного текста[1002]. Это неудивительно. Интереснее то, что в записи секретарей тоже нет ничего, что позволило бы ее связать с «характеристиками». Еще хуже обстоит дело с установлением факта диктовки Ленина «добавления» 4 января 1923 г. Секретари не оставили никаких свидетельств о работе над ним ни в «Дневнике», ни в воспоминаниях***. А врачи сообщают только, что 4 января после бессонной ночи, при «скверном» настроении и вялом состоянии Ленин «два раза диктовал и читал»[1003]. О содержании и продолжительности диктовки от них ничего неизвестно. Итак, работу Ленина в эти дни именно над «Письмом к съезду» никто подтвердить не может.

Тексты «характеристик», хранящиеся в архиве, содержат пометы, которые также заставляют сомневаться в датировке, имеющейся в машинописных экземплярах. Тексту «характеристик» предшествует дата, фиксирующая начало работы над ними — 24 декабря, а в конце его стоит дата окончания работы — 25 декабря. Текст сплошной, не разделенный внутри датами. Сам по себе этот факт двойной датировки одного текста может быть легко объяснен. Мало ли документов начиналось производством в один день, а заканчивалось в другой. Но этот факт почему-то встревожил тех, кто работал над текстом много позднее — уже после того, как он был отпечатан в составе «блока текстов» и предстал как органическая часть «Письма к съезду». Неизвестный редактор (или редакторы) текста напротив одного из абзацев на полях машинописного текста рукой проставил дату — «25/XII» (на другом экземпляре — «25.XII.—22»)[1004].

Первые публикации текста «характеристик» (в «бюллетене № 30» XV съезда и в стенограмме съезда)[1005] не знают ни деления текста на два фрагмента, ни противоречия в датировке: текст датируется 25 декабря. Эта дата стоит в конце текста. Так же выглядит и текст диктовки, хранившийся у Троцкого и опубликованный в «Архиве Троцкого»[1006]. Это значит, что 24 декабря Ленин не диктовал «характеристик». Следовательно, запись «Дневника дежурных секретарей» за 24 декабря 1922 г. не может быть принята в качестве свидетельства начала работы Ленина над «Письмом к съезду». Датировка текста 24 декабря и деление текста впервые появляется в публикации журнала «Коммунист» (1956 г., № 9), затем в таком же виде текст «характеристик» был опубликован в 4-м издании собрания сочинений В.И. Ленина (т. 36), в стенограмме XIII съезда РКП(б) и, наконец, в Полном собрании сочинений[1007]. Если в это время было произведено разделение единого текста на

две части, то, конечно же, его делили «наобум». Зачем потребовалось такое «уточнение»? Сейчас можно высказать лишь предположение. Причиной могло послужить то обстоятельство, что в это время готовился к публикации «Дневник дежурных секретарей», содержащий маловразумительную запись за 24 декабря и не имевший записи за 25 декабря. Изменение датировки письма с 25 декабря на 24—25 декабря позволяло создать впечатление документального свидетельства работы Ленина над «Письмом к съезду».

Если так, то перед нами еще один пласт фальсификации ленинского наследия при Хрущеве. В этом случае становится понятней смысл публикации этого «Дневника» в 45-м томе Полного собрания сочинений вместе с последними письмами и статьями Ленина: тексты ленинского «Завещания» освящали своим авторитетом фабрикат под делопроизводственный документ, а последний создавал иллюзию того, что история работы Ленина над «Завещанием» имеет надежную источниковую базу. Мы, конечно, не можем утверждать, что все было задумано именно таким образом, но результат оказался таким.

Это не единственная загадка текста «характеристик». Любопытна фраза, с которой он начинается: «Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше...» Слово «выше» в контексте «Письма к съезду» может означать *только* отсылку к диктовке от 23 декабря****. Но в ней нет ни слова об устойчивости ЦК, там речь идет об устойчивости партии, а в отношении ЦК говорится в общем плане — о «больших опасностях», которые могут в будущем грозить ЦК, и о недопущении того, чтобы «судьи» партии использовали конфликты, имевшиеся в его работе. Следовательно, эта фраза бессмысленна — если бы ее диктовал Ленин 24 декабря. Если же «характеристики» принадлежали не Ленину и были созданы не 24—25 декабря, а в другое время, то можно допустить, что прежде она была вписана в иной контекст, в котором имела свой смысл, но потом при переработке первоначального текста утратила его.

В тексте ленинских «характеристик» имеется еще ряд «шероховатостей», которые невозможно увидеть в публикации в Полном собрании сочинений, поскольку они были исправлены там без оговорок в примечаниях. Сами по себе они незначительны, но, возможно, тоже указывают на то, что этот текст был составлен из каких-то других источников, а также на их редактирование в процессе этой работы.

Например, о Каменеве и Зиновьеве сказано, что «октябрьский эпизод» «мало может быть поставлен *ему* (выделено нами. — В.С.) в вину лично, как не большевизм Троцкому»[1008]. До публикации этого документа в Полном собрании сочинений данное место сопровождалось примечанием: «По-видимому, описка: вместо "ему" по смыслу следует "им"»[1009]. В Полном собрании сочинений Ленина слово «ему» было заменено на «им» без каких-либо оговорок[1010]. Объяснение «опиской» на первый взгляд выглядит вполне естественным, однако с ним трудно согласиться. Дело в том, что эта явная, бросающаяся в глаза опечатка повторена в трех разных экземплярах «характеристик», напечатанных не под копирку, значит, в разное время[1011]. Три раза повторенная опечатка, которую трудно не заметить? Это уже надо объяснять! Не отвергая полностью вариант с «ошибкой», отметим, что с не меньшим, а, пожалуй, с большим основанием можно допустить, что слово «ему» — след иной ошибки, допущенной неизвестным нам составителем или редактором текста. Можно предположить, что первоначально речь шла не о Зиновьеве и Каменеве, а о ком-то одном из них.

То же можно сказать и о замене в характеристике Бухарина и Пятакова слов «пополнить своих знаний» на слова «пополнить свои знания»[1012]****. Не исключая возможность ошибки стенографистки или машинистки, можно предположить, что перед нами следы наспех проведенной работы по созданию текста «характеристик» из разных фрагментов и небрежности его редактирования.

Подобные проблемы возникают и в отношении датировки «добавления» к «характеристикам», традиционно относимого к 4 января 1923 г. Его текст предваряется следующей записью: «добавления к письму от 24 декабря 1922 г.». Здесь «характеристики» («письмо») датированы 24 декабря, хотя дата под текстом иная — 25 декабря. Почему такое

разночтение? Ведь подлинник текста «характеристик», завершающийся датой 25 декабря, был в руках секретарей. Если не прибегать к варианту «описки», то получается «добавление» к письму, которого не было!

Могут сказать: все это мелочи, которые легко объяснить небрежностью, забывчивостью и т.д. Это так, но проблема этим не исчерпывается, так как текст «добавления» ставит еще один вопрос. В диктовке, записанной Фотиевой 4 января 1923 г., читаем: «...с точки зрения написанного мною выше...»[1013]. СТОП! Такое выражение более чем странно для парализованного человека, едва умеющего левой рукой выводить отдельные буквы или что-то отдаленно напоминающее их. Или теперь уже сам Ленин вдруг забыл о своем состоянии? Забыл, что уже три недели не может писать и вынужден диктовать? Или он мог писать и писал? Но тогда где рукописи текстов, датированных 24—25 декабря? И почему он не подписывал машинописные копии их (по утверждению Володичевой, 5 экземпляров), оставляемые на секретное хранение? Одна эта фраза в «добавлении» к «характеристикам» ставит в трудное положение всю традиционную концепцию «Завещания». Может быть, Ленин оговорился или Фотиева ошиблась и перед нами просто опечатка? Не исключено. Но можно ли в таком случае быть уверенным в том, что в этом документе записано точно то, что говорил Ленин? Как было показано выше, противоречие по вопросу писал/диктовал уже имело место в связи со «статьей» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также писем Ленина от 5 и 6 марта 1923 г. Троцкому, Мдивани и др. И снова эта путаница связана с именем Фотиевой — старшей из секретарей Ленина, человеком, которая не могла не знать, что Ленин писать не может. Интересная получается «перекличка» «Письма к съезду», принадлежность которого Ленину все более и более подвергается сомнению, с другими текстами, ленинское авторство которых, как выясняется, также далеко не очевидно.

Могут сказать, что Ленин имел что-то написанное им до второго инсульта. Придется отклонить такое предположение. Никто не указал на такой документ, в котором бы Ленин давал характеристики Сталина и Троцкого, Зиновьева и Каменева, Бухарина и Пятакова в связи с исходящей от них опасностью для единства партии. В этом отношении «характеристики» уникальны. Этот логический сбой выдает след фальсификации. Правда — проста, ложь — трудное дело. То тут, то там «торчат» неувязанные «концы»... Сразу, при создании фабrikата все их не заметишь, не «уберешь», а потом уже не спрячешь. Документ начинает жить собственной жизнью и выдавать тайну своего создания.

Поскольку в силу указанных выше обстоятельств возникает необходимость доказывать ленинское авторство «Письма к съезду», то актуальным становится вопрос об исходных текстах. Володичева в 1929 г. вспоминала, что она, во-первых, *записывала* текст диктовок Ленина, во-вторых, *«переписывала»* в пяти экземплярах, в-третьих, экземпляр, направляемый в «Правду», *перепечатывался* «начисто». Рукописных экземпляров было три, в каждый из них вносились изменения, а сами они хранились у Крупской[1014]. Однако среди ленинских документов нет ни первоначальной рукописной записи, ни стенографической записи или ее расшифровки. Может быть, они недоступны? Может быть. Но почему публикация производилась не с них, а с машинописных экземпляров, на что указывают соответствующие пометы в архивных делах?

У проблемы исходных текстов есть и другой аспект. Характеристики — сложный по содержанию документ. Тем более трудно работать над ним человеку, диктующему стенографу, если у него нет навыка надиктовки текстов. А у Ленина, как известно, такого опыта не было, секретари отмечали, что он испытывал значительные затруднения в процессе диктовки[1015]. Первоначальные варианты характеристик отсутствуют. Значит ли, что в этом случае у Ленина вдруг все сразу получилось «набело», «взвешено», отточено настолько, что удовлетворило его полностью, так что позднее он к ним больше не возвращался? Если учесть, что работа над другими текстами шла непросто, сопровождалась не только серьезным редактированием, но и основательной переработкой текстов, то такая легкость в работе над «характеристиками» достойна удивления. Удивления, которое вызывает

настороженность. Поэтому трудно допустить, что известный текст «Письма к съезду», с которого производилась публикация, не имел текста-предшественника. Но он неизвестен. Его нет или он по какой-то причине недоступен. Если верно первое, то, значит, Володичева лжесвидетельствует. В пользу этого предположения может говорить то, что Д.А. Волкогонов, имевший гораздо больший доступ к материалам, чем другие исследователи, ничего не сообщает о них. Если верно второе, значит, они в себе несут такую тайну, раскрывать которую было политически нежелательно. Например, такую информацию, которая подрывала нужную версию ленинского «Завещания».

На существование текстов-предшественников указывают отмеченные выше мелкие «дефекты» текста, выдающие места «сшивки» текста из разных блоков, оставшихся после наспех проведенной редакционной правки. Но они говорят, что эти тексты-предшественники не могли принадлежать Ленину.

Все сказанное о текстах-предшественниках «Письма к съезду» относится и к «статье» «К вопросу о национальностях...», а также и к письмам Ленина от 5 и 6 марта 1923 г., которые, оказывается, Ленин собственноручно писал.

Можно сказать, что ключ к тайнам авторства этих частей ленинского «Завещания» — в текстах-предшественниках. Если Ленин сам писал, то есть надежда, что его рукописи сохраняются, в этом случае вопрос о ленинском авторстве этих частей «Завещания» решается автоматически. Если рукописных текстов в архивах нет, то, значит, их никогда не было, поскольку они изначально находились в руках тех политических сил, которые были заинтересованы не только в их сохранении, но и в широком использовании. Тем не менее никто никогда не говорил о существовании их.

Поскольку доказать ленинское авторство «Письма к съезду» на основе делопроизводственной документации невозможно, то ответ на вопрос об авторстве этого документа приходится искать в самих текстах. Такую попытку мы предпримем в следующих главах.

* В дальнейшем для удобства изложения мы будем называть записи диктовок 24—25 декабря «характеристиками», запись 4 января — «добавлениями» к «характеристикам», а блок этих записей — «Письмом к съезду».

** Подробнее об этом речь пойдет ниже.

*** Пятьдесят лет спустя Фотиева в письме в ИМЛ при ЦК КПСС от 15 мая 1971 г. попыталась восполнить этот пробел и предложила включить в текст «Дневника» недостающую информацию: «4/1. Добавление к "Письму к съезду"» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 1). Вот и все.

**** После дискуссии о профсоюзах (декабрь 1920 — март 1921 г.) Ленину не приходилось говорить об угрозе раскола партии или ЦК как об актуальной политической проблеме.

***** В публикациях, предшествовавших публикации в ПСС (см.: Бюллетень № 30 XV съезда ВКП(б); РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24048 Л. 2, 5, 8; Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1962. Т. II. С. 1478), а также в «Архиве Троцкого» (М., 1990. Т. 1. С. 74) текст воспроизводился правильно, в Полном собрании сочинений Ленина и публикациях, сделанных на его основе, — в измененном без оговорок виде.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛЕНИНСКОГО АВТОРСТВА ЗАПИСОК «К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ ИЛИ ОБ "АВТОНОМИЗАЦИИ"»

§ 1. ТЕКСТ ЗАПИСОК ПРОТИВ ЛЕНИНСКОГО АВТОРСТВА

ПРИЧИНА СОЗДАНИЯ ЗАПИСОК

Поскольку надежных свидетельств о работе Ленина над записками «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» нет, то возникает необходимость поиска доказательств ленинского авторства в самом тексте их. Его изучение приводит нас к следующим выводам. Во-первых, в записках есть ряд общих положений, которые могли принадлежать как Ленину, так и многим другим, поскольку в них отразились общепринятые в то время взгляды. Последнее относится либо к отдельным общим или относительно мелким вопросам, не несущим большой политической нагрузки, либо к тем, которые без труда могли быть заимствованы из опубликованных ленинских работ. Так, например, высокая оценка НКВД практически повторяет то, что содержалось в опубликованной статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»[1016]. Во-вторых, ряд содержащихся в записках положений, соответствующих взглядам Ленина, соседствует с положениями, явно противостоящими этим ленинским взглядам. В-третьих, большинство сформулированных здесь важных теоретических и политических положений разительно расходятся с теми, что Ленин отстаивал всегда, в том числе и в последних своих статьях. Пока ленинское авторство статьи считалось аксиомой, эти положения расценивались как развитие ленинской мысли, чем снимались очевидные противоречия между ними и остальной частью ленинского наследия. Положение меняется, как только возникает необходимость доказывать ленинское авторство этой статьи. В этом случае каждый факт разночтения между позициями Ленина и Автора записок* должен быть объяснен, а факт развития ленинской мысли именно в этом направлении должен быть доказан.

* Пока ленинское авторство не установлено, мы так будем называть автора этого текста, не отождествляя его с Лениным.

УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Автор признается, что он «не вмешался достаточно энергично и достаточно резко» в этот вопрос из-за болезни, в результате «вопрос миновал меня почти совершенно», что в ходе подготовки образования СССР ему удалось *«только»* «побеседовать» с Дзержинским, а также «обменяться парой слов» с Зиновьевым[1017]. И все! Возможно, что Автор записок действительно имел только такое, более чем скромное, касательство к этой проблеме. Если это так, то придется признать, что Ленин и Автор записок — разные люди, так как Ленин не только был в курсе всех важных вопросов, но и имел возможность *решающим* образом воздействовать на ход их обсуждения и на принимаемые решения. Не подтверждается и указание Автора записок на факт краткого обмена мнениями с Зиновьевым: «Дневник дежурных секретарей» за период с 21 ноября по 18 февраля 1922 г. не фиксирует ни личных контактов с Зиновьевым, ни телефонных разговоров с ним. Имели место только письменные контакты по другим вопросам[1018]. Странно и то, что не названы другие люди, информировавшие Ленина о конфликте в КП Грузии, — Сталин, Рыков, Каменев, Орджоникидзе, Енукидзе, члены старого состава ЦК КП Грузии.

Первая запись, датированная 31 декабря, начинается любопытной фразой: «Я уже писал в *своих произведениях* по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса *о национализме вообще*» (курсив наш. — В.С.)[1019]. Прежде всего, о «своих произведениях». Для В.И. Ленина такая публичная оценка своих работ совершенно не характерна, он их скромно именовал «брошюрами», «брошюрками». Но, самое главное, нам неизвестны ленинские работы, в которых бы рассматривалась проблема национализма и интернационализма в духе новаций записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», удививших делегатов XII съезда РКП (б), знакомых с этой частью творческого наследия Ленина. Не помогают в этих поисках ни публикаторы Полного собрания сочинений Ленина, которые в подобных ситуациях обычно указывают тома и страницы, где расположен упомянутый текст*, ни «Справочный том» к Полному собранию сочинений В.И. Ленина.

В центре внимания Автора оказывается вопрос об «автономизации». Именно обеспокоенностью этим вопросом он объясняет свое намерение с помощью этих записок

обратиться к рабочим России. Автономизацию он характеризует уничижительно — «пресловутый вопрос об автономизации». Если эта оценка дана Лениным, то ее надо объяснить. Ведь именно на этом вдруг оказавшемся «пресловутом» принципе была построена РСФСР, которая X съездом РКП(б) была признана образцом для дальнейшего национально-государственного строительства советских республик.

Основная мысль, от которой отталкивается Автор в своих построениях, сформулирована им так: «Затея автономизации в корне была не верна и несвоевременна», а поэтому с ее реализацией «следовало бы подождать». Трудно понять Автора, ведь «в корне не верна» — одно, а «несвоевременна» — нечто совершенно иное. Здесь надо выбирать. Признание ее несвоевременной означает, что она не может быть объявлена неверной «в корне». А признание «затеи» принципиально неверной делает бессмысленным вопрос о ее своевременности или несвоевременности. Политическая ценность такой оценки как минимум сомнительна. Однако смысл в ней есть. Правда, он не связан с решением проблемы объединения республик. Он выявляется из дальнейшего содержания записок и состоит в намерении нанести политический удар по Сталину.

Конечно, самый факт этой путаницы не может служить доказательством против ленинского авторства записок. Этот логический сбой можно объяснить влиянием болезни, отсутствием у Ленина опыта в диктовке, незавершенностью работы над текстом. Однако это допущение, серьезно понижая политическое значение документа, не снимает необходимости доказательства его принадлежности Ленину. Но это «присказка». Главная, даже чрезвычайная ценность этого признания Автора записок состоит в том, что оно позволяет с уверенностью утверждать: Ленин, не покривив душой и не отступив от правды, не мог сказать, что эта «затея» в корне неверна и не мог поставить ее в упрек Сталину. Выше было показано, что в январе 1922 г., когда Сталин впервые предложил использовать «автономизацию» как базу объединения советских республик, Ленин не выступал против нее, наоборот, согласился с этим предложением. Следовательно, 11 месяцев назад она была «в корне» верной? Что изменилось? Что заставило Ленина совершить теоретический и политический повороты на 180 градусов? Где проработка и обоснование этого поворота? В ленинском наследии мы не находим ничего, что указывало бы на принципиальное изменение отношения Ленина к принципу «автономизации» как способу объединения советских республик. Выше было также показано, что, критикуя в сентябре 1922 г. сталинский проект «автономизации», Ленин исходил из соображений политической целесообразности, а не принципиальной неверности самой идеи «автономизации», не требовал ликвидации РСФСР, не предлагал ликвидировать автономные образования Грузии и Азербайджана.

Автор записок на проблему объединения Советских республик смотрит как бы из сентября 1922 г., хотя и датирует текст последними днями декабря 1922 г. Говорить так об «автономизации» 30—31 декабря 1922 г. все равно, что 25—26 октября 1917 г. утверждать, что нет более актуальной задачи, чем бороться за большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов. Для него будто бы не существует решений октябрьского и декабрьского (1922) Пленумов ЦК РКП (б), ни решений съездов Советов советских республик, ни решений I съезда Советов СССР от 30 декабря 1922 г., сохранявших автономные республики в составе РСФСР, Грузии и Азербайджана. Такая потеря чувства времени для Ленина настолько нехарактерна, необычна, что возникает необходимость в доказательстве того, что Ленин мог так все забыть и перепутать. Конечно, это можно списать на болезненное состояние его, но это сразу же перечеркивает политическую значимость этого текста. Остается еще один вариант объяснения — Ленин был недоволен этими решениями. Но этого нельзя сказать в отношении октябрьского Пленума, решения которого стали базой всех последующих решений об образовании СССР.

Выше было показано, что к концу 1922 г. работа по созданию СССР уже далеко ушла от сентябрьской постановки вопроса об объединении республик и поставила в центр дискуссии иные проблемы. Было решено Союз ССР создавать на базе ленинской схемы «Союза равных», но строить его как *одно* союзное государство. С какой стати Ленину

воскрешать в конце 1922 г. проблематику «автономизации» республик? Критика этого принципа объединения в связи со Сталиным и решениями I съезда Советов СССР — даже не выстрел мимо цели. Это стрельба в другую сторону. Правда, сама проблема не потеряла политической актуальности. Критику принципа «автономизации» в это время вели представители автономных республик РСФСР, которые в конце 1922 г. начали требовать ликвидации РСФСР и превращения автономных республик в союзные. Но ее нельзя считать направленной против Сталина. В такой же мере она была направлена и против Ленина, и против всего руководства партии. Это обстоятельство говорит против ленинского авторства этих записок. Против ленинского авторства говорит также ряд принципиальных положений, сформулированных в статье.

* Например, в этой же статье на предшествующей странице (с. 357) дается подобная отсылка на с. 349—353 этого же тома (правда, отсылка неверная, так как на этих страницах нет соответствующих оценок. Следовало бы указать на с. 347 (страницы указываются по: 45-му тому Полного собрания сочинений В.И. Ленина).

РУСОФОБСКИЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» АВТОРА ЗАПИСОК

Главным теоретическим и политическим положением записок является утверждение, что «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой "великой" нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»[1020]. Если речь идет о том, что более сильный партнер должен помогать слабому, то это бесспорная истина, на которую не только никто не покушался, но которая все больше и больше находила отражение в текущей политике. Но не на этом делает упор Автор заметок. Он говорит о межнациональных отношениях — о том, как должна угнетающая *нация* относиться к *нации* угнетенной.

Автор заметок явно недолгоблудит большие нации. Недаром постановку вопроса о разных видах национализма он свел к обоснованию необходимости «покаяния» «большой» нации перед «маленькими». Он требует различать национализмы наций маленьких и больших, угнетающих и угнетенных. В общей постановке вопроса это требование не имеет большого смысла, так как оно азбучно для марксистов. Неясно, кого он мог заподозрить в неведении этого требования или в невыполнении его. Если имели место разногласия, то в этом случае требовалось не напоминание азбучных истин под видом разъяснения сокровенного смысла интернационализма, а аргументация своей точки зрения. В заметках ее нет. Термины «большая» и «угнетающая» нация у Автора выступают как синонимы. «Мировая практика», оказывается, показывает, что «национализм большой нации» «по отношению ко второму национализму» (т.е. национализму маленьких наций) виноват во множестве насилий и оскорблений. Как видно, к постановке этого вопроса он подходит без учета конкретно-исторических условий. Получается, что читателям предлагается та же самая абстрактная постановка вопроса о национализме вообще, которая только что подверглась справедливой критике и которая без серьезных оговорок и множества исключений не может быть соотнесена с реальностью (достаточно указать на то, что небольшая группа империалистических стран эксплуатировала огромное большинство стран и населения мира). Такое понимание проблемы, которое демонстрирует Автор записок, для Ленина не было характерно. Он придерживался диаметрально противоположных взглядов. В статье «Лучше меньше, да лучше» он посчитал необходимым сказать об этом: «Весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств»[1021]. Что же получается? Ленин буквально оспаривает Автора записок в одном из центральных пунктов ее! Нет, не мог Ленин быть автором статьи «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

У автора записок получается примитивнейшая картина, которой Ленин никогда прежде

не рисовал: в Российской империи угнетателями всех народов являются русские. Автор обвиняет в этом грехе всю нацию. Всю, до последнего крестьянина и пролетария включительно! Причем оказывается, что они угнетают всех нерусских. Это не марксистская постановка вопроса. О том, насколько осторожно и дифференцированно, с учетом социального аспекта Ленин подходил к проблеме нации, говорит уже тот факт, что именно он сформулировал положение о существовании в каждой буржуазной нации двух наций, а в каждой национальной культуре — двух культур, господствующей буржуазной и пролетарской, находящейся в зачаточном состоянии. Да и чем проявлялся национальный гнет со стороны, например, рязанского крестьянина или ивановского ткача по отношению к татарским, украинским или грузинским крестьянам и рабочим? Автором записок игнорируется и тот факт, что в национальных окраинах в качестве угнетателей выступали капиталисты разных национальностей. И как быть с русскими рабочими на нефтяных промыслах, фабриках, заводах, хозяевами которых был, например, армянин, азербайджанец, еврей и пр. и пр.? Что здесь от классового подхода к национальному вопросу, который всегда демонстрировал Ленин? Нет никаких оснований приписывать Ленину подобные обобщения или говорить о подобной эволюции его взглядов.

Нельзя считать, что проблема больших и малых народов, угнетенных и угнетающих наций возникла или была осознана только в конце 1922 г. Все это было понятно и в 1917 г., и раньше. Однако Ленин никогда не призывал идти по пути установления формального неравенства наций или замены одного фактического неравенства другим. Наоборот, равенство наций, и формальное, и фактическое, — один из основных лозунгов большевиков, под которыми они шли на взятие власти. X съезд РКП (б) провозгласил актуальной задачей в области национальной политики переход от формального к фактическому равенству. Требование пойти на установление фактического неравенства наций идет вразрез с теми взглядами, которые Ленин развивал прежде. И как этот призыв увязать с требованием Ленина создать СССР как «Союз равных»? С его критикой плана автономизации как раз за нарушение формального равенства? Позиция Автора заметок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» в этом вопросе противостоит той позиции, которую Ленин защищал в сентябре 1922 г., а не вырастает из нее, как считается в традиционной историографии.

По мнению Автора заметок, интернационализм угнетающей («великой») нации состоит «в соблюдении формального равенства наций», а также «в неравенстве», компенсирующем весь нанесенный и наносимый ущерб другой нации. По смыслу фразы только в этом и должен состоять интернационализм великой нации! Что здесь от марксизма, от хорошо известной ленинской позиции? Ничего. Акцентирование вины одной нации перед другой — верный признак национализма. Оно не только не способствует формированию интернационализма, но и препятствует этому, так как внедряет одному *народу* сознание вины перед другим, а этому последнему — сознание вины какого-то *народа перед* ним. В любом случае подход, который пропагандирует Автор заметок, затрудняет осмысление и решение национального вопроса с классовых позиций.

Таким образом, попытка Автора заметок обозначить социальный срез национального вопроса и его трактовка интернационализма показывает серьезную разницу во взглядах его и Ленина. Автор заметок пишет: надо учитывать «обязательную разницу в отношении пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (большой)»[1022]. Конечно, учитывать надо все, что может иметь значение для принятия правильного решения. Но Автор заметок фактически требует, чтобы учет этого различия был положен в основу принятия решения относительно создания Союза ССР. Марксизм, несмотря на неизбежную разницу национальных отрядов пролетариата, акцентирует внимание на том, что их объединяет в классовой борьбе и социалистической революции, а не на том, что их разъединяет. Учет этого единства, а не различий лежит в основе марксистской политики. Отсюда лозунг — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Национализм акцентирует различия, несмотря на единство социальной природы пролетариата. Именно эта позиция

просматривается у Автора заметок очень четко. Он говорит об «обязательной разнице», забыв сказать о ее относительном характере и о подчиненном значении национального вопроса интересам победы социалистической революции. Такая постановка вопроса не имеет опоры в ленинских работах, поэтому нет оснований данные заметки и данное проявление национализма, замаскированного под интернационализм, приписывать Ленину.

Тезиса об «обратном» неравенстве мы у Ленина также нигде не встречаем. Никто не смог указать на его присутствие в ленинских работах. Напротив, многих удивляло его появление в тексте, автором которого считался Ленин. Об этом на XII съезде РКП(б) говорили Сталин и Микоян, заявивший: «На съезде создалась странная теория, по которой коммунисты великороссы имеют право и должны бороться со своими националистами, а националы не должны и не имеют права бить свой национализм. С такими теориями нам нужно покончить»[1023].

Но и это еще не все. Предложения Автора заметок идут вразрез с ленинской постановкой вопроса о союзе пролетариата и крестьянства в условиях НЭПа. Признав ленинское авторство, надо признать, что Ленин забыл, что в бывшей Российской империи нерусские народы были в абсолютном большинстве своем крестьянами. Ленинское понимание НЭПа пронизано желанием идти навстречу крестьянству, чтобы вовлечь его в процесс социалистического строительства. Крестьянин в известном смысле стал центральной фигурой в политике. А Автор заметок игнорирует их интерес, т.е. интерес абсолютного большинства народов. Не верите? Вчитайтесь — он требует: «всегда учитывать обязательную разницу в отношении *пролетария* (курсив наш. — В.С.) *нации угнетенной* (или малой) к нации угнетающей (или большой)». Возможно, здесь какой-то логический срыв, но по общему смыслу этой фразы ясно, что Автор не настаивает на необходимости учитывать «разницу в отношении» крестьян угнетенной (малой) нации к «нации угнетающей» (большой). Следовательно, он не настаивает на том, чтобы учитывалось мнение на сей счет большинства населения страны — всего крестьянства!

Дальше в том же духе. Автор заметок ставит риторический вопрос: «Что важно для пролетария?» И отвечает: «Важно и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев». Автор заметок говорит, что надо учитывать «национальные моменты» только в отношении «пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (или большой)», а говоря об инородцах, ставит на одну доску и национальный пролетариат, и национальное крестьянство, и национальную буржуазию, т.е. «топит» пролетариат в социально разнородной национальной массе. И опять такое заявление ставит вопрос: неужели Ленин забыл то, чему сам учил: в каждой буржуазной нации следует различать господствующие классы и «трудящуюся и эксплуатируемую массу» и соответственно две культуры — господствующую буржуазную и «элементы демократической и социалистической культуры»[1024]. Неужели он забыл и то, что «пролетарская классовая борьба» в социалистической революции ведется против части «инородцев» — национальной буржуазии? Нет оснований думать так.

Наконец, сама постановка вопроса о национализме у Автора записок предельно упрощенная, не диалектичная. Получается, что национализм той или иной нации есть нечто монолитное. Будто он может быть либо агрессивным (неоправданным), либо оборонительным (оправданным), будто он не может меняться при изменении обстоятельств, или одна и та же страна (или народ) не могут демонстрировать и оборонительный и наступательный (агрессивный) национализм. В то время подобная проблема остро стояла в отношении ряда советских республик. Например, в Грузии, где был, с одной стороны, «оборонительный» антирусский национализм, а с другой — «агрессивный», направленный против «оборонительного» национализма народов Абхазии и Южной Осетии, требовавших независимости от Грузии. Автор записок демонстрирует определенную избирательность в деле распознавания национализма и одновременно выборочную «слепоту».

Своеобразный «интернационализм» Автора записок «К вопросу о национальностях...» проявляется также в предлагаемых им мерах против распространения русского языка. Эта

мера рассматривается им как способ воспрепятствовать усилению влияния русской культуры и остановить процесс ассимиляции. Ленин, как известно, считал ассимиляцию исторически закономерным и прогрессивным процессом. Хотя он всегда боролся с попытками насаждения чужого языка под видом государственного, но никогда не выступал за проведение мер, направленных против распространения какого-либо языка среди представителей других наций ненасильственным методом. В это время русский язык насильственным образом не навязывался другим народам.

Но Автора заметок беспокоит не только *проникновение* русского языка, его беспокоит самый факт *употребления* его в национальных республиках, поэтому он требует: «Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка... в республиках». Он предлагает «проверять эти правила особенно тщательно», ибо опасается, что «под предлогом единства» «будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства», для борьбы с которыми «необходима особая изобретательность», «особая искренность тех, которые за такую борьбу возьмутся». Чтобы эта борьба была успешной, надо, чтобы «детальный кодекс» составляли «только националы, живущие в данной республике»[1025]. Следовательно, Автор записок предлагал отстранить от этой работы не только русских и людей других национальностей, но и представителей своего народа, проживающих, например, в Москве и работающих в центральных органах партии, в общесоюзных учреждениях, в том числе в ЦК РКП (б). Фактически он предлагает начать проведение на государственном уровне антирусской кампании в национальных республиках. Где же здесь интернационализм? Это — воинствующий национализм, помноженный на какое-то злобное местничество, старающееся свить кокон изоляционизма. И это считают ленинской позицией? Без самых прямых и неотразимых аргументов принять это утверждение нельзя. А таких доказательств, разумеется, нет.

Так Автор записок учит интернационализму. Неудивительно, что его так называемый «интернационализм» на проверку оказывается воинствующим национализмом обиженного представителя «маленькой» нации. У националиста «интернационализм» не может быть другим. Но при чем здесь Ленин? Он придерживался совершенно иного мнения по поводу взаимодействия культур и использования языков.

Кроме всего прочего, Автор запутался в аргументации *за* и *против* образования СССР как федеративного государства с сильным центром. С одной стороны, он утверждает, что не может быть сомнений в необходимости «оставить и укрепить союз социалистических республик» как меру борьбы «с всемирной буржуазией», следовательно, прежде всего, с империалистической буржуазией Запада. Но, с другой стороны, в последнем абзаце статьи, подводя итог сказанному, он утверждает, что «одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада, защищающих капиталистический мир. Тут... я безусловно одобряю эти меры. Другое дело, когда мы сами попадаем в империалистические отношения к угнетенным народностям»[1026]. Что же получается, первая задача в этом случае снимается? Сплочение уже не нужно?

Вызывает удивление и такая странная связь: государственное объединение социалистических республик есть проявление империалистических отношений. Если так, то понятно, почему оно вредно в отношении стран Востока, но совершенно непонятно, почему оно допустимо в отношении стран Запада. Ответ вроде банального «Восток — дело тонкое» в данном случае ничего не разъясняет. Ясно, что противопоставляя Запад и Восток таким образом, Автор запутался. Или умышленно пугает и путает читателя, маскируя свои подлинные мысли и намерения. Получается, что для развития мировой пролетарской революции (от решения этой задачи никто не отказывался) необходимо крепить союз советских республик, который тут же объявляется вредным для ее развития. Ясно, что Автор не видит возможность проводить такую политику в области национально-государственного строительства, которая могла бы обеспечивать развитие и российской социалистической революции, и мирового революционного процесса. Он оказывается в ситуации выбора и делает его: отказывается от образования федеративного государства с сильным центром, т.е.

решает его с позиций соблюдения интересов национально-освободительного движения народов Востока. Правда, за скобками его рассуждений оказывается уже существующее федеративное государство с сильным центром, построенное на принципах автономизации, — РСФСР. Что же, и существование РСФСР вредно? Об этом он ничего не говорит. Автор записок запутался.

А что Ленин? Он демонстрировал совершенно иной подход. Он не противопоставлял Запад Востоку в качестве политических факторов, которые большевики должны учитывать, определяя курс своей внутренней политики. В программном докладе на II съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Ленин говорил: «Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма», а для этого необходимо, «опираясь на общекommунистическую теорию и практику...^{*} применяясь к своеобразным условиям... суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»[1027]. Тогда представлялось, что процесс нарастания революций в странах Востока будет происходить в условиях нарастания революции в европейских странах, поэтому роль Востока сводилась к тому, чтобы обеспечить поддержку авангарда мировой революции — пролетариата развитых капиталистических стран, поскольку «один авангард не может осуществить переход к коммунизму». Нам неизвестно, чтобы Ленин до декабря 1922 г. отказывался от этой позиции или заявлял о необходимости пересмотра сформулированных здесь принципиальных для марксизма положений. Зато известно, что в своей последней статье «Лучше меньше, да лучше» он, ставя вопрос о роли подымающихся на борьбу народов Востока и империалистических государств Запада, не предлагал сообразовывать ход социалистического строительства с тем, что будут думать по этому поводу на Востоке, наоборот, он ставил задачу поиска такой тактики, которая будет способна обеспечить относительно автономное развитие российской социалистической революции от хода развития мирового революционного процесса[1028].

Автор заметок все время апеллирует к высоким принципам, уличая своих оппонентов в отступлении от них, а между тем на поверку сам оказался «грешен». Да еще как! Поскольку мы стоим накануне революционного «выступления Востока», учит он, то нельзя подрывать свой авторитет среди собственных «иностранцев» «грубостью и несправедливостью». Другое дело, если бы речь шла о борьбе с империалистами «Запада», тогда, заявляет Автор, «мне излишне говорить о том, что я безусловно одобряю эти меры». И далее он снова твердит о своей приверженности «принципиальности», своей «принципиальной искренности».

Что же получается? Стоит нам повернуться лицом к Западу, как все принципиально осужденные мерзости становятся доблестями, достойными самой горячей и принципиальной поддержки. Это проявление двойной морали он выдает за «принципиальность»! А сколько здесь «здорового» «практического смысла»? В 1923 г., глядя на Восток, Союз республик демонтируем, а в 1924 г. (Ленин 23 декабря 1922 г. писал, что ожидает обострение борьбы в самое ближайшее время[1029]) — крепим Союз республик? Ослабла напряженность, мы опять «навстречу утренней Авроры» и снова лозунг: «Все на демонтаж!»? Ведь никто все еще не сможет поручиться перед «просыпающимся» Востоком за госаппарат и сказать, что он «наш». Пройдет время, Венера вновь «обернется» «вечерней» звездой — мы опять «лицом на Запад» и, «засучив рукава», опять займемся всемерным укреплением связей между республиками? Но ведь строить-то не то, что ломать. Как далеко уйдет вперед революция по пути социалистического строительства, если не преодолеть этот «монтажно-демонтажный» зуд? А как его преодолеть, если он возведен в принцип? Излишне говорить, что в работах Ленина нет ничего похожего на подобную «тактику».

^{*} Эта теория исходила из признания крупного унитарного государства наиболее отвечающим интересам развития социалистической революции. Практика же российской социалистической революции (иной не было) указывала на «автономизацию» (РСФСР) как

на наиболее приемлемый принцип национально-государственного строительства, обеспечивающий переход от федерации к социалистическому унитаризму.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ АВТОРА ЗАПИСОК

Автор записок советует: не подрывать «свой авторитет... малейшей... грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам». Поскольку в интернациональном человеческом сообществе каждый для кого-то является инородцем, то речь идет о представителях всех, без всякого изъятия, наций и народов. Включая и русских. Это — присказка. Дав эту установку, Автор сам не намерен следовать ей и постоянно нарушает ее, навязчиво употребляя слово «инородец». Само по себе слово «инородец», хотя и грубоватое, но не запретное, однако при постоянном употреблении его в статье, предназначенной для широкой публики, может восприниматься оскорбительно всеми нерусскими. Как оскорбление, наносимое им Лениным. Автор фактически противопоставляет великороссов и всех «инородцев», т.е. народы Союза советских республик. Потребовав не допускать оскорбления инородцев, Автор заметок тут же дает пример воинствующей русофобии. Говоря о великорусской нации, он характеризует ее как «великую нацию», но тут же поясняет, в чем состоит, по его мнению, это величие — «великой *только* своими насилиями, великой *только* как велик *держиморда* ». Поэтому надо «защищать российских инородцев от нашествия *тогоистинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника* », именно таким «является типичный русский бюрократ»; вокруг — «*море шовинистической великорусской швали* », поэтому надо «действительно защитить инородцев от *истинно русского держиморды* ». Ведется «поистине великорусская националистическая кампания», в ходе которой допускается «*масса злоупотреблений истинно русского свойства* » (выделено нами. — В.С.). «Истинно русское настроение» выступает в качестве синонима чего-то мерзкого и вредного. По его мнению, отвратительным становится все, что соприкоснулось с русским: «Обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения». Например, обрусевший грузин Орджоникидзе не просто дал пощечину оскорбившему его человеку, а продемонстрировал именно «русское рукоприкладство». По логике Автора, раскручивавшего политическую истерику вокруг инцидента с пощечиной, получается, что грузин, ударивший другого грузина, тут же становится «отъявленным» великороссом и «грубым великорусским держимордой». И все это в каких-нибудь 230 строках!

Настойчивое употребление слова «инородец» в сочетании с не менее назойливым тезисом о негативных чертах русского народа, от которых страдают все другие народы — инородцы, позволяет говорить о том, что Автор записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» проявляет не просто антирусский национализм, но русофобию. Ведет открытую антирусскую националистическую пропаганду. Где здесь интернационализм? Если он есть, то очень своеобразный — антирусский «интернационализм». Нет никаких оснований считать Ленина носителем подобных взглядов. У него найдется немало высказываний о великорусском шовинизме, бюрократах, о негативных качествах, свойственных русским людям*. У какого народа их нет? Но у него мы не найдем ничего похожего на такое смакование этой темы, на такое упоение негативными оценками, на такое уничтожение самого имени русского народа. Ленин — диалектик, следовательно, он не мог не понимать простой истины, что не существуют негативные и положительные качества сами по себе, взятые вне времени и обстоятельств. Все зависит от места, времени и меры. При определенных обстоятельствах слабость оборачивается силой, недостаток — достоинством. И наоборот. Самое же главное, именно Ленин дал марксистское решение вопроса о национальной гордости великороссов[1030]. Нет никакого основания относить эти сформулированные Автором записок мысли на счет В.И. Ленина.

Автор записок настаивает на первоначальном реформировании госаппарата как условия и предпосылке объединения республик. Почему? Оказывается, он опасается, что из-за плохого аппарата «свобода выхода из союза» окажется фикцией. Невозможно поверить,

чтобы Ленин придерживался столь наивного взгляда на этот вопрос. Не мог Ленин отдавать решение этого вопроса аппарату, который он в своих последних работах критиковал не только как плохой, но и как чуждый советской власти. Не мог Ленин не знать, что решение вопроса выходить или не выходить той или иной республике из Союза будет решаться не каким-то аппаратом, т.е. чиновниками разных уровней, а центральными органами партии, съездом РКП(б), съездами компартий республик, съездами Советов, наконец, отношением самих народов к этому. Во всяком случае, это должно быть доказано с документами в руках. Нам такие документы неизвестны.

* У Ленина были резкие выражения, сделанные, как говорится, «в сердцах», но он не строил на этом политической линии. Например, в письме в ЦК он писал, что смешанные общества надо использовать для обучения наших «купцов» и что «если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 336). По тексту ясно, что, говоря о народе, Ленин имел в виду определенный слой руководителей, хозяйственников, специалистов, а не русский народ как таковой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГРУЗИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Другой вопрос, заставляющий усомниться в ленинском авторстве записок, — вопрос об отношении Автора к Орджоникидзе, Сталину и Дзержинскому. Выше было показано, что никаких надежных документальных данных об ухудшении отношения Ленина к Орджоникидзе в связи с дискуссией об образовании СССР и конфликтом в КП Грузии нет. Во всяком случае, их никто не привел.

Не меняет ситуацию и инцидент с пощечиной, которую Орджоникидзе «отпустил» Кабахидзе. Автор записок придает этому инциденту политический характер, связывая его с борьбой, которую вели Мдивани и его сторонники против образования СССР[1031]. Информирование Ленина об этом инциденте он связывает, судя по всему, с рассказом Дзержинского, позицией которого в отношении этого конфликта он остался недоволен. Пусть так. Но Дзержинский не был очевидцем. Очевидцем был Рыков, с которым Ленин тоже имел разговор. Мнение Рыкова, считавшего, что Орджоникидзе в этой истории был прав, а сам конфликт не имел политической подоплеки, Ленину было известно[1032]. Но Автор записок об этом разговоре с Рыковым ничего не говорит и в вину ему его позицию не ставит. Автор фактически оспаривает мнение Рыкова, но и о причинах своего недоверия ему молчит. Если автором статьи был Ленин, то понять это непросто, во всяком случае, этот факт требует объяснения. Если же автором ее был кто-то иной, то подобная попытка становится объяснимой, так как о разговоре Ленина с Рыковым он мог не знать. Если допустить, что автором записок был Ленин, то становится совершенно непонятной его уверенность в безусловной виновности Орджоникидзе в инциденте с рукоприкладством и в существовании связи между этим инцидентом и политической борьбой в КП Грузии в связи с образованием СССР, так как поступавшая к нему в это время информация говорила о противном.

Автор записок, призывая «примерно наказать» Орджоникидзе, заявляет, что «политически ответственными... *следует сделать*», конечно, Сталина и Дзержинского» (выделено нами. — В.С.)[1033]. Странная постановка вопроса. Автора не интересует, доказано или нет, что Сталин и Дзержинский являются ответственными за этот инцидент, якобы порожденный борьбой против политики, проводимой на Кавказе. Он озабочен тем, что их **надо сделать** таковыми. Цены нет этому признанию! Если кого-то «следует сделать» ответственным, то это может означать только одно — они не были повинны в том, в чем их хотят обвинить!!! Автор признается в том, что он планирует политическую интригу против Орджоникидзе, Дзержинского и прежде всего Сталина. Нет оснований приписывать такие намерения Ленину. Этой фразой Автор записок нечаянно проливает свет на цель интриги, которая состоит, судя по всему, в политическом уничтожении Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского с помощью авторитета В.И. Ленина, а также и на метод достижения этой цели — фабрикацию «ленинского» документа.

Логичность упрека в адрес Сталина и объявление его политически ответственным за проступок Орджоникидзе может казаться убедительной только до тех пор, пока мы работаем в рамках традиционной схемы, признающей Сталина виновным без всякой аргументации, а Ленина — только в качестве судьи. Ленин, не погрешив против истины, не мог бросить такой упрек Сталину и Орджоникидзе хотя бы потому, что в конфликте в КПГ проявилась старая проблема — проблема напряженных отношений между представителями центральной власти на местах и местными властями. Если в рамках традиционной историографии ленинского «Завещания» недовольство Ленина в отношении Сталина и Орджоникидзе находило хоть какое-то объяснение, то причина его недовольства Дзержинским непонятна. Подразумевается, что она в попытке вывести Орджоникидзе из-под критики, избавить его от ответственности. Документов, прямо говорящих об этом, нет, а присланные Ленину протоколы заседаний комиссии Дзержинского этот тезис не подтверждают, так как в них зафиксированы факты грубости и рукоприкладства Орджоникидзе и имеются негативные оценки их комиссией. За позднейшие решения, принятые Политбюро, Дзержинский не отвечал хотя бы потому, что он не являлся членом его.

Автор записок уверен, что в заключение комиссии «несомненно имеются» «громкая масса» «неправильностей и пристрастных суждений», которые надо «исправить». Между тем нет свидетельств, что Ленин был в это время знаком с заключением комиссии. Обращает на себя внимание и то, что Автор записок делает упор не на изучении существа конфликта на месте или по документам, а на трактовку выводов комиссии[1034]. Конечно, в материалах любой комиссии, собирающей сведения в двух противостоящих и борющихся политических группах, всегда будут неправильные и пристрастные суждения, оценки, описания и пр., причем размеры последних будут тем больше, чем добросовестнее и честнее они фиксировались. Поэтому любая из сторон всегда может сделать упрек, подобный тому, что делает Автор записок. Но будет ли он справедлив? Данная постановка задачи указывает на то, что Автора записок интересует не истина, а возможность набрать компромат для борьбы против Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. Нет оснований числить Ленина среди заинтересованных в этом лиц.

Не преодоление конфликта в КП Грузии, а планирование очередного хода во внутривластной борьбе, направленного против курса на создание СССР, — вот что интересовало Автора записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Он берет под защиту «пресловутый социал-национализм» от «торопливости», «озлобленности» и «администраторского увлечения» И.В. Сталина. Отсюда неизбежно следует вывод, что «социал-национализм» является вполне разумной марксистской политикой, а кто этого не понимает, тот истинную марксистскую политику принимает за «социал-национализм». Поэтому не только термин «социал-национализм» берется в кавычки, но и сопрягаемое с ним слово «преступления» тоже используется в кавычках: не может быть преступления, раз нет самого явления, с которым оно связывается. Эта вполне четкая и ясная позиция у Автора продержалась недолго — всего один день 30 декабря 1922 г. 31 декабря он стал утверждать совершенно противоположное: «социал-национализм» не химера, «социал-националисты» существуют! Один, по крайней мере, точно установлен: это «тот грузин, который... швыряется обвинением в "социал-национализме" в адрес тех, кто таковым не является[1035]. При этом данный одиозный грузин сразу же становится плохим «великороссом» и «великорусским держимордой».

Мы утверждаем, что подобную галиматью Ленин продиктовать не мог. У него был вполне сложившийся взгляд на проблему «социал-национализма», отличный от того, который излагал Автор записок. Давно, в годы Первой мировой войны, он уделил ему немало внимания. Для Ленина «социал-национализм» не химера, не плод нездорового воображения грузина, долго жившего вдали от родины, к примеру, в России. Так он его оценивал в статье «Под чужим флагом» (январь 1915 г.), направленной, кстати сказать, против Троцкого и Потресова. Ленин писал, что социал-национализм «вырос из оппортунизма и именно последний дает ему силу». «Кто не дал себе ответа на эти вопросы,

тот совершенно не понял социал-национализма и, разумеется, тот совершенно не способен "идейно размежеваться» с ним»[1036]. Позднее Ленин часто использовал термин «социал-шовинизм»[1037], в том числе в книге «Государство и революция», определенно связывая его с социал-демократией и меньшевизмом[1038]. Очевидно, что если к Автору записок подходить с этой, ленинской, позиции, то надо признать, что он «совершенно не понял социал-национализма» и поэтому оказался не способен «размежеваться с ним». Об этом свидетельствует его стремление поставить национальный вопрос впереди вопроса о социалистической революции. Могут сказать, что прошли годы и Ленин изменил свою позицию. Такое, конечно, возможно, но это предположение должно быть доказано. Нам неизвестны ленинские документы, которые позволили бы обосновать его.

В отличие от Ленина Троцкий в это время имел в своем политическом арсенале схожий термин (национал-социализм) и вкладывал в него содержание, близкое к тому, которое вкладывал Автор записок в термин «социал-национализм». По свидетельству одного из исследователей деятельности Троцкого — В.З. Роговина — еще «до того времени, когда в мировой политической лексикон вошло понятие "национал-социализм" (по названию гитлеровской партии), Троцкий не раз использовал это понятие для характеристики идеологии и политики сталинизма (имея в виду ориентацию последнего на решение исключительно национально-государственных задач)»[1039].

КАКОВЫ ИСТИННЫЕ НАМЕРЕНИЯ АВТОРА ЗАПИСОК?

Третья, заключительная часть записок посвящена в основном «практическим мерам», которые призваны исправить «создавшееся положение» и спасти революцию. Запись датирована 31 декабря 1922 г., т.е. следующим днем после образования Союза Советских Социалистических Республик. Автора заботит одна мысль — как вернуть отношения республик вспять, к военному и дипломатическому союзу самостоятельных государств, т.е. к конфедерации. Иначе говоря, как разрушить тот союз, который только что был создан на принципах, предложенных Лениным. Нет никаких оснований считать, что Ленин действительно к этому стремился.

Практические предложения, сформулированные Автором записок, указывают также на то, что он был не просто противником объединения на принципах «автономизации», но и противником федерации, даже «рыхлой», со слабым центром. Первое и второе предложения его сводятся к тому, чтобы «оставить и укрепить союз... республик» «для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг». То, что это не более чем «лукавая» фраза, становится понятным из следующего пояснения: для обеспечения этого «нужно **оставить** союз (выделено нами. — В.С.)... в отношении дипломатического аппарата». Значит, даже об объединении военных аппаратов и железнодорожного транспорта речь не идет! «Оставить» такой союз значит отказаться частично от того, что было достигнуто в период гражданской войны. Маскируясь критикой «автономизации», автор ведет наработку аргументов в пользу предельного разобщения советских республик! Известно, что с подобных позиций выступали Мдивани и его сторонники. Ленин в сочувствии подобным намерениям замечен не был.

Решающий аргумент против создания СССР — в возможной негативной реакции народов Востока. И при этом — полное игнорирование внутрихозяйственных задач во всех рассуждениях относительно Союза республик как способа обеспечить развитие социалистической революции на основе внутренних ресурсов.

То есть Автор демонстрирует 100-процентную ориентированность на мировую революцию, он занимает позицию, которую Ленин резко и последовательно критиковал в течение ряда последних лет. Чтобы понять, что экономические проблемы стояли для Ленина на одном из первых мест в деле объединения советских республик, достаточно вспомнить ленинскую постановку вопроса о НЭПе. Автор записок исповедует не просто *не* ленинские взгляды, но откровенно *анти* ленинские взгляды. Зато его позиция близка к той, которую занимал Троцкий. Интересно сравнить эти якобы ленинские записки, ставшие известными в

ЦК не ранее 16 апреля 1923 г., со статьей Троцкого «Мысли о партии», опубликованной месяцем раньше (Правда, 20 марта 1923 г.*). Насколько идеи Троцкого созвучны, с одной стороны, с ленинскими, а с другой — с идеями Автора записок, пусть судит сам читатель. В разделе «II. Национальный вопрос и воспитание партийной молодежи» Троцкий писал: «И внутренняя и международная политика нашей партии определяется двумя основными линиями: революционно-классовым движением западного пролетариата и национально-революционным движением Востока». Это положение перекликается с требованием, содержащимся в записках, о необходимости обеспечить пролетариат в его борьбе «максимумом доверия» «со стороны инородцев»[1040]. У Троцкого эта мысль сформулирована более четко и жестко**. Оба они уверены, что внутренние процессы, происходящие в стране, настолько мало влияют на ее политику в национальном вопросе, что ими можно пренебречь. Например, русское крестьянство никак на нее не влияет или влияет много меньше, чем национально-освободительное движение где-нибудь в Китае или Индии. Как видно, при данной достаточно общей постановке вопроса и Троцкий, и Автор записок обошли вопрос о русском крестьянстве. А у Ленина он является центральной фигурой современного этапа развития российской социалистической революции, его интересы решающим образом влияют на выработку тактики, которой предстоит придерживаться большевистской партии в ходе социалистического строительства. Разница подходов и позиций очевидна.

Автор записок ничего не говорит об экономических, социальных, внутри- и внешнеполитических функциях этого Союза, о проблемах, которые встанут и потребуют своего решения, о его пользе для решения этих задач и т.д. И это не случайно, он уже «приговорил» только что созданный Союз ССР. Вместо проблем функционирования Союза его занимает аргументация в пользу его ликвидации. Не случайно, очевидно, даже слово «союз» он употребляет с прописной буквы. Следовательно, он говорит не о названии нового государства, а о способе взаимодействия самостоятельных государств. В этом проявляется пренебрежительное отношение его к СССР, которое он демонстрирует то заявлением (дважды), что не помнит точного названия нового государства («пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик»)[1041].

Записки заканчиваются предложением ликвидировать СССР через год и превратить его в конфедерацию: «Не следует зарекаться никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы (националистической, разрушительной, антирусской. — В.С.) вернуться на следующем съезде Советов*** назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов». Тезис о самостоятельности наркоматов не может нас обмануть. Это положение означает полную самостоятельность республик в соответствующих областях деятельности. Это та цель, ради достижения которой создавались эти записки.

Призыв к созданию конфедерации в устах Ленина выглядит более чем странно, поскольку Ленин, как было показано выше, не считал ее приемлемой формой объединения государств в процессе развития мировой пролетарской революции. Известно также, что, предлагая создание СССР как «Союза равных», он требовал концентрации власти в общесоюзном центре большей, чем предлагал Сталин в рамках плана автономизации республик, означавшей шаг в направлении к унитарному социалистическому государству. Наконец, надо учесть и то, что Ленин придерживался иной точки зрения, он считал, что централизм демократичнее[1042].

Предложение Автора записок ликвидировать СССР и создать конфедерацию предполагает слом того механизма политического и экономического взаимодействия республик, который уже был создан и работал. Чем заменить его? Ответ Автора записок прост и «мудр»: «несогласованность... может быть парализована... партийным авторитетом» (даже не властью!) и в результате вред от разрушения старых управленческих структур будет

«неизмеримо меньше, бесконечно меньше», чем их сохранение. Итак, спасение дела объединения республик состоит в разрушении того, что уже было создано в течение пяти лет революции. Авторитет партии вполне искупит все недостатки государственного и хозяйственного аппарата! Считается, что это говорил Ленин. Как эту «веру» Автора записок увязать с разработанной Лениным программой реорганизации ЦКК—РКИ, в которой реализовывалась идея «соединения», «своеобразного слияния» партийного и государственного аппаратов для повышения эффективности управления?

Предложения Автора записок означают разрушение того, что было достигнуто в течение нескольких тяжелых лет. И этот план разрушительных работ Ленин предлагает из-за пощечины, которую Орджоникидзе дал оскорбившему его Кабахидзе?! Это надо доказать! Мы думаем, что такая попытка обречена на неудачу.

Иногда все эти проблемы пытаются решить с помощью утверждения, что Ленин изменил свои прежние взгляды и оценки, а доказательство усматривают в данных записках. Но их принадлежность Ленину еще надо доказать.

Автора записок следует искать среди политических противников Ленина, среди сторонников федерации со слабым центром или конфедерации.

* Троцкий утверждал, что при написании этой статьи он использовал положения, заимствованные из ленинской записки «К вопросу о национальностях...», которая находилась у него (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 160). Троцкий работал с этим текстом без свидетелей, а как было показано выше, верить на слово Троцкому и секретарям Ленина не приходится. Поэтому нельзя исключить, что процесс был прямо противоположным — ряд положений в так называемые «ленинские» записки перекопывал из статьи Троцкого.

** Также часто в этой статье Троцкого используется терминология, созвучная той, что используется в записках «К вопросу о национальностях...», правда, без присущей ее Автору развязности: «великорусский», «великодержавный», «великодержавный национализм», «оборонительно-националистических тенденциях среди коммунистов малых национальностей»; звучит в ней и требование завоевать доверие слабых наций (значит, и буржуазии, и кулаков?), требование отказа прежде великодержавной нации от формального равенства с малой нацией. По Троцкому выходит, что этот тезис он заимствовал у В.И. Ленина. Но все, что мы знаем о содержании этой статьи и обстоятельствах, связанных с ее созданием и обнародованием, заставляет нас с недоверием отнестись к этому утверждению, а следовательно, и к ленинскому авторству ее. О доверительном отношении к этим заверениям Троцкого говорить не приходится. Нужны доказательства. Прояснить этот вопрос могли бы черновики статьи Троцкого и другие материалы, связанные с ее подготовкой (в том числе и говорящие о заимствованиях им из ленинской статьи), но этого материала или нет, или он недоступен. Так или иначе, но подтвердить слова Троцкого пока что нечем.

*** Следующий, II съезд Советов предполагалось провести летом 1923 г. и на нем планировалось рассмотреть Конституцию СССР.

§ 2. МИФ ОБ ОБРАЩЕНИИ ЛЕНИНА ЗА ПОМОЩЬЮ К ТРОЦКОМУ

В системе доказательств ленинского авторства «статьи» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» важное место занимает история с передачей «её Троцкому, а также обращение Ленина к нему с письмом от 5 марта 1923 г. и передача ему письма для Мдивани, Махарадзе и др. (далее: письмо Мдивани) от 6 марта.

Эти письма объединены историей происхождения, а также единой политической позицией. Они посвящены конфликту в КП Грузии и появились, согласно традиционной версии, в результате длительного изучения Лениным этого вопроса и подготовки им «бомбы для Сталина»*.

Архивный вариант письма Ленина Троцкому, датированный 5 марта 1923 г.[1043], существует в одном экземпляре и представляет собой машинописный текст, напечатанный

под копирку («отпуск»)**. На нем имеется надпись: «Верно: М. Володичева», выполненная на пишущей машинке. Архивный вариант письма Ленина Мдивани (копии — Троцкому и Каменеву) датирован 6 марта 1923 г.[1044] Письмо представлено двумя экземплярами, напечатанными под копирку***. Следов работы над текстами писем нет. Архивные тексты полностью соответствуют опубликованным[1045]. На них нет следов регистрации, отсутствует регистрация в книге исходящих документов секретариата В.И. Ленина[1046]. Нет никаких сведений об их регистрации в секретариатах Троцкого и Каменева или о наличии в них полученных от Ленина текстов. Отсутствуют и конверты, в которых обычно направлялись документы и которые возвращали в секретариат Ленина с распиской о получении. Все это делает актуальным вопрос о доказательстве их принадлежности Ленину.

Информацию о передаче этих писем по назначению содержат воспоминания Троцкого, Володичевой, Фотиевой, Гляссер и Каменева. Ее немного, но зато она часто повторяется, варьируется, что, с одной стороны, создает иллюзию широкой источниковой базы, а с другой — позволяет выявить массу противоречий. В сфабрикованной части «Дневника дежурных секретарей» имеется запись Володичевой за 5 марта: «Владимир Ильич вызвал около 12-ти. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее... Чувствовал себя нехорошо»[1047]. Врачи подтверждают, что Ленин 5 марта один раз общался со своими секретарями и что-то диктовал Володичевой. Эта же версия изложена в так называемой «Справке» Володичевой, датированной 5 марта 1923 г., в которой говорится, что в ответ на предложение Ленина, сделанное от его имени по телефону Володичевой, Троцкий сказал, что он не может взять на себя «защиту грузинского дела». А 6 марта Володичева в «Дневнике дежурных секретарей» записала, не указывая точного времени, что Ленин вызвал ее и «спросил об ответе на первое письмо (ответ по телефону застенографирован)»[1048]. Следовательно, ответ Троцкого был Лениным получен****.

Итак, была одна встреча с секретарем, письмо Троцкому было зачитано по телефону, об его отправлении ничего не говорится. Публикаторы Полного собрания сочинений Ленина приняли версию Володичевой и сопроводили текст следующими пояснениями: «Продиктовано по телефону 5 марта 1923 г.» и «Печатается по машинописной копии»[1049].

6 марта Володичева, по ее утверждению, записала письмо для Мдивани[1050]. Важную роль в обосновании ленинского авторства этого письма принадлежит записи «Дневника дежурных врачей», фиксирующей утром 6 марта диктовку Лениным Володичевой «несколько слов, всего 1 1/2 строки». Ничего похожего в прежних записях врачей нет — никто не высчитывал строки ленинских писем и записок. Зачем такая точность? Прежде они, как правило, даже темы диктовок не указывали, в лучшем случае иногда и не очень определенно фиксировали их продолжительность. И как они смогли получить такую точную информацию? Смотрели запись? Неужели им показали секретный документ? Вряд ли. Или они заглядывали через плечо Володичевой? Трудно поверить, что это им разрешили. Ничтожная деталь почему-то оказывается нужной, когда говорят о диктовке Лениным письма Мдивани. Так или иначе, но возможно, Ленин действительно продиктовал что-то, что уложилось в две строки. Но для нас важно то, что эта запись врачей разрушает версию Володичевой о диктовке ей Лениным письма для Мдивани и др., которое в печатном виде занимает 4—5 строк. Против отождествления диктовки, зафиксированной врачами, с письмом для Мдивани свидетельствует и Троцкий, который писал, что в «последний день перед вторым решающим заболеванием Ленина», т.е. 5 марта, получил от Ленина письмо для передачи Мдивани[1051]. Возникает вопрос: *как он мог получить еще ненаписанное письмо*? Один из них — Троцкий или Володичева (возможно, и оба) — говорит неправду. Верить Володичевой на слово не приходится, Троцкому — тем более. Не ограничиваясь рассказом о получении еще ненаписанного письма (оно датировано 6 марта), Троцкий заявляет, что передача записок «К вопросу о национальностях...» состоялась за два дня до того, как «положение т. Ленина ухудшилось», следовательно, примерно, 2—3 марта. А передача письма для Мдивани произошла 5 марта. В «Письме в Истпарт» он, противореча себе,

уверяет, что записки по национальному вопросу и письмо для Мдивани были переданы ему в один и тот же день. Очевидно, заметив эту «накладку», Троцкий в мемуарах «Моя жизнь» исправляет положение — относит передачу письма для Мдивани на 6 марта[1052].

Анализ содержания этих писем лишь усиливает сомнения в их ленинском авторстве. В письме Троцкому от 5 марта его Автор «очень» просит его «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии», так как оно находится под «преследованием Сталина и Дзержинского», на беспристрастие которых Автор письма не мог положиться — «даже совсем напротив». Согласие же Троцкого означало для него возможность «быть спокойным». В случае несогласия автор просил вернуть «все дело»[1053]. Судя по тексту письма, оно является сопроводительным к этому, направляемому Троцкому «всему делу». Володичева в «Справке», фиксирующей этот разговор*****, записала, что прочитала по телефону Троцкому письмо, он «просил прислать ему материалы (если они никому не необходимы) для ознакомления». Договоренность была достигнута, и в конце «Справки» сообщается: «Материалы с письмом Владимира Ильича будут ему сегодня посланы»[1054]. Эта запись важна для традиционной историографии, так как она используется в качестве документального свидетельства, подтверждающего рассказы Троцкого и Фотиевой о передаче ему ленинских записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Но эти записки трудно представить «всем делом», тем более что условием передачи ее, по утверждению Троцкого, было запрещение кому бы то ни было показывать ее[1055]. «Все дело», напротив, должно было использоваться им. Кроме того, Троцкий в апреле 1923 г. отрицал получение этого «дела», но говорил о присылке ему «записок «К вопросу о национальностях...»[1056]. Следовательно, он сам утверждает, что эта запись Володичевой не является свидетельством направления ему ленинской диктовки по национальному вопросу. Итак, документы ленинского секретариата не подтверждают факта передачи Троцкому записок по национальному вопросу.

Непонятную историю со «всем делом»***** нельзя отнести на счет неудачной формулировки или дефекта записи. Она находит свое продолжение в письме к Мдивани, в котором говорится: «Всей душой слежу***** за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь». Эта фраза дает аргументы в пользу предположения, что письма 5 и 6 марта Троцкому и Мдивани не принадлежат Ленину. Состояние здоровья Ленина в начале марта исключает работу его над «записками» и «речью»*****. Приходится отклонить предположение, что речь идет о документе, который готовила «ленинская комиссия»: вряд ли они могут быть охарактеризованы как «записки», тем более в них нет ничего похожего на «речь». Наконец, невозможно без аргументации соотнести с Лениным заявление, что важнейший вопрос об изменении руководства КП Грузии и об образовании СССР является «вашим делом», т.е. делом Мдивани, Махарадзе и др. То же следует сказать и об истории с рукоприкладством Орджоникидзе.

Все это делает невозможным принятие на веру ленинского авторства писем Троцкому, а также Мдивани. Доказать же его на имеющемся материале не удастся. Это дает нам право рассматривать эти письма как не принадлежащие В.И. Ленину.

Казалось бы, простое дело — передать из рук в руки письмо или текст статьи. Но и здесь участники этой истории запутались в показаниях, они противоречат и друг другу и сами себе.

Володичева фиксирует *только один — свой* — контакт с Троцким: передала текст письма Троцкому по телефону и застенографировала его ответ[1057]. Ничего не говорит Володичева и относительно факта *передачи* Троцкому записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также об участии Фотиевой в контактах с Троцким по поводу писем и «записок». И сама Фотиева «по горячим следам» этих событий — в письмах в ЦК РКП(б) 16 апреля 1923 г., — рассказывая о направлении Троцкому записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», тоже ничего не говорила о своем участии в контактах Ленина и Троцкого 5—6 марта. Следовательно, *единственный*

делопроизводственный документ ленинского секретариата, посвященный контактам с Троцким, свидетельствует, что Троцкий *не получал текста ленинского письма из ленинского секретариата*. Или, по крайней мере, *не подтверждает этой передачи*.

О направлении Троцкому писем и записок, посвященных национальному вопросу, свидетельствуют только Фотиева и Троцкий. Но их свидетельства полны противоречий. Фотиева в письме в ЦК РКП (б) от 16 апреля 1923 г., впервые информируя ЦК партии о существовании этих записок (она называла их статьей), использует очень неопределенную формулировку: «статья» «была сообщена т. Троцкому»[1058]. Что значит «сообщена»? Зачитана? Дана для прочтения? Точного времени «сообщения» она тоже не указывает. Троцкий в тот же день в письме в ЦК, напротив, определенно утверждает, что 5 марта 1923 г. он вел переговоры с Лениным через Фотию и от нее же он получил текст, продиктованный Лениным 30 декабря 1922 г.[1059] Но и после прямых указаний Троцкого о времени и факте передачи ему ленинской статьи Фотиева в ходе завязавшейся переписки ни разу не подтвердила ни время передачи (5 марта), ни своей причастности к этому акту[1060]. Позднее Троцкий, рассказывая об этой истории, умалчивал о каких-либо контактах с Володичевой по поводу распоряжений Ленина и отработывал версию посредничества в своих контактах с Лениным 5—6 марта Фотиевой и Гляссер. Кто-то из них (по контексту можно понять, что это была Фотиева) принес адресованное ему письмо от Ленина. Получив письмо, Троцкий предложил: «не показать ли» это письмо Каменеву? Фотиева ответила: «Не знаю... но могу его спросить». «Через несколько минут она вернулась со словами: "Ни в коем случае"». Следовательно, 5 марта у Фотиевой состоялась *вторая* встреча с Лениным вскоре после первой, что противоречит записям врачей, исключаяющих вторую встречу Ленина с секретарями вскоре после первой[1061]*****. Но Троцкому этого мало, он утверждает, что, передав ему это указание Ленина, Фотиева ушла, «однако через несколько минут, или может быть через полчаса Фотиева пришла от Владимира Ильича с новым вариантом. По ее словам, Владимир Ильич решил действовать сейчас же и написал (опять *написал* ! — В.С.)... записку Мдивани и Махарадзе с передачей копии ее Каменеву и мне»[1062]. Таким образом, Троцкий заявляет, что была *третья* встреча Ленина с Фотиевой, что Ленин в этот день *написал* письмо и у него на руках был текст, *написанный* Лениным 5 марта! Есть от чего удивиться. При этом Троцкий начинает путаться: начал он рассказ о 5 марте, а заканчивает о 6-м, так как этим числом датировано письмо Мдивани.

Эта же версия, но более пространная, с массой деталей, еще более облегчающими возможность ее анализа, повторена в автобиографии Л.Д. Троцкого «Моя жизнь»[1063]. Согласно ей, Фотиева и Гляссер действуют уже не просто как посыльные, а в качестве постоянно и давно функционирующего канала связи между Лениным и Троцким. Более того, они выступают в роли политических советников Ленина*****, подсказывая емуходы-выходы во внутривластной борьбе, меры, которые необходимо предпринять для борьбы со Сталиным. И Ленин охотно принимает их политические советы, вернее, руководствуется ими. При этом политические симпатии секретарш полностью на стороне Троцкого, что, судя по всему, справедливо для этого периода. Все становится более «солидным». Первая короткая отлучка Фотиевой из квартиры Троцкого за вопросом к Ленину превращается в 15-минутную, а вторая — в часовую. Письмо Ленина, которое он показал Каменеву, превращается в «ленинские рукописи», а сама встреча происходит 5 марта, таким образом, Каменев тоже читает рукописное письмо Ленина, продиктованное, по уверению Володичевой, ей только на следующий день. Интересно, что Троцкий ни словом не обмолвился о передаче ему Лениным записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Вообще с передачей этих записок Троцкому ясности много меньше, чем даже с передачей ему писем, хотя и с ними ясности нет. Ничего определенного об обстоятельствах передачи статьи Троцкому не сообщают ни Фотиева, ни Володичева. Неизвестно, кто передал, при каких обстоятельствах передали.

Могут сказать, что в пользу этой истории свидетельствует Каменев, встречавшийся с

Троцким и видевший у него записки по национальному вопросу. Это — серьезный аргумент, и он должен быть рассмотрен особо.

Сразу отметим, что Каменев, рассказывая в письме в ЦК от 16 апреля 1923 г. об этой встрече с Троцким*****, во-первых, ничего не говорил о письмах Ленина Троцкому и Мдивани, а во-вторых, относил ее к более позднему времени («было это, по-моему, уже тогда, когда Владимир Ильич был лишен возможности давать *новые* распоряжения»)[1064], т.е. он исключает, что разговор с Троцким состоялся 5 марта, и утверждает, что Троцкий показал ему статью после 6—7 марта*****, а возможно, и после 10 марта 1923 г., когда Ленин ни подтвердить, ни отвергнуть что бы то ни было уже не мог. Следовательно, Каменев, подтверждая самый факт информирования его Троцким о существовании ленинских записок «К вопросу о национальностях...», не подтверждает именно ту дату, на которой настаивает Троцкий — 5 марта 1923 г., которая важна для него, очевидно, потому, что после нее никакие деловые контакты с Лениным были уже невозможны.

Самый факт существования в это время письма Ленина к Мдивани не вызывает сомнения. Оно было известно Сталину, который сообщил о нем Орджоникидзе 7 марта 1923 г.[1065] Однако этого недостаточно, чтобы признать его ленинским документом, так как Каменев и Сталин не были свидетелями диктовки Ленина.

Оба письма (5 и 6 марта 1923 г.) 17 апреля 1923 г. были присланы Троцким в ЦК РКП(б)[1066], который по его требованию разослал их всем членам ЦК. Были они направлены и Ленину. Таким образом, единственный след прохождения этих писем через ленинский секретариат — тексты, поступившие в ЦК партии от Троцкого.

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что прямых и надежных свидетельств направления Лениным Троцкому «статьи» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также писем от 5 и 6 марта 1923 г. (Троцкому и Мдивани) нет. Все без исключения косвенные свидетельства несут в себе крайне противоречивую информацию. Обстоятельства включения этих документов в политический обиход не только не снимают сомнений в ленинском авторстве, но и усиливают их.

* Впервые эта формулировка («бомба для Сталина»), кажется, была введена в политический оборот Троцким в 1927 г. в «Письме в Истпарт ВК ВКП(б)». Он уверял, что секретари «чаще всего» повторяли «выражение самого Ленина»: «Владимир Ильич готовит *бомбу* против Сталина» (Троцкий Л. Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б).. (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии) // Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин, 1932. С. 87).

** От опубликованного он отличается тем, что в оригинале после обращения «Троцкий» стоит запятая, а не восклицательный знак (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329).

*** Согласно исторической легенде, всего должно было быть 5 экземпляров письма: два остались в ленинском архиве, одно направлено Мдивани и др., еще два — Троцкому и Каменеву). Однако никто из адресатов никогда не предъявлял подлинников письма.

**** Стенографическая запись или недоступна, или отсутствует.

***** Подлинник «Справки» Володичевой (машинописный текст без подписи) от 5 марта 1923 г. не имеет следов регистрации (РГАСПИ. Ф. 35. Оп. 2. Д. 34. Л. 3). Письмо Ленина Троцкому от 5 марта и «Справка» Володичевой (добавление к этому письму) зарегистрировано как документ, *входящий* в ленинский секретариат, только 15 июня 1923 г. (№ 16/12) (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 15; Оп. 4. Д. 11. Л. 89). Интересно, что тогда же (за этим же номером) произведена регистрация поступивших в ленинский секретариат записок «К вопросу о национальностях...» Все эти документы поступили в качестве приложения к письму Троцкого от 16 апреля 1923 г. (РГАСПИ.Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 7—14; Оп. 4. Д. 11. Л. 89; Известия ЦК КПСС. 1991. № 9. С. 58).

***** В качестве «всего дела», пожалуй, могли бы фигурировать материалы, наработанные «комиссией». Троцкий в своих воспоминаниях так и говорит (*Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии.* Т. 2. М., 1990. С. 221—222). Но в документах ленинского

секретариата никаких сведений о передаче их Троцкому нет, да и материалы эти сами по себе не могли представлять для Троцкого никакого интереса, поскольку вся собранная в них информация не являлась новой для членов Политбюро.

***** «Душой слежу» — это что-то новое для Ленина.

***** Д. Волкогонов, имевший доступ к ленинским материалам, недоступным другим исследователям, определенно заявляет, что он не знает текста «записок и речи», о которых говорится в этом письме (*Волкогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. М., 1991. Кн. 1. С. 142).

***** Только к вечеру этого дня относится явно позднейшая вставка в «Дневник дежурных секретарей» — информация о втором вызове Фотиевой с необычным для этого документа и тех лет именованием ее «Л.А. Фотиевой».

***** Вполне в духе документов, подготовленных ими как членами "комиссии" по изучению конфликта в КП Грузии.

***** Из воспоминаний Троцкого и писем Каменева ясно, что в это время (сразу или вскоре после третьего инсульта у Ленина) у них состоялась только одна встреча.

***** Согласно письму Каменева Зиновьеву от 7 марта, в этот день он должен был уехать в Тифлис на II съезд КПП. 8 марта Каменев не присутствовал на заседании Политбюро. Съезд КП Грузии работал с 12 марта. 17 марта 1923 г. Каменев уже был в Москве (*Известия ЦК КПСС.* 1990. № 9. С. 150; *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 347).

§ 3. ИСТОКИ ОЦЕНОК И ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЗАПИСОК ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Ряд фундаментальных оценок и предложений, сформулированных в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», вызвал удивление делегатов XII съезда. Делегаты пытались объяснить себе и другим очевидное противоречие между тем, что они знали о взглядах Ленина по этим проблемам и об отношении его к отдельным политическим деятелям, замешанным в этом конфликте, с одной стороны, и тем, что было написано в представленных им записках Ленина, — с другой. А.С. Енукидзе, например, был удивлен критикой, которой подвергся Г.К. Орджоникидзе, и считал, что она явилась результатом «односторонней неправильной информации», которая поступала к Ленину[1067]. А.И. Микоян говорил о странной теории, требовавшей «перегнуть палку» и пойти на формальное и фактическое введение неравенства между народами ради достижения правильных интернациональных связей между ними. Сталин указывал на «забывчивость» Ленина как на причину появления ряда упреков в записках. Если учесть, как Сталин ответил на письмо Фотиевой, в котором она сообщала ему о существовании «статьи» Ленина («он в это дело не вмешивается»)[1068], то можно предположить, что он сомневался в ленинском авторстве ее. Все это говорит о том, что многие современники, читая эту «статью», оказывались в трудном положении. И не верить в ленинское авторство нельзя, а если поверить, — сразу возникает вопрос о причинах таких перемен во взглядах Ленина. Искали ответ. В этих условиях для людей, посвященных в происходившую вокруг Ленина борьбу, вопрос об авторстве получал единственно возможное и, как казалось, естественное объяснение: болезнь и интриги сделали свое дело.

Если Ленин, не погрешив против истины, не мог сказать, что процесс образования СССР прошел мимо него, то возникает вопрос: кто из руководителей партии мог сказать, что эта проблема его миновала? Молотов и Куйбышев были сторонниками Сталина. Судя по всему, на близких позициях стоял и Рыков. Позиция Томского неизвестна, но как противник Сталина он о себе в это время никак не заявил. В той или иной мере против сталинского плана «автономизации» и в поддержку национал-уклонистов в сентябре—декабре 1922 г. выступали Каменев, Зиновьев, Бухарин и Калинин. Однако они принимали активное участие

в подготовке объединения советских республик и в урегулировании конфликта в ЦК КП Грузии. Из членов Политбюро ЦК РКП(б) только Троцкий мог сказать о себе нечто подобное: он откровенно игнорировался Лениным в тех случаях, когда дискуссия о форме федерации приобрела наибольшую остроту; он не принимал активного участия в подготовке этого вопроса для октябрьского и декабрьского (1922) Пленумов ЦК РКП(б), для I съезда Советов СССР[1069]. Анализ текста записок не раз наталкивал нас на мысль о близости позиций их Автора со взглядами Троцкого. Совпадают также побудительный мотив, или предлог (конфликт в КПГ) и время обращения к проблематике Союза — после его образования. Оба пытаются использовать грузинский конфликт с тем, чтобы, придав ему принципиальное значение, поставить под сомнение целесообразность образования СССР.

Конечно, сказанного недостаточно, чтобы указать на Троцкого как на автора (или соавтора) этих записок. Нужны дополнительные аргументы. Нам представляется, что они есть. Они содержатся в комплексе материалов, наработанных комиссией в составе Н.П. Горбунова, Л.А. Фотиевой и М.И. Гляссер, созданной Лениным в конце января 1923 г. для изучения материалов комиссии Дзержинского, но фактически занимавшейся подготовкой политической атаки против Сталина. Материалы эти иногда использовались историками и публицистами, но исключительно как носитель политической информации и не анализировались в качестве исторического источника. Между тем такой анализ проливает свет на интересующую нас проблему.

В состав комиссии входили управляющий делами СНК РСФСР Горбунов, а также двое технических секретарей ленинского секретариата (далее мы будем называть ее комиссией Совнаркома). Считается, однако, что Ленин наделил ее огромными полномочиями — давать свои оценки решениям высших государственных и партийных органов, включая ЦК и его органы, Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Но прямых указаний Ленина на этот счет нет. Невероятно, чтобы Ленин группу технических работников своего аппарата поставил над высшими партийными органами, отдал на их суд комплекс сложнейших политических проблем, вызывавших дискуссию в руководстве РКП (б) и национальных партийных организаций, а также острый конфликт в КП Грузии. К тому же сами члены ее, выполняя поручение Ленина и обращаясь в Политбюро за материалами, не называли себя «комиссией».

Впервые комиссия заявила о себе двумя записками, которые различаются адресатом и подписями: записка от 25 января адресована Сталину (имеет обращение — «т. Сталин») и подписана Фотиевой и Горбуновым, а записка от 27 января, подписанная Фотиевой, Гляссер и Горбуновым, адресована иначе:

«В Секретариат ЦК РКП
тов. Сталину».

Текст обеих записок одинаков: «По поручению т. Ленина, переданного им лично т. Фотиевой, просим Вашего распоряжения предоставить нам на необходимый срок все материалы Грузинской комиссии, имеющиеся в секретариате ЦК для детального изучения с обязательством сохранения их в строжайшей тайне»[1070].

Документы Политбюро не дают оснований считать, что она воспринималась как комиссия, наделенная Лениным широкими политическими полномочиями. Со своей стороны Политбюро никаких политических прав ей не предоставляло. 1 февраля 1923 г. Политбюро действительно рассмотрело их заявление «о выдаче им материалов грузинской комиссии для изучения их по поручению т. Ленина» и решило: «Разрешить Секретариату ЦК материалы выдать», а «вопрос о докладе т. Ленину отложить до заключения проф. Ферстера»[1071]. Название «комиссия» появляется позднее, очевидно, в процессе работы, и зафиксировано в заголовке архивного дела, в котором собраны наработанные материалы («Черновые материалы по "грузинскому вопросу" комиссии Совнаркома, созданной по поручению В.И. Ленина в составе Н.П. Горбунова, Л.А. Фотиевой, М.И. Гляссер»)[1072]. Ее политическое положение и возможности определялись не положением Ленина, а тем, что это была «комиссия Совнаркома». Иначе говоря, комиссия не партийная. И это сразу много проясняет

и в ее составе, и в ее компетенции. Она не могла играть самостоятельной политической роли, поскольку в существовавшей тогда системе власти именно компартия использовала государство как главное орудие осуществления диктатуры пролетариата. Но и положение ее как комиссии СНК должно быть уточнено. Решение СНК РСФСР о создании такой комиссии историкам неизвестно. Отсутствие официального статуса могло означать одно — Ленин не собирался придавать этой комиссии никакого политического самостоятельного значения и противопоставлять ее какой бы то ни было официальной партийной или государственной инстанции, в частности той же комиссии ЦК, с материалами которой она должна была ознакомиться. Остается только вспомогательная, чисто техническая роль — подготовить материал, чтобы довести его до Ленина в удобном для него виде. Это признавала и член комиссии М.И. Гляссер в письме Бухарину, так определяя ее задачи: «для ознакомления с материалами к[оми]ссии т. Дзержинского» (курсив наш. — В.С.) [1073].

Итак, задача, стоявшая перед этой комиссией Совнаркома, — подготовить материалы комиссии Дзержинского для ознакомления с ними Ленина. Границы «грузинского вопроса», как он понимался тогда, очерчивались достаточно определенно — конфликтом в ЦК КП Грузии, вызванным попытками части ЦК КПГ ревизовать решение октябрьского (1922) Пленума ЦК РКП(б), их критикой стиля и методов работы секретаря Закрайкома РКП(б) Орджоникидзе, включая инцидент с пощечиной. Освещение именно этих вопросов мы вправе ожидать в материалах, которые накапливала и анализировала комиссия. Однако, как мы увидим далее, реальная ее работа существенно отличалась от задачи, поставленной перед ней при ее создании.

Переписка членов комиссии, а также черновые варианты документов, которые она готовила, позволяют увидеть запрограммированность работы ее членов, политическую направленность их усилий и поставить вопрос о связи между работой комиссии и записками «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Считается, что работой этой комиссии руководил Ленин. Об этом в «Дневнике дежурных секретарей» оставили ряд записей Гляссер и Фотиева, однако их рассказы опровергаются записями дежурных врачей [1074]. В записи от 5 февраля Гляссер сообщает о 20-минутной беседе с Лениным. Она важна тем, что в ней зафиксированы распоряжения Ленина относительно задач и прерогатив этой комиссии. По уверению Гляссер, Ленин, охарактеризовав функции комиссии как «весьма неопределенные», поставил задачи на ближайшее время и предупредил, что комиссия должна учитывать вероятность «расширения» круга вопросов и объема работы за счет привлечения «дополнительных материалов». На будущее откладывалось («в ближайшие недели мы решим») планирование работы и определение сроков ее окончания, а также определение той «формы», которую следует придать подготовленным документам, а пока распорядился лишь «руководствоваться необходимостью составить общий обзор всех данных по тем вопросам, которые наметила комиссия, а также и по тем вопросам, которые он будет в течение работы нам задавать» [1075]. Если оценивать эти установки с позиций традиционной историографической схемы, то в политическом плане они означали желание Ленина иметь свободу манёвра, чтобы в полной мере использовать «грузинский инцидент» против Сталина. Однако врачи безжалостно сводят на нет все усилия Гляссер, констатируя, что после обеда (т.е. в то время, на которое указывает Гляссер) Ленин спал, «затем вечером читал» [1076]. Ленин действительно работал с секретарем в этот день, но утром. Утренняя работа зафиксирована записью Фотиевой, которая, однако, ничего не пишет о том, что обсуждался «грузинский вопрос». Эта сфабрикованная под дневник запись Гляссер очень важна для понимания истории работы так называемой «ленинской комиссии» — она служит единственным свидетельством о стремлении Ленина значительно расширить первоначально поставленные перед «комиссией» задачи, и, видимо, предназначена для объяснения появления среди ее материалов таких, которые выходят далеко за круг заявленных на Политбюро и зафиксированных в ее самоназвании функций. Эта запись Гляссер во многом обесценивает ее свидетельство о руководстве Лениным работой комиссии, содержащееся в

ее письме Бухарину от 11 января 1924 г., о том, что Ленин *«имел уже свое предвзятое мнение, нашей работой буквально руководил и страшно волновался, что мы не сумеем доказать в своем докладе то, что ему надо и он не успеет до съезда подготовить свое выступление»* (курсив наш. — В.С.)[1077].

В качестве доказательства руководства Ленина работой комиссии используется запись вопросов, продиктованных якобы Лениным[1078]. Но документ этот не датирован*, не подписан и ничто не говорит в пользу ленинского авторства его. Уверенность в авторстве опирается только на авторитет работников ленинского секретариата, которого, как мы теперь понимаем, явно недостаточно для окончательного решения этого вопроса. Политическая направленность записки вполне созвучна запискам «К вопросу о национальностях...», что, на первый взгляд, указывает на ее принадлежность Ленину. Однако первые три вопроса касаются фактов, Ленину давно известных, а четвертый указывает на попытку связать рукоприкладство Орджоникидзе с подавлением политических противников. Такая установка требует объяснения, так как все поступавшие к Ленину свидетельства очевидцев, как было показано выше, исключают такую связь. Шестой вопрос сформулирован так, как будто автор его не имел разговоров по поводу этой истории с Дзержинским и Рыковым после их возвращения из Грузии. Только пятый вопрос — о «линии» ЦК при Ленине и в отсутствие его — кажется естественным, но он сам по себе не может свидетельствовать о ленинском авторстве записки, так как носит общий характер.

Если все же допустить, что эти вопросы принадлежат Ленину, то не уйти от вывода, что многое им было уже забыто. Последнее не исключено, но в этом случае обесцениваются выводы и предложения, содержащиеся в записках «К вопросу о национальностях...» Однако документы, продиктованные Лениным в декабре 1922 — начале февраля 1923 г., говорят, что не следует переоценивать влияния болезни на его интеллектуальные способности. Это обстоятельство — аргумент против ленинского авторства записки. Кто же ее автор?

В материалах комиссии Совнаркома имеется еще одна очень интересная записка, отражающая внутреннюю работу комиссии, ее методы. В Полном собрании сочинений В.И. Ленина эта записка опубликована с некоторыми искажениями[1079]. Как и первая, она не подписана, не датирована и не зарегистрирована. Считается, что в ней выражена ленинская воля. Однако ее содержание заставляет усомниться в ленинском авторстве.

Записка состоит из трех разных блоков. В первом содержится установка, которую нельзя оценить иначе, как интригу или давление на Председателя ЦКК А.А. Сольца. В ней проявляется не лояльное отношение к другим членам ЦК. Нет никаких оснований считать, что Ленину, чтобы повлиять на решение вопроса, который он считал важным и принципиальным, приходилось прибегать к намекам Солцу и еще вдобавок «кому-либо». Вопросы второго блока связаны с пунктом 1 первого блока, посвященного рукоприкладству Орджоникидзе, и вызывают удивление, так как фиксируют незнание Ленина отношения Сталина к этой истории («Знал ли Ст[алин]?» «Почему не реагировал?»). Понять эти вопросы, если их ставил Ленин, трудно, так как он знал ответы на них — они в решении Политбюро направить комиссию Дзержинского для расследования конфликта в КП Грузии. Что касается третьего блока, то трудно понять, почему упрек в уклоне к шовинизму и меньшевизму свидетельствует о наличии этого «греха» у великодержавников. Эта мысль в работах Ленина опоры не находит. К тому же если считать, как принято в традиционной историографии, что главным «великодержавником» считается Сталин, и принять на веру тезис о том, что этот пункт направлен против него, то на его счет придется отнести и упрек в склонности к меньшевизму. Возникает вопрос, какое отношение Сталин имеет к меньшевизму? Нам ничего неизвестно о том, чтобы Ленин когда-либо ставил ему в упрек меньшевизм или склонность к нему. Зато хорошо известно, кто усиленно эксплуатировал тезис о том, что Сталин был плохим большевиком в 1917 г. Это Троцкий. Все это заставляет сомневаться в ленинском авторстве записки, во всяком случае, его авторство пока что нельзя считать доказанным.

Как установка для работы членов комиссии Совнаркома выглядит запись, хранящаяся в

ее рабочих материалах и черновиках: «Групп[ировать] матер[иал] не столько в защиту уклонистов, сколько *в обвинение* великодержавников»[1080]. Она чрезвычайно важна для понимания того, чем в действительности занималась группа во главе с Горбуновым. Дело в том, что Ленину запись не принадлежит, так как датирована 12 марта 1923 г. — временем, когда его состояние исключало любую возможность отдавать какие-либо указания по причине утраты дара речи. В тексте ее нет каких-либо указаний на то, что в ней содержится запись отданных ранее Лениным распоряжений. Принципиально важно отметить следующее: из текста ясно, что ее автор мало был озабочен защитой взглядов грузинских национал-уклонистов. Его интересует иное — как уязвить Сталина, Орджоникидзе и других так называемых «великодержавников», иначе говоря, сторонников образования СССР как федерации с сильным центром. Эта позиция вполне гармонирует со взглядами Автора записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», но не имеет опоры в ленинских документах. Известно, что Ленин резко осудил грузинских национал-уклонистов за то, что после октябрьского (1922) пленума они начали борьбу против решений пленума об образовании СССР[1081].

Итак, указание, явно не ленинское и в то же время вполне гармонирующее с текстом записок по национальному вопросу, является руководящим для членов комиссии. Более того, оно говорит о том, что кто-то направлял ее работу на подготовку «бомбы для Сталина» уже после того, как Ленин утратил всякую работоспособность. Ясно, что эта записка — след политической интриги под прикрытием имени Ленина.

Сказанное, конечно, не означает, что мы отрицаем самый факт работы Ленина с членами комиссии и его руководства их работой. Однако надо признать, что у нас нет достоверной информации о том, как именно осуществлял Ленин это руководство, в каком направлении он ориентировал ее членов, и нет оснований говорить, что он направлял их работу на подготовку «бомбы для Сталина».

Можно ли указать на какого-либо политика, тесно связанного с ленинскими секретарями, который бы не поддерживал требований Мдивани и его сторонников относительно форм федерации республик и вместе с тем был заинтересован в том, чтобы использовать их борьбу лично против Сталина? Да, можно. Хорошо известно, что Троцкий, имевший тесные контакты с ленинскими секретарями, именно в это время (февраль—апрель 1923 г., в период подготовки XII съезда РКП(б)) активизировал свои атаки на позиции, занимаемые Сталиным и большинством Политбюро и ЦК партии, в защиту грузинских национал-уклонистов (не ударив при этом палец о палец для их защиты на XII съезде партии). Троцкий поэтому является если не единственным, то главным претендентом на роль Автора этой «статьи».

Среди материалов комиссии хранится черновик документа, имеющий название «Краткое изложение письма губкомам и обкомам о конфликте в компартии Грузии», в основу которого легло письмо ЦК РКП (б) губкомам и обкомам о конфликте в компартии Грузии от 5 февраля 1923 г.[1082] Это машинописный текст, также датированный 5 февраля 1923 г.[1083] Очевидно, это был первый документ, созданный комиссией. Следующая фаза ее работы отмечена документом «Главные пункты расхождений с Заккрайкомом, по которым ЦК КПГ[рузии] получил название "уклонистов"». Текст машинописный, с рукописной правкой, не датирован, не подписан[1084]. Отложившиеся документы свидетельствуют, что в течение февраля комиссия собирала материалы. Она получила письма сторонников Мдивани из КП Грузии с обвинениями в адрес Орджоникидзе и 22 февраля направила их ему с сопроводительным письмом, в котором говорилось, что Ленин поручил членам комиссии «изучить все имеющиеся материалы по грузинскому вопросу для доклада ему» с просьбой дать ответ по существу поднятых в них вопросов. Орджоникидзе категорически отверг обвинения в свой адрес. «Что касается инцидента с Кабахидзе, — писал он, — я бы предложил запросить ЦКК и тов. Рыкова, очевидца этого инцидента, — так будет объективнее»[1085]. Комиссия запросила Рыкова, и в результате в ее материалах появилось его свидетельство (о котором говорилось в первой части книги). Тогда же в ЦКК была

направлена просьба прислать все материалы по этому конфликту, на которую пришел ответ — заявление о пощечине от Кабахидзе в ЦКК не поступало[1086].

В ходе работы комиссия подготовила не один документ, как считается, а ряд отдельных справок, каждая из них имеет собственную нумерацию листов. Вместе с тем они составляют единый блок текстов, на что указывает то, что текстам предпослан перечень подготовленных документов, а подписи стоят только под последним из них[1087]. Это позволяет рассматривать справки как единый документ. Первая справка имеет название «Краткое изложение конфликта в Груз[инской] Компартии» (это название принимается за название единого документа). В ней, в частности, говорится, что члены старого ЦК КП Грузии (т.е. группа Мдивани) опирались в своей работе на указания Ленина и Сталина и расходились с политикой, проводимой Орджоникидзе. Утверждается, что ЦК КП Грузии старого состава ушел в отставку из-за травли со стороны Орджоникидзе, что комиссия ЦК РКП(б) под председательством Дзержинского имела свое мнение еще до выезда из Москвы, что ЦК РКП(б) утвердил заключение комиссии Дзержинского, которое не разрешило конфликт в КП Грузии, в результате чего кризис обострился[1088]. Вторая справка «Краткое изложение главнейших разногласий, по которым группа ЦК КПГ[рузии] получила название "уклонистов", и решения 1-го съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик» — представляет собой перечень основных разногласий между Орджоникидзе и старым составом ЦК КП Грузии. При этом Сталин как виновник обострения конфликта в КП Грузии или защитник ошибочных действий Орджоникидзе в них никак не просматривается. Утверждалось, что Заккрайком и новый состав ЦК КП Грузии ведет травлю работников старого состава, чем обостряет положение в партии и республике[1089]. В следующей справке — «Борьба с "уклонами"» — утверждалось, что после отставки старого состава ЦК КП Грузии положение в партии по вине Заккрайкома и нового состава ЦК значительно обострилось, склока разрастается[1090]. Данный вывод основывается на заявлениях членов старого состава ЦК КП Грузии, мнение противостоящей стороны игнорируется, что говорит о пристрастности членов комиссии и одностороннем характере их выводов. Кроме того, все выводы они основывают только на бумагах, не зная реальной обстановки на месте. Следующая справка называется так: «"Некоторые примеры" злоупотреб[ений истинно-русского свойства]» (См. статью В.И. Ленина "К вопросу о национальностях или об "автономизации"»). В нем содержится ряд мелких фактов, объективно призванных оправдать позицию и поведение членов старого состава ЦК КП Грузии г.е. группы Мдивани)[1091]. Далее следуют справки «Обвинения в плохом проведении земельной реформы» и «Обвинения в слабости борьбы с меньшевиками», а за ними — «Цитаты из речей группы Заккрайкома и членов комиссии Дзержинского», содержащие критику позиции национал-уклонистов в области национально-государственного строительства, которые дают представление о накале политической борьбы и способах ее ведения[1092], этот комплекс завершается текстом, имеющим название «О выводах комиссии Дзержинского», в котором работе ее дается негативная оценка. В конце его стоят подписи Фотиевой, Горбунова и Гляссер. Ниже в левом углу листа дата — «3/III—1923 г.»[1093].

Вопрос о том, был ли Ленин ознакомлен с этими материалами, остается открытым. В литературе существует точка зрения, что документы были представлены Ленину 3 марта 1923 г.[1094]. Однако никаких достоверных сведений на этот счет нет. Молчат об этом «Дневники» дежурных секретарей и врачей. Состояние здоровья Ленина в эти дни заставляет скептически отнестись к возможности его ознакомления с достаточно объемным комплексом документов. Кроме того, 1 февраля Политбюро постановило, что без разрешения Ферстера документы Ленину сообщены быть не могут. «Дневник» врачей не фиксирует ни такого разрешения, ни даже самой постановки вопроса.

Лучше понять характер и общую направленность работы комиссии позволяют черновики, первоначальные и промежуточные варианты готовившихся ею документов[1095]. Собранные материалы показывают, что в своей работе члены комиссии далеко вышли за рамки, очерченные, как они уверяют, самим Лениным, и вторглись в принципиальные

вопросы объединения советских республик. На это указывает наличие в деле перечня автономных республик и областей, перечня решений ЦК РКП(б) и других материалов, относящиеся к 1921 — началу 1922 г. Например, «Справки о разногласиях между ЦК РКП(б) и ЦК КПП 1921 — 1922 гг.» или просьбы, с которой 27 февраля 1923 г. Фотиева обратилась к Сталину, о присылке ей первоначальных предложений по объединению советских республик в СССР на принципах «автономизации» (Сталин прислал ей текст своих тезисов)[1096]. Ясно, что этот материал собирался не для Ленина, так как информация, содержащаяся в них, была ему хорошо известна. С другой стороны, в итоговые документы вошли не все собранные комиссией материалы, отражающие суть и развитие конфликта в КПП и позволяющие всесторонне оценить его. Тенденциозно подбирая документы и пристрастно освещая проблему, они искажали картину конфликта и работу комиссии Дзержинского. Показательно, что в подготовленных якобы для Ленина документах отсутствовали протоколы (обзор или упоминание их) заседаний комиссии Дзержинского во время ее пребывания в Тифлисе[1097]. Об этом же говорит и сокрытие ими от Ленина факта (упоминание о нем отсутствует в подготовленных комиссией справках, хотя соответствующие документы имеются среди собранных ею материалов) передачи из старого ЦК КПП за границу секретных материалов, относящихся к подготовке образования СССР и конфликту в ЦК КПП: текстов секретного доклада Махарадзе, шифротелеграмм Ленина и Сталина в ЦК КПП, а также секретаря ЦК КПП Сабашвили в ЦК РКП(б), которые были опубликованы в издававшемся в Берлине меньшевистском журнале «Социалистический вестник» (№ 2 за 1923 г.). Скрыли они и постановление Секретариата ЦК РКП(б) от 25 января 1923 г., поручавшее Закрайкому расследовать это дело, обновить состав исполнительных органов ЦК КП Грузии, установить строгий контроль за сохранением секретности и снять Сабашвили с поста секретаря ЦК КПП[1098]. Подготовленный комиссией Совнаркома документ (блок справок) объективно оказался направлен против линии ЦК РКП(б) в области национально-государственного строительства.

В этом документе комиссии обнаруживается любопытная связь с записками «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Мысль об ответственности Орджоникидзе за все проблемы в КП Грузии, проходящая красной нитью через документы, подготовленные комиссией, в записках нашла свое «классическое» выражение: Орджоникидзе дал пощечину — значит, вся политическая линия неверна[1099]. Если принять традиционную версию первенства «ленинской статьи» по сравнению с документами, наработанными «ленинской комиссией», то придется признать, что составлявшие ее технические работники Совнаркома не только без зазрения совести присвоили себе мысли Ленина относительно Орджоникидзе, сформулированные в «статье», но и настойчиво пытались убедить его в «зловещей» роли Орджоникидзе, уже вполне в «статье» оцененной. Собирая компромат на него, они «ломили в открытую дверь». Зачем? Смысл эта работа приобретает только в том случае, если собранные ею материалы предшествовали появлению записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

В материалах комиссии Совнаркома, как и в записках по национальному вопросу, самая критика Орджоникидзе является только средством и способом «зацепить» более глубокие пласты политики в области национально-государственного строительства и обосновать необходимость ее радикального изменения.

Если перед членами комиссии действительно стояла задача подготовки «бомбы для Сталина»**, то придется признать, что она эту задачу выполнить не смогла. Ее члены не нашли *ничего*, что могло бы скомпрометировать Сталина, представив его человеком, покрывающим недостойное поведение Орджоникидзе, ответственным за него. Оказывается, наоборот, наиболее жесткие меры организационного характера в отношении Орджоникидзе предлагал принять именно Сталин. Вот рассказ Зиновьева: «Серго виноват на 20%.

Заключение ком[иссия] (Дзержинского. — В.С.) имела еще до выезда из Москвы. Если бы не авторитет ЦК, Махарадзе имел бы большинство в партии. Намечается компромисс (Зин[овьев] со Сталиным). На их съезд (II съезд КПП. — В.С.) посылают двух автор[итетных]

тт. Куйбышева и Бухарина или Каменева. Не согласны с линией Ордж[оникидзе] Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Каменев (колеблется). Письмо*** послано при большинстве воздержавшихся.

Компромисс [—] вернуть часть уклонистов.

Зиновьев [считает] — Ордж[оникидзе] необходимо оставить.

Сталин — можно [его] послать на год в Туркестан»[1100].

Предложение направить провинившегося на работу в Туркестан в подобных случаях рассматривалось как своего рода партийная ссылка. Никакими документальными данными не подтверждается тезис о том, что комиссия Дзержинского до отъезда из Москвы «имела заключение», хотя свое мнение ее члены, конечно, иметь могли (поскольку конфликт тянулся давно). Тезис о виновности Орджоникидзе на 20% тоже говорит о том, что его вину в этом конфликте Зиновьев не расценивал как главную. Интересно признание Зиновьева, что если бы не авторитет ЦК РКП(б), то Махарадзе имел бы большинство в КППГ. Сама формулировка свидетельствует об определенном сожалении автора по поводу наличия у ЦК такого авторитета среди грузинских коммунистов и выдает в нем сторонника грузинских национал-уклонистов. Мог ли Ленин сожалеть по поводу невольного признания силы авторитета ЦК, ставить его в упрек Сталину и поддерживать тех, кто боролся против авторитета ЦК партии, который сам Ленин рассматривал как важнейший фактор сохранения партией своей власти в стране? Более чем сомнительно.

Возможно, эта записка потому и не была включена в окончательный текст подготовленных документов, что ни против Сталина, ни против Орджоникидзе она серьезного компромата не содержала. Отметим в связи с этим, что в записях «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» упреки в адрес Сталина и Орджоникидзе также остались не проработанными, не аргументированными.

Но самое важное то, что в готовившихся документах содержится ряд политических положений, которые позволяют не просто поставить под сомнение ленинское авторство записок «К вопросу о национальностях...», а аргументировать утверждение, что Ленин не был их автором.

Первый машинописный вариант готовившегося документа (не датирован)[1101] заканчивается очень интересным выводом: «В заключение наша комиссия приходит к выводу, что товарищи из старого состава ЦК Грузии неправильно ставят вопрос и *ослабляют* свою позицию, когда говорят, что у них нет *принципиальных* разногласий с *группой* Заккрайкома, а есть только тактические. Поскольку Заккрайком в своем стремлении бороться с "уклонизмом" проявил *уклонизм в сторону великодержавности*, что нам кажется достаточно выяснившимся из материалов, — ***разногласия носят характер политический и должны быть выдвинуты на предстоящем съезде компартии***» (выделено нами. — В.С.)[1102].

Вот ведь куда занесло технических секретарей вкупе с управделами СНК! Надо по достоинству оценить этот политический перл. Его авторы берут на себя ответственность за критику работы комиссии Дзержинского, которая на месте изучала этот конфликт и лишь подтвердила мнение тех, кто прежде разбирался с этой проблемой. Политическая смелость, удивительная для этой комиссии с техническими функциями, проявляется часто. Так, например, Заккрайком, избранный компартиями Грузии, Армении и Азербайджана, объединяющий и координирующий их деятельность, у членов комиссии уже превратился в «группу». Сами они до этого додумались или написали под чью-то диктовку? Кто мог стоять за спиной членов этой «комиссии»? Видимо, за техническими работниками ленинского секретариата стояла значительная политическая фигура. Сейчас назвать кого-либо конкретно мы не можем, однако обращает на себя внимание то, что в последующем в ходе внутривнутрипартийных дискуссий представители различных оппозиционных групп, в том числе и Троцкий, не раз прибегали к этому приему — объявляя противостоящее им большинство партии фракцией, а находящиеся под контролем этого большинства органы партии — фракционными органами.

Ленину ли адресовался совет изменить оценку разногласий и внести вопрос на съезд партии? Судя по всему, нет. Если он был автором записок «К вопросу о национальностях...», то зачем ему надо доказывать, что разногласия между ЦК РКП (б) и национал-уклонистами носят принципиальный характер? Автор записок личный конфликт Орджоникидзе и Кабахидзе уже вывел на уровень принципиальный: «Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия... то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна»[1103].

Здесь эта мысль повторена не раз****, хотя и не сформулирована столь определенно. Более того, с нее записки начинаются: Автор решает вступить в борьбу со сторонниками «автономизации» именно на фазе подготовки партийного съезда, который, в принципе, мог вернуться к этому вопросу и пересмотреть его и в ходе подготовки II съезда Советов, на котором планировалось принятие конституции СССР*****. Если принять на веру ленинское авторство этих записок, то придется признать, что члены комиссии переписывали для Ленина сформулированные им положения как свои. Зачем убеждать Ленина в том, в чем он сам убеждает других?

Важно отметить и то, что в своем противостоянии с ЦК партии члены комиссии занимают *гораздо более боевую и радикальную позицию, чем Мдивани, Махарадзе и другие грузинские национал-уклонисты*. Только так и можно понять их указание о том, *как следует вести борьбу* против принятых ЦК РКП(б) решений, т.е. отказаться от формального признания решений октябрьского и декабрьского (1922) Пленумов ЦК РКП(б) и открыто атаковать их. Практически они предлагают *начать эскалацию политической борьбы не только внутри ЦКРКП(б), но и в партии*. Они предлагают национал-уклонистам отбросить как вредную теперь *маскировку своей истинной позиции разговорами об ограничении разногласий тактическими подходами к решению проблемы и наращивать силу своего давления на ЦК*. Время вспомнить, что в октябре 1922 г. Мдивани писал Кавтарадзе о необходимости использовать именно этот метод маскировки своих намерений. Это письмо было в распоряжении комиссии, и ее члены, естественно, его знали. Получается, что члены комиссии предлагали Ленину использовать тот же метод в борьбе против ЦК, какой Мдивани и его сторонники использовали в своей борьбе против ЦК и Ленина! Если мы учтем, что Ленин знал это письмо Мдивани, то неизбежен вопрос, Ленину ли предназначался этот совет?

Утверждение, что **«Закрайком в своем стремлении бороться с "уклонизмом" проявил уклонизм в сторону великодержавности»** (выделено нами. — В.С.)[1104], также перекликается с известным положением записок «К вопросу о национальностях, или об "автономизации"»: тот, кто «пренебрежительно швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой), тот... в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности»[1105]. На первый взгляд, ничего удивительного в этом нет. Просто члены комиссии, знавшие ленинские записки, повторили положение, сформулированное в них, придав ему более четкую формулировку. Прост ответ, да не так прост вопрос. Почему технические секретари Ленина вкупе с Горбуновым сообщают Ленину об этом как о чем-то новом для него, как о выводе, сделанном именно ими на основании изученного материала (который Ленин не знал и только ожидал ознакомления с ним в их обработке). Зачем они доказывают Ленину, что борцы с уклонизмом сами являются уклонистами, если Ленин уже давно продиктовал им это? Если бы они заимствовали это положение из ленинской статьи, то мы вправе были бы ожидать, что они как-нибудь укажут на то, что их вывод является лишь подтверждением вывода, сделанного Лениным. Но по контексту ясно, что члены комиссии не напоминают Ленину его вывод, они убеждают Ленина в верности своего вывода. Значит, этот совет комиссии появился до того, как были созданы записки по национальному вопросу. И предназначался он не Ленину.

Не менее показательным и то, что члены комиссии, если принять всерьез ленинское

авторство записок «К вопросу о национальностях...» и время их создания (30—31 декабря 1922 г.), *ломаются в открытую дверь* .

В связи с оценкой работы комиссии Дзержинского члены комиссии Совнаркома ставят задачу «исправления неправильных и пристрастных суждений»[1106]. В записках «К вопросу о национальностях...» это положение тоже имеется и выглядит так: «Доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там, несомненно, имеются»[1107]. И снова вопрос: зачем убеждать Ленина в том, в чем он был убежден давно, в чем он сам старался убедить других, из чего исходили его якобы установки членам комиссии?

Можно было бы понять, если бы все эти оценки и советы содержались в документе, адресованном кому угодно, но только не Ленину. Сообщать ему его же собственные выводы, сделанные одним-двумя месяцами раньше, как оригинальные выводы членов комиссии? В это трудно, вернее, невозможно поверить. Члены комиссии могли использовать содержащиеся в записках положения как угодно, за одним исключением, а именно: они не стали бы доказывать Ленину то, что он уже доказал. Иначе в чем же состояла их помощь, в чем был смысл их работы? Если бы совпадение между «более ранними» записками «К вопросу о национальностях...» и «более поздними» документами комиссии было единичным, можно было бы допустить, что оно случайно. Но таких совпадений много и они касаются только принципиальных вопросов, тех, которые в записках несут наибольшую политическую нагрузку. Тех, по которым Ленин, с одной стороны, и Автор заметок — с другой, занимали различные позиции.

Все это дает нам право *сделать допущение* (пока что только допущение), что данная рукопись *предшествовала появлению записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»* или они создавались *практически одновременно* — в период не ранее февраля—марта 1923 г. Следовательно, время работы Ленина над записками, а также самый факт его авторства легендарны. Мы вправе предположить, что члены комиссии Совнаркома были причастны к процессу создания записок, автором которых Ленин не был. Что сформулированные членами комиссии или записанные ими с чужих слов положения приобрели потом вид «ленинских» записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Если мы учтем, что некоторые *рабочие записки* членов комиссии Совнаркома датированы временем, когда Ленин уже утратил всякую работоспособность, то это допущение перерастает в уверенность. Для кого работает комиссия? Ясно, что не для Ленина. Для чего? Выше был проанализирован один документ комиссии, датированный 12 марта[1108]. О том, что комиссия Совнаркома, возможно, продолжала работать в конце марта 1923 г., говорит отложившаяся в фонде ленинского секретариата переписка между членом комиссии, техническим секретарем Политбюро Гляссер и Троцким на заседании Политбюро 26 марта 1923 г. по поводу протокольной записи выступления Троцкого на этом заседании. На просьбу уточнить формулировку его заявления Троцкий ответил, что после речи Орджоникидзе его сомнения относительно правильности его политики «усилились в сто раз»[1109].

Записка Гляссер и ответ Троцкого — автографы на блокнотном листе, не датированы[1110]. Эта переписка — документ, относящийся к делопроизводству Политбюро, поэтому требует объяснения самый факт нахождения его в материалах ленинского секретариата среди тех документов, которые поступали в него уже после того, как Ленин утратил всякую работоспособность*****. Могут сказать: он там отложился случайно. Гляссер принесла и забыла. В принципе это не исключено, но в данном случае принять такое объяснение невозможно по той простой причине, что *Орджоникидзе, о выступлении которого пишет Троцкий, на заседании Политбюро не присутствовал* . В его работе участвовали члены Политбюро Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Томский, Рыков, кандидаты — Молотов и Бухарин, а также приглашенные члены ЦК РКП (б)

Рудзутак, Дзержинский, Н.И. Смирнов и заместитель председателя СНК РСФСР Цюрупа[1111]. Рассмотрев предложение Троцкого «об отзыве т. Орджоникидзе», Политбюро решило отклонить его пятью голосами против двух, поддержавших Троцкого[1112]. Орджоникидзе в этот день находился в Тифлисе, куда Сталин направил телеграмму с информацией о том, что Пленум ЦК назначен на 31 марта 1923 г. и адресату необходимо на него приехать[1113].

Таким образом, Троцкий не мог слушать выступление Орджоникидзе, следовательно, эта переписка — фальсификация более позднего происхождения*****. В этом случае становится понятным, почему эти документы Политбюро оказались в материалах комиссии Совнаркома: к документам Политбюро подложить их было невозможно, так как в архиве функционирующей организации подлог мог быть обнаружен, а в материалы формирующегося фонда секретариата Ленина — можно*****.

Эти факты вместе с информацией о состоянии здоровья Ленина 3—6 марта фактически исключают возможность ознакомления Ленина с подготовленными комиссией документами. Следовательно, нет оснований считать, что он решил, что «бомба для Сталина» уже готова, что пора рвать с ним всякие отношения и для этого обратился к Троцкому за поддержкой, что наконец-то наступило время открыто поддержать группу Мдивани и пр. и пр. А вместе с этим под сомнение попадает история передачи Троцкому по инициативе Ленина записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также направления им 5 и 6 марта 1923 г. писем для Троцкого и Мдивани и др.

Если комиссия работала над документами уже после того, как Ленин полностью прекратил политическую деятельность, когда не мог воспользоваться ими, то для кого же предназначались подготовленные ею справки? Очевидно, для того, кто мог реализовать эти установки на XII съезде партии и дать бой сторонникам линии на образование СССР как единого государства.

Имена наиболее активных бойцов, шедших в этой борьбе дальше всех, известны: Мдивани, Раковский, Бухарин и др. В феврале 1923 г. в процессе подготовки XII съезда РКП (б) к ним присоединился Троцкий, открыто выступивший в поддержку грузинских национал-уклонистов. Как раз в это время началась работа комиссии Совнаркома, продолжавшаяся вплоть до конца марта, т.е. практически до кануна съезда — до того момента, когда записки «К вопросу о национальностях...» были «вброшены» в политическую жизнь членом этой комиссии Фотиевой и засвидетельствованы Троцким. Не для него ли трудились Горбунов, Фотиева и Гляссер под прикрытием легенды о подготовке для Ленина материалов по «грузинскому конфликту»*****.

* В Полном собрании сочинений Ленина авторы примечаний этот документ «привязывают» к записи за 1 февраля 1923 г. «Дневника дежурных секретарей» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 607). Эта датировка не аргументирована.

** О том, что такая задача перед ними ставилась и ими решалась, говорят приведенные выше материалы комиссии, а также Гляссер в своем покаянном письме Бухарину от 11 января 1924 г.

*** Имеется в виду, видимо, письмо ЦК РКП(б) губкомам партии по поводу грузинского конфликта, принятое 27 января 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 5—6; Ф. 17. Оп. 3. Д. 341. Л. 9—15), краткое изложение которого для Ленина было подготовлено членами его комиссии.

**** Она звучит также в письмах Троцкому, Мдивани и др., якобы продиктованных Лениным 5 и 6 марта.

***** Конечно, странно, что он не обращается к I съезду Советов СССР, который открылся как раз 30 декабря. Но это, в конце концов, его, Автора, дело.

***** Они находятся в деле, материалы которого посвящены положению в КП Грузии в первые месяцы 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34) и тематически связаны с теми проблемами, над которыми работали члены этой комиссии.

***** Обращает на себя внимание интересная переключка с «Письмом к съезду» — там сомнения являются основой для перемещения Сталина с должности генсека, здесь тоже сомнения влекут за собой предложение о перемещении Орджоникидзе с должности секретаря Заккрайкома.

***** Если принять версию, что в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» отразились политические интересы Троцкого, то получает естественное объяснение факт присутствия среди критикуемых за поступок Орджоникидзе Держинского — «без вины виноватого». Троцкий, вынужденный «отдать» НКПС Держинскому, в это время негативно относился к нему. Столкновение по вопросу о комиссии Ломоносова тоже не способствовало улучшению их отношений. Политически Держинский в это время твердо стоял на позициях Ленина, поддерживая его взгляды на НЭП.

***** Кроме того, при подготовке записок по национальному вопросу, возможно, использовались какие-то другие документы. Очевидна переключка оценок, содержащихся в письме Н.Н. Нариманова Ленину от 19 февраля 1922 г. Из письма ясно, что настроения и взгляды, выраженные Автором записок, имели в республиках Закавказья широкое хождение, использовалась и свойственная ему терминология. Нариманов, в частности, писал: «Я имею устные и письменные доклады о положении и отношении всех окраинных автономных республик к нам. Во всех докладах говорят о *колониаторской политике Советской России* (курсив наш. — В.С.)». Нариманов писал, что ЧК терроризирует местных работников, что представители Центра сами являются «первыми грубыми националистами». «Верят только Вам», — признает Нариманов. А подобное положение терпели только до тех пор, пока шла война.

С этим письмом были ознакомлены члены Политбюро ЦК РКП (б). Возражений по существу оценок Нариманова не было, а Каменев написал, что Нариманов на три четверти прав (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24503. Л. 1—1 об.). Заметим, о Сталине и Орджоникидзе здесь нет ни слова.

На «кавказское» происхождение (или «кавказское» влияние) некоторых положений записок указывает то, что для ее Автора актуальной была проблема объединения железнодорожного транспорта. Для всех республик, кроме закавказских, она уже не являлась политически и экономически злободневной.

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛЕНИНСКОГО АВТОРСТВА «ПИСЬМА К СЪЕЗДУ»

§ 1. О ЧЕМ ГОВОРЯТ И УМАЛЧИВАЮТ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ «ХАРАКТЕРИСТИКИ»

СТАЛИН

В исторической литературе независимо от политической и идеологической позиции авторов оценки Сталина, имеющиеся в «Письме к съезду», воспринимаются как истина в последней инстанции, как нечто само собой разумеющееся и не нуждающееся в доказательстве. Анализ этих оценок фактически подменен поиском в биографии И.В. Сталина поступков, которые бы им соответствовали. В ход идут все известные критические замечания Ленина в адрес Сталина, относящиеся к иному времени, другим обстоятельствам, а также рассказы третьих лиц об отношении Ленина к Сталину. Между тем с «характеристикой» Сталина не все так просто. Рассмотрим ее внимательнее.

Автор «характеристик» утверждает, что «тов. Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»[1114]. Возникает вопрос, мог ли Ленин, не погрешив против правды, утверждать, что Сталин «сделался» генсеком (т.е. то ли сам

обеспечил себе эту должность, то ли как-то «нечаянно» оказался на ней), если сам он приложил немало усилий, чтобы сделать Сталина генсеком? Но допустим, что Ленин решил использовать этот термин. Этим проблема не снимается, поскольку в литературе тезис о нарастании недовольства Ленина Сталиным как генеральным секретарем остается недоказанным.

Автор «Письма к съезду» утверждает, что Сталин сосредоточил в своих руках «необъятную власть». Этот тезис в традиционной историографии также принимается некритически, на веру и охотно используется в различного рода логических построениях. Его утверждению и обоснованию много внимания уделял Троцкий, без конца твердивший, что вся политическая сила Сталина (или значительная часть ее) была сосредоточена в должности генсека. Власть генерального секретаря не была «необъятной» хотя бы потому, что у нее были свои ограничители — прежде всего воля и авторитет Ленина и других членов Политбюро. По точному смыслу этой фразы в «Письме к съезду», Ленин признавал, что Сталин уже имел необъятную власть в то время, когда он сам еще сохранял способность решающим образом влиять на решение политических и кадровых вопросов. О какой необъятной власти Сталина мог говорить Ленин, если Сталин вынужден был уступить в вопросах образования СССР и режима монополии внешней торговли?

Выше было показано, что должность генсека сама по себе мало что прибавила к власти, которой уже обладал Сталин. Скорее, она оформила и подчеркнула ту реальную власть, которая с помощью Ленина к весне 1922 г. уже сосредоточилась в его руках. Она усилила его политические позиции, увенчала его авторитетом, выделив из других членов Политбюро. Эта должность привлекла к нему внимание партии, страны, Коминтерна, мировой общественности. Но сама по себе она не давала Сталину никакой «необъятной власти», хотя в некоторых вопросах руководства партией она фактически была больше, чем у любого другого члена Политбюро. Правильнее будет сказать, что власть Сталина опиралась не на одну должность, а на то положение, которое он давно и не случайно занял в Центральном Комитете: он единственный из членов Политбюро, кто входил во все три органа ЦК — в Политбюро, Оргбюро и в Секретариат*. Сила Сталина заключалась в умении работать, в организаторском и политическом таланте, в знании людей и проблем, в связях с местами, в авторитете, накопленном в прошлые годы и увеличившемся в последнее время. Рост этого авторитета, знаний, опыта, соединенный с авторитетом новой должности, конечно, давал прирост возможностей влиять на ход дел, а значит, и на расширение реальной власти. Но на это «обречен» любой способный и соответствующий занимаемой должности человек, а не только Сталин.

Надо сказать, что в самой партии заявление о необъятной власти генерального секретаря (а следовательно, об опасностях, с которыми сопряжено пребывание Сталина на этой должности) вызывало удивление и возражения. Его открыто оспаривали. На XII съезде партии, например, никто не сказал, что Сталин плохой генеральный секретарь, напротив, работу Секретариата ЦК под его руководством хвалили[1115]. Критика в адрес Сталина была, например, со стороны Мдивани, но совсем по другому поводу: за непоследовательность в проведении принципов национально-государственного строительства и за стремление решать политические вопросы методом кадровых перемещений отдельных работников[1116]. Год спустя, на XIII съезде РКП(б) делегаты, обсуждая «Письмо к съезду», ставили работу в должности генерального секретаря в заслугу Сталину[1117]. Критики работы Секретариата были, но все те же, «записные», которые прежде критиковали и Ленина, и Секретариат ЦК, те, с которыми Ленин не соглашался, возражал им, от критики которых брал Сталина под защиту и, несмотря на их противодействие, проводил на должность генерального секретаря. Прошел еще год, и на XIV съезде РКП(б) И.С. Гусев заявил: «Теперь — насчет необъятной власти Секретариата и генерального секретаря, — о чем говорили здесь. Вопрос поставлен так же абстрактно, как он ставился годика два тому назад, когда впервые мы услышали эти слова о "необъятной власти"». Итак, постановку вопроса о власти генсека он считал неоправданно абстрактной. С

этим надо согласиться. «Нужно учитывать опыт... — продолжал Гусев. — Были ли злоупотребления этой властью или нет? Покажите хоть один факт злоупотребления этой властью. Кто привел такой факт злоупотребления? Мы, члены ЦКК, присутствуем на заседаниях Политбюро систематически, мы наблюдаем работу Политбюро, работу Секретариата, и в частности работу генерального секретаря ЦК. Видим мы злоупотребления этой «необъятной» властью? Нет, мы таких злоупотреблений не видим»[1118]. Политические противники Сталина в ответ не привели никаких примеров, которые могли бы поставить под сомнение это заявление Гусева.

Тезис о грубости Сталина — едва ли не самый «любимый» в традиционной историографии. Он легче всего доказывается, ведь сам Сталин признался в том, что у него есть такой недостаток[1119], и, кроме того, он хорошо увязывается с конфликтом Сталина и Крупской, в котором получает солидную опору. Если верить Автору «Письма к съезду», грубость Сталина проявлялась в таких размерах, что грозила расколом ЦК и партии, следовательно, ее не могли не заметить, и информация о ней должна была бы быть прямо зафиксирована в тех или иных документах или отразиться в них косвенным образом. И опять мы должны констатировать, что нам неизвестны другие ленинские тексты, в которых имелись указания на грубость Сталина как на доминирующую черту характера, определяющую его отношения с людьми. Нам неизвестны случаи поступления к Ленину письменных или устных жалоб на грубость Сталина. Даже в материалах так называемой «ленинской комиссии» (Фотиева, Гляссер, Горбунов), собиравших компромат на Сталина и Орджоникидзе, нет материалов, говорящих не то что о грубости как характерной для Сталина черте личности или политика, но и вообще о каких-либо проявлениях ее. Дружное молчание источников — это тоже ценная информация. Исключение составляет, пожалуй, только письмо Крупской Каменеву от 23 декабря 1923 г., в котором она информировала его о своем разговоре со Сталиным 22 декабря и квалифицировала его поведение как проявление грубости[1120]. Об источниковедческих проблемах, связанных с этим письмом, говорилось в первой части книги. Имеются терминологическая близость и даже совпадения между письмом Крупской Каменеву и «Письмом к съезду». Есть, конечно, отличия: сообщаемый ею факт не подходит под ограничения, установленные автором «Письма к съезду», — грубость, допускаемая Сталиным, вполне терпима среди коммунистов. Она нетерпима лишь в отношении с беспартийными. Крупская принадлежала к первым.

Любопытно, что в ходе дискуссии накануне XII съезда РКП (б) и на самом съезде была острая критика в адрес ЦК и Политбюро в связи с проводимой сторонниками Ленина групповой политикой. Сталина же как генсека за грубость и другие черты характера, отмеченные Автором «Письма к съезду», никто не критиковал. Зато говорилось о прямо противоположном. Интересные зарисовки работы Секретариата оставил председатель Центральной ревизионной Комиссии РКП(б) В.П. Ногин: «Я нарочно просидел в приемной, когда не все товарищи знали, что я пришел, как член ревизионной комиссии, чтобы посмотреть, как происходит прием. Я был в приемной около тов. Сталина и около тов. Сырцова. Я должен сказать, что там были большой порядок и большая предупредительность как к работающим в ЦК товарищам, чтобы не обременять их лишними делами, так и предупредительность к тем, которые приходят. Я должен засвидетельствовать, что мне неизвестно о том, что в ЦК не по-коммунистически обращались с нашими товарищами»[1121]. Не возникал вопрос о грубости или других личных недостатках Сталина и во время общепартийной дискуссии (октябрь 1923 — январь 1924 г.). Никто не поддержал эту характеристику и при обсуждении «Письма к съезду» на XIII съезде партии. Только позднее, после введения в политический обиход «Письма к съезду» упрек в грубости и т.п. превратился в ординарное средство политической борьбы против Сталина.

Поскольку ничего о грубости Сталина в его отношениях как генсека с беспартийными неизвестно, а абсолютное большинство людей, с которыми ему в этом качестве приходилось общаться, были коммунистами, то возведенная на этом упреке логическая конструкция Автора «Письма к съезду» теряет практический смысл.

В этой ситуации возникает ряд вопросов, обращенных уже к Автору «Письма к съезду». Оставим на его совести утверждение, что грубость вполне терпима в отношениях между коммунистами. Откуда такая дискриминация? И что представляет собой грубость, терпимая среди коммунистов, но нетерпимая в отношениях с беспартийными? И почему со всяким беспартийным всегда и при любых условиях нельзя быть грубым, а только ласковым? Реальный Ленин здесь, в этой фразе, никак не узнается. Какой необычайный вред большевистской партии может нанести грубость Сталина в отношении с беспартийными, если основная масса его контактов идет именно с членами партии? И к каким беспартийным нельзя проявлять грубость? Ко всем без различия или только к «избранным»? И в каких случаях? Всегда, без всякого изъятия? И что здесь от партийного, классового подхода ко всем вопросам политики и морали, которую всегда исповедовал коммунист Ленин? И почему грубым с ними нельзя быть только как генеральному секретарю? А как члену ЦК партии и члену Политбюро, наркому по делам национальностей** можно? Получается, что упрек в излишней грубости при всей своей кажущейся ясности в устах Ленина звучит, по меньшей мере, странно и вызывает вопросы.

Автор «Письма к съезду» считает, что Сталин недостаточно лоялен***, недостаточно вежлив, внимателен, терпим, излишне капризен и т.д.[1122] Говоря об этих недостатках, важно помнить, что речь идет не о простых человеческих недостатках и слабостях, а о качествах, делающих непригодным данного человека для выполнения конкретных функций на определенной должности. И при этом данный набор замечаний отличен от других еще большей неопределенностью и субъективностью. Например, что такое *достаточная* или *недостаточная* лояльность или вежливость? И в чем проявляется у Сталина *излишняя* капризность? и т.д. Такая глухая ссылка на недостаточность вежливости, лояльности, терпимости, как и всех других грехов, может быть понятна только в том случае, если эти недостатки очевидны, хорошо известны, о них не однажды говорили и пр. Это письмо, как считается, адресовалось делегатам съезда, но делегаты съезда, судя по их реакции, не понимали или не разделяли этих упреков. Следовательно, их справедливость не была очевидна. Если Автор «Письма к съезду» желал «открыть глаза» делегатам съезда, требовалось аргументировать свои оценки. В ленинских работах нет и намека на подобные упреки, а в «Письме к съезду» они выглядят голословными.

Мы не будем утверждать, что Сталин со своими политическими противниками всегда был «достаточно» вежлив, лоялен и пр. Но многие из этих упреков в устах Ленина звучат, по меньшей мере, странно, так как самого его никак нельзя заподозрить в чрезмерной вежливости, лояльности, терпимости и внимательности к своим политическим противникам. Например, к тому же Троцкому. «На войне, как на войне». Уже это обстоятельство заставляет усомниться в том, что этот упрек исходил от Ленина.

Наличие отмеченных в «Письме к съезду» недостатков трудно отвергнуть, но и подтвердить то, что присутствие их у Сталина в таких размерах, что они грозили партии расколом, невозможно. Во всяком случае, опыт истории говорит, что высказанные опасения о связи этих качеств Сталина с опасностью раскола партии оказались несостоятельными.

* Что давало больше реальной власти Сталину? Работа в Секретариате или в Оргбюро? Этот вопрос специально не исследовался. Очевидно, на него нет однозначного ответа. На наш взгляд, показательно, что летом 1923 г. Зиновьев, Бухарин и др., желая ограничить власть Сталина, первостепенное внимание уделили реорганизации Оргбюро, а не Секретариату и не должности генерального секретаря. Значит, главную базу власти Сталина они видели в Оргбюро, а не в Секретариате.

** В конце ноября 1922 г. Сталин в очередной раз предлагал Ленину ликвидировать Наркомнац или освободить его от работы в нем. Вот и воспользоваться бы этим предложением. Но нет, Ленина работа Сталина в Наркомнаце совершенно не беспокоит, и он предложение Сталина не поддерживает.

*** «Словарь русского языка» поясняет слово «лояльный» — «державшийся формально в пределах законности, в пределах благожелательно-нейтрального отношения к кому-чему-

н.» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 333).

ТРОЦКИЙ

Характеристике Троцкого посвящено значительно меньше места, чем Сталину, но высказанные замечания оказываются не менее интересными и информативными. Особое место в ней занимает упоминание об «истории с НКПО* — не только потому, что именно с нее Автор «характеристик» начинает свой гимн Троцкому, но и потому, что она служит главным аргументом данных ему оценок: «Тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается»: (1) «выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК», (2) чрезмерной «самоуверенностью», (3) «чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»[1123].

Эта борьба уже «доказала»!!! Если так, значит, она была хорошо известна и понятна современникам и нам будет нетрудно выяснить, о чем идет речь. В историографии утвердилось мнение, что речь идет об известной дискуссии о профсоюзах[1124]. Однако такое мнение не выдерживает критики, поскольку в центре той дискуссии, как известно, был не НКПС, а профсоюзы. Да и саму ту борьбу никак нельзя трактовать как борьбу Троцкого против ЦК, поскольку он вел за собой поначалу больше половины ЦК. Это была борьба за партию, а не борьба Троцкого против ЦК. Но даже если допустить, что Автор «Письма к съезду» имел в виду именно дискуссию о профсоюзах, то достаточно вспомнить тот характер, который принимала политическая борьба, чтобы признать, что она ничего не поясняет в оценке Троцкого как самого способного человека в ЦК. Во всяком случае, Ленин ни тогда, ни позднее не признавал правильность занимаемой Троцким позиции. Помимо прочего, такая постановка вопроса предполагает, что Ленин признал его политическое превосходство над собой. Ленинские документы не дают никаких оснований приписывать ему такую оценку Троцкого. История их отношений в 1921—1922 гг. также говорит против такого допущения.

Было ли в реальной жизни что-нибудь, с чем можно было бы соотнести это упоминание об истории с НКПС? Да, были две истории. Первая относится к 1920 г., когда Троцкий был наркомом НКПС. К тому времени относится история с приказом наркома путей сообщения Троцкого № 1042. Деятельность Троцкого на этом посту подвергалась жесткой критике со стороны Ленина. Он, как свидетельствуют члены Политбюро, приложил много сил, чтобы убрать Троцкого из НКПС[1125]. Нет оснований считать, что эта история позволила Ленину дать Троцкому такую оценку. Естественно, что Троцкий иначе оценивал свою деятельность в НКПС. Вторая история относится к середине 1922 г., когда возникла острая дискуссия в руководстве партии, связанная с НКПС. Вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК в присутствии Сталина, Рыкова, Томского, Каменева и Троцкого. Было принято предложение наркома НКПС Дзержинского о создании комиссии во главе с Ломоносовым для осуществления закупок за границей. Это решение объективно стало своеобразным осуждением той политики, которую Троцкий проводил, будучи наркомом путей сообщения. Л.Д. Троцкий выступил против. Самостоятельного политического значения вопрос о «комиссии Ломоносова» не имел, но ее организация и работа затрагивали важные проблемы внешнеэкономических связей, восстановления крупной промышленности и кадровых назначений, поэтому долго обсуждались в руководящих партийный и хозяйственный кругах. Думается, в «Письме к съезду» имеется в виду именно этот конфликт: Троцкий выступал против ЦК по вопросу, связанному с НКПС.

Ленин внимательно следил за происходившей борьбой, которая его очень волновала, но при этом он не выражал никакого сочувствия позиции Троцкого[1126] и не требовал пересмотра принятого Политбюро решения. Поэтому мы вправе сделать вывод, что оно его в принципе удовлетворяло. Следовательно, у нас нет никаких оснований ожидать от Ленина в высшей степени хвалебной оценки Троцкого в связи с этим случаем. Естественно, Троцкий считал, что он прав в этой борьбе, а ЦК неправ.

Другим вопросом, существенно важным для выяснения отношения Автора

«характеристик» к Троцкому, является тезис о его «небольшевизме». В историографии этой оценке уделено много внимания, причем противостоят две основные точки зрения. Одна, идущая от Троцкого, заключается в сведении этого замечания к дооктябрьскому прошлому Троцкого и объективно направлена на утверждение в общественном мнении именно такой трактовки «Письма к съезду», которая политически была ему выгодна**. Другая, которая берет свое начало в выступлениях против Троцкого в ходе «литературной дискуссии» 1924 г., впоследствии была развита Сталиным и получила закрепление в советской историографии. Она исходит из признания факта, что в «Письме к съезду» речь идет о небольшевизме Троцкого как сущности всей его политической позиции, как до, так и после 1917 г.

Тезис о небольшевизме Троцкого вмонтирован в текст «характеристик» очень «тонко», как политический недостаток, но таким образом, что упоминание о нем служит скорее не упреком, а индульгенцией Троцкому: «мало может быть ставим» ему «в вину лично»[1127]. А раз так, то, следовательно, в небольшевизме Троцкого винить нельзя. Обращает на себя внимание нарочитая неопределенность, размытость термина — «небольшевизм»***. Автор «Письма к съезду» полуменьшевицкое и антибольшевицское прошлое Троцкого превращал в меньшевицкое. Это — нехарактерный для Ленина прием, четко характеризовавшего «нефракционного» Троцкого как представителя политического течения, пытающегося занять положение между меньшевиками и большевиками[1128]****.

Троцкий назван «самым способным» человеком в настоящем ЦК. Такая оценка его может казаться предельно ясной только на первый взгляд. Вопросов она ставит гораздо больше, чем дает ответов. В большей или меньшей мере способным был каждый член ЦК. Кто был способней? Как определить? Где объективный критерий? Да и в чем способней? Подобная оценка очень субъективна. Можно ли ожидать от Ленина такой оценки Троцкого? Есть основания усомниться в этом. Выше было показано, что в течение многих лет он вел с Троцким очень острую борьбу по широкому кругу теоретических и политических вопросов, стремился избавиться от него как от наркома путей сообщения, не допустить его к управлению экономикой, убрать из Москвы. Все это может говорить о многом, но только не о признании его *самым способным теоретиком, политиком, организатором*. Ленин, считаясь с Троцким как с крупной политической фигурой, не отдавал ему первенства перед другими членами ЦК. Известные отзывы Ленина о Троцком (а их масса) также не дают никакого основания утверждать, что Ленин считал Троцкого самым способным среди других членов ЦК и отдал ему первенство перед ними.

О других характеристиках Троцкого скажем коротко: упрек в увлечении администрированием достаточно неопределен и не имеет существенного значения, особенно на фоне оценки его как «выдающегося вождя» и «самого способного» члена ЦК. Личные недостатки Троцкого сведены к самоуверенности, которая не является смертным грехом. В контексте «характеристик» все эти оценки служат, скорее, поднятию авторитета Троцкого, так как они очерчивают круг его недостатков, которые кажутся несущественными на фоне его позитивных качеств, а также недостатков других руководителей партии, «осчастливленных» «характеристиками».

* Народный комиссариат путей сообщения.

** В.И. Старцев считает, что небольшевизм Троцкого состоит в том, что до августа 1917 г. он не входил в большевистскую партию. И ВСЁ! (Старцев В.И. Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 112).

*** С. Кулешов отмечает, что имеющееся в «Письме к съезду» указание на «небольшевизм» Троцкого, который мало может быть поставлен ему в вину лично, «очень туманное». (Кулешов С. Он законов ищет в беззаконьи... // Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М, 1991. С. 582).

**** Пытаясь дать выгодную для себя интерпретацию положения о своем небольшевизме, Л.Д. Троцкий ссылается на письмо В.И. Ленина к иностранным

коммунистам (1919), в котором, в частности, говорилось: «В решительный момент, в момент завоевания власти и создания Советской республики, большевизм оказался единственным, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли». Тезис о привлечении к себе лучшего из близких течений, Троцкий интерпретировал «объединение мое с Лениным». Так он называет вступление немногочисленной питерской группы межрайонцев (около 4 тыс. членов (Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 290) в партию, насчитывающую более 240 тыс. членов (История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, 1970. Т. 3. Кн. 1. С. 180). Но важнее другое: если взять ленинские слова в точном их смысле, то получается, что он как раз не считал Троцкого большевиком, а только привлеченным большевиками, примкнувшим к ним.

ЗИНОВЬЕВ И КАМЕНЕВ

Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, являвшиеся наряду со Сталиным основными сторонниками Ленина в Политбюро, даже не удостоились специальной оценки своей деятельности за годы Советской власти, когда они прошли непростой путь в составе руководящего политического ядра партии и оставили заметный след в его работе. Автор «Письма к съезду» откровенно и демонстративно проигнорировал этот период их деятельности как в личном, так и в политическом отношениях. Лишь мимоходом он «мазнул» их напоминанием старого эпизода и предупреждением о возможности рецидива: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но он... мало может быть ставим им в вину лично»[1129]. Вот и все. Это замечание нельзя расценить даже как предельно лаконичную характеристику, поскольку она предполагает хотя бы самый скромный набор оценок важнейших качеств человека. И, главное, как можно охарактеризовать человека по какому-либо факту его биографии, в котором он не повинен?! Можно сказать, что характеристики Зиновьева и Каменева в «Письме к съезду» нет.

В контексте «характеристик» напоминание об «октябрьском эпизоде» могло преследовать только одну цель — указать на то, что от них исходила угроза раскола, и предупредить, что они снова могут послужить делу раскола, т.е. политически дискредитировать их. Такое акцентирование роли Зиновьева и Каменева, если оно принадлежало Ленину, должно быть объяснено. Зачем это нужно было Ленину? В так называемом «октябрьском эпизоде» они разошлись с Лениным и большинством ЦК, их позиция была осуждена, но они не встали на путь раскола. Они просто отошли от работы в ЦК, но скоро вернулись к ней. Следовательно, в связи с этой историей их можно было упрекать за политические ошибки, за недостаточную решительность, за то, что в трудный момент дрогнули, за кризис, который они вызвали в ЦК партии, но не за раскол ЦК или партии. После этого случая они поддерживали Ленина всегда, когда в ЦК и партии возникала угроза раскола. Так было во время дискуссий по Брестскому миру и о профсоюзах. Следовательно, в это время они играли положительную роль в деле борьбы за единство партии против угрозы раскола.

Политическая неустойчивость, характерная для Зиновьева и Каменева, хорошо известна, они ее проявляли и в последующем. В ходе внутрипартийной борьбы в ненадежности Зиновьева и Каменева как союзников могли убедиться как Сталин, так позднее и Троцкий. Колебания Зиновьева и Каменева — факт, но вряд ли мог Ленин забыть, что «кукушка» Троцкого в тяжелые месяцы 1921 г. тоже говорила о пессимистических взглядах на перспективы революции. Для РКП (б) на рубеже 1922—1923 гг. сомнения Троцкого в возможности советской власти преодолеть политический кризис, разразившийся в 1921 г., имели гораздо большее значение, чем давние колебания Зиновьева и Каменева. Недаром Ленин в это время постоянно оспаривал взгляды Троцкого и не вспоминал о поведении Зиновьева и Каменева в октябрьские дни 1917 г.* Если автором «характеристик» был Ленин, то что давало ему уверенность, что у Троцкого рецидивов не будет? В рамках традиционной историографии удовлетворительного ответа на этот вопрос нет.

Конечно, можно сказать, Ленину виднее было, о чем и кому напоминать, а о чем

умалчивать. Это так. Но ведь и ленинское авторство этих «характеристик» еще не доказано.

Рассматривал ли в это время кто-нибудь политическую позицию и деятельность Зиновьева и Каменева как фактор раскола? Да, рассматривали — оппозиционеры, в частности, троцкисты. Они на XII съезде партии говорили о действии руководящей группы в Политбюро как о факторе, порождающем оппозиционные настроения и ведущем партию к расколу. Но подобные упреки они адресовали и самому Ленину.

Итак, напоминание об «октябрьском эпизоде» Зиновьева и Каменева, хотя и имело смысл, не было ни для кого новостью и непонятно, чем могло помочь съезду партии в предотвращении угрозы раскола.

* Политические колебания и нерешительность, теоретические просчеты без труда можно найти и у других видных деятелей партии. Например, у Бухарина (по вопросу о Брестском мире, о сговоре с левыми эсерами, во время дискуссии о профсоюзах). Или у Рыкова, поддержавшего позицию Зиновьева и Каменева по вопросу о власти и вышедшего из состава СНК в ноябре 1917 г. Можно вспомнить и о колебаниях Томского, проявившихся в тяжелейшей ситуации весны 1921 г., за что Ленин отправил его в «партийную ссылку» — на работу в Туркестан. Интересно, что Рыков и Томский в 1922 г. были членами Политбюро, но по какой-то причине обойдены «характеристиками».

БУХАРИН И ПЯТАКОВ

Сложнее с «характеристиками» Бухарина и Пятакова. Прежде всего, неясна их роль как носителей угрозы раскола, с преодолением опасности которого Автор «Письма к съезду» связывает свое обращение к оценке их личных свойств[1130]. То, что Бухарин удостоился характеристики, в рамках традиционной историографической версии объяснить еще как-то можно — как-никак «любимец партии» и кандидат в члены Политбюро. Причина появления среди характеризуемых лидеров партии Пятакова остается без удовлетворительного объяснения — он не входил в состав руководящего ядра ЦК партии. Эту проблему иногда видят, но, как правило, обходят. Например, Д.А. Волкогонов ограничился выражением удивления[1131].

Оценивая Бухарина и Пятакова, Автор «Письма к съезду» начинает «за здравие», но сопровождает свои похвалы такими уточнениями, которые сразу же низводят этих деятелей с пьедестала и политически убивают. Бухарин и Пятаков оцениваются как «самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)», «выдающиеся и преданные работники»[1132]. Самые выдающиеся из самых молодых. Уже здесь есть определенная двусмысленность: их нельзя пока что воспринимать всерьез.

Назвав Бухарина не только «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии», но и «любимцем партии»*, Автор перечеркивает это признание заявлением, что его теоретические взгляды «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»[1133]. Никто не получил такой уничижительной оценки, как Бухарин. Можно ли быть ценнейшим и крупнейшим марксистским теоретиком, не будучи марксистом? Если перед нами ленинское обращение к съезду партии, то смысл его надо объяснить. Ведь единственное, что остается ценного у Бухарина, — это преходящая молодость. «Любимцем партии», оказывается, он считается по недоразумению. Это похоже на откровенную издевку над Бухариным. Как объяснить ее в письме, обращенном к съезду партии? Более того, Автор адресует этот сомнительный комплимент и самой партии, которая немарксиста и недиалектика принимает в качестве любимца и теоретика.

Эту несообразность характеристики Бухарина отмечал Д.А. Волкогонов, писавший, что «Ленин... дал очень странную характеристику Бухарина». Работая, однако, в рамках традиционной историографической версии ленинского «Завещания», он объяснял ее тем, что любимцем партии Бухарин-де был только в глазах Ленина, давшим ему не только противоречивую, но и ошибочную оценку[1134]. Этим предполагается, что все остальные члены партии не были столь наивны, как Ленин. Свой тезис Волкогонов не стал

обосновывать. И понятно: доказать его правильность невозможно. Характеристика Бухарина, отдающая откровенной насмешкой, становится понятной в том случае, если «характеристики» предназначались не съезду партии, а узкому кругу своих единомышленников.

Известно, что у Ленина были очень непростые политические отношения с Бухариным. В последние годы Ленин не раз возмущался его политическим поведением (дискуссия о профсоюзах, X съезд партии), высказывал несогласие в ряде важных теоретических и политических вопросов (о госкапитализме, о пролетарской культуре), а также недовольство его работой[1135]. Что же касается интеллектуальных способностей Бухарина, то Ленин, много раз критиковавший его и использовавший при этом предельно острые выражения («верх распада идейного»; «у... Бухарина вышла мешанина из политических ошибок»[1136] и т.д.), не отказывал ему ни в уме, ни в образованности, как это делает Автор «Письма к съезду». Так, в статье «О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности» (май 1918 г.) он писал: «Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист»[1137]. И тут же спорит с ним, указывает на ошибки. В статье «Еще раз о профсоюзах» Ленин писал, что «основная теоретическая ошибка тов. Бухарина» заключается в «подмене диалектики марксизма эклектизмом (особенно распространенным у авторов разных "модных" и реакционных философских систем)»[1138]. Оценка, почти полностью совпадающая с той, что имеется в «Письме к съезду». Ее, конечно, мог продиктовать Ленин, но ее мог заимствовать из этой ленинской брошюры кто угодно. Но вот что интересно: отмечая этот порок Бухарина-теоретика, Ленин рассматривает его вместе с ошибками Троцкого: «А у Троцкого и Бухарина вышла мешанина из политических ошибок...»[1139]. Почему же теперь Ленин «помиловал» Троцкого, избавив его от подобных замечаний? И опять мы видим у Автора «Письма к съезду» проявление пристрастного к Троцкому отношения. Не желает он замечать его недостатки, на которые не раз указывал Ленин.

Отметим уже знакомое стремление к неопределенности и туманности, несвойственное Ленину: если схоластическое, то «нечто»; если принадлежность к марксизму, то «с большим сомнением». В результате остается неясным, считал он его марксистом или нет. Если о диалектике, то не понимал «вполне». Как мы видели, в 1920 г. Ленин ту же мысль выразил совершенно иначе — предельно ясно: «подмена диалектики марксизма эклектизмом». Конечно, эти наблюдения сами по себе не могут служить основанием для утверждения, что автором «характеристик» был не Ленин. Но ведь его авторство — не факт, его еще надо доказать. А указанные противоречия лишь затрудняют такое признание.

Пятаков признавался человеком «выдающейся воли и выдающихся способностей», но только для того, чтобы тут же подчеркнуть такое чрезмерное увлечение его «администраторством и администраторской стороной дела», что на него нельзя «положиться в серьезном политическом вопросе». И это сказано о человеке, которого Ленин *двумя днями позднее*, в диктовке о Госплане 27 декабря 1922 г., взял под защиту от критики Троцкого как достойного заместителя председателя Госплана Г.М. Кржижановского! Ясно, что Ленин был о Пятакове несколько иного мнения, чем Автор «Письма к съезду». Руководство Госпланом — серьезная административная и политическая работа, недаром ее домогался Троцкий.

«Последний гвоздь» в Бухарина и Пятакова вбивается фразой, на первый взгляд излучающей оптимизм: замечания в их адрес «делаются... в предположении», что они *«не найдут случая пополнить свои знания»* (курсив наш. — В.С.)»[1140]. Может быть, это дефект записи, мы не знаем, но конструкция фразы такова, что фиксирует внимание на том, что Автор не верит, что Бухарин и Пятаков смогут исправить указанные недостатки.

Возникает и остается без ответа вопрос, зачем Ленину нужно было политически убивать Бухарина и Пятакова?

«Проблема Пятакова» влечет за собой и другой вопрос: почему в список этот не попали другие члены Политбюро — Рыков, Томский (за которыми Ленин мог числить и старые, и новые «грехи»), а также кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК партии Молотов, чей политический авторитет и вес были как минимум не ниже, чем у Пятакова, а с точки зрения

предотвращения партии от раскола они значили даже больше? Есть основания думать, что отбор персон преследовал не те цели, которые были заявлены автором «Письма к съезду». Конечно, можно сказать, что Ленину виднее, но факт останется фактом: охарактеризованы далеко не все, кто мог оказать реальное влияние на ход борьбы, от которой зависели и устойчивость ЦК, и единство партии.

Можно предположить, что «Письмо к съезду» — документ незавершенный, недоработанный. Конечно, это нельзя исключить, но тогда возникает вопрос, почему Ленин не возвратился к этому главнейшему вопросу и не доработал его?

Э. Радзинский предлагает свою версию ответа на этот вопрос. Он думает, что была вторая часть «Письма к съезду», которая является ключом к пониманию первой — известной нам. Поэтому первая часть его оставляет странное впечатление какой-то недоговоренности. В ней присутствуют противоречия и несообразности, пропуски, предложения, лишённые логики. Радзинский полагает, что в сохранившейся части «Письма к съезду» Сталин выглядит лучше всех и отсюда делает вывод: «Скорее всего, дошедший до нас текст — лишь часть письма... *Это был текст для Сталина* (курсив наш. — В.С.)... Существовал, видимо, более полный текст», содержащий предложение заменить Сталина на посту генсека тройкой (Троцкий, Зиновьев, Сталин). Этот фрагмент и украл Сталин, что обнаружил Ленин в октябре 1923 г. во время последнего приезда в Москву[1141]. Никаких серьезных доказательств этой версии, однако, не приводится. История с обнаружением Лениным пропажи каких-то документов, пустившая прочные корни в историографии**, не более чем миф.

Считается, что 18 октября 1923 г. по внезапному и настойчивому требованию Ленина его повезли в Москву, он был в Кремле, в своем кабинете[1142]. Опубликованные свидетельства участников этой истории заставляют усомниться в важнейших пунктах общепринятой версии. М.И. Ульянова, медицинские работники (З.И. Зорько-Римши, В.А. Рукавишников) и врач В.П. Осипов представляют поездку так, будто Ленин *внезапно*, во время послеобеденной прогулки сел в автомобиль и своим упорством сломил сопротивление сопровождавших его, заставил везти себя в Москву. Таким образом, поездка была осуществлена без предварительной подготовки. Время отъезда из Горок — примерно 17 часов. В Кремле переночевали, вернулись в Горки на следующий день — 19 октября. Шофер машины, на которой совершалась поездка (В.И. Рябов) описывает эту поездку иначе: отъезд *ожидался*, хотя Ленина и пытались отговорить. Уехали из Горок *не вечером, а утром* — вскоре после 11 часов. Но главное в другом: в Кремле Ленин пробыл примерно два часа и в тот же день, т.е. 18 октября, вернулся в Горки[1143]. Что касается поиска в кабинете (якобы 19 октября утром) каких-то документов, то об этом свидетели последнего посещения Лениным Кремля, квартиры и кабинета ничего не говорят[1144].

Подведем итог: если принять версию о ленинском авторстве характеристик Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова, то невозможно понять ряд содержащихся в них положений, а также умолчаний. Если принять на веру заявление Автора «Письма к съезду» о том, что обращение к оценкам личных и политических качеств этих деятелей партии вызвано заботой о повышении устойчивости ЦК и предотвращении раскола партии, то надо признать, что решению этой проблемы они не помогли, так как в них проблема личных и политических отношений в руководстве партии не была поставлена так, чтобы можно было рассчитывать на успех.

* Имеются основания критически отнестись к такой оценке. Например, любопытное признание относительно известности Бухарина в партийном активе оставил А.И. Мильчаков — делегат XIII съезда РКП(б). Рассказывая об обсуждении «ленинского завещания» на XIII съезде, он заявил: «О Бухарине я тогда кое-что знал, а знаний о Пятакове было еще меньше». (Комсомольская правда. 1988. 11 июня). Вот так любимец партии!

** По поводу безуспешных поисков Лениным чего-то в своем кабинете в литературе утвердилось мнение, что Сталиным или кем-то по его распоряжению у Ленина были украдены какие-то документы. Аргументов, разумеется, нет. В литературе предпринимались

попытки установить, что именно искал и не обнаружил Ленина. Н. Петренко, пытавшийся выяснить этот вопрос, ничего определенного ответить не смог (*Петренко Н.* Минувшее. Исторический альманах. 2. М, 1990. С. 217—218, 220—227). В.А. Куманев и И.С. Куликова также признают, что неизвестно, что за пропажу Ленин обнаружил 18 октября 1923 г. в своем кабинете (*Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М, 1994. С. 45).

§ 2. ЧЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС ОБСЛУЖИВАЛО «ПИСЬМО К СЪЕЗДУ»

Чтобы лучше понять «Письмо к съезду», содержащиеся в нем характеристики того или иного политического деятеля, надо изучать не только каждую из них, но и комплекс характеристик как таковой, поскольку сам набор их был, очевидно, не случаен. Это позволит лучше понять позицию и замысел Автора, мы сможем приблизиться к решению вопроса об авторстве «Письма к съезду».

Коль скоро автором «Письма к съезду» считается Ленин, мы примем это как *гипотезу* и для «чистоты эксперимента» рассмотрим его как ленинский документ.

Даже беглое знакомство с характеристиками показывает, что они даны не просто одна за другой, в них прослеживается определенная система. Очевидно, что Автор рассматривает в одном блоке характеристики Сталина и Троцкого, «объединенную» характеристику Зиновьева/Каменева дает в тесной связи с характеристикой Троцкого. Характеристика Бухарина и Пятакова во многом едина для обоих и опять же, как будет показано ниже, возможно, находится в *определенной* связи с Троцким. Получается, что Троцкий оказывается центральной фигурой комплекса «характеристик». Случайно ли это?

Характеристики Сталина и Троцкого не просто излагаются рядом, одна за другой, в порядке очередности. Между ними существует более глубокая связь. Показателен в этом отношении тезис о признании Сталина и Троцкого выдающимися вождями ЦК, являющийся исходным для дальнейших оценок. В характеристике Сталина оценка «выдающийся вождь», связанная с признанием неспособности достаточно осторожно пользоваться необъятной властью, равноценна указанию на то, что этот вождь просто-напросто опасен для партии. В случае с Троцким ситуация прямо противоположная. Незначительные и не очень определенные недостатки служат лишь фоном, на котором указание на его сильные стороны превращается в подлинный гимн: «отличающийся... выдающимися способностями», «лично... самый способный человек в... ЦК», он в то же время является «выдающимся вождем современного ЦК», которому даже его «небольшевизм» «мало может быть ставим... в вину лично». Вся эта конструкция фразы подводит читателя к выводу, что после удаления от власти «недостойного» вождя — Сталина, остается один достойный — Троцкий.

Аргументация в пользу этого вывода развивается в «добавлении» к «характеристикам» (диктовка 4 января). В диктовке 24 декабря 1922 г. Сталин на первый взгляд не выделяется как главный носитель угрозы раскола. Здесь говорится лишь, что «эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу». Но в «добавлении» Сталин выступает уже именно в таком качестве: «Тов. Сталин... сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». «Это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» «с точки зрения предохранения от раскола», «взаимоотношений», существующих между Сталиным и Троцким. «Поэтому, — продолжает Автор, — я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места»[1145]. Мы немного поменяли местами отдельные фрагменты текста, не меняя его смысла, с тем чтобы рельефнее выделить значение Троцкого в предложении о снятии Сталина с должности генерального секретаря. У Автора «Письма к съезду» получается, что недостатком Сталина можно было бы пренебречь, пока он не затрагивает Троцкого. Как только этот недостаток

Сталина затрагивает интересы Троцкого, «мелочь» сразу же превращается в роковой фактор. Ленин сам никогда не демонстрировал такого к нему отношения.

Суть разницы между диктовками 24—25 декабря 1922 г. («характеристики») и 4 января 1923 г. («добавление» к ним) состоит в том, что первая своим острием направлена не столько ПРОТИВ Сталина, сколько ЗА Троцкого. Лично по Сталину она бьет меньше, чем по Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и Пятакову. Вторая же заострена ПРОТИВ Сталина. В результате получается, что «добавление» объективно усиливает обоснование претензий Троцкого на власть. Сам Троцкий, комментируя предложение Автора «добавления» к «характеристикам» (диктовка 4 января) о перемещении Сталина с должности генсека, писал, что «удар был направлен в первую голову против Сталина»[1146].

В диктовке 4 января негативная характеристика Сталина не просто разворачивается в полном объеме, в нее добавляется то, что отсутствовало в диктовке 24 декабря и без чего сравнение Троцкого и Сталина в пользу первого не может быть полным — оценку личных качеств Сталина. Сталин оказывается обладателем букета недостатков: груб, недостаточно лоялен, недостаточно терпим, вежлив, внимателен и т.д. Будучи сопоставленными с характеристикой Троцкого, они неизбежно оттеняют достоинства последнего, а также несерьезность отмеченного у него недостатка (самоуверенность, увлечение администрированием). Не случайно в характеристиках Сталина и Троцкого все построено на преднамеренно размытых формулировках. Все, кроме организационного вывода в отношении Сталина и провозглашения Троцкого человеком «выдающихся способностей», «самым способным человеком в настоящем ЦК»[1147].

Более того, у Сталина, по мнению Автора «Письма к съезду», положительных качеств не имеется (во всяком случае, они не указаны), а негативные чреватые для партии бедой. У Троцкого же отмечается наличие крайне ценных для партии качеств. Из такой постановки вопроса сам собой напрашивается вывод — главная опасность идет от Сталина. Получается законченная картина противопоставления Сталина и Троцкого. К невыгоде Сталина. К вящей славе Троцкого. Если решать вопрос о том, как снять угрозу конфликта, то естественным становится один-единственный вывод: из двух выдающихся вождей пожертвовать следует Сталиным.

На пути выбора Троцкого как наиболее достойного вождя РКП(б) стояла память о его политическом прошлом. В партии ленинизм отождествлялся с большевизмом и в то же время противопоставлялся троцкизму. Автор «характеристик» последовательно очищает Троцкого от всего, что могло бы помешать его борьбе против ленинцев. Раз небольшевизм мало может быть поставлен в вину лично, то, следовательно, нечего и упрекать его в небольшевизме. В такой постановке вопроса подразумевается требование — оставьте Троцкого с его взглядами в покое. Все равно он один из двух «выдающихся вождей», к тому же самый достойный, самый способный и ценный для партии и революции. В результате получается, что в целом вся «упаковка» упрека в небольшевизме, связь его с утверждением Троцкого в качестве самого способного члена ЦК делает для него этот упрек политически неопасным.

Получается, что Ленин, якобы стремясь не допустить в будущем таких обвинений в адрес Троцкого, брал его небольшевизм под защиту. Но нужно ли было Ленину выгораживать небольшевистское прошлое и настоящее Троцкого, усиливая таким образом политические позиции своего основного противника? У нас нет никаких оснований думать так. Нет свидетельств тому, что когда-нибудь Ленин проявлял подобную заботу о политическом благополучии Троцкого или тем более о торжестве троцкизма над большевизмом. Это нужно было Троцкому, ему же важно было обезопасить себя от подобных подозрений и упреков, чтобы сохранить политическое влияние в большевистской партии*.

К выбору между Сталиным и Троцким читатели подталкиваются заявлением об угрозе раскола партии, проистекающей от существующих между ними отношений. Удивительно, но при этом Автор ничего определенного об этой угрозе раскола партии не сообщает. Может

быть, он говорил о хорошо известных фактах? Если бы это было так, то они нашли бы отражение в документах, устных свидетельствах современников, но ничего подобного в распоряжении историков нет. Не сообщает об этом и Троцкий в своих мемуарах, молчат и другие мемуаристы — Молотов, Каганович, Микоян. Сталин о них тоже ничего не рассказывал. Конфликтов было немало, отношения между Сталиным и Троцким в конце 1922 г. ничем не выделялись среди других, а накалом личной борьбы уступали тому, что имело место в отношениях Ленина и Троцкого.

Очень любопытен другой блок характеристик: Зиновьева с Каменевым, с одной стороны, и Троцкого — с другой: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но... он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому»[1148]. Из множества возможных вариантов характеристики Зиновьева и Каменева Автор отобрал тот, который, с одной стороны, мог нанести им максимальный политический ущерб и, с другой — послужить делу политического оправдания Троцкого и троцкизма. Впрочем, как и в признании Сталина и Троцкого двумя выдающимися вождями, «равенство» ответственности за старые «грехи» Зиновьева и Каменева, с одной стороны, и Троцкого — с другой, только кажущееся. Оно оборачивается неравенством и опять же в пользу Троцкого: в отношении Троцкого нет смысла пользоваться аргументами о его небольшевистском политическом прошлом. Он лично в нем не повинен. А в отношении Зиновьева и Каменева, наоборот, партии надо обязательно помнить «октябрьский эпизод». Он, конечно, не может быть им ставим в вину лично, но все-таки он не случаен.

Таким сочетанием характеристик Автор убивал сразу нескольких зайцев. Зиновьев и Каменев получали перенесенное через годы, из другой эпохи свидетельство политической неблагонадежности как недостаточно стойкие большевики, а Троцкий — отпущение грехов за свою борьбу против большевизма. Таким образом, характеристика Зиновьева/Каменева превращалась в важную часть характеристики Троцкого, а ее смысл сводился к политическому оправданию «небольшевизма» (вернее антибольшевизма) Троцкого. Нужно ли это было Ленину? Этого никто не доказал, зато это являлось необходимой предпосылкой для борьбы Троцкого за место лидера партии, освобождавшееся по причине болезни Ленина.

Оказывается, что в таком сочетании характеристик Сталина, Зиновьева/Каменева и в противопоставлении их характеристике Троцкого есть большой политический смысл. Отрицательные характеристики Сталина как главного героя, а также Зиновьева и Каменева служат более рельефному выпячиванию положительных характеристик Троцкого. Сначала — сравнение Сталина с Троцким к выгоде последнего. Затем сравнение Зиновьева и Каменева с Троцким, и опять же к выгоде Троцкого. ***В результате мы имеем сравнение всех членов ленинской группы в Политбюро с Троцким, демонстрирующее бесспорное превосходство его над всеми остальными членами Политбюро — главными сторонниками Ленина.***

Причина появления здесь первых четырех характеристик не вызывает никаких вопросов и не требует пояснений: три наиболее политически значимые фигуры — сторонники Ленина и Троцкий — наиболее серьезный противник его. Это в том случае, если автором является Ленин. Если исходить из того, что Ленин не был автором «Письма к съезду», то расклад будет иной, но тоже понятный: с одной стороны, Троцкий, с другой — его главные политические противники в Политбюро (за исключением Ленина). Характеристики Бухарина и Пятакова не вписываются в эту схему, они стоят как бы особняком. Очевидно, и связь их с Троцким — главной фигурой комплекса «характеристик» — должна быть иная.

Если признать, что ленинское авторство «Письма к съезду» еще не является доказанным, и исходить из того, что его автором был человек, для которого эти двое представляли какую-то помеху в настоящем или опасность в будущем, тогда надо искать такого человека. Ленину они не мешали. Сталин, Зиновьев и Каменев в расчет взяты быть не могут, поскольку сами попали в жернова этих «характеристик». И сразу же возникает фигура

Троцкого — «положительного героя» «Письма к съезду». Бухарин мог представлять для Троцкого опасность, прежде всего, как идеолог. И вот именно в этом качестве он подвергается осмеянию и «уничтожению». То же можно сказать и о Пятакове, который как сильный администратор был назначен заместителем председателя Госплана и в этом качестве мешал Троцкому, стремившемуся к положению единоличного руководителя Госплана и ВСНХ. В конце 1922 — начале 1923 г. Троцкий именно Пятакова атаковал в связи с его работой в Госплане, а Ленин (в диктовке «О придании законодательных функций Госплану») не только защищал его от критики Троцкого, но и превратил положительную характеристику его в один из аргументов против предложений Троцкого относительно реорганизации Госплана[1149].

Кроме того, интерес Автора прочитывается в стремлении воздействовать на Бухарина и Пятакова как на колеблющихся между Лениным и Троцким. Им «указывалось» их место и подсказывался нужный выбор — поддержка Троцкого. На это, возможно, намекает выраженная надежда на то, что они исправят свои недостатки. Ведь кто-то должен будет решать, исправили или не исправили они свои недостатки. Это будет делать победитель, новый вождь партии. «Письмо к съезду» авторитетом Ленина прокладывало путь к победе Троцкому. И что мы видим? После ознакомления с «характеристиками» и «добавлением» к ним Бухарин летом 1923 г. в период «пещерного совещания» принялся «буферить» между Зиновьевым и Троцким, а в период осенней (1923 г.) дискуссии с Троцким «буферил» между ним и большинством Политбюро. Такая активность его может указывать на то, что эта цель, если она ставилась, была отчасти достигнута. Отметим также, что позицию, близкую бухаринской, занял в той истории и Зиновьев. Что касается Пятакова, то осенью 1923 г., после того как «характеристики» и «добавление» к ним стали известны в руководящих кругах партии, он уже оказывается среди активнейших сторонников Троцкого и подписывает документ оппозиции — письмо 46-ти (октябрь 1923 г.).

Не исключено, что характеристики Зиновьева и Каменева преследовали ту же цель — повлиять на их политическую позицию, побудить политически дистанцироваться от Сталина. Если такая цель действительно ставилась Автором «Письма к съезду», то комплекс характеристик выявляет действительный смысл этого «Письма» — путем психологического давления на колеблющихся (Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков) и политической изоляции Сталина осуществить такую перегруппировку сил в Политбюро, которая обеспечит политическое лидерство Троцкого. Близкую точку зрения высказывал В.И. Старцев: «Ленин... надеялся добиться перемещения Сталина... он полагал, что может опереться прежде всего на Троцкого, главного противника Сталина. Затем он надеялся на поддержку своих старых соратников Каменева и Зиновьева, а может быть, Рыкова и Бухарина. Это уже давало большинство в Политбюро... Но, к сожалению, Ленин ошибся в своих расчетах»[1150]. Отличие от нашей точки зрения состоит в том, что Старцев автором этой комбинации признает Ленина, а мы склонны думать, что им был Троцкий. Причастность Ленина к этой затее никак не просматривается, зато интерес Троцкого очевиден.

В отношении Сталина, Зиновьева, Каменева и Бухарина критические замечания сделаны так, чтобы критикуемому трудно было бы отвергнуть их, а другим было бы легче их принять. В отношении Троцкого картина диаметрально противоположная — положительная оценка его дана так, что другим ее трудно оспорить.

К Сталину Автор «Письма к съезду» проявляет особую пристрастность, граничащую с придиркой. С одной стороны, он демонстрирует крайнюю нетерпимость к проявлениям грубости именно с беспартийными, а с другой — избегает пожелания учесть и исправить свои недостатки, масштабы и последствия которых являются нетерпимыми только в должности генсека и только в общении с беспартийными. Выражает же он надежду на исправление Бухариным и Пятаковым недостатков гораздо более серьезного характера (овладеть теорией, стать диалектиком, стать устойчивым в политике). Почему он не предлагает Сталину изменить свои привычки, не предлагает изжить грубость или, по крайней мере, свести ее до приемлемых размеров и т.п., т.е. сделать то, что вполне доступно,

что достигается посредством определенной работы над собой? Даже в хрущевской историографии признается, что Сталин учел замечания. Но нет, Автор «Письма к съезду» сразу же предлагает крайние организационные меры.

Советская историография допускала ошибку, упрощенно и в заданном политикой духе трактуя политическую направленность «Письма к съезду» как ленинского документа, не признавая протроцкистской, антиленинской направленности его. Пристрастность Автора «Письма к съезду» к Троцкому очевидна. Автором характеристик проведена очень тонкая, но непроходимая грань в характеристиках Троцкого, с одной стороны, Сталина, Каменева/Зиновьева, Бухарина и Пятакова — с другой. Троцкий выводился из-под критики и оказывался обладателем такого набора качеств, которые давали ему преимущества в борьбе за роль лидера партии. Все остальные получают от автора «характеристик» «волчьи билеты». Партия настраивалась против Сталина, Зиновьева и Каменева, Бухарина и Пятакова и успокаивалась на счет небольшевизма Троцкого. Структура и содержание «характеристик» позволяет сделать вывод, что их Автор под каждого из потенциальных соперников Троцкого заложил мину, мощностъ и направленность действия которой оптимально сочетались с тем, какую угрозу каждый из них мог представлять для Троцкого.

Под Сталина — главного противника Троцкого, естественно, была подведена самая мощная политическая мина. Под Зиновьева и Каменева, которые никогда не демонстрировали своей способности успешно бороться с Троцким и повести за собой партию, — маленькая мина парализующего действия. Под Бухарина, чья большая потенциальная способность к борьбе и влиянию на партию была хорошо известна, мина была заложена тоже мощная. Под Пятаковым оказался небольшой, но убийственный для него заряд. Большого не требовалось.

«Выпадение» Л.Д. Троцкого из этой обоймы указывает на него как на человека, который мог быть заинтересован в таких «характеристиках» и в их маскировке под ленинский документ, последнюю волю, которую надо непременно выполнить. Признание этого факта позволяет объяснить причины отсутствия среди характеризуемых других членов Политбюро и ЦК (Молотова, Рыкова, Томского, Калинина и др.) — никто из них реально не мог претендовать на роль общепартийного лидера, не мешал Троцкому в реализации его планов, не был опасен для него, и поэтому их миновала секира убийственной характеристики. Либо они не поддавались воздействию Троцкого. Это предположение получает опору и в следующем наблюдении: исключая Сталина, под пресс «характеристик» попали те, кто в прошлом проявлял политическую близость к Троцкому в его борьбе с Лениным или колебания между Лениным и Троцким, т.е. неустойчивые, не «твердокаменные» большевики.

Есть достаточно оснований считать, что подлинная цель «характеристик», содержащихся в «Письме к съезду», состояла не в предотвращении раскола ЦК или партии, а в обеспечении борьбы Троцкого за лидерство в ЦК и в партии. Не случайно Троцкий постоянно пытался интерпретировать «Письмо к съезду» Ленина именно как попытку обеспечить ему лидирующее положение в партии: «Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии. Оно... преследовало прямо противоположную цель»[1151]**. Это верно. Верно в том смысле, что «Письмо к съезду» действительно обслуживало политический интерес Троцкого. И вместе с тем неверно, поскольку Ленин не был автором этого документа.

Нет никаких оснований считать, что Ленин был заинтересован в политическом разгроме тех сил, которые в Политбюро и ЦК партии служили ему главной опорой в проведении политики, автором и основным разработчиком которой был он сам. Нет никаких оснований говорить о заинтересованности Ленина в обеспечении Троцкому руководящего положения в партии и вручении ему в руки судьбы социалистической революции. Без серьезных доказательств нельзя принять тезис, что Ленин планировал убийство своего детища — большевистской партии, что он решил собственными руками перечеркнуть дело всей жизни своей и миллионов людей, поверивших в пролетарскую революцию. Эта позиция

не находит никакой опоры в других частях ленинского «Завещания». Диссонансом с этим выражением политического недоверия звучит, например, следующее место из статьи о РКП: «Наш ЦК сложился в группу централизованную и высокоавторитетную». Ленин не призывал к перетряхиванию руководящего органа партии, он искал способ поставить его работу «в условия, соответствующие его авторитету»[1152]. Вот позиция Ленина. Между позицией Ленина и Автора «Письма к съезду» надо выбирать. Отсюда вывод: Ленин не мог быть автором «Письма к съезду».

* Вопрос о меньшевизме в рядах РКП(б) в это время был политически актуален. Об этом говорилось, в частности, на XII съезде РКП(б) (Ю. Ларин, Г.Я. Беленький, Л.Б. Каменев). Ларин говорил, что его предложение увеличить обложение верхушечных слоев деревни на 20% «было объявлено» «проявлением меньшевизма, грозящим разрывом союза между рабочими и крестьянами» (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. 17–25 апреля 1923 г. М., 1923. С. 101, 108, 140).

** В историографии этот тезис Троцкого получил широкое хождение. Так, например, Р. Такер упрек в «небольшевизме» не считает серьезным (*Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М, 1991. С. 308) и утверждает, что в «характеристиках» Ленин указал на Троцкого (хотя «прямо не называя») как на своего преемника. В.И. Старцев считает, что «В.И. Ленин, диктуя свои последние статьи и письма, призвал себе в союзники Л.Д. Троцкого, стараясь привлечь к этому союзу и Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Целью данного политического союза было смещение И.В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б)... Колебания Каменева и Зиновьева, их страх перед Троцким, недооценка отрицательных свойств характера Сталина, а главное — третий инсульт, лишивший В.И. Ленина дара речи... все это привело к тому, что план Ленина, разделявшийся Троцким, не смог быть приведен в исполнение...» (Вопросы истории. 1989. № 7. С. 135). Авторы предисловия к публикации статьи Троцкого «Завещание Ленина» утверждают, что «в последние месяцы своей жизни Ленин действительно "простил" Троцкому его отклонения от ленинизма и откровенно предложил заключить блок против Сталина, с которым у Ленина во время его болезни отношения резко испортились» (Горизонт. 1990. № 6. С. 35). Подобной точки зрения придерживался Д.А. Волкогонов, считавший, что небольшевизм Троцкого упомянут Лениным «в контексте необвинительном» (*Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 23). Это голословно. Прав С. Кулешов, считающий, что с точки зрения Ленина и большевизма характеристика Сталина предпочтительнее, чем Троцкого: «Очевидно, что предпочтен будет тот, кому не была дана политическая реклама» (*Кулешов С.* Он законов ищет в беззаконьи... // *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М, 1991. С. 582). Согласившись с этим, надо сказать, что автор «Письма к съезду» сделал все, чтобы этот упрек не был для Троцкого опасен.

§ 3. ЗАГАДКИ «ПИСЬМА-УЛЬТИМАТУМА» ЛЕНИНА СТАЛИНУ

В традиционной историографии ленинского «Завещания» важное место занимает письмо В.И. Ленина И.В. Сталину от 5 марта 1923 г., известное как «письмо-ультиматум». Его значение определяется тем, что оно фиксирует финальный эпизод их личных и политических отношений, подводящий итог их развития — от сомнений и разочарований Ленина в Сталине как в политике до разрыва. Оно является своего рода дополнением и иллюстрацией к «Письму к съезду». Оба эти письма вполне созвучны и как бы взаимно дополняют и свидетельствуют ленинское авторство. Троцкий, например, писал, что «письмо Ленина о полном разрыве со Сталиным... не упало с безоблачного неба... Не только хронологически, но и политически и морально оно подвело заключительную черту под отношениями Ленина к Сталину»[1153]. Эта трактовка прошла через десятилетия, практически не претерпев изменений.

Традиционная историография причину конфликта Сталина и Крупской усматривает в стремлении Сталина скрыть от Ленина принятые декабрьским (1922) Пленумом ЦК РКП(б) решения относительно сохранения монополии внешней торговли. Принятая схема гласит: Ленин, получив информацию о решениях Пленума ЦК, 21 декабря 1922 г. продиктовал Крупской письмо для Троцкого. Сталин, узнав, что Крупская нарушила запрет Пленума ЦК РКП(б) на информирование Ленина, вечером 22 декабря 1922 г. грубо отчитал ее в разговоре по телефону и пригрозил передать вопрос о нарушении ею постановления Пленума ЦК партии в ЦКК. Возмущенная Крупская 23 декабря 1922 г. в письме Каменеву заявила формальный протест против такого обращения с ней и просила его и Зиновьева оградить ее от грубостей Сталина. Так конфликт Крупской и Сталина получил огласку и стал известен в руководстве партии. Сталин извинился перед Крупской. Однако после того, как 5 марта 1923 г. Ленин узнал о грубости Сталина и о том, что в конфликт посвящены посторонние, он продиктовал Сталину письмо, требуя извиниться перед Крупской, в противном случае грозя разрывом с ним личных отношений.

На первый взгляд, в этой истории все ясно и она хорошо документирована. Во всяком случае, в традиционной историографии события излагаются таким образом, будто бы никаких трудностей для их реконструкции не существует. Однако это не так. Много неясного во всех стадиях этого конфликта, начиная с самой завязки его. Те документы (письма), на которые опирается эта история, заслуживают того, чтобы на них обратить пристальное внимание. Прежде всего, о письме, которое, как считается, Ленин 21 декабря 1922 г. продиктовал Крупской для Троцкого, в котором выражалась радость по поводу принятого решения и ставились новые задачи: «не останавливаться и продолжать наступление», «поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения». Предлагалось также Троцкому «сделать доклад на фракции» съезда Советов[1154].

Обычно это письмо воспринимается без какой-либо критики. И напрасно. Обращают на себя внимание необычные подписи, стоящие под письмом: «Н. Ленин» — под ленинским текстом и «Н.К. Ульянова» — под припиской Крупской[1155]. Ленин такой подписью давно не пользовался. Крупская всегда подписывалась иначе — «Н. Крупская», «Н.К.». Так, например, она подписала записанное ею 16 декабря 1922 г. письмо Ленина своим заместителям по СНК и СТО, свое письмо, направленное 23 декабря 1922 г. Каменеву, другие письма 1923—1924 гг., а также воспоминания о последних месяцах жизни Ленина, датированные 2 февралем 1923 г.[1156] Кроме того, «Дневник дежурных врачей» 19—22 декабря не фиксирует никакой работы Ленина[1157]. Не прибавляет доверия к письму и то, что в руках историков нет подлинника, нет и «отпуска» письма в архиве Ленина, в архиве Троцкого тоже нет подлинника, в нем имеется только копия с копии, на которой рукой Троцкого написано, что копия им проверена[1158]. В архиве Ленина хранится копия с этой «копии с копии»*.

Вопрос о ленинском авторстве этого письма 21 декабря решался бы просто, если бы оно было зарегистрировано как исходящий документ в ленинском секретариате. Но оно регистрации не проходило. Содержание письма находится в противоречии с другими документами, подлинность которых сомнения не вызывает. Свое решение информировать Ленина о решениях пленума Крупская аргументировала разрешением Ферстера. Ферстер был у Ленина 20 декабря, но в следующие два дня «Дневник дежурных врачей» не фиксирует ни посещений им Ленина, ни исходящего от него распоряжения об изменении режима лечения и работы[1159]. Сталин же в записке Каменеву от 23 декабря утверждал, что Ферстер «абсолютно запрещал» вести переписку[1160]. Обратим внимание и на то, что вопрос о монополии внешней торговли, якобы столь сильно волновавший Ленина, не получил в его последних письмах, записках и статьях никакого развития. Молчит о том, что было им сделано во исполнение пожелания Ленина и Троцкий.

Кажется, что факт принадлежности этого письма Ленину и его запись Крупской подтверждается рядом других документов, освещающих следующую фазу развития

конфликта: записками, которыми обменялись Каменев и Сталин 22 декабря 1922 г., а также письмом Крупской Каменеву с жалобой на грубость Сталина, датированным следующим днем — 23 декабря. Но и с ними, оказывается, не все так просто. Записка Каменева Сталину, в которой он сообщал со слов Троцкого о получении тем письма Ленина по поводу вопроса о монополии внешней торговли, не датирована (публикаторы датируют ее «не позднее 22 декабря 1922 г.») и не зарегистрирована ни в секретариате Каменева, ни в секретариате Сталина, что не позволяет установить время ее написания. Неясно, о какой комиссии по подготовке съезда говорит Каменев. Можно предположить, что речь идет о предстоящем XII съезде партии. Следов работы такой комиссии нет. Подготовка съезда велась в Политбюро, Секретариате, Оргбюро, на февральском и мартовском Пленумах ЦК РКП (б). Первоначальный проект повестки дня съезда готовился в Секретариате ЦК и затем рассматривался в Политбюро**. Отметим также странную ошибку в тексте. Первоначально в записке Каменева было написано: «Ст[арик] выражая удовольствие принятой съездом резолюцией...» Слово «съездом» было тут же зачеркнуто и заменено словом «пленумом»[1161]. Такую опisku надо объяснить. Понять причины ее не просто, если эта записка действительно писалась 22 декабря. Другое дело, если текст его создавался позднее — в этом случае такая описка может быть легко понята.

Считается, что Сталин ответил Каменеву запиской, датированной 22 декабря. В ней Сталин удивляется, «как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера», и предлагал не делать «демонстрации на фракции», а «ограничиться» заявлением в докладе Каменева[1162]. Как видно, речь идет об организации переписки Ленина с Троцким, но в записке Каменева ничего о переписке не говорится. Одно письмо — это еще не переписка***. Поэтому вопрос, является ли эта записка ответом на записку Каменева, пока что не имеет аргументированного положительного ответа и нельзя считать доказанным, что она имеет отношение к этой истории. Записка Сталина представляет собой автограф на бланке, делопроизводственные пометы о регистрации ее отсутствуют[1163]. В записках Каменева и Сталина причастность Крупской к обсуждаемому вопросу не просматривается. Следовательно, надо признать, что письмо Крупской и записки Каменева и Сталина не могут служить подтверждением факта диктовки Лениным Крупской письма для Троцкого, которое, как считается, стало причиной конфликта Сталина и Крупской.

* Впервые текст этого письма был опубликован в 1923 г. за границей в меньшевистском журнале «Социалистический вестник».

** Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе книги.

*** Не о переписке ли Ленина с Троцким по поводу подготовки к обсуждению на декабрьском (1922) Пленуме ЦК РКП(б) вопроса о монополии внешней торговли идет речь?

ЛИЧНЫЙ КОНФЛИКТ СТАЛИНА И КРУПСКОЙ

Утвердилось мнение, что после получения записки Каменева Сталин позвонил на квартиру Ленина, позвал Крупскую к телефону и грубо отчитал ее, о чем она 23 декабря 1922 г. сообщила письмом Каменеву, в котором жаловалась: «Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку», пригрозил обратиться с жалобой на ее поведение в ЦКК РКП(б), что прежде она «не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова», что «интересы партии и Ильича» ей «не менее дороги, чем Сталину», что она «лучше всякого врача» и Сталина знает, «о чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом», так как знает, «что его волнует, что нет». Она просила Каменева и Зиновьева «оградить» ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз»[1164].

Как видно, содержание письма состоит, во-первых, в жалобе на «грубую выходку» Сталина, которая сводится к угрозе обратиться с жалобой в Центральную Контрольную Комиссию, и, во-вторых, в обосновании своих прав говорить Ленину о политических событиях то, что она посчитает нужным, без каких-либо ограничений. Все остальное, что встречается в литературе о словах, сказанных Сталиным, не более чем домысел. Ничего

конкретного по самой проблеме, из-за которой произошел конфликт, Крупская не сообщает. Время разговора — 22 декабря 1922 г. Если Крупская верно передала общий смысл сказанного, то надо признать, что решение ЦК РКП(б) об условиях и содержании передаваемой Ленину политической информации она расценивает как вторжение в личную жизнь, своей вины в нарушении его соответственно не признает и заявляет о нежелании считаться с этим режимом.

Никаких сомнений у историков это письмо не вызывало. Между тем оно порождает ряд вопросов. Почему Крупская обратилась не в Политбюро, а к Каменеву? На первый взгляд этот вопрос надуман и не имеет значения: ее дело, кому писать. Это, конечно, так. Но возникает еще вопрос, почему позднее, когда история о разрыве Лениным личных отношений со Сталиным активно использовалась ими во внутривнутриполитической борьбе против Сталина, ни Каменев, ни Зиновьев публично не вспоминали ничего ни о просьбе Крупской защитить ее от Сталина, ни о своих попытках как-то воздействовать на него. Если допустить мысль, что это письмо создавалось позднее, «вдогонку» за давно прошедшими событиями (например, в 1925—1926 гг.), то обращение с письмом к Каменеву имеет то преимущество перед обращением с жалобой в ЦК, что позволяет миновать делопроизводство ЦК партии и выдать «новое» за старый документ. Основания для подобного предположения есть. Они в тех вопросах, остающихся без ответа, о которых говорилось выше. Кроме того, сомнения порождаются попыткой увязать конфликт с якобы продиктованным 21 декабря 1922 г. Лениным Крупской для Троцкого письмом, посвященным проблеме монополии внешней торговли. На эту связь и на время конфликта (конец декабря) указывает только Крупская. Все другие свидетели этой истории говорят о другой политической подоплеке конфликта и относят его к более позднему времени.

М.И. Ульянова, свидетельница конфликта, рисует картину, весьма отличную от той, что дает Крупская. «Произошел этот инцидент благодаря тому, что Сталин, которому по требованию врачей было поручено Пленумом ЦК следить за тем, чтобы Ильичу в этот тяжелый период его болезни не сообщали политических новостей, чтобы не взволновать его и не ухудшить его положения, отчитал его семейных за передачу такого рода новостей». «Досталось», таким образом, не только Крупской, но и ей, М.И. Ульяновой. Она говорит о режиме запрета на информацию о политических новостях, но такой запрет был установлен лишь 24 декабря, т.е. после того времени, которым датированы все документы, на которые опирается версия конфликта, предложенная Крупской. Следовательно, он произошел *после* 24 декабря. О времени конфликта М.И. Ульянова говорит неопределенно и связывает его с «кавказскими делами»[1165]. Но в любом случае она относит его ко времени более позднему, чем датировано письмо-жалоба на Сталина. Получается интересная картина: конфликта еще не было, а жалоба уже на бумаге. Есть над чем задуматься, есть основания для проявления осторожности и даже скепсиса по отношению к этому письму Крупской.

Позднее, детализируя картину и меняя некоторые оценки, Мария Ильинична сохранила общую канву рассказа, противостоящего версии Крупской: «Врачи настаивали, чтобы В.И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В.И. не рассказала чего-либо Н.К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно непроизвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н.К. с В.И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме... стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет (курсив наш. — В.С.). Н.К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.»[1166]. Ульянова обходит вопрос о том, насколько эта истерическая реакция была обоснованна.

О реакции Сталина на этот разговор сообщает Молотов: «Сталин был раздражен: "Что, я должен перед ней на задних лапках ходить?"»[1167]. Эти слова были сказаны Молотову, а не Крупской. В пользу того, что Сталин не сказал ей ничего, что выходило бы за рамки дозволенного, а ее реакция была неадекватной, говорит то, что несколько дней спустя они

объяснились, конфликт был исчерпан, они помирились. Об этом пишет Сталин в письме Ленину 7 марта 1923 г.: «Мои объяснения с Н. Константиновной] подтвердили, что ничего кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть»[1168]. Таким образом, Сталин отрицал не только оскорбление Крупской, но и проявления «грубости» в разговоре с ней.

О том же говорит и достаточно спокойная реакция Ленина на этот инцидент, которую фиксирует Ульянова, писавшая в заявлении июльскому (1926) Объединенному Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б): «Ильич, который случайно узнал об этом, — а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал, — в свою очередь отчитал Сталина. Т. Сталин извинился, и этим инцидент был исчерпан». Слово «отчитал» достаточно неопределенно, но в нем нет ничего, что указывало бы на угрозу разрыва личных отношений со стороны Ленина. Интересно, что М.И. Ульянова даже эту реакцию Ленина считает чрезмерной: «Нечего и говорить, — продолжает она, — что если бы Ильич не был в то время... в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент»[1169]. Крупская, зная об этом заявлении Ульяновой, не возражала ей. Позднее М.И. Ульянова уточняла, что сама Крупская «через несколько дней» информировала Ленина о конфликте, сказав при этом, «что они со Сталиным уже помирились». Примирение произошло при следующих обстоятельствах: «Ст[алин] действительно, звонил ей перед этим, очевидно (т.е. она точно не знает. — В.С.), стараясь сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н.К. выговором и угрозой»[1170]. И опять ни о факте грубости, ни о ее проявлениях ни слова.

Если сопоставить факты острой реакции Крупской и разговор со Сталиным и быстрого примирения ее с ним, то можно предположить, что она сознательно «разыграла сцену» перед Лениным, который лежал в комнате, дверь которой выходила в небольшой коридор, в котором находился телефонный аппарат*. Поэтому если Ленин бодрствовал (крики Крупской вполне могли разбудить его), он не мог не слышать разговор, вернее, слов жены.

Каменев в письме Зиновьеву от 7 марта 1923 г., так же как и Ульянова, увязывает этот конфликт с «кавказскими делами»[1171]. Если конфликт произошел 21 декабря, то непонятной становится связь его с грузинским конфликтом, так как за прошедшие несколько дней после разговора Ленина с Дзержинским, Рыковым и другими в «кавказских делах» ничего нового не произошло, и во время, последовавшее за этими встречами, Ленин не проявил никакого беспокойства по этому поводу. Вопрос приобрел остроту не ранее конца января 1923 г., когда начал обсуждаться в Политбюро. В это время Ленин формально был ограничен в получении политической информации, но установленные запреты нарушались домашним окружением и секретарями. Об этом публично говорили Ем. Ярославский, А. Енукидзе. Крупская им не возражала. Подтверждал участие Крупской в этом и Троцкий[1172].

Из рассказа технического секретаря Политбюро Б. Бажанова (со ссылкой на секретарей Ленина и Молотова) также можно понять, что конфликт Сталина и Крупской был связан с грузинским конфликтом: «В январе 1923 г. года секретарша Ленина Фотиева запросила у него (т.е. у Сталина. — В.С.) интересовавшие Ленина материалы по грузинскому вопросу. Сталин их дать отказался ("не могу без Политбюро"). В начале марта он так обругал Крупскую, что она прибежала к Ленину в слезах, и возмущенный Ленин продиктовал письмо Сталину». Речь идет о «письме-ультиматуме»[1173]. Бажанов говорит о начале марта как времени инцидента, но в его рассказе присутствует указание на факт (запрос Лениным материалов по грузинскому вопросу и ответ Сталина), который относится к 24—29 января 1923 г.[1174] Любопытную деталь, также говорящую против отнесения конфликта к 21 декабря 1923 сообщает Молотов: «Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: "ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина". — "Но Ленин сам хочет этого!" — "Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить"»[1175]. Этот рассказ перекликается с информацией Ем. Ярославского и А. Енукидзе о том, что кто-то ходил к Ленину жаловаться на Сталина.

Подобная ситуация немыслима для периода 18—23 декабря 1923 г., так как решение не сообщать Ленину «ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений» было принято в ходе совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами только 24 декабря 1922 г.[1176] Запрет, установленный Пленумом ЦК РКП(б), не распространялся на контакты с политическим руководством.

Сталин в письме Ленину (7 марта 1923 г.), признавая самый факт конфликта с Крупской, определенно относил его к концу января — началу февраля 1923 г. (конфликт произошел «недель пять назад»), следовательно, на 4—5 недель позднее той даты, которую указывает Крупская. Сталин тоже относит его ко времени, когда вопрос о монополии внешней торговли утратил былую политическую актуальность, а проблема национально-государственного строительства и, в частности, конфликта в КП Грузии оказалась в центре внимания Политбюро. Если конфликт произошел не 22 декабря, а в конце января — феврале, то становится понятней обращение Крупской с жалобой на Сталина именно к Зиновьеву и Каменеву — они сочувствовали Мдивани и его сторонникам и, в принципе, могли выступать в качестве ходатаев перед Лениным. В этом случае становится понятней обращение Сталина в Политбюро 1 февраля 1923 г. с просьбой «об освобождении его от обязанностей наблюдать за исполнением режима, установленного врачами для тов. Ленина». Зачем ему отвечать за чужое своеволие, за нарушение режима, если он не в состоянии предотвратить эти нарушения, а выполнение возложенных на него обязательств грозило самому Сталину серьезным осложнением его отношений с Лениным. Политбюро** отклонило просьбу Сталина[1177]. Отказ в этом случае мог означать, что претензии Крупской были отклонены. Возможно, именно поэтому позднее она никогда не использовала этот эпизод в открытой борьбе, которую вела против Сталина. Если конфликт Сталина и Крупской был связан с ситуацией в КП Грузии, за которой стояли принципиальные вопросы национально-государственного строительства, то становятся понятными слова Сталина, сказанные им Молотову: быть женой Ленина «еще не значит разбираться в ленинизме»[1178]. Вопрос о монополии внешней торговли не затрагивал существа ленинизма, это был вопрос политической целесообразности. Другое дело — национальный вопрос. Он затрагивал принципиальные вопросы теории и политики большевистской партии, имел прямое отношение к пониманию и толкованию ленинизма. В этом случае становятся понятней слова Ульяновой о том, что Сталин «отчитал семейных» за сообщение Ленину «политических новостей» (очевидно, неоднократное). Наконец, версия Крупской представляет в качестве нарушителя запрета на передачу Ленину политической информации только саму Крупскую. Понятно, если Сталин отчитывает ее, но он почему-то отчитывает «семейных». М.И. Ульянова этим не возмущена, возможно, потому, что поступок Сталина считала оправданным если не по форме, то по сути. А этим она фактически признает, что он не был связан с тем письмом, которое Ленин, якобы, продиктовал 21 декабря Крупской для Троцкого.

Итак, за исключением письма Крупской Каменеву от 22 декабря во всех свидетельствах в том или ином виде присутствует «кавказский вопрос» и игнорируется проблема монополии внешней торговли, а время конфликта относится к концу января — началу февраля 1923 г. Но это значит, что версия Крупской в искаженном виде представляет суть этого конфликта, его причины и время. И сделано это было преднамеренно***.

Так или иначе, но инцидент между Крупской и Сталиным, действительно имевший место, был исчерпан при непосредственном участии Ленина. Досадный сам по себе, он не мог иметь политических последствий. Тем не менее, считается, что он перерос в конфликт Ленина — Сталина и завершился предъявлением Лениным ультимативного требования извиниться перед Крупской.

* Месторасположение телефона устанавливается по макету квартиры Ленина, хранившемуся в Центральном Государственном музее В.И. Ленина, а также по его расположению в Музее-квартире В.И. Ленина в Кремле. О том же свидетельствует и

секретарь Крупской Дридзо, которая именно в своем рассказе о том конфликте сочла нужным уточнить: «Телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре». Цит. по: *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская - Сталин. М., 1994. С. 33.

****** В заседании участие принимали, кроме Сталина, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Томский, Бухарин, Молотов и Калинин.

******* Зачем нужно было отодвигать конфликт на 22 декабря 1922 г.? Возможный ответ — чтобы привязать к началу работы Ленина над «Письмом к съезду», в котором грубость поставлена в качестве черты характера Сталина, представляющей политическую опасность на посту генерального секретаря ЦК РКП(б). Понятной в этом случае становится и попытка связать его с вопросом о монополии внешней торговли — кроме разногласий по этому вопросу не за что было «ухватиться», чтобы обеспечить конфликт Сталина и Крупской «солидной» политической базой.

ПИСЬМО-УЛЬТИМАТУМ

Считается, что Ленин, возмущенный оскорблением Крупской, направил Сталину следующее письмо: «Вы имели грубость вызвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения». Письмо датировано 5 марта 1923 г. и имеет помету: «Строго секретно. Лично». Ленин обращается — «Уважаемый товарищ Сталин!» Подпись: «С уважением Ленин»[1179].

Прежде ничего подобного не выходило из-под пера Ленина. Считается, что полученная информация сильно его взволновала, приблизив третий инсульт, который положил конец политической деятельности Ленина[1180]. Поскольку причиной появления письма-ультиматума принято считать конфликт Сталина и Крупской, то Сталин оказывается виновником очередного и рокового для Ленина инсульта. Уже поэтому данному письму в историографии отводится особая роль. Сталин благодаря ему оказывается «кругом виноват». А само письмо представляется как окончательный приговор Ленина Сталину и как человеку, и как политику. Мы тоже должны отнестись к нему со вниманием — и как к факту биографии Ленина и Сталина, и как к историческому источнику.

Архивный вариант этого письма[1181] представляет собой машинописный текст на чистом листе. Подпись «Ленин» и заверяющая надпись «Записано М.В.» машинописные. Следов работы над текстом нет. Между архивными вариантами и опубликованным есть незначительные различия, выдающие вольное отношение публикаторов к тексту письма*. Отправление письма в ленинском секретариате не зарегистрировано. В деле вместе с этим письмом хранится незарегистрированный конверт Управления делами СНК РСФСР, на котором написано: «Письмо В.И. от 5/III—23 г. (2 экз.) и ответ т. Сталина, непочитанный В.И.-чем. Единственный экземпляр»[1182]. Из нее следует, что ленинское письмо существовало всего в двух экземплярах. М. И. Ульянова же утверждала, что их было три, из которых один был направлен Сталину, а второй, в запечатанном конверте, отдан на хранение ей. Володичева, противореча ей, заявляет, что Каменеву и Зиновьеву также были направлены письма, значит, были еще экземпляры.

Все экземпляры тождественны по содержанию, но различаются расположением текста, следовательно, печатались они не одновременно. На одном экземпляре отсутствует указание на отправление копий Л.Б. Каменеву и Г.Е. Зиновьеву. На двух других экземплярах (л. 1, 2) такое указание имеется — в верхнем правом углу под словами «Тов. Сталину» в строчку напечатано «Копия тт. Каменеву и Зиновьеву». Кроме того, если на одном из них (л. 2) эта надпись напечатана не одновременно с текстом (текст жирный, видимо, напечатан с использованием другой ленты), то на другом одновременно с ним. По-разному оформлены помета о личном характере письма («лично», «лично.-»), а также заверительная надпись:

«Записано В.М.», «Верно М.В.». Запись «Верно» говорит, что перед нами копия, а не оригинал, к тому же копия незаверенная. Ничего удивительного в самом этом факте нет. Но в связи с ним встают вопросы: когда и кто снимал копию и для чего, если есть столько других экземпляров, представленных отпусками; почему на подлинниках адресаты напечатаны не одновременно с текстом? Если отправлялись письма трем адресатам, одно (так всегда было) оставлялось для архива, то почему и зачем такое обилие текстов осталось в секретариате? Какая нужда в них? Ничего подобного с другими письмами Ленина не встречается. Все это выдает какую-то работу секретарей Ленина по тиражированию текстов этого секретного и личного письма. Володичева утверждает, что Каменеву и Зиновьеву были направлены два разных экземпляра, а на «отпуске» письма ясно сказано: им направляется «копия», т.е. один экземпляр.

Информация об истории появления письма покоится на противоречивых рассказах М.В. Володичевой и М.И. Ульяновой. Обстоятельства распоряжения Ленина об отправлении письма-ультиматума Сталину также не ясны. Володичева пишет, что Ленин продиктовал 5 марта письмо и тут же сам сказал, чтобы его не отправляли, так как был недоволен им. Лишь на следующий день распорядился отправить**. Но тут вмешалась Крупская и велела письмо не отправлять, лишь 7 марта, после того как Крупская переговорила с Каменевым, «письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву»[1183].

В этой истории *Зиновьев и Каменев* в определенном смысле оказываются *центральными фигурами*. В самом деле, по свидетельству Молотова, конфликт Сталина с Крупской произошел из-за них. Крупская прибегает к их защите после разговора со Сталиным. Ленин диктует письмо-ультиматум, оказывается, только потому, что Зиновьев и Каменев были информированы о грубости Сталина в отношении Крупской. Именно из-за этого Ленин требует от Сталина повторного извинения. Наконец, отправление письма Сталину ставится в прямую зависимость от информирования их о его содержании.

Володичева включает в число свидетелей работы Ленина над письмом М.И. Ульянову[1184], но последняя отказывается от этой «чести», указывая на то, что знает об этой истории со слов Крупской и, более того, высказывает *сомнение в том, что Крупская видела это письмо*, и думает, что оно было послано Сталину в соответствии с распоряжением Ленина[1185]. Рассказы Володичевой и М.И. Ульяновой находятся в известном противоречии с той информацией, которую сообщают врачи о состоянии Ленина 5 и 6 марта. С одной стороны, он читал, разговаривал с секретарями и что-то диктовал им (содержание диктовок неизвестно), а с другой, как было показано выше, — болезнь поставила Ленина на грань полной утраты способности к интеллектуальной деятельности[1186]. Четкие формулировки и серьезные сбои в работе головного мозга — более чем странное сочетание. Предположение о последующей редакции текста приходится отклонить, так как Володичева о ней ничего не сообщает. Значит, все продиктовано сразу, быстро, «на одном дыхании». Естественно возникает вопрос: действительно ли это письмо-ультиматум было продиктовано Лениным? Опять возникает ситуация, когда *необходимо доказывать*, что автором письма-ультиматума был Ленин.

Могут сказать, что есть ответное письмо Сталина от 7 марта 1923 г., которое уже фактом своего существования снимает все эти сомнения. Введенное в научный оборот в 1989 г., это письмо Сталина активно используется в литературе последнего десятилетия, но и с ним на поверку оказывается все не так просто.

* После обращения к И.В. Сталину вместо запятой в публикации стоит восклицательный знак, что несколько меняет тональность обращения и, следовательно, всего текста.

** Из текста записи «Дневника дежурных секретарей» неясно, чем именно был недоволен Ленин. А без знания ответа на этот вопрос невозможно правильно оценить текст и намерения Ленина. Непонятно также и то, почему на следующий день он без доработки решил отправить его. Что изменилось?

ПИСЬМО-ОТВЕТ СТАЛИНА

Считается, что И.В. Сталин на письмо-ультиматум Ленина ответил следующим письмом: «Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: "Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича" и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое "против" Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения "отношений" я должен "взять назад" сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя "вина" и чего, собственно, от меня хотят». Письмо адресовано: «Т. Ленину от Сталина» и имеет помету — «Только лично»[1187].

Архивный вариант текста письма содержанием не отличается от опубликованного в «Известиях ЦК КПСС». Но без корректировки публикаторов не обошлось. В архивном деле вместе с письмом Сталина хранится сопроводительная записка, выполненная на бланке секретаря ЦК РКП(б) рукой Сталина:

«т. Ленину
от Сталина

Только лично»[1188]. Является ли эта записка сопроводительной к этому письму, или не имеет к нему никакого отношения, неясно. Однако эта надпись при публикации была включена в текст самого письма как составная часть его. Само по себе это искажение существенным образом не влияет на характер и тональность письма, но оно не безобидно, поскольку придает больше достоверности тому документу, принадлежность которого Сталину вызывает сомнение.

Первая проблема, связанная с этим письмом Сталина, возникает в связи с утверждением Володичевой, что она записала ответ под диктовку. Текст, записанный ее рукой (или почерком, похожим на нее) хранится в архиве Президента РФ (его фотографию опубликовал Волкогонов[1189]). Эта запись представляет собой текст на трех листах блокнота генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина неровным (небрежным) почерком, сильно, до неузнаваемости меняющимся от начала к концу письма. Подписи Сталина под ним нет. Вместо подписи стоит «нечто», в просторечии именуемое закорючкой, которая ничего общего с подписью Сталина не имеет[1190]. Почему Сталин не подписал его? Вопрос остается без ответа. Но в итоге получается, что за исключением листов из именного сталинского блокнота ничто не указывает на принадлежность этого письма И.В. Сталину. Все это как-то можно объяснить. Но, оказывается, что существует *второй* текста письма.

Он написан Сталиным или почерком, очень похожим на него (будем называть его «сталинский вариант письма»)*.

Сталинский вариант письма — тоже на трех листах, ровным, спокойным почерком. Он подписан характерной для Сталина подписью[1191]. Именно этот текст хранится в материалах ленинского секретариата вместе с письмом-ультиматумом Ленина[1192]. Но и этот текст ставит ряд трудных вопросов, остающихся пока что без ответа. Первый из них связан с хорошо заметными различиями в том, как исполнены текст письма и подпись Сталина. Они видны даже на фотокопии, которая выдается исследователям. Толщина линий и интенсивность цвета (от очень темной и жирной до тонкой и светлой) заметно меняется не только в предложении, от слова к слову, но и в самих словах и даже в отдельных буквах. Возможно, причиной тому было плохое перо, чернила или опустевшая чернильница.

Подпись Сталина выглядит иначе — толщина линий и интенсивность цвета одинаковы во всех частях подписи, а ее цвет линий (серый) заметно отличается от того, который имеется в тексте письма. Появляется подозрение (его можно снять только посмотрев подлинник), что подпись факсимильная. Если так, то почему Сталин на собственноручной записке поставил факсимиле?

Возникает другой вопрос — почему это письмо не было зарегистрировано в ленинском секретариате, хотя он функционировал в это время? На конверте, хранящемся в ленинском секретариате вместе с письмом (сталинский вариант письма), вместо регистрационного номера стоит прочерк. Если это тот конверт, в который было запечатано сталинское письмо, то мы с уверенностью можем сказать, что в сталинском секретариате оно тоже не зарегистрировано**. Почему? Причины могут быть, конечно, разные. Возможно, оно поступило в ленинский архив много позже марта 1923 г., когда регистрационные книги были уже выведены из делопроизводства, и внести в них соответствующие записи задним числом было уже невозможно. Но можно было присовокупить конверт с письмами к материалам формирующегося фонда.

Дополнительные вопросы порождают бланки, на которых исполнены письма почерком Сталина и почерком Володичевой. Они имеют ряд существенных различий в своем типографском оформлении. Бланки, подобные тому, на котором текст выполнен рукой Сталина (или почерком, похожим на него), встречаются, но бланки, подобные тому, которые использовала Володичева, нам не встречались. В совокупности с другими фактами, вызывающими сомнение, это обстоятельство еще более усиливает подозрения относительно всей этой истории. В итоге под сомнением оказывается не только рассказ Володичевой о записи ответа Сталина, но и вся рассказанная ею история о создании письма-ультиматума.

Не все просто и с содержательной стороной письма Сталина. Его нельзя считать прямым ответом на письмо-ультиматум, содержащим требование принести извинения. Сталин соглашается взять назад сказанные им слова. Это совсем не то, что извинение. К этому склоняется даже Д.А. Волкогонов, расценивший ответ Сталина как «неуважительный» и признавший, что Сталин «фактически дезавуирует сказанное Крупской»[1193]. Получается, Сталин отказывается извиниться? Но Ульянова в заявлении Объединенному (1926) Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) определенно заявляет, что Сталин извинился. Крупская не возражала против этого заявления, следовательно, согласилась с ней. Итак, вопрос о принадлежности Сталину этого письма остается открытым. В доступной исследователям части архивов нет прямых признаний Сталина ни в получении им ленинского письма-ультиматума, ни в своем письменном ответе ему.

Совсем не исключается, однако, что Сталин действительно писал его. Другое дело — причины его появления. Выше было показано, что попытка объяснить его письмом-ультиматумом сопряжена с известными трудностями. Но мыслимы и другие причины. Нельзя, например, исключить, что его появление было инспирировано слухами или рассказами о том, что Ленин продолжает проявлять недовольство в связи с конфликтом Сталина с Крупской, что он забыл о том, что примирение уже состоялось, что неплохо бы черкнуть ему несколько слов по поводу конфликта и успокоить человека... В этом случае получает естественное объяснение тот факт, что письмо Сталина написано так, будто бы он ничего не знал о тексте письма-ультиматума и отвечал не на него. А то, что в это время ближайшее домашнее окружение Ленина раскручивало политическую интригу, в центре которой оказался Ленин, и которая своим острием была направлена против Сталина, — достаточно хорошо устанавливаемый факт.

* Относительно почерков Сталина и Володичевой точный ответ может дать только графологическая экспертиза.

** К сожалению, сейчас проверить прохождение этих документов по делопроизводственным документам сталинского секретариата не представляется возможным. Но все известное сегодня об этом письме позволяет высказать предположение,

что в секретариате Сталина письмо-ультиматум в режиме реального времени не регистрировалось, а в архиве Сталина нет подлинного текста его, принесенного Володичевой. Если бы он там был, то можно было бы ожидать, во-первых, передачи его оттуда в фонд Ленина и, во-вторых, публикации текста письма именно с этого экземпляра, а не с «отпуска», хранящегося в архиве Ленина.

ПИСЬМО КАМЕНЕВА ЗИНОВЬЕВУ

Имеется еще один документ, который, на первый взгляд, надежно подтверждает и факт направления Лениным письма-ультиматума Сталину, и факт ответа Сталина. Речь идет о письме Каменева Зиновьеву, датированном 7 марта 1923 г., в котором Каменев рассказывает о своей встрече с Троцким в ночь с 6 на 7 марта 1923 г. Об источниковедческих проблемах, связанных с этим письмом, говорилось в обзоре источников, поэтому мы лишь напомним, что отсутствие на нем следов регистрации в секретариатах Каменева и Зиновьева не позволяет проверить дату его создания, а текст его дает основания для сомнений в том, что оно было написано именно в указанное в нем время. Здесь мы проанализируем содержащуюся в нем информацию по существу. «Узнав, что Грузинский] съезд назначен на 12 [марта], Старик весьма взволновался, нервничал и 1) послал Троцкому письменную просьбу "взять на себя защиту грузинского] дела в партии: тогда я буду спокоен". Троцкий решительного] ответа не дал. Вызывал вчера ночью меня для совещания, 2) написал и дал мне для передачи Мдивани, Мах[арадзе] и др. (копия Троцкому и Каменеву) письмо в 2 строки [о] фактической солидаризации с Мдивани и Ко и дезавуировании Серго, Ст[алина] и Дз[ержинского], 3) послал Сталину (копия мне и тебе) персональное письмо, которое ты, наверно, уже имеешь. Сталин ответил весьма сдержанным и кислым извинением, которое вряд ли удовлетворит Старика». Далее, Каменев, оценивая намерения Ленина в отношении Сталина, пишет, что урегулирование конфликта на Кавказе, в успехе которого он, Каменев, уверен, «уже не удовлетворит Старика, который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и *определенных организационных выводов наверху* »[1194]. Прежде всего, определение ответа Сталина как «кислого» не соответствует ни характеру, ни содержанию его письма от 7 марта.

Если Каменев прав, то кавказский конфликт для Ленина не причина, а лишь повод для разрыва личных и политических отношений со Сталиным. А разрыв нужен, чтобы получить свободу действий и не стеснять себя никакими, прежде соединявшими их узами политического сотрудничества и личной дружбы, вести борьбу с ним на поражение. Ради чего или кого? Ради Мдивани, выступавшего против образования СССР на принципах, предложенных В.И. Лениным? Но свое отношение к политической позиции Мдивани и его сторонников Ленин определил еще в конце октября 1922 г., осудив их поведение и политику в весьма резких выражениях. Ради Кабахидзе, который сам спровоцировал Г. К. Орджоникидзе ответить на его слова пощечиной? Но за этим инцидентом не стоял конфликт по поводу образования СССР. Думается, это письмо свидетельствуют не об этих ничем не подтверждаемых намерениях Ленина, а о том, что само письмо Каменева есть проявление политической интриги, бывшей органической составной частью борьбы, которая велась против Сталина. На это указывает одно слово, имеющееся в этом письме. Всего одно слово, но, как говорится, «мал золотник, да дорог!» Каменев сообщает, что Ленин передал ему письмо для Мдивани, Махарадзе и др., которое он сам *«написал»*. Опять Ленин *«написал»*!!! Удивительно, как упорно «заставляют» парализованного Ленина «писать». Каменев 7 марта 1923 г. не мог не знать, что Ленин давно уже писать не может. Или он забыл об этом? Если он это забыл, то как можно верить ему в остальном?! Если предположить, что это письмо писалось годы спустя, то данную ошибку можно понять. Таким образом, вопрос о времени создания этого письма нельзя считать решенным.

Более того, даже если это письмо было действительно написано Каменевым 7 марта 1923 г., то этот факт еще не гарантирует, что автором письма-ультиматума был Ленин. Да и сама встреча с Троцким 7 марта 1923 г., как было показано выше, не может считаться

надежно установленным фактом, поскольку сам Каменев ставит время этой встречи под сомнение. В письме в ЦК РКП (б) от 16 апреля 1923 г. он относит эту встречу (о другой, второй, подобной встрече ни Троцкий, ни Каменев ничего не говорят) к более позднему времени и связывает с ней только информирование о записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Поскольку нельзя считать доказанным, что Ленин 5—6 марта написал письма Сталину, Троцкому, а также Мдивани, Махарадзе и др., то придется признать, что нет серьезных оснований принимать на веру свидетельство этого письма Каменева о направлении Лениным письма-ультиматума Сталину и «кислого» ответа Сталина. Этот документ не может оказать помощи в решении вопроса о ленинском авторстве письма-ультиматума и об ответе Сталина. Поэтому мы *не можем исключить* того, что Ленин и Сталин не были авторами этих писем.

Против разрыва Лениным личных отношений со Сталиным (и, значит, против письма-ультиматума) может свидетельствовать последний контакт Ленина со Сталиным, произошедший 17 марта 1923 г. Речь идет об обращении Ленина к Сталину за ядом. После стойкой утраты Лениным речи (не удавалось ничего понять из того, что он говорил) возникла та ситуация, с которой он прежде связывал добровольный уход из жизни. 10 марта вошедшей к нему медсестре Ленин смог сказать: «Смертельный ток».

Смысл сказанного врач расценил так: «По-видимому, он считает сегодняшний спазм смертельным». Может быть и так, но не менее вероятно, что под «смертельным током» Ленин имел в виду не спазм, а смертельный яд, принять который настало время. В пользу этого предположения говорит и другая его фраза: «Один раз сказал: "Надо дать...", но что, сказать не мог». Считается, что он просил валерьянку[1195]. Может быть, но ввиду его состояния это нельзя считать установленным надежно. В следующие дни положение ухудшалось. 17 марта Ленин делает попытки что-то сказать, но никто «совершенно» не мог его понять. Наконец выяснили, что он хочет — чтобы ему дали яд[1196]. Дальнейшее известно из двух документов Сталина. 17 марта он письмом сообщил Каменеву и Зиновьеву: «Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в "ужасном" состоянии, с ним припадки, "не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно". Сообщила, что пробовала дать калий, но "не хватило выдержки", ввиду чего требует "поддержки Сталина"». Зиновьев и Каменев на письме зафиксировали свое мнение, видимо, вернув его Сталину: «Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!»[1197]. 21 марта Сталин направил членам Политбюро письмо, в котором более подробно сообщил об этой просьбе Ленина, о сопутствующих ей обстоятельствах и о своих действиях: «В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном *"просьбу Вл. Ильича Сталину"* о том, чтобы я, Сталин, взял на себя ответственность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что "Вл. Ильич переживает неимоверные страдания", что "дальше жить так невыносимо", и *упорно настаивала "не отказывать Ильичу в его просьбе"*. Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды *вызывал к себе* Н.К. во время беседы со мной и с волнением *требовал "согласия Сталина"*) (выделено нами. — В.С.), я не счел возможным ответить отказом, заявив: "Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование". В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватает сил выполнить просьбу В. Ильича, и [я] вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК». Члены Политбюро ознакомились с этим письмом Сталина. Томский на нем написал: «Читал. Полагаю, что "нерешительность" Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)». Зиновьев, Молотов, Бухарин, Троцкий и Каменев написали — «Читал»[1198].

Если бы Ленин ультимативно потребовал от Сталина извинения перед Крупской и не

получил удовлетворения (а он не получил его), то у него не было бы никаких оснований обращаться к нему с подобной просьбой. То же можно сказать и о Крупской, переадресовавшей ему эту просьбу Ленина. Необходимо объяснять и поведение Сталина. Он поступил так, как если бы письма-ультиматума не было, словно не знает о нем.

Следовательно, не письмо-ультиматум Ленина и не ответное письмо Сталина ставили точку в их отношениях. Действительно, последним актом их отношений оказалось обращение Ленина к Сталину за ядом 17 марта 1923 г. — акт, говорящий не об угрозе разрыва отношений со стороны лично оскорбленного человека, а о призыве товарища о помощи, о просьбе пойти на страшную моральную жертву — помочь умереть. Этот факт является косвенным свидетельством против желания Ленина разорвать со Сталиным отношения по причине переоценки его качеств как личности, так и политика.

Этот вывод вполне согласуется с заявлением Сталина на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) о том, что Ленин не разрывал с ним отношений, что подобные заявления — клевета[1199]. Крупская Сталину не возразила.

Коль скоро никаких следов ленинского авторства самый текст письма-ультиматума не несет, в секретариате Ленина оно не зарегистрировано, все свидетели путаются в собственных показаниях и противоречат один другому, состояние здоровья Ленина вызывает сомнения в способности продиктовать такой текст, то ленинское авторство письма-ультиматума надо доказать. Доказать на имеющемся материале не удастся, зато сомнения множатся. В этом случае мы не имеем формального права считать этот документ ленинским.

§ 4. ЛЕНИНСКОЕ «ПИСЬМО К СЪЕЗДУ» – ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАНТОМ

Анализ практических предложений, как и анализ «характеристик», мы продолжим, исходя из допущения (ради «чистоты эксперимента»), что автором «Письма к съезду» был Ленин.

Прежде всего, рассмотрим принятую версию об обращении Ленина к съезду с характеристиками группы руководящих деятелей партии в связи с той опасностью, которую они несли для устойчивости ЦК и единства партии. Из «Письма» следует, что Ленин, оценив Сталина как человека и политика, недостойного занимать высшую должность в партии и политической системе диктатуры пролетариата, предложил съезду решить вопрос о новом генеральном секретаре. При этом он уклонился от указания достойной, по его мнению, кандидатуры.

Вопрос, кого Ленин хотел видеть генеральным секретарем вместо Сталина, не дает историкам покоя. Предпринималось много попыток объяснить эту позицию Ленина, считавшегося автором «Письма». Пытаясь «додумать за Ленина» и предложить имя кандидата, иногда указывали на Рудзутака или Дзержинского, не приводя серьезных аргументов в пользу этих предположений. С принятой многими версией, что Ленин не хотел навязывать свое мнение партии, трудно согласиться. Имея свой взгляд на те задачи, которые стояли перед партией, а также на способы и методы их решения, он всегда открыто и настойчиво боролся за принятие своих предложений. Несмотря на болезнь, он до конца 1922 г. сохранял способность настоять на своей воле, заставить считаться с собой. Об этом говорит история обсуждения Гражданского кодекса РСФСР (февраль 1922 г.)[1200], образования СССР (октябрь 1922 г.), вопроса о монополии внешней торговли (октябрь—декабрь 1922 г.) и ряда других, менее важных. Нет никаких оснований думать, что Ленин в вопросе формирования высшей власти, от которой во многом зависела судьба революции, решил уклониться не только от своего права, но и обязанности как вождя партии и революции принять участие в решении труднейшей задачи подбора достойной кандидатуры на важнейшую в политической системе диктатуры пролетариата должность генерального секретаря ЦК РКП(б).

Сомнение усиливается от того, что Ленин, взяв на себя самую легкую задачу —

высказать сомнения в целесообразности оставления Сталина на этой должности, поставил перед съездом трудноразрешимую задачу поиска человека, который бы отличался от Сталина *только* отсутствием перечисленных негативных черт характера и, следовательно, обладал всеми его достоинствами. Сразу возникает вопрос: где его найти? Выступая на XI съезде РКП(б), Ленин прямо говорил, что лучшей кандидатуры, чем Сталин, для работы в наркомнаце и наркомате РКИ нет. Нет именно потому, что в нем *счастливым образом сочетались необходимые человеческие и политические качества* [1201] .

Далее, это должен быть такой политик, который бы разделял взгляды Ленина и мог вести эффективную борьбу за них. Но людей в ближайшем политическом окружении Ленина, обладавших совокупностью этих качеств, было совсем немного. Сталин среди них был одним из наиболее опытных, авторитетный и проверенный в деле. Далее, это должен быть незаурядный организатор, хорошо знающий кадры партии, имеющий опыт решения всех основных вопросов внутренней и внешней политики, а также партстроительства. Вот, пожалуй, круг основных черт, которые Ленин ценил в Сталине в связи с его работой в Секретариате ЦК РКП(б). Конечно, многие видные деятели партии обладали богатыми знаниями и опытом. Но кроме Сталина, пожалуй, никто не удовлетворял всем этим требованиям.

Если подходить к вопросу о кандидатуре на должность генерального секретаря в точном соответствии с установкой, данной в «Письме к съезду», предъявить новому генсеку эти требования, то станет очевидным, что очень трудно назвать какого-либо другого члена Политбюро или ЦК. Все члены и кандидаты в члены Политбюро, а также наиболее видные члены ЦК по разным причинам отпадают. Некоторые уже побывали на должности секретаря ЦК, но никто не удовлетворил Ленина в этом качестве. Никто, кроме Молотова и Сталина, не закрепился на этой работе. Поэтому даже гипотетический поиск равноценной, с точки зрения требований и политических интересов Ленина, замены Сталину в качестве генсека оказывается задачей много более сложной, чем обычно считается.

«Письмо к съезду» без положительного ответа на вопрос, кто вместо Сталина, теряет львиную долю своей политической ценности. Реальный политический смысл его состоит в другом — в изменении политического баланса в пользу политических противников Ленина, в создании предпосылок для укрепления политических позиций Троцкого и его сторонников.

Ситуация усугубляется еще и тем, что в «Письме к съезду» вопрос о самой должности генерального секретаря сформулирован так, что невозможно понять, нужна она или нет. С одной стороны, ставится задача найти нового человека на эту должность. А с другой — фактически утверждается, что ничего, кроме вреда, от нее ждать не приходится. Ее сохранение и важность вроде бы предполагаются тем, что указаны качества, которыми должен отличаться от Сталина тот, кто займет ее. Но опасность для партии, исходящая от генерального секретаря Сталина, жестко связывается с должностью, на которой обычные недостатки личности превращаются в политические, крайне опасные. Указана причина этой трансформации — огромная власть, сосредоточенная в руках генерального секретаря. Предложения сократить эту власть в «Письме» нет, следовательно, предполагается сохранение задач, функций и власти генерального секретаря. В этом случае возникает вопрос: кто может гарантировать, что эта должность в полгода не испортит любого другого человека, что любой другой сумеет пользоваться «необъятной властью» «достаточно осторожно»? Никто никаких гарантий Автору «Письма» в этом дать не мог, и сам он никому таких гарантий дать не мог. Власть сильно меняет человека, это тривиальная истина. Получается, что Ленин уклоняется от решения труднейшей задачи и перекладывает ее на плечи других. Это настолько не соответствует политическому почерку Ленина, что надо доказывать наличие таких намерений у Ленина, а вместе с тем и принадлежность ему «Письма к съезду».

Кроме того, если дело в должности и в той системе власти, в которую она включена, а не в человеке, то тогда теряет смысл указание на личные качества Сталина как одну из главных причин возможных неустойчивости ЦК и раскола партии. Тогда надо менять

систему власти. Но Ленин систему предлагает сохранить и развить. Именно развитию и совершенствованию ее посвящена значительная часть его последних писем, записок и статей. Даже когда Ленин в письме от 23 декабря 1922 г. говорит о необходимости принять «ряд перемен в нашем политическом строе», он имеет в виду не должность генсека, а увеличение численности ЦК и реорганизацию РКИ. Перемещение людей по должности может быть эффективным средством, но не имеет никакого отношения к переменам в политическом строе, в котором Ленин искал решение проблем повышения устойчивости ЦК и партии.

В этом случае требование убрать Сталина с должности генерального секретаря не кажется логичным. Получается, что Ленин поставил перед съездом партии задачу не только исключительно трудную, но и политически сформулированную совершенно неправильно. Связывать ее с Лениным нет достаточных оснований.

Та оценка качественного состава партии*, которую давал в это время Ленин («недостаточно пролетарский» состав партии и низкий уровень подготовки ее членов, что создавало угрозу для победы мелкобуржуазных настроений в ней[1202]), не дает оснований думать, что он мог, самоустраниаясь и выключая ЦК партии из процесса обсуждения судьбы ее вождей, отдать его решение партийному съезду. Конечно, качественный состав съездов был иным, но и здесь были свои проблемы, делавшие невозможным предоставление решения такого вопроса *исключительно* в руки делегатов съезда. Им предстояло сравнивать и оценивать разных политиков, разные политические почерки, разные способности, разные теоретические и политические взгляды, носителями которых были те лидеры партии, между которыми им нужно было делать выбор, разные политические программы и т.д. Между тем, многие, если не большинство делегатов не знали их достаточно близко, чтобы грамотно сделать такой выбор. Образовательный уровень массы делегатов съездов был низкий. Так, на XII съезде партии 49,7% делегатов съезда были с низшим образованием, 29,4% — со средним[1203]. Не все просто было с политическим опытом делегатов. На XI съезде из 520 делегатов с решающим голосом партийный стаж до 1916 г. имели 251 делегат, а с 1917 г. — 269 человек. 87 делегатов (16,7% от всех делегатов съезда) были выходцами из других партий. Профессиональных революционеров — всего 37 (7,1% от всех делегатов съезда)[1204]. 37 человек — вот та группа делегатов съезда, из которой, в принципе, можно было избирать генерального секретаря. Не густо! При подготовке XII съезда партии ЦК предпринял меры, позволившие значительно увеличить представительство на съезде большевиков с дореволюционным партийным стажем. На съезде присутствовали 408 делегатов с решающим голосом, из них 80,1% имели дооктябрьский партийный стаж, но профессиональных революционеров, т.е. людей, обладавших серьезной политической и теоретической подготовкой, было всего 7,2%. Высоким оставался процент выходцев из других партий — 14,7%[1205]. Кроме того, на съезде были представлены различные политические течения, которые вели политическую борьбу за влияние и власть в партии. И им, людям, которые в массе своей Ленину не были известны, он думал передоверить решение судьбы политически наиболее близких ему людей, которым он доверял, которые были не раз проверены, сильные и слабые стороны которых ему были хорошо известны? Ленин всегда был врагом демократического крестинизма. И никогда не уклонялся от участия в решении задач, от которых зависела судьба его детища — большевистской партии и социалистической революции.

Признавая ленинское авторство «Письма к съезду», придется также признать, что он фактически предлагает противопоставить политически верхушку — тончайший слой партийной гвардии — широким слоям партии. Результат этого мог быть только один — дискредитация тех, кто годами считался его ближайшими политическими союзниками и товарищами. Но это Ленин считал недопустимым: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой

внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него», — так писал В.И. Ленин 26 марта 1922 г.[1206] Эта же мысль звучит в его письме, направленном 23 декабря 1922 г. Сталину: реформа ЦК нужна «для поднятия авторитета ЦК»[1207]. «Письмо к съезду» толкало РКП (б) как раз на тот путь, которого старался избежать Ленин.

Борьбу между Сталиным и Троцким, так же как между Лениным и Троцким, нельзя свести к борьбе «за кресло», это была борьба противостоящих политических сил за возможность проведения различных политических линий. Снятие Сталина с поста генерального секретаря не прекратило бы ее. Делая этот шаг, Ленин не мог рассчитывать на предотвращение раскола. Достигался совершенно иной результат — изменение баланса сил во внутрипартийной борьбе. Произошло бы относительное уравнивание двух противостоящих политических течений, поскольку силы сторонников Троцкого возрастали, а силы сторонников Ленина, соответственно, уменьшались бы, так как «Письмо к съезду» подрывало позиции не только Сталина, но и других сторонников Ленина в руководстве партии в самый неподходящий момент — когда сам Ленин уже не мог организовывать борьбу за проведение своего политического курса.

В результате «Письма к съезду», обеспечивавшее продвижение Троцкого к рычагам власти в партии, было равноценно ослаблению политических позиций большевизма и смену ленинского политического курса на курс, предлагавшийся Троцким, против которого Ленин все время вел борьбу. Таким образом, преодоление угрозы раскола достигалось бы ценой поражения того политического курса, который Ленин считал единственно возможным для партии в создавшихся условиях. Эти последствия были много опаснее для дела революции, чем те негативные черты Сталина, которые беспокоили автора «Письма к съезду». Проблема угрозы раскола важна не сама по себе, а в связи с угрозой тому курсу, который Ленин считал верным. Единство партии нужно как условие проведения этого курса, если же курс неверен и ведет к гибели партии, то проблема сохранения единства теряет свой смысл.

Известно, что сам Ленин не останавливался перед тем, чтобы поставить своих оппонентов перед угрозой раскола, если он считал, что это будет полезно для утверждения верного, по его мнению, курса. Поэтому самая постановка вопроса — единство ради единства, в отрыве от вопроса о политическом курсе — несвойственна для Ленина. Понять это — значит понять, что не могло в этой ситуации исходить от Ленина предложение снять Сталина с должности генерального секретаря при одновременном расчищении дороги к власти Троцкому и его сторонникам, не устававшим твердить о том, что «кукушка уже прокуковала» гибель революции и пр. Это утверждение находит опору в текстах «Политического завещания», принадлежность которых Ленину надежно устанавливается, — серии диктовок и статей о реорганизации ЦК и ЦКК РКП(б), а также НК РКП.

Против трактовки «Письма к съезду» именно как обращения Ленина к съезду говорит также и то, что содержащиеся в нем предложения, требовавшие быстрого решения, откладывались на неопределенно долгий срок — до съезда партии, который должен будет собраться после смерти Ленина.

Цель «Письма к съезду», заявленная его Автором, — повышение устойчивости ЦК и предотвращение угрозы раскола партии. Поэтому необходимо проанализировать как само предупреждение об опасностях, ожидаемых партией, так и меры, призванные предупредить их. Оказывается, что это позволяет серьезно продвинуться в деле уяснения не только существа этого документа, но и времени его создания и даже прояснения вопроса о его авторстве.

«Под устойчивостью Центрального Комитета... — пишет Автор «Письма», — я разумею меры против раскола**», поскольку такие меры вообще могут быть приняты». Причиной раскола партии могут быть «серьезнейшие разногласия в партии». Автор считает, что «основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут...»[1208].

Не просто понять Автора «характеристик», когда он говорит о причинах возможного раскола. Предложения Автора «Письма» уводят внимание съезда из сферы принципиальных политических вопросов. Они отмечены, но не конкретизированы. Съезд партии о них должен догадываться. При таком путаном указании на главный источник опасности раскола помощь от этого «Письма к съезду» в ее устранении в значительной мере обесценивается. Не спасает положение и указание Автора «Письма» на то, что он намерен остановиться только на вопросах личных качеств ряда руководителей ЦК партии. Ясности здесь оказывается гораздо меньше, чем принято считать. И, самое главное, даже в этой части Автор не дает решения проблемы, которую он подрядился решить.

Говоря об опасности раскола, он сопоставляет, с одной стороны, «серьезнейшие разногласия в партии», а с другой — отношения между Сталиным и Троцким. Если бы эти причины были просто поставлены рядом, то вопроса не возникало бы. Но отношения между Сталиным и Троцким, оказывается, составляют более половины опасности раскола. Проще говоря, отношения Сталина и Троцкого как фактор раскола перевешивают все «серьезнейшие разногласия в партии» вкупе со всеми другими мыслимыми причинами («меньшая» половина), способными породить раскол. В свете всего, что мы знаем о взглядах Ленина на проблему обеспечения единства партии, принять логику Автора как ленинскую невозможно.

Если серьезно ставить вопрос о предотвращении угрозы раскола, то нельзя обойти молчанием проблему «меньшей» половины. Что мы знаем от Автора об этой «меньшей половине» грозной опасности, о ее носителях? Практически ничего. А ведь *половина*, даже «меньшая», — это немало и очень серьезно. Без ее устранения проблема преодоления угрозы раскола полностью не решается, поскольку серьезное понижение опасности, исходящей от «большей половины» сразу превращает «меньшую» ее часть в новую «большую». Отсюда следует, что Автор «Письма к съезду» либо плохо продумал проблему и предложил съезду партии меры, не дающие ее решения, либо угроза раскола партии его не волновала. Судя по всему, верно последнее. Единственное, что достигалось предложенными им мерами, — устранение Сталина с высшей в политической системе должности. Но само по себе это устранение не могло гарантировать прекращения ни личной, ни принципиальной борьбы между Сталиным и Троцким. Правда, борьба эта стала бы протекать в условиях нового политического баланса сил, когда угрозу раскола определяла «меньшая половина».

Если проблема «меньшей половины» совсем не поставлена, то проблема «большей половины» — отношений Сталина и Троцкого — поставлена так, что многое оказалось непонятным для современников и остается непонятным и спорным для историков. В ее постановке много эмоциональных преувеличений, нарочитая неопределенность, размытость формулировок, что позволяет раздуть личный фактор, не просто привлечь к нему внимание, но замкнуть на нем всю проблему.

Из «Письма к съезду» совершенно неясно, что это за конфликт между Сталиным и Троцким, который ставит ЦК и партию на грань раскола. Судя по тексту «Письма к съезду», сам автор его о противоречиях Сталина и Троцкого не мог сказать ничего определенного. Раскол может произойти «внезапно», «по неосторожности», по «какой-нибудь неосторожности». Личные качества «способны ненароком (т.е. случайно, ненамеренно) привести к расколу», который «может наступить неожиданно»[1209]. Вот как! И это сказано после того, как отмечена угроза раскола от серьезнейших разногласий в партии?! Предложение снять угрозу раскола перемещением Сталина предполагает, что противостояние между ним и Троцким исчерпывалось личными отношениями и не было связано с «рядом острых противоречий», о который автор «характеристик» упомянул выше, никак не связав их с противостоянием Сталина и Троцкого. Что же это были за серьезные противоречия, разделявшие партию, в которых Сталин и Троцкий не противостояли, или их противостояние в этих вопросах по своей способности дестабилизировать обстановку в ЦК уступало силе каких-то неопределенных конфликтов, вырастающих на почве личных отношений и не относящихся к политике? О чем же и как надо спорить за закрытыми

дверями ЦК и Политбюро, чтобы «ненароком» создать угрозу раскола более серьезную, чем создают «серьезнейшие разногласия в партии»?! Об этом Автор «Письма к съезду» умалчивает.

Обоснование «непригодности» Сталина у него сводится исключительно к эмоциям и выражению сомнений: «я не уверен», что он «всегда достаточно осторожно...» и т.п.[1210]. Этот прием тоже необычен для Ленина, который всегда обстоятельно аргументировал свои предложения, касавшиеся крупнейших политических вопросов. И, кроме того, он никогда не «рубил сплеча», если не владел нужной информацией. Показательно письмо Ленина (22 марта 1922 г.) Молотову для Пленума ЦК, в котором он очень осторожно подходит к вопросу о своей способности сделать доклад на съезде: «Прошу Пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное — от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал»[1211]. А ведь доклад — не предложение съезду самому разбираться со сложнейшим организационно-политическим вопросом. Ясно, что Ленин в марте 1922 г. и Автор «Письма к съезду» демонстрируют совершенно разные подходы к оценке своих способностей и правомочности делать выводы и давать советы, для которых требовались знания «текущей работы». А у Ленина, как было показано выше, на руках не было материала, позволявшего негативно оценивать работу Сталина на должности генсека.

В традиционной историографии предпринимались попытки прояснить, что именно заставило Ленина изменить свое мнение о Сталине как генсеке, однако они неизбежно приводили к признанию того, что дать убедительный ответ на этот вопрос невозможно. В этом отношении интересна и показательна попытка, предпринятая В.И. Старцевым. Не имея возможности документально обосновать знакомство Ленина с теми фактами, которые позволили бы отношения Сталина и Троцкого оценить как главную причину возможного раскола, он вынужден был признать, что в «характеристиках» Ленин исходил «из предположения (курсив наш. — В.С.) о существовании конфликта между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким». Впрочем, Старцев пытается найти способ уйти от этого, отнюдь не усиливающего традиционную историографию вывода, и заявляет: «Ленин не знал в то время главного: раскол в Политбюро между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким уже произошел». Для подтверждения факта раскола Старцев не нашел ничего лучшего, чем письмо членов Политбюро от 29 марта 1923 г. членам ЦК РКП(б), комментируя его таким образом: «Это письмо было уже *первым* (курсив наш. — В.С.) обвинительным актом против него» (т.е. Троцкого. — В.С.)[1212]. Но этот документ составлен тремя месяцами позднее времени создания «Письма к съезду» и через три недели после того, как Ленин утратил возможность вести какую бы то ни было работу! Поэтому он не может свидетельствовать о том, что в декабре 1922 г. в Политбюро уже произошел раскол, и даже о том, что Ленин предполагал, что он произойдет в ближайшее время. Да и не указывает это письмо на то, что раскол произошел по линии Троцкий — Сталин и что в нем виноват Сталин. И что это за «раскол» в Политбюро, если один Троцкий противостоит всем остальным членам Политбюро? Такой «раскол» в 1921—1922 гг., при Ленине, был постоянным явлением. Неудачная попытка Старцева фактически означает, что никакими более серьезными свидетельствами о расколе в Политбюро он не располагает. И неудивительно, даже Троцкий никогда не утверждал, что к концу 1922 г. их отношения со Сталиным ставили ЦК на грань раскола. Следовательно, и Троцкий фактически отвергает данное положение «характеристик».

Сталин участвовал в той борьбе с Троцким, которую вел Ленин. Вряд ли Ленин мог поставить это в вину Сталину. Не помогает и груз старых разногласий между Сталиным и Троцким. Они не создавали какой-либо проблемы, способной породить ситуацию, близкой к тем, которые прежде грозили расколами. В ходе политически наиболее тревожных дискуссий по вопросам образования СССР и монополии внешней торговли в октябре—декабре 1922 г. никакого противостояния или противоборства Сталина с Троцким не было. Некоторое обострение отношений между Сталиным и Троцким произошло *только в середине — второй половине января 1923 г.* в ходе их переписки по вопросу о реорганизации

хозяйственного механизма и Госплана, в которой Сталин защищал от очередных нападков Троцкого ленинские принципы его организации. Затем, в феврале, отношения стали обостряться в ходе обсуждения вопросов национально-государственного строительства и тезисов доклада Троцкого о работе промышленности. Но Ленин об этом, судя по всему, уже не знал. Кроме того, эти противоречия никоим образом нельзя представить как «личные отношения» между Сталиным и Троцким и даже как их политические разногласия, так как против Троцкого выступило большинство членов Политбюро, и ЦК выступало если и не единым фронтом, то сплоченно.

Известно, что 25 января 1923 г. члены Политбюро при обсуждении статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» были крайне удивлены указанием в ней на опасность раскола, которая здесь была сформулирована иначе и много спокойней, чем в «Письме к съезду». Политбюро единодушно отреагировало на эту статью специальным письмом региональным партийным органам, в котором дезавуировало именно это положение статьи — об опасности раскола[1213]. Проект письма был написан Троцким и его подпись стоит под ним. Значит, он тоже был удивлен.

На XII съезде разные политические силы также говорили об угрозе раскола. Сторонники Ленина видели опасность раскола во влиянии враждебной стихии на некоторых членов партии, зарекомендовавших себя патентованными «судьями» и критиками партии. Развернутую критику им дал на съезде Каменев. Одновременно Сталин, Зиновьев, Бухарин акцентировали внимание съезда не на угрозе раскола, а на возросшем единстве партии[1214]. С другой стороны, оппозиционеры, говоря об усилении угрозы раскола, связывали ее с существующим в партии режимом, ограничивающим демократические начала, который создавался по настоянию и при активном участии Ленина[1215]. Но никто из них не указывал на опасность, исходящую от личных качеств Сталина или Троцкого, или от их противостояния. Естественно поэтому, что ни личные качества Сталина, ни устранение его с должности генсека никто не рассматривал как средство предотвращения раскола. Если Ленина считать Автором «Письма к съезду», то придется признать, что оппозиционеры проявили к Сталину бо льшую лояльность, чем Ленин, что они не усматривали для себя со стороны Сталина той опасности, которой был обеспокоен Ленин, вдруг оказавшийся более рьяным защитником оппозиционеров, чем они сами. Ничто не дает оснований думать так. Все это говорит против ленинского авторства «Письма к съезду».

Так или иначе, но ни 24 декабря 1922 г., ни 4 января 1923 г., ни в конце января, ни в феврале, ни в марте, ни в апреле 1923 г. ни в личных, ни в политических отношениях Сталина и Троцкого не было ничего, что могло бы повлиять на устойчивость ЦК и поставить партию на грань внезапного раскола. Поскольку до XII съезда РКП(б) не существовало той проблемы, на которую Автор «Письма к съезду» указывает как на наиболее острую и тревожную, то это может означать, что оно было создано не ранее второй половины апреля 1923 г., то есть тогда, когда Ленин уже утратил всякую работоспособность. **Отсюда вывод: во-первых, «Письмо к съезду» не могло возникнуть ранее XII съезда партии, и, во-вторых, Ленин не мог быть его автором.**

Но и это еще не все. Предложенный Автором «Письма» способ преодоления угрозы раскола позволяет лучше понять причину столь своеобразной постановки вопроса о расколе и увидеть, что данный документ не только не являлся письмом к съезду, но и не мог им быть.

Автор «Письма к съезду» предлагает «обдумать способ перемещения» Сталина, однако обращение к съезду партии с данным предложением несообразно ни с Уставом РКП(б), ни с практикой партийного строительства. Зачем съезду *обдумывать способ перемещения* И.В. Сталина с должности генсека? Съезду не только не нужно этого делать, но этот вопрос он даже не может так ставить. Это невозможно уже потому, что прежний ЦК слагает перед съездом свои полномочия! Съезд избирал новый ЦК партии, который в соответствии с Уставом РКП (б) на своем пленарном заседании избирал Секретариат ЦК, в том числе генерального секретаря. Съезду достаточно не выбрать Сталина в состав ЦК или избрать такой состав ЦК, который ни за что не выберет Сталина генеральным секретарем. Или

подвергнуть его такой критике, которая закроет ему перспективу снова занять эту должность. Или избрать в состав ЦК ряд кандидатур с более предпочтительными, чем у Сталина, качествами. Наконец, просто заявить, что он не желает его видеть на этой должности. Все это *способы предотвращения* избрания генсеком, но *не способ перемещения* его. Съезд может иметь много способов не допустить Сталина на эту должность, но никак не может обсуждать *способ перемещения его с этой должности*.

Предложение обсудить способ перемещения Сталина с должности генсека в обращении к съезду — бессмыслица. Не мог Ленин не знать этого. Допустить, что из-за болезни Ленин забыл такие элементарные положения Устава партии и политической практики, значит политически обесценить «Письмо к съезду».

Кто бы ни был автором «Письма к съезду», у нас нет оснований считать, что он был настолько не осведомлен в элементарных вопросах партийного строительства, чтобы ставить такую задачу перед съездом партии. Из сказанного следует вывод, что этот документ не мог быть письмом, адресованным съезду партии. В пользу этого вывода говорит и то, что в самом тексте «Письма к съезду» **Автор не обращается ни к съезду, ни к его делегатам. Он обращается к «товарищам».** И не факт, что под «товарищами» он понимает именно делегатов съезда. Назван этот документ «Письмом к съезду» был позднее. По свидетельству Троцкого, когда этот текст был прислан в ЦК РКП(б) и передан Зиновьеву, т.е. в конце мая 1923 г., он не имел названия[1216]. Следовательно, нет решительно никаких оснований считать, что этот документ является обращением к съезду. Более того, можно с уверенностью говорить, что он не предназначался для съезда партии.

Может быть, этот документ был адресован Пленуму ЦК? Это предположение тоже придется отклонить. Пленум не обдумывает вопрос о *способе* перемещения. Способ известен, он один: *снять с должности*. Вопросы снятия и нового трудоустройства — разные вопросы. Не мог Ленин не понимать этого. То же надо сказать и о варианте обращения к Политбюро. Оно могло в предварительном порядке рассматривать вопрос об освобождении Сталина от должности генерального секретаря ЦК РКП(б), о его новой работе и предложить какой-то вариант Пленуму ЦК. Но и от этого предположения придется отказаться, так как способ перемещения все равно остается один — снятие с должности и назначение на другую работу. Вопрос нового назначения — это уж не способ перемещения. В рамках действовавшего механизма формирования ЦК и его органов требование обдумывать способ перемещения не имеет смысла.

Утверждать, что Ленин обращался с таким предложением к Пленуму ЦК партии или Политбюро, значит навязывать ему мысль, что ЦК РКП (б) уже не мог справиться со Сталиным, что Пленуму надо было как-то исхитриться, чтобы избавиться от Сталина как генсека. Думать так нет никаких оснований.

Сказанное не означает, что в этом предложении вообще нет смысла. Смысл в такой постановке вопроса есть. Этот **смысл обнаруживается только в том случае, если допустить, что Автор «Письма к съезду» пытался использовать неуставной путь.** Нельзя не заметить, что сама формулировка этого предложения — «обсудить товарищам способ перемещения» Сталина — несет в себе некоторый элемент «конспиративности»: выдает стремление Автора к предварительному обсуждению каких-то шагов, не предусмотренных Уставом партии. Зачем? Видимо, для того, чтобы заранее рассчитать все ходы, продумать основные аргументы и таким образом подготовить вопрос для его обсуждения. Такая конспиративность исключает официальное обращение в ЦК и Политбюро. Она возможна только в обращении к какому-то кругу своих единомышленников вне рамок ЦК и Политбюро. Таким образом, эта формулировка говорит, что так называемое **«Письмо к съезду» имеет смысл только как фракционный документ, как обращение к своим единомышленникам с предложением обсудить конкретные меры, направленные на устранение Сталина от главной должности в партии** — с должности генерального секретаря ЦК.

Характер предложения позволяет предположить, что речь шла о подготовке борьбы не

на съезде, а на Пленуме ЦК РКП(б), так как именно Пленум должен был и мог решать вопрос о Сталине как Генеральном секретаре. В этом случае *«способ перемещения» — это вопрос тактики борьбы за голоса в ЦК, обсуждение мер, направленных на завоевание большинства за счет привлечения колеблющихся в поддержку своего предложения, на внесение раскола в ряды противника и т.д.* Данная трактовка предложения обсудить способ перемещения Сталина вполне корреспондируется с теми выводами относительно предназначения «характеристик», к которым мы пришли выше.

В пользу этого вывода говорит и то, что Автор «Письма к съезду» совершенно не обеспокоен будущим Сталина как одного из двух выдающихся вождей, он не высказывает никаких советов относительно использования его качеств во благо партии и революции. Это непонятно, если предложение Автора действительно обусловлено интересами дела, а не фракционной борьбы. Напрашивается вывод, что главное для него не использование способностей Сталина, а устранение его как главного политического противника Троцкого, поэтому он безразличен к судьбе Сталина.

Подведем итог. Во-первых, «Письмо к съезду» не могло быть создано до XII съезда партии и, следовательно, не могло принадлежать Ленину. Во-вторых, «Письмо к съезду» не является обращением к съезду партии, ЦК или Политбюро ЦК РКП(б), оно является документом фракционной борьбы, происходящим из политических кругов, которые противостояли «старой большевистской гвардии» — сторонникам Ленина в ЦК и Политбюро. В этом смысле «ленинское» «Письмо к съезду» (оно же «Завещание» в узком смысле этого слова) — не более чем исторический фантом. Оно есть, но его нет. Этот текст скорее напоминает записи, наброски, проработки отдельных вопросов, частично для себя, частично для прочтения другими. Автора (или Авторов) их сейчас указать можно ориентировочно, через установление политических интересов, которые соответствуют оценкам и предложениям, содержащимся в «Письме к съезду». За этими интересами все отчетливее прорисовывается фигура Троцкого. Если наши выводы верны, то можно надеяться, что в указанный период в выступлениях оппозиционной части партии можно обнаружить такие оценки и предложения, которые отразились затем в «Письме к съезду».

* К XI съезду членов партии со стажем до 1917 г. было 2%, а 98% имели небольшой партийный стаж (Одиннадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 6. С. 26). В 1922 г. среди членов партии было с высшим образованием — 0,68%; со средним — 6,99%; с низшим — 80,11%; с домашним — 10,46%; неграмотных — 1,37% (Литвак К.Б. Партийные переписи и культурный уровень коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 86). На XIII съезде Сталин констатировал низкий культурный уровень целых партийных организаций, ячеек, особенно на окраинах. До 60% членов партии политически неграмотны (Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 11).

** Под устойчивостью ЦК нельзя «разуметь» меры по предотвращению раскола. Явный логический сбой. Конечно, неудачную формулировку может допустить каждый, но не меньше оснований имеется и для иных версий. Например, что это след работы действительного автора текста (не Ленина), пытавшегося связать «характеристики» с проблемой раскола, затронутой (в совершенно ином плане) в письме Ленина к Сталину от 23 декабря. Таких сбоев в тексте «характеристик» много. Например: «Ставил ставку по отношению к их игре».

§ 5. ИСТОКИ ОСНОВНЫХ ОЦЕНОК И ПРЕДЛОЖЕНИЙ «ПИСЬМА К СЪЕЗДУ»

В историографии не предпринималось серьезных попыток установить документальные истоки тех или иных положений «Письма к съезду». Вера в ленинское авторство делала эту

задачу неактуальной. Пожалуй, лишь В.И. Старцев обратил внимание на ленинскую записку Каменеву, Рыкову и Цурюпе (от 13 декабря 1922 г.), в которой он усмотрел прообраз будущего «Письма к съезду» на том основании, что в ней Ленин характеризует Каменева как более склонного к председательствованию и к формулированию каких-либо положений[1217]. Любопытно, но не доказательно. Подобных характеристик у Ленина много. Но, самое главное, сравнительный ряд, да и ракурс, под которым производится оценка, здесь совсем не те, что в «Письме к съезду».

Истоки идей, оценок и практических предложений, которые нашли в «Письме к съезду» свое выражение, впервые обнаруживаются в ряде выступлений накануне и в ходе XII съезда партии.

Перед съездом появилась анонимная брошюра, в которой утверждалось, что в ЦК господствуют групповые интересы, и содержалось требование убрать из ЦК Сталина, Зиновьева и Каменева[1218]. Объективно это означало предложение осуществить с помощью кадровых перемещений сторонников Ленина в руководстве партии такое радикальное изменение баланса политических сил, которое бы обеспечило антиленинским силам, в первую очередь Троцкому, руководящее положение. Подозрение падало на Н. Осинского, который в выступлении на XII съезде предлагал убрать Зиновьева из Политбюро[1219]. Так ли это, неизвестно, но на съезде Осинский занимал позицию, несколько отличную от автора брошюры — критику по адресу Зиновьева, выступавшего с политическим докладом ЦК, он сочетал с похвалами Сталину, который делал организационный отчет ЦК РКП(б). Он также отмежевался от предложения анонимного автора брошюры вывести из ЦК Сталина и Каменева, но предложил применить эту меру в отношении Зиновьева[1220]. Возможно, это был тактический прием, который был понят делегатами съезда. На это может указывать резкая реакция Сталина, заявившего в заключительном слове по орготчету на XII съезде РКП(б): «Я не могу, товарищи, пройти мимо той выходки Осинского, которую он допустил в отношении Зиновьева. Он похвалил тов. Сталина, похвалил Каменева и лягул Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь и до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое создалось внутри ЦК за годы работы, с тем, чтобы постепенно, шаг за шагом, разложить все»[1221]. Любопытно, что в «Письме к съезду» мы видим тот же прием: автор критикует всех трех, но упор делает на одном — на Сталине. Разница — в направлении удара.

Примечательно, что, критикуя руководящую группу ЦК, никто не ссылался на авторитет Ленина, на какие-либо его высказывания и т.п. Интересно выступление В. Косиора — постоянного оппонента Ленина и сторонника Троцкого, вдруг начавшего расхваливать Ленина («признанный и уважаемый вождь», «гениальный ум и гениальный опыт»[1222]), всячески демонстрируя лояльность и политическую близость к нему. Но самое главное в его выступлении то, что в нем встречается та же постановка вопроса о единстве (расколе) партии, что и в «Письме к съезду», которая, как было показано выше, не имеет ничего общего с ленинской постановкой вопроса о расколе. Упрекнув Сталина за то, что он мало внимания уделил в своем докладе вопросу о единстве партии, а Зиновьева за то, что он вообще обошел эту тему, В. Косиор заявил: «Я считаю, что партийный съезд вправе заинтересоваться вопросом о том, есть ли у нас внутри партии и в наших руководящих партийных органах все необходимые условия для того, чтобы единство партии было на деле проведено. Мне кажется, товарищи, что таких условий внутри партии в данный момент нет, или они имеются не в той степени, в которой это необходимо, чтобы партия действительно на деле сохраняла свое единство. Основной вопрос, по моему мнению, заключается в том, что руководящая группа Центрального Комитета (т.е. Сталин, Зиновьев и Каменев, прежде всего. — В.С.) в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую политику, — политику, которая, по моему мнению, сплошь да рядом не совпадает с интересами партии. Эта, товарищи, политика в первую голову проявляется в той организационной форме, в которой у нас происходит подбор и использование ответственных работников для советской и партийной работы... Эта организационная линия, на мой взгляд,

порождает внутри партии совершенно ненужное недовольство, она создает атмосферу и почву для известных группировок, для мелочной групповой борьбы, которая не в интересах партии»[1223].

Итак, Сталин, Зиновьев и Каменев несут ответственность за угрозу раскола. Этот тезис находится в полном соответствии с «Письмом к съезду» и не находит аналогов в ленинских документах.

«Мне кажется, — продолжал В. Косиор, — что настоящее единство и предохранение партии от личных трений и влияний, о которых пишет тов. Ленин в своей первой статье*, возможны будут только тогда, когда мы изменим систему и способ подбора руководящих кадров нашей партии... Я не предлагаю партийному съезду пуститься в поиски нового состава ЦК. Для этого нет ни сил, ни возможности. Но если партсъезд не создаст настоящий барьер, который был бы достаточно самостоятельным, чтобы противостоять всякого рода личным влияниям, я уверен, это не будет в интересах единства партии. Только при этих условиях мы сумеем сохранить действительное единство партии»[1224]. Здесь проблема личных трений и влияний в ЦК представлена как причина возможности раскола и как проблема, которой должен заняться съезд партии. В «Письме к съезду» эта увязка проблемы замыкается на предложении съезду обдумать «способ» перемещения Сталина с должности генсека. В. Косиор пугает съезд и фактически ставит ультиматум — или делайте, как я сказал, или будет внутрипартийная борьба. В «Письме к съезду» данная позиция нашла более краткое и четкое выражение и к тому же выводится на более высокий уровень обобщения.

Нельзя не отметить и той характерной для Автора «Письма к съезду» неопределенности в указаниях на опасности: «Мне кажется», что нет условий для сохранения единства партии или они имеются «не в той степени, в какой необходимо». Руководящая группа, *«по моему мнению»*, в значительной степени проводит групповую политику». Практика подбора кадров, *«на мой взгляд»*, порождает «ненужное недовольство». «Мне кажется», что настоящее единство зависит от изменения «системы» и «способа» «подбора руководящих кадров» партии.

У В. Косиора, как и у Автора «Письма к съезду», все заслуживающие внимания причины возможного раскола находятся в руководстве партии. Как и Автор этого «Письма», он стремится к изменению баланса политических сил за счет изменения состава руководящих органов ЦК РКП (б). Точно так же он прикрывает это желание невнятным рассуждениями об опасности единства партии, исходящей от Сталина, Зиновьева и Каменева. В. Косиор утверждает, что та политическая линия, которую проводит «руководящая группа ЦК», создает условия для группировок** и чтобы изменить этот сложившийся по инициативе Ленина режим в партии, В. Косиор внес предложение отменить резолюцию X съезда партии о единстве[1225]. Его позиция имеет логическую перекличку с «Письмом к съезду» в том отношении, что В. Косиор, как и Автор «Письма к съезду», опасность для РКП(б) усматривает в деятельности сторонников Ленина и не связывает ее с политической позицией и деятельностью оппозиционеров. Наоборот, прекращение борьбы с ними В. Косиор и Автор расценивают как устранение главного фактора, грозящего расколом. Оба наиболее эффективное средство борьбы с этой угрозой усматривают в изменении состава руководства партии за счет устранения наиболее активных и авторитетных сторонников Ленина.

Совпадения позиций В. Косиора и Автора «Письма к съезду» очевидны. Столь же очевидно то, что взгляды В. Косиора противоречат тому подходу, тем оценкам и предложениям, которые имеются в последних письмах и статьях Ленина. У Ленина ослабление угрозы раскола связано с сохранением и развитием прежнего курса партийного строительства, сохранением ядра существующего партийного руководства. У В. Косиора — с их изменением***.

Но, может быть, В. Косиор был информирован о ленинском «Письме к съезду» и излагал ленинские мысли, не называя их автора? Предположим. Но это допущение надо еще

доказать. А доказательств нет. Иногда утверждается, что «Письмо к съезду» стало известно руководителям партии сразу же (или вскоре) после того, как Ленин продиктовал его. При этом ссылаются на письмо Фотиевой Каменеву от 29 декабря 1922 г.[1226] Однако, во-первых, из этого письма явствует, что речь идет о диктовке 23 декабря, а во-вторых, как было показано выше, есть основания сомневаться в подлинности этого письма. Переписка членов и кандидатов в члены Политбюро, зафиксировавшая их реакцию на первое ознакомление с текстом «характеристик», говорит о том, что записи диктовок 24—25 декабря 1922 г. («характеристики») в конце мая 1923 г. для них были новы и неожиданны[1227]. Поэтому более обоснованным представляется вывод, что в своем выступлении на XII съезде партии В. Косиор не обнародовал ленинские мысли, а высказывал свои. В. Косиор был не одинок в таких рассуждениях, просто в его выступлении эта проблема была поставлена более полно и ясно, чем у других.

Условия, потребовавшие от оппозиции развертывания открытой борьбы за устранение Сталина с должности генерального секретаря, сформировались только после XII съезда, который, несмотря на его критику в «статье» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», поддержал Сталина. Через съезд состав руководящей группы в ЦК изменить не удалось. Можно было попробовать решить этот вопрос через Пленум ЦК. Но для этого вопрос должен был быть соответствующим образом подготовлен. Вот здесь задача обсуждения «способа перемещения Сталина», которую Автор «Письма к съезду» поставил перед «товарищами», оказывалась и к месту, и ко времени. На это же, возможно, указывает и то, что именно на XII съезде партии впервые во всеуслышание в выступлениях Зиновьева и Мдивани прозвучали те упреки, которые вошли в число важнейших положений «Письма к съезду».

Выступая на XII съезде с политическим отчетом ЦК партии, Зиновьев заявил: «Вы должны знать, что самым опасным является не тот меньшевик, который с физической смертью Мартова и с политической смертью Дана пошел к Ивановичу, а опасен тот, кто хочет прикрыться нашей партией, который ходит вокруг да около партии и говорит, что и с уставом, и с программой он совсем согласен, но хочет "только" немножечко пересмотреть крестьянский вопрос, чуть-чуть изменить положение в национальном вопросе, пытаюсь в той же форме протащить великодержавный шовинизм и хоть немножко насчет диктатуры пролетариата пересмотреть»[1228]. Многие могли принять этот упрек на свой счет, и Троцкий был в их числе не последним.

Это было сказано Зиновьевым в конце апреля, а через месяц, в конце мая 1923 г., Крупская принесла в ЦК «характеристики», в которых Троцкий берется под защиту как раз в связи с подобным (или, возможно, именно этим) обвинением. Именем Ленина его небольшевизм ему прощается, а недостаточно твердый большевизм Зиновьева выставляется в качестве недостатка, о котором нельзя забывать. Возможно, именно из-за этого высказывания на XII съезде партии Зиновьев и удостоился «чести» подвергнуться «характеристике» в «Письме к съезду». В этом случае становится понятной и тесная увязка его характеристики с характеристикой Троцкого.

Возможно, в этой истории кроется ответ на загадку, которая имеется в тексте «характеристик», о которой говорилось выше: «октябрьский эпизод» ставится в упрек кому-то одному, а далее называются две фамилии — Зиновьев и Каменев. Открытый вызов, брошенный Зиновьевым Троцкому, позволяет предположить, что «октябрьский эпизод» был напомнен именно Зиновьеву. И лишь позднее, в ходе торопливого редактирования текста, появилась фамилия Каменева — компаньона Зиновьева по той истории, а с ней — видимое ныне противоречие текста.

Еще одно важное положение «Письма к съезду» на XII съезде прозвучало в выступлении Мдивани. Он поднял вопрос о необходимости учитывать различие того впечатления, которое производят меры, предпринимаемые ЦК партии, на членов партии и беспартийных. Причем он связал эту проблему с деятельностью Сталина, точно так же как и Автор «Письма к съезду». Критикуя Сталина за проведение политики с помощью кадровых

перестановок и, в частности, отзыва из Грузии некоторых противников образования СССР, он сказал: «Одно дело наши личные ощущения, одно дело отношение к этим переброскам партии и нашей организации, а другое дело отношение к этим переброскам той самой беспартийной массы»[1229]. Смысл сказанного: меры Сталина, мы, коммунисты, как-нибудь перенесем, но на отношение беспартийной массы к партии они сказываются самым отрицательным образом. Эта мысль в «Письме к съезду» отличается только более общей постановкой вопроса и сопровождается требованием «переместить» Сталина с должности генсека.

Создается впечатление, что Автор «Письма к съезду» внимательно изучил стенограмму XII съезда партии на предмет того, что можно из нее почерпнуть для критики членов ленинского большинства в Политбюро, и изложил содержание этих выступлений, соответствующим образом интерпретировав их и придав им форму размышлений Ленина.

Аналогичные «переключки» встречаются и в других документах *того же времени*.

Упрек в недостаточной вежливости и в грубости, содержащийся в «характеристиках», почти дословно перекликается с текстом письма Крупской Каменеву, датированным 23 декабря 1922 г., в котором излагалась версия конфликта Сталина и Крупской, и Сталин обвинялся в грубости. Выше говорилось об источниковедческих проблемах, связанных с этим письмом, в частности, отмечалось, что подлинность его подвергается сомнению. Важно то, что самый факт конфликта вне зависимости от времени создания письма и точности изложения в нем событий мог породить у Крупской определенные оценки Сталина (в частности, обвинение в грубости), которые могли послужить основой соответствующих оценок в «Письме к съезду». Переключка очевидна. Достаточно сравнить, что писали Крупская и Автор «Письма к съезду». Крупская: Сталин допустил «по отношению ко мне грубейшую выходку», «я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова», «прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз», Сталин «позволяет себе грозить», он виновен в «глупой склоке»[1230]. Автор «Письма к съезду» откликается эхом: «Сталин слишком груб», генеральный секретарь должен быть более терпим, более лоялен, вежлив, более внимателен к товарищам и т.д.[1231] Очевидное созвучие двух документов позволяет сделать предположение о наличии внутренней связи между ними, а также о том, что Автор «Письма к съезду» заимствовал оценки Крупской из ее письма или рассказа. Впрочем, есть и различия: у Крупской речь идет о недопустимости грубости к товарищам-партийцам, а у Автора «Письма к съезду» — к беспартийным, точно так, как у Мдивани.

О некоторой причастности Троцкого к тем оценкам, которые встречаются в «Письме к съезду», имеется его собственное признание. Существует несколько версий рассказа Троцкого о своей беседе с Лениным в последние месяцы 1922 г. по поводу борьбы против бюрократизма, которые были проанализированы выше. В январе 1923 г. он описал ее так, что очевидна противоположность их позиции в этом вопросе, и слова, сказанные Лениным, никоим образом не соотносятся с «Письмом к съезду»[1232]. Иное дело версия рассказа, относящаяся к октябрю 1923 г. Здесь Ленин уже говорит в полном согласии с Автором «Письма к съезду». Если принимать версию ленинского авторства «Письма к съезду», то эту метаморфозу следует объяснить. Так, Ленин у Троцкого говорит уже следующее: «Да, бюрократизм у нас чудовищный... я ужаснулся после возвращения к работе». Все надежды, естественно, возлагает на Троцкого: «Вы... сможете перетряхнуть аппарат». «Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов (партийного и государственного. — В.С.) и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей. Ленин слушал напряженно и подтверждал мои мысли... Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: "Вы, значит, предлагаете открытую борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?" Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое сосредоточение сталинского аппарата. — Пожалуй, выходит так. — Ну, что ж, — продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы

назвали по имени существо вопроса, — я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности. — С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, ответил я. — Мы условились встретиться снова через некоторое время. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократизма, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя совнаркома»[1233].

Выше было показано, что рассказанная Троцким история — миф. Следовательно, Ленин не мог выступать в качестве соавтора тех идей, о которых рассказывает Троцкий.

Итак, Л.Д. Троцкий заявляет, что он как минимум является идейным соавтором «характеристик» И.В. Сталина и предложения о его «перемещении» с поста генерального секретаря! Получается, что причастность Ленина к этим предложениям не доказана, а причастность Троцкого признается им самим.

Чтобы исключить неправильное толкование слов о заговоре с участием Ленина, он подкрепляет их заверением, что «факт» и «содержание» «составляют неоспоримый и никем не оспоренный эпизод истории партии»[1234]. Что говорить, трудно оспаривать то, чего не было. Но попробуем. Во-первых, нам неизвестны документы, подтверждающие и «факт», и «содержание». Единственное, что может претендовать на эту роль, — это «Письмо к съезду», ленинское авторство которого нельзя считать доказанным. Рассказ записан в октябре 1923 г., но когда возникла основа изложенной в нем версии, неизвестно. Ясно, что не раньше января. Не исключено, что в середине апреля — июле 1923 г., когда активно обсуждались проблемы, составившие главное содержание «Письма к съезду», до того момента, когда в конце мая 1923 г.

Крупская принесла «характеристики» и в политический обиход было введено «добавление» к ним (которое тогда называлось «Письмом Ильича о секретаре»). На позднее (летнее) происхождение этой версии, возможно, указывает то, что в ней упор сделан не на должности генерального секретаря, а на Оргбюро, вокруг которого развернулась борьба именно летом 1923 г. («пещерное совещание» — о нем речь пойдет ниже).

Оборот «ценнейший и крупнейший», использованный в характеристике Бухарина, встречается в письме Ленина членам Политбюро от 17 марта 1922 г., где это выражение использовано применительно к Радеку и Сосновскому[1235]. Этот факт, между прочим, говорит о том, что никакой небывало сверхвысокой оценки положения Бухарина в партии в этой фразе нет. Конечно, если Ленин был автором, то он мог использовать это выражение для характеристики Бухарина, но поскольку его авторство не доказано, мы вправе предположить, что Автор «Письма к съезду» мог использовать эту ленинскую оценку.

Итак, в период подготовки XII съезда РКП (б) и на самом съезде в выступлениях оппозиционеров был сформулирован ряд политически важных положений, которые одновременно являются центральными и в «Письме к съезду». От авторов анонимной брошюры и выступления Осинского идут предложения удалить из ЦК Сталина, Зиновьева и Каменева, т.е. «руководящую группу ЦК». От В. Косиора идет, во-первых, стремление представить деятельность «руководящих партийных органов», «тройки» и «секретариата» (значит, и Сталина) как фактора, грозящего расколом партии; во-вторых, акцентирование внимания съезда на отношениях внутри ЦК между этой «руководящей группой» и другими его членами как фактора раскола; в-третьих, указание на необходимость найти «способ» предотвращения этой угрозы за счет кадровых перемещений в ЦК; в-четвертых, на противопоставлении интересов «руководящей группы ЦК» и интересов партии; в-пятых, на необходимости съезду партии взять на себя задачу предотвращения угрозы раскола из-за «руководящей группы ЦК». От Зиновьева идет тема обвинения Троцкого в меньшевизме (фактически в меньшевизме). От Мдивани — указание на то, что некоторые меры в области партийного строительства, терпимые членами партии, оказывают недопустимое негативное влияние на беспартийных. От Крупской — обвинения Сталина в грубости. От Троцкого —

упрек в злоупотреблении властью и неумении осторожно пользоваться ею.

Таким образом, вся совокупность идей, оценок, предложений, которые составляют содержание «Письма к съезду», существовала накануне того времени, когда «характеристики», а вскоре и «добавление» к ним впервые поступили в ЦК. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что если в диктовке 24 декабря выписаны «волчьи билеты» Сталину, Зиновьеву и Каменеву, а из всех недостатков Сталина, то указан только один — недостаточно осторожное пользование «необъятной властью», то диктовка 4 января 1923 г. посвящена только Сталину и именно в ней, кроме этого недостатка, указаны и другие. Получается, что «характеристики» (диктовки 24—25 декабря) больше перекликаются с анонимной брошюрой, с выступлениями оппозиционеров на XII съезде партии (угроза раскола, критика «руководящей группы ЦК»), а также с заявлением Зиновьева относительно опасности, исходящей от меньшевиков, обретающихся в руководстве партии. А «добавление» к ним больше перекликается с обстоятельствами конфликта Сталина и Крупской, выступлением Мдивани на XII съезде.

В пользу того, что во время работы XII съезда Крупская еще не располагала «Письмом к съезду», говорит то обстоятельство, что она, будучи якобы распорядительницей этого письма, не использовала его на съезде. Даже не намекнула на него, не ознакомила делегатов с его содержанием как с собственными мыслями, если не хотела или не могла открывать тайну Ленина. В любом случае ее партийный долг состоял в активном участии в обсуждении этой проблемы, если она знала мнение Ленина и разделяла его. Но она промолчала. Думать, что Крупская пренебрегла такой возможностью, а ожидала смерти Ленина, нет никаких оснований, поскольку вскоре после XII съезда она передала «характеристики» в ЦК партии, никак не оговаривая ни запрета, ни какой бы то ни было воли Ленина относительно них. Причина ее молчания кроется, очевидно, в другом — в дни работы XII съезда РКП(б) «Письма к съезду» в ее распоряжении еще не было. Не было потому, что его еще не существовало в природе. Оно появилось позднее.

* Речь может идти только о статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», но там этого тезиса нет!

** По собственному признанию, он уже давно состоял в одной из них.

*** Противников у В. Косиора на съезде оказалось достаточно. Ему аргументировано возражали М.Е. Урываев и Г.Я. Беленький, а также бывший троцкист Е.О. Бумажный (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. 17—25 апреля 1923 г. С. 98, 100, 107, 109—110).

ГЛАВА 5. «ЗАВЕЩАНИЕ» ЛЕНИНА КАК КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ

§ 1. ПРОТИВОРЕЧИЯ СОДЕРЖАНИЯ

Проведенный анализ текстов «Завещания», а также источников-носителей информации об их происхождении и предназначении приводят нас к выводу, что в «Завещании» выделяются две группы текстов. Первая — тексты, ленинское авторство которых устанавливается вполне надежно. Речь идет о диктовках 23, 26—29 декабря (в т.ч. текст, известный под названием «О придании законодательных функций Госплану»), опубликованные в 1923 г. статьи «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин» (а также план первоначального варианта этой статьи и самый текст ее, имевший название «Что нам делать с Рабкрином»), «Лучше меньше, да лучше». К ним также относятся записки Ленина, не подготовленные к печати или не предназначавшиеся для нее. Те, которые были опубликованы по решению Политбюро под условными названиями «О кооперации» и «О нашей революции»[1236]. Вторая группа текстов представлена «Письмом к съезду» (диктовки 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.), «статьей» «К вопросу о

национальностях или об "автономизации"» и письмами 5 марта (Троцкому) и 6 марта 1923 г. (Мдивани, Махарадзе и др.). К ним скорее всего принадлежит и «письмо-ультиматум» Ленина Сталину.

Пока вопрос о доказательстве ленинского авторства каждого из вышеназванных текстов не стоял, имевшиеся между ними противоречия либо игнорировались, либо объяснялись различными причинами: тем, что ленинская мысль не понята до конца, обстоятельствами и условиями работы Ленина (плохое самочувствие, отсутствие навыков работы со стенографисткой), дефектами работы ленинских секретарей. Ситуация меняется, как только ставится задача обоснования ленинского авторства того или иного текста «Завещания». В этом случае возникает необходимость изучить все противоречия в отдельности и выявить их внутренние связи, проанализировать все возможные причины их появления. И сразу же становится ясно, что прежними ответами удовлетвориться невозможно. Дефекты записи секретарей возможны, но вряд ли они приведут к возникновению двух противостоящих систем взглядов. То же относится к условиям и обстоятельствам диктовки. Что касается сформулированных Лениным положений, то они вполне понятны.

ПРОБЛЕМА РАСКОЛА

Традиционно считается, что причина появления «Письма к съезду» — опасение угрозы раскола Центрального Комитета и партии. Основанием для такого вывода служило указание на эту опасность как в самом «Письме к съезду», так и в других текстах «Завещания». При этом игнорировался тот факт, что в «Письме к съезду» и в других текстах ленинского «Завещания» проблема раскола ставилась и решалась совершенно по-разному.

Ленина и Автора «Письма к съезду» разделяет серьезное разногласие — по поводу классового союза рабочих и крестьян. В «Письме к съезду» говорится: *«Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если между этими классами не состоится соглашение. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить»* (курсив наш. — В.С.)[1237].

В статье Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» говорится нечто совершенно иное: «В нашей Советской республике **социальный строй** основан на **сотрудничестве двух классов** : рабочих и крестьян , к которому допущены на известных условиях и "нэпманы", т.е. буржуазия. Если возникнут серьезные **классовые** разногласия между этими классами, тогда **раскол** будет неизбежен , но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы *внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупредить их*, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст "нэпманам", т.е. новой буржуазии, разединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики» (выделено нами.—В.С.)[1238].

При внешнем сходстве сформулированных здесь положений между ними — серьезная разница. Автора «Письма к съезду» беспокоит раскол в партии, который неизбежен, если «не состоится соглашение» между рабочими и крестьянами, т.е. он ставит вопрос о соглашении между пролетариатом и крестьянством как о задаче будущего, так, будто бы НЭП не обеспечил его. Когда оно состоится, то раскол будет маловероятен. Когда же это произойдет? При каких условиях? Может быть, в ходе победы мировой пролетарской революции? Тогда, конечно, раскол будет маловероятен. Такая постановка вопроса имеет

право на существование. Но политически она не была актуальной для Ленина. А вот для Троцкого она, как было показано выше, оставалась актуальной всегда. Ленин же считает, что союз есть свершившийся факт и задача состоит в его сохранении и упрочении: об этом надо заботиться сейчас как о задаче первостепенной важности. Автор «Письма к съезду» не видит способа предотвратить ее, в лучшем случае считает возможным отодвинуть решение проблемы в более отдаленное будущее. Ленин же фиксирует внимание партии на объективной природе этого союза, на улучшении политических механизмов и упрочении связи партии с массами как гарантии сохранения союза рабочих и крестьян.

Да и подобная постановка вопроса об угрозе гибели советской власти из-за раскола между рабочим классом и крестьянством была совершенно не характерна для Ленина. На XI съезде РКП (б) (март 1922 г.) он, говоря о неизбежном в будущем «последнем и решительном бое» с капитализмом, вырастающим из крестьянства, не утверждал, что это столкновение обязательно должно закончиться гибелью советской власти. В приветствии IV конгрессу Коминтерна и в выступлениях на нем (ноябрь 1922 г.), а также в выступлении на заседании Моссовета 20 ноября 1922 г. В.И. Ленин также высказывался весьма оптимистично насчет перспектив социалистической революции[1239]. Аналогичные настроения пронизывают все последние ленинские письма и статьи.

Автор «Письма к съезду» утверждает, что *партия* опирается на два совершенно разных социальных класса — на пролетариат и крестьянство, т.е. что она не только берется выражать их классовые интересы, но и в социалистической революции отводит им одинаковую роль. В творческом наследии Ленина эта мысль не находит никакой опоры. Для Ленина (в рамках его теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую) это было бы равносильно отрицанию социалистического характера российской революции. Известно, что по этому вопросу он дискутировал с Троцким. Автор «Письма» фактически не делает различия между пролетариатом и мелкобуржуазным крестьянством в качестве социальной базы революции. Ленин не только всегда делал такое различие, но и дифференцированно относился к крестьянству, когда определял отношение к нему коммунистической партии в социалистической революции (в период борьбы за установление диктатуры пролетариата — союз с бедняком при нейтрализации середняка; затем бедняки — опора советской власти в деревне, а с середняком — союз). В начале 1922 г. именно Ленин, несмотря на настойчивые возражения со стороны оппозиции и части своих сторонников, провел на XI съезде партии решение об усилении дифференцирования классового подхода при приеме в партию: вступление в нее облегчалось для рабочих с большим стажем работы, более сложным оно было для тех, у кого фабрично-заводской стаж меньше, и для солдат, а для крестьян оно затруднялось еще более. В рамках НЭПа на первый план выдвигалась задача урегулирования отношений со всем крестьянством, но не забудем, что выдвигалась она в рамках классового подхода, следовательно, требование различать в крестьянстве отдельные слои сохраняло свою силу.

Ленин и Автор «Письма к съезду» говорят об угрозе раскола партии, но при этом видят его по-разному. На это указывают предлагаемые ими две совершенно разные оценки этой опасности и предложения по ее предотвращению. Автор «Письма к съезду» угрозу раскола классового союза связывает в единый узел с угрозой раскола и гибели партии. Опыт революции свидетельствовал о том, что между расколом партии и расколом союза рабочего класса и крестьянства нет прямой зависимости. Известно, что классовый союз рабочих и большинства крестьян (середняки) возник только в ходе гражданской войны, но партия существовала и до этого времени. Рождался он тяжело, крестьянство испытывало сильные колебания. Разлад между рабочими и крестьянами был и в 1918 г., когда летом крестьянство качнулось в сторону контрреволюции, но раскола партии не было. В конце гражданской войны и при переходе к миру этот союз подвергся тяжелейшим испытаниям, был на грани развала. Ленин, аргументируя на X съезде партии необходимость введения НЭПа, прямо указывал, что «крестьянская контрреволюция стоит против нас», что борьба здесь идет по принципу «кто кого». Партия в это время тоже оказалась в ситуации тяжелейшего кризиса,

но не из-за проблем, возникающих в отношениях с крестьянством, а из-за дискуссии о профсоюзах. Политический опыт говорил, что партия, связанная с жизнью общества, в своем развитии не обязательно повторяет все его кризисы. Потеря ею части своих членов в результате определенного кризиса в обществе не есть раскол в партии. Разногласия в ЦК также не равноценны ему. Наиболее тяжелые разногласия в ЦК (в октябре 1917 г., в период Бреста, в связи с начавшейся дискуссией о профсоюзах в конце 1920 г.) не находились в прямой связи с судьбой союза рабочих и крестьян. С другой стороны, дискуссия по национальному вопросу, который, как известно, теснейшим образом связан с крестьянским вопросом, хотя временами приобретала острый характер, также не ставила партию перед угрозой раскола. Во всяком случае, Ленин никогда не связывал с ней угрозу раскола партии и ЦК. Опыт говорил о том, что трудности в отношениях с крестьянством вызывали дискуссии в партии, но ни разу не ставили ее на грань кризиса и раскола. На грань раскола ее ставили разногласия по вопросам тактики.

Разве Ленин мог забыть весь этот опыт? Нет никаких оснований допускать это. У него нет ничего панического в постановке вопроса о судьбе партии в связи с перспективами отношений между рабочими и крестьянами. Не потому, что Ленин недооценивает этот союз, а потому, что уверен в способности партии не допустить раскола. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» он говорил, что ясное видение и правильное понимание угрозы классовому союзу дает шансы предотвратить его раскол.

Обратим внимание на заявление: «Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола (курсив наш. — В.С.)»[1240]. Это лукавая фраза, призванная создать впечатление, что данное заявление имеет какую-то опору в других текстах ленинского наследия. Однако ни в диктовке 23 декабря 1923 г., ни в более ранних ленинских документах такой постановки вопроса мы не встречаем. Более того, Автор «Письма к съезду» считает, что причиной ожидаемого раскола являются «серьезнейшие разногласия в партии»[1241]. Но в ленинских документах последних месяцев, а также в последних его письмах, записках и статьях ничего не говорится ни о проблемах, ставящих партию на грань раскола, ни об обеспокоенности Ленина такой перспективой. В самом «Письме к съезду» его автор не конкретизирует это положение, что, возможно, указывает на то, что ничем серьезным для доказательства этого утверждения он не располагал. Доступные историкам документы того времени также не содержат такой информации.

Автор «Письма к съезду» предлагает жесткую увязку по линии устойчивость — раскол. «Под устойчивостью Центрального Комитета... я разумею меры против раскола». Оставим на совести Автора понимание устойчивости ЦК как систему мер против раскола (устойчивость — это меры). Возможно, это неудачная формулировка, но, возможно, что Автор именно так и думал. У нас нет оснований приписывать это открытие Ленину, который, характеризуя опасности, подстерегающие партию, даже не намекает на угрозу ее раскола и ничего не говорит об устойчивости ЦК. Он озабочен повышением *авторитета ЦК*, а также *«прочности»* и *«устойчивости нашей партии»* [1242]. Но повышение прочности и устойчивости партии — это не совсем то, что повышение устойчивости ЦК и предотвращение раскола партии, грозящих произойти в ближайшее время и внезапно. Ясно, что Ленин и Автор «Письма к съезду» говорят о разных проблемах. Традиционная историография идет вслед Автору, фактически отождествляя их. Подразумевается, что Ленин просто обозначает одну и ту же проблему разными словами, которые в данном случае являются синонимами. Но это не так. Ленинская постановка вопроса об устойчивости ЦК и опасности его раскола иная. В ней нет жесткой увязки «неустойчивости» и «раскола». В разных местах «Завещания» Ленин говорит *только об устойчивости, то о расколе и устойчивости одновременно* [1243], *не ставя их в прямую зависимость как причину и следствие*, и не употребляет эти термины как синонимы.

Впервые указание на некую опасность, связанную с неустойчивостью политического курса, появляется в письме Сталину «к съезду» (23 декабря 1922 г.), продиктованному пять дней спустя после принятия Пленумом ЦК РКП(б) принципиального решения о сохранении

режима монополии внешней торговли. Считается, что Ленин сомневался в искренности утвержденного решения и в прочности принятого курса и поэтому ожидал продолжения борьбы. Речь идет о его письме Троцкому от 21 декабря 1922 г.[1244] Выше мы говорили, что есть серьезные сомнения в подлинности этого письма. Но допустим, что оно действительно принадлежит Ленину. Мы видим, что в нем не высказывается никакого опасения относительно раскола ЦК партии. В письме Сталину (23 декабря 1922 г.) говорится о «больших опасностях», «если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем)», и далее уточняется, что имеется в виду борьба с капиталистическим окружением, которая «может и должна сильно обостриться в ближайшие годы». Именно с этой опасностью и необходимостью ее преодоления Ленин ставит в связь предлагаемую им реформу ЦК, от которой «устойчивость нашей партии... выиграла бы в тысячу раз». Кроме того, известный опыт свидетельствует, что внешняя опасность всегда сплачивает организацию, но политическая линия ее в какой-то момент может оказаться неустойчивой.

Ленин имеет в виду политическую устойчивость перед лицом грозных испытаний. Но требование повысить устойчивость не означает, будто она так низка, что опасность раскола стала реальной и раскол может произойти в ближайшее время. Именно на эту оценку накладывается желание Ленина застраховаться от того, чтобы «конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех «судей» партии». Да и опасность эта не существует сейчас, хотя может возникнуть в ближайшем будущем. За исключением этого заявления относительно «судей» партии в письме от 23 декабря нет никаких других указаний на то, что кто-либо из членов ЦК представляет угрозу для его устойчивости. Но, как было показано выше, под «судьями» партии Ленин имел в виду оппозиционеров, а не Сталина.

Не изменил он этой общей оценке и позднее, в других диктовках. В них он не проявляет никакого беспокойства по поводу раскола ЦК или партии из-за личных качеств вождей. О расколе впервые Ленин ставит вопрос в диктовке 26 декабря. Но в отличие от Автора «Письма к съезду» он говорит не об угрозе раскола (тем более близкого), а о том, что при увеличении численности ЦК «меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности»[1245]. Ясно, что здесь перед нами две совершенно разные оценки остроты проблемы, ее характера, истоков и способов ее решения. В «Письме к съезду» гремит набат об опасности внезапного раскола, а у Ленина предлагаются конкретные меры, способные уменьшить эту опасность в обозримом будущем. В плане статьи о РКИ он пишет, что увеличение числа членов ЦК приведет к «уменьшению личного, случайного элемента в его решениях и т.д.»[1246]. Личный элемент (важнейший фактор раскола для Автора «Письма к съезду») у Ленина — это не опасность конфликта между Сталиным и Троцким, а условия, в которых принимаются решения. Таким образом, Ленин акцентировал внимание не на расколе ЦК, а на «уменьшении личного, случайного элемента» в решениях ЦК партии, и только в связи с этим ставит вопрос о «большей устойчивости» его и «сопротивляемости расколам». В первоначальном варианте статьи о реорганизации Рабкрина проблема угрозы раскола также ставилась совершенно иначе, чем в «Письме к съезду»: *«Большая устойчивость нашего ЦК в смысле... сопротивляемости его (т.е. ЦК, а не партии. — В.С.) расколам, которые могли бы быть вызваны при недостаточной связи этого учреждения с массами»* (выделено нами. — В.С.). Итак, угрозу раскола ЦК Ленин связывал не с политическими деятелями (Сталин, Троцкий и др.) и их взаимоотношениями, а с решениями ЦК в условиях «недостаточной» связи его «с массами»[1247].

В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин тоже говорит об этой опасности спокойно, фактически повторяя мысль, высказанную им в диктовке 26 декабря: привлечение членов ЦК к работе Политбюро (проверка входящих в него документов, присутствие на заседаниях) *среди прочего* даст тот «выигрыш», «что в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола»[1248]*. Из контекста ясно, что речь идет о расколе ЦК, а не партии. Эту угрозу раскола ЦК Ленин

предлагает предотвращать не за счет кадровых перемещений в руководящей группе ЦК, а с помощью умелого политического маневрирования на базе НЭПа, за счет всемерного укрепления системы диктатуры пролетариата, в частности за счет предлагаемой им реформы, направленной на упрочение связи ЦК с массами, улучшение подготовки кадров и подготовки заседаний ЦК и Политбюро. В следующей за ней, последней своей статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин, развивая тему реорганизации ЦКК—РКИ, вообще не затрагивает проблему раскола. А ведь в ней он как бы подводит итог своим размышлениям последних месяцев, сводя вместе проблемы реорганизации системы управления, взаимосвязи партии и государства, перспектив развития мирового революционного процесса и осуществления технической реконструкции народного хозяйства и др.

В статьях «Странички из дневника», «О кооперации» и «О нашей революции» также нет никакого указания на опасность раскола. В них Ленин, разрабатывая проблемы укрепления союза рабочего класса и крестьянства в целом, спокойно, с уверенностью смотрел на будущее этого союза и не дал ни единого повода считать, что этот союз может рухнуть в любой момент и повлечь за собой раскол ЦК и партии. Вот и все, что есть у Ленина об опасности раскола ЦК РКП(б). Об угрозе раскола партии Ленин в отличие от Автора «характеристик» вообще ничего не говорит. Партия и ЦК — разные организмы, причины раскола их могут быть весьма различными, поэтому и способы преодоления их тоже различны.

Если принять версию ленинского авторства «Письма к съезду», то надо объяснить странные и стремительные метаморфозы оценок угрозы раскола, ее причин и предлагаемых методов ее преодоления. В диктовке 23 декабря ставится диагноз: причина недостаточной устойчивости партии — не вполне благоприятное течение событий в условиях существования среди враждебных государств, с которыми возможно обострение борьбы в ближайшие годы, а на следующий день (24 декабря) неустойчивость ЦК видится уже в личных и политических качествах ряда ведущих его членов[1249]. О неблагоприятном течении событий в связи с капиталистическим окружением ни полслова. Надо ответить на вопрос, что же случилось за один день, чтобы связать эту обеспокоенность с отношениями между Сталиным и Троцким? Что, Ленин забыл о вчерашнем ходе и образе своих мыслей? Или он развивает свой анализ? Однако ничто не указывает на то, что он дополняет анализ еще одним пунктом, мысль Автора идет в совершенно ином направлении. Но допустим, что имело место именно развитие мысли. Это приводит нас лишь к новому противоречию: как объяснить, что день спустя, 26 декабря 1922 г., Ленин, будто забыв о продиктованном 24 декабря, возвращается к принципиальной позиции письма 23 декабря и говорит лишь об уменьшении опасности раскола, не связывая ее с кем-то конкретно, а только с «какой-нибудь неосторожностью»[1250]. Проходит еще десять дней, и вдруг в диктовке 4 января 1923 г. («добавление») опять появляются оценки и прогнозы, свойственные «характеристикам». В них противоречия между «характеристиками» и ленинскими текстами усиливаются еще больше. Автор, пугая своих читателей перспективой раскола партии, теряет чувство меры и впадает в панику: «Возможна ее (партии. — В.С.) неустойчивость и неизбежно ее падение». Неустойчивость *только* возможна, а падение *неизбежно*. Может ли быть падение *без* потери устойчивости? У нас нет никаких оснований приписывать это В.И. Ленину, тезис о внезапности и неизбежности падения партии в его системе взглядов не находит себе никакой опоры. Ленин постоянно выражал уверенность в том, что партия справится со стоящими перед ней задачами и обеспечит победу революции. Зато прогнозы Автора «Письма к съезду» напоминают прогнозы Троцкого относительно скорой гибели советской власти («кукушка прокуковала»), выставившие на базе теории «перманентной революции». Что же это за страшная угроза, если и пять, и пятнадцать дней спустя, и через двадцать дней, и через месяц-два Ленин не проявлял ни малейшей обеспокоенности тем, что раскол может произойти внезапно из-за борьбы между Сталиным и Троцким и не развивает тему о необходимости «перемещать» Сталина с должности генерального секретаря ЦК РКП(б)? Он занят другими проблемами, которые при всей их значимости (именно так ставит эту

проблему Автор «Письма к съезду») не идут ни в какое сравнение с угрозой, исходящей от Сталина. Могут возразить: в окончательном варианте статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин со всей определенностью поставил вопрос о необходимости с помощью реорганизованного ЦКК заблокировать всякие попытки генсека использовать свои огромные права в своих интересах, идущих, как всякому известно, вразрез с интересами партии[1251]. ***Это единственное место в принадлежащих Ленину текстах «Завещания», которое поддерживает выпады против Сталина, содержащиеся в «Письме к съезду», и только оно могло бы служить аргументом в пользу ленинского авторства их. Но, как было показано выше, тезис о генсеке является позднейшей вставкой в ленинский текст.***

Получается, что «характеристики» и «добавление» к ним хронологически дважды (24—25 декабря и 4 января) вклиниваются в ленинские тексты и разрывают их на три части (23 декабря 1922 г.; 26 декабря — 2 января; после 4 января — 2 марта 1923 г.), вступая в противоречие как с текстами, предшествующими им, так и с последующими, порождая противостояние отдельных частей «Завещания». Поэтому возникает впечатление непоследовательности и противоречивости ленинской мысли, чего не было на самом деле.

Разное видение Лениным и Автором «Письма к съезду» проблемы раскола, естественно, вызывает различные предложения относительно методов борьбы с этой угрозой. Автор «Письма к съезду» утверждает, что раскол соглашения между пролетариатом и крестьянством, который может возникнуть в будущем, маловероятен, поэтому нет смысла говорить о нем как о причине раскола партии. Это дает ему основание выдвигать в качестве главной причины близкого раскола партии личные качества ее лидеров, предложение отодвинуть от власти «плохих» и освободить место для «хороших». Ленин же считает, что есть смысл говорить о потенциальной угрозе раскола союза и уже теперь обсуждать способы его предупреждения**. Отсюда его постановка задачи: следить за развитием событий и не допускать усиления разногласий, отсюда его предложение провести реорганизацию высших органов партии, чтобы повысить эффективность их работы и упрочить связь ЦК с беспартийной массой.

Даже одно и то же предложение относительно увеличения числа членов ЦК трактуется ими совершенно различно. ***Автор «Письма к съезду»,*** поставив общую задачу преодоления угрозы раскола и указав на противоречия между Сталиным и Троцким как на главный источник этой опасности, ***предлагает увеличить численность ЦК, чтобы прежде всего заблокировать «два качества двух выдающихся вождей современного ЦК», способных «ненароком привести к расколу» [1252].*** У Ленина цель расширения ЦК иная. Она — ***в создании политического механизма, способного эффективнее работать.*** Личности в данном случае не имеют самодовлеющего значения. Какие лидеры есть, такие пусть и работают. Поэтому Ленин в письме Сталину от 23 декабря 1922 г. увеличение численности ЦК расценивает как одно из проявлений «перемен» «в нашем политическом строе»[1253]. Предложение Автора «Письма к съезду» о смещении Сталина с должности генсека невозможно оценить как «перемену» в «политическом строе». По мнению Ленина, увеличение численности ЦК, а не смена генерального секретаря должно было обеспечить повышение устойчивости и авторитета ЦК, «серьезно улучшить работу нашего аппарата», усилить ее связь с массами и т.д. Среди этих целей нет ничего, что указывало бы на стремление Ленина нанести политический удар по Сталину. Для Автора «Письма к съезду», наоборот, механизм не имеет значения (во всяком случае, он не обозначил своего отношения к нему), проблема сводится к «личностям», к политической «ликвидации» Сталина.

Серьезно отличается у Ленина и Автора «Письма к съезду» постановка вопроса о реформе ЦК. В «Письме к съезду» увеличение числа членов ЦК как средства политической борьбы против угрозы раскола ЦК не ставится в связь с реорганизацией РКИ. У Ленина она не только связана с планом реорганизации РКИ, но и в определенной мере подчинена ей: он желал ввести в состав ЦК многочисленную группу партийцев — рабочих и крестьян, которые бы одновременно работали в РКИ и обеспечили бы им выполнение задач реорганизации всего госаппарата[1254]. Известно, что против планов сохранения и

реорганизации РКИ и увеличения ЦК выступал Троцкий.

Заметна и разница в трактовке роли личного фактора. Автор «Письма к съезду» личный фактор трактуется прежде всего и в основном как проблема вождей, личные качества и отношения которых, особенно Сталина и Троцкого, заключают в себе огромную разрушительную силу. Все «раскручивается» вокруг этой проблемы и направлено на аргументацию необходимости снятия Сталина с должности генерального секретаря. Сам Автор «Письма к съезду» не приводит никаких серьезных аргументов в пользу утверждения, что от Сталина как генсека исходит угроза раскола ЦК и падения партии. Он ограничивается неопределенными фразами: «я думаю», что угроза раскола исходит от отношений между Сталиным и Троцким. «По-моему», от них исходит большая половина опасности раскола. «Я не уверен», что Сталин сможет осторожно пользоваться своей властью и пр.[1255]*** Итак, нет точного знания, есть только мнение или сомнение, а при них — предложение принять радикальные меры. Образно говоря, с головной болью предлагается бороться гильотиной.

Ленин проблему личного фактора ставит и решает иначе. В плане первоначального варианта статьи «Что нам делать с Рабкрином?», в самом тексте ее, а также в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин совершенно иначе увязывает личный фактор и проблему раскола, о которой говорится очень неопределенно: увеличение численности ЦК позволит увеличить число людей, прошедших «обучение цекистской работе, что само по себе уменьшит опасность раскола от какой-нибудь неосторожности» и тем самым повысит «устойчивость» ЦК[1256]. Здесь Ленин, даже рассматривая угрозу раскола, происходящую от самих членов ЦК, никоим образом не выделяет Сталина и не определяет его как одну из главных, или главную, фигуру, несущую угрозу неустойчивости и раскола ЦК РКП (б). Ленинская постановка вопроса о личном факторе много шире, чем констатация влияния отрицательный черт характера отдельных членов ЦК.

Получается, что при одной и той же принципиальной постановке вопроса о личной ответственности членов ЦК за возможный раскол Ленин и Автор «Письма к съезду» демонстрируют совершенно разные подходы и предлагают разные программы действий для уменьшения опасности раскола. От письма Сталину «К съезду» (диктовка 23 декабря) через диктовку 26 декабря 1922 г. до статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» протянулась одна, постоянно варьирующаяся и развивающаяся мысль о реорганизации высших органов партии и РКИ с целью повышения эффективности их работы и совершенствования госаппарата, что само по себе свидетельствует о том, что автором всех этих текстов был один человек — Ленин. Нигде нет и намек на какую-либо опасность, исходящую лично от Сталина или от самой должности генерального секретаря[1257]. Нигде не предлагается для повышения устойчивости ЦК и предотвращения раскола разрушать существующий политический баланс и создавать новый, благоприятный Троцкому. *Нигде Ленин не ставит под сомнение политический авторитет и способность руководить партией старой большевистской гвардии*. Взгляды Ленина на проблему сохранения союза пролетариата и крестьянства, которые он развивал в последних своих диктовках, вполне корреспондируют с теми, которые он не раз высказывал в 1921—1922 гг. По всем этим вопросам Автор «Письма к съезду» придерживается иной позиции. У него проблема раскола завязана на проблему лидерства в партии.

* Именно это место вызвало удивление у членов Политбюро. Те политические обстоятельства, в которых проходила работа Ленина над статьей, а также обстоятельства предсъездовской дискуссии и дискуссии на съезде по вопросам реорганизации высших органов партии заставляют по-новому взглянуть на побудительные мотивы, которыми Ленин, может быть, руководствовался, акцентируя в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» угрозу раскола. Появляются основания считать, что Ленин прибегнул к обострению вопроса, чтобы облегчить проведение на съезде решения о расширении состава ЦК. Связав расширение ЦК и усиление ЦКК с проблемой угрозы раскола, он выбивал из рук противников сохранения ЦКК и расширения ЦК козыри: кто против уменьшения опасности

раскола? Нет таких.

А что мы видим на съезде? Сталин и другие сторонники Ленина поддержали его предложения. Предприняв меры для смягчения возможного негативного влияния указания на опасность раскола, они приняли его и увязали, как и предлагал Ленин, с реорганизацией ЦКК. Троцкий же внес предложение противоположное — сократить ЦК! Что касается угрозы раскола, то Троцкий и его сторонники трактовали ее не так, как Ленин. Вполне в духе Автора «Письма к съезду» они искали ее в деятельности ЦК, которой Ленин в общем и целом был вполне доволен, а также в деятельности Сталина, Зиновьева и Каменева.

** Последнее предположение прямо перекликается с известным тезисом Ленина (доклад на XI съезде партии) о том, что крестьяне дали Советской власти кредит политического доверия, время действия которого зависит от умения хозяйствовать.

*** Автор записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» исповедует ту же систему: есть «сомнения», что в деятельности общесоюзных органов могут возникнуть трудности, — приготовимся ликвидировать СССР при первой возможности (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360—362).

ЛЕНИНСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И «ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОД ЛЕНИНА»

В ленинских текстах «Завещания» нет прямых характеристик, но это не значит, что Ленин избегает высказывать свое мнение относительно личных и деловых качеств политических руководителей. Правда, делает он это не так, как Автор «Письма к съезду». Он дает характеристики как бы проходя, в процессе делового обсуждения той или иной проблемы по существу. При этом *в центре его внимания оказывается отнюдь не Сталин, а Троцкий*. Ленин не навязывает своей оценки и нигде не пытается дать исчерпывающей (тем более в нескольких словах) характеристики этой крупной политической фигуры. Однако, «материал» к ней разбросан практически по всем последним письмам, запискам и статьям В.И. Ленина*.

Обосновывая свой протест против стремления Троцкого возглавить Госплан, Ленин в диктовке 27 декабря, определяя качества, которыми должен обладать руководитель Госплана, указывает на такие, которыми Троцкий не обладал: «с одной стороны, научно образованный» в технических или агрономических вопросах, «с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы либо в области техники, либо агрономии». «Я думаю, — продолжал Ленин, — что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами (у Троцкого они, конечно, были.— В.С.), сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей»[1258]. На следующий день Ленин разъясняет эту мысль: «Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»**. По контексту статьи (Ленин отклоняет претензии Троцкого на эту должность) становится понятным, что этих качеств он у Троцкого не усматривает. «Я замечал у некоторых наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и в свое время, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т.д.»[1259]. Считается, что это заявление направлено против Сталина. Это не доказано. Поскольку в этих диктовках Ленин фактически полемизирует с Троцким, то есть серьезные основания считать, что Ленин имел в виду именно его.

Нельзя не обратить внимание на то, что по содержанию эта характеристика противостоит той, которая якобы продиктована Лениным 24 декабря 1922 г., т.е. два-три дня назад. Иначе говоря, в статье о Госплане Ленин фактически оспаривает содержащееся в «диктовке» 24 декабря 1922 г. положение о том, что Троцкий является самым способным

членом ЦК. Что же случилось, чтобы «самого способного человека в настоящем ЦК» три дня спустя Ленин вдруг посчитал неподходящим для поста председателя Госплана?!

С характеристикой Троцкого у Ленина оказывается связанной и характеристика Пятакова. Она также диссонирует с той, что имеется в «Письме к съезду», где он оценивается как человек, на которого нельзя «положиться в серьезном политическом вопросе». А Ленин берет Пятакова (и Кржижановского) под защиту от критики Троцкого и обосновывает целесообразность сохранения Пятакова в руководстве Госпланом как раз для выполнения серьезных политических функций — организовать работу «комиссии экспертов», состоящей из людей, нужных советской власти, но политически чуждых ей. Очень ответственная политическая работа.

Ленин и Автор «Письма к съезду» по-разному смотрят на проблемы, по-разному решают их, по-разному оценивают одних и тех же людей. Вывод: принадлежность Ленину «Письма к съезду» настолько маловероятна, что практически исключена.

* * *

Другой ряд противоречий имеется между последними письмами, записками и статьями В.И. Ленина и записками «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Ленин и Автор этих записок демонстрируют принципиально разное понимание основных проблем реорганизации партийного, советского и национально-государственного строительства, а также перспектив российской революции.

* Это относится к текстам «О придании законодательных функций Госплану», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и в подготовительных материалах к ним (диктовки 26 и 29 декабря 1922 г., план статьи и ее первоначальный вариант), «О нашей революции», в меньшей мере — к статье «О кооперации».

** В четвертой части этого текста о Госплане Ленин снова возвращается к этим рассуждениям и развивает их уже вне прямой связи с Троцким, обращая внимание на принципиальную сторону дела (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 352–353).

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСАППАРАТА

В диктовке 26 декабря 1922 г. Ленин дал резко критическую оценку госаппарату: «Наш аппарат... в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т.п., было совершенно невозможно. Поэтому тем "критикам", которые с усмешкой или злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. Достаточно, что мы за пять лет создали новый тип государства... Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии». Этим признанием Ленин не ограничивается и ставит задачу: «Теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата»[1260]. Обратим внимание на то, что Ленин, критикуя аппарат, отделяет себя от других критиков его, которые упоминаются в контексте, схожем с употреблением термина «судьи» в письме Сталину «К съезду» (23 декабря).

Поскольку Троцкий, пытавшийся выступать в роли главного борца с бюрократизмом, был в руководстве партии одним из основных критиков партийного и государственного аппаратов, то правомерно поставить вопрос: не Троцкому ли адресован этот выпад? Такой же подход к проблеме госаппарата Ленин демонстрирует и позднее, в диктовке 29 декабря «(К отделу об увеличении числа членов ЦК)»[1261], в первоначальном варианте статьи о РКИ и в окончательном ее варианте — «Как нам реорганизовать Рабкрин»[1262]. Тезис о людях, не понимающих условий современной революции, перекликается с упреком, содержащимся в статье «О нашей революции», который был обращен противникам Ленина, среди которых Троцкий был первым и главным.

Автор записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» начинает с

критики госаппарата, вполне созвучной с ленинской, и сопровождает ее отсылкой, которая читателями воспринимается как прямое свидетельство ленинского авторства этой статьи: наш («российский») госаппарат, «как я указал уже в одном из предыдущих номеров своего дневника*, заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром». Однако этим и ограничивается сходство и связь позиций Ленина и Автора записок. Ленин ставит задачу его реорганизации, с тем чтобы сохранить завоеванные позиции и лучше обеспечить строительство социализма, в том числе процесс объединения республик. Автор записок, наоборот, тезис о негодности аппарата использует в качестве аргумента против образования СССР, за необходимость отложить его создание. Он предлагает «подождать» с проведением в жизнь «затеи» с СССР: «подождать с этой мерой до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой», и ожидает от «современного аппарата» «массы злоупотреблений истинно русского свойства»[1263]. Для него «плохой аппарат» всего лишь хороший аргумент против СССР, а для Ленина — проблема, к решению которой приковано его внимание. При этом Ленин не ставит создание СССР в зависимость от состояния аппарата. Он лишь ставит задачу совершенствования его в рамках нового союза.

Автор записок упрекает Сталина в том, что идея автономизации созвучна требованиям единства аппарата и продиктована интересами повышения эффективности его работы, что он считает несерьезным аргументом и проявлением политических интересов бюрократии, которые заслуживали подавления, а не поддержки[1264]. Но Ленин, полемизируя со Сталиным и аргументируя против плана автономизации (письмо его Каменеву от 26 сентября), не ставил под сомнение стремление обеспечить удобство управления и в своих предложениях изложил свое видение решения этой проблемы[1265]. Более того, Ленин выступал за создание закавказской федерации, ЗФСР, одно из назначений которой было улучшение управления народным хозяйством региона. В последнем своем документе, посвященном вопросу объединения советских республик, — в приветствии съезду Советов Украины Ленин писал, что с «правильным решением» «вопроса об объединении республик» он связывает «дальнейшую организацию нашего государственного аппарата»[1266]. Наконец, последние работы Ленина (о Госплане, о РКИ) направлены как раз на совершенствование этого государственного и хозяйственного аппаратов.

Автор записок, зная эту ленинскую позицию (не мог же он не читать ленинского приветствия), предлагает поставить в жесткую зависимость процесс объединения советских республик от наличия эффективно действующего государственного аппарата, настаивает на том, что создание хороших госаппаратов является непременным условием превращения конфедерации в федерацию. Да он откровенно оппонирует Ленину! Для Ленина объединение республик — способ улучшения деятельности госаппарата, а для Автора записок состояние госаппарата есть только предлог, чтобы отложить на неопределенное будущее объединение республик. Даже в самом общем плане Автор записок не ставит задачу реорганизации госаппарата для обеспечения в будущем объединения республик. Это его не интересует. Положение для него облегчается еще и тем, что по его логике дело не только в аппарате, но и в особенностях характера и культуры русских: «истинно русский человек» есть «великороссовинист», «в сущности» «подлец и насильник». Именно таким «является типичный русский бюрократ»[1267]. Поскольку для серьезных изменений в этой области требуются многие поколения, то, следовательно, проблема объединения республик откладывается не на годы, а на десятилетия. Это значит, что в лучшем случае национально-государственное строительство будет идти вслед за успехами социально-экономическими и политическими, а не создавать лучшие условия для них. Поэтому он предлагает через год «раскассировать» СССР и вернуться к тому уровню отношений, которые были характерны для времен гражданской войны. Эта позиция расходится с ленинской.

Критикуя аппарат и указывая, что на создание хорошего аппарата уйдут многие годы, Ленин никогда не требовал, чтобы на это время были приостановлены планы социального, экономического, государственного, культурного строительства. А ведь выполнение любого

из них упиралось в несовершенство аппарата и страдало от него. Ленин не предлагал ждать. Он отстаивал диаметрально противоположный подход, нацеливающий на энергичную работу. В статье «О нашей революции» он указывает на то, что социалистическая революция создает предпосылки и условия для форсирования процесса повышения культурного уровня трудящихся масс[1268], а в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше» ориентирует на учебу в процессе работы. То же можно сказать и о вопросах национально-государственного строительства.

Ленин, работая над проблемой кооперации, указывает на огромные трудности, связанные с ее развитием, но не предлагает отложить кооперирование из-за плохого аппарата или низкого культурного уровня массы населения. Он ориентирует партию на проведение «целой культурной революции». Не пасует перед плохим госаппаратом, а ставит задачу его реорганизации в центр своих последних статей[1269]. То же повторяется, когда Ленин затронул проблемы укрепления союза рабочего класса и крестьянства, а также накопления денежных средств для осуществления индустриализации страны. Во всех этих случаях проявляется принципиальная позиция Ленина. Завершая в своей последней статье разработку этих проблем, он счел необходимым специально заявить, что эти связи у него не случайны: «Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина», призванного улучшить и удешевить госаппарат, что позволит нам «удержаться наверняка»[1270].

Ясно, что Ленин и Автор записок в этом вопросе придерживались разных взглядов и оценок. Если допустить, что эти записки по национальному вопросу принадлежат Ленину, то надо признать, что он впал в противоречие с самим собой. Придется объяснить собой в ленинской мысли, связанный именно с этими записками: то Ленин предлагает решать проблемы, несмотря на имеющиеся трудности (диктовки 23—29 декабря 1922 г.), то предлагает отступить перед ними (30—31 декабря 1922 г.), то снова предлагает преодолеть, а не пасовать перед ними (диктовки 2 января — 3 марта 1923 г.). Получается картина, уже возникавшая в связи с «Письмом к съезду», — записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» хронологически «разрубают» блок работ, принадлежащих Ленину, на две части, вклиниваясь в него чужеродным телом. Убедительных объяснений, думается, нет.

* Авторы примечаний в Полном собрании сочинений В.И. Ленина дают отсылку (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357) к страницам 349—353, на которых расположена записка «О придании законодательных функций Госплану», но там нет ни слова на этот счет. Правильной должна быть отсылка к странице 347 (диктовка 26 декабря).

ФАКТОР ВОСТОКА И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

По-разному оценивают Ленин и Автор записок «К вопросу о национальностях...» фактор Востока в мировом революционном процессе и его значение для развития социалистической революции в России. Автор записок пишет: «Для сотен миллионов народов Азии... **предстоит выступить** на исторической авансцене **в ближайшем будущем**, вслед за нами... мы **накануне** этого выступления и в начале его пробуждения» и т.п. (выделено нами. — В.С.)[1271]. Ленин (статья «Лучше меньше, да лучше») рассматривал Восток* как уже действующий фактор развития революционного процесса: «Восток... **пришел окончательно** в революционное движение... и **окончательно тянулся** в общий кругооборот всемирного революционного движения» (выделено нами. — В.С.). Не рассчитывая на скорую революцию в Европе, Ленин искал точку опоры в мировом революционном процессе и нашел ее в начавшемся в странах Востока «общеевропейском движении», которое, по его мнению, с неизбежностью должно было привести «к кризису всего всемирного капитализма». Соединение российской революции с революциями в крупнейших странах Востока (Индия, Китай и др.) он рассматривал как гарантию

«окончательной победы социализма»[1272]. Итак, налицо две разные оценки Востока, между которыми надо выбирать.

Автор записок предлагал уже сейчас ради будущих успехов революционной борьбы народов Востока корректировать внутреннюю (в области национально-государственного строительства и экономического развития советских республик) и внешнюю политику советских республик. Корректировать, не останавливаясь перед принесением *в жертву будущей мировой революции интересов существующей диктатуры пролетариата в советских республиках*: «Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к собственным инородцам», поскольку из-за этого «мы сами попадаем, хотя бы даже в мелочах, в империалистические отношения к угнетенным народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом. А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение»[1273]. Ясно, что Автор записок смотрит на российскую социалистическую революцию через призму интересов мировой революции. Даже оппортунизм он рассматривает исключительно с позиций мировой революции: объединение советских социалистических республик в Союз расценивается им как оппортунизм (т.е. соглашательство с мировой буржуазией) по отношению к завтрашнему дню мировой революции**. В отличие от него Ленин, признавая национально-освободительное движение народов Востока действующим фактором мировой революции и призывая учитывать его, прямо говорил, что РКП (б) в первую очередь должна интересоваться собственной внешней и внутренней политикой: «Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств». Ставя вопрос, сумеют ли страны Востока «цивилизиться»*** до нового наступления социалистической революции, и выражая уверенность, что «окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена», Ленин тут же указывает на то, что в данном случае нас должен интересовать не этот вопрос: «Нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы... для того, чтобы помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас»[1274].

Данная Лениным оценка возможности народов Востока оказать реальную помощь советским республикам в решении этой задачи не позволяет надеяться на их непосредственную помощь. В условиях, когда российской революции помощи от других победоносных революций ждать не приходится, Ленин, естественно, предлагает искать опору для грядущих боев с внешними врагами внутри советских республик (совершенствование политической системы диктатуры пролетариата, укрепление союза рабочих и крестьян, техническая реконструкция промышленности, кооперация, культурная революция и т.д.). Следовательно, *внимание его обращено не столько на Восток, сколько на Запад, на который он, однако, смотрит уже иначе, чем прежде. Иначе, чем Троцкий и Автор записок. Не в надежде на близкую пролетарскую революцию, а с опасением новой агрессии, в борьбе с которой свою роль может сыграть антиимпериалистическая борьба народов Востока. Главная же надежда Ленина — на собственные силы российской социалистической революции.* На то, что страна успеет цивилизоваться и осуществить техническую реконструкцию народного хозяйства.

Ясно видна различная оценка роли решения национального вопроса в России как фактора развития мирового революционного процесса между Автором записок и Лениным. Первый исходит из того, что способ решения проблем национально-государственного строительства должен определяться на основе учета интересов мировой пролетарской

революции и национально-освободительного движения. Ленин же считал, что главное влияние большевики оказывают своими хозяйственными успехами и поэтому должны выстраивать тактику, способную обеспечить победу социалистической революции в России «в одиночку». Отсюда и разный подход у Ленина и Автора записок к вопросам национально-государственного строительства. Автор записок все проблемы социалистического строительства рассматривает исключительно под углом зрения решения вопроса о политической целесообразности объединения советских республик. Это, безусловно, понятно, если он специально рассматривает вопросы национально-государственного строительства. Непонятно другое: в последних письмах, записках и статьях В.И. Ленина нет ни слова о национально-государственном строительстве и национальном вопросе вообще. Если Ленин был автором записок, естественно было бы ожидать, что он будет затрагивать проблематику национально-государственного строительства в ходе анализа других проблем социалистического строительства — от культурной революции, реформы государственного аппарата, кооперации, союза рабочих и крестьян и т.д. Все эти проблемы имеют национальный аспект, значение которого невозможно переоценить. Но нет, Ленин его не касается.

Со своей стороны, Автор записок, рассуждая о проблемах национально-государственного строительства, полностью игнорирует все эти проблемы, которые были центральными для Ленина, в том числе и проблему сохранения и упрочения союза рабочего класса и крестьянства. Это при том, что национальный вопрос для советских республик в огромной мере являлся в значительной мере по сути своей крестьянским вопросом. Автор записок акцентирует внимание читателя на других отношениях: «Для [великорусского] пролетария... существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев»[1275]. Но «инородцы» — это не только рабочие и крестьяне, это и национальная буржуазия, и остатки феодалов, и духовенство и т.п. То есть он демонстрирует совершенно не свойственный Ленину неклассовый подход к этому вопросу.

Таким образом, политические проблемы, поставленные в «Письме к съезду» и в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также предложенные в них решения, не находят опоры в ленинских работах предшествующего периода и в его последних письмах, записках и статьях, что еще более затрудняет их идентификацию как текстов, принадлежащих В.И. Ленину. Практически делает ее невозможной.

Теперь возможно и необходимо сделать еще один шаг — сравнить политическую направленность двух блоков «Завещания». Если выявится одинаковая направленность их, то этот факт будет аргументом против сделанного нами предположения, а если она окажется разной, это будет важным аргументом в пользу этих предположений.

* В октябре—декабре 1922 г. в ленинский секретариат поступали материалы о событиях в Китае (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2340, 2342, 2444, 2346–2348). Знакомился ли Ленин с ними, неизвестно.

** Эта позиция вполне соответствовала взглядам, которые в 1918 г., в период Брестского мира, развивал Троцкий и «левые коммунисты» (Бухарин, Сокольников и др.). Ленин думал иначе. Он отказывался приносить в жертву грядущей мировой пролетарской революции завоевания российской революции. Ленин критиковал их как носителей «левого оппортунизма», а они называли Ленина «правым коммунистом». Прошли годы, и в конце 1922 г., выступая на IV конгрессе Коминтерна и говоря о перспективах развития социалистической революции в советских республиках и в мире, Троцкий, связывая ее только с близкой пролетарской революцией в странах Европы, прошел мимо национально-освободительной борьбы, которая разворачивалась в странах Азии. Ленин же в своей последней статье «Лучше меньше, да лучше» сохраняет тот же принципиальный подход к этой проблеме: российская революция должна опираться на потенциал мирового революционного процесса, в свою очередь помогать ему, но не отказываться от собственных

сегодняшних интересов ради возможных будущих успехов мировой революции.

*** Опять выход на проблемы «культурной революции», чего нет у Автора записок по национальному вопросу. Хотя мы были бы вправе ожидать этого в статье (в том случае, если бы она принадлежала Ленину), посвященной национально-государственному строительству, в том числе и в отношении тех же самых «народов Востока».

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ТЕКСТОВ «ЗАВЕЩАНИЯ»

То, что тексты «Завещания» пронизаны полемикой, — факт хорошо известный, но не исследованный должным образом. Это понятно, если учесть, что они обычно рассматривались вне контекста той политической борьбы, которая шла в это время в руководстве партии. С кем идет полемика? Против кого она направлена?

От Троцкого в историографию вошло мнение, что ленинское «Завещание» политическим острием направлено против Сталина. Действительно, часть текстов «Завещания» имеет ярко выраженную антисталинскую направленность. Но это относится исключительно к тем текстам, ленинское авторство которых находится под сомнением («Письмо к съезду», «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» и к письмам от 5 и 6 марта Троцкому, а также Мдивани и др.). Во всех других текстах подобной направленности не обнаруживается. Наоборот, «героем» в них выступает Троцкий, с которым Ленин ведет полемику все по тому же хорошо известному кругу вопросов, как и прежде, не называя своего оппонента по имени.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЦК, ЦКК И РКИ

В историографии предложения Ленина относительно особых прав и функций новых членов расширенного ЦК (в окончательном варианте — членов реорганизованного ЦКК) расцениваются как направленные против генерального секретаря, следовательно, против Сталина. Считается, что они могли и должны были сковать его зловерные замыслы. Кроме того, считается, что в критике РКИ проявилось разочарование Ленина в организаторских способностях Сталина. В письме в ЦК и ЦКК РКП(б) от 23 октября 1923 г. Троцкий писал: «Я очень отрицательно относился к старому Рабкрину. Однако т. Ленин в статье своей "Лучше меньше, да лучше" дал такую уничтожающую оценку Рабкрину, какой я никогда не решился бы дать... Если вспомнить, кто дольше всего стоял во главе Рабкрин, то не трудно понять, против кого направлена была эта характеристика»[1276]. Этот пассаж Троцкого воспринимается, как правило, без какой-либо критической оценки и охотно подхватывается. И напрасно. Статьи о реорганизации РКИ не дают оснований для такой интерпретации, а других ленинских документов, подтверждающих троцкистскую трактовку ленинской критики РКИ, нет. Зато хорошо известно, что Ленин на XI съезде РКП (б) защищал Сталина как наркома РКИ от критики троцкистов[1277].

Да и сам наркомат РКИ еще в начале 1922 г., когда им руководил Сталин, Ленин не выделял в худшую сторону по сравнению со всеми другими наркоматами. На XI съезде РКП (б) он заявил, что «у нас 18 наркоматов, из них не менее 15-ти — никуда не годны»[1278]. В последних письмах и статьях Ленин никак не связывал критическую оценку деятельности НК РКИ с деятельностью лично Сталина. Для этого у него не было оснований. Наоборот, как было показано выше, ему было известно, что *положение в нем катастрофически ухудшилось после ухода Сталина с поста наркома РКИ* и связано это было не с плохим руководством, а с чрезвычайно низкой зарплатой инспекторов, вызывавшей отток квалифицированных кадров. В диктовке 29 декабря 1922 г. Ленин заявляет, что РКИ в том виде как он есть сложился «в результате своего развития и в результате наших недоумений по поводу его развития»[1279]. А в статье «Лучше меньше, да лучше», давая НК РКИ предельно отрицательную оценку, он прямо увязывает ее с данным временем («сейчас»), а ведь Сталин уже около года не был наркомом РКИ. Если учесть, что Советская власть едва

отсчитала пять лет своего существования, то надо признать, что год — это большой срок и для созидания, и для развала работы. И, кроме того, он отмечает, что «при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать»[1280]. Наконец, он высказал мысль, что на создание хорошего аппарата уйдет «много, много, много лет»[1281]. Уже поэтому вряд ли Ленин мог ставить плохую работу НК РКИ в упрек Сталину, которого сам постоянно отрывал от работы в этом наркомате. Ленин не винит никого персонально за то, что РКИ не справляется со своими задачами. Ни нового, ни, тем более, прежнего наркома.

Здесь мы видим тот же подход, что и к вопросу о реорганизации центральных органов партии, — Ленин не сводит причины недостатков к личности руководителей, а существующие проблемы он стремится решить не перемещением лиц, а изменением условий и организации работы. Поэтому попытки Троцкого интерпретировать критику НК РКИ как политический выпад против Сталина не находят в ленинских текстах никакой опоры.

Антисталинскую направленность «Завещания» усматривают также в предложении предоставить право новым членам ЦК из рабочих присутствовать на всех заседаниях Политбюро и читать все документы ЦК[1282]. С этим согласиться нельзя. Это предложение, содержащееся в диктовке 26 декабря и в плане первоначального варианта статьи о РКИ («Что нам делать с Рабкрином?»), было изменено в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» — из плана Ленина исчезали члены ЦК, обладавшие особыми по сравнению с другими правами и обязанностями. Вместо них с такими же задачами и функциями появляются новые члены ЦКК «из рабочих и крестьян», которые «должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК» и «определенное число» которых «должны присутствовать» на заседаниях Политбюро, «проверять все документы, которые так или иначе идут на его рассмотрение»[1283]. Нетрудно заметить, что в ленинской формулировке задач, стоящих перед членами ЦКК, их участие в работе Политбюро не ведет ни к каким ограничениям или ущемлениям прав членов Политбюро и власти генерального секретаря. Право знакомства с документами, которые поступают в Политбюро, позволяло им участвовать в подготовке заседания и в обсуждении вопроса, но не давало права принимать участие в голосовании. Вопрос о предоставлении им права голоса на Политбюро, Ленин даже и не ставит. Эти права членов ЦКК никак не сказываются на прерогативах Политбюро решать вопросы по существу, как и на праве Секретариата ЦК готовить вопросы для Политбюро и решать другие порученные ему вопросы. Более того, Ленин не только не имел намерения ставить ЦК под контроль новых и неопытных членов ЦКК, но и отдавал их в выучку Секретариату, т.е. тому же Сталину. Перед Секретариатом ставилась задача: «Организация обучения новых членов ЦК (в окончательном варианте — новых членов ЦКК. — В.С.) всем деталям управления»[1284]. Ленин понимал, что это трудная задача, поэтому на ее решение, думал он, потребуется ряд лет упорной работы[1285].

Уже это обстоятельство говорит о том, что Сталину нечего было опасаться этой реформы. Сталин поддержал предложение Ленина об увеличении численности ЦК. В заключительном слове по отчету ЦК на XII съезде РКП(б) он, в частности, говорил: «Нам нужны независимые люди, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций борьбы внутри ЦК, которые у нас сложились и которые иногда создают внутри ЦК тревогу... Нам нужны независимые от этих традиций и от этих личных влияний люди для того, чтобы они, войдя в ЦК... послужили тем цементом, который бы мог скрепить ЦК, как единый и нераздельный коллектив, руководящий нашей партией»[1286]. Именно по предложению Сталина XII съезд РКП(б) увеличил количество кандидатов в члены ЦК партии до 15-ти, т.е. втрое больше, чем предполагалось проектом резолюции. Таким образом, антисталинская направленность ленинских текстов «Завещания» — не более чем историографический миф. Реальностью является анитроцкистская направленность их.

АНТИТРОЦКИСТСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛЕНИНСКОГО «ЗАВЕЩАНИЯ»

Ленин определенно указывает на объект своей критики — «критики партии» (они же «судьи партии»).

Ленин никого не называет конкретно, в статье «О нашей революции» он использует для их обозначения термин «наши Сухановы». Сталин к «критикам» и «судьям» партии не принадлежал. Он сам был критикуем и «судим» ими. Перечень проблем, по которым Ленин ведет спор с «нашими Сухановыми», исключает предположение, что среди них Ленин имел в виду Сталина. Среди таких критиков и «судей» одно из первых мест принадлежало в это время Троцкому.

«Нашим Сухановым», считал Ленин, «совершенно чужда мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития», им «и не снится, что иначе вообще могут делаться революции». Считается, что Ленин в данном случае полемизирует именно с Н. Сухановым, бывшим видным меньшевиком, по поводу его книги «Записки о революции», а также вообще с меньшевиками и западноевропейскими социал-демократами («героями II Интернационала») по вопросу о закономерности и перспективах социалистической революции в России[1287]. Конечно, и с ними тоже, но, судя по всему, не только с ними.

Выяснить, кому еще адресовались ленинские возражения, позволяет текст самой статьи, в которой не раз встречается выражение «наши Сухановы». Что значит «наши»? Такая форма по точному смыслу слов проводит четкую грань между «нашими» и «ненашими» Сухановыми. Если «Сухановы» — это меньшевики, то возникает вопрос: как понять выражение «наши меньшевики»? Меньшевики либо находились в эмиграции, либо отошли от активной политической деятельности, либо продолжали подпольную антисоветскую работу, либо сидели в тюрьмах. Вряд ли Ленину важно было дискутировать с ними, если учесть, что он в это время предлагал использовать в отношении меньшевиков метод репрессий*. Те ли меньшевики имелись в виду, которые отошли от активной политической работы, сохранив верность своим политическим взглядам, и сотрудничали с Советской властью? Это возможно. Ведь Н. Суханов относился именно к этой категории. Убедить их в правильности проводимой большевиками политики — в этом был смысл, на это можно было тратить силы. Но в статье Ленин не только убеждает, он ведет дискуссию. Так ли ему важно было дискутировать с этой частью меньшевиков? Они уже не могли активно влиять на политическую жизнь страны или отказались от этих планов. Ленин давно прекратил с ними спор по поводу социалистической революции в России, который невозможно было выиграть словопрением. Точку в нем могла поставить только практика. Не из-за них Ленин стал диктовать этот текст, не для них предназначал свои аргументы.

Определяя политическую позицию «наших Сухановых», Ленин писал, что «социал-демократы» (значит, и российские меньшевики) стоят правее «наших Сухановых»[1288]. Следовательно, «наши Сухановы» ближе к большевикам, чем меньшевики! Этого нельзя сказать о меньшевиках, даже отказавшихся от политической борьбы и сотрудничавших с Советской властью, но идейно не разоружившихся. Кто же был ближе? Только те меньшевики, которые вступили в РКП (б), но так и не стали настоящими большевиками. Многих из них исключили в ходе чистки партии в 1921 г., но часть бывших меньшевиков осталась в РКП(б), пройдя через чистку. Не их ли имел в виду Ленин? Это возможно. Но скорее Ленин имел в виду не целый слой в партии, а каких-то известных ему деятелей, выражавших настроения и взгляды, близкие к меньшевистским, но политически более «левые». Известно, что после перехода к НЭПу и в условиях поражения революционных выступлений в других странах у части членов РКП(б) усилились пессимистические настроения относительно перспектив социалистической революции, что сближало их с меньшевиками. На XI съезде из 520 делегатов с решающим голосом 87 были выходцами из других партий, в том числе 46 бывших меньшевиков[1289], а на XII съезде из 408 делегатов с решающим голосом процент выходцев из других партий составлял 14,7%, из которых 55% — бывшие меньшевики[1290]. Таким образом, примерно 8—9% делегатов с решающим голосом на этих съездах были бывшие меньшевики. Троцкий был среди них не последним. В кризисный момент развития революции задача укрепления веры и сознания того, что дело,

начатое в октябре 1917 г., не обречено на неудачу, что трудности, стоящие перед революцией, преодолимы, была актуальной для этих «наших» меньшевиков. В этом надо было убеждать тех, кто, даже среди большевиков, недооценивал возможности российского крестьянства в социалистической революции, кто не понял, что НЭП есть тактический маневр, позволяющий обеспечить победу социализма над капитализмом в советских республиках, а оценивал его как «эволюцию», «перерождение», «термидор». Тех, кто предлагал НЭП экономический дополнить НЭПом политическим. Тех, кто судьбу российской социалистической революции связывал исключительно с победой мировой пролетарской революции. С ними можно было спорить, их нужно было постараться переубедить. Поэтому у Ленина было достаточно оснований тратить на них свое время и силы, набирать дополнительные аргументы для ведения дискуссии и политической борьбы с такими настроениями и взглядами. Вот в отношении с ними нужна была дискуссия, как с товарищами по партии. В 1921—1922 гг. Ленин не раз оспаривал их взгляды и оценки. Видимо, их он и назвал «нашими Сухановыми».

В руководстве партии такие настроения и взгляды тоже имели место. Их открыто демонстрировал Троцкий, который мог оказывать реальное влияние на партию и ее политический курс. Возможно, именно о нем думал Ленин в первую очередь, диктуя «записки о Н. Суханове»**. Во всяком случае среди тех, кого Ленин мог иметь в виду, Троцкий был самой известной и крупной политической фигурой. К Троцкому вполне могли относиться ленинские упреки в нетворческом отношении к марксизму, в недопущение мысли о возможном отличии форм и порядка развития от схем, создававшихся применительно к условиям западноевропейских стран, в боязни (или неумении) «отступить от немецких образцов», в «рабской подражательности прошлому», в «понимании марксизма до невозможной степени педантски», в непонимании «решающего в марксизме... именно его революционной диалектики», а также в непонимании и игнорировании указания Маркса о желательности соединения рабочего движения с крестьянской революцией, «могущей создать революционную обстановку». Ленин называет «бесконечно шаблонным» положение, которое не раз звучало в выступлениях Троцкого, о том, что «мы не доросли до социализма, что у нас нет... объективных экономических предпосылок для социализма»[1291]. Его публичные заявления Ленин не мог оставлять без ответа.

Эта критика Ленина могла быть ответом на недавнее крупное публичное выступление Троцкого на IV конгрессе Коминтерна, в котором он, как было показано выше, отстаивая свою прежнюю схему, ставил российскую социалистическую революцию в полную зависимость от мировой и рисовал перспективу, которая, по сути, мало чем отличается от меньшевистской[1292]. Разница у Троцкого и меньшевиков в том, что меньшевики не верили в близость революции, спасающей Советскую Россию, а Троцкий допускал возможность новой революции в ближайшее время, но не видел никаких перспектив у российской революции в случае, если мировая революции задержится. Конечно, Троцкий левее меньшевиков, как и «наши Сухановы», в оценке Ленина. «Знаменатель» же у них общий — и у Троцкого, и у «наших Сухановых», и у меньшевиков, и у «героев II Интернационала» — отрицание у российской революции необходимых для победы внутренних сил.

В центре внимания последних писем, записок и статей Ленина («О кооперации», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше») находится прежде всего вопрос оценки перспектив социалистической революции. Все намеченные им реформы имеют смысл только при положительном ответе на вопрос о перспективах «нашей революции». В «статье» «О нашей революции» Ленин писал: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошибались в том, что мы начали не с того конца, как намечалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»[1293]. Уверенность в успешном построении социализма неоднократно высказана Лениным в «статье» «О кооперации». «При условии полного

кооперирования мы бы уже (курсив наш. — В.С.) стояли обеими ногами на социалистической почве»[1294]. Трудно реализуемое, но не невозможное условие. Завершая свою последнюю работу «Лучше меньше, да лучше», Ленин развивает аргументацию, которая направлена против оценок Троцкого перспектив социалистической революции в нашей стране.

Известно, что Ленин и Троцкий по-разному смотрели на трудности, с которыми столкнулась революция. Троцкий считал их проявлением органической слабости изолированной пролетарской революции, поэтому их нельзя преодолеть, опираясь на ее внутренние силы. Ленин, как диалектик, считал, что трудности в революции неизбежны, что революция, преодолевая трудности, развивается. В статье «Лучше меньше, да лучше» он писал: «Наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться»[1295].

Расхождения с Троцким в этом главном политическом и теоретическом вопросе у Ленина в течение 1921 — 1922 гг. нарастали все больше и больше, достигнув к концу политической деятельности Ленина максимальной дистанции. Эти разногласия предвосхищали борьбу по принципиальным вопросам теории и практики социалистического строительства в СССР, развернувшуюся в последующие годы.

* Красноречиво о позиции Ленина в этом вопросе говорят его письма Д.И. Курскому (20 февраля 1922 г.) «О задачах наркомюста в условиях новой экономической политики», письмо в Политбюро (22 февраля 1922 г.) о гражданском кодексе РСФСР, письмо Молотову (23 февраля 1922 г.) в связи с делом Рамзина (февраль 1922 г.), с делом Рожкова (декабрь 1922 г.) (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396–403; Т. 54. С. 319–320).

** Меншевизм Троцкого, не только прошлый, но и нынешний, не был ни секретом, ни запретной темой в это время. Ярославский, вспоминая о своей последней беседе с Лениным 14 декабря 1922 г. (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471), рассказывал, что Ленин спросил у него: «А какие у Вас отношения с Троцким? Не было ли у Вас с ним столкновений когда-нибудь резких?» Получив утвердительный ответ, Ленин проявил большой интерес к ним. «Я рассказал Ильичу, — продолжает Ярославский, — как однажды напомнил Троцкому о его меньшевистском прошлом». Выслушав, Ленин заявил: «Да Вы же его меньшевиком назвали, ха-ха-ха! Этого он Вам никогда не простит! Нет, Троцкий таких вещей не забывает» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 189). Ленин оказался прав. Ярославский был, пожалуй, вторым после Сталина человеком, на которого Троцкий излил позднее потоки брани.

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

Противоположны взгляды Ленина и Троцкого и на реорганизацию ЦК партии. Ленин высказывает удовлетворение тем, что все сколь-либо важные вопросы внешней и внутренней политики, хозяйственного строительства рассматриваются в Политбюро. Троцкий возмущался этой практикой. Ленин предлагает не сокращать поток идущих через ЦК важных дел, а увеличить число членов ЦКК (в первоначальном варианте — членов ЦК) и привлечь их к работе в ЦК, чтобы обеспечить хорошую подготовку вопросов к заседаниям Политбюро и повысить эффективность его работы[1296]. Троцкий протестовал против этих планов. Он считал, что ЦК не в состоянии справиться с этим потоком и обеспечить своевременное и квалифицированное решение вопросов. Выход он видел в радикальном сокращении объема работы за счет передачи вопросов текущей экономической политики в руки объединенного Госплана — ВСНХ. Сокращение объемов работы позволит сократить численность ЦК. С

этим связано предложение Троцкого (январь 1923 г.) уменьшить ЦК до состава Политбюро, Оргбюро и Секретариата с добавлением нескольких крупных хозяйственников[1297].

В последних письмах, записках и статьях Ленин развил свои направленные против Троцкого предложения о способах взаимодействия, взаимосвязи партийного и советского государственного аппаратов в целях усиления системы диктатуры пролетариата. Ленин считал, что «гибкое соединение советского с партийным... является источником чрезвычайной силы в нашей политике», и предлагал применить эту практику «ко всему нашему государственному аппарату», считая, «что такое соединение является единственным залогом успешной работы». На этот раз в центре его внимания стали вопросы соединения, по сути своей определенного слияния государственного и партийного аппаратов с помощью объединения реформированных ЦКК и РКИ. «Всекие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата и что на них следует отвечать только одним — насмешкой»[1298]. Это замечание традиционная историография относит обычно на счет Сталина, хотя оно с большим основанием может быть отнесено к Троцкому и его сторонникам. Ведь именно Троцкий решительно выступал против сближения партийного и государственного аппаратов. Пометы на «Предложениях Секретариата о распределении функций между Пленумом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК» зафиксировали его мнение: «Поскольку *партия чересчур сливается с государством*, постольку контрольные] ком[иссии] перенимают партийно-политические функции» (курсив наш. — В.С.)[1299].

Партия *чересчур* сливается с государством — такова оценка Троцкого, которой соответствовало предложение ослабить эту связь. Партия еще *недостаточно* соединена, слита с государством, поэтому это соединение и слияние надо проводить безотлагательно и систематически — такова оценка Ленина. Ясно, что перед нами две противостоящие позиции. Объективно ленинская аргументация и в этом вопросе направлена против Троцкого.

Ленин считал, что в данный момент это соединение, слияние должно произойти по линии ЦКК — РКИ (в первоначальном варианте: ЦК — РКИ). Троцкий был давним оппонентом Ленина в вопросах о судьбе РКИ. 18 декабря 1922 г. он писал Ленину, что считает само существование РКИ ненужным: «В условиях рыночного хозяйства "рабоче-крестьянская инспекция" есть абсолютнейшая и безусловнейшая чепуха»[1300]. Несколько дней спустя, 24 декабря, в письме членам Политбюро Троцкий выступил против «совершенно фантастических и романтических функций Рабкрин и необходимой замены их правильно поставленной государственно-хозяйственной бухгалтерией и соответствующим контролем»[1301]. В письме в ЦК от 20 января 1923 г. он еще раз подтвердил свою позицию[1302]. Как ответ на эти высказывания Троцкого выглядит заявление Ленина, сделанное в самом начале статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», завершенной как раз 23 января 1923 г.: «Я думаю, что те товарищи, которые отрицают «пользу или надобность Рабкрин, неправы»[1303].

Видное место в полемике Ленина и Троцкого занимал вопрос о подготовке кадров для реорганизуемого аппарата. Ленин предлагал сочетать учебу с работой[1304], а Троцкий считал, что сочетать их нельзя. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин, отвечая на возражения, что будто бы из предлагаемого преобразования получится один хаос («члены ЦКК будут слоняться по всем учреждениям, не зная, куда, зачем и к кому им обратиться, внося всюду дезорганизацию, отрывая служащих от их текущей работы, и т.д. и т.п.»), говорил, что такое опасение беспочвенно, так как все зависит от того, как организовать их работу и какие задачи поставить перед ними[1305]. Эта же мысль высказана и в статье «Лучше меньше, да лучше»[1306].

Надеялся ли Ленин новыми и старыми аргументами переубедить Троцкого? Вряд ли. Нет ни малейших оснований думать, что Ленин был так наивен: они придерживались совершенно разных взглядов на вопросы управления государством, их разногласия носили системный характер. Для кого же тогда должны были служить эти аргументы? Кому

адресовались они? Нам представляется, что они адресовались в первую очередь сторонникам Ленина, которым предстояло вести борьбу с Троцким и его окружением.

УПРАВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВОМ

Выше было показано, что такую же антитроцкистскую направленность имеют и ленинские записки «О придании законодательных функций Госплану», «статья» «О кооперации» и заключительная часть статьи «Лучше меньше, да лучше». В них Ленин на домогательство Троцкого полномочий экономического диктатора, заявленного уже вполне определенно в письмах в ЦК 24 и 26 декабря 1922 г., ответил решительным «нет», заявив, что «в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства и т.п.» идти навстречу Троцкому нельзя[1307]. Поскольку все остальные члены Политбюро поддерживали в этом вопросе Ленина, то, следовательно, свои возражения Ленин мог направлять только ему.

Ленин взял под свою защиту от критики Троцкого руководителей Госплана (Кржижановского, председателя, и Пятакова, его заместителя). Он считал, что в Кржижановском (мягкий человек, знающий, опытный и уважаемый специалист, способный привлекать людей) и Пятакове (жесткий, умелый администратор) имеется сочетание таких качеств, которые, «безусловно, необходимы для правильного функционирования государственных учреждений». Таким набором качеств Троцкий явно не обладал. А чтобы внести полную ясность в этот вопрос, не указывая персонально на Троцкого, Ленин говорит о подчиненном значении качества администратора в руководстве Госпланом и добавляет: «Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»[1308]. В исторической литературе заявление Ленина о том, что он замечал «у некоторых наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение административной стороны», направлено против Сталина. Однако если рассматривать эту фразу в контексте данного документа и той борьбы, которая происходила в ЦК партии, то станет ясным, что она направлена против Троцкого, а не Сталина.

Получается так, что на должность председателя Госплана Троцкий никак не подходит, а подходящий заместитель уже есть. Таким образом, Ленин развивает систему аргументов, с помощью которой можно блокировать попытки Троцкого стать экономическим диктатором. Поэтому можно сказать, что мысль о том, что Троцкий не подходит для руководства Госпланом, проходит красной нитью через весь ленинский текст.

Противостояние Ленина Троцкому в вопросах хозяйственной политики и управления народным хозяйством просматривается также в «статье» «О кооперации». Против Троцкого, считавшего, что при переходе к НЭПу плановые начала были слишком ослаблены в пользу рыночных, было направлено заявление Ленина о том, что «мы перегнули палку, переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но... в том отношении, что забыли думать о кооперации»[1309]. Требованию Троцкого установить отношения между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством на основе **плана**, обеспечивающего приоритет интересов крупной промышленности[1310], Ленин противопоставляет свое предложение и оценку: рыночные отношения в рамках НЭПа и кооперация, позволяющие максимально учесть интересы единоличного мелкотоварного крестьянского хозяйства, упрочить союз рабочих и крестьян и на этой базе развитие экономического базиса социализма[1311]. Иначе говоря, против центрального лозунга Троцкого — **план**, Ленин выдвинул иной лозунг — **кооперация**. Они знаменовали собой две политики, между которыми надо было выбирать. Поэтому можно сказать, что и «статья» «О кооперации» тоже имеет антитроцкистскую направленность.

Подведем итог. В последних письмах, записках и статьях Ленин противопоставил Троцкому свою программу действий в более завершенном, чем прежде, виде. Программа Троцкого в основных частях может быть сформулирована так: судьба российской революции

зависит от успехов мировой пролетарской революции. План развития народного хозяйства как выразитель диктатуры промышленности над селом и пролетариата над крестьянством. Устранение партии от практического управления экономикой. Объединение Госплана и ВСНХ под единым руководством является главной организационной мерой, позволяющей повысить эффективность управления экономикой и, следовательно, продлить время существования советской власти. Троцкий как фигура, способная выполнить функции управления народным хозяйством.

Ленин ответил ему выражением уверенности, что революция обладает внутренними силами, способными обеспечить ей победу, если удастся избежать военного столкновения с капиталистическим миром. Союз рабочего класса с крестьянством — главное условие реализации этих возможностей. Использование рыночных механизмов при укреплении диктатуры пролетариата; кооперация, культурная революция и техническая реконструкция народного хозяйства — средства обеспечения победы социализма над капитализмом внутри страны. Повышение эффективности деятельности партийных и государственных аппаратов — средство решения этих задач.

Все это говорит о том, что Ленин, диктуя свои последние письма и статьи, продолжал свою давнюю полемику с Троцким, и, следовательно, ленинское «Завещание» имело вполне определенную антитроцкистскую политическую заостренность.

§ 3. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВУХ БЛОКОВ «ЗАВЕЩАНИЯ»

В данном параграфе в трех таблицах мы подытожим результаты наших наблюдений над текстами ленинского «Завещания»*. Представленная в таблицах информация показывает, что все тексты, за исключением письма от 23 декабря 1922 г., имеют значительные проблемы с точки зрения формальных свидетельств ленинского авторства (подпись, регистрация в ленинском секретариате). Однако для большинства из них проблема установления ленинского авторства решается положительно — либо благодаря тому, что они были опубликованы в то время, когда Ленин еще сохранял работоспособность и, в принципе, мог ознакомиться с ними, либо ввиду соответствия политического содержания их ленинским документам и выступлениям, относящимся ко времени, непосредственно предшествующему работе над последними письмами, записками и статьями. Кроме того, все они оказываются взаимно связаны проблематикой, подходами к решению вопросов, оценками и т.д., что может служить дополнительным аргументом в пользу ленинского авторства их.

Этим текстам противостоят другие: «Письмо к съезду», записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», письма 5 марта, адресованные Троцкому, Сталину, а также Мдивани и др. от 6 марта 1923 г. Принадлежность их Ленину не доказывается ни с помощью формальных атрибутов текстов, ни с помощью других документов того времени — делопроизводственных или политических. Что же касается содержательной стороны, то она дает обильный материал для сомнения в их принадлежности Ленину, более того, делает его авторство настолько маловероятным, что практически исключает его. Во всяком случае, пока что нет достаточных оснований принимать указанные тексты в качестве принадлежащих Ленину.

В таблице 1 представлены результаты анализа делопроизводственных особенностей текстов и их содержания, а также свидетельств о работе Ленина над текстами «Завещания». Таблица позволяет ответить на вопрос, достаточно ли оснований, чтобы считать В.И. Ленина автором того или иного текста. В таблице 2 тексты «Завещания», принадлежащие Ленину и ему не принадлежащие, сгруппированы так, чтобы нагляднее представить нарастание аргументации в пользу ленинского авторства по мере перехода от формальных признаков к анализу их содержания. Одновременно выявляется отсутствие такой динамики у текстов другой группы. В таблице 3 показана политическая направленность («заостренность») текстов «Завещания», принадлежащих Ленину и не принадлежащих ему.

**Таблица 1. ПРИЗНАКИ ЛЕНИНСКОГО АВТОРСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
«ЗАВЕЩАНИЯ»**

Характерные

признаки

23.XII. 1922 г. Письмо Сталину «К съезду»

24-25. XII.1922 г. и 4.1.1923 г. «Письмо к съезду»

26.XII. 1922 г.

27-29. XII. 1922 г. О придании законодат. функций Госплану

29.XII 1922 г.

30-31 XII. 1922 г. К вопросу о национальностях...»

2.I. 1923 г. Странички из дневника

4, 6.1. 1923 г. О кооперации

16, 17.1. 1923 г. О нашей революции

9-23.1. 1923 г. Как нам реорганизовать Рабкрин

2.П.- 2.П. 1923 г. Лучше меньше.

да лучше

5.П. 1923 г. Письмо Троцкому

5.П. 1923 г. Письмо Сталину

6. П 1923 г. Письмо Мдивани и др.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

№ документа по порядку

№ 1

№2

№3

№4

№5

№6

№7

№8

№9

№ 10

№ 11

№ 12

№ 13

№ 14

Наличие черновика или рукописи

да

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

Наличие подписи Ленина

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

Подпись, заверяющая

ленинское авторство данного текста

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

нет

Свидетельства ленинского авторства в документах секретариата и архива Ленина

да

нет

нет

нет

нет

нет
 да
 да
 нет
 да
 да
 нет
 нет
 нет
 Наличие/отсутствие документального подтверждения ленинского авторства
 да
 нет
 нет
 нет
 нет
 нет
 да
 да
 нет
 да
 да
 нет
 нет
 нет
 Смысловая связь содержания текста с др. работами В.И. Ленина 1921-1922гг.
 да
 нет
 да
 да
 да
 нет
 да
 да
 да
 да
 да
 нет
 нет
 нет
 Смысловая связь с другими текстами «Завещания» (указаны № данной табл.)
 № 3-5, 10, 11
 № 6, 12, 13, 14
 № 1, 5, 10, 11
 № 1
 № 1, 3, 10, 11
 № 2, 12, 13, 14
 № 8, 9
 № 7, 9
 № 7, 8
 № 1, 3, 5, 11
 № 1, 3, 5, 10
 № 2, 6, 13, 14

№ 2, 6, 12, 14
 № 2, 6 12, 13
 Выводы об авторстве
 Ленин
 не Ленин
 Ленин
 Ленин
 Ленин
 не Ленин
 Ленин
 Ленин
 Ленин
 Ленин
 не Ленин
 не Ленин
 не Ленин

**Таблица 2. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОДЕРЖАНИЕ
ЛЕНИНСКИХ И НЕЛЕНИНСКИХ ТЕКСТОВ «ЗАВЕЩАНИЯ»**

Характерные признаки
 Последние письма, записки и статьи В.И. Ленина
 Тексты «Завещания», не принадлежащие В.И. Ленину
 23.XII.1922 г. Письмо Сталину «К съезду»
 26.XII. 1922 г.
 27-29.XII.1922 г. О придании законодат. функций Госплану
 29.XII.1922 г.
 2.II.1923 г. Странички из дневника
 4, 6.11. 1923 г. О кооперации
 16, 17.1.1923 г. О нашей революции
 9-23.1. 1923 г. Как нам реорганизовать Рабкрин
 2.II-2.III. 1923 г. Лучше меньше, да лучше
 24-25.XII.г. и 4 января 1923 г. «Письмо к съезду»
 30-31. XII. 1922 г. К вопросу о национальностях...
 5.III.1923 г. Письмо Троцкому
 5.III.1923 г. Письмо Сталину
 6.III 1923 г. Письмо Мдивани и др.

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14

15

№ документа по порядку

№ 1

№2

№3

№4

№5

№6

№7

№8

№9

№ 1

№2

№3

№ 4

№5

Наличие черновика или рукописи

+

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

Наличие подписи Ленина

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

Подпись, заверяющая ленинское авторство текста

-

-

-

-

-

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Свидетельства ленинского авторства в документах секретариата и архива Ленина

+
-
-
-
+
-
-
+
+
-
-
-
-
-

Наличие/отсутствие документального подтверждения ленинского авторства

+
-
-
-
+
-
-
+
+
-
-
-
-

Смысловая связь содержания текста с др. работами Ленина 1921-1922 гг.

+
+
+
+
+
+
+
+
+
-
-
-

-
-
Смысловая связь с др. текстами «Завещания» (в подгруппе «Автор ЛЕНИН»)

+
+
+
+
+
+
+
+
+

-
-
-
-
-

Смысловая связь с др. текстами «Завещания» (в подгруппе «Автор НЕ ЛЕНИН»)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
+
+
+
+
+

Итог: наличие связи с ленинским наследием

+
+
+
+
+
+
+
+
+

-
-
-
-
-

Таблица 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛЕНИНСКИХ И НЕЛЕНИНСКИХ ТЕКСТОВ «ЗАВЕЩАНИЯ»

Характерные признаки

Последние письма, записки и статьи В.И. Ленина
 Тексты «Завещания», не принадлежащие
 В.И. Ленину
 Письмо Сталину «К ъезду»
 26.XII. 1922 г.
 О придании законодат. функций Госплану
 29XII. 1922 г.
 Странички из дневника
 О кооперации
 О нашей революции
 Как нам реорганизовать Рабкрин
 Лучше меньше, да лучше
 «Письмо к съезду»
 К вопросу о национальностях...
 Письмо Троцкому
 Письмо Сталину
 Письмо Мдивани и др.
 № документа по порядку
 № 1
 №2
 №3
 №4
 №5
 №6
 №7
 №8
 №9
 № 1
 №2
 №3
 №4
 №5
 Позитивная связь с политической позицией Троцкого
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 +
 +
 +
 +
 +
 Негативная связь с политической позицией Троцкого
 +
 +
 +
 +

+
+
+
+
+
-
-
-
-
-

Позитивная связь с политической позицией Сталина

+
+
+
+
+
+
+
+
+
+
-
-
-
-
-

Против Троцкого

+
+
+
+
+
+
+
+
+
-
-
-
-
-

Против Сталина

-
-
-
-
-
-
-
-
+
+

+

+

+

Общий вывод

*Антитроцкистская направленность последних писем и статей В.И. Ленина
Антисталинская направленность текстов, В.И. Ленину не принадлежавших*

* В таблицы не включены план статьи о РКИ и ее первый вариант — «Что нам делать с Рабкрином?», так как на них распространяются выводы, относящиеся к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин».

ЧАСТЬ 3

«ЗАВЕЩАНИЕ» ЛЕНИНА И БОРЬБА ЗА ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ ТЕКСТОВ «ЗАВЕЩАНИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

§ 1. НАЧАЛО НОВОЙ ФАЗЫ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ (ЗАПИСКИ В.И. ЛЕНИНА О ГОСПЛАНЕ – ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТРОЦКОГО)

Во второй половине декабря 1922 г. обострение болезни В.И. Ленина ознаменовало начало последнего этапа политической деятельности его и отразилось на течении внутрипартийной борьбы. Уходила в прошлое прежняя группировка политических сил и складывалась новая. Для сторонников Ленина в ЦК партии (Сталин, Каменев, Зиновьев, Молотов и др.) пришло время рассчитывать на собственные силы и возможности. Теперь Ленин мог помочь им только своим авторитетом. Положение в руководстве партии еще более осложнилось начавшейся борьбой за лидерство в партии. Инициативу атаки взял на себя Троцкий. Главного своего соперника он видел в Сталине.

Позднее Троцкий попытался завуалировать начало своего выступления и представить его в искаженном свете. Его рассказы принимаются на веру и имеют широкое хождение в исторической литературе. В письме членам ЦК и ЦКК РКП(б) от 23 октября 1923 г. Троцкий изложил свою версию: «На заседании Политбюро, разрабатывавшем порядок дня предстоящего XII съезда, тов. Сталин при поддержке т. Каменева, т. Калинина и, если не ошибаюсь, т. Томского (т. Зиновьев отсутствовал) предложил мне взять на себя политический доклад ЦК. Обсуждение по этому вопросу велось в Политбюро в самых деловых и спокойных тонах. Я ответил, что выступление чье-либо с политическим докладом могло бы только усугубить угнетенное настроение партии, вызванное болезнью Владимира Ильича. Лучше ограничиться поэтому политическим отчетом, который т. Сталин мог бы соединить с организационным отчетом. Основные же вопросы разбирались бы в соответствующих пунктах повестки дня... Вопрос на этом заседании не был решен, а затем делу был, как известно, придан совершенно иной оборот»[1312].

В автобиографической книге «Моя жизнь» Троцкий, излагая этот эпизод, акцентировал

внимание на том, что все его хвалили и просили взять на себя этот доклад. «Возникал вопрос, кому читать основной политический доклад. Сталин сказал на заседании Политбюро: "Конечно, Троцкому". Его сейчас же поддержал Калинин, Рыков и, явно против своей воли, Каменев. Я возражал». Аргументируя отказ, якобы заявил: «У нас с вами разногласия по хозяйственным вопросам. — Какие там разногласия? Ответил Сталин. Калинин прибавил: "Почти по всем вопросам в Политбюро проходят всегда ваши решения"». Сталин «повторил, что политический доклад должен был сделан наиболее после Ленина влиятельным и популярным членом ЦК, т.е. Троцким, что партия ничего другого не ждет и не поймет». Возвратившийся из отпуска Зиновьев «требовал для себя политического доклада», и вместе с Каменевым (его позиция теперь диаметрально противоположна той, какую предназначил ему Троцкий в письме 1923 г.) они интриговали против того, чтобы Троцкому был поручен политический отчет ЦК. Наконец, «тройкой» решено было, что политический доклад сделает Зиновьев[1313]. Троцкий, по его словам, сам «взял на себя доклад о промышленности».

Рассказ Троцкого далек от реальности. Интересную информацию о расстановке политических сил внутри Политбюро и ленинской группы (Сталин, Каменев, Зиновьев, Молотов и др.) содержат материалы по истории принятия повестки дня XII съезда и распределении докладов на нем. В утвержденной Политбюро (Сталин, Троцкий, Каменев и Бухарин) 11 января 1923 г. повестке дня съезда партии докладчиком по «политическому отчету ЦК» был назначен Ленин*, а по организационному отчету ЦК — Сталин. Ему же поручался доклад «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Зиновьеву предназначался «Отчет российского представительства в Исполкоме Коминтерна»[1314]. Каменев и Троцкий вообще не попали в число докладчиков. Как видно, в списке докладчиков доминировали Ленин и Сталин**. После третьего инсульта у Ленина, когда стало очевидным, что он не сможет присутствовать на XII съезде партии, Политбюро 31 марта 1923 г. вернулось к вопросу о докладчиках на съезде и приняло решение: «Поручить доклад ЦК гг. Сталину и Зиновьеву, предложив им распределить между собой темы докладов», «не ставить отдельным пунктом порядка дня съезда организационных вопросов, сделав его выводами из докладов ЦК...», а также «освободить тов. Зиновьева от доклада на съезде по Коминтерну». Доклад о промышленности поручался Троцкому, о национальном вопросе — Сталину***, Каменеву поручался доклад о налоговой политике, поскольку намеченный докладчик (Г.Я. Сокольников) был болен[1315]. Вскоре решился и вопрос о докладе по коминтерновским вопросам: по предложению Сталина Политбюро (опросом) 3 апреля 1923 г. назначило докладчиком Бухарина[1316]. Теперь становится понятным, как и почему политическая часть отчета ЦК оказалась у Зиновьева: Сталин и Зиновьев сами решали, как его разделить между собой. Вопрос о Троцком в связи с отчетным докладом ЦК РКП(б) вообще не стоял ни на какой стадии обсуждения повестки дня съезда.

История формирования повестки дня XII съезда РКП(б) свидетельствует, что в лице Сталина партия и ее ЦК фактически обретали нового лидера. Он стал той политической фигурой, вокруг которой в отсутствие Ленина стали сплачиваться члены Политбюро. Естественно, что именно он стал главным объектом атак со стороны Троцкого, который развертывал борьбу за лидерство в партии.

В период подготовки XII съезда партии Троцкий повел политическую атаку против Сталина и ленинского ядра Политбюро по нескольким направлениям. Эти события для нас интересны и важны тем, что прямо связаны с появлением первых текстов ленинского «Завещания».

Борьба началась в конце декабря 1922 г. с возобновленной Троцким дискуссии о Госплане, в ходе которой появились известные записки Ленина «О предоставлении законодательных функций Госплану». Декабрьский (1922) Пленум ЦК РКП(б) обсудил вопрос о положении в промышленности и отклонил предложение Троцкого о налаживании планового хозяйства[1317]. По свидетельству Троцкого, причина отказа состояла в том, что члены ЦК считали: в условиях «крайней неустойчивости нашей валюты» невозможно

создать систему балансов, которые являются базой любого реального плана. Аргументированных объяснений, как планировать при скачущем курсе рубля, он не давал. Другая причина, возможно, была заключена в противоречиях представлений Троцкого о плане, считавшего, что, с одной стороны, это такой документ, который висит в Госплане на стене, заглядывая в который, можно все предвидеть и в порядке предвидения управлять. А с другой, утверждавшего, что план — это всего лишь эффективный способ, позволяющий приспособиться к стихии рынка и минимизировать отрицательные последствия его колебаний.

Ленин, видимо, знал о выступлении Троцкого на Пленуме. 23 декабря в письме Сталину («К съезду») он писал: «Я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях»[1318]. Не определяя ни степени уступок, ни условий, Ленин дал ясно понять, что они не должны затрагивать принципы организации системы управления, на которых она строилась в последние два года. Есть информация о том, что Троцкий в тот же день узнал от Сталина о содержании ленинского письма[1319]. Соответствует ли это действительности, неизвестно.

На следующий день, 24 декабря, Троцкий направил членам ЦК РКП(б) письмо с аргументацией своих предложений (см. Приложение № 4), а вслед за ним — 26 декабря — письмо-дополнение, в котором развил некоторые позиции первого письма (см. Приложение № 5). Так Ленин и Троцкий фактически открыли предсъездовскую дискуссию по давно разводившим их вопросам — о НЭПе, рыночных и плановых механизмах регулирования народного хозяйства, о роли и месте Госплана в системе управления экономикой.

Настаивая на расширении прав Госплана, Троцкий при этом заявил, что следует добиваться превращения его в «учреждение, которое держало бы в своих руках, изо дня в день, все хозяйственные нити, которое на основании своей практически руководящей работы создавало бы общий хозяйственный план... фактически руководило бы проведением этого плана, вносило бы в него необходимые поправки в процессе проведения». Существующую систему управления он критиковал за неспособность решить эти задачи. Сюда же Троцкий «вписал» критику Ленина как руководителя и попытался самый факт его болезни использовать как главный аргумент в пользу принятия своих предложений: для того чтобы «общее хозяйственное руководство» сохранить в руках ЦК и Ленина, «необходима правильная система изо дня в день действующих учреждений, руководящих хозяйством». Троцкий предлагал в основу хозяйственного плана положить интересы развития «объединенной государственной промышленности, как основы всего нашего социалистического строительства», а председательствование в Госплане поручить «лицу, на которое возложено руководство нашей промышленностью». «При этом, — писал он, — я не настаивал бы вовсе на том, чтобы Госплану сразу же дать какие-либо широкие права. Единственное и неотъемлемое право Госплана состоит в том, что ни один центральный хозяйственный вопрос не проходит мимо него». Вот, очевидно, то требование расширения прав Госплана (сформулированное Троцким и в выступлении на декабрьском (1922) Пленуме ЦК), которому Ленин выразил готовность пойти навстречу в письме Сталину от 23 декабря 1922 г.

В этом письме Троцкий возобновил свои притязания на положение «экономического диктатора». Конечно, он не формулировал это требование открыто, но из логики его рассуждений оно следовало с неизбежностью. «Председательствование в Госплане, — писал Троцкий, — должно принадлежать лицу, на которое возложено руководство нашей промышленностью. В этом смысле я и заметил в своей речи (очевидно, на декабрьском 1922 г. Пленуме ЦК РКП(б). — В.С.), что, если вообще можно говорить о "диктатуре" по отношению к хозяйству, то не о диктатуре финансов, а о диктатуре промышленности... *Как достигнуть этого: назначить ли* нынешнего председателя ВСНХ также и председателем Госплана, или нынешнего председателя Госплана назначить также и председателем ВСНХ, или же одного из замов назначить и председателем ВСНХ и председателем Госплана — *это*

уже вопрос принципиальный и в обсуждение его я сейчас не вхожу» (выделено нами. — В.С.)[1320]. Представляется естественным, что члены Политбюро ЦК партии подобные предложения расценивали как заявку Троцкого — автора идеи и разработчика принципиальной схемы — на то, чтобы именно он был назначен на эти должности[1321].

27—29 декабря Ленин продиктовал три текста, посвященных проблемам организации работы Госплана, характера этого учреждения и его места в системе органов управления народным хозяйством. Считается, что эти тексты Ленина (известные под названием «О придании законодательных функций Госплану») были продиктованы в качестве составной части «Письма к съезду» и создавались как единый текст. Однако это не факт. Несомненно лишь то, что все части его объединены одной проблемой. Письма Троцкого поступили в ленинский секретариат, и не исключено, что Ленин мог быть ознакомлен с ними или информирован о них. Поэтому можно предположить, что продиктованные Лениным тексты могут быть ответом на новые предложения Троцкого. В этих диктовках Ленин развил идею, высказанную в письме к Сталину от 23 декабря 1922 г. Ленин начинает с признания, что прежде он «выступил противником» предложения Троцкого о «придании законодательных функций Госплану», поскольку считал, что это расстроит работу системы законодательных учреждений («будет основная невязка в системе наших законодательных учреждений»). «Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько в стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он, как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах».

И далее высказывает мысль о том, что «в этом отношении... можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому»[1322].

С этой «уступкой» Ленина Троцкому связана загадка. Нам неизвестны подобные предложения Троцкого, относящиеся ко времени до 23 декабря 1923 г. В письме от 24 декабря 1922 г. Троцкий прямо заявлял о том, что он не требует этих прав. Таким образом, сама постановка вопроса у Ленина выглядит не такой ясной, как представлял ее позднее Троцкий, а вслед за ним и вся историография. Первый документ, в котором Троцкий определенно говорил о необходимости придания Госплану законодательных функций, это его тезисы о госпромышленности, датированные 6 марта 1923 г.[1323], в которых он (вольно, а скорее всего невольно) воспроизвел это ленинское положение, в пользу которого выступало подавляющее большинство членов Политбюро и ЦК РКП(б). Истинная цена ленинской «уступки» несуществующим требованиям Троцкого будет яснее, если мы учтем, что ни в одном требовании, которые Троцкий действительно выдвигал, Ленин навстречу ему не пошел. Напротив, всячески подчеркивал свою неуступчивость, развивая свою аргументацию против предложений Троцкого, или просто обходил их молчанием.

Ленин, прекрасно понимая политическую подоплеку этих организационных предложений, выступил против них. Предложив пойти на «уступку» Троцкому в вопросе придания законодательных функций Госплану, он тут же добавил: «но не в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства и т.п.»[1324]. Против личных домогательств Троцкого фактически направлена та поддержка, которую Ленин оказал действовавшему в то время руководству Госплана (председатель — Кржижановский и заместитель председателя — Пятаков). Троцкий свои домогательства аргументировал особой важностью умелого администрирования в работе Госплана и отсутствием такового. Ленин не только взял руководство Госплана под свою защиту от критики Троцкого, но и настойчиво развивал мысль о важности соединения в руководстве Госплана специальных знаний и административного навыка, отводя последнему вспомогательную роль. Не указывая персонально на Троцкого, Ленин заявлял: «Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»[1325]. Следовательно, он не считал Троцкого способным единолично руководить Госпланом. На должность председателя

Госплана Троцкий не подходит, так как не обладает специальными знаниями, а на должность заместителя он сам бы не пошел. Вот и получается, что в статье «О придании законодательных функций Госплану» Ленин развивает систему аргументов, позволяющих блокировать попытки Троцкого превратиться в «экономического диктатора». Более того, поскольку тезис о подчиненном значении качеств администратора настойчиво акцентируется Лениным и в первой части диктовки, и во второй и третьей частях ее[1326], то мы можем сделать вывод, что мысль о том, что Троцкий не подходит для руководства Госпланом проходит красной нитью через весь ленинский текст.

После диктовок 27—29 декабря Ленин оставляет эту тему. Однако к ее разработке подключается Сталин, который прежде в эту борьбу с Троцким не вступал. Случайно ли это? Думается, что нет. Позиция Ленина Сталину была хорошо известна, она еще раз была подтверждена Лениным в письме ему от 23 декабря. Более того, в ленинском секретариате 27 декабря зарегистрировано отправление Сталину запечатанного конверта[1327] (так поступали, если содержимое документа хотели скрыть даже от секретарей). Что было в нем, нам неизвестно, ответ на вопрос о его содержании находится в документах секретариата Сталина, которые пока что исследователям недоступны. Возможно, что эта корреспонденция была связана с информированием Сталина относительно мнения Ленина по вопросам, поднятым Троцким в письмах 24 и 26 декабря, или в нем находилась первая из трех диктовок о Госплане, продиктованная как раз 27 декабря. В пользу этого предположения свидетельствует заявление Зиновьева, сделанное на XIV съезде ВКП(б). Он утверждал, что в период подготовки XII съезда партии (т.е. в январе — первой половине апреля 1923 г.) «тройке» (Зиновьев, Сталин, Каменев) было известно мнение Ленина относительно придания Госплану законодательных функций и оно было учтено при подготовке проектов решений[1328]. Общая постановка вопроса о придании законодательных функций Госплану имеется в письме Ленина Сталину от 23 декабря, но в нем нет решительного возражения против перспективы назначения Троцкого на посты председателя Госплана или ВСНХ. Оно имеется только в диктовках о Госплане. Поскольку намерения Троцкого воспринимались членами Политбюро именно как попытка стать «экономическим диктатором», то это дает нам основание предположить, что Зиновьев имел в виду именно диктовки о Госплане.

Если это так, то, следовательно, Ленин принял посильное участие в полемике с Троцким на начальной фазе ее, а к продолжению ее подключил Сталина. В этом случае становится более понятным, почему именно Сталин, а не Каменев, например, и именно в это время вступил в полемику с Троцким. Так или иначе, но в переписке, которая завязалась между Сталиным и Троцким по вопросам реформирования системы управления народным хозяйством, Сталин взял на себя защиту тех принципов строительства системы управления, которые Ленин отстаивал в длительной борьбе с Троцким. В ходе начавшейся переписки Сталин и Троцкий противопоставили две схемы системы реорганизации управления народным хозяйством.

Эту фазу дискуссии, очевидно, фиксирует второй вариант повестки дня XII съезда, составленный Сталиным (в конце декабря или начале января, не позднее 11-го) в котором предусматривались: (1) выборы центральных учреждений партии, (2) «о центральных регулирующих органах по народному хозяйству», (3) «о работе в деревне» и (4) «тезисы по текущему моменту (нэп)»[1329]. Появление пункта «о центральных регулирующих органах по народному хозяйству», которого не было в первом варианте повестки дня[1330], возможно, связано с письмами Троцкого от 24 и 26 декабря 1922 г., письмами Ленина о Госплане и начавшейся перепиской Сталина с Троцким по этому вопросу. 11 января Политбюро утвердило повестку дня XII съезда партии, в ней вопроса «о центральных регулирующих органах по народному хозяйству» уже не было, его место занял вопрос «организация государственной промышленности». Докладчика по нему решили «пока не назначать», а создать комиссию в составе Троцкого (председатель), Каменева, Рыкова, Сокольников и Пятакова, которой поручалось выработать тезисы по данному вопросу и в трехнедельный срок представить их в Политбюро[1331]. Поэтому переписку Сталина и

Троцкого надо рассматривать в контексте подготовки вопроса к съезду как органическую часть той дискуссии, которую прежде вел с Троцким Ленин.

Сталин (письма от 6, 17, 24 января 1923 г., см. Приложения № 6, 8, 10) четко определил разницу между реализуемой ленинской концепцией и предложениями Троцкого: «Кто должен быть руководителем государственных хозяйственных органов, СТО или Госплан, в этом, стало быть, суть вопроса, а не в предоставлении Госплану тех или иных административных прав»[1332]. Предложенный Троцким вариант Сталин считал неприемлемым потому, что либо Госплан превратится в «подсобное орудие ВСНХ» и будет ликвидирован в качестве органа, работающего в интересах всего народного хозяйства, либо, если Госплан превратится в действительно руководящий орган, работающий в интересах народного хозяйства, это разрушит всю существующую систему управления, сделав ненужными СТО и СНК. Опасность в этом случае будет состоять в том, что реальное управление экономикой перейдет из рук партии в руки буржуазных специалистов, сосредоточенных в Госплане.

В отличие от Ленина, ставившего вопрос о Госплане вне связи с серьезной реорганизацией системы управления и пытавшегося отладить его работу за счет более оптимального разделения труда между заместителями председателя СТО, Сталин считал назревшим вопрос о реорганизации «некоторых наших центральных регулирующих органов». Суть его предложения сводилась к тому, чтобы «сосредоточить дело увязывания и руководства деятельностью наших хозорганов не в Госплане, а в СТО и *превратить СТО из междуведомственной согласительной комиссии в подведомственную руководящую комиссию* » (курсив наш. — В.С.). Совет Труда и Оборона, состоящий из заместителей председателя СТО, Наркомфина, председателей ВСНХ и Госплана, получал возможность преодолеть ведомственность, улучшить координацию и руководство работой отдельных ведомств с общегосударственной точки зрения, которая предполагала обязательный учет хозяйственных интересов не только промышленности, но и сельского хозяйства, не только пролетариата, но и крестьянства.

Предложенная Сталиным реорганизация находилась в общем русле ленинской концепции и развивала ее с учетом накопленного опыта хозяйствования применительно к новым условиям. Новизна сталинского предложения заключалась в расширении права и возможности Совета Труда и Оборона для осуществления оперативного руководства.

Троцкий (письма от 15, 20, 25 января 1923 г., см. Приложения № 7, 9, 11) развивал критику существующей системы и настаивал на своем предложении, аргументировал необходимость установления режима «диктатуры промышленности» вместо «диктатуры финансов». Иначе говоря, Троцкий возражал против того, чтобы интересы промышленности были подчинены интересам сохранения политического союза рабочих и крестьян как социально-политической базы диктатуры пролетариата и условия осуществления НЭПа. Он заявил, что предложенная Сталиным «реорганизация СТО совершенно не решает поднятого мною вопроса о практическом объединении хозяйства изо дня в день», что «только реорганизация Госплана из учреждения, выполняющего отдельные задания, в хозяйственный штаб способна создать нормальные предпосылки для работы СТО, Совнаркома, Финкомитета и проч.»

В полном соответствии с мыслями Ленина, изложенными в диктовках о Госплане, Сталин предложил назначить Троцкого заместителем председателя Совнаркома, «отдав ему под специальную его заботу ВСНХ». Одновременно он предложил поставить во главе ВСНХ Пятакова, который в качестве заместителя председателя Госплана, а теперь еще и председателя ВСНХ мог стать серьезным препятствием стремлению Троцкого взять в свои руки управление планированием и промышленностью. Предложение Сталина было выдержано вполне в духе предыдущего ленинского предположения и так же, как оно, гарантировало отказ Троцкого. Вместе с тем Сталин формально сделал все что мог для смягчения конфликтной ситуации и выбивал из рук Троцкого такой «козырь», как упрек в том, что его не привлекают к управлению народным хозяйством.

Троцкий, предлагавший «председателя ВСНХ сделать председателем Госплана», у которого, следовательно, должны были сосредоточиться все рычаги управления экономикой, отказался от предложения Сталина, которое не давало ему ни грана власти, но загружало черновой текущей работой. Аргументируя отказ, он писал, что «работа зама в нынешней ее постановке противоречит целиком всем моим навыкам и представлениям о целесообразно организованной работе».

Троцкий избегал открыто предлагать себя в «экономические диктаторы», но в заключительной речи на октябрьском (1923) Пленуме выразился достаточно ясно: «Если бы меня сняли со всякой другой работы и посадили в Госплан, я б не возражал». Речь шла о реорганизованном на основе его предложений Госплане, поэтому он сразу же оговорился: «Что я буду делать в СНК, если не будет реорганизован Госплан?»[1333]**** Отказ Троцкого раскрывал его истинные устремления: *он не желал работать в экономической сфере на тех же условиях, что и другие члены Политбюро* (Каменев, Рыков). Иначе бы он принял это предложение. Этот отказ говорит о его стремлении занять положение в экономике более высокое, чем занимал любой другой член Политбюро. Стать над ними. Заставить Политбюро принять свои условия.

Отказ Троцкого снял с повестки дня вопрос о его руководящей работе в экономике. Цель, поставленная Лениным, была, наконец, достигнута. Троцкий не смог объяснить своего отказа так, чтобы не раскрыть своих подлинных намерений, на поддержку которых в партии он не мог рассчитывать.

Через неделю после окончания переписки Сталина и Троцкого, 2 февраля 1923 г., состоялось заседание Политбюро, на котором был рассмотрен вопрос об органах управления народным хозяйством. Вопрос был отложен «до следующего заседания»[1334]. Однако и на следующих заседаниях Политбюро он не рассматривался. К нему Политбюро ЦК РКП(б) вернулось только летом 1923 г., когда 4 июля Пленум ЦК РКП(б) по отчетам Политбюро и СНК принял решение о реорганизации органов управления народным хозяйством на основе сталинских предложений: «Провести эту реорганизацию в направлении слияния СТО и Финкомитета и образования из СТО единого направляющего органа в составе Замов и представителей необходимых ведомств или же персонально»[1335]. Вслед за этим (5, 12 июля, 2 августа 1923 г.) Политбюро приняло решения о реорганизации и персональном составе СНК, СТО и «заглавной тройки» Госплана СССР, а также СНК и Госплана РСФСР[1336]. На домогательствах Троцкого переделать на свой лад систему управления народным хозяйством был поставлен крест.

Предложения Троцкого о реорганизации механизма управления народным хозяйством находились в органической связи с его критикой работы Политбюро и ЦК РКП(б), за которой стояли глубокие разногласия относительно роли компартии в системе диктатуры пролетариата. Эта критика служила целям обоснования его предложения о реорганизации системы управления. И наоборот, необходимость изменения системы управления хозяйством служила обоснованием тезиса о необходимости радикального изменения работы Политбюро и функций компартии. Не случайно в предложенной Троцким системе управления народным хозяйством не нашлось места ни для ЦК партии, ни Политбюро. Крайнее раздражение и недовольство Троцкого участием Политбюро в решении хозяйственных вопросов выплеснулось в двух его письмах (18 и 19 апреля 1922 г.), направленных в Политбюро ЦК по поводу ленинских предложений об организации работы замов председателя СТО[1337], а также в письмах в ЦК РКП(б) от 24 декабря 1922 г., 15 и 25 января 1923 г. (см. Приложения № 4, 7, 11)

Он считал неправильным, что все вопросы управления «сплошь да рядом переходят в ЦК (Секретариат, Оргбюро, Политбюро)», что в ЦК и в СТО, а не в Госплане они получали принципиальное или окончательное разрешение, причем часто это решение оказывается неудовлетворительным[1338].

Говоря о необходимости улучшения работы Политбюро, Троцкий акцентировал загруженность его хозяйственными вопросами и необходимостью освободить Политбюро от

них, чтобы сделать его работу более планомерной, позволить ему больше уделять внимания вопросам идеологическим и партийного строительства. Последнее утверждение дает искаженное представление о действительном положении дел. Между XI и XII съездами партии из 1322 вопросов, которые были рассмотрены Политбюро, лишь 21,4% были вопросы хозяйственные, в том числе 118 директивных и 92 текущих[1339].

Конечно, работа Политбюро в случае освобождения его от экономических вопросов стала бы легче и планомерней, а вопросы идеологии и партийной жизни в ней заняли бы большее место. Но вместе с экономическими вопросами из Политбюро ушла бы значительная часть реальной власти в стране, переместившись в тот орган, который сосредоточил бы в своих руках управление экономикой. В проектах Троцкого таким органом должен был стать объединенный ВСНХ—Госплан, состоящий из «старых» (буржуазных, в подавляющем большинстве настроенных антисоветски) специалистов. Руководство компартии народным хозяйством страны, ее социально-экономическим развитием превращалось бы в фикцию, а сами руководители ее — в марионеток в руках новой экономической власти. Вот здесь коммунистической партии и грозил тот самый термидор, которым Троцкий пугал ее. Никакой вождь партии, формально возглавляющий этот орган, а на деле находящийся в руках своих советников-специалистов, не мог бы предотвратить такого исхода, не уничтожив свою зависимость от них вместе с этой системой. Превратившись в «экономического диктатора» и оттеснив правящую партию от реальных рычагов управления, он только бы расчистил путь для контрреволюции.

В политическом плане вопрос сводился к тому, кто будет определять политический курс и экономическую политику социалистической революции — Ленин и его единомышленники-большевики, опирающиеся на революционную партию в деле строительства социализма и верящие в ее победу, или меньшевик Троцкий со своими сторонниками, отрицающими способность российской революции к успешному развитию без помощи со стороны победившей международной пролетарской революции, а пока опирающимися на старых специалистов и социальные силы, стоящие за ними, способными обеспечить лишь капитуляцию социалистической революции.

Не случайно дискуссия по вопросу о роли и месте РКП(б) в управлении народным хозяйством развернулась в ходе обсуждения тезисов доклада XII съезду партии о промышленности, подготовка которых была поручена Троцкому. Ввиду принципиальных разногласий между Троцким, а также другими членами комиссии и Политбюро работа над тезисами и докладом приобрела затяжной характер[1340]. Лишь 28 марта Политбюро приняло поправки к тезисам Троцкого и представила их Пленуму ЦК РКП(б), который 30 марта рассмотрел тезисы, утвердил поправки Политбюро к ним[1341]. К поправке по § 12 Троцкий внес дополнение: «Правильность и систематичность планового руководства партии должны и будут вести ко все большему уменьшению случаев непосредственного административного вмешательства партийных органов по отдельным и частным вопросам. С другой стороны, руководство партии будет обеспечено тем полнее, чем правильнее будет идти административная и хозяйственная работа государственных органов по выполнению плановых задач, выдвигаемых партией и под ее постоянным контролем»[1342]. Эта поправка имела принципиальное значение не только для дальнейшего строительства хозяйственного механизма, но и для системы диктатуры пролетариата (в целом, так как она вела к изъятию из рук РКП(б) функций управления страной, передавая их исключительно в руки хозяйственных органов государства. Это предложение говорило о том, что представление Троцкого о политической системе диктатуры пролетариата, о взаимодействии партии и государства в это время, как и прежде, радикально отличались от тех, которые развивал Ленин, в том числе и в последних уже опубликованных статьях — «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше».

Пленум ЦК партии отклонил поправку Троцкого и создал комиссию для окончательного редактирования тезисов (Сталин — председатель, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков)[1343].

На следующий день Каменев представил Пленуму ЦК свой доклад. Пленум ЦК утвердил предложение о поправке к поправке Троцкого (вставка между первым и вторым абзацами): «Наряду с необходимыми и неизбежными в данных условиях директивами хозорганам со стороны парторганизаций по конкретным вопросам, необходимо неуклонно стремиться придать руководству хозорганами со стороны парторганизаций широкий и всесторонний плановый характер, что должно вести к уменьшению случаев необходимости непосредственного административного вмешательства по отдельным и частным вопросам текущей практики.

Руководство партии будет обеспечено тем полнее, чем правильнее будет идти административная и хозяйственная работа самих государственных органов по выполнению плановых задач, выдвигаемых партией»[1344]. Троцкий эту поправку поддержал, что говорит, конечно, не об изменении им своей позиции и признании правильности ленинского курса, а о политическом маневрировании.

Текст этой вставки представляет интерес для нашей темы. Если Троцкий в своей поправке правильность партийного руководства ставит в прямую зависимость от правильности работы госорганов, выдвигая, таким образом, деятельность последних как условие самоустранения партии от решения экономических проблем, то поправка редакционной комиссии, принятая Пленумом, говорит о диаметрально противоположном подходе: партия не отодвигается от хозяйственного руководства, а осваивает его и своей работой выводит госорганы на необходимый уровень и качество хозяйственного руководства. Участие парторганизаций на данном этапе социалистического строительства в решении хозяйственных вопросов прямо провозглашалось как необходимое условие развития социалистической экономики. Более того, эта работа партии должна была развиваться, подняться на более высокий уровень, стать шире и планомернее. Курсу Троцкого на уменьшение роли партии в хозяйственном строительстве был противопоставлен курс на повышение ее роли. Противопоставлен и закреплен в борьбе с ним. Не вытеснение партии из сферы решения хозяйственных вопросов, а совершенствование ее работы должно было стать предпосылкой сокращения административного вмешательства по отдельным мелким вопросам. Последний (второй) абзац этого дополнения к поправке воспроизводит соответствующую часть поправки Троцкого с одним, но очень важным исправлением — именно, снят тезис о работе госорганов под «контролем» партии. Троцкий допускал контроль, но не управление. Редакционная комиссия высказалась за управление и поэтому, естественно, было снято упоминание о контроле.

Ясно, что перед нами две совершенно разные, противостоящие политики: Ленина (и ЦК РКП(б)) и Троцкого. Пленум поручил Троцкому «перередактировать тезисы на основе принятых Пленумом поправок» и внести их на утверждение Политбюро, а также принял предложение Зиновьева о включении в «Тезисы о реорганизации и улучшении центральных учреждений партии» пункта, прямо направленного против Троцкого: «Съезд должен поручить новому ЦК принять ряд необходимых мер для улучшения работы Политбюро в области руководства со стороны Политбюро государственными и, в частности, хозяйственными органами Республики». Только после завершения всех этих доработок доклада о промышленности 31 марта Политбюро приняло решение поручить его Троцкому[1345].

Завершение обсуждения тезисов было намечено на 5 апреля, но пришлось его отложить «до получения ответа т. Троцкого на шифротелеграмму т. Сталина»[1346]. И только 6 апреля Политбюро опросом по телефону приняло решение: «Принять редакцию первой главы тезисов по промышленности, предложенную тт. Бухариным и Сталиным», тезисы в целом утвердить и опубликовать как одобренные ЦК РКП(б)[1347]. Как разительно история подготовки вопроса о промышленности для XII съезда отличается от того, что рассказывал Троцкий!

XII съезд поддержал предложенный ЦК партии курс. В политическом отчете ЦК XII съезду, с которым выступил Зиновьев, принципиальный подход к проблеме взаимодействия

партии и государства был сформулирован так: «Разделение труда — да, разделение власти — нет. Вот наша формулировка»[1348]. В этом виде она направлена против Троцкого и его сторонников и выражала мнение не только лично Зиновьева, но и большинства Политбюро и ЦК партии. Позиция, которую Ленин отстаивал в борьбе против Троцкого, получила закрепление в решениях съезда партии.

Такова судьба первого из вопросов, поднятых в ленинском «Завещании», ясно обозначившего антитроцкистскую направленность записок о Госплане, выявленную в процессе анализа содержания этого документа. Ее подтверждает и история обсуждения предложений В.И. Ленина, содержащихся в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», о которой речь пойдет в следующем параграфе.

* Поскольку вопрос о «страховке» Ленина как докладчика не ставился (как, например, в сентябре 1922 г. при распределении докладов на IV конгрессе Коминтерна), то можно предположить, что у членов Политбюро в это время еще были надежды на выздоровление Ленина и его участие (пусть даже ограниченное) в работе партийного съезда. С одной стороны, до съезда еще далеко, а с другой — опыт возвращения Ленина к работе в октябре—ноябре, активная работа в конце декабря — начале января, возможно, давали к этому основание. Между прочим, это обстоятельство говорит против тех, кто считает, что к этому времени лидеры партии пришли к выводу, что политическая деятельность Ленина окончена.

** В историографии имеют место разные оценки политической силы отдельных членов Политбюро в это время. Чаще всего на первое место выдвигаются Троцкий и Зиновьев. Затем следуют Каменев и Бухарин. Сталин, как правило, замыкает этот список. Антонов-Овсеенко, например, считает, что ко времени XII съезда «Сталин глядит на мир из-под ладоней Зиновьева и Каменева и не покушался на их авторитет», но далее, нимало не смущаясь, утверждает, что на XII съезде Каменев в очередной раз «услужливо подставил свою мягкую спину под Сталинский сапог» (*Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 99*). В документах подобные суждения не получают опоры. Редко, но встречаются более точные оценки. Например, Радзинский выстраивает такую последовательность: Сталин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Бухарин. (*Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 217*).

*** Этот вопрос был поставлен, видимо, в связи со второй просьбой Сталина об освобождении его от этого доклада.

**** Пусть читателя не введет в заблуждение желание Троцкого уйти с других постов. Три недели раньше на сентябрьском (1923) Пленуме ЦК РКП(б) он предельно остро реагировал даже на ограничение его власти как председателя РВСР — ушел с Пленума и не вернулся, несмотря на предложение вернуться, с которым по поручению Пленума к нему обратилась «специальная делегация» (*Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 216*).

§ 2. ЛЕНИНСКАЯ СТАТЬЯ «КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН» В ЦЕНТРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ И ТРОЦКОГО

Второй проблемой, поднятой В.И. Лениным в «Завещании» и оказавшейся в центре политической борьбы, стал предложенный им в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» план реорганизации ЦКК—РКИ. В ходе дискуссии возник тот же фронт противостояния, что и в связи с обсуждением вопроса о реорганизации системы управления народным хозяйством: Ленин и его сторонники против Троцкого и его сторонников. В отличие от дискуссии по Госплану эта статья сыграла, как представляется, особую роль в появлении тех текстов «Завещания», ленинское авторство которых доказать не удастся.

К концу 1922 г. назрела необходимость реорганизации высшего эшелона партийного и государственного руководства в целях повышения эффективности его работы. Работа над новым Уставом началась еще накануне XI съезда, вопросы приема в партию обсуждались на самом съезде. В августе 1922 г. XII партийная конференция специально рассмотрела вопросы организационно-партийного строительства. Ленин и Троцкий предложили XII съезду две

совершенно разные концепции реорганизации центральных органов партии.

В.И. Ленин сформулировал и обосновал свои предложения в двух последних статьях — «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)» и «Лучше меньше, да лучше». Их содержание было раскрыто выше, поэтому мы отметим лишь то, что в них предусматривалось сохранить ЦК без структурных изменений, без изменения функций и соотношения органов ЦК. Укрепление положения и авторитета ЦК партии должно было быть обеспечено благодаря глубокой реорганизации ЦКК. Ленин предложил расширить состав ЦКК за счет включения в него рабочих от станка и крестьян от сохи, установить практику присутствия их на заседаниях ЦК и Политбюро, разрешить знакомиться со всеми документами и участвовать в подготовке вопросов к заседаниям Политбюро, чтобы дать им навык решения важных партийных и государственных дел, повысить эффективность обсуждения и решения их. Это должно было, по мысли Ленина, уменьшить трения в Политбюро и опасность раскола ЦК[1349]. Вся эта работа должна была быть организована Секретариатом ЦК и вестись под его контролем. Полученные знания члены ЦКК должны были использовать в ходе инспекций госаппарата, проводимых совместно с работниками НК РКИ. Нарастание политической силы ЦКК достигалось не за счет умаления роли и властных полномочий ЦК партии, наоборот, реорганизованная ЦКК должна была обеспечить усиление способности ЦК решать проблемы, стоявшие перед партией и государством. Этим и достигался желаемый эффект — укрепление системы центральных органов партии.

Впервые с этими предложениями Ленина Политбюро было ознакомлено в конце января 1923 г., когда Ленин передал для публикации статью «Как нам реорганизовать Рабкрин». Эта была первая из работ В.И. Ленина, входящих в комплекс его «Политического завещания», которая оказалась в центре политической борьбы Троцкого против Ленина и его сторонников. Со временем история обсуждения в Политбюро вопроса о публикации этой статьи обросла мифами и легендами, которые мы проанализируем несколько позднее, а здесь восстановим эту историю по документам.

Члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК РКП (б) — участники этих событий — в письме в ЦК РКП (б) от 31 декабря 1923 г. писали*, что статья Ленина «была по ошибке или по рассеянности адресована Президиуму съезда Советов, заседавшего как раз в это время в Москве. Такой адрес и вызывал недоумение у членов Политбюро»[1350]. Ознакомление со статьей вызвало не только живое обсуждение, но и определенное недоумение по поводу отдельных положений статьи. Куйбышев писал, что «до заседания Политбюро, когда еще не все члены Политбюро собрались и заседание еще не открылось, в кабинет т. Сталина входили постепенно один за другим члены ПБ и бегло знакомились со статьей Ленина, при знакомстве с ней по отдельным отрывкам, на которые обращал внимание то тот, то другой товарищ, у меня лично вначале сложилось впечатление, что усилившаяся к тому времени болезнь Влад[имира] Ильича отразилась на статье. Это впечатление усиливалось нервным настаиванием т. Ленина и нажимом на т. Бухарина, чтобы статья во что бы то ни стало была помещена в завтрашнем номере и ему показана. Между тем обращалось внимание на некоторые отдельные места статьи, которые, будучи взяты обособленно, были непонятны и казались странными: раскол партии, лучший наркомат НКИД, детальное определение количества служащих РКИ и т.д.**», наконец, обращалось внимание на неверный адрес статьи. Особенно поражали места о расколе, поскольку они не соответствовали тогдашним конкретным взаимоотношениям внутри ЦК и Политбюро. Оттиск статьи Ильича ходил из рук в руки, раздавались отдельные реплики (я помню, например, реплику т. Троцкого — «почему НКИД лучший наркомат?»). Высказывались летучие отзывы и предложения. В этой нервной обстановке, создавшейся благодаря опасениям за здоровье Ильича, у меня, повторяю, не ознакомившегося по-настоящему со статьей в целом, мелькнула мысль: "Если Ильич болен и в статье эта болезнь отразилась, и если Ильичу необходимо показать эту статью напечатанной, то не набрать ли специальный номер «Правды»?" Эту мысль я высказал. Но это были летучие мысли вслух. Я сразу же от этой мысли отказался. Больше ее не повторил, на обсуждении ее не настаивал». «Не все еще было ясно (а для кого статья

Ильича была сразу ясна?), многое сразу не укладывалось в сознании»[1351]. По прочтении статьи на заседании Политбюро, писал Куйбышев, «не раздалось *ни одного* голоса против напечатания ни со стороны членов Политбюро, ни со стороны других присутствующих. Вопрос обсуждался лишь о том, когда напечатать и в какой форме: передовой статьей или обычной статьей, сопровождать ли статью Ленина пояснением о том, как нужно толковать фразу о возможном расколе в партии; если помещать такую статью, то можно ли успеть к завтрашнему номеру, не отложить ли в связи с этим печатание статьи т. Ленина; как оповестить местные организации, чтобы не было ложного истолкования фразы Ильича о расколе — вот приблизительно те вопросы, вокруг которых вертелось обсуждение». Было решено статью отпечатать немедленно, а местные организации оповестить специальным письмом за подписью всех членов Политбюро о том, что в Политбюро царит единодушие по всем крупным вопросам и что практика работы ПБ не дает никаких оснований для тревоги за единство партии»[1352].

Сталин, рассказывая 26 октября 1923 г. на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК РКП (б) об обсуждении вопроса о ленинской статье, признавал, что члены Политбюро «колебались, печатать ли статью Ленина о Рабкрине», потому что в ней «в 3-х местах было упоминание об опасности раскола. Боялись, чтобы партия не была дезорганизована». Относительно вопроса, публиковать статью или нет, то здесь «и тени разногласий в ПБ не было. Нашли выход: разослать в губкомы одновременно со статьей извещение от всех членов ПБ, что и тени раскола нет»[1353]. То же, но в более развернутом виде Сталин повторил в своем ответе на запрос партийной конференции Хамовнического района, подчеркнув, что «Политбюро *единогласно* постановило без промедления опубликовать статью о Рабкрине», подробнее остановившись на объяснении причин тревоги по поводу «целости ЦК» и о поиске мер, способных предотвратить «в партии тревогу»[1354].

Такое удивление можно понять. Опасность раскола — не рядовая опасность. Она говорит о глубоком кризисе партии. Но указания на такой кризис или угрозу его нарастания в статье не было. Наоборот, в ней была выражена уверенность в успешном решении всех стоящих перед страной проблем. Троцкий также был поражен тезисом об угрозе раскола, иначе он не согласился бы подписать письмо, дезавуирующее данное положение статьи, тем более принять на себя ответственность за подготовку проекта письма Политбюро ЦК РКП(б) «Губкомам и обкомам партии», в котором, в частности, говорилось: «Некоторые товарищи обратили внимание Политбюро на то, что эта статья тов. Ленина может быть истолкована товарищами на местах в том смысле, будто внутренняя жизнь ЦЕКА за последнее время обнаружила какой-либо уклон в сторону раскола и именно этим побудила тов. Ленина выдвинуть изложенные в его статье организационные предложения... тов. Ленин не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему даже не посылаются — опять-таки в строгом соответствии с предписаниями врачей — протоколы Политбюро и Оргбюро»***. «Уже эти внешние условия написания статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин" свидетельствуют о том, что предложения, заключающиеся в этой статье, внушены не какими-либо осложнениями внутри ЦЕКА, а общими соображениями тов. Ленина о трудностях, которые еще предстоят партии в предстоящую эпоху... во внутренней работе ЦЕКА совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения раскола»[1355].

Троцкий отрицательно отнесся к принципиальным предложениям Ленина, он считал, что «партия чересчур сливается с государством», «контрольные] ком[иссии] перенимают партийно-политические функции»[1356]. Как видно, его возражения были направлены против того главного общеполитического положения — о целесообразности определенного соединения, слияния учреждений партийных с государственными, которое было исходным для Ленина.

Тогда же встал вопрос о совершенствовании работы самого ЦК партии. 25 января 1923 г. на заседании Политбюро Троцкий предложил упорядочить работу ЦК и его органов. Возможно, его предложения были связаны с обсуждением ленинских предложений,

содержащихся в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин». Политбюро решило: «Поручить Секретариату ЦК собрать и систематизировать все уже существующие постановления, касающиеся точного распределения функций Пленума ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата, а также внести в Политбюро свои предложения о более правильном их распределении»[1357].

29 января 1923 г. Секретариат ЦК РКП(б) дал свои предложения о распределении функций между Пленумом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК РКП(б). Предлагалось увеличить состав ЦК до 50 человек за счет «выдвинувшихся на практической партийной и хозяйственной работе товарищей, главным образом рабочих (директоров, руководителей областных организаций, наиболее авторитетных членов национальных компартий и пр.)» «для обеспечения прочной связи с местами», для «формирования новых кадров политических руководителей из числа пока еще малоопытных, но достаточно выдвинувшихся товарищей»[1358]. Эти предложения означали, что ленинская идея расширения ЦК с целью усиления его связи с массами и повышения способности вести эффективное руководство социально-экономическим строительством была принята.

2 февраля 1923 г. Политбюро рассмотрело вопрос «О регулирующих органах» и, поскольку ожидалось отклики на статью Ленина о Рабкрине, решило этот вопрос «отложить для следующего заседания»[1359]. В процессе обсуждения было достигнуто соглашение «не выступать по этому острому вопросу с какими-либо сепаратными предложениями, а попытаться сговориться путем обмена мнений на каждом заседании». Но Зиновьев, нарушив эту договоренность, в обход Политбюро внес свои тезисы о партстроительстве для февральского (1923) Пленума ЦК. Троцкий выступил с формальным протестом и направил свои предложения по реорганизации ЦК, во всех пунктах противостоявшие как предложениям Ленина, известным по статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», так и Секретариата ЦК.

Троцкий предлагал: «ЦеКа должен сохранить свою строгую оформленность и способность к быстрым решениям. Поэтому дальнейшее расширение его не имеет смысла. Оно ввело бы в ЦеКа лишь некоторое дополнительное количество центровиков (преимущественно "генерал-губернаторов"), очень мало увеличивая, таким образом, связь с массами. Между тем, расширение состава ЦК и установление новых, более сложных отношений между Политбюро и пленумом грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК». Исходя из этих общих соображений, Троцкий предлагал *сократить, а не расширять ЦК партии* и организовать его следующим образом: «Цека создается в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата с небольшим, может быть, дополнительным количеством членов или кандидатов. Таким образом, Цека как таковой, несколько сокращается, по сравнению с нынешним, и, во всяком случае, не расширяется»[1360].

По варианту Троцкого ЦК партии не выбирает из своего состава свои руководящие органы, а «составляется» из них. Троцкий не пояснял, как он мыслит процесс формирования ЦК, но по смыслу фразы органы ЦК должны были формироваться не Пленумом ЦК, а съездом партии. По Уставу партии ЦК РКП(б) избирался съездом и затем сам формировал необходимые для его работы органы, в частности, формирование секретариата и назначение генерального секретаря также являлись прерогативой Пленума ЦК.

В существовавшей системе возможности Троцкого прибрать к рукам ЦК партии были сильно ограничены, поскольку в отличие от делегатов съезда члены ЦК лучше знают не только видимую, но и подспудную часть борьбы. На съезде же можно было воспользоваться недостаточной осведомленностью большинства его делегатов, попытаться повлиять на их мнение****. Предложения Троцкого были ориентированы на завоевание ЦК без создания оформленной фракции, обходя, таким образом, решение X съезда партии о запрете фракций и групп: изменить внутреннюю структуру и состав ЦК, увеличить в нем число своих сторонников, провести их на ключевые должности в руководящих органах ЦК. Политический интерес Троцкого просматривается без труда, если оценивать его

предложения в контексте той борьбы, которую он вел в 1921—1927 гг.

Мы вышли на важное для нашей темы положение: только в том случае, если отдельные органы ЦК, в том числе и его Секретариат, формируются съездом партии, получало смысл обращение к съезду партии с предложением решить персональный вопрос о генеральном секретаре.

То есть одно из центральных мест «Письма к съезду», не получая опоры в ленинском политическом наследии, оказывается прямо связанным с предложениями Троцкого о реорганизации ЦК! Для Ленина, завершившего 23 января 1923 г. статью «Как нам реорганизовать Рабкрин», проблема предупреждения съезда партии о недопустимости избрания Сталина генеральным секретарем или о «перемещении» его с этой должности съездом, просто не существовала. Это требование противоречит тем мыслям, которые он развивал в последних своих работах, зато оно органично вписано в схему, которую предложил Троцкий XII съезду. Ленин стремился к упрочению положения ЦК в партии, повышения его роли. Троцкий выступил с прямо противоположным предложением — о создании наряду с ЦК РКП(б) Совета партии. Он должен был избираться съездом партии из членов и кандидатов в члены ЦК РКП (б) и членов ЦКК партии, а также двух-трех десятков представителей обкомов и местных партийных организаций. Совет партии должен был давать директивы ЦК партии и контролировать его деятельность[1361]. Это предложение было оценено как попытка ввести «двоецентрие» в партии и с неизбежностью вело к умалению роли и значения ЦК партии и его органов (Политбюро, Оргбюро, Секретариат)[1362].

Политически заинтересованность Троцкого в такой реорганизации (явно противостоящей ленинскому плану) легко объясняется. Двоецентрие позволяло Троцкому и его сторонникам создать вне ЦК точку опоры для продолжения борьбы против ЦК в том случае, если бы не удалось провести свою схему реорганизации ЦК и завоевать большинство в нем. В предложении Троцкого также проявилась попытка возродить те организационные формы, от которых большевистская партия давно отказалась как от несоответствующих характеру и духу революционной марксистской партии. Неудивительно, что в это время о Троцком говорили как о полуменьшевике, меньшевике*****.

Политический смысл предложения Троцкого состоял в том, чтобы не допустить укрепления связи ЦК с партийными, государственными и хозяйственными органами. Ленин же желал именно укрепления этих связей. Очевидна разница не только позиций, но и подходов к проблеме строительства политической системы диктатуры пролетариата в ее важнейшей части.

Впрочем, Троцкий шел уже проторенным путем, не был в этом вопросе первопроходцем. Еще на XI съезде партии противники Ленина Д.Б. Рязанов и В.Е. Цифринович высказывали мысль о предоставлении ЦКК функций контроля над ЦК от имени съезда партии. Тогда тоже речь фактически шла о создании двоецентриа в партии. Этим предложениям, откровенно отдававшим меньшевизмом и направленным на ослабление ЦК, Ленин противопоставил линию на укрепление ЦК, что достигалось прежде всего усилением его Секретариата, введением должности генерального секретаря и проведением на нее Сталина.

Теперь Ленин предлагал сделать в этом направлении еще один шаг — с помощью повышения эффективности работы ЦК и реорганизации ЦКК, а также определенного соединения, слияния ЦКК с РКИ.

Февральский (1923) Пленум ЦК, по свидетельству К.Е. Ворошилова[1363], прошел под знаком острой борьбы большинства ЦК РКП(б) и Троцкого. Об остроте борьбы говорят итоги голосования. «За» предложение Зиновьева: «проект реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии принять за основу» проголосовали 20 человек и 5 — «против». «За» расширение состава ЦК — 17, «против» — 7, «воздержался» — 1. За установление численности ЦК в 35 человек проголосовало незначительное большинство — 13 человек. За сохранение и расширение Центральной Контрольной Комиссии

проголосовало 20, против было 5. Вопрос о числе членов ЦКК и все остальные поправки были переданы в комиссию, в которую вошли Зиновьев, Сталин, Троцкий, Томский, Фрунзе, Рудзутак, Сольц и Молотов. Ей также поручалась окончательная разработка тезисов и доклад Пленуму ЦК. Было решено: «Тезисы не публиковать до предварительного сообщения их тов. Ленину. В случае требования последнего о пересмотре вопроса, созвать экстренный Пленум»[1364]****. Этот документ поступил в ленинский секретариат, но Ленин ввиду плохого состояния здоровья не был с ним ознакомлен.

Встретив отпор, Троцкий дезавуировал свое предложение, заявив, что его не так поняли, и попытался представить его как соответствующее ленинским идеям о повышении роли ЦКК и развивающее его. Это была бесперспективная затея, поскольку в ленинских предложениях о реорганизации ЦКК не было никакого намека на ограничение задач и функций ЦК. Коль скоро Троцкий отступил, то члены ЦК приняли разъяснение Троцкого, и «недоразумение» было исчерпано. Позднее Троцкий не раз ссылаясь на это, пытаясь обосновать несостоятельность упрека в стремлении к установлению двоецентриа в партии. Это неправда, и Троцкий хорошо знал, что со стороны ЦК это заявление было лишь тактическим ходом, что свою оценку предложения Троцкого как попытку установления двоецентриа в партии члены Политбюро подтвердили в письме в ЦК от 31 декабря 1923 г., оценив ее как антиленинскую по своей сути[1365].

Февральский (1923) Пленум ЦК решил организационный вопрос вынести самостоятельным пунктом повестки дня XII съезда партии и утвердил с некоторыми поправками подготовленные ЦК тезисы об улучшении работы центральных органов партии, не только учитывавшие предложения Ленина, но и шедшие дальше их.

После третьего инсульта Ленина, положившего конец его политической деятельности, перед Троцким не только открылись новые перспективы в борьбе за лидерство в партии, но и появилась возможность использовать для ее ведения авторитет Ленина. 22 марта Политбюро рассмотрело вопрос о реорганизации и улучшении центральных учреждений партии»[1366], а на следующий день Троцкий направил в Политбюро письмо, в котором поднял (среди прочих) вопрос о недостатках партийной работы: «Острые вопросы внутрипартийной жизни (принципиальные и организационные конфликты внутри организации) оставались совершенно вне поля зрения Политбюро как учреждения. Вообще, внутренние вопросы партийной жизни отчасти вернулись в Политбюро после годового отсутствия в результате известной статьи т. Ленина о Рабкрине»[1367].

Такое утверждение не соответствует действительности: между Политбюро и Оргбюро и Секретариатом как органами ЦК существовало разделение труда: основная масса вопросов партийного строительства и партийной жизни шла через Оргбюро и Секретариат. Все вопросы внутрипартийной жизни, если они не получали разрешения в Секретариате или Оргбюро, переходили в Политбюро. Принципиальные же вопросы политики партии решались в Политбюро. Всего в Политбюро за период между XI и XII съездами было рассмотрено 1322 вопроса, в том числе касающихся личных назначений в партии — 20 (1,5%) и внутрипартийных — 113 (8,5%), а всего — 133, что составит 10%. Если учесть еще вопросы, указанные как «организационные» (54, т.е. 4,1%), «агитационно-пропагандистские» (92, т.е. 6,9%), которые если не полностью, то в значительной своей части касались партийного строительства и деятельности партии, то общее количество внутрипартийных вопросов достигнет 259 (21 %)[1368]. Троцкий не мог не знать этого. Он нарочно сгущал краски.

Новая атака на партию и ее руководство ничего не дала Троцкому. Его предложения не были приняты, за основу взяты ленинские предложения об увеличении численности ЦК и реорганизации ЦКК. 5 апреля Политбюро приняло тезисы «О реорганизации и улучшении центральных учреждений партии», подготовленные Зиновьевым по поручению Политбюро от 30 марта 1923 г. Окончательная формулировка этих тезисов была поручена Сталину, Молотову и Зиновьеву, после чего «в случае отсутствия разногласий» было решено опубликовать их «как одобренные ЦК»[1369].

ХII съезд рассмотрел предложение о реорганизации центральных органов власти, подготовленное ЦК партии. Троцкий свои предложения о сокращении ЦК партии на обсуждение съезда уже не выносил. В основе принятых ХII съездом РКП(б) решений лежали предложения Ленина, серьезно скорректированные, однако, в ряде важных вопросов. Состав ЦК увеличивался до 40 членов и 15—20 кандидатов (по предложению Сталина[1370]) за счет главным образом «местных работников, в особенности рабочих, наиболее связанных с пролетарскими массами», с привлечением «практиков-администраторов и студентов высших учебных заведений». ЦКК создавалась из 50 членов — «преимущественно из рабочих и крестьян, с серьезнейшим партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы». Основная задача ее определялась как «работа по обеспечению во всех отношениях партийной линии в деятельности всех советских органов». Ее Президиум составлялся из тех членов, которые отвечали требованиям, предъявляемым к членам ЦК. Именно они получали право участвовать в работе ЦК. Допускалось присутствие на Пленумах ЦК членов Президиума ЦКК, а на заседаниях Политбюро и Оргбюро трех постоянных представителей из Президиума ЦКК. Они могли знакомиться с поступающими в них материалами, но не получали никаких прав в деле подготовки их заседаний. Наоборот, все свои предложения ЦКК вносила в ЦК для их обсуждения, а решения Всероссийской конференции Контрольных комиссий подлежали утверждению ЦК партии. Разreshалось совмещение членства в ЦКК и статуса кандидата в члены ЦК[1371]. На первом Пленуме нового ЦК РКП(б) был рассмотрен также вопрос о «представительстве ЦК в ЦКК». Это существенно меняло баланс отношений между ЦК и ЦКК по сравнению со схемой, изложенной в ленинских статьях о реорганизации ЦКК—РКИ, но не противоречило главной идее — повышению роли и авторитета ЦК и ЦКК, и соответствовало принципиальной схеме строительства центральных органов партии, принятой съездом. Пленум постановил «утвердить представителями ЦК в ЦКК гг. Сталина, Зиновьева, Дзержинского, Зеленского и Молотова»[1372]. Достаточно сравнить представительство ЦКК в ЦК и представительство ЦК в ЦКК, чтобы понять, что политическое усиление ЦКК никак не умаляло возможностей ЦК партии и его положение в системе центральных органов партии оставалось доминирующим. Это соответствовало духу ленинских предложений.

Аналогичные решения, идущие, с одной стороны, в русле предложений Ленина, сделанных им в последних письмах и статьях, а с другой, идущие вразрез с предложениями Троцкого, были приняты и в отношении реорганизации ЦКК—РКИ[1373]. Следовательно, съезд поддержал предложение Ленина о соединении, слиянии партийного и государственного аппаратов.

Предсъездовская дискуссия и решения ХII съезда партии свидетельствуют, что политические позиции Ленина и его сторонников в Политбюро и ЦК партии, с одной стороны, и Троцкого — с другой, расходились в это время все больше. Примечательно, что в ходе этой дискуссии Троцкий использовал ленинскую статью «Как нам реорганизовать Рабкрин» в качестве орудия борьбы со сторонниками Ленина в Политбюро. Как знать, может быть, именно обстоятельства обсуждения статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» и дискуссия вокруг нее породили мысль использовать в этой борьбе тексты, авторство которых можно приписать Ленину.

* Это письмо подписано Бухариным, Зиновьевым, Калинин, Каменевым, Молотовым, Рудзутаком, Рыковым, Сталиным, Томским (Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 218).

** В предложенной Лениным схеме предполагается, что рабочий или крестьянин — член ЦКК сможет реально контролировать решения, принимаемые ЦК. Иначе говоря, он должен разбираться в сложнейших практических и теоретических проблемах, в вопросах экономики, политики, финансов, судить о разногласиях людей, гораздо более его знающих и опытных в этих делах, более информированных. Правомерность такого допущения не очевидна. Неясно, почему они могут сделать то, чего не удалось обеспечить членам ЦК —

«добиться... строжайшей правильности дела», почему они гарантированы от включения во внутривнутрипартийную борьбу на стороне одной из сторон или как самостоятельная сила.

*** Точнее, они направлялись ему в секретариат, но не передавались лично.

**** Именно этим Троцкий и занимался накануне XII съезда партии, поднимая вопрос о ленинской статье по национальному вопросу, и перед XIII съездом — вопрос о генеральном секретаре и об опасностях, исходящих от старого состава ЦК, старых большевиков, старого поколения партии и пр.

***** Некоторые историки предложения Троцкого трактуют как направленные на поддержку ленинских предложений и полностью соответствующие им. Например, В.И. Старцев, имея в виду такие вопросы, как расширение численности ЦК, вопрос о генсеке, о реорганизации ЦКК—РКИ, писал: «Нельзя не видеть, что в эти месяцы, февраль и март 1923 г., Троцкий пытался помочь Ленину в отстаивании его точки зрения на ряд вопросов внутривнутрипартийной политики» (*Старцев В.И. Политические руководители Советского государства в 1922 - начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 121*).

***** Это положение, а также аналогичная постановка вопроса в отношении тезисов по нацвопросу («Тезисы не публиковать, сообщив их тов. Ленину (с разрешения врачей). Если тов. Ленин потребует пересмотра тезисов, созвать экстренный Пленум») говорит, во-первых, против «блокады Ленина» и пр. и, во-вторых, о сохранении им авторитета, которым он пользовался прежде.

ГЛАВА 2. ВВЕДЕНИЕ АНТИСТАЛИНСКИХ ТЕКСТОВ «ЗАВЕЩАНИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

§ 1. КОНТУРЫ НОВОЙ ТАКТИКИ ТРОЦКОГО

В ходе подготовки XII съезда в условиях продолжающейся болезни Ленина актуализировался вопрос о лидерстве в партии. Казалось, настало время «лидера № 2» — Троцкого — выдвинуться на первое место. Но на его пути уже стоял Сталин*. Атаковать его как сторонника Ленина — занятие бесперспективное, поскольку прямая атака на Ленина не раз демонстрировала свою несостоятельность. Опыт предсъездовской дискуссии по вопросам реорганизации системы управления народным хозяйством, места и роли РКП(б) в решении хозяйственных вопросов, реорганизации центральных органов партии со всей ясностью показал это. Чтобы рассчитывать на успех в борьбе за лидерство, надо было на съезд партии выходить не битым, а победителем. Одновременно надо было ослабить политические позиции своего главного противника и соперника — Сталина. Первая задача решалась легко. Достаточно было организовать рекламную кампанию. И она началась.

Началась сразу же, как у В.И. Ленина произошел третий инсульт, покончивший с остатками надежд на какое бы то ни было возвращение его к прежней политической деятельности. Партия оказалась перед ситуацией выбора нового лидера.

Наиболее ярким проявлением этой рекламы, не только пропагандирующей Троцкого, но и отодвигавшей Ленина в качестве вождя Великой Октябрьской социалистической революции на второй план, стала статья К. Радека «Лев Троцкий — организатор победы», опубликованная в газете «Правда» 14 марта 1923 г., а также серия статей Троцкого под общим названием «О партии»**, также опубликованных в «Правде». В статье Радека крайне низко оценивались практически все стороны деятельности советского правительства. В частности, указывалось на неудовлетворительное положение на поприще дипломатии (здесь явное противопоставление с оценками, содержащимися в ленинской статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»). На фронте хозяйственного строительства, по мнению Радека, положение было ниже всякой критики. Единственным светлым пятном представлялась работа военного ведомства, в котором все достижения связывались с именем Троцкого и ему

же отдавались лавры всех прошлых побед: «А что у нас вышло действительно хорошо, — это Красная Армия. Создатель ее, волевой центр ее — это тов. Л.Д. Троцкий»: он же «первый вождь, первый организатор первой армии пролетариата!». В ее строительстве «выражался организаторский гений Троцкого, мудрость его мысли». Только такой человек, как Троцкий, уверял Радек, «мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа. Он был всем в одном лице». В нем произошло «объединение стратега и военного организатора с политиком». Радек уверял, что именно «Троцкий сумел при помощи всего аппарата нашей партии внушить крестьянской армии», «что она борется за свои интересы». Правда, от этой славы и заслуг кое-что перепало и большевистской партии. Без нее Троцкий не справился бы со своей миссией, «но без него создание Красной армии и ее победы требовали бы во много раз больше жертв», поэтому если РКП войдет в историю как создательница Красной армии, то в неразрывной связи с именем Троцкого[1374].

Надо согласиться с Н. Валентиновым, считавшим эту статью свидетельством того, что Троцкий и Ко предъявляют требования на власть: «Радек ясно намекал: Ленин ушел и его может заменить только Троцкий»[1375]. Уточним только, что на это же намекал и Троцкий в своих статьях. Первая из них — «О партии» — появилась в тот же день, что и статья К. Радека, в номере, посвященном 20-летию большевистской партии. Банальная по содержанию, не дающая никаких решений затронутых проблем, она вместе с тем представляла ее автора как человека, способного осознать и решить наиболее важные вопросы развития партии и обеспечить проведение верной политики. Для нас она интересна лишь тем, что в ней Троцкий решил публично обратиться к той проблематике, в которую он прежде, как правило, не вторгался, — в дела партии. И это понятно, ведь теперь он вел борьбу за лидерство в партии. Пока работал Ленин, ее создатель и вождь, Троцкому не было смысла вторгаться в эту область. Теперь ситуация изменилась. Нельзя было стать лидером партии, не продемонстрировав своего знания ее проблем и способов их решения.

Обе статьи, Радека и Троцкого, дополняли друг друга, поэтому их появление в «Правде» в одном номере вряд ли можно считать случайным. Статья Радека, как бы говорила читателю: все самое главное, что достойно внимания и памяти в прошлом нашей революции, связано исключительно с Троцким. Статьи самого Троцкого внушали мысль: он знает, что и как надо делать в будущем. Обе статьи появились в тот день, когда по решению Политбюро в «Правде» был опубликован первый бюллетень о болезни Ленина. Для партии серьезность заболевания Ленина стала очевидной только теперь. Об этом говорит не столько бюллетень, сколько телеграмма (очевидно, циркулярная), которую Сталин по поручению Политбюро направил 14 марта в Тифлис Г. К. Орджоникидзе: «Нынешнее состояние здоровья тов. ЛЕНИНА влечет за собой, по мнению врачей, длительное неучастие его в руководящей работе. Временный уход тов. Ленина может создать в стране осложнения, серьезность которых должна быть учтена партией со всей тщательностью»[1376].

По свидетельству Н. Валентинова, извещение страны и партии о резком ухудшении состояния здоровья Ленина привело массы к осознанию того факта, «что вождем и руководителем государства Ленин уже быть не может. В свете этого факта вся политическая ситуация меняется»[1377]. В этих условиях у читателей статей Радека и Троцкого должна была возникнуть или утвердиться мысль, что будущее надо связывать с Троцким, и только с Троцким.

Так или как-то иначе размышлял Троцкий, мы, конечно, не знаем, но шаги, предпринимаемые им с конца декабря 1922 г., указывают на то, что он начал работать над созданием своего нового образа — единомышленника и союзника Ленина, защищавшего его политический курс от тех, кто в партии считался его ближайшими соратниками — Сталина, Зиновьева, Каменева.

Когда и как появился новый тактический прием, мы также не знаем, и тем не менее о нем можно говорить с уверенностью, поскольку он оставил свой след в документах. Это, во-первых, зафиксированные выше попытки Троцкого изобразить в новом свете свои отношения с Лениным; во-вторых — попытки представить себя единомышленником Ленина

в тех вопросах, по которым между ними велась непримиримая борьба; в-третьих, они обнаруживают себя в причастности и (или) заинтересованности Троцкого во введении в политическую жизнь партии и страны тех текстов «Завещания», ленинское авторство которых нельзя считать доказанным; в-четвертых, — в совпадении взглядов Троцкого со взглядами автора этих текстов.

Лениным «бить» Ленина и его сторонников! Это не фантастика, а реальность действий Троцкого. Впервые он использовал этот прием для борьбы с ленинской системой управления народным хозяйством в конце 1922 г. В 1921—1922 гг. Троцкий, как было показано выше, не проявлял какой-либо заботы о Ленине и, характеризуя его работу, акцентировал реальные или надуманные недостатки или просчеты в ней. Положение вдруг меняется в конце декабря 1922 г. В письме членам ЦК от 24 декабря Троцкий выразил сожаление об утраченном Лениным здоровье, в чем, впрочем, тут же упрекнул его самого, оттеняя этим свою прежнюю критику в его адрес: «Связь этих не координированных, не согласованных центральных учреждений друг с другом и с ЦК достигалась через личное посредство тов. Ленина. Это обеспечивало от крупных ошибок. Но результат этот достигался личными усилиями т. Ленина, направленными на то, чтобы овладеть всеми деталями и частными вопросами, не прошедшими через правильную систему учреждений, не проработанными и неподготовленными. Думаю, что одной из причин чрезвычайного переутомления тов. Ленина явилась неправильная постановка работы центральных хозяйственных учреждений. Между тем, связующая и объединяющая личная роль тов. Ленина, обеспечивавшая нас в большинстве случаев от крупных ошибок, вовсе не освобождала и не могла освободить от частных несогласованностей... При нынешнем же положении, когда рабочее время т. Ленина должно быть строго ограничено, тем более необходимо личную связь заменить правильной организационной связью. Для того чтобы общее хозяйственное руководство могло сохраниться в руках ЦК, прежде всего — т. Ленина, необходима правильная система изо дня в день действующих учреждений, руководящих хозяйством» (см. Приложение № 4).

В исторической перспективе письмо означает, что Троцкий начал репетировать новую для себя роль — заботливого товарища Ленина. В соответствие с этим была приведена и аргументация собственных предложений. Они уже не просто противопоставлялись ленинским предложениям как в принципе неверным, непригодным и опасным для революции. Они представлялись теперь в качестве мер, необходимых для того, чтобы компенсировать потери, вызванные отходом Ленина от практической работы***. Резкий поворот Троцкого мог означать одно — тактический шаг, преследующий цель демонстрации своего заботливого товарищеского отношения к нему. Прежде Троцкому было выгодно акцентировать недостатки и списывать ошибки и трудности на Ленина. Теперь ситуация изменилась — Ленин отходил от дел. И вот Троцкий уже утверждает, что для частичной замены Ленина требуется серьезная реорганизация не только высших органов управления народным хозяйством, но и всей системы управления. В контексте письма эти неискренние похвалы ленинскому умению руководить хозяйством нужны Троцкому лишь как способ вновь поставить вопрос о Госплане, сделать новую заявку на решение этого вопроса по удобному ему варианту. Чтобы Ленина использовать в качестве аргумента в пользу уничтожения созданной им системы диктатуры пролетариата и управления народным хозяйством, в качестве нового и самого сильного аргумента (другие уже не «работают») в пользу его, Троцкого, предложений. О морально-этической стороне этого приема говорить не приходится.

С этого времени Троцкий стал систематически воздавать хвалу Ленину, противопоставлять его сторонникам в ЦК и партии и выставять себя в качестве выразителя и защитника его интересов, его дела и наследия.

Однако Троцкий не собирался ридиться в тогу «сподвижника» Ленина. Он начинает отрабатывать версию, представляющего его в качестве принципиально важного для Ленина союзника, который в спорных вопросах всегда оказывался прав. Троцкий пытается представить Ленина в качестве инициатора создания политического союза, своим острием

направленного против ленинского большинства ЦК и Политбюро, в первую очередь против Сталина. Выше было показано, что политические отношения Ленина и Троцкого после перехода к НЭПу были очень сложны и напряжены. Поэтому попытка Троцкого «ухватиться» за Ленина — своего главного политического противника — для борьбы с его сторонниками, на наш взгляд, свидетельствует не о сознании собственной политической силы, а о понимании своей политической слабости. Неудивительно поэтому, что он в конце концов проиграл эту фазу борьбы, как и прежде. Новая тактика не спасла его от политического поражения.

Новые возможности для использования этой тактики выявила история обсуждения в январе 1923 г. в Политбюро вопроса о публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», о которой говорилось выше. В то время, когда собирались члены Политбюро и на слух (текст ее читал Каменев) знакомились с текстом статьи, высказывали удивление некоторыми положениями ее, особенно в связи с указанием на опасность раскола, Куйбышев высказал мысль, что болезнь Ленина «отразилась» на его статье и предложил, чтобы успокоить Ленина, напечатать специально для него единственный экземпляр газеты с его статьей[1378].

Эта дискуссия показала, что Политбюро оказалось в трудной ситуации: с одной стороны, Ленин что-то диктует, с другой стороны — контакта с ним нет и нельзя спросить у него о том или ином сформулированном им положении, которое вызывает непонимание. Проверить и самый факт диктовки и правильность записи нельзя.

Возникала потенциальная возможность фальсификации «воли Ленина». Но реальностью она стала не сразу. Только полтора месяца спустя, после третьего инсульта, который окончательно лишил Ленина и дара речи, появилась возможность говорить от имени Ленина. Случайно ли, что все документы, ленинское авторство которых не удается подтвердить, появляются на свет именно после этой даты?

Первой вскоре после третьего инсульта и в прямой связи с ним появились «диктовка» Ленина «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также письма Ленина Троцкому (5 марта), Мдивани и др. (6 марта). Эти документы были посвящены критике Сталина и проводимого ЦК РКП(б) курса в вопросах строительства Союза ССР. Очевидно, это не случайно, так как продолжавшееся упорное противодействие процессу строительства СССР позволяло, во-первых, придать конфликту в КП Грузии характер принципиальной борьбы по коренным для марксизма вопросам, которого он не имел. Во-вторых, поставить в центр конфликта Сталина и заострить удар лично против него. В-третьих, задействовать на своей стороне сильный козырь — известное всем расхождение Сталина и Ленина по вопросу образования СССР, имевшее место в сентябре 1922 г. В-четвертых, воспользоваться отсутствием единства среди сторонников Ленина по этому вопросу. В-пятых, получить массу союзников в лице национал-уклонистов. Наконец, она служила основанием для политических обобщений, призванных доказать несостоятельность Сталина в качестве лидера партии.

Вскоре после XII съезда партии из недр ленинского секретариата всплыли «характеристики» и «добавление» к ним. Задолго до XIII съезда РКП(б), которому они, как считается, были предназначены. Троцкий и его сторонники были той политической силой, которая более всего выигрывала от их появления и больше всех старалась придать им широкую огласку.

Решения I съезда Советов СССР не прекратили дискуссии и острой борьбы по проблеме объединения республик, а лишь перевели ее в новое русло. Для сторонников федерации как одного государства с сильным центром они давали хорошую базу для обеспечения принятого курса. Их противники пытались добиться своих целей за счет перераспределения власти между федерацией и республиками в ходе подготовки Конституции, используя неизбежные трудности в процессе объединения республик. В партийно-государственном руководстве автономных республик РСФСР сразу же возникло стремление ликвидировать РСФСР, а автономные республики превратить в союзные.

Случилось то, о чем Сталин предупреждал Ленина в письме 27 сентября 1922 г.: предложение Ленина «должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением оттуда восьми автономных республик... входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками»[1379]. 25 декабря 1922 г. 31 представитель автономных республик и областей — делегатов X съезда Советов РСФСР направили Сталину в ЦК письмо, в котором поддерживали идею образования СССР и предлагали создать такой союз, в котором автономные республики и области были бы уравнены в правах с союзными республиками «в общей федерации ССР». Они предлагали ввести в союзный ЦИК представителей всех автономных единиц[1380].

Ситуацию усугубили противоречия, имевшиеся в группе ленинцев. Лидеры грузинских национал-уклонистов стремились предельно обострить конфликт, чтобы заставить ЦК пойти на уступки. Их надежды питала позиция, занятая рядом авторитетных членов руководства партии — Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. Показательна телеграмма Г.К. Орджоникидзе, направленная из Тифлиса в Ростов-на-Дону К.Е. Ворошилову и А.И. Микояну. Информировав их, что к ним едет Зиновьев, Орджоникидзе писал: «Он немного, по-видимому, поддается уклонистам, но больше него — Каменев, который дает разные советы уклонистам. Я говорил с Зиновьевым. Поговорите и вы оба. Всякая попытка их в данный момент ничего им не даст, а наших товарищей настроит против Каменева и расколется закавказскую делегацию на съезде партии»[1381]****. Ситуация осложнялась еще тем, что Ленин ввиду обострения болезни не успел публично высказаться по поводу решений, принятых декабрьским (1922) Пленумом ЦК РКП(б) и I съездом Советов СССР. Все это создавало условия для ревизии принятых решений об образовании СССР с надеждой на успех.

Новая фаза борьбы проходила в рамках предсъездовской дискуссии перед XII съездом партии. В это время ЦК партии предпринял значительные усилия для того, чтобы снять остроту конфликта в КП Грузии. 21 декабря 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) по итогам обсуждения доклада комиссии Дзержинского решило одобрить представленное ею заключение и признать нецелесообразным оставление Махарадзе, Мдивани, Кавтарадзе и Цинцадзе в Грузии, отзывав их в распоряжение ЦК РКП(б)*****. Заключение комиссии Дзержинского было отредактировано и утверждено Оргбюро ЦК РКП(б) 13 января 1923 г., после чего оно поступило в Политбюро[1382]. Экземпляр «Заключения» был направлен Ленину. Был ли Ленин ознакомлен с ним — неизвестно. 18 января Политбюро (Каменев, Рыков, Сталин, Троцкий, Томский) решило отложить его обсуждение на неделю, «предоставив тт. Мдивани и Кавтарадзе возможность ознакомиться с материалами комиссии»[1383]. Этот факт показывает несостоятельность утверждения, будто Сталин форсировал обсуждение доклада комиссии Дзержинского[1384]. 25 января 1923 г. Политбюро (Сталин, Троцкий*****, Каменев, Рыков, Бухарин, Калинин, Томский с участием приглашенных членов комиссии Мицкевича-Капсукаса, а также Мдивани и Кавтарадзе[1385]) рассмотрело «Заключение» комиссии Дзержинского, в котором говорилось: «Политическая линия, проводившаяся сначала Кавбюро ЦК РКП, а потом Заккрайкомом, и в частности тов. Орджоникидзе, вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной. Кавбюро и Заккрайком, следуя директивам ЦК РКП, в частности тов. Ленина, принимая во внимание особенные условия Закавказских Республик, особенно Грузии, вполне сознательно пошли на некоторые временные уступки по отношению к националистическим настроенным массам и интеллигенции, однако в то же время боролись против тех грузинских коммунистов, которые, став на путь уступок, сами поддались давлению напора мелкобуржуазного национализма и сделали фетиш из тактики уступок»*****. ЦК КПГ старого состава, «на словах принимая это объединение, на деле всеми силами противился ему» в течение полутора лет. Комиссия установила, что «обвинения Заккрайкома, в частности тов. Орджоникидзе в том, [что], якобы, он применил тактику военного коммунизма, скоропалительно, сверху, совершенно не считаясь с

местными парторганизациями, не подготовив общественного мнения, проводил линию часто не совпадающую с линией ЦК РКП, или вовсе не имел линии, не соответствует действительности». Были отвергнуты обвинения Заккрайкома и нового состава ЦК КП Грузии в «руссотяпстве», недостаточном внимании к национальному вопросу в Грузии и т.д. В «Заключении» содержалась конкретная критика действий старого состава ЦК КП Грузии в области национальной политики, отмечалась слабость постановки партийной работы в Грузии, семейственность, общение большевиков с меньшевиками и т.п. «Принимая все это во внимание», комиссия признала, что «Заккрайком в общем и целом поступил правильно, ведя борьбу против линии ЦКГ[рузии] старого состава, приняв его отставку и выдвинув такой состав ЦК [Грузии], который, стремясь ближе подойти к широким рабочим и крестьянским массам, безусловно будет проводить линию ЦК РКП и Заккрайкома». Одновременно комиссия констатировала, что новый состав ЦК КП Грузии проводит правильную политику. Что касается Орджоникидзе, то комиссия оценила его «вполне подходящим для той ответственной работы, которую ему приходится в Закавказье вести. Обвинения тов. Орджоникидзе в интриганстве, авантюризме, карьеризме, сведении личных счетов и пр. комиссия отвергает со всей решительностью»[1386].

Политбюро утвердило смену состава ЦК КПГ и советских учреждений республики, а также решение Оргбюро от 21 декабря 1922 г.[1387] Вслед за этим Политбюро обсудило информативное письмо для губкомов и обкомов с информацией о конфликте в КП Грузии. Троцкий за него не голосовал. Бухарин и Зиновьев воздержались, Томский голосовал против. «За» были Сталин, Молотов, Рыков и Калинин[1388]. Информация о принятых решениях была направлена Ленину. На этом же заседании Политбюро рассмотрело заявление Фотиевой, Гляссер и Горбунова о выдаче им материалов грузинской комиссии для изучения их по поручению т. Ленина и постановило: «Разрешить Секретариату ЦК выдать материалы... вопрос о докладе Ленину результатов отложить до заключения проф. Ферстера»[1389]. В тот же день, 25 января 1923 г., Секретариат ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о пропаже из аппарата ЦК КП Грузии шифротелеграммы Ленина и Сталина в ЦК КПГ (старого состава) и о передаче секретного доклада Махарадзе за границу, в редакцию меньшевистского журнала «Социалистический вестник». Материалы об этом были направлены Ленину[1390]*****.

Решения Политбюро 25 января 1923 г. говорят о том, что к концу января было преодолено определенное противостояние среди членов ленинской группы Политбюро. Хотя и по разным мотивам, Сталин, Каменев, Зиновьев выступали за нахождение компромисса между борющимися сторонами. Центр тяжести борьбы по вопросу о конфликте в компартии Грузии переместился в саму республику, где готовился II съезд КПГ. Но и здесь события развивались так, что способствовали ослаблению противоречий внутри ленинской группы. 21 февраля открылась партконференция тифлисской организации КПГ, в которой участвовали 250 делегатов. В ходе дискуссии в поддержку уклонистов не высказался *никто*, а при голосовании кроме 5 воздержавшихся все поддержали линию ЦК РКП (б). «Настроение конференции твердое, спокойное», — сообщал Г.К. Орджоникидзе в ЦК РКП(б) и Ленину[1391]. Уклонисты пытались представить дело таким образом, что Политбюро ЦК РКП(б) поддерживает их, но никакими аргументами подтвердить это заявление они, разумеется, не могли. Не это ли обстоятельство способствовало появлению якобы ленинского письма Мдивани, Махарадзе и др.?*****

В этих условиях Сталин придерживался мнения о необходимости достижения компромисса с теми, кто поддерживал Мдивани. Эту уступчивость в традиционной историографии связывают с тем, что после того, как 7 марта Сталин узнал от Каменева о намерении Ленина выступить против него в поддержку национал-уклонистов, он находился в смятении. Это не так, поскольку еще до этого, 1 марта 1923 г., Сталин, обсудив с Каменевым сложившуюся ситуацию и линию поведения Каменева на съезде КПГ (тот вместе с Куйбышевым должен был присутствовать на этом съезде в качестве представителя ЦК РКП(б)), направил Орджоникидзе телеграмму: «Никакого давления не делать Заккрайкому

на волю большинства компартии Грузии, дать этой воле, наконец, полностью проявиться, какова бы она ни была». Ставилась задача «добиться компромисса, такого компромисса, который может быть проведен без грубого давления на большинство ответственных работников в Грузии, т.е. компромисса естественного, добровольного»[1392].

Тогда же Троцкий сообщает Каменеву о получении им ленинского письма с просьбой оказать поддержку грузинским национал-уклонистам, а сам Каменев получает ленинское письмо для передачи Мдивани и др. Появление писем можно расценить как средство давления на Каменева с целью срыва намечающегося компромисса. Очевидно, эта попытка ожидаемого эффекта не дала*****.

На этом этапе, когда грузинские национал-уклонисты терпели поражение за поражением, Троцкий открыто вступил в борьбу на их стороне, и это сразу же вдохнуло в нее «вторую жизнь» и придало ей новую остроту. Троцкий, не мысливший пролетарскую революцию иначе как в мировом масштабе, был равнодушен к национальным интересам национал-уклонистов. Это обстоятельство позволяет понять как причину взрыва активности Троцкого в обсуждении национального вопроса накануне XII съезда партии, так и ее особенность — интерес исключительно к конфликту в КППГ. Причины такой внезапной и целенаправленной активности заключаются, думается, в том, что конфликт оказался очень удобным для проведения атаки против Сталина и развертывания борьбы за лидерство в партии. Он был нужен Троцкому лишь как «стартер» для развертывания новой атаки против ЦК, и в первую очередь лично против Сталина.

Очевидно, не случайно, что именно 6—7 марта и в ближайшие за ними дни происходит активизация Троцкого в вопросах национально-государственного строительства (об этом речь пойдет в следующем параграфе). Перемена была столь разительна, что ее сразу же отметили в партии[1393]. Причем произошла она не в принципиальных проблемах, где трудно было «погреть руки» и нанести удар по Сталину, — принципиальные решения уже состоялись и Сталин был защищен ими, — а в вопросах, связанных с конфликтом в грузинской компартии, где вопросы принципиальные тесно переплетались с личным конфликтом, имелись ошибки, перегибы и пр. Где имелась возможность «раскрутить» их в крупную политическую проблему, актуализировать ее, под видом исправления ошибок требовать корректировки политического курса, кадровых перестановок и т.п. Где появилась возможность, критикуя Орджоникидзе, бить по Сталину.

6 марта 1923 г. Троцкий направил в Политбюро свои поправки к тезисам Сталина по национальному вопросу, главная из которых сводилась к указанию на наличие в партии двух уклонов: великорусского и националистического, конфликт между которыми ведет к фракционной борьбе. При этом подчеркивалось, что уклон к национализму является реакцией на проявления великодержавности[1394]. Сталин ответил Троцкому (в письме всем членам Политбюро): «Ваши поправки к тезисам тов. Сталина по национальному вопросу считаю неоспоримыми и целиком совпадающими с основным тоном этих тезисов»[1395].

Оправдание национализма великодержавным шовинизмом — характерная черта тактики, использовавшейся грузинскими национал-уклонистами. Защита Троцким грузинских национал-уклонистов оказалась прямо связанной не только с осуждением тех или иных действий Орджоникидзе или Секретариата ЦК, но и с атакой на один из основных принципов, на которых базировался СССР*****. В полном согласии с Мдивани и его сторонниками Троцкий начал атаковать ЗФСР. Он считал, что Закавказская Федерация «представляет собой искажение советской федерации в смысле чрезмерного централизма», что сторонники Мдивани «не представляют собой "уклона" от партийной линии в национальном вопросе», а их выступления объяснял реакцией «против неправильной политики тов. Орджоникидзе», которого предложил отозвать из Закрайкома[1396]*****. Эти предложения и оценки сразу выявили противостояние Троцкого с Лениным, который предложил идею ЗФСР и защищал ее в октябре 1922 г. против посягательства на нее как раз со стороны Мдивани и его сторонников. Таким образом, Троцкий оказался в одних рядах с противниками федерации с сильным центром, иначе

говоря, заявил себя как противник СССР, созданного на основе предложенной Лениным схемы.

В действиях Троцкого просматривается стремление вывести вопрос о конфликте в КПГ на более высокую политическую орбиту, что вполне соответствует той установке, которую члены «комиссии Совнаркома» сформулировали в одном из первых вариантов готовившегося ими документа: «Товарищи из старого состава ЦК Грузии неправильно ставят вопрос и *ослабляют* свою позицию, когда говорят, что у них нет *принципиальных* разногласий с *группой* Заккрайкома, а есть только тактические... нам кажется... разногласия носят характер политический и должны быть выдвинуты на предстоящем съезде компартии»[1397].

Съезд КПГ, открывшийся 14 марта, прошел в острой борьбе. Сталин был уверен в победе и в телеграмме, направленной 16 марта 1923 г. Г.К. Орджоникидзе, писал: «Думаю, что дела на съезде пойдут хорошо несмотря ни на что. Не сомневаюсь, что съезд грузинский и равно двенадцатый съезд РКП поддержат политику Заккрайкома»[1398]. Соглашение было достигнуто, и Сталин приветствовал его*****. Каменев выступил на съезде против расширения внешнеэкономических прав союзных республик и поддержал Сталина против национал-уклонистов грузинских, украинских и всяких иных в главном — он подчеркнул законную и естественную преемственность между нынешней национальной политикой в связи с образованием СССР и программными установками партии дооктябрьского периода[1399]. Прошедший после I съезда КП Грузии год, несмотря на все старания национал-уклонистов, показал ослабление их влияния. На I съезде КПГ за позицию Мдивани голосовали 18 из 122 делегатов, на II — около 20 из 144 делегатов. На общекавказском съезде Мдивани получил поддержку всего 10 делегатов из 244. Дело дошло до того, что ЦК РКП (б) пришлось настаивать на том, чтобы в новый ЦК КПГ (25 чел.) были включены 8 национал-уклонистов[1400].

Сознание правоты и силы позволяло Сталину смело идти на компромиссы и занимать более гибкую позицию, чем Орджоникидзе, а также Каменев с Куйбышевым. Об этом говорят телеграммы, которые Сталин направлял в Тифлис. Вот, например, его телеграмма от 20 марта 1923 г.: «Никакого списка я не передавал. Каменев допустил неточность, я строил только одно из возможных предположений о Заккрайкоме, при этом должен сказать, что я решительно против реорганизации Заккрайкома в духе превращения его в Бюро ЦК (это означало бы свертывание демократических начал по сравнению с тем, что было достигнуто и чего, видимо, желал Орджоникидзе. — В.С.). Едва ли кто-либо решится открыто отстаивать идею лишения национальных компартий права выбора Заккрайкома. Решение этого вопроса мы, должно быть, отложим до вашего приезда. Против увеличения состава Заккрайкома не возражаю, также против пополнения его молодыми». На следующий день Сталин телеграфирует Г.К. Орджоникидзе: «Я узнал от Куйбышева и Каменева, что [ты] при организации Заккрайреспублик и ЗакСНК отобрал у нацСНК почти все комиссариаты, кроме пяти или шести бытовых комиссариатов. Я считаю эту комбинацию... неправильной и незаконной. Федерацию Закреспублик надо составить так, чтобы у нацСНК оставались кроме шести бытовых еще пять хозяйственных вместе с РКИ. Нельзя ставить национальные республики Закавказья [в] худшее положение, чем Крымскую или Якутскую. Эту ошибку надо исправить обязательно и немедленно»[1401].

Конечно, манёвры Сталина отчасти были вынужденными. Учитывались позиция и действия Троцкого*****. Так, например, в телеграмме Орджоникидзе, направленной в Тифлис 21 марта, он писал: «В связи с докладом Каменева и Куйбышева (вернувшихся в Москву со съезда КП Грузии. — В.С.) и в виду некоторых соображений предсъездовского характера возможно, что придется отозвать не только Мдивани, Кавтарадзе, но и Гегечкори (сторонник Сталина и Орджоникидзе. — В.С.), причем возможно, что Цинцадзе (которого ранее было решено отозвать из Грузии как сторонника Мдивани. — В.С.) будет введен в ЦК Грузии. Обстоятельства дела сообщу по приезде твоём в Москву. Главное обстоятельство Наркомвоен (т.е. Л.Д. Троцкий. — В.С.). Очень прошу

отнестись к таким возможностям спокойно и подготовить Гегечкори. Получение подтвердите»[1402].

26 марта 1923 г. Политбюро заслушало и обсудило доклад Каменева и Куйбышева, вернувшихся со II съезда КПП. Они предложили отозвать из Грузии Мдивани и Гегечкори ввиду того, что эти «товарищи наиболее склонны обострять отношения в партии и тем создавать атмосферу фракционной борьбы и труднопреодолимое препятствие для мира в Компартии Грузии»[1403]. В общем и целом их доклад и был выдержан вполне в духе оценок комиссии Дзержинского[1404]. Каменеву и Куйбышеву вместе с Зиновьевым Политбюро поручило «выработать проект письма к членам грузинской компартии, в котором следовало указать ошибки обеих (!!! — В.С.) сторон и настаивать на основании оценки этих ошибок на необходимости сотрудничества обеих групп»[1405].

В записке, направленной членам Политбюро, Троцкий утверждал, что многие вопросы принципиального характера, в том числе и вопросы образования СССР, решаются в обход Политбюро, через Секретариат и Оргбюро. Он, в частности, писал, что «до самого последнего времени никто не знал, в какую сторону направляется эта работа (т.е. процесс образования СССР. — В.С.): в сторону зажима меньшинства или, наоборот, в сторону повышения их государственной роли. Партийный и советский переворот в Грузии произошел совершенно за спиной ЦК и предстал перед последним как свершившийся факт»[1406]. Очевидно, что этот тезис письма Троцкого перекликается с признанием Автора записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» о том, что вопрос об образовании СССР его «почти совершенно миновал».

Троцкий преднамеренно искажал истинное положение дел. Его письмо не осталось без ответа. 29 марта все члены и кандидаты в члены Политбюро (кроме Ленина) подписали письмо — коллективный ответ Троцкому*****. В нем по пунктам была отмечена ложь, содержащаяся в утверждениях Троцкого, и, в частности, подчеркнуто, что «тов. Троцкий избирался во все решающие комиссии X съезда Советов по этому вопросу. Если он в них не работал, ответственность всецело падает на т. Троцкого». Троцкий «сам сформулировал постановление Политбюро о Грузии, в принятии которого теперь он обвиняет Политбюро». Несмотря на просьбу Бухарина, он голосовал против отсрочки обсуждения вопроса о ситуации в КПП на заседании Политбюро до возвращения из отпуска Зиновьева, который считал необходимым прислушаться к уклонистам, следовательно, в этот момент Троцкий объективно работал на принятие решения, направленного против национал-уклонистов. Кроме того, отмечалось в письме, «само решение Политбюро об отзыве лидеров "уклонистов" было принято "единогласно"», т.е. Троцкий голосовал за него[1407]. К этому добавим, что даже если Троцкий не был на том или ином заседании Политбюро или ЦК, он не мог не знать о вопросах, готовящихся к обсуждению и обсужденных, а также о принятых решениях, поскольку каждому члену Политбюро рассылались и повестка дня, и проекты решений, и протоколы и т.д. Если говорить о принципиальных вопросах, то они обсуждались на октябрьском и декабрьском (1922) Пленумах ЦК РКП(б), на республиканских съездах Советов и на I съезде Советов СССР. Все это говорит об истинном отношении Троцкого к проблемам и заботам грузинских национал-уклонистов — они ему были глубоко безразличны, а также об использовании этого конфликта только в качестве политической мины, которую оказалось возможным и удобным взорвать для поражения Сталина.

Состоявшийся 31 марта Пленум ЦК РКП(б) поддержал принятые Политбюро решения по грузинскому конфликту. Меньшинство ЦК КПП было осуждено за борьбу против федерации. Мдивани был отозван из Грузии, Гегечкори (сторонник Сталина) и Цинцадзе (сторонник Мдивани) были оставлены в Грузии.

Предложение Троцкого об отзыве с Кавказа Орджоникидзе было отклонено большинством (против двух) членов ЦК[1408]. Это означало полную поддержку ЦК партии курса в национально-государственном строительстве, который ассоциировался со Сталиным, и выводов комиссии Дзержинского.

На этом окончилась данная атака Троцкого, формально направленная в первую очередь

против Орджоникидзе, а на самом деле против Сталина. Для противников Сталина оставалось одно средство — прийти на съезд с новыми аргументами, более сильными, чем те, которые уже были использованы. А.П. Ненароков прав, утверждая, что Троцкий вел против Сталина активную атаку с использованием проблем национальной политики, что к концу марта 1923 г. он исчерпал все, что у него было под рукой, и для продолжения атаки требовалось нечто неординарное. Развивая эту мысль, Ненароков пишет, что «у Троцкого, как известно, в запасе осталась диктовка речи, которую Ленин собирался произнести на XII съезде именно по национальному вопросу, но он и ею не сумел распорядиться верным образом»[1409]. Не соглашаясь с оценкой этой «диктовки» как ленинской, надо признать, что оценка положения, в котором оказался Троцкий и грузинские национал-уклонисты, верна. Верна в том смысле, что для дальнейшего ведения борьбы им требовалось что-то гораздо более серьезное, чем собственный авторитет.

Следующую атаку Троцкий предпринял непосредственно перед XII съездом партии. На этот раз в дело были пущены записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

* Публикаторы статьи Троцкого «Завещание Ленина» (см.: Горизонт. 1990. № 6. С. 35) считают, что у Троцкого было не меньше оснований, чем у Сталина, считать себя первым претендентом на ленинское наследство. Конечно, сам Троцкий так, видимо, и считал. Он боролся за власть. Иной вопрос, какие у него были шансы. Вопрос сложный. И он решается не сравнением качеств Сталина и Троцкого, а тем фактом, что Сталин и Троцкий были лидерами двух политических течений, далеко не равных по силе. Сторонники Троцкого имели значительно менее сильные позиции. И.В. Старцев в предисловии к публикации работы Троцкого «Сталинская школа фальсификаций» писал в этой связи: «Критическая фаза борьбы, сотрясавшей партию до конца 20-х годов, пришлась на начало 1923 г.» (Вопросы истории. 1989. № 7. С. 135). Думаю, с этим надо согласиться.

** В традиционной историографии признание того факта, что инициатива развертывания борьбы за власть исходила от Троцкого и относилась именно к этому времени, встречается редко. Например, Э. Радзинский считает, что Троцкий начал борьбу за власть с 13 марта 1923 г. и связывает ее со статьей Радека (*Радзинский Э.С.* Сталин. М, 1997. С. 218).

*** Позднее, в письме членам ЦК и ЦКК 23 октября 1923 г. Троцкий так передавал смысл своей позиции, изложенной в этом письме: «До тех пор, пока во главе хозяйственной работы стоял тов. Ленин, он был сам в значительной степени своим штабом, и вопрос о роли Госплана не мог иметь того решающего значения, какое получил после заболевания т. Ленина... Длительный отход т. Ленина от руководящей работы может быть до некоторой степени возмещен только организационно-правильной постановкой руководства хозяйством. Между тем мы сделали в этом направлении шаг не вперед, а назад» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 170).

**** Эта телеграмма подтверждает те наблюдения, которые мы сделали относительно поведения Каменева в сентябре—декабре 1922 г. в предыдущих разделах работы. С одной стороны, Каменев подписывает все документы, с другой — настраивает грузинских национал-уклонистов против них. Явно — он за СССР как одно государство, тайно — за конфедерацию или за федерацию со слабым центром.

***** Переброска кадров для разрядки конфликтных ситуаций в партийных организациях была обычной практикой. Как правило, перебрасывались наиболее беспокойные, вносящие дезорганизацию и выступающие против политики партии элементы. Об этом свидетельствует, например, А.И. Микоян (см.: *Микоян А.И.* На Северном Кавказе // Новый мир. 1972. № 12. С. 195).

***** Важно отметить, что Троцкий, несмотря на свой отпуск, в этих заседаниях Политбюро участие принимал, чего обычно в подобных условиях не делал. Отпуск на шесть недель ему был предоставлен решением Политбюро (опросом по телефону) 6 января 1923 г.

на основании заключения врачей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 5).

***** Последняя фраза (о фетише) перекликается с той характеристикой политики национал-уклонистов, которую дал Сталин (о ней рассказывал Ломинадзе на пленуме КППГ 2 ноября 1922 г.), что дает основание для предположения об участии Сталина в редактировании этого документа.

***** Интересно, что информация о нем не вошла в итоговый документ «комиссии Совнаркома», готовившей для Ленина материалы по конфликту в КП Грузии. Этот факт тщательно обходится в традиционной историографии. Если этот документ действительно готовился для Ленина, то перед нами попытка обмана его секретарями, попытка формировать его мнение. Было чего опасаться: за гораздо меньшие упущения и проступки он не раз требовал применения суровых мер наказания. Если их документ готовился не для ознакомления Ленина, а для использования в интересах национал-уклонистов, то отсутствие этого материала становится понятным.

***** В это время в секретариат Ленина поступали все необходимые официальные документы, которые в своей совокупности не давали никаких оснований для принятия Лениным экстраординарных шагов в поддержку группы Мдивани против ЦК РКП(б) и против ясно выраженной воли компартии Грузии.

***** Каменев 7 марта 1923 г. писал Зиновьеву (о нерешенных источниковедческих проблемах этого письма мы будем говорить ниже): «Я приложу все силы для достижения на Кавказе мира на почве решения, которое объединило бы обе группы. Полагаю, что этого можно будет добиться» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151).

***** Мануильский на IV совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей отметил, что «со стороны тов. Троцкого интерес к национальному вопросу появился с момента XII партийного съезда, а до XII съезда мы особенно благотворного влияния тов. Троцкого в борьбе с великорусским шовинизмом не чувствовали» (Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г. Стенограф. отчет. М., 1923. С. 76). В письме членов и кандидатов в члены Политбюро от 31 декабря 1923 г. говорилось: «...как только т. Троцкому показалось, что в *национальном вопросе* создаются крупные расхождения, он поспешил и здесь использовать открывшуюся щель. Все, следившие за выступлениями т. Троцкого в это время, знают, что т. Троцкий очень и очень не прочь был "использовать" разногласия по национальному вопросу, чтобы восстановить молодые слои коммунистов-националов против основного ядра тех же большевиков-ленинцев» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 211—212).

***** Орджоникидзе был удобной фигурой для развертывания политической атаки против Сталина. Кроме того, поскольку защита грузинских национал-уклонистов была затруднена из-за активного использования ими фракционных методов борьбы, критика Орджоникидзе могла в какой-то мере оправдать их и переключить внимание партии с проблем, относящихся к сущности объединительного процесса, на вопросы методов политического обеспечения его. Возможно, поэтому Троцкий поддерживал Мдивани и его сторонников не прямо, а косвенно — обрушив критику на Орджоникидзе.

***** В телеграмме Г.К. Орджоникидзе, направленной в Тифлис 13 марта 1923 г., Сталин писал: «Состояние здоровья Ильича без изменения. Врачи надеются добиться некоторого улучшения. Решили ежедневно давать бюллетень о здоровье. *Приветствую соглашение. Сообщите условия соглашения*». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3329. Л. 1).

***** Каганович свидетельствует, что Троцкий фактически поддерживал грузинских национал-уклонистов в их борьбе против Заккрайкома (Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 282).

***** А.П. Ненароков высказывал обоснованное предположение, что автором его был Сталин (Ненароков А.П. Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 120).

§ 2. ПОЯВЛЕНИЕ ЗАПИСОК «К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ ИЛИ ОБ "АВТОНОМИЗАЦИИ"»

Проиграв открытую политическую борьбу на этапе подготовки XII съезда партии, Троцкий попытался исполнить роль душеприказчика Ленина на самом съезде. Накануне его открытия среди пребывающих делегатов начали распространяться слухи о существовании каких-то секретных записок Ленина, называющихся «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Интересную «зарисовку с натуры» оставил Валентинов: «Очевидно, не говоря о записках ни одного слова членам Политбюро, Троцкий их кому-то показал, или говорил о них. Точного содержания этих документов делегаты съезда, по-видимому, не знали. Все держалось на слухах и из них делался вывод, что больной Ленин выражал доверие к Троцкому и дал ему какие-то важные в партийном отношении поручения и полномочия. Вот эти слухи... еще более усиливали впечатления от статьи Радека»[1410], опубликованной 14 марта в газете «Правда» (в которой доказывалось, что всеми основными достижениями Советская власть и партия обязаны прежде всего Троцкому).

В то же время, 16 апреля, Л.А. Фотиева письмом информировала Сталина о существовании «статьи» (записки) «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»: «Прилагаемая статья т. Ленина была написана им 31/XII—22 г. Владимир Ильич предполагал ее опубликовать, так как на мой вопрос, заданный ему незадолго до его последнего заболевания, не считает ли он нужным опубликовать эту статью — он сказал — да, я думаю ее опубликовать, но несколько позже.

Владимира Ильича сильно волновал национальный вопрос и он готовился выступить по нему на партсъезде, а в этой статье его точка зрения по данному вопросу выражена очень ярко*.

На основании вышеизложенного я считаю своим партийным долгом довести до Вашего сведения эту статью, хотя и не имею формального распоряжения Владимира Ильича...

Просьба вернуть статью, так как посылается тот единственный экземпляр, который имеется в архиве Владимира Ильича»[1411]**.

Важно понять те политические механизмы и интересы, которыми в данном случае руководствовалась Фотиева. В историографии нет не только единого, но и сколь-либо аргументированного ответа на этот вопрос. Имеется мнение, что письмо Фотиевой от 16 апреля было инспирировано Сталиным, который знал о «статье» и, не желая, чтобы она всплыла на съезде, обнародовал ее таким образом перед съездом[1412]***. Куманев и Куликова считают этот вариант сомнительным и высказывают предположение, что за Фотиевой стояла Крупская[1413]. Ненароков считает, что Фотиева на этот шаг решилась «явно по наущению Каменева» для «выяснения намерений Троцкого». Действия Каменева он оценивает как провокацию[1414]. Так или нет, сказать трудно, но факт, что Фотиева, прежде чем направила письмо Сталину, говорила с Каменевым по телефону относительно этой статьи[1415]. Со Сталиным такого разговора не было.

То, что Фотиева в этих поступках была несамостоятельной фигурой, очевидно. Нельзя всерьез предполагать, что ответственный технический работник ленинского секретариата стал выступать от имени Ленина, не будучи ни посвященным в его планы, ни уполномоченным им на то****, тем более что, согласно традиционной версии, распорядительницей всех текстов «Завещания» Ленин назначил Крупскую. Фотиева не могла не знать об этой воле Ленина, поскольку (как уверяет Володичева) все тексты хранились в конвертах с соответствующей надписью: вскрыть может только Ленин или Крупская. Получается, что Фотиева взяла на себя по собственной воле и в нарушение «воли» Ленина обязанности быть распорядителем ленинских документов. Удивительно и то, что Крупская никак себя в этой истории не заявила. Фотиева не посчитала должным обратиться к ней даже тогда, когда разразился конфликт. Трудно принять ее объяснение о причине позднего

информирования ЦК РКП(б) о существовании этой записки, так как ссылка на болезнь неубедительна (достаточно было передать соответствующее распоряжение работникам секретариата).

Вопрос о мотивах, очевидно, останется без ответа. Ясно, пожалуй, одно: с большим основанием мы можем предположить, что этим актом Фотиева обслуживала чей-то политический интерес. Скорее всего за Фотиевой стоял Троцкий. Можно гадать, что, кем и как задумывалось, но то, что получилось, более всего похоже на попытку «надавить» на Сталина, дав ему знать, что в руках его противников имеется серьезный документ, политически компрометирующий его, и тем ограничить свободу его действий накануне съезда и на самом съезде****. Возможно, именно поэтому Фотиева первоначально не сообщила Сталину того, что статья была уже известна Троцкому и Каменеву. Возможно, именно поэтому позднее, в письме Каменеву, она определенно сказала то, чего нет в ее письме Сталину, — что Ленин не сделал «окончательного распоряжения»[1416].

Интересна реакция Сталина на эту информацию. О ней известно из надписи Фотиевой на письме Сталину, которое, оказывается, не было отправлено ему: «*Не послано*», т.к. т. Сталин сказал, что в это не вмешивается»[1417]. Странная запись и удивительная ситуация! Письмо написано, но не послано, а Сталин, не зная ни текста письма, ни текста статьи, заявляет, что он «в это не вмешивается».

Куманев и Куликова считают, что Фотиева информировала Сталина о содержании статьи по телефону[1418]. В принципе это, конечно, возможно, но нельзя пройти мимо того факта, что Фотиева говорит определенно о передаче статьи как о свершившемся факте (во втором, вечернем, письме Сталину от 16 апреля Фотиева писала: «...пересланную мною Вам статью...»)[1419]. Получается: статья Сталину направлена, а сопроводительное письмо — нет. Зачем оно? Не для «истории» ли? В историографии предпринимались попытки объяснить ответ Сталина. Ненароков усматривает в нем проявление «шоковой реакции». Сталиным руководили страх и растерянность. Аргументов — никаких[1420]. Вряд ли это что-либо объясняет, ведь записки («статья») уже были преданы гласности. Создание СССР по ленинско-сталинскому варианту и при активном участии Сталина делало критику сталинского проекта автономизации политически неактуальной. Кроме того, решения Пленумов ЦК по грузинскому вопросу вполне блокировали содержащуюся в записках критику Сталина в связи с грузинским конфликтом. Это тоже не наш домысел, это факт: именно так отнесся к нему XII съезд РКП(б).

Вопрос о реакции Сталина остается без ответа. Он, как генеральный секретарь, должен был принять ленинский документ. «Вмешиваться» ему или «не вмешиваться», но официально направленный ему документ из ленинского секретариата он должен был принять. Отказ был чреват для него определенными политическими последствиями, и он не мог не понимать этого. Но никто Сталину этот отказ в вину не ставил. Никто, кроме наших историков, не усмотрел в действиях Сталина никакого произвола и преступления перед Лениным. Пока мы можем только высказать свои предположения. Письмо Фотиевой не официальное, а приватное*****, не содержащее какой-либо определенно сформулированной просьбы или предложения. Да и сами записки («статья») не передавались в ЦК, а направлялись только для ознакомления с ними. Кроме того, «статья» была представлена как незавершенный ленинский документ, не относящийся к делопроизводству ЦК. Сталин прочитал (?) текст, вернул и заявил, что не вмешивается в решение вопроса, что с ней делать — печатать ли, нет ли, передать ли съезду, учесть ли мнение Ленина... Если бы Фотиева направила текст ленинской «статьи» в ЦК официально (без требования вернуть) и поставила определенно вопрос перед ЦК партии, Сталин не смог бы заявить, что он «не вмешивается».

Возможно, ключ к пониманию в слове «вмешиваться». Во что не хотел вмешиваться Сталин? Из его ответа не ясно. Может быть, в дело легализации и прикрытия акта распространения ленинского документа без его распоряжения? Можно предположить, что Фотиева принесла Сталину письмо и «статью» и, передавая их, устно информировала об их

содержании? Сталин, получив копию якобы написанной Лениной «статьи», но им не подписанной, мог усомниться в ленинском авторстве ее, так как не было и указания Ленина о передаче этого текста в ЦК. Поэтому он предоставил Фотиевой поступать по своему усмотрению.

«Слабое место» этой версии в том, что Сталин *получил и оставил* «статью» у себя. Значит, он *вмешался*. Если так, то помета Фотиевой по меньшей мере не точна. И здесь не уйти от вопроса — не является ли письмо Фотиевой позднейшей фабрикацией? Отмеченные выше особенности его не позволяют дать на этот вопрос отрицательный ответ.

«Тихой» передачи этой «статьи» (записок) в ЦК РКП(б) в условиях широкой огласки, которую она уже получила среди делегатов съезда, не получилось: если бы из Политбюро затребовали рукопись, возник бы большой скандал с тягостными для карьеры секретарей последствиями. Конечно, это наше предположение, но оно находит опору в дальнейших шагах Фотиевой и позволяет дать удовлетворительное объяснение происходившим событиям. Получив ответ Сталина, Фотиева сразу же (16 апреля) пишет письмо Каменеву (копию — Троцкому), в котором «запускает» другую схему, выводящую ее из-под удара. В нем она уже утверждает, что Ленин *продиктовал это письмо, следовательно, рукописи статьи нет*. Фотиева писала: «В дополнение к нашему телефонному разговору***** сообщаю Вам как председательствующему в Политбюро следующее:

Как я уже сообщала Вам, 31/XII—22 г. Владимиром Ильичом была продиктована статья по национальному вопросу.

Вопрос этот его чрезвычайно волновал, и он готовился выступить по нему на партсъезде.

Незадолго до своего последнего заболевания он сообщил мне, что статью эту опубликует, но позже. После этого он захворал, не сделав окончательного распоряжения.

Эту статью Владимир Ильич считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена т. Троцкому, которому Владимир Ильич поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в данном вопросе.

Единственный экземпляр этой статьи, имеющийся у меня, хранится по распоряжению Владимира Ильича в его секретном архиве»[1421].

Интересна реакция Каменева, который, подобно Сталину, высказал желание не вмешиваться в решение вопроса о судьбе записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»[1422]. «Сейчас получил Вашу записку. Более месяца тому назад т. Троцкий показывал мне статью Владимира Ильича по национальному вопросу, указывая — *с Ваших слов* — на полную и абсолютную секретность ее и на то, что она ни в коем случае не подлежит оглашению не только путем печати, но даже и путем устной передачи. **Было это, по-моему, уже тогда, когда Владимир Ильич был лишен возможности давать новые распоряжения** (т.е. после 10 марта 1923 г. — В.С.).

Я не могу, поэтому, не удивляться разногласию между тем, что Вами было сообщено т. Троцкому и что Вы сообщаете теперь мне *по поводу воли Владимира Ильича*.

Я никак не могу судить о ней, ибо вами, видимо, не была соблюдена при этом абсолютная точность и формальность в таком важном для всей партии деле, как передача воли Владимира Ильича (выделено нами. — В.С.).

Если вы уверены, что знаете, в чем именно заключается воля Владимира Ильича в данном случае, Вы должны немедленно обратиться со своим конкретным предложением в ЦК.

Так как в Пбюро не существует звания "председательствующего" (председатель выбирается для каждого заседания), то я удивлен, что вы обратились почему-то ко мне, вместо того, чтобы адресоваться в правильном партийном порядке, — через Секретариат ЦК.

Вашу записку и мой ответ пересылаю в Секретариат ЦК».

Каменев переслал их в Секретариат ЦК, сопроводив письмом: «Сейчас, 5 час. 35 мин., получил прилагаемую записку тов. Фотиевой. Пересылаю ее в ЦК, ибо записка ничего лично

меня касающегося не заключает. По-моему ЦК должен сейчас же решить положительно вопрос об опубликовании статьи Владимира Ильича». Датировав письмо, Каменев опять же проставил и время: «5 час. 45 мин.»[1423]. Такое необычное для документов подобного рода внимание ко времени получения письма Фотиевой и отправления своего письма, видимо, говорит о том, что Каменев придал этой истории очень серьезное значение. Отправив эти письма в Секретариат, Каменев, так же как и Сталин, как бы «умыл руки» во всей этой истории. Во всяком случае он усомнился в информации Фотиевой относительно намерений Ленина, а значит, объективно поставил под сомнение и весь рассказ Фотиевой.

Авторитета Фотиевой, чтобы надежно засвидетельствовать «волю» Ленина и обеспечить введение этой «статьи» в политический обиход, явно не хватало. В этих условиях она не последовала совету Каменева, а обратилась за советом (и помощью?) к М.И. Ульяновой. После обсуждения с ней вопроса о судьбе «статьи» Фотиева в 9 часов вечера направляет второе письмо Сталину: «Сегодня я советовалась с Марией Ильиничной по вопросу о том, не нужно ли опубликовать пересланную мною Вам статью Владимира Ильича»[1424]. Как оценить факт привлечения М.И. Ульяновой к обсуждению этого вопроса? Возможно, ее мнение могло показаться Фотиевой достаточно авторитетным, чтобы побудить членов ЦК принять положительное решение вопроса о публикации*****.

М.И. Ульянова не была свидетельницей работы брата над этим текстом и не была посвящена в его планы. Она заняла позицию более осторожную, чем Каменев. «Мария Ильинична высказалась в том смысле, — пишет Фотиева, — что так как прямого распоряжения Владимира Ильича об опубликовании этой статьи не было, то печатать ее нельзя и что она считает возможным лишь ознакомить с ней членов съезда». К этому Фотиева добавила: «Со своей стороны считаю нужным прибавить, что Владимир Ильич не считал эту статью законченной и готовой для печати»[1425].

Мы не можем восстановить все, что произошло между первым и вторым письмами Фотиевой Сталину. Поскольку позиция, занятая М.И. Ульяновой, была выгодна Сталину, то в переговорах Фотиевой и Ульяновой иногда усматривают интригу, направленную в пользу Сталина. Действительно, мнение Ульяновой «работало» на политический интерес Сталина, но главное, возможно, было в другом — в косвенном подтверждении ею ленинского авторства записок («статьи») «К вопросу о национальностях...» Так в течение 16 апреля 1923 г. *Фотиева* (при косвенном участии *Троцкого*) *легализировала* и *внедрила* в политический обиход эти записки («статью») как ленинский документ.

После того как выяснилась позиция Сталина и Каменева, началась *следующая фаза внедрения этой статьи в политический обиход*. Троцкий обращается ко всем членам ЦК со своими свидетельствами ленинского авторства и ленинской воли, а заодно и с извещением о существовании писем Ленина от 5 и 6 марта, посвященных защите грузинских национал-уклонистов*****. «Мною получена сегодня прилагаемая при сем копия письма личного секретаря т. Ленина т. Фотиевой к т. Каменеву по поводу статьи т. Ленина по национальному вопросу.

Статья т. Ленина была мною получена 5-го марта одновременно с тремя записками т. Ленина, копии которых при сем также прилагаются*****.

Я тогда снял для себя копию статьи как имеющей исключительное принципиальное значение и положил ее в основу как своих поправок к тезисам т. Сталина (принятых т. Сталиным*****), так и своей статьи в "Правде" по национальному вопросу.

Статья, как было сказано, имеет первостепенное принципиальное значение. С другой стороны, она заключает в себе резкое осуждение по адресу трех членов ЦК. Пока оставалась хоть тень надежды на то, что Владимир Ильич успел сделать относительно этой статьи какие-либо распоряжения насчет партийного съезда, для которого она, как вытекает из всех условий и в частности из записки т. Фотиевой, предназначалась, — до тех пор я не ставил вопроса о статье.

При создавшейся ныне обстановке, как *она окончательно определяется запиской т. Фотиевой*, я не вижу другого исхода, как сообщить членам Центрального Комитета

статью (курсив наш. — В.С.), которая, с моей точки зрения, имеет для партийной политики в национальном вопросе не меньшее значение, чем предшествующая статья по вопросу об отношениях пролетариата и крестьянства*****.

Если никто из членов ЦК — по соображениям внутрипартийного характера, значение которых понятно само собой, — не поднимет вопроса о доведении статьи в том или другом виде до сведения партии или партсъезда, то я со своей стороны буду рассматривать это как молчаливое решение, которое снимает с меня личную ответственность за настоящую статью в отношении партсъезда.

Приложение: письмо т. Фотиевой, три записки и статья т. Ленина»[1426].

Видимо, Троцкий был недоволен тем оборотом, которое принимало дело. Иначе трудно понять, почему он, несмотря на то что Фотиева фактически дезавуировала свое собственное утверждение относительно воли Ленина, взял на себя ответственность ознакомить партию с ленинской статьей по хранящейся у него копии. Скорее всего этим он хотел гарантировать введение этой «статьи» в политический обиход как официального документа — от имени ЦК РКП(б).

Нельзя не обратить внимания и на использованный Троцким прием — двусмысленность предупреждения. Что он имел в виду? То ли, что он, «подчиняясь молчаливому решению», доведет эту «статью» до сведения делегатов съезда, то ли то, что он не будет этого делать. Ясно, что у такого мастера пера, каким был Троцкий, подобная двусмысленность в центральной формулировке важного политического документа не могла быть случайной. Видимо, он оставляет за собой право истолковать невысказанную волю Политбюро как ему заблагорассудится. И это могло держать в напряжении ЦК и Политбюро, сохраняя за Троцким инициативу в этом вопросе, *представляя его в глазах делегатов XII съезда РКП(б) в качестве защитника политической позиции Ленина, а других членов Политбюро — противниками Ленина*. Троцкий фактически ставил ультиматум: или вы выступаете с требованием опубликовать (Каменев ему уже поддакнул), или я сделаю это сам и заклею вас как людей, стремящихся скрыть от партии мысли Ленина. Кто же возразит? И на каком основании?

Далее переписка переходит в иное русло: она ведется между Сталиным и Троцким и посвящается условиям обнародования текста. В 22 часа, имея уже на руках переписку Фотиевой и Каменева, из которой следовало, что с 5 марта эта статья уже имела определенное хождение и использовалась Троцким в политическом обиходе, а также второе письма Фотиевой, Сталин направляет заявление членам ЦК: «Очень удивлен, что статьи***** тов. Ленина, имеющие, безусловно высоко принципиальное значение и полученные Троцким еще 5-го марта сего года, тов. Троцкий нашел возможным держать под спудом более чем месяц, не доведя до сведения Политбюро или Пленума ЦК вплоть до кануна открытия XII партсъезда. Об этих статьях говорят, как мне сообщают сегодня делегаты съезда, вокруг них складываются среди делегатов слухи и легенды, о них знают, как я узнал сегодня, люди, ничего общего с ЦК не имеющие, сами члены ЦК вынуждены питаться этими слухами и легендами, между тем ясно, что ЦК должен был быть, прежде всего, информирован об их содержании». Относительно публикации Сталин занял более определенную, чем днем, позицию: эти статьи «следовало бы опубликовать в печати. Можно только пожалеть, что, как это ясно из письма тов. Фотиевой, и, оказывается, нельзя публиковать, так как они еще не просмотрены тов. Лениным». Вслед за этим по распоряжению Сталина всем членам ЦК был разослан комплекс документов, включавший в себя письмо Троцкого членам ЦК от 16 апреля 1923 г., текст записок («статьи») «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», переписку Фотиевой со Сталиным и Каменевым от 16 апреля и заявление Сталина[1427].

Так главное было сделано — никому неизвестный текст, чье ленинское авторство опиралось только на взаимно поддерживающие свидетельства Фотиевой и Троцкого, был введен в политический обиход как ленинский документ. Его рассылка от имени ЦК завершила дело — ленинское авторство теперь было подтверждено и авторитетом ЦК.

Решалась ли этим проблема доказательства ленинского авторства «статьи»? Конечно, нет.

В этом отношении интересно письмо, которое Троцкий направил 17 апреля членам ЦК. Формально оно является ответом на те упреки в его адрес, которые были высказаны Сталиным в заявлении 16 апреля. Вместе с тем оно является попыткой дать дополнительные косвенные аргументы в пользу ленинского авторства ее. «Статья т. Ленина была прислана мне в секретном и личном порядке т. Лениным через Фотиеву, причем, несмотря на выраженное мною в тот же час намерение ознакомить членов Политбюро со статьей, т. Ленин категорически высказался против этого через Фотиеву (поди проверь теперь. — В.С.)*****». Через два дня состояние здоровья Ленина ухудшилось и «сношения с ним по этому вопросу естественно прекратились», а *некоторое время* спустя «статья была у меня потребована т. Гляссер и мною возвращена». **«Я снял для себя копию для личного своего употребления** (для формулировки поправок к тезисам т. Сталина, для написания своей статьи и пр.)» (выделено нами. — В.С.). Троцкий признавал, что «ничего не знал» о том, «какие распоряжения отданы т. Лениным относительно его статьи и других документов по грузинскому делу ("готовлю речи и статьи")»*15. Обостряя ситуацию, Троцкий заявил, что «если кто-либо считает, что я действовал неправильно в этом вопросе, то я с своей стороны предлагаю расследовать это дело в конфликтной комиссии съезда либо в особой комиссии. Других путей для этого я не вижу»[1428]. Видеть или не видеть другие пути — это дело Троцкого, но кроме конфликтной комиссии съезда есть еще Политбюро и ЦК партии, в рамках которых происходил этот конфликт. Троцкий, очевидно, не желает ограничивать его этими рамками, значит, он избрал путь эскалации политической борьбы. Записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» — это политическая дубинка в его руках, расчищающая ему путь к победе на съезде партии, и он стремится ее использовать в полной мере.

18 апреля 1923 г. президиум XII съезда на втором заседании рассмотрел вопрос о «О записках тов. Ленина по национальному вопросу, в частности, "по грузинскому вопросу"» и принял решение огласить записки и все материалы на «сеньорен-конвенте»*16, после чего члены Президиума съезда должны были огласить их (вместе с решениями ЦК РКП(б) по этому вопросу) в делегациях съезда. Так же решено было на секции съезда по нацвопросу эти материалы не оглашать[1429]. Запрета на использование полученной информации другими делегатами съезда не было. Запрещалось только оглашать эти записки и решения ЦК РКП(б) на секции съезда по национальному вопросу, на которую приглашались заинтересованные лица, не являющиеся делегатами съезда. Таким образом, достигалась цель информирования съезда без проведения закрытого заседания.

Президиум съезда признал, что «записка т. Ленина по национальному вопросу стала известной ЦК только накануне съезда, совершенно независимо от воли какого-либо из членов ЦК, а лишь в связи с отданным т. Лениным распоряжением и с ходом его болезни»*17.

В связи с этим Президиум будет считать распространение каких-либо слухов о задержке оглашения этой записки со стороны кого бы то ни было из членов ЦК клеветой»[1430]. Считается, что так Президиум съезда отреагировал на жалобу Троцкого*18.

В литературе встречается попытка интерпретации этого решения как направленного против Сталина и как выражения политической поддержки Троцкого. Ход обсуждения национального вопроса на съезде и после него заставляет усомниться в этом. Сторонников Сталина на нем было много — больше, чем сторонников Троцкого. Скорее, это было компромиссное решение, которое можно оценить как призыв, обращенный к обеим сторонам прекратить этот конфликт. Решение частично удовлетворяло просьбу Троцкого: он был взят под защиту от критики Сталина. Но вряд ли его можно оценить как победу Троцкого и поражение Сталина. Судить Сталина было не за что, он мог иметь по этому вопросу свое мнение и высказать его. И, главное, поскольку, грозя Сталину партийным судом, Троцкий добивался большего — осуждения Сталина и фактического признания себя доверенным лицом Ленина, — то этим решением Президиум съезда надежно прикрыл Сталина от атаки Троцкого. Если бы это было «победой Троцкого», то можно было бы ожидать активного

использования им данной темы на XII съезде, но этого не произошло, на съезде ни Сталин, ни Троцкий к ней не возвращались.

Рассматривая всю эту историю с позиций интересов Троцкого и откровенно сочувствуя ему в его неудачной борьбе со Сталиным, А.П. Ненароков ее причину видит в ошибке Троцкого, состоявшей в том, что при рассылке диктовки Ленина членам ЦК он в своем письме назвал ее статьей. Этим он-де обрек себя на поражение. Ненароков полагает, что если бы Троцкий назвал текст заготовкой для выступления на съезде, то ее пришлось бы зачитать не на «сеньорен-конвенте», а на пленуме съезда и тогда исход политической дискуссии на съезде был бы иным[1431]. Конечно, предположить это можно, но доказать нельзя. Неясно, что изменилось бы при этом. Ведь текст ее не был секретом для делегатов съезда. Обсуждение ее по существу поднятых в ней вопросов состоялось на пленарном заседании съезда, в комиссии съезда по национальному вопросу, а также в ходе обсуждения проекта резолюции съезда[1432].

Таким образом, документы, имеющие прямое и косвенное отношение к поднятой здесь проблеме, позволяют прийти к ряду важных для нашей темы выводов. «Ленинская воля» относительно использования текстов «статьи» и писем оказывается вне какой-либо связи с ясно выраженным распоряжением Ленина. В роли прямых свидетелей принадлежности этой «статьи» Ленину выступают Фотиева, Троцкий и Володичева, дающие противоречивые, путанные показания. «Воля Ленина» оказывается тесно связанной с политическими интересами Троцкого, который фактически взял на себя роль «душеприказчика» Ленина и сумел вынудить ЦК согласиться с этим. Троцкий и Фотиева вывели «статью» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» из политического небытия и превратили ее в главную сенсацию XII съезда РКП(б). Выясняется, что реальные условия хранения текстов ленинского «Завещания» не имеют ничего общего с тем, как они вырисовываются из воспоминаний Володичевой и Фотиевой. Ни Фотиевой, ни Троцкому нет дела до этого мифического режима, очевидно, потому, что никакого режима особо секретного хранения ленинских диктовок просто не было. Они присвоили себе право говорить от имени Ленина, информировать о тех или иных ленинских документах тогда и того, когда и кого считают нужным. Режим «секретности» оборачивается специфическим методом ведения политической борьбы против Сталина в тех условиях с использованием возможностей, которые предоставляли некоторые из технических работников ленинского секретариата.

Эта история показывает нам, что антиленинские, антибольшевистские политические силы в партии стали использовать выступления своего всегдашнего оппонента и политического противника — Ленина — в интересах борьбы против той группы политических лидеров ЦК партии, которые в это время стали олицетворять собой ленинский курс партии. Она показывает, каким именно образом они стали превращать авторитет и документы Ленина в «козырную карту» в политической борьбе, фактически поставив политическое наследие Ленина на службу Троцкому.

Дискуссия на XII съезде в общем и целом подтверждает этот вывод.

* А.П. Ненароков считает: эта диктовка была не наброском статьи, «что принято в исторической литературе за аксиому», а «заготовкой» для выступления на XII съезде.

** В фонде председателя СНК РСФСР В.И. Ленина хранится незарегистрированный экземпляр этого письма. Текста упомянутой «ленинской» статьи при нем нет, хотя есть указание, что она прилагается (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 20). Вообще в доступной историкам части ленинского архива этого экземпляра «статьи» нет. Ни черновиков, ни стенографических записей, ни того экземпляра, который был якобы направлен Троцкому, а потом возвращен им. И никаких материальных следов их существования научной общественности неизвестно.

*** В литературе утвердилось мнение, что Фотиева «работала» на Сталина, была его человеком в ленинском секретариате и вела интригу в его интересах. Так, например, считает Э.С. Радзинский (*Радзинский Э.С.* Сталин. М., 1997. С. 207). Оно не может быть принято

всерьез, поскольку покоится на логических схемах и не имеет никакого документального обоснования. В качестве доказательства близости Фотиевой Сталину представляют известное письмо ее Каменеву, датированное 29 декабря 1922 г., с просьбой не доводить до сведения Ленина, что они знают содержание письма от 23 декабря 1922 г. (Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157, 158). На наш взгляд, в нем трудно увидеть следы интриги Фотиевой против Ленина в пользу Сталина. Материал «комиссии Совнаркома», готовившей материалы по конфликту в КП Грузии для Ленина, заставляет думать, что Фотиева вела интригу не в пользу Сталина, а против него.

**** В.М. Молотов говорил: «Каждый наш лидер хочет сделать Ленина похожим на себя... Даже Фотиева считает возможным выступать от имени Ленина, а кто она была? Технический секретарь» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1990. С. 336).

***** Возможно также, что эту же цель преследовал Троцкий, рассказывая Каменеву о статье и письмах Ленина.

***** Оно не прошло регистрации в ленинском секретариате и содержало требование возвратить текст статьи.

***** О времени и характере разговора ничего не известно.

***** Почему Фотиева не обратилась к Н.К. Крупской, которая, как считается, была распорядительницей последних документов Ленина? Почему не к Володичевой, которая, как считается, записывала эти диктовки? Эти вопросы пока что остаются без ответа.

***** В ленинском секретариате получение этого письма Троцкого зарегистрировано с поразительной точностью: «Получено в 8 час. 10 мин. веч. 16/IV— 23 г.» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 159).

***** Речь идет о письме Троцкому (5 марта), о письме Мдивани и др. (6 марта), а также о записке Володичевой (5 марта), в которой она зафиксировала содержание своего телефонного разговора с Троцким по поводу контактов Ленина с Троцким в этот день. Это заявление Троцкого обнаруживает ложь и какую-то интригу. Во-первых, письмо Ленина Мдивани и др., продиктованное, как считается, 6 марта, Троцкий НЕ МОГ получить 5 марта одновременно со статьей «К вопросу о национальностях...». Но Троцкий утверждает именно это! Во-вторых, запись Володичевой не является письмом, она — внутренний делопроизводственный документ ленинского секретариата, хотя и не ясно, для кого и для чего она предназначалась. Поэтому возникает вопрос, как и почему она попала к Троцкому, почему в ленинский секретариат она поступила от Троцкого в виде копии? Где, когда и кем была написана эта записка? Почему имеется только машинописная копия, но нет рукописи? Эти вопросы пока что остаются без ответа.

***** Это заявление слишком смелое. Реакцию Сталина нельзя охарактеризовать как «принятие» поправок Троцкого.

***** Публикаторы этого документа считают, что в данном случае речь идет о статье «О кооперации» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 158). Это не убедительно, так как текст записок о кооперации Крупская принесла в ЦК только в мае 1923 г. (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 598). Очевидно, речь идет о статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», в которой был поставлен вопрос о сохранении союза рабочего класса и крестьянства (см. выше). В данном случае Троцкий сам указывает на ту связь, которую с иных позиций разрабатываем мы в данной главе: возможности, осознанные Троцким в ходе обсуждения статьи об РКИ, начали переводиться на язык политических действий в связи с вопросами национально-государственного строительства.

***** Очевидно, под «статьями» Сталин имеет в виду отдельные блоки текстов, из которых состоит эта статья.

***** Выше было показано, что переговоры Ленина и Троцкого 5—6 марта ничем не подтверждаются, а рассказы о них Троцкого, Фотиевой и Володичевой полны противоречий, т.е. у нас нет заслуживающей доверия информации. Есть все основания считать, что эти переговоры — еще один исторический миф, призванный объяснить, почему

Троцкий не сообщал о «статье» в Политбюро, и заслониться от критики Сталина.

*15 О путанице, присутствующей в этом рассказе Троцкого, речь шла выше. Верить ему на слово нет оснований.

*16 «Сеньорен-конвент» — совещание представителей делегаций съезда. Впервые эта форма организации работы съезда была использована на XII съезде. В литературе встречаются утверждения, что решение о создании «сеньорен-конвента» сторонники Сталина провели ради сокрытия от делегатов съезда текстов ленинских записок «статьи» «К вопросу о национальностях...». Так, например, считает В.А. Антонов-Овсеенко (*Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 99*). Но решение о его создании было принято до возникновения этой переписки — 15 апреля. В этот день пленум ЦК заслушал вопрос об открытии XII съезда и решил (3-й пункт): «Признать желательным организацию на съезде "сеньорен-конвента" на основе представительства одного от десяти делегатов. Поручить тт. Фрунзе и Рудзутаку провести это в делегациях съезда» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 97. Л. 1).

*17 Очевидно, что сказать так никто не мог. Данное утверждение опять же покоится на заявлениях Фотиевой и Троцкого.

*18 В журнале «Известия ЦК КПСС» опубликовано письмо Троцкого Сталину от 18 апреля, в котором он напоминает ему об устном признании Сталина, сделанном накануне, что никаких претензий по поводу статьи к Троцкому у него нет, и об обещании сделать по этому поводу письменное заявление. Поскольку такого заявления не последовало, то Троцкий объявляет о намерении передать дело в конфликтную комиссию (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 161). Однако в отношении этого письма есть некоторые сомнения. Публикация произведена с экземпляра, хранящегося в фонде Троцкого. В то же время на письме имеется помета — «написано без копий». Неясно, было ли оно послано. Если письмо отослано, то почему оно хранится в бумагах Троцкого? Если Троцкий все же оставил копию, тогда он солгал в указанной выше приписке. Если он не отправил Сталину письмо, то, во-первых, оно не имело никакого политического значения, и, во-вторых, под сомнением оказывается и время его написания — 18 апреля 1923 г.

§ 3. XII СЪЕЗД ПАРТИИ: ВЫБОР В ПОЛЬЗУ СТАЛИНА

XII съезд был поставлен перед фактом жесткой критики со стороны Ленина в «статье» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» только что созданного Союза ССР, всего курса ЦК партии в области национально-государственного строительства и предложением не затягивать дела ликвидации СССР. Естественно, что все эти вопросы оказались в центре дискуссии на съезде. С докладом по национальному вопросу выступил Сталин. Доклад был выдержан в духе принципиальных решений X съезда РКП(б) и соответствовал ленинской установке о факторе Востока, сформулированной в статье «Лучше меньше, да лучше»[1433]. Доклад Сталина, наряду с докладами Зиновьева, Троцкого и речью Бухарина, XII съезд отметил «бурными, долго не смолкающими аплодисментами»[1434]. Зиновьев в прениях по национальному вопросу на XII съезде признал: «Тезисы тов. Сталина и ЦК превосходны, исчерпывающи, они продуманы до конца, закончены, и никто не может сказать, что в них есть ошибка...»[1435]. Даже Преображенский, давнишний политический оппонент Сталина, вынужден был констатировать: «Доклад тов. Сталина был чрезвычайно содержательный, — я бы сказал, что это был очень умный доклад»[1436]. Содержание доклада и ход дискуссии на съезде говорят о том, что Сталин не склонил головы перед авторитетом Ленина, что он дал бой Автору записок по всем принципиальным положениям, сформулированным в ней.

В дискуссии на пленарных заседаниях съезда обсуждались в основном принципиальные вопросы национальной политики, а также национально-государственного

строительства в Грузии и на Украине. Более частные вопросы национально-государственного строительства, но очень важные для нашей темы, были подняты в ходе дискуссии на заседании секции съезда по национальному вопросу, которое состоялось 25 апреля 1923 г. Здесь с критикой доклада выступили противники образования СССР в виде федерации с сильной центральной властью. В традиционной историографии считается, что именно они приняли на себя защиту «ленинской политики» в области национального вопроса, сформулированной в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». На деле все оказывается сложнее, так как среди критиков Сталина никакого единодушия по отношению к этим запискам не было.

Сталин прежде всего обратился к проблеме конфедерализма, сторонником которой заявил себя Автор записок, и показал, что Ленин был противником конфедерализма. С откровенной иронией назвав Раковского «старым ленинцем», Сталин заявил, что «по вопросу о конфедерации, даже в рамках международных, тов. Ленин стоял решительно против». Сталин рассказал о своей полемике с Лениным, которая произошла накануне II конгресса Коминтерна. В тезисах по национальному вопросу, которые Ленин готовил для этого конгресса, он не упомянул конфедерацию как возможную форму объединения. В письме Ленину Сталин сообщил свое мнение: нельзя отказываться от конфедерации как формы объединения социалистических республик. И вот в ответ на это «тов. Ленин прислал грозное письмо — это шовинизм, национализм, нам надо центральное мировое хозяйство, управляемое из одного органа». Обращение Сталина к этой истории, возможно, указывает на то, что ему самому ленинское авторство новоявленных записок представлялось по крайней мере удивительным, а скорее — сомнительным.

Сталин также отметил, что ряд важнейших установок записок «К вопросу о национальностях...» никак не согласуется с ленинской позицией 1920 г. и практикой международных отношений того времени. Он доказывал, что в нынешних условиях нельзя в полной мере выполнить программное положение о праве наций на самоопределение, так как это сопряжено с выводом войск из республик, что невозможно по причине внешней угрозы.

Далее Сталин вступил в прямую, принципиальную полемику с Автором записок. И, что естественно, ведет ее с ленинских позиций. Он рассматривает соподчинение национального и социального вопросов в социалистической революции: «В национальном вопросе есть свои пределы. Это важный вопрос. Но есть другой вопрос, более важный, и вопрос [этот] о власти рабочего класса». *«Мы обязаны проводить в жизнь принцип самоопределения народов, — говорил Сталин. — Безусловно, но, кроме того, есть право рабочего класса на свою власть. Есть право на укрепление своей власти. Вы должны честно и открыто сказать всем националам (национал, кажется, теперь ругательное слово), что мы иногда вынуждены идти против права самоопределения национальностей, против их интересов за сохранение рабочими своей власти. В этом не вина, а беда наша.* И те, которые здесь охотно раздают всякие обещания, должны это сказать честно, что *мы нарушаем право на самоопределение и не можем не нарушать. Ибо вопрос национальный есть подчиненный вопрос в отношении к вопросу рабочему.* Вам нужны цитаты из книг тов. Ленина? Я могу представить сколько угодно цитат. ***Национальный вопрос у тов. Ленина есть вопрос, подчиненный высшему вопросу — рабочему вопросу***» (выделено нами. — В.С.)[1437]. Сталин опять заставляет делегатов съезда выбирать между всем хорошо известной ленинской позицией и записками («статьей»), ленинское авторство которых приходится принимать на веру.

В ходе дискуссии противники автономизации тщательно маскировали свои истинные намерения (конфедерация), поскольку неизбежным следствием победы их взглядов и систематического проведения их стало бы уничтожение тех национально-государственных образований, которые сложились уже в ходе социалистической революции и могли бы стать базой для дальнейшей интеграции советских республик. Сталин подверг критике П.Г. Мдивани и М.Х. Султан-Галиева за их неискренность и требования дезинтеграции республик, а следовательно, он подверг критике и Автора записок за аналогичное

требование. Он также показал, что Ленин не принадлежал к числу сторонников дезинтеграции[1438]. Никто не опротестовал эту критику Сталина.

Отрицание Автором записок необходимости сохранения СССР в том виде, как он был создан, означало также, что ЗФСР должна постигнуть та же участь. Однако известно, что Ленин был горячим сторонником создания ЗФСР, она была нужна, в частности, для обуздания национальной вражды на Кавказе. Это была актуальная проблема, и Сталин в докладе по национальному вопросу на фактах показывал и ее остроту, и отношение Ленина к ЗФСР: «Не случайно также, тов. Ленин так торопился и так напирал на то, чтобы федерация (ЗФСР. — В.С.) была введена немедленно. Не случайно и то, что трижды наш ЦК подтверждал необходимость федерации в Закавказье... не случайно то, что обе комиссии, — и тов. Держинского, и тов. Каменева с Куйбышевым, — приехав в Москву, сказали, что без федерации обойтись нельзя»[1439]. Показав, что Ленин никогда не выступал с требованиями «раскассировать» РСФСР, Сталин фактически сделал заявление, что Ленин не мог быть автором этих записок.

По вопросу об опасностях, исходящих от местного национализма и великодержавного шовинизма, Сталин также указал на принципиальную разницу в позициях Ленина, с одной стороны, и Автора записок и национал-уклонистов (сторонники Мдивани, Султан-Галиева[1440] и др.) — с другой. Ленин как принципиальную позицию отстаивал необходимость борьбы и с национализмом, и с великодержавным шовинизмом. При этом Сталин заявил, что в этом вопросе его самого ничто не разделяло с Лениным, и в доказательство своих слов сослался на резолюцию по национальному вопросу, принятую X съездом партии и на историю ее создания: ее писал Сталин вместе с Лениным[1441].

Сталин признавал верной оценку великорусского шовинизма, данную в «записке» от 30—31 декабря 1922 г., как большой опасности и «главного врага»[1442]. Но, солидаризируясь с ней, он в отличие от национал-уклонистов и самого Автора записок, практически игнорировавших опасность национализма малых народов, не идеализировал этот национализм, который вел не к усилению интернационализма за счет ослабления великодержавного шовинизма, а к усилению буржуазного влияния*.

В отличие от национал-уклонистов и Автора записок, видевших лишь один способ борьбы с великорусским шовинизмом — ослабление федеративного центра, Сталин предложил способы обуздания великодержавного (в том числе и великорусского) шовинизма не за счет уступок национализму малых народов, а за счет: (1) создания второй палаты (палата национальностей)**; создания национальных воинских формирований, способных взять на себя хотя бы частично задачу защиты собственной территории от посягательств со стороны сопредельных государств, создание национальных кадров. Эти предложения Сталина[1443] лежали в русле принципиальных решений X съезда партии, ориентировавших на переход от формального равенства к равенству фактическому. Следовательно, вполне отвечали принципиальной позиции Ленина. А Автор записок предлагает нечто совершенно иное — *«перегнуть палку»*, т.е. от равенства формального перейти к формальному неравенству и созданию нового фактического неравенства. **Ничего интернационалистического здесь нет.** Это — проявление антирусского национализма. В заключительном слове по национальному вопросу на XII съезде Сталин заявил: *«Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций — это, значит, сказать несообразность. То, что у тов. Ленина является оборотом речи в его известной статье, Бухарин превратил в целый лозунг»* (выделено нами. — В.С.)[1444]. Ясно, что Сталин оспорил не Бухарина, а Автора записок по национальному вопросу. Сделав упор на Бухарине, он лишь постарался вывести Ленина из-под удара этой критики.

Сталин не говорит прямо, что эти записки не принадлежат Ленину. Но фактически он делает все, чтобы делегаты съезда задумались об их соответствии ленинскому

теоретическому и политическому наследию. Свое выступление на XII съезде Сталин строит так, что ни разу не связал однозначно имя Ленина как автора с этими записками. Думается, это не случайно, он не был уверен в том, что они принадлежат Ленину, а может быть, был убежден в обратном. Другое дело, доказать этого он не мог. Делегаты съезда не сомневались в том, что они принадлежат Ленину, но в то же время в ряде вопросов и оценок согласиться с ними не могли. Сталину надо было политически обезвредить записки, не только притупить их антисталинскую направленность, но и выявить противостояние их ленинским взглядам. Надо было предотвратить проникновение антиленинских взглядов в политику большевистской партии под видом ленинских теоретических новаций. Для Сталина оставался только один путь — связывать этот текст и содержащиеся в нем необычные для Ленина положения с его болезненным состоянием. «Тов. Ленин забыл, он много забывал в последнее время***. Он забыл, что вместе с ним мы принимали основы Союза (ГОЛОС: он не был на пленуме). Тов. Ленин забыл резолюцию, принятую на октябрьском пленуме о создании Союза, где говорится о слиянии пяти комиссариатов, объединении пути (наркоматов путей сообщения. — В.С.) и оставлении нетронутыми шести комиссариатов. Это тов. Ленин принял и утвердил. Затем это вынесли в ЦК, который тоже утвердил. Я готов представить любой документ»[1445]. Принятая Сталиным тактика была тем более целесообразна, что позволяла, с одной стороны, обеспечить критику основных положений записок, а с другой — вывести из «зоны критики» самого Ленина и сохранить его авторитет. Даже историю своих разногласий с Лениным в 1920 г., когда Ленин занимал значительно более жесткую позицию, отрицая целесообразность использования конфедерации, Сталин представил так, что за бортом осталась теоретическая сторона разногласий.

Иное объяснение предложил А. Енукидзе, который, в частности, рассказал делегатам съезда: «Т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации. Когда к человеку, по болезни не имеющему возможности следить за повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и таких-то товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и т.д., он, конечно, должен был написать такое резкое письмо. Но все то, что приписывается в этом письме тов. Орджоникидзе, ни малейшего отношения ни к национальному вопросу, ни к товарищам уклонистам не имело. Это ведь всем известный факт, товарищи, и зачем впутывать вопрос об инциденте т. Орджоникидзе с одним из товарищей, который не был замешан в борьбе между уклонистами и Заккрайком, в вопросы, затронутые т. Лениным?»[1446].

Если посмотреть на происходившую на XII съезде дискуссию по вопросам строительства СССР с точки зрения записок «К вопросу о национальностях...» и писем Троцкому и Мдивани от 5 и 6 марта 1923 г., то выявляется достаточно интересная картина, «странный» с точки зрения традиционной концепции «ленинского завещания». Во-первых, очень мало кто из выступавших пытался опереться на положения этих записок, хотя запрет налагался только на цитирование текста. Во-вторых, спектры политических вопросов, затронутых в них и в выступлениях критиков Сталина на съезде, мало и очень плохо совпадают между собой. Исключение составляют, пожалуй, только Бухарин и Раковский, которые активно использовали в своих выступлениях, принципиальные (и явно антиленинские) положения записок[1447].

Выступление Бухарина на съезде было в большей мере, чем другие, политически заострено против Сталина. Он оказался единственным делегатом, поддержавшим тезис об отрицательных чертах русских, которые выделяют их из среды других народов, а также о необходимости «перегнуть палку», исправляя вины царского и буржуазного правительств и т.д. Бухарин поддержал, критику подхода к объединению республик с позиций экономической целесообразности[1448].

Раковский на секции по национальному вопросу выступил с критикой тезисов (и, следовательно, доклада) Сталина, заявив, что они бьют «по тени, а не по предмету». Он использовал тот же прием, что и Автор записок: пошел на подмену проблем: вместо существующего СССР начал критику самой идеи «автономизации». Свой конфедерализм

Раковский, как и Автор записок, камуфлировал критикой опасности, исходящей от торопливости и администраторского увлечения, ведомственной бюрократической психологии****. Чтобы склонить делегатов к своей позиции, состоящей в стремлении пересмотреть решение об образовании СССР, Раковский решил «пугнуть» их, заявив: принципы, на основе которых создан СССР, будут способствовать «появлению всяких колонизаторских тенденций», а процесс образования СССР, если он не будет приостановлен и пойдет так, как он идет сейчас, «сулит нам гражданскую войну». «Я начинаю тревожиться за Советскую власть». Как и Автор записок и со ссылкой на них, Раковский признает образование СССР ошибкой, поскольку-де это ставит нас в империалистические отношения с другими нациями[1449]. Впрочем, должного эффекта на делегатов съезда это «пророчество» не произвело, поскольку даже Зиновьев, испытывавший сильнейшие колебания в этом вопросе, отметил, что Раковский выступал «несколько преувеличенно» и что «некоторые нотки в его чересчур страстной речи чуть-чуть напоминали австрийскую постановку вопроса»[1450].

В ходе обсуждения проекта резолюции Раковский внес поправку, представляющую собой фрагмент тезисов, принятых партконференцией на Украине еще *до придания гласности записок* (якобы ленинских) по национальному вопросу и перекликающихся с ними в важнейших вопросах. В них говорилось, что «лишь самое строгое согласование нашей политики по национальному вопросу внутри страны с той политикой, которую мы проводим по национальному вопросу... за рубежом, может придать Союзу Советских Республик и Коммунистической партии тот моральный авторитет и ту принципиальную искренность, которые сделают из них в полном объеме опору борьбы мирового пролетариата с империализмом»[1451]. Совпадение с аналогичным тезисом в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» очевидно. Выше было показано, что Ленин на этот счет придерживался совершенно иных взглядов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этой резолюции не делается никаких различий между национальной политикой *до* и *после* взятия власти, *в рамках буржуазного общества*, с одной стороны, и *в ходе социалистического строительства* — с другой. Политический смысл ее — в подчинении национально- государственного строительства и внутренней политики советских республик интересам международной революции, в стремлении связать по рукам и ногам центр в деле строительства СССР и обеспечить себе возможность критики любого мероприятия, направленного на укрепление его позиции. Российская социалистическая революция в качестве подставки для мировой революции — вот ее основное назначение и судьба. Это вполне соответствует взглядам Автора записок. Выше было показано, что Ленин смотрел на эту проблему иначе, о чем свидетельствует его последняя статья «Лучше меньше, да лучше»[1452].

Данное положение резолюции перекликается с позицией Раковского, изложенной в его замечаниях по проекту резолюции ЦК РКП(б) о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками (28 сентября 1922 г.) и письмом Д.З. Мануильскому от 29 сентября 1922 г.[1453] И это не удивительно, поскольку есть достаточно оснований полагать, что Раковский если и не был автором этой резолюции, то принимал участие в ее подготовке. Таким образом, ряд важнейших позиций авторов резолюции украинской конференции и конфедералиста Раковского практически неотличимы от позиции Автора записок. Чем это объяснить? Может быть, их писала одна «рука»? Или одна «голова» руководила созданием этих двух документов? Секция XII съезда РКП(б) отклонила поправку Раковского[1454]. Значит, отклонила соответствующие позиции записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

Неожиданным и поразительным (если стоять на позиции традиционной историографии) оказывается противостояние между позицией Автора записок по национальному вопросу и выступлениями лидеров грузинских национал-уклонистов Мдивани, Махарадзе и др.[1455], проходивших мимо тех аргументов, которые предоставляли им ленинские якобы письма от 5 и 6 марта 1923 г. И это в условиях открытой

борьбы с использованием всех возможных материалов и аргументов, с попытками опереться в ней на авторитет Ленина, на записки «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»! В самом деле, Автор записок и письма к Мдивани от 6 марта 1923 г. ведет бой со Сталиным в связи с внутренней борьбой внутри КПП и предлагает свою помощь в ней, готов ради победы объединить разные политические силы, а Мдивани «и др.»***** будто не ведают об этом. Они ни словом не обмолвились о получении от Ленина этого письма, никак не выказали своего отношения к нему. Они проходят мимо предложений Автора письма о союзе и поддержке, будто бы они были политически столь малозначимые, что ими можно совершенно пренебречь. Даже тогда, когда терпят сокрушительное поражение. Почему? Не нуждались? Нет, от этого ответа придется отказаться, поскольку Мдивани постоянно пытался опереться на текст записок «К вопросу о национальностях...». А может быть, потому, что были посвящены в тайну его создания и не рисковали привлекать к нему лишнее внимание?..

Если учесть, что не только Мдивани не пытался использовать письмо, направленное якобы ему Лениным 5 марта 1923 г., а также то, что ни Троцкий*****, ни Каменев, никто иной не использовал этот текст и не упоминал о его существовании[1456], то это обстоятельство может быть расценено как косвенный аргумент против ленинского авторства письма к Мдивани, Махарадзе и др. Оснований принимать его как ленинский документ станет еще меньше.

В отличие от Раковского и Бухарина, Мдивани, пытаясь опереться на текст записок «К вопросу о национальностях...», фактически возражал их Автору, т.е. якобы Ленину.

Мдивани и Махарадзе продолжали свои атаки на объединительную политику с тех же позиций, с которых они вели ее в октябре 1922 г. и за которую получили от В.И. Ленина жесткую и резкую отповедь. Поэтому неудивительно, что они ограничиваются лишь общими указаниями на поставленную в ней задачу борьбы с великодержавным шовинизмом, причем грубо искажая (Махарадзе) существо дела, заявляя, что именно здесь Ленин впервые поставил эту задачу[1457].

Это подметил Енукидзе: «Теперь о письме тов. Ленина (из контекста видно, что речь идет о записках от 30—31 декабря 1922 г.***** — В.С.). Тут тов. Мдивани в своей речи ежесекундно склонял имя тов. Ильича, и он хотел создать впечатление, что тов. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику. (Бухарин: "Конечно, с этой целью".) Не с этой целью, т. Бухарин... Общая политика, которую проводил там т. Орджоникидзе, намечалась здесь»[1458].

Мдивани по многим вопросам выступает с предложениями, идущими вразрез с предложениями автора «диктовок» и «писем».

Сталин указал на принципиальную противоположность отношения Ленина и Мдивани к способу вхождения Грузии в СССР (через ЗФСР или напрямую, что означало бы ее ликвидацию). **Мдивани, по свидетельству Сталина, требовал начать «немедленный переход к системе разложения РСФСР на составные части, превращение составных частей в независимые республики» [1459].**

Критику Сталина поддержал Микоян, охарактеризовавший предложение Мдивани разрушить РСФСР с образованием новой русской республики как «реакционную» попытку «распыления РСФСР», ведущую к разрушению того национального единства, которое уже существовало, бесконечным конфликтам между отдельными народами[1460], что неизбежно должно произойти в условиях НЭПа, при господстве рынка и в условиях дележа собственности и в итоге к подрыву Советской власти. Ш.З. Элиава подверг критике попытку Мдивани аргументировать против создания ЗФСР в пользу создания вместо нее (республики) федерального совета закавказских республик. Фрунзе упрекал Мдивани за шаблонно-бюрократический, административный подход, «о недопустимости которого говорил тов. Ленин», а также за то, что он выступает против требований Ленина, изложенных в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»[1461]. С такой же критикой выступил Р.А. Ахундов, отметивший в связи с этим, что Мдивани и его

сторонники на самом деле представляют национальный уклон от политики, которую проводит РКП(б)[1462].

ХII съезд партии позитивно реагировал на выступление Орджоникидзе, которое состоялось после выступлений Мдивани и Махарадзе, на что указывают зафиксированные стенограммой аплодисменты[1463].

В ряде выступлений (Енукидзе, Ибрагимов) присутствовала мысль о том, что острота национального вопроса на съезде во многом вызвана искусственно силами, преследующими свои политические цели, не имеющие ничего общего с интересами народов, от имени которых они пытаются выступать, что так остро, как утверждали национал-уклонисты, вопрос ни в Грузии, ни на Украине не стоит. А. Енукидзе опроверг как фактически неверные многие утверждения Раковского, Петровского, Мдивани, Махарадзе[1464], двуличие, двурушничество и беспринципность которых (и их сторонников) на съезде отмечали многие[1465].

На съезде никто не собирался следовать совету Автора записок и делать Сталина «политически ответственным» за события в Грузии. Вина Мдивани и Ко, была, кажется, ясна всем. В вопросе наиболее принципиальном, по которому оппоненты Сталина чаще всего пытались опереться на авторитет Ленина, — о трактовке национализма и шовинизма — все делегаты съезда продемонстрировали серьезные отличия своего понимания этих проблем от Автора записок. Даже Троцкий, заявив, что выполняет ленинскую просьбу о защите его взглядов, изложенных в «диктовках» и в «письме», практически не стал защищать ни одной позиции (ни перед съездом, ни на нем). Более того, в его выступлениях ничто не напоминало об остроте предсъездовской дискуссии по этим вопросам. Если не знать об этом, то можно было бы сказать, что он демонстрировал солидарность со Сталиным во всех важных вопросах национальной политики. Ясно, что это был тактический прием. В чем причина его? Может быть, в том, что он увидел, что абсолютное большинство съезда, признавая авторитет Ленина, склоняется к аргументации Сталина? В этой ситуации навязывать открытый бой Сталину по этим вопросам было для него неразумно.

Несмотря на то, что записки были освящены авторитетом Ленина, многие делегаты съезда вступили в полемику с ним, направляя при этом свою критику по адресу Мдивани, отмечая непоследовательность и беспринципность его (и его сторонников) позиции[1466]*****. Большинство делегатов ХII съезда не приняло предложение Автора записок о выпячивании великорусского шовинизма и затушевывании опасности национализма и местного шовинизма, о постановке русских в неравноправное положение по отношению к другим народам. Даже Бухарин вынужден был признать это, отмечая реакцию зала на ту часть выступления Зиновьева, когда он говорил против местного шовинизма, — «гром аплодисментов отовсюду послышался. Какая замечательная солидарность!» Совсем иная картина, когда говорят о великорусском шовинизме[1467].

Противники образования СССР в руководстве компартий Украины и Грузии получили поддержку со стороны представителя Татарии и некоторых других автономных республик, стремившихся с помощью критики «автономизации» аргументировать свои требования ликвидации РСФСР, предоставления автономным республикам прав союзных и установления новых отношений на основе конфедерации. *Султан-Галиев, поддерживая предложения Мдивани, требовал образовать «немедленно русскую республику и т.д.»*, что означало бы ликвидацию Российской Федерации. Опорой для этих требований Султан-Галиев пытался найти в сложной структуре СССР, создававшегося по схеме Ленина (в сталинской схеме этой сложности не было), и в непоследовательности проведения принципа федерализма в разных частях Союза. Единственной гарантией равноправия народов, населяющих РСФСР, он видел в уничтожении Российской Федерации и предоставления им возможности создать союзные республики в рамках СССР[1468]. Эти мысли и предложения вполне перекликались с тем, что предлагал Мдивани и Автор записок по национальному вопросу. Очевидно также, что они противостоят тем взглядам, которых придерживался Ленин.

Возникал фронт политических сил, находящихся как внутри, так и вне РСФСР, стремящихся (по разным причинам) к ее ликвидации. Мдивани видел в этом залог ликвидации ненавистной ему ЗФСР, а Султан-Галиев — способ обретения татарами равного с другими народами права на создание национального государства. Фактически они предложили пойти тем же путем, который предлагал Автор записок, но откровенно проговорили то, что у него присутствовало как вывод неизбежный при доведении его предложений до логического конца: если автономизация в корне не верна, то надо «раскассировать» и РСФСР.

Позиция кого из них была ближе к той, которую занимал Автор записок по национальному вопросу?

Автор записок хотя и критиковал «автономизацию» как принцип национально-государственного строительства советских республик, но не доходил до предложений о ликвидации РСФСР, значит, не был заинтересован в этом. Следовательно, он не выражал интересы противников «автономизации» из автономных республик РСФСР (Султан-Галиев и др.). Вместе с тем он не требует ликвидации автономий в Грузии и Азербайджане (Абхазия, Аджария, Южная Осетия, Нахичевань). Значит, он не заинтересован и в этом. Позиция Автора в этом вопросе соответствовала той, которую занимал Мдивани и его сторонники в Грузии и Азербайджане, выступавшие за сохранение в составе Грузии и Азербайджана автономных республик. Однако он не требует ликвидации ЗФСР, поэтому его взгляды невозможно отождествить со взглядами грузинских национал-уклонистов. Очевидны как совпадения, так и серьезные различия во взглядах их и Автора записок. Причем различия касаются политически более актуальных для национал-уклонистов вопросов (от «автономизации» уже отказались, а ЗФСР решено сохранить). Возможно, этим объясняется тот отмеченный выше факт, что на XII съезде партии Мдивани и его сторонники высказывали взгляды по принципиальным вопросам национально-государственного строительства, весьма далекие от взглядов Автора записок[1469].

Этих противоречий лишены взгляды Автора записок и Раковского. Украина не имела автономных образований, поэтому для Раковского (и его сторонников) проблема борьбы с «автономизацией» как принципом построения федерации после октябрьского (1922) Пленума ЦК РКП(б), принявшего курс на создание Союза ССР как союза равноправных республик, была уже неактуальным внутривнутриполитическим вопросом. Актуальными стали вопросы распределения власти между федеральным центром и республиками. Однако для противников образования СССР как одного государства проблема «автономизации» оставалась актуальной потому, что позволяла создать общий фронт борьбы против сторонников федерации с сильным центром и сконцентрировать удар на главной политической фигуре, выступавшей за ее создание, — Сталине. Сталин был той политической силой, которая мешала многим и поэтому могла служить фактором сплочения сторонников самых различных взглядов.

Расчеты действительных авторов записок «К вопросу о национальностях...» и писем от 5 и 6 марта 1923 г., «вбросивших» их в политическую жизнь накануне съезда партии, не оправдались. Можно сказать, что текст записок (и тем более писем) не оказал существенного влияния ни на позицию делегатов съезда, ни на ход и результаты дискуссии, ни на их отношение к Сталину. Не оказал он и заметного влияния на политику РКП(б) в области национально-государственного строительства, которую в глазах делегатов съезда олицетворял Сталин. Его авторитет в этих вопросах оказался выше авторитета Ленина. Делегаты XII съезда РКП(б) почитали «статью» «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», послушали Сталина и поддержали его. Он убедил съезд в своей правоте. Съезд единогласно принял тезисы ЦК РКП(б), разработанные Сталиным[1470], а также резолюции «Проект Организации Союза Советских Социалистических Советских Республик», написанный им же[1471]. Сталин нашел выход из этой щекотливой ситуации. Не уронив авторитета Ленина, он, безусловно, укрепил свой авторитет и свое влияние. Во многом это обстоятельство позволило ему в последующие месяцы довести до конца дело

конституирования СССР как одного государства.

XII съезд РКП (б) стал первым триумфом Сталина. И, как ни парадоксально это звучит, сам Троцкий, поставив ЦК партии и съезд РКП(б) перед выбором между авторитетом Ленина и авторитетом Сталина, многое сделал для того, чтобы этот триумф состоялся. Съезд партии прошел мимо критики Сталина, содержавшейся в записках «К вопросу о национальностях...», и поддержал ту политику, наиболее активным проводником которой был в глазах партии именно Сталин.

Выборы нового состава ЦК РКП(б) и его органов зафиксировали эту победу. На своем первом заседании ЦК, избранный XII съездом партии (26 апреля 1923 г.), обсудив вопрос «О конституировании органов ЦК», утвердил Секретариат ЦК в составе Сталина (генеральный секретарь), Молотова и Рудзутака. Сталин также вошел в Оргбюро (вместе с Молотовым, Рудзутаком, Дзержинским, Рыковым, Андреевым и Томским), а также в состав Политбюро: Ленин, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский (кандидаты Бухарин, Рудзук, Калинин и Молотов)[1472].

* С критикой тезиса о великорусском шовинизме на Кавказе как факторе, порождающем местный национализм, выступил делегат от КП Армении Лукашин, указав на значительное преобладание местных кадров в органах власти и управления над русскими, а также на то, что местный национализм имеет не антирусскую направленность, что он порожден проблемами, имеющимися в отношениях между народами Кавказа, а также между ними и Турцией: «Весь закавказский спор, весь спор о великорусском шовинизме минимум на три четверти есть спор, если хотите, безрезультатный. Центр вопроса в национальных местных отношениях... В Армении как проявляется национализм? Он в ненависти к Турции... В чем заключается грузинский национализм? В обороне того привилегированного положения, которое занимает Грузия». Причину возникновения трений и вражды на национальной почве между народами Закавказья он связывал с борьбой национальной буржуазии за рынки сырья и сбыта в регионе, а его сохранение — с усилением позиций новой нэповской буржуазии и мелкой буржуазии (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. 17—25 апреля 1923 г. С. 549—550).

** Интересно, что Ленин против предложения Сталина о создании второй палаты не возражал, а национал-уклонисты и их сторонники в ЦК РКП(б) — возражали.

*** В литературе имеется попытка представить это как навет на Ленина с целью политического самосохранения Сталина. Но это не так, заявление Сталина соответствовало действительности. Например, профессор В. Крамер отмечал, что во время декабрьского обострения болезни (16—17 и 22—23 декабря) «появились заметные симптомы ослабления памяти» (Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 2. С. 337—338).

**** Сталин, уделивший много внимания выявлению действительной позиции Раковского как сторонника создания СССР на принципах конфедерации, не считал ее вообще неприемлемой, однако полагал, что в данном случае конфедерация как способ объединения советских республик нецелесообразна (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 171).

***** Мдивани летом 1923 г. продолжал борьбу в ходе выработки проекта Конституции СССР со своих прежних позиций. Об этом писал Г.К. Орджоникидзе Сталину 10 июня 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 63).

***** Троцкий говорил только о письме Ленина к нему от 5 марта (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 166, 168).

***** А. Енукидзе говорил по поводу этого документа: «Большая часть известного вам письма т. Ленина посвящена общим вопросам нашей национальной политики, и против этих общих мыслей ни тов. Сталин, ни тов. Орджоникидзе, конечно, не возражают» (Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. 17—25 апреля 1923 г. С. 541).

***** На IV совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных

республик и областей М.Х. Ибрагимов (Татарская АССР) фактически вступил в дискуссию с Лениным по вопросу о перегибах. Он предлагал вести одновременно борьбу и с великодержавным шовинизмом, и с местным национализмом, «но ни налево, ни направо не пересаливая» (Четвертое совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г. Стенограф. отчет. С. 24).

§ 4. «ХАРАКТЕРИСТИКИ» КАК СРЕДСТВО ДИСКРЕДИТАЦИИ ПРОТИВНИКОВ ТРОЦКОГО

Вбрасыванием в политическую жизнь перед XII съездом партии документа неизвестного происхождения под видом ленинских записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» началась серия столь же любопытных предъявлений других текстов «Завещания» Ленина, в которых якобы выражена его подлинная воля относительно изменений в руководстве РКП(б). Первой среди них появилась запись диктовок «характеристик», датированных 24—25 декабря 1922 г., которые известны как основная часть «Письма к съезду».

В историографии упрочилось мнение, что Ленин продиктовал «Письмо к съезду» и дал распоряжение хранить его в секретном порядке в запечатанном конверте, который может вскрыть только он сам или Крупская после его смерти. Крупская-де поступила в точном соответствии с волей Ленина и передала это «Письмо» накануне XIII съезда партии, 18 мая 1924 г., в ЦК РКП(б). В свидетели призывается документ, который был опубликован в 45-м томе Полного собрания сочинений В.И. Ленина под названием «Протокол о передаче». В нем говорится: «Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января — 13 отдельных записей... Среди неопубликованных записей имеются записи от 24—25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 г., которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда. Н. Крупская»[1473]. Как видно, Крупская говорит о передаче диктовок 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. *в прошедшем времени* («мною переданы»). Это противоречит представлениям, укоренившимся в традиционной историографии, и соответствует действительности.

Этот документ заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, поскольку он показывает, как «творилась» антисталинская «лениниана». «Протокол о передаче»... Что это за вид документа? Надо сказать, что делопроизводство в ЦК в это время стояло уже на достаточно высоком уровне, и это делает сомнительным сам факт появления такого невиданного документа. Передача документов фиксировалась актами. Ни в качестве акта, ни в качестве протокола этот документ не может быть принят, поскольку в нем отсутствуют необходимые для этих документов атрибуты*. Судя по тексту, перед нами сопроводительное письмо или пояснительная записка. Рыков, полемизируя с Крупской на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), называл его «письмом» и сообщил, что оно было написано рукой Крупской и ею же подписано[1474]. Так или иначе, но содержание этого документа свидетельствует против той версии, которую он по воле издателей Полного собрания сочинений В.И. Ленина должен был поддержать. Сомнения в этой версии получили некоторое распространение в современной историографии в виде предположений о том, что Фотиева, интриговавшая против Ленина в пользу Сталина, информировала его о существовании «Письма к съезду» вскоре после того, как оно было продиктовано[1475]. Однако эта версия не имеет даже подобия серьезной аргументации.

Пролить свет на вопрос о времени и обстоятельствах передачи «Письма к съезду» позволяет хранящийся в архиве Троцкого очень интересный документ, который еще не стал предметом внимательного источниковедческого анализа, — «Сводка замечаний членов Политбюро и Президиума ЦКК к предложению тов. Зиновьева о публикации "Завещания

Ленина»[1476]**. Интересно, что Троцкий в своих многочисленных исторических опусах умалчивает о нем. Почему? Ответ, думается, состоит в том, что содержащаяся в нем информация дезавуирует столь нужную ему легенду о ленинском «Письме съезду», о его полном драматизме обсуждения на заседании ЦК РКП(б) накануне XIII съезда партии, о спасении Сталина Зиновьевым и Каменевым и т.д.

Поскольку текст этой «Сводки» чрезвычайно важен для изучения интересующего нас вопроса, приведем мнения участников обсуждения полностью:

«1. Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому.

2. Есть ли какая-нибудь разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи и других (о кооперации, о Суханове). *Троцкий*.

Печатать нельзя: *это несказанная речь на П/Бюро*. Не больше. *Личная характеристика — основа и содержание статьи* (выделено нами. — В.С.). *Каменев*.

3. *Н.К.* (Надежда Константиновна Крупская. — В.С.) *тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК*. О публикации я не спрашивал. Ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже — несколько дней тому назад (выделено нами. — В.С.). *Зиновьев*.

4. Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на напечатание от Ильича не имеется. *Сталин*.

5. А предложение тов. Зиновьева — только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет. *Томский*.

6. Эта *заметка В.И.* (Владимира Ильича Ленина. — В.С.) имела в виду не широкую публику, а ЦЕКА и потому *так много места уделено характеристике лиц* (выделено нами. — В.С.). Ничего подобного в статье о кооперации нет. Печатать не следует. *А. Сольц*.

Тт. Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев — за предложение тов. Зиновьева. *Словатинская*».

Документ («Сводка») даты не имеет, но возможна его датировка по содержанию. В записи Зиновьева имеется указание на то, что после передачи ему обсуждаемого документа он получил от Крупской ленинские записки о Госплане. 2 июня 1923 г. Зиновьев направил Сталину письмо для членов Политбюро, в котором сообщал, что Крупская передала ему «записки В[ладимира] И[льича] по вопросу о Госплане», и предположил ввиду большой важности их «познакомить с ними всех членов и кандидатов ЦК РКП, а также членов Президиума ЦКК»[1477]. Можно предположить, что записки о Госплане Крупская принесла в последних числах мая или 1—2 июня 1923 г., а обсуждавшийся текст — несколько ранее, видимо, также в последних числах мая. Обмен мнениями состоялся 2 июня 1923 г. или вскоре после этой даты.

Ю.А. Буранов и В.П. Наумов высказывали мнение, что речь идет о ленинских записках о Госплане, продиктованных им 27—29 декабря 1922 г.[1478] Согласиться с ними нельзя. Как мы видим, записки о Госплане были присланы Крупской вслед за этим текстом. Из записей Каменева и Сольца известно, что «основа и содержание» этого текста составляют характеристики. Сказать так о записках о Госплане нельзя, так как в них — в лучшем случае намеки на характеристики или «материалы» к характеристикам Троцкого, Кржижановского и Пятакова. Кроме того, текст о Госплане не содержал ничего, что могло бы вызвать такую разногласию относительно его характера и предназначения (статья или наброски к речи, нужно публиковать или нет). Исключаются также записки «К вопросу о национальностях...», а также письма Ленина Сталину от 23 декабря («К съезду»), Троцкому и Мдивани (5 и 6 марта 1923 г.), поскольку они были уже известны. Не может идти речь и о диктовках 26, 29 декабря 1922 г., посвященных проблемам реорганизации ЦК и РКП, в которых ни слова нет о характеристиках кого бы то ни было, и, кроме того, сформулированные в них положения были разработаны в опубликованных статьях. Немаловажно указание и на неясность записей для широкой публики. Обо всех названных выше диктовках этого сказать никак нельзя.

Что же остается? Остаются «характеристики» (диктовки 24—25 декабря 1922 г.) и «добавление» к ним (диктовка 4 января 1923 г.), т.е. «Письмо к съезду», «основу и содержание» которого составляют именно личные характеристики. Его текст вполне мог вызвать такую реакцию членов Политбюро и ЦКК, поскольку он полон намеков, неопределенностей, неясных мест. Недаром многие десятилетия идет дискуссия о том, как трактовать то или иное положение его, о том, что именно и почему Ленин хотел сказать и почему облек свою мысль в такую форму. Уже этот первый обмен мнениями показал, что ни характер, ни предназначение принесенного Крупской документа для участников обсуждения не были ясны (Троцкий считал, что это «статья», Каменев — произнесенная речь в Политбюро, Солыц — заметки). И неудивительно, так как этот текст названия не имел. Об этом свидетельствует надпись Троцкого на хранящемся в его архиве экземпляре «Письма к съезду»: «В оригинале рукопись*** не носит никакого заглавия. — Л.Т.»[1479]. Следовательно, при первом предъявлении этого текста в ЦК он никем, в том числе и Крупской, не рассматривался в качестве «письма к съезду».

Интересный документ в пользу этого вывода приводит Ю.А. Буранов, не делая, однако, из него надлежащего вывода. Речь идет о сопроводительной записке к материалам, которые 7 июня 1923 г. из ЦКК по распоряжению Куйбышева были направлены Каменеву: «Посылается обещанный т. Куйбышевым материал для архива партии»****. Этот материал представлял собой несколько машинописных копий ленинских записей периода 23—29 декабря 1922 г. Имеется также лист-оглавление, в котором содержится краткая характеристика этих документов. Первый документ — «Два предложения партсъезду: 1. — Об увеличении числа членов ЦК до 50—100 чел. (как мера придания устойчивости ЦК). (Речь, очевидно, идет о письме Ленина Сталину от 23 декабря 1922 г. — В.С.). 2. — О придании законодательного характера решениям Госплана. (Вопрос уже возбуждался Троцким)». Следующий документ — «Письмо второе. 24/XII—1922 г. Развитие первого предложения: об увеличении числа членов ЦК (характеристики)»[1480]*****. Следовательно, Крупской в этот раз в ЦК партии *не было передано* «добавление» к «характеристикам» — диктовка 4 января 1923 г. Она была введена в политический обиход несколько позднее. Отсюда следует, что в документе из архива Троцкого речь идет о диктовках 24—25 декабря 1922 г.

Если всерьез принимать бытующую в традиционной историографии версию о предназначении Лениным «характеристик» съезду партии, который должен был произойти после его смерти, то придется признать, что Крупская нарушила волю Ленина. Но, как было показано выше, никакой «воли» на сей счет Ленин не высказывал, поскольку не имел к этим «характеристикам» никакого отношения как автор. Следовательно, действия Крупской надо объяснять ее интересами и намерениями, которые не могут быть поняты в отрыве от той политической борьбы, которая происходила в то время. А борьба эта определялась в первую очередь итогами XII съезда партии.

Коль скоро Крупская, передавая «характеристики» в ЦК РКП(б), никоим образом не выявила распоряжений Ленина относительно их, то встает вопрос: чем она руководствовалась, передавая в разное время разные фрагменты «Завещания» Ленина? Ведь все тексты были у нее на руках. После 10 марта только она решала, что, когда и как вводить в оборот из ленинского наследия. Почему Крупская пошла на такой шаг именно в конце мая 1923 г.? Чем руководствовалась она, передавая после XII съезда партии отдельные тексты именно в таком порядке («статья» «О кооперации» — опубликована 26 и 27 мая 1923 г.; «статья» «О нашей революции» — опубликована 30 мая 1923 г. После передачи «характеристик» наступила очередь записок о Госплане и, наконец, «добавления» к «характеристикам»). Не исключено, что это произошло случайно либо в силу стечения каких-то обстоятельств. Но вопрос все-таки остается: если она не считала возможным по политическим соображениям откладывать этот шаг до съезда партии после смерти Ленина, то почему не передала недавно закончившемуся XII съезду? Мешало распоряжение Ленина? Так, например, считают В.А. Куманев и И.С. Куликова: «Письмо к съезду» не было

оглашено на XII съезде партии, «ибо Крупская, его хранительница, согласно воле Ленина могла вскрыть конверт с "Письмом" и передать его в ЦК и делегатам только после смерти Ленина»[1481]. Допустим. Но почему Крупская придала их гласности через месяц-другой после XII съезда, когда Владимир Ильич был еще жив? Если можно было сделать это в мае—июне 1923 г., то почему нельзя было этого сделать чуть раньше, на XII съезде партии, когда имелась подходящая для этого ситуация? Когда съезд проходил мимо советов, содержащихся в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"»? Почему не сказала о них, когда на съезде в выступлении В. Косиора прозвучали оценки и предложения, аналогичные тем, что содержались в «Письме к съезду»? [1482] Когда В. Косиору многие возражали, самое время было сказать: «Критики товарища Косиора не правы. Верно он говорит. Свидетельствую, что Ленин думал так же. В одном из фрагментов так называемого "дневника", над которым Ленину разрешили работать врачи и ЦК, содержатся мысли и оценки, вполне созвучные сказанному Косиором». Если Крупская руководствовалась интересами партии, то надо ответить, какими именно. И что изменилось через месяц? И почему, передавая «характеристики», она не передала в это время «добавление» к ним («диктовку» 4 января 1923 г.), содержащее требование убрать Сталина с должности генерального секретаря? Почему Крупская решила, что месяц спустя после окончания съезда — время, более подходящее для передачи «характеристик», чем съезд партии? Почему тексты были переданы не в Секретариат ЦК или не в Политбюро, а именно Зиновьеву? Конечно, можно сказать — ее дело, когда и кому захотела, тогда и тому передала. Будь это документ иного рода, этим ответом, пожалуй, можно было бы удовлетвориться, но речь идет о ленинском документе чрезвычайной политической важности. И Крупская это понимала.

Выше было показано, что в это время только нарабатывались и на XII съезде только проговаривались те оценки и предложения, которые стали центральными в «Письме к съезду» и не находят аналогов в ленинских работах. На съезде и сразу после него только формировалась и осмысливалась та политическая ситуация, которая позволила «отлить» эти оценки и предложения в форму ленинского совета. Не предъявила Крупская на XII съезде партии «Письмо к съезду», видимо, потому, что в это время у нее на руках его еще не было*****. Если данного текста еще не было в конце апреля, а в конце мая он уже был предъявлен в ЦК партии, то появляется основание считать, что текст «характеристик» был создан именно в этот промежуток времени. Когда, кем и как он готовился, пока что можно только догадываться. Возможно, что с передачей его не спешили, желая предпослать ему серию ленинских документов — «О кооперации», «О нашей революции», публикация которых *создавала определенную традицию: последние ленинские работы должны стать достоянием всей партии*. К тому же их появление *приглушало проблему установления ленинского авторства*. В этом случае и отсутствие указания со стороны Крупской относительно «воли» Ленина получает естественное объяснение: решение об их публикации принимало Политбюро. *Вот в этот поток ленинских текстов как раз и был «подсунут» текст «характеристик», очевидно, в надежде на его публикацию.* Наличие такого намерения позднее признавала сама Крупская. На июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) она заявила: «То, что называется "завещанием" Владимира Ильича, Ильич хотел, чтобы было доведено до сведения партии. *В какой форме доведено, я с ним не говорила*, потому, что он был тяжело болен, но *он дал мне указание* сделать все необходимое для того, чтобы *обеспечить доведение до партии* этого документа*****. Так как первая статья была озаглавлена "Съезду партии"*****, то я сочла необходимым обратиться к Центральному Комитету, чтобы Центральный Комитет нашел форму *доведения до сведения партии тех статей*, которые носят название "завещания"»[1483]. На стремление опубликовать «характеристики» указывает и характер обсуждения его — текст рассматривается с точки зрения решения вопроса о его публикации.

Итак, ни воля Ленина, ни интерес партии в акте передачи «характеристик» не просматривается. Зато интерес Троцкого очевиден. Предпринятая Троцким перед XII

съездом атака на Сталина окончилась для него неудачей. Съезд не поддержал критики Сталина, содержащейся в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» и предложения сделать его ответственным за рукоприкладство Орджоникидзе. В этих условиях Троцкий отказался от обострения борьбы на съезде. Но это было кажущееся «замирение». Еще Н. Валентинов обратил внимание на то, что XII съезд «закрылся при двух заявлениях, маскировавших уже начавшуюся борьбу за власть»[1484]. Сохраняющееся напряжение проявилось в заявлениях о необходимости сохранения единства руководства, сделанных Сталиным и Троцким. В них отразились различные взгляды на проблему единства партии и ее обеспечения.

Троцкий солидаризировался с принятой съездом резолюцией по отчету ЦК и заявил, что «руководство нашей партии государством в целом и хозяйством не только останется незыблемым, но оно должно быть упрочено, укреплено и поднято на высокую ступень... всякого, кто попытался бы против руководства партии государством и хозяйством направить свою энергию, мы, все вместе, поставим по ту сторону баррикады... я это говорю, товарищи, с тем большей энергией, что некоторые товарищи считают, будто и у меня есть ошибки по этой линии, — я заявляю, что в отношении резолюции, которая говорит о необходимости укрепления и упрочения руководства партии во всех областях, я буду не последним в вашей среде в деле ее защиты, проведения и беспощадной борьбы со всяким, кто на нее покусится»[1485]. Валентинов верно отмечает двусмысленность этих слов: он за единство руководства, но не значит, что он за данное руководство. Троцкий, заявляя вроде бы о лояльности и желании совместной работы, оставляет себе развязанными руки для ее продолжения, для следующего тура борьбы, который и не замедлил начаться менее чем через полгода по его собственной инициативе[1486]. Но это уже иная история. Для нас важно отметить, что Троцкий не обещает быть лояльным новому ЦК. Сталин сказал, что воля партии к единству обеспечит еще большую прочность, чем это было, и сформулировал свою программу — добиться единства *на основе ленинизма*. А это в его понимании означало ликвидацию троцкизма как главного препятствия такого единства. Следовательно, Сталин говорил, что впереди предстоит борьба с Троцким. Таким образом, XII съезд РКП(б) стал преддверием новой вспышки политической борьбы.

В историографии господствует мнение, что Троцкий был главным героем XII съезда партии. Это не так. Главным героем съезда оказался Сталин. На это указал еще Д.А. Волкогонов, отметивший, что «авторитет Сталина в определенной мере укрепился после XII съезда партии... Пожалуй, он больше всех был на виду у делегатов съезда»[1487]. Волкогонов прав, но, думается, данная им оценка должна быть уточнена. Этот съезд стал первым триумфом Сталина. Он выдержал критику Ленина, содержащуюся в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» и в письмах от 5 и 6 марта 1923 г., и съезд поддержал его. Сталин делал «второй» по значимости доклад — об организационной работе ЦК, а Зиновьев — «первый» — политический отчет ЦК. Но доклад Зиновьева критиковался многими, а доклад Сталина удостоивался похвал даже со стороны его политического противника Преображенского[1488].

Съезд был отмечен усилением позиций ленинского ядра в ЦК партии и Политбюро, выступившим на нем сплоченно против атак как на проводимый им политический курс, так и на отдельных членов его. Уже в ходе съезда были предприняты шаги по дальнейшему укреплению политических позиций «тройки» (Сталин, Зиновьев, Каменев). На перегруппировку политических сил в руководстве указывало решение Пленума (26 апреля) о Зиновьеве, которое было принято по предложению Сталина: «Признать необходимым более длительное пребывание тов. Зиновьева в Москве»[1489]. Это, думается, свидетельствует о важной фазе в деле складывания новой «тройки»: Сталин, Зиновьев, Каменев. Решение позволило сделать функционирование «тройки» более систематическим, чем прежде.

Цель атаки Троцкого не была достигнута, но она сохранялась. Съезд принес Сталину укрепление политических позиций, в том числе и в качестве генерального секретаря ЦК РКП(б), поскольку, во-первых, закрепил это нововведение — должность генсека, а во-вторых,

подтвердил целесообразность и пользу для партии занятия этой высшей партийной должности Сталиным. Сталин оставался для Троцкого главным препятствием на пути к власти, но теперь на пути к ней оказалась еще и «тройка», не разрушив которую невозможно было с успехом вести борьбу против Сталина. Требовалось политически уничтожить «тройку», убрать Сталина с должности генерального секретаря и (или) заблокировать его позиции в Оргбюро ЦК. Собственного политического авторитета Троцкому для этого, как показала борьба перед съездом и на самом съезде, не хватило. Общая политическая критика от имени Ленина (в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» и в письмах от 5 и 6 марта) оказалась недостаточной и тактически невыигрышной. Кому не доводилось допускать ошибок? Сталину же было предложено отвечать за чужие ошибки. Да и Орджоникидзе в этой истории вызывал больше сочувствия, чем осуждения, так как проводил политику, которую большинство съезда считало правильной. Нужна была еще более мощная атака, направленная против политических и организационных позиций, которые занимала «руководящая группа ЦК», и в первую очередь против Сталина. Значит, нужна была более целенаправленная «ленинская» критика. Вместе с тем нужно было, чтобы ленинский авторитет поработал на возвышение политического авторитета Троцкого.

И вот — чудо!!! Оказывается, имеется ленинский документ, вполне удовлетворяющий этим требованиям! Не только политически убивающий сторонников Ленина в Политбюро, но и подрывающий позиции большевиков в партии и одновременно открывающий Троцкому путь в вожди партии. Проходит месяц после XII съезда РКП (б), и Крупская приносит в ЦК текст «характеристик», содержащий утверждение, что Троцкий — «самый способный» член ЦК, что его личные и политические недостатки не следует принимать во внимание, что власть, сосредоточенная в руках Сталина, опасна для партии, что сам он отягощен всякими недостатками, а политическое прошлое Зиновьева и Каменева, Бухарина и Пятакова не вселяет доверия к ним[1490]. Передача Крупской «характеристик» означала второе предъявление «воли» Ленина, очень грамотно вписанной в определенную политическую конъюнктуру и позволяющей Троцкому продолжить борьбу за власть в партии с надеждой на успех.

Несколько дней спустя она же передает ленинский текст о Госплане с предложением пойти Троцкому навстречу в вопросе реорганизации системы управления народным хозяйством[1491]. Передача Крупской текста о Госплане *именно в это время* также, возможно, объясняется интересами политической борьбы. 19 апреля 1923 г. (второй день работы XII съезда) в газете «Экономическая жизнь» было опубликовано письмо Ленина в Госплан от 16 мая 1921 г., своим содержанием направленное против Троцкого и созвучное тем проблемам, которые обсуждались на съезде[1492]. Принятые XII съездом партии решения об организации работы промышленности означали крах надежд Троцкого. В этих условиях вреда для него от ленинских записок о Госплане, содержащих возражение против назначения председателем Госплана и ВСНХ кого-либо из «вождей», все равно уже не было. Зато там содержалось общесформулированное предложение пойти Троцкому навстречу. В положении проигравшего, но продолжающего борьбу Троцкому и это могло оказаться полезным. Какая-никакая, а поддержка Ленина. Представить ее в нужном для себя виде — проблема способностей Троцкого. И вот Крупская приносит в ЦК записки о Госплане. Политическая значимость этого акта определялась тем, что летом 1923 г. предстояло принимать решения о системе органов хозяйственного управления. Данная записка Ленина могла помочь Троцкому в продолжении борьбы за перестройку системы управления на основе его предложений. Таким образом, с помощью Крупской Троцкий получал в союзники того, кто в этом вопросе был его главным противником, — Ленина!

Время передачи — не позднее последних чисел мая — могло казаться благоприятным временем, поскольку Сталин — главная политическая сила, против которой направлялась атака, в это время находился в отпуске[1493]. Без Сталина легче провести нужное решение о публикации, политически дискредитирующей и ослабляющей «тройку» и предопределяющей ей распад. Передача «характеристик» Зиновьеву тоже получает

определенное объяснение в рамках нашей версии происходившего. Он был самой удобной фигурой для раскачивания «тройки», поскольку он больше, чем Каменев, был подвержен эмоциональному воздействию и политическим колебаниям. У него были сложные отношения со Сталиным, он сам «метил» в вожди партии. На него легче было повлиять, внушая мысль, что Сталин как союзник — не лучший для него вариант. Последующие события лета 1923 г. (история с так называемым «пещерным совещанием», о котором речь пойдет ниже) показали, что Зиновьев действовал именно так*****.

Предъявление этих документов («характеристик» и записки о Госплане) — вклад Крупской в эту борьбу. Сделала, что могла, — обеспечила Троцкому поддержку авторитетом Ленина.

Тот факт, что часть *будущего* «Письма к съезду» — «характеристики» — использовалась в политической борьбе не с мая 1924 г., как считалось прежде, а уже с мая—июня 1923 г., требует пересмотра всего хода внутрипартийной борьбы в период между XII и XIII съездами партии с учетом этого важнейшего политического фактора.

Передача Крупской «характеристик» как самостоятельного текста, без «добавления» к ним, косвенно указывает на то, что в это время никто не думал объединять их в один блок текстов и придавать этому тексту характер «Письма к съезду». Ни Крупская, ни Политбюро ЦК не рассматривали его как обращение к ЦК или Политбюро. Это были просто записи мыслей по одной проблеме. Без адреса. Этот текст получает видимость обращения только в блоке с «добавлением» к «характеристикам», в котором содержится обращение к «товарищам» переместить Сталина с должности генсека.

Это значит, что Крупская (и Автор «характеристик»), передавая их текст в ЦК, преследовали цель задействовать совершенно иные политические механизмы, чем те, к которым они вынуждены были прибегнуть позднее: политическая дискредитация сторонников Ленина в ЦК и Политбюро должна была произойти *не на съезде партии, а открыто в печати*. *Сомнения в способности Сталина исполнять должность генерального секретаря предполагалось посеять не среди делегатов съезда, а в партии накануне очередного Пленума ЦК*, побудив его таким образом поставить и рассмотреть вопрос о составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата с учетом замечаний и оценок, высказанных в «характеристиках». Это могло ослабить политические позиции членов «тройки» или даже привести к ее ликвидации в качестве «руководящей группы». *Как средство политического и психологического давления на членов ЦК могли быть задействованы и сами «характеристики», и сформированное ими общественное мнение партии.*

Очевидно, все это было понятно членам Политбюро, поэтому все они, за исключением Троцкого, были против публикации текста «характеристик». Зафиксированные мнения указывают на того, кому было выгодно обнародование «характеристик», — это Троцкий. Он за публикацию. И это естественно, так как весь комплект «характеристик» и характеристика лично его — Троцкого — политически выгодны только ему. Ему выписан карт-бланш на замещение освобождающегося места лидера партии. Именно в этом направлении Троцкий позднее и будет разъяснять всем смысл «Письма к съезду»: предпринятые Лениным в то время политические шаги, «помимо общеполитических задач», преследовали цель «создать наиболее благоприятные условия для моей руководящей работы, либо рядом с Лениным, если б ему удалось оправиться, либо на его месте, если б болезнь одолела его»[1494]. Его аргументация находится в интересном сочетании с обстоятельствами передачи «характеристик» — надо опубликовать, поскольку отсутствует прямой запрет на публикацию. Расчет мог быть прост: в прошлом на таких же условиях поступали другие тексты Ленина («О кооперации», «О нашей революции») и они публиковались. То же можно сказать и относительно цели передачи практически одновременно с «характеристиками» записок о Госплане.

Позиция Сталина также ясна. Он против публикации, которая ему ничего хорошего не сулит. Он аргументирует свое мнение единственно доступным для него способом, с формальной точки зрения неотразимым: нет указаний Ленина (как было, например, в

истории со статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин») о публикации. Аргументация Каменева, Зиновьева и Бухарина, а также Молотова, Рудзутака и Куйбышева тоже основана на формальных моментах — отсутствии выраженной воли Ленина и сугубо личном содержании текста. Отрицательное отношение к публикации Томского и Сольца, которым эти «характеристики» ничем не грозили, обосновывается содержанием: во-первых, текст не для всех, во-вторых, он не будет понят. Из 10 высказавшихся 9 были против публикации «характеристик», причем пятеро из них не были подвергнуты критике в этом документе. Возможно, они опасались, что партия может воспринять этот документ как показатель того, что Ленин изменил свое отношение к своим соратникам и взял курс на сближение с Троцким, что он, следовательно, признаёт правильность предлагаемого им политического курса. Авторитет Ленина, конечно, мог сильно повлиять на позиции многих членов партии, в том числе и членов ЦК РКП (б).

Отметим, что это обсуждение является косвенным свидетельством в пользу вывода о том, что речь идет именно о «характеристиках»: из всех текстов ленинского «Завещания», еще неизвестных членам Политбюро, только «характеристики» могли произвести подобную расстановку позиций и мнений.

Пока что много неясного остается в истории передачи Крупской «характеристик». Но очевидно то, что это был расчетливый политический ход, служащий интересам Троцкого и ослабляющий политические позиции сторонников Ленина. Крупская своевольно, без всякой ссылки на пожелание Ленина, передав «характеристики» и записки о Госплане в Политбюро, ободрила сторонников Троцкого и внесла смятение в среду сторонников Ленина. Результаты не замедлили сказаться: летом 1923 г. Зиновьев и Бухарин оказались в политическом противостоянии Сталину и выступили с предложениями, направленными на укрепление политических позиций Троцкого в руководстве партии. Занятая ими позиция и проявленная активность находятся в прямой связи с появлением в политическом обиходе еще одной части «Письма к съезду» — диктовки 4 января 1923 г., известной как «добавление» к «характеристикам». Ее появление можно расценить как наращивание морально-психологического и политического давления на членов «руководящей группы ЦК».

* Необходимые для протокола указания на характер и состав собрания (совещания), на обсуждаемый вопрос, постановляющая часть и т.д. и необходимые для акта подписи передающей документы и принимающей их сторон.

** Название «Завещание Ленина», возможно, было дано позднее, в процессе подготовки этой «Сводки» для Троцкого.

*** Рукопись?! Еще одна загадка «Письма к съезду». Если поверить Володичевой, что она писала под диктовку, затем перепечатывала, а черновики уничтожала, то трудно понять, о какой «рукописи» идет речь. Между информацией Троцкого и Володичевой надо выбирать. Но никому из них верить на слово не приходится. Если каждое из этих свидетельств предназначено «подкрепить» ленинское авторство «характеристик», то очевидное противоречие между ними является свидетельством против ленинского авторства.

**** Эта записка требует к себе внимательного и осторожного отношения, так как она порождает ряд вопросов, которые трудно объяснить. Она направлена от имени Куйбышева (председатель ЦКК РКП(б)) неизвестным лицом, подпись «неразборчива». Каменеву текст «характеристик» направляется «для архива партии». И это странно, так как архив находился в ведении Секретариата, т.е. Сталина, а не Каменева, чего Куйбышев, недавно еще сам бывший секретарем ЦК РКП(б), не мог не знать. К тому же хранится записка не в материалах архива Каменева и не среди материалов ЦКК, а в особом деле, созданном, как считает Ю.А. Буранов, очевидно, в 1956 г. «в период подготовки к печати ленинского "политического завещания"» (Буранов Ю.А. К истории ленинского «политического завещания» (1922—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 48—49).

***** Интересно, что и здесь «характеристики» датированы не 24—25 декабря, а только 24 декабря. Об этом противоречии в датировке «характеристик» мы говорили выше.

***** Один экземпляр всех текстов диктовок, по свидетельству Володичевой, сразу же отдавался на хранение Крупской (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592–593).

***** Крупская отмечает, что не говорила по этому поводу с Лениным, так как он был болен. Но ведь тексты диктовались в течение двух с половиной месяцев, основные положения были сформулированы в течение первых трех недель, когда Ленин был вполне работоспособен, к концу первого месяца были отработаны все тексты «Завещания», кроме одной статьи — «Лучше меньше, да лучше». Удовлетворительная работоспособность сохранялась еще месяц, так что Ленин вполне имел возможность и время дать четкие и фиксированные на бумаге указания относительно текстов своего «Завещания». К тому же этим заявлением она прямо противоречит тому, что говорила в мае 1923 г. при первом предъявлении «характеристик» в ЦК партии. Так что тезис Н.К. Крупской звучит крайне неубедительно.

***** Это может относиться либо к письму Сталину от 23 декабря 1922 г., имевшему заголовок «К съезду», либо к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», имевшей подзаголовок «Предложение XII съезду партии». Скорее, последнее.

***** О вождистских претензиях Зиновьева рассказывал Молотов: «Претендовал на лидерство, фактическое лидерство, и Зиновьев. Он часто выступал. Любил и умел это делать, срывая аплодисменты. В таких случаях они кажутся оратору большим фактором... Так вот, Зиновьев претендовал на лидерство, на роль Ленина» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 182, 183).

§ 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ СТАЛИНА «ПИСЬМОМ ИЛЬИЧА О СЕКРЕТАРЕ»

В отличие от «характеристик» обстоятельства появления текста «добавления» к ним (диктовка 4 января 1923 г.) до сих пор остаются неясными. Неизвестно кто, когда и при каких обстоятельствах впервые ввел этот документ в политическую жизнь. Неизвестен и полный круг лиц, которые были первыми ознакомлены с этим документом. Достоверная информация содержится в переписке Зиновьева и Бухарина со Сталиным, но ее очень немного. Известно, что первоначально его называли «письмом Ильича о секретаре» и предназначалось оно XII съезду РКП(б), а также то, что в число знакомых с «добавлением» сначала входили Зиновьев, Каменев и Бухарин. Сталин узнал о существовании этого письма Ленина от Зиновьева и Бухарина и только тогда, когда они сочли это политически выгодным для себя, — в конце июля 1923 г.[1495], хотя они, а также Каменев знали о нем еще до отъезда Зиновьева и Бухарина в отпуск, т.е. до 10 июля 1923 г.[1496] Был ли знаком с «письмом Ильича о секретаре» Троцкий до извещения о нем Сталина — неизвестно, но есть основания предполагать, что был.

Передать им текст данного «Письма» мог только тот, кто имел доступ к ленинским документам и мог распоряжаться ими, не вызывая сомнения в ленинском авторстве передаваемого документа, но одновременно являясь доверенным человеком политических противников Сталина. Этим требованиям удовлетворяют Крупская, Фотиева, Гляссер и Володичева. Ничто не указывает на причастность технических работников ленинского секретариата к передаче этого документа кому-либо из членов Политбюро. Поэтому можно предположить, что «письмо Ильича о секретаре», как и «характеристики», попало им в руки при участии Крупской. Поскольку Зиновьев — один из двух-трех человек, которые знали о нем прежде других, то нельзя исключить, что «Письмо» он получил от Крупской одновременно с «характеристиками» или вскоре после них. Нельзя исключить, что информация о «писЬме» от Крупской поступила Троцкому. В этом случае Зиновьев мог получить ее от него через Бухарина, который в это время поддерживал отношения как с Троцким, так и с Зиновьевым, и поэтому мог играть роль посредника. В пользу этого говорит и тот факт, что в предложениях, с которыми выступал Бухарин и которые были поддержаны

Зиновьевым, был учтен и политический интерес Троцкого — он вместе с Зиновьевым должен был войти в состав реорганизованного Оргбюро ЦК.

Если исходить из принятой в традиционной историографии версии, что тексты ленинского «Завещания» хранились у Крупской, которой позволялось вскрыть запечатанные конверты, то следует вывод, что она нарушила волю Ленина*. Политический смысл этого шага в контексте внутривнутрипартийной борьбы середины 1923 г. мог состоять в активизации сомнений, колебаний и соперничества внутри ленинской группы в ЦК, подрыве позиций Сталина, создании условий для продвижения в руководящую группу Троцкого. Это было выгодно Троцкому, но не только ему. В истории введения в политическую жизнь партии «письма Ильича о секретаре» хорошо прочитывается политический интерес Зиновьева и Бухарина. Зная о письме Ленина, адресованного якобы съезду партии, они скрывают его даже от членов Политбюро ЦК РКП(б) и используют в качестве средства политического давления на Сталина. Об этом говорит история так называемого «пещерного совещания», главным героем которого, судя по всему, был Зиновьев, претендовавший на роль лидера партии. Между тем съезд РКП(б) выявил как падение его авторитета, так и рост авторитета Сталина, поэтому к лету 1923 г. Зиновьев не только имел все основания желать ослабления политических позиций Сталина, не только не скрывал эти намерения, но и предпринимал практические меры для решения этой проблемы**.

История «пещерного совещания» вкратце такова. В конце июля — начале августа 1923 г. Зиновьев и Бухарин, находившиеся в отпуске в Кисловодске, инициировали обсуждение группой членов ЦК планов реформы ЦК РКП(б). Совещание происходило в одной из «пещер», отсюда и название, которое оно получило. Зиновьев на XIV съезде ВКП(б) дал свою версию происшедшего. «Присутствовал там целый ряд товарищей, находившихся на отдыхе, а часть, кажется, была приглашена из товарищей ростовцев, которые были близко. Дело шло о том, как нам наладить работу впредь до восстановления здоровья Владимира Ильича. Все тогда еще, как я помню, уехали в отпуск с надеждой, что Владимир Ильич вернется к работе. Вот и думали: как же нам все-таки продержаться, если болезнь затянется (опасения тоже были), как нам поддержать равновесие. На этом совещании были представлены два мнения. Все участники совещания понимали, и всем им одинаково было ясно, что Секретариат при Владимире Ильиче это одно, а Секретариат без Владимира Ильича — это совершенно другое. При Владимире Ильиче, кто бы ни был секретарем, кто бы ни был в Секретариате, все равно и тот и другой играли бы ограниченную служебную роль... И вот тогда у нас возникли два плана. Один план — сделать Секретариат служебным, другой — "политизировать" Секретариат в том смысле, чтобы в него вошли несколько членов Политбюро и чтобы это было действительное ядро Политбюро. Вот между этими двумя планами мы и колебались. В это время назревали уже кое-какие личные столкновения — и довольно острые столкновения — с тов. Сталиным. Вот тут возник план, принадлежавший Бухарину... План был такой... политизировать Секретариат таким образом, чтобы в него ввести трех членов Политбюро, чтобы это было нечто вроде малого Политбюро... В числе этих трех называли: Сталина, Троцкого, меня или Каменева или Бухарина. Вот этот план обсуждался в "пещере", где были покойный Фрунзе, Лашевич, Евдокимов, Ворошилов, где был ряд товарищей совершенно различных настроений, совершенно различных личных связей и т.д. Насколько я помню, решения никакого принято не было и не могло быть принято. Помню живо, что Ворошилов возражал, другие склонялись к этому. Было решено, что Серго Орджоникидзе должен поехать в Москву, и ему, как другу Сталина, поручили сказать последнему, что вот были такие-то разговоры. Было, кажется, и письмо послано через него (Орджоникидзе с места: "Через меня")... Были большие споры по этому вопросу и многие рассчитывали (в том числе и я), что тов. Троцкий будет работать с нами, и нам совместно удастся создать устойчивое равновесие»[1497].

Зиновьев, не говоря прямо о контактах с Троцким, вместе с тем и не отрицал их. Он лишь возражал против интерпретации этих контактов как попытки установления с ним политического блока, направленного против Сталина. Оценивая «пещерное совещание»,

Зиновьев говорил, что «это были поиски, нащупывание новых методов в работе нашего руководящего коллектива», и протестовал против того, чтобы эту историю истолковывали как «сговор мой с тов. Троцким против тов. Сталина»[1498].

Ворошилов на XIV съезде напомнил членам ЦК, что «тов. Серебряков на открытом заседании пленума ЦК, в ноябре 1923 года, заявил, что тов. Зиновьев предлагал союз с тов. Троцким. Тов. Троцкий этого не отрицал. Однако от блока категорически отказался. Предложение тов. Зиновьева было сделано тов. Троцкому в 1923 г. перед самой острой схваткой нашей с тов. Троцким и его единомышленниками»[1499].

Бухарин на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в заявлении по личному вопросу в целом поддержал версию Зиновьева, дополнив ее рядом важных деталей: «В Кисловодске я принимал участие в разработке планов реорганизации Секретариата и Оргбюро. Я лично исходил из желания объединить в верхушку ЦК наиболее крупных работников ЦК, а именно Сталина, Троцкого и Зиновьева. Я полагал, что перед партией вырисовывается опасность атомизации руководства и всеми силами стремился обеспечить мир внутри партии, путем увязки разных оттенков в руководстве (опять "буфер". — В.С.). Этот план потерпел полное крушение. И в Кисловодске т. Зин[овьев] колебался, а вскоре, заняв позицию бешеной атаки Троцкого, сорвал этот план. Т. Троцкий со своей стороны сделал все возможное, чтобы обострить отношения»[1500].

В исторической литературе высказывались сомнения относительно этого заявления Зиновьева, отрицавшего сговор с Троцким, направленный против Сталина[1501]. Последняя фраза указывает на то, что Бухарин, в отличие от Зиновьева, не отрицавшего причастности Троцкого к этой истории, определенно обозначил ее. Со слов Бухарина ясно — что-то не получилось. Следовательно, что-то задумывалось. Что-то было! Противостояние Троцкого и Зиновьева в этот период в литературе преувеличено. Между ними (через посредников) в это время существовал канал связи для обмена мнениями и предложениями***.

Рассказ Зиновьева вызвал на съезде ряд возражений и уточнений также по другим вопросам. Ворошилов — участник этого совещания — описал его так: «Я в Ростове получил от тов. Зиновьева телеграмму — приехать в Кисловодск. Были тогда там т.т. Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Лашевич и другие товарищи. Приехал я в Кисловодск и на одном из частных совещаний вместе с т.т. Зиновьевым, Бухариным, Евдокимовым и Лашевичем мы обсуждали вопрос о коллективном руководстве. Как бы вы думали, какое коллективное руководство предлагали тогда т.т. Зиновьев, Лашевич, Бухарин? Тогда т.т. Зиновьев и Лашевич мечтали о том, чтобы Секретариат перестроить, говорили о том, что существовавшая в то время организация руководства не может быть терпима и ее надо изменить... Тов. Зиновьев выдвинул тогда идею организации Секретариата из т.т. Сталина, Троцкого и кого-нибудь из них — Зиновьева, Каменева или Бухарина. Тов. Бухарин в этой комбинации играл роль миротворца: ему казалось тогда, что наступают страшные дни потрясений, против Сталина собираются тучи и необходимо что-то такое сделать, что примирило бы наших вождей.

Я на этом совещании, происходившем, между прочим, в пещере, заявил товарищам мое мнение, сказав, что из этаких комбинаций, кроме вреда, кроме конфуза, ничего не получится, самым решительным образом вступил против этого, сказав: "Я считал и считаю, что комбинация, искусственно склеенная, ничего не даст»[1502].

В письменном заявлении в адрес съезда Ворошилов еще раз вернулся к вопросу о составе «пещерного совещания», уточнил круг его участников: «на указанном совещании в "пещере" было всего лишь пять человек, а именно: т.т. Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Лашевич и я. Ни тов. Фрунзе, ни кого-либо другого из "ряда товарищей, совершенно различных по настроению", не было. Тов. Фрунзе был вызван из Железноводска, где он отдыхал, и приехал только на второй день после "пещерного" заседания. В день приезда тов. Фрунзе я уехал из Кисловодска и, насколько мне известно, второго заседания в пещере не было»[1503].

Орджоникидзе в заявлении XIV съезду писал: «Ни в каком "пещерном" совещании я не

участвовал и на него не приглашался. Что касается письма, то оно действительно было мне передано при моей встрече с тов. Зиновьевым, спустя несколько дней после указанного совещания, при поездке моей в Берлин на лечение через Минеральные Воды»[1504]****.

Политический интерес Зиновьева и Бухарина в их предложениях просматривается достаточно ясно. Зиновьев в случае политизации Секретариата мог рассчитывать на значительное усиление своего влияния, играя роль той силы, которая решает судьбу любого спора между Сталиным и Троцким. В составе «тройки» (Сталин, Каменев, Зиновьев) ему вряд ли бы удалось занять такое положение ввиду близости политических позиций Сталина и Каменева. Возможно, поэтому он и не дорожил этой политической конструкцией («тройка»). Новое положение, создаваемое политизированным Секретариатом с его участием, в соединении с должностью председателя Коминтерна давало бы ему дополнительные шансы вести борьбу за лидерство в партии. Бухарин опять, как и в период дискуссии о профсоюзах, — «буфер», на этот раз между Троцким и Зиновьевым. И опять он «буферил» в пользу Троцкого, позволяя ему выйти из определенной политической изоляции, в которой тот оказался. Бухарин благодаря этому плану также мог упрочить свое политическое положение, перейдя не только в состав членов Политбюро, но и, возможно, войдя в состав новой руководящей группы на правах ее активного создателя. Троцкого такая перспектива, видимо, не устраивала, и поэтому он остался равнодушным к предложениям Зиновьева и Бухарина, а в октябре 1923 г. начал открытую борьбу за устранение сторонников Ленина (в том числе и «тройки») от руководства партией. Для Сталина эта комбинация не давала ничего, кроме уменьшения власти и новых трудностей в проведении того курса, который вырабатывался в течение последних 2—3-х лет. То же можно сказать и о Каменеве, который, как будет показано далее, остался равнодушен и к критике, исходившей от Зиновьева и Бухарина, и к их предложениям. Все это приводит нас к выводу, что наиболее заинтересованными лицами в ней были Зиновьев и Бухарин.

Обсуждение этих вариантов реорганизации ЦК РКП (б) означало, что «тройка» — Сталин, Зиновьев, Каменев — изначально несла в себе противоречия, которые делали ее политически нестабильным блоком, обреченным на разрушение из-за борьбы за лидерство, инициируемой Зиновьевым и направленной против Сталина.

Вот та политическая ситуация, в которой впервые появилось «письмо Ильича о секретаре» (диктовка 4 января 1923 г.) в качестве средства открытого политического давления на Сталина.

После обсуждения вопроса о реорганизации Секретариата ЦК в ходе «пещерного совещания» Зиновьев и Бухарин направили Сталину письмо со своими предложениями, а также поручили Орджоникидзе, ехавшему в Москву, передать ему на словах свои предложения и аргументацию. Тогда же Зиновьев и Бухарин начали переписку с Каменевым и со Сталиным по этим вопросам. Переписка заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее. Прежде чем приступить к анализу писем, необходимо решить вопрос о хронологии переписки. В публикации (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192—207) она нарушена, что искажает картину начальной фазы борьбы. Насколько можно судить по содержанию, первым по времени возникновения является письмо Бухарина Каменеву (док. № 12), датированное публикаторами неопределенно: июлем или августом 1923 г.[1505] Поскольку в нем отсутствуют следы полемики, которая составляет содержание последующих писем, то есть основание считать, что оно указывает на самую начальную фазу развернувшегося позднее конфликта и было написано до 29 июля 1923 г., т.е. до первого письма Зиновьева и Бухарина Сталину и Каменеву (док. № 3), в котором недовольство Политбюро и особенно Секретариатом соединено с требованием коренных перемен и серьезными угрозами. Документы № 1 и 2 — письма, отправленные из Москвы Сталиным Зиновьеву 25 и 27 июля, т.е. до получения им первой информации о предложениях Зиновьева и Бухарина, поэтому они имеют к последующей переписке только косвенное отношение.

В этом первом письме Бухарин***** сообщает Каменеву, что протоколы Политбюро (они отправлены из Москвы до письма Сталина Зиновьеву от 25 июля), которые

присылались в Кисловодск, производят на Бухарина «удручающее впечатление». Секретариат ЦК «о главном» не думает, его политика — «политика "рыцаря на час", мягко выражаясь». Он считает, что «так дальше дело идти не может», придется поднять «знамя протеста». Высказывается за "коренное" изменение «оргметодов». Очевидно, Бухарин пишет о согласованном с Зиновьевым мнении: «Мы тут такого напридумаем, что толстый ус Каменюги станет дыбом». Поскольку это письмо, в котором главным отрицательным «героем» является Сталин, направлено Каменеву, то, возможно, оно преследовало цель побудить его политически дистанцироваться от Сталина, психологически подготовить его к предстоящей борьбе.

Одновременно с письмом Бухарина или вслед за ним Зиновьев 29 июля 1923 г. вместе с отъезжавшим в Москву Орджоникидзе направил письмо Сталину и Каменеву. Орджоникидзе также было поручено переговорить со Сталиным и Каменевым. Зиновьев писал: «Серго расскажет Вам о мыслях, которые бродят в головах двух кисловодских обывателей». Бухарин припиской уточнил: «относительно "обывательства" — это Григорий только из скромности»[1506]. Последнее может быть истолковано как намек на то, что, во-первых, дело не в двоих «обывателях», они представляют мнение более широких кругов, и, во-вторых, что они не шутят. В любом случае Бухарин ориентировал Сталина в том смысле, что предлагаемый план вполне серьезен, и поэтому просит «по возможности быстро» сообщить ответ*****. Из письма не ясно, в чем состояла суть предложений. Их должен был устно изложить Орджоникидзе.

На следующий день, 30 июля, Бухарин и Зиновьев, каждый отдельно, послали письма Каменеву, в которых они аргументируют свои предложения. Бухарина, оказывается, возмутило то, что Политбюро отстранило от работы в редакции газеты «Правда» Преображенского и назначило до возвращения Бухарина из отпуска временную редколлегия, не согласовав с ним этого вопроса. И все! Больше ничего конкретного в обоснование своего гнева Бухарин не привел[1507]. Между тем этому решению предшествовал конфликт, возникший между Преображенским и Политбюро. В ответ на выступление в печати Троцкого против продажи водки Политбюро решило запретить публичную дискуссию в «Правде» по этому поводу. Преображенский*****, поддерживавший в этом вопросе Троцкого, обратился в Политбюро с протестом, который был отклонен. Политбюро было против дискуссии до окончания работы комиссии, созданной Пленумом ЦК. Преображенский заявил, что из-за вопроса о продаже водки «дело может дойти до раскола», и поставил вопрос о своем уходе из редакции «Правды». Его просьба была удовлетворена[1508]. Бухарин и Зиновьев знали об этом.

«Масло в огонь», возможно, «подлило» письмо М.И. Ульяновой Бухарину (июль 1923 г.), в котором она писала: «Вы, вероятно, уже знаете из письма В.С.***** какую Женечка и ЦК (имеются в виду Е.А Преображенский и Центральный Комитет партии. — В.С.) *выкинули* (данное слово вставлено по смыслу, так как в тексте оно не прочитывается. — В.С.) штуку. Все мы полны беспокойства за "Правду". В редакции полное смятение и публика уже подумывает о том, чтобы бежать. За короткое время Бубнов и Ко смогут так повести дело, что от старой "Правды" мало что остается. Только вы можете спасти положение. Ради бога, Н.И., дорогой, придумайте что-нибудь, чтобы не дать им хозяйничать как они захотят. Ждем от Вас каких-ниб[удь] шагов в этом направлении». На обороте листа с текстом письма написано: «С И[льи]чем по-прежнему хорошо, даже, пожалуй, лучше». «P.S. Бубнов — отв. редактор "Правды" — как Вам это нравится?!»[1509]*****

Эта история могла быть выдвинута в качестве одного из основных пунктов обвинения Сталину только при очень большом желании начать открытый бой. Удар явно не по цели, так как решало Политбюро, и оно не должно было идти на поводу у члена редколлегии газеты «Правда» и не было обязано согласовывать свое решение с отсутствующим кандидатом в члены Политбюро и главным редактором газеты. Тем более что это была временная мера — до возвращения Бухарина из отпуска. Зиновьев в своем письме солидаризировался с недовольством Бухарина по поводу перестановок в «Правде» и

выражал недовольство тем, что Сталин, не спросив «нас, назначил уполномоченными ЦК (инструкторами)» по национальным делам «людей противоположной линии», т.е. тех, с кем прежде вели борьбу именно по национальному вопросу, а также тем, что без согласования с Зиновьевым и Троцким была подписана конвенция с Турцией о проливах (Босфор и Дарданеллы), против которой возражали некоторые члены ЦК. Недоволен он был и тем, что в вопросах Коминтерна Сталин прислушивается к мнению Троцкого и Радека, а не Зиновьева и Бухарина.

Интересно, что в письмах Зиновьева и Бухарина указываются конкретные решения Политбюро, с которыми они не согласны, но о методах работы Сталина, которым они недовольны, ничего конкретного не говорится.

Если в письме Сталину от 29 июля 1923 г. Зиновьев и Бухарин «с шуткой» запустили «пробный шар», заявляя, что «само собой разумеется, что об этом (т.е. об их предложении. — В.С.) нужно нам всем 20 раз переговорить раньше, чем на что-нибудь решиться», то 30 июля в письме к Каменеву от этого намерения у Зиновьева не осталось и следа. Он обозначил фронт борьбы и выбрал позицию (вместе с Бухариным и Троцким против Сталина) и заявляет: «Мы этого терпеть больше *не будем*. Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, *очень* короткую) единодержавия Сталина — пусть будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по кр[айней] мере, не намерен. Во всех платформах говорят о "тройке", считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден *серьезный* выход, либо полоса борьбы неминуема*****». Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же (! — В.С.)». Значит, разговоры на эту тему шли и прежде, следовательно, недовольство какими-то решениями Сталина и Политбюро без согласования с Зиновьевым — не более чем предлог, а не причина.

Чтобы подтолкнуть Каменева занять более решительную позицию, Зиновьев прибегает к дезинформации: «Но что меня удивило — так это то, что Ворошил[ов], Фрунзе и Серго думают почти так же. Напиши, пожалуйста, что ты об этом думаешь... Твое хладнокровие — прекрасная вещь. Но не до бесчувствия. Право». Из письма также явствует, что Каменев уже ранее был осведомлен о взглядах и настроениях Зиновьева и в какой-то мере разделял их. Зиновьев желает, чтобы он занял более жесткую и решительную в отношении Сталина позицию. На это указывает и приписка к этому письму, сделанная, возможно, несколько позднее, в связи с получением писем от Сталина. В ней говорится: «Отвечаю Сталину, стараясь не портить отношений упреками». Зиновьев, видимо, не уверен, что Каменев будет активно поддерживать его позицию, поэтому предупреждает: «Если и на это письмо не ответишь, больше не буду писать»[1510].

Зиновьев обманывал Каменева и в отношении Ворошилова, Серго и Фрунзе. Как было показано выше, Орджоникидзе и Ворошилов отказались от «чести» быть включенными в число участников «пещерного совещания»[1511], Ворошилов, кроме того, определенно отрицал участие Фрунзе в нем. Об интриге, которую вел Зиновьев, говорит также его письмо Ворошилову, в котором он сообщает ему заведомую неправду относительно Каменева и Сталина, извещая его, что «Каменев вполне поддерживает наши предложения» и что Коба «после громов» тоже на него согласится. При этом Зиновьев ссылается на свое письмо Каменеву, которого среди опубликованных документов нет, как нет никаких других упоминаний о нем ни в известных документах, ни в литературе. Примечательно, что вслед за этой дезинформацией Ворошилов получает приглашение приехать «к нам на денек». Не исключено, что Зиновьев пытался склонить Ворошилова, прибегнув к примитивной дезинформации и связав его предварительным соглашением, и лишить Сталина еще одного сторонника в ЦК. Как бы то ни было, ясно, что перед нами следы интриги Зиновьева внутри ленинской группы в ЦК.

Очевидно, в конце июля Зиновьев и Бухарин считали, что время уже пришло и Сталина пора «ставить на место». Каменев либо не считал, что время пришло, либо не был уверен в политической целесообразности этой комбинации лично для себя. Отношения

Зиновьева, Каменева и Сталина, как они вырисовываются из этих писем, свидетельствуют о том, что «тройки» как дружно работающей, политически сплоченной группы летом 1923 г. не существовало. Она стала разваливаться, едва сложившись.

Уже после того, как Зиновьев отправил 29 июля письмо Сталину, о котором шла речь выше, он получил от него два письма, написанные 25 и 27 июля 1923 г.*****, в которых Сталин сообщал о последних решениях Политбюро, а также объяснял причины принятия решения об изменении редколлегии газеты «Правда», по германскому вопросу и по другим волновавшим Зиновьева вопросам[1512]. На эти письма Сталина Зиновьев ответил ему на следующий день, 31 июля, обозначив почти по всем вопросам, по которым Политбюро приняло решения, особое мнение, выразил, где прямо, где косвенно, свое неудовлетворение и высказал пожелание: «В оч[ень] ответственных делах хорошо бы, если дело терпит, советоваться». В общем письмо выдержано в спокойно-дружественных тонах. Напряженность и серьезность положения ощущается в приписке к письму, в которой проявляется политическая суть его: «Вашего мнения по поводу разговора Серго жду с нетерпением. Не примите и не истолкуйте это в дурную сторону. Обдумайте спокойно»[1513].

О том, что происходило в Москве, известно из писем Орджоникидзе и Сталина. Орджоникидзе 3 августа 1923 г. писал Ворошилову, что Сталин расценил предложение Зиновьева и Бухарина как «назначение политкомов, и, конечно, соответственно реагирует». Каменев «считает, что З[иновьев] и Б[ухарин] преувеличивают»[1514]*****. Сталин рассказал о плане Зиновьева — Бухарина Рудзутаку и Куйбышеву — «они решительно отвергают и хохочут»[1515]. О реакции Сталина можно также судить по его рассказу на XIV партсъезде: «В 1923 г., после XII съезда, люди, собравшиеся в "пещере", выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т.е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина. Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина. Из этой платформы ничего не вышло не только потому, что она была в то время беспринципной, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией невозможно. На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требований гарантий прав меньшинства»[1516].

3 августа Сталин написал Зиновьеву и Бухарину о получении их письма, отправленного 29 июля, и о разговоре с Орджоникидзе. Копию своего письма Сталин направил Ворошилову, видимо пытаясь таким образом сообщить ему правду об этой интриге. «Не пойму, — писал Сталин, — что именно я должен сделать, чтобы вы не ругались и в чем, собственно, тут дело». Это слова. Само же письмо Сталина свидетельствует о том, что он понял истинную подоплеку их предложений и ведущуюся Зиновьевым и Бухариным двойную игру: «Не думаю, чтобы интересы дела требовали маскировку. Было бы лучше, если бы прислали записочку, ясную, точную. А еще лучше, если переговорим при первой возможности. Все это, конечно, в том случае, *если* вы считаете в дальнейшем возможной дружную работу (ибо из беседы с Серго я стал понимать, что вы, видимо, не прочь *подготовить* разрыв, как нечто неизбежное). Если же *не* считаете ее возможной, — действуйте, как хотите, — должно быть, найдутся в России люди, которые оценят все это и осудят виновных». К письму Сталин сделал приписку, которая дает представление о его общей оценке затеянной Зиновьевым и Бухариным борьбы: «Счастливые вы люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы, обсуждать их и пр., а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь "виноватым". Так можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои»[1517].

Все потуги Зиновьева замаскировать свои намерения и тактику пошли насмарку. Сталин понял затеянную ими игру и принял вызов*****. Судя по всему, именно так расценили сталинский ответ Зиновьев с Бухариным и попытались успокоить его. 6 августа

они направили Сталину письмо, выдержанное в примирительно-успокоительном тоне: «Получили В[аше] письмо (от 3 августа. — В.С.) после разговора с Серго. При свидании переговорим и, разумеется, найдем удовлетворительное решение. Разговоры о "разрыве" — это ж, конечно, от В[ашей] усталости. Об этом не может быть и речи»[1518]. Это письмо — проявление политического двурушничества и интриги. Трудно понять, на что рассчитывали они, пытаясь на такой «мякине» провести Сталина.

На письмо Зиновьева от 31 июля 1923 г. Сталин ответил письмом, содержащим развернутую и жесткую отповедь «по пунктам обвинения». Он информировал Зиновьева, что его предложения он истолковал именно «в другую сторону»^{14*}. Иначе говоря, Сталин дал понять, что прекрасно понял смысл их предложений. В письмах Зиновьева и Бухарина он усмотрел *критику его работы как генсека*. До этого времени никто, в том числе и Троцкий, не подвергал его критике за работу именно на этой должности. Не было такой критики и на XII съезде партии. Первопроходцами здесь выступили именно Зиновьев и Бухарин, они же первые более или менее определенно аргументировали свою критику. Троцкий и его сторонники лишь позднее, в ходе осенней (1923 г.), дискуссии начали критиковать Сталина как проводника «секретарской политики» и покровителя партийной бюрократии. В данном случае Троцкий шел вослед Зиновьеву и Бухарину.

На претензии к его деятельности как генерального секретаря Сталин в письме от 7 августа дал короткие пояснения относительно обстоятельств принятия Политбюро решений по проливам, Германии и другим вопросам, а также отповедь по поводу замечаний, направленных лично против него. Сталин утверждал, что все решения санкционируются «той или иной инициативой ЦК» и он готов документально подтвердить это. «Не правы вы, говоря, что секретарь единолично решает вопросы». Повестка дня Политбюро составляется «на основании всех поступивших вопросов на заседании Секретариата (Сталин, Молотов, Рудзутак.—В.С.) *плюс Каменев* (председательствовавший в П.Б.)^{15*}, *плюс Куйбышев* (пред. ЦКК)». И продолжал: «Можно только приветствовать, если все члены группы (т.е. "тройки": Сталин, Каменев, Зиновьев. — В.С.) или Пол. Б. захотят присутствовать при его составлении. Ни один вопрос не может быть "положен под сукно" не только потому, что на это есть инструкция, но и потому, что указанные лица представляют достаточную против этого гарантию»[1519].

Самое же главное, Сталин еще раз дал понять, что он не обманывается относительно истинных намерений Бухарина и Зиновьева и возражает по сути предложенного варианта реорганизации ЦК партии, что он готов покинуть пост генерального секретаря, но боя не боится и готов вести борьбу на почве принципиальной позиции за тот политический курс, который считает верным. «Одно из двух: *либо* дело идет : о смене секретаря теперь же, *либо* хотят поставить над секретарем специального политкома. Вместо ясной постановки вопроса, вы оба ходите вокруг да около вопроса, стараясь обходным путем добиться цели и рассчитывая, видимо, на глупость людей. Для чего понадобились эти обходные пути, если действительно существует группа и если есть минимальная доза доверия? *Для чего понадобились ссылки на неизвестное мне письмо Ильича о секретаре*, — разве не имеется доказательств тому, что я не дорожу местом и, поэтому, не боюсь писем (выделено нами. — В.С.)? Как назвать группу, члены которой стараются запугать друг друга (чтобы не сказать больше)? Я за смену секретаря, но против того, чтобы был учинен институт политкомов (политкомов и так не мало: Оргбюро, Политбюро, Пленум)»[1520].

Письмо Сталина откровенно, но не враждебно. Оно вынудило Зиновьева и Бухарина сбросить маску лицемерного дружелюбия и написать 10 августа Сталину в откровенно враждебном духе. Письмо было написано Бухариным, однако по каким-то причинам не было отправлено^{16*}. Мы остановимся на нем, так как для нас это интересно с точки зрения динамики конфликта и поведения сторон. В нем Зиновьев и Бухарин собирают вместе и повторяют все основные упреки, содержащиеся в предыдущих письмах, направленных не только Сталину, но и Каменеву. Что ж скрывать, если Сталин понял их замысел и их тактику? Но самым главным для нас является то, что в своем письме они раскрывают

содержание «письма Ильича»^{17*}. Из письма становится ясно, что вспыхнувший конфликт имеет свою историю, что те решения Политбюро, за которые Зиновьев и Бухарин критиковали Сталина, были использованы ими лишь как повод для атаки на Сталина. Что тактика борьбы против Сталина была выработана ими до их отъезда в отпуск, а «пещерное совещание» и предложенная реформа ЦК фактически являются спланированной политической акцией, начатой тогда, когда они сочли ее достаточно подготовленной. «В Москве не раз подымались разговоры, но разговаривать было трудно из-за раздражительности Вашей. Мы давно уже недовольны, но нарочно решили в Москве: сначала отдохнем, пусть нервы отойдут, потом поставим вопрос»[1521]. Последнее утверждение — негодная попытка прикрыть истинные обстоятельства выбора момента для атаки или для эскалации борьбы^{18*}.

Перед нами начало открытой атаки на Сталина как генсека с использованием всех имеющихся средств давления. Но при этом опять лукавство с целью успокоить и дезориентировать противника: «О "разрыве" зря говорить. Его партия не допустит. Мы его не хотим^{19*}. Максимум — отойдем в сторонку. Другого ядра нет. И оно вполне справится, если Вы захотите. Без Вас его себе не мыслим... Ни минуты не сомневаемся, что сговоримся». В этом письме Зиновьева и Бухарина отчетливо прорисовывается интерес, который ими двигал, — потеснить Сталина у руководства партией и страной. Именно этой цели служит в письмах Зиновьева и Бухарина упоминание о «письме Ильича о секретаре».

Далее они писали: «Письмо Ильича. Да, существует письмо В.И., в котором он советует (XII съезду) не выбирать Вас секретарем. Мы (Бух[арин], Камен[ев] и я) решили пока Вам о нем не говорить. По понятной причине: Вы и так воспринимали разногласия с В.И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас нервировать»[1522].

Интересно утверждение Зиновьева и Бухарина, что это «письмо Ильича о секретаре» является письмом к XII съезду. Если принять на веру утверждение, что «характеристики» от 24—25 декабря предназначались для съезда, который должен был состояться уже после смерти Ленина, а записи от 4 января — для XII съезда, то рушится вся легенда о «Письме к съезду», состоящем из диктовок 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. Выше говорилось, что пожелание автора «диктовки» от 4 января 1923 г. «обдумать способ перемещения» имеет смысл при обращении не к съезду партии, а к группе единомышленников. Зиновьев и Бухарин поступают не просто в соответствии с общей установкой автора этого документа, но и сообразно с теми действиями, которые в нем подразумеваются. Они стремились обсудить этот вопрос в рамках группы единомышленников — членов ЦК и объединить их на базе своих предложений, имея в виду потом провести соответствующее решение через Пленум ЦК РКП(б).

Свои предложения они аргументировали так: «Суть: Ильича нет. Секретариат ЦЕКА поэтому объективно (без злых желаний В[аших]) начинает играть в ЦК ту же роль, что секретариат в любом Губкоме, т.е. *на деле* (не формально) *решает все*. Это факт, который отрицать нельзя^{20*}. Никто не хочет ставить политкомов (Вы даже Орг[бюро], Политбюро и Пленум зачисляете в Политкомы!). Но *действительное* (а не формальное) существование "группы" и *равноправное* сотрудничество и ответственность при нынешнем режиме *невозможны...* *А положение (и с Троцким) и с разными "платформами") осложняется* и недовольство в партии растет (не смотрите на поверхность). Отсюда — поиски лучшей формы сотрудничества (выделено нами. — В.С.).

О "местах" и пр[очем] зря говорить. Ни Вам, ни нам они не нужны кон[ечно]»[1523].

Косвенные, но интересные свидетельства о связи «письма Ильича о секретаре» именно с этой фазой внутрипартийной борьбы (после XII съезда РКП(б)) содержит рассказ Зиновьева на XIV съезде РКП(б) о «пещерном совещании». Зиновьев: «Без Владимира Ильича стало всем ясно, что Секретариат ЦК должен приобрести абсолютно решающее значение. Все думали, как бы это сделать так... чтобы мы имели известное равновесие сил и не наделали больших политических ошибок, выходя в первое наше большое политическое плавание без Владимира Ильича... В это время назревали уже кое-какие личные

столкновения — и довольно острые столкновения — с тов. Сталиным...»[1524].

Отсюда вывод, что *Сталин в качестве генерального секретаря как фактор, осложняющий дружную работу Политбюро и ЦК и грозящий расколом ЦК и партии, стал рассматриваться не ранее* окончания XII съезда партии. До этого времени никто ни в выступлении на съезде, ни в других документах не фиксировал эту опасность. Следовательно, и «добавление» к «характеристикам» (диктовка 4 января 1922 г.), в котором фиксируется данная угроза как исходящая от Сталина, не могло появиться ранее окончания съезда (25 апреля 1923 г.). Иначе говоря, оно не могло принадлежать Ленину, а ее автора надо искать в очерченном круге политических деятелей: членов и кандидатов в члены Политбюро и политически сочувствующих им лиц из ближайшего окружения Ленина (члены семьи, секретари).

Многие упреки Зиновьева и Бухарина в адрес Сталина перекликаются с теми, что имеются в диктовке 4 января 1923 г. Вот как они идут из письма в письмо. Бухарин: Сталин *«меня вывел из терпения тем, что изменил состав редакции "Правды", даже не запросив меня»*. Зиновьев: Сталин *«прямо издевается», «он назначает»* уполномоченных ЦК, *«своя рука владыка», «пришел, увидел и разрешил», «нас даже не удосуживают ответом»*, Сталин *не может «так обращаться» с Бухариным*, *«мы этого терпеть больше не будем»*, *«единодержавие Сталина», «эти свинства» «есть диктатура Сталина»*. *«Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема», «давно уже недовольны», «все обижены», «вы ставите нас перед свершившимся фактом, нельзя не поднять "знамя протеста"», Сталин «нас надувает», «водит за нос», «нужно коренное изменение оргметодов»*[1525].

Конечно, можно сказать, что эти оценки служат доказательством правильности тех замечаний Сталину, которые были сделаны Лениным в «добавлении» к «характеристикам». Но ни ленинское авторство этого «письма Ильича о секретаре» нельзя считать доказанным, ни время его создания нельзя считать установленным. Значит, такой ответ нельзя признать аргументированным. Все известное нам о содержании и истории введения этого «письма Ильича о секретаре» в политический обиход позволяет предположить, что в нем проявились настроения, имевшиеся среди ряда членов Политбюро и ЦК, заинтересованных в изменении баланса политических сил в ЦК и лишении Сталина тех дополнительных возможностей в деле руководства партией, которые давала ему должность генсека и фактическое руководство работой Оргбюро.

Между «письмом Ильича о секретаре» и предложениями Зиновьева—Бухарина по реорганизации Секретариата и Оргбюро имеется и более глубокая связь. В «письме о секретаре» говорится о личных качествах Сталина, представляющих опасность на должности генсека, а в предложениях Зиновьева и Бухарина акцент делается на должности генсека и сопряженных с ней опасностях, исходящих от Сталина. В «письме о секретаре» в общем виде сформулирована задача *«обдумать» способ перемещения* Сталина с поста генсека, что позволило бы лишить его «необъятной власти». В предложениях Зиновьева и Бухарина предлагается вариант реализации этой общей установки (т.е. «товарищами» «обдумывается» «способ перемещения»): Сталин пока оставался генеральным секретарем, но благодаря введению в Секретариат Зиновьева и Троцкого должность Генерального секретаря ЦК утрачивала свое прежнее политическое значение. Это — шаг первый, сразу лишаящий Сталина изрядной доли политической власти. Шаг второй может сделать сам Сталин, покинув эту должность. *Цель, поставленная в «письме Ильича о секретаре», достигалась*. Сталин заявил о готовности сделать этот шаг. Но в итоге не сделал. Тот факт, что эти предложения, провоцировавшие Сталина, исходили от Зиновьева и Бухарина, а Троцкий не проявил никакого видимого участия в этом и, как выясняется, в конце концов не поддержал их, приводит к выводу, что он, Троцкий, скорее всего не имеет отношения к созданию «письма о секретаре»^{21*}. Если учесть различную степень близости политических и личных отношений Зиновьева и Бухарина с Крупской, то есть смысл внимательнее присмотреться к фигуре Зиновьева как человека, наиболее заинтересованного в такой перегруппировке сил

внутри руководства партии, какая предписывалась Автором «письма».

История первого обнародования «характеристик» и «письма Ильича о секретаре» позволяет увидеть еще одно важное отличие «добавления» к «характеристикам» от самих «характеристик», которые принято считать органическими частями одного целого — «Письма к съезду». Во-первых, *если «характеристики» были рассчитаны на публикацию*, то «письмо Ильича о секретаре» *вводится в политический обиход как документ настолько большой секретности*, что его до времени утаивали даже от Сталина и он имел хождение лишь в узком кругу части членов Политбюро. Во-вторых, «Письмо Ильича о секретаре» использовалось причастными к нему людьми как средство давления на Сталина — сначала в форме извещения о его существовании, а потом и для указания на свою солидарность с «письмом» и свое давнишнее желание реализовать его установки.

Успех не сопутствовал этой затее. План Зиновьева и Бухарина никакого энтузиазма у Каменева не вызвал, возможно, потому, что в случае его осуществления тот политически больше терял, чем приобретал, так как весь реальный выигрыш доставался бы Троцкому. Каменев уклонился от поддержки плана Зиновьева-Бухарина и, таким образом, оказал поддержку Сталину. Не поддержал их и ряд других авторитетных членов ЦК и ЦКК. Позиции Сталина в ЦК оказались сильнее, чем думали Зиновьев и Бухарин. Он не поддался на шантаж.

Обсуждение этого вопроса было продолжено с его участием. Зиновьев на XIV съезде ВКП(б) рассказывал, что в Кисловодске «состоялось у нас несколько разговоров^{22*}. Было решено в конце концов, что Секретариат не будем трогать, а для того, чтобы увязать организационную работу с политической, введем в Оргбюро трех членов Политбюро. Это тоже не особенно практическое предложение внес тов. Сталин, и мы на него согласились»[1526]. Сталин не возражал, значит, согласился с версией Зиновьева. Следовательно, начавшийся конфликт был урегулирован на основе предложения Сталина, а не Бухарина. Произошла «политизация» не Секретариата, а Оргбюро. 25 сентября 1923 г. Пленум ЦК РКП(б) заслушал доклад Молотова о пополнении состава Оргбюро ЦК и постановил: «Пополнить состав Оргбюро двумя членами Политбюро тт. Зиновьевым и Троцким, а число кандидатов Оргбюро тт. Коротковым и Бухариным»[1527]. Короткову было отдано первенство перед Бухариным^{23*}. «Письмо Ильича о секретаре» как средство давления на Сталина оказалось неэффективным. Сталин знал, кому и что он предлагал! В Оргбюро надо работать — через него проходило огромное количество вопросов. Сталин остался «при своих», а они получили не дополнительную власть, к которой стремились, а дополнительный объем работы. Желание участвовать в ней, выраженное в их письмах, оказалось на поверку не более чем камуфляжем истинных намерений. Они получили не то, чего хотели в действительности. Зиновьев признавался: «Я посетил заседание Оргбюро, кажется, один или два раза, т.т. Бухарин и Троцкий как будто не были ни разу. Из этого ничего не вышло. И эта попытка оказалась ни к чему»[1528].

Сталин отбил атаку, направленную не только против него лично, но и против решений недавно закончившегося XII съезда партии, ведь предлагаемая Зиновьевы и Бухариным реорганизация центральных органов партии ломала ту схему, которая была выработана совместно накануне съезда и принята им. Было предотвращено изменение политического курса, так как в случае успеха этого замысла произошло бы усиление политических позиций Троцкого.

Бурные события осени 1923 г. — назревавшая революция в Германии и начавшийся экономический кризис в СССР, а также вспыхнувшая острая общепартийная дискуссия — отодвинули внутренние противоречия внутри «тройки» на задний план, лишив их на время политической актуальности.

* В таком случае нарушение последней политической воли Ленина со стороны Крупской и секретарей стало нормой. Первое нарушение выразилось в передаче записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», второе — «характеристик», третьим

стало вбрасывание в политический обиход «письма Ильича о секретаре».

** Молотов, вспоминая об этом времени, говорил что Зиновьев «затеял интригу против Сталина и всей нашей группы, которая сколачивалась вокруг Сталина» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 183).

*** Васецкий приводит очень интересное письмо А.А. Иоффе Г.Е. Зиновьеву, датированное 23 января 1924 г., обоснованно предполагая, что сама его идея обговаривалась с Троцким прежде. Иоффе предлагал после Ленина не назначать Председателя СНК, а создать Президиум СНК в составе: Троцкий, Зиновьев, Каменев. Если это не будет принято, то Председателем СНК предлагался Троцкий, следующий за ним кандидат — Зиновьев, а за ним — Каменев (см.: *Васецкий Н.А. Троцкий. Опыт политической биографии.* М., 1992. С. 193). Это предложение означало, что вопросы управления государством, в том числе и хозяйственные, естественно, «уйдут» из Политбюро. В итоге реализуется та схема разделения власти между партией и государством, на которой давно настаивал Троцкий и против которой боролся Ленин.

**** По свидетельству Молотова, Орджоникидзе в середине 20-х годов находился под заметным влиянием Зиновьева и испытывал политические колебания между ним и Сталиным, когда началась борьба с новой оппозицией, возглавляемой Зиновьевым и Каменевым (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 190—191).

***** Был ли он инициатором обсуждения этого вопроса или просто взял на себя задачу первым «надавить» на Каменева, мы, видимо, не узнаем. Может быть, Бухарин взял на себя этот труд потому, что Зиновьеву в бытность его в Москве не удалось склонить Каменева на свою сторону? Не исключено, что инициатива в активизации вопроса о реорганизации органов ЦК РКП (б) принадлежала Бухарину, а не Зиновьеву.

***** Переписка показывает, что Бухарин был не только более жестко и решительно настроен на бой, но и более открыт. Зиновьев более скрытен, он лишь по необходимости сбрасывает камуфляж и начинает открытый бой. Что за этим? Только ли характер? Может быть, Бухарин провоцировал конфликт, который бы гарантировал развал «тройки»?

***** 15 июля 1923 г. Политбюро решило, что на время отпуска Бухарина в «Правде» его заменит Преображенский (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 363. Л. 1).

***** О ком идет речь — неясно.

***** Хорошо просматривается политическая позиция Ульяновой. «Они» — это Политбюро, назначившее А.С. Бубнова. «Мы» и «они». Очевидно, имеет место противостояние «им», т.е. Политбюро, не только Ульяновой, но и Бухарина.

***** Интересно сравнить эти заявления Зиновьева с распространенным в историографии мнением, согласно которому в «тройке» Сталин занимал самое скромное, подчиненное положение, а ее лидером был Зиновьев.

***** В публикации они идут под номерами 1 и 2, что в искаженном виде представляет историю развития конфликта, фактически представляя более ранние письма Зиновьева и Бухарина как реакцию на эти письма Сталина.

***** Эта информация является дополнительным свидетельством в пользу вывода, что в это время Сталин и Каменев находились в более тесных деловых отношениях, чем Сталин и Зиновьев. Однако политически Каменев, видимо, был ближе к Зиновьеву, чем к Сталину. Он был посвящен в замыслы Зиновьева, но, судя по всему, не посвящал в них Сталина. Возможно, он «буферил». Зиновьев метил в вожди, и поэтому Сталин был для него прямой помехой. Вождистские устремления у Каменева не заметны, но определенная «ревность» к усилению политических позиций Сталина у него, очевидно, была.

***** Сталин понял то, чего не поняли (или сделали вид, что не поняли) публикаторы этих документов в «Известиях ЦК КПСС». Нельзя согласиться с ними в том, что цель предложений Зиновьева и Бухарина состояла в «большей консолидации в работе ЦК» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196). Зиновьев и Бухарин желают не консолидации, а совершенно определенного изменения баланса сил и готовы ради него начать борьбу за

реализацию своих представлений о том, каким этот баланс должен быть.

14* Видимо, описка. У Зиновьева: «в дурную сторону». Следовательно, Сталин истолковал предложения Зиновьева именно в «дурную сторону».

15* Молотов на XIV съезде говорил, что «председателем Политбюро состоял в течение последних лет неизменно тов. Каменев» (XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. М: Л., 1926. С. 484).

16* Вопрос о посылке и неполучении этого письма возник на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В ответ на заявление Зиновьева о посылке письма Сталину он заявил: «Никакого письма Бухарина и Зиновьева из Кисловодска от 10 августа 23 г. я не получал, — мнимая цитата из мнимого письма есть вымысел, сплетня» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 105). Он был вправе так заявить. Ясность в этот вопрос внес Бухарин, который в заявлении по личному вопросу, направленном в адрес июльского (1926) Объединенного Пленума ЦК и ЦКК, писал: «Что касается письма от 10 авг. 1923 г., то я решительно отрицаю, что такое письмо было отослано» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 104). Почему оно не было отправлено — Бухарин не поясняет.

17* Видимо, прежде, через посредничество Серго, они этого не делали, а ограничивались еще более общей информацией, наращивая силу удара с помощью не только самого «письма Ильича», но и за счет дозирования информации о нем.

18* Нельзя не обратить внимание на внутреннюю нелогичность этого утверждения. У кого должны отдохнуть нервы? С одной стороны, именно у Сталина, который неадекватно воспринимал критику, с другой — Сталин продолжал работать в Москве и истощать нервную систему, а Бухарин и Зиновьев занимались ее укреплением... Когда они находились вдали от Москвы, сумели провести соответствующую обработку ряда членов ЦК. Возможно, что делалось все это в преддверии очередного Пленума ЦК РКП(б).

19* «Мы» противопоставляются Сталину. Это свидетельствует об уже сформировавшемся втором фронте раскола: Сталин против Зиновьева и К°.

20* С этим утверждением никак нельзя согласиться. Все принципиальные решения шли через Политбюро, в котором те же Троцкий, Зиновьев или Каменев могли оспорить любое решение Секретариата или Оргбюро и потребовать вернуться к этому вопросу, провести его через Политбюро.

21* Это предположение сделано на основе доступного материала. До получения ответа на вопросы, кто, когда и кому передал текст «письма», мы не можем полностью исключить причастности к появлению и использованию этого документа Троцкого в качестве истинного руководителя этой интриги, стоящего за спиной Зиновьева и Бухарина и использовавшего Зиновьева с помощью Бухарина для разложения «тройки». Технически это было осуществимо, поскольку Троцкий в это время также отдыхал в Кисловодске (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196).

22* Когда именно Сталин приезжал в Кисловодск — пока установить не удастся. 9 августа 1923 г. Политбюро предоставило Сталину отпуск с 15 августа на 1,5 месяца (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 370. Л. 7). Начало отпуска, вероятно, пришлось отложить, т.к. 16 и 21 августа Сталин присутствует на заседании Политбюро. Только с 4 сентября Сталин в течение непродолжительного времени не участвует в работе Политбюро. Возможно, этот вопрос обсуждался 21 и 23 августа 1923 г., когда Троцкий, Зиновьев и Бухарин, прервав отпуск, приехали в Москву для обсуждения вопросов, связанных с назревавшей в Германии революцией (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 374. Л. 1; Д. 375. Л. 6).

23* Интересно, что публикаторы документов по истории «пещерного совещания» решили «исправить» «ошибку» Пленума ЦК в отношении Бухарина и, излагая это решение, отдали первенство Бухарину, поставив его в списке на первое место (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196).

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ «ВОЛИ ЛЕНИНА» В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ

ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ

§ 1. МЕТАМОРФОЗЫ: ПРЕВРАЩЕНИЕ «ЗАПИСОК» ЛЕНИНА В «ПИСЬМО К СЪЕЗДУ»

Время, последовавшее за перепиской между Зиновьевым, Бухариным и Сталиным вплоть до XIII съезда РКП(б), когда делегатам съезда было предъявлено «Письмо к съезду», — очень важный период превращения «характеристик» и «письма Ильича о секретаре» в ленинское «Письмо к съезду», которому было придано значение «политического завещания», обращенного к съезду партии. Условия для этого превращения возникли после смерти Ленина, а политические стимулы были созданы поражением троцкистской оппозиции в ходе общепартийной дискуссии (октябрь 1923 г. — январь 1924 г.). Эта дискуссия выдвинула на первый план много новых вопросов, но вопросы, поставленные перед партией ленинским «Завещанием», занимали среди них видное место. В данном параграфе, не останавливаясь на истории внутрипартийной борьбы, рассмотрим лишь эти вопросы.

В первом документе этой дискуссии — в письме, которое Троцкий направил в ЦК РКП(б) 8 октября 1923 г., он попытался поставить себе на службу ленинские записки о Госплане, уверяя, что в них «высказывается мысль о необходимости наделения Госплана даже законодательными (вернее, административно-распорядительными) правами»[1529]. Легко заметить, как Троцкий «превращает» Ленина в своего единомышленника. С помощью слова «даже» Троцкий пытается внушить, что Ленин якобы предлагал предоставить Госплану и законодательные и административные права. Приводя известное предложение о желании Ленина «пойти навстречу тов. Троцкому» в вопросе предоставления Госплану законодательных функций[1530], автор письма умалчивает о той иронии, которая крылась в этом «согласии»: он не требовал придания Госплану законодательных функций, он ратовал за придание Госплану распорядительных прав. Идя на прямой подлог, Троцкий трактует законодательные права как административно-распределительные. При этом Троцкий уже не скрывал своего желания работать в СНК и возглавить Госплан, но при условии его реорганизации на основе своих предложений: «Если бы меня сняли с другой работы и посадили в Госплан, я бы не возражал... что я буду делать в СНК, если не будет реорганизован Госплан?»[1531].

Члены Политбюро ЦК РКП(б) (Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский) ответили на письмо Троцкого своим, которое они направили 19 октября в ЦК РКП(б). В нем они указали на несостоятельность попыток Троцкого найти опору своим взглядам в записках Ленина о Госплане, суть которых «заключается в том, что тов. Ленин выступает против идеи назначения председателем Госплана тов. Троцкого»[1532]. Это соответствовало истине. Вместе с тем члены Политбюро отметили, что Троцкий ведет себя по формуле: «или все, или ничего». «Тов. Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что: или партия должна представить тов. Троцкому фактически диктатуру в области хозяйства и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собою лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе... Против этого назначения долгое время боролся тов. Ленин, и мы считаем, что он был совершенно прав»[1533].

Другой вопрос «Политического завещания» — национальный — в ходе этой дискуссии был использован оппозицией ограниченно, поскольку политическая острота этой проблемы уже была приглушена и получить с ее помощью политические дивиденды в борьбе против ЦК РКП(б) и Сталина было трудно. Тем не менее Троцкий сделал что мог. В письме в ЦК РКП(б) от 23 октября 1923 г., которое троцкисты широко распространяли среди членов московской партийной организации, он, сказав о существовании сохраняемого в секрете «письма Ленина по национальному вопросу от 30-го декабря 1922 г.», потребовал его публикации. Кроме того, он воспроизвел текст письма Ленина ему от 5 марта 1923 г. и

изложил свою версию конспиративных контактов Ленина с ним по поводу организации борьбы против Сталина в защиту грузинских национал-уклонистов[1534]*.

Наиболее активно Троцким и его сторонниками использовалась в это время статья Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и история ее обсуждения в Политбюро. Используя ленинскую критику РКИ и предложения о реорганизации Рабкрина, Троцкий попытался поставить их себе на службу, представляя Сталина в качестве виновника всех недостатков работы Рабоче-Крестьянской инспекции и без должных оснований всецело адресуя ему ленинскую критику. Одновременно Троцкий отрицал существование у себя серьезных разногласий с Лениным по этому вопросу, оценивая идею организации РКИ как великолепную и заслуживающую всяческой поддержки. При этом прав оказывался не Ленин, а он, Троцкий, поскольку Ленин под давлением фактов вынужден был отказаться от своей прежней высокой оценки РКИ и изменить ее, солидаризируясь с ним, Троцким, и даже превзойдя его в критике.

После такой подготовки Троцкий наносил главный удар, вводя в бой свою версию истории обсуждения в Политбюро вопроса о публикации ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин». По утверждению Троцкого, статья была передана в январе 1923 г. в редакцию «Правды» для опубликования. Бухарин не решался напечатать ее. Крупская сообщила об этом ему, Троцкому, «и попросила вмешаться в целях скорейшего напечатания статьи. На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствующие: т.т. Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин были не только против плана т. Ленина, но и против самого напечатания статьи. Особенно резко и категорически возражали члены Секретариата. Ввиду настойчивых требований т. Ленина о том, чтобы статья была ему показана в напечатанном виде, т. Куйбышев... предложил... отпечатать в одном экземпляре специальный номер "Правды" со статьей т. Ленина для того, чтобы успокоить его, скрыв в то же время статью от партии. Я доказывал, что предложенная т. Лениным радикальная реформа прогрессивна сама по себе... но, что даже и при отрицательном отношении к этому предложению было бы смешно и нелепо ограждать партию от предложений т. Ленина. Мне отвечали доводами в духе все того же формализма: "Мы ЦК, мы несем ответственность, мы решаем"... Главным аргументом, склонившим к напечатанию письма, был тот довод, что ленинской статьи от партии все равно не скроешь». По словам Троцкого, поддержку он получил только от Каменева, с опозданием пришедшего на заседание[1535]. Выше было показано, что события развивались иначе (см. ч. 3, гл. 1).

Утверждение Троцкого, что Политбюро было создано по его требованию, не соответствует действительности. Об этом свидетельствует его собственная записка Склянскому от 21 января 1923 г. В ней Троцкий сообщает, что в четверг, т.е. 25 января, состоится заседание Политбюро и предлагает вынести на него вопросы Реввоенсовета[1536].

История обсуждения в Политбюро вопроса о публикации этой статьи заняла видное место в дискуссии на октябрьском (1923) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК. Разъяснения давал Сталин[1537], а также Куйбышев, оказавшийся «главным обвиняемым». Они выступали перед массовой аудиторией, в которой присутствовали те, кто принимал участие в заседании Политбюро 25 января 1923 г.** Они опровергали рассказ Троцкого. Никто из присутствовавших, в том числе и Троцкий, не отрицали сказанного ими. Куйбышев, в частности, заявил, что «для всех... присутствующих были ясны действительные мотивы моего предложения. Ясны они были и для т. Троцкого, который только значительно позднее, когда надо было ему вести борьбу с ЦКК, вытащил из своей памяти, всеми забытую мельком высказанную и не повторенную на заседании фразу и вдруг вознегодовал против попытки с моей стороны скрыть статью от партии»[1538].

Но и после Объединенного Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) эта тема не была оставлена, более того, оппозиционеры начали распространять слухи о кознях Сталина и Куйбышева против Ленина и его статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин». В письме в ЦК РКП(б) от 31 декабря 1923 г. члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК РКП(б) — Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рудзутак, Рыков, Сталин, Томский, участники этих событий —

версию Троцкого оценили как легенду и изложили свою, во всем существенном с ней расходившуюся. Суть ее — записки поступили в президиум съезда Советов, оттуда — в Политбюро. Предложения Куйбышева Политбюро не обсуждало, сразу решив опубликовать статью[1539]. Бухарин, подписав это письмо, фактически отказался от той роли, которую отвел ему Троцкий в этой истории. А с ней исчезает опора под «детективной» составляющей рассказа Троцкого — о передаче Крупской статьи Бухарину, о его нерешительности, о мужественном поступке Троцкого, потребовавшего опубликовать эту статью, о недостойном поведении секретарей ЦК, предложении Куйбышева обмануть Ленина. Со стороны Троцкого не последовало никаких аргументированных публичных опровержений; позднее он лишь повторял собственную, ничем не подтвержденную версию.

Оппозиционеры продолжали распространять сплетни. Так, 9 января 1924 г. Сапронов, выступавший в качестве содокладчика по докладу Каменева на 2-й хамовнической районной партийной конференции, заявил: «Ленин перед XII съездом поручил Троцкому защищать ленинскую позицию. По вопросу о Рабкрине Антонов (В.А. Антонов-Овсеенко. — В.С.) оглашал следующий факт. Когда Ленин написал статью о Рабкрине, редакция "Правды" отказалась поместить, и принесли в Политбюро эту статью. Там обсуждали вопрос, помещать или не помещать статью. Большинство Политбюро было против. Троцкий говорил: "Как же вы хотите скрыть от партии статью Ленина, а если он потребует газету, захочет посмотреть". Тогда они сказали: "Напечатаем один номер и покажем ему". (ГОЛОСА: "Позор")». Каменев в ответ заявил делегатам конференции: «Я утверждаю, что т. Сапронов сказал неправду. (Аплодисменты)», и предложил: «Раз вы кидаете такое обвинение, то выбирайте комиссию... чтобы она рассмотрела это дело»[1540]. Комиссия была создана, на ее заседании 10 января 1924 г. Сапронов повторил свой рассказ, дополнив его рядом деталей, при этом выявив противоречивость и путаность своих показаний[1541]. Комиссия решила запросить ответы у всех участников этого заседания Политбюро. 11 января письма с просьбой ответить на поставленные вопросы были направлены всем членам Политбюро, председателю ЦКК В.В. Куйбышеву, членам редакции «Правды» Бухарину и Преображенскому, а также Пятакову[1542]. Ответ прислали только Куйбышев (23 февраля 1924 г.) и Сталин (4 марта 1924 г.). Они показали, что рассказ Сапронова не соответствовал действительности и преследовал цель дезинформации.

Куйбышев подробно рассказал о событиях, предшествующих заседанию Политбюро, и об обсуждении вопроса о статье на самом заседании Политбюро. Он признавал: «У меня лично вначале сложилось впечатление, что усилившаяся к тому времени болезнь Влад[имира] Ильича отразилась на статье. Это впечатление усиливалось нервным настаиванием т. Ленина и нажимом на т. Бухарина, чтобы статья во что бы то ни стало была помещена в завтрашнем номере и ему показана. Между тем обращалось внимание на некоторые отдельные места статьи, которые, будучи взяты обособленно, были непонятны и казались странными: раскол партии, лучший наркомат НКВД, детальное определение количества служащих РКК и т.д., наконец, обращалось внимание на неверный адрес статьи. Особенно поражали места о расколе, поскольку они не соответствовали тогдашним конкретным взаимоотношениям внутри ЦК и Политбюро... Высказывались летучие отзывы и предложения. В этой нервной обстановке, создавшейся благодаря опасениям за здоровье Ильича, у меня, повторяю, не ознакомившегося по-настоящему со статьей в целом, мелькнула мысль: "если Ильич болен и в статье эта болезнь отразилась, и если Ильичу необходимо показать эту статью напечатанной, то не набрать ли специальный номер «Правды»"? Эту мысль я высказал. Но это были летучие мысли вслух. Я сразу же от этой мысли отказался. Больше ее не повторил, на обсуждении ее не настаивал». Он также отметил, что Троцкий, выступавший на октябрьском (1923) Объединенном пленуме ЦК и ЦКК РКП(б), «не опровергал правильности моего изложения обстоятельств, связанных со статьей Ильича». В рассказе Куйбышева содержится еще одна информация, изобличающая Троцкого во лжи: обсуждение статьи началось в самом начале заседания Политбюро, читал ее и по ходу чтения комментировал Каменев[1543]. Это заявление ставит под вопрос

утверждение Троцкого, уверявшего, что Каменев пришел на Политбюро с опозданием, когда уже шли дебаты. Смысл этой «маленькой» лжи Троцкого очевиден, он заключается в попытке представить себя как человека, первым взявшего на себя труд защиты ленинских оценок и предложений. Куйбышев также писал, что «если бы негодование т. Троцкого» по поводу фразы о спецномере газеты «Правда» «было хоть сколько-нибудь искренним, то совершенно очевидно, что т. Троцкий должен был бы возражать на съезде против моей кандидатуры в ЦКК. Возражений с его стороны не было, ибо и т. Троцкий до своего похода против ЦК и ЦКК не придавал моей фразе того значения, какое ему было подсказано впоследствии интересами борьбы»[1544]***. Аналогичное заявление Куйбышев сделал и в письме членам ЦК и ЦКК РКП(б), направленном 25 февраля 1924 г.[1545] Сталин в своем ответе на запрос хамовнической партконференции также отрицал факт внесения Куйбышевым этого предложения в Политбюро и его обсуждения на нем, не исключая возможности подобных разговоров в частных беседах до заседания Политбюро[1546]. Троцкий промолчал и на этот раз****.

Проблемы, поставленные в «Письме к съезду», в это время также были использованы в интересах борьбы троцкистской оппозиции против ЦК РКП(б). Через несколько дней после окончания работы Объединенного Пленума ЦК и ЦКК РКП(б), в ходе которого Троцкий и его сторонники потерпели сокрушительное поражение, Крупская 31 октября 1923 г. направила Зиновьеву письмо, в котором взяла под защиту Троцкого и напала на «характеристики», фактически пригрозив ими. Любопытна ее оценка той дискуссии по принципиальным вопросам, которая шла на Объединенном Пленуме: «Вы согласитесь, что весь инцидент сплошное безобразие — приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу, Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие... Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов»*****. «А теперь главное, — пишет она. — Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо пробовать с ним по-товарищески столкнуться... суть дела: надо учитывать Троцкого, как партийную силу, и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была бы для партии максимально использована». «Формально сейчас весь одиум***** за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела, — разве Троцкого не довели до этого? Деталей я не знаю, да и не в них дело...»[1547]. Не зная всех обстоятельств и деталей «дела», как можно о нем судить?*****

По-разному можно оценивать это письмо. Нельзя только отрицать одного: Крупская выступает в роли адвоката Троцкого, пытается вывести его из-под политического удара, под который он сам себя поставил, и пытается поддержать его своим авторитетом. Крупская сгущала краски и пугала расколом, в то время как ЦК, ЦКК партии и наиболее крупные партийные организации сплоченно выступили против Троцкого. Она не просто старается «по справедливости» распределить вину между ленинской группой и Троцким, не просто защищает «обиженного» и «невинно обвиненного» Троцкого, таланты которого остаются недооцененными и невостребованными. Крупская развивает атаку Троцкого на главное политическое направление, поддерживая главный пункт его обвинений — что в Политбюро есть силы, стремящиеся углубить разногласия и «уничтожить почву для дальнейшей совместной коллективной работы»[1548]. Крупская призывает к компромиссу с Троцким за счет отказа победителей от достигнутой победы, который означал бы превращение поражения Троцкого в его победу.

Письмо адресовалось Зиновьеву. Опять Зиновьеву! Как и «характеристики» и, возможно, «письмо Ильича о секретаре». Очевидно, Крупская считала его удобным каналом для оказания давления на Политбюро. Обращаясь к нему, она пытается воздействовать на членов ленинской группы в самом слабом ее звене. Для нас важно отметить то, что письмо дает дополнительные свидетельства в пользу того, что к этому времени «характеристики» были известны Зиновьеву и, самое главное, что Крупская уже активно использовала их как средство политического давления на ЦК РКП(б) в интересах Троцкого. Она писала

Зиновьеву: «Вы знаете, что В.И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других»[1549].

Проблематика «Письма к съезду» прозвучала также и в письме Троцкого к партийным совещаниям — «Новый курс» (датировано 8 декабря 1923 г.), с которым он обратился через голову ЦК к районным партийным собраниям Москвы. 11 декабря это письмо было напечатано в газете «Правда»[1550]. В нем Троцкий, прикрываясь тезисами о демократизации и критикой «чрезвычайного усиления» партийного аппарата, продолжал атаковать линию в партстроительстве, которую Ленин проводил с X съезда партии. Троцкий рассматривал ее как причину роста партийного бюрократизма, мешающего росту партийной молодежи, которая является «вернейшим барометром партии»[1551]. Выставляя «аппаратный бюрократизм» в качестве «одного из важнейших источников фракционности и провозглашая лозунг борьбы с фракционностью (т.е. с угрозой раскола), Троцкий возлагал на партийный аппарат, в том числе и на центральный, ответственность за возникновение и существование фракций в партии.

Представляя себя защитником партийной демократии и гарантом партии от раскола, Троцкий требовал «освоить и обновить партийный аппарат, заставив его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива»[1552]. Троцкий фактически бросал в партию призыв «перетряхнуть с песочечком» кадры партийного аппарата, как три года назад призывал проделать это с профсоюзными кадрами. Орудием этого «перетряхивания» должна была стать партийная молодежь. Противопоставление молодого поколения партии старшему он слегка прикрывал заявлением о необходимости их взаимодействия в рамках внутрипартийной демократии, однако само взаимодействие представлялось таким образом, будто оно являлось гарантией против перерождения старшего поколения. Получалось, что партийная молодежь такой опасности не подвергалась и, следовательно, выступала в качестве спасительницы партии. Для того чтобы обеспечить успех борьбы, партийной молодежи из всех возможных видов постижения опыта большевистской партии и обучения политике рекомендовалось одно — упорное противостояние партийному аппарату и принятым вышестоящими партийными органами решениям, если они не отвечали настроениям партийной молодежи. Троцкий рекомендовал не опасаться остаться в меньшинстве (поскольку меньшинство не всегда не право) и возобновлять свою борьбу «второй раз, и третий, и десятый»*****.

Предложенная Троцким постановка вопроса о «секретарском» режиме в партии, противопоставление им молодого поколения партии старому (т.е. старым большевистским кадрам) в сочетании с призывом вести непримиримую борьбу с опасностью, которая исходит от старшего поколения партии, фактически была направлена против тех, кто упрекал Троцкого в меньшевизме. Троцкий поднял знамя борьбы как раз против этого слоя — старой партийной гвардии, чей авторитет Ленин считал залогом способности проведения партией пролетарской политики[1553]. Поэтому можно сказать, что данное выступление Троцкого находится в противоречии с теми взглядами, которых придерживался Ленин, и перекликается с теми, которые встречаются у Автора «Письма к съезду».

В целом письмо «Новый курс», развивая основные идеи «Письма к съезду», шло гораздо дальше, переводило содержащиеся в нем общие установки в плоскость практических политических действий, направленных на смену руководящего ядра партии. Возможно, поэтому на этой фазе борьбы Троцкий не использовал ни «характеристик», ни «письма Ильича о секретаре».

Итоги дискуссии подвела XIII конференция РКП(б). Центральным событием ее стал доклад Сталина. Сторонники Троцкого защищались откровенно слабо. Конференция осудила выступления Троцкого и объединенной оппозиции и оценила их как «прямой отход от ленинизма», как «явно выраженный мелкобуржуазный уклон в РКП(б)»[1554].

Через несколько дней после окончания конференции — 21 января 1924 г. — умер Владимир Ильич Ленин. В 2 часа 30 минут ночи 22 января после возвращения членов ЦК из Горок собрался Пленум ЦК РКП(б), обсуждавший вопросы организации похорон[1555].

Среди прочих было принято решение о судьбе бумаг В.И. Ленина: «Для приема бумаг, оставшихся после Владимира Ильича, назначить комиссию в составе т.т. Сталина, Зиновьева, Каменева, Марии Ильиничны, Надежды Константиновны, Бухарина и Смирнова; этой же комиссии принять меры к сохранению всего связанного с памятью об Ильиче (кабинет и пр.)»[1556]*****.

Москва прощалась с Лениным... Но жизнь брала свое, и смерть Ленина выявила обеспокоенность людей политическим будущим страны. Только что закончилась дискуссия, но все понимают, что борьба не закончена. Москвичи оживленно обсуждают ожидаемые политические перемены. ОГПУ внимательно слушает их. На улицах, в учреждениях... Для историков откладывается интереснейший материал, еще не использованный ими. Информационные сводки ОГПУ свидетельствуют, что о смерти Ленина сожалеют, ему отдают должное даже те, кто не был согласен с ним. Опасаются за судьбу НЭПа, на который покушался в последней дискуссии Троцкий. Много разговоров о переменах во власти. Общественное мнение будоражат нелегально распространяемые оппозицией листовки и тексты ленинского «Завещания». Гадают, кто станет председателем СНК, называются Троцкий, Каменев, Рыков и ряд других, в том числе и Буденный. Троцкий как возможный преемник Ленина на этом посту называется чаще других.

О Сталине тоже говорят, но не часто. Редко кто прочит его в преемники Ленина на посту предсовнаркома, но не потому, что он неизвестен или считается, что он не подходит для этой работы. Хотя Сталин для многих, видимо, фигура загадочная, люди понимают: Сталин держит власть. Его авторитет резко вырос в ходе последней дискуссии. Представитель итальянской прессы высказал такое мнение: «После... последней речи тов. **Сталина** на партконференции считают политическую роль тов. **Троцкого** оконченной»[1557]. А вот мнение курсантов школы **ВЦИК**, т.е. молодой и политически активной части армии, зафиксированное ОГПУ: «о тов. СТАЛИНЕ говорят, что у него "ум самородок". Они считают, что "СТАЛИН — голова"». Все его статьи в «Правде» показывают, «что он необыкновенный ум в политическом отношении»[1558]. Сталин как политик оценивался по высшему баллу. Москвичи считали, что реальная власть уже у него, что он хозяин положения и Троцкого к власти не пустит [1559]. В этих высказываниях прочитывается мысль: Троцкий проиграл, видимо, окончательно*****.

26 января в Большом театре состоялось траурное заседание II съезда Советов СССР. С воспоминаниями выступили Крупская, Каменев, Зиновьев и другие соратники Ленина. Именно здесь И.В. Сталин дал от имени партии знаменитую клятву умершему вождю. После длинных выступлений в короткой речи он сформулировал свое видение политического завещания В.И. Ленина. «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам», — говорил Сталин, во-первых, «держатъ высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии», во-вторых, «хранить единство нашей партии, как зеницу ока», в-третьих, «хранить и укреплять диктатуру пролетариата», в-четвертых, «укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян», в-пятых, «укреплять и расширять союз республик» и, в-шестых, «верность принципам коммунистического интернационала». Сталин от имени партии коммунистов поклялся выполнять эти заповеди[1560].

Сторонники Троцкого тем временем не дремали. Смерть Ленина создала условия и стимул для придания «характеристикам» и «письму Ильича о секретаре» значение «политического завещания» Ленина. В Москве началось подпольное издание и распространение текстов «ленинского завещания». Широкое распространение нелегальных изданий «Завещания», видимо, было связано с тем, что на похороны в Москву прибыло много народа из регионов. Именно тогда появилось название — «Завещание Ленина», относящееся к текстам, автором которых Ленин не был. Дело дошло до того, что Ф.Э. Дзержинский как председатель комиссии ЦИК СССР по организации похорон В.И. Ленина вынужден был запретить несанкционированное распространение этих материалов. 30 января 1924 г. комиссия ЦИК СССР на своем заседании под председательством А.С. Енукидзе обсудила «вопрос о запрещении т. Дзержинским распространять издания "завещания

Ленина"» и постановила: «Запрещение подтвердить»[1561].

В мае 1924 г. должен был состояться XIII партийный съезд. Открывалась возможность с помощью имени и авторитета Ленина взять реванш за недавнее поражение: политически дискредитировать основных сторонников Ленина в ЦК, попытаться устранить Сталина с главного поста в партии — должности генерального секретаря ЦК, изменить состав руководства партии, курс внутренней и внешней политики, а Троцкому расчистить путь к вершинам власти в партии и стране. Материал был уже наработан, оставалось только придать ему соответствующую форму. Она была найдена — «Письмо к съезду», т.е. к XIII съезду партии, которому предстояло узнать и выполнить последнюю волю вождя.

У историков очень мало достоверной информации о том, как именно происходила передача текстов «Завещания» из личного архива Ленина в ЦК партии. К сожалению, материалы комиссии по приему бумаг Ленина исследователям недоступны, поэтому мы не знаем, как строилась и проходила ее работа. Имеющиеся свидетельства очевидцев на редкость противоречивы в главном, что же касается деталей описываемых событий, то их даже невозможно сопоставлять. Троцкий уверяет, что Крупская оставляла «Письмо к съезду» «под замком» и лишь незадолго до XIII съезда передала его **в Секретариат ЦК** «с тем, чтоб оно через партийный съезд было доведено до сведения партии, для которой предназначалось»[1562]. Технический секретарь Политбюро Б. Бажанов говорит менее определенно — о передаче этого письма в ЦК партии[1563]. Оба утверждают, что предъявление Крупской «Письма к съезду» было для Сталина, Зиновьева и Каменева полной неожиданностью. Секретарь Крупской В. Дридзо говорит о передаче очень неопределенно, но сообщает интересную деталь, противореча Троцкому и Бажанову: переговоры Крупской, с одной стороны, и Сталина, Зиновьева и Каменева — с другой, «тянулись три с половиной месяца, и только перед самым съездом, 18 мая», она «передала завещание, соглашаясь, на чтение его по делегациям съезда»[1564].

В письме Крупской от 18 мая 1924 г., содержащем информацию о переданных документах Ленина, говорилось, что Ленин «выражал твердое желание», чтобы «записи от 24—25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета», после его смерти были доведены до сведения очередного партийного съезда»[1565]. Это письмо очень ценно для нас: оно фиксирует важный момент в длительном процессе «рождения» «Завещания» Ленина — *тексты отдельных записок («характеристики» и «письмо о секретаре») теперь Крупской представлены в новом качестве — как обращение к съезду, которому придан характер завещания Ленина.*

Так на свет появилось «Письмо к съезду», оказавшееся в центре внутривнутрипартийной борьбы. Первое «боевое крещение» оно приняло на XIII съезде РКП(б) в качестве главного средства атаки против Сталина.

* Вскоре (17 декабря 1923 г.) эти записки были опубликованы за границей в № 23—24 меньшевистского журнала «Социалистический вестник». У нас нет доказательства, что именно Троцкий организовал эту публикацию, но это весьма вероятно. Во всяком случае политически эта публикация «работала» на Троцкого и готовила базу для перенесения внутривнутрипартийной дискуссии в Коминтерн.

** На заседании Политбюро при обсуждении судьбы ленинской статьи о РКП кроме членов Политбюро (Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Бухарин, Томский) присутствовали также Муралов, Осинский, Преображенский, Пятаков, И.Н. Смирнов, Смирнов (очевидно, речь идет о В.М. Смирнове) (Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 186, 187). 18 октября 1923 г. Политбюро по заявлению ряда видных представителей оппозиции (Преображенского, Серебрякова и Сапронова) постановило: «Предложить Пленуму ЦК допустить на объединенное заседание ЦК и ЦКК» сторонников оппозиции, «подписавших поданное в ЦК заявление» 46-ти «в числе от 10 до 12. Персональный список установить Секретариату ЦК совместно с т.т. Преображенским и Серебряковым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 388. Л. 1).

*** Прежде Троцкий не трогал председателя Президиума ЦКК Куйбышева, возможно, потому, что надеялся получить в его лице политического союзника на этом важном посту. Для такого расчета у Троцкого были определенные основания, т.к. Куйбышев в дискуссиях о Брестском мире и о профсоюзах поддерживал Троцкого. Ошибочность расчетов (если они были) стали очевидны Троцкому только в середине октября 1923 г., когда в ходе дискуссии Куйбышев как председатель ЦКК поддержал политическую линию ЦК и осудил выступление оппозиции. Об этом, в частности, могло говорить письмо Куйбышева и Ярославского в ЦК и ЦКК ВКП(б) от 20 октября 1923 г. (Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 190191). Реакция Троцкого последовала незамедлительно: в письме от 23 октября 1923 г. он нанес этот удар по Куйбышеву, обвинив его в стремлении обмануть и Ленина и партию (Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 172; 1989. № 11. С. 189–190).

**** Надо сказать, что позднее в ходе внутривнутрипартийной борьбы сам Троцкий эту историю активно больше не использовал и ни разу не выступал с контраргументами против заявления Сталина и Куйбышева, просто игнорировал их (см.: *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 83—85).

***** Н. Валентинов не соглашался с ее трактовкой. Для него было очевидно, что в этой борьбе атакующей стороной был именно Троцкий, на нем лежала вина за обострение внутривнутрипартийного положения. А атаку он вел на основе ленинского «Завещания» (*Валентинов Н.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 46).

***** Одиум (лат.) — ненависть, предмет ненависти и нареканий.

***** Заявление, что она не знает «деталей», нельзя принять всерьез, поскольку Крупская не только была активной участницей борьбы, но и имела возможность узнать все «детали». Оно, скорее, указывает на то, что она стремится обойти детали, которые работают против Троцкого.

***** В литературе встречаются удивительные попытки интерпретации этого тезиса Троцкого. Например, АА. Семин ставит знак равенства между этим лозунгом борьбы с ЦК и тезисом Сталина о подготовке смены для вождей партии (на XII съезде) (*Семин А.А.* Воспитательная политика партии: опыт и уроки 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 72—73).

***** Возможно, это предложение исходило от В.Д. Бонч-Бруевича. В составленном им наброске плана мероприятий среди прочих пунктов было намечено опечатывание и опись документов (РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—1 об.).

***** Поэтому утверждение Троцкого о том, что Сталин, опасаясь его присутствия на похоронах В.И. Ленина, коварно обманул его и благодаря этому-де обеспечил себе победу в борьбе за лидерство в партии (см.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 249—250; Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.), не выдерживает никакой критики. Сам Троцкий свой отказ приехать объяснял тогда отсутствием технических возможностей. Но документы и простые расчеты говорят за то, что он мог вернуться в Москву либо поездом, либо самолетом, так как от получения информации о смерти Ленина до похорон оставалось более четырех суток, примерно 100 часов. О реальности этого говорили и москвичи (РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 98. Л. 50, 51).

§ 2. XIII СЪЕЗД РКП(б): «ВОЛЯ ЛЕНИНА» И ВОЛЯ ПАРТИИ

18 мая 1924 г., после передачи Крупской текста «Письма к съезду», комиссия ЦК РКП(б) по приему документов Ленина ознакомилась с ним и постановила: «Довести эти документы до сведения ближайшего пленума ЦК с предложением довести их до сведения партийного съезда»[1566]. Это постановление было подписано Зиновьевым, А. Смирновым, Калинин, Бухариным, Сталиным и Каменевым.

Постановление комиссии ЦК РКП(б) полностью дезавуирует рассказы Троцкого и Бажанова об обстоятельствах передачи Н.К. Крупской «Письма к съезду», а также рассказ В.

Дридзе в части условия передачи — о том, что Крупская передала его, добившись согласия на чтение его по делегациям съезда. Как видно, Зиновьев, Каменев и Сталин были за доведение до съезда этого «Завещания» и никак не оговаривали, что оглашение должно быть проведено по делегациям.

В повестке дня Пленума, составленной 20 мая, вторым пунктом значится: «Доклад комиссии Пленума по приему бумаг В.И. Ленина»[1567]. Пленум, начавший работу в 18 часов 21 мая 1924 г., удовлетворил просьбу членов ЦКК разрешить им присутствовать на заседании Пленума ЦК. После обсуждения повестки дня съезда и тезисов основных документов* Пленум заслушал доклад комиссии Пленума по приему бумаг В.И. Ленина, с которым выступил Л.Б. Каменев[1568]. К сожалению, сам доклад Каменева историкам также пока недоступен.

О том, как на Пленуме происходило обсуждение «Письма к съезду», известно из воспоминаний его участников, о которых можно сказать то же, что и о «свидетельствах» передачи Крупской этого документа в ЦК. Сохранился рассказ Радека (в изложении немецкого писателя Эмиля Людвига) о том, как Сталин на заседании ЦК читал «Завещание Ленина». Троцкий дезавуировал его, назвав ложным «от начала до конца: в мелком и в крупном, в безразличном и значительном»[1569]. Однако версия самого Троцкого не лучше осмеянной им версии Радека. Он уверяет, что «оглашение Завещания в Кремле происходило не в заседании ЦК, а в Совете старейшин XIII партийного съезда 22 мая 1924 года». Возможно, оно оглашалось и в Совете старейшин, но и на Пленуме ЦК тоже. Троцкий почему-то определенно *отрицает* это. Из дальнейшего изложения становится ясно, что это он сделал не случайно. Это необходимо, чтобы в драматических тонах изобразить борьбу «тройки» против Крупской по поводу условий оглашения «Письма к съезду» на съезде. Совет старейшин выступает в качестве третейского судьи. Участие ЦК в решении этого вопроса игнорируется. Но главное в другом: *«Здесь о Завещании впервые узнали оппозиционные члены Центрального комитета, в том числе и я»* [1570]. Это утверждение — заведомая ложь. Как было показано выше (ч. 3, гл. 2), первое ознакомление членов Политбюро с текстом «характеристик» произошло не перед XIII съездом, а годом раньше — в конце мая — начале июня 1923 г. Все это заставляет поставить под сомнение ценность воспоминаний Троцкого об этих событиях, в том числе и многочисленные «детали», выписанные им с большим старанием. Поэтому к данным «воспоминаниям» вполне приложима та характеристика, которой Троцкий наградил Радека: рассказ «ложен от начала до конца: в мелком и в крупном, в безразличном и значительном». То же следует сказать и о последнем рассказе Троцкого об этих событиях, в котором он утверждал нечто иное: первое чтение «Письма к съезду» состоялось еще при жизни Ленина: «Когда Сталин впервые прочитал этот текст, он разразился бранью в адрес Ленина... Сталин не мог уже сомневаться в том, что возвращение Ленина к активной деятельности означало бы его политическую смерть. Только смерть Ленина могла открыть ему путь»[1571]. Верить на слово Троцкому относительно реакции Сталина и сказанных им слов нет никаких оснований.

Еще дальше в деле мифотворчества идет А.В. Антонов-Овсеенко, предлагая очередную легенду. Со ссылкой на свидетельство делегата съезда Ю.К. Милонова (среди делегатов XIII съезда с решающим или совещательным голосом не числится!)[1572]) он уверяет, что после открытия Пленума ЦК «первой» «взяла слово Крупская», которая «принесла» «Письмо к съезду» и сказала, что «Ленин просил зачитать письмо на съезде партии». Н. Крыленко (он не входил в состав ни ЦК, ни ЦКК) предложил «опубликовать завещание немедленно». Очевидно, подобные версии имели хождение в некоторых кругах партии, враждебных Сталину, заинтересованных в распространении ложных слухов и нагнетании страстей[1573]. О чтении и обсуждении «Письма к съезду» на Пленуме ЦК РКП(б) оставил воспоминания Бажанов; в них масса интересных, но малозначимых деталей, правдивость которых проверить пока что нечем, зато основания для сомнений имеются.

Их вызывает утверждение, что Зиновьев на Пленуме ЦК *до* начала работы съезда партии предложил избрать Сталина генеральным секретарем, а Каменев не только

поддержал эту просьбу, но и предложил поставить этот вопрос на голосование. Голосование состоялось, и Сталин, таким образом, был избран генеральным секретарем *старым составом* ЦК партии[1574]. Ясно, что такое заявление было рассчитано на совершенно непосвященных в вопросы партийной жизни читателей.

Таким образом, мы вынуждены признать, что у нас нет достоверных сведений о том, как происходило обсуждение этого вопроса на Пленуме ЦК 21 мая 1924 г. Но нет худа без добра — мы можем увидеть, как легко и обильно творятся мифы, которые историки принимают за реальность.

Майский (1924) Пленум ЦК принял решение: «Перенести оглашение зачитанных документов**, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, производя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат и оглашение по делегациям производится членами по приему бумаг Ильича»[1575]. Пленум ЦК, вводя ограничения (читать по делегациям), уточнил общую формулировку, содержащуюся в решении комиссии по приему бумаг Ленина. Это было его право. Такое решение, видимо, было принято по той же причине, по которой подобное ограничение было наложено на чтение записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» на XII съезде РКП (б) — на пленуме съезда присутствовали гости, а документы имели секретный характер, предназначенный только для членов партии.

XIII съезд РКП(б) открылся 23 мая 1924 г. Опубликованная стенограмма съезда ничего не дает для изучения того, как проходило обсуждение «Завещания» Ленина. В литературе утвердилось мнение, что текст «Письма к съезду» в делегациях читали Зиновьев и Каменев. Именно их комментарии по ходу чтения и заверения, что Сталин учтет сделанные ему замечания и т.д. и т.п., привели якобы к тому, что делегаты съезда не последовали совету Ленина и в результате Сталин снова был избран генсеком. Таким образом, Зиновьев и Каменев предстают в роли спасителей Сталина. Хотя восстанавливать канву основных событий приходится на основе разрозненного и разнохарактерного материала, можно считать хорошо установленным, что реальность была иной. *Об этом говорят сохранившиеся резолюции собрания делегатов* Центрального промышленного района и Поволжья, состоявшегося 25 мая, а также делегатов от Урала, Сибири и Дальнего Востока, Башкирии и Вятского края, состоявшегося 26 мая. На собрании 26 мая документ читал председатель собрания М.М. Лашевич (секретарем собрания был М. Харитонов, а членом президиума Н. Кубяк)[1576]. Можно предположить, что и на собрании 25 мая читал документы председатель Ф. Голощекин (член президиума — Н. Угланов)[1577]. Присутствия Зиновьева или Каменева протоколы этих собраний не фиксируют. Факт существования протоколов (нельзя исключить, что существуют и другие, пока что недоступные исследователям) тщательно скрывался от историков.

«Резолюция совещания делегатов XIII Партсъезда, Поволжья и Центрального промышленного района. 25 мая 1924 г.

Совещание делегатов Поволжья и Центрального промышленного района, ознакомившись с документами В. И. Ленина, считает:

1) Что письмо В.И. Ленина в части персональных характеристик *могло иметь* актуальное значение в тот момент, к которому они относились и в той обстановке, в которой находилась партия к моменту написания писем в связи с болезнью В. И. Ленина.

2) В части персональных оценок опыт истекшей работы партии и в особенности партдискуссии показал, что *руководящая группа ЦК* за исключением Троцкого *вполне правильно* руководила политикой партии и сумела сплотить всю партию вокруг ЦК ***.

3) *Опасения В.И. Ленина о том, что Генеральный секретарь партии т. Сталин по своему характеру может неправильно использовать свою власть, не подтвердились* (курсив наш. — В. С.).

4) Настоящее положение в партии в связи с расширением ЦК проведенного на XII съезде по директиве В.И. Ленина, в связи с приходом в партию ленинского призыва, укрепляющего партию, в связи с итогами партийной дискуссии, сплотившей партию на

основе ленинизма, предостерегает партию от опасностей, на которых останавливал внимание В.И. Ленин, и требует безоговорочного единства внутри ЦК на основе ленинизма.

5) Настоящие письма в части персональных характеристик не подлежат дальнейшему оглашению ни в Пленуме съезда, ни в печати, ни внутри партии».

На собрании присутствовали 107 делегатов. Протокол подписан председателем собрания Филиппом Голощекиным и председателем нижегородской делегации Н. Углановым[1578].

«Протокол соединенного заседания Уральской, Сибирской, Дальневосточной, Башкирской и Вятской делегаций XIII съезда РКП(б).

Председателем избирается т. Лашевич, который оглашает неопубликованные записи Владимира] Ильича].

В прениях выступают т.т.: Макаров, Заславский, Коссиор Станислав, Харитонов, Лашевич и друг[ие].

После обмена мнениями ставится на голосование резолюция (прилагается), зачитываемая т. Кубяком.

Результаты голосования:

Первый пункт принимается всеми голосами при одном воздержавшемся.

Второй пункт принимается единогласно.

Вносимые отдельные редакционные поправки отклоняются». «Резолюция

Ознакомившись с неопубликованными записями Владимира] Ильича], соединенное собрание Уральской, Сибирской, Дальневосточной, Башкирской и Вятской делегации XIII партсъезда после обмена мнениями постановляет:

1) Считать внутрипартийную линию, проводившуюся политбюро ЦК и секретариатом за истекший год правильной и стремиться при выборах нового ЦК обеспечить и на дальнейшее время твердое руководство партией в духе старой ленинской тактики.

2) Принимая во внимание, что *т. Сталин*, несмотря на недостатки указанные Владимиром] Ильичем], *лучше кого-либо другого может справиться с теми гигантскими трудными и сложными задачами, какие в отсутствие Ильича падают на генерального секретаря партии* и принимая во внимание, что характеристика т. Сталина была дана Ильичем еще до XII съезда и что за истекшее с тех пор время *опасения Владимира] Ильича] по адресу т. Сталина не оправдались*, считать необходимым обеспечить и на дальнейшее время работу т. Сталина в качестве генерального секретаря партии» (курсив наш. — В.С.). Протокол собрания и текст резолюции подписаны председателем собрания Лашевичем, секретарем М. Харитоновым и Н. Кубяком[1579].

Делегат XIII съезда РКП(б) А.И. Мильчаков также дезавуирует принятую в традиционной историографии версию. Он рассказывал об обсуждении «Письма к съезду» в северокавказской делегации: «Письмо зачитали, все были потрясены. У нас спросили: "Какие вопросы есть?". Вопросов не было, кто-то предложил: "Читайте еще раз!" Прочитали еще раз... После повторного прочтения последовало предложение от чтецов: учитывая тяжелое положение страны и партии, состояние Коминтерна и то, что тов. Сталин обещает учесть критику тов. Ленина, есть предложение просить тов. Сталина остаться на посту генерального секретаря. Северокавказская делегация с этим согласилась»[1580]. В принципе созвучное с этими протоколами описание обсуждения на собраниях делегаций имеются в воспоминаниях Троцкого, который, однако, делает упор на нечестные приемы борьбы с ним (нечеткое чтение, пропуск слов, тенденциозное комментирование)[1581]. Куманев и Куликова со ссылкой на воспоминания делегата от КП(б)У Р. Терехова утверждают, что в ряде делегаций (например, украинской) были «бурные обсуждения»[1582]. Не исключено. Вот только делегата Р. Терехова на XIII съезде РКП(б) не было****.

Отметим, что все названные источники никоим образом не фиксируют причастности Зиновьева и Каменева к чтению в делегациях «Письма к съезду» и их агитации в поддержку Сталина.

Ход обсуждения вопроса о «Письме к съезду» на пленарном заседании съезда по

документам неизвестен. Неизвестна и точная формулировка принятого съездом решения. По свидетельству Сталина, после прочтения «Завещания» «во всех без исключения делегациях съезда», т.е. всеми без исключения членами съезда, «президиумом съезда был запрошен пленум съезда: всем ли членам съезда известно "Завещание" и не требует ли кто-либо обсуждения его, на что был получен ответ пленума съезда: "завещание известно всем и обсуждать его на съезде нет необходимости"»*****. При этом «никаких протестов по этому поводу насчет возможных неправильностей не было заявлено на съезде ни Троцким, ни кем бы то ни было из членов съезда». Относительно голосования Сталин сказал, что «ни одна рука, не исключая рук тт. Зиновьева и Каменева, не поднялась на XIII съезде в пользу того, чтобы эти письма напечатать, весь съезд единогласно, в том числе и т. Троцкий, голосовал за то, чтобы эти письма не публиковать в печати»[1583].

Это — цитаты из письма Сталина в Политбюро, в котором он требовал, чтобы Троцкий дал опровержение в связи с книгой М. Истмена, в искаженном виде представлявшего эти события. Троцкий дал это опровержение и Сталину не возразил. Как не возразили и другие члены Политбюро. Более того, рассказ Сталина подтвердил и Каменев в своем выступлении на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК ВКП(б), когда он был уже в одном блоке с Троцким против Сталина: «Когда делегации прочли это письмо*****, я в качестве председательствующего в тот момент на съезде спросил съезд: желает ли съезд кроме чтения в делегациях зачитать "завещание" на открытом заседании съезда. И съезд сказал, что он удовлетворен чтением в делегациях и не требует чтения на съезде... Съезд тогда постановил только одно, что в виду того, что все члены съезда ознакомились с этим письмом по делегациям, не требуется оглашения этого письма на самом съезде, и, следовательно, письмо это тем самым не попадает в стенограмму съезда»[1584]. Эта часть рассказа Каменева не вызвала в зале возражений. Следовательно, у нас есть все основания считать, что нарисованная Сталиным и Каменевым картина соответствовала действительности.

Протокол 1-го Пленума ЦК XIII созыва кратко и сухо фиксирует процесс формирования органов ЦК. Слушали вопрос о «выборах органов ЦК». «Постановили: 1. а) Утвердить Секретариат ЦК в составе пяти секретарей ЦК: т.т. Сталина, Молотова, Андреева, Кагановича, Зеленского. Генеральным секретарем избрать тов. Сталина». Сталин был также избран в состав Политбюро и Оргбюро ЦК. Таким образом, опять только он один вошел в состав всех трех органов ЦК партии[1585]. Это была крупная победа и лично Сталина, и того политического курса, который партия ассоциировала с его именем и именем Ленина. Голосование Сталина в генеральные секретари прошло единогласно[1586].

Сталин был избран генеральным секретарем несмотря на ясно выраженное предложение «Письма к съезду» убрать его с должности. Эта победа должна быть оценена по достоинству. ***Еще никто и никогда в большевистской партии не выдерживал ленинский удар такой силы.*** Делегатам приходилось делать выбор между указанными недостатками личности Сталина и активом Сталина-политика.

Почему Сталин победил? В традиционной историографии это принято объяснять усилиями Зиновьева и Каменева, иезуитским коварством генсека, позволившим ему обмануть всех и вся[1587]. Эти объяснения страдают внутренним противоречием, поскольку приводят к признанию тезиса о *политической слабости всесильного* Сталина. Сталин — обладатель «необъятной власти» — вдруг превращается в политического подростка, которого приходится спасать политическим Самсоном — Зиновьеву и Каменеву. Но главное даже не в этом. Согласно данной версии получается, что политический авторитет Зиновьева и Каменева перевешивал политический авторитет Сталина. Последнее принимается как аксиома, но документы показывают, что такая оценка как минимум сомнительна и во всяком случае не доказана. Но главное в другом — принятие этой версии требует признать, что авторитет Зиновьева и Каменева, политическая репутация которых была серьезно подмочена указанием «Письма к съезду» на неслучайность «октябрьского эпизода», оказался выше авторитета Ленина. Нам неизвестно ничего, что позволило бы аргументировать это положение, а без серьезных доказательств все рассуждения о том, что Зиновьев и Каменев

спасли Сталина, ничего не стоят.

Победу Сталина на XIII съезде РКП(б) обеспечило осознание поляризации политических сил в преддверии обострения внутрипартийной борьбы по принципиальным вопросам политики, от которых будет зависеть судьба социалистической революции. Делегаты продемонстрировали **ясное понимание того, что в лице Сталина партия имеет лидера, который выказал способность решать сложнейшие политические проблемы.** Все это обесценивало упреки в излишней грубости, недостаточной вежливости и т.д. На открыто поставленный вопрос был дан вполне определенный ответ, подтвердивший политическое доверие Сталину как преемнику Ленина.

* Как видно, Троцкий не прав, уверяя, что Пленум был экстренный и был созван специально для чтения «Письма к съезду» и решения его судьбы. Он нарочно драматизирует ситуацию. Все было несколько проще, будничнее.

** Бажанов говорит неправду относительно какой-то неясной формулировки, позволявшей не читать, а пересказывать документ (Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 107). Сказано ясно — *оглашать* документы. Именно о чтении этих документов говорят также воспоминания делегатов съезда.

*** Что значит указание на опыт партдискуссии? Это означает, что в отличие от Ленина съезд главную угрозу видел не в Сталине и его должности, а в Троцком и его политике. Ясно, что это не просто констатация факта, что худшее не сбылось. Здесь определенное противостояние съезда Автору «Письма к съезду». Съезд в Сталине и его работе на этом посту видит определенную гарантию в борьбе с угрозой раскола, идущей от Троцкого. А у Автора иное — устранение Сталина снимает угрозу, которая идет главным образом персонально от него.

**** На съезде был делегат С.П. Терехов — с решающим голосом от Киргизской партийной организации (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенограф. отчет. С. 744).

***** Да и что было обсуждать? «Характеристики»? В чем должно было состоять это обсуждение: прав или не прав Ленин или хорошо или плохо, что Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и Пятаков имеют отмеченные качества? Принять или отвергнуть ленинскую оценку, учесть или не учесть при голосовании — это другой вопрос. Его каждый решает для себя. Обсуждение на съезде преследует цель выработки общей позиции, решения, обязательного для всех членов партии.

Обсуждать способ перемещения Сталина с должности генерального секретаря? Нелепость такого предложения съезду была показана выше. Что должно было решить общее собрание делегатов съезда? Есть мнение Ленина, все с ним ознакомились. Вместе с тем каждый имеет собственное мнение, кто хотел — высказал его. Представляется понятным и естественным решение делегатов на пленарном заседании — нет необходимости обсуждать этот вопрос.

***** Как видно, Каменев никоим образом не обозначил своей причастности к чтению «Письма к съезду». Это заявление Каменева также уличает в мифотворчестве Бажанова, пытающегося создать впечатление, что текст письма даже не читался, а пересказывался.

§ 3. «ПИСЬМО К СЪЕЗДУ»: РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ ОППОЗИЦИИ

XIII съезд РКП(б) не прекратил внутрипартийной борьбы, наоборот, она стала еще напряженнее. Особую остроту придавало ей «Письмо к съезду», которое прочно вошло в арсенал средств политической борьбы всех оппозиционных группировок, включавшихся в противостояние официально принятому курсу партии, который ассоциировался со Сталиным*.

На пути широкого использования этого нового средства борьбы стоял запрет, наложенный XIII съездом РКП(б). Самый простой и доступный способ обойти этот запрет состоял в распространении устной информации о нем внутри партии и Коминтерна. С соответствующими комментариями, разумеется. Так и было сделано.

Уже в ходе обсуждения итогов XIII съезда в партийных организациях имели место случаи разглашения содержания «Письма к съезду». Особенно широкий резонанс получила история в Харькове в результате выступления на районных партсобраниях Г. И. Петровского, почитателя Троцкого и активного противника Сталина в вопросах национально-государственного строительства. Об этом секретарь ЦК КП(б)У сообщал Сталину: «У Григ[ория] Ивановича] на изложение ушло целых полчаса и назвал он письма "духовным завещанием Ленина". Мне в Политбюро поступил ряд заявлений о неудачной форме изложения. Так что осталось такое впечатление, что единственный человек в ЦК — это Лев Давидович»[1588]. Молотов предложил Сталину урегулировать эту историю без шума[1589].

Но основной «вклад» в распространение информации о «Завещании» Ленина внес сам Троцкий. Еще во время XIII съезда партии он предпринял шаги по информированию мировой общественности о «Завещании Ленина». Троцкий рассказал о нем американскому коммунисту Максу Истмэну, сопроводив рассказ собственной версией отношений Ленина к другим членам Политбюро. Не совсем ясно, то ли от Троцкого, то ли от одного из ближайших его сподвижников — Раковского, то ли от какого-то сотрудника секретариата ЦКК М. Истмэн получил текст «Письма к съезду»[1590]. В 1925 г. он издал в США книгу «После смерти Ленина», которая вызвала смятение в партиях Коминтерна. Это обстоятельство в свою очередь заставило Сталина 17 июня 1925 г. направить в Политбюро письмо, в котором он предлагал отреагировать на эту книгу и ставил вопрос об ответственности Троцкого за передачу им информации о «Завещании» М. Истмэну[1591].

При обсуждении книги Истмэна в Политбюро вновь встал вопрос о «Письме к съезду» и обсуждении его на XIII съезде РКП (б). Версию этих событий, изложенную Сталиным в письме в Политбюро, не опротестовал никто из членов Политбюро, включая и Троцкого. По предложению Сталина Политбюро приняло решение, обязывающее Троцкого в печати дезавуировать как свои контакты с М. Истмэном, так и опубликованную им версию взаимоотношений Ленина и другими членами Политбюро, содержания ленинского «Завещания» и истории его обсуждения на съезде РКП(б)[1592]. Троцкий подготовил статью, которую Политбюро рассмотрело, «приняло к сведению» как удовлетворительную[1593], очевидно, потому, что ряд положений ее не вполне отвечал тому, что требовал Сталин. Статья Троцкого была опубликована в журнале «Большевик».

Троцкий писал: заявления Истмэна, что «ЦК "скрыл" от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни... нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии». «Все эти письма и предложения, само собой разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии... и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого "завещания" Владимир Ильич не оставлял и самый характер его отношений к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого "завещания". Под видом "завещания" упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем, содержащее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся к этому письму, как и ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном "завещании" представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии». Далее Троцкий дал оценку книги Истмэна, следовательно, своей информации, переданной ему: «Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу контр-революционным орудием»[1594].

С аналогичным заявлением выступила и Крупская, что, возможно, указывает на ее причастность к этой истории. Ее статья была опубликована в журнале «Большевик» вместе со статьей Троцкого. Она для нас интересна тем, что Крупская сделала важное признание: «Все члены съезда ознакомились, как того хотел В.И., с письмами. Их *не правильно называть "завещанием"*, так как *завещание Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире — оно заключается в последних статьях и касается основных вопросов партии и советской работы*» (курсив наш. — В.С.). Цены нет этому заявлению — **завещание Ленина — в статьях!** А не в извлеченных позднее «диктовках»! Правда, это признание политически вынужденное, но главное, что оно верное.

Январский (1925) Объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП (б) подвел итоги «литературной» дискуссии по поводу книги Троцкого «1917» и принял резолюцию, в которой говорилось, что «Троцкий открыл уже прямой поход против основ большевистского мировоззрения», что он пытается навязать партии «какой-то "модернизированный" т. Троцким "большевизм" без ленинизма».

Это — не большевизм. Это — *ревизия* большевизма. Это — попытка *подменить ленинизм троцкизмом*, т.е. попытка подменить ленинскую теорию и тактику международной пролетарской революции той разновидностью меньшевизма, какую представлял из себя старый троцкизм и какую представляет собой ныне возрождаемый "новый" троцкизм»[1595]. Ясное противопоставление ленинизма (большевизма) и троцкизма, данное Сталиным в выступлении на партийной конференции, получило теперь закрепление и развитие. Это имело большое значение для дальнейшего хода внутривластной борьбы, но сейчас важно подчеркнуть другое — *противопоставление большевизма троцкизму открывало новые возможности для использования в борьбе с Троцким его главного оружия — «Письма к съезду», в котором был зафиксирован небольшевизм Троцкого. Теперь это замечание стало превращаться в политический смертный приговор для него — антибольшевика в руководстве большевистской партии!*

Значительное влияние на дальнейшее использование в политической борьбе «Письма к съезду» сыграл раскол, произошедший в ленинском ядре Политбюро — в «тройке». Открытое столкновение произошло вскоре после XIII съезда партии, летом 1924 г. Вместо «тройки» была сформирована новая руководящая группа, более широкого состава — «семерка» (ее называли также «руководящим коллективом»), состоящая из всех членов Политбюро, кроме Троцкого, и председателя ЦКК Куйбышева[1596]. Но эта политическая конструкция также оказалась непрочной. Круг вопросов, по которым Сталин и его сторонники в Политбюро, а также Зиновьев и Каменев занимали различные позиции, быстро расширился[1597]. Весной 1925 г. «семерка» раскололась. В ЦК РКП(б) фактически сложились три политических центра силы. Во-первых, это большинство членов Политбюро во главе со Сталиным, Бухариным, Рыковым, Томским, Молотовым. Их поддерживал председатель Президиума ЦКК Куйбышев. Во-вторых — меньшинство членов Политбюро в лице Зиновьева и Каменева, сторонниками которых были члены ЦК Сокольников и Евдокимов. Их поддерживала своим авторитетом Н.К. Крупская. Деятельность этой группы положила начало формированию оппозиции ЦК, которая в отличие от прежней («старой»), троцкистской, стала называться «новой» оппозицией. Третий центр составил Троцкий и его немногочисленные сторонники. В этих условиях ленинское «Письмо к съезду» как мощное средство борьбы против Сталина получало новое политическое дыхание.

В документах, характеризующих борьбу Зиновьева и Каменева против Сталина в январе—декабре 1925 г., до XIV съезда ВКП(б), не содержится каких-либо прямых намеков на «Письмо к съезду».

Однако, возможно, такие попытки со стороны Зиновьева и Каменева имели место; об этом может свидетельствовать замечание Сталина в письме, которое он 17 июня 1925 г. направил в Политбюро в связи с обсуждением книги М. Истмэна. Говоря об обсуждении «Письма к съезду» на XIII съезде, Сталин специально отметил позицию Зиновьева и Каменева: «Ни одна рука, не исключая рук тт. Зиновьева и Каменева, не поднялась на XIII

съезде в пользу того, чтобы эти письма напечатать, весь съезд единогласно, в том числе и т. Троцкий, голосовал за то, чтобы эти письма не публиковать в печати»[1598]. Поэтому есть основания предположить, что Сталин активизировал обсуждение в Политбюро вопроса о книге Истмэна не в последнюю очередь для того, чтобы затруднить Зиновьеву и Каменеву (и Троцкому, естественно) в будущем использовать «Письмо к съезду» против него, Сталина. Обострение борьбы было неизбежно, Сталин готовился к этому.

К помощи «Письма к съезду» Зиновьев и Каменев прибегли только тогда, когда все иные средства борьбы ими уже были испробованы, не дав нужных результатов — на XIV съезде ВКП(б). Но поскольку сами они в этом «Письме» получили негативную оценку, то они очень осторожно затрагивали эту тему. Своеобразным предостережением против использования текстов ленинского «Завещания» в интересах внутривнутрипартийной борьбы прозвучало заявление Микояна о недопустимости «взаимного раздевания вождей», которое имело место в содокладе Зиновьева и выступлении Бухарина[1599]. Поэтому свою атаку на XIV съезде ВКП(б) против Сталина Зиновьев и Каменев строили иначе, чем Троцкий. Впервые, термин «Письмо к съезду» был заменен другим — «Политическое завещание». Зиновьев в содокладе на XIV съезде партии употребляет его без кавычек[1600], что позволяло трактовать его как последнее выражение воли Ленина, обязательное для выполнения. Вне зависимости от постановления того или иного съезда! Атака на Сталина велась через критику работы Секретариата и Политбюро в последний период и не была напрямую связана с «Письмом к съезду». Утверждалось, например, что Сталин отсекает Зиновьева и Каменева от работы, нарушая принцип коллегиальности. Для предотвращения этого Зиновьев и Каменев предлагали увеличить состав Политбюро, надеясь включить в него своих сторонников[1601].

Ни Зиновьев, ни Крупская в своих выступлениях на съезде не трогали Сталина! Яростную атаку на него повел Каменев, потребовавший убрать Сталина с поста генерального секретаря, поскольку он, по его мнению, «не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб». Делегаты съезда с возмущением отреагировали на это заявление[1602].

Сокольников продолжил атаку Каменева, но построил ее иначе. Предложение не избирать Сталина на эту должность завуалировал общими рассуждениями о том, что в этом нет ничего страшного ни для партии, ни для Сталина, «влияние и авторитет» которого этим не может быть «поколеблен». Интересно, что при этом он невзначай оспорил справедливость одного из важнейших положений «Письма к съезду»: «поскольку генеральный секретарь, с одной стороны, является членом Политбюро, а с другой стороны, руководителем секретариата, то, *совершенно независимо от личности тов. Сталина* (курсив наш. — В. С), создается такое положение, когда любое расхождение в Политбюро, возникающее по любому политическому вопросу, получает свое отражение в организационной работе, потому что... один из членов Политбюро, являясь генеральным секретарем, т.е. руководя всей организационной работой, оказывается в таком положении, что любое его разногласие по любому вопросу в Политбюро может получить немедленно то или иное выражение по линии организационных мероприятий. (Голос: "Со всяким генеральным секретарем может это случиться")... Но, товарищи, у нас не всегда был генеральный секретарь. (Голоса: «А, вот как! Вот что!»)... Вот я и говорю: если тов. Сталин хочет завоевать такое доверие, как т. Ленин, пусть он завоюет это доверие». Этот тезис Сокольников использовал для аргументации в пользу превращения Секретариата ЦК в исполнительный орган Политбюро[1603], что воскрешало в памяти делегатов съезда предложения Зиновьева и Бухарина 1923 г., сформулированные на так называемом «пещерном совещании». Зиновьев солидаризировался с Сокольниковым, заявив о необходимости создания полновластного Политбюро и подчиненного ему секретариата[1604]. В существовавшей структуре ЦК РКП(б) Секретариат был самостоятельным органом.

Выступления Каменева и Сокольникова активизировали возражения по существу оценок работы ЦК партии. Каменев и Сокольников подверглись аргументированной критике

в выступлениях Голощекина, Гусева, Ворошилова, Куйбышева, Молотова, Томского и др. И сразу же под огонь критики попали важнейшие положения «Письма к съезду». Ворошилов, в частности, отверг упрек Автора «Письма к съезду», а также лидеров «новой оппозиции» относительно неспособности Сталина осторожно пользоваться властью, а Томский заявил: *«Смешно и говорить... будто кто-либо сосредоточил в своих руках власть»* (выделено нами. — В.С.), а остальное большинство ЦК его поддерживает»[1605].

XIV съезд закончился полным поражением «новой оппозиции». Для Сталина это была крупная победа: *третий* *кряду съезд партии в третий раз* поддержал его и взял под свою защиту от критики с использованием авторитета Ленина, так что самому Сталину даже не пришлось защищаться. Январский (1926) Пленум ЦК ВКП(б) снова избрал Сталина в состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата в качестве генерального секретаря ЦК ВКП(б). Это решение было принято всеми членами ЦК при четырех воздержавшихся[1606]. Воздержавшихся нетрудно «вычислить» с большой степенью надежности: это Троцкий, Зиновьев, Каменев и Евдокимов.

Поражение «новой оппозиции» создавало политическую базу для ее сближения со «старой», троцкистской, оппозицией. Объединенная оппозиция, вполне сложившаяся на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), благодаря «троцкистской составляющей» имела больше возможностей для использования в своих целях «Письма к съезду». Поражение на съезде также толкало лидеров «новой оппозиции» к этому. И они его сразу же пустили в дело. Терять все равно было нечего, так как борьба вошла в самую острую фазу и велась по принципу «кто кого».

Распространялась книга М. Истмэна «После смерти Ленина», несмотря на то что сами лидеры оппозиции характеризовали ее как клеветническую. Распространяли также листовки с текстом «Письма к съезду», предварительно «обезопасив» для себя его текст с помощью соответствующих сокращений, оставив характеристику Сталина и опустив характеристики Зиновьева и Каменева. ЦК ВКП(б) в ответ опубликовал ленинскую оценку действий Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г. 15 апреля 1926 г. Крупская обратилась в Политбюро ЦК ВКП(б) с протестом** и потребовала опубликовать текст «Письма к съезду» полностью[1607]. Политический смысл этого предложения понятен — чтобы эффективно использовать его, требовалось как-то «обойти» решение XIII съезда партии, запрещающее публиковать его. Крупская попала в «ловушку», которую сама заготовила для Сталина, заявив, что воля Ленина состояла именно в доведении этого письма до съезда. Эта воля была выполнена. Чтобы обойти запрет, не нарушая Устава партии, нужно было либо добиться от очередного съезда пересмотра этого решения (что было проблематично), либо соответствующим образом скорректировать «волю Ленина» относительно этого письма.

Эту работу взяла на себя Крупская. Она уже давно явочным порядком присвоила себе право формулировать и при необходимости изменять последние ленинские распоряжения политического характера. Как было показано выше, при первой передаче Крупской (конец мая 1923 г.) текста «характеристик» она ничего не говорила о распоряжениях Ленина относительно их предназначения, высказав лишь свое мнение: «следует передать только в ЦК»[1608]. *А ведь прошло уже почти три месяца, как Ленин окончательно утратил дар речи.* Занятая Крупской позиция понятна: в это время была надежда удалить Сталина с должности генсека политическим маневрированием в рамках ЦК РКП (б). И переданные в Политбюро документы — «характеристики» и «письмо Ильича о секретаре» — просто фиксирующие мнение Ленина, как будто специально предназначены оказать давление на узкую группу руководителей ЦК РКП (б). Не удалось. И вот по прошествии еще одного года (уже четыре месяца спустя, как Ленин умер) Крупская вдруг заявляет, что эти записки являются ни более ни менее, как «Письмом к съезду», как раз к тому, который должен собраться после смерти Ленина! На этот раз Крупская определила, что «воля Ленина» состояла в ознакомлении с «письмом» *делегатов съезда*. Зачем потребовалось это «уточнение» воли Ленина? Очевидно, для того, чтобы привлечь широкое внимание партии к вопросу о судьбе должности генерального секретаря. Однако при обсуждении в делегациях

съезда цель, поставленная Автором «Письма к съезду», опять не достигнута. Наоборот, Сталин оказывается победителем. И «воля» Ленина «уточняется» еще раз и как раз в том направлении, в котором нужно для обеспечения победы в борьбе со Сталиным. Год спустя, в преддверии XIV съезда партии, в статье о книге М. Истмэна Крупская значительно расширяет рамки прежней «воли» Ленина. Достигается это простым приемом — подменой понятий: «Свое письмо о внутрипартийных отношениях ("завещание") он (В.И. Ленин. — В.С.) писал... **для партийного съезда** . Знал, что **партия поймет** мотивы, которые продиктовали это письмо» (выделено нами. — В. С.)[1609]. То есть уже вся партия должна дать свое заключение по оценкам и предложениям, сформулированным в «Письме к съезду». *Партия и съезд* не одно и то же, разница существенная. И если письмо, адресованное съезду, должна была понять партия, то, следовательно, его обсуждение на съезде не могло носить закрытый характер. Партия должна знать его! Правда, сама Крупская попадает в расставленные ею же «силки»: если письмо предназначалось всей партии, то почему оно имело секретный характер? Неувязка? Не беда! На самом съезде поставленная в «Письме к съезду» проблема решается напрямую — ставится вопрос о несоответствии Сталина должности генсека, делаются попытки предотвратить его избрание на эту должность. Съезд отверг эти предложения. Опять поражение. Проходит еще полгода, и Крупская выступает с новым «уточнением». Очередная корректировка заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее, так как она высвечивает политическую интригу вокруг последних текстов Ленина, те силы, которые ее разыгрывали, и цели, которые они при этом преследовали.

На июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Крупская заявила: «То что называется "завещанием" Владимира Ильича, Ильич хотел, чтобы было доведено до сведения партии (о съезде уже речи нет! — В.С.). **В какой форме доведено, я с ним не говорила** , потому, что он был тяжело болен***, но **он дал мне указание** сделать все необходимое для того, чтобы **обеспечить доведение до партии** этого документа». Так как первая статья была озаглавлена «Съезду партии»****, то «я сочла необходимым обратиться к Центральному Комитету, чтобы Центральный Комитет нашел форму доведения до сведения партии тех статей, которые носят название "завещания". Зачитать на съезде — это решение было принято Политбюро, руководящими товарищами, которые решили в какой форме довести до сведения партии. **Я** не протестовала против этого потому, что **считала, что форма зачитать на съезде наиболее подходящая. Прямого указания Владимира Ильича относительно формы не было**» (выделено нами. — В.С.)[1610].

Рыков в своем выступлении с документами в руках показал, что Крупская говорит неправду. «У меня на руках подлинный документ, — говорил он, — подписанный Надеждой Константиновной Крупской. Она сейчас утверждала, что в период перед XIII съездом партии она настаивала на доведении документа тов. Ленина, который часто называют "завещанием", до сведения партии, что шире, чем доведение до сведения съезда партии». Сопоставив текст «протокола о передаче» от 18 мая 1924 г., подписанный Крупской, с ее заявлением на этом Пленуме, Рыков заявил: «Вы слышали сейчас заявление Надежды Константиновны прямо противоположное тому, что она писала 18 мая 1924 г. и своею рукой в этом письме»[1611]. Крупская не возразила Рыкову. На помощь Крупской пришел Каменев. Как и Крупская, он начал называть «Письмо к съезду» письмом к партии. Будучи в это время политическим союзником Крупской по «новой оппозиции», он заявил: «Съезд тогда постановил только одно, что в виду того, что все члены съезда ознакомились с этим письмом по делегациям, не требуется оглашения этого письма на самом съезде, и, следовательно, письмо это тем самым не попадает в стенограмму съезда»[1612]. Ничего, кроме грубых передержек, в арсенале оппозиции уже не оставалось.

И это понятно: если письмо секретное и адресовалось только съезду, не предназначалось его автором для публикации, то решать вопрос о его публикации могут только два «юридических лица»: или Ленин, или съезд партии как прямой адресат и как ее высший орган. Съезд свое мнение высказал. Отсюда и неуклюжие поиски новых вариантов

«воли» Ленина. Впрочем, очень полезные для историков.

Получается, что «воли» Ленина относительно формы доведения «Завещания» и адресата не было. Значит, не было ее нарушения и в том, что на XIII съезде партии оно читалось по делегациям! Из-за чего весь «сыр-бор», который «тянется» в историографии через десятилетия по поводу нарушенной XIII съездом «воли» Ленина? Проблема буквально «высосана из пальца» усилиями политиков и историков. Постоянно меняющихся показаний Крупской слишком мало для того, чтобы быть уверенным в том, что Ленин вообще что-либо говорил по этому поводу. Но вот вопрос: почему Крупская вдруг пустилась в объяснения по поводу наличия «воли» Ленина при отсутствии «прямых указаний» с его стороны? Не потому ли, что от нее начали требовать доказательств существования этой «воли» Ленина? А основания для сомнений давала и сама Крупская, без конца меняя «волю» Ленина.

Запрет XIII съезда партии на публикацию остается в силе, и не было надежд на этом Пленуме отменить его. Крупская находит решение, позволяющее обойти этот запрет, — она предлагает приложить «Письмо к съезду» к протоколу Пленума[1613]. Смысл этого предложения в том, что с протоколами, рассылаемыми ЦК в местные партийные организации, знакомились широкие слои партийного актива. Одно дело — слухи о «Завещании» Ленина, глухое упоминание в статье, подпольно изготовляемые и нелегально распространяемые тексты. Другое дело — официальное издание текстов.

Стремление Троцкого, Зиновьева и других превратить «Письмо к съезду» в острое оружие для борьбы с политическим курсом, который проводил ЦК партии, вынудило Сталина выработать тактику защиты от этих атак и тактику политического наступления на основе этого письма.

Выше было показано, что Сталин был, судя по всему, немало удивлен появлением записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"». Можно только догадываться о тех недоуменных вопросах, которые возникали у него в связи с «Письмом к съезду» (и то, что он «сделался» генсек, и о необъятности его власти, и о том, что его личные отношения с Троцким ставят ЦК и партию на грань раскола, и о нетерпимой грубости его и т.д.). Мы не знаем, возникала ли у него мысль о том, что Ленин не был их автором. Но это вполне возможно****. Нам неизвестны документы Сталина, в которых он открыто ставил бы под сомнение ленинское авторство. На первый взгляд это является надежным свидетельством того, что он не сомневался в ленинском авторстве. Если учесть обстоятельства, при которых в политическую жизнь вводились тексты ленинского «Завещания», то увидим, что это возможный вывод, но не единственно возможный. Сталин мог оказаться вынужденным принять ленинское авторство, даже если он сомневался в нем или был уверен в непричастности Ленина к тому или иному тексту ленинского «Письма к съезду». Дело в том, что Сталину приходилось сразу же реагировать на поступающие из ленинского секретариата материалы. Между тем было неизвестно, что еще могли принести Крупская или работники ленинского секретариата в качестве выражения «ленинской воли» или свидетельства ленинского авторства этих текстов. Мог ли в этих условиях Сталин серьезно ставить под сомнение вопрос о ленинском авторстве? Все они воспринимались как ленинские тексты. Никто доказательств не требовал. Никто их и не предоставлял. Оспаривать ленинское авторство их Сталину было тем более затруднительно, что своим острием они были направлены лично против него. Сталин мог сомневаться, но вынужден был принимать их как ленинские, однако из этого не следует, что они таковыми являлись.

Позднее, после окончания основной фазы политической борьбы, генсек, наверное, смог бы докопаться до истины и обнародовать результаты. Может быть, он узнал правду, но ворошить прошлое уже не было политического смысла. Чем дальше в прошлое уходила эта история, тем меньше оставалось людей, которые знали о ней. Политически целесообразней было предать ее забвению. Чтобы объяснить все, пришлось бы сделать достоянием гласности многие детали внутрипартийной борьбы, состояния здоровья Ленина. Сталин, напротив, делал все, чтобы поднимать и поднимать авторитет В.И. Ленина.

Вместе с тем Сталин сделал многое, чтобы показать, что содержащиеся в «Письме к

съезду» замечания и упреки в его адрес не имеют к нему никакого отношения.

Победа Сталина во многом была обеспечена тем, что он сумел выработать тактику, которая обеспечила не только эффективную защиту, но и эффективное наступление с использованием «Письма к съезду». Она заключалась, во-первых, в таком комментировании критических замечаний (частью признаваемых им, частью — нет), которые либо превращали недостатки, отмеченные в «Письме к съезду», в достоинства (грубость в отношении врагов ленинизма), либо показывали, что данное замечание (недостаточная лояльность, например) не имеет к нему никакого отношения. Во-вторых — в противопоставлении замечаний, сделанных Сталину (личного свойства) и всем другим (политического свойства), что позволяло Сталину перевести борьбу из области личных оценок в область принципиальных политических вопросов, в область борьбы ленинизма против троцкизма и его политических попутчиков. В-третьих — в доказательстве того, что он, Сталин, в отличие от всех остальных учел сделанные замечания и доказывает это всей своей практической деятельностью.

Сталин на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) оспорил характер «Письма к съезду» как завещания, заявив, что «письмо Ленина неправильно называть Завещанием»[1614]. Этим не только снимался вопрос о его механическом обязательном выполнении, но и изменялась оценка данных в нем характеристик и практических советов. Сталин аргументированно отверг обвинение в том, что он как генеральный секретарь несет ответственность за обострение внутривластной борьбы и угрозу раскола, т.е. поставил под сомнение главный, ударный тезис «Письма к съезду». Более того, он вступил в прямую полемику с его автором: *«Пора понять, что глупо объяснять разногласия в партии "личным моментом"»* (курсив наш. — В. С.)[1615]. Ясно, что он думает об авторе этого письма. Позднее, в 1935 г., Троцкий фактически признал правильность сталинской постановки вопроса: «Интриганы и филистеры говорили, что борьба со Сталиным есть "личная" борьба. Теперь и слепцы должны убедиться, что эта борьба ведется из-за основных принципов интернационализма и революции»[1616].

Важное значение Сталин придавал фиксации того факта, что ему адресованы упреки только личного характера, а Троцкому, Зиновьеву и Каменеву — политические. «В письме Ленина говорится о шести товарищах. О трех товарищах, о Троцком, Каменеве, Зиновьеве сказано там, что у них были принципиальные ошибки, которые не случайны. Я думаю, что не будет нескромностью, если я отмечу здесь тот факт, что о принципиальных ошибках Сталина нет в "завещании" ни одного слова... Ильич ругает Сталина и отмечает его грубость, но в письме нет даже намека, что у Сталина были принципиальные ошибки»[1617].

Далее Сталин заявил, что он учел сделанные ему замечания и исправляет их, а Троцкий, Зиновьев и Каменев игнорируют политические замечания Ленина. И неудивительно — если политическая позиция не может быть поставлена в вину лично каждому из них, то, значит, исправление этих недостатков от них не зависит. Сталин, фиксируя критику за недостаточную лояльность, в то же время не дает никаких оснований говорить, что он принимает ее на свой счет. Развивая тему нелояльности, он, наоборот, на конкретных, хорошо известных фактах показывает, что этот упрек к нему не относится. Сталин заявил, что «бешеная личная агитация», развернутая оппозицией лично против него (например, обвинение в смерти М.В. Фрунзе), — это «специфический метод тов. Троцкого, метод заострения вопроса на лицах», что Троцкий «был в прошлом и остается мастером в деле самой nepoзвoлитeльнoй личной агитации»[1618]. Нет ли в этом заявлении намек на то, что Сталин знает, кто был истинным автором «Письма к съезду»? И именно поэтому он привел текст известного теперь письма Троцкого Чхеидзе, в котором Ленин характеризовался им как «профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении»[1619].

Сталин превратил тезис о «прощенном» меньшевизме в главное орудие **атаки против Троцкого** : «В письме сказано, что не нужно ставить "в вину лично" Троцкому его "меньшевизм"... Из этого следует, что тов. Троцкому нужно излечиться от «меньшевизма». Но из этого вовсе не следует, что тем самым тов. Троцкому дано право

ревизовать ленинизм, что мы должны ему поддакивать, когда он ревизует ленинизм. Не сказано тут того, что тов. Троцкому, ежели ему нельзя ставить в упрек его меньшевизм...

Троцкий. Прошлый.

Сталин. В письме не сказано "прошлый", там сказано просто — "меньшевизм", — так вот, если ему нельзя ставить в упрек меньшевизм, то тем самым ему будто бы дается право ревизовать ленинизм». И далее Сталин подводит итог: «Позвольте прийти к выводу, что тов. Троцкий не учел того указания, которое было "завещано" Лениным»*****. В подтверждение правильности своего вывода Сталин указал на историю общепартийной дискуссии октября 1923 — января 1924 г.[1620] Троцкий не нашел, как отпарировать это замечание, и промолчал.

Фактическое несогласие Сталина с Автором «Письма к съезду» выразилось и в том, что он занял противостоящую позицию в отношении характеристики Троцкого. Если Автор предлагал не ставить в вину лично Троцкому его меньшевизм и, следовательно, *забыть* о нем, то Сталин, учитывая опыт последних лет, предлагал об этом *помнить* [1621] .

Не прошел Сталин и мимо «октябрьского эпизода» Зиновьева и Каменева. Здесь было проще, и он ограничился кратким замечанием, что «неслучайность» его означает, что «"эпизод" может повториться. Не думаете ли Вы, товарищи, что некоторое повторение октябрьских ошибок Зиновьева и Каменева, некоторый рецидив этих ошибок был перед нами продемонстрирован на XIV съезде нашей партии?.. Я... думаю, что верно. Отсюда вывод, что т.т. Каменев и Зиновьев не учли указания Ленина»[1622].

Не обошел Сталин и вопрос об обсуждении «Письма» на XIII съезде партии, сопоставив, таким образом, еще раз легенду о «воле» Ленина с реальной волей партии. Несмотря на то что «все делегации без исключения высказались за обязательное оставление Сталина на посту генсекретаря... Несмотря на это, непосредственно после XIII партсъезда, на первом же пленуме нашего ЦК я подал в отставку. Несмотря на мою просьбу об отставке (с должности генерального секретаря. — В.С.), Пленум решил, и мне припоминается, единогласно, что я должен остаться на посту Генерального секретаря»[1623].

Избранная Сталиным тактика позволила ему превратить, казалось бы, проигрышную позицию в выигрышную. Ему уже нечего было опасаться «Письма к съезду». Это позволило перейти в политическое наступление. «Я жалею, что объединенный Пленум ЦК и ЦКК не имеет права принять решение о том, чтобы опубликовать в печати эти письма. Я очень жалею об этом и я буду этого добиваться на XV съезде нашей партии»[1624]. Так можно было положить конец спекуляциям на сокрытии от партии «Завещания» Ленина. От предложения Крупской приложить текст «Письма к съезду» к протоколу Пленума ЦК это предложение Сталина отличается принципиально — он отдает решение вопроса съезду партии, так как только он мог отменить запрет, наложенный на публикацию этого документа. Крупская предлагала вариант, нарушающий Устав партии, а Сталин — вариант, соблюдающий Устав.

Теперь, в 1926 г., Сталин, говоря о записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», акцентировал внимание уже не на ослаблении памяти Ленина, а на политическом содержании имеющейся там его характеристики, на том, что в тексте «нет и намека о принципиальных разногласиях — говорится лишь о "потачках" Сталина Орджоникидзе, о "преследованиях" "грузинского дела"»[1625]. В выступлении на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна Сталин не только отвел обвинение в существовании у него с Лениным разногласий по национальному вопросу, но и развил атаку. Отметив, что в записках по национальному вопросу ему был сделан упрек за «слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукоммунистов типа Мдивани», он, сославшись на последующий опыт, заявил, что они «заслуживали на самом деле более строгого отношения к себе, чем это я делал, как один из секретарей ЦК нашей партии», так как они «являются разлагающейся фракцией самого откровенного оппортунизма»[1626].

Как видно, Сталин не признавал справедливость критики в свой адрес ни по одному

существенному замечанию. Он не оправдывался. Он вел тактически грамотный бой, переходя от защиты в контратаки и в общее политическое наступление, используя тексты «Письма к съезду» и записок «К вопросу о национальностях...». В аргументах Сталина было больше политического смысла, чем в аргументации оппозиции, которая делала ставку на эмоции, срываясь на истерику, прибегая к грубым передержкам текста, вольной и постоянно меняющейся его интерпретации.

Убедительными или нет покажутся современному читателю и историку эти комментарии Сталина, но главный бой на поприще «Завещания» Ленина он выиграл. Причем выиграл не с помощью политических интриг и организационных мер, как иногда утверждается в литературе. Он выиграл этот бой сначала на поприще открытого идеологического столкновения, используя силу своей логики и аргументы, которые были понятны и убедительны для большинства членов партии. Оргмеры также были, но они последовали позднее и лишь закрепили достигнутую победу.

К середине 1926 г. «Письмо к съезду» как оружие в борьбе против Сталина уже в значительной степени исчерпало свой потенциал: все попытки использовать его не приводили к желаемому результату. Неудачи постигали как Троцкого и троцкистов — известных политических противников Ленина, так и лидеров «новой оппозиции», чье политическое прошлое было тесно связано с ним. Критического антисталинского потенциала, заложенного в нем, оказалось на проверку недостаточно. Угроза раскола не напугала делегатов XIII партийного съезда. Наоборот, после вспышки острой борьбы в ходе последней внутрипартийной дискуссии Сталин стал восприниматься как гарант сохранения единства партии. Оппозиции оставалось полнее задействовать эмоциональную сферу. Поэтому, думается, не случайно именно в это время, после поражения троцкистской и «новой оппозиции» в арсенал средств борьбы против Сталина объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции вводится письмо-ультиматум Ленина от 5 марта 1923 г., содержащее тезис о Сталине, оскорбившем Ленина и не прощенном им. Это позволяло нарастить силу удара по Сталину и в случае успеха в борьбе за власть изменить политический курс партии.

Зиновьев на июльском (1926) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) заявил, что Ленин «в личном письме к тов. Сталину рвал с ним товарищеские отношения»[1627]****. Это была откровенная ложь. Как оказалось, это был последний патрон в обойме политических зарядов из ленинских документов, которые были использованы против Сталина. И в каком-то отношении самый сильный. В ответ на это заявление Сталин обратился к Объединенному Пленуму с письменным заявлением по личному вопросу. Он писал: «Ленин никогда "не рвал" со мной личных товарищеских отношений, — это сплетни потерявшего голову человека. О личных отношениях Ленина ко мне можно судить хотя бы по тому факту, что Ленин во время болезни несколько раз обращался ко мне с такими ответственнейшими поручениями, с какими он не обратился бы никогда и не пробовал обратиться ни к Зиновьеву, ни к Каменеву, ни к Троцкому. Члены Политбюро и тт. Крупская и Мария Ильинична знают об этих поручениях»[1628]. Сталин явно намекал на просьбы Ленина дать ему яд. М.И. Ульянова поддержала Сталина своим заявлением Объединенному Пленуму, в котором она писала, что инцидент между Лениным и Сталиным имел *«чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел»*. Это т. Зиновьев хорошо знает и ссылаться на него было совершенно напрасно». Она указала, что инцидент произошел из-за того, что Сталин «отчитал его семейных (речь может идти только о Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой. — В.С.) за нарушение установленного по требованию врачей» запрета на передачу ему (Ленину) «политических новостей. Ленин случайно узнал об этом — а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал, — в свою очередь отчитал Сталина. Т. Сталин извинился, и этим инцидент был исчерпан... Я утверждаю таким образом, что все толки оппозиции об отношении Владимира И[льича] к Сталину совершенно не соответствуют действительности. *Отношения эти были и остались самыми близкими и товарищескими*» (выделено нами. — В.С.)[1629]. Н.К. Крупская не

оспорила этого заявления М.И. Ульяновой.

В литературе высказывалось мнение, что этим заявлением Ульянова вместе с Бухариным, которым была написана первая часть черновика этого заявления[1630], спасла Сталина. С этим нельзя согласиться, так как выступление Сталина на Пленуме с развернутым комментированием «Письма к съезду» и записок «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», а также открытой критикой отдельных их положений *предшествовало* письменному заявлению Ульяновой, *написанному уже после окончания работы Пленума*. Следовательно, никакого влияния ее заявление на ход и исход политической борьбы на Пленуме не могло оказать. Самое большее, оно могло помочь разобраться в вопросе личных отношений Ленина и Сталина активу партии, читающему протоколы Пленума. Это была хорошая поддержка Сталина, но не более того.

Июльский (1926) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) стал кульминацией в использовании троцкистско-зиновьевским оппозиционным блоком ленинского «Завещания» против Сталина. «Письмо к съезду» теряло силу в качестве эффективного средства борьбы против Сталина. И это понятно. Прошли годы, время многое расставило по своим местам. Опасения относительно раскола партии не оправдались, Сталин зарекомендовал себя политиком, являющимся гарантом единства партии, а не олицетворением угрозы раскола. Призыв ликвидировать СССР казался диким и вполне мог быть расценен как проявление контрреволюции. Укрепление СССР было условием победы социалистической революции. Политический потенциал «Письма к съезду» был исчерпан и не принес ожидаемых результатов. Оппозиция не могла предложить ни новых ленинских материалов, ни дать новой трактовки уже использованным текстам. Авторитетом Ленина она воспользоваться не смогла, а собственного авторитета, авторитета предлагаемой ими программы развития явно не хватало, чтобы повести партию за собой. Конечно, оппозиция использовала «Завещание» и в дальнейшем. Например, о нем говорилось в программном документе троцкистско-зиновьевской оппозиции — «Проекте платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления)»[1631], в листовках, в призывах, обращенных к широким партийным и беспартийным массам («Выполним завещание Ленина») во время празднования десятилетия Октябрьской революции. Обращение к беспартийным массам за поддержкой в деле выполнения «Завещания» Ленина переводило борьбу в новую плоскость даже по сравнению с тем, что было на июльском (1926) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Но это было уже проявлением не силы, а бессилия.

По предложению Сталина «Письмо к съезду» было опубликовано в «Бюллетене» XV съезда ВКП(б)[1632]. Как самое сильное оружие политической борьбы против Сталина оно было обезврежено, хотя генсеку вновь и вновь приходилось разъяснять несостоятельность содержащихся в нем обвинений, а также политический смысл использования этого документа оппозицией. Но теперь уже не было той внутренней напряженности, свойственной прежним выступлениям Сталина по этому поводу. Показательно в этом отношении его выступление на заседании октябрьского (1927) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)[1633]. *Сталин не оправдывается, а объясняет, не защищает, а атакует и «бьет» оппозицию ее же главным оружием.*

Показательно, что к «Письму» уже не обращались лидеры «правого» уклона (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) в борьбе против большинства ЦК и Сталина, хотя нужда в подкреплении ленинским авторитетом своей позиции у них была*****. «Письмо к съезду», содержащее убийственную для Бухарина — политика и теоретика — характеристику, было для него опаснее, чем для Сталина. Бухарин использовал ленинское «Завещание», но иначе, чем Троцкий, Зиновьев и Каменев, он попытался найти в нем опору для собственного плана построения социализма, противостоящего тому, который предложил партии Сталин. Бухарин обращался к опубликованным ленинским текстам «Завещания» и давал им свою интерпретацию. Поэтому он вступил в борьбу со Сталиным как теоретик. Склонность Бухарина к теоретической работе была давно и хорошо известна в партии, и,

очевидно, не случайно в «Письме к съезду» он был охарактеризован именно как теоретик. Эту оценку Сталин с большим политическим эффектом использовал на апрельском (1929) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В докладе «О правом уклоне в ВКП(б)», критикуя Бухарина по существу его предложений и затронув вопрос о теоретических ошибках Бухарина, Сталин сказал: «Ссылаются на известное письмо товарища Ленина о Бухарине как о теоретике. Давайте прочитаем это письмо... Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик. Теоретик, чьи "теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским". Такова характеристика теоретической физиономии Бухарина, данная Лениным»[1634].

Дискуссия Сталина и Бухарина по проблемам ленинского «Завещания» выводит нас на круг проблем, связанных с разработкой плана построения социализма в СССР. Эти вопросы мы рассмотрим в следующей, последней главе.

* По утверждению Троцкого, «Завещание не приостановило и не смягчило внутреннюю борьбу, наоборот, придало ей катастрофические темпы» (*Троцкий Л.Д.* . Завещание Ленина//Портреты революционеров. М., 1991. С. 272). Это так, надо только скорректировать этот тезис: поскольку Ленин не был автором «Письма к съезду», то не может нести ответственность за это.

** Куманев и Куликова считают это оправданным, а ответные действия ЦК, принявшего решение опубликовать ленинскую оценку действий Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г., осуждают. Крупская, узнав о намерении ЦК опубликовать это ленинское письмо, «усмотрела в этом прием, недостойный духа партийного товарищества, честного и принципиального идейного противоборства» (*Куманев В.А, Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 106).

*** Это заявление Крупской не выглядит убедительным, поскольку «Письмо к съезду» датировано 24—25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г., а Ленин продолжал работать до первых чисел марта 1923 г. К тому же этим заявлением Крупская прямо противоречит тому, что сказала Зиновьеву в мае 1923 г. при первом предъявлении «характеристик» в ЦК партии.

**** Неясно, о чем идет речь. Возможные варианты: 1. Письмо от 23 декабря 1922 г.; 2. Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», имеющая подзаголовок «Предложение XII съезду партии». Последнее представляется более вероятным.

***** Д.А. Волкогонов правильно отмечал, что Сталин «неоднократно, но предельно осторожно, витиевато, иносказательно оспаривал... ленинские оценки» (*Волкогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. Кн. 1. С. 14).

***** В «заявлении по личному вопросу» Сталин развил эту тему. Он писал: «Т. Троцкий не прав, утверждая, что Ленин "предлагал не напоминать об его (Троцкого) небольшевизме". На самом деле, Ленин утверждал в своем "завещании", что "небольшевизм" Троцкого мало может быть ставим ему в вину лично. Две вещи разные. "Небольшевизм" Троцкого — факт. Нельзя ставить небольшевизм т. Троцкого "лично в вину" — тоже факт. Но что небольшевизм Троцкого существует и что борьба с ним необходима — это тоже факт, не подлежащий сомнению. Нельзя исказить Ленина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 105).

***** Факты более раннего использования «письма-ультиматума» во внутривнутрипартийной борьбе неизвестны. Во всяком случае в литературе они не приводились. Троцкий говорит о первом обнародовании «письма-ультиматума» не очень определенно, связывая его с периодом после развала «тройки», т.е. не ранее второй половины 1924 г.: «Письмо Ленина о разрыве со Сталиным стало широко известно верхам партии, уже после распада тройки...» (*Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 273).

***** Последняя попытка воспользоваться ленинским «Завещанием» в интересах внутривнутрипартийной *нелегальной* борьбы была предпринята группой оппозиционеров во главе с бывшим меньшевиком М. Рютиным в 1932 г. Создавая политическую программу для своей организации, Рютин широко использовал ленинское «Завещание», но при этом не придумал

ничего нового и оригинального. Написанный им обширный документ — «рютинская платформа» — в этом отношении стал всего лишь конспектом прежних выступлений лидеров разных оппозиций и их официальных документов. Эта программа не получила широкой известности и не оказала сколь-либо заметного влияния на политическую борьбу и общественное мнение в СССР. По оценке О.В. Хлевнюка, политическое влияние «рютинской платформы» весьма скромно: ее тексты «распространялись среди старых членов партии и получали у них *определенную* (курсив наш. — В.С.) поддержку» (Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 62).

ГЛАВА 4. «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ» В.И. ЛЕНИНА – ВАЖНЫЙ ВКЛАД В РАЗРАБОТКУ ПЛАНА СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В СССР

После того как методом исключения определен круг работ (письма, записки, статьи), которые по праву могут быть оценены как действительно принадлежащие В.И. Ленину*, мы можем приступить к анализу их политического содержания.

* Напомним, что речь идет о текстах, продиктованных В.И. Лениным 23 декабря («Письмо к съезду»), 26 декабря (без названия), 29 декабря («К отделу об увеличении числа членов ЦК») 1922 г., опубликованных в то время по указанию Ленина статьях «Странички из дневника», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», а также записках «О кооперации», «О нашей революции», «О придании законодательных функций Госплану».

§ 1. УКРЕПЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА – ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ПОБЕДЫ РЕВОЛЮЦИИ

В течение 1921—1922 гг. таяли надежды на перспективу начала в скором времени пролетарской революции в развитых капиталистических странах Европы. Вопросы о перспективах социалистической революции в России, о возможности ее развития, опираясь на внутренние силы, к концу 1922 г. приобрели еще большую, чем прежде, актуальность. Развитию пролетарской революции в европейских странах препятствовало то, что победители в Первой мировой войне могли воспользоваться плодами своей победы для смягчения внутренних социальных проблем за счет побежденных ими стран. С другой стороны, у них было достаточно возможностей, чтобы при необходимости силой помешать развитию революционного процесса в Германии. Население колониальных и полуколониальных стран Востока хотя и «втягивается с необычайной быстротой в последние годы в "борьбу за свое освобождение», но реально помочь российской социалистической революции в обозримом будущем не может, поскольку его силы и возможности, считал Ленин, «не идут решительно ни в какое сравнение» «с силами капиталистических стран»[1635].

Неудивительно, что в своих последних письмах, записках и статьях Ленин вновь обратился к вопросу о том, что надо делать, чтобы обеспечить победу российской революции, продолжающей борьбу «в одиночку», в условиях капиталистического окружения. Успех зависел от того, удастся ли обеспечить необходимое социально-экономическое развитие страны.

Возможности развития страны лимитировались уровнем ее производительных сил, значительно понизившимся в результате империалистической и гражданской войн, а также переменами в сельском хозяйстве, произошедшими в результате революции: ликвидация помещичьего землевладения привела к появлению в деревне огромной массы «мелких и мельчайших» крестьянских хозяйств и, как следствие, к снижению производительности

труда.

Этот анализ приводил Ленина к постановке вопроса о перспективах российской революции и задачах революционеров. «Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разрозненности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?» Что, по оценке Ленина, должно было произойти не скоро[1636].

Для использования внутренних ресурсов страны в руках большевиков было только два средства: верная политика и хорошая организация. Именно на них указывал Ленин, формулируя принципиальные основы тактики, которая «предписывается» таким положением дел: 1) использовать противоречия между империалистическими государствами, а также между ними и эксплуатируемыми ими народами и странами Востока; 2) обеспечить упрочение власти диктатуры пролетариата, сохранение доверия со стороны крестьянства к ней и ее способность руководить крестьянством; 3) за счет предельной экономии средств обеспечить финансирование восстановления предприятий и нового строительства в промышленности[1637].

Решению задачи финансирования промышленности Ленин придавал особое значение, так как благодаря развитию «крупной машинной индустрии» и электрификации страны советская власть должна была получить возможность «построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе». Тогда «мы в состоянии будем *удержаться наверняка*. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии»[1638]. Таким образом, Ленин фактически предлагал поставить в повестку дня вопрос *о подготовке к началу осуществления* программы технической реконструкции промышленности, а за ним и сельского хозяйства. В этом развитии советские республики могли перейти ту грань, когда судьба социалистической революции в них стала бы определяться в основном уже не доставшейся от прошлого отсталостью, а новым, более высоким уровнем экономического и культурного развития.

В решении этой задачи, по мысли Ленина, важнейшую роль должен был сыграть партийный и государственный аппарат, осуществлявший власть в стране и управление народным хозяйством. Задача их укрепления как главного орудия социалистических преобразований вытекает из предложенной Лениным тактики. Ленин предложил механизм, который должен был подготовить партийный и государственный аппараты к решению этих задач — тесное взаимодействие ЦК и ЦКК партии, соединение ЦКК с РКИ.

Историки проходят мимо важного поворота во взглядах Ленина на проблему реорганизации ЦК, игнорируют тот очевидный факт, что первоначальная идея реформы ЦК трансформировалась в проект реформы ЦКК. И вот результат — Сталину, Политбюро, ЦК и съезду партии ставится в вину невыполнение предложения, от которого сам Ленин отказался. Например, В.И. Старцев упрекал ЦК РКП(б) за то, что он не пошел на увеличение ЦК до 50—100 человек, а увеличил его всего лишь до 40 членов. В этом он усматривает борьбу Политбюро, Секретариата и Оргбюро «против тех революционных мер по перестройке партийного руководства», которые предлагал принять Ленин[1639]. Еще большему искажению подвергается вопрос о цели предложенной Лениным реформы. Предлагаемые иногда версии не имеют в ленинских текстах никакой опоры. Так, Д.А. Волкогонов утверждал, что замысел Ленина состоял в расширении демократии в партии и в государстве[1640]. В.А. Куманев и И.С. Куликова писали, будто Ленин в те дни приходит к мысли, что «определяющую роль в работе коллегиального органа играют личные качества лидеров» (следовательно, до этого времени он не знал об этом) и навязывают ему стремление сделать ЦК «коллективным руководителем» (будто бы он им не был при Ленине!), преодолеть амбициозность и личное соперничество членов Политбюро, «уравновесить в главном звене власти враждующие группировки» и т.п.[1641]

Ленин, в принципе, был удовлетворен существовавшей системой высших партийных органов, в том числе местом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата, поэтому, говоря об их работе, о необходимости улучшения их деятельности, он ни разу не критикует их и не связывает с ними проблему партийного бюрократизма[1642]. Наоборот, он предлагает оформить те изменения, которые в их работе происходят под давлением обстоятельств. «Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил свое стремление развиваться в своего рода высшую партийную конференцию... текущую работу от имени ЦК ведет, как известно, наше Политбюро, наше Оргбюро, наш секретариат и т.д. Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы таким образом вступили». Такое развитие ЦК должно было обеспечить повышение «планомерности, целесообразности, систематичности его организации и работы и в отношении связи с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян»[1643]. Он вполне удовлетворен ходом дела и его направлением, следовательно, и теми людьми, которые обеспечивают их работу. Хорошо видно, что Ленина интересует система. В принципе она его устраивала, он не желает ее смены, стремится только к ее совершенствованию.

Именно в связи с ее совершенствованием, а не с заменой Ленин ставит вопрос об устойчивости и расколе ЦК РКП(б) и о преодолении потенциальной опасности раскола партии как следствия проведения недостаточно гибкой и взвешенной политики, неспособной обеспечить союз рабочего класса и крестьянства[1644]. Никакой персонификации в постановке этого вопроса, никакого ожидания раскола в ближайшем будущем при одновременном признании того, что эффект понижения опасности раскола вследствие предлагаемых им мер мог проявиться лишь спустя годы, необходимые для улучшения работы госаппарата. О том, что Ленин, говоря об угрозе неустойчивости и раскола, не был склонен драматизировать их, свидетельствует тот факт, что на нее нет никакого указания в статье «Странички из дневника», в записках «О кооперации», «О нашей революции», а также в последней статье — «Лучше меньше, да лучше». Поэтому и контекст, в который включены положения об опасности неустойчивости и раскола — реорганизация ЦК, ЦКК и РКИ, — говорит о том, что уменьшение этой опасности было не главной целью предлагаемых им реформ, а только их полезным, но побочным результатом.

Ленин выдвинул идею о необходимости реорганизации центральных органов партии таким образом, чтобы одновременно решить ряд ключевых задач — повысить эффективность их собственной работы, обеспечить им возможность руководить совершенствованием работы госаппарата. Это позволило бы, по мнению Ленина, укрепить связь с трудящимися массами посредством выработки и проведения через государственные органы политики, отвечающей их интересам. Это общая идея, сформулированная первоначально в письме от 23 декабря 1922 г. («к съезду») в виде предложения о расширении состава ЦК до 50—100 человек. Отметив, что нельзя рассчитывать на «вполне благоприятное» течение событий, Ленин именно с точки зрения преодоления грозящих отсюда опасностей оценивает предлагаемую им реформу ЦК РКП(б): «Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нас борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы»[1645].

Дальнейшее развитие эта мысль получила в записи от 26 декабря. В ней Ленин предложил функцию проверки, «улучшения» и «пересоздания» аппарата изъять из ведения РКИ, которая оказалась «не в состоянии справиться с нею», и передать Центральному Комитету РКП(б). А для выполнения возросшего объема работы он предложил расширить состав ЦК за счет нескольких десятков членов партии преимущественно из числа «рядовых рабочих и крестьян», предоставив им «право присутствовать на всех заседаниях Политбюро и читать все документы ЦК»[1646]. РКИ должна «быть употреблена лишь как "придаток" или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК». Это право сразу же ставило новых, политически малоопытных членов ЦК в необычное, привилегированное положение по отношению к другим его членам, которые присутствовали на заседаниях

Политбюро только в том случае, если это требовал обсуждавшийся вопрос. И Ленин не предлагал отменять эту практику. Это первоначальное предложение Ленина, не решая проблемы по существу, вело к путанице и ломке старой системы работы ЦК и дискриминации других членов ЦК.

29 декабря 1922 г. Ленин продолжил разработку этой схемы. На этот раз от общей постановки вопроса он переходит к разработке конкретной проблемы — «как сочетать этих специалистов (из РКИ. — В.С.) по проверке, имеющих достаточные знания, и этих новых членов ЦК». Новые члены ЦК «будут из года в год проходить курс государственного управления при помощи высококвалифицированных специалистов» из РКИ, что позволит «удачно» решить задачу «улучшения нашего аппарата, который никуда не годится». Это тем более оправдано, что, по его мнению, РКИ в своем развитии «дал в итоге... переходное состояние от особого наркомата к особой функции членов ЦК; от учреждения, ревизирующего все и вся, к совокупности численно небольших, но первоклассных ревизоров»[1647]. Поэтому Ленин планирует совместное использование (как помощников, или «придаток») членов РКИ с новым и особым контингентом членов ЦК.

После 29 декабря разработка этой темы была приостановлена примерно на десять дней. О причинах мы можем только догадываться. Возможно, Ленин был недоволен тем, что получалось. Возникал ряд вопросов, остающихся без ответа. Почему никому еще не известные новые члены ЦК будут обладать лучшими по сравнению с другими членами ЦК личностными и деловыми качествами? Почему они гарантированы от бюрократизации? Много ли партийцев, обладавших всеми этими замечательными качествами, за пять лет революции осталось «внизу», «у станка», «у сохи»? Почему они не выдвинулись прежде? И как их найти? Ошибиться нельзя, поскольку от них в огромной степени будет зависеть судьба революции. Усилят ли они, составив большинство в ЦК, этот партийный штаб? Не факт. Не ослабят ли они его? Не исключено. Кроме того, известно, что сама по себе работа у станка или сохи не гарантирует от колебаний в сторону оппортунизма. История большевистской партии знает немало примеров тому. В старом составе ЦК были люди, которые проявили себя как хозяйственные организаторы, пропагандисты, теоретики. В новом же составе их удельный вес резко снизится, и в главном политическом органе партии доминирующее положение должна будет получить совершенно иная категория партийцев — те, кто за годы революции не проявили себя организаторами, которые не имели ни опыта хозяйственной, идеологической работы, ни должной теоретической, а часто и общеобразовательной подготовки. Как их преобладание в ЦК скажется на выработке политики, на качестве принимаемых решений, на уровне организации работы ЦК? Выиграет ли от этого партия, страна, революция? Не будет ли обеспечено усиление связи ЦК с массами за счет снижения работоспособности и качества работы этого органа, что сразу же лишает смысла задуманную реформу?

Предложенный Лениным вариант, снимая одни проблемы, ставил на их место массу других, уводил ЦК партии от одних конфликтов и ставил перед другими, не менее сложными, на место одних группировок грозил привести новые. Мы не знаем, задавал ли Ленин себе эти или подобные им вопросы и как отвечал на них. Зато известно, что в дальнейшем, разрабатывая эту проблему, он уже не возвращался к мысли о предоставлении новым членам ЦК привилегированного положения. Этот факт и позволяет утверждать, что Ленин был недоволен своим первоначальным проектом.

В первой декаде января 1923 г. Ленин продиктовал план статьи «Что нам делать с Рабкрином?», в котором был сделан первый серьезный поворот в намечаемой схеме. Теперь он предлагал членов ЦК из рабочих и крестьян не ставить в привилегированное положение в Политбюро и ЦК партии, а отдать как бы под опеку Секретариату ЦК (значит, и Сталину как генсеку) *для «организации обучения новых членов ЦК всем деталям управления»*, что уже само по себе *должно обеспечить «большее упорядочение заседаний Политбюро»* [1648]. Этим частично снималось прежнее противоречие: новые члены ЦК, если и составляют особую часть ЦК, то только в том смысле, что отдаются в обучение основной

части членов ЦК и его аппарата. Это предложение укрепляло положение и авторитет Секретариата и Сталина как генерального секретаря в ЦК партии.

В первоначальном варианте статьи о РКИ («Что нам делать с Рабкрином?») Ленин уточняет свою позицию в отношении численности ЦК и положения новых его членов из рабочих и крестьян: «Несколько десятков (от 50 до 75 чел.) рабочих и крестьян выбираются в ЦК партии *дополнительно к прочим членам ЦК*» (курсив наш. — В. С). Далее следует важная корректировка ранее сформулированного предложения: *«Новые члены ЦК совершенно равноправны с другими членами ЦК»*. Равноправны, а не стоят над другими и не контролируют их! Это положение фактически означает *окончательный отказ от их привилегированного положения и завершение пересмотра первоначальной схемы* в одном из важнейших пунктов ее. *Особая функция членов ЦК, о которой Ленин говорил 29 декабря, остается закрепленной за особой группой членов ЦК, не имевших никаких преимуществ перед другими:* перед ними ставится задача «длительной и упорной работой изучить и улучшить наш госаппарат. Эти члены ЦК считаются временно прикомандированными к Наркомату рабоче-крестьянской инспекции, все служащие которого «получают задание помогать им в этом»[1649]. *Особый статус этой группы членов ЦК подчеркивается теперь не расширением их прав по сравнению с другими членами ЦК, а, наоборот, установлением ограничений для них.* Ставится условие, что эти члены ЦК через несколько лет должны сменяться. Таких условий в отношении других членов ЦК никогда не было, вопрос об их пребывании в ЦК решался строго индивидуально, исходя из совершенно иных критериев. Стало быть, «новые» члены ЦК превращаются из привилегированной его части в каком-то отношении дискриминированную часть.

Однако вариант с ущемлением и ограничением прав членов ЦК также не мог быть принят, как и вариант с расширением прав.

Работа над первым вариантом статьи продолжалась до 13 января 1923 г., следовательно, до этого времени Ленину не удалось найти удовлетворительного решения проблемы: новые члены ЦК с их специфическими задачами, функциями и, следовательно, правами никак не вписывались в существующий механизм работы ЦК и в рамки Устава партии. В итоге получалось разрушение сложившейся системы руководства партии, чего Ленин не желал. Он стремился к укреплению ее. Ленин был недоволен первоначальным вариантом статьи о РКИ («Что нам делать с Рабкрином?»), о чем свидетельствует уже сам факт прекращения работы над ним и начало разработки принципиально новой схемы реализации своей идеи. Поставленные задачи он пытается теперь решить не за счет реорганизации ЦК партии, а за счет реорганизации ЦКК РКП(б).

Во всех текстах, предшествующих статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», представляющей переработку первоначального варианта ее («Что нам делать с Рабкрином?»), речь идет *только о новых членах ЦК* и нет ни слова о ЦКК. Спустя десять дней, 23 января, Ленин закончил диктовать статью «Как нам реорганизовать Рабкрин», в которой речь идет *только о реорганизации ЦКК*. О реорганизации ЦК, о расширении его состава здесь уже не было ни слова. В литературе этому повороту ленинской мысли почему-то не придается должного значения, и, говоря о предлагаемой им реформе, историки громоздят цитату на цитате из разных работ, в которых фактически предлагаются совершенно разные реформы. Ленин нашел удовлетворивший его вариант реформы центральных органов партии, что отразилось в названии подготовленной к печати статьи: из нее исчезла неопределенность в самой постановке вопроса (что делать с РКИ?) и появился подзаголовок, говорящий о завершенности работы над проблемой, — «Предложение XII съезду партии».

В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» появляется предложение увеличить ЦКК на 75—100 человек с теми же функциями, которые прежде предполагались для новых членов ЦК. Тот же круг задач, которые им предстоит решать. Те же права присутствовать на заседаниях Политбюро и знакомиться с документами. То же условие регулярной смены их. Та же социальная среда, из которой они должны набираться. Тот же расчет, что эта мера

обеспечит усиление устойчивости ЦК партии. Та же связь между партийными органами и работниками НК РКИ, те же последствия для РКИ — повышение ее авторитета и дееспособности[1650].

В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин продолжил разработку этой проблемы, детализируя схему работы ЦКК—РКИ[1651].

С перенесением задачи налаживания работы РКИ с ЦК на ЦКК отпала необходимость пополнения ЦК партии за счет рабочих и крестьян до 50—100 членов. И мы видим, что Ленин к этому предложению в последних своих статьях не возвращается.

Предложение Ленина предоставить ЦКК право контроля за постановкой вопросов и их обсуждением в ЦК РКП(б), Политбюро ЦК, за любым партийным функционером[1652] в литературе иногда трактуется как установление контроля над ЦК и Политбюро, ограничение их прав. Но это не так. Контроль за подготовкой вопросов к обсуждению и за ходом их обсуждения не означал ограничения права Политбюро формировать повестку дня, права **принятия** решения. А ведь это главное. Определяя задачи и функции членов ЦКК, присутствующих на заседании Политбюро, Ленин ни слова не говорит о предоставлении им совещательного или тем более решающего голоса. Следовательно, ее функции оставались в рамках, определенных Уставом партии, власть ЦК не умахалась. Достигалось лишь то, что и требовалось, — повышение эффективности работы Политбюро, значит, позиции ЦК не ослабевали, а усиливались. Одновременно происходило наращивание политической силы и возможностей ЦКК, но не за счет прерогатив ЦК РКП(б). Этим обеспечивалось укрепление всей системы центральных органов партии и ее положения в политической системе диктатуры пролетариата.

В ходе разработки планов реорганизации ЦК и ЦКК в связи с реорганизацией РКИ Ленин вышел на принципиально важную проблему взаимодействия партийных и государственных органов[1653]. Тем не менее в историографии этот — важнейший — аспект последних ленинских работ не привлек должного внимания, очевидно, потому, что высказанные Лениным мысли противоречили принятым позднее в КПСС взглядам. Все ограничивалось частным случаем — слиянием ЦКК и РКИ, внимание концентрировалось на решении очень важных практических задач: борьбе с бюрократизмом, демократизации внутрипартийной жизни и т.д. Такой подход не только суживал проблему, но и грубо искажал позицию Ленина.

Реорганизацию ЦКК—РКИ Ленин рассматривал лишь как очередной шаг в решении более общей задачи — создания системы власти и управления, отвечающей потребностям социалистической революции. Завершая разработку этой проблемы, в статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин обосновал свое видение главного направления развития политической системы диктатуры пролетариата. Реорганизация ЦКК—РКИ должна была подготовить решение более фундаментальной задачи — дальнейшую интеграцию партии и государства, что рассматривалось им и как цель, и как способ поставить на место существовавшего, оставшегося от старого строя, новый, **свой** госаппарат и этим создать предпосылки для дальнейших шагов в этом направлении.

Для марксистов такая постановка вопроса не являлась неожиданной. Правда, основоположники марксизма не дали сколь-либо детальной проработки этого вопроса, но общие установки были достаточно определенными. *Задача использования Коммунистической партией государства в целях реализации программы пролетарской революции поставлена уже в «Манифесте Коммунистической партии».* Там же сформулирована мысль о том, что в процессе установления политического господства пролетариата и проведения программы преобразования общества на базе общественной собственности на средства производства государство претерпевает определенную эволюцию вплоть до исчезновения. Развивая эту мысль, *Ф. Энгельс сформулировал положение, что социалистическое государство уже не является государством в прежнем смысле слова.* Таким образом, система «партия — государство» мыслилась не как статическая, а как динамическая, постоянно и быстро меняющаяся в первую очередь за счет своей

«государственной» составляющей. На основе такого понимания сущности отношений между партией и государством в системе диктатуры пролетариата большевики с самого начала строили новое государство. В записках от 26 декабря 1922 г. Ленин отмечал, что за пять лет революции большевики *«создали новый тип государства»* (курсив наш. — В. С.), в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии»[1654].

Большевиками была принята и проводилась в жизнь* идея определенного сращивания всех организаций пролетариата. Практический опыт корректировал первоначальные представления, вызывал дискуссии, в центре которых была проблема поиска целесообразных организационных форм и методов работы, взаимодействия основных институтов политической системы диктатуры пролетариата. Наибольшей остроты борьба по этим вопросам достигла в ходе «дискуссии о профсоюзах».

В процессе разработки своего плана реорганизации ЦК— ЦКК—РКИ Ленин в развернутом виде изложил свои взгляды на проблему взаимодействия партии с государством в социалистической революции. Уже в диктовке от 29 декабря 1922 г. говорилось, что РКИ «в результате своего развития дал в итоге *переходное состояние от особого наркомата к особой функции членов ЦК*» (курсив наш. — В.С.)[1655]. Излишне говорить, что такой «результат» эволюция РКИ могла иметь только в том случае, если определенная интеграция соответствующих частей партийного и государственного аппаратов фактически уже имела место. В плане статьи «Что нам делать с Рабкрином?» Ленин уже предлагает распространить на НК РКИ опыт подчинения НКВД Центральному Комитету партии, включая и дело подбора кадров для него[1656]. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» эта тема получает развитие. Ленин в опыте государственного строительства времен гражданской войны в качестве главного урока выделяет насыщение важнейших институтов власти надежными партийными кадрами. На этот опыт он предлагал опереться, приступая к реорганизации госаппарата[1657].

В статье «Лучше меньше, да лучше» он суммировал свои взгляды по этому вопросу. В ней говорится *не только о допустимости и целесообразности, но и о необходимости определенного соединения, слияния партии и государства*. Насколько серьезное значение Ленин придавал этому вопросу, говорит то, что ему он посвящает целый раздел этой статьи. Ввиду принципиальной важности сформулированных Лениным положений и частых искажений ленинских взглядов на этот вопрос приведем пространную цитату: «Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекал выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях. Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро не обсуждаются вопросы с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о "ходах" с нашей стороны в ответ на "ходы" заграничных государств... Разве это *гибкое соединение советского с партийным* не является источником чрезвычайной силы в нашей политике ? Я думаю, что *то, что оправдало себя, упрочилось* в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области , будет, по меньшей мере, столь же уместно (а я думаю, что *будет гораздо более уместно*) *по отношению ко всему нашему государственному аппарату... Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы* » (выделено нами. — В.С.). Завершает эти рассуждения Ленин следующим замечанием: «Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего аппарата и что на них следует отвечать только одним — насмешкой»[1658].

Выделенный курсивом текст является квинтэссенцией ленинских взглядов. Чтобы яснее увидеть суть их, представим часть выделенного текста в виде одного предложения. Получается: *гибкое соединение советского с партийным является источником чрезвычайной силы в нашей политике; оно оправдало себя, упрочилось в нашей внешней*

политике и будет гораздо более уместно по отношению ко всему нашему государственному аппарату; в таком соединении — единственный залог успеха.

Вместе с тем из приведенной выше цитаты видно, что В.И. Ленин не ставил вопрос о слиянии, соединении как вопрос принципа, в соответствии с которым должны были быть перестроены отношения партии и государства. Для Ленина это вопрос целесообразности и тактики.

В свете этих намерений Ленина иначе выглядит и предложенная им реорганизация ЦКК—РКИ. Она создавала механизм, необходимый для реализации планов «соединения», «слияния» определенных частей партийного и государственного аппаратов. В данном случае посредством реорганизованной ЦКК происходит формальное, а не только фактическое подчинение всей системы государственной инспекции и контроля центральному руководству большевистской партии. Государственный орган — РКИ — не просто по факту, но и формально превращался в глаза и руки ЦК и ЦКК партии, позволяя осуществлять контроль, чистку и реорганизацию всего государственного аппарата, выявлять перспективные кадры управленцев, обеспечить их подготовку и распределение. Заканчивая 2 марта 1923 г. свою последнюю статью «Лучше меньше, да лучше», В.И. Ленин диктовал: «Вот — о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с "рядовым наркоматом»[1659].

* В статье «Наши разногласия» (опубликована в «Правде» в январе 1921 г.) Сталин писал: «Никто не спорит, что профсоюзы и органы государства должны проникать и будут проникать друг друга взаимно ("сращивание")» (Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 4). Ленин не мог не знать о ней и не возражал, хотя термин «сращивание» относился к принципиально важному вопросу, вокруг которого кипели страсти. Несколько позднее (1921 г.) в наброске плана брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» Сталин так сформулировал свое видение вопросов интеграции партии и государства: «Компартия как своего рода орден меченосцев *внутри* государства Советского (курсив наш. — В.С.), направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» (Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 71). Как знать, может быть, такое видение этой проблемы Сталиным, сыграло свою роль, когда Ленин думал о политике, способном занять ключевое место в политической системе диктатуры пролетариата.

§ 2. КООПЕРАЦИЯ КАК СПОСОБ ВОВЛЕЧЕНИЯ КРЕСТЬЯН В СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА

Главная проблема, которая стояла на пути построения социализма в СССР, — проблема вовлечения крестьянства в социалистическую революцию в качестве политически, экономически и социально заинтересованного участника этого процесса. Проблема для революционеров-марксистов была хотя не нова, но чрезвычайно сложна для практического решения. Попытка применить классическую схему, предложенную К. Марксом и Ф. Энгельсом, окончилась неудачей. Вынужденный переход к новой экономической политике тому свидетельство. НЭП создавал условия, сильно отличавшиеся от тех, в которых прежде мыслилось использование кооперации (быстрый темп развития мировой пролетарской революции, господство крупных форм организации производства в промышленности и сельском хозяйстве, отсутствие товарно-денежных отношений). Допущение рынка, необходимость приспособления государственной промышленности к возможностям и потребностям крестьянского хозяйства приводили к уступкам принципу частной собственности, к развитию товарно-денежных отношений, которые развязывали мелкобуржуазную стихию. Вот условия, в которых предстояло развиваться кооперации в СССР.

Ленин, обратившись в «Завещании» к проблеме социалистического преобразования сельского хозяйства, начинает разработку проблемы кооперации с выяснения возможности

использования ее для вовлечения массы крестьянства в процесс социалистического строительства. При этом он опирался на прежние свои разработки в области новой экономической политики, развивал заложенные в них идеи, а не противопоставлял им новые. Ленин изначально рассматривал продналог не просто как уступку капитализму, а как шаг к социализму: «В налоге есть частица прежней разверстки и есть частица того порядка, который один только представляется правильным: именно *обмен продуктов* крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства *через продовольственные органы государственной власти*, принадлежащей рабочему классу, *через кооперацию рабочих и крестьян* » (курсив наш. — В.С.) [1660]. С этим он и связывал процесс становления социализма в крестьянской России. «Когда фундамент социалистической экономики можно считать *заложенным* ! Когда обеспечен *продуктообмен* (выделено нами. — В.С.) с крестьянством*. Когда *хозяйственно* удовлетворен крестьянин!!» [1661]. Таким образом, проблема соединения государственной социалистической промышленности и крестьянского мелкобуржуазного хозяйства в условиях НЭПа и благодаря ему имела принципиальное решение.

И тем не менее оставалось неясным, как с помощью «торгашеской» кооперации совершится превращение старого крестьянства в новый класс социалистического общества, если она «неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, дает им наибольшую выгоду». Ответа не было. Была общая идея, что «"кооперативный" капитализм... является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас», так как он, во-первых, «облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством... и капиталистом» и, во-вторых, «облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» [1662]. Это было сказано почти за два года до диктовки Лениным записок «О кооперации».

В первом варианте записок «О кооперации» Ленин привлекает внимание к следующему: кооперация позволяет поставить частную инициативу крестьянина в такие условия, которые объективно способствуют развитию в крестьянстве коллективистской психологии. Ленин видел в ней, с одной стороны, способ ограничения мелкобуржуазной стихии и экономической связи единоличного крестьянского хозяйства с частным капиталом города и деревни, а с другой — средство переключения его на развитие связей с социалистическим сектором экономики. Поэтому Ленин считал, что при сосредоточении в руках государства диктатуры пролетариата «всех средств производства», при установлении «союза пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян», а также «обеспечения руководства за... пролетариатом по отношению к крестьянству» успех социализма зависит от «максимального кооперирования населения».

По его мнению, значение кооперации в решении проблемы вовлечения в процесс строительства социализма массы крестьянства усилилось, поскольку в рамках НЭПа была сделана уступка крестьянину, «как торговцу, принципу частной торговли», появлялась возможность обеспечить «соединение частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения общим интересам». Важно также то, что она позволяла обеспечить переход «к новым порядкам (т.е. к коллективным хозяйствам, к социализму. — В.С.) путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» и позволяла учиться строить социализм так, чтобы «всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». Поэтому важнейшая задача, считал Ленин, состоит в том, чтобы «кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население» [1663].

Далее Ленин формулирует положение о том, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» [1664]. Это положение иногда

рассматривается как свидетельство того, что Ленин изменил свои прежние представления о социализме и методах его построения, стал сторонником кооперативного социализма. Такой вывод необоснован, поскольку в данном случае Ленин ведет речь не о кооперации вообще, а о кооперации крестьянства. Недаром он постоянно говорит о работе кооператоров в деревне, о необходимости использовать метод материального стимулирования для вовлечения крестьян в кооперацию, о необходимости повышения уровня культуры крестьянина («цивилизироваться»), для того чтобы он мог «быть толковым и грамотным торгашом». Говоря о населении, о русских людях, он имеет также в виду именно крестьян («это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне»)[1665]. Это обстоятельство не позволяет трактовать ленинские слова о роли кооперации расширительно — применительно ко всему обществу, и, следовательно, лишают основания попытки обосновать тезис о том, что Ленина стал сторонником кооперативного социализма, который предполагает сохранение товарно-денежных отношений, рынка и т.д.

Выводом о том, что строй цивилизованных кооператоров в политических условиях, уже обеспеченных успехами социалистической революции, «есть строй социализма», заканчивается первый вариант «статьи» «О кооперации». Кажется, все ясно. И тем не менее Ленин начинает разработку этой проблемы снова (второй вариант «статьи»). Что могло заставить его отложить или прекратить работу над этим, первым, вариантом текста? Что могло вызвать недовольство или неудовлетворенность? Можно предположить, что причиной стали какие-то противоречия, которые обнаружились в ходе работы. Какие именно? Сейчас ответить на этот вопрос можно только предположительно. Во-первых, оставался без ответа вопрос, как и почему контроль государства над частным торговым интересом обеспечит превращение старого крестьянства в класс социалистического общества. Во-вторых, если социализм — это строй цивилизованных кооператоров, а сама кооперация развивается как торгашеская, если «цивилизированный кооператор» — это умный и грамотный торговец, то, получается, что при диктатуре пролетариата *строй торгашей есть социализм*. Иначе говоря, в первом варианте записок «О кооперации» фактически провозглашается, что Россия социалистическая — это есть Россия торжествующего НЭПа. Ничего подобного ни в марксизме, ни в прежних работах Ленина мы не найдем. Ленин говорил о том, что НЭП может послужить становлению социализма. Марксу, Энгельсу и Ленину социализм представлялся строем, преодолевшим товарно-денежные отношения, а не превращающим массу населения в торгашей**. Ленин и после перехода к НЭПу продолжал считать, что социализм — такая организация общества, которая преодолет не только товарное производство, торговлю, но и товарообмен, общество, где будет осуществлен продуктообмен***.

Торгово-сбытовая («торгашеская») кооперация, соединяя крестьянское хозяйство с государственным (социалистическим) сектором экономики, ограничивая, таким образом, возможности развития частнокапиталистического сектора, позволяла сделать определенный шаг в деле укрепления политических, социальных и экономических позиций диктатуры пролетариата и поэтому могла сыграть важную роль в развитии революции. Но она в принципе *не могла решить* проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства и изменения социальной природы крестьянства.

Более того, ее последствия с точки зрения интересов социалистической революции были противоречивы, поскольку она укрепляла бы мелкобуржуазную природу крестьянства, а не ослабляла ее. Ленин рассчитывал на то, что кооперация позволит крестьянскому хозяйству как-то развиваться, в худшем случае — держаться «на плаву», избегая обнищания. Но в этом случае, во-первых, все сельское хозяйство консервировалось на старой социальной и технической базе, не имея перспектив для быстрого развития. Во-вторых, оно становилось камнем преткновения на пути развития крупных современных форм организации сельскохозяйственного производства, основанных на использовании современной и быстро развивающейся техники, и превращения в высокопроизводительное производство, поскольку затрудняло развитие и производственной кооперации (колхозов), и кулацких хозяйств

(замедлен процесс роста бедноты и батрачества). В-третьих, без ответа оставался и вопрос о стимулах перехода крестьянских хозяйств, вовлеченных в «торгашескую» кооперацию, в производственную кооперацию (колхозы): зачем крестьянину нужно расставаться со своей собственностью, если она обеспечивает ему некоторый рост, развитие, будущее? Опыт истории показал, что производственная кооперация, необходимая для социалистического преобразования крестьянской деревни, не вырастает из «торгашеской» кооперации****.

Следовательно, «кооперативный план», как он был изложен в первом варианте записок «О кооперации», не давал решения коренного вопроса — социалистического преобразования сельского хозяйства в условиях СССР в исторически короткие сроки. Мелкотоварное сельское хозяйство, неспособное дать средства для крупных вложений в промышленность, неспособное принять от промышленности и использовать в массовом масштабе высокопроизводительную дорожную сельхозтехнику, такое сельское хозяйство не могло быть прочной основой для развития и победы социалистической революции в СССР. Россия неповская «не хотела» превращаться в Россию социалистическую.

Возможно, поэтому В.И. Лениным была предпринята вторая попытка обосновать ответ на вопрос: как построить социализм в стране с преобладанием крестьянского населения без помощи со стороны победивших пролетарских революций в промышленно развитых странах, используя буржуазные методы ведения хозяйства.

В отличие от первого второй вариант записок (вторая часть «статьи») «О кооперации» посвящен тому, как использовать кооперацию для обеспечения перехода от капиталистической к социалистической форме организации *производства*. Теперь Ленин ведет речь уже о «кооперативных предприятиях», находящихся на земле, принадлежащей государству[1666]. Следовательно, он имеет в виду производственную кооперацию на земле, т.е. колхозы****. Для «торгашеской» кооперации вопрос о земле, о ее принадлежности не имел существенного значения.

Анализ возможностей производственной кооперации в условиях НЭПа обеспечить переход крестьянства к социалистическим производственным отношениям Ленин начинает с определения ее места в существовавшей системе хозяйствования. «Наш существующий строй», «нашу теперешнюю экономическую действительность» он оценивал как соединение частнокапиталистических предприятий («но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему государству») с предприятиями «последовательно- социалистического типа», т.е. таких, в которых «и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом». Этот строй Ленин отличал от государственного капитализма. В существующих условиях «предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если основаны *на земле, при средствах производства, принадлежащих государству*, т.е. рабочему классу» (выделено нами. — В.С.). В этом случае кооперативные предприятия «сплошь да рядом совершенно совпадают с социализмом»[1667]. Таких предприятий еще не было, их предстояло создать.

Предложение соединить средства производства, принадлежащие государству, с трудом крестьян, объединенных в производственный кооператив (колхоз) было **новым** для большевиков. Соединение кооперированного труда крестьян с передовой сельскохозяйственной техникой позволяло повысить привлекательность колхозов в глазах крестьян-единоличников и создавать лучшие условия для развертывания колхозного движения. Такая **коллективизация** оказывалась единственным средством превращения мелкобуржуазного крестьянства, постоянно и в массовом масштабе порождающего капитализм, в класс социалистического общества, *воспроизводящий уже не буржуазные, а коллективистские социальные отношения*. Поэтому успех колхозного движения, решая самую трудную задачу российской социалистической революции, обеспечивал ее победу.

Таким образом, во втором варианте записок «О кооперации» В.И. Ленин сформулировал принципиальное положение, на которое опирался сталинский план

коллективизации: производственная кооперация (колхоз) имеет социалистический характер, если в условиях диктатуры пролетариата *государству принадлежат*, во-первых, *земля* (национализирована) и, во-вторых, *средства производства* (например, в виде машинно-тракторных станций — МТС).

Обращение Ленина к проблематике производственной кооперации позволило во втором варианте записок «О кооперации» лучше обосновать вывод о том, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», что «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма». Опираясь на эти выводы, Ленин делает следующее заявление, породившее множество споров: поскольку рост кооперации тождественен с ростом социализма, «мы вынуждены признать коренную перемену всей нашей точки зрения на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную "культурную" работу, если иметь в виду "внутренние экономические отношения", и отвлекаясь от задач, стоящих перед страной и революцией в международном масштабе»[1668].

В исторической и обществоведческой литературе, особенно в годы горбачевской «перестройки», выхваченный из контекста тезис о «коренной перемене всей точки зрения на социализм» трактовался как отказ от революционного характера социально-политических и экономических преобразований, как отказ от общенародной собственности в пользу кооперативной, как их тождественность с точки зрения социалистической организации общества, как признание необходимости сохранения при социализме регулирующей роли рынка и товарно-денежных отношений. Однако такой вывод основан на произвольной трактовке одной фразы и на подмене понятий****. Поскольку эта фраза является органической частью большого текста, процитируем его, опустив фрагменты, которые не несут существенно важной смысловой нагрузки, и выделив ключевые для понимания ленинской мысли слова: «*Раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства... находятся в руках государства. .. мы вправе сказать, что простой **рост** кооперации для нас **тождественен. .. с ростом** социализма*, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей **точки зрения** нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы **центр тяжести** клали... **на политическую борьбу**, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же **центр тяжести меняется** до того, что **переносится на мирную организационную "культурную" работу**» (выделено нами. — В.С.)[1669].

Уже сама конструкция ленинской фразы (перечень пунктов через «раз») говорит, о том, что изменения в подходе к проблеме связаны с *условиями* строительства социализма, а не с изменением представления о нем. Очевидно, что Ленин говорит о роли кооперации *не в функционировании социалистического общества, а в решении задач его построения*. Кооперация не представляется всеохватывающей и все исчерпывающей задачей. Она — важная, но только частная задача, в известном смысле — «остаточная» («нам осталось "только" одно...»[1670]). Ясно также, что у Ленина речь идет не о тождестве кооперации с социализмом, а о тождестве *роста кооперации с ростом социализма*. Иначе говоря, чем больше *сейчас* кооперации вместо частника, тем больше *сейчас* социализма. А под ростом социализма Ленин в 1923 г., как и в 1918 г., понимал преодоление многоукладности. Следовательно, Ленин говорит о тождестве кооперации и социализма не в смысле полного соответствия кооперации социализму, а в смысле *совпадения* (Ленин употребляет эти слова в одном смысле и контексте, как синонимы). Иначе получается кооперативный социализм, но эта конструкция противоречит условиям, о которых говорил Ленин: сами кооперативные предприятия являются социалистическими только при условии, что земля и средства производства находятся в собственности государства.

Кроме того, «точка зрения на социализм» — это совсем не то же, что «взгляд»,

«концепция» или представления о социализме. Изменение «точки зрения» связано не с изменением всех представлений о социализме, о его законах и закономерностях развития. Оно определенно связывается Лениным с особенностями хода социалистической революции, с вступлением ее в новую фазу и с диктуемым этим обстоятельством изменением представлений о способах, методах, темпах проведения работ, меняющихся, в свою очередь, план работ, место, время, очередность приложения главных усилий (т.е. «центр тяжести работы»). Эти перемены совсем необязательно должны изменить представление о создаваемом обществе, хотя неизбежно, наложат на него какой-то отпечаток. Ленин ведет речь не о самом социализме, а о процессе строительства социализма. Это станет понятней, если учесть, что для Ленина социализм не конструкция, которую еще предстоит создать, а процесс, который свершается уже сегодня. Поэтому Ленин и говорил, что, «перейдя к самой сердцевине будничных вопросов», «мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться»[1671].

Для Ленина, как и для К. Маркса и Ф. Энгельса, социализм не состояние, а процесс[1672]. В этом суть.

Итак, перед нами не смена проблем, а изменение подхода к решению той же проблемы в новых условиях, под новым ракурсом. Речь идет не о смене представлений о принципах и механизмах функционирования и структуре социалистического общества, а о маневре в деле достижения этого общества.

Смысл ленинской фразы таков: было время, упор делали на политические вопросы, связанные с обеспечением государственной власти, на соответствующие формы и методы работы и борьбы. Сейчас вступили в новую фазу развития, когда на первый план выходит хозяйственная деятельность, которая в данный момент и в данной ситуации упирается во многом в «культурничество».

Кроме того, сторонники концепции пересмотра Лениным прежней своей точки зрения на социализм игнорируют тот факт, что сформулированный здесь тезис для Ленина совершенно не нов. В самом начале первого варианта записок Ленин недвусмысленно говорит о связи излагаемых здесь взглядов со взглядами 1918 г.: «Едва ли все понимают, что теперь, *со времен Октябрьской революции* (выделено нами. — В.С.) и независимо от нэпа... кооперация получает у нас совершенно исключительное значение». А чуть далее уточняет: *думали о ней прежде, а потом забыли думать о ней*. Теперь снова надо вспомнить[1673]. Следовательно, предложение о всемерном развитии кооперации в новых условиях НЭПа не может служить свидетельством радикального пересмотра прежних представлений о социализме. Меняются условия, а с ними и способы использования кооперации. Вот смысл этой ключевой для понимания дальнейшего хода рассуждений Ленина фразы, не дающей никаких оснований для вывода о коренном изменении Лениным своих представлений о социалистической революции и социализме.

Представления о том, что со временем произойдет именно такая смена приоритетов, о которой говорится в записках «О кооперации», тоже не были новы. О том, что после завоевания политической власти главная задача лежит в области управления, экономики, культуры и пр., Ленин говорил неоднократно. Так, в речи на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г. он утверждал, что в связи с переходом к миру *«вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам мы должны применить методы организаторства, строительства», надо дать крестьянству «образец и практику таких экономических отношений, которые окажутся выше тех, где каждая крестьянская семья хозяйничает по-своему* [1674]. А в отчете ВЦИК и СНК РСФСР «О внутренней и внешней политике республики» 23 декабря 1921 г. Ленин снова возвращается к этой мысли: «На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие». «Тут работа целых десятилетий»[1675]. Перечень подобных высказываний можно продолжать, отметим лишь, что этой проблеме Ленин уделил большое внимание в политическом докладе XI съезду

РКП(б)[1676]. Неудивительно, что нашлось ей место и в последних ленинских работах.

Завершая второй вариант записок, Ленин писал: «При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства», которую обеспечить «невозможно без целой культурной революции»[1677]. Как видно, опять проблематику производственной кооперации Ленин связывает именно с крестьянством. Эта же мысль повторена им и в последней своей статье — «Лучше меньше, да лучше»: «политические предпосылки» для «непосредственного» перехода к социализму имеются, не хватает лишь цивилизованности, которая должна открыть путь к кооперации[1678]*****.

Таким образом, Ленин с позиций марксизма обосновал принципиальную возможность «нестандартного» пути развития российской революции. Но ответа на кардинальный вопрос — как построить социализм в крестьянской стране в условиях НЭПа, развивавшего в крестьянстве инстинкты собственника, все еще не было. Беднота могла обеспечить вовлечение в производственную кооперацию примерно 30% крестьянства, а значит, лишь частично, в незначительной степени решала экономические, политические и социальные задачи социалистической революции в деревне. Приходилось принимать как неизбежность низкий темп восстановления народного хозяйства и, следовательно, социалистического строительства. В результате процесс революционного преобразования общества приобретал затяжной характер, а это, в свою очередь, обрекало крестьянство быть в течение длительного времени объектом политической и идеологической борьбы как со стороны социалистического пролетариата, так и со стороны сохраняющей политические позиции и идеологическое влияние буржуазии. Процесс развития коллективистской психологии и усвоения социалистической идеологии оказался бы затрудненным и замедленным. Классовая борьба в этих условиях неизбежно должна была бы приобрести более острый характер. Оставалось только надеяться на благополучный исход ее.

Работа Ленина над текстом прекратилась по причинам, о которых мы можем только догадываться, но в следующих диктовках (статьях, посвященных реформе ЦКК—РКИ) мы опять встречаем данную постановку вопроса и новую попытку решить его. Это говорит о том, что Ленин и во втором варианте записок «О кооперации» еще не нашел удовлетворительного ответа. Косвенным свидетельством этому может служить тот факт, что в последних своих записках и статьях Ленин, обращаясь к вопросу о перспективах российской социалистической революции, говорит только о политических аспектах участия крестьянства в ней, но обходит социально-экономические проблемы, поставленные и разрабатывавшиеся им в записках «О кооперации». Так, в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин писал, что надо добиться того, *чтобы «крестьянская масса» пошла «с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним», а не за нэпманами, позволив им «разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними»* (курсив наш. — В.С.)[1679]. Здесь Ленин выходит как раз на ту проблему, о которой мы упомянули выше, — на проблему классовой борьбы, от которой зависит исход борьбы за крестьянство. Фактически Ленин обозначил новый фронт классовой борьбы, возникший на новом этапе развития социалистической революции, — на хозяйственном фронте борьбы *с буржуазией за крестьянство*. Ленин надеялся на положительный для революции исход этой борьбы. Но опорой его веры служило не само крестьянство, а *большевистская партия*, ее способность выработать правильный политический курс, провести его и обеспечить эффективное управление обществом. Об этом же говорит и его статья «Лучше меньше, да лучше». В ней Ленин снова вернулся к этой проблеме и отметил, что «мелкое и мельчайшее крестьянство» «идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы», однако на одном этом доверии «продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко»[1680].

Нелегко — это значит, что все-таки можно. Можно, но если будут обеспечены определенные условия: сохранена диктатура пролетариата и «под ее авторитетом и под ее

руководством» «мелкое и мельчайшее крестьянство» удержано так долго, чтобы оно успело достигнуть такого уровня «цивилизованности», который позволил бы «перейти непосредственно к социализму»[1681]. Опять «если». Если в течение длительного времени удастся удержать крестьян от выступлений против диктатуры пролетариата. Вопрос, как это обеспечить, оставался пока что без ответа. Вернее, Ленин предложил тот ответ, который в то время только и можно было дать: повысить эффективность работы государственного аппарата как главного инструмента преобразования общества, используя для этого реорганизованную ЦКК—РКИ.

* Под продуктообменом Ленин подразумевал и торговлю продуктами, принадлежащими государству («государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром») (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 276).

** Позднее представление о возможности и желательности использования товарно-денежных отношений при социализме изменилось. Но это было связано с иной стадией развития социалистической революции, с иным опытом строительства социализма, с именем и деятельностью Сталина.

*** «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к *правильному социалистическому продуктообмену*. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства, к коммунизму » (курсив наш. — В.С.) (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 219).

**** И.А. Куртов, исследовавший динамику развития различных форм кооперации в 20-е годы, пришел к выводу, что на практике перехода одной формы кооперации (торговой, сбытовой) в другие (производственную) практически не наблюдалось. Поэтому тезис о том, что та *торгашеская кооперация*, о которой говорил Ленин, в своем развитии превратится в производственную кооперацию, *социалистическую* по своей сути, не получает подтверждения в исторической практике. В высшие формы производственной кооперации эволюционировали только простейшие формы ее (И.А. Куртов. Об интерпретации некоторых положений ленинского кооперативного плана // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 66–76).

***** Ленин явно избегает употреблять термин «колхоз». Причина тому, возможно, в том, что, по его мнению, опыт колхозного строительства в годы гражданской войны не удался. Масса крестьян его не приняла (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 44, 45, 46, 54, 132, 268). В условиях НЭПа он избегал всего, что могло бы помешать налаживанию отношений с крестьянством.

***** В литературе тех лет не раз указывалось на несостоятельность попыток построить на вырванной из контекста статьи и всего ленинского наследия фразе целую концепцию отказа Ленина от прежних представлений о социализме. Показательна позиция С.П. Макарова, который считает, что «признание Владимиром Ильичом коренной перемены точки зрения на социализм означает, прежде всего, изменение тактики борьбы за построение нового общества, а не изменение взглядов на природу социализма», и делает верный вывод: «Ленинские взгляды на сущность социализма представляют единую, целостную систему» (Макаров С.П. Ленинское теоретическое наследие и современность // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 156).

***** Такая постановка вопроса, между прочим, означает, что Ленин не отказался от идеи непосредственного перехода к социализму как неправильной, а лишь признал, что в конкретных условиях России осуществить ее не удастся: годы должны уйти на хозяйственное и культурное строительство, на создание той базы, которая может стать базой социалистической организации общества.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КАК ПРЕВРАТИТЬ РОССИЮ НЭПОВСКУЮ В РОССИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ

Свою уверенность в возможности успешного завершения российской социалистической революции В.И. Ленин выразил в последнем публичном выступлении на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашей эпохи... как бы эта задача ни была трудна... все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»[1682]. Все последние письма, записки и статьи Ленина — это проявление целенаправленной работы по выполнению этой задачи. Работы начатой, но не оконченной.

Проведенный выше анализ истории создания и содержания последних писем, записок и статей В.И. Ленина приводит нас к выводу, что распространенное мнение о том, что в них Ленин *завершил* разработку плана строительства социализма в СССР, не имеет под собой достаточных оснований. Если оставаться на традиционной точке зрения, т.е. что последние письма, записки и статьи Ленина являются «Политическим завещанием» и завершением разработки им плана построения социализма, то придется признать, что в этом плане нет ответа на ряд вопросов первостепенной важности, без которых этот план теряет свое практическое значение. Более того, в этих работах Ленина даже не поставлен ряд важных политических проблем, которые тогда были актуальны для партии и государства, без решения которых сохранение политической власти большевиками не было гарантировано. Например, предотвращение экономического кризиса, о приближении которого говорили еще на XI съезде РКП (б) и который разразился во второй половине 1923 г. Дискуссионным был вопрос о его природе, от ответа на который зависел способ его предотвращения. То же можно сказать о проблеме упрочения связей партии с рабочим классом, которое не достигалось только включением его представителей в состав ЦК или ЦКК, и т.д.

Все встает на свои места, если этот комплекс ленинских текстов оценивать не по названию, которое он получил позднее (очевидно, не ранее января 1924 г.), а по содержанию и истории их происхождения. История работы Ленина над поставленными в «Завещании» проблемами позволяет утверждать, что он не ставил перед собой задачу *завершения* разработки плана построения социализма в СССР и, следовательно, не решил ее. Он просто продолжал работать над актуальными вопросами партийно-государственного строительства, экономической и социальной политики. Естественно, что предлагавшиеся им решения, во-первых, опирались на имевшиеся тогда представления о путях и способах строительства социализма, а во-вторых, обогащали эти представления новыми наблюдениями, оценками, выводами. Поэтому «Политическое завещание» Ленина, в котором обобщался новый опыт социалистического строительства, стало важным вкладом в разработку плана строительства социализма в СССР. Но оно не было завершением этой работы хотя бы потому, что завершить ее, очевидно, вообще невозможно, ибо такой план должен постоянно уточняться, исправляться, приспособляясь к новым условиям, возможностям и задачам.

Не являлись эти работы и «Политическим завещанием» в собственном смысле этого слова, так как не задумывались и не исполнялись как установки, которые партии надлежало непременно выполнить после смерти вождя. Рассматривать их как «Завещание» можно только в том смысле, что они оказались (вопреки надеждам) последними работами Ленина, его последними советами, его последними поисками решения некоторых важных теоретических и политических задач.

Главная проблема состояла в том, что классические схемы развития пролетарской революции в России в условиях капиталистического окружения не позволяли получить ответ на ряд жизненно важных вопросов. Требовался теоретический прорыв. Уже те взгляды,

которые Ленин представил XI съезду РКП(б), а также последующие выступления, письма и статьи выходили далеко за рамки прежних представлений российских марксистов начала века. Они шли дальше того, что казалось возможным самим большевикам накануне взятия власти и в первые годы революции. Выше было показано, что у Ленина формировалась новая концепция социалистической революции в России (СССР), однако ряд принципиально важных вопросов в рамках ее еще не был проработан ни в теоретическом, ни в политическом плане. Это относилось, например, к проблеме накоплений (мало констатировать наличие различных богатств в стране, надо было найти механизм, позволяющий воспользоваться ими в интересах социалистической революции). Незавершенным оставался вопрос о характере, формах и методах индустриализации страны. Но главным камнем преткновения оставался крестьянский вопрос. Между тем, именно в нем был «ключ» к решению других «неподдающихся» практическому решению вопросов. Без его решения утрачивала значительную долю убедительности вера Ленина в успешное завершение социалистической революции, если ей предстоит развиваться с опорой на собственные силы и в условиях капиталистического окружения.

Взглядов Ленина не разделял Троцкий, в основном по доктринальным соображениям. Как вскоре выяснилось, скептически относились к ним Зиновьев и Каменев, но уже в основном по причинам практическим. Пока пролетарская революция в Германии представлялась реальностью в ближайшей перспективе, была надежда, что внутренние трудности российской революции будут преодолены с технической, экономической и финансовой помощью Германии. Но в конце 1923 г. стало ясно, что рассчитывать на эту помощь больше не приходится. Исчез важнейший в прежних теоретических и политических построениях фактор успеха. 1924 год принес новые сомнения. Начавшаяся стабилизация капитализма (временная и частичная, как считал Сталин; прочная и долговременная, как считали Зиновьев и Каменев) отодвигала перспективу европейской революции еще дальше. С другой стороны, кампания выборов в Советы, проходившая в конце 1924 — начале 1925 г., показала, что, несмотря на успехи НЭПа и восстановления сельского хозяйства, даже благодаря им, в деревне нарастает недовольство размером сельхозналогов, соотношением цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты и на этом фоне усиливается политическое влияние быстро растущей сельской буржуазии — кулачества. Пришлось принимать экстраординарные меры: с одной стороны, отменять результаты выборов, производить перевыборы и т.д., а с другой — сделать еще ряд шагов навстречу требованиям крестьянства (разрешение аренды земли, найма рабочей силы). Эти шаги позволяли улучшить условия хозяйствования массы крестьян и условия найма батраков, но одновременно создали еще больший простор для развития кулачества. Реально обозначилась та опасность, о которой говорил Ленин в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»; если крестьяне пойдут за буржуазией, то возникнет угроза разрыва классового союза рабочих и крестьян.

Для отношения лидеров «новой оппозиции» к ленинской концепции социалистической революции в России показательным то, что Зиновьев считал возможным в процессе строительства социализма ограничиться проведением в отношении среднего крестьянства политики его «нейтрализации»[1683]. И это в условиях НЭПа, когда Ленин развивал взгляды, которые шли в диаметрально противоположном направлении.

Крестьянский вопрос стал решающим для судеб социалистической революции в СССР. Тот или иной ответ на него либо давал надежду, либо безжалостно отнимал ее.

Проблема участия крестьянства в социалистической революции (аграрно-крестьянский вопрос) для российских марксистов оказалась наиболее трудной теоретической и практической задачей социалистической революции. Ленин решал вопрос о крестьянстве в российской социалистической революции на основе тех теоретических разработок, которые были известны по работам К. Маркса, относящимся к 50—60-м годам XIX в., и в основном по работам Ф. Энгельса, которые базировались на изучении крестьянства Европы. Однако опыт российской социалистической революции говорил о том, что возможность

взаимодействия с крестьянством хронически недооценивалась. Становилась все очевидней невозможность решить проблему в рамках традиционных оценок и схем. Требовалось какое-то нестандартное решение. Возникла ситуация, когда нужен был теоретический прорыв, способный дать решение проблемы построения социализма в Советском Союзе в условиях капиталистического окружения.

Помощь пришла в виде теоретической подсказки К. Маркса. В декабре 1924 г. в 1-м томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» были опубликованы черновые наброски письма К. Маркса В. Засулич (март 1883 г.). В них Маркс сформулировал принципиально важное положение о двух схемах (пути развития) социалистической революции. **Первый** — пролетарский, разработанный для Англии и других стран, не знающих общественной собственности на землю; **второй** — общинно-крестьянский (условно), **разрабатываемый им специально для России**, где огромное большинство населения занято работой на земле, находящейся в собственности сельских общин. В рамках **первого** становление социалистического коллективистского общества обеспечивалось новым коллективизмом, присущим фабрично-заводскому, а также сельскому пролетариату. Коллективизму, развивающемуся по мере развития капитализма и в ходе борьбы пролетариата за свое социальное освобождение от эксплуатации. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — производное от достигнутого уровня развития этого коллективизма и очередной шаг в его дальнейшем развитии. В рамках **второго** пути становление социалистического коллективистского общества обеспечивалось развитием крестьянского коллективизма, сохраняющегося в огромной массе населения благодаря существованию сельской общины, которую К. Маркс рассматривал не как проявление отсталости и пережитка феодализма, а как проявление специфических особенностей развития сельского хозяйства России в сложных биоклиматических условиях Восточной Европы.

Маркс определенно заявил, что схема социалистической революции, которую он обосновывал в «Капитале», имеет отношение только к странам Западной Европы: «Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: "В основе капиталистической системы лежит... полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев... Частная собственность, основанная на личном труде ... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном*"... В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, *о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность ...* Но **специальные изыскания**, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, **убедили меня, что община является точкой опоры социального возрождения России.** ..[1684].

В черновых набросках письма многократно варьируется и с разных сторон обосновывается это положение. Обозначим основные, принципиально важные для нашей темы идеи. «В России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе»[1685]. «Россия — единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и преобразовать еще архаическую форму сельской общины, вместо того, чтобы ее разрушать (отмечу мимоходом, что *форма коммунистической собственности в России* (курсив наш. — В.С.) есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел целый ряд эволюции). Русская сельская община

принадлежит к самому новому типу в этой цепи. Землевладелец уже владеет в ней на правах частной собственности домом, в котором живет, и огородом, который является его придатком. Вот первый разлагающий элемент архаической формы, не известный более древним типам. С другой стороны, последние покоятся все на отношениях кровного родства между членами общины, между тем как тип, к которому принадлежит русская община, уже свободен от этой узкой связи. Это открывает более широкий простор для ее развития»[1686].

Отсюда Маркс делал вывод: *«Говоря теоретически, русская "сельская община" может все же сохранить, развивая свою базу, общинную собственность на землю и, устранив принцип частной собственности, который ей также присущ, стать непосредственным отправным пунктом экономической системы, к которой стремится современное общество* (т.е. к социализму. — В. С.): *не прибегая к самоубийству, она может начать совершенно новую жизнь, она может, минуя капиталистический строй, присвоить плоды, которыми капиталистическое производство обогатило человечество;* строй, который, если рассматривать его исключительно с точки зрения возможного времени его существования, вряд ли стоит принимать в расчет жизни общества. *Но нужно спуститься с высот чистой теории к русской действительности»* (выделено нами. — В.С.). Нужно прежде всего сохранить общину, а «чтобы спасти русскую общину (и, следовательно, спасти крестьянство от разорения, т.е. от пролетаризации. — В.С.), — пишет Маркс, — нужна русская революция»[1687].

Маркс считал, что перспективы для победы российской революции открывает то, что капитализм уже вошел в стадию кризиса: «Другое обстоятельство, благоприятное для сохранения русской общины (путем ее развития), состоит в том, что она не только является современницей капиталистического производства, но и пережила тот период, когда этот общественный строй сохранялся еще в неприкосновенности... Словом, перед ней капитализм — в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма, возвращением современных обществ к "архаическому" типу общей собственности ... Итак, не следует особенно бояться слова "архаический"»[1688] (курсив наш. — В.С.).

Маркс также высказал идеи, которые были приняты и нашли свое воплощение в плане построения социализма в СССР: «Общая собственность на землю предоставляет ей (сельской общине. — В.С.) естественную базу коллективистского присвоения, а ее историческая среда — существование одновременно с ней капиталистического производства — обеспечивает ей в готовом виде материальные условия для кооперативного труда, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее кавдинские ущелья. С помощью машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, она сможет постепенно заменить парцелярную обработку комбинированной обработкой. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние в ее теперешней форме, она может *непосредственно стать отправным пунктом* той экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству (...) Привычка русского крестьянина к *артели* особенно облегчит ему переход от труда парцелярного к труду кооперативному, который он, впрочем, уже применяет до некоторой степени при косьбе общинных лугов и в таких коллективных предприятиях, как осушка болот и т.д.». «Парцелярное земледелие она может постепенно заменить крупным земледелием с применением машин, для которых так благоприятен физический рельеф русских земель[1689]. «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все силы страны, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя». «Для того, чтобы коллективный труд мог заменить в самом земледелии труд парцелярный, источник частного присвоения, нужны две вещи: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления». Экономическая потребность, по мнению Маркса, в кооперировании у

русского крестьянства есть, капиталистический мир может предоставить и материальные условия для его осуществления. «Что же касается первоначальных организационных издержек, интеллектуальных и материальных, — то русское общество обязано предоставить их "сельской общине", за счет которой оно жило так долго и в которой оно еще должно искать свой источник возрождения»[1690].

Маркс на основе анализа некоторых особенностей исторического развития России за 35—40 лет до российской социалистической революции указал на *наличие социалистического потенциала у русского крестьянства* благодаря сохранению общинных традиций и институтов как важных условия для выживания. Большевики шли к признанию этого факта от практики*. Обобщение опыта вело их к пересмотру прежних взглядов и оценок: от признания необходимости нейтрализации середняка в социалистической революции — к признанию необходимости и возможности прочного союза с ним в политической области — далее, к признанию возможности сотрудничать с ним в экономической области в деле строительства социализма. Каждый шаг в этом направлении основывался на накопленном опыте и стимулировался острой политической необходимостью решать очередную проблему в отношениях с крестьянством. Постепенно готовилась почва для появления мысли о возможности расширения и углубления сотрудничества с крестьянством в социалистической революции.

Первоначально своеобразие российской социалистической революции объяснялось социально-экономической и политической отсталостью России. Но со временем начало приходить понимание, что сама отсталость порождена не только политикой царизма, что она имеет более глубокие корни в специфических условиях исторического пути России.

Одну причину своеобразия российской социалистической революции Ленин связывает со срединным положением России между развитыми капиталистическими странами Европы и странами Востока. И в связи с этим Ленин формулирует принципиально важное положение: чем дальше на Восток будет распространяться революционный процесс, «тем больше разнообразия (а значит, и своеобразия), по сравнению с европейскими образцами, будут являть социальные революции». Учет этого своеобразия и этой закономерности представляется Ленину *решающим* для оценки «нашей революции». Поскольку одну из причин успеха революции он связывал с тем, что в ходе ее создались условия, при которых большевики смогли «осуществить именно тот союз "крестьянской войны с рабочим движением"», о желательности и возможности которого писал еще Маркс[1691], то можно предположить, что эту способность русского крестьянства Ленин связывал уже не только (или не столько) с пережитками феодализма в обществе, но и со своеобразием исторического развития России, находящейся на стыке Европы и Азии.

Новые подходы к решению крестьянской проблемы российской социалистической революции прочтываются в ленинской постановке вопроса о том, что в социалистической революции «политический и социальный переворот» может оказаться «предшественником... культурному перевороту... культурной революции, перед лицом которой мы... теперь стоим»[1692]. Здесь Ленин впервые, идя от анализа опыта революции, подошел к мысли, высказанной К. Марксом в письме В. Засулич (март 1881 г.), о том, что создание необходимой материально-технической базы социалистического общества в России может быть завершено после взятия революционерами политической власти, в ходе реализации ими своей социалистической программы при условии получения материально-технической и культурной помощи со стороны развитых капиталистических стран (а не победившей в них революции, на что ориентировал Ф. Энгельс и что было воспринято российскими марксистами)[1693]. Маркс этот вывод сделал на основе анализа особенностей исторического пути развития России. Ленин, судя по всему, не знал этого письма Маркса**. Он подошел к проблеме с другой, чем Маркс, стороны — не от анализа своеобразия исторического развития страны, а от осмысления практики социалистической революции. Но тем знаменательнее, что он подходил к тем же выводам, к которым пришел К. Маркс.

То же можно сказать и о признании социалистического потенциала у русского

крестьянства. Ленин, в отличие от Маркса, не говорит о нем прямо и определенно, но его рассуждения относительно возможности через производственную кооперацию в условиях НЭПа вовлечь его в социалистическое строительство в качестве активного и сознательного участника говорят в пользу того, что Ленин фактически признавал его. Или шел к его признанию. Правда, очевидно и отличие его постановки вопроса от марксовой. Маркс связывает его с коллективизмом, рожденным и поддерживаемым сельской общиной, развивающимся в условиях социалистической революции, а Ленин — исключительно с хозяйственным интересом крестьянина, втягивающегося через кооперацию в новую систему экономических и социальных отношений и благодаря им незаметно для себя преобразующегося в класс социалистического общества.

Все это дает основание предположить, что, если бы Ленин узнал об этих работах Маркса, он смог бы воспринять его идеи и использовать для дальнейшей разработки плана построения социализма в СССР.

Та постановка вопроса о российской социалистической революции, которую предложил Маркс, свидетельствует о том, что его не смущала перспектива ее существования в условиях капиталистического окружения. В самом деле, если революция в России может развиваться в течение какого-то времени, сосуществуя бок о бок с капиталистическими государствами, получая от них современную технику, кадры специалистов и т.д., значит, она, во-первых, достаточно автономна от мировой капиталистической системы и, во-вторых, имеет (сколь угодно маленькие, но имеет) шансы на победу. Иначе бы Маркс не стал призывать русских революционеров действовать подобным образом. Естественно, что сорок лет спустя оснований для оптимистического ответа на этот вопрос было много больше: иной опыт, иная система международных отношений, иной уровень развития России, иные перспективы развития революции на Востоке.

Интересно, что те политические силы, которые не принимали теоретических и политических новаций Ленина, не приняли и «подсказку» Маркса. Известно, что Троцкий и его сторонники откровенно потешались над выводом Сталина о возможности построения социализма в СССР в условиях капиталистического окружения как над попыткой выращивать баобаб в горшке из-под резеды. В выступлениях Троцкого 1925—1926 гг. невозможно найти ничего, свидетельствующего о восприятии, об учете высказанных Марксом соображений. Ни единой свежей мысли по сравнению с тем, что говорилось в 1921—1922 гг. Его ответ Марксу легко прочитать в заявлениях о правильности его теории «перманентной революции», о сохранении приверженности своим старым оценкам и схемам[1694]. Зиновьев и Каменев ответили Марксу, с одной стороны, утверждением, что технико-экономическая отсталость страны является непреодолимым препятствием на пути социалистической революции[1695], а с другой — утверждением, что политики нейтрализации середняка вполне достаточно для победы социалистической революции, т.е. что ее созидательные задачи вполне могут быть решены в крестьянской России без участия и даже вопреки воле основной массы населения страны[1696]. В этом, коренном для революции вопросе, ее опыт они не усвоили.

Есть основания считать, что эта «подсказка» Маркса повлияла на резкое изменение политической позиции Бухарина, превратившегося из идеолога «левого коммунизма» в идеолога правого, кулацкого уклона в компартии[1697]. Новые взгляды Бухарина, концентрированным выражением которых стал обращенный к крестьянству лозунг — «Обогащайтесь!» (апрель 1925 г.), могут быть осмыслены как своеобразная (расширительная и упрощенная) интерпретация вновь открывшихся оценок и идей Маркса. Оттолкнувшись от тезиса, что российское крестьянство имеет социалистический потенциал, он сделал вывод, что все крестьянство, даже кулак, может мирно вращаться в социализм. В выступлении Бухарина на XIV съезде партии вполне определились основные положения его новой концепции строительства социализма: «Из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не п о г и б н е м ... мы м о ж е м строить социализм даже на этой нищенской технической базе... этот рост социализма будет во много раз

медленнее... мы будем плестись черепашью шагом, но... все-таки мы социализм строим и ...мы его построим»[1698].

Сталин принял подсказку Маркса и, на наш взгляд, дал ей адекватную его мыслям интерпретацию. Он смог это сделать потому, что в ходе социалистической революции вместе с Лениным проделал отмеченную выше эволюцию навстречу еще неведомым им оценкам и предложениям Маркса. Сталин сумел выполнить совет Маркса — «спустился с высот чистой теории к русской действительности»[1699]. Он увидел, что тезис о сохранении в российском крестьянстве социалистического потенциала, сохраняющегося благодаря сельской общине, позволял совершенно иначе поставить и решать вопрос об участии крестьянства в социалистической революции. В статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (17 декабря 1924 г.) И.В. Сталин произвел первую корректировку прежних представлений об условиях победы социализма в СССР. Он *акцентировал внимание на своеобразии российской революции, откинув прежние представления о путях ее развития как ошибочные*: «Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, — оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за нее, а против этой теории». Одновременно Сталин привлек внимание к иной схеме развития социалистической революции — как процессу «революционного отпадения ряда новых стран от системы империализма» при поддержке как со стороны пролетариата других капиталистических стран, так и со стороны СССР по мере успехов в социально-экономическом развитии, превращавшегося во все более мощную «базу дальнейшего развертывания мировой революции»[1700]. Новая схема фактически учитывала высказанное Марксом допущение, что российская социалистическая революция в принципе могла бы развиваться в условиях капиталистического окружения.

Следующий шаг связан с подготовкой проекта тезисов «Важнейшие итоги расширенного заседания ИККИ». «Первоначальный проект» тезисов доклада на XIV Всесоюзной партконференции РКП(б) был составлен Зиновьевым. Зиновьев писал: «Но вместе с тем, ленинизм учит, что *окончательная* победа социализма возможна только в международном масштабе (или в нескольких решающих странах. Из приведенного выше безусловного закона капитализма *в коем случае не вытекает вывод о возможности окончательной победы социализма в одной стране* » (выделено нами. — В.С.). Это заявление искаженно трактует ленинские взгляды, оно направлено против того, о чем писал К. Маркс. Сталин вычеркивает последнее предложение, в котором отрицается возможность победы социализма в одной стране***, а перед словом «возможно» делает вставку: «в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений». В результате получается: «Но вместе с тем, ленинизм учит, что *окончательная* победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе (или в нескольких решающих странах)»[1701]. Произошло радикальное изменение смысла и направленности тезиса. Теперь он оказался *направленным против Зиновьева и Троцкого*. И их единомышленников.

Далее вслед за тезисом Зиновьева о возникновении определенного равновесия в мире между капитализмом и социализмом «с явным уклоном в сторону победы социалистической революции» Сталин делает большую вставку, в которой формулирует свой главный вывод: «Вообще, победа социализма (*не* в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране.

С другой стороны, наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией *окончательной победы социализма*, т.е. гарантии от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран. Из этого, однако, не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без "государственной помощи" (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении

стран». «Из этого вытекает, — продолжал Сталин, — что страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя, как ее могущественнейший рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации. Другими словами — правильной политикой, как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений, РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции»[1702].

Итоговый вывод лишь в предельно сжатой форме, ясно и четко повторяет то, о чем Ленин говорил неоднократно, в том числе и в «Завещании». Вместе с тем, четко разделив вопрос о достаточности сил революции для победы социализма над капитализмом внутри страны и вопрос о победе социалистической революции в ряде других развитых капиталистических стран как условия окончательной победы социализма в СССР, Сталин придал оценкам и выводам В.И. Ленина законченный вид. Это важно для уяснения сути проблемы. Это тем более важно, что данная формулировка была направлена против тех, кто начал оппонировать в этом вопросе и Ленину, и Марксу. Фронт противостояния был четко определен.

Вскоре Сталин, используя новые для большевиков взгляды Маркса на пути развития социалистической революции, сделал важный шаг в деле развития ленинской концепции социалистической революции в России. К аргументации Ленина, основанной исключительно на концепции пролетарской революции, Сталин добавляет аргументацию Маркса, базирующуюся на ином, чем у Ленина, понимании своеобразия исторического пути России, на ином видении возможностей развития социалистической революции в СССР. И сразу же перспектива отношений с крестьянством предстала иначе, чем мыслилась прежде. Чтобы понять суть разницы, достаточно сравнить две цитаты.

На XI съезде Ленин говорил: «Крестьянин нам кредит оказывает... Но этот кредит не может быть неисчерпаемым. Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она... спросит наличными», «теперь у нас больше никаких выходов нет... с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства... предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить. Тут предстоит "последний и решительный бой", тут больше никаких, ни политических, ни всяких других, обходов быть не может»[1703]. Последние статьи Ленина, продиктованные в начале 1923 г., не перечеркивают этих оценок и прогнозов.

Сталин теперь думал уже иначе. В мае 1925 г., подводя итоги конференции РКП (б), он говорил: «Существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический... как *пролетариат*, так и, в особенности, *крестьянство заинтересованы* в том, чтобы *развитие пошло по второму пути, по социалистическому...* Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, покрывающего противоречия между ними... Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. *Главное теперь состоит в том, чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь.* ... Главное состоит в том, чтобы *строить социализм вместе с крестьянством, обязательно вместе с крестьянством и обязательно под руководством рабочего класса*, ибо руководство рабочего класса является основной гарантией того, что строительство пойдет по пути к социализму» (курсив наш. — В.С.)[1704].

Новацию Сталина надо оценить по достоинству. Прежде считалось аксиомой, что в социализме заинтересован только пролетариат (городской и сельский). Его классовый интерес ведет к социалистическому преобразованию деревни и сельского хозяйства. Теперь Сталин заявляет, что крестьянин в этом заинтересован не меньше, пожалуй, даже больше пролетариата. Связь со взглядами Маркса очевидна.

Различия в оценке социалистического потенциала российского крестьянства и во

взглядах на перспективы отношений с крестьянством настолько значительны, что можно говорить о новой концепции социалистической революции в России на основе творческого соединения результатов анализа опыта революции, сделанного Лениным, и идей Маркса.

Новую концепцию социалистической революции от ленинской отличала в первую очередь и в основном иная (присущая Марксу) оценка социалистического потенциала российского крестьянства. А от высказанных Марксом идей о социалистической революции в России новая концепция отличалась сочетанием *первой* (пролетарской) и *второй* (условно «общинно-крестьянской») схем социалистической революции. К. Маркс предлагал российским революционерам не упускать из виду тех возможностей, которые имеются у российских революционеров-марксистов в виде сельской общины. За прошедшие 40 лет Россия в своем развитии ушла очень далеко. Развился капитализм, ослабла, но не исчезла община. Появилась возможность органично сочетать пролетарский социализм с социалистическим потенциалом российского крестьянства. Однако здесь лежал пласт проблем, над которыми Маркс не задумывался. Здесь были скрыты новые, неведомые прежде возможности для развития социалистической революции в СССР.

Задачу превращения России нэповской в Россию социалистическую приходилось решать в жестких международных условиях, поэтому вопрос о времени этого превращения, о темпах социалистических преобразований приобретал характер жизненно важного условия ее успешного решения. Между тем и Маркс исходил из признания факта медленного развития российской социалистической революции, поскольку в основе ее лежала бы медленная («постепенная») эволюция сельской общины в направлении создания коллективных хозяйств [1705]. Факторами, ограничивающими темпы развития экономики и социалистических преобразований, признавалась недостаточная индустриальная развитость России, техническая и культурная отсталость российской деревни, вынужденной возлагать надежды в деле технического перевооружения на техническую помощь развитых капиталистических стран. Подобные оценки мы находим и у Ленина. В конце гражданской войны, когда вся мера разрухи еще не была осознана, когда Ленин надеялся быстро осуществить план ГОЭЛРО (доклад о концессиях на собрании актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г.), он признавал: «Америка и другие капиталистические страны растут в своей экономической и военной мощи дьявольски быстро. *Как бы мы ни собирали свои силы, мы будем расти несравненно медленнее*» (курсив наш. — В. С.) [1706]. Вот так! Все мыслимо высокие темпы развития, по мнению Ленина, были бы все равно меньшими, чем в развитых капиталистических странах!

Простое перенесение через десятилетия советов и оценок Маркса и механическое приложение их к советской действительности Бухариным привели к неизбежному и опасно успокаивающему выводу о допустимости черепаших темпов развития, о своего рода «обреченности» страны на победу социализма, об участии в этом процессе всего крестьянства, включая и кулака. В итоге — к глубокому искажению идей, высказанных Марксом. Высокие темпы развития социалистической революции были органической частью первой — пролетарской — схемы ее развития. Очевидно, что Бухарин с доверием отнесся к мыслям Маркса, но не смог творчески освоить их. Он не смог спуститься «с высот чистой теории к русской действительности» [1707]. Думается, он недооценил тех возможностей, которые открывались для политика в признании факта существования в российском крестьянстве социалистического потенциала. А это неизбежно сковывало, ограничивало использование тех возможностей развития социалистической революции, которые порождались развитием капитализма в России. Очевидно, это была «ахиллесова пята» в той системе взглядов, которую развивал Бухарин. Недаром еще Ленин спорил с ним по этому поводу. В брошюре «Экономика переходного периода» (май 1920 г.) Бухарин, говоря о начале краха мировой капиталистической системы, писал, что он «начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем с наименее развитой государственно-капиталистической организацией». Ясно, что в данном случае подразумеваться могла только Россия. Ленин, читая эту брошюру, подчеркнул слова «наиболее слабых» и сделал

относящееся к ним замечание на полях: «Неверно: с "*среднеслабых*". Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»[1708].

По мысли Ленина, ограниченность темпов развития революции диктовалась невозможностью увеличивать нагрузку на крестьян не только из-за низкой эффективности их мелкого единоличного хозяйства, но и из-за невозможности увеличить изъятие из деревни материальных и финансовых ресурсов ввиду угрозы разрыва классового союза с ними. Бухарин был согласен с этим. Сталин в отличие от него (это явствует из последующей борьбы между ними) считал, что крестьянин, коль скоро он заинтересован в победе социализма, ради собственных интересов должен пойти на максимальную мобилизацию всех своих сил. Производственная кооперация позволяла обеспечить и социальную эволюцию крестьянства, и мобилизацию всех его сил для обеспечения этой эволюции****.

Если для массы крестьян менталитет, рожденный, развитый и сохраненный сельской общиной, представлялся жизненно важным, если крестьяне были заинтересованы в развитии сельского хозяйства по социалистическому пути не менее, а едва ли не более рабочих, то задача *подготовки* массового производственного кооперирования (коллективизации) становилась актуальной. Планы коллективизации, отложенные большевиками после перехода к НЭПу, получали новую жизнь. При этом теперь коллективизация представала в ином виде, чем прежде, когда считали, что колхозы — для бедноты, для середняка — сбытовая и кредитная кооперация. Без середняка, составлявшего примерно 60% крестьянства, никакая коллективизация не могла считаться *массовой* и не могла кардинально решить тех социальных, экономических и политических проблем, от которых зависел успех социалистической революции. Без участия середняка коллективизация не могла дать того объема сельскохозяйственных продуктов стране и денег казне, которые были нужны, не могла обеспечить технического переоснащения сельского хозяйства в нужных масштабах и социалистического преобразования деревни. И это понятно: вне этой работы оставалась бы численно самая большая и экономически самая сильная часть трудового крестьянства — *середняк*. Необходимый экономический и социально-политический эффект могла дать только массовая коллективизация деревни. Коллективизация стала второй революцией, принесшей социализм в деревню, революцией, проводимой «сверху», как и предвидел Маркс.

Массовая *коллективизация* крестьян, несмотря на все трудности и недостатки, а порой и ошибки («перегибы» и т.п.), сопутствующие ее проведению, *стала мирной альтернативой* «последнему и решительному бою» с «капитализмом. .. который растет из мелкого крестьянского хозяйства» (курсив наш. — АС.)[1709]. Массовая коллективизация пресекла процесс «производства» капитализма мелкобуржуазной деревней, изолировала кулачество от основной массы крестьянства и тем облегчила борьбу со слаборазвившейся сельской буржуазией. Она открыла крестьянину-единоличнику новую перспективу улучшения своего экономического и социального положения. Альтернативой ей была борьба с вырастающим из крестьянства, как головы гидры, кулачеством. Но в деревне, в которой путь в кулаки — это единственный путь к лучшей жизни, «последний и решительный бой» с капитализмом, вырастающим «из мелкого крестьянского хозяйства», — это не просто борьба с кулачеством, это — лишение середняка надежды (хотя бы и иллюзорной) на серьезное улучшение своего жизненного положения. Поэтому борьба диктатуры пролетариата с сельской буржуазией без развития массовой коллективизации неизбежно настроила бы против нее середняцкие слои деревни, сплотила бы их с сельской буржуазией в борьбе против советской власти. Исчерпание политического доверия советской власти и предъявление ей крестьянством «векселя» к уплате, об опасности чего предупреждал Ленин, стало бы реальностью. Как следствие — срыв НЭПа, перспектива возвращения к политике нейтрализации середняка и новая кровавая гражданская война, в которой победа диктатуры пролетариата была бы более чем сомнительной.

Участие середняка в массовой коллективизации позволяло сделать классовый союз рабочих и крестьян гораздо более прочным и эффективным средством социалистического

преобразования общества, чем он был прежде, в условиях господства мелкого единоличного хозяйства. Новый подход к крестьянству позволил решить проблему накопления финансовых средств для осуществления социалистической реконструкции народного хозяйства и индустриализации страны. Благодаря массовой коллективизации легче можно было направить поток финансовых средств, идущий из деревни, из сельского хозяйства, в госбанк, в обход кармана частника, поставить их на службу социализму в его борьбе с капитализмом. Через колхозы легче было направить в деревню поток новой техники, следовательно, начать подъем производительности труда, товарности, обеспечить рост объемов производства, что, в свою очередь, вело к увеличению потока материальных и финансовых средств, поступающих из деревни, и расширяло возможности финансирования народного хозяйства. Развитие отношений между государством (например, по линии МТС) и колхозами позволяло сократить (или ограничить рост) сферу денежных отношений между ними, освобождая деревню от части забот по наращиванию собственных производственных мощностей (лошади, упряжь, плуг, борона, фуражное зерно и пр. и пр.), что также позволяло производить дополнительные и всевозрастающие изъятия из деревни денег и зерна для нужд индустриализации страны и тракторизации сельского хозяйства. Город получал средства для развития промышленности, частично шедшие на обеспечение работой и жильем крестьянских же сыновей и дочерей, которых родная деревня и семья «выдавливала» в город, не имея возможности прокормить и обеспечить их («аграрное перенаселение»). В городе в условиях индустриализации они получали возможность не перебиваться кое-как на мизерные пособия по безработице, а участвовать в техническом переоснащении своей же родной деревни, возвращая долг города своим отцам и матерям, облегчая машинами их труд. Деревня, несмотря на недостаток в ней денежных средств, получала современную сельскохозяйственную технику и могла начать наращивание своей технической мощи и увеличение производства сельскохозяйственных продуктов. Получала разрешение и проблема накоплений, без чего все рассуждения об индустриализации страны остались бы пустыми разговорами.

Появлялась реальная возможность обеспечить столь высокие темпы экономического развития, которые прежде казались невозможными. Оказалось возможным ставить и решать задачу преодоления 50—100-летнего отставания страны в области техники от развитых капиталистических стран за 10 лет. Не ради рекордов, конечно. Чтобы отстоять свое существование среди враждебных государств, упрочить позиции социализма в мире, чтобы служить базой развития социалистической революции в мире и выполнять роль «ударной бригады социализма».

Готовя второе издание своей биографии, Сталин вписал в текст книги следующие слова, выделенные курсивом. «Опираясь на указания Ленина, Сталин разработал *положения* (данное слово вписано им вместо слова "учение". — В.С.) *о социалистической индустриализации* нашей страны». «Сталин разработал и претворил в жизнь практически *теорию коллективизации сельского хозяйства*» [1710]. Так Сталин понимал свой вклад в решение того вопроса, над которым размышлял Ленин до последней своей возможности работать, так и не решив его. Как видно, свой вклад в разработку проблем социалистического преобразования сельского хозяйства Сталин ставил выше вклада в решение проблем индустриализации СССР. Думается, что он был прав в этой оценке своего вклада в разработку этого сложнейшего теоретического и политического вопроса.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что Ленин в Сталине не ошибся. Задача, решению которой В.И. Ленин посвятил свои последние письма, записки и статьи, — задача превращения России нэповской в Россию социалистическую — была выполнена.

* Надо сказать, что Ф. Энгельс в этом вопросе не был согласен с К. Марксом (*Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М., 1986. Т. 4. С. 485—509*). Поскольку взгляды Маркса на эту проблему оставались для русских марксистов неизвестными или малоизвестными, именно

Энгельс оказывал определяющее влияние на формирование их взглядов.

****** Принципиальные положения и оценки этого письма К. Маркса и, что особенно важно, черновых набросков его не встречаются в ленинских документах, поэтому можно предположить, что Ленин ничего о них не знал.

******* Первоначально после вычеркнутого предложения Сталин хотел дать следующую вставку (потом он зачеркнул этот текст): «До тех пор, пока одинокая страна пролетарской революции окружена буржуазно-империалистическими странами, ей угрожает опасность буржуазной реставрации, угрожает опасность прямой или замаскированной военной интервенции, финансовой блокады и других хозяйственно-экономических мер давления старых буржуазных государств на молодое пролетарское государство» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3359. Л. 11).

******** Невозможно согласиться с мнением (Ю.С. Аксенов), что «теория о возможности победы социализма в ранее отсталой стране, прорвавшей "цепь империализма", была в наиболее концентрированном виде дана Н.И. Бухариным в 1929 г. в докладе "Политическое завещание Ленина". Именно в нем были сформулированы известная "триада": индустриализация, кооперирование населения и культурная революция, а также насущные проблемы строительства партийно-государственного аппарата». Автор намекает на то, что Сталин «украл» у Бухарина и эту теорию, и эту «триаду»: «Все это вошло затем в "Краткий курс истории ВКП(б)" и стало теоретическим фундаментом "сталинской модели социализма"» («Сталинская модель социализма»: становление, развитие, крах (1920—1928 годы). «Круглый стол» // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 42).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

НАБРОСОК ТЕЗИСОВ И.В. СТАЛИНА

ПО ВОПРОСУ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Октябрьский переворот и независимые республики

1. Октябрьский переворот в России выдвинул на первый план вопрос об освобождении угнетенных национальностей бывшей Российской империи и показал, что радикальное разрешение национальной проблемы и действительное освобождение народов в обстановке массового восстания возможно лишь *в форме образования самостоятельных национальных республик*, на основе учета особенностей быта, языка и культуры.

Период гражданской войны и сближение советских республик в форме военного союза

2. Открывшаяся вслед за октябрьским переворотом гражданская война поставила перед раскрепощенными народами России вопрос с кем идти? Им было ясно, что изолированная борьба с контрреволюцией неизбежно приведет к возврату национального гнета и рабства и что только *военным союзом* всех советских республик можно будет на деле отстоять национальное раскрепощение.

Период хозяйственного строительства и дальнейшее сближение советских республик в форме хозяйственного союза

3. Переход к мирному периоду после гражданской войны выдвинул на первый план задачу восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Первые же попытки на пути хозяйственного строительства показали, что изолированные усилия отдельных советских республик поднять промышленность и сельское хозяйство не только безуспешны, но они грозят окончательно разрушить последние остатки их ресурсов и что только *хозяйственным союзом* всех советских республик — объединением хозяйственных усилий и соединением материальных ресурсов — можно достигнуть общего хозяйственного подъема и рационального распределения сил и средств.

Период Генуэзско-Гаагских переговоров и дальнейшее сближение советских республик в форме установления единого дипломатического и внешнеторгового

фронта

4. Победоносный конец гражданской войны и хозяйственное оживление в советских республиках прорвали экономическую блокаду России и привели к Генуэзско-Гаагским переговорам. Эти переговоры показали, что только *единым дипломатическим и внешне-торговым фронтом* можно будет отстоять существование советских республик от колонизаторских покушений империалистов и реставрационных попыток бывших правительств. Такое выступление на Генуе-Гааге вполне оправдало необходимость единого дипломатического и внешне-торгового фронта крахом Генуи-Гааги.

Крах Генуэзско-Гаагской конференции, выяснившаяся невозможность привлечения заграничных капиталов в ближайший период и необходимость более тесного хозяйственного союза

5. Крах Генуи-Гааги показал, что, с одной стороны, заграничный капитал привлечь в Россию почти невозможно, а с другой — не лишена возможность интервенции. Поэтому отстоять внешнюю безопасность и сберечь и умножить материальные богатства советских республик в настоящих условиях возможно только *более тесным военно-хозяйственным союзом* всех советских республик. Такой союз обеспечит возрождение хозяйства и рациональное использование ресурсов советских республик в общие цели.

ВЫВОД: необходимо завершить процесс все усиливающегося сближения республик объединением их в одну федерацию, слив военное и хозяйственное дело и внешние сношения (иностранные дела, внешняя торговля) в одно целое, сохраняя за республиками автономию во внутренних делах*.

Август 1922 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 278. Л. 2 (машинописный текст);

Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 262-265 (рукопись-автограф).

* В рукописном тексте последняя фраза выглядит так: «...в одно целое во всем остальном сохраняя за республиками самостоятельность, полную автономию».

2

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И.В. СТАЛИНА ОБ ОБРАЗОВАНИИ СССР

Первоначальный проект *

Проект предложения

Признать своевременным объединение республик: РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации в Союз Сов. Соц. Республик.

В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из союза.

Поручить комиссии в составе...** выработать проект декларации об образовании Союза с изложением обстоятельств, диктующих объединение республик в одно союзное государство.

Поручить той же комиссии выработать проект договора об образовании Союза Республик, положив в основу договора:

а) образование соответствующих союзных законодательных и исполнительных органов;

б) слияние комиссариатов Военно-Морского, Путей сообщения, Иностранных дел, Внешней торговли, Потель***;

в) подчинение комиссариатов НКФ, НКПрод, ВСНХ, НКТруд, РКИ в составе республик директивам соответствующих комиссариатов Союза;

г) полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся республик.

Оба проекта представить комиссии на одобрение Президиума ВЦИКа, после чего внести на рассмотрение Первого съезда Советов Союза Сов. Соц. Республик.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 241.

* Написано рукой И.В. Сталина на листе с отпечатанным текстом.

** Так в тексте.

*** Потель — народный комиссариат почт и телеграфов.

3

ТЕЗИСЫ О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ НАЧАЛ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ *

1. На 10-ом съезде партии и на всероссийской партийной конференции намечены новые пути экономической политики. Необходимо, однако, констатировать, что осуществление намеченных директив в области непосредственной хозяйственной деятельности советских органов, проведение соответствующих декретов и усвоение широкой массой партийных и советских работников новых начал экономической политики — совершается медленно и не идет тем темпом, которого требует ужасающее положение народного хозяйства. Одной из главных причин медленного проведения новой политики, а также той практической путаницы и идейной смуты, которая ею вызывается, является крайне несистематический характер разработки намеченных начал. В области хозяйства политика крупных поворотов, тем более внутренне не согласованных, совершенно недопустима. Отсутствие действительного хозяйственно-политического центра, который следит за хозяйственной деятельностью, варьирует ее опыты, учитывает и обобщает результаты, практически объединяет все стороны хозяйственной деятельности и *таким образом на деле вырабатывает внутренне согласованный хозяйственный план, отсутствие такого действительного хозяйственного центра* приводит не только к тягчайшим для хозяйства потрясениям, как топливный и продовольственный кризисы (1921 г.), но и исключает возможность планомерной внутренне согласованной разработки новых начал хозяйственной политики. Отсюда система толчков и контртолчков, тяжело отдающихся вниз, на корнях нашего хозяйства.

Мы видим прогрессивное падение всех без исключения отраслей промышленности. Даже в тех областях, где при помощи исключительных мер были достигнуты успехи, как на транспорте, мы наблюдаем сейчас угрожающий распад. Совершенно очевидно, что те исключительные усилия партии и рабочего класса, которые необходимы для возрождения хозяйства, могут быть достигнуты только при том условии, если партия, а за ней и рабочий класс, получат уверенность, что хозяйственная работа практически, действительно и непрерывно объединяется единством плана и единством руководящего центра.

2. При новом курсе, как и при старом, главной задачей является восстановление и укрепление крупной национализированной промышленности. В организационном отношении эта первостепенной важности задача достижима только при установлении действительного единства управления. Постоянные столкновения хозяйственных, профессиональных и партийных органов, особенно по вопросам личных назначений и перемещений, способны были бы погубить самую здоровую промышленность. При нынешних условиях руководство государственным хозяйством есть на три четверти вопрос подбора и сочетания работников всех степеней ответственности. Эта работа может быть выполняема только при наличии единства воли в управлении национализированной промышленностью.

2а. Поскольку новый курс экономической политики состоит в переводе значительного числа предприятий на коммерческие и даже арендные начала, и восстановлении в известных пределах свободного рынка, эволюция профсоюзов в сторону огосударствления должна не только испытать задержку, но и получить толчок в обратном направлении.

Вместе с тем система аренды и договорных отношений вообще открывает полную возможность перед профсоюзами практически самостоятельно подойти к вопросу организации производства, хотя бы в виде скромных опытов на первых порах.

3. Наша экономическая политика до настоящего времени характеризовалась в основном следующими чертами:

а) Советское государство по причинам, в обсуждение коих здесь нет надобности входить, взяло на себя непосредственное руководство громадной массой самого разнообразного типа предприятий, обслуживание которых далеко не соответствовало тем сырьевым и продовольственным ресурсам, которые находились в распоряжении государства. Национализация получила не столько хозяйственное, сколько бюрократическое содержание. Предприятия классифицировались по формальным признакам, вырывались из реальных жизненных условий (связь с местным населением, с соседними предприятиями, обеспечение топливом, сырьем и пр. и пр.) и включались в вертикальные главки. Механическое нарушение основных жизненных связей в области корней каждого промышленного предприятия сразу привело к тому, что национализированная промышленность получила полупаразитический характер, питаясь, главным образом, старыми запасами сырья. Быстрое сужение этих запасов приводило к постоянным перераспределениям их путем бюрократических нарядов, что означало непрерывные толчки и удары по организму всей промышленности и неизбежно подкашивало ее.

б) Одновременно с механическим нарушением и разрушением хозяйственной связи от всей промышленной деятельности была отнята ее субъективная движущая сила — личная заинтересованность каждого работника, или группы работников, предприятий и пр. в успехе производства. Тарифная деятельность и рабочее снабжение оказывались, также механически оторваны от самого производственного процесса и сосредоточены в руках вертикального главка при профессиональных союзах. Практически тарифно-снабженческая работа профсоюзов в корне парализовала личную заинтересованность рабочего и вела кратчайшим путем к параличу промышленности. Существующая в этом отношении бесформенность совершенно нетерпима. Оплата труда, и в том числе все виды рабочего снабжения, должны находиться в руках органов, непосредственно руководящих хозяйством и за него ответственных.

4. В целях предотвращения дальнейшего падения народного хозяйства, необходимо перестроиться на следующих началах:

Государство в лице ВСНХ и его местные органы сосредотачивают в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных, или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, при чем должен широко проводиться принцип комбинирования предприятий, взаимно дополняющих друг друга.

5. *Принцип хозяйственной заинтересованности должен быть принят во внимание также в отношении к советским ведомствам и учреждениям.*

*Нужно радикально покончить с бюрократическим уродством, в силу которого под знаменем борьбы с параллелизмом у ведомств отбираются необходимейшие вспомогательные учреждения и предприятия и сосредотачиваются в одном главке. Совершенно очевидно, что возрождение, в частности, совершенно ныне убитого типографско-издательского дела лежит на пути к раскрепощению. Минимальное количество типографий, необходимых определенным ведомствам и учреждениям могут быть и будут (или)** возрождены без дополнительных общегосударственных затрат.*

6. *Передача и распределение между ведомствами вспомогательных предприятий и хозяйств должно, следовательно, исходить не из бюрократической уравнильности, а из наибольшей жизненной заинтересованности.*

Отсюда, например, вытекает, что передача военным частям совхозов для самообслуживания только в том случае может дать положительные результаты, если воинские части непосредственно заинтересованы в урожае. Между тем нынешний порядок, силой коего урожай целиком зачисляется в паек, другими словами отбирается в общегосударственный котел, неизбежно приводит к крайне неряшливой обработке огородов, и крайне низкой урожайности.

7. Промышленные предприятия будут, следовательно, в ближайший период разбиты на три группы: государственные, находящиеся в определенных договорных отношениях с

государством и сдаваемые в аренду на частно-капиталистических началах. *Взаимоотношения этих предприятий с государственными органами, учреждениями и предприятиями, особенно с железными дорогами, станет неизбежно новым источником волокиты, придираков и злоупотреблений. Необходимо в этом отношении, с одной стороны, перенести инициативу и ответственность на места, а, с другой стороны, обеспечить тесную работу центрального хозяйственного аппарата, которая давала бы действительную и при том непрерывную регулировку хозяйственной жизни, устраняя бюрократические помехи и помогая установлению простейших взаимоотношений между зависимыми друг от друга органами и предприятиями.*

*К пункту 77***. Необходим предварительный доклад о намеченных мероприятиях и перспективах. При нынешнем положении дела возникает очень реальная опасность, что органы по обратному приливу денег в кассы государства будут поглощать несколько меньше, чем доставят государству, денег, а, главное, нужно выяснить возможное соотношение между приливом и отливом.*

К пункту 13. При такого рода — единственно правильной — постановке задачи Госплана, он подлежит полной реорганизации в смысле личного состава и методов работы. Хозяйственный план не может быть выработан теоретически, он должен вырабатываться в процессе его практического осуществления. Это значит, что хозяйственный план может выработать только тот, кто его осуществляет. В этом отношении нынешнее положение Госплана исключает всякую возможность действительного планового руководства хозяйством. Совершенно очевидно, что СТО фактического непрерывного руководства хозяйством не осуществляет и осуществлять не будет. Задача СТО сводится к установлению основ хозяйственной политики, к общему наблюдению над хозяйственной работой и к практическому разрешению тех казусов, которые неразрешимы на других ступенях хозяйственной организации.

Весь этот хозяйственный план должен строиться вокруг крупной национализированной промышленности как стержня. Вокруг этого стержня должен быть построен и ВСНХ. Кто практически руководит промышленной жизнью, тот должен идейно, организационно руководить выработкой, проверкой, регулировкой осуществления хозяйственного плана изо дня в день, из часу в час. При не достижении соглашения в Госплане вопрос переносится в СТО. Но по общему правилу единство хозяйственного плана вырабатывается и обеспечивается в повседневной работе Госпланом под углом зрения крупной национализированной промышленности как руководящего хозяйственного фактора.

К пункту 14. Предварительный контроль РКИ снимается не на каких-либо условиях, а снимается безусловно, как явно вредный делу.

К пункту 15. Условиями успеха в хозяйственной области являются:

Решительная идейная борьба против пассивной потребительской уравнилельной, в крайнем своем выражении пауперской психологии, которая сплошь да рядом парализует производственную энергию наиболее активных элементов партии во всех областях хозяйственной жизни.

Новый курс экономической политики естественно ведет к предоставлению гораздо большей свободы в обращении со всеми материальными ресурсами не только государственным промышленным предприятиям и хозяйственным организациям, но и всем вообще учреждениям и организациям советского государства. Это обстоятельство может стать источником нового ряда вредных для общегосударственных интересов действий и прямо преступных [действий]. В этом отношении органы контроля должны руководствоваться следующими основными соображениями:

Самостоятельные хозяйственные товарообменные мероприятия органов и учреждений советского государства могут быть признаны правильными и допускаемыми только в тех случаях, когда они увеличивают ресурсы данного ведомства или учреждения, содействуя общему увеличению материальных благ в стране. И, наоборот, те действия государственных органов неправильны, нецелесообразны, или, по крайней мере, требуют особого

расследования, которые увеличивают или стремятся увеличить материальные ресурсы данного учреждения или ведомства путем понижения ресурсов других ведомств или учреждений или же путем уменьшения материальных благ страны в целом.

Ясное и открытое ознакомление партии с действительным положением вещей в области хозяйства, без всякого приукрашивания и фальшивых обнадеживаний.

Выяснение прежде всего внутри самой партии, что бюрократизм состоит в несоответствии между словом и делом, между задачами и действительной практикой, а вовсе не в строгом распределении труда, точности, исполнительности, ответственности, требовательности.

Самым опасным является дальнейшее развитие в партии настроения пассивности и безответственности. Получить незаконный паек для голодной семьи считается в известных кругах партии тяжким преступлением. Провалить предприятие, от которого зависит жизнь тысяч семейств, — в порядке вещей. Над производственной точкой зрения слишком часто получает преобладание потребительская и, нередко, пауперская.

*В общей системе советских учреждений это выражается в дальнейшем переложении инициативы и ответственности с хозяйственных органов и ответственных лиц на партийные комитеты, а в центре — на Центральный Комитет [РКП(б)]. Вместо тщательного внутреннего отбора работников по хозяйственным признакам происходит массовое и потому безличное их распределение через органы партии. Это явление, наблюдавшееся и раньше, теперь чрезвычайно возросло. Ответственные советские работники стремятся всякое решение провести через Политбюро, которое вынуждено заниматься... *****

*Нужно решительно порвать с системой чрезвычайных и полномочных комиссий, назначаемых решением Политбюро и Оргбюро, и..." в работу существующих советских органов. Нужно как можно решительнее разгрузить губкомы и Центральный Комитет [РКП(б)] от чисто хозяйственной и ..**** работы. Нужно ввести большую ответственность в хозяйственную работу и тем самым большую ее самостоятельность от партийных организаций.*

Необходимо до осени, до сбора хлебов, по-новому ориентировать в указанных отношениях советский аппарат и партийные организации, иначе продовольственный фонд не даст больших результатов, как в прошлом году.

Троцкий

7-го авг[уста] 1921 г.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—6;

Ф. 17. Оп. 2. Д. 27. Л. 14—15, 16—18.

* Этот документ имеет сложную историю. В фонде Л.Д. Троцкого в РГАСПИ хранится первоначальный вариант тезисов (Ф. 325. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—6, 8—14). На августовский (1921) Пленум ЦК РКП(б) он представил сокращенный вариант, не оговорив этого. Сравнение этих двух вариантов показывает, что в представленном Пленуму тексте есть фрагмент, отсутствующий в первоначальном. В апреле 1922 г. Троцкий направил в ЦК РКП(б) письмо, в котором сообщал об этом и объяснял, что с опозданием узнал о Пленуме и не смог подготовить текст в полном объеме; в письме были воспроизведены опущенные фрагменты текста, которые соответствуют отмеченному выше первоначальному варианту текста. Вместе с тем среди них оказались два фрагмента, которых в первоначальном варианте тезисов не было (Ф. 17. Оп. 2. Д. 27. Л. 14—15). Возможно, они были написаны Троцким заново, так как касаются актуальных для него в это время вопросов, связанных с правомерностью инспектирования МКК, чему он противился. В январе 1923 г. Троцкий приложил текст этих тезисов к письму, которое направил Сталину, однако этот текст значительно отличается от первоначального (основного) варианта и от представленного августовскому Пленуму ЦК РКП(б) (Ф. 5. Оп. 2. Д. 307). Этот, сильно сокращенный, вариант тезисов опубликован в «Архиве Троцкого» (М., 1990. Т. 1. С. 15—17). Мы воспроизводим первоначальный текст тезисов, который Троцкий считал полным, с включением фрагментов,

имеющихся в письме, направленном в ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. (они выделены курсивом). Фрагмент текста, отсутствующий в первоначальном варианте тезисов, но имеющийся в варианте, представленном Пленуму, выделен курсивом и подчеркиванием. Блоки текста, имеющиеся в этом письме, которые не встречаются в первоначальном (основном) тексте тезисов, выделены жирным курсивом. Текст той части тезисов, которая была представлена августовскому Пленуму ЦК РКП(б), представлена в редакции, в которой Троцкий решил ознакомить членов ЦК партии. От первоначального варианта она отличается незначительной правкой, не меняющей смысла фраз, поэтому в данной публикации разночтения не оговорены.

** Слово в скобках зачеркнуто Л. Троцким.

*** Здесь и далее имеются в виду пункты подготовленного комиссией ЦК РКП(б) проекта «Тезисов о проведении в жизнь начал новой экономической политики» и представленные Пленуму ЦК (о его подготовке см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 537–538).

**** Последнее слово не прочитывается.

***** Несколько слов не поддаются прочтению.

4

ПИСЬМО Л.Д. ТРОЦКОГО ЧЛЕНАМ ЦК РКП(б).

24 декабря 1922 г.

с. секретно

г. Ленину

Членам Ц.К.

На последнем заседании Пленума мои предложения относительно организации хозяйства были некоторыми членами ЦК поняты в том смысле, что я хочу предоставить административные права Госплану. После Пленума я опять натолкнулся на такое же понимание моей позиции. Дело совершенно не в этом. Является ли причиной указанного недоразумения недостаточно точное и полное изложение мною моих взглядов, или же виной тут то обстоятельство, что взгляды мои ложно преломляются вследствие глубоко неправильного, на мой взгляд, подхода к основным практическим вопросам организации хозяйства — этого я разбирать сейчас не стану. Но я считаю необходимым сделать попытку настоящим письмом устранить недоразумение и внести большую ясность в вопросе, от которого в значительной мере зависит, по-моему, наше хозяйственное развитие.

Основной задачей государства в хозяйственной области является правильное распределение ресурсов между различными отраслями и частями хозяйства, установление правильных взаимоотношений, связи и пропорций, перераспределение сил по мере изменения обстоятельств, предвидение потребностей завтрашнего и послезавтрашнего дня, своевременная подготовка к этим потребностям через разные ведомства и разные отрасли хозяйства. Это и есть плановое хозяйственное руководство. Такое непрерывное, изо дня в день проявляемое руководство возможно только на основании объединяющего хозяйственного плана на определенный, более или менее длительный, период: на полгода, на год. Возражения в том смысле, что при крайней неустойчивости нашей валюты длительный план невозможен, свидетельствуют о полном непонимании существа вопроса. Никто не требует и не ждет какого-либо математически законченного плана. В нынешних условиях план неизбежно должен быть эластичным, во многих своих частях условным (т.е. должен иметь несколько вариантов) и должен приспособляться к рынку, а не механически противопоставлять себя ему. Такой план предполагает непрерывные поправки, — не импровизацию от случая к случаю, не чрезвычайные меры, когда вода подходит под горло. А частичные, хотя бы и очень крупные в своей сумме, поправки, вытекающие из процесса выполнения плана и проверки его выполнимости.

Именно отсюда вытекает, что такое положение, при котором одни (учреждения и лица) создают план или планы, а другие ведут практическую хозяйственную работу (будто бы на основании этих планов), — такое положение является несостоятельным, чудовищным и

убийственным по своим практическим последствиям. Между тем, таково именно положение центральных хозяйственных органов, руководящих нашим хозяйством.

Есть ли в самом деле, у нас такое учреждение, которое изо дня в день практически сочетает работу финансов и промышленности, финансов и транспорта, транспорта и промышленности, промышленности и внешней торговли и проч.? Отчасти эту работу выполняет СТО. Отчасти — финкомитет. Отчасти — Госплан. Отчасти — ЦК партии и его многочисленные хозяйственные комиссии. Отчасти Совнарком. Но есть ли такое учреждение, которое держало бы в своих руках, изо дня в день, все хозяйственные нити, которое на основании своей практически руководящей работы создавало бы общий хозяйственный план (в указанном выше смысле), фактически руководило бы проведением этого плана, вносило бы в него необходимые поправки в процессе проведения и проч.? Такого, действительно объединяющего и руководящего государственного органа у нас нет.

СТО есть авторитетная междудеятельная комиссия — и только. Госплан есть совещательный, полу-академический орган. Правда, вопреки первоначальным замыслам и неправильной позиции Политбюро в этом вопросе, Госплан под давлением жизни, фактически невольно толкался и толкается в сторону превращения в хозяйственно-руководящее учреждение — за неимением другого. Но ни по своим взаимоотношениям с хозяйственными комиссариатами, ни по своему составу, Госплан ныне для руководящей работы в указанном выше смысле не приспособлен. В этих условиях финкомитет является, в моих глазах, совершенно независимо от своего состава, одним из элементов хаоса, идущего сверху вниз.

Правда, связь этих не координированных, не согласованных центральных учреждений друг с другом и с ЦК достигалась через личное посредство тов. Ленина. Это обеспечивало от крупных ошибок. Но результат этот достигался личными усилиями т. Ленина, направленными на то, чтобы овладеть всеми деталями и частными вопросами, не прошедшими через правильную систему учреждений, непроработанными и неподготовленными. Думаю, что одной из причин чрезвычайного переутомления тов. Ленина явилась неправильная постановка работы центральных хозяйственных учреждений. Между тем, связующая и объединяющая личная роль тов. Ленина, обеспечивавшая нас в большинстве случаев от крупных ошибок, вовсе не освобождала и не могла освободить от частных несогласованностей. Хозяйственное же руководство есть именно непрерывная цепь частичных согласований, поправок, изменений в рамках общего хозяйственного плана.

При нынешнем же положении, когда рабочее время т. Ленина должно быть строго ограничено, тем более необходимо личную связь заменить правильной организационной связью. Для того, чтобы общее хозяйственное руководство могло сохраниться в руках ЦК, прежде всего — т. Ленина, необходима правильная система изо дня в день действующих учреждений, руководящих хозяйством.

Разумеется, нужно было бы быть организационным фетишистом, чтобы думать, будто Госплан есть единственная организация или инстанция для объединительной руководящей хозяйственной работы. За точку отправления можно было бы взять и СТО, и Финкомитет, и Коллегию заводов, и Малый Совнарком, и ВСНХ, т.е. почти любое из наших несогласованных хозяйственных учреждений. Если я беру за точку отправления Госплан, то потому, что по идее, он все же ближе всего отвечает указанным задачам, имеет уже необходимые для этого подсобные учреждения и с меньшей, чем другие органы, ломкой и перестройкой может приблизиться к роли практического объединителя и руководителя деятельностью органов государственного хозяйства.

В основу хозяйственного плана должно быть, само собой разумеется, положено поддержание, укрепление, развитие объединенной государственной промышленности, как основы всего нашего социалистического строительства. В полном соответствии с этим, председательствование в Госплане должно принадлежать лицу, на которое возложено руководство нашей промышленностью. В этом смысле я и заметил в своей речи, что если вообще можно говорить о «диктатуре» по отношению к хозяйству, то не о диктатуре

финансов, а о диктатуре промышленности. Разумеется, дело идет о «диктатуре» в плановом порядке, а не в порядке

командования, т.е. не в порядке подчинения руководителю промышленности остальных хозяйственных ведомств. Такое подчинение было бы, разумеется, неправильным и чреватым величайшими опасностями. Но руководящая (в смысле председательствования) роль руководителя промышленности, в выработке хозяйственного плана и в повседневной работе по практическому согласованию частей этого плана, безусловно, необходима. Как достигнуть этого: назначить ли нынешнего председателя ВСНХ также и председателем Госплана, или нынешнего председателя Госплана назначить также и председателем ВСНХ, или же одного из замов назначить и председателем ВСНХ и председателем Госплана — это уже вопрос принципиальный и в обсуждение его я сейчас не вхожу.

При этом я не настаивал бы вовсе на том, чтобы Госплану сразу же дать какие-либо широкие права. Единственное и неотъемлемое право Госплана состоит в том, что ни один центральный хозяйственный вопрос не проходит мимо него. СТО остается над Госпланом с нынешними своими функциями. Недовольные ведомства могут по-прежнему переносить вопросы в СТО. Стало быть, только те решения Госплана выполняются, которые достигнуты согласованием и соглашением ведомственной работы. Для этого изменения прав, пожалуй, и не понадобится, по крайней мере, на первых порах, так как принятые решения будут проводиться через аппараты ведомств. Фактическое превращение Госплана в руководящий хозяйственный центр будет достигнуто, если СТО в девяти, а то и в десяти случаях из десяти не отклонит* жалобы недовольных ведомств. Разумеется, этот результат может быть достигнут только надлежащим личным составом самого Госплана. Считаю, что в Госплан надо, при настоящем положении, дать наиболее квалифицированных администраторов-хозяйственников.

Таким образом, указанный план не требует ни радикальных организационных перестроек, ни радикальных законодательных изменений в отношении прав и полномочий центральных хозяйственных органов.

Я здесь не касаюсь побочных, хотя и очень важных, хозяйственных вопросов, в частности — ликвидации совершенно фантастических и романтических функций Рабкрин и необходимой замены их правильно поставленной государственно-хозяйственной бухгалтерией и соответственным контролем. Без этого, конечно, Госплан ничего не сможет планировать. Но это все же вопросы — если и не второй важности, — то второго порядка.

Возможно, что преодолеть хаос наших центральных государственно- хозяйственных органов можно и другим путем. Но только я не слышал других проектов и поэтому не могу об них высказываться. Я готов без всякой предвзятости выслушать другие предложения. Но я считаю преступлением ограничиваться констатированием хаоса (а это было сделано на Пленуме почти всеми) и не искать путей выхода. Времени потеряно больше, чем достаточно.

24/XII-22 г.

Л. Троцкий

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 305. Л. 1–5.

* По-видимому, частица «не» — след неудачного редактирования текста; по смыслу она не нужна

5

ПИСЬМО Л.Д. ТРОЦКОГО ЧЛЕНАМ ЦК РКП(б).

26 декабря 1922 г.

с.секретно

Тов. Ленину

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦЕКА РКП

В своей записке от 24-го см. я упустил одно соображение, которое представляется крайне существенным, в некоторых отношениях, прямо-таки решающим.

ВСНХ неоднократно поднимал вопрос о сосредоточении в его руках всех видов

кредитования промышленности, о передаче ему комиссии по внутренней торговле, об установлении более тесной связи с Наркомвнешторгом и пр. Эти предложения слишком часто объяснялись как ведомственный аннексионизм и отвергались. Наркомфин же, наоборот, всегда настаивает на всемерной изоляции финансового дела, в качестве самодовлеющего дела, которое ведется замкнуто и конспиративно, в Политбюро или Финкомитете. Практически это сплошь да рядом сводилось к тому, что Наркомфин выдавал довольно произвольно назначенные для промышленности суммы по возможности с запозданием, фактически спекулируя на падении валюты — за счет промышленности. Это довольно первобытная финансовая «диктатура», неизбежно ведущая ко все более катастрофическим падениям рубля, встречала и встречает со стороны ВСНХ отпор в виде требований о присоединении к ВСНХ все новых и новых учреждений и частей ведомств, т.е. о большем или меньшем восстановлении ВСНХ старого типа.

Независимо от того, в какой мере те или другие притязания ВСНХ основательны, совершенно очевидно, что положение нынешнего ВСНХ в корне несостоятельно. В сущности нынешние взаимоотношения наших центральных хозяйственных органов как бы сознательно направлены на то, чтобы разрушить централистическую связь трестов и предприятий, уничтожив элементарные предпосылки планового хозяйства. Правда, государство напоминает о своем существовании тяжелой промышленности, отбирая у нее сплошь да рядом продукты за бесценок. Но это только усугубляет тяжелое положение промышленности.

Где же выход? В постепенном восстановлении и упрочении элементов действительного планового хозяйства — под углом зрения восстановления и упрочения государственного объединения промышленности в первую очередь. В плановом порядке и комиссия по внутренней торговле, и Госбанк, и Наркомвнешторг должны будут свою деятельность проводить через Госплан, не будучи подчинены ему формально, т.е. сохраняя внешнее свое подчинение. Деятельность Госплана будет состоять в том, чтобы установить практическое согласование, изо дня в день, комиссии по внутренней торговле с ВСНХ. То же самое в отношении кредитования, внешней торговли и пр. и пр. Поскольку Госплан не имеет прямых административно-законодательных прав, постольку все эти учреждения сохраняют свою нынешнюю иерархическую зависимость. Но поскольку, с другой стороны, Госплан будет компетентен и авторитетен в деле фактического осуществления руководства, постольку будут фактически решаться при его участии те задачи, ради разрешения которых ВСНХ требует ныне присоединения к нему тех или иных учреждений и целых ведомств.

Разумеется, на этом пути может возникнуть потребность дальнейших организационных и ведомственных перегруппировок, но лишь постепенно, в меру обнаружения необходимости на опыте, т.е. в процессе фактического согласования работы разных хозяйственных учреждений изо дня в день.

26 декабря 1922 г.

Л. Троцкий

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д 306. Л. 1–2.

6

ПИСЬМО И.В. СТАЛИНА ЧЛЕНАМ ЦК РКП(б).

6 января 1923 г.

Строго секретно.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦК РКП

Зампредсовнаркома т. **Цюрупе**,

Замлредгосплана т. **Пятакову**

По поводу писем тов. Троцкого от 24/XII и от 26/XII.

(о Госплане и СТО).

Прежде всего некоторые фактические замечания.

1) В своих письмах о Госплане, как в декабрьских (1922 г.), так и в апрельских (тоже

1922 г., когда тов. Троцкий полемизировал с т. Лениным), тов. Троцкий неизменно отстаивал идею присвоения Госплану руководящей роли в работе хозяйственных органов государства. Особенно ярко выразилось это в письме от 24/XII—22 г., где он предлагал приблизить Госплан «к роли практического объединителя и руководителя деятельностью органов государственного хозяйства». Кто должен быть руководителем государственных хозяйственных органов, СТО или Госплан, — в этом, стало быть, суть вопросов, а не в предоставлении Госплану тех или иных административных прав. Так именно и расценивалось это предложение тов. Троцкого на Пленумах ЦК как в начале 1922 г., так и в конце его. Поэтому нет оснований, по-моему, обвинять членов Цека в том, что они неправильно поняли тов. Троцкого.

2) Совершенно неправильно, по-моему, утверждение тов. Троцкого о том, что Цека ограничивается констатированием хаоса в деле руководства деятельностью наших хозяйственных органов (см. письмо т. Троцкого от 24/XII: «...я считаю преступлением ограничиваться констатированием хаоса, а это было сделано на Пленуме почти всеми, и не искать путей выхода»). Выходит, что за год Цека не сделал ничего для того, чтобы выйти из «хаоса». Между тем, известно, что за истекший год мы значительно продвинулись вперед в деле ликвидации «хаоса», создав институт замов Предсовнаркома и сосредоточив дело объединения работы наших хозяйственных органов в руках СТО и его руководителей — замов. Едва ли решится кто-либо из непредубежденных членов Цека отрицать, что за год (с начала [19]22 г. до его конца) мы продвинулись вперед от «хаоса» к порядку, именно благодаря работе замов, как в СТО, так и Финкомитете. Дело обстоит бы, конечно, еще лучше, если бы мы имели в числе замов Предсовнаркома и тов. Троцкого. Но почему же тов. Троцкий не оказался в числе замов, по чьей вине? По вине самого же тов. Троцкого, ибо на предложение тов. Ленина (11/IX—22 г.) о назначении т. Троцкого замом, тов. Троцкий ответил решительным отказом, в виду чего Политбюро было вынуждено констатировать отказ т. Троцкого и ограничиться назначением т. Каменева. Где тут преступление (говоря языком т. Троцкого), в том ли, что Цека, в целях ускорения ликвидации «хаоса», предлагал т. Троцкого в замы, или в том, что т. Троцкий, несмотря на «хаос», все же отказался от замства, — пусть судят члены Цека.

А теперь перейдем к существу вопроса.

1) По-моему план т. Троцкого о предоставлении Госплану фактически руководящей роли по народному хозяйству, при условии назначения председателя ВСНХ председателем Госплана и при сохранении в деталях нынешней конструкции существующих регулирующих центральных органов — неприемлем. Неприемлем он потому, что:

а) либо Госплан при таких условиях превратится в подсобное орудие ВСНХ, в виду чего он, Госплан, лишится всякого авторитета для других хозяйственных комиссариатов (Наркомпрод, Наркомфин с Госбанком, Наркомпуть, НКВТ), что нецелесообразно и несовместимо с природой Госплана;

б) либо Госплан, являющийся комиссией СТО, в свою очередь являющегося комиссией СНК, превратится в действительно руководящий орган народного хозяйства (а не только промышленности), и тогда Совнаркому и СТО, собственно говоря, нечего будет делать, что в корне нарушает основы строительства наших центральных органов власти (я уже не говорю о том, что нельзя отдавать народное хозяйство организации спецов, какой, несомненно, является и останется в будущем Госплан, как бы мы не меняли состав его верхушки);

в) немыслимо вообще серьезно улучшить дело регулирования деятельности наших хозорганов, совершенно обходя вопрос о составе и некотором изменении конструкции некоторых наших центральных регулирующих органов.

Исходя из сказанного выше, я думаю, что следовало бы:

1) Сосредоточить дело увязывания и руководства деятельностью наших хозорганов не в Госплане, а в СТО и превратить СТО из меведомственной согласительной комиссии в надведомственную руководящую комиссию, введя в его состав исключительно замов Предсовнаркома, плюс Предгосплана, плюс Наркомфин и передавая СТО, таким образом, и

функции Финкомитета;

2) оставить Госплан, как комиссию СТО, дающую заключения для СТО;

3) поставить во главе ВСНХ тов. Пятакова и дать последнему одним из замов т. Богданова (для меня ясно, что т. Богданов не сумел и не сумеет собрать разгулявшиеся тресты под свое начало);

4) назначить т. Троцкого замом Предсовнаркома (предложение т. Ленина), отдав ему под специальную его заботу ВСНХ.

Я думаю, что эти изменения могли бы облегчить нашу работу по ликвидации «хаоса».

Член ЦК — **И. Сталин**

6 января 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 274. Л. 1–2.

7

ПИСЬМО Л.Д. ТРОЦКОГО В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б).

15 января 1923 г.

с. секретно

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦЕКА

Зампредсовнаркоматов. **Цюрюпе**

Зампредгосплана тов. **Пятакову**

1. В центре ряда моих письменных предложений, внесенных в ЦК, стоял вопрос о необходимости обеспечить правильное плановое руководство изо дня в день государственным хозяйством — под углом зрения, в первую голову, восстановления и развития государственной промышленности. Я утверждаю, что органа, непосредственно ответственного за плановое руководство государственным хозяйством и способного по своим правам, обязанностям и составу осуществлять такое руководство, у нас нет. Я утверждаю, что именно отсюда вырастает стремление нагромоздить все новые и новые руководящие и объединяющие органы, которые в конце концов только мешают друг другу. Помимо Совнаркома и Президиума ВЦИКа мы сейчас имеем: коллегия замов (тройка), СТО, Финкомитет, Малый Совнарком, Госплан. При этом вопросы сплошь да рядом переходят в ЦК (Секретариат, Оргбюро, Политбюро). Я считаю, что эта множественность руководящих учреждений с неопределенными взаимоотношениями и распыленной ответственностью насаждает хаос сверху.

Тов. Сталин предлагает теперь слить СТО, Коллегию замов и Финкомитет. Это предложение, независимо от своей непосредственной практической ценности, является во всяком случае признанием нецелесообразности существования самостоятельной коллегии замов и самостоятельного Финкомитета.

Когда я вносил в первый раз свое предложение о Госплане, как об объединяющем хозяйственном органе, я не мог, разумеется, оценить предложения т. Сталина, потому что это последнее внесено на два года позже моего предложения. Притом чрезвычайно важное по существу предложение тов. Сталина о реорганизации центральных органов вносится тов. Сталиным *попутно в порядке критики моих повторных предложений*.

2. Ошибочную сторону нашей хозяйственной политики последнего периода я видел в самодовлеющей постановке финансовых вопросов. Скачущий рубль не может быть регулятором хозяйства и потому финансовая диктатура сплошь да рядом выражается в азартную спекуляцию за счет государственного хозяйства. Временно такая политика может давать фиктивные успехи. Но она неизбежно подготавливает свое собственное поражение.

Во главу угла я считал и считаю необходимым поставить интересы объединенной государственной промышленности и — со всеми необходимыми оговорками — равняться по интересам этой последней. Этим объясняется мое предложение: председателя ВСНХ сделать председателем Госплана, дабы разработка всех плановых вопросов шла прежде всего под углом зрения интересов промышленности. Если бы перспектива была при этом нарушена, поправки могли бы идти сверху со стороны СТО. Проект т. Сталина исключает из СТО все

ведомства, в том числе и ВСНХ, но оставляет там Наркомфин. Этим самым неправильное взаимоотношение между финансами и промышленностью находит в проекте тов. Сталина новое организационное выражение.

3. Далее тов. Сталин привлекает к этому организационному вопросу вопрос о личных назначениях. Это вынуждает и меня остановиться на этом вопросе. Совершенно верно, что через несколько недель после своего возвращения к работе, тов. Ленин предложил мне занять место зама. Я на это ответил, что если ЦК назначит, то, разумеется, как всегда, подчинюсь ЦК, но что буду смотреть на такое решение, как на глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений.

Причины, которые я развил в разговоре с тов. Лениным, таковы:

а) Само существование коллегии замов считаю вредным, так как, отрывая наиболее ответственных товарищей от определенных административных и административно-хозяйственных постов, коллегия замов создает для них неопределенное положение, при котором все они отвечают как бы за все и в то же время как бы ни за что. Считал и считаю, что необходимо и достаточно иметь постоянного зама по Совнаркому и, может быть, другого по СТО с правильным их взаимоотношением (СТО — комиссия Совнаркома).

б) Вторая причина, на которую я указал тов. Ленину, — это политика Секретариата ЦК, Оргбюро и Политбюро в советских вопросах. Последние два года были временем очень частых решений Оргбюро, Секретариата и Политбюро по вопросам, например, военным — решений, выносившихся фактически помимо заинтересованного ведомства и даже за его спиной (частые сокращения армии вместо обдуманных плановых сокращений, что приводило к чрезвычайной дезорганизации и к чрезвычайному увеличению расходов вещевого и продовольственного снабжения; такие же явления были в бюджетной части, аналогичные явления в области личных назначений... *). Все это совершенно нарушало возможность правильной работы, отбора и воспитания работников и сколько-нибудь правильного расчета и предвидения, сколь-нибудь планового хозяйства. Естественно, если при таком положении, которое не было тайной ни для кого из ответственных работников военного ведомства, я не считал возможным брать на себя ответственность еще и за другие учреждения.

Тов. Ленин ответил, что против моего желания он не станет предлагать меня замом. Указав на то, что руководящий аппарат и подбор работников у нас действительно крайне плохи и что нам нужна особая авторитетная партийная комиссия для рассмотрения вопроса о более правильном подборе, воспитании и продвижении работников и о более правильных организационных взаимоотношениях, т. Ленин предложил мне вступить в таковую, когда он более определенно обдумает ее функции и состав. Я с полной готовностью согласился. Больше, однако, тов. Ленин до своего нового заболевания не поднимал вопроса об этой комиссии.

Т. Сталин, выдвигая проект о назначении меня замом (предложение, которое никогда не вносилось ни в Политбюро, ни в Пленум и никогда не обсуждалось в них), предлагает «отдать под специальную заботу» мою ВСНХ. Такая постановка вопроса, как указано выше, в корне неправильна. Под специальной заботой ВСНХ должно находиться у председателя ВСНХ. Роль специального «попечителя» только раздвигает ответственность и вносит неопределенность и путаницу в ту область, где важнее и ценнее всего определенность и ясность. Нам нужно правильное практическое согласование работы хозяйственных ведомств, а вовсе не двухэтажное руководство каждым из них в отдельности.

ПРИМЕЧАНИЕ: совершенно неверно, будто бы предложение т. Сталина есть предложение тов. Ленина, как говорится в пункте 4. Тов. Ленин предложил мне взять под свое наблюдение именно не хозяйственные ведомства, в первую голову, Наркомпрос.

5. Без объединяющего плана и объединенного руководства никакая хозяйственная работа невозможна. План должен быть не академическим, а практическим. Отделить план и наблюдение за его выполнением невозможно. Наш плановый орган — Госплан; высшие

органы (СТО, Совнарком, Финкомитет, коллегия замов, ЦК) вынуждены либо полагаться на Госплан, либо импровизировать и создавать бесчисленные комиссии. Единственный выход из положения — прибрать Госплан к рукам, т.е. дать в его состав для постоянной текущей работы ответственных работников, комбинируя их в надлежащем сочетании со спецами. Нужно, чтобы высшие учреждения получали, от Госплана доброкачественный материал, хорошо разработанный, просмотренный, согласованный и притом, само собой разумеется, под советским, коммунистическим углом зрения.

При таком, правильно действующем Госплане вверх будут восходить только крупные принципиальные вопросы, требующие законодательного решения или принципиального нового направления.

Для аналогии скажу, что Госплан будет играть роль штаба, а СТО — роль Реввоенсовета.

Л. Троцкий

15 января 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 275. Л. 2–3**.

* Так в тексте.

** Письмо с незначительными изменениями опубликовано в: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1. М., 1991. С. 9—11.

8

ПИСЬМО И.В. СТАЛИНА В ЦК РКП(б).

17 января 1923 г.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦЕКА

Зампред СНК тов. **Цюрупе**

Зампред Госплана тов. **Пятакову**

(По поводу нового письма тов. Троцкого от 15/1—23 г.)

ФАКТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Тов. Троцкий пишет о «самостоятельной Коллегии Замов», как об одном из руководящих и объединяющих органов в центре. Я утверждаю, что никакой самостоятельной Коллегии Замов, якобы руководящей и проч., нет и не бывало. Есть Финкомитет, как один из объединяющих органов в центре, но он, как по составу, так и по характеру своей работы, не имеет ничего общего с тем, что представляется тов. Троцкому, как Коллегия Замов.

2. Тов. Троцкий вновь возвращается к вопросу о том, что было внесено или сказано в Политбюро два года назад отдельными Членами Политбюро по вопросу об улучшении дела нашего планового хозяйства, при этом, касаясь моего предложения, замечает, что оно внесено мною попутно, в порядке критики повторных предложений тов. Троцкого. Я должен заявить, что, внося свое предложение, я имел в виду, главным образом, практику СТО и, особенно, практику Финкомитета, превращающегося в ходе работы в фактически руководящий орган. Я считаю, что практика Финкомитета доказала необходимость превращения СТО из органа согласительного в орган руководящий. Именно поэтому я предложил известное изменение в составе СТО и упразднение Финкомитета (см. мое письмо от 6 января). Иметь в виду при этом предложение тов. Троцкого, внесенное, как он утверждает, два года назад, я не мог уже по тому одному, что два года назад, когда Госплан (утвержден формально в феврале 21 года), не мог еще определиться, как вполне установившаяся в ходе работы организация, не было еще ни Замов, ни Финкомитета, ни, само собой понятно, практики этих органов. Я вообще против обращений к прошлому, хотя бы потому, что они вносят в дело элемент ненужный и вызывает в памяти старые споры тов. Ленина с тов. Троцким и старые, не оправдавшиеся сомнения некоторых членов Цека насчет прочности Советской власти. Я помню, например, как тов. Троцкий, кажется, полтора года назад, уверял нас в Политбюро, что «дни Советской власти сочтены», что «кукушка уже прокуковала» и проч. Неужели нужно воскресить все эти воспоминания для того, чтобы

разрешить все текущие вопросы об улучшении дела нашего планового хозяйства? — Я в этом очень сомневаюсь.

3. Правильно, что тов. Ленин никогда не предлагал передачу ВСНХ под наблюдение тов. Троцкого. Но я этого и не утверждаю в своем письме. В моем письме от 6-го января сказано: «Назначить тов. Троцкого Замом Предсовнаркома (предложение тов. Ленина), отдав ему под специальную его заботу ВСНХ». Всякому ясно, что сказанное в скобках «предложение тов. Ленина» относится к предыдущей фразе о назначении тов. Троцкого Замом ПредСНК, а не ко второй фразе, которая следует после скобки. Стало быть, в чем же «неверность» сообщения Сталина? Я еще раз утверждаю, что тов. Ленин предлагал тов. Троцкого в Замы ПредСНК, предложение же об отдаче ВСНХ под попечение тов. Троцкого является моим собственным, а не тов. Ленина.

4. Вносил ли в Политбюро тов. Ленин предложение о назначении тов. Троцкого [замом] ПредСНК или нет — пусть судят об этом по следующим документам:

а) «Секретарю ЦК тов. Сталину.

В виду того, что тов. Рыков получил отпуск с приезда Цюрупы (приезд ожидается 20/IX), а мне врачи обещают (конечно, лишь на случай, что ничего худого не будет) возвращение на работу (вначале очень умеренную) к 1/X, я думаю, что на одного тов. Цюрупу взвалить всю текущую работу невозможно и предлагаю назначить еще двух замов (Зампред СНК и Зампред СТО), именно: т.т. Троцкого и Каменева. Распределить между ними работу при участии моем и, разумеется, Политбюро, как высшей инстанции».

11 сентября 1922 г.

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Голосование членов политбюро по телефону:

«Я за» — (Сталин)

«Категорически отказываюсь» — (Троцкий)

«За» — (Рыков)

«Воздерживаюсь» — (Томский)

«Не возражаю» — (Калинин)

«Воздерживаюсь» — (Каменев)».

б) Выписка из протокола заседания Политбюро от 14 сентября 22 г. №26.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

16. О ЗамПред СНК и СТО (предложение тов. Ленина).

16. а) Предложение тов. Ленина о назначении двух зам. председ. СНК и СТО принять, б) Политбюро ЦК с сожалением констатирует категорический отказ т. Троцкого и предлагает т. Каменеву приступить к исполнению обязанностей заместителя с приездом т. Цюрупы, в) Предоставить тов. Каменеву отпуск до приезда тов. Цюрупы. Секретарь Цека И. Сталин.

Из этих документов ясно, что

а) совершенно неточно заявление т. Троцкого о том, что предложение о назначении тов. Троцкого Замом «никогда не выносилось в Политбюро» (см. последнее письмо т. Троцкого, стр. 3).

б) Предложение о назначении тов. Троцкого Замом было внесено не «через несколько недель после возвращения тов. Ленина к работе», как это утверждает тов. Троцкий, а до возвращения.

ПО СУЩЕСТВУ ВОПРОСА

1. Свое предложение об упразднении Финкомитета и превращения СТО из междуправительственной согласительной комиссии в надправительственную руководящую хозяйственную комиссию СНК я считаю основным;

2. Не возражаю против того, чтобы в состав СТО был введен, кроме Замов, ПредГосплана и Наркомфина, и представитель ВСНХ;

3. Думаю, что количество Замов придется не уменьшить, как это предлагает тов. Троцкий, а увеличить, назначив еще двух Замов: т. Троцкого и от Украины (практика работы Замов показывает, что одному или двум Замам — предложение т. Троцкого — не управиться);

4. Согласен на то, чтобы Госплан давал заключения или разрабатывал задания, данные СТО, а СТО представлял бы единственно руководящий и объединяющий орган по плановому хозяйству;

5. Возражаю против совмещения в одном лице ПредВСНХ и ПредГосплана по мотивам, изложенным в первом моем письме;

6. Я предлагал отдачу ВСНХ под специальное попечение тов. Троцкого в согласии с тем методом распределения работы между Замами, который установлен тов. Лениным, причем не согласен с тов. Троцким, утверждающим, что такой метод (метод отдачи тех или иных Комиссариатов под наблюдение того или иного Зама) понижает будто бы чувство ответственности соответствующих Наркомов. Но в виду возникших по этому вопросу разногласий, я бы не возражал против того, чтобы тов. Троцкий был назначен одновременно либо Замом ПредСНК и Председателем ВСНХ, либо Замом ПредаСНК и Председателем Госплана.

Я думаю, что следовало бы на одном из ближайших заседаний Политбюро обсудить все эти вопросы, хотя бы в порядке предварительном.

ЧЛЕН ЦЕКА И. СТАЛИН

17 января 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 275. Л. 4–6.

9

ПИСЬМО Л.Д. ТРОЦКОГО ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК РКП(б).

20 января 1923 г.

Сов. Секретно.

Тов. Ленину

ВСЕМ ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК

Письменный обмен мнениями по вопросу об организации центрального хозяйственного аппарата имеет, разумеется, свои неудобства. Но он имеет также и то крупное преимущество, что вводит ближе в существо вопроса всех членов ЦК, которые на заседаниях Пленума вынуждены бегло рассматривать вопросы, накопившиеся в течение двух, а иногда и более месяцев.

1) Совершенно очевидно, что Совнаркому, кроме постоянного председателя, нужен заместитель как руководитель работы совнаркома. Так как СТО есть важнейшая комиссия Совнаркома, то возможно назначение второго заместителя — специально для СТО. Но совершенно очевидно — и по существу работы и по формальным соображениям, — что заместитель вне руководящей работы в Совнаркоме и СТО невозможен. Нельзя давать людям какие-то неопределенные права и обязанности заместителей вообще. Что это за институт «заместитель как таковой»? И ярче всего неправильность такой постановки дела подчеркивает предложение тов. Сталина: «ввести в реорганизованный СТО еще одного зама — от Украины». Что это значит «зам от Украины»? Кого замещает этот зам? Председателя Союзного Совнаркома? Или это заместитель Председателя Украинского Совнаркома?

Я допускаю, что в виду организации Союза может понадобиться участие в работе Совнаркома (или СТО) лица, отстаивающего интересы Украины. Можно понять, если такое лицо будет называться наркомом по делам Украины. Но дать ему звание зама можно лишь для того, чтобы всем разъяснить, что это звание не имеет никакого практического значения, другими словами, что это чин, а не должность.

2) Каковы доводы в пользу умножения замов? Доводы те, что много работы. Работы действительно немало. Но присмотримся к делу конкретнее.

а) Зам тов. Каменев. В качестве Председателя Московского Совета руководит

хозяйственной и культурной работой важнейшего города и важнейшей губернии в Республике. Кроме того выполняет обязанности зама.

б) Зам тов. Цюрупа. В качестве Наркомрабкринина имеет задачей проверять деятельность всех вообще государственных учреждений и под углом зрения целесообразности и под углом зрения законности. Кроме того состоит замом.

в) Зам тов. Рыков. Выполняет только обязанности зама.

г) Предполагается назначить замом Троцкого, который состоит Наркомвоенном и которого предполагается еще назначить либо предВСНХ, либо предГосплана.

Таким образом, почти каждый делает несколько дел, а одно и то же дело раздается нескольким. От этого получается, конечно, не экономия сил, а, наоборот, их расхищение. Совместительство у нас, по общему правилу, ни в каких областях не давало положительных результатов. Нужна более углубленная специализация на всех вопросах, в том числе и на замстве.

Если решить, что тов. Каменев полезнее в качестве зама, — нужно освободить его от Московского Совета, руководство которым представляет самостоятельную и притом все усложняющуюся задачу.

Если придать серьезное значение Рабкрину (разумеется, не как универсальному воспитателю всего народонаселения, а как советскому госконтролю), то нужно освободить тов. Цюрупу от функций зама. Если же наоборот — освободить его от Госконтроля, назначив замом. При таком решении вопроса (т.е. в качестве замов тт. Рыков — Цюрупа или же Рыков — Каменев) получилось бы несравненно более экономии сил, а значит, и порядка.

Думать, что можно достигнуть вневедомственности или надведомственности учреждения тем, что членов его освободить от определенных обязанностей и дать им звание замов — в корне не верно. Если нынешние члены Совнаркома и СТО слишком узкие ведомственники, надо поставить во главе ведомств, по крайней мере, наиболее важных, т.е. тех, что входят в СТО, наиболее ответственных и компетентных работников. Другого пути нет.

ПРИМЕЧАНИЕ — Как обстоит ныне дело с замством, видно из официального распределения работы между ними. Из хозяйственных ведомств попечению тов. Цюрупы подчинены: Наркомзем, НКПС, Наркомпочтель, ВСНХ; Тов. Рыкову — Наркомфин, Комвнуторг, Госплан, Госбанк и проч. В то же время тов. Цюрупа, в качестве нарком Рабкринина, должен следить за всеми комиссариатами под тем же углом зрения: «проверка исполнения, наблюдение за сокращением штатов и за улучшением аппарата». У замов, как замов, никакого аппарата наблюдения и контроля нет. Один наблюдает за ВСНХ, другой — за Госпланом. Может ли быть успешным такой режим? А ведь нам предлагают еще увеличить количество замов, этих почетных попечителей над ведомствами, без аппарата и без...* определенных занятий.

3) Тов. Сталин против «обращений к прошлому». Но инициатива таких обращений целиком на его стороне. Я внес после последнего Пленума заявление в ЦК о необходимости ликвидации центрального хаоса в аппарате управления хозяйством. Тов. Сталин в ответ на это внес впервые свои предложения по поднятому вопросу. Дальнейший спор мог бы вполне уместиться в рамки вопроса о том, какие учреждения с какими сливать, кого куда назначить и проч. Но тов. Сталин обратился «к прошлому» и рассказал о том, как меня собирались назначить замом, но я отказался.

Только потому я оказался вынужденным рассказать о беседе с тов. Лениным и о мотивах, которые я приводил в пользу моего отказа.

Теперь тов. Сталин снова говорит: не нужно обращаться к прошлому, иначе он, тов. Сталин, может нечаянно вспомнить и рассказать (чтобы показать другим, как это плохо и неуместно), что «тов. Троцкий, кажется, полтора или год тому назад уверял нас в Политбюро, что дни советской власти сочтены — кукушка уже прокуковала» и прочее. Совершенно очевидно, что если в первый раз тов. Сталин обратился к прошлому по соображениям политическим и вынудил меня внести поправки, то второй раз он делает это

уже по соображениям педагогическим: с целью показать, что обращение к прошлому может довести серьезного человека до кукушки.

Да, мне не раз приходилось в Политбюро — и не полтора года, а полгода тому назад, в ответ на поверхностный и, с моей точки зрения, непростительный оптимизм тех или других товарищей, говорить: если будем так хозяйничать, то и кукушке не дадим времени прокуковать. Если это оценивалось кем-либо как «пессимизм», то я неизменно отвечал: да, я не оптимист в нашей бесхозяйственности, ибо это оптимизм за счет ряда интересов нашей революции. Чаще всего я выдвигал этот вывод, когда у нас в Политбюро решалось в одно заседание десять—двенадцать огромной важности практических хозяйственных вопросов, без малейшей подготовки, после десятиминутного обсуждения, на слух и на глаз. В борьбе против этого режима я не раз упоминал кукушку, а если мы создадим особый корпус замов, из которых каждый в отдельности отвечает за все и ни за что, то без кукушки трудно будет явиться на заседания СТО.

«Неужели нужно воскресить все эти воспоминания?» — спрашивает тов. Сталин, после того как он их воскресил. Нет, можно бы и не воскрешать, отвечу я.

4) В своем письме от 15 января я писал, что предложение о моем назначении замом «никогда не вносилось ни в Политбюро, ни в Пленум и никогда не обсуждалось на них». Тов. Сталин делает неожиданную для меня попытку опровергнуть это на основании документов. Опять-таки я вынужден остановиться на этом в нескольких словах, ибо документы эти могут с неожиданной для меня самой яркостью ввести всех членов ЦК в то, как иногда решаются вопросы. Тов. Сталин приводит записку тов. Ленина от 11 сентября, в которой предлагается назначить тов. Каменева и меня замами в виду того, что «тов. Рыков получил отпуск с приезда Цюрупы» и проч. Об этой записке тов. Сталин сообщил мне по телефону. В это время я сам просил о четырехнедельном отпуске (и получил его) — главным образом для подготовки к намеченным для меня докладам на предстоящем тогда международном конгрессе. Таким образом, совершенно независимо даже от моего принципиально отрицательного отношения к расширению замства, совершенно очевидно, что та практическая задача, которую хотел разрешить т. Ленин в виду отпуска тов. Рыкова, совершенно не разрешалась назначением меня замом, так как на предстоящие недели я сам получил отпуск, а в дальнейшем наступил Конгресс, целиком меня поглотивший. Совершенно очевидно, что эти неоспоримые практические соображения были бы достаточны по крайней мере для отложения вопроса о моем назначении даже в глазах тех товарищей, которые были сторонниками такого назначения. Казалось бы, если все же хотели решить вопрос сейчас или зафиксировать мнение Политбюро, то нужно было созвать заседание Политбюро. После краткого разговора с тов. Сталиным по телефону, я был убежден, что самый вопрос снимается, по крайней мере, до моего возвращения. Но нет. Голосование (по телефону или письменно с моей отметкой на документе) было все же проведено, и я впервые узнал о результатах его только теперь из письма тов. Сталина. Оказывается, что Сталин и Рыков голосовали «за», Томский и Каменев «воздержались», Калинин «не возражал».

После этого Политбюро на заседании своем от 14 сентября вынесло постановление, в котором «с сожалением констатируется категорический отказ тов. Троцкого». Из текста письма тов. Сталина члены ЦК могут подумать, будто я присутствовал на этом заседании Политбюро. Ничего подобного. Я уже находился в отпуске. Тем не менее, несмотря на практическую неотразимость моих доводов, по крайней мере в пользу отложения вопроса, Политбюро в мое отсутствие «с сожалением констатирует» и проч. Я совершенно не вхожу в оценку всего этого эпизода, который был поднят не мною. Но я еще раз констатирую, что вопрос ни разу не вносился в Политбюро и не обсуждался на нем — по крайней мере, в моем присутствии. А я думаю, что мое присутствие было бы не лишним, так как дело шло о моем назначении.

Для того, чтобы основной вопрос, подлежащий разрешению, не отошел на задний план в виду этих экскурсий в прошлое, инициатива которых, как указано, целиком принадлежит

тов. Сталину, я даю дальше точные выписки по интересующему нас основному вопросу из моих внесенных в ЦК предложений от 7-го августа 1921 г.** и моего письма, внесенного в Политбюро 29-го апреля 1922 г.***

Л. Троцкий

20 января 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 307. Л. 1–5****.

* Так в тексте.

**См.: Приложение № 3.

*** Опубликовано в: Архив Л. Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. С. 17–18.

**** Опубликовано с незначительными изменениями в: Архив Л. Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1. С. 12—15.

10

ПИСЬМО И.В. СТАЛИНА ЧЛЕНАМ ЦК РКП(б).

24 января 1923 г.

С. секретно

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦК

Я думаю, что после обмена мнений в порядке переписки между товарищем Троцким и мною можно прийти к некоторым выводам, могущим облегчить работу членов Цека по разрешению вопроса о наших регулирующих органах.

1) Где должно быть сосредоточено дело регулирования, в Госплане или в СТО, преобразованном на началах, изложенных в моем письме от 17-го января? Я предложил в качестве такого органа СТО, состоящий из замов, плюс НКФ, плюс ПредВСНХ, плюс ПредГосплана. Мотивы: а) в составе СТО будут преобладать замы, являющиеся по своему положению (а не по своим качествам) неведомственными, а неведомственность является первым условием, необходимым для увязывания работы отдельных комиссариатов с точки зрения неведомственной, общегосударственной; б) между замами будет распределено наблюдение за работой комиссариатов, замы, стало быть, ближайшим образом будут знакомы с деятельностью комиссариатов, а такое знакомство со стороны людей не ведомственных, является первым условием, необходимым для правильного руководства из центра с точки зрения планового хозяйства.

Рассуждая так, я исходил не из писем тов. Троцкого, писанных «два года назад», когда Госплан только зарождался, а Финкомитет и замы еще не существовали, а из практики этих органов.

Что показала нам эта практика?

Она показала, во-первых, что Госплан, состоящий главным образом из спецов, не пошел в своем развитии дальше вспомогательного органа СТО, подготавливающего материалы для СТО и разрабатывающего задания последнего. Следует ли из этого, что Госплан, являющийся комиссией СТО, в свою очередь являющегося комиссией СНК, — нужно превратить в практически руководящий орган наших комиссариатов, проводящий свои заключения без обязательной санкции СТО? Нет, не следует.

Она показала, во-вторых, что нынешний СТО, состоящий в своем большинстве из представителей ведомств, не осилил задачу регулирования, ибо представители ведомств, естественно, тянут в разные стороны, а это обстоятельство исключает возможность регулирования с точки зрения общегосударственной.

Она показала, в-третьих, что ввиду слабости СТО по части регулирования, руководство перешло фактически в руки непредусмотренного советскими постановлениями Финкомитета, состоящего из трех замов и Наркомфина.

Отсюда вывод: либо легализовать Финкомитет и упразднить СТО, либо упразднить Финкомитет и сделать СТО единственно руководящим по плановому хозяйству органом,

превратив его из междуправительственной согласительной комиссии СНК в надправительственную руководящую комиссию.

Я уже говорил в предыдущих письмах, что последнюю комбинацию считаю единственно целесообразной в данный момент.

Серьезных возражений против такой комбинации я не нашел в письмах тов. Троцкого, также как не нашел там убедительных доводов в пользу превращения Госплана в руководящий орган.

2) Не прав тов. Троцкий, утверждая, что права и обязанности замов не ясны (см. письмо тов. Троцкого от 20/1). Замы помогают председателю СНК исправить недочеты комиссариатов и объединять работу последних с точки зрения планового хозяйства. Они — помощники Према. Права и обязанности замов ясны. Если Пред СНК тов. Ленин в своем письме осенью прошлого года находит необходимым иметь четырех замов (Рыков, Каменев, Троцкий, Цюрупа), то с этим, я думаю, нельзя не считаться. Кроме того практика замов показывает, что одному или двум замам при усталости и истощенности наших руководящих работников не управиться. Дело не в том, чтобы руководить заседаниями СНК и СТО, а прежде всего в том, чтобы быть в курсе текущей работы комиссариатов.

3) Украинец-зам нужен не в качестве наркома по Украине, ибо тогда пришлось бы иметь наркома по Белоруссии, наркома по Закавказью, наркома по РСФСР и проч., что, конечно, неприемлемо. Зам-украинец нужен в составе Союзного СНК, как полномочный с прочими замками и действительный зам. Кого будет замещать этот зам, — спрашивает т. Троцкий. Очевидно, председателя Союзного СНК. Никого больше. Отчего не мог бы быть украинец одним из замов Союзного ПредСНК, наблюдающим за деятельностью союзных наркоматов, скажем, по внешним сношениям (НКВД плюс НКВД)?

4) Я сослался в предыдущем письме на предложение тов. Ленина о назначении тов. Троцкого замом ПредСНК, имея в виду неправильное утверждение тов. Троцкого о том, что такое предложение (будто бы) не обсуждалось в Политбюро. Протоколы Политбюро от 14/IX показывают, что оно обсуждалось в Политбюро и было принято после того, как тов.

Троцкий категорически отказался от замства при голосовании членов Политбюро по телефону. Тов. Троцкий имел в руках эти протоколы еще в сентябре прошлого года и, если он находил поведение Политбюро неправильным, он мог, конечно, в продолжении более чем четырех месяцев опротестовать его в Пленуме, или потребовать нового обсуждения, чего он, однако, не сделал почему-то. Сталин, здесь очевидно не при чем.

5) Что касается обращения к прошлому и выкапывания без нужды старых документов, то для всякого ясно, что тов. Троцкий валит с больной головы на здоровую. Стоит только посмотреть приложенные к его последнему письму старые документы, рассылаемые им членам ЦК, кажется, третий раз, чтобы убедиться в этом.

6) Я думаю, что следовало бы перейти от слов к делу и поставить затронутые в переписке вопросы на обсуждение Политбюро в ближайшие дни.

24 января 1923 г.

ЧЛЕН ЦЕКА

И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 276. Л. 2–5.

11

ПИСЬМО Л.Д. ТРОЦКОГО ЧЛЕНАМ ЦК РКП(б).

25 января 1923 г.

Сов. Секретно.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦК.

Я тоже думаю, что переписку мою с тов. Сталиным, как исчерпавшую себя, можно закончить ниже следующими выводами:

1) Реорганизация СТО совершенно не решает поднятого мною вопроса о практическом объединении хозяйства изо дня в день, так как пять замов, между которыми распределяются

комиссариаты, вовсе не являются «неведомственными». Каждый зам, если он будет серьезно заниматься «своими» комиссариатами, станет главой ведомства, только комбинированного.

2) Что Госплан не выполняет сейчас работы по практическому согласованию хозяйства во всем объеме, — это верно. Но и никто ее не выполнял. Она выполнялась сама собой — путем кризисов, прорех, потерь, новых кризисов и пр. Только реорганизация Госплана из учреждения, выполняющего отдельные задания, в хозяйственный штаб способна создать нормальные предпосылки для работы СТО, Совнаркома, Финкомитета и проч. Последние назначения в составе Госплана, произведенные Политбюро, убеждают меня в том, что мы удаляемся от этой цели, а не приближаемся к ней.

3) Работа зама в нынешней ее постановке противоречит целиком всем моим навыкам и представлениям о целесообразно организованной работе. Назначение меня на такую работу означало бы, в моих глазах, ликвидацию меня, как советского работника.

4) Думаю, что назначение «украинца» в качестве зама означало бы ликвидацию одного из украинцев.

5) Совершенно верно, что я не протестовал против постановления Политбюро, состоявшегося относительно меня в мое отсутствие. В этом т. Сталин прав. Но я не протестовал и против многого другого.

6) «Старые документы», которые я привел, имеют для меня то значение, что формулируют практическую задачу, как она стояла перед нами полтора года тому назад и как она в основе своей стоит перед нами сейчас.

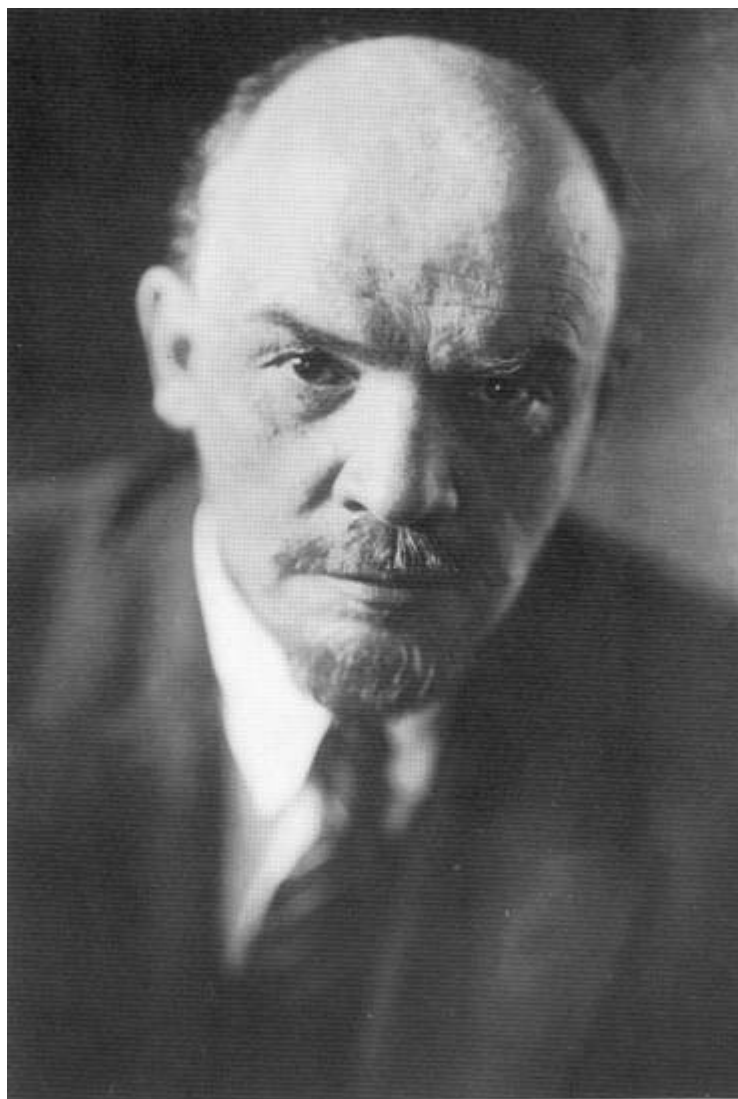
Л. Троцкий

25 января 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 308. Л. Г.*

* Письмо с незначительными изменениями опубликовано в: Архив Л. Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. I. С. 18—19.

ФОТОРЕПРОДУКЦИИ

Владимир Ильич Ленин. Июль 1920 г.

В.И. Ленин на заседании СНК РСФСР. 3 октября 1922 г. Справа от В.И. Ленина стоят его заместители по СНК и СТО РСФСР А.И. Рыков и Л.Б. Каменев

В.И. Ленин в кабинете.
4 октября 1922 г.

В.И. Ленин на заседании пленума ЦК
РКП (б).
5 октября 1922 г.

В.И. Ленин выступает на заседании
III конгресса Коминтерна. 1921 г.

В.И. Ленин произносит речь на заседании
III конгресса Коминтерна.
Конец июня – начало июля 1921 г.
Кадры киносъемки

В.И. Ленин и
И.В. Сталин
в Горках.
Август – начало
сентября 1922 г.

В.И. Ленин и
Л.Б. Каменев в Горках.
13 сентября 1922 г.

В.И. Ленин и
Н.К. Крупская
в Горках.
Начало августа 1922 г.

В.И. Ленин
на прогулке в Горках.
Начало августа 1922 г.

Н.С. Аллилуева,
секретарь В.И. Ленина.
Начало 1920-х гг.

В.И. Ленин в группе
работников секретариата
СНК РСФСР.
Октябрь 1918 г.
Фрагмент.
Слева от В.И. Ленина –
Л.А. Фотиева, левее и сзади
ее – М.И. Гляссер (в пенсне),
правее и выше Гляссер –
М.В. Володичева

Прихожая в квартире
В.И. Ленина
в Кремле.
Телефон
на письменном столе
находится рядом
с дверью в комнату
В.И. Ленина

Комната В.И. Ленина
в кремлевской
квартире, в которой
он диктовал свои
последние письма,
записки и статьи

Л.Б. Каменев. 1923 г.

И.В. Сталин. 1922 г.

Г.Е. Зиновьев. Начало 1920-х гг.

Л.Д. Троцкий. Начало 1920-х гг.

В.И. Ленин и Г.Л. Пятаков в Горках.
Начало августа – 24 сентября 1922 г.

Н.И. Бухарин. 5 мая 1922 г.

В советской би оцень предприимчив
и в своем политическом строе.
Мне хочется поделиться с Вами
и считать наиболее важными.
вашу голову и ставлю уша:

Я советова би очень прекратит
нам в жизни политическим строе.
Или хочется поделаться с Вами
и считать наиболее важными.
Я ставлю голову и ставлю удел

СКОЛЕННИКОВ А.С. 20 Из республиканской
КОНТРАБАНДНОМУ МАСШТАБА
СОДЕРЖАНИЕ ПО БИ УДАЛЕННОСТИ
1/4 НА КТО НЕ БИ ДАВАЛИ ВОЗ
ЛЕ ТАКОЕ РАС СЛУЖАЮЩИМ, КО
ЗАТЕМ, ИЛИ В ДАЛЕ
ТЕЛЬНЫЙ КРАИ НАША В РАЙ
ВТОМ ОТНОШЕНИИ ЧТО УСТАНАВЛИ
ИЗВЕСТНЫХ УС ДАВАЮТ ЭТОЙ
ЧТО КАС РАЙ.
ЧЛЕНОВ Ц.К.,
ВОРАТАТА К.В.
РАТА, В ДАН
СКОЕ Ц.К. И
СУДЕБ ПАРТА
ПОНАЧАЕТСЯ, ЧТО 20-1

Такая ресурсная оптимизация и облегчения бы для деревни, которая, по моему мнению, в ближайшие годы партии, было бы такой

23.XI.22 г.
Зависимо «Б.

Письмо к с'езду

Я советовал бы очень предостеречь на
этом съезде ряд приемов в наших полюб-
ленных странах.

Мне хотелось поделиться с Вами тем же сообщением, которое я слышал наиболее ясно.

В первую голову в сравню двенадцатое
число тысяч Ч.К. до нескольких десятков тыся-
даже до сотни. Мне думается, что величина вы-
траслившую Конингсмену грядущим быть больше
относится на агулаз, или бы те же самые события
не было бы вполне благоприятны для нас (а
на это мы рассчитываем по большому), — если бы
мы не предприняли такой реорганизации.

Значит, в будущем году, когда вышестоящие

Затем следует предложить вниманию
Суда зачитать законодательный проект на
известных условиях решениям Империала,
при взятии отношения каструму тов.
Троцкому.

[illegible]

Левин

...а, да и в
... К.К. и
... судья
... думается, что 50-100 человек К.К. наша партия вправе
... получить от него без чрез-
... требовать от рабочего класса и ... прочность нашей
... напряжении его сил.
... среди рабочих ...

Такая распрямленная позиция, по мнению
Шарта, облегчала бы для нее борьбу с врагами
дворца, который, по моему мнению, может и должно сильно осла-
биться в ближайшие годы. Это думается, что устойчивость власти
партии, благо для такой мере, ввиду, что он в тисках вра-
гов.

23.XI.22 г.
Завсечко д.б.

Опубликовано в "Правде".
25.1.33 г. в № 16.

КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ РАБКРИН / предложение 12-му Съезду партии

Несомненно, что Рабкрин представлял
ноость и что трудность эта до сих пор не
товарища, которые решают ее, отрицая полн
на, неправн. Но я не отрицаю в то же вре
госаппарате и его улучшения представлял
не решенным и в то же время чрезвычайн

Наш госаппарат, за исключением Нар
степени представляет из себя перекато
пени подвергнутого сколько-нибудь сер
ли хо слегка подиравен сверху, а в осталь
мим типичным старым из нашего старо
ла поискать способ действительн
а кажется, за опытом

Как Н.А. сложился в группу строго централизованную и условия, соответствующие
ративную, но работа этой группы не поставлена и условия, соответствующие
его авторитету. Этому помогло доминирующее мнение на каждом заседании
Н.А.К., обязавшие присутствовать в известном числе на заседаниях
Политбюро, должны следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог доминировать
но", должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог доминировать
и им следует вопрос, проверить документы и вообще добиться безусловной

нам следует, по моему мнению, реорганизовать Рабкрин. Я предлагаю
партийному Съезду принять следующие меры: 1) расширить
основания на своеобразном расширении нашей
обсто

Пленум Ц.К. нашей партии уже обнаружил
затягивать в своего рода высшую партийную комис
зия, со в среднем не чаще раза в два месяца, а текущ
лагаем Ц.К., идет, как известно, наше Политбюро, наше

и т.д. Я думаю, что нам следует док
вать с историч. м. таким образом, вступили, и окончате
дет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог доминировать им
следует вопрос, проверить документы и вообще добиться безусловной

Правда Моск 10 КАСАТКИН 23 янв
1933

Нашим Рабкрин совместно с при
лукном ЦКК должен будет устанавли
вать распределение работ по часам
с точки зрения обязанности и присут
ствовать на Политбюро и проверять
все документы, которые там как вли
вадут на работу, контроль, либо с
точкой зрения

Наш ЦКК сложился в группу строго
централизованную и условия, соответствующие
его авторитету. Этому помогло доминирующее мнение на каждом заседании
Н.А.К., обязавшие присутствовать в известном числе на заседаниях
Политбюро, должны следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог доминировать
но", должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог доминировать
и им следует вопрос, проверить документы и вообще добиться безусловной

нам следует, по моему мнению, реорганизовать Рабкрин. Я предлагаю
партийному Съезду принять следующие меры: 1) расширить
основания на своеобразном расширении нашей
обсто

Листы машинописного текста статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин»,
приготовленные В.И. Ленину для чтения, а также лист гранок, в тексте которых
отсутствует указание на опасность, исходящую от генерального секретаря
ЦК РКП (б).

Фрагмент текста этой статьи, обнаруженный в 1949 г. при разборе копий,
на котором имеется рукописная вставка с указанием на эту опасность.
Автор вставки, время и обстоятельства ее внесения неизвестны

СТРОГО СЕКРЕТНО.-
Лично.-

Уважаемый тов. Троцкий,

Я просил Ся Вло очень взять на себя заботу грузинского дела на Ц.К. партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться ни на безпристрастие. Даже совсем напротив. Если Ся Вы согласились взять на себя его заботу, то я-бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то вероятно мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом: Ленин.

Записано М.В.

5-го марта 23 г..

В е р н о : *Ленин*

Письмо П.Г. Мдивани,
Ф.Е. Махарадзе и др.

Уважаемые товарищи,

Сей душой пишу на Вашем языке. Несмотря на грубость Ульяновского и остальных Сталина и Дзержинского. Готовлю для Вас записку в ручь.

С уважением: Л е н и н .

5-го марта 23 г..

Письмо Л.Д. Троцкому

СТРОГО СЕКРЕТНО.-
Лично.-

Товарищу СТАЛИНУ.

Копия гг.Ленину и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену и телесому и обругать ее.

Вы и впрямую согласны забыть сказанное, но тем не менее

Вы и впрямую согласны забыть сказанное, но тем не менее

СТРОГО СЕКРЕТНО.-
Лично.-

Уважаемый тов. Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену и телесому и обругать ее. Хотя

Вы и впрямую согласны забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нас же Зиновьеву и Ленину. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а ничего и говорить, что сделано против меня и считая сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас забыть, согласны ли Вы забыть сказанное назад и извиниться или предпочтете порвать между нами отношения.

С уважением: Л е н и н .

Записано М.В.

5-го марта 23 г.

В е р н о :

Два варианта письма
В.И. Сталину

Число	Место по порядку	Кому бумага адресована и краткое ее содержание	ПРИМЕЧАНИЕ
5. IX	15.	М. В. Володичев около 12-ти. просит записать два письма: одно - Троцкому, другое - С. Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сопроводить ему ответ так же около 12-ти. Второе пока просит отложить, сказав, что содержит у него что-то такое важное. Третье неотрешено.	
6. IX		Спросил от от писки. (Он был гражданином). Второе (С. Ста лин передаст руку в руку и вот. Продикто вал. Прибал ский мэр. Н. и, 3-й. 4-й 2-й. 1-й. 3-й и - 3-й. 4-й и 2-й. 3-й и Н. И. 2-й 3-й.	Расшифровка последних строк письма полученный В. И. Лениным. (С. Сталин 1923 г.) 38

Надежда Константиновна Красная
этого письма Сталину не писала.
Вот, что и это делало в течение
6-го (марта 1923 года). На 7-го
я сказала, что я делала неопре-
деленные распоряжения Владимира Ильича.
Она перешла с Каменевым
и писала это письмо Сталину
и Каменеву, а затем и Знаменскому,
когда он вернулся из Копенгагена. Он
вел от Надежды Сталину эти
письма только-только после полу-
чения им письма Владимира Ильича
(это письмо писал им же Сталину
и мне он продиктовал по телефону
Владимиру Ильичу).
Письмо Владимиру Ильичу еще не
передано, в. к. 6-е забыто.

Н. Володичева
Расшифровала 14. VII. 1956 г.
- и. к.

Лист «Дневника» дежурных секретарей с фрагментом текста, записанного М.В. Володичевой стенографическими знаками, и рукопись М.В. Володичевой с расшифровкой ее.
В Полном собрании сочинений В.И. Ленина записка датирована неточно — 14 июля 1956 г.

[illegible]

444

(Конкретно-исторические проблемы). Вып. 4, ч. 1. М., 1996. С. 110—120.

[4] *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С. 257—266; Т. 9. С. 118—120; Т. 10. С. 172—177, 265; Т. 12. С. 69—70, и др.; Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 176—179; 1991. № 3. С. 209—215; № 4. С. 171—172; № 5. С. 158. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 507. Л. 2—23.

[5] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 246—257; Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1950. С. 84—95; *Барбюс А.* Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1936. С. 143—176; *Ярославский Ем.* Владимир Ильич Ленин. М., 1942. С. 174; *Он же* . Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921 — 1925 годы). Стенограмма лекций, прочитанных в 1941—1943 уч. гг. М., 1944. С. 65—139.

[6] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 158, 160—161.

[7] Там же. № 5. С. 166; № 9. С. 169—181, 183—185; *Троцкий Л.* Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б). (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии) // Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов (Репринтное воспроизведение книги, опубликованной в Берлине в 1932 г.). М., 1990. С. 69—89 и др.

[8] *Истмен М.* После смерти Ленина. Лондон, 1925.

[9] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. (Репринтное воспроизведение книги, опубликованной в Берлине в 1930 г.). М., 1990. С. 195—261; *Он же* . Сталин. М., 1995. С. 340—349, 361—363; *Он же* . Сверх-Борджиа в Кремле // Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 65—72, 76—78; *Он же* . Почему Сталин победил оппозицию? // Там же. С. 134—135; *Он же* . Завещание Ленина // Там же. С. 265—291; *Он же* . Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.

[10] *Васецкий Н.* На разных полюсах // Аргументы и факты. 1989. № 34.

[11] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 134, 273—274, 281—282 и др.

[12] *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991.

[13] *Дмитриевский С.* Сталин. М., 1990.

[14] *Белади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1989. С. 81—119; *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991. М., 2000. С. 185—188; *Грей Я.* Сталин. Личность в истории // Грей Я. Сталин. Личность в истории; *Троцкий Л.* Сталин. М., 1995. С. 69—98; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 137—149; *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988; *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992. С. 126—132, 286—289; *Лекович Д.* Ленин и сталинизм // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 64—75; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1991. С. 232—254, 262—265; *Фишер Л.* Жизнь Ленина: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 435—485.

[15] *Такер Р.* Указ. соч. С. 185, 253.

[16] Там же. С. 247.

[17] *Барсуков Н.А.* XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история. 1996. № 6. С. 173, 174; *Пихоя Р.Г.* О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945—1958 // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 11 — 13; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания: В 4 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 180—186.

[18] Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 130—131.

[19] См.: *Бурджалов Э.Н.* Доклад «О состоянии советской исторической науки и работе журнала "Вопросы истории"» (на встрече с читателями 19—20 июня 1956 г. в ленинградском отделении Института истории АН СССР) // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 113; Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. М., 1964.

[20] *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 136.

[21] См.: *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 419.

[22] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 4, кн. 1. С. 109—334; История социалистической экономики СССР. 1921—1925 гг. М., 1976; История

СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. VIII. С. 122—169; КПСС во главе культурной революции в СССР. М, 1972; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969; Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М, 1969; От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР. 1917-1937 гг. М., 1981. Т. 1.

[23] О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // История СССР. 1989. № 4. С. 91.

[24] *Васецкий Н.* На разных полюсах. С. 4.

[25] *Борисов Ю.С.* Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания. М, 1990; *Он же* . Человек и символ // Комсомольская правда. 1988. 2 апр.; *Васецкий Н.* Об окружении Сталина // Аргументы и факты. 1989. № 37; *Волкогонов Д.* Феномен Сталина // Литературная газета. 1987. 9 дек.; *Горелов О.И.* Партиец ленинской школы // Аргументы и факты. 1987. № 3; *Журавлев В.В., Ненароков А.П.* «Грузинский инцидент» // Правда. 1988. 12 авг.; *Они же* . В.И. Ленин: «Вместе и наравне...» // Правда. 1988.. 8 июля; *Лиходеев Л.* Поле брани, на котором не было раненых // Дружба народов. 1988. № 9. С. 170—171; № 11. С. 23—24; *Морозова Н.* Мой любимый сорок пятый (Заметки читателя) // Знамя. № 4. С. 148—160; *Наумов В.П.* «Ленинское завещание» // Правда. 1988. 25 марта; *Разумович Н.* Как родилась сталинская кадровая политика // Дружба народов. 1989. № 4. С. 196—200; *Шелестов Д.* Григорий Зиновьев: жизнь и борьба // Неделя. 1988. № 29; *Он же* . Премьер-министр страны Советов: штрихи к биографии Алексея Рыкова // Собеседник. 1988. № 33; *Юськин А.* Творцы революции. Действующие лица // Огонек. 1989. № 45. С. 2.

[26] *Рыбаков А.* Дети Арбата // Дружба народов. 1987. № 4. С. 113; *Шатров М.* Дальше... дальше... дальше!: Дискуссия вокруг одной пьесы. М., 1989; и др.

[27] Историки и писатели о литературе и истории // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 14.

[28] *Данилов В.П.* 20-е годы: НЭП и борьба альтернатив. Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 8; Круглый стол: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 3—56.

[29] Историки и писатели о литературе и истории. С. 9.

[30] Там же. С. 13—14; Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы. С. 27.

[31] Историки и писатели о литературе и истории. С. 19, 20.

[32] *Волобуев О., Кулешов С.* Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989. С. 24—73; *Донков И.П.* Лев Борисович Каменев // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 95—99; *Журавлев В., Ильин А., Ненароков А.* В.И. Ленин: «Вместе и наравне...» // Урок дает история. М., 1989. С. 107—137; *Зевелев А. И.* Истоки сталинизма. Лекция к курсу «Политическая история XX века». М., 1990; *Зотов В.* Национальный вопрос: деформации прошлого // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. с 258—263; *Кулешов С.В.* Избегать односторонних подходов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 135—139; *Мельниченко В.Е.* Был ли Х.Г. Раковский конфедералистом? // Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 112—124; *Наумов В. П.* Ленинское завещание // Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. М., 1989. С. 88—121; *Наумов В., Курин Л.* Ленинское завещание // Урок дает история. М., 1989. С. 7—56; Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С. 150—163, 164—174, 180—186; О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым. С. 89—108; *Писаренко Э.Е.* Александр Дмитриевич Цюрупа // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 142—145; *Симонов Н.С.* Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 42—55; *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 101 — 122; *Штейнбергер Н.* Ленин, Сталин: свидетельства очевидцев // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 175—176.

[33] *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. Кн. 1, 2. М., 1989. О книге Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина» // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 51—61; *Поляков Ю.А.* 20-е годы:

настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. 1989. С. 25.

[34] *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 108, 110–118.

[35] *Плимак Е.* Политическое завещание В.И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1989.

[36] *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 2; *Он же* . Сталин. Политический портрет. М., 1991. Кн. 1; *Он же* . Троцкий. Политический портрет. М., 1992. Кн. 2; *Герасименко А.* Загадки маленькой записки // Молодая гвардия. 1992. № 1—2. С. 234—241; *Колесов Д.В.* Борьба после победы. М., 2000; *Он же* . Ленин: личность и судьба. М., 1999; *Он же* . Ленин: учение и деятельность. М., 2000; *Он же* . И.В. Сталин: загадки личности. М., 2000; *Павлова Л.В.* Механизм политической власти в СССР в 20 —30-е гг. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66; *Радзинский Э.* Сталин. М., 1995; *Фельштинский Ю.* Мой ответ А.И. Зевелеву // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 171 — 174; *Он же* . От составителя // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1, М., 1990. С. 7–8.

[37] *Антонов-Овсеенко А.В.* Портрет тирана. М., 1994; *Он же* . Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1, 2; *Буранов Ю.* «Дело» Макса Истмена. С. 73—82; *Он же* . К истории ленинского «политического завещания» // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 47—56; *Кулешов С.* «Он законов ищет в беззаконьи» // Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. Кн. I, II; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М., 1994; *Лекович Д.* Ленин и сталинизм // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 64—67; *Надточеев В.* «Триумвират» или «семерка»? Из истории внутрипартийной борьбы в 1924—1925 годах // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 61—72; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919—1924 гг. Новосибирск, 1992; *Роговин В.* Была ли альтернатива?: «Троцкизм»: Взгляд через годы. М., 1992.

[38] *Емельянов Ю.В.* Сталин: Путь к власти: М., 2002. С. 332—365; *Карпов В.* Генералиссимус. Кн. первая. Калининград, 2002. С. 40—51; *Косолапов Р.И.* Сталин и Ленин. М., 2000. С. 6, 7, 23, 25, 27–28, 32, 35–44; *Курашвили Б.П.* Историческая логика сталинизма. М., 1996. С. 58—59, 245—246, 251, 252; *Пыхалов И.* Время Сталина: Факты против мифов. Изд. 2-е. М., 2001. С. 155—156.

[39] *Волкогонов Д.А.* Сталин... Кн. 1. С. 149–154.

[40] *Он же* . Ленин... Кн. 2. С. 12–106.

[41] Там же. С. 337.

[42] *Волкогонов Д.А.* Троцкий... С. 7—49.

[43] *Антонов-Овсеенко А.* Портрет тирана. С. 8.

[44] Там же. С. 7–8.

[45] *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 104.

[46] *Волков Ф.Д.* Указ. соч. С. 50—66.

[47] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 3.

[48] *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 3–6, 158–246.

[49] *Буранов Ю.А.* «Дело» Макса Истмана. С. 73 — 82; *Он же* . К истории ленинского «политического завещания». С. 47—56.

[50] *Радзинский Э.С.* Сталин. М, 1997. С. 189–231.

[51] *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999.

[52] *Яковлев Н.Н.* Сталин: путь наверх. М., 2000.

[53] Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 4-е. М., 1970. С. 650 — 687; *Дмитренко С.Л.* Ленинский принцип коллективности руководства в деятельности КПСС (1924—1927 гг.). М., 1979. С. 19–31; История социалистической экономики СССР. Т. II. 1921–1925 гг. М., 1976; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. VIII. С. 122—169; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 4, кн. 1. С. 109—334;

КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1972; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969; Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление. М., 1969; *Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Я.В.* Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М., 1982; От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. М., 1981. Т. 1; *Хромов С.С.* Ф.Э. Дзержинский во главе металлопромышленности. М., 1966; *Хромов С.С.* Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте, 1921—1926. М., 1977; и др.

[54] *Герасименко А.* Загадки маленькой записки // Молодая гвардия. 1992. № 1—2. С. 234—241; *Журавлев В., Ильин А., Ненароков А.* Указ. соч. С. 116—135; *Зотов В.* Указ. соч. С. 260—263; *Наумов В.П.* Ленинское завещание // Страницы истории советского общества. С. 112—116; *Ненароков А.Н.* «Грузинский инцидент» // Правда. 1988. 12 авг.; *Олех Г.Л.* Указ. соч. С. 79—103; *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 54—55; *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 119; *Тадевосян Э.В.* Советский федерализм: теория, история, современность // История СССР. 1991. № 6. С. 53—54; *Щетинов Ю.А.* Режим личной власти Сталина: к истории формирования // Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989. С. 43—45; и др.

[55] *Горинов М.М., Цакунов С.В.* 20-е годы: становление и развитие новой экономической политики // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 118—140.

[56] См.: *Волков Ф.Д.* Указ. соч. С. 52—56; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 7—126, 323—362; *Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С. 348—365; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 9—51; *Наумов В.П.* Ленинское завещание // Страницы истории советского общества... С. 88—121; *Наумов В., Курин Л.* Ленинское завещание // Уроки дает история. С. 7—56; *Роговин В.* Была ли альтернатива?.. С. 34—164; и др.

[57] Владимир Ильич Ленин. Биография. С. 653.

[58] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 284.

[59] *Волкогонов Д.* Сталин... Кн. 1. С. 10, 111, 145.

[60] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 277—278; Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.

[61] *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 94—98; *Волков Ф.Д.* Указ. соч. С. 51—56; *Волкогонов Д.* Ленин... Кн. 2. С. 33—41, 45, 48; *Он же .* Сталин... Кн. 1. С. 132—144, 155; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 9—34; *Лекович Д.* Указ. соч. С. 65—66; *Роговин В.* Была ли альтернатива?.. С. 36—37, 45—50, 57—64, 69—78; *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 106—109, 114, 119; *Такер Р.* Указ. соч. С. 223—254; и др.

[62] *Валентинов Н.В.* Указ. соч. С. 9—10.

[63] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 56.

[64] *Кулешов С.В.* Избегать односторонних подходов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 138; *Он же .* «Он законов ищет в беззаконьи» // Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 580—581.

[65] *Радзинский Э.С.* Сталин. С. 189, 190, 204.

[66] *Яковлев Н.Н.* Сталин: путь наверх. М., 2000. С. 145—169.

[67] См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 61—62; *Он же .* Сталин... Кн. 1. С. 118—119, 121—123; *Шелестов Д.* Григорий Зиновьев... С. 11; и др.

[68] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 215—216.

[69] *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 108.

[70] *Валентинов Н.В.* Указ. соч. С. 18—19.

[71] *Волкогонов Д.* Сталин... Кн. 1. С. 167—168.

[72] *Он же .* Ленин... Кн. 2. С. 24.

[73] *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 168—170, 182 и др.; *Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С. 362.

[74] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Изд. 2-е, исп. и доп. М., 1947. С. 88; *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 431.

- [75] *Ярославский Ем.* Биография Ленина. М., 1942. С. 204.
- [76] *Он же* . Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 годы). Стенограмма лекций, прочитанных в 1941—1943 уч. гг. М., 1944. С. 70—71.
- [77] *Антонов-Овсеенко А.В.* Портрет тирана. С. 23; *Лиходеев Л.* Указ. соч. № 9. С. 171; № 11. С. 27, 28.
- [78] *Волкогонов Д.* Феномен Сталина. С. 13; *Он же* . Сталин... Кн. 1. С. 132, 136; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 9; *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства... С. 106.
- [79] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства... С. 106.
- [80] *Троцкий Л.* Сталин. С. 340—341.
- [81] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.
- [82] *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 84, 99; *Он же* . Портрет тирана. С. 24; *Волкогонов Д.А.* Сталин... Кн. 1. С. 132, 136; *Он же* . Феномен Сталина. С. 13.
- [83] *Такер Р.* Указ. соч. С. 224, 274—275.
- [84] *Штейнбергер Н.* Указ. соч. С. 175.
- [85] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 169.
- [86] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 20.
- [87] *Такер Р.* Указ. соч. С. 224, 274—275, 279—283.
- [88] *Волкогонов Д.* Сталин... Кн. 1. С. 131 — 135; *Волков Ф.Д.* Указ. соч. С. 50 — 51.
- [89] *Волкогонов Д.* Сталин... Кн. 1. С. 109, 157.
- [90] Там же. С. 10, 27.
- [91] *Волкогонов Д.* Феномен Сталина. С. 13.
- [92] *Он же* . Сталин... Кн. 1. С. 132, 136.
- [93] *Штейнбергер Н.* Указ. соч. С. 175—176.
- [94] *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время. // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 99.
- [95] *Он же* . Портрет тирана. С. 23—24.
- [96] Он же. Сталин и его время. № 1. С. 93; № 2. С. 84; Он же. Портрет тирана. С. 23, 25, 26.
- [97] *Волкогонов Д.* Сталин... Кн. 1. С. 133—134; *Васецкий Н.* Об окружении Сталина // Аргументы и факты. 1989. № 37; *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства... С. 106—108.
- [98] *Волкогонов Д.* Сталин... Кн. 1. С. 157.
- [99] *Лекович Д.* Указ. соч. С. 65.
- [100] *Радзинский Э.С.* Указ. соч. С. 189—190.
- [101] Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.
- [102] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 277, 279.
- [103] *Такер Р.* Указ. соч. С. 202, 224—225, 248, 259.
- [104] Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 130—131.
- [105] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 9. С. 118—119.
- [106] *Старцев В.И.* Указ. соч. М, 1986. С. 104, 106.
- [107] Там же. С. 107—108, 119.
- [108] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 23—25, 33, 34, 35—37, 40.
- [109] *Он же* . Сталин... Кн. 1. С. 139.
- [110] *Он же* . Феномен Сталина. С. 13.
- [111] *Он же* . Сталин... Кн. 1. С. 144.
- [112] Там же. С. 155.
- [113] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 23.

- [114] Там же. С. 10.
- [115] Там же. С. 57.
- [116] Там же. С. 19–20.
- [117] Там же. С. 12.
- [118] Там же. С. 254–260.
- [119] Антонов-Овсеев А.В. Сталин и его время. № 2. С. 85; *Он же*. Портрет тирана. С. 26.
- [120] *Он же*. Сталин и его время. № 1. С. 97.
- [121] Антонов-Овсеев А. Портрет тирана. С. 24.
- [122] Такер Р. Указ. соч. С. 233–240; Журавлев В., Ильин А., Ненароков А. Указ. соч. С. 112–134; Зотов В. Национальный вопрос: деформации прошлого. С. 260–263; Ненароков А.Н. «Грузинский инцидент» // Правда. 1988. 12 авг.; Тадевосян Э.В. Указ. соч. С. 50–63; Чешко С. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2. С. 100–101.
- [123] Писаренко Э.Е. Указ. соч. С. 144.
- [124] Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 351–362.
- [125] Такер Р. Указ. соч. С. 277–279.
- [126] Там же. С. 283.
- [127] Там же. С. 203.
- [128] Волкогонов Д. Сталин... Кн. 1. С. 151–152, 158.
- [129] Журавлев В.В., Ненароков А.Н. Указ. соч.
- [130] Лопухин Ю.М. Указ. соч. С. 10–60; Осипов В. Болезнь и смерть В.И. Ленина // Огонек. 1990. № 4. С. 6–8; Петренко Н. Ленин в Горках – болезнь и смерть. Источниковедческие заметки // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. С. 143–187; *Он же*. Ленин в Горках – болезнь и смерть. Источниковедческие заметки // Лит. газета. 1990. 12 сент.; Флеров В. Болезнь и смерть Ленина // Независимая газета. 1991. 22 января.
- [131] Волкогонов Д.А. Сталин... Кн. 1. С. 141; Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 23; Старцев В.И. Указ. соч. С. 106, 117, 119; Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 53; Троцкий Л. Завещание Ленина. С. 279–281, 283; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 220–223; и др.
- [132] Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 19.
- [133] Там же. С. 23.
- [134] Такер Р. Указ. соч. С. 268.
- [135] Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 24.
- [136] Петренко Н. Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 158–159.
- [137] Волкогонов Д.А. Сталин... Кн. 1. С. 141 – 142; Rogovin В. Указ. соч. С. 74–75; Буранов Ю.А. К истории ленинского «политического завещания»... С. 55; и др.
- [138] Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 26, 32–34.
- [139] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.
- [140] См.: Троцкий Л. Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б)... С. 88; *Он же*. Завещание Ленина. С. 283.
- [141] Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 27.
- [142] Такер Р. Указ. соч. С. 252.
- [143] Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.
- [144] Там же.
- [145] Троцкий Л. Завещание Ленина. С. 291.
- [146] Петровский Б.В. Ранение и болезнь Ленина // Правда. 1990. 26 нояб.
- [147] Лопухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина: Правда и мифы. М., 1997. С. 9–59.
- [148] Фишер Л. Указ. соч. Т. 2. С. 491–493.
- [149] Радзинский Э.С. Указ. соч. С. 229.
- [150] Горелов О. И. Партиец ленинской школы. С. 4–5.
- [151] Борисов Ю.С. Указ. соч. С. 2.

- [152] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 335.
- [153] Он же. Сталин Кн. 1. С. 156.
- [154] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 401; Т. 45. С. 220–223, 311–313, 520–521.
- [155] *Грей Я.* Указ. соч. С. 81–82; *Медведев Р.* Указ. соч. С. 64–65; *Такер Р.* Указ. соч. С. 262–263.
- [156] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 268.
- [157] Архив Троцкого. М., 1990. Т. 1. С. 56.
- [158] КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 119; К 90-летию со дня рождения И.В. Сталина // Правда. 1969. 21 дек.; К 100-летию со дня рождения И.В. Сталина // Правда. 1979. 21 дек.
- [159] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII. С. 169; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. С. 331–332.
- [160] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания»... С. 51–52; *Наумов В.П.* «Ленинское завещание» // Правда. 1988. 26 февр.; *Наумов В., Курин Л.* Указ. соч. С. 13–14; *Роговин В.* Была ли альтернатива?.. С. 50–51; *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 113–114; и др.
- [161] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания»... С. 51–52; Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157; *Васецкий Н.* Сталин и другие: борьба за лидерство в партии // АиФ. 1988. № 26. С. 5; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 336; *Он же.* Сталин... Кн. 1. С. 153; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 22–23; *Наумов В.П.* Ленинское завещание // Страницы истории советского общества... С. 92–93; *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 113–114.
- [162] *Васецкий Н.* Сталин и другие: борьба за лидерство в партии. С. 5; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 336; *Он же.* Сталин... Кн. 1. С. 178–179; *Донков И.П.* Указ. соч. С. 98, 99; *Шелестов Д.* Григорий Зиновьев: жизнь и борьба. С. 11.
- [163] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 59–60; *Bajanow B.* Stalin: Der rote Diktator. В., S. a. S. 32.
- [164] *Такер Р.* Сталин... С. 264–265, 327–329, 388–389.
- [165] *Веселина М.С.* О дальнейшем собирании документального наследия В.И. Ленина // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 19–29; *Овсянников А.А.* Источниковедческое изучение произведений В.И. Ленина (октябрь 1917–1923 гг.) // История СССР. 1984. № 6. С. 71–79; *Приймак Н.И.* Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1981.
- [166] История СССР. 1989. № 6. С. 72.
- [167] *Горбунов В.В.* О методике установления ленинского авторства // История СССР. 1969. № 2. С. 124–132.
- [168] Там же. С. 124.
- [169] Там же. С. 125–126.
- [170] *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 113.
- [171] См.: *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания»... С. 47–52; Владимир Ильич Ленин. Биография. С. 650–651; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 140, 149, 153; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 24–25; *Радзинский Э.С.* Указ. соч. С. 215.
- [172] *Воронкова С.В.* Указ. соч. С. 40–42.
- [173] История СССР. 1989. № 6. С. 59.
- [174] Там же. С. 89.
- [175] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания»... С. 47, 48–52, 55–56.
- [176] Там же. С. 48–51.
- [177] Там же. С. 53–54.
- [178] *Сахаров В.А.* Исторические легенды в политической борьбе. С. 649–669; *Он же.* «Политическое завещание» В.И. Ленина: невероятное — очевидное. Тезисы выступления на научно-практической конференции «Ленин. Россия. Современность». Январь 1997

//Диалог. 1997. № 4. С. 71—73; *Он же*. Подлог завещания вождя // Молния. 1997. Март. № 4 (134). С. 4—5.

[179] См.: *Веселина М.С.* О дальнейшем собирании документального наследия В.И. Ленина // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 19—29; *Приймак Н.И.* Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1981.

[180] См.: *Овсянников А.А.* Источниковедческое изучение произведений В.И. Ленина (октябрь 1917-1923 гг.) // История СССР. 1984. № 4. С. 71-79.

[181] Можно предположить, что продиктованные Лениным тексты хранились в папке, в которой теперь хранится подлинник «Дневника дежурных секретарей». Папка имеет заголовок «ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА. Строго и абсолютно секретно». На этом заголовке есть правка: чернилами поверх напечатанного слова «Записки» рукой написано — «Дневник». В правой нижней части папки сохраняется нарушенная сургучная гербовая печать (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12). Вряд ли рядовой делопроизводственный документ — дневниковые записи секретарей — хранились в папке, опечатанной гербовой печатью. Это противоречие снимается, если допустить, что именно в этой папке, озаглавленной «Записки» или «Дневник», первоначально хранились тексты, надиктованные Лениным в период с 22 декабря 1922 г. по 10 марта 1923 г., которые он сам называл «дневником» или «нечто вроде дневника».

[182] Среди них: (1) «Опись всех бумаг, поступающих в Архив т. Ленина», № 2 (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 8); (2) «Журнал входящих бумаг в Архив тов. Ленина», № 3. 20 октября — 18 декабря 1922 г. (Там же. Д. 9); (3) «Журнал № 4 для регистрации документов Архива В.И. Ленина». 19 декабря 1922 г. — 16 июня 1923 г. (Там же. Д. 10); (4) «Регистрационный журнал Архива В.И. Ленина». 9 января — 9 июля 1923 г. (Там же. Д. 11).

[183] РГАСПИ.Ф.5. Оп. 4. Д. 1.

[184] Там же. Д. 11.

[185] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 455—486.

[186] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства... С. 113—114; *Воронкова С.В.* Некоторые проблемы источниковедения отечественной истории XIX-XX веков // История СССР. 1989. № 6. С. 41.

[187] См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 140, 149, 153; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние... С. 24—25.

[188] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12.

[189] Отметим, что почерк Володичевой в записях после 18 декабря несколько отличается от более ранних. Бросается в глаза изменение частоты использования ею различного написания отдельных букв. Наиболее заметно это в отношении прописной буквы «д», которая используется ею в трех различных начертаниях. Вопрос о почерке — для специалистов, мы лишь хотим привлечь к нему внимание.

[190] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23544 Л. 69.

[191] Там же. Л. 24.

[192] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.

[193] См.: *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 21.

[194] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.

[195] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 22 об.

[196] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346—351.

[197] Там же. С. 474.

[198] Там же. С. 352—355.

[199] Начиная с этого дня записи исполнены на листах бумаги, заметно отличающиеся цветом (серые вместо белых) и качеством от предыдущих.

[200] Там же. С. 476.

[201] Там же; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 25 об.

[202] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12.

[203] Там же. Л. 33—33 об., 35—35 об.

- [204] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 483—485.
- [205] Там же. С. 484.
- [206] Там же. Т. 54. С. 329—330.
- [207] Там же. Т. 45. С. 608.
- [208] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25737. Л. 1; Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.
- [209] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 40.
- [210] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474—479, 482—484, 486; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 49—50; Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 100, 101, 108—109.
- [211] РГАСПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 1—2.
- [212] Там же. Д. 397. Л. 1.
- [213] *Троцкий Л.* Дневники и письма. М., 1994. С. 25, 94—96; *Он же* . Завещание Ленина // Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 265—291; *Он же* . Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.; *Он же* . Почему Сталин победил оппозицию // Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 134—135; *Он же* . Сверх-Борджиа в Кремле // Там же. С. 65—72, 76—78; *Он же* . Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б). (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии) // Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин, 1932.
- [214] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 212.
- [215] Известия ЦК КПСС. 1991. № 1—6.
- [216] Там же. 1989. № 12. С. 195—199.
- [217] РГАСПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 399. Л. 1—4.
- [218] *Фотиева Л.А.* Из воспоминаний о В.И. Ленине (декабрь 1922 г. — март 1923 г.) // Воспоминания о В.И. Ленине. Ч. 3. М., 1961; *Она же* . Неиссякаемая энергия (конец мая — ноябрь 1922 года) // Там же; *Она же* . Приемы и методы государственной работы В.И. Ленина // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 4. М., 1969; Ленин. У руля страны Советов: По воспоминаниям современников и документам: В 2 т. Т. 2. 1920—1924. М., 1980. Также см.: *Наумов В., Курин Л.* Ленинское завещание // Урок дает история. М., 1989. С. 35—36.
- [219] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592—593.
- [220] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169—175.
- [221] Там же. С. 187—191; № 12. С. 195.
- [222] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 251—372.
- [223] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 42 — 43.
- [224] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 148, 150—151, 155—156.
- [225] Там же. Т. 43. С. 371.
- [226] Там же. Т. 42. С. 333.
- [227] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 174; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 195—199.
- [228] См.: Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. Стенограф. отчет. М., 1961. С. 270.
- [229] *Троцкий Л.Д.* Основные задачи и трудности хозяйственного строительства. Из доклада на заседании Московского комитета РКП(б). 6 января 1920 г. // К истории русской революции. М., 1990. С. 160—161.
- [230] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 174; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 198—199; Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 793—794.
- [231] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 199.
- [232] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 21. Л. 9—12.
- [233] См.: *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 172, 186.
- [234] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 128—129.

- [235] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 17. Л. 41.
- [236] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 75.
- [237] Там же. С. 77–78.
- [238] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. М., 1990. Т. 1. С. 16.
- [239] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 151, 153–155, 351–352, 354, 357.
- [240] Там же. С. 266.
- [241] Там же. С. 357.
- [242] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 88. Л. 1, 2, 5.
- [243] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222.
- [244] Там же. Т. 42. С. 157; Т. 45. С. 51–52.
- [245] Там же. Т. 43. С. 260–263.
- [246] Там же. Т. 42. С. 155–156.
- [247] Там же. Т. 43. С. 263.
- [248] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 21. Л. 9, 10.
- [249] Там же. Л. 12.
- [250] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 88. Л. 1, 2, 5. См. также: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. С. 16–17.
- [251] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 179.
- [252] РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 70. Л. 1; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 73, 537–538.
- [253] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 538.
- [254] Там же. Т. 54. С. 131–133.
- [255] Там же. Т. 43. С. 410.
- [256] Там же. Т. 45. С. 152–159.
- [257] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 44–45.
- [258] Там же. Л. 47.
- [259] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 180–181.
- [260] Там же. С. 181–182.
- [261] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2662. Л. 100–104.
- [262] Там же. Д. 1406. Л. 14; Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 72.
- [263] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 13.
- [264] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 307. Л. 3; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 14.
- [265] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 24.
- [266] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 35–38.
- [267] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 57, 511.
- [268] Там же. С. 61.
- [269] Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенограф. отчет. С. 83 — 85, 87, 88, 133, 134.
- [270] Там же. С. 134.
- [271] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 103–104, 113–114, 122.
- [272] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 115–116.
- [273] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 85.
- [274] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 121–122.
- [275] Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенограф. отчет. С. 134.
- [276] Там же. С. 481— 482, 507—509; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 2. М., 1983. С. 481, 501–509; Т. 3. М., 1984. С. 95.
- [277] Не случайно Ленин в это время часто обращался к своей брошюре «Очередные задачи советской власти» и др. работам этого цикла, в которых большое внимание было уделено госкапитализму как такой форме хозяйствования, с помощью которой можно перейти к социалистической экономике. В период гражданской войны он обращался к этим работам эпизодически (см.: Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина.

Ч. 2. М., 1970. С. 374, 380).

[278] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 223—228.

[279] Там же. Т. 36. С. 304.

[280] Там же. Т. 43. С. 228.

[281] Там же. Т. 36. С. 295—307.

[282] Там же. Т. 43. С. 223, 228.

[283] Там же. Т. 44. С. 160—161.

[284] Там же. С. 156-169.

[285] Там же. С. 167, 168.

[286] Там же. С. 158.

[287] «Конечно, если революция наступит в Европе, мы, разумеется, политику изменим... трудно определить продолжительность гражданской войны в других республиках, но когда она кончится победой, мы изменим политику в том смысле, что, может быть, скажем: ничего не брать налогом, а все товарообменом» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 336).

[288] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5191. Л. 1, 2.

[289] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 207—208, 212.

[290] Там же. Т. 45. С. 213.

[291] Там же. Т. 44. С. 197—205, 295.

[292] Там же. С. 197—200.

[293] Там же. Т. 43. С. 360; Т. 44. С. 229.

[294] Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенограф. отчет. С. 128—129.

[295] Дата устанавливается на основании информации о составе участников заседаний Политбюро и обстоятельств обсуждения этого заявления Троцкого, сообщаемых И.В. Сталиным и В.М. Молотовым (См: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 194; Ф. 5. Оп. 2. Д. 275. С. 4; *Сталин И.В.* Соч. Т. 9. С. 75; Т. 10. С. 265; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 206—207).

[296] Архив Троцкого. Т. 1. С. 13—14.

[297] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 209—210.

[298] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 89. Л. 1—3.

[299] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 135.

[300] *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. С. 147—148.

[301] Там же. С. 145.

[302] Антиреволуционность — это не просто недостаточная революционность, это «противореволюционность», следовательно, позиция, граничащая с контрреволюционностью. И это заявление Троцкий без каких-либо оговорок повторяет в 1922 г. Говоря о большевизме, Троцкий метил прежде всего и главным образом в Ленина — в 1922 г., как и в 1917-м.

[303] Там же. С. 115; см. также: *Троцкий Л.* 1905. М., 1922. С. 285.

[304] Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 184; *Троцкий Л.Д.* К вопросу о происхождении легенды о «троцкизме» (Документальная справка) // Сталинская школа фальсификаций. С. 108—109; *Он же*. Сталинцы принимают меры. К исключению Зиновьева, Каменева и др. // Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 207.

[305] Ленин говорил о троцкизме в заключительном слове по докладу «Задачи дня — текущий момент» на VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) 1917 г. (Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков) Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 22).

[306] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 450.

[307] Там же. С. 617.

[308] Там же. С. 130.

[309] Цит. по: *Иванов В.М., Шмелев А.Н.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970. С. 115.

- [310] Там же. С. 138.
- [311] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. М., 1986. Т. 4. С. 510; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34.
- [312] Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 185.
- [313] За 40 лет до НЭПа, анализируя перспективы российской революции, К. Маркс (в письме В. Засулич, март 1881 г.) приходил к аналогичным, в принципе, выводам: политическая власть в руках революционеров, которые в течение длительного времени осуществляют преобразование экономики и всей жизни общества на принципах социализма, используя как социальную базу сельскую общину, а также заимствуя достижения техники, науки у развитых капиталистических стран (*Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. М., 1985—1987. Т. 6. С. 58–80).
- [314] В статье «Заметки публициста» (февраль 1922 г.) Ленин писал: «Нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины... что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих несколько передовых стран. А мы все еще пока одни, и в стране отсталой, в стране более других разоренной». Имеется боеспособная армия, сохраняется способность сообразовывать свои действия с требованиями момента. «Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 418).
- [315] Интересно, что те деятели партии, которые не разделяли вполне ленинской теории (Зиновьев, Каменев и др.), пытались и ленинский НЭП интерпретировать как отступление или отступление по преимуществу, как политику, позволяющую протянуть дни существования советской власти, но не позволяющую обеспечить победу социалистической революции. Те же, кто принимал ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (как, например, И.В. Сталин), видели в НЭПе способ обеспечения победы российской социалистической революции, а не просто способ продления времени ее существования.
- [316] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 239; КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 448 — 451, 452–455, 475.
- [317] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 356.
- [318] *Троцкий Л.* Как вооружалась революция // Троцкий Л. Соч. Т. 3, кн. 1. С. 284.
- [319] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354; Т. 27. С. 27; Т. 30. С. 133; Т. 31. С. 37; История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 2. М., 1966. С. 521–526.
- [320] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. . 85–86, 89–90, 94, 100, 104; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 348.
- [321] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 354–355.
- [322] Там же. Т. 42. С. 1, 3.
- [323] Там же. С. 21–25.
- [324] Там же. С. 261.
- [325] Там же. Т. 43. С. 19.
- [326] Там же. С. 341.
- [327] Там же. С. 330, 331, 383, 401, 404, 406.
- [328] Там же. Т. 44. С. 60.
- [329] Там же. Т. 43. С. 336.
- [330] Там же. С. 382, 383.
- [331] Там же. С. 13, 384; Т. 44. С. 326, 327; Т. 45. С. 78; и др.
- [332] Там же. Т. 43. С. 228–229.
- [333] Там же. Т. 44. С. 301.
- [334] Там же. С. 581–582.
- [335] Там же. С. 407–408; Т. 45. С. 12.

- [336] Там же. Т. 43. С. 219, 222.
- [337] Там же. Т. 45. С. 67–68, 72.
- [338] Там же. С. 74, 75.
- [339] Там же. Т. 44. С. 487; Т. 45. С. 93.
- [340] Недаром В.И. Ленин говорил о 100 тыс. тракторов как условии принятия крестьянством программы социалистической революции.
- [341] Там же. Т. 45. С. 77, 81–82.
- [342] Там же. С. 83.
- [343] Там же. С. 75–77, 79–84.
- [344] Там же. С. 95, 96.
- [345] При этом будут использоваться отнюдь не только экономические (читай — рыночные) рычаги (как иногда утверждается), а и политические, и административные — об этом говорят хотя бы ленинские замечания (февраль 1922 г.) на Гражданский кодекс РСФСР (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396—400, 401, 411–412).
- [346] Там же. С. 95.
- [347] Там же. С. 83, 84, 85–86.
- [348] Там же. С. 93–95.
- [349] Там же. С. 80–84.
- [350] С этим была связана его едва завуалированная критика Ленина, а позднее и открытая критика Сталина.
- [351] Там же. С. 94.
- [352] Там же. С. 95–96.
- [353] Пятый Всероссийский съезд РКСМ. 11 — 19 окт. 1922 г. Стенограф. отчет. М.; Л., 1922. С. 31–32.
- [354] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 277.
- [355] Там же. С. 283, 285–288, 292, 294.
- [356] *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. XII. Основные вопросы пролетарской революции. М., 1925. С. 305—306, 312–313.
- [357] Там же. С. 312, 323, 336.
- [358] Усматривать в этих условиях точный прогноз судьбы российской социалистической революции нет оснований. Во-первых, в ходе развития мирового революционного процесса социалистическая революция вышла далеко за пределы первых советских республик, во многих странах было построено социалистическое общество. Во-вторых, причины поражения социализма в СССР и других странах не могут быть сведены к тому, о чем говорил Троцкий.
- [359] Р. Такер считал, что Троцкий развивал ленинизм (см.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1991. С. 292—294). Сравнения позиций Ленина и Троцкого не дают никаких оснований для подобных заявлений.
- [360] См.: *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 171.
- [361] XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 октября — 3 ноября 1926 г. Стенограф. отчет. М; Л. 1927. С. 509—510.
- [362] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 314.
- [363] Там же. Т. 45. С. 304, 306, 307.
- [364] Там же. С. 301, 307.
- [365] Что значат слова «социализм протащили в каждый день», позволяет понять более раннее высказывание Ленина о социалистическом секторе в промышленности. В докладе о продовольственном налоге 9 апреля 1921 г. Ленин говорил, что «мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем — социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты или когда — рабочие стараются распределить правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. Это есть социализм» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 158, 355). Тот социализм, который вошел

в повседневную жизнь страны. Ленин видит его там, где Троцкий не усматривает никакой потенциальной возможности для развития социалистического производства в будущем, вплоть до победы мировой социалистической революции.

[366] Там же. С. 309.

[367] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3. Л. 4 об., 9, 10 об., 11, 32 об., 35, 41 об., 43, 45 об., 49, 49 об., 51, 53, 55–57, 59, 60, 60 об., 67–68 об., 74–75, 77 об., 78, 80 об., 81, 83 об., 84, 92 об., 93, 94, 94 об., 95 об., 97–102, 104, 104 об., 106–106 об., 107 об., 108, 109, 110, 111–111 об., 112 об., 114–116 об., 118; Д. 7. Л. 4, 4 об., 5 об., 8, 10 об., 11, 14 об., 24 об., 36 об., 38, 40, 45–47, 49, 53 об., 57 об., 61 об., 62 об. –65, 68 об., 69, 70 об., 72 об., 73 об., 76, 83–84 об., 86 об., 94 об., 114 об., 116, 116 об., 118, 121 об., 123 об., 124 об., 125, 126 об., 127, 127 об., 129, 133, 134 об.–136, 137 об., 139; Д. 8. Л. 6, 6 об., 8, 9 об., 11, 13, 13 об., 18–19 об., 25 об., 26 об., 33 об., 34 об., 38, 39 об., 45 об.–46 об., 64 об.–65 об., 73 об., 76 об., 80, 94 об., 96, 96 об., 101, 102 об., 141, 159 об.; Д. 9. Л. 2, 4 об., 7, 8, 8 об., 18–21, 23, 24, 24 об., 30 об., 31, 34, 38, 39, 40, 53 об., 71, 73, 80, 86, 89 об., 90, 92 об., 93, 94 об., 95 об., 96.

[368] Там же. Д. 26, 28, 30, 32–35, 37, 38, 40, 41, 43.

[369] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 176.

[370] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2623. Л. 146; Д. 2624–2636.

[371] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 6, 7.

[372] Там же. Т. 54. С. 131.

[373] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 189.

[374] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 205.

[375] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

[376] Там же. 1991. № 3. С. 212. Документы Ленина подтверждают это. Ленин часто предлагал Молотову провести решение того или иного вопроса опросом членов Политбюро, «вкруговую» (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 57, 58, 70; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 200.

[377] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 209. Л. 9–11.

[378] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 201—202, 204—208.

[379] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 23.

[380] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 305.

[381] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 182, 207.

[382] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 173.

[383] Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 21.

[384] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 182.

[385] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 127—128.

[386] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 187.

[387] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 179. Л. 5; Д. 184. Л. 1; Д. 186. Л. 1; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 67–69.

[388] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 190. Л. 4.

[389] Получается, что все чрезвычайные меры, за которые голосовал и сам Троцкий, принимавшиеся в это время и позднее Политбюро, были ни к чему?

[390] Вопросы истории. 1989. № 8. С. 138–139.

[391] Вот и Троцкий увязывает свое назначение с судьбой других своих обязанностей, главные из которых: член Политбюро, наркомвоенмор РСФСР, Председатель РВСР.

[392] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 173.

[393] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 105, 106; Ленинский сборник. Т. XXXIX. С. 359.

[394] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2723. Л. 1–1 об.; Оп. 2. Д. 42. Л. 3, 4, 7 об.

[395] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 75–76, 77.

[396] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 71. Л. 5, 24; Ф. 2. Оп. 1. Д. 20015. Л. 1–1 об.

[397] Ссылки на опасность войны нельзя принять всерьез, потому что сам Ленин не считал такую опасность серьезной. В ленинском проекте это выразилось в предложении

ускорить перевод армии на хозяйственные работы в условиях продолжающейся демобилизации, против которой в Политбюро возражал Троцкий и на которой настаивали Ленин и Сталин (см.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24619. Л. 1-2; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1954. Л. 12; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 3-4, 35-36; Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 182).

[398] Там же. Л. 5, 24–25.

[399] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24608. Л. 1–2 об.

[400] Отсюда можно заключить, что Молотов придерживался в отношении Троцкого более жесткой линии, чем Ленин. Или, может быть, проявлял большее нетерпение в этой борьбе.

[401] Там же. Л. 2–3.

[402] Там же. Д. 24613. Л. 1.

[403] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 207.

[404] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 177.

[405] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 7а; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 176.

[406] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 293. Л. 1; Ф. 17. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–7.

[407] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 148; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 297. Л. 1; Ф. 17. Оп. 3. Д. 247. Л. 3.

[408] *Лиходеев Л.* Поле брани, на котором не было раненых // Дружба народов. 1988. № 9. С. 171.

[409] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2622. Л. 85; Д. 2623. Л. 141.

[410] Там же. Д. 2623. Л. 146; Д. 2624 – 2636.

[411] Там же. Д. 2629. Л. 61; Д. 2630.

[412] Там же. Д. 2631. Л. 136; Д. 2632 – 2636.

[413] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 56—57.

[414] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

[415] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 182—183.

[416] Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 117–119.

[417] *Угланов Н.А.* О Владимире Ильиче Ленине (в период 1917—1922 гг.). 5 января 1925 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 196.

[418] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206–207.

[419] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 196.

[420] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 223–224.

[421] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 207. Л. 1.

[422] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24631. Л. 2–3.

[423] Там же. Д. 24636. Л. 1–1 об., 3.

[424] Там же. Д. 24645. Л. 1; Д. 24647. Л. 1.

[425] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 247–248.

[426] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4676. Л. 1.

[427] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 430, 431.

[428] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 791.

[429] Там же. Л. 6.

[430] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 201.

[431] *Донков И.П.* Лев Борисович Каменев // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 95.

[432] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 183.

[433] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 300.

[434] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 61.

[435] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 4–14.

[436] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенограф. отчет. М., 1961. С. 98.

[437] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 193.

[438] Такие документы имеются в отношении Томского (конец 1920 — начало 1921 г.), Рыкова, Смилги, Зиновьева и Бухарина (осень 1921 г.) (см.: Известия ЦК КПСС: 1989: № 4: С. 161–168; № 9. С. 161–167; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24490. Л. 1; Д. 24543. Л. 1–1 об., 3 об. —

4 об.; Д. 24638. Л. 1–1об.; Д. 24657. Л. 1–1 об.).

[439] Единственный человек, кроме Сталина, удостоившийся пристального систематического внимания Ленина, был Рыков. Интересная переписка по этому поводу, длившаяся почти полтора года, с мая 1921 г. по конец 1922 г., опубликована в Известиях ЦК КПСС (Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 161–168; № 9. С. 161 — 167). Правда, в отличие от Сталина, Рыков был тяжело болен.

[440] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24278. Л. 1, 2.

[441] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1009. Л. 1.

[442] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 10, 39; Ленинский сборник. Т. XXXIX С. 299; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 639; Т. 11. С. 92; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1250. Л. 1.

[443] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 99.

[444] Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 177–178.

[445] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24546. Л. 1–2.

[446] Там же. Д. 24543. Л. 1–1 об., 3 об. – 4 об.

[447] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 45.

[448] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1417. Л. 1–1 об.

[449] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 162.

[450] Там же. С. 82–83; Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 150.

[451] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24622. Л. 1.

[452] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2176. Л. 1–5 об.

[453] Там же. Д. 5193. Л. 1–2.

[454] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 373.

[455] Там же. Т. 44. С. 158.

[456] Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 128.

[457] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 174. Л. 5; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 129, 130, 137; Владимир Ильич Ленин. Биография. Т. 11. С. 47.

[458] См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 263.

[459] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 71. Л. 2.

[460] Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 129.

[461] Огонек. 1990. № 4. С. 7.

[462] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 240. Л. 1.

[463] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 65; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 137.

[464] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 75; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 137.

[465] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 247. Л. 1; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

[466] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 149; Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 347; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130, 136.

[467] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 176.

[468] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 277. Л. 2.

[469] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 411; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 215.

[470] Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 131.

[471] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 6.

[472] В 1920 г. было проведено всего 69 заседаний СНК, все — под председательством Ленина. В 1921 г. — соответственно 51 и 49, а в 1922 г. — 83 и 7. Заседаний СТО было в 1921 г. 107, в том числе под председательством Ленина — 49, а в 1922 г. — 96 и 5. Число опубликованных декретов, написанных Лениным или принятых с его поправками и дополнениями, было в 1920 г. соответственно 16 и 11, а в 1921 г. всего 5 и 6. Постановлений СТО соответственно в 1920 г. 36 и 1, а в 1921 г. 9 и 1. Число докладов и сообщений в СНК, а также Совете обороны и Совете Труда и Обороны было соответственно в 1920 г. 21 и 13, в 1921 г. 7 и 7, в 1922 г. — 1 (*Генкина Э.Б.* О докладах В.И. Ленина в Совнаркоме, Совете обороны и Совете Труда и обороны (1917—1922 гг.) // История СССР. 1973. № 4. С. 69, 71, 72).

- [473] Огонек. 1990. № 4. С. 6.
- [474] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 203.
- [475] Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 132, 137; Огонек. 1990. № 4. С. 6.
- [476] Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 215; 1991. № 2. С. 132; № 3. С. 18.5, 188.
- [477] Там же. 1991. №3. С. 185.
- [478] Там же. № 2. С. 131–132, 185.
- [479] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 60, 62.
- [480] Там же. С. 6, 114, 412.
- [481] Там же. С. 61.
- [482] Там же. Т. 44. С. 253–254.
- [483] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 238. Л. 2.
- [484] Там же. Д. 285. Л. 8, 9.
- [485] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364–370, 522, 579–581; Т. 45. С. 55–56.
- [486] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 181.
- [487] Там же. С. 229–230.
- [488] Там же. С. 181.
- [489] Сталин был введен в состав Оргбюро при формировании нового ЦК на X съезде РКП(б) и остался в нем после его реорганизации 8 августа 1921 г. Пленумом ЦК РКП(б). В состав Оргбюро вошли: "члены тт. Молотов, Михайлов, Залуцкий, Сталин, Дзержинский, Рудзутак и Рыков. Кандидаты: тт. Кутузов, Калинин, В.В. Шмидт" (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 68. Л. 1).
- [490] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 193. Л. 2.
- [491] Там же. Д. 201. Л. 5, 6.
- [492] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4505. Л. 1, 3; Д. 1860. Л. 1–4.
- [493] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 263. Л. 1; Д. 265. Л. 1–2.
- [494] По оценке Молотова, никто из сторонников Ленина в Политбюро больше Сталина таких связей с местами не имел: «Сталин, конечно, проще был и ближе был связан с верхушкой. Ленину трудно это было, конечно. Основные-то были у него очень сомнительные друзья. И характер другой» (Сто сорок бесед с Молотовым. С. 181, 236). Богатый материал по этой проблеме имеется в книге Ю.В. Емельянова (см.: Емельянов Ю.В. Сталин: путь к власти. М., 2002).
- [495] Об этом говорят ход обсуждения кандидатур в ЦК партии и результаты выборов в ЦК на VII (Апрельской) конференции РСДРП, когда Сталин получил 97 голосов из 109, уступив только Ленину (104) и Зиновьеву (101). (Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 207–208, 228, 323).
- [496] РГАСПИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 25–53.
- [497] Сталин принимал участие в урегулировании конфликтов, связанных с «делом Мясникова», с выступлением «рабочей оппозиции», конфликтами в донецкой, петроградской партийной организациях, в преодолении кризиса, возникшего на IV Всероссийском съезде профсоюзов (май 1921 г., когда съезд отклонил проект резолюции ЦК и принял резолюцию Рязанова, в которой проводилась линия на независимость профсоюзов, а Томский не стал отстаивать позицию ЦК и фактически солидаризировался с оппозиционерами). (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. Стенограф. отчет. М., 1961. С. 748, 781; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24202. Л. 1-1 об.).
- [498] Законы политической алгебры. (Из письма Н. Осинского (Оболенского) В.И. Ленину). 16 октября 1919 г. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 17—19.
- [499] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 174. Л. 1–1 об.
- [500] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 122.
- [501] Ленин В.И. Речь, посвященная памяти Я.М. Свердлова. 16 марта 1920 года // Коммунист. 1977. № 6. С. 5.
- [502] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 51, 73, 106, 112, 126, 127, 144, 155, 162,

177, 199, 247, 265, 573–574; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24198. Л. 1; Д. 24201. Л. 1–1 об.; Д. 24527. Л. 1; Ф. 5. Оп. 1. Д. 57. Л. 1; Оп. 2. Д. 1816. Л. 11; Источник. 1993. № 2. Л. 60; Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 28.

[503] Это вполне соответствовало принципиальной установке Ленина, видевшего основную задачу политики партии в переживаемый период в «подборе людей и в проверке исполнения» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 109—113).

[504] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 129.

[505] Там же. Т. 53. С. 125–126, 129, 140; Т. 54. С. 32–33, 81, 137–138, 139, 190, 207; Ленинский сборник. Т. XXXIV С. 427; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24203. Л. 1–3; Ф. 5. Оп. 2. Д. 43. Л. 33; Д. 243. Л. 1; Д. 267. Л. 1–1 об.; Ф. 17. Оп. 3. Д. 276. Л. 3; Владимир Ильич Ленин. Биография. Т. 10. С. 72.

[506] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 266. Л. 1; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2227. Л. 1.

[507] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 16; Владимир Ильич Ленин. Биография. Т. 10. С. 658; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 211. Л. 1; Д. 216. Л. 4; Д. 225. Л. 1; Д. 289. Л. 4.

[508] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 202. Л. 3.

[509] Там же. Д. 207. Л. 1.

[510] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2126. Л. 1.

[511] Там же. Д. 5185. Л. 2, 3.

[512] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 153; Т. 45. С. 41; Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 333, 334; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24616. Л. 4–4 об.; Ф. 17. Оп. 3. Д. 194. Л. 3; Д. 210. Л. 2.

[513] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1954. Л. 16–19; Д. 1961. Л. 1–2; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 155.

[514] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5179. Л. 1.

[515] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1954. Л. 14.

[516] Там же. Оп. 2. Д. 263. Л. 1–2.

[517] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2240. Л. 1.

[518] 26 декабря 1921 г. он написал «Наказ по вопросам хозяйственной работы» и провел его через Политбюро. «Наказ» был принят IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921 г. (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335—338).

[519] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 241. Л. 2.

[520] Там же. Д. 361. Л. 15.

[521] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24207. Л. 2–4, 10.

[522] Там же. Л. 6.

[523] Имеется в виду М.Ф. Владимирский.

[524] Интересно, как представляют освобождение Сталина от должности наркома РКИ некоторые историки. Например, Э.Е. Писаренко пытался разработать тезис о недовольстве Ленина Сталиным в связи с его работой в РКИ: «Ленин неоднократно рассматривал... работу наркома РКИ Сталина. Затем он по предложению Владимира Ильича был освобожден с этого поста» (*Писаренко Э.Е.* Александр Дмитриевич Цюрупа // Вопросы истории. 1989. № 5, С. 144). Подобных взглядов придерживался и Антонов-Овсеенко (*Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 96).

[525] Там же. Л. 10.

[526] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 24.

[527] Судя по контексту, речь идет не о фракции, созданной Лениным, а об использовании фракционных методов борьбы. Несмотря на запрет X съезда партии, фракции продолжали существовать. Встречающиеся в политической и исторической литературе утверждения о существовании в это время «ленинской» фракции не имеет смысла, поскольку сторонники Ленина составляли большинство на съезде и, таким образом, согласно принципу демократического централизма, определявшего жизнь и деятельность большевистской партии, имели право говорить от имени всей партии. Словом же «фракция» определяется часть, противостоящая целому, в данном случае — партии. Что же касается методов

фракционной борьбы, то они использовались Лениным и его сторонниками, поскольку это было эффективно для борьбы с фракциями. Куйбышев на июльском (1926) объединенном пленуме ЦК и ЦКК вспоминал, что в дни работы XI съезда Ленин вместе со Сталиным, Каменевым и Зиновьевым обсуждал вопрос о том, как обеспечить проведение на съезде резолюции о профсоюзах. Обсуждение имело целью парировать противодействие со стороны Троцкого (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 84).

[528] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 181.

[529] РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 14. Л. 85–86; Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 520, 521.

[530] РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–167.

[531] *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 92–93.

[532] РГАСПИ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–469.

[533] Кроме этих бюллетеней в материалах съезда имеется «Список членов ЦК РКП и их кандидатов, предлагаемый губерниями, не входящими в краевые организации». В нем в состав ЦК предлагались 27 человек в такой последовательности: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Раковский, Бухарин, Радек, Фрунзе, Рудзутак, Томский, Молотов, Рыков, Смирнов И.Н., Петровский, Чубарь, Держинский, Калинин, Андреев, Ярославский, Орджоникидзе, Зеленский, Ворошилов, Сокольников, Пятаков, Уфимцев, Куйбышев (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 18. Л. 1). Этот список ценен тем, что дает нам представление о том, как виделся высший эшелон партийного руководства местными работниками, возможно, не принимавшими активного участия во внутрипартийной борьбе. Стандартно расположена первая пятерка, а «любимец партии» Бухарин стоит только седьмым. Персональный состав предлагавшегося ЦК позволяет считать, что политическую ориентацию его авторов, скорее, надо считать антитроцкистской. В качестве бюллетеня этот список в голосовании не использовался.

[534] Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 2, 6 – 6 об.

[535] Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–167.

[536] Там же. Л. 168–469.

[537] Среди бюллетеней есть несколько с угасающим текстом, которые на микропленке прочесть не удастся. Они исключены из счета.

[538] Там же. Л. 182, 184, 185, 217, 239, 241, 258, 265, 267, 278, 279, 293, 303, 326, 330, 352, 353, 358, 359, 363, 365, 369, 374, 397, 399, 400, 408, 443, 445.

[539] Там же. Л. 230.

[540] Там же. Д. 19. Л. 1, 2.

[541] Там же. Д. 21. Л. 1–167.

[542] Там же. Л. 178, 185, 203, 204, 209, 213, 218, 239, 259, 260, 277, 287, 288, 291, 294, 295, 328, 347, 349, 368, 377, 404, 431, 436, 454, 462, 465.

[543] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 84–85.

[544] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 122.

[545] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 2, 6.

[546] Там же. Л. 2, 6–6 об.

[547] Там же. Л. 2, 6 об. –7.

[548] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 139.

[549] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 61–63, 99, 100, 126–127, 157, 183, 439; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 105–107.

[550] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 183.

[551] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 2, 8.

[552] Там же. Л. 3, 14.

[553] *Энкер Б.* Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 204–205.

[554] Сто сорок бесед с Молотовым. С. 181.

- [555] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. С. 284.
- [556] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.
277. [557] *Троцкий Л.* Завещание Ленина // Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 270,
174. [558] См.: *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 173—
- [559] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 27. Л. 78, 79, 81.
- [560] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 284.
- [561] Там же. Т. 45. С. 86, 95, 108–109, 110–111, 123.
- [562] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 215—217.
- [563] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.
- [564] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 84.
- [565] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 4.
- [566] Там же. Д. 265. Л. 3.
- [567] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 300. Л. 1.
- [568] Там же. Д. 27. Л. 56.
- [569] Там же. Л. 10, 19, 21, 56–72.
- [570] Там же. Л. 56, 57.
- [571] Там же. Л. 58.
- [572] Там же. Л. 59.
- [573] Там же. Л. 59–60.
- [574] Там же. Л. 60.
- [575] Там же. Л. 61.
- [576] Там же. Л. 63–64.
- [577] Там же.
- [578] Там же. Л. 64.
- [579] Там же.
- [580] Там же.
- [581] Там же. Л. 70–72.
- [582] Там же. Оп. 4. Д. 9. Л. 71 об.
- [583] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 213.
- [584] Там же. 1989. № 12. С. 198.
- [585] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 23.
- [586] Там же. С. 24.
- [587] Там же. С. 24–25.
- [588] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 275. Л. 4–6.
- [589] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198, 200.
- [590] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 275. Л. 4–6.
- [591] Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 24.
- [592] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.
- [593] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
- [594] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 59–60, 246–247, 640.
- [595] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197–198.
- [596] Там же. 1991. № 3. С. 188.
- [597] Там же. 1989. № 12. С. 198.
- [598] Там же. 1991. № 3. С. 198.
- [599] Там же. С. 188–189.
- [600] Там же. 1989. № 12. С. 196.
- [601] Там же.
- [602] Там же. С. 198.
- [603] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2397. Л. 1.
- [604] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 181.

- [605] Там же. С. 188.
- [606] Там же. С. 181.
- [607] Там же. 1989. № 12. С. 200–201.
- [608] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 273.
- [609] Известия ЦК КПСС. 1991. № 9. С. 5.
- [610] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 134–135.
- [611] Документ из АПРФ. См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 329; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 191–192.
- [612] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 185.
- [613] Ленинский сборник. Т. XL. С. 100.
- [614] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 303. Л. 5.
- [615] Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 409. Л. 1–1 об.
- [616] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198; 1991. № 5. С. 186.
- [617] Там же. 1991. № 5. С. 196.
- [618] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1043. Л. 1–2.
- [619] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 302, 304–305, 663.
- [620] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324. Л. 2.
- [621] Там же. Д. 320. Л. 7.
- [622] Там же. Д. 324. Л. 1.
- [623] *Микоян А.И.* На Северном Кавказе // Новый мир. 1972. № 12. С. 202.
- [624] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 270. Л. 1.
- [625] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 237–251.
- [626] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 272. Л. 1.
- [627] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 327.
- [628] Там же. С. 338.
- [629] Там же. С. 440–441.
- [630] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 329.
- [631] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471–472.
- [632] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43–44.
- [633] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 472; Т. 54. С. 325–326.
- [634] Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.
- [635] Там же. 1989. № 12. С. 196.
- [636] История социалистической экономики СССР. М, 1976. Т. 1. С. 223.
- [637] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 427.
- [638] Там же. Т. 45. С. 188, 549.
- [639] Там же. Т. 54. С. 260.
- [640] Там же. Т. 45. С. 548.
- [641] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.
- [642] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 222, 562.
- [643] Там же. С. 220–222.
- [644] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 36. Л. 3; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 562.
- [645] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 36. Л. 7, 8.
- [646] Там же. Л. 9.
- [647] Там же. Л. 14.
- [648] Там же. Л. 7.
- [649] Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 693. Л. 79, 80.
- [650] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 36. Л. 7.
- [651] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 43. Л. 43–54.
- [652] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 323.
- [653] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 48.
- [654] Там же. Л. 48–49.
- [655] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26116. Л. 3.

- [656] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 324.
- [657] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 51.
- [658] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 75.
- [659] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471.
- [660] Там же. Т. 54. С. 325.
- [661] Там же.
- [662] Там же. С. 326.
- [663] *Радзинский Э.С.* Сталин. С. 206.
- [664] См.: *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. С. 173.
- [665] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 215—217.
- [666] См.: *Касьяненко В.И.* В.И. Ленин и деловая Америка (Реалии и уроки истории советско-американских отношений) // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 17.
- [667] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 221.
- [668] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. М., 1922. С. 305—306.
- [669] Там же. С. 294.
- [670] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 333—337.
- [671] Там же. С. 339.
- [672] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 58.
- [673] *Троцкий Л.* Завещание Ленина // Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 279.
- [674] Там же.
- [675] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 339.
- [676] Там же. С. 471.
- [677] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 188—190.
- [678] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 473.
- [679] Там же. С. 338—339.
- [680] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 14, 15.
- [681] *Радзинский Э.С.* Сталин. С. 211.
- [682] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 7—7 об.
- [683] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471.
- [684] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 86.
- [685] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 188.
- [686] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 1—2.
- [687] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 43. Л. 43—54.
- [688] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 333—337.
- [689] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 17.
- [690] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 188.
- [691] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 1—7.
- [692] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 195.
- [693] Там же. С. 189.
- [694] Там же. С. 191.
- [695] Там же. С. 195.
- [696] Там же. С. 198.
- [697] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 27. Л. 88; Ф. 17. Оп. 2. Д. 86. Л. 5, 5а-5г.
- [698] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327—328.
- [699] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.
- [700] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327—328.
- [701] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. С. 279.
- [702] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.
- [703] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 17. Л. 1. В публикации (Известия ЦК КПСС. 1989. №

12. С. 191) допущена неточность: после слов «на фракции» поставлена запятая вместо точки.
- [704] См.: Образование СССР. Сб. документов. 1917–1924. М.; Л., 1949. С. 29–35.
- [705] Там же. С. 25, 34.
- [706] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 73.
- [707] Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 72–73, 79–80.
- [708] См.: Сахаров В.А. Становление советского федерализма // Международная научная конференция. Государственное управление: история и современность (29–30 мая 1997 г.). М., 1998. С. 162–164.
- [709] Образование СССР. Сб. документов. 1917—1924. С. 54.
- [710] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 79.
- [711] Второй конгресс Коминтерна. М., 1934. С. 492.
- [712] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24248. Л. 1–2.
- [713] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 363, 364–365.
- [714] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198–200, 256–257; Т. 52. С. 135–136; Образование СССР. Сб. документов. С. 227–230.
- [715] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 7–17; Д. 102. Л. 3.
- [716] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 193. Л. 2; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 165; Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 95–97.
- [717] Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 227–230.
- [718] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 255, 565—566; Он же. Соч. Изд. 3. Т. XXVII. С. 94; Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 229; Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 184; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24204. Л. 1-1 об.
- [719] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1954. Л. 1–1 об.
- [720] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 159, 160.
- [721] Там же. Л. 272–274.
- [722] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 7–17.
- [723] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.
- [724] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 290. Л. 2; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 19–23.
- [725] Отечественная история. 1992. № 4. С. 90.
- [726] Чивадзе Ш.И. По пути, указанному В.И. Лениным (К 60-летию XII съезда партии) // Вопросы истории КПСС. 1983. № 4. С. 69.
- [727] Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 297.
- [728] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.
- [729] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191.
- [730] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 278. Л. 2.
- [731] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 262—265 (рукопись-автограф).
- [732] Там же. Л. 241.
- [733] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193.
- [734] Там же. С. 195–197.
- [735] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 183–185.
- [736] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.
- [737] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 8. Л. 159 об.; Д. 9. Л. 2 об–15 об.; Известия ЦК КПСС. 1989 № 9. С. 198–200, 206–208.
- [738] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213.
- [739] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208.
- [740] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 213.
- [741] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 8. Л. 159 об.
- [742] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311. Л. 2.
- [743] Там же. Д. 312. Л. 4.
- [744] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 206–207.

- [745] Там же. С. 208–209;
- [746] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 686–687.
- [747] *Хармандарян С.В.* Ленин и становление Закавказской федерации. 1921 — 1923. Ереван, 1969. С. 344.
- [748] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 528.
- [749] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 66.
- [750] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 205.
- [751] Там же. С. 206.
- [752] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.
- [753] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 26. Л. 29–29 об.
- [754] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214; Т. 54. С. 293–295.
- [755] Там же. Т. 45. С. 214.
- [756] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.
- [757] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 206.
- [758] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 26. Л. 10–12.
- [759] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 299–300.
- [760] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2441. Л. 1–2.
- [761] Там же. Д. 2491. Л. 1–1 об.
- [762] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 26. Л. 20–21.
- [763] Там же.
- [764] Там же. Л. 14.
- [765] Там же. Оп. 1. Д. 935. Л. 1.
- [766] Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 22–28; Д. 26. Л. 15–18, 20–21, 29–29 об., 37–39; Д. 68. Л. 56; Д. 102. Л. 5; Оп. 4. Д. 1. Л. 86; Д. 9. Л. 68, 73, 77, 78, 79, 88 об.; Д. 26. Л. 37, 79; Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 541.
- [767] См.: *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 97; *Волкогонов Д.А.* Сталин... Кн. 1. С. 140; *Герасименко А.* Загадки маленькой записки // Молодая гвардия. 1992. № 1–2. С. 236; *Журавлев В.В., Ненароков А.Н.* «Грузинский инцидент» // Правда. 1988. 12 авг.
- [768] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 43–43 об.
- [769] Там же. Л. 44–44 об., 60.
- [770] Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246 (IV вып.). С. 58.
- [771] См.: *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время. С. 97; *Ненароков А.Н., Журавлев В.В.* Указ. соч.; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. С. 239.
- [772] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 541–542.
- [773] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 71; Д. 26. Л. 37.
- [774] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 459.
- [775] Там же. С. 603.
- [776] Там же. С. 459.
- [777] Там же. С. 463.
- [778] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 77–80. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324. Л. 1, 5.
- [779] Цит. по: *Ненароков А.Н., Журавлев В.В.* Указ. соч.
- [780] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 464–466.
- [781] Там же. С. 465.
- [782] Там же. С. 466.
- [783] Там же. С. 469.
- [784] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 43–43 об.
- [785] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 471.
- [786] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 541, 551.

- [787] Там же. С. 541.
- [788] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 53.
- [789] Там же. Оп. 1. Д. 2657. Л. 1, 3.
- [790] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 330.
- [791] Там же. С. 440–441.
- [792] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1867.
- [793] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 472.
- [794] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 140.
- [795] Там же. С. 144.
- [796] Там же. С. 143.
- [797] Отечественная история. 1992. № 4. С. 93.
- [798] Там же. С. 91–106, 112–116; Источник. 1993. № 1. С. 56; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 462; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 1. Л. 85 об.
- [799] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 1.
- [800] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324. Л. 4.
- [801] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 469.
- [802] Там же. С. 330.
- [803] См.: *Петренко Н.* Ленин в Горках — болезнь и смерть. Источниковедческие заметки // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 192—193.
- [804] Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 133, 138.
- [805] Там же. № 3. С. 183–187.
- [806] Там же. С. 187.
- [807] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 5.
- [808] Там же. Ф. 5. Оп. 4. Д. 1, 9, 10.
- [809] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 41–42; Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 188–189; *Петренко Н.* Ленин в Горках — болезнь и смерть. С. 145, 187.
- [810] Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 187.
- [811] Там же. С. 188.
- [812] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9.
- [813] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 41.
- [814] Там же. С. 42, 43.
- [815] Там же.
- [816] Там же. С. 42; *Петренко Н.* Указ. соч. С. 146; Ленин. У руля страны Советов: По воспоминаниям современников и документам. 1920—1924. Т. 2. М., 1980. С. 237.
- [817] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 42.
- [818] Ленин. У руля страны Советов: По воспоминаниям современников и документам. 1920–1924. Т. 2. М., 1980. С. 240–241.
- [819] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 42–43.
- [820] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 85 об. –86.
- [821] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 464–468; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 85 об.-86.
- [822] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43; Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 188.
- [823] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43.
- [824] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 331, 471–472; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43.
- [825] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 338—339; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 44.
- [826] См.: Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43—45; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 337—338.
- [827] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592—593; *Волков Г.* Стенографистка Ильича // Сов. культура. 1989. 21 янв.; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М., 1994. С. 22; Ленин. У руля страны Советов: По воспоминаниям

- современников и документам. Т. 2. С. 249, 252; *Наумов В., Курин Л.* Ленинское завещание // Урок дает история. М., 1989. С. 35—36.
- [828] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. с. 45.
- [829] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.
- [830] Там же; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45.
- [831] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46, 54.
- [832] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346—355; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45, 46.
- [833] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.
- [834] Там же. С. 45, 47, 54.
- [835] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346, 369—373, 377, 447; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45, 47.
- [836] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.
- [837] Там же. С. 45, 47—48.
- [838] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 446—450; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45, 48.
- [839] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 49—50; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474—476.
- [840] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 50—51; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476—477.
- [841] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477—478, 482—484; Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 100—101.
- [842] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 101 — 102.
- [843] Там же. С. 103—104.
- [844] Там же. С. 104, 106—107, 114.
- [845] Там же. С. 105.
- [846] Там же. С. 107.
- [847] Там же. С. 108.
- [848] Там же.
- [849] Там же. С. 108, 109; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.
- [850] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 109.
- [851] Там же. С. 109; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 330.
- [852] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 109.
- [853] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 343.
- [854] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 109—112; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 349—350.
- [855] Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179—192.
- [856] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 171—172.
- [857] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 478.
- [858] Там же.
- [859] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 329.
- [860] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.
- [861] Там же. № 11. С. 179—180.
- [862] Там же. 1991. № 6. С. 191.
- [863] Там же. С. 193.
- [864] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 10.
- [865] Там же. Д. 10, 11.
- [866] Там же. Д. 10. Л. 14 об.
- [867] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 157.
- [868] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 6. Л. 3; Д. 11. Л. 3 об.
- [869] Там же. Оп. 2. Д. 274. Л. 1—2; Д. 275. Л. 4—6; Д. 276. Л. 2—5.

- [870] Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 23–23 об.
- [871] Там же. Д. 11. Л. 43, 48.
- [872] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 478, 484–485.
- [873] РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.
- [874] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 192.
- [875] Там же. 1991. № 3. С. 214.
- [876] Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1968. С. 590.
- [877] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 46.
- [878] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 281.
- [879] Там же. С. 280.
- [880] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.
- [881] Там же. С. 153.
- [882] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 10. Л. 23–23 об.
- [883] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–344.
- [884] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания» (1922–1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 55–56.
- [885] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.
- [886] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 1. Л. 141.
- [887] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24047. Л. 3.
- [888] Там же. Л. 1–2.
- [889] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–344.
- [890] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического Завещания». С. 47–48, 52.
- [891] *Ленин В.И.* Собр. соч. 4-е изд. Т. 36. С. 543–552.
- [892] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–355.
- [893] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стенограф. отчет. Т. II. М., 1961. С. 1477–1478.
- [894] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 73–78.
- [895] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.
- [896] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.
- [897] См.: *Волков Г.* Стенографистка Ильича // Сов. культура. 1989. 21 янв.
- [898] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 157.
- [899] См.: *Волков Г.* Стенографистка Ильича.
- [900] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 726. Л. 1–2 об.
- [901] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.
- [902] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического Завещания». С. 49.
- [903] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 324; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26116. Л. 3; Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 48–49, 51.
- [904] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического Завещания». С. 48, 51–52.
- [905] Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенограф. отчет. М., 1963. С. 687.
- [906] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического Завещания». С. 48.
- [907] Там же. С. 48, 51.
- [908] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347.
- [909] Там же. С. 350, 381, 383, 385, 399–400.
- [910] Там же. С. 343.
- [911] *Ленин В.И.* Соч. 4-е изд. Т. 36. С. 543.
- [912] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 687.
- [913] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 349–353.
- [914] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.
- [915] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24050 (запись от 27 декабря); Д. 24051 (запись от 28 декабря); Д. 24052 (запись от 29 декабря).
- [916] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 350.

- [917] Там же. С. 349.
- [918] Там же. С. 346–348.
- [919] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.
- [920] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 351–355.
- [921] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2662. Л. 100–104.
- [922] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347–348.
- [923] Там же. С. 354–355.
- [924] Там же. С. 346, 348, 354–355.
- [925] *Воронкова С.В.* Некоторые проблемы источниковедения отечественной истории XIX–XX веков // История СССР. 1999. № 6. С. 40–42.
- [926] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 47.
- [927] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23540. Л. 13–17, 23.
- [928] Там же. Л. 1, 23.
- [929] Там же. Л. 1–3, 16.
- [930] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 367.
- [931] Там же. С. 368.
- [932] Там же. С. 372.
- [933] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 377. Л. 159–160.
- [934] Там же. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4 об., 6.
- [935] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 441.
- [936] Там же. С. 597–598.
- [937] Там же. С. 373.
- [938] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 47–48.
- [939] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 447.
- [940] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 47–48.
- [941] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373, 377; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23541. Л. 20, 33.
- [942] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23541.
- [943] Там же. Л. 15, 20, 33.
- [944] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–377.
- [945] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23541. Л. 34.
- [946] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 598.
- [947] Там же. С. 376–377.
- [948] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 49.
- [949] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 598, 599.
- [950] Там же. С. 442–443.
- [951] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24055. Л. 2; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 443.
- [952] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 446.
- [953] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 48.
- [954] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24820. Л. 3, 5, 7; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 446, 448, 450.
- [955] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24820. Л. 22, 24–27.
- [956] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45, С. 474–475; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 49.
- [957] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45, 49 — 50; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 475.
- [958] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 50 — 51; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476, 477.
- [959] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23543. Л. 1–20.
- [960] Там же. Л. 21.
- [961] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 593.
- [962] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23543. Л. 38.

- [963] Там же. Л. 21–23, 24–26.
- [964] Там же. Л. 27–31, 32–37.
- [965] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.
- [966] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23543. Л. 24.
- [967] Там же. Л. 33, 36.
- [968] Там же. Л. 10, 38.
- [969] Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 186.
- [970] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 444 – 450.
- [971] Там же. С. 387.
- [972] *Антонов-Овсеенко А.В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 1 С. 104; *Лельчук В.С.* Выбор путей и методов строительства социализма // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 15; *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания» // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 53—54; *Волкогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. М., 1991. Кн. 1. С. 147.
- [973] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24821. Л. 1–5, 6–10, 11–15.
- [974] Там же. Л. 14.
- [975] Там же. Л. 1.
- [976] Там же. Л. 14.
- [977] Там же. Л. 5, 10.
- [978] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.
- [979] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 50, 51; Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 100.
- [980] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 477, 478–480, 482, 484, 485.
- [981] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 100—101.
- [982] Там же. С. 104, 106, 108, 114.
- [983] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23544. Л. 1–68.
- [984] Там же. Л. 16–38.
- [985] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 106—108.
- [986] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23544. Л. 31–38.
- [987] Там же. Л. 9.
- [988] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24054; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356–362.
- [989] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.
- [990] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156.
- [991] Там же. № 10. С. 172.
- [992] Там же. № 9. С. 155.
- [993] Там же. С. 156.
- [994] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358, 360, 362.
- [995] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.
- [996] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 220—225.
- [997] *Троцкий Л.* Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б). (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии) // Сталинская школа фальсификаций. С. 83.
- [998] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 592, 594; Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156.
- [999] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 593; *Волков Г.* Стенографистка Ильича // Советская культура. 1989. 21 января.
- [1000] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149.
- [1001] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474; Кентавр. 1991. № 9. С. 46. См. также: *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 22; *Волков Г.* Стенографистка Ильича.
- [1002] Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.

- [1003] Там же. С. 45, 47.
- [1004] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24048. Л. 2, 5.
- [1005] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. Т. II. С. 1477—1478.
- [1006] Архив Троцкого. Т. 1. С. 73—74.
- [1007] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 688—689, 695; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- [1008] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24048. Л. 2, 5, 8.
- [1009] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. Т. II. С. 1478.
- [1010] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- [1011] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24048. Л. 2, 5, 8.
- [1012] Там же; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
- [1013] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
- [1014] Там же. С. 592.
- [1015] Там же. С. 474, 475, 476, 482.
- [1016] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383.
- [1017] Там же. С. 356.
- [1018] Там же. С. 457—473.
- [1019] Там же. С. 358.
- [1020] Там же. С. 359.
- [1021] Там же. С. 403.
- [1022] Там же. С. 360.
- [1023] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 161, 173.
- [1024] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120-121.
- [1025] Там же. Т. 45. С. 361.
- [1026] Там же. С. 360, 362.
- [1027] Там же. Т. 39. С. 328—330.
- [1028] Там же. Т. 45. С. 401—406.
- [1029] Там же. С. 344.
- [1030] Там же. Т. 26. С. 106—110.
- [1031] Там же. Т. 45. С. 358.
- [1032] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 43—43 об.
- [1033] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361.
- [1034] Там же.
- [1035] Там же. С. 357, 358, 360.
- [1036] Там же. С. 251.
- [1037] Справочный том к полному собранию сочинений В.И. Ленина. Ч. 1. С. 627—628.
- [1038] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 3—4.
- [1039] *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. М., 1994. С. 161.
- [1040] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.
- [1041] Там же. С. 356.
- [1042] Там же. Т. 33. С. 74.
- [1043] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25737. Л. 1.
- [1044] Там же. Д. 25738. Л. 1, 2.
- [1045] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329, 330.
- [1046] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 1, 10, 11.
- [1047] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.
- [1048] Там же; Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149.
- [1049] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 229.
- [1050] Там же. Т. 45. С. 486.
- [1051] *Троцкий Л.* Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б). (О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии) // Сталинская школа фальсификаций. С. 83.

- [1052] Там же; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 220—221.
- [1053] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.
- [1054] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 149.
- [1055] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 160.
- [1056] Там же. № 9. С. 160—161.
- [1057] Там же. С. 149.
- [1058] Там же. С. 156.
- [1059] Там же. С. 158, 160; № 10. С. 172.
- [1060] Там же. № 9. С. 155—162.
- [1061] Там же. С. 108.
- [1062] *Троцкий Л.* Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б). С. 83.
- [1063] *Он же*. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 220—225.
- [1064] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 157.
- [1065] Там же. С. 151—152.
- [1066] Там же. С. 158.
- [1067] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 541.
- [1068] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156.
- [1069] РГАСПИ. Ф. 17. 2. Д. 84. Л. 1; Д. 87. Л. 1.
- [1070] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 1, 3.
- [1071] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 332. Л. 5.
- [1072] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33.
- [1073] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.
- [1074] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476—478, 480—481; Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 50; Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 100, 102.
- [1075] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 480—481.
- [1076] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 100—101.
- [1077] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 162—163.
- [1078] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 606—607.
- [1079] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 22 об. —23; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 607.
- [1080] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33. Л. 96.
- [1081] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 299—200.
- [1082] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 5—6.
- [1083] Там же. Д. 33. Л. 37—38.
- [1084] Там же. Д. 32. Л. 7—17.
- [1085] Там же. Л. 46, 48, 50.
- [1086] Там же. Л. 19—19 об.
- [1087] Там же. Л. 52, 73.
- [1088] Там же. Л. 53—54.
- [1089] Там же. Л. 55—57.
- [1090] Там же. Л. 58—60.
- [1091] Там же. Л. 61—62.
- [1092] Там же. Л. 63—68.
- [1093] Там же. Л. 69—73.
- [1094] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания» (1922—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 55; *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 116.
- [1095] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33.
- [1096] Там же. Л. 2, 3, 6—9.
- [1097] Там же. Л. 106—109.
- [1098] Там же. Л. 1.

- [1099] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.
- [1100] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 42–42 об.
- [1101] Там же. Л. 39–50.
- [1102] Там же. Л. 50.
- [1103] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.
- [1104] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 50.
- [1105] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
- [1106] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33. Л. 96.
- [1107] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361.
- [1108] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33. Л. 96.
- [1109] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153.
- [1110] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 34. Л. 2–2 об.
- [1111] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 343. Л. ?
- [1112] Там же. Л. 3.
- [1113] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2523. Л. 1.
- [1114] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- [1115] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 62–63, 180.
- [1116] Там же. С. 150–152.
- [1117] РГАСПИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 57. Л. 183–183 об., 186.
- [1118] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенограф. отчет. М.; Л., 1926. С. 601.
- [1119] См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 175.
- [1120] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 192.
- [1121] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 180.
- [1122] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
- [1123] Там же. С. 345.
- [1124] *Плимак Е.Г.* Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. Изд. 2-е. М., 1989. С. 26.
- [1125] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 179; 1991. № 3. С. 213; *Васецкий Н.А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 142–150.
- [1126] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 298. Л. 1, 6; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 189–190.
- [1127] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- [1128] *Иванов В.М., Шмелев А.Н.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970. С. 130.
- [1129] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- [1130] Там же. С. 344.
- [1131] *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 10.
- [1132] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345–346.
- [1133] Там же. С. 345.
- [1134] См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 68–69, 70.
- [1135] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 55; Т. 45. С. 84, 142, 143, 333–337; Т. 52. С. 122.
- [1136] Там же. Т. 42. С. 296.
- [1137] Там же. Т. 36. С. 305.
- [1138] Там же. Т. 42. С. 288.
- [1139] Там же. С. 296.
- [1140] Там же. Т. 45. С. 346.
- [1141] *Радзинский Э.С.* Сталин. М., 1997. С. 223, 224.
- [1142] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 174; 1991. № 8. С. 166–168.

- [1143] Там же. 1991. № 8. С. 177.
- [1144] Там же. С. 172, 176.
- [1145] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345—346.
- [1146] *Троцкий Л.* Завещание Ленина // *Троцкий Л.* Портреты революционеров. С. 279.
- [1147] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- [1148] Там же.
- [1149] Там же. С. 350.
- [1150] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // *История СССР.* 1988. № 5. С. 114.
- [1151] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 270.
- [1152] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.
- [1153] *Троцкий Л.Д.* Завещание Ленина. С. 283.
- [1154] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327—328, 672.
- [1155] *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 2. С. 191.
- [1156] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 327, 594; *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 2 С. 202, 204, 205, 208; № 3. С. 178—180; № 4. С. 175, 179, 185; № 12. С. 192; 1991. № 3. С. 204, 205.
- [1157] *Вопросы истории КПСС.* 1991. № 9. С. 44—45.
- [1158] *Архив Троцкого.* Т. 1. С. 89.
- [1159] *Вопросы истории КПСС.* 1991. № 9. С. 44 — 45.
- [1160] *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 12. С. 192.
- [1161] Там же. С. 190, 191.
- [1162] Там же. С. 192.
- [1163] *РГАСПИ.* Ф. 558. Оп. 2. Д. 17. Л. 1; *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 12. С. 190, 191.
- [1164] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674—675.
- [1165] *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 12. С. 196, 198.
- [1166] Там же. С. 198.
- [1167] *Сто сорок бесед с Молотовым.* С. 212—213.
- [1168] *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 12. С. 193; *Волкогонов Д.А.* Ленин... Т. 2. С. 384-385.
- [1169] *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 12. С. 196.
- [1170] Там же. С. 198.
- [1171] Там же. 1990. № 9. С. 151.
- [1172] *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 45—46; Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 541; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 220; *Он же.* Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. С. 83; *Известия ЦК КПСС.* 1990 № 9. С. 162—163.
- [1173] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 42—43.
- [1174] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476—477.
- [1175] *Сто сорок бесед с Молотовым.* С. 212.
- [1176] *Известия ЦК КПСС.* 1991. № 6. С. 193.
- [1177] *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 3. Д. 332. Л. 5.
- [1178] *Сто сорок бесед с Молотовым.* С. 212.
- [1179] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329—330.
- [1180] См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 342; *Он же.* Политический портрет. М., 1991. Кн. 1. С. 144; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 28; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. С. 250—251, 252.
- [1181] *РГАСПИ.* Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 1—3.
- [1182] Там же. Л. 4.
- [1183] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 486.
- [1184] См.: *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 27;

- Стенографистка Ильича // Сов. культура. 1989. 21 января.
- [1185] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.
- [1186] Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С. 108—109.
- [1187] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193; подлинник – РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 3–5.
- [1188] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 6.
- [1189] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 384—385.
- [1190] Там же. С. 384—385.
- [1191] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26004. Л. 3–5.
- [1192] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.
- [1193] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 343.
- [1194] Известия ЦК КПСС. 1990 № 9. С. 151.
- [1195] Кентавр. 1991. Октябрь – декабрь. С. 112.
- [1196] *Волкогонов Д.А.* Ленин... Кн. 2. С. 349—350
- [1197] Цит. по: Там же. С. 347.
- [1198] Цит. по: Там же. С. 346—347. Копия документа см. на вклейке между с. 384—385:
- [1199] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 105.
- [1200] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 401.
- [1201] Там же. Т. 45. С. 122.
- [1202] Там же. С. 18, 19, 95–96.
- [1203] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 385—387:
- [1204] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 366—367.
- [1205] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 385—387:
- [1206] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.
- [1207] Там же. С. 343.
- [1208] Там же. С. 344–345.
- [1209] Там же. С. 344, 345, 347.
- [1210] Там же. С. 345.
- [1211] Там же. С. 62.
- [1212] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 119, 121.
- [1213] Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179–180.
- [1214] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 235; Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 172.
- [1215] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 105—106.
- [1216] Архив Троцкого. Т. 1. С. 73.
- [1217] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года. С. 110
- [1218] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 122, 136, 139.
- [1219] Там же. С. 122, 137.
- [1220] Там же. С. 121–122.
- [1221] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 227
- [1222] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 94.
- [1223] Там же. С. 92–93.
- [1224] Там же. С. 95.
- [1225] Там же. С. 94.

- [1226] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157.
- [1227] Архив Троцкого. Т. 1. С. 56.
- [1228] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 47.
- [1229] Там же. С. 151.
- [1230] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 192.
- [1231] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
- [1232] Архив Троцкого. Т. 1. С. 10–11.
- [1233] Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 215—217.
- [1234] Троцкий Л. Завещание Ленина. С. 277.
- [1235] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 50.
- [1236] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 598, 599.
- [1237] Там же. С. 344.
- [1238] Там же. С. 387–388.
- [1239] Там же. С. 277, 285, 309.
- [1240] Там же. С. 344.
- [1241] Там же.
- [1242] Там же. С. 343, 344–346.
- [1243] Там же. С. 343–344, 347–348.
- [1244] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 327–328; Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.
- [1245] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347.
- [1246] Там же. С. 443.
- [1247] Там же. С. 450.
- [1248] Там же. С. 387.
- [1249] Там же. С. 343–345.
- [1250] Там же. С. 346–347.
- [1251] Там же. С. 387.
- [1252] Там же. С. 345, 346.
- [1253] Там же. С. 343.
- [1254] Там же. С. 343, 346–348, 386–387, 443, 449–450.
- [1255] Там же. С. 344–345, 346.
- [1256] Там же. С. 346–347, 348, 387, 443, 449–450.
- [1257] Там же. С. 343, 347, 348, 387.
- [1258] Там же. С. 350.
- [1259] Там же. С. 351.
- [1260] Там же. С. 347.
- [1261] Там же. С. 354.
- [1262] Там же. С. 383, 444.
- [1263] Там же. С. 357, 361.
- [1264] Там же. С. 357.
- [1265] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 216.
- [1266] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 330.
- [1267] Там же. С. 357.
- [1268] Там же. С. 381.
- [1269] Там же. С. 376.
- [1270] Там же. С. 404–405.
- [1271] Там же. С. 362.
- [1272] Там же. С. 401, 402, 403, 404.
- [1273] Там же. С. 362.
- [1274] Там же. С. 403—404.
- [1275] Там же. С. 359.

- [1276] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 172; см. также: *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 281–282.
- [1277] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 122.
- [1278] Там же. С. 114–115.
- [1279] Там же. С. 354.
- [1280] Там же. С. 393.
- [1281] Там же. С. 391.
- [1282] Там же. С. 348.
- [1283] Там же. С. 384, 386.
- [1284] Там же. С. 443.
- [1285] Там же. С. 385.
- [1286] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 226.
- [1287] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378–381.
- [1288] Там же. С. 381.
- [1289] Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 366—367.
- [1290] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 385—387.
- [1291] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 330.
- [1292] См.: *Троцкий Л.Д.* Соч. Т. XII. Основные вопросы пролетарской революции. М., 1925. С. 312–313, 323, 336, 337.
- [1293] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 377.
- [1294] Там же. С. 376.
- [1295] Там же. С. 400–401.
- [1296] Там же. С. 384, 386–387.
- [1297] Архив Троцкого. Т. 1. С. 31.
- [1298] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 398–399.
- [1299] Архив Троцкого. Т. 1. С. 19–20.
- [1300] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1406. Л. 14.
- [1301] Там же. Оп. 2. Д. 305. Л. 5.
- [1302] Архив Троцкого. Т. 1. С. 13.
- [1303] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383.
- [1304] Там же. С. 399–401.
- [1305] Там же. С. 385.
- [1306] Там же. С. 399.
- [1307] Там же. С. 350.
- [1308] Там же. С. 351.
- [1309] Там же. С. 371.
- [1310] Архив Троцкого. Т. 1. С. 16.
- [1311] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–372, 376, 404–406.
- [1312] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 180.
- [1313] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 227—228.
- [1314] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 2–3.
- [1315] Там же. Оп. 2. Д. 96. Л. 1.
- [1316] Там же. Оп. 3. Д. 346. Л. 5.
- [1317] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 305. Л. 1.
- [1318] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.
- [1319] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157.
- [1320] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 305. Л. 3–4.
- [1321] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 179.
- [1322] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 349, 350.
- [1323] Архив Троцкого. Т. 1. С. 39.
- [1324] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 350.

- [1325] Там же. С. 351.
- [1326] Там же. С. 349–352.
- [1327] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 98. Л. 1455.
- [1328] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г. Стенограф. отчет. М.; Л., 1926. С. 453—454.
- [1329] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3404. Л. 2.
- [1330] Там же. Л. 1.
- [1331] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 2–3.
- [1332] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 274. Л. 1.
- [1333] Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 184; см. также: Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 37.
- [1334] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 333. Л. 1.
- [1335] Там же. Оп. 2. Д. 100. Л. 3.
- [1336] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 363. Л. 2; Д. 364. Л. 5; Д. 369. Л. 5.
- [1337] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 44–48.
- [1338] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 305. Л. 2–4; Архив Троцкого. Т. 1. С. 9, 18–19.
- [1339] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевики). Стенограф. отчет. С. 43.
- [1340] Архив Троцкого. Т. 1. С. 35–48; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 339. Л. 4.
- [1341] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 95. Л. 2; Оп. 3. Д. 344. Л. 1.
- [1342] Там же. Оп. 2. Д. 95. Л. 2.
- [1343] Там же. Л. 1.
- [1344] Там же. Д. 96. Л. 2.
- [1345] Там же. Д. 94. Л. 1; Д. 96. Л. 1.
- [1346] Там же. Оп. 3. Д. 346. Л. 2.
- [1347] Там же. Д. 347. Л. 3.
- [1348] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевики). Стенограф. отчет. С. 41—42.
- [1349] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383–388.
- [1350] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 215.
- [1351] Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 189.
- [1352] Там же. С. 188–189.
- [1353] Там же. 1990. № 10. С. 185.
- [1354] Там же. 1989. № 11. С. 190, 192.
- [1355] Там же. С. 179–180.
- [1356] Архив Троцкого. Т. 1. С. 20.
- [1357] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 2.
- [1358] Архив Троцкого. Т. 1. С. 19—20.
- [1359] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 333. Л. 1.
- [1360] Архив Троцкого. Т. 1. С. 30, 31.
- [1361] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 600.
- [1362] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 215; см. также: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 182.
- [1363] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 109. Л. 4.
- [1364] Там же. Д. 88. Л. 2.
- [1365] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 215; см. также: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 182.
- [1366] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 94. Л. 1.
- [1367] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 412. Л. 111.
- [1368] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевики). Стенограф. отчет. С. 43—44.
- [1369] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 346. Л. 2.

- [1370] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 218–219, 234–235.
- [1371] КПСС в резолюциях... Изд. 9-е. Т. 3. М., 1984. С. 91, 94–96.
- [1372] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 98. Л. 2.
- [1373] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 89–92.
- [1374] Правда. 1923. 14 марта.
- [1375] *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 13–14.
- [1376] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2516. Л. 1.
- [1377] *Валентинов Н.В.* Указ соч. С. 13.
- [1378] Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 189.
- [1379] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 208.
- [1380] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2479. Л. 226–227.
- [1381] Там же. Ф. 85. Оп. 24. Д. 148. Л. 1–1 об.
- [1382] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 148.
- [1383] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 330. Л. 3.
- [1384] *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 114.
- [1385] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 1; Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 148.
- [1386] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 30. Л. 2.
- [1387] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 1; см. также: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 14.
- [1388] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 341. Л. 6, 9–15.
- [1389] Там же. Д. 332. Л. 5.
- [1390] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 31. Л. 1.
- [1391] Там же. Л. 3, 4.
- [1392] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 152.
- [1393] Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Стенограф. отчет. М., 1923. С. 76.
- [1394] Известия ЦК КПСС 1990. № 9. С. 158.
- [1395] *Ненароков А.П.* Указ соч. С. 118 — 119.
- [1396] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 152–154.
- [1397] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 33. Л. 50.
- [1398] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2518. Л. 1.
- [1399] Цит. по: *Ненароков А.П.* Указ соч. С. 119.
- [1400] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 31. Л. 5–8.
- [1401] Там же. Д. 2519. Л. 1–2; Д. 2522. Л. 1–2;
- [1402] Там же. Д. 2521. Л. 1-1 об.
- [1403] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153; см. также: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 31. Л. 5.
- [1404] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 343. Л. 3.
- [1405] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 152.
- [1406] Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 412. Л. 111.
- [1407] Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М, 1968. С. 818 — 819.
- [1408] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 96. Л. 2; Ф. 325. Оп. 1. Д. 412. Л. 70.
- [1409] *Ненароков А.П.* Указ соч. С. 121.
- [1410] *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М, 1991. С. 17.
- [1411] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 155-156.
- [1412] *Яковлев Е.* Последний инцидент. Конспект драмы Владимира Ильича // Московские новости. 1989. 22 янв.
- [1413] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 35—36, 38.
- [1414] *Ненароков А. П.* Указ соч. С. 121.
- [1415] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156, 161.

- [1416] Там же. С. 157.
- [1417] Там же. С. 156.
- [1418] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ соч. С. 36.
- [1419] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 159.
- [1420] *Ненароков А.П.* Указ соч. С. 121.
- [1421] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 156.
- [1422] Там же. С. 157.
- [1423] Там же. С. 156–157.
- [1424] Там же. С. 159.
- [1425] Там же.
- [1426] Там же. С. 158.
- [1427] Там же. С. 159, 160.
- [1428] Там же. С. 161.
- [1429] РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 56. Л. 2; см. также: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 160.
- [1430] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 162.
- [1431] *Ненароков А.П.* Указ соч. С. 121.
- [1432] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 454–475, 520–568; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 169–182; № 4. С. 158–176; № 5. С. 155–176.
- [1433] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 440.
- [1434] Там же. С. 46, 62, 279, 322.
- [1435] Там же. С. 557.
- [1436] Там же. С. 133.
- [1437] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 171–172.
- [1438] Там же. С. 172; *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 257.
- [1439] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 257.
- [1440] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 162.
- [1441] XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 173; № 5. С. 165; *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 28.
- [1442] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 172.
- [1443] *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 59, 189–190, 242–247.
- [1444] Там же. С. 264–265.
- [1445] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 171.
- [1446] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 541.
- [1447] Там же. С. 561–564.
- [1448] Там же. С. 451, 540, 561–563.
- [1449] Там же. С. 529, 532–533; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 171–172.
- [1450] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 553.
- [1451] Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 158.
- [1452] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402–405.
- [1453] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 209–213.
- [1454] Там же. 1991. № 5. С. 159.
- [1455] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 155–158, 454–459, 471–475, 541; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 170–174; № 4. С. 162–164, 166–169, 174–175; № 5. С. 158, 160–171, 175.
- [1456] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 172–174; № 4. С. 163; № 5. С. 155–176.
- [1457] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков).

- Стенограф. отчет. С. 474.
- [1458] Там же. С. 540-541.
- [1459] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 448-451; Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 172.
- [1460] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 158-159.
- [1461] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 178, 179.
- [1462] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 527, 558—560.
- [1463] Там же. С. 159.
- [1464] Там же. С. 537-539.
- [1465] Там же. С. 152, 553, 560; Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 159.
- [1466] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 463-465; Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 175, 176, 177; №4. С. 158-159, 164.
- [1467] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 564.
- [1468] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 161-162, 172.
- [1469] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 459-461, 537-558.
- [1470] Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 158.
- [1471] Там же. С. 155-156.
- [1472] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 98. Л. 1.
- [1473] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 594.
- [1474] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 65.
- [1475] *Радзинский Э.С.* Сталин. М., 1997. С. 214.
- [1476] Архив Троцкого. Т. 1. С. 56.
- [1477] Там же.
- [1478] *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания» (1922—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 52—53; *Наумов В.П.* «Ленинское завещание» // Правда. 1988. 25 марта.
- [1479] Архив Троцкого. Т. 1. С. 73.
- [1480] *Буранов Ю.А.* Указ соч. С. 48-49.
- [1481] *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 38.
- [1482] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 92—95.
- [1483] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 64.
- [1484] *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 19.
- [1485] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 319-320.
- [1486] См.: *Валентинов Н.В.* Указ. соч. С. 19. Н.В. Валентинов в общем верно, но все-таки своими словами передает слова выступления Троцкого, придав разным фрагментам стенограммы вид единого куска текста.
- [1487] *Волкогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. М., 1991. Кн. 1. С. 160.
- [1488] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 133.
- [1489] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 98. Л. 2.
- [1490] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344—346.
- [1491] Там же. С. 349-353.
- [1492] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенограф. отчет. С. 192—193.
- [1493] Отпуск И.В. Сталину был предоставлен Политбюро ЦК РКП(б) в соответствии со специальным решением Пленума ЦК (от 26 апреля 1923 г.) с 3 мая сроком на один месяц

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 349. Л. 5).

[1494] *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 226.

[1495] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 205.

[1496] 3 июля 1923 г. Политбюро утвердило отпуск Зиновьеву с 10 июля на 6 недель и Бухарину с 10 июля на два месяца (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 362. Л. 5).

[1497] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 455-456.

[1498] Там же. С. 456-457.

[1499] Там же. С. 399.

[1500] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 104.

[1501] Р. Такер пишет о каких-то попытках Зиновьева сблизиться с Троцким. Троцкий их отверг (*Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1991. С. 276). Н.А. Васецкий не верит Зиновьеву и пишет: «Интрига здесь была, и направлялась она против Сталина». «План ограничить власть Сталина провалился» (*Васецкий Н.А.* Сталин и другие: борьба за лидерство в партии // *АиФ.* 1988. № 26. С. 5).

[1502] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 398—399.

[1503] Там же. С. 950.

[1504] Там же. С. 953.

[1505] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 206-207.

[1506] Там же. С. 196.

[1507] Там же. С. 196-197.

[1508] Там же. С. 193.

[1509] РГАСПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 419. Л. 1-1 об.

[1510] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 196-199.

[1511] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 950, 953.

[1512] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192-195, 198.

[1513] Там же. С. 200.

[1514] Там же. С. 201.

[1515] Там же.

[1516] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 506.

[1517] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 201-202.

[1518] Там же. С. 202.

[1519] Там же. С. 203-204.

[1520] Там же. С. 203.

[1521] Там же. С. 205.

[1522] Там же. С. 205, 206.

[1523] Там же. С. 206.

[1524] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 455—456:

[1525] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 197—198, 205, 206, 207.

[1526] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 456.

[1527] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 103. Л. 2.

[1528] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 456.

[1529] Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 166.

[1530] Там же. № 10. С. 169-170.

[1531] Там же. С. 184; см. также: Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 37.

[1532] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 177.

[1533] Там же. С. 179.

[1534] Там же. № 10. С. 171-172.

[1535] Там же. С. 172.

- [1536] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 508. Л. 58.
- [1537] Известия ЦК КПСС. 1990 № 7. С. 185.
- [1538] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 276. Л. 2–3.
- [1539] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 215.
- [1540] Там же. 1989. №11. С. 183.
- [1541] Там же. С. 184-187.
- [1542] Там же. С. 187-188.
- [1543] Там же. С. 188-190.
- [1544] Там же. С. 190.
- [1545] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 276. Л. 2–3.
- [1546] Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 190, 192.
- [1547] Там же. №2. С. 201, 202.
- [1548] Там же. 1990. № 10. С. 185.
- [1549] Там же. 1989. №2. С. 202.
- [1550] Там же. 1990. № 12. С. 173.
- [1551] *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. С. 200.
- [1552] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 202.
- [1553] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19—20.
- [1554] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 156.
- [1555] РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- [1556] Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.
- [1557] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 98. Л. 107.
- [1558] Там же. Л. 66.
- [1559] Там же. С. Л. 110.
- [1560] *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 46-51.
- [1561] РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 48. Л. 41; Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 200.
- [1562] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 268.
- [1563] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 105—107.
- [1564] *Дридзо В.* О Крупской. Письмо в редакцию // Коммунист. 1989. № 5. С. 105.
- [1565] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 594.
- [1566] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 65.
- [1567] Там же. Д. 129. Л. 3.
- [1568] Там же. Л. 1, 2.
- [1569] *Троцкий Л.* Завещание Ленина. С. 267, 268.
- [1570] Там же. С. 268.
- [1571] Последняя статья Л.Д. Троцкого // Вечерняя Москва. 1990. 1 сент.
- [1572] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 733, 759.
- [1573] *Серебрякова Г.* Они делали честь идее, которой служили // Известия. 1989. 31 янв.
- [1574] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 105—107.
- [1575] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 129. Л. 2.
- [1576] Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 57. Л. 185.
- [1577] Там же. Л. 184.
- [1578] Там же. Л. 183-184.
- [1579] Там же. Л. 185, 186.
- [1580] Комсомольская правда. 1988. 11 июня.
- [1581] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 272.
- [1582] Правда. 1963. 26 мая.; *Куманев В.А., Куликова И.С.* Указ. соч. С. 60.
- [1583] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 62, 64.
- [1584] Там же. С. 64.
- [1585] Там же. Д. 130.
- [1586] *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 175-176.

- [1587] См.: Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 96; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 130; Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 24, 27, 40, 59, 60, 93, 114; Лекович Д. Ленин и сталинизм // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 66–67; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. С. 263, 275; Шелестов Д. Григорий Зиновьев: жизнь и борьба // Неделя. 1988. № 29. С. 11.
- [1588] РГАСПИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 57. Л. 190.
- [1589] Там же. Л. 188.
- [1590] См.: Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 173—175; Буранов Ю. «Дело» Макса Истмана // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 73, 75; Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 81; Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 6, 212.
- [1591] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936. Сб. документов. М., 1996. С. 13–26.
- [1592] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246; IV вып. С. 62, 64; Оп. 3. Д. 507. Л. 1–2; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. Сб. документов. С. 13—18, 23—24.
- [1593] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246; IV вып. С. 63
- [1594] Большевик. 1925. № 16. С. 72–73.
- [1595] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 323–360.
- [1596] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. III вып. С. 22, 28.
- [1597] Об истории разногласий в ЦК и образовании «новой оппозиции» рассказывали на XIV съезде ВКП(б) Зиновьев, Сталин, Томский, Андреев (см.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 275—291, 292 и др.; см. также: Дмитренко С.Л. Ленинский принцип коллективности руководства в деятельности КПСС (1924—1927 гг.). М., 1979; Иванов В.М., Шмелев А.Н. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970. С. 385 — 399; Михайлова В.Н. Разгром партией троцкистско-зиновьевской оппозиции (1925—1927) // Историческое значение опыта борьбы КПСС против правого и «левого» оппортунизма. М., 1981. С. 216—261).
- [1598] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 64.
- [1599] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 188.
- [1600] Там же. С. 97.
- [1601] Там же. С. 283.
- [1602] Там же. С. 274–275.
- [1603] Там же. С. 334–336.
- [1604] Там же. С. 468.
- [1605] Там же. С. 289, 295–296, 298, 318, 397–398, 401, 484–485, 601, 628.
- [1606] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 209. Л. 12.
- [1607] XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 496; Куманев В.А., Куликова И.С. Указ. соч. С. 106.
- [1608] Архив Троцкого. Т. 1. С. 56.
- [1609] Большевик. 1925. № 16. С. 72–73.
- [1610] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 64.
- [1611] Там же. С. 65.
- [1612] Там же. С. 64.
- [1613] Там же.
- [1614] Там же. С. 62.
- [1615] Там же. С. 105.
- [1616] Бюллетень оппозиции. 1935. № 44. С. 10.
- [1617] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 66–67.
- [1618] Там же. С. 66, 75.
- [1619] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 116.
- [1620] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 66, 70–71.
- [1621] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2826. Л. 7.

- [1622] Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 66.
- [1623] Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 66.
- [1624] Там же. С. 64.
- [1625] Там же. С. 67.
- [1626] *Сталин И.В.* Соч. Т. 9. С. 65-66.
- [1627] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. IV вып. С. 22.
- [1628] Там же. С. 105.
- [1629] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 195-196.
- [1630] Там же. С. 194-195.
- [1631] Архив Троцкого. Т. 4. С. 150.
- [1632] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. Т. II. М., 1962. С. 1477-1478.
- [1633] См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 173-177, 193-194.
- [1634] Там же. Т. 12. С. 69-70.
- [1635] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402—404.
- [1636] Там же. С. 402.
- [1637] Там же. С. 403—405.
- [1638] Там же. С. 404—406.
- [1639] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 118, 119.
- [1640] *Волгогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. Кн. 1. С. 150.
- [1641] *Куманев В.А., Куликова И. С.* Противостояние: Крупская — Сталин. С. 20.
- [1642] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 385, 386—387:
- [1643] Там же. С. 384.
- [1644] Там же. С. 346—347, 387, 449—450.
- [1645] Там же. С. 343, 344.
- [1646] Там же. С. 347—348.
- [1647] Там же. С. 354 —355.
- [1648] Там же. С. 443.
- [1649] Там же. С. 445.
- [1650] Там же. С. 343, 347, 348, 383—387, 445.
- [1651] Там же. С. 393—394, 396, 405—406.
- [1652] Там же. С. 348, 386, 387.
- [1653] Там же. С. 343, 347—348, 354, 384—386, 391—398, 399—400, 445.
- [1654] Там же. С. 347.
- [1655] Там же. С. 354.
- [1656] Там же. С. 442—443.
- [1657] Там же. С. 384.
- [1658] Там же. С. 398.
- [1659] Там же. С. 406.
- [1660] Там же. Т. 43. С. 149.
- [1661] Там же. Т. 44. С. 502—503.
- [1662] Там же. Т. 43. С. 225—226.
- [1663] Там же. Т. 45. С. 370.
- [1664] Там же. С. 373.
- [1665] Там же. С. 371—373.
- [1666] Там же. С. 374—375.
- [1667] Там же.
- [1668] Там же. С. 375, 376.
- [1669] Там же. С. 376.
- [1670] Там же. С. 372.
- [1671] Там же. С. 309.
- [1672] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. Т. 6. М., 1987. С. 511.

- [1673] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369, 371.
- [1674] Там же. Т. 42. С. 27-28.
- [1675] Там же. Т. 44. С. 326-327.
- [1676] Там же. Т. 45. С. 110-112.
- [1677] Там же. С. 376.
- [1678] Там же. С. 401.
- [1679] Там же. С. 387-388.
- [1680] Там же. С. 401.
- [1681] Там же. С. 403, 404.
- [1682] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.
- [1683] Об этом говорилось в статье Зиновьева «О большевизации» («Правда», 13 января 1925 г.), в книге «Ленинизм» (1925) и в первоначальном варианте статьи «Философия эпохи» (1925). См.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 498—501.
- [1684] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. Т. 6. М., 1987. С. 79-80.
- [1685] Там же. С. 58-59.
- [1686] Там же. С. 71-72.
- [1687] Там же. С. 63, 67.
- [1688] Там же. С. 59-60.
- [1689] Там же. С. 76-77.
- [1690] Там же. С. 65-66, 69.
- [1691] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 379, 380, 381.
- [1692] Там же. С. 377.
- [1693] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. Т. 4. М., 1986. С. 493, 498-509.
- [1694] *Троцкий Л.* К социализму или капитализму. Изд. 2-е. М.; Л., 1925. С. 65—67; *Он же*. 1905. Через двадцать лет. М.; Л., 1926. С. 12—13.
- [1695] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 135—136.
- [1696] Там же. С. 498-500.
- [1697] Предпринимавшиеся в литературе попытки объяснить стремительную эволюцию одного из идеологов и лидеров «левых коммунистов» в идеолога правого уклона в компартии нельзя считать удачными (см.: *Горелов И.Е.* Николай Бухарин. М., 1988; *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989; *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992; *Цакунов С.В.* Развитие экономических взглядов Н.И. Бухарина после перехода к нэпу // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990).
- [1698] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. С. 135.
- [1699] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. Т. 6. С. 63.
- [1700] *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 362-375, 395, 398-401.
- [1701] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3359. Л. 6.
- [1702] Там же. Л. 15.
- [1703] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 77, 83.
- [1704] *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 111, 123-124.
- [1705] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. Т. 6. С. 63, 73, 77.
- [1706] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 61.
- [1707] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. Т. 6. С. 63.
- [1708] Ленинский сборник. Т. XL. М., 1985. С. 425; *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 171, 454.
- [1709] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 83.
- [1710] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 118, 120.